

С. П. МЕЛЬГУНОВ

ЛЕГЕНДА
О
СЕПАРАТНОМ МИРѢ

(КАНУН РЕВОЛЮЦИИ)

Q

ПАРИЖ
1957

<http://ldn-knigi.lib.ru>
Nina & Leon Dotan

„ЛЕГЕНДА О СЕПАРАТНОМ МИРѢ“

является первой частью трилогии “РЕВО-
ЛЮЦІЯ И ЦАРЬ”. Архитектонику и
внутреннюю связь трилогии автор пояснил в
предисловии (“от автора”) к третьей заключи-
тельной ея части, вышедшей в 1951 г. под
заглавіем “Судьба Императора Николая II послѣ
отреченія” в из-вѣ “La Renaissance”, Париж.
Вторая часть трилогии “В мартовскіе дни 17
года”, посвященная анализу революціонных со-
бытій, приведших к отреченію имп. Николая II,
печаталась в журналѣ “Возрожденіе” в тетрадях
с 12-ой по 31-ую вкл. (51-54 н.), затѣм в “Рус-
ской Мысли” (№№ 642, 643 и 644), но не закон-
чена печатаньем. Полностью она должна вый-
ти отдельной книгой, как вышеуказанныя двѣ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	7
Глава первая. ПРОБНЫЕ ШАРЫ НѢМЦЕВ.	
1. Русская посредница (<i>Письма Васильчиковой</i>) ..	12
2. Ходячая молва (<i>Письмо принца Гессенскаго</i>)...	14
3. Посланец датскаго короля	17
4. Вапковскіе пацифисты	19
5. Гофмаршал Эйлепбург	21
6. Васильчикова в Петербургѣ	22
Глава вторая. ВИЗАНТІЙСКАЯ МЕЧТА.	
1. Константинопольская проблема перед войной ...	29
2. Русскій “приз войны” и Союзники	33
3. Русское общественное мнѣніе	37
4. В Верховной Ставкѣ	38
Глава третья. СМѢНА ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ.	
1. “Второй император”	44
2. Ставка и правительство	47
3. “Фатальное” рѣшеніе Николая II	54
4. “Страшная минута” и Совѣтъ министров	64
5. “Провиденціальная миссія” Царя	72
Глава четвертая. ЦАРИЦА-«НѢМКА».	
I. Мечта о мирѣ	81
II. Вокруг гибели Китченера	85
III. “Я — русская”	90
Глава пятая. ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ РАСПУТИНА.	
I. “Стратегическіе” совѣты Императрицы	96
1. Откровенія “Божьяго челоѣка”	96
2. “Секретная” карта	98
3. Наступленіе Брусилова	102
	501

	Стр.
4. Румынский вопрос	109
5. В дни кризиса наступления	112
II. "Поход" на Алексѣева	116
 Глава шестая. В ПРЕДДВЕРИ НОВОЙ ОРИЕНТАЦИИ.	
I. Августовскій кризис	128
1. Правительство и Дума. <i>Думская болтовня</i>	136
2. Прогрессивный блок	140
3. Роспуск Думы	150
II. Оппозиція и "черный блок"	154
III. "Чехарда министров"	165
VI. Новый премьер	184
1. "Выжидательная тактика"	184
2. Назначение Штюрмера	187
3. Царь в Думѣ	193
4. Призраки мира	199
 Глава седьмая. ОТСТАВКА САЗОНОВА.	
I. Недовольство министром ин. дѣл	204
II. Польскій вопрос	210
 Глава восьмая. ПАРТНЕР ШТЮРМЕРА.	
I. Стокгольмское свиданіе	229
II. Назначение Протопопова	243
 Глава девятая. ПОБѢДА «ТЕМНЫХ СИЛ».	
I. Министр германофил	258
II. Германофильство крайне правых ..	264
III. Внѣшняя политика Штюрмера	266
IV. Антибританская кампанія	274
 Глава десятая. «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМѢНА».	
I. "Историческая" рѣчь Милюкова	279
1. "Глупость или измѣна"	279
2. "Факты измѣны"	286
3. Провокація правительства и продовольственная по- литика	291
4. Молчаніе Штюрмера	300

II. Мираж сепаратнаго мира	306
III. "Марксистская" концепція	314

Глава одиннадцатая. НА ПЕРЕПУТИИ.

I. "Тяжелые дни"	317
1. Отставка Штюрмера	317
2. Кандидатура Григоровича	323
3. Борьба за Протопопова	326
II. Новый премьер	329
1. Обструкция в Думѣ	329
2. Декларация Трепова	335
III. Приказ 12 декабря	339
1. "Свободная Польша"	339
2. Война до побѣды	342
3. Военное положеніе Россіи	346
4. Грядущій мир	349
5. Вариант легенды	353

Глава двѣнадцатая. В АТМОСФЕРѢ ДВОРЦОВЫХ ЗАГОВОРОВ.

I. Укоренившаяся клевета	355
II. Убийство Распутина	367

Глава тринадцатая. «МОГУЩЕСТВЕННЫЙ СИНДИКАТ».

I. "Зеленые"	379
II. Признанія Протопопова	389
III. Царская "прихожая"	393
1. "Другиня" Распутина	394
2. "Русскій Ракомболь"	395
<i>В Батюшинской комиссіи. (Дѣло Рубинштейна)</i> ..	398
<i>Процесс шантажиста</i>	403
3. "Адъютант Господа Бога" (Изобличитель "не- правды")	406
<i>Травля Сухомлиновых</i>	411
<i>"Поклонникъ Германіи"</i>	415
4. Лучшій из евреев	419
IV. Закулисные дирижеры	420
<i>Квартет Палеолога</i>	420
<i>Банкир Манус и фл.-адъют. Саблин</i>	424
<i>Банковскій центр</i>	430

I. Последнія рѣшенія	437
1. Третички мира	437
2. У шталмейстера Бурдукова	440
3. Хиромант Перрен	442
II. Реакціонная диктатура	450
1. "Записки" Говорухи-Отрока и др.	450
2. Отношенія к войнѣ	455
III. Три пути	459
1. Политика компромисса	459
2. Психологія Царя	463
3. Совѣты со стороны	465
4. Проект манифеста	471
5. Заколдованный круг	479
IV. Канун революціи	484
1. В Государственной Думѣ	484
2. Заговорщики 24 февраля	492
Заключеніе	494
Использованная литература	497

ВВЕДЕНИЕ

В Чрезвычайной Следственной Комиссии, созданной в мартъ 1917 года Временным Революционным Правительством для расслѣдованія “преступлений” дѣятелей стараго порядка, имѣлось и слѣдственное дѣлопроизводство о носителях верховной власти, сошедшей послѣ февральскаго государственнаго переворота с исторической сцены*). Непосредственно Чр. Слѣд. Комиссія никогда не рассматривала дѣла о монархѣ или его женѣ хотя бы в предѣлах собраннаго слѣдователями матеріала примѣнительно к ст. 108 Угол. Ул., которая предусматривала деликты, характеризуемые словом “измѣна”, т. е. тѣм словом, которое было перед революціей даже в отношеніи верховной власти на устах многих не только в обывательской массѣ, но и среди политических дѣятелей.

В вводных главах своей книги “На путях к дворцовому перевороту”, характеризуя общественную психологію того времени, я старался показать, как параллельно с ростом военных неудач на фронтѣ и обнаружившейся неподготовленностью Россіи к войнѣ, разсѣивалась атмосфера “общаго единенія” с лозунгом “Царь и народ” и патриотическими манифестаціями, захватившими и среду интеллигенціи. Шовинистическій угар, всегда далекій от подлиннаго и здороваго націонализма, породил своего рода психоз шпиономаніи, на почвѣ которой выросло традиціонное, но не имѣвшее конкретнаго содержанія слово “измѣна”. Этот подлый термин давно слѣдовало бы совершенно исключить из политическаго лексикона, ибо он рѣшительно препятствует объективной оцѣнкѣ подлиннаго отношенія современников к войнѣ**). В условіях русской дѣйствительности 1915-16 г.г. общественная политика, претендовавшая на безошибочное опредѣленіе національных интересов страны в соотвѣтствіи со своей догмой, легко сдѣлала “измѣну” синонимом идеи “сепаратнаго мира” и зачисляла в ряды “пораженцев” всѣх тѣх, кто имѣлъ смѣлость говорить во время войны, по выраженію дневника писательницы Гиппіус, что-либо другое, кромѣ “полной побѣды”. Отсюда былъ одинъ только шагъ для созданія легенды о подготовкѣ в Россіи правительственными кругами сепаратнаго мира съ Германіей — легенды, которая получила самое широкое распространеніе наканунѣ революціи.

*) См. главу «Муравьевская Комиссія», в моей книгѣ «Судьба им. Николая II послѣ отреченія».

***) В какія уродливыя и безобразныя формы мщенія может выливаться слишком широкое примѣненіе подобной терминологіи, мы могли видѣть на практикѣ в дни второй міровой войны в такой, казалось бы, передовой и внѣшне демократической странѣ, как Франція.

Умирающий Витте не был, конечно, одинок в рядах правившей бюрократии, когда считал войну с Германией “безумной” и говорил о необходимости ликвидировать возможно скорее “нелѣпую авантюру” — это сказал он французскому послу в Петербургѣ Палеологу еще при возвращеніи своем из Біарица ранней осенью 14 года. Витте считал, что разгром Германии неизбежно повлечет за собой превозглашеніе республиканскаго принципа в Центральной Европѣ, что означало ликвидацию монархіи в Россіи. В Германии он видѣл естественную союзницу Россіи. По его мнѣнію лишь тройственное франко-германо-русское соглашеніе может гарантировать предотвращеніе европейской катастрофы*). Витте, очевидно, не скрывал своих мнѣній — недаром французскій посол жаловался министру ин. д. Сазонову на “интриги” Витте в пользу мира и настаивал даже на исключеніи бывшаго председателя правительства из состава членов Государственнаго Совѣта**).

Нѣмецкіе мемуаристы-дипломаты в среду противников войны перед катастрофой зачисляли Коковцева и Кривошеина, также считавших, что война может закончиться гибелью “трех великих династій”. “Германофилом” в этом отношеніи был и кн. Оболенскій, обер-прокурор Синода в кабинетѣ Витте и автор манифеста о политических свободах 17-го октября 1905 г. (свидѣтельству Гурко). Набоков (дипломат) вспоминает, как член Гос. Совѣта, бар. Розен, бывшій русскій посол в Вашингтонѣ, в Лондонѣ в 16 г. с “горячей убѣжденностью” доказывал ему, что “Германию побѣдить нельзя”, что все “мечты о Константинополь — мираж” (“глупость”, по выраженію Витте), что союз Россіи с Англійей и Франціей “фатальная ошибка”, и что “Америка права, воздерживаясь от участія в бессмысленной бойнѣ, которая ни къ чему, кромѣ крушенія Европы, привести не может”. Это был человек, в котором Набоков “цѣнил и уважал живость ума, огромный опыт и убѣжденность”. Позже Розен выступил в печати и издал свои воспоминанія.

Возможно, что все подобныя оцѣнки, реалистичныя в своей основѣ, могли быть глубоко ошибочны и даже навпью непредусмотрительны. Онѣ были популярны до войны в консервативных кругах — припомним известную записку Дурново (февраль 14 г.) о противоестественности для Россіи союза с демократической Антантой. Думскій “златоуст”, депутат В. Махлаков с тѣм же искренним упорством будет говорить с кафедры Гос. Думы 3 ноября 16 г., что русскій народ никогда не простит мира позорнаго — мира в ничью. Махлаков вмѣстѣ с тѣм был убѣжден, что будущій мир сдѣлает такую Европу, что война будет невозможна (рѣчь в петербургской городской Думѣ 3 мая 16 года на чествованіи французскихъ делегатов Вивіани и Тома). Очевидно, однако, что в разсужденіяхъ хотя бы Розена не было признаковъ того

*) По словам кн. Жевахова, будущаго тов. обер-прокурора Синода, старый Витте (он с ним встрѣтился в моментъ объявленія войны при возвращеніи в Россію черезъ Италію) такъ былъ взволнованъ нараставшими событіями «бессмысленной войны», влекущей за собой революцію в Германии, а потомъ в Россіи, что «расплакался, какъ ребенокъ».

***) Очень, конечно, сомнительна информация Палеолога о том, что Витте в своей агитации доходилъ до такихъ предѣловъ, что в декабрѣ посылалъ японскаго посла съ цѣлью предупредить его объ опасности посылки японскихъ войскъ на континентъ в виду неизбежности побѣды Германии. Это Палеологъ записалъ со словъ виконта Монтоноги черезъ два года.

“измѣнническаго” элемента, который с такой убѣжденностью изыскивали во время войны обостренныя націоналистическія чувствованія. Если одинъ ход войны взвинчивал в сторону настроеній Маклакова, то других, независимо от антантофильства или германофильства, должен был толкать к пессимизму Розена.

Страна, дѣйствительно, не может идти на самоубійство во имя выполненія принятых на себя союзныхъ обязательств. Исторія послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ*) с чрезвычайной наглядностью подтвердила правильность тезиса, нѣкогда выставленнаго реальнымъ политикомъ Бисмаркомъ — рыцарская жертвенность несовмѣстима с національными интересами уже в силу того, что международная политика, даже облеченная в форму отвлеченныхъ принциповъ права и свободы, руководится до днесь в большей степени реалистическими соображеніями національнаго эгоизма. Совсе не надо быть “марксистомъ”, прошедшимъ большевицкую школу, для того, чтобы признать незыблемость подобнаго утвержденія: автократическіе режимы и режимы демократическіе мало в чемъ отличаются в этомъ отношеніи. Война 14 г., положившая начало европейской катастрофѣ, даетъ безконечное количество примѣровъ. Подневныя записки французскаго посла Палеолога и дневникъ нашего министерства ин. д. (составлен, очевидно, начальникомъ канцеляріи бар. Шиллингомъ) непосредственно вводятъ насъ в эту дипломатическую кухню, гдѣ каждадневно дѣлится шкура не убитаго еще медвѣдя, гдѣ выдаютъ “призы” за участіе в мировомъ катаклизмѣ, компенсируютъ территоріальными приобрѣтеніями возможныхъ союзниковъ в борьбѣ (какъ то было на Балканахъ) и т. д. Трудно найти болѣе яркую иллюстрацію, чѣмъ ту, которую представляетъ обращеніе бельгійскаго посланника 17-го іюля 15 г. в русское министерство ин. д. за поддержкой противъ домогательства Франціи присоединить къ себѣ в будущемъ Люксембургское герцогство, т. е. тотъ Люксембург, грубое нарушеніе нейтралитета котораго нѣмцами вызвало в началѣ войны всеобщее общественное негодованіе и сдѣлало маленькую герцогиню с ея символистическимъ протестомъ даже героиней двя**).

В плоскости этихъ грубыхъ матеріальныхъ отношеній и надлежитъ разсматривать вопросъ о сепаратномъ мирѣ — зарожденіе мысли в нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ о необходимости выхода Россіи изъ войны. Стоял ли однако передъ Россіей этотъ вопросъ в сознаніи посителей верховной власти? Если вслушаться в рѣчи оппозиціоннаго режиму до-революціонныхъ политиковъ, то можетъ показаться на первый поверхностный взглядъ, что страна, дѣйствительно, находилась на краю пропасти. Такое настроеніе символистически можно представить словами будто бы сказанными лидеромъ “октябристов” Гучковымъ в августѣ 15 г. — с большимъ волненіемъ и со слезами на глазахъ: “Россія погибла. Нѣтъ большаго надежд”. Такъ вновь записалъ Палеологъ со словъ Брянчанинова, говорившаго ему о государственномъ переворотѣ, какъ о послѣднемъ шансѣ спасенія. В такихъ же выраженіяхъ секретные агенты

*) Книга моя писалась в годы послѣдней войны.

**) Бельгійскій посланникъ сообщилъ лишь о «слухахъ», идущихъ отъ вліятельныхъ французскихъ круговъ и обезкоившихъ его правительство, такъ какъ они противорѣчили заявленіямъ президента Пуанкаре, сказавшаго «однажды» бельгійскому послу в Парижѣ, что онъ признаетъ давнишнія права Бельгіи на это герцогство, оторванное отъ нея в 1839 г.

передавали и впечатлѣнія виднаго промышленника Рябушинскаго послѣ поѣздки на фронт: “Россия на краю гибели: еще немного и будет поздно”. Много раз нам придется отмѣтить, что подобный пессимизм, вызванный обостренным чувством современников и, вѣроятно, преувеличенный в бесѣдѣ с французским послом, не соответствовал реальной обстановкѣ. Во всяком случаѣ он был совершенно чужд. имп. Николаю II вплоть до трагических для власти предреволюціонных дней: ему всегда казалось, что в Россіи все в общем благополучно: “единственное исключеніе — как выразился он в письмѣ к жещѣ 9 сент. 15 г. — составляют Петроград и Москва — двѣ крошечныя точки на картѣ нашего отечества”. При таком воспріятіи не могла в мозгу родиться даже мысль о сепаратном мирѣ — “позорном” для престижа верховной власти, которой руководит Божественное Провидѣніе. В мистической концепціи имп. Александры Федоровны, сливавшей національный интерес с династическим, честь и “прерогативы самодержца” стояли еще выше: “Это должна быть *твоя* война, *твой* мир, слава твоя и нашей страны”. — писала она 17 марта 16 г.

И тѣм не менѣе вокруг этих имен сплелась паутина сепаратнаго мира. Чрезв. Слѣд. Комиссія должна была в ней разобраться; несколько данных о ея работѣ опубликованы, можно сказать, что она не сумѣла этого сдѣлать — может быть, и не могла. За нее произвел такую работу совѣтскій историк Семенников, пользуясь в значительной степени тѣм “романовским архивом”, который фактически был в распоряженіи Чр. Слѣд. Ком. Семенников собрал почти исчерпывающій матеріал о сепаратном мирѣ в дореволюціонное время*). Ниже мы отмѣтим ту группу матеріалов (скорѣе пока еще намеки), которую исследователь оставил совершенно в сторонѣ и, очевидно, сознательно — но, конечно, далеко не со всѣми его выводами, подчас слишком прямолинейными узко догматическими, можно согласиться: точнѣе из матеріалов, собранных автором в общем добросовѣстно, слѣдуют выводы противоположныя.

По существу мнѣ нечего добавить к итогам о “сепаратном мирѣ”, подведенным в моей книгѣ “На путях к дворцовому перевороту”. По отношенію к Царю и Царицѣ дореволюціонная легенда должна быть отнесена к числу грубых и сурово несправедливых клевет, демагогически использованных в свое время в политической борьбѣ с режимом; никаких шагов к заключенію сепаратнаго мира царское правительство не дѣлало; никаких центров или организованных общественных групп, осуществлявших заранѣе установленный план заключенія мира с Германіей в дореволюціонное время не существовало, и никаких отвѣтственных переговоров за кулисами по этому поводу не велось. Естественно, что индивидуальныя мнѣнія — их можно, конечно, зарегистрировать — поскольку они не выходили за предѣлы частных разговоров в данном случаѣ нас интересоваться не могут.

Когда признанный вождь тогдашней “революціонной демократіи” Церетелли в 17 году на августовском Государственном Совѣщаніи в

*) В книгах «Политика Романовых» и «Крушеніе монархіи». В эмигрантской литературѣ матеріалы и выводы Семенникова изложил Чернов в своем трудѣ «Рожденіе революціонной Россіи», пользуясь однако позднѣйшим сокращенным изданіем первой книги Семенникова «Романовы и германское вліяніе».

Москва́ говорил: “если бы не было революци́, был бы сепаратный мир” — он безответственно повторял лишь стоустую, ходячую, дореволюционную молву. К сожалѣнiю, через много лѣт в эмиграци́, игнорируя опубликованные нынѣ материалы, повторил эту легенду на одном из своих публичных выступлений Керенский, бывший генерал-прокурор Временнаго Правительства перваго состава, подлинный творец Чр. Сл. Комисси́, занявший затѣм пост главы государства. Член того же коалиционнаго правительства, при котором разсматривалось царское дѣло и рѣшалась судьба бывших вѣнценосцев, в своей книгѣ о происхождении революционнаго Росси́ без критики подошел к материалам и выводам совѣтскаго изслѣдователя. Книга Чернова появилась в 34 году. Очевидно, не удалось еще окончательно похоронить в сознани́ современной нам общественности старый миф — так силен еще дореволюционный гипноз. Приходится поэтому полностью пересмотрѣть тѣ факты, на основѣ которых обывательскую легенду все же пытаются превратить в историческiй факт.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРОБНЫЕ ШАРЫ НѢМЦЕВ

Поставим себѣ задачу критически просмотрѣть в большем или меньшем хронологическом порядкѣ имѣющіяся в нашем распоряженіи данныя, на которых базируется легенда о подготовкѣ верховной властью сепаратнаго мира с Германіей. Обзорніе это надо начать с неофициальных предложеній, шедших из вражескаго лагеря и имѣвших цѣлью закулисными переговорами добиться выхода Россіи из международной игры. Инициатива такого планоуѣрнаго натиска исходила, если и не непосредственно от германскаго верховнаго штаба, то встрѣчала, очевидно, его полное сочувствіе.

1. — Русская посредница.

(Письма Васильчиковой).

Русское общество, питавшееся во время войны в значительной степени слухами, до прославленной рѣчи Милокова в Гос. Думѣ 1 ноября 16 г., знало только об одном фактѣ — о пріѣздѣ в Петербург в декабрѣ 15 г. из Австріи фрейлины Васильчиковой, выступившей в изображеніи тогдашних газет в роли передатчицы предложенія о сепаратном мирѣ. В дѣйствительности же этому пріѣзду предшествовали три письма Васильчиковой, обращенныя к Государю, — два из Австріи, 28 февраля и 17 марта, и третье 27 мая из Берлина. В первом Васильчикова в самых общих чертах писала, что ее посѣтили три вліятельных лица (два нѣмца и один австріец), не принадлежащія к составу дипломатическаго корпуса, но находившіяся в сношеніи с царствовавшими представителями Австріи и Германіи. Эти люди просили довести до свѣдѣнія Царя ту бесѣду, которую они имѣли с находившейся болѣе или менѣе в “плѣну”, в своем имѣніи в Земмерингѣ близкой русской царской семьѣ фрейлиной. Васильчикова обращалась к русскому царю (“сильнѣйшему властителю”), как к инициатору Гаагскаго мирнаго конгресса, с призывом своим “могучим словом” остановить пролитіе крови, пока еще воюющія стороны находятся в одинаковом военном положеніи. Она писала, что ни в Австріи, ни в Германіи нѣтъ “никакой ненависти против Россіи”, и что на ея вопрос о Дарданеллах собесѣдники отвѣтили: “стоит русскому царю пожелать, проход через проливы будет свободен”*). 17-го марта по просьбѣ тѣх

*) Письмо Васильчиковой косвенно как бы подтверждало информацію, полученную в Петербургѣ мин. ин. дѣл еще в декабрѣ. Так Сазонов тогда телеграфировал русскому послу в Парижѣ Извольскому: «Сюда также до-

же лиц Васильчикова вновь повторяет содержаніе перваго письма, не будучи увѣренной в том, что письмо дошло по назначенію. “Мы просим русскаго Государя, не побѣжденнаго, а побѣдителя (послѣ взятія Пржемышля) в качествѣ такового произнести слово мир, и ему пойдут всячески навстрѣчу — и вопрос о Дарданеллах будет рѣшен, конечно, не в пользу Англіи, а Россіи” — передавала Васильчикова слова своих собесѣдников. Перед тѣм она сообщила, что из “секретнѣйшаго источника извѣстно, что Англія намѣрена себѣ оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар”...

27-го мая, т. е. больше чѣм через два мѣсяца, Васильчикова писала уже из Берлина, что ее посѣтил министр ин. д. фон Ягов, котораго она давно знает, и который просил ее сообщить Царю, что Германія “искренне желает прекратить войну”: мир “вопрос жизни и смерти для обѣих стран”. “Оба соевѣдніе царствующіе дома должны поддерживать свои старыя монархическія и дружественныя традиціи”. Продолженіе войны считают здѣсь “опасным для династій”. Политическими заправилками войны являются франкмасоны, радикалы и *tutti quanti*, цѣль которых низвергать троны. Россія выиграет гораздо больше, если она заключит “выгодный мир” с Германіей, даже и в вопросѣ о Дарданеллах, ибо Англія, “несмотря на все свои обѣщанія”, никогда не позволит оставить Константинополь во власти Россіи. Свидѣвшись с находившимся в плѣну племянником, Милорадовичем, Васильчикова с его слов передавала, что англичане, не стѣняясь, говорят, что “как только будет мир, мы немедленно заключим союз с Германіей, чтобы напасть на Россію”. (Не даром Хомяков говорил про Англію — “коварный Альбион”). Васильчикова видѣлась с вел. герцогом Гессенским: “Лишнее говорить, — добавил автор письма. — с какой любовью он говорил про Вас и Императрицу и как искренне он желает мира и как радовался, что ф. Ягов рѣшился со мной высказаться”. “Это письмо будет доставлено в Царское Село, — заключала Васильчикова — и передано дежурному флигель-адъютанту для передачи в собственныя руки Вашего Величества. Смѣю просить приказать мнѣ дать отвѣтъ, который могу передать ф. Ягову. Я буду его здѣсь ждать, а потом, увы, должна вернуться в Klein Vortenstein, который до окончанія войны не имѣю права покинуть. Если Ваше Величество рѣшит с высоты Вашего престола произнести слово мир, Вы рѣшите судьбу народов всего міра, и если Вы пришлете довѣренное лицо, одновременно такое же лицо будет послано отсюда для первых переговоров”.

На первыя два письма Васильчикова не получила никакого отклика, — это ясно из ремарок третьяго письма. Ясно и то, что не реагировали и на третье письмо, так как пріѣзд Васильчиковой в Петербург

ходят слухи о возможной попыткѣ Австріи заключить отдѣльный мир, но пока эти слухи еще весьма неопредѣленны, и их подтвержденіе представляется гадательным. Во всяком случаѣ почин подобных переговоров должен принадлежать Австріи, и нам необходимо будет выслушать ея предложеніе прежде, чѣм установить наши условія. Иностранные дипломаты спѣшили предупредить событія, и греческій посланник в Петербургѣ в концѣ того же декабря, со слов своего сербскаго коллеги, сообщал в Афины Вензелосу, что в Ставкѣ в связи с прибытіем предсѣдателя Совѣта министров Горемыкина происходило обсужденіе вопроса о сепаратном мирѣ с Австріей, по условіям котораго Россія получала Галицію и проливы.

произошел больше, чѣм через полгода и связан был со смертью ея матери. На основаніи царской интимной переписки можно утверждать лишь одно — первое письмо, адресованное через Ал. Фед., дошло по назначенію. В письмѣ 9 марта Ал. Фед. писала мужу в Ставку: “Посылаю тебѣ письмо от Маши (из Австріи), которое ее просили тебѣ написать в пользу мира. Я, конечно, больше не отвѣчаю на ея письма”. Никаких дальнѣйших комментариев нѣтъ в письмѣ, гдѣ выражается восторг по поводу взятія Перемышля: “Я так счастлива за тебя”. “Хорошо представляю себѣ всеобщій восторг и благодарность” — шлет Царница дополнительную телеграмму, передающую и ея собственное повышенное настроеніе*). Важно отмѣтить, что имп. Николай II, вопреки существующим в литературѣ утвержденіям, из письма Васильчиковой никакого строжайшаго “секрета” не сдѣлал. Он передал письмо Сазонову, что совершенно опредѣленно подтверждается письмом кн. Кудашева (представителя мин. ин. д. в Ставкѣ) Сазонову 25 марта, которое передает разговор Кудашева с вел. кн. Ник. Ник.: “освѣдомляя Вел. Кн. о слухах, касающихся мира, Кудашев прибавил, что Сазонов не придал “слишком большого значенія” переданному ему Государем письму, так как было слишком много намеков”**). Освѣдомлен был и военный министр Сухомлинов, занесшій в дневник 24-го марта, что Вильгельм “закидывает удочки через лиц, находящихся за-границей и близких Государю”. Однако Царь “выразил твердую рѣшимость довести дѣло до конца и не поддаваться ни на какія уступки”... Освѣдомлен был и русскій посланник в Швеціи Неклюдов.

2. — Х о д я ч а я м о л в а .

(Письмо принца Гессенскаго).

Между третьим письмом Васильчиковой и ея прїѣздом в Россію прошло цѣлых шесть мѣсяцев. За это время были сдѣланы и другія попытки прощупать почву для возможнаго мира между Россіей и Франціей с Центральными Державами. Нас может интересовать лишь то реальное, что направлялось по адресу Россіи. И здѣсь, конечно, останавливает вниманіе письмо принца Гессенскаго к сестрѣ. О нем А. Ф. сообщила в Ставку мужу 17 апрѣля: “Я получила длинное, милое письмо от Эрни. Он пишет: “если кто-нибудь может понять его (тебя)

*) Настроеніе самого Царя чрезвычайно отчетливо вырисовалось в отвѣтном письмѣ: ...«Паденіе этой крѣпости имѣет огромное моральное военное значеніе. Послѣ нѣскольких унылых мѣсяцев эта новость поражает, как неожиданный луч яркаго солнечнаго свѣта как раз в первый день весны! Я начал письмо в спокойном состояніи, но теперь у меня в головѣ все перевернулось вверх дном... О, моя милая, я так глубоко счастлив этой доброй вѣстью»...

**) Равным образом не дѣлал Царь секрета из «пацифистскаго» письма, полученнаго им от кн. Гогенлоз, бывшаго в теченіе ряда лѣтъ военным аташе при австрійском посольствѣ в Россіи и занимавшаго в это время пост посла в Берлинѣ. Гогенлоз «внушал» Царю мысль послать довѣрительное личо в Швейцарію для встрѣчи с эмиссаром имп. Франца-Иосифа, так как легко найти основу для почетнаго мира... Николай II передал письмо Сазонову, который и ознакомил с его содержанием французскаго посла Палеолога.

и знает, что он переживает, то это я"... Он стремится найти выход из этой дилеммы и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встрѣтилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многія временныя затрудненія. План его основан на том, что в Германіи нѣтъ настоящей ненависти к Россіи. Эрнри послалъ уже туда к 28-му (2 дня тому назад, а я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только недѣлю. Я немедленно написала отвѣтъ (все через Дэзи*) и послала этому господину, сказавъ ему, что ты еще не возвращался, и чтобы он не ждал и что, хотя всѣ и жаждут мира, но время еще не настало. Я хотѣла кончить с этим дѣлом до твоего возвращенія, так как знала, что тебѣ это было бы неприятно. В., конечно, ничего абсолютно об этом не знает**). Все письмо очень милое и любящее. Оно меня очень обрадовало, хотя, конечно, вопрос о господинѣ, который там ждет, а тебя здѣсь нѣтъ, былъ очень сложным. Э. будет разочарован".

К сожалѣнію, письмо принца Гессенскаго нѣтъ, очевидно, в "романовском архивѣ". Можно строить всякія догадки, но единственным фактом все-таки будет утверженіе А. Ф. в письмѣ к брату: "хотя всѣ и жаждут мира, но время еще не настало". Слухи рождались, ползли — иногда в атмосферѣ шіиноманіи и мерещившейся повсюду "измѣны" — совершенно фантастическіе, вплоть до таинственнаго посѣщенія Царскаго принцем Гессенским. (Очевидно, полученіе письма не скрывалось от близкаго придворнаго круга). Французскій посол направился к вел. кн. Павлу разузнать о настроеніях. С вѣдома вел. кн. А. Ф. сообщила мужу 14 іюня: "... Недавно у него обѣдал Палеолог и имѣлъ с ним долгую интимную бесѣду, во время которой он очень хитро старался вывѣдать у Павла, не имѣешь ли ты намѣренія заключить сепаратный мир с Германіей, так как он слышал об этом здѣсь, и во Франціи распространился об этом слух... Павел отвѣчал, что он увѣрен, что это неправда, тѣм болѣе, что при началѣ войны мы рѣшили с нашими союзниками, что мир может быть подписан только вмѣстѣ, ни в коем случаѣ сепаратно. Затѣм я сказала Павлу, что до тебя дошли

*) Принцесса Маргарита. Шведская королевская семья служила нѣкоторою связью между родственниками по женским линиям, раздѣленными войной, и по вопросам о раненых и плѣнных. Вмѣстѣ с тѣмъ король Густавъ также изыскивалъ средства, могущія положить конецъ этой ужасной бойнѣ. Он писалъ Николаю 3 февраля: «Но я не представляю себѣ какимъ путемъ этого можно достигнуть, и совѣсть моя побуждаетъ меня сказать тебѣ, что в любой моментъ значительно позже, когда ты найдешь это удобнымъ, я готовъ тебѣ всецѣло служить в этомъ дѣлѣ. Если эти строки заставятъ тебя призадуматься, я буду чрезвычайно счастливъ и на всякій случай попрошу тебя написать мнѣ нѣсколько словъ о томъ, какъ ты смотришь на мое предложеніе услугъ. Я твердо вѣрю, что из увѣженія к нашей старой дружбѣ ты не истолкуешь ложно мое настоящее письмо». Судя по второму письму Густава, Царь ограничился лишь «увѣреніемъ в дружбѣ» в письмѣ, которое передано было через Неклюдова, пріѣзжавшаго в Петербургъ.

**) Комментарій тотчасъ же уличаетъ А. Ф. в ипокритствѣ: Вильгельмъ, конечно, знает. Возможно, но А. Ф. могла думать по иному. В ней много было наивности. Она негодовала, напримѣр, когда узнавала, что письма жены к мужу подвергаются перлюстраціи — интимная родственная переписка в ея представленіи могла касаться лишь адресатовъ.

такіе же слухи насчет Франціи. Он перекрестился, когда я сказала ему, что ты и не помышляешь о мирѣ и знаешь, что это вызвало бы революцію у нас — поэтому-то нѣмцы и стараются раздуть эти слухи. Он сказал, что слышал, будто нѣмцы предложили нам условія перемирія. Я предупредила его, что *в слѣдующій раз он услышит, будто я желаю заключенія мира*. Царь одобрил отвѣтъ жены: “Ты давала совершенно правильный отвѣтъ по вопросу о мирѣ. Это как раз главный пункт моего рескрипта старому Горемыкинну, который будет опубликован”. Насколько волновали А. Ф. эти сплетни о “сепаратном мирѣ” показывает тот фактъ, что через день она перенисывает слова Палеолога, сказанныя им по поводу сообщенной ему мorganатической женой вел. кн. Павла бесѣды послѣдняго с Императрицей: “Сегодня гр. Г(огенфельзен) посылает мнѣ отвѣтъ Палеолога: “Впечатлѣнія, которыя... Великій Гнзязъ вынес из своего разговора и который Вы... мнѣ сообщаете от его имени, меня глубоко трогают. Я... придаю очень высокую цѣну прямому свидѣтельству, исходящему от... Великаго Гнзязя. Мое личное убѣжденіе в нем не нуждалось. Но если я еще встрѣчу невѣрующих, то отнынѣ буду имѣть право сказать: я не только вѣрю, но и знаю”. “Все это относительно вопроса о сепаратном мирѣ”, — добавляла А. Ф.

Тѣ, кто стараяся доказать, во что бы то ни стало, планомѣрную закулисную работу А. Ф. по подготовкѣ почвы для сепаратнаго мира, пользуются каждым поводом, каждым свиданіем ея с иностранцем, каждым письмом, полученным или отправленным ею за-границу, для того, чтобы заподозрить ея искренность — они увидят в словах А. Ф. только “дѣланную наивность”, наличность какой-то макиавеллистической хитрости. Подобный историческій анализ, сводящійся к произвольным натяжкам и кривотолкам, едва ли может быть цѣлесообразен и приводит только к фантастическим построеніям. Стоит ли этим заниматься? В качествѣ иллюстраціи приведем один только примѣр, гдѣ побиты всѣ рекорды в силу исключительно небрежнаго использованія документов. Возьмем текст исторических изысканій Чернова. Рассказывая о выступленіи Васильчиковой в Петербургѣ (т. е. в декабрѣ 15 г.), изслѣдователь, пользуясь перепиской А. Ф. (письмо 25 іюня), сообщает: “Еще до этого А. Ф. воспользовалась поѣздкой через Германію одного не названнаго по имени “американца из УМСА”, чтобы поручить ему дорогой побывать у принца Макса Баденскаго и принцессы Викторіи и поговорить, как будто о совершенно невинном вопросе — соглашеніи относительно обращенія обѣих сторон с военноплѣнными. В Германіи, очевидно, придавали очень большое значеніе этой инициативѣ бывшей принцессы Гессенской по завязыванію первой непосредственной связи между членами династіи обохъ воюющихъ государств. И Царица *вскорѣ* имѣла случай переслать мужу уже и письмо — от этого американца, от “Макса” и от “Вики”. “Пожалуйста, — просит она, — не говори, откуда эти письма (только можно сказать Николашѣ (вел. кн. Н. Н.) насчетъ Макса, так как он смотрит за нашими плѣнными), они послали письма къ Анѣ (Вырубовой) через шведов, а не через фрейлину (т. е. ту же Васильчикову), потому что об этом никто не долженъ знать, даже их миссія. Я не знаю, почему они так боятся. Я открыто телеграфировала Вигѣ, что я благодарю за ея письмо и прошу ее благодарить Макса от моего имени за все, что

он дѣлает для наших плѣнных”. Автор весьма своеобразно препари-
ровал письмо А. Ф. 25-го июня утром А. Ф. сообщала мужу, что она
примет одного из членов своего комитета помощи военнопленным в
Германин, “одного американца” (“из Союза Христіанской Молодежи,
как наш Макс”), только что вернувшагося из Сибири и обозрѣвавшаго
там положеніе нѣмецких плѣнных. В *той же день* она вновь шипет
Н. А.: “Я видѣла американца из Союза Христіанской Молодежи и бы-
ла глубоко заинтересована тѣм, что он мнѣ рассказывал про наших
плѣнных там и их здѣсь. Посылаю тебѣ его письмо, которое он соби-
рается напечатать и распространить в Германіи (и фотографіи, на
которых изображены наши военнопленные бараки). Он намѣрен до-
кладывать только о хорошем с обѣих сторон и не говорить о дурном и
надѣется таким образом заставить обѣ стороны работать одинаково
гуманно”. По Чернову за тѣ часы, которые протекли между двумя пись-
мами, отправленными в один и тот же день, таинственный американец
успѣл побывать в Германіи, прислать А. Ф. письмо и одновременно
письма от Макса и Вики! Вся эта фантастика вытекла из того, что в
той же вечернем письмѣ от 25 июня А. Ф. сообщала: “Сегодня вече-
ром я получила письмо от Вики, которое посылаю тебѣ вмѣстѣ с
письмом Макса... Я дала знать тому американцу, который уѣзжает
завтра в Германію, что я желаю, чтобы он повидал Макса, передал
ему эти бумаги и рассказал бы ему обо всем, чтобы измѣнить их лож-
ное мнѣніе относительно нашего обращенія с военнопленными”. Дѣло,
дѣйствительно, касалось обращенія с военнопленными, так как в Гер-
манію дошло какое-то объявленіе, что в отвѣтъ на нѣмецкія жестокости
будут разстрѣливать 10 человек из захваченных на мѣстѣ преступле-
нія, “гдѣ открывается, что мучили человека”. А. Ф. обращала вниманіе
на то, что в “бумагах”, присланной от Вики, “все переврано” — там
говорилось о разстрѣлѣ первых десяти нѣмецких плѣнных — “твоя
мысль была совсѣм не та”.

Но самую удивительную операцію с письмом Чернов произвел
при изложеніи пути его пересылки: “Они послали письмо Анѣ через
шведов (автор дѣлает примѣчаніе — Густав V), а не через фрейли-
ну, (т. е. ту же Васильчикову)”. Каждому должна бросаться в глаза
несуразица: как могли “американец”, “Макс и Вики” 25 июня пере-
сылать письма через Васильчикову? На дѣлѣ в письмѣ значително, что
родственные письма были направлены “Анѣ через одного шведа —
нарочно ей, а не фрейлину — никто не должен об этом знать”. Совер-
шенно очевидно, что под фрейлиной, входящей в Петербургѣ, не
может подразумѣваться берлинская Васильчикова...

3. — Посланец датскаго короля.

Продолжим обзорніе тѣх перспектив сепаратнаго мира, кото-
рыя раскрывали перед русской властью эмиссары, прибывшіе из-
за кордона. 9 июля, по ходатайству датскаго посланника Нико-
лай II принял датчанин Андерсен, который был, — отмѣчает “днев-
ник” минист. ин. д., — “давно извѣстен Государю, будучи в близких
отношеніях ко всему датскому королевскому дому”. Андерсен посѣтил
и вдовствующую Императрицу, которая записала в свой дневник
9 июля: был “мой милый Андерсен. Он находит, что надо заключить

мир". Андерсен был "лично знаком" и имп. Вильгельму и в прежнее время считался сторонником Германии*). В изложении "дневника" мюн. ин. д., со слов Сазонова, которому Царь разказал содержание своей бесѣды с Андерсеном, послѣдняя носила скорѣе информационный характер. Андерсен, привезшій письмо от датскаго короля с просьбой выслушать устный доклад подателя письма, разказал, что он недавно посѣтил Германию, был принят Вильгельмом и видѣлся неоднократно с Бетман-Гольвегом и фон Яговым. По настроенію своему нѣмцы, характеризовал Андерсен, дѣлятся на два разряда: одни слѣдуют примѣру Императора, находящагося под сильным вліяніем адм. Тирпица, опьянены военными успѣхами послѣдних мѣсяцев и полны надежд на "неограниченное торжество" Германии; другіе, к которым принадлежит канцлер и мюн. ин. д., опасаются, что Германия не выдержит крайняго напряженія и поэтому стоят за скорѣйшее заключеніе мира, причем одни (большинство) мечтают о заключеніи отдѣльнаго мира с Россіей, другіе находят болѣе выгодным сойтись с Великобританіей.

Доклад Андерсена не ограничился устной информацией, он передал Царю письменное "резюме" бесѣд, которыя он имѣл с Вильгельмом и рейхсканцлером — резюме, которое не оставляет сомнѣнія в том, что Андерсен являлся не столько информатором, сколько посредником, ставившим задачей своей предложить обѣим сторонам "услуги" Христіана X "для дѣла общаго мира". "Продолжая мои прежнія усилія и согласно желанію Е. В. (датскаго короля), я прибыл в Берлин 16 марта (н. ст.)" — начинает свою записку Андерсен: — "Передав Императору привѣтствіе датскаго короля, я коротко изложил чувства, которыя побудили Е. В. предложить свои услуги в интересах мира... Е. В., находясь в дружеских отношеніях с императором, является близким родственником русскаго императора и англійскаго короля. Этот факт... достаточно оправдывает его выступленіе с предложеніем посредничества... Император сказал... (что) он охотно выслушает всякое предложеніе, которое они (враги) пожелали бы представить ему через датскаго короля. Он прекрасно знает, что король не может быть заинтересованным в сепаратном мирѣ... что лучшая дорога к миру пролегает через доброе сердце Царя... впрочем, он не имѣет возраженій против того, чтобы начала Англія... Но грядущій мир должен быть миром длительным, заключенным на базисѣ, достойном германскаго народа и присесенных им жертв"...

Надо думать, что берлинская и петербургская бесѣды носили характер предварительнаго зондированія и только. Никакого вопроса о сепаратном мирѣ Россіи с Центральными Державами не ставилось, как утверждает австрійскій министр Буріан, будто бы хорошо осведомленный о миссіи Андерсена. К числу произвольных утверждений этого мемуариста слѣдует отнести его сообщеніе, что Андерсен дважды посѣтил Петербург и что, если в первый раз (непосредственно послѣ бесѣды с Вильгельмом) Царь отверг всякую мысль о сепаратном мирѣ, то во второй раз (в июль) Андерсен, хотя его миссія осталась безрезультатной по-прежнему, замѣтил "меньшую враждебность" в отно-

*) Семеновъ указывает, что Андерсен был директором «Вост. Аг. Пароходства», тѣсным образом связаннаго с цѣмским капиталом.

шении Германіи. Соменникову представляется “вѣроятным”, что датскій король принялъ на себя посредничество, “если не по просьбѣ, то хотя бы с согласія Романовых”. Изъ какихъ данныхъ вытекаетъ это “вѣроятно”?

4. — Банковскіе пацифисты.

Гораздо болѣе опредѣленный характеръ, нежели миссія нейтральнаго третичка, носило почти одновременно съ ней выступленіе въ порядкѣ частномъ, но не секретномъ, въ Стокгольмѣ б. директора *Deutsche Bank* Монквица. “Въ разговорѣ съ однимъ русскимъ, коему, очевидно, поручено было мнѣ это передать — телеграфировалъ Неклюдовъ Сазонову 7 іюля — директоръ упомянутаго банка высказалъ горячее желаніе берлинскихъ правительственныхъ круговъ добиваться отдѣльнаго мира съ Россіей. Во всей Германіи чувствуется-де безцѣльная борьба съ восточной соседкой, противъ которой якобы не питаютъ никакой злобы; Германія готова была бы предложить Россіи для замиренія то, что издавна составляло историческую нашу цѣль, а именно Константинополь и проливы, вознаградивъ Турцію Египтомъ”. (“То же лицо*”) — телеграфировалъ Неклюдовъ черезъ педѣлю, — вызванное Монквицемъ въ Мальмѣ, передало мнѣ слѣдующій разговоръ, имѣвшій характеръ прямого предложенія”. Упомянувъ о двухъ партіяхъ, которыя имѣются въ Германіи (см. информацию Андерсена) и о томъ, что Англія дѣлаетъ Германіи мирныя предложенія, и что Англія и Франція проливы Россіи не дадутъ, Монквицъ говорилъ, что партія, къ которой онъ принадлежитъ, и которая сочувствуетъ Россіи, готова сдѣлать такъ, чтобы проливы стали “русско-германско-турецкой территоріей при совершенномъ срытіи укрѣпленій”. Дальше рѣчь шла объ исправленіи галиційской границы, предоставленіи Россіи займа отъ 5-10 мил. мар. Посредникъ указывалъ, что переговоры надо начать черезъ частныхъ лицъ, “не компрометируя официальной дипломатіи обѣихъ странъ”, немедленно, такъ какъ послѣ наступленія и взятія Варшавы трудно будетъ объяснить германскому обществу необходимость столь серьезной уступки Россіи. Монквицъ намѣчалъ и уполномоченныхъ для переговоровъ — гамбургскаго банкира Варбурга, шведскаго финансиста Бевдельсона и съ русской стороны “выдающагося финансиста”, имени котораго въ документѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ...

Русскій посолъ по первому впечатлѣнію на предложеніе директора *Deutsche Bank* посмотрѣлъ, какъ на очередную попытку внести лиль рознь среди союзниковъ. Онъ стѣтилъ, что “едва ли изъ плановъ Монквица что-либо выйдегъ” и выразилъ Сазонову увѣренность, что “все вышеназванное уже передано англичанамъ, какъ якобы *русскія* предложенія

* Черновъ спѣшитъ подставить: «какъ будто бы» Манусъ? — только потому, что легенда (объ этомъ ниже) связала имя этого сомнительнаго петербургскаго финансиста съ тогдашнимъ будто бы разговоромъ о сепаратномъ мирѣ. Если бы авторъ обратился къ подлиннику, то увидѣлъ бы, что это во всякомъ случаѣ не могъ быть Манусъ: «Русскій собесѣдникъ Монквица — коммерсантъ, состоятельный, русско-польскій полуеврей.» (пропускъ въ подлинникѣ) (с) коммерческими связями и знакомствами въ Берлинѣ. Здѣсь онъ ведетъ себя безупречно, много и толково помогаетъ нашей транзитной и экспортной торговлѣ». Въ дальнѣйшемъ изъ другаго Неклюдовскаго же сообщенія будетъ ясно, кого онъ имѣлъ въ виду.

сепаратнаго мира". "Позволю себѣ выразить мнѣніе — телеграфировалъ посол — что подобныя маневры нѣмцев должны бы быть немедленно сообщаемы союзниками друг другу". Однако в письмѣ, послѣдовавшемъ черезъ три дня, Неклюдовъ считалъ уже, что "предложенія эти носятъ довольно серьезный характеръ, ибо такое лицо, какъ директоръ Deutsche Bank Монквицъ не сталъ бы дѣйствовать по собственному почину".

Такую оцѣнку подтвердило то, что 7 августа министра ин. д. в Петербургѣ посѣтилъ шведскій банкиръ Кюльбергъ с "весьма горячимъ рекомендательнымъ письмомъ" Неклюдова. Кюльбергъ, покончивъ съ финансовой стороной русско-шведскихъ отношеній, перешелъ къ распространявшимся слухамъ о возможности мирныхъ переговоровъ между Россіей и Германіей. "Г-нъ Кюльбергъ спросилъ бар. Шиллинга — говоритъ въ подневной записи мин. ин. д. — знаетъ ли онъ о томъ, что черезъ банковскихъ дѣятелей А. В. Неклюдову были сдѣланы в этомъ отношеніи нѣкоторыя предложенія, и не думаетъ ли онъ, что самымъ подходящимъ способомъ наладить подобныя переговоры было бы обсужденіе возможныхъ мирныхъ условій банковскими дѣятелями съ обѣихъ сторонъ, съѣхавшимися въ нейтральной странѣ. Бар. Шиллингъ отвѣтилъ, что ни о какомъ отдѣльномъ мирѣ между Россіей и Германіей рѣчи быть не можетъ, и что, когда в Германіи сочтутъ время наступившимъ для мирныхъ переговоровъ, необходимо будетъ обратиться съ такими ко вѣмъ союзникамъ сразу. Кромѣ того, бар. Шиллингъ сказалъ, что вопросъ не в томъ, кто долженъ сыграть роль посредника при переговорахъ — будь то банковскій дѣятель, или дипломатъ, или любое частное лицо — важно лишь одно, чтобы такой посредникъ обладалъ надлежащими полномочіями со стороны германскаго правительства и обратился также къ правительственному представителю союзниковъ. Иначе будутъ лишь пустыя разговоры между безответственными людьми, а не серьезные переговоры... Г-нъ Кюльбергъ, спросилъ, думаетъ ли бар. Шиллингъ, что при соблюденіи указанныхъ условій переговоры черезъ банковскихъ дѣятелей могли бы имѣть вѣроятіе на успѣхъ. Бар. Ш. отвѣтилъ, что не знаетъ, насколько Германія была бы в настоящую минуту склонна согласиться на тѣ условія, которыя, по мнѣнію союзниковъ, должны лечь в основу всякаго соглашенія и безъ удовлетворенія которыхъ союзники едва ли согласятся заключить миръ. Во всякомъ случаѣ починъ такихъ серьезныхъ предложеній долженъ былъ бы исходить изъ Германіи. Г-нъ К. сказалъ, что черезъ два дня возвращается в Швецію, но предполагаетъ быть снова в Петроградѣ недѣлю черезъ двѣ и просилъ разрѣшенія вновь посѣтить бар. Шиллинга".

Невозможно предположить, что Сазоновъ отрицательно относившійся къ мысли о сепаратномъ мирѣ, не доложилъ Царю телеграммы Неклюдова, тѣмъ болѣе, что предложеніе директора Deutsche Bankъ было сообщено в Ставку, и тамошній представитель мин. ин. д. Будаевъ писалъ своему шефу, что начальникъ штаба Янушкевичъ отнесся очень отрицательно къ этимъ разговорамъ*).

*) Янушкевичъ военное положеніе обоихъ противниковъ тогда в письмѣ къ военному министру Поливанову оцѣнивалъ словами: «Если мы на волоскѣ, то и нѣмцы едва дышатъ». В это же время в засѣданіи Совѣта Министровъ 17 августа Русскій приблизительно такъ опредѣлялъ положеніе: Россія не сможетъ собственными силами раздавить нѣмцевъ, но долго сможетъ сопротивляться.

Слухи о посредничествѣ Монквица распространились широко при содѣйствіи самихъ “нѣмецкихъ агентовъ”, говорившихъ, что Россія послѣ боя в районѣ Вислы заключитъ сепаратный миръ, по которому она получитъ проливы, а Германія Польшу (эту пропаганду Неклюдовъ отмѣтилъ еще в телеграммѣ 10 іюля). О миссіи Монквица сообщалъ в Афины 20 іюля и греческій повѣренный в Петербургѣ, добавляя, что “никакихъ послѣдствій это предложеніе не имѣло”. Откликъ можно найти и в рѣчи члена Думы кн. Мансырева 4 августа, утверждавшаго, что во “вліятельныхъ петроградскихъ салонахъ” пропагандируется идея сепаратнаго мира, по которому Прибалтійскій край долженъ отойти къ Германіи, причемъ Россія будетъ компенсирована Галиціей. Сазоновъ счелъ нужнымъ парализовать ходившіе слухи и заявить представителямъ печати 9 августа, что “попытки нашихъ враговъ возбудить переговоры о сепаратномъ мирѣ встрѣчены во Франціи и у насъ совершенно отрицательно”.

Если попытки Монквица не имѣли никакихъ послѣдствій, то это явилось результатомъ твердости не только русскаго министра ин. д., но и самого Царя, с большой опредѣленностью высказавшагося в письмѣ къ женѣ 9 сентября: “Здѣсь (т. е. в Ставкѣ) я могу судить правильно об истинномъ настроеніи разныхъ классовъ народа: все должно быть сдѣлано, чтобы довести войну до побѣднаго конца, и никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ не высказывается. Это мнѣ офиціально говорили всѣ депутаты, которыя я принималъ на-двухъ, и такъ это повсюду в Россіи”.

5. — Го ф мар ш ал Э й л ен б у р г.

До пріѣзда Васильчиковой в Петербургъ можно отмѣтить еще одно мирное предложеніе, шедшее из Германіи и довольно отчетливо характеризующее отношеніе Царя къ вопросу о преждевременномъ мирѣ. Оно должно быть отмѣчено уже потому, что о немъ говорилось в Чрезв. Слѣд. Комиссіи, когда давалъ свои показанія Милоковъ.

Касаясь попытокъ “повліять на Царя”, находившихъ “почву в окрѣжающихъ”, Милоковъ упомянулъ о письменномъ обращеніи со стороны “какого-то графа, придворнаго Двора имп. Вильгельма”, в которомъ “в очень осторожныхъ выраженіяхъ” намекалось на “возможность возстановить дружескія отношенія, если Царь захочетъ”... “В отвѣтъ на это письмо было категорическое заявленіе, что никакого отвѣта не будетъ, хотя проектъ отвѣта былъ заготовленъ, осторожный, дипломатическій проектъ, но отвѣтъ былъ отвергнутъ только потому, что Царь сказалъ, что отвѣчать не желаетъ”. Здѣсь обнаружилась вся безпомощность Комиссіи. Свидѣтель не помнилъ ни времени полученія письма, ни имени отправителя. На вопросъ члена Комиссіи Смитгена: “Какимъ образомъ найти нить и пути, чтобы установить содержаніе письма”, Милоковъ отвѣтилъ: “Это письмо есть в мнѣ. ин. д. со всѣми подлинниками, с проектомъ отвѣта и резолюціей”.

Письмо это было отправлено обер-гофмаршаломъ берлинскаго Двора гр. Эйленбургомъ русскому министру Двора гр. Фредериксу, с которымъ Эйленбургъ былъ связанъ 30-лѣтними дружескими отношеніями. Комментаторы поспѣшили поставить письмо в непосредственную связь с командировкой Васильчиковой — оно “подготавливало почву для пріе-

ма". Письмо Эйленбурга, по рассказу Палеолога, было доставлено в Петербург неизвестным эмиссаром и переслано обычной почтой адресату (очевидно, в концѣ ноября или в первых числах декабря). Странный способ доставки важнаго письма при возможности иными путями свести к "пѣмцкой партіи" при Дворѣ. Письмо было передано Фредериксом Царю, причем министр Двора разъяснил, что Эйленбург не мог сдѣлать подобнаго шага без особаго порученія Вильгельма*). Николай II поручил министру ин. д. составить проект отвѣта. На другой день, когда Сазонов доложил этот проект (в нем говорилось: если Эйл. искренно сочувствует миру, то он должен убѣдить Вильгельма обратиться со своим предложеніем ко всѣм четырем союзникам, без чего не может быть никаких переговоров), Царь в концѣ концов призналъ, что письмо должно остаться без отвѣта, так как всякій отвѣтъ, как бы безнадежен он ни был, мог быть истолкован, как согласіе на перемирие.

6. — Васильчикова в Петербургѣ.

Наконец, 4 декабря в Петербургѣ появилась сама Васильчикова. Семенникову представляется наиболее достоверной та версія, которую дал б. мин. ин. д. Хвостов о дѣятельности Васильчиковой, и он скептически относится к записи Палеолога, сдѣланной со слов Сазонова. Мое впечатлѣніе иное. Хвостову свойственно было какое-то особое гаярство, приводившее к тому, что он не только склонен был приписывать себѣ не существовавшую инициативу, но и с легкостью просто измышлять факты. Сам Хвостов в официальной бесѣдѣ с председателем петербургскаго Общества редакторов органов періодической печати — Гессеном, охарактеризовал себя "человѣком без задерживающих центров", а его соратник и друг, сдѣлавшійся врагом. — Белецкій в Чр. Сл. Комиссіи "темперамент" Хвостова опредѣлилъ так: зайчики прыгали в мозгу этого "дегенерата"... Между тѣм запись французскаго посла при всѣх своих "неточностях" очень близко подходит к тому, что занесено в официальном "дневникѣ" мин. ин. д. (опубликован послѣ выхода книги Семенникова). Послѣдняя запись, непосредственно регистрировавшая факты, заслуживает, естественно, наибольшаго довѣрія. Она устраняет нѣкоторые кривотолки...

Но прежде нѣсколько слов о самом прїездѣ вѣстницы из вражеской страны. 1 декабря посол в Стокгольмѣ прислал "весьма довѣрительно" телеграмму "лично" Сазонову: "Здѣсь пробѣжала... из Австріи и Германіи извѣстная вам Мама Васильчикова. По старинному знакомству она провела в нашем домѣ нѣсколько часов. Старалась убѣдить нас, что нашим плѣнным в Германіи живется отлично, и что они только и мечтают о скорѣйшем мирѣ, что между русскими и сербскими плѣнниками в Австріи существует вражда, что ей пришлось быть невольной свидѣтельницей разговора двух англичан, которые будто бы говорили, что главный враг Англии — это Россія и тому подобныя вы-

*) Такая увѣренность и привела, вѣроятно, к тому, что Керенскій в показаніях слѣдователю Соколову говорил, что в бумагах (?) Николая II было обнаружено письмо Вильгельма, на которое не послѣдовало отвѣта — «категорически установленный факт», извѣстный и Слѣдственной Комиссіи.

ученныя нелѣпицы. В виду такого настроенія фрейлины В., а также и дошедших до меня ранѣе свѣдѣній о каких-то безтактных письмах, послывавшихся ею из Германіи высоким особам, я ей *никакой рекомендаціи* к пограничным властям не далъ. Показательно, что Царь на этой телеграммѣ сдѣлал надпись: “правильно”.

В первом изданіи своей работы Семенников с ѣвкоторой осторожностью дѣлал предположеніе, что Васильчикова прѣѣхала как бы с санкціи Ал. Фед., дѣйствовавшей в “полном контактѣ” со своим братом, вел. герц. Гессенским: “выполнѣ... вѣроятно”, что принц “успѣл заручиться согласіем своей сестры на благосклонный пріем Васильчиковой”. Поводом для такого предположенія служила “загадочная исторія с пропуском ея в Россію”. 2 декабря при переѣздѣ границы Васильчикова подверглась допросу в штабѣ VI арміи на сѣверном фронтѣ и показала, что, получивши из Россіи извѣстіе о смерти матери, она “добилась при содѣйствіи вел. герц. Гессенскаго и за его поручительством разрѣшенія выѣхать в Россію сроком на три недѣли с тѣм, что в случаѣ, если она не вернется, то ея имѣніе будет конфисковано”. Сообщая, что В. предполагает выѣхать назад “через 15-12 дней”, нач. шт. ген. Бонч-Бруевич 6 декабря запрашивал Алексева: “надлежит ли допустить Васильчикову выѣхать за-границу и в утвердительном случаѣ, можно ли подвергнуть при выѣздѣ самому тщательному опросу и досмотру”. Алексѣев положил резолюцію: “Пропустить можно. Опрос учинить можно, а досмотр только при сомнѣніи. Нѣтъ надобности пансить лишнее увидѣніе, если в этом не будет надобности”. Слѣдовательно — заключает комментатор — или о проѣздѣ В. в Ставкѣ было извѣстно раньше, или Алексѣев снесся по прямому проводу с Царским Селом о пропускѣ В. и получил авторитетное указаніе свыше — “выполнѣ возможно” от А. Ф., так как Император был в это время на югѣ. Комментаторы не обратили вниманія на то, что в запросѣ Бонч-Бруевича рѣчь шла лишь об обратном проѣздѣ Васильчиковой. Пропуск ея не вызывал сомнѣній в силу уже самой личности “Мани Васильчиковой”, близкой по прошлому не только Царской семьѣ, но и верхам петербургскаго общества*). Очевидно, никаких специальных распоряженій о Васильчиковой не было дано.

Во втором изданіи своей книги Семенников уже болѣе опредѣленно говорит о “директивах свыше”, опираясь на рассказ Родзянко, появившійся в XVII т. “Архива Рус. Революціи”. Ниже мы увидим, что рассказ Родзянко в деталях неправдоподобен, ибо в его памяти перепутались факты и слухи, которых всегда было слишком много, и что этот рассказ не всегда соответствует тому, что сам Родзянко говорил — но-современному, по крайней мѣрѣ, газетному отчету — в двадцатых числах декабря 15 г., разоблачая миссію Васильчиковой в бюджетной комисіи Гос. Думы.

В воспоминаніях Родзянко сообщал, что Васильчикова и ему написала “еще в началѣ сентября” из Австріи “очень странное письмо”, в котором старалась убѣдить предсѣдателя Гос. Думы “способствовать миру между воюющими странами”. “На конвертѣ не было ни мар-

*) Дочь директора Эрмитажа, гофм. Васильчикова, и жены его, рожденной гр. Олсуфьевой, М. А. Васильчикова состояла фрейлиной при Дворѣ с 1880 г.

ки, ни почтового штемпеля. Принес его какой-то неизвестный господин. Оказалось, что такія же письма были отправлены Государю, вел. кн. Маріи Павловнѣ, вел. кн. Елиз. Фед., А. Д. Самарину, кн. А. М. Голицыну и министру Сазонову — всего в семи экземплярах". Родзянко переслал письмо Сазонову, и тот посоветовал бросить письмо в корзину, замѣтив, что, "он тот же совѣт дал Государю". "Ко всеобщему изумленію — продолжает Родзянко — М. А. Васильчикова появилась в Петроградѣ. Ее встрѣчал специальный посланный в Торнео на границѣ... в "Асторіи" для нея была приготовлена комната. Это рассказывает Сазонов, прибавившій, что, по его мнѣнію, распоряженіе было сдѣлано из Царскаго*)... Всѣ знакомые Васильчиковой отворачивались от нея, не желая ее принимать, зато в Царское она ѣздила, была принята, что тщательно скрывалось. Когда вопрос о сепаратном мирѣ в связи с ходившими слухами был поднят в бюджетной комиссіи, мин. ин. д. Хвостов заявил, что, дѣйствительно, кѣм-то эти слухи распространяются, что подобный вопрос не поднимался в правительственных кругах, и что, если бы это случилось, он ни на минуту не остался бы у власти. Послѣ этого я считал нужным огласить в засѣданіи письмо Васильчиковой и сообщил, что она находится в Петроградѣ**). Хвостов, сильно смущенный, должен был сознаться, что она, дѣйствительно, жила в Петроградѣ, но уже выслана. Послѣ засѣданія частным образом Хв. рассказывал, что на слѣдующій день послѣ своего появленія Васильчикова ѣздила в Царское Село (къ кому он не упомянул), и что он лично дѣлал у нея в "Асторіи" обыск и в числѣ отобранных бумаг нашел письмо къ ней Франца-Иосифа и свидѣнія, говоряція, что она была в Потсдамѣ у Вильгельма, получила наставленія от Бетман-Гольвега, как дѣйствовать в Петроградѣ, а перед тѣм гостила цѣлый мѣсяц у принца Гессенскаго и привезла от него письма обѣим сестрам — Императрицѣ и вел. кн. Елиз. Фед."

По словам Родзянко в бюджетной комиссіи, Васильчикова тщетно пыталась добиться приѣма у официальных членов правительства. Как явствует из "дневника" мин. ин. д., это было не совсем так: Сазонов Васильчикову принял. Официальная записка передает: "По приѣздѣ в Петроград М. А. Васильчикова посѣтила жену директора 1-го департамента В. Л. фон-дер-Флит и, разразившись слезами по случаю отношенія къ ней русскаго общества, не исключая ея ближайших родственников, увѣряла ее, что всѣ ея попытки побудить русское правительство пойти на примиреніе с Германіей и Австріей были подсказаны ей исключительно горячей любовью къ ея отечеству — Россіи... Она просила ее устроить ей свиданіе с министром ин. д., къ которому она не рѣшалась обратиться непосредственно из опасенія, как бы С. Д. Сазонов, несмотря на давнишнее с ней знакомство, не отказал ей в приѣмѣ при нынѣшних обстоятельствах. При этом она не скрыла, что... имѣет порученіе говорить и о политических предметах. Хотя и неохот-

*) В силу связей и положенія в свѣтѣ В. для занятія комнаты в гостиницѣ «Асторія», едва ли требовалось специфическое высочайшее вмѣшательство. Кающійся в Чр. Сл. Ком. Белецкій не применит упомянуть, что «Асторія» была центром прѣзжающих из за-границы «шпіонов».

**) Это, очевидно, не было ни для кого секретом. Сам Родзянко пишет: «Всѣ знакомые В. отворачивались от нея». См. дальше записку в «дневникѣ» мин. ин. д.

но, министр ин. д. согласился принять М. А. Васильчикову в субботу 5 декабря в 3 часа дня. Приѣхав к нему, М. А. пристрастно изложила ему то, что она писала раньше и то, что она говорила почти всѣм. кого видѣла здѣсь... М. А. особенно напирала на то, что наш главный и общій враг — Англія и вообще, смотря на все через нѣмецкія очки, твердила явно подсказанные ей нѣмцами доводы в пользу нѣмецкой точки зрѣнія на нынѣшнее положеніе... Горько сѣтуя на то, что ее здѣсь не понимают и обвиняют в государственной измѣнѣ и даже шпионствѣ, она просила С. Д. Сазонова обо всем ею сказанном доложить Государю и вручила ему записку, составленную ею на основаніи разговора с вел. герц. Гессенским... от которого она привезла два собственноручных письма для Государя Императора и для Императрицы Ал. Фед. Первое из этих писем было не запечатано, и по порученію великаго герцога М. А. прочла его министру*). В нем заключалась просьба к Е. В. выслушать М. А. В. и отнестись благосклонно к тому, что она передаст от имени Его Высочества. Порученіе же послѣдняго заключалось все в том же, а именно убѣдить Государя заключить мир с Германіей. Министр выразил М. А. удивленіе, что она, зная хорошо здѣшнюю обстановку, могла хоть бы минуту подумать, что здѣсь будут достаточно наивны, чтобы отнестись серьезно к столь неубѣдительным доводам. В Россіи знают, что Германія не даром хотѣла бы заключить мир, но в Россіи знают также, что прочный мир возможен лишь на таких условіях, которыя в настоящую минуту Германія едва ли примет, а потому здѣсь твердо намѣрены довести борьбу до конца”.

По разсказу Палеолога в тот же вечер Сазонов доложил Императору; послѣдній был в негодованіи от миссіи Васильчиковой и заявил Сазонову, что В. не будет выпущена из Россіи. В изображеніи Хвостова, в показаніях Чр. Слѣд. Комиссіи, инициатива исходила от мин. ин. д. “Когда я узнал, что В. приѣхала, я сейчас же поѣхал в Царское, сразу доложил, что необходимо арестовать В. и он (т. е. Царь) дал мнѣ право с ней поступить, как мнѣ заблагоразсудится... Я сам поѣхал в “Асторию”, взял Васильчикову и сам лично произвел обыск, т. е. при мнѣ обыскали?”. (“Я не довѣрял Белецкому — пояснил Хвостов — потому что я видѣл, что он все время охраняет эти кружки”). “Ничего серьезнаго” отобранныя письма, с коих были сняты копіи в министерствѣ, не представляли... Не стоит разъяснять противорѣчія, имѣвшіяся в показаніях Хвостова. Надлежит лишь отмѣтить, что и по его словам отношеніе Николая II к миссіи Васильчиковой было рѣшительно отрицательным.

Самое интересное для нас выяснить: была ли Васильчикова дѣйствительно принята в Царском в тот небольшой промежуток времени, в теченіе котораго она находилась в Петербургѣ. Сопоставленіе записи мин. ин. д. с процитированным показаніем Хвостова опредѣленно

*) По записи Палеолога и второе письмо не было запечатано и Сазонов мог его прочесть. Очевидно и прочел — по крайней мѣрѣ Палеолог со слов Сазонова приводит фразу из этого письма брата, высказывавшаго надежду, что Императрица, сдѣлавшись русской, вѣроятно, не выбросила из своего сердца и старую родину.

указывает как будто на невозможность такого посѣщенія*). Но на основаніи показанія того же Хвостова Семенников дѣлает вывод противоположный. Хвостов, между прочимъ, показал: “нѣсколько разъ пробовалъ я говорить съ Васильчиковой о Распутинѣ: она тоже была в ужасѣ и говорила мнѣ, что она больше о Распутинѣ говорить не может, потому, будто бы, что ей грубо в Царскомъ сказали, чтобы она не смѣла емѣшиваться”. Во второмъ сокращенномъ изданіи книги Семенникова, которымъ пользовался Чернов, нѣтъ ссылки на Хвостова. Черновъ уже от себя допозналъ автора, составивши на письмо самой Царицы, которая написала своему мужу: “Марія Васильчикова живетъ съ семьей въ зеленомъ угловомъ домикѣ и наблюдаетъ изъ окна, какъ кошка, за всѣми, кто входитъ и выходитъ изъ нашего дома... Она сказала графу Фред(ериксу), что видѣла, какъ Гр(игорій) сюда въѣзжалъ (отвратительно!). Чтобы наказать ее, мы сегодня пошли окольнымъ путемъ, такъ что она не видѣла, какъ мы выходили”. “Надо думать — комментируетъ Черновъ — что нѣмцамъ надо было въ интересахъ сепаратнаго мира провѣрить степень вліятельности Распутина при Дворѣ”. Автору нѣтъ никакого дѣла до того, что въ дни пребыванія “Маши Васильчиковой” въ Петербургѣ Николай II самъ былъ въ Царскомъ Селѣ (вернулся 6-го) и слѣдовательно женѣ незачѣмъ было писать мужу. Письмо, которое приводитъ Черновъ, относится къ 14 іюня, т. е. къ тому времени, когда Васильчикова “Маши” была въ Берлинѣ. Къ автору, столь неразборчивому въ методахъ своихъ работъ, нельзя предъявлять большихъ требованій — большаго внимательнаго читателя писемъ А. Ф. легко убѣдилась бы, что *Маши* Васильчикова и *Марія* Васильчикова (княгиня), о которой идетъ рѣчь въ письмѣ 14 іюня, разные лица. Хвостовъ, сознательно или безсознательно, также спуталъ обѣихъ Васильчиковыхъ (возможно, что здѣсь нѣкоторая вина и стенограммы). Кн. Васильчикова была яркимъ врагомъ Распутина — ея выступленіе противъ “нашего друга” привели княгиню къ высылкѣ изъ столицы въ деревню. У “Маши” же Васильчиковой не было основанія проявлять враждебность къ царскому фавориту, хотя никакой связи между ними, повидимому, не было. Слова Родзянко въ Чр. Сл. Комиссіи, что Васильчикова “буквально его избраница” (“я это знаю хорошо, потому что Васильчикова мнѣ близко знакома”), надо отнести за счетъ произвольныхъ заключеній свидѣтеля-мемуариста, равно, какъ заявленіе Хвостова, что “Гришка ругался” по поводу ареста Васильчиковой**). Какъ могъ Семенниковъ, добросовѣстный въ цитатахъ и умѣющій разбираться въ матеріалѣ, допустить такую бросающуюся въ глаза явную неаппетитную при толкованіи показаній Хвостова***).

*) Обратимъ вниманіе на то, что пріѣздъ Васильчиковой совпалъ съ пребываніемъ въ Петербургѣ представителя французскаго правительства Думерга, что требовало особой тактичности со стороны верховной власти.

***) Насколько великодушная память председателя Думы, отмѣченная лестной аттестацией руководителя Чр. Сл. Комиссіи, погрѣшила подчасъ противъ дѣйствительности, или насколько непродуманы иногда были отвѣты Родзянко, свидѣтельствуетъ его дальнѣйшее утвержденіе, что мѣры, принятыя Хвостовымъ противъ Васильчиковой, послужили причиной ея увольненія съ поста министра вн. д. Причиной опалы Хвостова была шумная эпопея, связанная съ посылкой «журналиста» Ржевскаго въ Христіанію не то съ цѣлью организаціи при посредствѣ б. іеромонаха Ілюдора убійства Распутина, не то для поіобрѣтенія ілюдоровской рукописи «Свояго чорта».

****) Тѣмъ болѣе это непонятно, что въ первомъ изданіи своей работы самъ Семенниковъ указываетъ, что «Мари Васильчикова» — это кн. М. И. Ва-

Невозможность проникнуть в Царское, неудача у Сазонова и с письмами, привезенными из за-границы*), побудили Васильчикову обратиться к другим лицам — в том числе к Родзянко, с которым она находилась даже в родственных отношениях. Это письмо Родзянко по памяти и отнес к сентябрю, когда Васильчикова была еще за границей. Когда Васильчикова “стала протестовать и продолжала действовать — показывая Хвостов — я предложил ее выслать в Вологодскую губ., а департаментом полиции ей было назначено кормовое содержание, чтобы не умереть с голода, потому что у нея не было никаких средств”***). Васильчикова не была выслана в Вологодскую губернию, не была заточена и в Суздальский монастырь, как гласит версия, записанная со слов Сазонова Палеологом и повторенная Бьюкененом. В действительности же ее выслали в Черниговскую губ., в имение сестры, где ее и застала революция, и откуда она возбудила ходатайство перед Временным Правительством о выезде в Швецию.

Васильчикова была не только выслана, но и лишена фрейлинского звания (1 января). Если принять во внимание то обстоятельство, что газетный шум вокруг имени Васильчиковой поднялся тогда, когда *post factum* (В. была уже выслана) Родзянко “разоблачал” в бюджетной комиссии истинную цель привада Васильчиковой, то едва ли можно согласиться с заключением, что “Романовы” не могли “не прийти против Васильчиковой репрессивных мѣр без опасения явно не скомпрометировать себя”. Отношение к миссии Васильчиковой определилось до того, как дѣло “было скомпрометировано оглаской”, и Васильчикову лишили фрейлинского шифра вовсе не для того, чтобы “затушить политический скандал”. Вывод свой Семенников (Чернов без критики слѣдует за своим поводырем) обосновывает несколькими строками из писем Ал. Фед. 3 и 5 января. “Мнѣ жаль, — писала А. Ф., — что у Мани отняли шифр. Но, если так, то и с некоторых

силычкова. Последняго не разобрал даже комментатор переписки Ник. Ал. и Ал. Фед. Не разобрался и редактор издания историк Покровский, писавший в предисловии, что кн. Васильчикова, которую с таким шумом «выслали» послѣ того, как об ее «миссии» разнеслись слухи по Петербургу, проживала в Ц. С. и настолько близко ко Дворцу, что могла видеть все, что там дѣлается. Покровский усматривал «дѣйствительную причину» высылки нѣмецкой посредницы в ее «слѣжкѣ» за Распутиным. Очевидно, Чернов, не вдумываясь в цитируемый текст, механически послѣдовал за редактором советскаго издания царской переписки.

*) Эти письма, как утверждал Хвостов, были отобраны. В показаниях он рассказал слѣдующую историю. Маниак нѣмецкаго шпионажа хотѣл испытать вел. кн. Ел. Фед., о которой в Москвѣ ходил слух, что она «шпионка» и что в ея Марѳо-Маринской обители найден подземный телефон для сношения с нѣмцами. Отобрав при обыскѣ письма к Ел. Фед. от ея сестер «принцесс Гессенской и Голицинской», Хвостов отправил их по адресу якобы от имени Васильчиковой. Письма вернулись не распечатанными на имя мнѣ. вн. дѣл для вскрытія, так как Вел. Кн. не хотѣла имѣть ничего общаго с Васильчиковой, о которой узнала из газет. Этот инцидент скорѣе всего выдуман склонным к фантазіям бывшим министром. Он сам путает, говоря то о письмѣ Ел. Фед., то о письмѣ на имя Мар. Павл. (старшей). Вѣроятно, этих писем вообще не было. Белецкий в показаниях рассказал совсѣм другое — он предпринял по просьбѣ завѣдующаго двором Ел. Фед. Зурова всѣ мѣры к недопущенію поѣздки Васильчиковой в Москву.

**) В печати революціоннаго времени показаніе Хвостова вылилось в форму утверждения, что Васильчикова — нѣмецкій агент, состояла на жалованіи у департамента полиціи и получала 300 руб. ежемесячно.

господ, которые позволяют себѣ говорить такія вещи, теперь отлично можно будет снять их золоченые мундиры и аксельбанты". И в слѣдующем: "Митя Бенк(ендорф) говорил у Павла, что Маша привезла письмо от Эрн. А. (т. е. Вырубова) сказала, что ничего не знает, а Павел заявил, что это — правда. Кто же сказал ему? Всѣ они находят справедливым, что она лишена шифра... Кажется, в печати появилось письмо к ней от кн. Голицыной, ужасное письмо, обвиняющее ее в шпионажѣ и т. д. (чему я продолжаю не вѣрить, хотя она поступила *очень неправильно* по глупости и боюсь из жадности к деньгам). Но неприятно, что опять упоминается мое имя и имя Эрн". Какое основаніе имѣла А. Ф. говорить о "жадности к деньгам", мы не знаем. "Шпионкой" Васильчикова, дѣйствовавшая так открыто, конечно, не была — подобное обвиненіе порождала лишь искалѣченная военным временем общественная психологія. Но суть негодованія А. Ф. все-таки в том, что примѣнено ее имя к этой исторіи. И "вновь будут говорить, что Царское — это в сущности «*Cour de Potsdam*», как выразился в конфиденціальной бесѣдѣ с Палеологом националист-либерал Брянчанinov, желавшій, по словам записавшаго бесѣду французскаго посла, не только Ал. Фед., но и сестру ее Елизавету заточить в монастырь, а весь остальной «*Cour de Potsdam*» отправить в глубину сибирских тундр для того, чтобы уничтожить в Россіи вѣковую нѣмецкую баццалу.

«*Cour de Potsdam*» — не летучее случайное выраженіе в интимной бесѣдѣ, это цѣльная концепція, нашедшая себѣ отраженіе даже в воспоминаніях будущаго президента Чехо-Словацкой республики проф. Масарика — концепція, которую обостренно воспринимала А. Ф.: "есть скоты, упорно называющіе меня так", т. е. "нѣмкой". Естественно, что А. Ф. не хотѣла разглашенія факта полученія ею письма брата Сазонов, конечно, не был дискретен, когда рассказал любящему "болтать ерунду" французскому послу (отзыв в дневникѣ "друга" Палеолога вел. кн. Ник. Мих.) об этом письмѣ. Еще меньшую скромность проявил опальный министр вн. д. "без задерживающих центров" Хвостов, вернувшійся в Думу и показывавшій в кулуарах перелюстрированное письмо принца Гессенскаго Императрицѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВИЗАНТИЙСКАЯ МЕЧТА

1. — Константинопольская проблема перед войной.

“Несмотря на видимое сочувствие к этим германским шагам Ал. Фед., — заключает Семенников, — Романовы не могли пойти на переговоры хотя бы уже потому, что только что перед тѣм они были подкуплены союзниками обѣщаніем Константинополя и, крѣмъ того, они опасались, что сепаратный мир может вызвать революцію”. Если это так, то как мог принц Гессенскій “заручиться согласіем на благопріятный пріем Васильчиковой”? Подобное признаніе само по себѣ аннулирует, по крайней мѣрѣ в отношеніи 1915 г., тѣ произвольныя толкованія, которыми обильно уснащены комментаріи сценарія историческаго фильма “Романовы и сепаратный мир”. В это время “Романовы” (не только Ник. Ал., но и Ал. Фед.) с искренним негодованіем отрицали самую мысль о возможности сепаратнаго мира. Константинопольская проблема не могла играть здѣсь никакой роли уже по той причинѣ, что распылывчатая предположенія нѣмецких эмиссаров шли в разрѣзъ с традиціонными, реалистическими тенденціями, которыя намѣтились в русской правительственной политикѣ по этому вопросу.

Пріобрѣтеніе Босфора и Дарданелл — свободный выход из Чернаго моря — искони считалось націоналистической политикой осуществленіем исторических задач Россіи. “Дай Бог, нам дожить до этой отрадной и задушевной для нас минуты”, — положили резолюцію в 1882 г. Александр III на докладѣ посла в Константинополѣ Нелидова, перваго палачина идеи “занятія проливов”. “Я не теряю надежды, что рано или поздно, а это будет, и так должно быть”, — заключал Император... Еще опредѣленіе высказалось через три года Монарх в письмѣ к ген. Обручеву 24 сентября 1885 г. по поводу балканской политики: “...у нас должна быть одна и главная цѣль — это завоеваніе Константинополя, чтобы раз навсегда утвердиться на проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках”. Но Александр III признавал, что до этого идеала еще “далеко”...

Сынъ свято блюлъ завѣты отца. В теченіе всего его царствованія дипломаты искали “удобнаго момента”, о котором говорил отец, для того, чтобы положить “навсегда” в карман “ключи от своего дома”. Проект захвата Босфора не раз обсуждался в 90-х г.г. по инициативѣ того же Нелидова, и слово “навсегда” Николай II собственноручно приписалъ к протоколу царекосельскаго совѣщанія 23 ноября 1896 г. На дѣлѣ сознаніе собственного безсилія (отсутствие достаточнаго фло-

та) и опасение того, что “дряхлающую Турцию” может замѣнить другое государство, заставляли держаться политики *status quo*. Генеральша Богданович, отмѣчая тогдашніе разговоры, прямо ставит в своем дневникѣ вопрос: русскіе ли англичане займут Константинополь. Военный министр Куропаткин в дневникѣ, записывая свою бесѣду с Витте, так опредѣлил нѣсколько гиперболически положеніе перед русско-японской войной: “У нашего Государя граціозные в головѣ планы: взять для Россіи Манчжурію, идти к присоединенію к Россіи Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персію, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы... Мы министры... задерживаем Государя в осуществленіи его мечтаний и все разочаровываем, он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы Россіи...” (Витте якобы вполне присоединился к этому “диагнозу”). В 1908 г., когда Россіи грозила война с Турціей, за спиной которой стояла Германія, вел. кн. Ник. Ник., предѣдатель Совѣта Государственной Обороны, требовал похода на Константинополь (Дневник Поливанова). В 1911-12 г.г. русская дипломатія настойчиво, но безуспѣшно, пыталась добиться от французскаго правительства, взаимнѣи признанія Россіей мароккескаго протектората, признанія Франціей русских интересов в вопросѣ о проливах. Извольскій настаивал на измѣненіи традиціонной политики Франціи на ближнем Востокѣ, сводившейся к недѣлимости Турціи, и на предоставленіи Россіи свободы дѣйствія в отношеніи Константинополя.

“Историческій” вопрос о проливах болѣе остро выдвинулся в Балканскую войну — в годы ослабленія Османской имперіи, когда он “мог быть поставлен на очередь независимо от желанія Россіи, которая не могла, — по мнѣнію, высказанному мин. ин. д. Сазоновым — “допустить укрѣпленіе на берегах их (проливов) какой-нибудь иной державы”. Довольно рѣшительный в своих сужденіях и нѣсколько экспансивный Родзянко вспоминает, как он рекомендовал Царю в предназначенном докладѣ в 1913 г. “воспользоваться всеобщим подъемом” (“славянскія манифестаціи” в Петербургѣ) и “идти на Константинополь”. “Война будет встрѣчена с радостью и поднимет престиж власти”, — утверждал предѣдатель Гос. Думы, указывая на всеобщее недовольство вѣншею политикой правительства: “русская дипломатія своей нерѣшительностью заставляет играть Россію унижительную роль”. Государь “упорно молчал”. Но в это время шла уже усиленная подготовительная работа в военно-дипломатических кругах*). Поэтому не приходится придавать большого значенія декларативным, в момент “сближенія с Германіей” заявленіям Царя Вильгельму II о том, что Россія не имѣет никаких притязаній на Стамбул и Дарданеллы, и что Турція должна сохраниться в неприкосновенности и оставаться “привратником Дарданелл”. (Впрочем, о таких заявленіях Николая II мы знаем только со слов Вильгельма).

“В сознаніе русских государственных людей, — говорит Сазо-

*) «В угоду Австріи», — заносит в дневник в. кн. Андрей Вл., — «наши дипломаты помѣшались взять Константинополь». На дѣлѣ опасенія вызвали претензіи Болгаріи (см. ниже позднѣйшую записку Базиліи), хотя «болгарскій герой» Радко Дмитріев и прибыл в Петербург, как утверждал Родзянко в воспоминаніях, с «секретной миссіей повергнуть к стопам Е. В. Константинополь».

нов в воспоминаніях, — да и великаго образованнаго русскаго (не слишком ли смѣлое и весьма сомнительное обобщеніе!) уже давно проникло убѣжденіе, что будущность русскаго государства зависит от того разрѣшенія, которое получит вопрос о проливах*), но никогда не приходила в голову преступная мысль затѣять европейскую войну, чтобы разрѣшить его в нашу пользу". Опубликованные нынѣ матеріалы вносят существенный корректив к этому категорическому утвержденію руководителя русской внѣшней политики накануне европейской войны, который старается опровергнуть "небылицы" о его причастности к существовавшим будто бы замыслам и агитации "военной партии" ("легенду" эту усиленно поддерживала, конечно, націоналистическая печать в Германіи).

Оставляя в сторонѣ перипетіи сложной дипломатической игры, связанной с противодѣйствіем агрессивной политикѣ германскаго имперіализма на Ближнем Востока, напомним лишь о заключительном аккордѣ в преддверіи уже европейской войны. Момент этот сильно затушеван в воспоминаніях Сазонова. Он рассказывает о "безотрадном впечатлѣніи" "полной военной неподготовленности" Россіи, которое он вынес из созваннаго им с "разрѣшенія Государя совѣщанія 8 февраля 1914 года для обсужденія тѣх мѣр, к которым Россія могла быть вынужденной прибѣгнуть... для защиты своих интересов" — рѣчь шла о возможности "наступательнаго движенія в направленіи Константинополя и проливов". Министр ин. д. увидал, что "если мы и были способны предвидѣть событія, то предотвратить их не были в состояніи". Слѣдует нѣсколько расшифровать это слишком общее заключеніе.

Сазонов не говорит, что совѣщанію 8 февраля предшествовало другое болѣе узкое, министерское совѣщаніе 31 декабря в связи с докладом, представленным министром ин. д. посетителю верховной власти. Вопрос шел о давленіи на Порту (финансовый бойкот и занятіе Россіей, Франціей и Англійей нѣкоторых пунктов в Малой Азіи) в цѣлях добиться ликвидаціи германской военной миссіи ген. Лима фон Саандера в Константинополѣ (эта миссія, по выраженію Сазонова в воспоминаніях, означала фактическій "захват Германіей власти в Константинополѣ"). Министр указал Государю, что при таком рѣшеніи вопроса "не исключена возможность активнаго выступленія Германіи": "в этом случаѣ рѣшеніе вопроса может быть перенесено из Константинополя и Турціи на нашу западную границу со всѣми послѣдствіями, отсюда вытекающими". 23 декабря записка Сазонова была одобрена Царем. На "Особом Совѣщаніи" 31 декабря (в составѣ предсѣдателя Совѣта министров, министра ин. д., военнаго, морскаго и нач. ген. штаба), сазоновская позиція встрѣтила возраженія со стороны Коковцева, считавшаго желательным воздержаться от таких способов "принужденія" в отношеніи Турціи, которые "повлекутъ" за собой "неминуемую войну с Германіей": "желательна ли война с Германіей и может ли Россія на нее пойти?". Генералы Сухомлинов и Жиллинскій "категорически" заявили "о полной готовности Россіи к единобор-

*) Эту государственную необходимость Сазонов формулирует довольно гиперболически: великая страна была заключена в мышеловку, откуда ей не было выхода, но куда врагам ее был открыт доступ». Впослѣдствіи военный историк Головин будет сравнивать Россію с заколоченным домом, в который можно было проникнуть только через дымовую трубу».

ству с Германией", не говоря уже о столкновении один на один с Австрией, но считал маловѣроятным "такое единоборство" — "дѣло придется имѣть со всемъ Тройственнымъ Союзом"... Сазоновъ столь же категорически высказался за рѣшительныя мѣры воздѣйствія, полагая рискъ вмѣшательства Германіи минимальнымъ при "сплоченномъ единствѣ" державъ Тройственного Соглашенія. Совѣщаніе пришло къ выводу, что "не представляется возможнымъ прибѣгнуть къ способамъ давленія, могущимъ повлечь войну съ Германией, въ случаѣ "необезпеченности активнаго участія, какъ Франціи, такъ и Англій, въ совмѣстныхъ съ Россіей дѣйствіяхъ".

В промежутокъ между первымъ и вторымъ совѣщаніемъ Коковцевъ долженъ былъ покинуть постъ предсѣдателя Совѣта министровъ. В совѣщаніи 8 февраля подъ предсѣдательствомъ уже Сазонова обсуждались не теоретическіе вопросы, а совершенно конкретный проектъ самостоятельной десантной операціи противъ Константинополя. Представители сухопутнаго военнаго командованія (Жилинскій и Даниловъ), считая, что "борьба за Константинополь врядъ ли возможна безъ общеевропейской войны", полагали, что "возможность этой операціи зависитъ отъ общей конъюнктуры начала войны". Экспедиція въ Константинополь, по ихъ мнѣнію, возможна лишь "при отсутствіи борьбы на западномъ фронтѣ или благоприятномъ на немъ положеніи вещей": "успѣшная борьба на западномъ фронтѣ рѣшитъ благоприятно и вопросъ о проливахъ". Представитель морского вѣдомства кап. Немицъ находилъ, что подобная точка зрѣнія была бы цѣлесообразна, "если бы на пути къ проливамъ и Константинополю мы, дѣйствительно, имѣли того же главнаго противника, что и на западномъ фронтѣ, т. е. германо-австрійскія силы. Тогда, очевидно, единственною задачею было бы разбить германскую и австрійскую арміи, послѣ чего, диктуя свою волю въ Берлинѣ и Вѣнѣ, мы получили бы проливы. Но въ дѣйствительности, положеніе представляется по мнѣнію морского ген. штаба в иномъ видѣ. На пути къ проливамъ мы имѣемъ серьезныхъ противниковъ в лицѣ не только Германіи и Австріи. Какъ бы ни были успѣшны наши дѣйствія на западномъ фронтѣ, они не дадутъ намъ проливы и Константинополя. Ихъ могутъ занять чужіе флоты и арміи, пока будетъ происходить борьба на нашей западной границѣ"! Немицъ считалъ поэтому, что "мы должны одновременно съ операціями на западномъ фронтѣ занять военною силою Константинополь и проливы; дабы создать къ моменту мирныхъ переговоровъ *совершившіеся фактъ* нашего завладѣнія ими. Только в такомъ случаѣ Европа согласится на разрѣшеніе вопроса о проливахъ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ намъ это необходимо".

Какія же рѣшенія были приняты на совѣщаніи, которое произвело столь удручающее впечатлѣніе на предсѣдателя? — вопросъ о наступательной "десантной операціи в Черномъ морѣ, имѣвшей объектомъ Константинополь и его проливы" откладывался по связи съ проектомъ развитія черноморскаго флота и, какъ видно, изъ позднѣйшаго (за мѣсяцъ до войны) доклада морскаго ген. штаба намѣчался на время "послѣ 1917 года". "Черезъ нѣсколько дней послѣ того, что совѣщаніе собралось — заключаетъ свою мемуарную повѣсть Сазоновъ — несмотря на его секретный характеръ, оно стало публично германскому посольству и возбудило в немъ большое безпокойство. Дѣло тайнаго освѣдомленія было хорошо поставлено германскимъ правительствомъ, которое обычно-

венно быстро получало секретныя свѣдѣнія через своих негласных агентов. Ментѣ хорошо обстояло дѣло с выводом правильных заключеній из добываемых таким путем свѣдѣній. Так, напр., в данном случаѣ наше февральское сообщеніе, при передачѣ в Берлин, получило окраску заговора против цѣлости Оттоманской Имперіи и угрозы Европейскому миру"... В литературѣ нѣмецкой "сообщеніе 8-го февраля приводится в доказательство того, что Россія была зачинщицей міровой войны, вызванной ею для завладѣнія Константинополем и проливами. Большевики, оказавшіе старой русской дипломатіи обнаруженіем так называемых секретных документов большую услугу, обнаружили перед лицом всего свѣта миролюбіе Императорской политикі... в числѣ других документов издали и протокол означеннаго сообщенія, из котораго всякій непредубѣжденный читатель легко составит себѣ понятіе об истинном значеніи тѣх мѣр, которыя на нем обсуждались, и которыя носили исключительно предварительный характер и имѣли в виду отвратить от Россіи одну из величайших опасностей, которыя могли угрожать ея государственному существованію" (?!).

Слишком необъятен вопрос о "виновниках" войны... Приведенная справка должна показать только реальные контуры, в которых вырисовывалась константинопольская проблема в сознаніи руководящих правительственных кругов Россіи наканунѣ войны.

2. — Русскій "приз войны" и союзники.

Жизнь легко разстраивает теоретическія калькуляціи. Міровая война и участіе в ней Турціи уже в том же 1914 году непосредственно поставили вопрос о давно жданной реализаціи "исторической задачи". Информаторы французскаго посла в Петербургѣ — из "Москвы, Кіева, Харькова" — чрезвычайно преувеличили общественное возмущеніе, порожденное возгорѣвшейся "византийской мечтой". "Эта война не имѣла бы смысла для нас, если бы она не предоставила нам Константинополя и проливов... Царьград должен принадлежать нам и нам одним. Наша историческая миссія, наш священный долг водрузить крест православія... на куполѣ св. Софіи... Россія не будет избранной націей, если она в концѣ концов не отомстит за вѣковой позор для христіанства" — в таких словах Палеолог подводит итог сужденій, распространенных в кругах "политических, религіозных, университетских и еще болѣе dans les régions obscures de la conscience russe". Эта "историческая задача" Россіи на берегах Чернаго моря, завѣщанная от предков, была в самых общих чертах охарактеризована в октябрьском царском манифестѣ по поводу вступленія Турціи в войну на сторонѣ центральных держав. По словам Сазонова Царь принял его доклад о проливах*) "с чувством глубокаго удовлетворенія" и сказал министру: "я вам обязан самым радостным днем моей жизни".

Как видно из записи Палеолога, фраза манифеста об историче-

*) Проект установленія русской власти над проливами и устройство Константинополя на «международных началах». — Лично Сазонов проблему о проливах органически не связывал с непремѣнным захватом турецкой столицы.

ской задачь, поставленной перед Россіей — фраза, которая представлялась послу словно выхваченной из загадочных книг каких-то Сибилл, вызвала въ которое безпокойство у союзников, ибо осуществление “византійской мечты” шло наперекор традиціонной французской политики сохраненія Status quo в Оттоманской имперіи (наиболѣе ярким ея выразителем является дипломат-историк Ганато) и нежеланію англичан допустить Россію къ “ключамъ” Чернаго моря. Осторожный Палеологъ поспѣшилъ запросить Сазонова и получилъ неопредѣленный отвѣтъ отъ министра ин. д., что Россія вынуждена требовать солидныхъ гарантій относительно Босфора, что же касается Константинополя, то министр охотно оставитъ туркамъ старую византійскую столицу съ большимъ огородамъ вокругъ. Пока французскій посолъ в Петербургѣ информировался, во Франціи думали, — Англія разубила — пока еще словесно, — гордівъ узелъ: перваго ноября англійскій посолъ в Петербургѣ Бьюкененъ в присутствіи Палеолога торжественно заявилъ Сазонову, что англійское правительство признаетъ, что вопросъ о проливахъ и Константинополь долженъ быть разрѣшенъ всецѣло согласно желаніямъ Россіи.

Вопросъ о проливахъ в русской дипломатіи, как мы видим, имѣлъ уже свою исторію, послѣднимъ этапомъ которой до войны было совѣщаніе 8 февраля — захватъ Константинополя и проливовъ долженъ быть произведенъ *русскими* руками. Министръ ин. д. счелъ необходимымъ обратиться в Ставку съ вопросомъ о возможности самостоятельнаго осуществленія Россіей операціи по завладѣнію проливами. Принявъ всецѣло аргументацію морского ген. штаба, высказанную в рѣчи кап. Немина на совѣщаніи 8 февраля, министр указывалъ, что ни побѣды на австрійскомъ и германскомъ фронтахъ, ни мѣры дипломатическаго воздѣйствія не дадутъ овладѣнія проливами “безъ самостоятельной военной операціи в Турціи”. Верховный Главнокомандующій вел. кн. Ник. Ник. черезъ представителя мин. ин. д. в Ставкѣ кн. Кудашева отвѣтилъ совершенно опредѣленно: “одни мы захватить проливы не можемъ ни подъ какимъ видомъ”, а нач. штаба ген. Янушкевичъ официально сообщилъ, что “вопросъ о выдѣленіи особыхъ силъ на овладѣніе проливами не можетъ быть поднятъ раньше достиженія... рѣшительнаго успѣха надъ... западными противниками”.

Инициатива неизбѣжно переходила къ союзникамъ, и это вызывало опасеніе в нѣкоторыхъ націоналистическихъ кругахъ. Сазоновъ, сообщая Кудашеву о предположеніяхъ лорда Китчинера предпринять военныя дѣйствія союзнаго флота противъ Дарданелл, полагалъ, что, если Россія в настоящее время не можетъ при овладѣніи проливами сыграть “подобающую ей роль”, было бы дѣлесообразнѣе наставать передъ союзниками на томъ, чтобы отложить дѣйствія противъ Дарданелл. Опасенія Сазонова, очевидно, дѣлкомъ не раздѣлялись в Ставкѣ. Великій Князь в официальном отвѣтѣ Китчинеру и в личномъ разъясненіи великобританскому военному представителю в Ставкѣ, ген. Вильямсу, безоговорочно призналъ с военной точки зрѣнія выгоднымъ всякій удар, нанесенный Турціи, но не могъ обѣщать содѣйствія (предполагалось, что в маѣ русская эскадра сможетъ принять участіе в военныхъ дѣйствіяхъ). Ген.-кварт. Даниловъ, съ своей стороны, разъяснилъ Кудашеву: “скажите С. Д. (Сазонову), чтобы онъ отнюдь не “расхолаживалъ англичанъ. Пользу предпріятіе ихъ принесетъ несомнѣнно, удастся ли оно или нѣтъ”; при этомъ генералъ прибавилъ, что “мы и не думаемъ чужими руками жаръ за-

гребать, что, впрочем, нам и не придется, так как англичане, если бы им и удалось овладеть проливами, уничтожить турецкий флот и навести страх на столицу Османской империи, то и тогда не смогут овладеть этой столицей: никакой десант, который они могли бы высадить, не в состоянии был бы одолеть турецкую армию, которая не отдаст же без боя столицу". "Если принять это обстоятельство — писал Кудашев Сазонову 12 января — то, по мнению ген. Данилова, мы ничем не рискуем, поощряя англичан к осуществлению их предположения. Что же касается до общего вопроса завладения нами Босфором, то это не может быть сделано нами "между прочим". Он самым внушительным образом пояснил: завоевание Босфора потребует отдельной войны, а будет ли Россия способна вести эту отдельную войну и захочет ли, в этом он глубоко сомневается.

Если такие сомнения наблюдались у военных специалистов, то их не было лично у Императора: он не колебался в принятом решении. Через три недели Кудашев писал Сазонову, что Янушкевич сообщил ему "волю Государя", признающую только одно решение вопроса — "присоединение обоих проливов". В связи с этим создан эфемерный проект "посадить один из кавказских корпусов на транспорты и выслать его к Босфору на случай удачи прорыва проливов", к чему Кудашев отнесся весьма скептически, считаясь с наличием "нашего безспия". "Я не сомневаюсь в том, что наши союзники... тут же предложат нам осуществить наши намерения на Босфор" — писал он Сазонову 10 февраля: "Но так как мы не сможем этого сделать, то самым естественным домогательством наших союзников является заключение мира с Турцией, с приобретением соответственных экономических и иных выгод, с упразднением германского влияния и т. д... Таким образом разрешение вопроса о проливах "в согласии с нашими интересами", как понимаем это разрешение все мы, дорожащие историческими заветами нашей родины, не последует. С этим неумолимым фактом надо не только считаться, но, по моему глубокому убеждению, надо с ним примириться, подготавливая к нему постепенно и наше общественное мнение. Ничто так не опасно, как закрывать глаза перед действительностью и обольщать себя неосуществимыми мечтами, как бы дороги они ни были для нас".

Ясно, что утверждения в воспоминаниях тогдашнего руководителя иностранной политики Великобритании лорда Грея, что Дарданельская операция "едва не разрушила" союзнических отношений с Россией, сильно преувеличены, поскольку речь идет о тех опасениях, которые в русских правительственных кругах вызывала эта операция. Кольбация в гораздо большей степени были у самих союзников, вынужденных перед определенными требованиями отступить от своей традиционной политики и в то же время считаться с общественным мнением демократической Зап. Европы, которая всегда боялась воинствующего панславизма — "агрессивного русского империализма", по выражению Масарика. Дипломатия Сазонова должна была убедить союзников в необходимости пойти на такой шаг*), но это согласие в

*) Вероятно, русский министр ин. д. проявил большое дипломатическое искусство, однако в воспоминаниях, очевидно, он несколько преувеличивает свою инициативу, рассказывая, что он «решился взять на свою личную от-

данном случаѣ необходимо было не для поддержки колеблющейся воли русскаго монарха, не для того, чтобы отклонить его от перспектив сепаратнаго мира, которыя вырисовывались в происках Германіи — так пытаются представить дѣло мемуаристы-дипломаты. Подобный намек можно найти в воспоминаніях Грея: “Из Петрограда пришло пожеланіе выяснитъ константинопольскій вопрос с указаніем, что это необходимо для спасенія положенія Сазонова, это не был блеф, это была реальная опасность”. “Делькасе сказал мнѣ — записывает, с своей стороны, англійскій посол в Парижѣ лорд Берти — что Германія дѣлает отчаянныя усилія, чтобы оторвать Россію от союзников”. В чем проявились на первых порах эти “отчаянныя усилія” Германіи? Вѣроятно, дѣло было в тѣх преувеличенных слухах, на которые падки были дипломаты, и которые были, напр., зафиксированы в особой телеграммѣ в серединѣ февраля японским военным агентом в Петербургѣ: “передают, что дѣйствія против Дарданелл предприняты Англійей и Франціей для того, чтобы не допустить перехода проливов во власть Россіи”. Слухи, конечно, усиленно распространяли нѣмцы: в мартѣ Грей переслал Бьюкенену копію телеграммы из Стокгольма, в которой мѣстный посланник сообщал, что от лица “весьма близкаго с германским посланником” (ф. Луцусом) он узнал, что “послѣдній распространяет в печати слух, будто бы Англія и Франція заключили сепаратное соглашеніе о Константинополѣ. Цѣль соглашенія помѣшать переходу Константинополя во владѣніе Россіи”.

Нѣтъ дыма без огня. Мемуары Сазонова рассказывают, с каким трудом претворялось слово в дѣло. Эту повѣсть о двойственности и противорѣчивости даже официальной политики можно было бы попомянуть воспоминаніями иностранных дипломатов и документами, в изобиліи собранными в сборникѣ “Константинополь и проливы”. Лорд Берти, “враждебно настроенный к русской политикѣ (Сазонов), передает, напр., что в первые дни бомбардировки Дарданелл союзническим флотом в Парижѣ наблюдалось “возрастающее чувство подозрѣнія в отношеніи русских поползновеній на Константинополь”. Присоединились и интриги балканских государств, притязавших в той или иной мѣрѣ на старую Византію. Большую активность в этом отношеніи развивал греческій премьер Венизелос, готовый предоставить союзникам греческія силы для овладѣнія Дарданеллами. Венизелос усиленно пропагандировал мысль, что при захватѣ Дарданелл, Константинополь должен сдѣлаться интернациональным городом, так как Франція и Англія не могут допустить, чтобы “Россія... стала всемогущей на Востокѣ”. Против участія греков в дарданелльской операциі рѣшительно возражал Сазонов, телеграфировавшій 2 марта Извольскому и Бенкендорфу (т. е. в Париж и Лондон), что Россія “ни при каких условіях не может допустить” участіе греческих войск при вступленіи союзников в Константинополь. Творец “нелѣпой попытки” форсировать Дарданеллы без расчета на десант, Черчилль, ставившій Россію на “задній план” в своей болгарской попыткѣ, готов был приложить “все свои силы, чтобы помѣшать Россіи завладѣть Константинополем”. Грей отклонил

вѣтственность приступить к переговорам относительно проливов в видѣ предварительнаго совершенно частнаго обмѣна мнѣній с англійским и французским посланцами».

греческую инициативу, боясь спровоцировать выступление одной из претенденток на "византийское" наследство — Болгарии: Фердинанд Кобургский, видѣвший в Константинополѣ "сосредоточеніе" всѣх болгарских задач, изображался уже на марках в порфирѣ и коронѣ византскаго императора...

3. — Русское "общественное мнѣніе".

В насыщенной атмосферѣ этой закулисной дипломатической кухни дѣйствительно рождались сомнѣнія у нѣкоторых вождей русских націоналистов. Ближайшій сотрудник Сазонова, кн. Гр. Трубецкой — русскій посол в Сербіи и кандидат на должность "генеральнаго комиссара" в Константинополѣ — с весьма большой опредѣленностью пишет Сазонову 13 февраля: "Для меня борьба с Германіей и Австріей и союз с Франціей и Англіей только средство для достиженія этой народной цѣли", т. е. реального осуществленія "византийской мечты". "Не может быть безразлично, мы или наши союзники завладѣют проливами" — спѣшит телеграфировать официальный корреспондент мин. ин. дѣл. "Одно их участіе с нами в этом дѣлѣ является уже прискорбным, ибо создает опасныя для нас права в конечном разрѣшеніи вопроса. Завладѣніе же проливами без нас было бы прямо пагубно и в этом случаѣ Константинополь стал бы в будущем могилою нынѣшняго нашего союза". Но націонал-либерал кн. Трубецкой идет в своих опасеніях еще дальше: "Проливы должны быть наши"... — пишет он 9 марта: "Можем мы это получить с Франціей и Англіей против Германіи, тѣм лучше. Не можем, тогда лучше то же *получить с Германіей против них*". Вѣдь это признаніе допустимости сепаратнаго мира! Если были такія точки зрѣнія, зачѣм приписывать их исключительно "Романовым", совершенно чуждым, по крайней мѣрѣ в этот момент, подобной психологіи? Если надо было "спасти" положеніе Сазонова, то это надо было сдѣлать перед общественным мнѣніем, выражаемым націоналистическими кругами, подозрительность которых не могла быть возбуждена не появившейся еще на сценѣ Васильчиковой...

В январской сессіи Гос. Думы (27 января 16 г.) министр ин. д. считал нужным в связи с правительственной деклараціей, оглашенной премьером Горемыкиным (в ней упоминался Константинополь), сказать о проливах. Его слова были подхвачены депутатами Ковалевским и Милюковым, говорившим об осуществленіи тѣм самым національных задач. Палеолог рассказывает, что в перерыв обступившіе его депутаты — Милюков, Шингарев, Протопопов, Маклаков говорили ему, что русскій народ не примет мира, который не даст Константинополя Россіи. Так думает вся "истинная Россія" — утверждал якобы Шингарев*). От этой "всей Россіи" говорил через три недѣли Сазонов англійскому и французскому послам — он убѣждал их в необходимости пойти дальше общих фраз (Бьюкенен признает, что его ноябрьское заявленіе "не было достаточно точным, чтобы надолго удовлетворить

*) Позже в докладѣ по поводу Константинополя в думской комиссіи также утверждалось, что все русское общественное мнѣніе стоит на точкѣ зрѣнія присоединенія Константинополя. Думскіе депутаты, очевидно, не представляли себѣ отчетливо «общественное мнѣніе» страны, считая его адекватным настроенію группы консервативно-либеральных націоналистов.

русское правительство”) и официально продекларировать присоединение Константинополя к Россіи, как признал это уже англійскій король в бесѣдѣ с русским послом в Лондонѣ Бенкендорфом.

18 февраля при представленіи ген. По Царь заявил Палеологу, что Константинополь и Фракія должны быть присоединены к его Имперіи, и что он, со своей стороны, “авансом” соглашается на всѣ тѣ округленія, которыя пожелает Франція в отношеніи своих границ к Германіи. Через пять дней Палеолог получил принципиальное согласіе французскаго правительства на предоставленіе Россіи “блестящаго приза”; оно выговаривало себѣ компенсацію в Сиріи, гдѣ Франція будет творить “дѣло цивилизаціи”. Англійское правительство через Бьюкенена 1 марта также дало свои гарантіи при условіи признанія нейтральных зон в Персіи в “британской сферѣ”. Эта вербальная нота (закрѣпленная позже “меморандумом”, составленным Бьюкененом на основаніи полученной им из Лондона инструкціи), пребывавшая в тайниках дипломатических канцелярій, очевидно, не могла воздѣйствовать на широкіе общественные слои, которые оставались довольно равнодушными к осуществленію “исторической мечты”. С достаточной образностью с своей церковной точки зрѣнія выразился по этому поводу в апрѣлѣ арх. Антоній волинскій в письмѣ к своему другу кievскому митрополиту Флавіану: “Соколов (проф. ист. дух. академіи), конечно, будет докладывать о Царьградѣ, котораго русским все равно не отдадут англичане — да и лучше, чтобы не отдавали, ибо что хорошаго обращать св. град тот во второй Петербург”.

4. — В Верховной Ставкѣ.

Из помѣтки имп. Николая II видно, что его вполне удовлетворили результаты, которых добился Сазонов, и никаких опасеній у него не было: “В теченіе дня — писал он из Ставки женѣ 9 марта — у нас была продолжительная бесѣда — Н. (вел. кн.), Сазонов, Янушкевич и я, — закончившаяся к нашему взаимному удовольствію”. Очевидно, всѣ четыре собесѣдника стояли приблизительно на одной и той же выработанной раньше позиціи, что Константинополь фактически будет принадлежать Россіи только в том случаѣ, если он в окончательной формѣ будет *завоеван*. Поэтому пропаганда из Германіи с половинчатым рѣшеніем не могла оказать вліянія на Императора, и не было надобности “шантажировать” союзников проектами “сепаратнаго мира”. Каковы же были настроенія А. Ф.? Их можно установить по интимной перепискѣ ея с мужем. Едва ли возникали у нея какія-либо сомнѣнія, когда, перечитывая то, что “Наш Друг” писал, посѣтив Константинополь (т. е. изданія от его имени “Размышленія”), она с присущей ей повышенностью чувств замѣчала: “О, что за великій день, когда будет отслужена опять обѣдня в Св. Софіи... Только ты дай приказаніе, чтобы не разрушалось и не портилось ничего, принадлежащаго магометанам. Мы должны уважать их религію, так как мы христіане, слава Богу, а не варвары”. В письмах А. Ф. нельзя найти и намека на тѣ опасенія, которыя рождались в предвидѣніях нѣкоторых прозорли-

вых націоналистов*). Но еще болѣе знаменательно, что в ноябрѣ, когда стратегическое положеніе на русском фронтѣ отодвинуло осуществленіе исконной “мечты” в отдаленное будущее, когда у союзников стала нарастать та “враждебность” к русским претензіям, о которой сообщал из Парижа Извольскій Сазонову, и в обществѣ начали говорить о пересмотрѣ международнаго рѣшенія константинопольской проблемы, у А. Ф. такого сознанія нѣт. “Чорт побери эти подводныя лодки — писала она 8 ноября — онѣ мѣшают нашему флоту и высаждѣ. А там в то время могут набрать большое количество войск. Он (т. е. Распутин) хочет, чтобы в этот день, когда наши войска войдут в Константинополь, во главѣ шел один из моих полков — не знаю, почему**). Я сказала, что это будут наши дорогіе моряки, хотя они и не мои — они сердцем к нам ближе всѣх”. Слова А. Ф. тѣм болѣе знаменательны, что они были написаны в період якобы подготовки “исподтишка” (Чернов) пріѣзда Васильчиковой с предложеніем сепаратнаго мира во имя удовлетворенія царьградских мечтаній и желанія в силу подозрѣнія, внушеннаго предшествующими письмами Васильчиковой, так или иначе ликвидировать галлиполійскую экспедицію союзников.

**
*

Если Семенников болѣе или менѣе осторожен в использованіи документов, то пошедшій по его стопам Чернов, как мы уже видѣли, чрезвычайно поспѣшен в выводах и склонен к обличительным кривотолкам. Представитель русскаго командованія на ноябрьской конференціи в Шантильи, ген. Жилинскій, дѣйствительно, высказался за

*) Опасенія эти приводили к настойчивому стремленію верх. командованія принять хотя бы «символическое» участіе русскими войсками в Дарданельской операци. Отсюда родилась мысль послать небольшой отряд из Владивостока, так как самим форсировать Босфор не представлялось возможным, и не было шансов, что одесскій корпус появится под стѣнами Константинополя. Мысль эта вызвала противодѣйствіе со стороны англійскаго главнокомандующаго Китченера, находившаго, что привоз 4.500 человекъ с лошадьми, пушками и обозом причинит массу хлопот без пользы для дѣла. Кудашев сообщал (9 іюня), что Данилов нѣсколько неожиданно с «необычайной горячностью» настаивал на продвигеніи отряда: «он мнѣ сказал, что, как русскій человекъ не может допустить мысли, что при взятіи Константинополя не будет русских войск и что, если англичанам наш отряд и причинит хлопоты, то это не бѣда, этим стѣсняться нам надо, так как они попросту не желают, чтобы мы вошли в Константинополь вмѣстѣ с ними. Это вопрос политическій, а не военный — замѣтил он — и в нем и верх. главнок., и нач. штаба и я чувствуем одинаково... Если он (Сазонов) возьмет на себя объяснить Россіи допустимость взятія Константинополя без всякаго участія наших войск, то это его дѣло. Но мы (военные) не хотим, чтобы нам было поставлено в упрек, что мы не могли удѣлить даже 4.500 чел. для этой операци». Кудашев был против «символистическаго» участія — навязыванія Россіи в этом дѣлѣ «роль мухи на рогах вола, которая может сказать: и я пахала». Отправка отряда из Владивостока по настоянію англійскаго командованія все же была отмѣнена.

**) Палеолог в серединѣ февраля имѣл свиданіе с министром «царской души», как, будто бы, назвал себя Распутин. Послѣдній спросил посла: получит ли Россія Константинополь? — Да, если мы будем побѣдителями. — Это вѣрно? — Я твердо вѣрю в это. — Тогда русскій народ не пожалѣет о своих страданіях и примет еще многія жертвы. — Отмѣтим это просто, как одну из записей Палеолога.

ликвидацию военных действий в Дарданеллах. Ссылаясь на его секретную телеграмму Алексеёву 28 ноября, Чернов утверждает, что Жилинский в ней сообщал “истинный невысказанный мотив” такого рѣшенія — опасность “созданія постоянного англійскаго новаго Гибралтара при выходѣ в Средиземное море”. “Такое полное дословное совпаденіе с письмом Васильчиковой трудно объяснить простой случайностью”. Приведенная фраза имѣется в телеграммѣ Жилинскаго. Из сдѣланнаго выше обзорѣня довольно опредѣленно вытекает, что такое толкованіе было ходячим в нѣкоторых націоналистических кругах, и, следовательно, не Жилинскій заимствовал его из нѣмецкой аргументаціи, а скорѣе нѣмцы подсказали Васильчиковой его употребленіе*).

Как логически Чернов связывает телеграмму представителя военного командованія ген. Жилинскаго с частным письмом Васильчиковой Царю, неизвѣстно. Надо, повидимому, расширить плацдарм и к дѣлу подготовки сепаратнаго мира привлечь еще и военное командованіе. Но это будет уже сфера досуговой фантазіи. “Секретные мотивы” ген. Жилинскаго не имѣли никакого отношенія к соображеніям, побуждавшим дѣйствовать закулисных дирижеров миссіи царской фрейлины. Дѣло в том, что попытка англійских десантных сил овладѣть Галлиполійским полуостровом, предпринятая 24 іюля, потерпѣла фіаско, и Галлиполи грозило обратиться в “кладбище... десантных армій”. Вмѣстѣ с тѣм в связи с неудачами на русском фронтѣ совершенно измѣнялась военная конъюнктура. В Россіи произошла смѣна верховнаго командованія, и на авансцену выступил новый нач. штаба ген. Алексѣев, в руках котораго было сосредоточено “фактическое” командованіе, и который относился скептически к возможности и надобности завоеванія Константинополя...

“По поводу тяжелаго, чтобы не сказать безвыходнаго положенія англичан в Дарданеллах — сообщал Кудашев 10 сентября — я спросил ген. Алексѣева, что бы наиболѣе соответствовало нашим военным интересам: чтобы англичане ослабили французскій фронт и высадили еще войска в проливах или же поддержали французов для активных действий на Западном фронтѣ? Генерал на это отвѣтил приблизительно так: для нас ликвидация дарданельской операціи, конечно, самая важная задача, ибо, разрѣшивъ она, можно будет заключить сепаратный мир с Турціей и перебросить кавказскую армію против Германіи, а это может рѣшить участь войны в нашу пользу, так как и нѣмцы устали, и появленіе свѣжих сил может сразу все измѣнить. Впрочем, замѣтил генерал, активное дѣйствіе французов возможно и теперь: для нас оно очень желательно, ибо всѣ успія, всѣ пополненія германцев направлены на нас, и мы уже сплошь 5 мѣсяцев выдерживаем всю тяжесть войны”.

В послѣдовавшее затѣм время произошло присоединеніе Болгаріи к центральным державам. “Положеніе, созданное рѣшеніем Болгаріи присоединиться к нашим врагам — писал Кудашев 8 октября —

*) Самый термин «Гибралтар» в Дарданеллах имѣл уже давность. Так в 1896 г. Ганато, бывшій в то время министром ин. д. во Франціи, предостерегая русскаго посла в Парижѣ Моренгейма о рискованности проявляемой Россіей тенденціи «монополизировать» Турцію, говорил: «если вас даже и впустят в Константинополь, то в тот же час англичане возведут в Дарданеллах Гибралтар, который закроет вам всякій выход».

считается ген. Алексѣевым настолько серьезным, что он мнѣ категорически заявил, что мы из него не выйдем, если не заключим мира с Турціей. На мое замѣчаніе, что такой мир, даже если бы удалось заключить... обозначал бы крушеніе всѣх наших надежд на разрѣшеніе большого константинопольскаго вопроса, ген. Алексѣев отвѣтил: “Что же дѣлать? С необходимостью приходится мириться... Создается положеніе, при котором разумно можно будет разсчитывать на достиженіе цѣли войны: изгнаніе врага из наших предѣлов и сокрушеніе опасности для нашего существованія военной мощи Германіи. Преслѣдовать инныя цѣли — значит, гоняться за миражем”... Мнѣніе Алексѣева склонялось к усиленію помощи Сербіи и выполненію июльскаго соглашенія в Шантильи о посылкѣ 150 тыс. англо-французскихъ войскъ в Салоники — созданію особой балканской арміи, в основу которой должны быть положены силы галлиполійскаго десанта. С этой точки зрѣнія в согласіи с полученными директивами Жилицкій, назначенный в концѣ октября в проектировавшійся высшій военный совѣтъ союзников, и высказывался за ликвидацію галлиполійскаго десанта.

Точкѣ зрѣнія Алексѣева в “секретной запискѣ”, поданной кап. Бубновым (морское вѣд.), былъ противопоставлен иной план: “Стремясь на соединеніе с Турціей, Германія, конечно, главнымъ образом, стремится к азіатской Турціи, источнику всего того, что Германіи надо. Поэтому главнымъ объектомъ ея стратегии долженъ быть Босфор (не Дарданеллы). В ихъ рукахъ онъ станетъ неуязвимым, и нѣмцы отсюда станутъ вѣчной угрозой не только для нас, но и для англичанъ и для французов... Посылка отрядовъ в Салоники не даетъ намъ ничего: еще будутъ вестись переговоры о ихъ посылкѣ, когда нѣмцы дойдутъ до Константинополя. Отсюда слѣдуетъ необходимость ихъ предупредить на Босфорѣ съ цѣлью разобщенія Малой Азіи, для чего достаточна только морская оккупация. Другими словами необходимо, чтобы союзники, хотя бы нѣною громадныхъ жертвъ, прорвались черезъ Дарданеллы, помогли нашему флоту прорваться (также цѣною крупныхъ жертвъ) сквозь Босфоръ и затѣм, хотя бы базируясь только на Севастополь, окончательно обезвредить появленіе в Константинополѣ нѣмцевъ из Болгаріи. Если это невозможно, то судьба Константинополя, несмотря ни на какіе десанты в Салоникахъ, рѣшена окончательно, притомъ противъ насъ и противъ нашихъ союзниковъ, ибо Босфоръ в рукахъ Германіи — такая же угроза для Англій (Египта, Индіи), какъ и для насъ”. Конечный выводъ Бубнова: надо убѣдить союзниковъ, особенно англичанъ, въ необходимости “принести въ жертву хотя бы полъ ихъ эскадры, но прорваться черезъ Дарданеллы”.

“Хотя я всегда отношусь очень осторожно къ вспышкамъ воображенія такихъ талантливыхъ людей, какъ напр., кап. Бубновъ, у которыхъ талантъ переплетается съ подчасъ неудержимымъ увлеченіемъ, я думаю — комментируетъ Кудашевъ, — что онъ проводитъ правильную мысль... Записка Бубнова должна быть сегодня подана на Высочайшее благовоззрѣніе. Не знаю, послѣдуетъ ли затѣмъ по ней и исполненіе... Лично я думаю, что... появленіе флота передъ Константинополемъ было бы единственнымъ удобнымъ моментомъ для заключенія мира с турками и какой-нибудь русско-французско-англійской опеки, обезпечивающей намъ сво-

бодное пользование проливами". Очевидно "ясное мышление" Алексеѣва одержало верх над "неудержимым увлечением"*)).

По намекам Кудашева можно заключить, что Царь не сочувствовал идеѣ заключенія мира с Турціей**), но Алексеѣв продолжал ее отстаи-

*) В кратких воспоминаніях, напечатанных в 42-м году в нѣмецком «Парижском Вѣстникѣ», ген. Головин нѣсколько по иному освѣщает эпизод. Головин был назначен нач. штаба 7-ой отдѣльной арміи, предназначавшейся в октябрѣ для произведсва десанта в Черном морѣ и возглавленной ген. Щербачевым. Алексеѣв будто бы так изложил Щербачеву и Головину «существо» возложенной на них задачи: высадившись в румынской бухтѣ Балчик, лежащей недалеко от болгарской границы, наступать «в южном направлении для захвата проливов»; на высадку имѣлось «тайное» согласіе Румыніи, по «условное» — румынскій премьер Брагіано соглашался рисковать вынужденным вступленіем в войну, если численность десанта будет доведена до 200 тыс. человекъ. В послѣдній момент Брагіано вдвое увеличил размѣр гарантирующаго Румынію десанта. Осуществить это требованіе с русской стороны представлялось невозможным, но Алексеѣв предложил все же эту высадку организовать и объявить ее «ошибкой» ген. Щербачева и Головина, за что они и должны были получить офіціальный выговор. Румыніи же при таких условіях могла бы ограничиться формальным протестом и сохраненіем в отношеніи Россіи «доброжелательнаго нейтралитета». Если бы намѣченный вариант «не общал успѣха», то нач. штаба предлагал произвести десантъ гдѣ-нибудь на малоазіатском побережьи Турціи и т. д. На восклицаніе Головина, что «вѣдь это чистая авантюра», Алексеѣв сказал: «Да, авантюра, но это желаніе Е.И.В., повидимому, под вліяніем морских кругов» и предложил собесѣдникамъ разобратъся в Одессѣ, гдѣ сосредотачивалась в это время их армія, в вопросѣ, и в докладѣ Царю «обрисовать авантюрный характер задуманнаго десанта»: «Я вас поддерживаю» — добавил Алексеѣв. Так Щербачев и Головин и поступили — доклад был составлен Головиным. Прибыв в Одессу, Николай II горячо поблагодарил Щербачева за «гражданское мужество говорить ему правду в глаза» и наградил его званіем ген.-адъютанта: «Я был введен в заблужденіе о пользѣ и возможности десанта в Черном морѣ», — сказала Царь... «Вы убѣдили меня. Я отмѣняю десантъ... Контекст, в котором преподнесены «личные воспоминанія» ген. Головина, находится в противорѣчьи с тѣм, что Кудашев сообщал из Ставки Сазонову со слов Алексеѣва, и что министр, с своей стороны, писал своему представителю в Ставкѣ; противорѣчат они и всеподданнѣйшим телеграммамъ министра по поводу «уклончиваго поведения Румыніи» в переговорах, которые велись в это время. Эти переговоры о пропускѣ русских войск — вѣрнѣе о совмѣстныхъ с Румыніей дѣйствіяхъ против Болгаріи или против Австріи — имѣли совершенно опредѣленную цѣль оказать немедленную и непосредственную помощь Сербіи (спасти Сербію и претовратить торжество германскаго замысла — какъ выразился Алексеѣв Кудашеву). Пассивное, граничащее с каким-то двурушничествомъ поведеніемъ «фактическаго главнокомандующаго», мало соотвѣтствовало тѣмъ взаимноотношеніямъ, которыя установились в Ставкѣ: «до сихъ поръ Государь одобрялъ всѣ мои распоряженія, — говорил, напримѣр, Алексеѣв Кудашеву 21 октября, и Кудашев замѣчалъ в письмѣ къ министру, что «никакихъ неосторожныхъ приключеній» не будетъ допущено. Вопрос о переговорахъ по поводу пропуска русскихъ войскъ черезъ Румынію былъ снятъ мин. ин. дѣл телеграммой 3 ноября послу в Бухарестѣ, переговоры признавались преждевременными. (Об условіяхъ выступленія Румыніи и стратегіи ген. Алексеѣва см. ниже). Надо добавить, что самъ имп. Николай II, уступая настойчивости Алексеѣва, какъ мы увидимъ, не отказывался от мысли о возможности осуществленія морской экспедиціи для реализаціи звучившей его настроеніямъ «византійской мечты».

**) Позже (20 августа 16 г.) на телеграммѣ русскаго посланника в Бернѣ онъ положилъ резолюцію: «С Турціей надо покончить. Во всякомъ случаѣ в Европѣ ей больше нѣтъ мѣста. Поэтому намъ входить в сношенія с оппозиціей не слѣдуетъ. У армянскихъ политиковъ былъ планъ использовать возможное возстаніе Джемаля-пашы.

вать. 5 февраля 16 г. Кудашев передавал нѣкоторыя его соображенія по этому поводу: “Продолжая войну с Турціей, мы выгадываем только то, что обманываем себя надеждой на осуществленіе в близком будущем чарующей нас иллюзіи. Прекращая же войну с Турціей, мы осуществленіе наших иллюзіи откладываем на новый срок, зато достигаем побѣды над Германіей, т.е. того, къ чему стремимся и мы и всѣ наши союзники, что одно только обезпечивает нам всѣм прочный мир, а лично нам наше политическое, военное и правительственное положеніе в Европѣ”*). Обратим вниманіе на взгляд Алексѣева, он поможет нам болѣе объективно оцѣнить тѣ толкованія будто бы существовавшего плана сепаратнаго мира, которыя найдут себѣ мѣсто в концѣ 16 года.

*) Ген. Поливанов в Петербургѣ развивал третью позицію: надо обратить главное вниманіе на Кавказскій фронт, продвигаться къ Константинополю и взять его с помощью союзников, находящихся в Салониках. Думская общественность критиковала Ставку, считая, что там смотрят по иному, «руководясь главным образом ревностью къ вел. кн. Ник. Ник.» (Родзянко).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СМѢНА ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ

1. — “Второй Император”.

Как будто можно признать без всяких оговорок, что константинопольская проблема в 15 году, поскольку рѣчь идет о верховной власти, вовсе не создавала той атмосферы сепаратнаго мира, первым этапом подготовки котораго явилась якобы смѣна верховнаго командующаго. Последнее утверждение — это прежде всего нѣмецкая точка зрѣнія, в литературу занесенная воспоминаніями германскаго кронпринца. По его мнѣнію переговорам о сепаратном мирѣ мѣшало лишь то обстоятельство, что у власти находился вел. кн. Ник. Ник.*). Людендорф болѣе осторожен и, сознательно преувеличивая влияние и стратегическія дарованія вел. кн. Н. Н., говорит, что устраненіем его нѣмцы сдѣлали лишь большой шаг вперед “на пути к побѣдѣ”. “Главное затрудненіе к сепаратному миру и устранила А. Ф. под водительством Распутина” — спѣшат сдѣлать заключеніе тѣ, кто легенду стремятся превратить в дѣйствительность, в сущности просто солидаризируясь съ тѣми сплетнями, которыя в первичной обстановкѣ распространились в обывательских военных кругах (их в сентябрѣ отмѣтил в своих письмах Сазонову Кудашев, сообщая о разговорах среди офицеров в Ставкѣ о том, что устраненіе вел. кн. Н. Н. является побѣдой “нѣмецкой партіи, желающей в октябрѣ заключить мир”).

Какою бы роль не сыграла в данном случаѣ внушенная “Другом” инициатива Императрицѣ, мотивы ея настойчивой кампаніи против Ник. Ник. лежали в иной совершенно плоскости — плоскости, пусть даже воображаемаго, политическаго соревнованія**). И эту подозрительность возбуждали не только опасенія, шедшія со стороны “Друга”. Никто иной, как историк вел. кн. Ник. Мих. приложил к сему свою руку. Его “тревожила” в “династическом отношеніи” популярность Н. Н., “киевскія интриги”, мусировавшія “мужу вел. княгини славянки, а не нѣмки”. Сам по себѣ факт, что Ник. Мих. в письмѣ Царю в апрѣлѣ 16 года упоминал, что он не признает “других вариантов в династическом отношеніи” и совѣтовал быть “на-чеку” при “возможности великой смуты послѣ войны”, достаточно показателен. Не так

*) Нѣмцы пытались даже пускать в русскую армію соответствующія — весьма низвыя — прокламаціи от имени «несчастнаго» царя, подавленнаго «интригами» своего «коварнаго» родственника и «вѣроломных» генералов, затѣявших войну против его воли и готовых его за противодѣйствіе устранить от власти.

**) См. «На путях к дворцовому перевороту».

уже по существу далеки подобныя утверждения от истерических увёртений А. Ф., что Н. Н. Царя хотѣл “выгнать”, а Царицу “зачочить” в монастырь*), и что “Друг, во-время раскрыв их карты”, “грязную измѣнническую игру”, спас положеніе тѣм, что “убѣдил прогнать” Н. Н. (письма 16 сентября 15 г. и 5 ноября 16 г.). Мотив этот рѣшительно доминирует. Перед августовским кризисом верховнаго командованія А. Ф. настаивает лишь на том, чтобы был положен конец положенію, которое “невѣроятно фальшиво и скверно”: “если надо, чтобы он остался во главѣ войск, ничего не подѣлаешь. Всѣ неудачи падут на его голову, но во внутренних ошибках будут обвинять тебя, потому что никто внутри страны и не думает, что он царствует вмѣстѣ с тобой”. “Всѣ возмущены, что министры ѣздят к нему с докладом, как будто бы он теперь Государь” (25 июня). “Он не имѣет права вмѣшиваться в чужія дѣла, надо этому положить конец и дать ему только военныя дѣла, как Френч и Жоффри” (17 июня). Подогрѣвали температуру и другіе великіе князья — так 25 июня А. Ф. писала мужу, что вел. кн. Павел говорит, что Ник. Ник. “вродѣ второго императора”. “Как много людей говорят это (наш Друг тоже)”. Позже А. Ф. ссылалась и на мѣввіе наиболѣе близкаго Царю вел. кн. Александра Мих., удивлявшася, что Царь так долго терпѣл создавшееся фальшивое положеніе. Вел. кн. Андрей Влад. отмѣчает сужденіе ген. Палицына о рискованности приданія Ник. Ник. титула “верховнаго” главнокомандующаго — “нельзя из короны вырывать перья”.

Возбужденіе Императрицы идет *crescendo*. В іюнѣ она еще готова так или иначе примириться с занятіем поста верховнаго главнокомандующаго Ник. Ник.: “как я хотѣла бы, чтобы Н. (иколаша) был другим человѣком и не противился Божьему человѣку”. Она желает лишь охранить престиж Царя. Ее тревожит, что верховный главнокомандующій не только принимает доклады министров, как “государь”, но и издает приказы под стиль царских приказов, тогда как должен писать “болѣе просто и скромно”. Ставка заслоняет имя Императора и не пускает его к войскам. “Я ненавижу твое пребываніе в Ставкѣ, гдѣ ты не видишь солдат”. “Плюнь на Ставку”. “Там ничего хорошаго не высидишь”, — пишет она в іюнѣ, побуждая Царя ѣхать в дѣйствующую армію. “Ты, навѣрное, сможешь повидать войска... Николаша не должен знать, только тогда это удастся. Скажи, что ты просто хочешь немного проѣхать... Поѣзжай один... советѣм один, принеси им отраду своим появленіем... У тебя ложная, излишняя шепетильность, когда ты говоришь, что нечестно не говорить ему об этом — с какой поры он твой наставник, и чѣм ты ему этим помѣшаешь”... “Осчастливь войска своим дорогим присутствіем, умоляю тебя их именем — дай им подъем духа, покажи им, за кого они сражаются и умирают, не за Н., а за тебя. Десятки тысяч никогда тебя не видѣли и жаждут одного взгляда твоих прекрасных, чистых глаз. Ни слова об этом Н., пусть он думает, что ты уѣхал куда-нибудь, в Бѣл(овеж) или, куда тебѣ захотѣлось. Эта предательская Ставка, которая удерживает тебя в твоём намѣреніи ѣхать... Но солдаты должны тебя видѣть, они нуждаются в тебѣ, а

*) Разговоры в это время о заключеніи А. Ф. в монастырь, низложеніи Императора и возведеніи на престол вел. кн. Ник. Ник. отмѣтил в своей летописи слухов и французскій посол, передававшій их даже на обѣдѣ у вел. кн. Павла Александровича 2 августа.

не в Ставкѣ, ты им нужен, как и они тебѣ”. Политическіе мотивы в прямом смѣлѣ этого слова появляются позже, когда и нападки на вел. кн. Н. Н. принимают болѣе рѣзкія формы — уже послѣ отстраненія Н. Н. от верховнаго командованія под влияніем общественнаго недовольства росла подозрительность к тому, что дѣлалось за кулисами.

“Фальшивое положеніе” создалось отчасти в силу того, что за долго до войны предполагалось, что Царь сдѣлается верховным вождем дѣйствующей арміи. Сухомлинов в воспоминаніях утверждает, что в соотвѣтствіи с таким заданіем разрабатывалось новое положеніе о “полевом управленіи” (эту сторону подчеркнул в бесѣдѣ с Андр. Влад. и ген. Палицын, бывшій до войны начальником ген. штаба). Куропаткин еще 4 февраля 1903 г. записал в дневник: “Сегодня я получил огромной важности рескрипт Государя Императора, которым он указывает, что в случаѣ столкновенія Россіи с европейскими державами примет на себя верховное главнокомандованіе всѣми арміями”. В силу этого перед “военной игрой”, происходившей в ноябрѣ 1910 г., Николай II предполагал взять на себя верховное командованіе. Так было и перед войной — Царь, дѣйствительно, хотѣл в первый момент возглавить армію. В совѣщаніи 14 г., на котором обсуждался этот вопрос, Кривошеин и Шегловитов (между прочим ссылкой на “обстановку прутскаго похода” во времена Петра I), по словам Сухомлинова, склонили всѣх министров к мнѣнію о необходимости Царю оставаться у кормила правленія в центрѣ административно-государственнаго аппарата*). Царь тогда сказал, что “хотя ему это очень тяжело”, но он подчиняется рѣшенію, оговоривши, что это не “окончательное” его рѣшеніе и впоследствии оно может быть “измѣнено” (показанія Ник. Маклакова).

Как рассказывает Сухомлинов, Вел. Кн., занимавшій прежде пост председателя Совѣта Госуд. Оборонщ. принял верховное главнокомандованіе “совершенно к этому не подготовленным”; по словам Поливанова. Н. Н. настолько не был готов для занятія своего отвѣтственнаго поста, что “долго плакал”, не зная “за что ему взяться, чтобы разобратся с этим дѣлом”. Осложнили положеніе и личныя свойства довольно самовластнаго Великаго Князя — свойства, которыя Ник. Мих. в дневникѣ опредѣлил словами: «*ordre, contre-ordre et désordre*». “Настроен я пессимистически, — записал в сентябрѣ 14 г. бывшій на фронтѣ автор дневника, — так как тренія и колебанія в дѣйствіях верховнаго стали черезчур наглядными. Все дѣлается под впечатлѣніем минуты: твердой воли ни на грош, опредѣленнаго плана, очевидно, тоже не имѣется”. “При такой чудовищной войнѣ нашли кому поручить судьбу русскихъ воинов”, — восклицает в концѣ концов Ник. Мих. Пристрастность мемуарныхъ сужденій титулованнаго историка выступает на каждой страницѣ дневника. Но вот итог, который подвел в засѣданіи Совѣта Министров 16 іюля тогдашній глава военнаго вѣдомства достаточно дипломатичный ген. Поливанов, открыто сказавшій, что считает “своимъ гражданскимъ и военнымъ долгомъ заявить Совѣту Министровъ, что отечество в опасности”... “В Ставкѣ наблюдается

*) Сухомлинов подчинялся большинству, считая, что у него нѣтъ «нравственнаго права идти одному противъ всѣхъ». Познѣе Сухомлинова подтверждают и показанія Ник. Маклакова в Чр. Сл. Ком.

растущая растерянность. Она охвачена убойственной психологией отступления... В дѣйствіях и распоряженіях не видно никакой системы, никакого плана... И вмѣстѣ с тѣм Ставка продолжает ревниво охранять свою власть и прерогативы". Мы оставим в сторонѣ разсмотрѣніе стратегическаго вопроса, насколько "великое отступленіе 15 г. логически вытекало из необходимости отвести армию в глубь страны, чтобы спасти ее от "окончательнаго разгрома", как полагает военный историк Головин. Нам важны сопутствующія явленія и оцѣнка их тогдашним правительством.

2. — Ставка и правительство.

Для того, чтобы представить себѣ трагичность положенія в странѣ, которую создало установившееся двоевластіе, надлежит вслушаться в то, что говорилось в заѣданіях Совѣта Министров в дни, предшествовавшія окончательному рѣшенію Царя принять на себя верховное командованіе. Записи об этих министерских совѣщаніях по "секретным вопросам", сдѣланныя пом. управл. дѣлами Совѣта Яхонтовым, с большой образностью обрисовывают настроенія в правительственных кругах (министры не стѣснялись в "секретных заѣданіях" в своих откровенных сужденіях и выраженіях). Яхонтовская запись пріобрѣтает тѣм большее значеніе, что из памяти министров скоро испарилась трагичность пережитаго момента — напр., мин. вн. д. Щербатов не помнил уже деталей вопроса о несогласованности дѣйствій правительства и военных властей, когда он характеризовал дореволюціонное время в показаніях Чр. Сл. Комиссіи. Мы остановимся на нѣкоторых деталях, ибо в обстанокѣ, зафиксированной документом неключительной дѣйности, какую имѣет запись Яхонтова, лежит ключъ к пониманію перемен, которыя произошли в верховном командованіи.

Ненормальность положенія и полное разложеніе центрального правительственнаго механизма с совершенной очевидностью выступает в этом изложеніи. Причина отнюдь не лежала в "безнадежной дѣности и диничном безразличіи" престарѣлаго Горемыкина, как представил Сазонов в воспоминаніях. Самовластіе и "деспотизм" Ставки под верховным водительство вѣл. кн. Н. Н. ("молчать и не разсуждать — вот любимый окрик из Ставки", по выраженію Поливанова, употребленному в докладѣ Совѣту 15 іюня), не считавшіеся с Совѣтом Министров, приводили своим вмѣшательством в гражданское вѣдомство к полной анархіи. "неразберихѣ" и административному "хаосу" в странѣ. "Дезорганизация принимает столь угрожающій характер, что становится страшно за будущее. Иной раз, слушая рассказы с мѣст, думается, что находишься в домѣ сумасшедших", — говорил в том же заѣданіи главноуправляющій землеустройством и земледѣіем Кривошеин... "Так или иначе, но бедаму должен быть положен предѣл. Никакая страна, даже многотерпѣливая Русь, не может существовать при наличіи двух правительств. Или пусть Ставка возьмет на себя все и снимет с Совѣта министров отвѣтственность за теченіе дѣл или же пусть она и ея подчиненные считаются с интересами государственнаго управленія. Наш долг доложить об этом Государю и указать, что *настоящее положеніе длиться не может*".

Министр вн. д. Щербатов — тот самый, котораго А. Ф. считала

“тряпкой” и от которого Совѣтъ Министров требовал энергичных дѣйствій, добавлял черты для характеристики “безвыходнаго положенія”, когда у него нѣтъ власти “ни юридической, ни фактической”, когда он вынужден подчас быть “простым и безгласным” зрителем того, что происходит, когда он превращен в какого-то “всеобщаго козла отпущенія”, того “злосчастнаго Макара, на котораго всѣ шишки сыпятся”: он “лишен власти” даже в “столицѣ Имперіи”, у него нѣтъ средств бороться с “разбойнической печатью”. (Щербатов указывал, что даже полицейское управленіе петербургскаго градоначальника ему не подчинено). Министръ торг. и пром. Шаховской, со своей стороны, жалуется на “своеволие военных начальников” и требует их “обузданія”. В рабочем вопросѣ надо быть особенно “осторожным и тактичным”, а между тѣм, военныя власти “давят на рабочих террором”. “При малѣйшем недоразумѣніи пускают в оборот полевые суды, вооруженныя силы, лишеніе льгот по призыву и т. п. устраниенія. Незначительный конфликт раздувается в крупное чуть ли не революціонное событіе”. Шаховской (ставленник Распутина — утверждает Гурко) протестует против “расправ” военных властей с рабочими большими кассами, настаивает на восстановленіи дѣятельности профессиональных союзов, не функционирующих “на основаніи запретов в порядкѣ чрезвычайных уполномочій” “развязных” генералов.

Не важно, насколько в данном случаѣ вѣдомственная обиженность преувеличивала картину “безвыходной трагедіи”, порожденной произволом “ретивых генералов”, “предпримчивых прапорщиков” и “храбрых воителей”, забронированных словами “военная необходимость” и занимавшихся “внутренней политикой”. Важно то, что Совѣтъ Министров признавал свою полную безпомощность: военная власть всю отвѣтственность за неудачи переносила на правительство, а послѣднее эту отвѣтственность возлагало на командованіе. Мы пройдем мимо детальнаго изображенія фактов, которые в то время особенно волновали членов правительства и которые приписывались “могилевской демагогій”, как выразился госуд. контролер Харитонов. “Логика и велѣнія государственных интересов не в фаворѣ у Ставки”, — замѣчал военный министр, и Совѣтъ с нѣкоторым “ужасом” взирал на такія мѣтропріятія Ставки, как массовое выселеніе евреев, “огульно” обвиняемых в шпионажѣ, с прифронтовой полосы: “сотни тысяч”, “поголовно” гонимых “нагайками”, двигаются во внутреннія губерніи из черты осѣдлости и захваченной Галиціи. Подобная экзекуція происходит в момент, когда Совѣтъ вынужден обсуждать вопрос о “равноправіи” для еврейскаго населенія — по существу временнаго устраниенія запретной линіи черты осѣдлости, фактически во многих случаях нарушенной принудительной эвакуаціей. Инициатива принадлежала министру вн. д.: он указывал на опасность “демагогій” Ставки, сознательно, по его мнѣнію, выставлявшей евреев виновниками понесенных военных неудач (это своего рода *alibi* для неудачливых стратегов) и возбуждавшей погромное настроеніе в арміи. Даже “непримиримые антисемиты” возмущены такой политикой. “Дикія вакханаліи” возбуждают общественность и порождают революціонныя настроенія*).

* В маѣ Ставка додумалась до того, что отдала предписаніе замѣнять, «поголовное массовое выселеніе евреев», затруднительное для выполненія и вызывающее «нежелательныя осложненія», взятіем «заложников из не-

Но Ставка остается “глухой” ко всём “доказательствам и убѣждениям”. “Всѣ доступные нам способы борьбы с предвзятой тенденціей исчерпаны”, — говорил Щербатов: “Мы всѣ вмѣстѣ и каждый в отдельности и говорили, и просили, и жаловались”. За-границей. — свѣдѣтельствовала министру делегація от еврейской банковской обществѣнности, — начинают “терять терпѣніе”, и получается такая обстановка, при которой Россія скоро не найдет “ни копѣйки кредита”. Принципіальная сторона вопроса совершенно ступшевывается в преніях представителей правительственной бюрократіи, искавшей выхода из “заколдованнаго круга”: деньги можно достать только у “того племена”, с которым расправляется Янушкевич, — заявляет министр финансов Барк. Внѣ евреев нельзя на международном банковском рынкѣ найти “ни копѣйки”. “Мы тщетно просили воздержаться от возбужденія еврейскаго вопроса казацкими нагайками”. “Теперь — вторит ему Кривошеин, — нож приставлен к горлу, и ничего не поделаешь”. Нельзя вести войну одновременно с Германіей и евреями. “С душевным прискорбіем” должен согласиться на уступки в еврейском вопросѣ министр юстиціи Хвостов. Самарину также “больно давать свое согласіе”. Защита “овечек” (выраженіе Харитонова) от “незаслуженнаго преслѣдованія” ставится в плоскость: “дайте, и мы дадим”. В этом отношеніи оказался солидарен весь Совѣт Министров (лишь мин. путей сообщенія Рухлов, не оказывая формальной оппозиціи Совѣту, высказывал сомнѣніе (“душа не пріемлет”) в цѣлесообразности под “давленіем еврейской мощи” разрушать одну из основ “національной политики”).

“Еврейскій” вопрос осложнялся и практикой в “польском” вопросѣ. Мин. вн. д. освѣдомил о жалобѣ, с которой к нему обратились польскіе представители: “за сутки до выступленія... арміи из Варшавы жандармы, по требованію военных властей, арестовали массу народа — поляков и евреев — по подозрѣнію в австрійской ориентаціи. Исключенія не было сдѣлано даже для малолѣтних”. “Я провѣрил эти свѣдѣнія, — констатировал Щербатов, — и они оказались вполне вѣрными. Поляки возмущены, так как, повидимому, хватали без разбора... Факт произошел на территоріи театра войны, и министр... лишен там права голоса”... “Просто безумные люди там распоряжаются”. — восклицает мин. вн. д. — “Хорошую, нечего сказать, атмосферу создают для разрѣшенія русско-польских отношеній. Воззваніе верх. главнокомандующаго, общее направленіе нашей примирительной политики в польском вопросѣ — все это, значит, обман, вѣрность, а дѣйствительность — это генеральскій произвол. Воображаю, какое впечатлѣніе произведет на наших союзников, когда они узнают, что младенцев сажают в тюрьму за австрійскую ориентацію!!”...

Описанная картина “возмутительных безобразій”, “анархіи”, “произвола” и “безвластія” (эпитеты Щербатова) блѣднѣла в предвидѣніи грядущаго бѣдствія в “тылу театра войны”, порождаемаго отступательной стратегіей “мудрых” воителей, как провинчески выра-

правительственных равнинов и богатых евреев с предупрежденіем, что в случаѣ измѣны со стороны еврейскаго населенія заложники будут повѣшены». Матеріалы, собранные «Коллегіей еврейских общественных дѣятелей», которая работала при евреях-депутатах Гос. Думы, дают яркіе примѣры дальнѣйшаго творчества «ретивых генералов».

жалась в Совѣтъ Министров. Грозное развитіе бѣженскаго движенія — явленіе “самое неожиданное... и самое непоправимое”, ибо ни правительство, ни общественныя организаціи “не в силах ввести эту стихію в правильное русло”. “И что ужаснѣе всего”, — говорил Кривошеин, — это то, что систематическое опустошеніе прифронтовых мѣстностей “не вызвано дѣйствительной необходимостью или народным порывом, а придумано мудрыми стратегами для устрашенія непріятеля”. “Толпы доводимых до отчаянія людей” при содѣйствіи карательных отрядов насильственно срываются с мѣст. “По всей Россіи расходятся проклятія, болѣзни, горе и бѣдность. Голодные и оборванные повсюду вселяют панику (населеніе встрѣчает бѣженцев в “полѣнья”, — свидѣтельствовал мин. вн. д.), угашают послѣдніе остатки подъема первых мѣсяцев войны. Идут они сплошной стѣной, толчут хлѣб, портят лѣса, луга. За ними остается чуть ли не пустыня, будто, саранча прошла, либо тамерлановы полчища — желѣзныя дороги забиты, передвиженіе даже военных грузов, подвоз продовольствія скоро станут невозможными. Не только ближній, но и глубокой тыл нашей арміи опустошен, разорен, лишен послѣдних запасов. Я думаю, что нѣмцы не без удовольствія наблюдают повтореніе 1812 года. Устраиваемое Ставкой второе великое переселеніе влечет Россію в бездну, к революціи и к гибели”*). “Прямо чудовищно все, что происходит”, — возвращается к бѣженскому вопросу через нѣсколько засѣданій Кривошеин: “как будто люди нарочно дѣлают все, чтобы погубить Россію, затянуть ее в бездну. Ни один народ не спасался собственным разореніем”**). Штабы потеряли способность разсуждать и давать себѣ отчет в дѣйствіях”, — подводит итог Поливанов... “Надо просить Государя вмѣшаться в это безобразіе, — заключает Щербатов***).

Необходимость обращенія к верховной власти, как *ultima ratio*, становится обычным акомпаниментом к рѣчам и резолюціям Совѣта министров. Первое засѣданіе 16 іюля (с него начинаются записи Яхонтова), на котором военный министр прорекламиривал свое “отечество в опасности”, запротоколировало слова Поливанова: “Печальнѣе все-

*) Эта вѣра в «непобѣдимость нашу при оборонительной отечественной войнѣ, когда и время и пространство и самыя черты нашего народнаго характера... должны нас спасти от превосходнаго по культурѣ нашего врага», была столь сильна в Ставкѣ, что заражала и кн. Кудашева, который писал об этом Сазонову. Несмотря на выраженныя в Совѣтѣ министров скептическія сужденія, граничившія в устах Кривошеина с издѣвательством над тѣми quasi патриотическими формами, которыя принимала «отечественная» война (в «Русск. Вѣд.» писатель Козловскій одновременно показывал логическую бессмыслицу инсценировки «1812 года» в польских губерніях), Горемыкин, открывая Гос. Думу в годовщину войны, взял эту тему исходным пунктом для своей рѣчи.

**) Как должно было отразиться во время войны бѣженство на общем транспортѣ, видно уже из того, что в сентябрѣ бѣженцами было захвачено 115 тыс. товарных вагонов.

***) Ген. Данилов, исходя из преимуществ Россіи в «отечественной» войнѣ, в самыя критическіе моменты высказывал Кудашеву оптимистическую увѣренность в окончательной побѣдѣ, если только «не будет революціи». Сам верховный главнокомандующій поразил своим спокойствіем председателя Думы. На вопрос Родзянко: «что вы так спокойны?» Вел. Кн. сказал: «Я к этому приготовился, я еще в январѣ говорил, что не могу воевать без снарядов, без винтовок и без сапог».

го, что правда не доходит до Е. В. Государь осуждает положение на фронтѣ и дальнѣйшія перспективы только на основаніи сообщений, обрабатываемых Ставкой. И наша... обязанность, не откладывая ни минуты, умолять Е. В. немедленно собрать под своим председательством чрезвычайный военный совѣтъ (генералов и министров)... Мѣра эта обуславливается не только военной необходимостью, но и соображеніями внутренней политики, ибо население недоумѣвает по поводу вышше безучастнаго отношенія Царя и его правительства к переживаемой на фронтѣ катастрофѣ". Совѣтъ Министров постановил представить Государю "единодушное ходатайство правительства".

По записям Яхонтова "общее возмущеніе" вызвал в Совѣтѣ проект Ставки о надѣленіи землей наиболѣе отличившихся воинов*). 24 іюля Кривошеин докладывал полученное им от ген. Янушкевича письмо "совершенно исключительнаго содержанія". Начальник штаба писал, что русским солдатам чужда мысль "драться за Россію"; тамбовец готов грудью стоять за Тамбовскую губернію, но война в Польшѣ ему чужда, и поэтому солдаты сдаются во множествѣ в плѣн; русскаго солдата нужно имущественно заинтересовать в сопротивленіи врагу, поманивъ его надѣленіем землей под угрозой конфискаціи ея у сдающихся в плѣн и т. д. "Героев надо купить" по мнѣнію ближайшаго сотрудника Вел. Князя — негодовав Кривошеин, увидѣвшій здѣсь лишь обычное «каlibi», желаніе отвести от себя "отвѣтственность за происходящее". "Необычайная паициость или вѣрнѣе сказать непростительная глупость письма нач. штаба Верх. Главнок. приводит меня в содраганіе. Можно окончательно впасть в отчаяніе... Теперь наступила катастрофа — прибѣгают к опороченію всего русскаго народа... Подумайте только, в чьих руках находятся судьбы Россіи, Монархіи и всего міра. Творится что-то дикое... Я не могу больше молчать. Я не смѣю кричать на площадях и перекрестках, но вам и Царю я обязан сказать".

Говорил Кривошеин с "величайшей страстностью" о "возмутительном письмѣ" Янушкевича — видно было "до какой степени он взволнован, потрясен откровеніями Начальника Штаба***). Харитонов: "Если Янушкевич думает покупать героев и только этим способом

*) Фондом для этого должны были послужить земли государственныя, скупленныя Крестьянским Банком, отчуждаемыя владѣнія нѣмцев-колонистов и непріятельских подданных. Янушкевич специально написал военному министру письмо (оно приведено в воспоминаніях Поливанова) с просьбой воздѣйствовать на членов Думы (Родзянко или людей центра) в том смыслѣ, чтобы с кафедры Думы было заявлено, что семьи добровольно сдающихся в плѣн будут лишены земельного пайка и переселены в пустынные земли Сибири. «Вопрос кармана долѣет над всѣм». — утверждал представитель Ставки, пытавшійся инспирировать вторую «отечественную войну».

**) Курьезно, что сам Кривошеин косвенно явился источником, откуда Ставка почерпнула свой мудрый проект. В письмѣ Царя 8 апрѣля значится: «Прибыл Кривошеин и высказал Н. в моем присутствіи разныя соображенія насчет мѣр, которыя могли быть приняты для вознагражденія офицеров и солдат, уходящих из арміи по окончаніи войны, кто отличился, кто получил увѣчья и вообще всѣх раненых. Отличныя соображенія, которыми я подѣлюсь с тобой дома». Как видно из воспоминаній Поливанова, этот вопрос обсуждался в Совѣтѣ Министров 3 марта и 17 апрѣля 15 г. и вновь на засѣданіи в Царском Селѣ 24 іюля. Идея находила отклик во вѣн — так в защиту надѣленія землей «героев войны» выступил в «Нов. Вр.» проф. Мочульскій, а позже, Шульгин.

обеспечить защиту родины, то ему не мѣсто в Ставкѣ... Мы обязаны предупредить Государя". *Сазонов*: "Я не удивлен этим позорным письмом... Ужасно то, что Вел. Кн. в плѣну у подобных господ. Ни для кого не секрет, что он загнипотизирован Янушкевичем и Дапиловым, в карманѣ у них*). Это чорт знает что такое! Благодаря таким самовлюбленным ничтожествам, мы уже потеряли исключительно благоприятно начавшуюся кампанію и опозорили себя на весь мѣръ... Неужели же мы будем все время молчать, неужели в Совѣтѣ Министров не хватает мужества *открыть глаза, кому слѣдует*. В извѣстной обстановкѣ чрезмѣрная осторожность граничит с преступленіем"...

Царь был таким образом достаточно освѣдомлен и через отдѣльных министров и через председателя Совѣта; в засѣданіях послѣдняго становится почти трафаретным заявленіе Горемыкина: "Я обращаю вниманіе Государя на это сплешное безобразіе. На фронтѣ совѣтъ теряют голову". Министры сами подталкивали мысль Царя на вывод, что единственным выходом было бы принятіе на себя верховнаго командованія; если "верховным" будет сам Император, тогда "никаких недоразумѣній не возникало бы, и все вопросы разрѣшались бы просто — вся исполнительная власть была бы в однихъ руках" (Кривошеин). В засѣданіи 16 августа Поливанов предупредил Совѣтъ, что в Ставкѣ разрабатывается вопрос о расширеніи территоріи театра войны вглубь страны до линіи приблизительно Тверь—Тула: "таким образом еще добрая половина матушки Россіи уходит из рук правительственной власти и поступает в безраздѣльное обладаніе рылаго Данилова..." *Щербатов*: "Не только надо протестовать, но категорически заявить, что это недопустимо... Нельзя отдавать центральныя губерніи на растерзаніе рылаго Данилова и его орды тыловыхъ героев..."**).

*) Другіе современники дают иную характеристику взаимоотношеній в Ставкѣ: Янушкевич обладал, по выраженію Курлова, единственным недостатком — «страхомъ перед Великимъ Княземъ».

**) Большой занозой для Совѣта являлся и «московскій вопросъ», в мнѣніи Курлова представлявшій все тѣ затрудненія, с которыми сталкивалось правительство при самовластнѣ Ставки, и угрожавшій новыми осложненіями в связи с расширеніемъ прифронтовой полосы на внутреннія губерніи. В Москвѣ, пользуясь своим, какъ выразился государственный контролер, «полувысочайшимъ положеніемъ», «воеводствовалъ» ген.-ад. кн. Юсуповъ, назначенный в маѣ командующимъ войсками и главноначальникомъ столицы с недостаточно опредѣленными функциями. Это было послѣ знаменитаго антиинѣмцкаго погрома. Совѣту министровъ чуть ли не десять разъ приходилось «тратить время на разсмотрѣніе и примиреніе княжескихъ претензій со здравымъ смысломъ». В концѣ концовъ Юсуповъ объявилъ «забавовку» до принятія Совѣтомъ министровъ его требованій — такъ охарактеризовалъ положеніе дѣлъ *Щербатовъ*. Министръ вн. д. докладывалъ монарху о создавшейся ситуациі, и Царь намѣтилъ в качествѣ выхода возстановленіе в первопрестольной ген.-губернаторства с назначеніемъ на этотъ постъ Юсупова: по мнѣнію Царя «такое назначеніе оформило бы его положеніе и ввело бы его дѣятельность в рамки нормальнаго закона». (Передъ тѣмъ, Царь писалъ женѣ, что в Ставкѣ Юсуповъ былъ с докладомъ и «мы нѣсколько охладили его пылъ»). Но Юсуповъ соглашался вернуться в Москву при условіи, что ему будутъ даны исключительныя полномочія: право по своему усмотрѣнію объявлять в Москвѣ военное положеніе, непосредственное подчиненіе гарнизона, который долженъ быть снабженъ пулеметами и т. д. «Если Юсупову дать просимыя полномочія, — докладывалъ *Щербатовъ*, — то Москва фактически ускользнетъ изъ рукъ минист. вн. д. и превратится в независимую деспотію... По мнѣнію Кривошеина надо воспользоваться благоприятной обстановкой, чтобы «удалить

Кривошеин: “Серьезно, людей охватывает какой-то массовый психоз, затмение всех чувств и разума”. *Горемыкин* (обращаясь к военному министру): “Вы им решительно напишите, что их проект сплошной вздор... А я переговорю с Государем Императором и буду его просить образумить авторов этого проекта”. *Поливанов*: “Есть и еще один болѣе пикантный проект... Главнокомандующий южным фронтом (*Иванов*) находит, что для побѣды над врагом необходимо эвакуировать в принудительном порядкѣ прифронтовую полосу на 100 верст в глубину страны”. Позднѣ приходит сообщеніе из Ставки, что признается неизбѣжной эвакуація Кіева. “Генеральская паника” вызывает бучу в Совѣтѣ, тѣм болѣе, что военный министр высказывает увѣренность, что Кіеву “непосредственной опасности” не грозит*). *Харитонов*: ...“Нельзя же ради испуганной фантазій будоражить цѣлый край... Оставленіе Матери русских городов отзовется по всей Россіи... Злость берет от нашего безсилія перед генеральскою отступательною храбростію”. *Щербаков*: ...“Военная власть окончательно потеряла голову и здравый смысл. Как будто нарочно создается повсюду хаос и беспорядки”. *Сазонов*: “Вся эта исторія глубоко меня возмущает. Военный министр высказывает увѣжденіе, что Кіеву не грозит опасность, а гг. растерявшіеся генералы хотят его эвакуировать, бросить на растерзаніе австрійцев. Могу себѣ представить, какое впечатлѣніе

Юсупова с его австрійскими пулеметами и своеобразной политикой... У него несомнѣнно манія величія и в формѣ опасной, не будучи еще властелином московским, он договаривается с правительством, как с сосѣдней державой». Самарин обращает вниманіе на то, что Юсупов «успѣлъ пріобрѣсти довольно широкую популярность в Московских низах». Его считают «непримиримым врагом нѣмцев и истребителем нѣмецкой крамолы в государствѣ». (Эта «крамола», по словам Щербакова, чудится повсюду, чуть ли не в самом Совѣтѣ министров)... «Начнут кричать, что правительство играет на руку нѣмцам, удаляя непреклоннаго борца с нѣмецкими шпіонами». В дни московскаго погрома Юсупов, выступая в городской думѣ, открыто заявил, что он «вполнѣ на сторонѣ рабочаго люда, который протестует против нѣмецкаго засилья» — на одного русскаго в Москвѣ три нѣмца. За это мин. вн. д. назвал московскаго правителя «демагогом».

И вот началась длинная вольнка. Юсупов упорствовал на своем ультиматумѣ, Совѣтъ разсматривал «пункты» и придумывал компромиссы. Поливанов докладывал Царю «соображенія» Совѣта министров. «Посовѣтуйте, как мнѣ быть с Юсуповым, он не идет ни на какія уступки». По существу же доклада «никаких высочайших предказаній» не было дано. На слѣдующем засѣданіи предсѣдатель объявил, что «Е. В. предоставил кн. Юсупову окончательно сговориться по поводу его требованій относительно генерал-губернаторских полномочій с военным министром». Поливанов успѣшно выполнил свою миссію, уже 4 сентября Юсупов был уволен «по прошенію». Не служит ли юсуповскій инцидент подтвержденіем того, что никакой, даже отдаленной мысли о возможности сепаратнаго мира у А. Ф. в то время не было — она пыталась отстаивать нѣмцефоба Юсупова... «Мнѣ так хочется, чтобы Юсупов вернулся в Москву», — писала она 2 сентября. «В Москвѣ нужен глаз», Юсупов, в ея представленіи «глуп, но искренне предан».

*) Еще в маѣ Царь в письмѣ к женѣ отмѣтил «угнетенное, пришибленное настроеніе в Ставкѣ» — «бѣдный ген. Драгомиров спятил и начал рассказывать направо и налево, что необходимо отступить до Кіева. Такіе разговоры, когда идут сверху, подѣйствовали, разумѣется, на дух командующих генералов и в соединеніи с отчаянными германскими атаками и нашими страшными потерями привели к выводу, что им ничего не остается, как отступить».

это произведет на наших союзников, когда они узнают об оставлении... центра огромного хлѣбороднаго района”...

“Растущая растерянность Ставки”, распрояженія которой принимают “истерическій характер”*), вызывает такую же истерическую критику со стороны министров, обиженных тѣм, что их игнорируют в катастрофическій момент, и пришедших в паническое состояніе от заслушаннаго сообщенія военнаго министра. “Армія уже не отступает, а попросту бѣжит”, — докладывал он 6 августа: “Малѣйшій слух о неприятѣ, появленіе незначительнаго нѣмецкаго разѣзда вызывает панику и бѣгство цѣлых полков... Ставка окончательно потеряла голову, противорѣчивые приказы, метаніе из стороны в сторону, лихорадочная смѣна командиров и повсемѣстный безпорядок совпадают с толка даже самых стойких людей... Психологія отступления настолько глубоко прораба весь организм Ставки, что внѣ пресловутаго заманиванія пространством не видят и не ощущают никакого исхода, никакой борьбы”. “Историк не повѣрит, что Россія вела войну в слѣбую и пришла потому к краю гибели, что миллионы людей безсознательно приносились в жертву самоубійею одних, преступностью других. То, что происходит в Ставкѣ сплошной позор и ужас” — еще раз вызывает Кривошеин 24 августа... “Защитники со всѣми удобствами благо временно удирают перед воображаемой опасностью, а мирных людей бросают на произвол судьбы, на полное разореніе”... “Дѣйствительно на стѣну полѣзешь”. “Наш долг неуставно повторять Е.И.В. (“надо умолять”) о необходимости созыва объединеннаго совѣта в составѣ всего правительства и военачальников. Задача Совѣта выработать план дальнѣйшаго веденія войны и установленія строгаго порядка выполнения эвакуаціи... Когда это говорят спеціализировавшіеся на эвакуаціонных маневрах спасители отечества (Кривошеин такія рѣшенія называл “приговором фельдшера” и противопоставлял ему авторитет врачебнаго консиліума), то я буду кричать и возмущаться”**).

3. — “Фатальное” рѣшеніе Н и к о л а я П.

В такой обстановкѣ Царь принял рѣшеніе возложить на себя верховное командованіе. Хорошо подчас освѣдомленный вел. кн. Андрей Вл. и по большей части точный в своих передачах, говорит, что перед тѣм Царь получил “паническое” письмо с фронта от Н. Н. и даже “плакалъ”, страдая от своей оторванности от войны. Нельзя болѣе ярко, чѣм это дѣлают “записи” Яхонтова, показать, что в представленіи отвѣтственнаго тогда за судьбу Россіи лица рѣшеніе это могло казаться

*) «Подавленное» настроеніе в Ставкѣ в это время отмѣтил и постоянный корреспондент Сазонова — Кудашев (письмо 25 іюля).

**) Военный министр весьма скептически оцѣнивал «суворовскій маневр заманиванія неприятеля внутрь страны подальше от коммуникаціонных линій» и рѣзко высказывался против «вредной иллюзіи». «Надо думать не о побѣдах, а о том, как бы спасти жизненный центр Россіи от захвата неприятеля. Надо не убаюкиваться несбыточными надеждами, а сосредоточить всѣ силы на сопротивленіи». Мы не будем разсматривать стратегическій вопрос насколько «великое отступленіе» логически вытекало из необходимости отвести армію вглубь страны, чтобы спасти ее от «окончательнаго разгрома», как полагает военный историк Головин.

ся единственным выходом из “тупика”, когда военный министр, рисуя картину какого-то сплошного разгрома, умолял лишь на традиционную российскую “грань” и “на милость Николая Угодника”.

6-го августа военный министр сообщил Совѣту, что на утреннем докладѣ Царь объявил ему об устраненіи Великаго Князя. “Как ни ужасно то, что происходит на фронтѣ, есть еще одно гораздо болѣе страшное событіе, которое угрожает Россіи”, — сказал Поливанов. Вѣсть эта вызвала “сильѣйшее волненіе”, — замѣчает в своих комментаріях неофициальный протокол засѣданія. “Все заговорили сразу и поднялся такой перекрестный разговор, что невозможно было уловить отдѣльных выступленій”. Между тѣм, Совѣт должен был быть подготовлен к возможности такого именно разрѣшенія поставленной дилеммы. Умудренный опытом Горемыкин обращал вниманіе Совѣта еще 16 іюля на “необходимость с особой осторожностью касаться вопроса о Ставкѣ. В Царском Селѣ нагнана раздраженіе и неудовольствіе против Великаго Князя. Имп. А. Ф., как вам извѣстно, никогда не была расположена к Ник. Ник. и в первые дни войны протестовала против призванія его на пост Главнокомандующаго. Сейчас она считает его единственным виновником переживаемых на фронтѣ несчастій. Огонь разгорается. Опасно подливать, в него масло. Бог знает, к каким это может повести послѣдствіям”.

В показаніях Чр. Сл. Ком. Щербатов указывал, что за двѣ недѣли до объявленія Царем рѣшенія вступить в командованіе на одном из засѣданій Совѣта Министров в Царском Селѣ, на котором поднимался вопрос о неурегулированности отношеній между гражданской и военной властью, он говорил, что “необходимо объединеніе, но не доводя до крайности”. “Что вы хотите сказать этим? — спросил Царь. “Крайностью было бы совмѣщеніе в лицѣ В.И.В. всей власти верховнаго главнокомандующаго”, — пояснил Щербатов. Николай II “по-краснѣл” и сказал: “Нѣтъ об этом рѣчи быть не может. Я хотѣл это сдѣлать в началѣ войны, но Совѣт Министров меня убѣдил не дѣлать”. “А через двѣ недѣли, — добавляя свидѣтель, — не предупредив нас, зная, как мы относимся, он рѣшил сдѣлаться верховным главнокомандующим. Вот, до какой степени трудно было с ним имѣть дѣло!”.

Между началом войны и настроеніями іюльско-августовских дней столь большая дистанція, что перерѣшеніе вопроса в данном случаѣ не может служить показателем безхарактерности монарха, легко поддающагося закулисным вліяніям (“объясняли это вліяніем Императрицы и Распутина”, — свидѣтельствовал Щербатов). Сказал ли Государь в дѣйствительности так опредѣленно, как значится в показаніях Щербатова, мы в точности, конечно, не знаем*). Нѣкоторая скрытность была свойственна этому человѣку, избѣгавшему противодѣйствія. Он дѣйствительно знал, что в этом вопросѣ противодѣйствіе будет особенно упорно. Очевидно, внутреннее рѣшеніе было принято гораздо раньше, чѣм оно выявилось наружу. В іюлѣ Государь был в Царском Селѣ, и в нашем распоряженіи нѣтъ того первостепенной важ-

*) Надо имѣть в виду, что революціонное время наложило опредѣленный отпечаток на показанія Щербатова, в силу чего между ними и записью Яхонтова, насколько она воспроизводит слова министра в засѣданіи Совѣта, получается разпорѣчіе.

ности источника для определения психологических мотивов его действий, каким является переписка с женой. В дни принятия окончательного решения Распутин был в отсутствии — это подчеркивал в Совете Министров кн. Щербатов. Лишь *post factum* “наш Друг” благословил совершившееся, очевидно, вызванный в последний момент, когда у Царя, под влиянием окружавшей оппозиции, проявились колебания, или А. Ф. боялась этих колебаний. Тогдашняя молва (запись Ан. Вл.) говорила, что Распутин “в пьяном виде публично похвалялся, что прогнал Николашку”*)).

Из слов Щербатова в Чр. Сл. Ком. приходится заключить, что министры предвидели возможность такого выхода. Относились ли они к нему принципиально так явно отрицательно, как это оказалось на деле? На вопрос председателя Чр. Сл. Ком.: “что вас заставило выступить в пользу оставления верховного командования за вел. кн. Н. Н.”, Щербатов сказал: “Мы полагали, что Государь лично, не обладая никакими способностями военными, ...ничего не внесет полезного в смысле военном, но внесет в Ставку все те отрицательные стороны, которые всегда Двор приносит в военную среду. За тем пребывание Государя в Ставке технически делало невозможным правильное управление страной ...внесет такую безалаберчину и такой беспорядок, от которых будет несомненно большой ущерб... А затем, отдавали себя отчет, что оставление Императрицы здесь могло грозить стремлением в той или иной форме, если не регентствовать, то близко к этому, что во всех отношениях было крайне опасно”. Мы увидим, что и Сазонов в воспоминаниях выдвигает опасение закулисных влияний вокруг Царицы в случае отъезда Императора в Ставку, о чем он пытался намекнуть в личной беседе с Николаем II. Поливанов в показаниях, рассказывая о попытке своей отговорить Царя от стремления встать во главе армии, говорил, что он не мог высказать “внутренней причины” своих возражений и поэтому указывал на трудность совместить должности правителя и верховного командования и на опасность оставления страны без руководства. Истинная же причина заключалась в полной неспособности Царя к военной делу: “он разумел видящую декоративную сторону... стратегическая соображения ему были довольно чужды”. (Интимная царская переписка не дает материала для такого суждения — скорее впечатлительное противоположное. Но, повидимому, у Царя и не являлась мысль, что он сам будет направлять стратегию — командование в его глазах приобретало символическое значение, усиленно подчеркиваемое А. Ф.).

Те соображения, которые выдвигали опрошенные впоследствии министры, совершенно ускользнули от внимания записывавшего прения в Совете Министров в часы, когда приходилось непосредственно реагировать на решение Царя. В их суждениях доминировал один мотив: “опасность вступления главы государства в командование в момент деморализации и упадка духа армии, являющихся следствием постоян-

*) См. ниже заявление Самарина в Совете Министров: хуже, что в полемике с Гурко ее поддержал историк Милоков, сославшись на позднейшую документацию («как теперь известно»). Эту ходячую версию естественно воспринял такой поверхностный исследователь российской предреволюционной современности, каким является немецкий писатель-историк Ф. Мюллер.

ных неудач и длительного отступления”. Прочитываемые слова принадлежат Поливанову. “Зная подозрительность Государя и присущее ему упорство в принятых рѣшеніях личного характера, я пытался — передавал 6 августа Поливанов о своей бесѣдѣ с Царем, — с величайшей осторожностью отговаривать, умолять хотя бы отсрочки приведения этого рѣшенія в исполненіе... Я не считал себя в правѣ умолчать о возможных послѣдствіях во внутренней жизни страны, если личное предводительствованіе Царя не измѣнит в благоприятную сторону положенія на фронтѣ и не остановит движенія непріятеля внутрь страны; при этом я доложил, что по состоянію наших сил нѣтъ надежды добиться хотя бы частных успѣхов, а тѣм болѣе трудно надѣяться на приостановку побѣдоноснаго шествія нѣмцев. Подумать жутко, какое впечатлѣніе произведет на страну, если Государю Императору пришлось бы от своего имени отдать приказ об эвакуаціи Петрограда или, не дай Бог, Москвы. Е. В. внимательно прослушал меня и отвѣтил, что все это им взвѣшено, что он сознает тяжесть момента, и что тѣм не менѣе рѣшеніе его неизмѣнно”. Послѣ Поливанова выступил *Щербатов*: “До меня за послѣднее время доходили слухи об интригах в Ц. С. против Великаго Князя и я подозрѣвал, что это может кончиться вступленіем Государя в верховное командованіе. Но я никак не думал, что этот удар разрѣшится именно теперь, в самый неблагоприятный момент для рѣшенія”. Щербатов указывал, что в военных неудачах и в тыловой разрухѣ “во многом виноват самого Государя”. “Если Е. В. отправится на фронт, как можно будет обезпечить ему охрану среди происходящаго там столкновенія... Как оберегать Государя от тысяч бродящих... дезертиров, голодных, обремененных людей... А царская семья? Я не могу поручиться за безопасность Царскаго Села... Кучка предприимчивых злоумышленников может проникнуть, и ослабленный отбѣздом личной охраны Государя гарнизон окажется в тяжелом положеніи. Возможность же подобных попыток далеко не исключена при современных подозрительных настроеніях и исканіи виновников переживаемых несчастій”... Выѣшывается *Горемыкин*: “Е. В. уже нѣсколько дней тому назад предупредил меня о принятом им рѣшеніи. Когда я в прошлых засѣданіях во время сужденій о взаимоотношеніях между военными и гражданскими властями предупреждал вас о необходимости с чрезвычайной осторожностью касаться перед Государем вопроса о Ставкѣ, я имѣл в виду именно опасность ускоренія этого рѣшенія”. *Сазонов* перебивает: “Как же вы могли скрыть от своих коллег по кабинету эту опасность? Вѣдь дѣло затрагивает такіе интересы, от которых зависит судьба Россіи. Если бы вы сказали нам откровенно, мы нашли бы, вѣроятно, способы противодействовать рѣшенію Государя, которое я не могу назвать иначе, как пагубным”. *Горемыкин*: “Я не считал для себя возможным разглашать то, что Государь повелѣл мнѣ хранить в тайнѣ. Если я сейчас говорю об этом, то лишь потому, что военный министр нашел возможным нарушить эту тайну и предать ее огласкѣ без соизволенія Е. В.*). Я человек старой школы, для меня высочайшее повелѣніе закон... Когда на фронтѣ почти катастрофа, Е. В. считает священной обязанно-

*) В показаніях Поливанова значится, что Царь разрѣшил ему сообщить только предсѣдателю Совѣта.

стью русскаго царя быть среди войск и с ними либо побѣдить, либо погибнуть. При таких чисто мистических настроеніях вы никакими доводами не уговорите Государя отказаться от задуманнаго им шага... в данном рѣшеніи не играют никакой роли ни интриги, ни чьѣ-либо вліянія. Я также... прилагал всѣ усилія, чтобы удержать Е. В. от окончательнаго рѣшенія и просил его отложить до болѣе благопріятной обстановки. Я тоже нахожу принятіе Государем командованія весьма рискованным... но он, отлично понимая этот риск, тѣм не менѣе не хочет отказаться от своей мысли о царственном долгѣ. Остается склониться перед волею нашего Царя и помочь ему". *Сазонов*: "... бывають обстоятельства, когда обязанность вѣроподанных настаивать перед Царем во имя общегосударственных интересов... Надо еще учитывать и то, что увольненіе Вел. Кн. произведет крайне неблагопріятное впечатлѣніе на наших союзников... нельзя скрывать..., что за границей мало вѣрят в твердость характера Государя и боятся окружающих его вліяній. Вообще все это настолько ужасно, что у меня какой-то хаос в головѣ дѣлается. В какую бездну толкается Россія". *Кривошеин*: "Я давно подозрѣвал возможность заявленія Государем желанія встать непосредственно во главѣ арміи — это вполне соответствует его душевному складу и мистическому пониманію своего царскаго призванія. Но я был далек от мысли, что этот вопрос может выдвинуться именно в настоящій абсолютно неподходящій момент, и что облеченное до сих пор монаршим довѣріем правительство будет поставлено лицом к лицу с предрѣшенным актом такой величайшей исторической важности... Ставится ребром судьба Россіи и всего міра. Надо протестовать, умолять, настаивать, просить... чтобы удержать Е. В. от безповоротнаго шага. Мы должны объяснить, что ставится вопрос о судьбѣ династіи, о самом тронѣ, наносится удар монархической идеѣ, в которой сила и вся будущность Россіи. Народ давно уже со времен Ходынки и японской кампаніи считает Государя царем несчастливым, незадачливым... Напротив, популярность Вел. Кн. еще крѣпка, и он является лозунгом, вокруг котораго объединяются послѣднія надежды. Армія тоже, возмущаясь командирами и штабами, считает Н. Н. своим истинным воздем. И вдруг — смѣна верховнаго главнокомандованія. Какое безотрадное впечатлѣніе и в обществѣ, и в народных массах, и в войсках"... *Щербатов*: "Не может быть сомнѣнія в том, что рѣшеніе Государя будет истолковано, как результат вліянія пресловутаго Распутина. Революціонная и антиправительственная агитація не пропустит удобнаго случая"... *Харитонов*: "У меня напрашивается сомнѣніе, как отнесется къ его устраненію сам Вел. Князь. Человѣкъ он нервный, впечатлительный, болѣзненно самолюбивый... В Ставкѣ..., несомнѣнно, возможны попытки склонить Е. В. на какіе-нибудь рѣшительные шаги". *Поливанов*: "молча развел руками и пожал плечами" — значится в записки Яхонтова, — *Кривошеин*, *Сазонов*, *Барк* в один голос утверждают, что со стороны Вел. Князя "не может быть никакой опасности неповиновенія", что эти соображенія должны быть "совершенно исключены" и что не слѣдует "закугивать несуществующими опасеніями и возбуждать давно уже недобрія чувства его (Царя) в отношеніи Вел. Князя" — "подобный аргумент способен только разжечь пожар". *Горемыкин* против коллективнаго выступленія: "Оно не только не принесет

никакой пользы, но, напротив, повредит. Вы знаете характер Государя, и какое впечатлѣніе на него производит подобныя демонстраціи. К тому же... рѣшеніе его непоколебимо. Никакія вліянія тут не при чем. Всѣ толки об этом — вздор"... Призыв Горемыкина — отмѣчает запись — "не производит особаго впечатлѣнія, пройди мало замѣченным". Принято было рѣшеніе: просить военного министра доложить Государю мнѣніе Совѣта Министров и умолять или о пересмотрѣ принятаго рѣшенія или хотя бы об отсрочкѣ приведенія его в исполненіе до наступленія болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ. Развѣхались министры "в большомъ возбужденіи": общее настроеніе, — "какъ Государь могъ принять безъ совѣщанія съ правительствомъ рѣшеніе, столь глубоко затрагивающее всю государственную жизнь... Значит, к Совѣту нѣтъ довѣрія".

**
*

Черезъ два дня, в засѣданіи Совѣта 9 августа, Горемыкин сообщил, что доклад военного министра не повліял на рѣшеніе Царя, и что оно остается "неизмѣнным"; "в настоящую минуту военный министр находится в Ставку, куда он послан... с порученіемъ сговориться о порядкѣ осуществленія сдачи командованія*).

На слѣдующій день снова собрался Совѣт. Вначалѣ настроеніе было "болѣе спокойно". У Царя возникла мысль пока остаться в Петербургѣ и здѣсь обособить Ставку. Члены Совѣта находили такую комбинацію "болѣе успокоительной". Совѣтъ занялся выработкой формы, в которую надлежало облечь совершившуюся перемену: "позолотить шилою"; которая преподносилась Вел. Князю. Настроеніе измѣнилось под вліяніемъ выступленія Самарина, отсутствовавшего на предшествовавшихъ засѣданіяхъ. Он ждал "грозныхъ послѣдствій" от перемены верховнаго командованія. "Повсюду в Россіи настроенія до крайности напряжены... Достаточно одной искры, чтобы вспыхнулъ пожар... вступленіе Государя Императора в предводительство арміей явится уже не искрой, а дѣлой свѣчей, брошенной в пороховой погреб. Во всѣхъ слояхъ населенія, не исключая деревни, думскія рѣчи произвели страшное впечатлѣніе и глубоко повліяли на отношеніе к власти. Революционная агитація работает... И вдруг в такую минуту громко прокатится по всей Россіи вѣсть об устраненіи единственнаго лица, с которымъ связаны чаянія побѣды, о выступленіи на войну самого Царя, о которомъ в народѣ сложилось... убѣжденіе, что его преслѣдуютъ несчастья во всѣхъ начинаніяхъ". Правительство должно было, по мнѣнію Самарина, в полномъ составѣ протестовать передъ Царемъ; разъ это не было сдѣлано, то Самаринъ считалъ своимъ долгомъ лично высказать носителю верховной власти свой взглядъ. Харитоновъ: "Все

*) В воспоминаніяхъ Подливановъ упомянулъ о совершенно удивительномъ, почти трогательномъ эпизодѣ, который прекрасно характеризуетъ «цинично-безразличнаго», вѣдше сохранявшаго спокойствіе Горемыкина, в дѣйствительности, переживавшаго в этот моментъ глубокое волненіе; передъ отъѣздомъ в Ставку для выполненія порученной трудной миссіи Подливановъ посѣтилъ предсѣдателя Совѣта: «Старикъ повторилъ свое мнѣніе: «что же тутъ дѣлать» и при прощаніи благословилъ меня и неожиданно, растрогавшись, чмокнулъ меня в руку, чѣмъ привелъ меня в глубокое смущеніе, заставившее меня поцѣловать его лобъ».

дѣло в том, что рѣшеніе было принято тайно от Совѣта Министров".
"Самарин: "...Надо было... на колѣнях умолять Государя не губить своего престола и Россіи"... Сазонов: "Мы не менѣе горячо, чѣм вы... желали отговорить Государя от пагубнаго рѣшенія, но в Россіи даже отвѣтственные министры не имѣют права голоса". Самарин: "Если членов правительства не хотят даже выслушать, то как они могут нести свою службу и дѣлать государево дѣло". Горемыкин: "... Наша бесѣда может завести так далеко, что и выхода не будет"... Комментарій протокола пишет: "температура повышается, споры и возраженія принимают необычайный для Совѣта Министров тон". "Неуявися, что будет", — заключил госуд. контролер: "хорошій моментик... для смѣны командованія. Столица под угрозой (обсуждался вопрос о частичной эвакуаціи Петербурга — вывоза музейных цѣнностей), Дума сорвалась с цѣпи и кусает всѣх направо и налево, повсюду волненія и безпорядки. Царь не довѣряет своим министрам"...

В засѣданіи 11 августа Сазонов сообщил о выполненіи миссіи по поводу рескрипта Вел. Князю, к чему Царь отнесся очень сочувственно: "чудесная мысль, скорѣе за работу". Сообщение Сазонова встрѣчено было в Совѣтѣ с "чувством извѣстнаго удовлетворенія, так как участіе в редакціи рескрипта открывало возможность до нѣкоторой степени сгладить углы и смягчить впечатлѣніе". Лишь Самарин заявил, что считает "составленіе проекта излишним", так как, участвуя в этом дѣлѣ, Совѣт "дает свою санкцію смѣнѣ командованія". Сазонов передал, что он довел до свѣдѣнія Царя о всѣх тѣх сомнѣніях, которыя были высказаны в Совѣтѣ — и о военной неудачѣ, и о броженіи в массах, и о думских рѣчах, и о репутаціи Н. Н. ("в глазах народа — он Русскій Витязь, который за Русскую Землю борется с поганым идолищем"), на что Царь "сухо" отвѣтил: "все это мнѣ извѣстно".

В воспоминаніях Сазонов говорит, что он "неоднократно" убѣждал Царя в разговорах, происходивших "с глаза на глаз" во время своих личных докладов. Повидимому, в воспоминаніях сильно обобщен тот доклад, который дѣлал министр ин. д. 11 августа. Но полное недоумѣніе вызывает запись, сдѣланная вел. кн. Андр. Вл. в дневникѣ на другой день послѣ всеподданнѣйшаго доклада Сазонова. Позиція министра ин. д. становится нѣсколько загадочной. 12 августа в Царском Селѣ у вел. кн. Маріи Павловны (старшей) обѣдал Сазонов. Он разсказывал о тѣх "невыбродных вѣщах", которыя "позволяет себѣ" нач. штаба верховнаго главнокомандующаго и в заключеніе замѣтил: "к счастью всему этому будет положен скоро конец. Государь сам вступает в командованіе арміей". "Сазонов высказал при этом нѣкоторое опасеніе, — записывает Андр. Вл., — что всякая неудача падет на Государя и даст повод его критиковать. В виду этого ему хотѣлось знать мнѣніе Бориса, какое впечатлѣніе это произведет на войска. Борис высказался весьма категорично, что это произведет... огромный эффект на армію и... будет встрѣчено е большим энтузіазмом.. Уход Н. Н. пройдет совершенно незамѣченным... Сазонов должен был согласиться, что... продолжаться такое положеніе (двоевластіе) не могло и положить конец этому можно лишь принятіем Государем лично командованія... К концу разговора Сазонов согласился с нами, что рѣшеніе Государя правильное. Он колебался раньше потому, что в думских

сферах это рѣшеніе было встрѣчено с большим опасеніем. Да и сам военный министр Поливанов был против этого.. Нас всѣх очень заинтересовал вопрос, кто надумил Государя принять такое рѣшеніе. Сазонов увѣрял... что Императрица настаивала на этом". "Если это правда, — замѣчает автор дневника, — то слѣдует признать, что она поступила правильно, благоразумно и в высшей степени государственно"...

Что же это со стороны Сазонова? — дипломатическое двурушничество, хитроумная тактика? Об измѣненіи принципиальной позиціи говорить, как мы увидим дальше, не приходится. Можно, конечно, допустить, что автор дневника до нѣкоторой степени сконцентрировал осторожныя и, быть может, уклончивыя замѣчанія собесѣдника примѣнительно к собственнымъ взглядам — и всетаки недоумѣніе остается...

Записъ Яхонтова о засѣданіи 11 августа отмѣчает вызовъ с засѣданія Кривошеина, с которымъ пожелалъ переговорить "по важному дѣлу" прибывшій предсѣдатель Гос. Думы. Вернувшись, Кривошеинъ сообщил, что Родзянко "обрушился на него с укорами по поводу бездѣятельности правительства ввиду предстоящей отставки Вел. Князя". Встрѣтивъ Родзянко с "плохо скрываемою злою усмѣшкой" (характеристика самого Родзянко) и словами: "Вы, вѣроятно, пріѣхали, чтобы предсѣдательствовать над нами", Кривошеинъ направилъ предсѣдателя Думы къ "главѣ правительства". Послѣдній доложилъ Совѣту, что предсѣдатель Думы взялъ на себя "неподходящую роль какого-то супер-арбитра" и побывалъ уже в Царскомъ Селѣ, чтобы заявить о "недопустимости" такой перемены: "На слова Государя о безвозвратности принятаго рѣшенія Родзянко... отвѣтил, что нѣтъ безвозвратныхъ рѣшеній, когда вопросъ идетъ о будущности Россіи и династіи... что Царь... послѣдняя ставка, что армія положитъ оружіе, что в странѣ не микуемъ взрывъ негодованія и т. д..." Онъ прибылъ сюда с требованіемъ отъ правительства рѣшительныхъ дѣйствій противъ царскаго рѣшенія, вплоть до угрозы коллективной отставки. Я ему сказалъ, что правительство дѣлаетъ в данномъ вопросѣ все, что ему подсказываетъ совѣсть и сознаніе долга, и что в подобныхъ совѣтахъ мы не нуждаемся. На это Родзянко рѣзко воскликнулъ: "я начинаю вѣрять тѣм, кто говорит, что у Россіи нѣтъ правительства" и с совершенно сумасшедшимъ видомъ бросился къ выходу"...

В засѣданіи 12 августа вернувшійся изъ Могилева военный министръ доложилъ, что Вел. Кн. "боялся худшаго" и принялъ его. "какъ вѣстника милости необычайной", ни о какой возможности сопротивленія или неповиновенія не можетъ быть и рѣчи... Вел. Кн. очень понравилась комбинація с назначеніемъ его на Кавказ, в которомъ онъ видитъ вполне почетный для себя выход*"... "О результатахъ посѣщенія Могилева мною доложено Е. И. В. Мнѣ выражена благодарность (за хорошее выполненіе порученія Царь обіялъ и поцѣловалъ Поливанова) и повелѣно написать Вел. Кн., что смѣна командованія откладывается вплоть до выясненія положенія на фронтѣ, и что пока все остается в Ставкѣ по старому. Вообще долженъ сказать, что послѣднее посѣщеніе Ц. С. произвело на меня такое впечатлѣніе, что тамъ интересъ къ вопросу о личномъ предводительствѣ арміей значительно ослабѣлъ... Явленіе во всякомъ случаѣ симптоматическое, если только подъ нимъ не скрывается

*) Кудашевъ писалъ Сазонову, что его удивилъ «веселый» видъ Вел. Кн.

чего-либо еще болѣе неожиданнаго"... Горемыкин: "...выходит, что все устранивается к лучшему, и что многія из высказывавшихся в Совѣтѣ министров опасеній, отпадают. Слава Богу! Будем ждать, что и дальше все постепенно образуется". Харитонов: "...в переѣзду царско-сельских настроеній мнѣ что-то не особенно вѣрится. Завтра может быть принято совѣм обратное рѣшеніе... К этому нам не привыкать"... Щербатов: "Надо воспользоваться благоприятными настроеніями, чтобы отвернуть вниманіе Е. В. в другую сторону". Министр вн. д. излагает предположеніе, высказанное членом Думы Савичем, о необходимости в цѣлях "обороны" объединить дѣло снабженія и привлечь к работѣ в тылу "всѣ живыя силы страны. Эту задачу объединенія и может активно взять в свои руки Царь — такое выступленіе произвело бы "отличное впечатлѣніе", так как в массах держится убѣжденіе, что корень наших несчастій не на фронтѣ, а в тылу. Одновременно Царь мог бы заняться "формированіем новой арміи, с которой он в удобный момент и выступил бы на поѣтъ брани"... При нѣкоторой оттяжкѣ может наступить такое положеніе, при котором вступленіе Государя в верховное командованіе может оказаться допустимым, тѣм болѣе, что "довѣріе в массах к Вел. Кн. начало замѣтно падать в силу непрекращающихся военных неудач". Другіе возражают против такого плана, не лишенаго "нѣкоторой красоты", но по существу превращающаго монарха в какого-то "верховнаго интенданта" и дѣлающаго Царя объектом пропаганды и легкаго дискредитированія монархическаго принципа.

На принципиальной логически послѣдовательной позиціи остается только Самарин, который "категорически" протестует против политики оттяжек: "Государь Император ни при каких обстоятельствах не может становиться во главѣ арміи, ибо он наше послѣднее слово, а в глазах народа Царь несчастливый... Подобный шаг будет огромным, если не смертельным для династіи и для Россіи риском. Не отсрочек и оттяжек нам надо искать, а всѣм вмѣстѣ идти к Е. В. и исчерпать всѣ средства к убѣжденію в необходимости отказаться раз навсегда от рѣшенія быть главнокомандующим". Сазонов держится такого же взгляда, но думает, "что сейчас, когда в Ц. С. температура упала, не слѣдует ее подогрѣвать... представляемыми и ходатайствами. Опасно вызывать упорство. Мы знаем, к каким это приводило результатам. Лучше принять пока тактику молчанія, дѣйствуя исподволь, косвенным путем. Так скорѣе можно добиться цѣли".

Одним из таких обходных путей намѣчался созыв исключительнаго военнаго совѣта с участіем вел. Кн. Н. Н. и правительства. "Настроеніе бодрое... без первности послѣдних дней", — заключает Яхонтов свои записи. "Какая в Совѣтѣ Министров кислятина". — сказал Горемыкин управляющему дѣлами Ладыженскому по окончаніи одного из предшествующих засѣданій.

16-го в Совѣтѣ тянется та же волянка. Яхонтов свою предшествующую записку окончил замѣчаніем: "Не понимаю, чего добивается Поливанов. Он всѣх науськивает и против Вел. Кн., и против принятія командованія Государем и против Ивана Лонгиновича" (Горемыкина). В засѣданіи 16-го военный министр сообщил, что он получил "знаменательное и чреватое послѣдствіями" письмо от Н. Н. Он просит ускорить его переѣзженіе на Кавказ, так как его "авторитет в

войсках подорван”, и он не считает себя “нравственно в правѣ командовать”. “Все написано крайне нервно, сбивчиво и чувствуется постороннее влияніе”, — комментирует Поливанов: “в Ставкѣ с каждым днем усиливается беспорядок... никто ничего не хочет дѣлать... получается впечатлѣніе положенія, могущаго быть опредѣленным словом забастовка... в виду событий на фронтѣ все это может обернуться трагически”^{*}). Для того, чтобы побороть “разслабленныя настроенія” Ставки, надо немедленно “убрать” Янушкевича и послать на его мѣсто Алексѣева. Если и Великій Князь сочтет нужным покинуть Ставку, то вопрос “разрѣшится весьма удачно”. Алексѣев будет “всѣм распорядиться, пока не разрѣшится, будет ли Государь в Ставкѣ или чаша сія минует”.

Кривошеина письмо Н. Н. “приводит в содраганіе”. Он не ожидал “такой недостойной выходки от Е. В., как бы ни были тяжелы личные переживания, он не имѣет права бросать армію на произвол судьбы”, но предложенія военнаго министра Кривошеина считает “великодушнѣйшей комбинаціей”. Самарин пользуется случаем еще раз повторить, что “уход Вел. Кн. — начало гибели всего”. Если Совѣтъ не согласится “всѣм вмѣстѣ умолять Государя Императора отказаться от своего пагубнаго рѣшенія”, то он сочтет своим “нравственным и вѣрноподданническим долгом протестовать лично”... “Надо идти с открытым забралом, говорить правду в глаза... за послѣднее время усиленно возобновились толки о скрытых влияніях, которыя будто бы сыграли рѣшающую роль в вопросѣ о командованіи... Надо положить рѣшительными дѣйствіями предѣл распространенію толков, подрывающих монархическій принцип гораздо сильнѣе, чѣм всякія революціонныя выступленія”. Харитонов, Поливанов, Щербатов думают, что “теперь уже поздно”; если даже Царь пойдет на уступки, Н. Н. не согласится оставаться в Ставкѣ. *Горемыкин*: “Я неоднократно говорил, что рѣшеніе Государя безворотно... Вмѣсто того, чтобы измѣтывать нашими ходатайствами нервы Государя... наш долго сплотившись вокруг Царя и помогать ему. Что касается вопроса о влияніях, то это вторженіе в сферу, нам не подлежащую”. *Самарин*: “Нѣтъ, это вопрос не личный, а всей Россіи и Монархіи. Само лицо, слухи о влияніи котораго болѣзненно волнуютъ всѣх вѣрноподданных, имѣет смѣлость открыто говорить, что оно убрало Вел. Князя”... *Шаховской*: Я с самаго начала был против перемены командованія... но сейчас... уже поздно перерѣшать... Отказ от принятаго рѣшенія будет истолкован, как признак слабости и боязни... Нельзя при современных настроеніях смѣнять Вел. Кн. простым генералом. И в арміи и в народѣ это может вызвать опасное неудовольствіе”. *Кривошеин*: “Категорически не согласен” с мнѣніем Шаховскаго. “С Вел. Кн., повидимому, уже конечно, и к его уходу начали привыкать. Да и популярность его... значительно упала не только у военных, но и среди мирнаго населенія, возмущеннаго папльвом бѣженцев и безконечными наборами в то время, когда повсюду гуляют сотни тысяч бездѣльников в сѣрых шинелях. Назначеніе Алексѣева будет переходной... мѣрою, пока Государь будет занят в тылу подготовкой новой арміи, с которой Е. В. и выступит на поле брани, когда на-

^{*}) Янушкевич и Данилов «ничего не дѣлают», с своей стороны отмѣчает Кудашев в письмѣ Сазонову.

ступит... соответствующая обстановка". Сазонов: "В таком смыслѣ и слѣдовало бы довести до свѣдѣнія Государя взгляд Совѣта министров... Пусть Алексѣев будет козлом отпущенія за ошибки прошлаго и пострадаетъ их исправить. Когда он все... поставит на прочныя рельсы, тогда, может быть, настанет момент для выступленія Русскаго Царя"... Бесѣда завершается, как значится в яхитовской записи, рѣшеніем: "военному министру переговорить с Государем и попытаться склонить его на *предоставленіе Алексѣеву выполнить благодарную задачу козлица отпущенія за янушкевичевскіе грѣхи*".

4. — "Страшная минута" и Совѣтъ министров.

Нѣкоторое спокойствіе, которое наступило в Совѣтъ послѣ принятія рѣшенія и достаточно образно сформулированное в протокольных записях, было нарушено 18 августа сообщеніем министра вн. д. о настроеніи в Москвѣ — "самом боевом под патріотическим флагом". По дошедшим до Щербатова свѣдѣніям на квартирѣ члена Думы извѣстнаго промышленника Коновалова, состоялось секретное засѣданіе "так называемых общественных дѣятелей". "Собравшимися единогласно признано необходимымъ использовать благопріятно складывающуюся обстановку для предъявленія требованія об образованіи правительства, пользующагося довѣріемъ страны и полнотою власти". "Коноваловскій сѣздъ весьма чреватъ событіями", признавалъ министр. вн. д. По записи Яхитова значится: "...Ониѣть охватываетъ чувство безсилія передъ надвигающейся грозой". "Нервность сильная... Перебѣгаютъ с одного вопроса на другой... Не хватаетъ силъ записывать протокольно нѣсколько часов... Записываю только, чтобы оставить слѣд в исторіи... Если судить о положеніи дѣл по разговорамъ в Совѣтѣ, то вмѣсто писанія исторіи, скоро придется повѣститься на фонарѣ".

Событія не заставили себя ждать. На другой день Щербатовъ доложилъ о разраставшемся возбужденіи в Москвѣ в связи с "коноваловскимъ сѣздомъ". Непосредственнымъ отзвукомъ этого сѣзда явилось постановленіе московской городской Думы об облеченномъ довѣріемъ страны правительствѣ, о привѣтствіи вел. кн. Верховнаго Главнокомандующаго и о высочайшей аудіенціи представителямъ московскаго городского самоуправленія. Предѣдатель Совѣта, признавая вопросъ "щекотливымъ", считалъ, что "самое простое не отвѣчать всѣмъ этимъ болтунамъ и не обращаться на нихъ вниманія". Поливановъ, Сазоновъ, Самаринъ и др. не согласны с такимъ "упрощеннымъ рѣшеніемъ вопроса величайшей политической важности" и полагаютъ, что "московскія событія" настоятельно требуютъ, "во что бы то ни стало, отложить вопросъ о командованіи". Надо, чтобы "по внѣшности оставалось по старому". "Было бы ошибочнымъ, — говорилъ Самаринъ, — разсматривать его (постановленіе Думы), какъ простой политическій выпадъ противъ существующаго правительства, ("и дерзко революціоннымъ"). Оно подсказано тревогой за судьбу государства, и выраженіе этой тревоги — подтвержденіе глубокаго довѣрія къ Вел. Князю".

Кривошеинъ ставитъ вопросъ шире: в какомъ положеніи окажется правительство, когда вся "организованная общественность будетъ во всеуслышаніе требоватьъ власти, обезпеченной довѣріемъ страны?" "На-

до заранее найти выход... Надо откровенно сказать Государю, который не сознает окружающей обстановки. Мы должны открыть Монарху глаза. Это наш священный долг в историческое время, нами переживаемое. Мы должны сказать, что сложившіяся внутреннія условия... допускают только два рѣшенія: или сильная военная диктатура... или примиреніе с общественностью... Наш кабинет общественным ожиданіям не отвѣчает и должен уступить мѣсто другому... Медлить, держаться середины и выжидать событій нельзя. Атмосфера с каждым днем сгущается... Я долго колебался раньше, чѣм окончательно придти къ такому выводу, но сейчас каждый день равен году, и обстановка мѣняется с головокружительной быстротой". Кривошеин придумал новый компромисс во избѣжаніе подрыва "авторитета Монарха", если послѣдній вынужден будет отказываться от принятаго рѣшенія: "Царь принимает на себя верховное командованіе и назначает Вел. Кн. своим помощником" *). "В случаѣ отказа на наше представленіе, — заявляя Кривошеин, — мы должны во имя интересов родины заявить ему, что мы не в состояніи больше служить ему по совѣсти"...

Шаховской находит, что формула Кривошеина "исчерпывает вопрос". "Как меньшее из двух зол" эта комбинація приемлема и для Подливанова. Привѣтствуют такое рѣшеніе и Самарин**) и Сазонов ("мысль о такой комбинаціи носится в воздухѣ и производит успокаивающее впечатлѣніе"). Горемыкин остается при прежнем своем взглядѣ, что рѣшеніе Царя не может быть поколеблено никакими убѣжденіями, но заявляет, что не станет препятствовать новой попыткѣ воздѣйствовать на Монарха. "Но должен сказать Совѣту министров, — добавляет представитель, — что в бесѣдѣ с Государем надо вслѣдски остерегаться говорить об ореолѣ Вел. Кн., как вождя. Это не только не поможет, но, напротив, окончательно обострит вопрос"... Постановили ходатайствовать о немедленном собраніи Совѣта министров под предсѣдательством Монарха, на котором должен быть обсужден не только вопрос о верховном командованіи, но и вопрос о внутренней политикѣ на будущее: "политика твердая или же политика, идущая навстрѣчу общественным пожеланіям" — "золотая середина всѣх золбает".

20-го августа Совѣтъ министров засѣдал в Царском Селѣ. Того, что там происходило, к сожалѣнію, в деталях мы не знаем — Яхонтов не присутствовал на засѣданіи. Мы можем догадываться только по отдѣльным репликам, занесенным в яхонтовскую записку о собраніи на слѣдующій день и по отрывочным воспоминаніям Подливанова. Яхонтовская записка начинается словами Горемыкина, сказанными управляющему дѣлами Ладыженскому: "Вчера ясно обнаружилось, что Государь Император остается правым, а в Совѣтѣ министров происхо-

*) По утвержденію Палеолога, компромиссный план исходил от вел. кн. Дм. Павл. и был апробирован Ник. Ник. Это Палеолог услышал в интимной обстановкѣ послѣ обѣда у вел. кн. Павла 20 августа непосредственно из уст Дм. Павл., который экстренно прибыл из Ставки, чтобы предупредить Царя о роковых послѣдствіях его шага для династіи и Россіи — вѣдь это будет означать, что в Ставкѣ будет командовать «Императрица и ея камарилья».

**) Самарина «особенно беспокоит, какое впечатлѣніе произведет на вѣрующих, когда в церквах перестанут поминать в екатенях Вел. Князя, о котором всѣ уже год молятся, как о Верховном Главнокомандующем».

дит быстрый сдвиг влѣво вниз по теченію". Свои личные впечатлѣнія Яхонтов формулировал так: "Судя по настроеніям, долгожданное собраніе у Царя не оправдало ожиданій большинства Совѣта". По словам Поливанова "Государь со скучающим видом отвѣчал общими фразами: "я увижу",... "я об этом подумаю"... и в заключеніе... произнес: "Я выслушал ваши соображенія и остаюсь при моем рѣшеніи". Из указанія Хвостова видно, что Царь, "как всѣ помнят", вопросы, "выдвинутые на очередь перемѣной командованія, — в том числѣ и вопрос об организаціи власти" — отложил до представленія Совѣтом министров доклада о "правительственной программѣ".

Рѣшительный бой 21 августа разгорѣлся в Совѣтѣ в связи с обсужденіем проекта отвѣта Царя на ходатайство московской городской Думы: должен ли послѣдовать формальный отвѣтъ — "милостивая благодарность" за "вѣрноподданнческія чувства" или отвѣтъ должен быть "исчерпывающим", т. е. предрѣшать направленіе внутренней политики — Россія должна узнать, что ее "ждет в ближайшем будущем". "Полумѣр я не вижу", — заявил Щербатов: — "надо либо игнорировать общественныя пожеланія, либо идти им открыто навстрѣчу". "Внутреннее положеніе страны не допускает сдѣлкіи между двух стульев"... Сазонов: "Наш долг в критическую минуту, в которую хотят затянуть Россію, откровенно сказать Царю, что при слагающейся обстановкѣ мы не можем управлять страной, что мы безсилны служить по совѣсти, что мы вредны нашей родинѣ". Горемыкин: "Т. е. говоря просто, вы хотите предъявить своему Царю ультиматум". Сазонов: "У нас в Россіи не бывает ультиматумов. Нам доступны только вѣрноподданнческія моленія... Существо важнѣе в наступающую страшную минуту... Дѣло не в ультиматумах, а в том, чтобы пока еще не поздно, сдѣлать послѣднюю попытку открыть Царю глаза на всю глубину риска для Россіи, предупредить его о смертельной опасности и честно сказать ему, что правительство не может отвѣчать своему назначенію, когда у него нѣтъ за собой довѣрія Государя". Щербатов: "...Надо представить Е. В. письменный доклад и объяснить, что правительство, которое не имѣет за собой ни довѣрія носителя власти, ни арміи, ни городов, ни земства, ни дворян, ни купцов, ни рабочих — не может не только работать, но и даже существовать. Это очевидный абсурд. Мы, сидя здѣсь, являемся какими-то дон-Кихотами". Шаховской: "Весьма важный вопрос о редакціи доклада. Надо всячески избѣгать в нем такого оттѣнка, который навел бы на мысль о забастовкѣ. Государь Император вчера произнес это слово"...

Горемыкин отказывается допустить, пока он предсѣдатель, представленіе Царю письменнаго мнѣнія от имени Совѣта. На возраженіе Сазонова, что большинство оставляет за собой свободу дѣйствій, предсѣдатель заявил, что в частныя выступленія он не находит возможным вмѣшиваться... Споры обостряются. Горемыкин считает, что агитация, которая идет вокруг удаленія Вел. Кн. и связывается с требованіем министерства общественнаго довѣрія, т. е. ограниченія царской власти, является ничѣм иным, как стремленіем лѣвых кругов использовать имя Вел. Кн. для дискредитированія Государя Императора. Имя Н. Н. "принято предиамеренно в качествѣ объединяющаго лозунга оппозиціи"... Это "политическій выпад!.." Самарин, Щербатов, Сазонов оспаривают такое "истолкованіе общественнаго движенія. Оно не

результат интриг, а крик самопомощи, к этому крику и мы должны присоединиться”. “И львы и кадеты за свои шкуры дрожат”, — пояснил Самарин: “Они боятся революціоннаго взрыва и невозможности продолжать войну... Они боятся, что смѣна командованія вызовет этот взрыв”...

“Очевидно, что мы с вами говорим на разных языках, — заявляет министр ин. д.: “У большинства из нас вчера, послѣ засѣданія в Ц.С. создалось тяжелое впечатлѣніе о значительном разладѣ между нами и вами... Мы радикально расходимся в оцѣнкѣ современнаго положенія и средств борьбы с надвигающейся грозой”. “Завтра, — напоминает Поливанов, — Государь Император будет открывать и напутствовать Особое Совѣщаніе по оборонѣ. Всѣ ждут усвокаивающаго слова. Всѣ сознают, что залог успѣха над врагом... лежит в единеніи всѣх сил страны. Но как же достигнуть такого единенія..., когда огромное большинство не сочувствует ни перемѣнѣ командованія, ни направленію внутренней политики, ни призванному проводить эту политику правительству... Надо попытаться еще раз объяснить Царю..., что спасти положеніе может только примирительная к обществу политика. Терешніи шаткія плотины не способны предупредить катастрофу”. “Не секрет, — добавляет морской министр, — что и армія нам не доврѣяет и ждет перемѣн”. “Да и армія перестала быть арміей, а превратилась в вооруженный народ”, — вставляет Игнатьев. *Горемыкин*: “Сущность нашей бесѣды сводится к тому, что моя точка зрѣнія архаична и вредна для дѣла. Сдѣлайте величайшее одолженіе — убѣдите Е. И. В., чтобы меня убрать... (“Я неоднократно просил Государя Императора — указывал раньше Горемыкин, по собственному выраженію вытасченный из “нафталина” — перенести отвѣтственность с моих старых на болѣе молодыя плечи”). Но от своего пониманія долга служенія своему Царю — Помазаннику Божьему, я отступить не могу. Поздно мнѣ на порогѣ могилы мѣнять свои убѣжденія”*)).

По мнѣнію *Щербатова* страна не вѣрит, что Совѣт министров, ближайшіе слуги Царя, в силах противодѣйствовать пагубному шагу: “Мы умоляли устно, попробуем в послѣдній раз умолять письменно. Будущій историк снимет с нас обвиненія, которыя сейчас сыпятся на нас со всѣх сторон. А, может быть, *письменное изложеніе* произведет на Государя большее впечатлѣніе, заставит его задуматься в пос-

*) Происходившія в Совѣтѣ пренія о «существованіи и объемѣ власти Монарха» и «о вѣрноподданническом долгѣ» чрезвычайно ярко показывают, почему «старик» своим «рыцарским» служеніем Монарху, своей трогательной политической привязанностью был так люб царской четѣ, несмотря на то, что никаких авансов «божьему человѣку» не дѣлал (по утвержденію Яхонтова письма Григорія — «эту гадость» — он систематически бросал в корзину с сором). «Помазанник Божій», «преемственно несшій верховную власть» олицетворяет для Горемыкина «Россію»: Царь и Россія понятія нераздѣльныя, тождественныя, — «воля Царя есть воля Россіи». В его пониманіи существа монархическаго воля Царя должна исполняться, как «завѣтъ Евангелія»... «Здѣсь корень нашего разномыслія», — отвѣчал Горемыкин на слова: «мы служим не только Царю, но и Россіи» (Харитонов). «Трудно при современных настроеніях доказать совпаденіе воли Россіи и Царя. Видно, как раз обратное явленіе» (Сазонов). «Государь Император не Господь Бог, он может ошибаться... Нельзя принимать участіе в том, гдѣ мы видим начало гибели родины»: «Если Царь идет во вред Россіи, то я не могу за ним слѣдовать».

лѣдную минуту". *Горемыкин* вновь заявляет, что он не препятствует любой формѣ обращенія къ Государю, "но къ чему приведет ваш письменный доклад? Государь не измѣнит своего рѣшенія и не согласится на отставку почти всего Совѣта министров. повелит остаться всѣм на своих постах. Что же дальше?.." *Сазонов*: "А дальше то, что я буду неустанно повторять Царю — не могу управлять внѣшней политикой под угрозой внутренней революціи". В спор вмѣшивается *Хвостов*, молчавшій в продолженіе словесной дуэли двух поколѣній монархистов: "Я все время бесѣды воздерживался от участія в спорѣ о существѣ и объемѣ власти Монарха. Для меня этот вопрос разрѣшен с момента присяги. Предъявленіе Царю требованія об отставкѣ я считаю для себя абсолютно недопустимым. Поэтому ни журнала, ни доклада, ни иной декларациі я не подпишу. Возобновленіе разговора о правительствѣ преждевременно. Государь еще не сказал своего окончательнаго рѣшенія по этому вопросу. Он отложил его впредь до представленія нами программы политики. Наша обязанность немедленно эту программу выработать". *Самарин*: "В нашей сегодняшней бесѣдѣ главныя линіи этой политики намѣчаются вполне опредѣленно по мнѣнію большинства... Мы считаем необходимым прислушаться къ единодушному голосу страны и избрать из общественных пожеланій то, что приемлемо по существу и не нарушает основ бытія государства. Мы считаем, что перед лицом грозящей родинѣ смертельной опасности нѣтъ ни лѣвых, ни правых... и что всѣ объединены в едином стремленіи спасти Россію от гибели. Отдѣльные интриганы и политиканствующіе кружки тонут в общем патріотическом порывѣ. Мы считаем, что на этот порыв надо отвѣтить не установленіем диктатуры, а благожелательством". *Хвостов*: "В правильности такого анализа и заключеній я сомнѣваюсь... Сомнѣваюсь и по существу. По моему, политика уступок вообще неправильна, а в военное время недопустима. Предъявляются требованія об измѣненіи государственнаго строя не потому, что это измѣненіе необходимо для организациі побѣды, а потому, что военныя неудачи ослабили положеніе власти, и на нее можно дѣйствовать натиском, с ножом къ горлу... Политика уступок... всегда влекла страну по наклонной плоскости... Призывы... общественных организаций явно рассчитаны на государственный переворот. В условіях войны такой переворот неизбежно повлечет за собой полное разстройство государственнаго управленія и гибель отечества"... *Сазонов*: "Вы откровенно говорите, что не вѣрите не только всему русскому обществу, но и волею Монарха призванной Гос. Думѣ. А Гос. Дума отвѣчает, что она, со своей стороны, не вѣрит нам. Как в таких условіях может дѣйствовать государственный механизм. Такое положеніе невыносимо. Мы и считаем, что выход из него... в созданіи такого кабинета, в котором не было бы лиц, завѣдомо не довѣряющих законодательным учрежденіям, и состав котораго был бы способен бороться съ пагубными для Россіи тенденціями не только снизу, но и сверху". *Горемыкин*: "В десятый раз повторяю — молитесь Государя меня прогнать. Но, повѣрите мнѣ, уступками вы ничего не предупредите и ничего не достигнете. Совершенно очевидно, что всѣ партіи переворота пользуются военными неудачами для усиленія натиска на власть и для ограниченія монархической власти". *Хвостов*: "Что вы ни дадите, все равно г.г. Чхеидзе и Керенскіе будут недовольны и не перестанут возбуждать обществен-

ное раздраженіе разными подлогами”, *Сазонов*: “Какое нам дѣло до желаній и понятій всѣхъ этихъ ничтожныхъ Керенскихъ, Чхеидзе и другихъ революціонеровъ. Не о нихъ мы заботимся, а о Россіи, которую толкаютъ въ объятія этихъ господ”...

“На этомъ моя запись прерывается”, — пишетъ Яхонтовъ. “Видно не хватило силъ, такъ какъ почеркъ послѣднихъ строкъ все болѣе неровный и трудно разбираемый”... В тот же вечеръ 21-го “единомышленныя” между собой министры (т. е. весь Совѣтъ, за исключеніемъ Горемыкина и Хвостова; — болѣвшій Рухлов не принималъ участія въ обмѣнѣ мыслями послѣднихъ дней) собрались на квартирѣ у Сазонова для заслушанія составленнаго Самаринымъ проекта письменнаго обращенія къ Царю. Онъ былъ подписанъ всѣми за исключеніемъ Поливанова и Григоровича, такъ какъ было признано, что въ “тяжелую минуту войны военный и морской министры не имѣютъ права... рисковать увольненіемъ... по причинѣ политическаго характера*”). Письмо рѣшено было доставить Царю послѣ засѣданія въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ на другой день утромъ должны были собраться представители четырехъ Особыхъ Совѣщаній (по оборонѣ, транспорту, продовольствію и топливу — они созданы были при соответствующихъ министерствахъ съ участіемъ представителей “общественности”).

На собраніи 22-го въ Зимнемъ Дворцѣ Царь произнесъ рѣчь, составленную Кривошеинымъ. В этой рѣчи было подчеркнуто, что задача по снабженію арміи ввѣрена отнынѣ представителямъ общественныхъ организацій... Послѣ царской рѣчи предсѣдатель военно-морской комиссіи Гос. Думы Шингаревъ вручилъ монарху “всеподданнѣйшій докладъ” (подписанный всѣми членами Комиссіи — в числѣ ихъ былъ Марков 2-й), в которомъ представители общественности в день отъѣзда Николая II в Ставку высказывали все то, что “наболѣло в русскомъ народѣ”, “от чего кровью обливается наше сердце, и что смущаетъ умъ”. Докладъ говорилъ о “преступной нерадивости” и “разъединеніи власти”, которое привело къ “грознымъ послѣдствіямъ” — и тѣмъ не менѣе “в самыхъ скорбныхъ и горячихъ рѣчахъ” “представителейъ народа” не раздалось “ни единого слова о заключеніи мира”. “Только непрерываемою царскою властью, — заключалъ докладъ, — можно установить согласіе между Ставкой Вел. Князя верховнаго главнокомандующаго и правительствомъ. Царь можетъ побудить къ напряженію всѣхъ усилій огромной и мощной страны, желающей побѣдить цѣною велическихъ жертвъ... Только Царь можетъ повелѣть, чтобы на отвѣтственныя должности выбирались тѣ, кто уже выказалъ свои доблести в бояхъ, а не люди, часто неспособные вести тяжелое дѣло войны. Царь можетъ призвать всѣ силы великой Россіи, чтобы создать тѣ непреступныя преграды, которыя одна за другой будутъ защищать родину до того предѣла, гдѣ Провидѣнію угод-

*) Совершенно ошибочно свидѣтели и эксперты в Чр. Сл. Ком. (в том числѣ Милюковъ) утверждали, что Поливановъ и Григоровичъ не присутствовали на «секретномъ» засѣданіи («умудр не позволялъ»), и что письма не подписалъ и Сазоновъ. Исторія составленія письма показываетъ, какъ не точны были часто показанія, которыя давались в Чр. Сл. Ком. Такъ Поливановъ утверждалъ, что письмо Царю было составлено «в тайнѣ» отъ Горемыкина.

но будет даровать нам окончательную побѣду над истощенным нашим упорством врагом**).

Как должен был воспринять Николай II доклад с таким усиленным ударением: *“только Царь может?”* Это было очень далеко от тѣх страхов, которые рисовали растерявшіеся министры — нѣсколько позже об этих министрах А. Ф. писала мужу: *“Приходится быть лѣкарством для смущенных умов, подвергающихся дѣйствіям городских микробов”* (4 сент.). Вывод мог быть только один — рѣшеніе, принятое Царем, правильно. И потому коллективное письмо министров, прочитанное Императором в вагонѣ при возвращеніи в Царское**), не могло оказать никакого воздѣйствія. Дежурный тогда флигель-адъютантъ Саблин передавал Поливанову, что письмо *“произвело впечатлѣніе”*. Очевидно, совѣм не то, на которое рассчитывали подписавшіе его. Метод *“величайшей осторожности”* привел к тому, что *“историческое”* письмо, на которое возлагал надежды Щербатов, и которое должно было заставить, по его мнѣнію, Царя серьезно задуматься над вопросом, было составлено не в надлежащих тонах и по внѣшности и по существу. Послѣ того, что говорилось в Совѣтѣ министров инициаторами коллективного выступленія, самаринскій текст — *“смѣлое и откровенное обращеніе”* — яркостью не отличался: трагическаго *“совершавшихся событий”*, тревожнаго сознанія *“грозных”* предзнаменованій в нем не чувствовалось или не чувствовалось в достаточной мѣрѣ... *“Мы опасаемся, что В. И. В. не угодно было склониться на мольбу нашу и, смѣем думать, всей вѣрной Вам Россіи”*, — писали министры про засѣданіе, бывшее наканунѣ под предѣдательством Царя: *“Государь, еще раз осмѣливаемся Вам высказать, что принятіе Вами такого рѣшенія грозит, по нашему крайнему разумѣнію, Вам и династіи Вашей тяжелыми послѣдствіями... На том же засѣданіи воочію сказалось коренное разномысліе между предѣдателем Совѣта министров и нами в оцѣнкѣ происходящих внутри страны событий и в установленіи образа дѣйствій правительства. Такое положеніе, во всякое время недопустимое, в настоящіе дни гибельно. Находясь в таких условіях, мы теряем вѣру в возможность с сознаніем пользы служить Вам и Родинѣ”****).

*) Заслуживает быть отмѣченным фактъ, что на пріемѣ 22-го «неожиданно» для всѣх незамѣтно появилась Царица с Наслѣдником, вступившая в бесѣду с членами Думы и Гос. Совѣта.

**) Письмо, повидимому, было передано через сопровождавшаго военнаго министра фельдъегерскаго офицера. Сазонов в воспоминаніях говорит, что он вручил лично письмо обер-гофмейстеру Бенкендорфу, т. е. не скрывал тогда своей инициативы.

***) Характерно, что Поливанов очень скоро забылъ содержаніе «историческаго письма». В показаніях он говорил, что в письмѣ было «два основных положенія»: Во-первых, чтобы Царь «не связывал себя принятіем командованія постоянно и неуклонно», во-вторых, — этого «второго» свидѣтель уже не помнил... Суть его заключалась в том, что «нельзя в военную пору совершенно устранить от содѣйствія общественных сил». До каких предѣлов в дѣйствительности шла уступка «общественности» у большинства членов кабинета, показывает запись, сдѣланная в своем дневникѣ перед засѣданіем 20 августа в Царском адм. Григоровичем: «Об одном жалю, что во главѣ правительства не Коковцев, а Горемыкин. Тяжелый старик. Между тѣм, с такими людьми, как Игнатьев, Алексѣй Хвостов (как видно из записи, этот член Думы стал приглашаться на завтраки к Криво-

Вечером 22-го Царь уѣхал в Ставку, никак не реагируя на полученное письмо. На слѣдующій день послѣ свиданія с Горемыкиным А. Ф., передавая больше свои оцѣнки и настроеніе, писала: ...“Он возмущен и в ужасѣ от письма министров... Он не находит слов для описанія их поведенія и говорил мнѣ, что ему трудно предѣлательствовать, зная, что всѣ против него и его мыслей, но никогда не подумает подать в отставку, так как знает, что ты ему сказал бы, если бы таково было твое желаніе. Он увидит их завтра и скажет свое мнѣніе относительно этого письма, которое так лживо и неправильно говорит от имени “всей Россіи” и т. д. Я просила его быть, как можно энергичнѣе. Он говорит, что его не удивит, если Щ(ербатов) и Сазонов попросят отставки, хотя они не имѣют права это сдѣлать. Сазонов ходит и хнычет (дурак!). Я ему (т. е. Горемыкину) сказала, что убѣждена, что союзники вполне оцѣнят твой поступок, с чѣм он согласился*). Я посоветовала ему смотрѣть на все, как на міазмы Спб. и Москвы, гдѣ всѣ нуждаются в хорошем провѣтриваніи, чтобы взглянуть на все свѣжимъ глазами и не слушать сплетен с утра до вечера... Сазонов, оказываясь, собирал их всѣх вчера — дураки! Я ему сказала, что всѣ министры трусы, и он с этим согласен — думает, что Поливанов будет хорошо работать. Бѣдняга, ему было так больно читать имена, подписавшіяся против него, и я была огорчена за него. Он очень вѣрно сказал, что каждый должен честно высказывать тебѣ свое мнѣніе, но раз ты высказал свои желанія, всѣ должны их исполнять и забыть о своих собственных — они с этим не согласны, не согласен и бѣдный Сергѣй (вел. кн. Серг. Мих.). Я старалась его успокоить, и, как будто, это мнѣ немного удалось. Я старалась доказать ему, что все это в сущности только пустой шум. Он говорит, что в городѣ настроеніе бодрое и спокойное послѣ твоей рѣчи и пріема — так это и будет. Он находит, что, чѣм больше ты покажешь свою волю, тѣм будет лучше, в чем я согласна с ним”.

24-го Совѣтъ министров вновь затронулъ вопрос о командованіи — он не знал, что в Ставкѣ акт о смѣщеніи Н. Н. уже опубликован. Из записи Яхонтова не видно, чтобы этот вопрос косвенно поднял Горемыкин, высказав свое “мнѣніе” по поводу коллективнаго письма. Официально письмо как бы не существовало. Вопрос о командованіи возник попутно с обсужденіем перерыва занятій Гос. Думы. Споры, возникшіе в связи с этим и поставившіе в порядок очереднаго обсужденія проблему власти и той правительственной программы, которую должен был выработать Совѣтъ, мы изложим в другом контекстѣ — там, гдѣ придется говорить об измѣненіях в составѣ правительства, происшедших послѣ августовскаго кризиса. В засѣданіи 24-го вопрос о рос-

шеину, гдѣ собиралась оппозиція Совѣта министров), а также Наумов и наконец, Рухлов, — какой прекрасный и дѣловой кабинет можно было бы создать».

*) На обѣдѣ у вел. кн. Павла 20 августа, между прочим, присутствовала Вырубова, присланная А. Ф. для того, чтобы узнать мнѣніе французскаго посла — тот отвѣтил дипломатически уклончиво. Но совѣм неуклончиво реагировала, напримѣр, консервативная англійская печать, увидѣвшая в шагѣ Царя доказательство твердой рѣшимости довести войну до конца. «Дѣйли Кроникль», ссылаясь на ту мистику, которой окружена царская власть в Россіи, т. е. газета повторила аргументы А. Ф.

пускъ Думы был поставлен в иную плоскость. *Хвостов* считал, что с роспуском “нельзя медлить”, так как “правильно или нѣтъ, но с пере-
мѣной верховнаго командованія связываются ожиданія взрыва беспорядков. Если они дѣйствительно возникнут, то тогда трудно будет прибѣгать к роспуску... Осторожнѣе поэтому, чтобы принятіе Государем Императором командованія послѣдовало послѣ прекращенія сес-
си законодательныхъ учрежденій”. *Кривошеин* находил, что “опаснѣе соединить два повода к беспорядкам” — пере-
мѣну в командованіи и роспуск Думы. “Надо обратить вниманіе Е. В. на это совпаденіе и просить его отсрочить принятіе командованія до тѣх пор, пока не уляжется впечатлѣніе от прекращенія Думы”. *Хвостов*: “Г-н Миллюков, как мнѣ передавали, откровенно хвастает, что у него в руках всѣ нити, и что в день смѣны верховнаго командованія стоит ему только нажать кнопку, чтобы по всей Россіи начались беспорядки”. *Горемыкин*: “Миллюков может рассказывать, какой ему угодно, вздор и чепуху. Я настолько вѣрю в русскій народ и в его патриотизм, что не допускаю и мысли, что он отвѣтит своему Царю беспорядками, да еще в военное время”. *Самарин*: “Все это гадательно. Большинство из нас думает иначе... Вопрос о Думѣ сейчас имѣет исключительно острое значеніе, и его надо разрѣшить при непосредственном участіи Е. В.”. *Горемыкин*: “Снова утруждать Государя вопросом, который им рѣшен окончательно, я считаю недопустимым. Не могу писать ему и об опасности беспорядков, — ибо не раздѣляю этих опасеній. Они раздуваются Миллюковым и прочею компаніей в цѣлях запугиванія...”^{*)}. *Щербатов*: “Ожиданія беспорядков идут не только от Миллюкова, а от охранной и жандармской полиціи. На почвѣ смѣны командованія и охраны Думы от покушеній бюрократіи развивается напряженная пропаганда во внутреннихъ гарнизонах и в лазаретах. В моем вѣдомствѣ ежедневно получаютъ донесенія о том, что через два-три дня послѣ роспуска Думы неминуемъ взрывъ повсемѣстныхъ беспорядков”. *Харитонов*: “Не только Яхт-клубъ, но и объединенное дворянство протестует и требует пере-
мѣн”...

Дальнѣйшая записка Яхонтова прерывается. Перервем и мы изложене, ибо послѣдующее не имѣло уже непосредственнаго отношенія къ принятію Царем верховнаго командованія.

5. — “Провиденціальная миссія” Царя.

Зловѣщихъ предсказаній было не мало. “Люди осторожные увѣ-
ряют, что это вызоветъ всеобщій ужас и негодованіе и приведетъ к тя-
желымъ послѣдствіям. Вот вкратцѣ общее настроеніе”, — записал 24 августа Андрей Вл., давшій в своемъ дневникѣ наиболѣе полную сводку перекрещивавшихся вліяній и мнѣній за эти дни. “Что скажутъ теперь в Россіи? Какъ объяснить народу и арміи, что Н. Н... вдруг смѣняется**).

*) «Я знаю, — сказал, между прочимъ, Горемыкин, — что в нѣкоторыхъ думскихъ кругахъ выражаются опасенія, что народное движеніе можетъ оказаться сильнѣе Думы, и что отсутствіе ея только ускоритъ взрывъ. Там вообще болтаютъ много всякаго вздора».

**) «Он сам по себѣ мало причастенъ к той популярности, которой он пользуется в Россіи... Это было создано самимъ Государемъ». «Для поднятія

Хорошо, если правительство так обставит этот вопрос, что Государь сам становится во главѣ арміи, и естественно верховный должен свой пост покинуть. Но он мог бы у него остаться помощником...*). С уходом Н. Н. народное впечатлѣніе будет задѣто глубоко... Да за что, невольно спросит себя всякій**). И не найдя подходящаго отвѣта, или скажут, что он измѣнник или, что еще, может быть, хуже, начнут искать виновников выше”.

В послѣднем предположеніи автор дневника не ошибся. Сужденія, сформулированныя в дневникѣ Андр. Вл. могут быть иллюстрированы и другими свидѣтельствами современников, принадлежавших к кругам так называемаго большаго свѣта. Нѣкогда близкій царской семьѣ кн. Орлов, состоявшій при вел. кн. Н. Н., писал Поливанову: “Дай Господь, чтобы не случилось что-нибудь страшное”. “Многіе были в паникѣ от этого акта”, — вспоминает Родзянко: “К нам пріѣхала кн. З. Н. Юсупова и со слезами говорила женѣ: “Это ужасно. Я чувствую, что это начало гибели — он приведет нас к революціи”... О возможности этой революціи, военном разгромѣ и драмѣ во дворцѣ сообщал и французскій посол в специальном донесеніи в Париж. В общественных кругах, по крайней мѣрѣ московских, усиленно в это время распространяли письмо от имени вел. кн. Н. Н., гдѣ отставка его трактовалась, как побѣда нѣмецкой партіи во главѣ с Распутиным.

Очевидно, исключительное упорство, проявленное Николаем II, никакими посторонними вліяніями объяснить нельзя, а тѣм болѣе “нѣмецко-распутинским” окруженіем А. Ф., как продолжал думать ген. Декинъ в своих “Очерках русской смуты”. По словам вел. кн. Ник. Мих., Царь уже в началѣ войны стал считать назначеніе Ник. Ник. “неудачным”. 4 сентября Ник. Мих. записал в дневник послѣ разговора своего с Джунковским по поводу ожидавшагося пріѣзда Николая II в Люблин: “Самому взять бразды сложнаго управленія арміей признается еще преждевременным. Вот когда побьют, да мы отступим, тогда можно будет попробовать! Едва ли я очень далек от истины”. Ироническій стиль записи Ник. Мих. не передает настроеній, которыми руководился, очевидно, Царь в рѣшеніи принять на себя моральную отвѣтственность за ход войны. Здѣсь играло роль не только желаніе не упустить из своих рук “историческаго величія”, как выразился Поливанов в показаніях перед Чр. Сл. Комиссіей. Для Николая II это было дѣйствительно “выполненіе долга” — надо “спасти Россію”, как отвѣтил он своей матери, старавшейся, со своей стороны, уговорить его не дѣлать такого рискованнаго шага. “Пусть я погибну, но спасу Россію”, — сказал Государь Родзянко, когда тот запугивал его мрачными перспективами на будущее. Однако, “сознаніе долга” в данном случаѣ отнюдь не было каким-то трансцендентальным постулатом, и опиралось оно на реалистическое основаніе. *Объективно другого вы-*

престижа Н. Н. — отмѣчает автор — в церковных службах была установлена для него особая молитва.

*) А. В. считал «огромной ошибкой» «удаленіе» Н. Н. на Кавказ.

***) Популярность Н. Н. «не была даже поколеблена послѣдним періодом войны, когда нашей арміи пришлось все отступать». (Ср. мнѣнія, высказанныя в Совѣтѣ министров). Лемке в свою хронику «250 дней в Ставке» занес такое сужденіе о популярности Н. Н. в арміи — о нем говорят «не иначе, как с восторгом, а часто с благоговѣніем».

года в тогдашней обстановкѣ у Царя не было, и он был болѣе логичен в актѣ 23 августа, чѣм его министры, искавшіе выхода из “бедлама” и в то же время отклонявшіе Царя от вступленія на путь хотя бы формальнаго водительства арміей.

“Спасти Россію” надо было именно в період неудач — шаг этот, как нельзя болѣе, отчетливо свидѣтельствует, что в сознаніи Императора в это время никакой даже отдаленной мысли о возможности сепаратнаго мира не было. Царь с удовлетвореніем отмѣчает в письмѣ къ женѣ из Ставки 4 сент. рѣчи Китченера и Л.-Джорджа о войнѣ и роли, которую играет в ней Россія, и спрашивает А. Ф., видѣла ли она в газетах эти рѣчи: “Очень вѣрно. Дай бы только Бог, чтобы они и французы начали теперь — давно пора!” Это “очень вѣрно” относится къ весьма рискованным и непріятным для уха “самодержца” словам Л.-Джорджа, что “непріятель в своем побѣдоносном шествіи не вѣдает, что творит... своей чудовищной артиллеріей германцы разбивают вздрезги и ржавыя оковы, в которыя закован русскій народ. Этот народ расправляет свои могучіе члены, сбрасывает съ себя душившія его развалины стараго зданія... Австрія и Германія дѣлают сей час для Россіи то же, что их военные предки когда-то неразумно осуществляли для Франціи. Они куют меч, который сокрушит их самих, и освободят великій народ. Этот народ возьмет в свои руки меч и могучим взмахом нанесет самый сильный удар, какой он когда-либо наносил”.

С точки зрѣнія возможных перспектив преждевременнаго мира с Германіей достаточно сам по себѣ показателем выбор начальником штаба ген. Алексѣева. Закулисные дѣятели, если бы они существовали, могли бы постараться провести на отвѣтственный пост болѣе подходящее для выполненія поставленных заданій лицо, тѣм болѣе, что А. Ф. считала, что ея муж по мягкости своего характера легко поддавался чужим вліяніям. Можно, конечно, дойти до абсурднаго утвержденія, что Алексѣев был намѣчен на свой новый пост, как кандидат, къ которому скептически относились в старой Ставкѣ в силу “опасной маніи отхода”, проявленной им на посту командующаго съверо-западным фронтом, и пагубнаго вліянія его “прислѣшников” ген. Палицына и негласнаго весьма своеобразнаго совѣтника отставнаго ген. Борисова. Этот скепсис нашел очень яркое выраженіе в дневникѣ вел. кн. Андр. Вл. записавшаго в началѣ августа свои разговоры об Алексѣевѣ съ Янушкевичем, Даниловым и ближайшим официальным помощником Алексѣева ген. Гулевичем: “Всѣ поголовно убѣждены, — записывает автор дневника в качествѣ заключенія, — что Алексѣев неспособен вести дѣло и погубит все” (на роли главнокомандующаго фронта). Всѣ потеряли “вѣру в него”, и сам Алексѣев потерял вѣру в себя, что сказывается на его “упадкѣ духа и большем уныніи”. В этих отзывах попадаются такія до крайности пристрастныя выраженія, как “чернильная, канцелярская душа”, “полное непониманіе нравственных элементов арміи” (сохраняет “живую силу арміи”, но “топчет ея дух”), не может “творить, предвидѣть событій и... бѣжит за событіями с опозданіем” и т. д. (В противоположность этой ставочной характеристикѣ можно отмѣтить указаніе Царя в письмѣ 11 мая, что Н. Н. очень доволен Алексѣевым и находит, что “этот человек на своем мѣстѣ”).

Для нас сокрыты непосредственные мотивы, побудившие остановиться именно на Алексѣевѣ. Родзянко говорит, что на Алексѣевѣ, как замѣститель Янушкевича, сходились всё еще до принятія Царем рѣшенія самому возглавить армію. Об этом Родзянко писал Н. Н.*) и говорил Царю при личной аудіенціи, когда пытался предотвратить рискованный, по его мнѣнію, шаг Императора. Но к моменту аудіенціи Родзянко вопрос о назначеніи Алексѣева был уже рѣшен, и никакого вліянія в этом отношеніи аргументація предсѣдателя Думы оказать не могла. Повидимому Алексѣева («думскаго кандидата», как утверждал впоследствии Шульгин на засѣданіи прогрессивнаго блока) наметил себѣ сам Царь — он уже в майском письмѣ именовал Алексѣева «своим косоглазым другом». Возможно, что имя Алексѣева было подсказано Царю и престарѣлым Воронцовым, писавшим с Кавказа о желательности этой кандидатуры и сбывшимся вопреки штабным мнѣніям, зарегистрированному Андр. Вл. на общій голос с западнаго фронта**). Впоследствии адм. Колчак в дни сибирскаго судилища показал, что он всецѣло одобрил принятіе на себя имп. Николаем II званія верховнаго главнокомандующаго при назначеніи начальником своего штаба Алексѣева — «самаго выдающагося генерала, самаго образованнаго, самаго умнаго, наиболѣе подготовленнаго к широким военным задачам».

К своей провиденціальной миссіи Царь отнесся с чувством сознанія глубокой отвѣтственности и серьезности. Ген. Брусиллов в воспоминаніях рисует Царя на важнѣйшем совѣщаніи в Ставкѣ 1 апрѣля перед наступленіем 16 г. молчаливым свидѣтелем того, что происходило, механически утверждавшим выводы, которые дѣлал Алексѣев. Брусиллову казалось, что Государь фронтом не интересовался, и что он ни в какой мѣрѣ не принимал участія в исполненіи своих служебных обязанностей, как верховный главнокомандующій. Царю было «скучно» в Ставкѣ, и поэтому он старался «все время развѣзжать, лишь бы убить время». Конечно, имп. Николай II лично не был выдающимся стратегом и всецѣло подчинялся авторитету своего «косоглазого друга», как в письмах иногда называл он ген. Алексѣева, в руках котораго естественно было сосредоточено «фактическое командованіе» (письма Кудашева из Ставки). Но внѣшность все-таки обманчива — высказываться на совѣщаніях Царю отчасти мѣшала его застѣнчивость («проклятая застѣнчивость», — писал он женѣ), и по существу

*) О необходимости смѣны Янушкевича говорил Царю еще в іюнѣ Кривошеин. Царь посоветовал ему сказать об этом Н. Н., Кривошеин сказал и «потом говорил мнѣ, — писал Царь женѣ, — что Н. явно не понравилась его откровенность». Сам «недоброй памяти сухомлиновец», как именуют нѣкоторые мемуаристы Янушкевича («милаго и талантливаго» профессора, сдѣлавшагося, по словам Полivanова, «весьма неожиданно» для себя начальником Верховнаго Штаба), просил о своем увольненіи еще в февралѣ (письмо его Сухомлинову).

**) Пришлось высказаться по тому же поводу в Совѣтѣ министров 11 августа и ген. Рузскому, назначенному главнокомандующим выдѣленнаго особо сѣвернаго фронта. Рузскій считал, что в вопросѣ о принятіи Царем верховнаго командованія есть «много за и против». Все дѣло в выборѣ начальника штаба. Признавая выбор Алексѣева «удачным», сам Рузскій высказался бы за Эверта, если бы можно было назначить на такой пост лицо с иностранной фамиліей.

впечатлѣніе Брусилова в корень противорѣчит тому, что сам Царь говорил в личных письмах — здѣсь он называл свою работу с Алексѣевым (“моим ген. Алексѣевым”) “захватывающе интересной”. В Ставкѣ с прїѣздом Царя измѣнились обиход и настроенія, и военные представители союзников, как указывал Кудашев, почувствовали тот “непосредственный контакт”, котораго им не хватало в старой Ставкѣ. И по свидѣтельству англійскаго генерала Вильямса Царь дѣйствительно был популярен среди союзнаго генералитета в Ставкѣ. Если Царю “скучно” было в Ставкѣ, то по другой причинѣ: министры прїѣзжают сюда “почти каждый день” и “отнимают... все время”... “Я обыкновенно ложусь послѣ 1 ч. 30 м., проводя время в вѣчной спѣшкѣ с писаніем, чтеніем и прїемами! Прямо отчаяніе!”

**

Царь живет войной — он очень обезпкоен проектом перенесенія Ставки в Калугу. (“Я снова буду чувствовать себя далеко от арміи”, — письмо 4 сент.). Он глубоко вѣрит в конечный успѣх. Вернувшись в Царское Село, Государь при свиданіи с Палеологом 27-го сентября высказывал ему свое глубокое удовлетвореніе от пребыванія в Ставкѣ вдали от петербургских міазмов. Оптимизм его не оставляет в самые тяжелые моменты на фронтах. Созвучный отклик он находит и в письмах жены. Надо произвести искусственную операцію над этими письмами, комментировать отдѣльные оторванныя от текста замѣчанія для того, чтобы придти к выводу противоположному: экспансивная женщина, у которой, по ея собственным словам, “перо... летает, как безумное, по бумагѣ, не поспѣвая за “мыслями”, не останавливается перед категорическими сужденіями и рѣзкими выраженіями. Вел. кн. Ник. Мих., с большим недоброжелательством относившійся к А. Ф., занес в свой исключительно пристрастный дневник 17 сентября 15 г.: “На днях писал Имп. Маріи Фед. о моих опасеніях за будущее, что надо уже теперь зорко слѣдить за возможностью разных родственннх нѣмецких вліяній, которыя только увеличатся при продолженіи войны и дойдут до максимума в послѣдній період, перед окончаніем борьбы. Сдѣлал цѣлую графику, гдѣ отмѣтил вліянія: гессенскія, прусскія, мекленбургскія, ольденбургскія и т. д., причем вреднѣе всѣх я признаю гессенскія на А. Ф., которая в душѣ осталась нѣмкой, была против войны до послѣдней минуты и всячески старалась оттянуть момент разрыва. Мнѣ это извѣстно от Сазонова, которому пришлось дѣйствовать энергично против ея настроеній в момент мобилизаціи. Все это надо своевременно учесть”. В дѣйствительности отношеніе к войнѣ у А. Ф. совсем другое — во всяком случаѣ с момента, когда она началась.

В соотвѣтствіи с ея религіозно-мистическими представленіями война рисуется ей оздоравливающим началом. В первый момент, как будто бы, наблюдается нѣкоторое колебаніе, и А. Ф. хочет найти утѣшеніе в том, что “правда на нашей сторонѣ”. “О, эта ужасная война”, — пишет она 27-го октября 14 г. “Подчас нѣтъ сил больше слышать о ней; мысли о чужих страданіях, о массѣ пролитой крови терзают душу и лишь вѣра, надежда и упованіе на Божіе безграничное милосердіе и справедливость являются единственной поддержкой... Весь мір несет потери. Так должно же что-нибудь хорошее выйти из этого

всего, и не напрасно же всё они должны были пролить свою кровь". Но за мѣсяц перед тѣм она писала: "Эта война подняла настроеніе, пробудила многія застоявшіяся мысли, внесла единство в чувства, это в моральном отношеніи — "здоровая война"... "Все пойдет хорошо, так как правда на нашей сторонѣ"... "Такая война должна очищать душу, а не загрязнять ее"... "Только одного мнѣ хотѣлось бы, чтобы наши войска вели себя примѣрно во всѣх отношеніях, чтобы они не стали грабить и громить — пусть эту мерзость они предоставят продѣлывать пруссакам"... "Вдвойнѣ чувствуешь ужасы войны и кровопролитія, но как послѣ зимы наступает лѣто, так послѣ страданія и борьбы наступает мир и утѣшеніе, великая ненависть утихнет, и наша дорогая родина разовьется и станет прекрасной... Это новое рожденіе, новое начало, очищеніе и исправленіе умов и душ" (8 апрѣля 15 г.). Много раз А. Ф. возвращается к этой темѣ очищенія через войну: "солнце свѣтит послѣ дождя, так и наша дорогая родина увидит золотые дни благоденствія, когда ея земля напоится кровью и слезами... Но все же такая мука видѣть столько ужаса и знать, что не всѣ работают так, как слѣдует, и что мелкіе люди портят часто великое дѣло, для котораго они должны были работать дружно" (4 мая)... "Постоянныя огромныя потери наполняют скорбью... душу", но погибшіе за великое дѣло, "как мученики прямо идут к престолу Божію"... Это "истинные святые и герои" *).

Эта женщина, оставшаяся "в душѣ" нѣмкой, с полным правом писала мужу: "ты знаешь, мой друг, мою любовь к твоей странѣ, которая стала моей". Другіе скажут: "Она просто естественная патриотка династїи, в которую вошла" (Чернов). Может быть, но эта адекватность в ея представленіи національных интересов с династическими ("я стою на стражѣ интересов твоего, Бэби и Россїи") нисколько не измѣняет сущности ея отношенія к войнѣ. Наоборот, она ее заостряет. "Внѣшняя сдержанность и холодная отчужденность замкнутой в себѣ натуры" не могли побороть того почти мистическаго экстаза, который усмотрѣл на лицѣ А. Ф. французскій посол в дни посѣщенія Москвы послѣ объявленія войны, когда перед царской четой в Кремлѣ протекали "ненстовыя манифестаціи патриотической толпы". Почти с таким же экстазом отнеслась через нѣсколько мѣсяцев А. Ф. к посѣщенію Государем "завоеваннаго края" — галиційской столицы Львова... "Какой великій историческій момент", — пишет она восторженно 11-го апрѣля. "Наш Друг в восторгѣ и благословляет тебя... Сейчас прочла в "Нов. Вр." все про тебя и так тронута и горда за тебя. И так хороши были твои слова на балконѣ — как раз то, что надо! Да благословит и объединит Господь эти славянскія области с их старинной матерью Россїей в полном, глубоком историческом и религіозном значеніи этого слова... Как Николай I был бы счастлив! Он видит, как его правнук завоевывает обратно эти старинныя области и оплачивает Австріи за ея измѣну"...

**
*

В день, когда Император только что уѣхал в Ставку для того, чтобы возложить на себя бремя верховнаго командованія, — уѣхал в

*) С начала войны А. Ф. наложила на себя «пост» — перестала курить.

“мирном и ясном настроеніи”, Императрица, сама испытывая “мир на душѣ послѣ тревожныхъ дней”, писала: “Не нахожу слов, чтобы выразить тебѣ все, чѣмъ наполнено сердце... Ты вынесъ одинъ съ рѣшимостью и стойкостью тяжелую борьбу ради родины и престола... Ты, наконецъ, показываешь себя государемъ, настоящимъ самодержцемъ, безъ котораго Россія не можетъ существовать... Это будетъ славная страница твоего царствованія и исторіи Россіи — вся исторія этихъ недѣль и дней. Богъ, который справедливъ и около тебя, спасетъ твою страну и престолъ черезъ твою твердость. Рѣдко кто выдержалъ болѣе тяжелую борьбу, чѣмъ твоя — она будетъ увѣнчана успѣхомъ, только вѣрь этому. Богъ помазалъ тебя на коронаціи, поставилъ тебя на твое мѣсто, и ты исполнилъ свой долгъ... Молитвы нашего Друга денно и ночью возносятся за тебя къ небесамъ, и Господь ихъ услышитъ. Тѣ, которые боятся и не могутъ понять твоихъ поступковъ, убѣдятся поздише въ твоей мудрости. Это начало славы твоего царствованія. Онъ (г. е. Распутинъ) это сказалъ — и я глубоко этому вѣрю. Твое солнце восходитъ и сегодня оно такъ ярко свѣтитъ. И этимъ утромъ ты очаруешь всѣхъ этихъ взбалмошныхъ людей, трусовъ, шумливыхъ, слѣпыхъ и узкихъ (нечестныхъ, фальшивыхъ). И твой Солнечный Луч появится около тебя, чтобы тебѣ помочь — твой родной сынъ. Это тронетъ всѣ сердца, и они поймутъ, что ты дѣлаешь, и чего они смѣли желать — поколебать твой престолъ, запугивая тебя мрачными внутренними предзнаменованіями! Надо лишь немного успѣха тамъ — и они всѣ переменятся”...

Трудно себѣ представить, что это экзальтированное посланіе могло сопровождать даже въ тайникахъ души сокрытую мысль о сепаратномъ мирѣ. Вся мистическая концепція А. Ф. говорила противъ “постыднаго мира”... Въ Чр. Сл. Ком. при допросѣ ген. Поливанова пытались выяснитъ вопросъ: “не было ли основанія предполагать, что принятіе командованія явилось результатомъ желанія устранивъ бывш. царя отъ внутреннѣйшей политики?” Если не прямо, то косвенно это связывалось съ сепаратнымъ миромъ. “Я могу объ этомъ догадываться только *теперь*, но въ ту пору у меня такого предположенія не было”, — отвѣтилъ слишкомъ лаконически Поливановъ. О чемъ же могъ “догадываться” бывш. военный министръ? Догадка могла лежать лишь въ плоскости той современной, упорно распространявшейся легенды, которая одинъ изъ плановъ “дворцоваго переворота” приписывала правымъ кругамъ, выдвигавшимъ Императрицу на руководящую роль “регента” Имперіи. Къ этой никчемной легендѣ намъ придется ближе подойти, коснувшись напряженной общественной обстановки конца 16 года и тогдашней агрессивности настроеній А. Ф. Несомнѣнно вмѣшательство Императрицы во внутреннюю политику, непосредственный контактъ съ членами правительства значительно усилились съ момента, когда Царь вынужденъ былъ проводить долгое время въ Ставкѣ. Императрица могла войти во вкусъ этой “власти”. Но надо совершенно игнорировать ту исключительную нѣжность и дружбу, которыя отличали взаимоотношенія царской четы, или заподозрить А. Ф. въ невѣроятной неискренности и фальши (характерной чертой А. Ф. напротивъ была излишняя прямолинейность) для того, чтобы увидѣть въ перепискѣ сплошную комедію, имѣвшую своей конечной цѣлью подготовку сепаратнаго мира. Здѣсь мы доходимъ до предѣловъ неуразум. которыя порождаютъ вольныя догадки.

Придворный исторіографъ ген. Дубенскій нѣсколько карикатурно

преувеличивал, показывая в Чр. Сл. Ком.: “Государь был в полном подчинении. Достаточно их было видѣть четверть часа, чтобы сказать, что самодержцем была она, а не он. Он на нее смотрѣл, как мальчик на гувернантку. Это бросалось в глаза” (в воспоминаніях Дубенскій, конечно, сильно смягчил характеристику). У А. Ф. было и больше активности и больше истерической настойчивости. В цитированном письмѣ 22 августа она напутствовала мужа: “... буду мучиться все время, пока в Ставкѣ все не уладится... Когда я вблизи тебя, я спокойна. Когда мы разлучены, другіе сразу тобою овладѣвают... Они знают, что у меня сильная воля, когда я сознаю свою правоту — и теперь ты прав, мы это знаем — заставь их дрожать перед твоей волей и твердостью... Не сомнѣвайся, вѣрь, и все будет хорошо”. “Не безпокойся о том, что останется позади... Я здѣсь, не смѣйся... На мнѣ надѣты невидимые “брюки”, и я могу заставить старика (т. е. Горемыкина) быть энергичнѣй... Говори мнѣ, что дѣлать, пользуйся мною, если я могу быть полезной” *).

Недовольна А. Ф. положеніем в Ставкѣ, гдѣ было отложено официальное опубликованіе перемѣны в верховном командованіи. “Царская Ставка”, — “это звучит так хорошо и многообѣщающе... Неправильно держать это в тайнѣ, никто не думает о войсках, которые жаждут узнать радостную новость. Я вижу, что присутствие моих “черных брюк” в Ставкѣ необходимо — такіе там идіоты”. Много раз “жаждет” А. Ф. показать “всѣм этим трусам” свои “безсмертные штаны”, а “почти всѣх министров” ей просто хочется “отколотить”. Почему такая агрессивность? Ее раздражает тот “пустой шум”, который создается вокруг рѣшенія Царя, тогда как “теперь лишь нѣмцы и австрійцы должны занимать умы и больше ничего”. С Царем во главѣ отступающая армія должна перейти в наступленіе. Имя Царя — знамя для побѣд. А. Ф. убѣждена, что одно опубликованіе о принятіи Царем командованія должно измѣнить “направленіе мнѣній в Думѣ”.

Пришло успокоительное сообщеніе из Ставки. Муж писал 25-го августа: “Благодареніе Богу, все прошло, и вот я опять с этой новой отвѣтственностью на моих плечах. Но да исполнится воля Божія. Я испытываю такое спокойствіе, как послѣ св. причастія”... Вспоминая, как “все утро этого памятнаго дня 23 августа” он “много молился и без конца перечитывал... первое письмо” А. Ф., Царь заканчивал: “Подумай, женушка моя, не прійти ли тебѣ на помощь муженьку, когда он отсутствует? Какая жалость, что ты не исполняла этой обязанности давно уже или хотя бы во время войны. Я не знаю болѣе пріятнаго чувства, как гордиться тобой, как я гордился всѣ эти послѣдніе мѣсяцы, когда ты неустанно доказывала мнѣ, заливная быть твердым и держаться своего мнѣнія” **). Одновременно Царь сообщал, что получил телеграмму от ген. Иванова с извѣщеніем, что 11-ая армія Щербачева в Галиціи атаковала с успѣхом двѣ германскія дивизіи: “И это случилось сейчас же послѣ того, как наши войска узнали о

*) Насколько в августовскіе дни А. Ф. во внѣ не выступала самостоятельно, показывает то же письмо 22 августа, гдѣ она спрашивает мужа: может ли она повидать, по совѣту «Друга», Крупенскаго и распросить его про Думу — «без всякаго шума».

**) Отсюда англійскій историк Пэрс дѣлает вывод, что А. Ф. принудила мужа занять стратегическій пост для того, чтобы самой управлять тылом.

том, что я взял на себя верховное командование. Это, воистину, Божья помощь и какая скорая"... "Хорошія извѣстія от Иванова — настоящее благословеніе для начала твоей работы", — отвѣчала А. Ф.: "все теперь кажется пустяком, такая радость парит в душѣ". "Слава Богу", — пишет она через нѣсколько дней (30 авг.), — ежедневно приходится читать добрыя вѣсти о наших славных войсках. Так отрадно, что со времени твоего приѣзда Бог, дѣйствительно, даровал через тебя свое благословеніе войскам! С какой обновленной энергіей они сражаются! Если бы только можно было сказать то же о внутренних дѣлах". "Я жажду, — добавляет она 15 сент. — чтобы, наконец, дѣла приняли благопріятный оборот, и чтобы ты мог дѣлком отдаться войнѣ и интересам, с нею связанным".

Перелистывая переписку, видишь, как разсѣивается туман, навѣянный "догадкой" ген. Поливанова. Нѣтъ никакого основанія заподозрѣвать искренность обоих корреспондентов, видѣвших в разлукѣ "тяжелый крест", который они несут во время войны: "Ты очень вѣрно выразилась в одном из своих послѣдних писем, — говорил Царь 4 января 16 г., — что наша разлука является нашей собственной, личной жертвой, которую мы приносим нашей странѣ в это тяжелое время. И эта мысль облегчает мнѣ ее переносить"...

Во всяком случаѣ общество не сумѣло оцѣнить этого искренняго порыва, даже жертвенности Царя. С этого момента, в представленіи Поливанова, произошла нѣкоторая "эволюція" в умѣ императора Николая II — "все пошло иначе".

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦАРИЦА — «НѢМКА»

I. — МЕЧТА О МИРѢ.

В исторической работѣ трудно обосновать слишком грубую в своей элементарности тезу о изначальной как бы “измѣнѣ” всегда остававшейся “тайной германофилкой” имп. Алек. Фед. (“нѣмкой, маневрировавшей в пользу своего первоначального отечества” — по характеристикѣ французскаго журналиста Ривэ). Безответственная сплетня, порожденная в дни войны примитивным общественным психозом, находится в рѣзком, непримиримом противорѣчii с настроенiями, которые так явно выступают в каждой строкѣ отмѣченной выше интимной переписки А. Ф. Поэтому тѣ, кто пытаются болѣе серьезно обосновать концепцію подготовки сепаратнаго мира, переносят центр тяжести в другую плоскость. “С идеей сепаратнаго мира ум Царицы осваивается лишь впоследствии, — пишет, напр., Чернов, отвергающій легенду об “измѣнѣ” — когда заманчивый мираж побѣды обманно ускользает, оставляя разочарованiе и обезвѣренность”. При отсутствii хронологической четкости в изложенiи этого автора и склонности его к толкованiю отдѣльных эпизодов в духѣ шаблонной легенды “измѣны” (примѣры мы видѣли и увидим), не ясен момент, когда в сущности “царизм исподтишка, но всерьез” стал готовиться к ликвидацii борьбы на “внѣшних фронтах” для того, чтобы “перенести ее на фронт внутреннii”. Однако сама по себѣ такая постановка болѣе логична и может заключать нѣкоторую долю правдоподобiя. Нам предстоит на ней в дальнѣйшем остановиться болѣе подробно, так как эта легенда дѣлается общественным достоянiем и предреволюцiонное уже время.

В 15-ом году намѣчались только ея абрисы, нашедшiе, между прочим, отраженiе в воспоминанiях б. чешскаго президента, проф. Масарика. Увѣренный, что накануне революцii “часть придворной клики задумала план пустить нѣмцев к Петрограду, дабы этим спасти трон”, мемуарист пишет: “что это не был единственный подобнаго рода план, я могу доказать тѣми свѣдѣнiями, которые я получил в Лондонѣ о Горемыкинѣ. Уже тогда этот русскii министр, бывшii сравнительно лучше, нежели его преемники, не боялся пораженiя и наступленiя нѣмцев на Петроград — нѣмцы-де могут завести в Россii порядок*).

*) Лично Масарик считал Царя «лояльным» в отношенii союзников, но только «слабым и неустойчивым». Царица также не была, по его мнѣнiю, причастна к «измѣнѣ»: «Я провѣрил то, что об этом говорилось в думских кругах, и убѣдился, что она не была в отношенii Россii менѣе лояльной, чѣм сами русскiе».

Фантастика, сообщенная Масарику в кругу компетентных политических людей, среди которых он вращался в Лондонѣ, в гиперболической формѣ передавала лишь намеки нѣкоторых органов русской печати. Так в "дневникѣ" мин. ин. д. под 20 октября 15 г. значително: "За послѣднее время широко распространился слух о предстоящей отставкѣ министра ин. д. С. Д. Сазонова и нѣкоторыя газеты ("Бирж. Вѣд.") уже оповѣстили о готовящемся, будто бы, назначеніи предѣдателя Совѣта Министров И. Л. Горемыкина государственным канцлером с передачей ближайшаго руководства министерством ин. д. на правах управляющаго таковым бывшему послу в Вѣнѣ Н. Н. Шебеко. Извѣстіе это, до того распространившееся, что ему повѣрили наиболѣе непосредственно задѣттыя им лица, вызвало за границей, а также среди иностранных дипломатов в Петроградѣ толки о том, что, будто, намѣченная перемѣна должна повлечь в направленіи вѣдшей политики Россіи поворот в смыслѣ смягченія вражды к Германіи, а затѣм, может быть, и перехода к отдѣльному соглашенію с послѣдней. Такое мнѣніе основывалось, между прочим, на том, что И. Л. Горемыкин, повидимому, ищет опоры в кругах правых, которые всегда тяготѣли в сторону Германіи" *). Цитированная записъ "дневника" мин. ин. д. заканчивала свою информацию так: "20 октября по окончаніи всеподданнѣйшаго доклада своего в Царском Селѣ С. Д. Сазонов, сославшись на эти слухи, высказал Государю желаніе быть по возможности освѣдомленным относительно срока осуществленія упомянутых предположеній. Но тут оказалось, что Государь Император впервые услышал о таковых и с крайним удивленіем самым рѣшительным образом опроверг существованіе даже мысли о них. При этом Е. В. не скрыв своего раздраженія по поводу постоянно возникающих в Петроградѣ всякаго рода ложных слухов и прибавил: "Слава Богу, я живу в Ставкѣ, куда весь этот вздор не доходит".

Мог ли имѣть этот "вздор" какое-нибудь отношеніе к затаенным, по крайней мѣрѣ, помыслам А. Ф.? Поскольку источником нашего освѣдомленія о ея психологіи является интимная переписка, трудно усмотрѣть какое-либо измѣненіе тона в момент, когда подготавливается будто бы второй этап осуществленія плана заключенія сепаратнаго мира. Нельзя же в самом дѣлѣ в порывѣ человѣчности, побудившем А. Ф. написать 25 іюля такія строки: "Я иногда мечтаю заснуть и проснуться только тогда, когда все кончится и водворится повсюду мир вѣдшій и внутренній" — увидѣть подтвержденіе той "безвѣрности", которая могла толкнуть на скользкій путь исканія путей к сепаратному миру и которая в такой внутренне психологической оболочкѣ не имѣла никакого отношенія к каким-либо германофильским настроеніям? 5 сент. А. Ф., рассказывая мужу о посѣщеніи лазарета, гдѣ она и ея дочери работали в качествѣ сестер милосердія**), упомянула, что

*) Раньше в суворинском «Вечернем Времени» 17 августа в статьѣ «Опять Распутин» говорилось, что знаменитый старец, «пользовавшийся всегда покровительством нѣмецкой партіи», ведет пропаганду в пользу заключенія мира.

**) Эта по истинѣ самозабвенная работа на «облегченіе страждущим» «героям» и «храбрецам», как нельзя лучше, свидѣтельствует о подлинном настроеніи А. Ф. Письма полны рассказами о страданіях и переживаніях раненых, так как у нея всегда «потребность высказаться» близкому человѣку о тѣх случаях, которые ее взволновали.

один из раненых сказал, что “все жаждут мира”. “Это я впервые услышала!”, — добавила А. Ф. Можно ли из муки дѣлать слона и в “голосѣ безвѣстнаго солдата”, проникшем в стѣны дворца, увидѣть грозное предназначение возмущенія народных масс “затяжкой войны”, которое должно было оказать влияние на умонастроение в пользу активных шагов в сторону сепаратнаго мира?

Случайный, отмѣченный А. Ф., фактъ, повидимому, никакого особаго впечатлѣнія на нее не произвел. Через два дня она пишет о сужденіи “Друга” насчет извѣстій с войны: “Не ужасайтесь, хуже не будет, чѣм было, вѣра и знамя обласкает нас”. А. Ф. радуется, что “англичане и французы, наконец, начали наступать и, кажется, с успѣхом” (15 сент.), а через нѣкоторое время, как мы уже видѣли, мечтает о вхожденіи русских в Константинополь. 15 ноября, на основаніи впечатлѣній, вынесенных близким Царской Семьи Саблиным и сообщенных в письмѣ Вырубовой, она говорит “о доблестной арміи, которая так полна сил, как будто, до сих пор еще не воевала”. “Очень хочется знать, что поваго на фронтѣ”? — спрашивает она: 19 декабря: “Успѣшно ли развивается наступленіе? Черныя галки (т. е. вел. кн. Анастасія Черногорская, жена Н. Н. и ея сестра) каркают и спрашивают, почему и отчего предприняли такой шаг зимой, но я нахожу, что мы не имѣем права судить. У тебя и Алексѣева свои планы и соображенія, а мы только должны молиться об успѣхѣ, и тот, кто умѣет ждать, преуспѣвает... *И как все изменится внутри страны, когда мы одержим побѣду!*”... И на другой день, узнавъ, что Император “назначен англійским фельдмаршалом”: “теперь я закажу хорошую икону с англійским, шотландским и ирландским покровителями — св. Георгіем, св. Михаилом и св. Андреем, чтобы ты благословил ея англійскую армію... Я прочла в газетах то, что ты написал о нашем наступленіи на юг. Да дарует Господь успѣх нашим войскам”. 30 декабря: “... молиться за вѣрой, надеждой и терпѣніем — должны же, наконец, наступить хорошія времена, и ты и наша страна будете вознаграждены за все сердечныя муки, за всю пролитую кровь. Все, кто были взяты из жизни, горят, как свѣчи, перед троном Всевышняго. И там, гдѣ бьются за правое дѣло, там будет окончательная побѣда. Так хочется поскорѣ хороших вѣстей, чтобы утишить здѣсь беспокойныя сердца и пристыдить за маловѣріе”. Наканунѣ новаго года: “Из глубины сердца и души молю Всемогущаго Бога благословить 1916 г. для тебя и нашей возлюбленной страны! Да увѣнчает Он успѣхом всякое твоё начинаніе, вознаградит армію за ея доблесть, ниспошлет нам побѣду, покажет нашим врагам, на что мы способны... А для внутренняго спокойствія необходимо подавить тѣ мятежные элементы, которые стараются разорить страну и втянуть тебя в безконечную борьбу”. Эта послѣдняя фраза непостижимым образом при крайне тенденціозном толкованіи переворачивается в нѣчто совсѣм противоположное. Семеновъ неожиданно увидѣлъ в ней подтвержденіе того, что мысль о необходимости сепаратнаго мира созрѣвала в “романовском кругу — отсюда вытекала необходимость рѣшительной борьбы с тѣми слоями буржуазіи, которые были особенно воинствующе настроены и втягивали Россію в “безконечную борьбу” и тѣм были гораздо болѣе опасны, чѣм своей “мятежностью”. Совершенно ясно, что под “безконечной борьбой” А. Ф. и не думала подразумѣвать войну.

Возьмем еще нѣсколько цитат из писем, относящихся к первым мѣсяцам 16 г. 5 января: “Я прочла, что эвакуировано Цетинье, и что их войска окружены. Ну вот теперь король со сыновьями и черными дочерьми, находящимися здѣсь и так безумно желавшими этой войны, расплачивается за свои грѣхи перед Богом и тобой, так как они возстали против нашего Друга, зная, кто он такой! Господь мстит за себя. Только мнѣ жаль народа, это все такіе герои, а итальянцы — эгоистическіе скоты, покинули их в бѣдѣ — тусы!” *). 5 февраля: “Да у нас в армиі не мало героев, и будь у них такіе же превосходные генералы, мы надѣлали бы чудеса”. 15 февраля: “Для французов настало тяжелое время около Вердена, дай Боже им успѣха — так хочется, чтобы они и англичане начали, наконец, наступать”. 10 марта: “Только что прочла в газетах о нашем продвиженіи — слава Богу, все идет спокойно, твердо и хорошо. С Божьей помощью это измѣнит скверное настроеніе в тылу. Да благословит Господь наши войска! Я вѣрю, что Он нам поможет, и это хорошо, что мы не теряем времени, пока они не воспользовались нашим промедленіем и не остановили нас. Всѣ очень счастливы и заняты этим наступленіем”. 6 апрѣля: “Как чудно, что Транезунд взят нашими прекрасными войсками — поздравляю тебя от всего моего любящаго сердца. Мнѣ грустно, что успѣхи все там на югѣ, но со временем они придут и сюда”. 6 іюня: “От всего сердца поздравляю тебя с нашими успѣхами и со взятіем Черновиці — хвала Господу Богу. Только бы нам не зарваться слишком вперед”...

Как все это далеко от каких-либо помыслов о сепаратном мирѣ! Весь круг идей, во власти которых находится А. Ф., отвергает “постыдный мир”, ибо — настойчиво твердит она (письмо 17 марта) — “это должна быть *твоя* война, *твой* мир, слава *твоя* и нашей страны, а во всяком случаѣ не Думы”. Эта психологія — “твоя война” — настолько проникает сознаніе А. Ф., что становится движущим импульсом ея политики.

Не только верховный главнокомандующій вел. кн. Н. Н., но и вся общественность, возглавляемая Гос. Думой, пользуется войной, чтобы повысить свой авторитет. Иллюстраціей к такому заключенію являет-

*) За два мѣсяца перед тѣм, по поводу затрудненій, которыя рождались на Балканском полуостровѣ в связи с выступленіем Болгаріи и двойственной позиціей Румыніи и Греціи, А. Ф. писала: «Чорт побери эти балканскіе государства! Россія всегда была для них любящей матерью, а они измѣнили ей и сражаются с ней... «Бѣдной Сербіи пришел конец. Но такъо, видимо, ея судьба, ничего не подѣлаешь. Вѣроятно это наказаніе страиѣ за то, что они убили своего короля и королеву... Погибнет ли Черногорія или ей поможет Италия? А Греція? Что за позорную комедію разыгрывают там и в Румыніи... Мое личное мнѣніе, что наших дипломатов слѣдовало бы повѣсить... Посмотри, как германцы все пробуют, чтобы добиться успѣха. Наш Друг был всегда против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал, и что Сербія окажется такой же неблагодарной, как и Болгарія». Политическая философія экспансивной женщины в данном случаѣ не представляет для нас интереса. Не стоит разбирать и кривотолки, связанные с комментироваіем письма, ссылающагося на авторитет Распутина. Мы должны имѣть в виду, что соображенія, высказанныя А. Ф., являются лишь своеобразным утѣшеніем Царя, чрезвычайно обезпокоеннаго безвыходностью положенія Сербіи и безсиліем Россіи оказать ей помощь.

ся посѣщеніе Родзянко Львова. Министр вн. д. Маклаков 27 апрѣля специально доносил Царю о “неумѣстном фигурированіи предѣдателя Думы” и чествованіи его в галиційской столицѣ. “Родзянко, В. В., — писал министр, — только исполнитель напыщенный и неумѣлый, а за ним стоят его руководители — г.г. Гучков, кн. Львов и другіе, систематически идущіе к своей цѣли. В чем она? Затемнить свѣтъ Вашей славы... и ослабить силу значенія святой, исконной и всегда спасительной для Руси идеи самодержавія. Восторг и умиленіе, оставшіеся послѣ Вашего там пребыванія, и радость, вызванная Вашими словами, надо было заслонить перед лицом всего народа и надо было покрыть крикливым триумфом чествованія Родзянко, который всегда и всюду добивается поставить народное представительство на несвойственную ему высоту, в положеніе вершителя судеб Россіи и всего міра. Это представительство всемѣрно и сознательно выдвигают в противовѣс и противоположность Вашей, Богом данной Вам, власти”. В письмах А. Ф. никак не реагировала на опасенія министра вн. д. о нежелательных огласках в Россіи львовскаго чествованія предѣдателя Думы, но они не могли глубоко не запасть в ея душу*). Она систематически убѣждает мужа, что во время войны повсюду непосредственно должен слышаться его царскій голос. Когда Царь приняла на себя верховное командованіе и не успѣлъ еще доѣхать до Могилева, А. Ф. выступает с проектом посылки флигель-адъютантов на фабрики и заводы, чтобы имѣть “свои глаза..., даже если свитскіе мало понимают... Важно, чтобы видѣли, что они присланы тобой, и что не только Дума за всѣм смотрит”. Через нѣсколько дней (29 августа) А. Ф. настойчиво повторяет: “не забудь разослать свитских... по разным фабрикам от своего имени — пожалуйста, сдѣлай это. Это произведет прекрасное впечатлѣніе и докажет, что ты за всѣм наблюдаешь, а не одна только Дума сует свой нос во все”. Этим политическим соревнованіем опредѣлялись и отношенія Императрицы къ общественным организациям, работающим на войну. Она настоятельно требует опубликованія денежных средств, отпущенных в распоряженіе земскаго и городского союзов, желая показать “народу”, что общественная работа в сущности дѣло правительства. “Можно заплакать, — писала А. Ф. в сентябрѣ 16 г., — узнав, что полмилліарда выброшено на союзы, когда существующія организациі могли бы сдѣлать чудеса в 1/4 этой суммы”.

II. — ВОКРУГ ГИБЕЛИ КИТЧЕНЕРА.

Придирчивые комментаторы интимной переписки найдут другія указанія — другія “знаменательныя совпаденія”, будто бы, свидѣтельствующія о подготовкѣ в тиши смѣны “дружбы” с Англійей на “дружбу” с Германіей. Недаром А. Ф. еще 2 ноября написала: “В Афинах приняли австро-германскую депутацію — враги напряженно работают для достиженія своих цѣлей, а мы всегда довѣряемся и все-

*) Родзянко в воспоминаніях говорит, что Н. Маклаков представил дѣло в «совершенно превратном свѣтѣ», и что все его «чествованіе» во Львовѣ выразилось в привѣтствіи галиційских общественных дѣятелей во главѣ с Дудыкевичем при «скромной встрѣчѣ» на вокзалѣ. Родзянко во Львов пріѣхал за два дня до Царя и с ним там встрѣтился.

гда нас обманывают. Всегда надо энергично слѣдить за Балканами и показывать им нашу силу и настойчивость. Я предвижу ужасныя осложненія по окончаніи войны, когда надо будет разрѣшать вопрос о балканскихъ государствахъ, и *опасаюсь, что эгоистическая политика Англии рѣзко столкнется съ нашей*. Надо ко всему хорошенько подготовиться, чтобы не имѣть неприятныхъ сюрпризовъ. Надо ихъ прибрать къ рукамъ теперь, пока у нихъ большія затрудненія”.

Эта “недовѣрчивость” — “полуприкрытая” вражда к союзникам*) выступает “наглядно и отчетливо” при позднѣйшемъ полученіи извѣстія о гибели англійскаго фельдмаршала Китченера (“торжествуя при извѣстіи о гибели Китченера” — такъ прямо у Семенникова и сказано про отношеніе къ событію А. Ф.). Эта опредѣленная уже клевета родилась на почвѣ сообщенія А. Ф. мнѣнія, высказаннаго Распутинымъ Вырубовой: “Она позабыла тебѣ сказать, — пишетъ А. Ф. 5 іюня (16 г.), — что, по мнѣнію нашего Друга, для насъ хорошо, что Китченер погибъ, такъ какъ позже онъ могъ бы причинить вредъ Россіи, и что нѣтъ бѣды в томъ, что вмѣстѣ с нимъ погибли его бумаги (?!). Видишь ли Его всегда страшила Англія, какой она будетъ по окончаніи войны, когда начнутся мирныя переговоры”. Тотъ, кто хочетъ быть элементарно объективнымъ, не ограничится одной оторванной выпиской изъ письма 5 іюня. Китченеръ погибъ 24 мая. В ночь на 25-е, между часомъ и двумя А. Ф. телеграфируетъ в Ставку: “Какая ужасная катастрофа с англійскимъ крейсеромъ, на которомъ былъ Китченер”. “Какъ ужасна гибель Китченера”, — повторяетъ она в дневной телеграммѣ. И вновь в письмѣ, помѣченномъ той же датой: “Какой ужасъ с Китченеромъ! Сущій кошмаръ, в какаѣ это утрата для англичанъ”. На другой день, 26 мая, А. Ф. видѣла “Друга” в отсутствіе Вырубовой. Онъ ничего не сказалъ тогда по поводу гибели Китченера.

Можно было бы пройти мимо тѣхъ сплетенъ, которыя возникли в связи с гибелью Китченера (уже в то время дѣлались намеки на предательство, в которомъ повинна была чуть ли не сама русская Императрица — Деникин отмѣчаетъ такіе разговоры в арміи), если бы в позднѣйшихъ историческихъ изысканіяхъ онѣ не находили отклика. Такъ, напр., в серьезномъ эмигрантскомъ журналѣ “Современныя Записки” в статьѣ редактора означеннаго органа Вишняка “Паденіе абсолютизма” можно найти непрозрачныя намеки на то, что гибель Китченера стояла в связи с шпионскою работою, которая велась вокругъ Распутина. Эти люди умѣли узнавать от Распутина все, что зналъ онъ — изъ высшихъ, конечно, источниковъ. “Чтобы убѣдиться в обоснованности такихъ сомнѣній, — писалъ авторъ, — достаточно прочесть *внимательно* (этого-то какъ разъ авторъ и не сдѣлалъ!) переписку царицы с царемъ”. “21 мая 16 г., — продолжаетъ Вишнякъ, — царица приписываетъ в концѣ письма: “говорятъ, что Китченеръ пріѣзжаетъ 28 сюда (или — в текстѣ) в Ставку. Черезъ три дня 24 мая крейсеръ, на которомъ шелъ Китченеръ, затонулъ близъ Оркнейскихъ острововъ. Черезъ нѣсколько дней (5 іюня С. М.) царица сообщаетъ утѣшительный отзывъ Распутина”... При дѣйствительно внимательномъ чтеніи переписки прежде всего можно установить, что А. Ф. запрашивала мужа о пріѣздѣ Китченера не 21-го, а 22-го — поздно

*) Мы взяли цитату в полномъ ея видѣ, такъ какъ изолированное упоминаніе об Англіи придаетъ мысли другой оттънокъ.

вечером. Раз в этом запросе сказано “говорят”, то, очевидно, А. Ф. узнала не из секретного источника, т. е. не от мужа. Николай II не успел даже ответить, как крейсер был взорван снарядом, выпущенным вражеской подводной лодкой. Поразительная быстрота, с которой действует шпионская организация!

Жандармский генерал Комиссаров еще за несколько лет перед тем (24 г.) в американской прессе уточнил версию “предательства”, в котором повинны не столько Распутина и Императрица, сколько сам Царь. Хотя отъезд Китченера держался в такой тайне, что командир крейсера “Гемпшир” узнал о месте назначения своего рейда только по выходу в море при вскрытии запечатанного конверта, немцы были своевременно осведомлены через посредство какого “Шведова”, специально выехавшего из Петербурга для этой цели в Стокгольм к немецкому посланнику ф. Луцусу. Откуда “Шведов” узнал? Парижский орган Керенского “Дни” в свое время разоблачения Комиссарова, добившись им, подытожил в следующих словах: “такова была цель, благодаря которой погиб Китченер — пьяный царь, проболтавший секрет о приезде Китченера Воейкову, Воейков выболтал этот секрет Андронникову, Андронников передал его “Шведову”, а “Шведов” — немецкому послу в Стокгольм”. Семенников со своей стороны нашел “некоторые признаки достоверности” в рассказе Комиссарова, который по своему авторитетному положению в Охр. Отд. мог знать дело “из первоисточника” — Комиссаров утверждал, что он получил специальное распоряжение в личной аудиенции расследовать дело, и это расследование производил через своих агентов, наблюдавших за Распутиным. Но все-таки Семенникова смущало письмо А. Ф. от 13 апреля 15 г., в котором упоминался некто “Шведов”: “представь себе, в лазарет Ольги Орловой был молодой человек Шведов с георгиевским крестом (немного подозрительно, как мог вольноопределяющийся получить офицерский крест, мнѣ он сказал, что никогда вольноопределяющимся не был) — совсем мальчик на вид. Когда он уехал, в его столе нашли немецкий шифр, а теперь я знаю, что его повесили, как шпиона. Это ужасно — а он просил наших фотографий с подписями... Как можно было запутать такого мальчишка?”. Выходит, что “Шведов” погиб за год до взрыва крейсера “Гемпшир”. Но, конечно, “Комиссаров мог перепутать фамилию”, Шведов мог быть не повешен в 15-м году — это мог быть слух, “придуманный для успокоения Николая” и т. д. Могло и не быть вовсе странного шпиона “Шведова”, забывшего в столе секретный шифр. А главное сами англичане в то время больше склонялись к мысли, что крейсер, везший Китченера, погиб, наскочив случайно на подводную мину. Сообщая это, Масарик, бывший в то время в Лондоне, в воспоминаниях добавлял, что тем не менее “в нашем кружке думали, что если действительно выдали тайну, то выдали ее в Петербург”. На таком “если” и строилось все несуразное обвинение*).

*) Среди различных версий, выясняющих причины катастрофы крейсера «Гемпшир», имеется одна позднейшая, дающая наиболее правдоподобное объяснение. В 38-ом году в «Berl. Illust. Zeitung» появились воспоминания одного из шифровальщиков на немецкой центральной радио-станции в Неймюнстерѣ. Он рассказывал, как их станции удалось перехватить радио-телеграмму английскому адмиралтейству командира контр-миноносца, посланна-

От всей этой фантазмагории остается только то неожиданное заключение “Друга”, которое было передано А. Ф. через Вырубову, и которое она успела сообщить в утѣшеніе мужу. Довольно безразлично в сущности, на основаніи чего “Друг” сдѣлал вывод о будущей роли фельдмаршала — возможно, что это оригинальное толкованіе тѣх опасеній Царицы относительно Англіи, о которых он мог слышать в интерпретаціи “не умной” Вырубовой. Недовѣріе к англійской политикѣ было до нѣкоторой степени традиционным в царствующем домѣ*) и перешло от отца и матери к сыну, который на одном из докладов министра ин. д. Ламсдорфа (16 октября 1904 г.) сдѣлал даже помѣтку о полезности для будущаго, если бы удалось, “избавить Европу от чрезмѣрнаго нахальства Англіи”. По поводу отношенія англійскаго правительства к извѣстному инциденту на “Доггерской мели”, когда эскадра адм. Рождественскаго, принявъ рыболовную флотилію за вражескіе миноносцы, разстрѣляла ее, Николай II в своем дневникѣ записал: “дерзкое поведеніе Англіи” (в том же документѣ можно встрѣтить и болѣе рѣзкую квалификацію: “наршивые враги”). Недружелюбное отношеніе к Англіи послѣ русско-японской войны было таково, что, по утвержденію Витте, Царь проводил параллель между “жидами” и англичанами**).

Внучка королевы Викторіи, быть может, и заражалась этой семейной традиціей, и поэтому в опасеніях перед возможными в будущем интригами “коварнаго Альбіона” не приходится видѣть вліяніе нѣмецкой агитаціи — большее вліяніе могла оказать аргументація вел. кн. Ник. Мих., подчеркивавшего в письмах к Царю особые интересы в

го изслѣдовать путь у Оркнейских островов. Радио-телеграмма сообщала, что путь свободен от мин. Нѣмцы не знали, в чем дѣло, и на всякій случай послали подводную лодку, чтобы раскидать на указанных путях мины. На эти мины и наскочил «Гемпшир». «Традиционные шпионы» оказались здѣсь не при чем. — заключал свой обзор полк. Шумскій в «Послѣдних Новостях». Все (или почти все) остальное, что имѣется в литературѣ, надлежит отнести к области досужей фантазіи любителей раскрывать сенсационныя «тайны». По русским газетным отчетам можно, напр., отмѣтить рассказ нѣкоего Вуда, который передавал в 25 г. со слов бывш. нѣмецкаго агента Дюлена, превратившагося в мирнаго плантатора на о. Мартиник, как тот узнал через посредство одной проболтавшей женщины о мисси «гр. Закревскаго», посланнаго в Лондон для сопровожденія Китченера, как он проник на «Гемпшир» и связался с нѣмецкой подводной лодкой путем куска бумаги, пропитаннаго нерастворяющимся в водѣ свѣтящимся составом. Одна подводная лодка подобрала «героя» потопленія англійскаго крейсера. В книгѣ Джермена (Райфльман) «Правда о Китченерѣ» (37 г.) можно было прочитать уже совершенно удивительное письмо самого Людендорфа, которое приписывало инициативу гибели англійскаго фельдмаршала «русским революціонерам», т. е. большевикам, не желающим допускать возстановленіе русской арміи: «разложеніе царской Россіи было уже тогда рѣшено»...

*) О том, что Англія «исконный враг Россіи» внушал Александру III прославленный гр. Дим. Толстой. (Письмо 28 дек. 1888 г.).

***) Не с большой симпатіей Царь относился и к нѣмцам, воспринявъ такую «націоналистическую» точку зрѣнія также от родителей. Родзянко рассказывает, что, посѣтивъ в Кіевѣ в іюль 15 г. имп. М. Ф., он услышал от нея: «Вы не можете себѣ представить, какое для меня удовлетвореніе послѣ того, что я пятьдесят лѣтъ должна была скрывать свои чувства — имѣть возможность сказать всему свѣту, что я ненавижу нѣмцев». В частности Николай II не любил «нуднаго господина Вильгельма» (выраженіе, употребленное в ранних дневниках).

отношеніи Болгаріи, которые может поддерживать Англія на будущей мирной конференціи, и которые расходятся с интересами Россіи. “Знаменательное совпаденіе” было лишь в том, что нѣмецкая пропаганда естественно пыталась нащупать ахилесову пятю. Дружелюбныя союзническія отношенія с “исконнымъ врагомъ”, какъ выразился вел. кн. Ал. Мих. в письмѣ к Царю, не могли сразу ликвидировать старой психологіи, которая захватывала и нѣкоторые общественные націоналистическіе круги; с этой “англофобіей” мы встрѣтимся ниже — она вовсе не свидѣтельствовала о специфическомъ “германофильствѣ”. Тѣмъ болѣе этого нельзя отмѣтить в личныхъ переживаніяхъ А. Ф. Только искусство толкованія текста и прямое искаженіе смысла писемъ А. Ф. можетъ привести к заключенію, что в нихъ скрывается “не прикрытое злорадство” по поводу гибели Китченера. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ именно на него — на “энергичнаго Китченера” (его вел. кн. Мих. Мих. из Лондона в письмахъ к Царю называлъ “лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ Россіи”) — А. Ф. возлагала всѣ свои надежды послѣ того, какъ “дипломаты самымъ жалкимъ образомъ все проворонили на Балканахъ” (письмо 9 ноября). Позднѣе она пришла в большое негодованіе, когда узнала отъ мужа о выходкѣ вел. кн. Бориса в клубъ стрѣлковъ в Царскомъ, заявившаго, что онъ “убѣжденъ в неизбѣжности войны с Англіей по окончаніи этой войны”. Об этомъ “глухомъ разговорѣ” с однимъ англійскимъ офицеромъ сообщалъ Царю в Ставкѣ ген. Вильямс. “Бьюкененъ и сэръ Грей узнали объ этой болтовнѣ, — писалъ Царь 21 іюля, — все это весьма непріятно”. “Какъ онъ смѣетъ говорить такія вещи”, — возмущалась А. Ф.: “Онъ можетъ думать, что ему угодно, но имѣть дерзость говорить это англичанину в присутствіи другихъ, это уже превышаетъ всякія границы. Ты долженъ сдѣлать ему выговоръ (“задать ему головомойку”), онъ не смѣетъ такъ себя вести, нахалъ”. “Гнусный Пленъ”, — добавляла А. Ф. о полковникѣ, который состоялъ в Ставкѣ при походномъ атаманѣ, и вліянію котораго она приписывала выходку послѣдняго: “непремѣнно прогони этого господина” *).

Слишкомъ несерьезно на основаніи приведенныхъ данныхъ дѣлать поспѣшныя заключенія о готовящейся смѣнѣ “дружбы” с Англіей на дружбу с Германіей и инициаторами этого поворота в международной политикѣ считать правящую в Россіи династію, мечтавшую о сепаратномъ мирѣ. Многообразны были тренія между союзниками в дни эпопеи мировой войны. Одна опубликованная секретная телеграмма русскаго посланника в Бернѣ Сазонову 14 мая 15 г. пріоткрываетъ уголокъ дипломатической завѣсы, прикрывавшей подлинныя, жизненныя отношенія — они всегда были грубѣе и реалистичнѣе официальной словесности. Телеграмма передавала информацію, полученную отъ корреспондента “Новаго Времени” Сватковскаго, который состоялъ одновременно и агентомъ министерства ин. д. Сообщеніе Сватковскаго относится къ впечатлѣніямъ, которыя вынесъ пріѣхавшій изъ Лондона в Же-

*) Инцидентъ за ужиномъ в клубѣ подъ пьяную руку не заслуживалъ самъ по себѣ вниманія, тѣмъ не менѣе англійскій посолъ в официальном порядкѣ довелъ о немъ до свѣдѣнія министра Двора. По словамъ Палеолога, вел. кн. Борисъ, опустошивъ слишкомъ много бокаловъ шампанскаго, сталъ упрекать англичанъ, в лицѣ своего сотрапезника майора Т. в бездѣйствіи в то время, какъ французы гибнутъ подъ Верденомъ, и называлъ Дарданельскую операцію «блефомъ» и т. д.

неву проф. Масарикъ в связи с меморандумом по чешскому вопросу, представленным им лорду Грью. Возможно, конечно, что Сватковский препарировал сообщение Масарика на свой лад. Из бесѣд с англійскими и французскими политиками и журналистами Масарикъ “убѣдился в растущем в послѣднее время охлажденіи союзниковъ къ Россіи. Послѣ взятія Перемышля в этомъ преобладала нотка страха передъ Россіей, которая однако смѣнилась недовольствомъ по поводу хода военныхъ дѣйствій на востокѣ. Нынѣ недоброжелательство сказывается особенно по поводу нашей галиційской политики: в старыхъ либеральныхъ кругахъ Масарикъ пришлось слышать о ней самыя рѣзкія сужденія. Ему указывалось, что для западныхъ парламентскихъ державъ, принужденныхъ допускать в составъ правительствъ радикальные и социалистическіе элементы, станетъ невозможнымъ поддерживать тѣсныя отношенія с державой, в которой преобладаютъ настроенія, ведущія къ галиційской политикѣ. Одинъ изъ вліятельныхъ политиковъ Англии, имени котораго Масарикъ не хочетъ назвать, не желая участвовать в порчѣ англо-русскихъ отношеній, сказалъ ему, что, к его сожалѣнію, ближайшей войной будетъ, вѣроятно, война *Англии и Германіи с Россіей*. Участіе в нынѣшней войнѣ Италіи, по свѣдѣніямъ Масарика, связано с обезпеченіемъ Англійей теперь плана позднѣйшаго тѣснаго единенія Италіи с Англійей и, вѣроятно, Франціей, причѣмъ сближеніе первыхъ будетъ намѣрено или в силу вещей направлено противъ Россіи, и Франція, вѣроятно, будетъ втянута в эту комбинацію”.

III. «Я — РУССКАЯ».

Поистинѣ трагично было положеніе “нѣмки” в обстановкѣ “упадка” послѣ пережитаго в Россіи шовинистическаго угара, когда люди такъ склонны были каждую неудачу на войнѣ объяснять измѣной и кругомъ видѣть шпіонов. Эти петербургскіе “міазмы”, по выраженію А. Ф., отмѣтил и апрѣльскій дневникъ Анд. Вл.: “в поискахъ виновниковъ общество какъ бы ищетъ жертвъ для своихъ “выпадовъ”. Военный министръ Поливановъ, самъ повинный в экивокахъ на своего предшественника Сухомлинова, в Совѣтѣ министровъ иронически говорилъ, что “благодарные соотечественники” пока его не заподозрѣваютъ в “пособничествѣ непріятелю”. А. Ф. не могла избѣжать общей печальной участи быть заподозрѣнной в проиѣмецкихъ интригахъ. Прославленный нѣмецкѣдъ членъ Гос. Думы Хвостовъ, провѣрившій уже в качествѣ министра вн. д., какъ мы знаемъ, лойяльность даже отрѣшившейся отъ мірской жизни вел. кн. Елизаветы Фед., показывалъ в Чр. Сл. Ком.: “какъ я ни пробовалъ найти отголосокъ нѣмецкихъ симпатій, я ихъ не нашелъ”. Конечно, искренность Хвостова можетъ быть всегда заподозрѣна, равно какъ и свидѣтельство передъ французскимъ посломъ вел. кн. Маріи Павловны (старшей), в прошломъ которой было у самой не совѣмъ благополучно в смыслѣ активного “германофильства”*). На вопросъ Палеолога в ноябрѣ 14 г., каково отношеніе Императрицы къ Германіи, М. П., несмотря на свою неприязнь къ А. Ф. и большую склонность къ интригамъ противъ нея, отвѣтила: “Я, можетъ быть, васъ удивлю... Она страстная антинѣмка. Она отрицаетъ за нѣмцами всякое чувство чести, совѣсти и гуманности. Она

*) См. дневникъ ген. Смѣльскаго эпохи «Священной Дружины».

мнѣ сказала однажды: они потеряли моральное чувство, чувство христианина". Но вот дневник сына М. П., вел. кн. Андрея, довольно объективного современника мемуариста. Он записал 11 сент. 15 г.: "Можно безусловно утверждать, что она рѣшительно ничего не сдѣлала, чтобы дать повод заноздить ее в симпатіи к нѣмцам, но все стараются именно утверждать, что она им симпатизирует"... Сам французскій посол довольно рѣшительно в своем дневникѣ опровергает "легенду", которая создалась вокруг имени Императрицы о ея предпочтеніи Германіи*). Записывая в концѣ октября 14 г. рассказ одного англійскаго журналиста о впечатлѣніях, им вынесенных во время обѣда в московском "Славянском Базарѣ", когда А. Ф. не называли иначе, как "нѣмка" (и англійскій посол свидѣтельствует, что ее так называют всюду), Палеолог говорит: "в дѣйствительности Царица ни по уму, ни по сердцу не нѣмка, она любит Россію горячеею любовью, она искренняя патріотка". Англійскій генерал Вильямс послѣ свиданія с А. Ф. 2 июля 16 г. записал: "Она так горда Россіей".

Интимная переписка с мужем полна негодованія на поведение нѣмцев и раздраженія против "пруссакон". Нѣсколько выдержек разных хронологических періодов дадут ясное представленіе о не измѣнившихся переживаніях А. Ф. 19 сент. 14 г. она пишет: "Уход за ранеными служит мнѣ утѣшеніем... Болящему сердцу отрадно хоть нѣсколько облегчить их страданія. Наряду с тѣм, что я переживаю вмѣстѣ с тобой и дорогой нашей родиною и народом, я болѣю душою за мою "маленькую", старую родину... А затѣм, как постыдна и унижительна мысль, что нѣмцы ведут себя подобным образом. Хотѣлось бы сквозь землю провалиться". "Злорадство нѣмцев приводит меня в ярость" — 12 июля 15 г. по поводу наступленія на Варшаву. "Все-таки колоссально то, что нѣмцы должны сдѣлать, и нельзя не восхищаться, как превосходно и систематически у них все организовано. Если бы наша техническая часть была так хороша, как их... война уже давно была бы окончена. Многому хорошему и полезному для нашего народа мы можем у них научиться, но от многого надо отвернуться с *отвращеніем*" (16 сент.). "Приняла сегодня утром сенатора Кривцова, — пишет А. Ф. 6 ноября, — который мнѣ поднес свою книгу. Я плакала, когда читала о жестокостях нѣмцев над нашими ранеными и плѣнными. Я не могу забыть этих ужасов — как могут цивилизованные люди так озвѣрѣть! Я еще допускаю это во время сраженія, когда находишься в состояніи, близком к безумію". Переписка переполнена в отношеніи "пруссакон" словами: "низость", "позор**)", "как бы мнѣ хотѣлось, чтобы потопили этот гнусный маленькій "Бреслау". 5 февраля: "Да, я тоже восхищаюсь людьми, которые работают под этими подлыми газами, рискуя жизнью. Но каково видѣть, что человечество пало так низко... Гдѣ же во всем этом "Душа"? Хочется громко кричать против

*) Молва о нѣмцефильствѣ преслѣдовала А. Ф. задолго до войны. Дневник генеральши Богданович, регистрирующей обильно придворно-бюрократическіе слухи и сплетни, еще в 1905 г. отмѣтил, что А. Ф. Россіи и русских не любит и им не симпатизирует.

**) «Что ты скажешь по поводу того, что мнѣ рассказала Маделэн со слов людей, хорошо ей извѣстных, знакомые которых только что вернулись из Іены, гдѣ они прожили много лѣтъ? На границѣ обоих супругов раздѣли... затѣм изслѣдовали их... чтобы убѣдиться не спрятали ли они там золото. Какой позор и безуміе» (28 янв. 15 г.).

бѣдствій и безчеловѣчности, вызванной этой ужасной войной". 14 марта: "Как отвратительно, что они опять стрѣляли разрывными пулями. Но Бог их накажет"...

Во время войны А. Ф. настолько не чувствовала себя нѣмкой, что причины всѣх военных неурядиц видѣла в "нашей собственной славянской нагурѣ"... "Да, я болѣе русская, нежели многіе иные", — гордо заявляет она 20 сент. 16 г.*). Когда до нея доходили слухи, что ее называют "нѣмкой", она совершенно теряла душевное равновѣсіе, и в искренности ея негодованія сомнѣваться не приходится. Двойственность и ложность положенія, которыя она ощущала каждодневно, причиняли ей несомнѣнные, моральныя страданія. На примѣрах с помощью военноплѣнным**), мы видѣли, как болѣзненно реагировала А. Ф. на отношеніе общества к ея патріотизму, и как раздражительно волновали ее вопросы, которые казались такими простыми Николаю II. При всяком выѣздѣ своемъ выявленіи своих дѣйствій Царица должна была разрѣшать дилемму о своемъ нѣмецкомъ происхожденіи. В Петербургѣ устраивается "выставка трофеев". Должна ли присутствовать Императрица на "скудной церемоніи" открытія выставки и побороть свою "застѣнчивость" передъ всякаго рода самостоятельными публичными оказательствами в отсутствіе Царя? "Обсуди это с Фредериксом и с военнымъ министромъ", — просит она 27 іюня 16 г.: "Если нас там не будет, допустимо ли, чтобы Михен (т. е. Мар. Павл.) взяла на себя представительство? Протелеграфируй только — "не присутствуй" или "лучше присутствуй" так, чтобы я вполнѣ опредѣленно знала, как поступить". "Никак не могу понять, почему открытіе выставки военных трофеев вдруг стало такой торжественной церемоніей, и продолжаю находить совершенно не нужнымъ твое присутствіе или даже присутствіе дѣвочек", — отвѣчал Царь. И вновь А. Ф. возвращается к "проклятому празднику" — "я опасуюсь, как бы не подумали, что я не хочу присутствовать из-за германских трофеев. Михен, видишь ли, будет там, и там будет собрано около 1000 георгиевских кавалеров".

Остро ощущая несправедливость лично в отношеніи себя, А. Ф. с такой же горячностью реагировала и на несправедливость запозрѣванія патріотизма русскихъ людей, носящихъ нѣмецкія или нѣмецоподобныя фамиліи. Преслѣдованіе "нѣмецкихъ именъ" становится ея бѣте поиге и только отсутствіе полнаго объективизма можетъ заставить увидѣть в этой защитѣ проявленіе "тайнаго германфильства". Объективная правда, конечно, была на сторонѣ А. Ф., когда она настойчиво просила 29 августа новаго Верховнаго Главнокомандующаго "запретить это немилосердное преслѣдованіе бароновъ". Прочтите хотя бы негодующія строки, посвященныя "зоологическому націонализму" во время войны в воспоминаніяхъ чуждаго какого-либо радикализма кн. С. М. Волконскаго**). "С легкой руки "Новаго Времени", — говорит

*) Мосолов в воспоминаніяхъ и Нарышкина в дневникѣ — оба отмѣтили величайшее негодованіе А. Ф. на то, что в знаменитомъ Готскомъ Альманахѣ царствовавшая династія «Романовыхъ» сопровождалась прибавкой «Гольштин-Готорпская».

**) См. главу «дѣло объ измѣнѣ» при разсмотрѣніи работы Чр. Сл. Ком. в книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія».

***) См. также соотвѣствующую главу в моей книгѣ «На путяхъ къ дворцовому перевороту».

мемуарист, — пошло в ход выражение “нѣмецкое засиліе” *). Пошло гоненіе на нѣмецкія фамиліи; люди мѣняли их на русскія, даже отчество мѣняли, отрекались от отца... Если одни были настолько подлы, что нападали на людей за иностранную фамилію и в фамиліи видѣли указаніе на патріотическую неблагонадежность, другіе, защищаясь от обвиненія, эту фамилію мѣняли и в новом созвучіи своего имени искали средство для утвержденія своей благонадежности, а еще больше — безопасности. Ужасное время, противное. Тогда уже просыпались дикіе инстинкты, только они облакались в одежду патріотизма... Доносам на почвѣ “нѣмецкаго засилія” не было конца. Все, что было подлаго, что хотѣло подслужиться, уходило под благовидную сѣнь патріотизма”.

Не всѣ, однако, перекрашивались в формальный русскій цвѣт. А. Ф. сообщала мужу 10 сент. 15 г.: “Всѣ бароны послали В. Рейтерна к Н(иколашѣ) в Ставку. Он просил от имени всѣх их прекратить преслѣдованія, потому что они больше не в состояніи переносить. Н. отвѣчал, что он с ними согласен, но ничего не может сдѣлать, так как приказанія идут из Царскаго Села. Развѣ это не гадко?.. Это необходимо выяснитъ. Такая ложь не должна лежать на тебѣ. Им надо объяснить, что ты справедлив к тѣм, кто лойллен, и никогда не преслѣдуешь невинных”. Возможно, что до А. Ф. дошла лишь сшетня, но суть ея протеста от этого не измѣняется. Она с горячностью защищает престарѣлаго гр. Палена, б. министра юстиціи и верховнаго церемоніймейстера на коронаціи — “рыцаря без страха и упрека”, как характеризует его упомянутый Волконскій К сожалѣнію, мы не знаем сущности “дѣла” гр. Палена — об этом можно судить только по письму Царя женѣ 19 сент. 16 г.: “Фред. перед отъѣздом прислал мнѣ цѣлую пачку писем графа Палена к женѣ, в которых он в очень рѣзких выраженіях осуждает военную цензуру, тыл и т. д. Старик просил меня лишити его придворнаго званія, на что я согласилась, хотя сознаю, что это наказаніе слишком сурово. Мама также писала мнѣ об этом”. “Прости меня, — возражала А. Ф., — но, Фред. поступил весьма несправедливо — нельзя так строго осуждать человѣка за частныя письма (перелюстрированныя) к женѣ — это, по моему мнѣнію, низость... Я бы заставила Фред. понять, что это в высшей степени несправедливо... и притом, навѣрное все дѣло в нѣмецкой фамиліи**). Конечно, ты слишком занят, чтобы заниматься такими дѣлами, другіе виноваты в том, что “впутывают тебя”, и это меня огорчает, так как они заставляют тебя дѣлать несправедливости”. Несмотря на заступничество А. Ф. (Пален отозвался о тылѣ — “сволочь”, “но я понимаю, что он так отзывается о нем”). Пален все-таки лишен бы придворнаго званія. Верховная власть вынуждена была считаться с “національной подозрительностью”.

Эта “національная подозрительность”, как справедливо указывала А. Ф., отнюдь не была специфической чертой русской “неуравновѣшенности”: “эта война, как видно, всѣм повліяла на мозги” — “даже в Англии люди совершенно ненормальны”... На такой почвѣ рож-

*) Роль «Нов. Вр.» в искусственной поддержкѣ «ненависти» к нѣмцам отмѣчала и Ал. Фед. Сергѣй Волконскій эту націоналистическую пропаганду назвал потоком «звѣрино-патріотическаго творчества для возбужденія народа».

**) Палены — польскаго происхожденія.

далась шпиономанія и сопутствующая ей, отравляющая атмосферу эпидемія доносков. Неужели не права была А. Ф., когда считала “вопиющим позором” возникшую в Ставкѣ исторію с обвиненіем в “шпионажѣ” жены нач. штаба гвард. корпуса, свитскаго генерала гр. Ностиц? Она писала мужу 11 мая 15 г., прочитав “нѣсколько писем от несчастной Ностиц”: “было тяжело читать их отчаянныя письма о погубленной жизни. Я увѣрена, что ты велишь разслѣдовать все это дѣло и возстановишь справедливость. Мнѣ до них нѣтъ дѣла, но вся эта исторія — вопиющій позор”. Мы не знаем сущности этой, как выражалась А. Ф., “гадкой интриги”, возникшей, повидимому, на почвѣ любовнаго соперничанія двух американок, бывших замужем за русскими и не занимавших до замужества высокаго социальнаго положенія (по дневнику Богданович, одна из них показывалась в лондонском Акваріумѣ “живой рыбой”). Из записи в дневникѣ ген. Жанена видно, что в Ставкѣ обвиненіе гр. Ностиц ставилось в связь с дѣлом полк. Мясофдова. (В дневникѣ Андр. Влад. со слов Сазонова, обѣдавшего у вел. кн. Маріи Павл., сообщается такая деталь об этом дѣлѣ в видѣ иллюстраціи для характеристики начал. штаба прежняго верховнаго главнокомандующаго. Рѣзко отозвавшись о ген. Янушкевичѣ, Сазонов, между прочим, сказал: “Его главное наслажденіе копаться в перелюстрации самаго низкаго качества. Когда я у него был, он мнѣ показал дѣло о шпионажѣ гр. Ностиц, и в дѣлѣ была вложена фотографія графини, лежащей в постели в голом видѣ. Документы, вшитые тоже в дѣлѣ указывали, сколько раз ея любовник... был у нея. С самодовольным видом он меня спросил, как это мнѣ нравится. Я отвѣтил, что все это вызывает во мнѣ чувство омерзенія и гадливости”...). Официальная шпиономанія приобрѣтала уже гомерическіе размѣры, когда послѣдній (перед революціей) предѣдатель Совѣта министров вызывал к себѣ директора департамента полиціи Васильева и давал ему порученіе провѣрить: правда ли, что по улицам Петербурга гуляют два адъютанта Вильгельма.

Сама А. Ф. не принадлежала к числу “уравновѣщенных” натур и легко поэтому поддавалась общей заразѣ. Защищая “невинных людей, обвиненных Ник(олашей)”, она со своей стороны готова прислушиваться к доходящим до нея сплетням. Со слов вел. кн. Павла она пишет, напр., 15 іюня (15 г.): ...“Он мнѣ сказал о другой вещи, которая хотя и неприятна, но лучше тебя о ней предупредить, а именно, что в послѣдніе 6 мѣсяцев говорят о шпионѣ в Ставкѣ, и когда я спросила его имя — он назвал ген. Данилова (чернаго). Он от многих слышал, что чувствуется что-то неладное, а теперь и в арміи об этом говорят... Друг мой, Воейков хитер и умен (“Воейков трус и дурак”, — пишет А. Ф. через нѣсколько дней), поговори с ним об этом и вели ему умно и осторожно слѣдить за этим человѣком. Конечно, как Павел говорит, у нас теперь манія на шпионов, но все же, раз такое сильное подозрѣніе возникло, раз дѣлается извѣстным за-границей все, что могут знать лишь близкія, посвященныя лица в Ставкѣ... я считаю вполне справедливым наблюдать за ним, хотя он и может казаться вполне честным и симпатичным. Пока ты там, желтые и другіе должны насторожить уши и глаза и послѣдить за его телеграммами и за людьми, которых он видит. Говорят, что он часто получает крупныя суммы. Я это все тебѣ пишу, не зная, есть ли основаніе для этих слухов, —

все же лучше тебя предупредить". Царь болѣе трезво смотрѣлъ на дѣло и отвѣтил: "Я думаю, что мысль о том, будто бы, он шпион, не стоит выдѣнного яйца. Я тоже знаю, что его не любят, даже ненавидят в арміи, начиная с Иванова и кончая послѣдним офицером. У него ужасный характер, и он очень рѣзок с подчиненными" *).

Итак любители искали шпионов в окруженіи Императрицы, А. Ф. склонна была подозрительно отыскивать их в Ставкѣ **). Но как можно увидѣть в этих скорѣе курьезных и наивных высказываніях сознательное стремленіе очистить Ставку от людей, которые могли вліять на Императора "вопреки цѣлям распутинцев", т. е. подготовкѣ заключенія сепаратнаго мира? По мнѣнію Семенникова, это даже "несомнѣнно"!!.

*) Бѣднаго Данилова «молва» дѣлала не только «шпионом», но и «главным революционером». Андр. Вл. записал 24 апрѣля: «Гр. Адам Замоискій, состоящій нынѣ ординарцем у верх. главнок., извѣстен был тѣм, что ругательски ругал чернаго Данилова. Теперь же вдруг он стал его превозносить. Напившись однажды в охотничьем клубѣ, он повѣдал, почему стал его хвалить. По мнѣнію гр. Замоискаго, послѣ войны безусловно будет революція, которая отберет всѣ земли у помѣщиков. Во главѣ этого аграрнаго движенія станет Данилов-черный, а потому и надо быть с ним в хороших отношеніях: авось он земли не отберет... «Играют словами, разсудку вопреки, играют опасным оружіем», — замѣчал Андр. Вл., рассказывая, как распространяются «сплетни, толки, пересуды». Эти «мысли, безусловно дикія», рождались из обвиненія Данилова в том, что он, «слѣдуя принципу — чѣм хуже, тѣм лучше — лозунгу всѣх революционеров», «систематически губит гвардію» — «единственный оплот Царя»... «Молва» о революціонности Данилова, как видно из записи ген. Богданович, возникла еще в эпоху русско-японской войны. Со слов ген. Зайончковскаго генеральша записывает в сентябрѣ 1908 г., что Данилов «архи-красен» и только «притворяется» консерватором. Будучи на Дальнем Востоцѣ, когда вспыхнула первая революція, он высказывался «даже за республику» — так утверждал ген. Мартынов, сам открыто заявлявшій себя «либералом».

**) 24 июня, побуждая Царя поѣхать в дѣйствующую армію к Иванову, А. Ф. добавляла: «Но если ты скажешь об этом Н., шпионы в Ставкѣ (кто?) сразу дадут знать германцам, которые приведут в дѣйствіе свои аэропланы».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ РАСПУТИНА

I. — «СТРАТЕГИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ» ИМПЕРАТРИЦЫ.

1. — Откровенія «Божьяго человѣка».

При слѣпом экзальтированном преклоненіи перед «Нашим Другом», «посланным Богом»*), А. Ф., естественно, была внѣ себя, когда она слышала обвиненія Распутина в германофильствѣ: «Если Шавельскій (духовник Ник. Ал.) заговорит о нашем Другѣ или митрополитѣ (Питиримѣ), будь тверд и дай ему понять, что ты их цѣнишь, и что ты желаешь, чтобы он, услышав исторіи о нашем Другѣ, энергично заступился за Него против всѣх и запретил говорить об этом. Они не смѣют говорить, что у Него что-либо общее с нѣмцами. Он великодушен и добр ко всѣм, каким и должен быть истинный христіанин» (5 апр. 16 г.).

Общественное мнѣніе, вѣрнѣе, стоустая молва, уже тогда связала

*) А. Ф. не скрывала что ея «воля» всецѣло направляется Григоріем. Григорій для нея истинный «посланник Бога». Его желанія суть велѣнія Божіи — «Бог все ему открывает». Эту вѣру в земное призваніе «Божьяго человѣка» она страстно стремится внушить мужу: «Отдай себя больше под Его руководство»; «думай больше о Григоріи»; «не слушайся других, а только твою душу и нашего Друга»; «если бы у нас не было Его, все было бы давно кончено», «в книгѣ «Les amis de Dieu» сказано, что та страца, государь которой направлен Божіим человѣком, не может погибнуть». «На Россіи не будет благословенія, если ея государь позволит подвергать преслѣдованіям Божьяго человѣка»; «когда на Друга нападают, все идет хуже»; «враги нашего Друга — наши враги». Суевѣрная экзальтація заставляет А. Ф. вѣрнѣе в чудотворное дѣйствіе гребенки Распутина которой она просит мужа не забыть расчесать волосы перед отвѣтственным засѣданіем Совѣта Министров, не забывать и палки, которой «касался» Распутин и которую она послала Царю; ему посылает А. Ф. и бутылку с вином с именем Григорія: «не сочи меня помѣшенной» — «мы всѣ выпили по глотку» и т. д., и т. д. Конечно, она не вѣрила в лживыя клеветническія сообщенія врагов о поведеніи Григорія. На страстной недѣлѣ 16 г. она писала: «Во время вечерняго евангелія я много думала о нашем Другѣ: как книжники и фарисеи преслѣдовали Христа, утверждая, что на их сторонѣ истина... Дѣйствительно пророкъ никогда не бывает признан в своем отечествѣ. А сколько у нас причин быть благодарными, сколько Его молитв было услышано. А там, гдѣ есть такой Слуга Господа, лукавый искушает Его и старается дѣлать зло и совратить Его с пути истины. Если бы они знали все зло, которое причиняют... Он живет для Государя своего и Россіи и выносит всѣ поношенія ради нас... Можно, конечно, вслѣд за записью ген. Богданович (1910 г.) патетически воскликнуть «И это творится в XX вѣкѣ. Прямо ужас».

имя Распутина с германским шпионажем. Утверждение это основывалось больше на внутренней увѣренности, что вокруг “старца” должна была существовать “хорошо наставленная германская агентура”. Разсмотрѣвъ конкретныя данныя, на которыя опиралась распространявшаяся молва, удобнѣе в связи с мотивами, выдвинутыми тѣми, кто совершил 17 декабря расправу с царским “Другом” в юсуповском особнякѣ: здѣсь обвиненіе сконцентрировано — Россія стояла накануне сепаратнаго мира, и Распутин был его вдохновителем и проводником. Упрощенно говорилось не о сложной проблемѣ сепаратнаго мира, а о том, простѣйшем видѣ шпионажа, когда непріятелю передаются военныя тайны *).

При таких условіях вниманіе изслѣдователей темы “Романовы и сепаратный мир” неизбежно должно было остановиться на интересѣ, который проявляла А. Ф. к войнѣ в своих письмах. Ея вниманіе привлекают стратегическія планы и тактическія детали. Если не толковать криво и слишком расширительно этих писем, в них не будет заключаться ничего криминальнаго. Помимо личных мотивов (“хотѣла бы быть вблизи тебя, чтобы вмѣстѣ слѣдить за картой и раздѣлять с тобой радости и заботы” — 12 марта 16 г.), ея интерес к “стратегіи” вызывается желаніем испросить благословеніе “Друга”, ибо в ея представленіи только тѣ военныя дѣйствія, на которых почіет благодать “Божьяго Человѣка”, могут быть успѣшны. “Наш Друг все молится и думает о войнѣ. Он говорит, чтобы мы Ему тотчас говорили, как только случится что-нибудь особенное — она (т. е. Вырубова) Ему сказала про туман, и Он сдѣлал выговор, что Ему этого не сказали тотчас же — говорит, что туман больше не будет мѣшать” (23 дек. 15 г.) — и А. Ф. увѣрена, что “Бог пошлет солнечные дни на нашем фронтѣ”. Иногда А. Ф. запрашивала как бы по инициативѣ самого “Друга”... Он “очень хочет знать наперед о военных планах, ибо он все время молится и соображает, когда придет удобный момент для наступленія, чтобы не терять людей без пользы” (6 янв. 16 г.). Таким образом через А. Ф. Распутин узнавал или мог узнавать “всѣ тайны, которыя были для него интересны”, хотя Царь, сообщая женѣ нѣкоторыя детали, подчас оговаривался: “не сообщай этих деталей никому, я написал их только тебѣ **). Со своей стороны и Распутин давал “стратегическія” совѣты.

Все это кажется очень подозрительным Семенову, но все же, по его мнѣнію, “было бы неосторожно дѣлать на основаніи этого какіе-либо опредѣленные выводы относительно непосредственной роли Распутина в германском шпионажѣ”. Распутин “не тайя про себя полученных им от Романовых секретов и они, несомнѣнно, становились извѣстными всему окружающему его сброду — дальнѣйшее направленіе этих свѣдѣній по нужному пути при желаніи было дать не трудно”. Основываясь

*) См. II т. «Мартовскіе дни 17-го г.». Глава «Средневѣковое убійство» была напечатана в «Возрожденіи», тетр. № 25.

**) Напр., об «угрожающем» положеніи в направленіи Двинска и Вильно (31 авг. 15 г.); «Серьезность заключается в страшно слабом состояніи наших полков, насыщающих менѣе четверти своего состава; ранше мѣсяца их нельзя пополнить, потому что новобранцы не будут подготовлены, да и винтовок очень мало... Только 10 или 12 сентября будет закончено это сосредоточеніе (подведеніе возможных резервов из других мѣст), если, Боже упаси, непріятель не явится туда ранше».

на показаніях, данных Хвостовым в Чр. Сл. Ком., Семенников считает, что «нѣкоторые странные совѣты Распутина были связаны с интересами направлявших его отдѣльных спекулянтов*). Не исключена, однако, и та возможность, что в нѣкоторых случаях через Распутина передавались Романовым директивы германскаго штаба». Последнее предположеніе автора сдѣлано ad hoc. Но примотримся ближе к тому, что устанавливает переписка, и картина получится не столь ужасная, как ее изображает идущій по стопам Семенникова Чернов, как всегда, дающій хронологическую мѣшанину, которая спускает краски: «Распутин ѣздил и узнавал. А Царица потом в письмах к мужу недоумѣвала, как это «дѣлается извѣстным за-границей все, что могут знать лишь близкіе, посвященные люди в Ставкѣ»***). Но картина все равно получилась бы ужасная, если бы даже вся видимость не говорила за то, что Распутин, сам не будучи шпионом, безсознательно выполнял роль «педали для нѣмецкаго шпионажа»***). Достаточно подумать о том, что в войнѣ современнаго типа, гдѣ одна из воюющих сторон примѣняет всѣ ресурсы военной науки и техники, все напряженіе стратегическаго опыта и гевія — другая сторона может поставить на карту судьбу сотни тысяч людей по указкѣ... темнаго юродиваго бабника!

2. — « С е к р е т н а я к а р т а »

Прежде всего надо коснуться вопроса, который, по свидѣтельству Денкина, произвел в свое время «удручающее впечатлѣніе» на Алексѣева. Денкин вспоминает, что в арміи громко, не стѣняясь ни мѣстом, ни временем, говорили о настойчивом требованіи Императрицей сенаратнаго мира, о предательствѣ ея в отношеніи фельдмаршала Китченера, о побѣдѣ котораго она якобы сообщила нѣмцам, и т. д... «учитывая то впечатлѣніе, которое произвел в арміи слух об измѣнѣ Импе-

*) «Один примѣръ» Хвостов помнил «ясно» (не забудем, что он был великій фантазер). «Распутин ѣздил в Царское, и ему давал порученіе Рубинштейн (банкир) узнать о том, будет ли наступленіе или нѣтъ... Рубинштейн объяснял близким, что это ему нужно для того, чтобы знать — покупать ли в Минской губ. лѣса или нѣтъ? Вернувшись, Распутин, будто бы, рассказывал сыщикам, приставленным к нему («надо сказать, что трезвый он ничего не рассказывал»): «пріѣзжаю я в Царское — вхожу: папашка сидит грустный. Я его глажу по головѣ и говорю: «что грустишь?». Он говорит: «все мерзавцы кругом». Сапог нѣтъ, ружья нѣтъ — наступать надо, а наступать нельзя.. «Когда же будешь наступать», — спрашивает Распутин. «Ружья будут только через два мѣсяца: раньше не могу». «Нужны ли Рубинштейну, — добавлял Хвостов, — эти свѣдѣнія, чтобы купить лѣса или чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин, и чтобы потом могли послать 5-6 корпусов на верденскій фронт — это трудно установить».

**) Сомнѣнія А. Ф., как мы знаем, относились ко времени верховнаго командованія вел. кн. Н. Н.

***) Чернов почти текстуально повторяет то, что писала Гиппиус в своем эюдѣ «Анин Домик». Писательница исходила из теоретической предпосылки, что нѣмцы слишком точно знали русскіе «секретные планы», и слишком «послѣдовательны были русскія неудачи». Очевидно, нѣмцам сообщали «конфиденціальныя планы», с большими подробностями. Отсюда слѣдовал голословный вывод, что «кое-что» может быть отнесено на Гришкино «пьяное бахвальство», гдѣ-нибудь на Виллѣ Родэ и т. д.

ратрицы. я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее к династии и революции. Генерал Алексѣев, которому я задал этот мучительный вопрос весной 17 г., отвѣтил мнѣ как-то неопредѣленно и нехотя: “при разборѣ бумаг Императрицы нашли у нея карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах — для меня и Государя. Это произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Мало ли кто мог воспользоваться ею”...

Слова ген. Деникина, конечно, многократно цитируются. Мы имѣли случай убѣдиться на довольно ярком примѣрѣ, что автор “Очерков русской смуты” не всегда точно воспринимал в воспоминаніях слова Алексѣева*). Вѣдь надо предположить, что Алексѣев допускал, что “секретная” карта без его вѣдома была воспроизведена специально для “Императрицы” — эта копія и была в революціонные дни найдена в бумагах А. Ф. Вѣроятно ли это? Если бы перед ней была подробная карта, она не смущалась бы подчас нѣкоторыми географическими названіями — напр. Бѣлозеро: “уж не знаю, гдѣ это такое”. Член Чр. Сл. Ком. Романов, мемуарист, показаніям котораго, к сожалѣнію, не очень приходится довѣрять, категорически утверждал, что в бумагах А. Ф. была найдена не военная карта, а карта госпиталей имени А. Ф. Спутать карту расположенія госпиталей с секретной военно-стратегической картой все-таки трудно. До Алексѣева могли дойти не совсѣм точныя свѣдѣнія. Не шла ли рѣчь о картѣ секретных маршрутов царскаго поѣзда по фронту, о чем упоминается еще в перепискѣ 3 ноября 15 г.? Хвостов “привез мнѣ твои секретные маршруты (от Воейкова), и я никому ни слова об этом не скажу, только нашему Другу, чтобы он тебя всегда охранял”. Об этих секретных маршрутах, правда в другом контекстѣ, говорилось и в Чр. Сл. Ком. — точнѣе упоминалось в показаніях Белецкаго 12 мая. Он утверждал, что поѣздки были обставлены так легко, что о них знали в Германіи**), и что как раз в ноябрѣ, когда А. Ф. получила упомянутыя свѣдѣнія от дворцоваго коменданта, агенты на зап. фронтѣ сообщили департаменту полиціи, что на участкѣ за Бахмачем должны быть брошены бомбы с нѣмецкаго аэроплана. И дѣйствительно “в тот самый час на этом перегонѣ” была брошена бомба в поѣзд, шедшій впереди императорскаго. Не будет ли натяжкой этот эпизод поставить на счет пьяной болтовни Распутина? Вѣдь не было никакой логики нѣмцам гоняться за Царем, когда на него как бы возлагались надежды при заключеніи сепаратнаго мира. Если указанная бомба не была бомбой случайной, то не напрасно ли ее приписывать нѣмцам? Белецкій приводит инцидент в доказательство планомѣрной организациі нѣмецкаго шпіонажа. Как могла быть освѣдомлена полицейская агентура о нѣмецких предположеніях? “Нѣмецкая” бомба могла быть и русскаго происхожденія. Белецкій показывал и другое: “было указаніе заграничной агентуры” на то, что предполагается “пустить навстрѣчу царскаго поѣзда особый поѣзд, на паровозѣ котораго были бы взрывчатыя вещества или путем авіаціонным сбросить бомбу”.

*) См. главу «Творимыя легенды» в книгѣ «Мартовскіе дни» («Возрожденіе», тетр. 11).

**) Припомним, что о возможности нѣмецких бомб говорила А. Ф. и в боѣе ранних письмах, убѣждая Царя выѣзжать, никого не предупреждая: «2 простых автомобиля не будут особенно замѣтны».

Департаменту поліції пришлось завести даже особих секретных сотрудников для наблюденья за авіаторами. Как раз в момент, когда была сброшена бомба, о которой говорил Белецкий, в секретной агентурѣ произошел провал*).

Итак, оставим в сторону "секретную карту", найденную якобы в бумагах Императрицы. Что же касается "стратегических" совѣтов, подаваемых А. Ф. и внушаемых "Другом", то надо имѣть в виду, что до лѣтних мѣсяцев 16 г., т. е. до брусиловскаго наступленія, о котором скажем специально, совѣты А. Ф. почти всегда не выходили за предѣлы общих мѣст в родѣ замѣчаній: "Неужели правда, что мы опять в 200 верстах от Львова? Нужно ли нам торопиться вперед и не повернуть ли нам и раздавить нѣмцев**). Что насчет Болгаріи? Имѣть их на своих флангах было бы болѣе, чѣм скверно. Фердинанд, навѣрное, подкуплен" (12 сент. 15 г.). 12 ноября А. Ф. передает мнѣніе "Григорія", высказанное дочери Фредерикса: в виду того, что Греція и Румынія не двинутся, "война не продлится долго... Он надѣется не далѣе весны". — Дай Бог, чтобы это была правда"... Единственное письмо от 4 февраля 16 г. в связи с паденьем Эрзерума ставит вопросы, имѣющіе подобіе характера стратегическаго: "Теперь совершенно частный вопрос от меня лично: все время читаешь, что германцы продолжают посылать в Болгарію войска и пушки, так что, если мы, наконец, поведем наступленіе, а они зайдут сзади через Румынію, то кто прикроет тыл нашей арміи? Или будет послана гвардія влѣво от Келлера и для прикрытія по направленію в Одессу? Я это придумала сама, потому что враги всегда находят у нас слабые пункты. Они всегда и все готовят на всякій случай, а мы вообще весьма небрежны, почему и проиграли в Карпатах, гдѣ не достаточно укрѣпили свои позиціи. Теперь, если они проложат себѣ путь через Румынію к нашему лѣвому флангу, то что же останется для защиты нашей границы.. Каков наш план теперь послѣ взятія Эрзерума?" Если подойти к тексту без предвзятаго мнѣнія, едва ли можно усмотрѣть здѣсь выпытываніе военных тайн и вѣдательные планы***).

И совѣты "Друга", облеченные по большей части в малопонятныя quasi символическія формы, не выходили за предѣлы тѣх же общих мѣст и утѣшительных сентенцій на тему: "худшее позади" (с момента пріятія Императором верховнаго командованія). А. Ф. сама не всегда понимала туманныя "изреченія нашего Друга" и подчас его, как будто, странные совѣты****). Но тѣм не менѣе не только сама переписывала их в свою особую тетрадь, но настойчиво просила мужа дѣлать то же

* Среди разговоров о «дворцовом заговорѣ» фигурировал проект бомбардировки царскаго поѣзда с аэроплана. (См. «На путях к дворцовому перевороту»).

** Здѣсь А. Ф. передает лишь сомнѣнія, которыя были в нѣкоторых военных кругах.

*** Чернов изобразил так, что А. Ф. дает директивы, называя даже соответствующія военныя части. Фантазія человѣка, не потрудившагося обратиться к подлиннику!

**** «Друг» нашел, напр., что стараго Фредерикса не надо брать в Ставку — «все может случиться». «Он может внезапно принять тебя за кого-нибудь другого (напр. за Вильгельма) — и выйдет скандал». «Я не знаю, почему Он это говорит» (8 ноября 15 г.). Из воспоминаній Мосолова явствует, что престарѣлый министр Двора послѣ кровозліянія в мозг временами терял совершенно память и дѣйствительно никого не узнавал.

самое. Часто она пыталась давать свое толкование неудобочитаемым афоризмам "Друга". Так Вырубова получила от Распутина телеграмму 3 сент. (15 г.): "Помните обѣтованіе встрѣчи, это Господь показал знамя побѣды, хотя бы и дѣти против или близкіе друзья сердцу, должны сказать пойдѣте по лѣстницѣ знамя, нечего смущаться духу нашему". А. Ф. просит мужа записать телеграмму, помѣтив 3-м сентября, на лист с "Его телеграммами", который она дала перед отѣздом, и комментирует ее: "А твой дух бодр, так же бодр и я, полна предпримчивости и готова разговаривать во всю. Все должно хорошо пойти, и так оно и будет — только пужно имѣть терпѣніе и уповать на Господа Бога... Правда, потери наши огромны, наша гвардія погибла, но всѣ неизмѣнно бодро настроены. Все это легче переносить, нежели здѣшнюю гниль".

И, пожалуй, единственное прямое указаніе "стратегическаго" характера относится к 15 ноября: "Я должна передать тебѣ порученіе от нашего Друга, вызванное Его ночным видѣніем. Он просит приказать начать наступленіе возлѣ Риги, говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови, и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врасплох и добьемся того, что они отступят. Он говорит, что именно теперь это самое важное, и настоятельно просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать". На это "ночное видѣніе" комментаторы обратили сугубое вниманіе: "Кто знает, в каком кабацѣ было Распутину его "ночное видѣніе". Кто знает, не был ли он и на этот раз окружен уже не раз замѣченными в его окруженіи лицами, на которых уже сосредоточивались подозрѣнія контр-развѣдки?" (Чернов). Через кого пришло "ночное видѣніе" Распутину, мы точно не знаем, но из письма Кудашева Сазонову, 27 декабря, можно установить, что совѣты "Друга" в значительной долѣ совпадали с основным планом верховнаго командованія, т. е. Распутину в "Ночном видѣніи" никакого откровенія не было и особенно внушенія со стороны нѣмцев. Не при чем и его сметка "мужицкаго ума", позволявшая "острым взором" охватывать военные событія. Кудашев писал: "Неволью направивається вопрос: раз спасти Сербію не удалось, то зачѣм нам теперь вести наступленіе в сторону Галиціи и Буковины?.. На всѣ мои вопросы в этом смыслѣ я получаю уклончивые отвѣты: сами, — говорят офицеры, — не понимаем, зачѣм напрасно расходуем людей и патроны". В дальнѣйшем Кудашев пояснял: "И имѣю основаніе думать, что сами военные авторитеты наши ждут рѣшеній только на сѣверном фронтѣ, почитаемом ими "главнѣйшим". С этой точки зрѣнія не исключена возможность того, что все наступленіе на Галицію предпринято главным образом, как больших размѣров диверсія, чтобы отвлечь вниманіе противника от сѣвера". Авторитет Распутина и мог быть использован нѣкоторыми военными кругами. Из намека в письмѣ 13 декабря можно усмотрѣть, что критика высшаго военнаго командованія исходила от вел. кн. Павла Ал. с ссылкой на авторитет Рузскаго, который де "против плана Алексѣева в южном направленіи". По поводу этой критики А. Ф. и высказала свое здравое замѣчаніе, которое выше цитировалось: "У тебя и Алексѣева свои планы и свои соображенія".

Может быть, совѣт о рижском направленіи надо объяснить еще

проще — это был просто отзыв старых опасений, высказанных А. Ф. в одном из ранних писем 15 г. — задолго до принятия Царем верховного командования. 20 апрѣля уѣхавшему в Ставку мужу по поводу ожидавшагося наступления нѣмцев и начавшейся паники в Митавѣ, А. Ф. давала такіе наивные стратегическіе совѣты: “Наш Друг считает их (т. е. нѣмцев) страшно хитрыми, находит положеніе серьезным, но говорит, что Бог поможет. Мое скромное мнѣніе таково: почему бы не послать нѣсколько казачьих полков вдоль побережья или не продвинуть нашу кавалерію немного полѣе к Либавѣ, чтобы помѣшать нѣмцам все разрушить и утвердиться с их бѣсовскими аэропланами? Мы не должны позволять им разрушать наши города, не говоря уже об убійствѣ мирных жителей”.

Совѣты Распутина слишком часто повторяли то, что он слышал от других и в том числѣ от самой А. Ф. Ярким примѣром может служить эпизод с посѣщеніем Царем Львова и Перемышля. Узнав из письма Царя 5 апрѣля, что Н. Н. предлагает ему “поскорѣ съѣздить во Львов и Перемышль (“какая радость, если это в самом дѣлѣ удастся”, — писал Царь), А. Ф. непосредственно отнеслась нѣсколько скептически к путешествію и не только потому, что Царь “должен быть главным лицом в этой первой поѣздкѣ” и Н. Н. “не должен... туда сопровождать”, но и потому, что ее беспокоила мысль: “не рано ли еще? Вѣдь настроеніе там враждебно к Россіи”. “Я попрошу нашего Друга особенно за тебя помолиться, когда ты там будешь”, — заключала А. Ф. свое письмо. На другой день о проектѣ поѣздки был освѣдомлен Григорій. “Когда Аня сказала «му по секрету» (так как я просила Его особых молитв), о твоём планѣ, Он странным образом сказал то же самое, что и я — что, в общем, он не одобряет твоей поѣздки, и “Господь пронесет, но безвременно (слишком рано) теперь ѣхати никого не замѣтит, народа своего не увидит, конечно, интересно, но лучше послѣ войны”. Распутин повторял лишь общее мнѣніе, высказанное Царю предсѣдателем Гос. Думы при встрѣчѣ во Львовѣ. Родзянко осуждал Н. Н. за “легкомысленный” шаг, находил “несвоевременной” поѣздку, потому, что был убѣжден, что “неблизко через три Львов, вѣроятно, будет взят обратно нѣмцами”, и нашей арміи придется очистить занятія ею позиціи, между тѣм “земля, на которую вступил русскій монарх, не может быть дешево отдана обратно; на ней будут пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не можем”. 11 апрѣля А. Ф. прочитала в “Новом Времени” торжественное описаніе “великаго историческаго момента” и впадала в экзальтацію: “Наш Друг в восторгѣ и благословляет тебя”... Однако, пессимистическія предсказанія Родзянко оправдались — в сознаніи А. Ф. отпечаталось лишь то, что “наш Друг” знал и предупреждал, что это было преждевременно (тогда она писала, по собственным словам, это “между прочим”), но Царь “вмѣсто того послушался Ставки”.

3. — Наступленіе Брусилова

Благой совѣт, который А. Ф. готова была дать другим, она не всегда была склонна примѣнять к себѣ. Это вмѣшательство во фронтовыя дѣла с особой опредѣленностью сказалось в мѣсяцы брусил-

скаго наступленія, которое оказалось, в изображеніи Семенникова и других, в дальнѣйшем своем развитіи тѣсно связанным со “стратегическими” указаніями, шедшими от Распутина: “С конца іюля 16 г. Распутин пачинал вести кампанію в пользу уменьшенія интенсивности, а затѣм и окончательнаго прекращенія наступленія”. В цѣлях воздѣйствія на Императора А. Ф. в іюль и августъ три раза ѣздила в Ставку*). Кампанія эта имѣла “несомнѣнно свой особый смысл”. В связи с продвиженіем вопроса о сепаратном мирѣ (Стокгольмское свиданіе Протопопова), надо было не производить энергичных активных дѣйствій и тѣм наглядно показать противной сторонѣ свою выжидательную позицію.

Насколько подобное утвержденіе соответствует тому, что можно установить по письмам А. Ф.?^{**)} То толкованіе, которое Семенников придает одному из первых писем из послѣдующей серіи за лѣто 16 г. — письму 4 іюня, вызывает рѣшительное возраженіе. А. Ф. писала: — “Наш Друг... просит, чтобы мы не слишком сильно продвигались на сѣверѣ, потому что, по Его словам, если наши успѣхи на югѣ будут продолжаться, то они станут на сѣверѣ отступать, либо наступать и тогда их потери будут очень велики, если же мы начнем там, то понесем большой урон. Он говорит это в предостереженіе”. Комментарій письма заключает: “Распутин в сущности подавал свой авторитетный голос за разрушеніе всего плана общаго наступленія, так как именно в это время сѣверный фронт (равно как и южный) должен был пачать энергичныя дѣйствія”. Письмо А. Ф. надо сопоставить с письмом, полученным ею от мужа на слѣдующій день и, конечно, не являвшимся отвѣтом с обратной почтой: “Нѣсколько дней тому назад мы с Алексѣевым рѣшили не наступать на сѣверѣ, но напредъ все усилія немного южнѣе. Но прошу тебя, никому об этом не говори, даже нашему Другу. Никто не должен об этом знать. Даже войска, расположенныя на сѣверѣ, продолжают думать, что они скоро пойдут в наступленіе — и это поддерживает их дух. Демонстраціи, и даже очень сильныя, бу-

*) В перепискѣ нѣтъ и намек на существованіе проекта переѣзда А. Ф. в Ставку, что в Чр. Сл. Ком. со слов якобы Распутина утверждал Манасевич-Мануйлов.

**) Чернову, идущему по пути, проторенному Семенниковым, также кажется все поведеніе А. Ф. в это время «неискренним». Такіе совѣты (прекратить наступленіе) мог подавать «только враг». Еще раз приходится отмѣтить, что к тексту черновскаго изложенія надлежит подходить с осторожностью, ибо он здѣсь, как и в других мѣстах, пользуется письмами А. Ф. совершенно безответственно, хронологически тасуя их по собственному усмотрѣнію. При такой перетасовкѣ брусиловское наступленіе 16 г. характеризуется выдержками из писем, относящихся к концу 15 г. Отвергая болѣе чѣм глупую басню, пушенную в печать в дни революціи (будто бы самим Брусиловым в цѣлях саморекламы — утверждает ген. Половцов), что Царица негодовала на Брусилова за то, что скрыл свое наступленіе и лишил ее возможности предупредить нѣмцев, Чернов замѣчает: «но нѣтъ дыма без огня. Императрица, как видно из ея переписки с Царем, дѣйствительно была недовольна, что Брусиллов не ждет вѣщих совѣтов Распутина: «начали движеніе, не спросившись Его. Он всегда обдумывает, когда придет хороший момент для наступленія». (Не совсѣм точная цитата из письма А. Ф. 6 янв. 15 г., к Брусиллову не имѣющая, конечно, отношенія). Этим однако Чернов не ограничился. В цѣлом рядѣ писем Царица якобы настоячиво требовала: «приказать немедленно остановить южное направленіе». Таких требованій нельзя найти ни в одном письмѣ.

дут здѣсь продолжаться нарочно. К югу мы отправляем сильныя подкрѣпленія". Это письмо прежде всего показывает, что рѣшеніе верховнаго командованія абсолютно не связано было с запоздалым совѣтом "Друга", и что этот послѣдній скорѣе сдѣлан в связи с дошедшими до "божьяго человѣка" свѣдѣніями — ясно, что эти свѣдѣнія пришли не от А. Ф. Гадать об источникѣ предвидѣнія Распутина довольно бесполезно (вѣроятно, из тѣх же военных кругов Ставки).

Послѣдующія письма А. Ф. за два первые мѣсяца наступленія совершенно опредѣленно свидѣтельствуют, что со стороны Распутина и его, допустим, "ругора" А. Ф. никаких возраженій против "южнаго направленія" не встрѣчалось. Наступленіе с самаго начала было воспринято А. Ф. восторженно: "Это такое счастье и такая награда за весь твой тяжелый труд и герпѣніе", — писала она 27 мая: "Мнѣ кажется, что, как будто, мы снова начинаем войну... только бы всё оказались на высотѣ находчивости и предусмотрительности". "Дѣйствительно, приходитъ прекрасныя вѣсти. Идиотскій Петр(оград) даже не умѣет достаточно оцѣнить их. Бог да благословит тебя и наших дорогих героев". Продолжим цитаты — онѣ уничтожают всё сомнѣніе. По поводу взятія Черновицъ 6 іюня: "Хвала Господу Богу! Только бы нам не зарваться слишком вперед — прокладывают ли у нас узкоколейныя дороги для подвоза продовольствія и снарядов к фронту? Я просила Татьяну немедленно протелефонировать послѣднія извѣстія в лазарет, радость была безпредѣльна. Мы провели там вечер". "Твои сибиряки и вся 6 соб. стрѣлковая дивизія вели себя геройски", сообщает Царь того же числа... "Я надѣюсь, что начнется новое наступленіе на Ковель. Если ты помотришь на карту, то поймешь, почему для нас важно достичь этого пункта, и почему германцы помогают австрійцам воспрепятствовать всемі силами продвиженію вперед". "Ты не удивляйся, если теперь настанет временное затишье в военных дѣйствіях. Наши войска там не двинутся, пока не придут новыя подкрѣпленія, и не будет сдѣлана диверсія около Пинска. Прошу тебя, храни это про себя, ни одна душа не должна об этом знать*"). "Нѣмцы подвозят к Ковелю все больше и больше войск... и теперь там происходят кровопролитнѣйшіе бои. Всѣ наличныя войска посылаются к Брусилову... Опять начинает давать себя чувствовать этот проклятый вопрос о снарядах для тяжелой артиллеріи**). Пришлось отправить туда всё запасы Эверта и Куропаткина" (9 іюня). "Наш Друг надѣется на большую побѣду (быть может, под Ковелем)", — сообщает 14 іюня А. Ф. "Во вторник я буду горячо молиться о наших возлюбленных войсках — да поможет им Бог Всемогущій, да ниспошлет им силу, отвагу и искусство для достиженія успѣха" (19 іюня). Царь того же числа: "Наши одесскіе стрѣлки дерутся, как львы, но увы! только четвертая часть их уцѣлѣла... Через два дня наше наступленіе возобновится"... Приблизительно такова вся переписка за эти дни. И

*) Почти не приходится сомнѣваться в том, что А. Ф. сохраняла секрет даже от «Друга». Щепетильность ея в этом отношеніи простиралась до таких размѣров, что даже в интимных письмах к мужу она не сообщала имен, которыя просили не называть (письмо 15 ноября).

***) Через нѣсколько дней Царь пишет: «С отчаянія можно прямо на стѣну лѣзть» — «наши военныя операціи затрудняются только тѣм, что армія не получает достаточнаго количества тяжелых снарядов».

только 25 июня в письмѣ А. Ф. можно встрѣтить маленькую оговорку: ...Друг "находит, что во избѣжаніе больших потерь*) не слѣдует так упорно наступать — надо быть терпѣливым, не форсируя событій, так как в конечном счетѣ побѣда будет на нашей сторонѣ — можно бѣшено наступать и в 2 мѣсяца закончить войну, но тогда придется пожертвовать тысячами жизней, а при большей терпѣливости будет та же побѣда, зато прольется значительно меньше крови".

Для того, чтобы доказать свою тезу, Семенникову приходится, игнорируя то, что в совокупности дает переписка, толковать весьма произвольно отдѣльные мѣста, строить субъективные предположенія, дѣлая из них логическія догадки. Он опирается отчасти на воспоминанія Брусилова. Это заставляет остановиться на нѣкоторых подробностях.

Брусиллов был назначен главнокомандующим юго-западнаго фронта на мѣсто Иванова, который пессимистически относился к предположенным наступательным операціям, считая, что единственно осуществимая для арміи его фронта операція могла бы заключаться в сохраненіи юго-западнаго края от дальнѣйшаго наступленія противника. 1 апрѣля в Могилевѣ состоялся под предѣвательством Царя военный совѣтъ для выработки плана боевых дѣйствій, на котором присутствовали все три главнокомандующіе фронтами. По словам Брусилова, нач. штаба верх. главнок. Алексѣев доложил, что главный удар предполагается нанести на западном фронтѣ в направленіи Вильно, при содѣйствующем наступленіи со стороны сѣверо-западнаго фронта, что же касается юго-западнаго фронта, он должен держаться строго оборонительной позиціи, перейдя в наступленіе лишь тогда, когда оба сѣверных сосѣда твердо обезпечат свой успѣх. Главнокомандующій сѣверо-западным фронтом Куропаткин заявил однако, что на успѣх его фронта рассчитывать очень трудно, и что прерыв фронта нѣмцев "совершенно невѣроятен" в силу мощи нѣмецкой полосы — "скорѣе нужно полагать, мы понесем громадныя безрезультатныя потери". Алексѣев с этим не соглашался. К мнѣнію Куропаткина присоединился главнокомандующій западным фронтом Эверт, не вѣрившій в успѣх и полагавшій, что правильнѣе было бы держаться оборонительнаго образа дѣйствій, пока армія не будет обладать тяжелой артиллеріей, по крайней мѣрѣ, в размѣрѣ противника. Брусиллов высказался по иному: юго-западный фронт "не только может, но и должен наступать" и имѣет "все шансы на успѣх". Оптимизм Брусилова одержал верх. "Было условлено", — вспоминает Брусиллов, — "что на всех фронтах мы должны быть готовы в половинѣ мая".

В концѣ апрѣля Брусиллов встрѣтился с царской семьей в Одессѣ, куда Государь прибыл для осмотра сербской дивизіи. Автор мемуаров подчеркнул, что А. Ф., встрѣтив его "довольно холодно", спросила: готов ли Брусиллов к переходу в наступленіе. "Я отвѣтил, что еще не знаю, но рассчитываю, что мы в этом году разобьем врага. На это она ничего не отвѣтила, а спросила, когда думаю я перейти в наступленіе. Я доложил, что мнѣ это пока неизвѣстно, что это зависит от обстановки, которая быстро мѣняется, и что такія свѣдѣнія настолько секретны, что я их сам не помню... Она промолчала немного, вручила

*) Царь перед тѣм писал: «Наши потери с самаго начала — 22 мая — потрясающи: 285.000 человек! Но зато и успѣх огромный».

мнѣ образок Николая Чудотворца"... Надо ли зѣсь усмотрѣть какой-нибудь намек? Как будто бы да, если принять во вниманіе, что Брусилов счел нужным внести в свои воспоминанія такое добавленіе: "Странная вещь произошла с образком св. Николая. Эмалевое изображеніе лика святого немедленно же стерлось и так основательно, что осталась одна серебрянная пластинка. Суевѣрные люди были поражены, а пашлись и такіе, которые заподозрили нежеланіе святого участвовать в этом лицемѣрном благословеніи". Никакого "лицемѣрія" в данном случаѣ не было, ибо свое письмо мужу о Брусиловѣ послѣ военнаго совѣта 1 апрѣля А. Ф. заканчивала словами: "дай же Бог", чтобы Брусилов оказался подходящим*).

"Как я и намѣтил раньше, к 10 мая наша подготовка къ атакѣ была в общих чертах закончена", — продолжает Брусилов — "11 мая я получил телеграмму начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, в которой он мнѣ сообщал, что итальянскія войска потерпѣли настолько сильное пораженіе, что итальянское командованіе не надѣется удержать противника на своем фронтѣ и настоятельно просит нашего перехода в наступленіе, чтобы оттянуть часть сил с итальянскаго фронта к нашему; поэтому, по приказанію Государя, он меня спрашивает, могу ли я перейти в наступленіе и когда. Я ему немедленно отвѣтил, что арміи вѣреннаго мнѣ фронта готовы, и что, как я раньше говорил, онѣ могут перейти в наступленіе педѣлю спустя послѣ извѣщенія. На этом основаніи доношу, что мною отдан приказ 19 мая перейти в наступленіе всѣми арміями, но при одном условіи, на котором особенно настаиваю: чтобы и Западный фронт одновременно также двинулся вперед, дабы сковать войска, против него расположенныя. Великъ за тѣм Алексѣев пригласил меня для разговора по прямому проводу. Он мнѣ передал, что просит меня начать атаку не 19 мая, а 22-го, т. к. Эверт может начать свое наступленіе лишь 1 іюня. Я на это отвѣтил, что нахожу, что и такое промедленіе нѣсколько велико, но с ним мириться можно при условіи, что дальнѣйших откладываній не будет...**).

*) «Никогда не мог я понять, за что Императрица меня так сильно не любила», — говорит мемуарист. Из переписки А. Ф. этого не слѣдует — было лишь нѣкоторое недовѣріе и сомнѣніе. 23 авг. 15 г., en passant, она замѣчает: «Муж Али (т. е. Пистолькорс) каждый раз высказывается против Брусилова. Келлер тоже — ты собрал бы мнѣнія и других о нем». Одобряя смѣху Иванова, котораго всѣ жалуют: «устал и устарѣлъ», она пишет 12 марта: «Не понимаю, почему Келлер и Брусилов друг друга ненавидят. Брусилов упорно несправедлив к Келлеру, а тот в свою очередь ругает его (в частных разговорах)... Послѣ военнаго совѣта 1 апрѣля, созваніе котораго А. Ф. очень одобрила, она запрашивала мужа: «каков Брусилов? Высказал ли он свое мнѣніе, и нашел ли ты его правильным... Сомнѣваюсь, способен ли он занимать такое отвѣтственное мѣсто».

) Официальный доклад Алексѣева Верховному Главнокомандующему 13 мая нѣсколько по иному освѣщает вопрос. Алексѣев только вынужденно шел на «выполненіе немедленной атаки, согласно настояній итальянской главной квартиры», так как считал, что «при неустранимой нашей бѣдности в снарядах тяжелой артиллеріи наступленіе, производимое только во имя отвлеченія вниманія и сил австрійцев от итальянской арміи, не обѣщает успѣха» — «такое дѣйствіе поведет только к разстройству нашего плана во всем его объемѣ». Алексѣев заключал доклад указаніем, что юго-западный фронт «должен выполнить атаку **своими силами» и что «подготовка къ атакѣ должна быть закончена 19 мая, для начала же дѣйствій надлежит ожидать указаній от штаба верховнаго главнокомандующаго».

Я тотчас же разослал телеграммами приказанія командующим арміями, что начало атаки должно быть 22 мая на разсвѣтъ... 21 мая вечером Алексѣев опять пригласил меня к прямому проводу. Он мнѣ передал, что нѣсколько сомнѣвается в успѣхѣ моих активных дѣйствій вслѣдствіе необычайнаго способа, которым я их предпринимаю, т. е. атаки противника одновременно во многих мѣстах, вмѣсто одного удара всѣми собранными силами и всей артиллеріей, которая у меня распределена по арміям. Алексѣев высказал мнѣніе, не лучше ли будет отложить мою атаку на нѣсколько дней для того, чтобы устроить лишь один ударный участок, как это уже выработано практикой настоящей войны. Подобнаго измѣненія плана дѣйствій желает сам Царь, и от его имени он и предлагает мнѣ это видоизмѣненіе. На это я ему возразил, что измѣнить мой план атаки я наотрѣз отказываюсь и в таком случаѣ прошу смѣнить... Алексѣев мнѣ отвѣтил, что Верховный уже лег спать и будить его ему неудобно, и он просил меня подумать. Я настолько разозлился, что рѣзко отвѣтил, что “сон Верховнаго меня не касается, и больше думать мнѣ не о чем. Прошу сейчас отвѣта”. На что ген. Алексѣев сказал: “Ну, Бог с вами, дѣлайте, как знаете, а я о нашем разговорѣ доложу Государю Императору завтра”... Конечно, Царь был тут не при чем, а это было системой Ставки с Алексѣевым во главѣ — дѣлать шаг вперед, а потом сейчас же шаг назад”.

Из воспоминаній Брусилова как будто бы явствует, что сомнѣніе в послѣднюю минуту возбуждал лишь метод наступленія, который, по словам мемуариста, расходился с порядком, признаваемым по примѣру нѣмцев единственно пригодным для прорыва фронта противника при оппозиціонной войнѣ... Кто прав в опредѣленіи стратегических “аксіом”, судить, конечно, не нам. Семенников пользовался не отдѣльным изданіем воспоминаній Брусилова, выпущенных в Ригѣ, а отрывками “из записок” Брусилова, напечатанными в 24 г. в журналѣ “Россія”. Там рассказ Брусилова о разговорѣ с Алексѣевым 21-го нѣсколько усилен — Алексѣев передал, что “главоверх желал бы отсрочить атаку недѣли на двѣ с тѣм, чтобы переимѣнить в корнѣ систему моего наступленія, т. е. чтобы всѣ арміи стояли на мѣстах, атаку же произвести только одной 8-й арміей, направленной на Ковель”. Вот эти слова “переимѣнить в корнѣ” приводили Семенникова к совершенно произвольному толкованію (даже прямой передержкѣ), рѣшительно ни на чем не основанному. “Есть основанія (какія?) думать, — писал он, — что эта мысль Николая шла от того же Распутина: свое мнѣніе об измѣненіи общаго плана наступленія Николай высказал от себя (а не по инициативѣ Алексѣева) лишь через четыре дня послѣ того, как в теченіе нѣскольких дней он пробыл вмѣстѣ с пріѣзжавшей в Ставку женой и слѣдовательно уже тогда знал всѣ взгляды на этот счет Распутина; послѣднему же, очевидно, план наступленія был сообщен, как это всегда дѣлалось, сразу же послѣ того, как он был разработан”.

Так можно доказать, что угодно, и обвинить, кого угодно. В дѣйствительности план, выработанный Алексѣевым и установленный на военном совѣтѣ 1 апрѣля никаким видоизмѣненіям под вліяніем “пацифистских совѣтов” Распутина не подвергался за исключеніем преждевременнаго выступленія на австрійском фронтѣ в цѣлях облегчить

положеніе итальянцев. Представитель мин. ин. д. в Ставкѣ Базилі тогда же сообщил Сазонову, что наступленіе на германскій фронтъ съ этими операціями “непосредственно не связано и должно состояться, согласно общему плану, лишь около 15 іюня”, при чем одной из цѣлей наступленія арміи ген. Брусилова является оттяжка германскихъ войскъ в южномъ направленіи, такъ какъ “важнѣйшія операціи” по прежнему предусматриваются на западномъ фронтѣ.

Оставимъ в сторонѣ стратегическіе вопросы и оцѣнку по существу Луцкаго прорыва. Естественно, что Брусиллов склонен преувеличивать роль, которую могли сыграть его “чрезвычайно грандіозныя побѣдоносныя” операціи. Всѣ другіе виноваты в том, что успѣхъ брусиловскаго наступленія не измѣнилъ судебъ войны, на что была полная “вѣроятность” и что фактически “никакихъ” стратегическихъ результатовъ эти операціи не дали. Алексѣевъ покрывалъ “преступныя дѣйствія” Эверта и Куропаткина — “излюбленныхъ военачальниковъ Ставки”; верховное командованіе виновато в том, что “брусиловское наступленіе” было “непростительно упущено”. Брусилловъ обижено отмѣчаетъ, что в то время, какъ вел. кн. Н. Н. с Кавказа прислалъ ему восторженное письмо, имп. Николай II съ запозданіемъ телеграфировалъ “нѣсколько сухихъ и сдержанныхъ словъ благодарности”. Военная критика найдетъ значительныя “ошибки” и в дѣйствіяхъ самого командованія юго-западнаго фронта, затруднявшихъ развитіе успѣха, которому, какъ видно хотя бы изъ переписки Царя, в дѣйствительности в Ставкѣ придавали весьма большое значеніе, в силу чего в процессѣ развитія наступленія измѣнился и план, намѣченный 1 апрѣля*). Вопреки утверженію Брусилова, что верховное командованіе ограничилось лишь “запоздалыми” подкрѣпленіями съ “бездѣйствующихъ фронтовъ”, на его фронтѣ произведено было сосредоточеніе “главныхъ” русскихъ сил, и главнокомандующій имѣлъ в своемъ распоряженіи “по сравненію съ дѣйствующими противъ него войсками болѣе, чѣмъ двойное превосходство силъ” (слова Алексѣева Базилі 16 сентября).

Стоустая “молва” по-своему объяснила событія. Родзянко, посѣтившій в дни “брусиловскаго наступленія” Особую Армію, говоритъ: “Офицеры, участники наступленія, считали, что успѣху операціи помогло то обстоятельство, что Брусилловъ началъ наступленіе на полтора сутокъ раньше назначеннаго Ставкой срока: в арміи ходили упорные слухи, что в Ставкѣ существуетъ шпіонажъ, и что врагъ раньше насъ осведомленъ о всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ”. Предсѣдатель Думы не воздержался отъ утверженія: “къ сожалѣнію многіе факты подтверждали это подозрѣніе”. Также упрощенно “молва” трактовала и причину “стра-

*) В своемъ позднѣйшемъ дневникѣ Алексѣевъ далъ такую характеристику Брусиллову: «Пока счастье на нашей сторонѣ, Брусилловъ смѣлъ и больше самонадѣянъ. Онъ рвется впередъ, не задумываясь надъ общимъ положеніемъ дѣла. Онъ не прочь... пустить пыль въ глаза и бросить упрекъ своему начальству, что его, Брусилова, удерживаютъ, что онъ готовъ наступать, побѣждать, а начальникъ не даетъ разрѣшенія и средствъ... Но не всегда военное счастье даритъ насъ своею улыбкою. Нерѣдко оно оборачивается къ намъ спиной, и неудача становится нашимъ удѣломъ. Вотъ пробный камень для полководца — сохранить в этомъ положеніи ясность ума, спокойствіе духа, способность оцѣнки положенія, умѣнье найти средства и выходъ — вотъ качества, безъ наличія которыхъ нѣтъ полководца. Этими качествами в минуты несчастья и неудачъ щедрая природа не наградила Брусилова».

тегической неудачи" первоначально блестящих успѣхов. Эверта послѣдили зачислить в "разряд измѣнников". Брусиллов, конечно, "не вѣрил" этой вздорной молвѣ, но тѣм не менѣе послѣдил переслать главнокомандующему западным фронтом "нѣсколько писем", полученных им от разных "неизвѣстных корреспондентов", в которых Эверт обвинялся "в предательствѣ русских интересов и в желаніи нанести ущерб русской арміи" — переслал для того, чтобы освѣдомить Эверта, как "превратно" толкуется задержка в оказаніи помощи наступавшему фронту. "На это письмо я отвѣта не получил", — с наивностью замѣчает мемуарист, забывая упомянуть, как он лично намекалъ ген. Панчулидзеву, что необоснованное отступленіе может отзываться "измѣной"*).

Из воспоминаній Брусиллова для сопоставленія с тѣм, что писала А. Ф., важно отмѣтить, как Брусиллов сам подвел фактическіе итоги своих операций: "К 1 августа для меня уже окончательно выяснилось, что помощи от сосѣдей в смыслѣ их боевых дѣйствій я не получу; одним же моим фронтом, какіе бы успѣхи ни одержали, выиграть войну в этом году нельзя. Нѣсколько большее или меньшее продвиженіе вперед для общаго дѣла не представляло особаго значенія: продвигнуться же настолько, чтобы это имѣло какое-либо серьезное стратегическое значеніе для русских фронтов, я никоим образом рассчитывать не мог, ибо в августѣ мѣсяцѣ, не взирая на громадныя потери, понесенныя противником, во всяком случаѣ большія, чѣм наши, и на громадное количество плѣнных, нами взятых, войска противника перед моим фронтом значительно превысили мои силы, хотя мы и были подвезены подкрѣпленія. Поэтому я продолжал бои на фронтѣ уже не с прежней интенсивностью, стараясь возможно болѣе сберечь людей, лишь в той мѣрѣ, которая оказывалась необходимой для скоординированія возможно большаго количества войск противника, косвенно помогая этим нашим союзникам — итальянцам и французам... В концѣ октября в сущности военныя дѣйствія 16 г. закончились". — Закончились в силу климатических условій на Карпатах и в силу того, что необходимость возстановить положеніе на австро-венгерском фронтѣ вынудила бросить в Галицію всѣ вѣмецкіе резервы, которые могли быть сняты на западѣ. Таким образом относительное значеніе галиційской операции, в смыслѣ "косвенной" помощи союзникам, сохраняло все свое значеніе: не только австріяцы принуждены были остановить наступленіе в Италиі, но и французы почувствовали облегченіе на Соммѣ.

4. — Р у м ы н с к і й в о п р о с

К этим итогам, которые подвел Брусиллов, добавим указаніе на то, что стратегія верховнаго командованія к осени осложнилась вступленіем (15 августа) в войну Румыніи, что Брусиллов ставит в актив своим операциям. Актив заключался в том, что Румынія не выступила на

*) Легко себѣ представить, какая цвѣтистая легенда была бы сплетена, если бы начальником верх. штаба был назначен предложенный Русским Эверт! И так уже по словам Шингарева в октябрьском совѣщаніи прогрессивнаго блока на западном фронтѣ «от офицера до генерала говорили, что Эверт «чуть не измѣнник».

противоположной сторонѣ, возможность чего допускала русская дипломатія еще в маѣ*).

На привлеченіи Румыніи настаивала Франція, побуждая Россію къ “самой широкой уступчивости” в “торгѣ”, который шел с румынским премьером Братіано. “Дневник” мин. ин. д. зарегистрировал весьма показательную бесѣду, которую имѣл в министерствѣ 13 юля, т. е. наканунѣ вступленія в управление дѣлами новаго руководителя внѣшней политикой Россіи Штюрмера, французскій посол:... “Г. Палеолог с жаром доказывал, что цѣнность скорѣйшаго выступленія Румыніи должна превосходить цѣнность требуемых от союзников уступок. Барон Шиллинг отвѣчал, что уступки, дѣлаемые нами румынам, кажутся малоцѣнными французам лишь потому, что всѣ эти уступки дѣлаются главным образом за счет Россіи. Французскій посол указывал на сильное возбужденіе, охватившее его соотечественников, и предостерегал, что отвѣтственность за неуспѣх переговоров будет возложена на Россію, это вызовет сильнѣйшее негодованіе против нея... На это бар. Шиллинг также с жаром возражал, что русское общественное мнѣніе в свое время равным образом возложит на Францію отвѣтственность за всѣ уступки... что не менѣе опасно с точки зрѣнія интересов союза. Тогда г. Палеолог в оправданіе настойчивости своего правительства в этом вопросѣ заявил, что утомленіе войной... и безпокойство за будущее столь велики, что правительство не может с ними не считаться; в выступленіи Румыніи Франція видит послѣднее средство перетянуть чашу вѣсов в свою сторону, так как понесенныя в послѣдних боях потери заставляют призадумываться, долго ли еще Франція может выдержать такое испытаніе. Посол заключал словами: “Должен вам сказать, что у нас нѣтъ больше ни одного человѣка в наших резервах”. Бар. Шиллинг доказывал ему ошибочность возлагать чрезмѣрныя надежды на одно лишь выступленіе Румыніи, которое, очевидно, не придаст Франціи недостающих ей резервов и едва ли измѣнит чѣм-либо положеніе на французском фронтѣ”.

В самом министерствѣ ин. дѣл борьба двух теченій — сторонников форсированія активнаго вступленія Румыніи в войну и противников, отстаивавших предпочтительность ея нейтралитета — чрезвычайно наглядно проявилась в критикѣ, которой подверг в частном письмѣ представитель министерства в Ставкѣ Базили докладную записку, представленную секретарем II пол. отд. министерства кн. Гагариным: “Никогда нельзя было сомнѣваться, — писал он, — что

*) В Ставкѣ в бытность верховным вел. кн. Н. Н. «выжидательное положеніе», которое заняла Румынія к войнѣ (король Карол стоял за присоединеніе к Германіи, «общественное мнѣніе» за объявленіе войны Австріи — вѣрнѣе Карол, говорившій вел. кн. Ник. Ник., что он, «как Гогенцоллерн», не мог бы «поднять меч на Германію», был за нейтралитет), вызвало обвиненіе русскаго посланника в Бухарестѣ Козелл-Поклевскаго по шаблону в «государственной измѣнѣ». Об этом «гнусном дѣлѣ» писал Янушкевич военному министру Сухомлинову, а сам верховный главнокомандующій обратился к Царю 8 февраля 15 г.: «я только что узнал, что посланник наш в Румыніи Козелл-Поклевскій, повидимому, успѣл оправдать себя и возвращается на свой пост (посланник нашел горячую защиту со стороны Сазонова). К тѣм данным, которыя извѣстны В. В. по обвиненію К.-Поклевскаго в государственной измѣнѣ, я имѣю много данных, которыя подтверждают это».

румыны выступают, когда станет ясным, на чьей сторонѣ будет побѣда, и что они примкнут к болѣе сильным". Далѣе он указывал на невозможность выдѣленія 300 тыс. арміи для привлеченія Румыніи, ибо "отвлечь даже меньшія силы с нашего фронта в настоящую минуту верховное командованіе не может". "В противобѣс мнѣнію, высказанному в запискѣ, нейтралитет Румыніи для нас выгоднѣе*), чѣм ея выступленіе при нынѣшних условіях на нашей сторонѣ".

Базилі здѣсь излагал лишь аргументацію Алексѣева в болѣе раннем письмѣ к Сазонову (январь—февраль), гдѣ "фактической" верховной командующей возражал на заключенія дипломатов, которые базируются на "зыбких данных" и побуждают Румынію путем русской военной диверсіи в Болгаріи... Для Алексѣева на первом планѣ "военныя соображенія", а потом "политика". Этой точки зрѣнія Алексѣев держался и тогда, когда Румынія выступила *de facto*, поэтому его аргументація пріобрѣтает особое значеніе. "Силы наши для громаднаго фронта ограничены, — писал Алексѣев 25 января, — и с легким сердцем нельзя отправлять арміи туда, куда влекут нас союзники настоящіе, возможные в будущем". Через мѣсяц послѣ совѣщаній, происходивших в Ставкѣ с румынскими и французскими представителями, на опредѣлвшіяся желанія союзников "отправить 250 тысяч наших войск воевать против болгар и помогать румынам завоевать Трансильванію и Буковину", Алексѣев писал: "По долгу службы перед Россіей и Государем я не имѣю права доложить верховному главнокомандующему о необходимости принятія такого плана и присоединенія к такой *военной авантюрѣ*. Другим наименованіем я не могу опредѣлить при данной обстановкѣ и условіях предлагаемый нам план. 250 тыс. человек — около 1/7 части наших войск. Наш фронт тянется на 1.200 верст; нам предлагают растянуть еще верст на 600. Наши союзники для себя настойчиво проводят мысль и осуществляют ее, что только успѣх на главном театрѣ, т. е. на своем французском фронтѣ, даст побѣду, и потому там именно на 700 км. имѣют около 2 милл. французов и 40 дивизій бельгійцев и англичан; они скупают на всякія выдѣленія на второстепенные театры. Присоединеніе теперь к румынским и французским планам ослабит нас, немощно ослабит армію, лишит возможностей не только собрать достаточныя силы для удара против нѣмцев или австрійцев, но и для противодѣйствія их предпріятіям к Петрограду и Москвѣ".

Выступленіе румынской арміи обнаружило ея чрезвычайную техническую неподготовленность и "полнѣйшее неумѣніе воевать" — в оцѣнкѣ этого факта впоследствии сошлись всѣ русскіе военные историки**). Брусилов обвинил совершенно несправедливо нач. верх. штаба за то, что для него оказалось "полным сюрпризом", что румыны

*) Даже такой относительный нейтралитет, при котором Румыніа пропускала транспорты с германским оружіем для Турціи.

***) Странным исключеніем представляется лишь появившаяся в эмиграціи работа Керсановскаго, посвященная прошлому русской арміи. Автор ея в увлеченіи тенденціей, во что бы то ни стало, развѣнчать военный авторитет ген. Алексѣева пытается утверждать (впрочем, бездоказательно), что бездарный стратег, стоявшій фактически во главѣ русской арміи, не смог учесть огромных преимуществ, которыя давало выступленіе Румыніи. Автор проявил полное незнакомство с опубликованным матеріалом и в частности с процитированными докладами и записками Алексѣева.

“никакого понятія не имѣли о современной войнѣ”. Получилось то, что ожидал Алексѣев: вмѣсто “громадной помощи, вышла одна помѣха”, как выразился жившій в Лондонѣ вел. кн. Мих. Мих. 18 октября в письмѣ къ Царю. Приходилось спасать новаго запоздалаго союзника. Началось усиленное давленіе союзной дипломатіи, которой упорно противодѣйствовал Алексѣев — это было проявленіе не столько “нерѣшительности”, сколько осторожности. Алексѣева обвиняли в недостаточном внимательном отношеніи къ угрозѣ, что “нѣмцы раздавят Румынію, чтобы пробиться в южную Россію”. Алексѣев предпочитал отступление из Румыніи, чѣм посылку новых (200 тыс.) русскихъ войскъ в Добруджу, куда был отправлен корпусъ под начальствомъ ген. Зайончковскаго. 29 августа Базили сообщил тов. мин. ин. д. Нератову (Сазоновъ былъ уже в отставкѣ), что Алексѣевъ опредѣленно сказал: “Если я пошлю значительныя силы в Добруджу, то я долженъ буду отказаться от наступательной операціи в Галиціи, а вѣдь война будетъ разрѣшаться на нашемъ западномъ фронтѣ; если я ослаблю на немъ наше положеніе, нѣмцы могутъ сдѣлаться на немъ хозяевами”...*). Брусилловъ былъ среди противниковъ Алексѣева: онъ считалъ, что, если бы съ самаго начала была послана в Добруджу “цѣлая армія с хорошими войсками” — вѣроятно, выступленіе Румыніи, оказавшееся столь неудачнымъ, приняло бы совершенно другой оборот. Кто прав?

5. — В дни кризиса наступленія

Если учесть всю описанную конъюнктуру, в нѣсколько ином освѣщеніи, пожалуй, выступятъ письма А. Ф. за осенніе мѣсяцы и ея “советы”, подаваемые от имени “божьего человѣка”. Вот нѣкоторыя выдержки изъ ея писемъ, в послѣдовательномъ порядкѣ: 16 июля: “Броды взяты — какава удача. Это прямой путь на Львовъ, это начало прорыва — начинаются успѣхи, какъ предсказывалъ нашъ Друг... Но каковы наши потери”... 3 авг.: “Дай тебѣ Боже, мой любимый, мудрости и успѣха, терпѣнія, чтобы не слишкомъ упорно рвались впередъ и не испортили всего безполезными жертвами — твердо впередъ, шагъ за шагомъ — безъ быстрыхъ подвиженій впередъ с послѣдующимъ отступленіемъ, это куда хуже”... 4 авг.: “Другъ проситъ тебя быть очень строгимъ с генералами в случаѣ ошибокъ. Видишь ли, всѣ страшно возмущаются Безобразовымъ, всѣ кричатъ, что онъ допустилъ избіеніе гвардіи... Раненые стрѣлки, да и остальные не скрываютъ своего негодованія. А. (т. е.

*) Генералъ Жоффр — телеграфировалъ Алексѣеву военнымъ агентамъ в Парижъ 1 октября — охотно даетъ советъ русской арміи оказать мощное содѣйствіе румынамъ, иными словами смѣнить послѣднихъ своими войсками в Трансильваніи, Добруджѣ, игнорируя растяженіе нашего фронта, исключительныя усилія, которыя мы в общихъ интересахъ, а не только собственныхъ, развивали на театрѣ южнѣ Польскаго. Мы имѣемъ право рассчитывать, что ген. Жоффр примѣнитъ свои советы къ собственной обстановкѣ и изъ большихъ силъ, дѣйствующихъ на скромномъ в длину фронтѣ, выдѣлитъ ничтожное, в двѣ дивизіи, усиліе для арміи Саррайля... «Время не терпитъ... длительныя переговоры... поведутъ къ безповоротному опозданію и проигрышу навсегда балканской кампаніи».

**) Обратимъ вниманіе, что это пишется в поѣздѣ при выѣздѣ изъ Ставки, гдѣ А. Ф. могла напитаться чувствомъ осторожности. Алексѣевъ всегда боялся, что наступленіе можетъ захлебнуться.

Вырубова) получила чрезвычайно интересное, но и грустное письмо от Н. П. (Саблина) — он описывает, что им пришлось продѣлать; но с отчаяніем говорит о генералах, о Без(образовѣ) — как они, ничего не зная, приказали гвардіи наступать по завѣдомо непроходимым топям... Генералы знают, что у нас еще много солдат в Россіи и поэтому не щадят жизней"... А. Ф. настаивает на отставкѣ "старога товарища" Царя: "будь благоразумен... слушайся своей старой жешушки... сдѣлай это ради твоей славной гвардіи, и всѣ станут тебя за это благодарить; они очень уж возмущены его безразсудством, вслѣдствіе котораго погибли всѣ их солдаты".

"То же самое" про "старога Безобразова" рассказывал в Ставкѣ со слов "многих командиров и офицеров" вел. кн. Кирилл, возвратившійся из гвардіи. О том же писал Царю вел. кн. Ник. Мих. на основаніи показаній гвардейских офицеров, "в один голос" обвинявших свое высшее командованіе. Брусилов одним из неблагопріятных условий в період галиційской кампаніи считает положеніе гвардейских частей, великолѣпных по составу офицеров и солдат, но терпѣвших значительный урон в силу несоотвѣтствія начальников и в частности командующаго Особой Арміей Безобразова — "человѣка честнаго, твердаго, но ума ограниченнаго и невѣроятно упрямаго" (А. Ф. сравнивала его с "мулом"). О негодованіи в гвардіи говорит Брусилову и Родзянко, посѣтившій фронт Особой Арміи и наслышавшійся самых ужасных рассказов: "Ты должен довести до свѣдѣнія Государя, что преступно так зря убивать народ", — говорил ему сын: "Нельзя так безумно жертвовать людьми", — повторял ему в Луцкѣ ген. Каледин. У генералов нѣтъ "мозгов", — утверждал сын. "Многіе из наших командующих генералов глупые идіоты, которые даже послѣ двух лѣтъ войны не могут научиться первой и наипростѣйшей азбулкѣ военного искусства", — вторил ему сам Верховный, объясняя женѣ 22 іюня неудачу у Барановичей на Западном фронтѣ. Со своей стороны умудренными наблюденіями Русскій полагал, что "начальствующія лица не хотят считаться с опытом войны и продолжают лѣзть на укрѣпленныя позиціи, как бы лѣзли в чистом полѣ". В этой гаммѣ голосов может быть объясненіе А. Ф. самое правильное: генералы не щадят человѣческих жизней, зная, что в Россіи еще много солдат*).

В своей критикѣ А. Ф. лишь повторяла общій голос; этому общему мнѣнію поддакивал в своих совѣтах и "Друг". Это всеобщее мнѣніе нашло себѣ выраженіе в официальной запискѣ 28 членов Особаго Совѣщанія (ноябрь), гдѣ подчеркивалась недопустимость столь легкаго расходованія людской жизни, ибо "наш человѣческій матеріал далеко не неистожим". Царь остановился на Гурко в качествѣ замѣстителя Безобразова. Царица одобрила новое назначеніе: "что же многіе хвалят Гурко, даруй ему, Боже, успѣха и да благословит Он его командованіе". 8 августа А. Ф. писала: "Наш Друг надѣется, что мы не станем подниматься на Карпаты и пытаться их взять, так как, повторяет Он, потери слова будут слишком велики". Послѣдующія письма систематически передают: "просила Его особенно подумать о тебѣ и

*) И тут даже создалась легенда, поддерживаемая Винбергом: гвардія выставилась на передовых позиціях, потому что ее считали препятствіем к осуществленію революціи.

благословить твои новые планы”, а от Царя идут жалобы: “сколько вѣдѣль уже я мучаюсь из-за этого (наступленія). Если бы у нас было больше тяжелой артиллеріи, не возникло бы ни малѣйшаго сомнѣнія относительно исхода борьбы. Подобно французам и англичанам, они парализуют всякое сопротивление одним только ужасным огнем своих тяжелых орудій” (17 сент.). 20 сентября Царь сообщал: “Я велѣл Алексѣеву приказать Брусилову остановить наши безнадежныя атаки, чтобы потом снять гвардію и часть других войск с передовых позицій, дать им время отдохнуть и получить пополненіе. Нам надо наступать около Галича и южнѣе у Дарны и Варты, чтобы помочь румынам и перейти Карпаты до начала зимы**). “Да, я думаю, что ты прав, приостановив наступленіе, и что хочешь двинуться в южном направленіи — мы должны перелезть Карпаты до зимы... Если мы станем наступать на югѣ, тогда они вынуждены будут оттянуть свои войска тоже на юг и нам здѣсь на сѣверѣ станет легче. Бог поможет — нужно лишь терпѣніе, все-таки враг очень силен”. Царь 22 сентября: “Брусилов просил разрѣшенія продолжать атаку, так как Гурко поможет ему на правом флангѣ, то я разрѣшил”. Царица 23-го: “Наш Друг говорит по поводу новых приказов, данных тобой Брусилову... “очень доволен распоряженіем палы: будет хорошо”. Он об этом никому не скажет, но мнѣ по поводу твоего рѣшенія пришлось просить Его благословенія... Надѣюсь, что Брусиллов — надежный человек и не станет дѣлать глупостей и вновь жертвовать гвардіей в каком-нибудь неприступном мѣстѣ”. 24 сентября: ... “Наш Друг совершенно вѣтъ себя от того, что Брусиллов не послушался твоего приказа о приостановкѣ наступленія. Он говорит, что тебѣ было внушено свыше издать этот приказ, как и мысль о переходѣ через Карпаты до наступленія зимы, и что Бог благословил бы это; теперь же Он говорит, снова будут бесполезныя потери. Надѣется, что ты все же будешь настаивать на своем рѣшеніи”. То же А. Ф. передала и телеграммой. В отвѣтъ на телеграмму Царь указывал: “Когда я отдавал это приказаніе, я не зналъ, что Гурко рѣшил стянуть почти все имѣющіяся в его распоряженіи силы и подготовить атаку совмѣстно с гвардіей и сосѣдними войсками. Эта комбинація удваивает наши силы в этом мѣстѣ и подает надежду успѣха. Вот почему, когда Ал. прочел объяснительную телеграмму от Брус. и Гурко с просьбой разрѣшить продолжать наступленіе, бывшее тогда в полном разгарѣ, я на слѣдующее утро дал свое согласіе... Теперь я буду спокоен в увѣренности, что Г. будет дѣйствовать энергично, осторожно и умно. Эти подробности только для тебя одной — прошу тебя, дорогая! Передай Ему только: папа приказал принять разумныя мѣры”. Царица 25-го: “Вчера... я приняла Кутайсова, мы с ним долго бесѣдовали — послѣ него был Павел***) и рассказал мнѣ об интересных письмах от Рауха и Рильскаго, от других знаю — все говорят одно и то же, что это второй Верден, мы безцѣльно растрчиваем тысячи жизней за одно упрямство.... О, прошу тебя, повтори свой приказ Брусиллову, прекрати эту бесполезную бойню, младшіе чувствуют, что начальники их тоже не имѣют никакой вѣры в успѣх там — значит повторять безумства германцев

*) На этом настаивали румыны.

***) Вел. кн. Павел, Раух — б. помощник Безобразова.

под Верденом?.. Твой план так мудр, наш Друг его одобрил — Галич, Карпаты, Дорна, Варга, румыны... Наши генералы не щадят “жизней” — они равнодушны к потерям, а это грѣх; вот когда есть уверенность в успѣхѣ, тогда другое дѣло”... Получив объясненіе о назначеніи Гурко командующим наступающими войсками, А. Ф. успокаивается: “Я рада, что Брусиллов послал Кал(едина) на юг и все передал Гурко; это было самое умное, что только можно было сдѣлать — пусть только он будет благоразумным и не упрямится”... 28 сентября: “Я рада, что на фронтѣ сейчас затишье, я очень тревожилась; это движеніе слѣва самое разумное — около Брод колоссальныя укрѣпленія и приходится наступать под страшным огнем тяжелой артиллеріи — настоящая стѣна. Спасибо... за объясненіе относительно Брусиллова; я раньше не совѣм ясно это себѣ представляла. Во всяком случаѣ наш Друг настаивает на том, чтобы ты выполнила свои планы, твоя первая мысль всегда бывает наиболѣе правильной”. И наконец, 12 октября, послѣ побѣдки в Могилев: ...“Останови это бесполезное кровопролитіе, зачѣм они дѣзут на стѣну? Необходимо дожидаться болѣе благопріятнаго момента, а не слѣпо идти вперед. Прости, что я так говорю, но всѣ чувствуют это”.

Из мемуарнаго повѣствованія самого Брусиллова и современных событіям пояснительных указаній Алексеѣва представителям мил. ин. дѣл в Ставкѣ совершенно очевидно, что до свѣдѣнія А. Ф. доходили преувеличенныя ланшия об интенсивности боевых дѣйствій в осенніе дни. Только если читать между строк и быть загнипотизированным словом “пріостановить наступленіе” и не считаться с тѣм, о чем реально шла рѣчь, в связи со всей стратегической обстановкой, можно найти в приведенных выдержках доказательство того, что правящая “распутинская группа” через А. Ф., вмѣшиваясь в руководство военнаго командованія, вела закулисную борьбу за прекращеніе войны. Во всяком случаѣ не нѣмецкая рука руководила пером А. Ф. В снах “старца” и в письмах Царицы, не всегда послѣдовательных, гораздо больше претворялись софиты и директивы, которые являлись откликами борьбы разных теченій в военных кругах Петербурга, Могилева и фронта. В информаторах и критиках не было недостатка, начиная с вел. кн. Павла — “благороднаго человѣка”, по характеристикѣ Брусиллова, “в военном дѣлѣ рѣшительно ничего не понимающаго”, и кончая отставленным главнокомандующим юго-западнаго фронта Ивановым, который сохранял свой пессимизм по поводу наступательных операций: он был генералом “куропаткинской школы” — скажет Брусиллов*). Брусиллову впоследствии говорили, что Иванов в особой аудіенціи просил Царя отказаться от наступленія. Царь направил его к своему начальнику штаба. Среди этих информаторов был и близкій царской семьѣ Саблин, пріѣзжавшій из Ставки и находившійся в непосредственных отношеніях с “Другом”, то очень близких и интимных, то значительно охладѣвавших. Среди них будет и тонкій

*) В свое время, рекомендуя перемѣненія: Иванова в военные министры, Щербачева на мѣсто Иванова, а на мѣсто Щербачева кого-нибудь «познергичнѣе» (скакая досада, что старик Рузскій еще не совѣм поправился). А. Ф. думала не об окончаніи войны, а об ея успѣшном веденіи, ибо настанет «наше очередь наступать».

политик, дѣлавшій карьеру генерал Бонч-Бруевич, который подкапывался через Пав. Ал. и Мар. Павл. под Рузскаго еще в 15 г. — тогда А. Ф. не умѣла написать даже его фамиліи и высказывала “радость”, когда удастся “избавиться” от Бонча, котораго, по словам Царя, “всѣ ненавидѣли” (Бонч особенно свирѣпствовал в преслѣдованіи лиц, носивших измѣнскія фамиліи). Но в концѣ октября, послѣ “интересной бесѣды”, длившейся час, А. Ф. “от души” желает, чтобы Царь по секрету от Алексѣева повидался с ним: “так мало честных людей” — “ему лично ничего не нужно, исключительно ради тебя и всеобщаго блага” просил разрѣшенія представиться и “высказаться обо всем”. (Тут же А. Ф. отмѣчает крайнее честолюбіе этого генерала). Бонч рассказывал много “прикорбных вещей”. Ему удается подорвать довѣріе к “доброму и честному” Рузскому (“дурная привычка нюхать кокаин”) — не имѣет оперативнаго плана, войска разлагаются, необходимо при Рузском имѣть сильнаго человѣка, “надежнаго помощника”, который заставил бы работать и т. д.

Каждый из этих информаторов по своему вліял на женщину, психическое состояніе которой к концу года болѣзненно обострилось. И естественно, что она дѣлалась, по словам Вyrубовой, “нежеланной гостьей” в Ставкѣ.

II. — «ПОХОДЪ» НА АЛЕКСѢВА

Императрица встрѣчала противодѣйствіе в своих домоганіях со стороны “фактическаго руководителя военными дѣйствіями”, — пишут историческіе интерпретаторы легенды. Наступленіе продолжалось “вопреки указаніям Николая”. Тогда А. Ф. под вліяніем “божьяго человѣка” поставила своей цѣлью свергнуть ген. Алексѣева, чего и достигла в ноябрѣ 16 г. Был выигран таким образом второй этап в кампаніи за сепаратный мир... Исторію этого “похода” против Алексѣева логичнѣе было бы изложить послѣ обзора того, что произошло во внѣшней и внутренней политикѣ в связи с возглавленіем правительства “измѣнником” гофм. Штурмером, когда “пацифистскія позиціи” как будто бы получили болѣе прочное основаніе и даже вышли из потайной сферы работы “изнодѣлщика”. Однако, чтобы не прерывать начатаго уже повѣствованія о борьбѣ за сепаратный мир, поскольку она была связана в тѣм, что дѣлалось на “полях сраженія”, продолжим рассказ о давленіи, которое оказывала на Ставку распутинская “правая группа”.

Как относился сам Алексѣев ко всем тѣм стратегическим совѣтам, которые из Царскаго лѣтѣли в Ставку? Царь писал женѣ 6 іюня 16 г.: “Я рассказал Алексѣеву, как ты интересуешься военным дѣлом, и про тѣ подробности, о которых ты меня спрашиваешь в своем послѣднем письмѣ № 511. Он улыбнулся и молча меня слушал (вопрос шел о прокладкѣ узкоколейных дорог). Конечно, эти вещи принимались и принимаются во вниманіе”. Такія безобидныя и довольно наипыя в общем заботы не могли особенно нервировать человѣка, в руках котораго сосредотачивались всѣ нити военных операций. По другому могло быть, когда настойчивые совѣты, подсказанные со

стороны случайных информаторов, могли оказывать влияние на колеблющуюся волю верховного вождя армии. У нас нет достаточных данных для предположения, что Алексѣев был заражен ходячей молвой о нѣмецкой интригѣ за спиной А. Ф. Единственное косвенное указание можно найти в показаниях перед Чрез. Сл. Комиссіей ген. Иванова, который сообщал о своем разговорѣ 3 марта 16 г. с Алексѣевым по поводу его устранения от главнокомандованія юго-западным фронтом: "Вы думаете, что в вашем уходѣ какая-нибудь моя интрига... Нет... интрига шла в Петроградъ", — говорит Иванову Алексѣев и называет "Распутина и прибавляет слово "каналья", Вырубову, ей не помню, какой дал эпитет, потом называет Императрицу, Андронникова, Рубинштейна, Мануса и еще какія-то двѣ-три жидовскія фамилии, которых не помню". Предсѣдателю Комиссіи хотѣлось, чтобы Иванов произнес слова: "нѣмецкая партія". "Нет, он этого не сказал", — возразил допрашиваемый.

О том, что между Алексѣевым и Ивановым был какой-то подобный разговор, видно из позднѣйших замѣчаній в письмах А. Ф., затронутой сужденіями Алексѣева, которыя дошли до нас, вѣроятно, через самого Иванова. Разговор, очевидно, не стоял в связи с устраненіем Иванова и фронтовыми дѣлами и должен быть отнесен к болѣе позднему времени. Сторонникам выжидательной стратегіи не было основанія бороться против генерала, отстраненнаго в силу пассивности, которую объясняли преклонным уже возрастом главнокомандующаго. Напротив, казалось бы, он должен был быть возвеличен и мог явиться в силу своего авторитета и популярности первым кандидатом на пост начальника штаба при новом верховном главнокомандующем. Между тѣм на этот отвѣтственный пост был приглашен его антагонист настойчивый Алексѣев. Мало того, рупор "распутинцев" А. Ф. как раз за мѣсяц до процитированнаго разговора Иванова с Алексѣевым усиленно рекомендовала мужу пригласить на военный совѣт Рузскаго. "Вполнѣ ли ты доволен Алексѣевым, достаточно ли он энергичен?" — спрашивала она в письмѣ от 5 февраля. "Как здоровье Рузскаго? Нѣкоторые говорят, что он опять совершенно здоров... а я хотѣла бы этого, так как *германцы* его боятся. Он очень способный человек, часто не соглашается с Алексѣевым, но все же, может быть, благоразумнѣе имѣть кого-нибудь иначе смотрящаго на вещи. Тогда вам всѣм легче будет выбрать правильный путь". Рузскаго боятся нѣмцы, у него нет "опасной маніи отхода", наличность которой, как мы видѣли, склонны были отыскивать у Алексѣева нѣкоторые штабные стратеги"*)).

*) В дневникѣ Андр. Вл. это противопоставленіе Рузскаго Алексѣеву проведено очень ярко в період командованія Алексѣевым сѣверо-зап. фронтом в 15 г. «Мечта всѣх, что Рузскій вернется — вѣра в него так глубока, так искренна и так захватывает всѣх без различія чинов и положенія в штабѣ, что одно уже его возвращеніе, как электрической ток, пронесется по армии и подымет... дух». Приведенныя выдержки опровергают одну из басен, которую сочинил в своих показаниях Чр. Сл. Ком. Манасевич-Мануйлов, — будто бы Рузскій был назначен вновь главнокомандующим Сѣверным фронтом под влияніем Распутина, через котораго дѣйствовала группа офицеров. Опровергают онѣ и басню, в которую в свое время увѣровали

Таковы “нацифистскіе” совѣты Императрицы. Их, очевидно, Алексѣев не боялся. Зато из писем самого Императора опредѣленно слѣдует, что Алексѣев безконечно был озабочен направлением внутренней политики, приобретавшей катастрофическій характер при попыткѣ А. Ф. с прямого одобренія мужа разыгрывать роль блюстительницы престола в отсутствіе Царя — отсюда рѣзко отрицательное отношеніе Алексѣева къ профетической роли “божьяго челоуѣка”, о чем знала А. Ф. и, как это ни странно, с чѣм долгое время до нѣкоторой степени примирялась. Вот этих “артиллерійскихъ подготовокъ из Царскаго Села” Алексѣев, дѣйствительно, боялся (показанія мин. земл. Наумова). Со слов Алексѣева Деникинъ рассказываетъ, что в Могилевѣ в один из своихъ пріѣздовъ А. Ф. “горячо убѣждала” начальника Штаба в необходимости посѣщенія Распутинымъ Ставки, что “принесетъ счастье”. Алексѣевъ “сухо отвѣтилъ, что для него это вопросъ — давно рѣшенный, и что если Распутинъ появится в Ставкѣ, он немедленно оставитъ постъ начальника штаба... Императрица рѣзко оборвала разговоръ и ушла, не простившись с Алексѣевымъ... Этотъ разговоръ... повліялъ на ухудшеніе отношеній къ нему Государя”. “Вопреки установленномуся мнѣнію отношенія эти, — добавляетъ Деникинъ, — по вышнимъ проявленіямъ не оставлявшія желать ничего лучшаго, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительнаго довѣрія”. Интимная царская переписка довольно рѣшительно опровергаетъ подобное заключеніе. Очевидно, по воспоминаніямъ Алексѣева или по передачѣ этихъ воспоминаній и только что описанный послѣобѣденный инцидентъ в Могилевѣ представленъ в слишкомъ сгущенномъ видѣ — в перепискѣ нѣтъ даже намековъ на желаніе А. Ф., чтобы “Другъ” посѣтилъ Ставку. Никакого рѣзкаго разрыва с Алексѣевымъ у Царицы не произошло. Инцидентъ, о которомъ рассказываетъ Деникинъ, могъ имѣть мѣсто (авторъ даты не указываетъ) в моментъ посѣщенія А. Ф. Ставки в послѣднихъ числахъ іюля 16 г. — посѣщенія, которому склоны придавать рѣшающее значеніе в смыслѣ попытки оказать воздѣйствіе на приостановку “брусиловскаго наступленія”. Уѣзжая, еще в поѣздѣ, 3 авг. А. Ф. писала: “Если только Алексѣевъ принялъ икону нашего Друга с подобающимъ настроеніемъ, то Бог, несомнѣнно, благословитъ его трудъ с тобой. Не бойся упоминать о Гр. при немъ — благодаря Ему, ты сохранилъ рѣшимость и взялъ на себя командованіе годъ тому назадъ, когда всѣ были противъ тебя, скажи ему это, и онъ тогда постигнетъ всю мудрость и многіе случаи чудеснаго избавленія на войнѣ тѣхъ, за кого онъ молится и кому онъ извѣстенъ, не говоря уже о Баби и об Анѣ”.

Однако черезъ мѣсяцъ появляются в письмахъ А. Ф. нѣкоторыя предостереженія по отношенію къ Алексѣеву в связи с доходящими до Царицы сообщеніями. Можетъ быть, от прибывшаго из Ставки Саблина А. Ф. узнала, что “масса людей пишетъ гнусныя письма противъ него (Григорія) Алексѣеву”. “Досадно”, — квалифицируетъ она 6 сентября свое отношеніе къ этому. “Теперь идетъ переписка между Алексѣевымъ и этой скотиной Гучковымъ, и онъ начинитъ его всякими мерзостями —

думскіе круги и которую занесъ в воспоминанія Родзянко: никто не вѣрилъ в болѣзнь Рузскаго и считалъ, что «опалой» своей Рузскій обязанъ «нѣмецкой партіи».

предостереги его, это такая умная скотина, а Алексѣев, без сомнѣнія, станет прислушиваться к тому, что тот говорит ему против нашего Друга, и это не принесет ему счастья" (18 сент.). ... "Гучков старается обойти Алексѣева — жалуется ему на всѣх министров... и отсюда понятно, почему Алексѣев так настроен против министров, которые на самом дѣлѣ стали лучше и болѣе согласно работать, дѣло вѣдь стало налаживаться, и нам не придется опасаться никакого кризиса, если они, и дальше так будут работать". "Пожалуйста... не позволяй славному Алексѣеву вступать в союз с Гучковым, как то было при старой Ставкѣ. Родз. и Гучков дѣйствуют сейчас заодно, и они хотят обойти Ал., утверждая, будто никто не умѣет работать, кромѣ них. Его дѣло заниматься войной — пусть уж другіе отвѣчают за то, что дѣлается здѣсь" (20 сент.). "Я прочла копию двух писем Гучкова к Алекс. и велѣла буквально скопировать одно из них для тебя, чтобы ты мог убѣдиться, какая это скотина! Теперь мнѣ понятно, почему А. настроен против всѣх министров — каждым своим письмом (повидимому, их было много) он будоражит бѣднаго А., а затѣм в письмах его факты часто намеренно извращаются... Надо изолировать А. от Гучк., от этого «квернаго, коварнаго вліянія" (21 сент.). "Начинаю с того, что посылаю тебѣ копию с одного из писем к Алексѣеву — прочти его пожалуйста, и тогда ты поймешь, отчего бѣдный генерал выходит из себя. Гучков извращает истину, подстрекаемый к тому Поливановым, с которым он неразлучен. Сдѣлай старику строгое предостереженіе по поводу этой переписки, это дѣлается с цѣлью нервировать его, и вообще эти дѣла не касаются его, потому что для армии все будет сдѣлано, ни в чем не будет недостатка. Наш Друг просит тебя не слишком беспокоиться по поводу продовольственного вопроса"... "Видно, как этот наук Г. и Полив. опутывают Ал. паутиню — хочется открыть ему глаза и освободить его. Ты мог бы его спасти — очень надѣюсь на то, что ты с ним говорил по поводу писем". И, наконец, через мѣсяц, 28 октября, сообщая свой разговор с Бонч-Бруевичем: "Только не говори Алексѣеву, что ты узнал от меня... я чувствую, что этот человек меня не любит"...

В перерыв между послѣдним сентябрьским письмом и октябрьским Царь призвал в Царское. 9 октября тогдашній предсѣдатель Совѣта Министров Штюмер во всеподданнѣйшем докладѣ, между прочим, упоминал и о письмах Гучкова к Алексѣеву. В сдѣланном самим Штюмером резюме его доклада в пунктѣ 16-м значится: "Е.И.В. мною представлен экземпляр письма на имя ген. Алексѣева от члена Гос. Сов. А. И. Гучкова с извѣтом на ген. Бѣлзева, министров путей сообщенія — Трепова, торговли и промышленности — кн. Шаховского, земледѣлія — графа Бобринскаго, а также на предсѣдателя Совѣта Министров. При этом Е. В. мною доложено, что по полученным мною из департ. общ. дѣл свѣдѣніям копии этого письма распространяются в десятках тысяч экземпляров по всей Россіи.... Е.И.В. соизволит указать, что экземпляр такого же письма находится у него в руках. По этому поводу он спрашивал объясненія у ген.

*) Царь писал 22 сент.: «Ал. никогда не упоминал мнѣ о Гучковѣ. Я только знаю, что он ненавидит Родзянко и посмѣивается над его увѣренностью в том, что он все знает лучше других».

Алексѣва, который представил Е. В., что он никогда ни в какой перепискѣ с Гучковым не состоял и что о данном письмѣ он узнал в то же утро из письма своей жены, затѣм из письма ген. Эверта, который прислал ему экземпляр того же письма, распространяемаго в подвѣдомственных ему войсках, упрекая его, Алексѣва, в веденіи переписки с таким негодяем, как Гучков; наконец, он б этом письмѣ узнает от Е. В. Прислал ли ему Гучков лично такое письмо — ему, Алексѣву, неизвѣстно и по осмотрѣ им ящиков своего стола, такого письма им не найдено. Е. В. изволил указать Алексѣву на недопустимость такого рода переписки с человѣком, завѣдомо относящимся с полной ненавистью к монархіи и династіи". "Его Величество, — заканчивал Штюрмер свое резюме, — изволил высказать, что для прекращенія подобных выступленій достаточно предупредить Гучкова о том, что он подвергнется высылкѣ из столиц"*)). На практикѣ Гучкову был запрещен въѣзд в дѣйствующую армію. В выступленіи Гучкова А. Ф. видѣла подрыв правительства во время войны —

*) Письмо Алексѣву, помѣченное 15 августа и долженствовавшее, очевидно, имѣть демонстративный характер так называемаго «открытаго письма» (мы знаем его только по ходившим по рукам копіям), поскольку рѣчь в нем шла о конкретных фактах, было написано на тему: «нас, (т. е. представителей общественности в Особом Совѣщаніи) не освѣдомляют, нас обманывают, с нами не считаются и нас не слушают». Реально дѣло касалось отказа военного министерства от предложенія англійскаго правительства поставить 500 тыс. винтовок. Основываясь на информаций, полученной из «кругов, близких к англійскому военному министерству», Гучков тенденціозно изображал мотивы ген. Бѣляева, вызвавшіе этот отказ: Бѣляев при допросѣ в Чр. Сл. Ком. довольно убѣдительно пояснял, что мотивом отказа послужило то, что ружья должны были поступить лишь в 17 г., когда потребность в них уже исчезла бы (во вторую половину 16 г. Россія даже могла уже уступить 200 тыс. Румыніи) и слѣдовательно расходовать на такой заказ «кредит-заем», который с «таким трудом» удалось получить в Англии, было нецѣлесообразно. «И не чувствуете ли вы на разстояніи из Могилева, — спрашивал Гучков, — то же, что мы здѣсь испытываем при ежедневном и ежечасном сопркосновеніи... со всей правительственной властью. Въдъ в тылу идет полный развал, въдъ власть гнет на корню. Въдъ, как ни хорошо теперь на фронтѣ, но гниющій тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и ваш доблестный фронт и вашу талантливую стратегію, да и всю страну в невылазное болото, из котораго мы когда-то выкарабкались с смертельной опасностью... А если вы подумаете, что вся эта власть возглавляется г. Штюрмером, у котораго (и в арміи и в народѣ) прочная репутация, если не готового уже предателя, то готового предать — это в руках этого человѣка ход дипломатических сношеній в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, а слѣдовательно и вся наша будущность — то вы поймете... какая смертельная тревога за судьбу нашей родины охватила и общественную мысль и народныя настроенія. Мы в тылу безсильны или почти безсильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроеніи народных масс... могут послужить первой искрой пожара, размѣры котораго никто не может ни предвидѣть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет послѣ войны — надвигается поток, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встрѣтить этот катаклизм тѣми мѣрами, которыми ограждают себя от хорошаго проливного дождя: надѣвают галоши и раскрывают зонтик. Можете ли вы что-нибудь сдѣлать? Не знаю. Но будьте увѣрены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатію) грозит пресѣчь лнній вашей хорошей стратегіи в настоящем и окончательно исказить ея плоды в будущем... Может быть, никогда еще я не был столь убѣжден в полной основательности охватившей нас общественной тревоги, как в настоящей грозный час».

“это настоящая низость и в 10.000.000 раз хуже, чѣм все то, что написал Пален своей женѣ”... Вопрос о продовольствіи, который так угнетал Царя, ей представляется преходящим: “это еще не так ужасно, как все прочее, выход мы найдем, но вот эти скоты Родзянко, Гучков, Поливанов и К° являются душой чего то гораздо большего, чѣм можно предполагать (это я чувствую) — у них цѣль вырвать власть из рук министров”.

Не отдавая, быть может, вполне реально себя отчета, как многие нервные люди, А. Ф. дѣйствительно предчувствовала нѣчто “гораздо большее” — монархія была в преддверіи “дворцовых заговоров”, о которых говорили, пожалуй, даже слишком открыто, не исключая аристократических и великокняжеских салонов. Слухи о разговорах, что необходимо обезвредить и укротить “Валиде” (так именовалась Царица в семейной перепискѣ Юсуповых), не могли не доходить до А. Ф. В одной из версій такого “дворцоваго переворота”, имѣвшей сравнительно скромную цѣль изолировать Царя от вреднаго вліянія жены и добиться образованія правительства, пользующагося общественным довѣріем, так или иначе оказалась замѣшанным и ген. Алексѣев... Этот план, связанный с инициативой не Гучкова, а с именем кн. Львова — в перепискѣ его имя упоминается только в декабрѣ — изложен нами в книгѣ “На путях к дворцовому перевороту” в соответствии с тѣми конкретными данными, которыми мы пока располагаем. Отрицать участіе в нем Алексѣева едва ли возможно, как это упорно дѣлает ген. Деникин.

Таким образом как будто бы совершенно ясно, что “поход” (очень все же относительный) против Алексѣева вытекал из соображеній, совершенно не связанных со стратегіей. Гораздо большее вліяніе в смыслѣ недовольства Алексѣевской стратегіей могло оказывать усиленное давленіе, которое шло отчасти из русских военных кругов и со стороны союзной дипломатіи, продолжавшей придавать румынскому вопросу первостепенное значеніе и видѣвшей в противоположной позиціи лишь “нѣмецкую интригу”. По дневнику Палеолога можно представить себя довольно отчетливо это дипломатическое давленіе (прямое через министерство ин. д. и косвенное, закулисное через великокняжескіе салоны), завершившееся личным письмом французскаго президента Императору, 29 сентября Пуанкаре, пытаясь воздѣйствовать на слабое мѣсто Царя, намекает в нем на исконные интересы Россіи, которые будут нарушены, если нѣмцам через Румынію будет открыт путь в Константинополь*). Цѣлью было заставить имп. Николая II взглянуть на дѣло иначе, чѣм расцѣпывал его Алексѣев, который в

*) Раньше (5 сент.) о том же из Парижа телеграфировал в министерство Извольскій, передавая слова Бриана: «в достаточной ли степени отдают себя у вас отчет в первостепенной важности, придаваемой Германіей своим восточным планам... Неудача на балканском фронтѣ нанесет Германіи смертельный удар и сразу откроет Россіи путь в Константинополь. Я увѣрен, что ради достижения этой цѣли генерал Алексѣев найдет возможным спѣшно послать в Добруджу необходимые силы». По словам Палеолога, одна из задач миссіи Тома и Вивіани, прибывших в Россію, заключалась в намѣреніи повліять на верховное командованіе в этом смыслѣ.

представлении Палеолога не мог возвыситься до общей оцѣнки (*vision intégrale et synthétique*) всѣх театров военных дѣйствій. Пожалуй, надо сказать как раз противоположное.

Поскольку рѣчь шла о выступленіи Румыніи, то не нѣмецкая интрига дѣйствовала закулисно из царскаго дворца. «Совѣты», которые подавала А. Ф. от имени Распутина, фактически почти совпадали с директивами именно союзнической дипломатіи, склонной задержать основное наступленіе Брусилова и двинуть всѣ силы в «южном направленіи». А. Ф. была довольна вступленіем в войну Румыніи и писала 6 сентября: «Наш Друг хотѣл бы, чтобы мы взяли румынскія войска под свое начало, чтобы быть болѣе увѣренными в них». Как раз этого хотѣл избѣгнуть Алексѣев. Если предположить, что царским провидцем в данном случаѣ руководила тайная рука нѣмцев, то придется признать, что на поводу нѣмецкой агентуры одинаково шла и вся междусоюзническая дипломатія. Алексѣев скептически относился к извѣстію, что Германія готовится нанести удар против Румыніи, рѣшив перебросить с западнаго фронта войска. В бесѣдѣ с Базилем 5 сентября нач. штаба высказал предположеніе, что нѣмцы, может быть, нарочно распускают ложные слухи о своих намѣреніях*). По мнѣнію Алексѣева, если бы нѣмцам тѣм или иным путем удалось освободить значительныя силы, они прежде всего направили бы их против Брусилова, чтобы возстановить на фронтѣ равновѣсіе. Поэтому нач. штаба не ждал преждевременно измѣнять распределеніе сил, полагая, что дальнѣйшій ход кампаніи выяснится в октябрѣ. Сосредоточеніе главных сил на фронтѣ Брусилова, — полагал Алексѣев, — является в то же время наиболѣе дѣйствительным средством парировать удар противника в южном направленіи. (письмо Базилю 16 сент.). Алексѣев, отстаивавшій свое право оцѣнки относительной важности различных татров войны. «горько» жаловался на постоянное вмѣшательство союзной дипломатіи в вопросы командованія и на «непрощенные совѣты», которые ему щедро давались в связи с военными операціями.

Царь смотрѣлъ глазами Алексѣева, — утверждал Палеолог. В общем это соответствовало дѣйствительности. Николай II опредѣленно заявил Колчаку, что он не сочувствует выступленію Румыніи, но приходится уступать давленію со стороны союзнаго командованія. Ник. Алек. писал женѣ 28 сент. послѣ пріема румынскаго посланника Діаманди: «Они переживают в Бухарестѣ страшную панику, вызванную боязнью перед наступающей огромной германской арміей (воображаемой) и всеобщей неувѣренностью в своих войсках, которыя бѣгут, как только германская артиллерія открывает огонь**), Алек-

*) Эти слухи нашли себѣ отраженіе в телеграммах русскаго резидента в Швейцаріи Бибикова в мин. ин. д. о полученных свѣдѣніях по поводу рѣшенія нѣмцев напасть на Румынію для того, чтобы показать, что Россія потеряла балканскій путь к Константинополю. Впослѣдствіи нѣмецкіе изслѣдователи перипетій войны подтвердили правдивость прогноза Алексѣева.

**) Через нѣсколько дней Царь принимал сербскую делегацию, привезшую кресты: «Какая разниця! Эти люди, потерявшие родину, полны вѣры и покорности, а румыны, которых лишь немного потрепали, совершенно потеряли голову и вѣру в себя!» «Да, Алексѣев говорил мнѣ то же самое о румынах», — вторила ему Царица. «Чорт бы их побрал, отчего они такіе

ебев это предвидѣл и нѣсколько раз говорил мнѣ, что для нас было бы выгодно, если бы румыны сохранили нейтралитет. Теперь во всяком случаѣ мы должны им помочь и поэтому наш длинный фронт еще удлинился... Мы стягиваем туда всѣ корпуса, какіе только возможно”...

Приведенныя детали нужны были для того, чтобы показать, что “воинствующая” партія в “походѣ” на стратегію Алексѣева могла играть гораздо большую роль, нежели скорѣе воображаемые в данном случаѣ “насифисты”. Быть может, причина этого, поскольку рѣчь идет не о союзной дипломатіи, отчасти крылась в личных свойствах ген. Алексѣева. Он сам в своем дневникѣ написал (13 июля 17 г.): “Вести войну и принимать отвѣтственныя рѣшенія может только один человек. Дурно ли, хорошо ли, но это будет рѣшеніе ясное, опредѣленное, в зависимости от характера рѣшающаго. Я всегда избѣгал обсуждения приказов вмѣстѣ с другими*). У каждого свое желаніе, свое рѣшеніе, свои доказательства. Мысль отвѣтственнаго начальника от такого совѣщанія затуманивается, воля колеблется, рѣшеніе в большинствѣ случаев принимается какое-то среднее. Нареканія, однако, заставили меня в февралѣ 16 г. доложить Государю о созывѣ совѣщанія. Он, видимо, принял эту мысль с удовольствіем, потому ли, что признавал вмѣстѣ с Поливановым пользу совѣщанія, потому ли, что хотѣл провести его лично и показать, что он вершитель и важнѣйших военных вопросов”. Отсюда вытекает черта, которую Деникин в нѣсколько преувеличенной формѣ изобразил в таких словах: “когда говорят о русской стратегіи... с августа 15 г., надлежит помнить, что это стратегія — исключительно личная М. В. Алексѣева. Он один несет историческую отвѣтственность за ея направленіе, успѣхи и неудачи”. Отмѣченная черта, свойственная начальнику штаба, вызывала обиды, недоброжелательство, критику. Трудно было отрицать знанія и добросовѣстность работы Алексѣева, и критика, как мы видѣли из записей Ан. Вл., переносилась в область недостатка творчества и отсутствия воли (?) — это у человека, которому ежечасно приходилось, по наблюденіям Базилі в Ставкѣ, преодолевать величайшія трудности в вопросах, составлявших непосредственный предмет его забот. Критика не могла не доходить по ушей верховнаго вождя арміи**). Нѣтъ ничего поэтому невѣроятнаго, что под вліяніем двойнаго напора “Верховный” стал нѣсколько расходиться со взглядами своего начальника штаба: не даром в одном из сентябрьских писем к женѣ он вспоминал о необходимости “приготовиться к конечной экспедиціи в Константино-

труссы! А теперь, разумѣется, наш фронт опять удлинится — прямо отчаяніе, право».

*) От своих сотрудников по штабу он требовал «точной исполнительности его распоряженій». Представленіе ген.-квартирмейстерской частью каких-либо «своих» планов, — говорил Алексѣев в Волковскѣ 12 августа Поливанову, характеризуюя свой взгляд — обязывает лишь «к чтенію ненужнаго матеріала».

**) Подкоп под Алексѣева начался с первых же дней. Одним из проявленій его служит слѣдующая запись в дневникѣ Ан. Вл. 11-го сентября: «Кирилл писал на днях из Ставки Доску (т. е. женѣ), что Алексѣев дѣйствует все хуже и хуже. Его приказы один глупѣе другого. Ники начинает это видѣть, но неизвѣстно, как он поступит».

поль, как предполагалось прошлой весной". Мы знаем, что Алексѣев рѣшительно скидывал "византійскую мечту" со счетов текущей стратегіи.

Когда Алексѣев серьезно заболѣл в началѣ ноября и вынужден был взять отпуск, представитель мин. ин. д. в Ставкѣ написал своему шефу (тов. мин. Ператову) 27 ноября: "Я все болѣе прихожу к убѣжденію, что ген. Алексѣев сюда не возвратится и притом не по причинѣ нездоровья". Среди возможных разнообразных причин такого вынужденнаго ухода, как будто, нѣтъ мѣста досужему предположенію, что распутинская клика через А. Ф. достигла цѣли устраненія одного из препятствій к заключенію сепаратнаго мира*). А. Ф. первоначально на болѣзнь Алексѣева посмотрѣла лишь, как на временное освобожденіе поста начальника штаба. 5 ноября она писала**): "Алексѣеву слѣдовало бы дать 2-мѣсячный отпуск, найди себѣ кого-нибудь в помощники, напримѣр, Головина, котораго всё чрезвычайно хвалят — только не из командующих арміями — оставь их на мѣстах, гдѣ они нужнѣе... быть может, свѣжій человекъ с новыми мыслями оказался бы весьма кстати. Человекъ, который так страшно настроен против нашего Друга, как несчастный Алек., не может работать успешно. Говорят, что у него нервы совершенно развинчены. Это понятно: сказалось постоянное напряженіе "бумажнаго" человекъ; у него, увы, мало души и отзывчивости". И только через мѣсяц, написавшись в соответствующей атмосферѣ окруженія, А. Ф. высказалась уже болѣе опредѣленно: Алексѣеву "Бог послал болѣзнь — очевидно, с цѣлью спасти тебя от человекъ, который сбился с пути и приносит вред тѣм, что слушался дурных писем и людей, вмѣсто того, чтобы слѣдовать твоим указаніям относительно войны — а также и за его упрямство. Его тоже возстановили против меня — сказанное им старому Иванову служит тому доказательством".

Временным замѣстителем уѣхавшаго на отдых в Крым Алексѣева был избран Царем не Головин, котораго рекомендовала А. Ф., а новый ком. Особой Арміей Гурко***). На него указал сам Алексѣев, "усиленно" его рекомендуя. "Я тоже думал о нем, — писал Царь 7 ноября, — и поэтому согласился на этот выбор. Я недавно видѣл Гурко, всё хорошаго мнѣнія о нем, и в это время года он свободно может

*) Мнѣ думается, что и запись в дневникѣ Лемке о крайнем пессимизмѣ фактическаго верховнаго главнокомандующаго мало соответствует действительности. Лемке передает свою случайную бесѣду в мартѣ 16 г. с Алексѣевым, в которой тот высказывался почти безнадежно о будущем, которое «страшно». Он ждал неизбежнаго «пораженія» и «разложенія Россіи», характеризуя армію словами «звѣрь в клеткѣ», который все сломает при демобилизации. Подобная точка зрѣнія совершенно не соответствовала всей послѣдующей позиціи Алексѣева. Я отмѣчаю эту бесѣду только потому, что в военной литературѣ (ген. Головин) есть склонность придавать сообщенію Лемке характер достоверности.

***) Царь сообщил ей 3 ноября: «Ген. Алексѣев нездоров, лежит, у него сильный жар».

****) Кандидатом, повидимому был и Ружскій вызванный в эти дни в Ставку и ославленный заранѣе Бонч-Бруевичем.

уѣхать из своей армии на нѣсколько мѣсяцев". А. Ф. не возражала против этого назначенія: "Я надѣюсь, что Гурко окажется подходящим человеком — лично не могу судить о нем, так как не помню, чтобы когда-либо говорила с ним — ум у него есть, только дай ему Бог души" (8 ноября). "Не забудь, — добавляет А. Ф. через мѣсяц (4 дек.), — воспрепятствуй Гурко болтать и вмѣшиваться в политику — это погубило Никол. и Алексѣева**).

Сторонники концепции с "сепаратном мирѣ" спѣшат сдѣлать весьма придуманное заключеніе: "Ген. Гурко не разговаривал и был мало подготовлен для своей роли — цѣль Распутина и А. Ф. была достигнута". Гурко далеко не был безцвѣтной фигурой, при которой "пацифистам" легче было достигнуть своих цѣлей. Палеолог, который "охотно" готов был примириться с отставкой Алексѣева, охарактеризовал его преемника, как человека "активнаго, блестящаго и открытаго", но, как говорят, "поверхностнаго" и не имѣющаго должнаго авторитета. Француз проф. Лэгра, наблюдавшій Гурко в дни революціи на Западном фронтѣ, называет его "подлинным вождем". Такую же приблизительно характеристику дает и ген. Жанен. Первое впечатлѣніе Базилі в Ставкѣ (письмо 27 ноября) было таково: "по сравненію с ген. Алексѣевым замѣститель его не может быть признан столь же вдумчивым**), но в противность его он, повидимому, в высокой степени волевой тип"***).

Басня, сочиненная по поводу временнаго отъѣзда Алексѣева, совершенно опровергается тѣм рѣшительным приказом по армии, который был отдан верховным командованіем 12 декабря в отвѣтъ на предложеніе центральных держав о мирѣ, переданное через Америку, и который был написан Гурко, как сообщал Царь женѣ (об этом приказѣ сказано будет ниже). Распутин, а слѣдовательно и А. Ф., цѣликом его одобрили: "Как хорош твой приказ — только что прочитала его с глубочайшим волненіем", — писала А. Ф. 15 декабря и 16-го: "твой приказ произвел на всѣх прекрасное впечатлѣніе — он явился в такой подходящій момент и так ясно показал твой взгляд на продолженіе войны".

*) Гурко был извѣстен, как один из участников того «кружка» который был организован Гучковым в связи с работой думской Комиссіи государственной обороны в період, слѣдовавшій за японской войной. В показаніях Протопопова имѣется указаніе, что Гурко поддерживал сношенія с Гучковым в 16 г. «За Гучковым департ. полиціи, — свидѣтельствовал Протопопов, — слѣдил и посѣщавшим его лицам велся список. Донесеніе о посѣщеніи ген. Гурко, полученное через агентуру деп., было мною представлено Царю». Протопопов свидѣтель не очень достовѣрный: в том же показаніи он говорит, что имѣл с Царем бесѣду по поводу «писем Алексѣева к Гучкову и его отвѣтов». Выходит, что инициатива принадлежала как бы Алексѣеву: в то время, как писал один Гучков.

**) Замѣститель Базилі в Ставкѣ Бэр, в письмѣ к Нератору 6 ноября, так охарактеризовал выходящаго из строя Алексѣева: «Сам по себѣ отъѣзд его в такое время весьма печальный факт... Исключительная трудоспособность ген. Алексѣева, точность и содержательность его рѣшеній, определенность взглядов, глубокое знаніе вопросов при чрезвычайном их разнообразіи — всѣ эти качества выдѣляли его, как рѣдкаго начальника и руководителя в той сложной и громадной работѣ, во главѣ которой он был поставлен».

***) Вел. кн. Алек. Мих. отличительной чертой Гурко считал «нетерпимость к чужим мнѣніям» (письмо Царю 13 ноября).

При Гурко окончательно стабилизировался новый румынский фронт — по существу это не означало крушения непредусмотрительной стратегии Алексеьева: мы видели, что Алексеев предвидел такую возможность, но не считал нужным преждевременно форсировать дело. В записке, переданной 8 декабря представителю союзнического командования в Ставке ген. Жанену от имени русского верховного командования отмечалось, что вступление Румынии в войну произошло в условиях, которых нельзя «считать особо благоприятными с точки зрения общего плана войны» (т. е. проводилась мысль Алексеьева) и что ответственность за военные события в Румынии ложится на последнюю: румыны, отвергнув русские предложения, настаивали на том, чтобы «взять на себя, как распределение сил, так и план действия». Они потребовали «перехода в наступление... через Карпаты», «внезапный крах румынской армии» делал рискованной «посылку отдельных частей русских войск в малонадежную среду, под командование, действия которого не могли внушать доверия». «Все возможное будет сделано для того, чтобы добиться... всего, что может улучшить положение в Румынии», — заканчивала записка верховного командования.

В отсутствие Алексеьева, возможно, стратегическим предположениям союзников были сделаны большие уступки, чем то хотел и допустить бы Алексеев, но это лишь еще раз подчеркивает мысль, что отъезд Алексеева вовсе не означал начала эры уступок прогерманским настроениям. 17 декабря в Ставке состоялся военный совет, на котором присутствовали Рузский, Эверт и Брусилов со своими начальниками штабов. «В соответствии с постановлением военной конференции в Шантильи*», — сообщил Базили Нератову 23 декабря, — задачей нашей в ближайшую кампанию признано наступление в направлении Болгарии. Для этой цели, несмотря на возражения главнокомандующих северным, западным и юго-западным фронтами, под влиянием определенно выраженной воли Государя Императора и решительно высказанного мнения ген. Гурко, решено снять с указанных фронтов еще 20 дивизий, которые будут отправлены на румынский фронт**).

Таким образом получилось нечто иное, чем предусматривала «исполнительная» подготовка сепаратного мира. Только в воспоминаниях Брусилова — в том, как он описывает военный совет — можно найти при желании очень косвенное подтверждение тезиса Семенникова. Вот это описание: «Царь был еще больше разъярен, чем на предыдущем военном совете и безпрерывно звал, ни в какие прения не вступивая, а исполняющий должность нач. штаба верх. главы, Гурко, не смотря на присущий ему апломб, с трудом руководил заседанием, так как не имел достаточного авторитета... Относительно военных действий на 17 год решительно ничего определенного решено не было... На следующий день... заседание продолжалось, но с таким же малым толком, чем больше, что нам было сообщено, что Царь, не дожидаясь окончания военного совета, уезжает в Царское Село, и видно было, что ему не до нас и не до наших прений. Во время нашего заседания

*) Этот план в телеграмме Извольского изображался, как совместное выступление на Балканах — русско-румынских войск на север и других союзных войск на юг для того, чтобы вывести Болгарию из строя.

**) Раньше уже в Румынию была переведена армия ген. Рагозы в состав трех корпусов.

было получено известіе об убійствѣ Распутіна и потому отъѣзд Царя был ускорен, и он экстренно уѣхал, быстро с нами простившись. Понятно, мы — главнокомандующіе... стовориться ни о чем не могли, так как различно понимали положеніе дѣл... Не знаю, как другіе главнокомандующіе, но я уѣхал очень разстроенный, ясно видя, что государственная машина окончательно шатается, и что наш государственный корабль носится по бурным волнам житейскаго моря без руля и командира. Не трудно было предвидѣть, что при таких условіях несчастный корабль легко может наскочить на подводные камни”.

Как ни тенденціозно изложеніе Брусилова, одно в нем выступает с опредѣленностью: отсутствіе Алексѣева все же означало разстройство центрального командованія. Насколько это ощущалось отчетливо в Ставкѣ, видно из письма того же Василия, который через десять дней послѣ своего пессимистическаго и преждевременнаго заключенія о том, что Алексѣев не вернется на свой пост, сообщал в министерство: “Насколько я могу судить, возвращеніе в Ставку ген. Алексѣева становится вновь болѣе вѣроятным: здоровье его поправляется. По его просьбѣ, ему ежедневно посылаются по прямому проводу, соединяющему Ставку с Севастополем, всѣ главныя данныя об операціях. С другой стороны, положеніе ген. Гурко, повидимому, не укрѣпляется. Все болѣе распространяется мнѣніе, что замѣститель ген. Гурко не может сравниться с ним в отношеніи обдуманности рѣшеній. Ни ген. Гурко, ни ген. Лукомскій, новый генерал-квартирмейстер, не обладают тѣми громадными знаніями и опытом в области техники движенія войск, благодаря которым ген. Алексѣев был незамѣнимым “начальником штаба”. С другой стороны, до меня продолжают доходить слухи, будто независимыя манеры ген. Гурко производят на верхах непріятное впечатлѣніе*). Впрочем, вы знаете, как трудно в этой области что-либо предсказывать и, быть может, нас здѣсь ожидают еще сюрпризы”...

По выздоровленіи Алексѣев, дѣйствительно, вернулся на свой пост. А. Ф. 22 февраля писала мужу: “Надѣюсь, что никаких треній или затрудненій у тебя с Алексѣевым не будет, и что ты очень скоро сможешь вернуться... как раз теперь ты гораздо нужнѣе здѣсь, чѣм там... Твоя жена — твой оплот — неизмѣнно на стражѣ в тылу. Правда, сна не много может сдѣлать, но всѣ хорошіе люди знают, что она всегда твоя стойкая опора”...

**) Предшественник Василия кн. Кудашев в свое время отмѣчал, что Царя, может быть, привлекает к Алексѣеву его обращеніе — «очень ие по придворному». Алексѣев предупредил Поливанова, прибывшаго в Волковыск 12 августа с извѣщеніем о назначеніи Алексѣева начальником штаба новаго верховнаго главнокомандующаго, что он «придворным быть не смѣет».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

В ПРЕЛЛВЕРІИ «НОВОЙ ОРИЕНТАЦІИ»

I. — АВГУСТОВСКІЙ КРИЗИС

Наше изложене перешагнуло в 17-й год. Надо вернуться к исходному пункту — к тому моменту, когда назначеніем Штюрмера премьером в январѣ 16 г. царская власть опредѣленно встала, по мнѣнію послѣдователей вопроса о подготовкѣ сепаратнаго мира, на “пацифистскія” рельсы.

Трудно признать, что назначеніе Штюрмера председателем Совѣта министров явилось сознательной попыткой поставить внутреннюю политику государства в соотвѣтствіе с линіями новой намѣченной высшей ориентаціи. Интимная переписка носителей верховной власти не только не заключает в себѣ подобных намеков, но и прямо опровергает их. Мотивы, выдвигавшіе кандидатуру Штюрмера, “ближайшаго и любимаго сотрудника” знаменитаго Плеве (по отзыву Белецкаго), в сознаніи верховной власти представлялись совсѣм иными.

Картина будетъ ясна, если мы вновь обратимся к тому правительственному кризису в августѣ, который в сущности обострился не в момент подачи всеподданнѣйшаго коллективнаго письма, а в часы, когда Совѣт министров должен был приступить к выясненію будущей правительственной программы. Для того, чтобы объективно оцѣнить то, что происходило в правительственной средѣ, надо внести значительные коррективы в имѣющіяся воспоминанія дѣйствовавших лиц и в показанія их в Чр. Сл. Комиссіи Временнаго Правительства. Впослѣдствіи многие из них склонны были чрезвычайно обобщить августовскіе инциденты и представить так, что обновленный в іюнѣ Совѣт министров систематически боролся с реакціонной политикой своего председателя. “Это было сплошное разномысліе в теченіе трех мѣсяцев”, — показывал Щербатов, назначенный министром вн. дѣл 5 іюня и отставленный 26 сентября. “Создалась невозможная атмосфера оппозиціи всего Совѣта против своего председателя, так что работа совершенно не клеилась. Об этом докладывали Государю всѣ мы по одиночкѣ. Я лично нѣсколько раз говорил, что... работать с председателем Совѣта никакіе министры не в состояніи, независимо даже от взглядов — просто неработоспособный уже человек”. Почти так же характеризует положеніе Сазонов в воспоминаніях: Горемыкин “давно уже понимал, что он является в наших глазах главной помѣхой для вступленія правительства на новый путь, котораго требовали интересы Россіи и настоятельность котораго предстала с особенной силой передъ всѣми в момент міревого кризиса 1914 г. В отвѣтъ на наши

настоянія Горемыкин говорил нам: попросите Государя уволить меня... но категорически отказывался передать ему наше заявленіе о необходимости смѣны правительства". В противоположность этим свидѣтелям только Поливанов показывал, что в серединѣ или в концѣ августа "начали обостряться отношенія" между Горемыкиным и министрами, "стоявшими за общественность". В началѣ еще "невидимо" — лишь "чувствовалось, что предсѣдатель Совѣта эволюціонирует в сторону от общественности" — в августѣ "в нем замѣчалось начало реакціонное". Для Поливанова эта перемѣна курса была даже неожиданной ("неожиданный для нас поворот").

Если прослѣдить записи Яхонтова — единственнаго источника нашего освѣдомленія о том, что происходило за официальными кулисами правительственной политики — то придется сдѣлать вывод, что разногласія в Совѣтѣ министров вовсе не носили принципиальнаго характера. Позиція была при всѣх различіях в отбѣнках довольно однородна и в общем достаточно отрицательная к претензіям, которыя шли со стороны так называемой "общественности". Достаточно указать, что министр вн. д., сам относящій себя к "категоріи общественных дѣятелей", считал существованіе земскаго и городского союзов в том видѣ, как их создала жизнь, т. е. без точнаго "опредѣленія границ их дѣятельности", "внѣ конструкціи, предусмотрѣнной законом", "колоссальной правительственной ошибкой": "из благотворительных начинаній, — говорил Щербатов в засѣданіи Совѣта, — они превратились в огромныя учрежденія с самыми разнообразными функціями, во многих случаях чисто государственнаго характера, и замѣняют собой правительственныя учрежденія. Все это дѣлается захватным путем при покровительствѣ военных властей, которыя... ими пользуются и дают огромныя средства... В дѣйствительности они являются сосредоточіем — помимо уклоняющихся от фронта — оппозиціонных элементов и разных господ с политическим прошлым*"). Вѣдь это и была односторонняя точка зрѣнія того реакціоннаго министра вн. д. Маклакова, который принужден был в іюнь 15 г. оставить свой пост под напором общественности. Работа общественных организацій на оборону страны разсматривалась только с точки зрѣнія политических цѣлей их руководителей, формулированных в одной из записок департамента полиціи в видѣ тайнаго плана партіи к. д. "совершить мирную революцію за спиной правительства" — стоя на легальной почвѣ сдѣлать "существующую власть ненужной, путем постепеннаго захвата правительственных функцій**").

*) В показаніях Щербатов заявлял, что его взгляд был «значительно иным». В своей «земской» дѣятельности он «не вполне одобрял» союз, но не по «политическим» соображеніям. Он находил, что дѣло приняло слишком «государственный характер и вышло из рамок земства». Земство брало на себя такія обязанности, которыя оно фактически исполнить не могло. «Во всяком случаѣ» его взгляд на дѣятельность союзов был «положительным».

***) Родзянко с негодованіем разсказывал в Чр. Сл. Ком., что министр Маклаков в мартѣ (15 г.) на его предствательство разрѣшить под его руководством съѣзд предсѣдателя земских управ и городских голов для объединенія общественной инициативы в дѣлѣ снабженія арміи обувью и одеждой, отвѣтил: «Знаем мы ваши съѣзды, вы просто хотите под видом сапог собрать съѣзд и предвѣявить разныя ваши требованія отвѣтственнаго

Так смотрѣлъ в обновленном правительствѣ не только Щербатов. В засѣданіи 4 августа присутствовал Гучков, приглашенный “по настоянію ген. Поливанова”, для участія в рассмотрѣніи проекта положенія о военно-промышленных комитетах. “Всѣ чувствовали себя как-то неловко, натянуто”, — записывает Яхонтов: “У Гучкова был такой вид, будто он попал в стан разбойников и находится под давленіем угрозы злых козней... На дѣлаемые по статьям проекта замѣчанія Гучков отвѣчал с не вызываемым существом возраженій рѣзкостью и требовал либо одобренія положенія о комитетах полностью, либо отказа в санкціи этого учрежденія, подчеркивая, что положеніе это выработано представителями общественных организацій, желающих безкорыстно послужить дѣлу снабженія арміи. В концѣ концов обсужденіе было скомкано, и всѣ как бы спѣшили отдѣлаться от не особенно пріятнаго свиданія”. Через нѣсколько дней, в засѣданіи 9 августа, в Совѣтѣ было оглашено письмо Гучкова на имя предсѣдателя с резолюціей Цент. Воен. Пром. Комитета относительно “современнаго положенія, созданнаго войной, и необходимости измѣненія политическаго курса”... “Письмо и по существу и по тону столь неприлично”, — заявил Горемыкин, — что он отвѣчать г-ну Гучкову не намѣрен. *Кривошеин* находит, что “само по себѣ разумѣется, что входит с Гучковым в переписку по вопросам, ничего общаго с предметом его вѣдѣній не имѣющим, правительству не *вмѣстно*. Но самый фактъ возможности подобнаго обращенія не лишен показательности для нашего времени и для той обстановки, которая складывается для дальнѣйшей правительственной работы”. *Сазонов*: “Как быть правительству, с которым г. г. Гучковы и общественныя организаціи позволяют себѣ разговаривать таким тоном. Повидимому, в их глазах правительство не имѣет никакого авторитета”. *Рухлов*: “Слѣдует обратить вниманіе на то, что Гучков превращает свой Комитет в какое-то второе правительство, дѣлает из него сосредоточіе общественных объединеній и привлекает рабочих. Революціонный орган образуется на глазах у государственной власти и даже не считает нужным скрывать своих вождѣлвій”... Разговор продолжается в том же “духѣ” сѣтованій на трудныя условія работы, на безсиліе борется за завѣдомо рискованными экспериментами (Щербатов, Харитонов). Резюмировать этот обмѣн сужденіями можно, по словам записывавшаго, словами Сазонова: “Правительство висит в воздухѣ, не имѣя опоры ни снизу, ни сверху”. “В частности, — продолжает Яхонтов свои записи, — бесѣда коснулась личности Гучкова, его авантюристической природы, непомѣрнаго честолюбія, способности на любыя средства для достиже-

министерства, а, может быть, даже революціи». «Вы с ума сошли», — воскликнул предсѣдатель Думы... «Тут не до переворотов, наши братья и сыновья гибнут». Посѣтив затѣм Горемыкина и сообщив ему сужденія министра вн. д. Родзянко заручился поддержкой предсѣдателя Совѣта министров и дал ему слово: «Я клянусь — революціи никакой не создавать». Искренность Родзянко виѣ сомнѣнія, но столь же естественно было организованной общественности на службѣ родины в тяжелую годину предъявлять свои политическія права. Насколько Маклаков с своей точки зрѣнія был прав, свидѣтельствует фактъ, рассказанный тѣм же Родзянко. Когда он собирался поѣхать в маѣ на промышленный сѣзд в Петербургъ, кн. Львов и Маклаков (депутат) усиленно уговаривали его этого не дѣлать, так как на сѣздѣ ожидалась «революціонная» резолюція.

нія цѣли, ненависти къ современному режиму и къ Государю Императору Николаю II". *Хвостов*: "Любопытно, что этого господина поддерживают кадеты и болѣе лѣвые круги. Его считают способным в случаѣ чего встать во главѣ батальона и отправиться в Царское Село". *Хвостов*, как и *Рухлов*, находит, что Военно-Пром. Комитет "может превратиться в опасное оружіе для политической игры... Этот Комитет... вѣроятный организационный центр для извѣстной части общественных сил, не входящих в Городскій и Земскій Союзы". По окончаніи именно этого засѣданія Горемыкин сказал уже процитированныя выше слова: "какая в Совѣтъ министров кислятина"...

В засѣданіи 16 августа министрам пришлось высказаться по поводу возникшаго в Гос. Думѣ проекта созданія постоянного органа из членов Особых Совѣщаній, т. е. выборных представителей от законодательных учреждений. Проект этот — "нелѣпный", по выраженію *Харитонов*, но характерный для переживаемаго "сумасшедшаго времени", — вызвал величайшее негодованіе, хотя он не пользовался поддержкой лѣвой оппозиціи, считавшей его "мертворожденным" и "осужденным к смерти" (*Астрѣв*). "Какой то не то Конвент, не то Комитет Общественнаго Спасенія", — восклицает *Кривошеин*. "Под покровом патриотической тревоги хотят провести какое-то второе правительство. Этот проект ничто иное, как *шалый* выпад против власти, желаніе создать лишній повод для ея дискредитированія, вопить о стѣсненіи самоотверженнаго общественнаго почина. Довольно такой игры, бѣлыми нитками шитой"... *Хвостов*: "Кривошеин безусловно прав, что надо дать острастку. Дѣйствительно проект подобной новеллы мог зародиться только в горячо воспаленных мозгах, если он не является грубым тактическим приѣмом для вынужденія правительства на завѣдомый отказ и для криков о его обскурантизмѣ". *Харитонов*: "...Подумать только, до какого абсурда можно довести людей, в обыденной жизни, кажется, разумных, но дѣйствующих под вліяніем партійных стремленій и узко-тактических соображеній. Слѣдовало бы всѣх этих господ посадить в Совѣтъ министров. Посмотрѣли бы они, на какой скорородеѣ эти самые министры ежечасно поджариваются. Вѣроятно, у многих быстро отпали бы мечты о соблазнительных портфелях". *Щербатов*: "Да, надо показать когти. Многіе не понимают разговора, если он не сопровождается многозначительным жестом"...*) Общее мнѣніе, — резюмирует *Яхонтов*, — что, если нельзя отнимать у общественных организацій ими захваченное, то "во всяком случаѣ" нельзя расширять их функции дальше. Совѣтъ министров поэтому рѣшительно возражал против попытки послать в Америку представителей союзов в правительственный комитет по заказам и постановил просить военнаго министра, в качествѣ председателя Особаго Совѣщанія, не утверждать подобное постановленіе.

Къ вопросу о "самоупражденіи правительства" в связи с ролью, которую стали играть "общественныя организаціи", Совѣтъ возвращался не раз. В момент, когда правительственный "кризис вскрылся", по выраженію лѣтонисца дѣяній Совѣта министров, т. е. 2 сентября, "Кривошеин и другіе" особенно негодовали на кн. Львова, возглавляв-

*) Что значит «показать когти» — впоследствии Щербатов образно разъяснил: «сначала ударить в морду, а потом дружеская бесѣда».

шаго Земскій Союз: “Сей князь фактически чуть ли не предѣтелем особаго правительства дѣлается, на фронтѣ только о нем и говорят, он спаситель положенія, он снабжает арміи, кормит голодных, лѣчит больных, устраивает мастерскія для солдат, словом — является каким то вездѣсущим Мюр и Мерилиз. Но кто его окружает, кто его сотрудники, кто его агенты — это никому неизвѣстно. Вся его работа внѣ контроля, хотя ему сыплются сотни миллионов казенных денег. Безотвѣтственные распорядители отвѣтственными дѣлами и казенными деньгами недопустимы”...

Родзянко в показаніях приводил такой свой діалог с Горемыкиным, считавшим, что “Дума мѣшает ему работать”. — “Вы... хотите управлять”. — “Да, понятно”, — отвѣчал Родзянко. — “Вы должны законодательствовать, а мы управлять”. — “Вы не умѣете управлять. Отсюда понятно наше стремленіе управлять”. — “Мы не дадим вам управлять” и т. д. Эта “затаенная обида”, как выразился Волконскій в показаніях, на Думу и общественность вовсе не была специфической чергой предѣателя Совѣта министров. О том свидѣлствуют всѣ записи Яхонтова. “Реакціонер” Горемыкин мало чѣм отличался по своим взглядам от министров, стоявших за “общественность”. Иллюстраціей может служить вопрос о печати, много раз обсуждавшійся в Совѣтѣ.

В воспоминаніях Поливанова утверждается, что инициатором репрессивных мѣр в отношеніи печатнаго слова выступил 16 августа предѣатель Совѣта, и что “никто его не поддержал”. Записи Яхонтова категорически опровергают такое заявленіе. Обуздать “беззащитную печать”, которая “будто с цѣпи сорвалась”, хотѣли всѣ. Затрудненія были лишь в многовластїи, приведившем к “безвластїю” (Барк), т. е. во взаимных отношеніях военных и гражданских властей. В правительственной столицѣ, которая естественно наиболѣе беспокоила Совѣт министров, распоряжалась военная власть руководившаяся своими законоположеніями — в них не предусмтрѣна была цензура политическая. В отвѣт на упреки, что мин. вн. д. недостаточно энергично дѣйствует в отношеніи печати, Щербатов, называя себя “безгласным зрителем”, заявлял: “но что же я могу подѣлать, когда в Петроградѣ я только гость, а все зависит от военной власти. Экссессы печати вызвали с нашей стороны обращеніе в Ставку о необходимости в интересах поддержанія внутренняго порядка указать военным цензорам о болѣе распространительном пониманіи их задач. В отвѣт на это послѣдовало из Ставки распоряженіе*)... о том, что военная цензура не должна вмѣшиваться в гражданскія дѣла. Это распоряженіе и послужило основаніем к тепершней разнузданности”. Министерство вн. дѣл бессильно перед усмотрѣніем Ставки, у вѣдомства нѣтъ средств помѣшать “выходу в свѣтъ всей той лжи и агитаціонных статей, которыми полны... газеты”. Как бы в отвѣт на эти lamentaціи Горемыкин 16-го специально поставил на обсужденіе вопрос о печати: “они, черт знает, что такое начали себѣ позволять”. “Дѣйствительно, наша печать переходит всѣ границы не только дозволеннаго, но и простѣх приличій... Онѣ (петр. газеты) заняли такую позицію,

*) Ген. Янушкевич, по словам Щербатова, усмотрѣл здѣсь покушеніе на прерогативы Ставки.

которая не только в Монархіи — в любой республиканской странѣ не была бы допущена, особенно в военное время. Сплошная брань, голословное осужденіе, возбужденіе общественнаго мнѣнія против власти, распусканіе сенсационныхъ извѣстій — все это день за днемъ дѣйствуетъ на психику 180 милл. населенія"... Должна же быть "управа" на "г. г. цензурирующихъ генералов" — заявляетъ *Кривошеинъ*. "Если генералы, обладающіе неограниченными полномочіями и охотно ими пользующіеся в другихъ случаяхъ, не желаютъ помочь мин. вн. д. справиться с разбойничествомъ печати, то смѣстить ихъ къ чорту и замѣнить другими, болѣе податливыми", — предлагаетъ *Харитоновъ*. Государственный контролеръ рекомендуетъ "закрыть двѣ или три газеты, чтобы одумались и почувствовали на собственномъ карманѣ" и "прихлопнуть надо газеты разныхъ направленій, слѣва и справа "Земщина" и "Русское Знамя" вредятъ не меньше разныхъ "Дней", "Раннихъ Утр" и г. п. органовъ". "Новое и Вечернее Время", — вставляетъ *Сазоновъ*, — "тоже хороши. Я ихъ считаю не менѣ вредными, чѣмъ разные листки, рассчитанные на сенсацию и тиражъ". "Обѣ эти газеты, — поясняетъ *Харитоновъ*, — находятся под особымъ покровительствомъ и у военной цензуры на нихъ рука не поднимается. С начала войны и до сихъ поръ Суворины неустанно кадятъ Ставокѣ, и оттуда были даны указанія ихъ ни в коемъ случаѣ не трогать"...

На слѣдующій день в засѣданіе былъ вызванъ начальникъ петербургскаго военнаго округа ген. Фроловъ для обсужденія "дурецкихъ циркуляровъ" изъ Ставки (выраженіе Горемыкина) и средствъ воздѣйствія на печать. Генералъ заявилъ, что онъ получилъ непосредственное указаніе отъ Царя на необходимость "хорошенько образумить" печать, ибо "нельзя спокойно драться на позиціяхъ, когда каждый день это спокойствіе отравляется невѣроятными слухами о положеніи внутри". "Значит, я такъ понимаю, что я палка, которая должна бить покрѣпче. Дѣло мнѣ новое — только вчера оно передано мнѣ в руки. Соберу редакторовъ, поговорю с ними по душамъ... Если же они не пойдутъ на встрѣчу уговорамъ, то прибѣгну къ надлежащимъ жестамъ вплоть до принудительнаго путешествія непокорныхъ в далекія отъ столицы страны" *).

*) В томъ же засѣданіи вновь выплыло имя Суворина. Щербатовъ обратилъ вниманіе на статью в «Вечернемъ Времени» по поводу посланія Синода, призывавшаго православный народъ къ посту и молитвѣ по случаю постигшихъ родину бѣдствій). (Совѣтъ отнесся весьма сочувственно къ этимъ днямъ траура 26-29 авг., — излишества кафешантаннаго развлечения, «пьяное времяпровожденіе» являются противорѣчіемъ призыву: «все для войны»). «Бориса Суворина мало бить за подобную выходку», — замѣтилъ мин. вн. д. «Статья возмутительна», — со своей стороны признаетъ обер-прокуроръ Самаринъ — «и возбуждаетъ справедливое негодованіе, что авторъ ея еще не потерпѣлъ примѣрнаго наказанія». Горемыкин, Кривошеинъ и Поливановъ в одинъ голосъ заявляютъ, что газета достойна немедленнаго закрытія. «Этого сумасшедшаго полезно в горячечную рубашку посадить». «Почтенный Борисъ Суворинъ нѣсколько зарвался. Его избаловало положеніе безнаказаннаго фаворита Ставки. Теперь протекція его конецъ. Однако, начинать с Суворина, по мнѣнію Щербатова, неудобно: «в обществѣ ходитъ слухъ о недовольствѣ правительства его неспримиримостью къ вопросамъ о нѣмецкомъ засиліи. Несомнѣнно, что закрытіе его газеты поспѣшатъ объяснить именно этимъ недовольствомъ». «Самое простое, — говоритъ Горемыкинъ, — хорошенько взмылить ему голову», — пусть мин. вн. д. позоветъ его къ себѣ. «Если же онъ будетъ продолжать безобразничать, то тогда можно будетъ услышать его куда-нибудь подальше». Черезъ недѣлю на сцену опять выдвигается Борисъ Су-

Через недѣлю Фролов снова вызван был в Совѣтъ для внушенія о необходимости прекратить продолжавшіяся “безобразныя выходки” печати. “Наши газеты совсѣмъ взбѣсались”, — замѣтилъ предсѣдатель: “...это не свобода слова, а чортъ знаетъ что такое”. Военный министр поясняетъ, что военнымъ цензорамъ трудно разбираться в тонкостяхъ желательнаго или нежелательнаго при смѣняющихся теченіяхъ в государственной жизни, и они должны руководиться перечнемъ запрещеннаго. Военное вѣдомство должно быть внѣ политики. Сазоновъ настаиваетъ на широкомъ пониманіи цензуры, “какъ это дѣлается в Германіи”, не разгораживая ее по вѣдомствамъ. (Запись Яхонтова такимъ образомъ показываетъ, что инициатива этой мѣры не принадлежала Горемыкину, какъ указывалъ в своихъ показаніяхъ Поливановъ. Какъ разъ такое расширеніе толкованія правъ военной цензуры служило поводомъ обвиненія, которое предъявлялось в Чр. Сл. Ком. тов. мин. вн. д. Плеве). По мнѣнію Горемыкина затронуты слишкомъ существенныя интересы, чтобы останавливаться на формальностяхъ и толкованіяхъ закона. Предсѣдатель предупреждаетъ, что, если положеніе не измѣнится, генералъ можетъ нажить “большія непріятности”, равно какъ и мин. вн. д., такъ какъ Государь “крайне недоволенъ, что столько времени правительство не можетъ справиться с газетной агитаціей”. Щербатовъ в отвѣтъ жалуется, что при отмѣнѣ предварительной цензуры его вѣдомство “не можетъ помѣшать появленію нежелательныхъ извѣстій, наложеніе же штрафовъ и закрытіе вызываютъ запросы и скандалы в Гос. Думѣ”. “Вотъ Дума на дняхъ не будетъ вамъ больше мѣшать”, — замѣчаетъ Горемыкинъ. “Тогда можно будетъ справиться”... 28 августа “опять бесѣда о положеніи печати”, — записываетъ Яхонтовъ. Военная власть “ничего не хочетъ дѣлать. (“Ген. Фроловъ никого, даже Совѣтъ министровъ не желаетъ слушать”, по замѣчанію Щербатова). Настоянія правительства остаются безрезультатными”... “Страну революціонизируютъ на глазахъ у всѣхъ властей, и никто не хочетъ вмѣшиваться в это возмутительное явленіе... На картѣ — судьба Россіи, а мы топчемся на мѣстѣ”. “Наши союзники в ужасѣ от той разнузданности, которая царитъ в русской печати. В этой разнузданности они видятъ весьма тревожныя признаки для будущаго”, — сообщаетъ министр ин. д...

Приведенныя выдержки изъ записей о “дѣлахъ и дняхъ” Совѣта министровъ с достаточной очевидностью свидѣтельствуютъ о “точности” воспоминаній ген. Поливанова. Большихъ принципиальныхъ разногласій между предсѣдателемъ Совѣта и министрами мы не видимъ и в другихъ

воринъ по инициативѣ Сазонова. В дополненіе къ словамъ Горемыкина онъ указываетъ: «А вчерашнее сообщеніе о покушеніи та вел. кн. Н. Н. Поддѣйшій подвигъ подлога репортера... Все это злостная выдумка для возбужденія общественной тревоги». Фроловъ: «Выясню, какая газета напечатала это извѣстіе первая и оштрафую в наивысшемъ размѣрѣ». Сазоновъ: «Эту ложь пустилъ Борис Суворинъ в его дрянномъ «Вечернемъ Времени». Фроловъ: «Хлопну тогда Борису. Очевидно, онъ сболтнулъ спяща. Видѣть это его обычное состояніе»... Мы видимъ, что негодованіе А. Ф. на литературную дѣятельность бр. Суворинныхъ, находившихся под покровительствомъ Ставки («надо ихъ укротить», — писала она мужу 3 сентября: — до нея доходили слухи, что одинъ изъ Суворинныхъ называлъ великаго князя Николаемъ III) — соотвѣтствовало общему настроенію, которое вызывала в Совѣтѣ министровъ эта дѣятельность. С перемѣной верховнаго командованія исчезъ и иммунитетъ редактора «Вечерняго Времени».

вопросах. Далеко не всегда Горемыкин был вдохновителем “реакционных” предложений. Вот вопрос о русской валютѣ в Финляндіи, поставленный на очередь Щербатовым в засѣданіи 30 іюля. Министр отмѣчал “поразительную нецѣпость”: “в предѣлах одной Имперіи одна область спекулирует на спинѣ всей остальной страны... слѣдовало бы положить границу зарвавшимся финансам”. Государственный контролер поддерживает мин. вн. д.: “Блаженная страна. Вся Имперія изнемогает в военных тяготах, а финляндцы наслаждаются и богатѣют за наш счет. Даже от основной гражданской обязанности — защищать государство от непріятели — они освобождены. Давно бы слѣдовало притянуть их хотя бы к денежной, взаѣмн натуральной (если она нежелательна) повинности. А тут они еще смѣют с нашим рублем каверзничать”. Министр ин. д. просит “оставить финов в покоѣ. За этим вопросом очень ревностно слѣдят шведы и лучше пока заставить совершенно о нем забыть”. Предсѣдатель вполне соглашается с этой точкой зрѣнія: “Овчинка выдѣлки не стоит. Пользы от кучки чухонцев нам будет мало, а неприятностей не оберешься. Ну их всех к чорту... Посмотрим, что дальше будет. У нас и без того по горло всяких вопросов”...

Это “посмотрим, что дальше будет” (излюбленное выраженіе Горемыкина), выражало характерную черту, направлявшую политику стараго предсѣдателя Совѣта министров — дѣлать все “постепенно”. “Конец войны, — тогда посмотрим, что будет”... Горемыкин “твердо” стоял на позиціи, что во время войны невозможна законодательная работа принципиальнаго характера (показанія упр. дѣлами Ладжипенскаго). Кн. Волконскій, однако, ни разу не слышал от Горемыкина, что Думу надо уничтожить... Горемыкин вовсе не был сторонником крайних рѣшеній и легко склонялся к компромиссу, к той “золотой серединѣ”, против которой в концѣ концов возстали сами министры. Эту “золотую середину” предпочитал сам верховный носитель власти, и Горемыкин, как истинный “вѣрнопопданный”, исполнял велѣнія Монарха. Он говорил Шелькину, что по его мнѣнію революціонное движеніе разлетѣлось бы, “как пепел сигары”: “Я не раз хотѣл дунуть, но Государь не хотѣл итти со мной до конца”. Просматривая яхонтовскія записи, видишь, как часто в Совѣтѣ министров Горемыкин вводил примиряющую ноту. Вѣроятно, это и дало повод впоследствии Сазонову говорить о “циничном безразличіи посѣдѣвшаго на административных постах бюрократа” *).

Примѣром примиряющей позиціи Горемыкина может служить вопрос об отношеніи к союзникам, очень рѣзко вставшій в Совѣтѣ в связи с требованіем отправки золота в Америку для обезпеченія платежей по заказам. Харитонов: “Значит, с ножом к горлу прижимают нас добрые союзники”... Кривошеин: ...“Они восхищаются нашими

*) Это «безразличіе», очевидно, объясняется в большей степени той своеобразной бюрократической корректностью Горемыкина, не считавшаго себя вправе вмѣшиваться в вопросы внѣшней политики и военных дѣл, по установившейся традиціи, не подлежащих его компетенціи. Наумов в Чр. Сл. Ком. называл Горемыкина челоуѣком безличным в противоположность его преемнику Штюрмеру, который вел опредѣленную политику. Между тѣм в Чр. Сл. Комиссіи именно против Горемыкина сконцентрировано было обвиненіе в нарушеніи «основных законов».

подвигама для спасенія союзных фронтов цѣною наших собственных поражений, а в деньгах прижимают не хуже любого ростовщика. Милліоны жертв, которыя несет Россія, отвлекая на себя нѣмецкіе удары, которые могли бы оказаться фатальными для союзников, заслуживают с их стороны болѣе благожелательнаго отношенія в смыслѣ облегченія финансовых тягот"... *Шаховской*: "Насколько могу судить, мы, говоря просто, находимся под ультиматумом наших союзников". *Барк*: "Если хотите приѣхать это слово, то я отвѣчу — да"... *Кривошеин*: "Раз вопрос зашел так далеко, то приходится подчиниться, но я сказал бы — в послѣдній раз. Впредь надо твердо заявить союзникам: вы богаты золотом и бѣдны людьми, а мы бѣдны золотом и богаты людьми; если вы хотите пользоваться нашей силой, то дайте нам пользоваться вашей"... *Горемыкин*: "...лучше не затрагивать щекотливаго вопроса об отношеніи с союзниками. Практически это ни к чему не приведет. Надо окончательно выяснить, насколько вывоз золота неизбежен"... *Барк*: "Если Совѣтъ министров откажет в согласіи на вывоз золота, то я слагаю с себя отвѣтственность за платежи в сентябрѣ. Предвижу неизбежность катастрофы"...

1. — Правительство и Дума.

Думская болтовня.

Рѣзкія тактическія разногласія в Совѣтѣ министров начались с момента принятія на себя Царем верховнаго командованія, осложнившись, как мы видѣли, вопросом о перерывѣ занятій Государственной Думы. Сам по себѣ роспуск Думы на осенніе "каникулы" не возбуждал никаких сомнѣній. Правящая бюрократія в лицѣ Совѣта министров, въ зависимости от своих политических отбѣнков, не слишком расположена была к "г. г. народным представителям" — к "безотвѣтственным людям, прикрывающимся парламентскою неприкосновенностью", к той "таврической демагогіи", которая в "захватном порядкѣ стремится занять неподобающую роль посредника между населеніем и правительством" (заявленія Кривошеина, Щербатова, Харитонова). У них у всѣх ироническое отношеніе к предсѣдателю Думы, который, по выраженію Самарина, увлекается "им самим себѣ придуманной ролью главнаго представителя народных представителей". ("У него, несомнѣнно, манія величія", — добавляет Щербатов; "и притом в весьма опасной стадіи развитія", — вставляет Кривошеин). Засѣдающая Дума означает не прекращающійся "штурм" власти — "ненавистной бюрократіи" (Кривошеин). Наличіе Думы — препона для экстренных текущих законодательных мѣропріятій, которыя подчас требовались военными обстоятельствами, так как при нормальном порядкѣ законодательства не могла быть пріятлена спасительная ст. 87. "Военных" в Ставкѣ также раздражает "думская болтовня"*).

И тѣм не менѣе бытовыя условія жизни требовали претерпѣвать и "потрясающія рѣчи" и запросы. Старая Ставка придавала, например, большое значеніе призыву ратников 2-го разряда. Ген. Янушке-

*) Кр. Архив 27-51 ст. Кудашев.

вич развивал (в изложении Кудашева) такие мотивы в объяснение необходимости призвать немедленно сразу большое количество людей: “одна часть этих людей, призываемая в первую очередь, обречена будет вследствие своей необученности вѣрной гибели”, но даст время остальным подучиться. Так при одновременном призывѣ 1,5 миллиона сперва вольются в строй 300 т., которые и “лягут костями” в первый же мѣсяц; через мѣсяц появятся 300 тыс., слабо обученных, их замѣнят солдаты с двухмѣсячным образованием и т. д., так что материал солдатскій будет все время улучшаться. “Не берусь судить о достоинствах такой системы, но расточительность человеческих жизней представляется мнѣ очень жестокой”, — комментирует Кудашев в письмѣ Сазонову 3 августа: “против нея опытные офицеры возражают, что она фатально приведет к разстройству и ослабленію самих кадров”. Против одновременнаго призыва такого числа ратников 2-го разряда протестуют в Совѣтъ Кривошеин и Щербатов, так как он внесет разстройство в жизнь страны, особенно чувствительное в період сбора урожая. Кривошеин вообще недоует на систему “сплошных поборов”, которую он саркастически называл “реквизиціями населенія Россіи для пополненія бездѣльничавших в тылу гарнизонов”. “Обиліе разгуливающих земляков по городам, селам, желѣзным дорогам и вообще по всему лицу земли русской, поражает мой обывательскій взгляд. Невольно напрашивается вопрос, зачѣм изымать из населенія послѣднюю рабочую силу, когда стоит только прибрать к рукам и рассадить по окопам всю эту толпу гуляк, которые своим присутствіем еще больше деморализуют тыл”. Критикѣ приходилось замолкнуть, ибо этот вопрос, — проинизировал Кривошеин, — относился “к области запретных для Совѣта министров военных дѣл” *). Между тѣм рѣшить этот вопрос должна была Гос. Дума. “Если станет извѣстным, что призыв ратников 2-го разряда производится без санкціи Гос. Думы, то боюсь, — утверждал министр вн. д., — при современных настроеніях мы ни единого человѣка не получим”. “Наборы с каждым разом проходят все хуже и хуже”, — констатирует Щербатов: — “Полиція не в силах справиться с массою уклоняющихся. Люди прячутся по лѣсам и в песчатом хлѣбѣ... Агитація принимает все больше анти-милитаристическій или, проще говоря, откровенно пораженческій характер”...

К числу таких же злободневных вопросов, о которых должна

*) Возможность заглянуть за кулисы опровергает, таким образом, ходячую версию, что против призыва высказывалась только Царица под напором Распутина, сыну котораго угрожало привлеченіе на военную службу. А. Ф., дѣйствительно, настаивала на отмѣнѣ проекта Ставки. Она писала 10 іюня по вопросу, который «наш Друг так принимает к сердцу и который имѣет первостепенную важность для сохраненія внутренняго спокойствія». Если приказ относительно призыва 2-го разряда дан, «то скажи Н., что так как надо повременить, ты настаиваешь на его отмѣнѣ. Но это доброе дѣло должно исходить от тебя. Не слушай никаких извиненій. Я увѣрена, что это было сдѣлано не намѣренно, вследствие незнанія страны». 16 іюня Царь отвѣчал: «...Когда я сказал, что желаю, чтобы был призван 1917 год, всѣ министры испустили вздох облегченія. Н. тотчас же согласился. Янушкевич просил только, чтобы ему позволили выработать подготовительныя мѣры — на случай необходимости». Тѣм не менѣе в августѣ этот вопрос во всей своей конкретности встал перед Совѣтом министров.

была высказаться Гос. Дума, принадлежал и злосчастный вопрос бѣженскій — по крайней мѣрѣ в представленіи части министров. Щербатов считал “безусловно необходимым” санкцію Думы для образуемого Особого Совѣщанія по бѣженцам, чтобы в нем были представлены выборные от законодательныхъ учреждений — надо “снять с одного правительства всю отвѣтственность за ужасы бѣженства и раздѣлить ее с Гос. Думой” *). Военный министр, со своей стороны, считал необходимымъ провестись через Думу законъ о милитаризаціи заводов — мѣру “безусловно срочно” нужную для обороны, но “по своему существу она такова, что ввести ее в дѣйствіе без санкціи законодательныхъ учреждений едва ли возможно в теперешнія времена”. “Во всякомъ случаѣ, — добавлялъ Полванов, — я не рѣшился бы в столь шекотливомъ дѣлѣ прибѣгать к 87 ст.” **).

Такъ вращался Совѣтъ в заколдованномъ до нѣкоторой степени кругѣ, изыскивая пути по возможности обходиться на практикѣ без Думы***). “Дума отучила нас от оптимизма”, — говорилъ государственный контролер, человекъ либеральной репутаціи: “Ею руководят не общіе интересы, а партійныя соображенія” (“политическіе расчеты”). Не приходится поэтому удивляться, что иниціаторомъ перерыва занятій лѣтней сессіи Думы в сущности явился Кривошеинъ, поднявшій этотъ вопросъ в засѣданіи 4 августа — тогда, когда “катастрофа” (в глазахъ большинства членовъ Совѣта), связанная с перипетіями перемѣны верховнаго командованія, никѣмъ еще не предвидѣлась. Кривошеинъ напомнилъ, что “когда рѣшался вопросъ об экстренномъ созывѣ... мы имѣли в виду короткую сессію такъ до первыхъ чиселъ августа” ****). Правда, Кривошеинъ былъ за кратковременное продленіе сессіи, дабы дать возможность Думѣ высказаться о призывѣ ратниковъ: “не стоитъ обострять настроенія из-за какихъ-нибудь 2-3 дней”. Но онъ, какъ и другіе, видѣлъ в намѣренной затяжкѣ Думой рѣшенія вопроса о ратникахъ лишь “такъ-

*) Горемыкин: «какая там страховка». «Все равно будутъ взваливать всю отвѣтственность на правительство. Совѣщаніе по оборонѣ состоитъ изъ выборныхъ и обладаетъ неограниченными полномочіями, а все-таки за недостатокъ снабженія ругаютъ исключительно насъ».

**) Харитоновъ предпочиталъ бы какъ разъ наоборотъ примѣнить именно ст. 87, если нельзя избѣгнуть такой чрезвычайной мѣры, какъ мобилизація заводовъ. В Думѣ вопросъ о личной принудительной повинности не имѣетъ шансовъ благополучнаго прохожденія. При господствующихъ в Думѣ тенденціяхъ подобная повинность явится поводомъ к агитаціоннымъ выступленіямъ — «пойдетъ пищать волынка».

***) Впослѣдствіи во всеподданѣйшемъ докладѣ 10 февр. 17 г. Родзянко жаловался, что правительство «безсистемно» заваливаетъ Думу законопроектами, имѣющими отдаленное значеніе для мирнаго времени, а всѣ вопросы, связанные с войной, разрѣшаетъ самостоятельно. Упомянутыя только что факты вводятъ коррективъ к такому обобщенію.

****) Думу предполагалось «по соглашенію» созвать в ноябрѣ, но было «обѣщано», какъ говорилъ Родзянко в Чр. Сл. Ком., созвать Думу немедленно в случаѣ «малѣйшихъ колебаній государственныхъ дѣлъ и на войнѣ». (Родзянко склоненъ былъ впослѣдствіи формулу созыва Думы «не позже конца ноября» считать лишь «лицемѣрнымъ» фокусомъ, чтобы «отдѣлаться»). 8 іюля, в связи с военными неудачами и обновленіемъ состава правительства, Дума и была в экстренномъ порядкѣ созвана на 19 іюля — в годовщину объявленія войны. В правительственной деклараціи указывалось, что правительство считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ идти на новыя военныя напряженія в «полномъ единеніи с Думой», от которой исторія ждетъ такимъ образомъ

тический прием” продлить заседания и тѣм самым отдалить перерыв занятій и поэтому по существу высказался за ультимативный способ дѣйствія согласно предложенію предсѣдателя: дать Думѣ короткій срок для проведенія законопроекта и, если условія не будут соблюдены, распустить (“переговоры и убѣжденія не помогут”) и ходатайствовать о призывѣ ратников высоч. манифестом “с ссылкой на переживаемыя родиной чрезвычайныя обстоятельства”: “пусть тогда всѣ знают, что роспуск Думы вызван ея нежеланіем разрѣшить вопрос, который связан с интересами пополненія арміи и не допускает дальнѣйших замедленій”). И в послѣдующих засѣданіях, когда вопрос о конкретном роспускѣ Думы затягивался, снова Кривошеин ставил в “неотложный” порядок дня время перерыва занятій Думы, роспуск Думы должно произвести до сентября, когда будут внесены смѣты и отпадет легальная возможность прекращенія думских занятій. “Ко мнѣ приходят члены Думы разных партій, — пояснял Кривошеин 19 августа, — и говорят, что Дума исчерпала предмет своих занятій и что благодаря этому создается в ней тревожное настроеніе. Безнадежность наладить отношенія с правительством, вопрос о смѣтѣ командованія, свѣдѣнія о мѣст в связи с наплывом бѣженцев, всеобщее недовольство и т. д. — все это в совокупности может подвинуть Думу на такія рѣшенія и дѣйствія, которыя тяжело отразятся на интересах обороны. Мнѣ прямо указывали, что рѣчи по запросам и резолюціи по ним могут принять откровенно революціонный характер. Словоговореніе увлечает и ему нѣтъ конца”. “Засѣданія без законодательнаго матеріала прееращают Гос. Думу в митинг по злободневным вопросам, а кафедру — в трибуну для противоправительственной пропаганды”, — повторял Кривошеин. 24 августа: “Мнѣ многіе депутаты

«отвѣтнаго голоса Земли Русской». Правительство «без всяких колебаній» идет на новыя жертвы. В Чр. Сл. Ком. Родзянко утверждал, что Дума была созвана «насильственно». Царь «сдался» только под влияніем «упорнаго настоянія» предсѣдателя Думы.

*) Для характеристики принципиальной позиціи Кривошеина не лишне будет вспомнить, что говорил этот министр раньше по существу этого законопроекта. В одном из послѣдующих засѣданій Кривошеин так — достаточно демагогически — формулировал свое предложеніе: надо «спросить Гос. Думу во всеуслышаніе, желают ли г.г. народные представители защищаться против нѣмцев». Поливанов в засѣданіи объяснял, что думская комиссія от него «настоячиво требует» объясненія о положеніи на театрѣ войны и состояніи снабженія и без удовлетворенія этого желанія закон о ратниках не будет принят. Харитонов предлагает повернуть вопрос в обратном порядкѣ: что Дума немедленно разсмотрит законопроект, а ей «за это» сообщить краткія свѣдѣнія, поскольку это допускается соблюденіем военной тайны. В данном случаѣ у правительства не было желанія игнорировать Думу. Сам предсѣдатель думской военно-морской комиссіи Шингарев в показаніях признал, что давать в Комиссіи, гдѣ было «слишком много народа» (помимо 60 постоянных членов приходили и другіе депутаты), секретныя свѣдѣнія «было нельзя». В качествѣ примѣра Шингарев рассказывал, как его запрос Сазонову перед войной (еще в январѣ) в закрытом засѣданіи бюджетной комиссіи: готовится ли правительство «во всеоружіи» встрѣтить неизбѣжное, по его мнѣнію, столкновеніе с Германіей на почвѣ пересмотра торговых договоров, и отвѣт министра, что он «на основаніи свѣдѣній, которыя имѣет», ожидает столкновеніе — какая-то «нескромная газета разболтала» («Биржевка»). В результатѣ послѣдовал запрос со стороны нѣмецкаго посла гр. Пурталеса и обсужденіе вопроса в германской печати.

даже из лѣвых кругов говорят, что Дума начинает безудержно катиться по наклонной плоскости”...

Против роспуска Думы ни один министр не возражал. *Всѣ* первоначально были солидарны с тѣм, что Думу необходимо распустить, но разставаніе с Думой, принимая создавшуюся “внутреннюю и вѣшнюю обстановку” слѣдует “обставить по хорошему, благопрістойно, предупредив заранѣе, а не потихоньку, как снѣт на голову”, — предлагал в том же засѣданіи Кривошеин: “Надо стовориться с президентом”. Предварительные переговоры, пользу которых не отрицал и председатель, в глазах Кривошенна имѣли лишь “дипломатическое значеніе”, ибо он предусматривал отвѣтъ “неизбѣжно отрицательный”: “даже балашовцы не рѣшались открыто сказать, что пора Думу распустить”. Безполезно, по мнѣнію Харитоновъ, говорить и с председателем Думы, ибо “можно быть заранѣе увѣренным, что Родзянко встанет на дыбы и будет утверждать, что спасеніе Россіи только в Думѣ”. Надо искать поддержки у “благожелательных думцев”, — предлагает военный министр. Кто они “эти благожелатели”, — спрашивает Горемыкин. “Развѣ г. председатель Совѣта министров ранѣе не интересовался этим вопросом и не принимал мѣры к его выясненію”, — уклончиво отвѣтил Поливанов, воздерживаясь опредѣленно назвать образовавшийся к этому моменту “прогрессивный” (по терминологіи общественной) или “желтый” (по терминологіи правившей бюрократіи) блок в Думѣ.

2. — Прогрессивный блок.

Вѣшнія уступки отнюдь не носили в Совѣтѣ министров принципиальнаго характера: надо было “faire bonne mine au mauvais jeu”, как выразился мин. нар. проsv. Игнатьев, допускавшій возможность, что Дума откажется подчиниться декрету о роспускѣ*). (Министр вн. д. сомнѣвался, что Дума пойдет на “прямое неподчиненіе” — “все-таки огромное большинство их трусы и за свою шкуру дрожат. Но бурныя сцены, призывы, протесты и митинговья выступленія несомнѣнны. Если императорскій Яхт-Клуб на Морской революціонер, то от Гос. Думы можно ожидать, чего угодно и какой угодно истерички”). “Зловѣщіе слухи”, сознание полнаго своего безсилія перед надвигающимися событіями — “угрозы внутренней революціи”**), совершенно выбили большинство членов Совѣта из колеи. Послѣ “долгих колебаній” Кривошеин наканунѣ упоминавшагося засѣданія с Царем пришел к выводу о необходимости кореннаго измѣненія внутренней политики. По его мнѣнію правительство вплотную подошло к

*) Только в официальных отчетах Пет. Тел. Аг. можно было писать, что Дума, собравшаяся в годовщину войны «единодушно» выразила свои «вѣриподданническія чувства». В дѣйствительности агрессивно настроенная оппозиція с самаго начала заговорила отнюдь уже не языком 26 іюля 14 г., а словами «законных исполнителей» народной воли (характеристика Миллюкова).

**) Еще 11 августа Щербатов заявлял, что он не может «при слагающейся конъюнктурѣ» нести отвѣтственность... «Как хотите, чтобы я боролся с растущим революціонным движеніем, когда мнѣ отказывают в со-

дилеммъ — диктатура или соглашеніе с общественностью. Для разрѣшенія ея он считал наличный состав министерства непригодным. Къ позиціи Кривошеина всецѣло присоединялся Щербатов, повторившій на другой день послѣ засѣданія в Царском его аргументацію: “Мы всѣ вмѣстѣ непригодны для управленія Россіей при слагающейся обстановкѣ. Там, гдѣ должны пѣть басы, тенорами их не замѣнишь. И я, и многіе сочлены по Совѣту министров опредѣленно сознают, что невозможно работать, когда теченіе свыше завѣдомо противорѣчит требованіям времени. Нужна либо диктатура, либо примирительная политика. Ни для того, ни для другого я, по крайней мѣрѣ, абсолютно не считаю себя пригодным. Наша обязанность сказать Государю, что для спасенія государства от величайших бѣдствій надо вступить на путь направо или налево. Внутреннее положеніе в странѣ не допускает сидѣніе между двух стульев”.

В такой обстановкѣ на авансцену появился “прогрессивный блок”. Запись о спорах в Совѣтѣ министров 24 августа у Яхонтова прерывается. Отмѣчено только, что “вопрос о перерывѣ занятій государственных учреждений рѣшено отложить до соображенія с подлежащей разсмотрѣнію в Совѣтѣ мин. программы образующагося в Гос. Думѣ блока нѣскольких партійных групп”... 26-го къ этому обсужденію правительство и приступило. Прислушаемся къ преніям — они чрезвычайно показательны. Начал *Сазонов*, изложившій возникшія у него “глубокія сомнѣнія по существу”: “поскольку в данной обстановкѣ было бы с государственной точки зрѣнія удобно прибѣгать къ роспуску Думы. Несомнѣнно, этот акт повлечет за собой безпорядки не только в средѣ тяготящихся къ Думѣ общественных учреждений, союзов и организацій, но и среди рабочих. Хотя они связаны с Думой не органически, а искусственно, но удобный случай для демонстрацій не будет упущен. Большинство (?) членов Гос. Думы само держится того взгляда, что по существу создавашагося положенія роспуск нужен. Однако, их удерживают опасенія усиленія броженія на заводах и разных выступленій, могущих привести къ кровавым послѣдствіям. Надо взвѣсить всесторонне. Быть может, придется признать, что митингующая Дума меньшее зло, чѣм рабочіе безпорядки в отсутствіе Думы”... *). “Выгодно ли распускать Думу, не поговорив с ея большинством о приемлемости этой (т. е. блока) программы”. *Сазонов* высказывается за необходимость побесѣдовать с представителями блока: “Программа их, несомнѣнно, с запросом и рассчитана чуть ли не на 15 лѣтъ (!!). Надо ее подробно разсмотрѣть... выбрать отвѣчающее условіям военнаго времени и по существу приемлемое... А затѣм, сговорившись и обѣщав проведеніе в жизнь обусловленнаго, можно будет распустить”. *Горемыкин* возражает: “Все равно разговоры ни къ чему не приведут...

дѣйствіи войск, ссылаясь на их ненадежность и на неувѣренность в возможности заставить стрѣлять в толпу. С одними городскими не умиротворишь всю Россію, особенно когда ряды полиціи рѣдѣют не по дням, а по часам, а населеніе ежедневно возбуждается думскими рѣчами, газетным враньем, безостановочными пораженіями на фронтѣ и слухами о неурядках в тылу»...

*) Морской министр заявил, что по его свѣдѣніям в случаѣ роспуска Думы безпорядки неизбежны. Настроеніе рабочих очень скверно. Нѣмцы ведут усиленную пропаганду и заваливают деньгами противоправительственные организаціи.

Ставить рабочее движение в связь с роспуском Думы неправильно. Оно шло и будет идти независимо от бытия Гос. Думы... Будем ли мы с блоком или без него — для рабочего движения это безразлично". Горемыкин согласен разбирать программу блока, часть которой правительство могло бы принять в дальнейшей деятельности. Но разговоры с "блоком" председатель считает недопустимыми: "Такая организация законом не предусмотрена". "Блок создан, — утверждал Горемыкин, — для захвата власти. Он все равно развалится и все его участники между собой переругаются". Сазонов: "А я нахожу, что нам нужно во имя общегосударственных интересов этот блок, по существу умѣренный, поддержать". Сазонов соглашается, что роспуск Думы "нужен", но "для осуществления его надо стовориться с той организацией, которая представляет собой антиреволюционную Думу". Шаховской находит, что "и дальнейшее оставление Думы и ее роспуск при настоящих настроеніях одинаково опасны. Из двух этих зол я выбираю меньшее и высказываюсь за немедленный, хотя завтра, роспуск. Но сдѣлать это надо... поговорив с представителями блока.... Таким способом дѣйствій примирительнаго характера мы откроем выход самим думцам, которые жаждут отпуска" *). Щербатов высказывается также за немедленный роспуск и за стовор с блоком: "Отрицать нельзя, его программа шита нитками и его легко развалить... но это было бы невыгодно правительству... самая программа составлена с запросом в расчетѣ поторговаться... Согласившись по отдѣльным пунктам программы, мы создадим сочувствующее нам ядро хотя бы человек в двѣсти и тогда можно будет безболѣзненно произвести операцію отпуска. Перерыв... надо будет посвятить на проведение по 87 ст. условленных с думцами законов и реформ. Эта работа поднимет кредит правительства в странѣ, которая будет знать, что мы дѣйствуем по соглашенію с думцами. Нам станет легче управлять и осуществлять то, что требуется исключительными условіями войны". Горемыкин: "Вы упускаете, что одно из основных желаній блока — длительность сессіи". Щербатов: "Это только для вывѣски". Сазонов: "Большинство Думы опредѣленно против длительной сессіи". Горемыкин: "Да, но оно никогда об этом публично не сознается". Сазонов: "Но и не будет нам мѣшать прервать сессію и в случаѣ надобности нас поддержит"... **).

*) Дѣйствительно по газетным сообщеніям того времени можно установить усиленный разѣзд в августѣ «доброжелательных» думцев.

***) Сужденія, высказанныя в Совѣтѣ министров, повидимому, не так далеки были от дѣйствительности. В «программѣ» блока предусматривалась длительная законодательная сессія (показанія Милокуова), на практикѣ наскоро сколоченный блок из разнородных политических элементов не всегда склонен был от «академической» постановки принципиальных вопросов переходить к конкретному их обсужденію, на котором блок мог легко расколоться. В силу этого «великая хартія блока», по позднѣйшей характеристикѣ Шульгина, была в дѣйствительности довольно «безобидна». В таких условіях роспуск Думы приобрѣтал иную принципиальную постановку — Дума в большинствѣ была за перерыв занятій в августѣ, но хотѣла этот перерыв сдѣлать своим постановленіем. Правительство считало роспуск законодательных учреждений прерогативой власти и боялось уменьшенія своего авторитета. В концѣ концов Горемыкин соглашается на «переговоры» при условіи, что они не будут связывать правительство, и что не будут приняты никакія формальные обязательства.

Послѣ такого предварительнаго обмѣна мнѣній Совѣтъ приступилъ къ обсужденію программы блока, зафиксированной в документѣ, подписанном 25 августа представителями соответствующихъ групп Гос. Думы и Гос. Совѣта*). Платформа блока провозглашала “созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны, и согласившагося съ законодательными учреждениями относительно выполнения в *ближайшій срокъ* опредѣленной программы, направленной къ сохраненію внутренняго мира и устраненію розни между національностями и классами”. “Начало программы, — замѣтилъ Горемыкин, — сводится къ красивымъ словамъ, на которыя мы не будемъ терять времени”. Поливановъ: “Въ этихъ красивыхъ словахъ кроется вся сущность желаній общественныхъ круговъ о правительствѣ. Можно ли такъ пренебрежительно проходить мимо нихъ”. Горемыкинъ: “Совѣту министровъ недопустимо обсуждать требованія, сводящіяся къ ограниченію царской власти. Программа будетъ представлена Государю Императору и от Е. В. единственно зависитъ принять то или иное рѣшеніе”. Предсѣдатель обращается къ пунктамъ программы, первый изъ которыхъ имѣлъ въ виду широкую амнистію “на путяхъ Монаршаго милосердія”, какъ говорилось в текстѣ. Щербатовъ высказывается противъ общей амнистіи. “Слѣдовало бы ограничиться постепеннымъ образомъ дѣйствій. Можно створиться съ блокомъ в томъ смыслѣ, чтобы имъ былъ составленъ списокъ подлежащихъ амнистіи, а мы... будемъ постепенно осуществлять”. “Разборъ политическихъ дѣлъ идетъ в мин. юстиціи непрерывно”, — поясняетъ Хвостовъ: “не мало джентельменовъ гуляетъ на свободѣ”... “Но публика этого не знаетъ”, — замѣчаетъ Щербатовъ. “Надо сдѣлать съ рекламой. Взять десятокъ-другой особенно излюбленныхъ освободителей и сразу выпустить ихъ на свѣтъ Божій съ пропечатаніемъ во всѣхъ газетахъ о Царской милости”... “На недопустимости общей амнистіи согласились всѣ”, — гласитъ яхонтовская записка.

“Предложеніе министра вн. д. — по мнѣнію предсѣдателя — примѣнимо и по второму пункту программы” (возвращеніе административно высланныхъ за дѣла политическаго характера). “Никто не возражаетъ, — записываетъ Яхонтовъ, — противъ словъ Сазонова, что необходимо снятъ съ правительства пятно ничѣмъ не оправдываемаго произвола”, порожденнаго предмѣстникомъ кн. Щербатова на министерскомъ посту (т. е. Маклаковымъ). Соглашаются съ тѣмъ, что давно пора покончить съ “безобразіемъ” в области религіозной политки, когда циркуляръ нарушалъ провозглашенную манифестомъ вѣротерпимость (п. 3 программы блока).

“По польскому вопросу много сдѣлано и дѣлается”, — комментируетъ Горемыкинъ п. 4 программы. Харитоновъ: “Скрыта мысль — снять всѣ стѣненія в вопросахъ землевладѣнія в ограждаемыхъ от польскаго проникновенія областяхъ”. Харитоновъ полагаетъ, что “правительственная политика в данномъ случаѣ не допускаетъ уступокъ”. “Къ заключенію госуд. контролера присоединился единогласно весь Совѣтъ министровъ”, — вновь сообщаетъ записку протоколита.

*) Прогрес. націоналисты (Бобринскій), Центр (Львов), Земцы-октябристы (Дмитрюков), Союз 17 октября (Шидловскій), Прогрессисты (Ефремов), К.-д. (Милюков), Академическая Группа Гос. Сов. (Гримм), Центр. Гос. Сов. (Меллер-Закомельскій).

Пунктом 5-м было еврейское равноправие, сформулированное в таких, болѣе чѣм осторожных, выраженіях: “Вступленіе на путь отмѣны ограниченій в правах евреев, в частности дальнѣйшіе шаги к отмѣнѣ черты осѣдлости, облегченіе доступа в учебныя заведенія и отмѣна стѣсненій в выборѣ профессіи, возстановленіе еврейской печати”. “Должен предупредить Совѣтъ министров, — заявляет предсѣдатель, — что Государь неоднократно повторил, что в еврейском вопросѣ он на себя ничего не возьмет. Поэтому возможен только один путь — через Государственную Думу. Пускай, если это ей по плечу, она займется равноправіем. Не далеко она с ним уйдет”. *Щербатов*: “Дума никогда не рѣшится поставить вопрос об еврейском равноправіи. Кромѣ скандалов из этого ничего бы не вышло. Другое дѣло устраненіе ненужных, обходимых и устарѣлых стѣсненій”...*). “Рѣшено вести бесѣду о программѣ блока по еврейскому вопросу, — значитъ в “протоколѣ”, — в смыслѣ согласія идти по пути постепеннаго пересмотра ограничительнаго законодательства и административных распоряженій”. “Принцип благожелательности” в финляндской политикѣ (п. 6) также не встрѣтил возраженій, но принятіе обязательства немедленнаго пересмотра законодательства о Вел. Кн. Финляндском признано нежелательным, дабы не связывать правительства. Возстановленіе малорусской печати (п. 7) признано допустимым, поскольку дѣло идет не о сепаратических украинофильских органах. Согласился Совѣтъ и на допущеніе профессиональных союзов (п. 8). По поводу послѣдняго пункта программы Совѣтъ вообще нашел, что там не имѣется “чего либо неприемлемаго в отношеніи принципиально”. Из перечисленных законопроектов часть уже проведена, часть лежит в Гос. Думѣ с давних пор без движенія: (введеніе земских учреждений на окраинах, уравненіе крестьян в правах с другими сословіями, законопроект о кооперативах, об утвержденіи “трезвости навсегда” и т. д.).

Выслушав программу блока и замѣчанія по поводу нея отдѣльных министров, Сазонов поспѣшил заключить, что “между правительством и блоком по практическим вопросам нѣтъ непримиримых разногласій” и что “пять шестых программы блока могут быть включены в программу правительства”. Горемыкин еще до обсужденія программы высказался в том смыслѣ, что “придется три четверти вычеркивать”. Кто реалистичнѣе был в своей оцѣнкѣ? “О приемлемости всей программы не может быть и рѣчи”, — полагал и Сазонов, высказывая увѣренность, что “так думает и сам маг и волшебник П. Н. Милюков”. Но дѣло в том, что в плоскости, оставшейся неприемлемой одной шестой и лежала вся суть общественных требованій, на что на другой день и указал Кривошеин. Скромная программа блока при ограниченіях и оговорках, вносимых представителями правительственной бюрократіи, и устранявших самую сердцевину пожеланій, становилась еще болѣе расплывчатой и неопредѣленной. Сговор о “взаимной поддержкѣ” без формальнаго как бы договора — это отрицали и общественные инициаторы переговоров — превращался, дѣйствительно, в

*) Щербатов приводил примѣръ с еврейской печатью, которая запрещена полностью Ставкой до дѣтских журналов включительно, под тѣм предлогом, что в еврейских газетах печатаются условныя объявленія в интересах нѣмецкой развѣдки.

“болтовню”, как выражался Горемыкин. Сазонов считал, что эта “болтовня” покажет, что правительство не отвергает общественных сил: “если только обставить все прилично, то кадеты первые пойдут на соглашение. Милоков — величайший буржуй и больше всего боится социальной революции. Да и большинство кадет дрожат за свои капиталы”. “Там еще посмотрим, кто окажется прав”, — замечает Горемыкин и предлагает наметить срок роспуска Думы, который должен быть установлен до беседы с членами блока. “Все члены Совета министров, — занес в свой протокол Яхонтов, — единогласно высказываются за скорейший роспуск и осуществление беседы с представителями блока, не откладывая”.

После голосования в заседании появляется занозавший Самарин — консерватор, далеко не сторонник зап.-европейских парламентских гарантий, но по семейной славянофильской традиции отстаивающий благожелательную политику в отношении к общественности (с несколько сантиментальным флером — “приласкать” общественность). Он недоумевает, какое значение может иметь беседа, если правительство не даст никаких “обещаний”: “все равно никто не поверит”. “Общественное мнение ждет другого”. Самарин возражает против соглашения с “такой пестрой кампанией, которая внутренне не слажена и большинство которой движимо низменными побуждениями захвата власти, какой бы то ни было цѣной. Милоков, какой шкурой он ни прикрывайся, будет всегда в моих глазах революционером, пока он не оправдается в своих заграничных выступлениях”... “Что же тогда надо делать?” — спрашивает не то раздраженно, не то недоумевно Сазонов. “Надо из состава блока прислушаться к голосу благоразумных и искренне болеющих за родину людей. Таких людей не мало, если не больше, вѣ блока. Голоса эти должны дать материал для выработки правительственной программы, которую надо объявить в Думѣ в день объявления роспуска”.

Нельзя не увидеть в выступлении Самарина в сущности поддержку позиции, которой держался в отношении блока председатель Совета... Цѣль предстоящей беседы в понимании Горемыкина лишь “осведомление, создание атмосферы, чтобы не разошлись врагами, а приятелями” (“в это я не вѣрю”, — добавлял Горемыкин). Надо ли отпустить депутатов “отдыхать” “молчком” или сделать соответствующую декларацию? “Само собой разумеется, распустить молчком законодательные учреждения при современных переживаниях было бы неприлично”, — заявляет военный министр. Но в случае декларации откроются прения, начнутся различные выходы по адресу правительства. Сазонов: “Можно заранее сговориться о недонущении прений”... Хвостов: “Президум никогда не посмѣет пойти на такое средство”. Сазонов: “Ну если Родзянко откажет, правительство в правѣ выйти из заседания в полном составѣ”. Харитонов: “Ну это уж будет не по хорошему. Вмѣсто примирения окончательный разрыв”... Горемыкин: “Это вопрос очень серьезный. Я подумаю... Во всяком случае очень прошу П. А. Харитонова послѣшить устройством беседы с представителями блока” *).

*) Ведение беседы было поручено госуд. контролеру, при участии министров: юстиции, внут. д. и торговли.

Уже на другой день на квартирѣ Харитоновъ состоялась бесѣда с членами Думы и Гос. Совѣта, представлявшими „прогрессивный блок“. О содержаніи этой бесѣды Харитоновъ докладывалъ в Совѣтѣ в засѣданіи 28-го: „Прежде всего коснулись пожеланія программы относительно правительства*). На мой вопросъ, какимъ путемъ это пожеланіе можетъ быть осуществлено, всѣ отвѣтили, что вопросъ сводится къ призванію Е.И.В. пользующагося общественнымъ довѣріемъ лица, которому должно быть поручено составленіе кабинета по своему усмотрѣнію и установленіе опредѣленныхъ взаимоотношеній с Государственной Думой“. В краткой записи, сдѣланной Милюковымъ, отмѣчено, что онъ „обратилъ вниманіе Харитоновъ на то, что блокъ считаетъ этотъ пунктъ основнымъ и полагаетъ, что отъ исполненія его зависитъ все остальное, упоминаемое в программѣ. Такимъ образомъ и вопросъ о соглашеніи с законодательными учрежденіями относительно выполненія программы, долженъ быть обсужденъ с правительствомъ, пользующимся народнымъ довѣріемъ. Харитоновъ отвѣтилъ, что выполненіе этого пункта выходитъ за предѣлы компетенціи кабинета. Очевидно, блокъ имѣетъ в виду, что объ этомъ его желаніи должно быть доведено до свѣдѣнія верховной власти. Делегаты подтвердили, что именно такъ они и смотрятъ**). При обсужденіи программы по пунктамъ выяснилось, по словамъ Харитоновъ, что „непримиримыхъ различій с общими основаніями, намѣченными Совѣтомъ министров... не замѣтно и соглашеніе, повидимому, можетъ быть достигнуто“. Харитоновъ пояснилъ, что члены блока намѣчаютъ амнистію лишь частичную. По польскому вопросу на замѣчанія министровъ, что снятіе ограниченій в отношеніи польскаго землевладѣнія равносильно завѣдомой опасности колонизаціи Западнаго брая, послѣдовали отвѣты „уклончивые“: любопытно, что даже Милюковъ... выражался с большой дипломатической осторожностью, т. е. попросту говоря. — ни два, ни полтора. В еврейскомъ вопросѣ тоже не замѣтно было „особой рѣшительности в смыслѣ немедленнаго равноправія. Наши опасенія погромовъ в сельскихъ мѣстностяхъ не опровергались. Сущность требованій — дальнѣйшіе шаги по пути смягченія режима евреевъ, но не сразу,

*) Обѣ стороны сдѣлали оговорку, что онѣ смотрятъ «на задачу этого совѣщанія, какъ исключительно на информаціонную».

**) Такъ и надо комментировать послѣдующее слишкомъ категорическое утвержденіе Милюкова в Чр. Сл. Ком., что блокъ сдѣлалъ «постановленіе, чтобы не входить в переговоры с Горемыкинымъ, информировать его о содержаніи нашей программы и высказать, что мы с нимъ в переговоры на почвѣ этой программы входить не намѣреваемся». В блокѣ большіе разговоры вызвалъ вопросъ о формальномъ пути прохожденія деклараціи. Изъ записей Милюкова явствуетъ, что лишь прогрессисты опредѣленно настаивали на томъ, что документъ долженъ быть непосредственно адресованъ верховной власти: «Не могу придумать менѣ конституціоннаго акта, какъ обращенія къ монарху», — говорилъ государствовѣдъ Макс. Ковалевскій, а Маклаковъ считалъ «петицію о смѣнѣ правительства началомъ революціи». Очевидно, мнѣніе склонялось къ передачѣ документа правительству и отвергало освѣдомленіе Горемыкина лишь въ «частномъ порядкѣ». Инициатива, проявленная самимъ правительствомъ, разрѣшила споръ, дѣлая постановку вопроса вовсе не столь отчетливой, какъ впоследствии это представлялось Милюкову; деп. Крупенскій передалъ, что кабинетъ «официально» предлагаетъ блоку войти «въ раз-

а постепенно...*). Такая компромиссная и отчасти уклончивая позиция представителей блока отбъчалась Харитоновым и в других вопросах. Она была бы непонятна, если бы основная тенденция блока не сводилась к тому или иному соглашению с правительством, что отчетливо выразил Вл. Львов в предварительном заседании блока: "если чисто общественное министерство, то вся программа; иначе — компромисс". Из записей Милюкова следует, что, быть может, один только Шингарев настаивал на "ультиматумѣ" правительству, ибо "добрых совѣтов" — "правительство не слушает". Даже стоявшие на лѣвом флангѣ блока прогрессисты, считавшие "совершенно бесполезными" всякіе переговоры с теперешним правительством, сомнѣвались в цѣлесообразности заявленій "ультимативнаго характера". "Горизонты Милюкова заманчивы, — говорил Ефремов: "я бы согласился пойти и сказать: вои, очистите мѣсто для общественных дѣятелей!.. Но предъявлять ультиматум, а потом?.. Нѣтъ, безцѣльно и вредно идти". Ефремов тѣм не менѣе был на совѣщаніи у Харитонова.

**
*

Прогрессисты предпочитали обратный путь: "Пусть правительство создаст свою программу и обратится к законодательным палатам". Большинство желало "убѣдить" правительство в виду "грознаго положенія" ухватиться за соглашение: "безуміе — отвергать обезпеченное положеніе", которое предлагают думы — это равносильно "харакіри" (Оболенскій). Тенденція соглашенія и приводила к ого-

*) На еврейском вопросе осуществились все предсказанія, которыя дѣлались в Совѣтѣ министров — «прогрессивный» думскій блок не мог поставить «еврейскій вопрос» в позиціональной плоскости обще-гражданскаго поравненія. Аргументація необходимости отъѣмы «ограничительных законов» была анелогична той, которую мы слышали в Совѣтѣ министров (do ut des) — ее выразил на засѣданіи у Харитонова Крупенскій, сказав (по записи Милюкова): «Я прирожденный антисемит, но пришел к заключенію, что теперь необходимо для блага родины сдѣлать уступки для евреев. Наше государство нуждается в настоящее время в поддержкѣ союзников. Нельзя отрицать, что евреи — большія международная сила и что враждебная политика относительно евреев ослабляет кредит за границей... Во время войны «нельзя имѣть 8 милліонов врагов» (8 милл. «паріев»), поэтому «надо стать на путь уступок в еврейском вопросе» и отъѣмы «по возможности», неразумныя ограниченія. Этот мотив доминировал при предварительном обсужденіи деклараціи в разсужденіях патриотов из лагеря антисемитов, примкнувших к «прогрессивному» блоку. Но уступки все же относительноны: «черта сѣдлости поневоле улетѣла к чорту», но Гурко против «еврейской печати» (припомним юмористическую характеристику мин. ви. дѣл кн. Щербатова), против доушенія евреев в Петербург — «шпіонство» питается этим элементом, «по совѣсти», «по порядкѣ обороны» на это он согласиться не может. Нельзя забывать — указывали націоналисты — что страна переживает «пароксизм антисемитизма» — особенно в арміи. (Савенко убѣжден был, что «революціи» будет сопровождаться еврейскими погромами»). В момент, когда люди умирают с чувством антисемитизма, надо быть осторожным, и Шульгин отбъчает, что в думских фракціях входящих в блок нельзя получить согласія на реформу. Фракціи черныя или менѣе эластичны, нежели лидеры, представляющие их в совѣщаніях, гдѣ приходится выработать «компромисс» с людьми, которые не хотят отступить от своего принципа, и поступают «многим», переходя к «либерализму».

воркам “по возможности”, сдѣланным на “информаціонном” совѣщаніи с членами правительства, равно как в самом блокѣ, в результатѣ той же тенденціи, устанавливалась “видимость” программной договоренности путем сакраментальной формулы “не упоминать” о тѣх злободневных вопросах, которые раздѣляли группы, сходявшіяся на “тактикт” в данный момент. (Это схождение было совершенно иллюзорно). В концѣ концов за программой оставалось лишь выѣшеннее декларативное (т. е. демагогическое) значеніе: “документ направлен к массѣ, а не к правительству”, — признавал Милоков: “важно, что документ существует независимо от употребленія”.

“Значит, бесѣда имѣла полезное значеніе для освѣдомленія обѣих сторон”, — констатировал *Сазонов*, выслушав доклад *Харитонов*, — “и у представителей блока нѣтъ чувства безнадежности в отношеніи правительства. Можно думать, что послѣ этого думцы разойдутся менѣе озлобленными и возбужденными”. *Харитонов*: “Боюсь утверждать в такой категорической формѣ”... *Щербатов*: “Я также думаю, что теперь можно надеяться, что роспуск пройдет болѣе гладко”. *Горемыкин*: “Разойдется ли Дума тихо или со скандалом — безразлично. Рабочіе безпорядки разовьются помимо, если вожаки готовы к дѣйствіям. Но я увѣрен, что все обойдется благополучно и что страхи преувеличены”. *Сазонов*: “Вопрос не в готовности рабочих вожаков, а в том, что в законодательной палатѣ напряженность и озлобленность, во-время не умиротворенныя, могут вызвать серьезные конфликты, которые тяжело отразятся на странѣ и на веденіи войны”. *Горемыкин*: “Это все равно пустяки. Никого, кромѣ газет, Дума не интересует и всѣм надоѣла своей болтовней”. *Сазонов*: “А я категорически утверждаю, что мой вопрос не все равно и не пустяки. Пока я состою в Совѣтѣ министров, я буду говорить, что без добрых отношеній с законодательными учрежденіями никакое правительство, как бы оно ни было самонадѣянно, не может управлять страной, и что то или иное настроеніе депутатов влияет на общественную психологію”... *Горемыкин* просит высказаться “окончательно, сѣдует ли назначить перерыв сессіи, когда и как его обставить”. *Харитонов*, *Хвостов* и *Шаховской* говорят о своем впечатлѣніи на основаніи “отдѣльных оговорок” представителей блока, что послѣдніе “и не думают о возможности роспуска в настоящее время, когда с ними заговорили”. “У представителей блока, — дополняет *Харитонов*, — не чувствовалось к нам довѣрія. Корень этого недовѣрія — отсутствіе увѣренности, что правительство, несмотря на начатые переговоры, не откажется от мысли о роспускѣ. Они не хотѣли ставить этого вопроса ребром, но он все время чувствовался у них в разговорѣ”. *Сазонов*: “Значит... можно заключить, что роспуск в данную минуту произведет тяжкое впечатлѣніе и люди уйдут еще болѣе озлобленные”. *Харитонов* отвѣчает “неопредѣленным разведеніем рук”. *Горемыкин*: “В настоящей внутренней и выѣшней обстановкѣ не время ни мириться, ни драться. Надо дѣйствовать. Иначе все рухнет. Если блок будет придумывать новыя оттяжки... то Бог с ним. Правительству нечего идти в хвостъ у блока”.

Происходит голосованіе о роспускѣ. *Хвостов*: ...“Если думцы станут нарочно... затягивать, то с ними, значит, нельзя по хорошему

разговаривать, а надо по-просту их гнать"... Сазонов: "тоже за роспуск", но с теми оговорками, которые раньше были сделаны. Поливанов "тоже за роспуск" при условии, что правительство выступит с декларацией в благожелательном тоне, в которой укажет, что у него с блоком нет "непримиримых разногласий", и что сам роспуск мотивируется соображениями не принципиальными, а практического свойства. У Шаховского "нет колебаний, что немедленный роспуск необходим, но этому акту надо придать форму, которая устранила бы излишние обострения между Думой и общественностью". Щербатов присоединился к мнению о необходимости ближайшего роспуска и за выступление правительства перед законодательным собранием, чтобы правительство повлияет на колеблющихся в сторону примирительной позиции. Игнатьев за роспуск, который должен быть "результатом сговора с влиятельными думцами": "перспективы будущего вызывают жуткое чувство и я решительно высказываюсь за то, чтобы сейчас с Думой было достигнуто соглашение и углы сглажены"...*).

Из этой безнадёжной толчеи выводит Совет Кривошеин, придавший вопросу "другую постановку". "Какая возможна форма и сущность правительственного заявления в Думе", — спрашивает Кривошеин, — "для избежания несомненно существующего конфликта между правительством и общественным мнением? Что мы ни говорим, что мы ни обещаем, как ни заигрывай с прогрессивным блоком и общественностью — нам все равно ни на грош не повёрят. Ведь требования Гос. Думы и всей страны сводятся к вопросу не программ, а людей, которым вверяется власть. Поэтому мне думается, что центр наших суждений должен бы заключаться не в искании того или другого дня роспуска Гос. Думы, а в постановке принципиального вопроса об отношении Е.И.В. к правительству настоящего состава и к требованиям страны об исполнительной власти, облеченной общественным доверием... Без разрешения этого кардинального вопроса мы все равно с места не сдвинемся. Я лично высказываюсь за второй путь действия" — "одновременной после роспуска Думы смены кабинета". Почти все министры присоединились к такой постановке: "в ней кристаллизировалось то, вокруг чего мы ходим уже много дней". "пора перестать топтаться на одном месте". Горемыкин: — "Значит, признается необходимым поставить Царю ультиматум — отставка Совета министров и новое правительство". Сазонов: "...Мы не крамольники, а такие же вёрноподанные своего Царя, как и Ваше высокопревосходительство. Я очень прошу не упоминать таких слов в наших суждениях". Горемыкин берет свои слова обратно: "сейчас не такое время, чтобы становиться на личную почву". В это время "к концу прений" прибывает Самарин — этот министр, повидному, всегда запаздывал. Он ставит вопрос: "удобно ли нам сказать Государю-Императору — мняйте правительство... Я бы затруднился подписаться под ссылкой на желание всей страны... Гос. Дума не может считаться выразительницей всей России"... "Надо представить... необходимо с нашей точки зрения основания программы политики... и одновременно доложить, что в Совете министров настоящего состава

* За роспуск высказались морской министр и заместители министра путей сообщения и финансов.

нѣтъ силочности... и поэтому мы ходатайствуем о созданіи... другого правительства, которому было бы поспѣшно эту программу провести в жизнь. Если такое наше представленіе получит принципиальное одобреніе, то наш долг указать приемлемое лицо, ибо общія фразы об общественном довѣрціи по существу ничего не значат и являются лишь приемом пропаганды". Самарин желал бы, чтобы "операцию с роспуском Думы теперешнее правительство приняло бы на себя для того, чтобы облегчить Императора и будущих преемников правительства..."

В итогѣ, — значится в яхонтовской записи, — Совѣтъ министров склонился к точкѣ зрѣнія Кривощеина с поправкой Самарина, т. е. осуществить роспуск Гос. Думы в ближайшее время (по хорошему, стоворившись с президумом и лидерами о проведеніи еще незаконченных правительственных законопроектов, обусловленных потребностями военного времени) и "представить Е. В. ходатайство о смѣнѣ затѣм Совѣта министров". "Всѣ сегодняшнія сужденія, — заключил Горемыкин, — будут мною подробно доложены Государю Императору. Что Е. В. угодно будет повелѣть, то и будет мною исполнено. Посмотрим, что дальше будет"...*).

3. — Р о с п у с к Д у м ы . .

Из обзорѣнія сужденій, занесенных в яхонтовских записях, — с очевидностью выступает необходимость сдѣлать существенную поправку к показаніям, которые были даны в Чр. Сл. Ком. управляющим дѣлами Совѣта министров Лодыженским. Отмѣтив существовавшее в Совѣтѣ "большое разногласіе" по поводу прекращенія лѣтней сессіи Гос. Думы, Лодыженскій показал, что "большинство Совѣта министров было за то, чтобы эта сессія продолжалась, но ст. секр. Горемыкин

*) Блок за эти дни жил слухами, амплитуда колебаній которых была очень значительна — от «возможности благоприятнаго исхода» до возвращенія к власти Маклакова, символизировавшаго собой, антиобщественный курс правительственной политики. Записи Милокова показывают, что в блокѣ не было выработанной тактики — коренное разнорѣчіе наблюдалось не только между лѣвым и правым сектором, но и в средѣ политических единомышленников. Если одним казалось, что «блок» достаточно силён, чтобы заставить правительство вступить на новый путь, то другіе были настроены «пессимистически», как Шингарев: «Мы встрѣтим жестокое сопротивленіе со стороны сфер, враждебных общественности. Отговорят Государя». Здѣсь Шингарев дѣлал намек на нѣмецкую интригу: «засиліе нѣмецких аргументов (пораженіе)» — как значится в милоковских ремарках. Но «вдруг как спросят, мы должны быть готовы отвѣтить». Кто же тот «провиденціальныи человѣкъ», по выраженію Ковалевскаго, который должен спасти положеніе. «Это — либо великій визирь, либо англійскій премьер; первый без отвѣтственности перед палатами, второй с отвѣтственностью... В дальнѣйших преніях осторожно все-таки намѣчались в качествѣ «провиденціальных» людей главы городской и земской организацій... Что дѣлать, если будет роспуск Думы «без срока»? «Депутація к верховной власти», — отвѣчали одни, — «иначе входим в такой тупик, который переворнет все». Но тогда «конфликт с самой верховной властью», — говорили другіе. Вопрос оставался нерѣшенным. И что можно было рѣшить, если при роспускѣ оставались лишь «способы непарламентских дѣйствій» (Шингарев), а значительная часть блока не соглашалась даже «встать на путь парламентской борьбы, когда война (Вл. Львов) и отвергала какія-либо «революціонныя послѣдствія», если правительство не примет предложенія думскаго большинства (Олсуфьев).

закрыв Гос. Думу, хотя он и был безусловно в меньшинствѣ**). Поправка должна быть сдѣлана и к показаніям Родзянко, что Дума была распушена Горемыкиным “по наитію свыше”: “Горемыкин, — пояснил Родзянко в воспоминаніях, — отвергая всѣ компромиссы, поднял 27-го августа вопрос о роспускѣ Думы”. Но еще болѣе значительный корректив надлежит ввести к показаніям Милюкова (вообще весьма неточным и противорѣчивым). В данном случаѣ неточность может быть объяснена не только определенной тенденціей свидѣтеля, но и тѣм, что лидер думской оппозиціи в свое время был плохо освѣдомлен о происходившем или ввел в заблужденіе своими освѣдомителями. Милюков пытался доказывать, что роспуск Думы произошел на почвѣ неприемлемости “программы” блока**). Предсѣдатель Чр. Сл. Ком., резюмируя слова Милюкова, в своей формулировкѣ пошел еще дальше: “вы составили блок, а мы вас распустим”. Разказывая исторію образованія блока, Милюков говорил, что “болѣе прогрессивный элемент министерства” пытался опереться на блок. Горемыкин “почувствовал опасность” и сейчас же послѣ засѣданія Совѣта, гдѣ намѣтился переход к новому “министерству довѣрія”, уѣхал в Ставку, “не сговорясь с другими министрами — совершенно ѡстренно. Но они, конечно, догадались, в чем дѣло. Из Ставки он вернулся с готовым проектом роспуска Думы”.

Горемыкин пріѣхал из Ставки 1 сентября, дѣйствительно, с определенным рѣшеніем. Яхонтов разказывает, что в день отъѣзда он сказал Горемыкину, что “в нелегкую минуту ему приходится отправляться к Государю”. Обычно скупой на слова, он на этот раз отвѣтил: “Да, тяжело огорчать разказом о наших несогласіях и слабонервности Совѣта министров. Его воля избрать тот или иной путь дѣйствій. Какое ни будь повелѣніе, я исполню, во что бы то ни стало. Моя задача — отвести на себя от Царя нападку и неудовольствіе. Пусть ругают и обвиняют меня — я уже стар и недолго мнѣ жить. Но пока я жив, буду бороться за неприкосновенность царской власти. Сила Россіи только в монархіи. Иначе такой кавардак получится, что все пропадет. Надо прежде всего довести войну до конца, а не реформами заниматься. Для этого будет время, когда прогоним нѣмцев”... Вернулся Горемыкин с высочайшим повелѣніем “распустить Гос. Думу на осенній ваканціи не позже 3 сентября, а Совѣту министров оставаться в полном составѣ на своих мѣстах. Когда же позволит обстановка на фронтѣ, Е. В. лично призовет Совѣт министров и все разберет”...

К началу засѣданія 2 сентября министры уже были освѣдомлены о привезенных Горемыкиным рѣшеніях. На засѣданіи о них непосредственно не говорят, но обсужденіе текущих дѣл, касающихся “безобразій” тыла, обостренных отношеній “опричинны и земщину”***), про-

*) Яхонтовскія записки могли бы послужить хорошим *vademecum* для Комиссіи.

***) И Поливанов показывал, что кабинет Горемыкина распался на обсужденіи программы блока.

****) Это было засѣданіе, когда министры иронически и раздраженно говорили о всемогуществѣ кн. Львова и чуть ли не самоупраздненія правительства со времени созданія Особаго Совѣщанія по оборонѣ.

ходит в весьма напряженной атмосферѣ. “Мои мысли крайне мрачны: о будущем, если не послѣдует радикальных перемѣн в общем положеніи”, — заключает Поливанов по поводу информации министров вн. д. и торговли и промышленности. “В послѣднем засѣданіи Особого Совѣщанія по оборонѣ большинством общественных представителей высказывалось убѣжденіе, что волненія на Путиловском заводѣ, дающем тон рабочему движению, являются началом всеобщей забастовки в видѣ протеста против роспуска Гос. Думы. Всѣ ждут чрезвычайных событій, которыя должны послѣдовать за роспуском”. *Горемыкин*: “Все это одно только запугиваніе. Ничего не будет”. *Щербатов*: “У Деп. Полиции далеко не столь услокоительныя свѣдѣнія... Показанія агентуры единогласно сводятся к тому, что рабочее движеніе должно развиваться в угрожающих размѣрах для государственной безопасности”... *Сазонов*: “Картина рисуется безотрадная. С одной стороны рабочіе безпорядки... с другой, дошедшее до крайних предѣлов настроеніе в Москвѣ среди сосредоточившихся там общественных кругов. Говорят, что во имя доведенія войны до побѣднаго конца члены Гос. Думы вмѣстѣ с земским и городским съѣздами собираются превозгласить себя Учредительным Собраніем. Вездѣ все кипит, волнуется, доходит до отчаянія и в такой грозной обстановкѣ послѣдует роспуск Думы. Куда же нас и всю Россію ведут?.. Всѣ помнят, Е. В. в засѣданіи 20 августа благосклонно выслушал наше ходатайство разрѣшить вопрос о роспускѣ Думы по обсужденію в Совѣтѣ министров и по докладу нашего заключенія. Значит, сейчас Государь отказался от такого взгляда. Нам было бы важно знать, чѣм такая внезапная перемѣна вызвана” *). *Горемыкин*: Высочайшая воля, опредѣленно выраженная, не подлежит обсужденію Совѣта министров”... *Сазонов*: “Мы не пантомимы, а люди, несущіе отвѣтственность за управление Россіей”.. *Горемыкин*: “Всѣ высказанныя в Совѣтѣ министров соображенія о роспускѣ Думы и о перемѣнѣ политики были полностью изложены мною Е. В.”... *Поливанов*: “Весь вопрос в том, как вы доложили Государю наше мнѣніе”. *Сазонов*: “И это именно”. *Горемыкин*: “Я докладывал Е.И.В. так, как слѣдовало, и то, что было в Совѣтѣ”... *Кривошеин*: “...Мы не только в правѣ, но это наша обязанность предусматривать послѣдствія имѣющаго совершиться акта”. *Щербатов*: “...В Москвѣ “все бурлит... раздражено, настроено ярко антиправительственно, ждет спасенія только в радикальных перемѣнах. Собрался весь цѣвъ оппозиціонной интеллигенціи и требует власти для доведенія войны до побѣды. Рабочіе и вообще населеніе охвачено каким-то безуміем и представляют собой готовый горячій

*) К сожалѣнію, деталей важнаго засѣданія 20 августа в Царском Селѣ мы не знаем. Очевидно, там поднимался вопрос о «министерствѣ довѣрія», как можно заключить из слов, сказанных Хвостовым на другой день в очередном засѣданіи Совѣта министров: «если вчера не высказал всѣх своих сомнѣній на засѣданіи перед Государем, тѣ лишь потому, что не считал себя нравственно в правѣ подрывать довѣріе к заключенію большинства своих сочленов по кабинету. Мои сомнѣнія идут в согласіи с точкой зрѣнія Е. В., и моя искра могла бы зажечь пожар». Но, очевидно, вопрос о роспускѣ Думы у Царя не вызывал никакого сомнѣнія: так 25-го, до пріѣзда Горемыкина, он писал женѣ: «роспуск немедленный во всяком случаѣ предрѣшен».

материал. Взрыв беспорядков возможен каждую минуту... В Москвѣ около 30 тысяч выздоравливающих солдат — это буйная вольница, не признающая дисциплины, скандалящая... Несомнѣнно, что в случаѣ беспорядков вся эта орда встанет на сторону толпы... Говорят, среди думцев существует памфлетъ в случаѣ роспуска ѣхать в Москву и устроить там второй Выборг. Какія мѣры и дѣйствія надо принять в отношеніи подобнаго собранія?" *Хвостов*: "Никаких, если второй Выборг будет столь же услѣшен, как и первый". *Сазонов*: "Ну, на этот счет нельзя строить себѣ иллюзіи. Съезд состоится теперь на пороховой бочкѣ"... *Горемыкин*: "Если они ограничатся болтовней, то пусть их занимаютъ. Если болтовня будет угрожать государственной безопасности, то их надо разогнать"... *Кривошеин*: "Всѣ наши сегодняшнія сужденія с полной опредѣленностью обнаруживают, что за послѣднее время между вами, Иван Логинович, и большинством Совѣта министров разница в оцѣнкѣ положенія и во взглядах на направление политики еще болѣе углубилась... Как вы рѣшаетесь дѣйствовать, когда представители исполнительной власти убѣждены в иных средствах, когда весь правительственный механизм в ваших руках оппозиціонен, когда и внѣшнія и внутреннія событія становятся с каждым днем все болѣе грозными". *Горемыкин*: "Свой долг перед Государем Императором я исполню до конца, с каким бы противодѣйствіем и несочувствіем мнѣ ни пришлось сталкиваться. Я просил замѣнить меня болѣе современным дѣятелем. Но Высочайшее повелѣніе послѣдовало, а оно в моем пониманіи закон. Что будет дальше? Государь Император сказал, что он пріѣдет лично и все разберет". *Сазонов*: "Да, но тогда будет уже поздно. Кровь завтра потечет на улицах, и Россія окунется в бездну. Зачѣм и почему! Это все ужасно! Во всяком случаѣ громко заявляю, что ответственность за ваши дѣйствія и за роспуск Думы в теперешней обстановкѣ я на себя не принимаю". *Горемыкин*: "Отвѣтственность за свои дѣйствія я несу сам... Дума будет распущена в назначенный день и нигдѣ никакой крови не потечет"...

Горемыкин отказался выступить с какой-нибудь деклараціей перед законодательными учрежденіями и в этом своем рѣшеніи был поддержан министром юстиціи и госуд. контролером, находившим, что нѣтъ основанія создавать "новый прецедент" (до тѣх пор правительство никогда при перерывѣ сессій не являлось в Думу). Сазонов пытался указать, что прецедент не закон еще: "теперь времена такіа, которых раньше не было — теперь вопрос идет о судьбах"... "Это заявленіе преувеличено и ничѣм не обосновано", — прервал председатель министра ин. д. и, считая вопрос исчерпанным ("высочайшее повелѣніе не может быть критикуемо"), закрыл засѣданіе...

Яхонтов записал, что драматическое засѣданіе 2-го сентября происходило при "нервности страшной". Особенно волновался Сазонов, дошедшій в концѣ почти до истерическаго состоянія. Когда Горемыкин, закрыв засѣданіе, выходил из зала, министр ин. д. заявил: "я не могу с этим безумцем простаться и подавать ему руку". "Затѣм он пошел, шатаясь, к выходу, так что я послѣдовал за ним, стараясь его поддержать в случаѣ обморока. Сазонов ничего не замѣчал, имѣя вид человѣка, не сознающаго окружающаго. В передней он истери-

чески воскликнул: "il est fou ce vieillard", и быстро выбѣжал из подъѣзда" *).

II. ОППОЗИЦИЯ И «ЧЕРНЫЙ БЛОК».

Оказалось, что Геремыкин реалистичнѣе, чѣм другіе, оцѣнивал создавшееся положеніе в смыслѣ интенсивности общественной возбудженности. Кровь не потекла по улицам столицы, как предсказывали мин. ин. д., и как казалось подчас лѣтошнему внутренней жизни Совѣта министров Яхонтову, записавшему 21 августа: "Что то дѣло, и правда, к всеразрѣшающему фонарю близится". Респуск Думы вѣдше прошел совершенно спокойно.

Родзянко, узнавшій, по его словам, о перерывѣ занятій в день респуска Думы**), своему такту приписал это спокойствіе — он сумѣл сдержать Думу "от взрыва негодованія" — ожидался "величкіе эксцессы". Родзянко боялся (по крайней мѣрѣ в воспоминаніях), что распущенная Дума попытается превратить себя в Учредительное Собраніе; на дѣлѣ думы разошлись, прокричав "ура", а лидер трудящихся Керенскій под аплодисменты публики на хорах превозгласил: "Да здравствует русскій народ". Вѣроятно, у думцев и в помыслах не было повторять "блѣдную и скверную конію выборгскаго возстанія", сыграть "глухой фарс". Как, по сообщенію агенты Охр. Отд., выразился Миллюков на одном из своих частных политических сообщеній. Еще меньше думал о превращеніи земскаго и городского съѣздов в Учредительное Собраніе тот "цвѣтъ оппозиціонной интеллигенціи", который собрался в Москвѣ и в представленіи министра вн. д. требовал власти для доведенія войны до побѣднаго конца. Рабочее движеніе, дѣйствительно, протекало почти вѣд думскаго воздѣйствія и во всяком случаѣ вліянія со стороны дѣятелей прогрессивнаго блока, к которому в лѣвых кругах отношеніе было болѣе, чѣм отрицательное.

Исполниль тѣх двѣй может отмѣтить лишь попытку трехдневной забастовки в Москвѣ, имѣвшей отчасти политической характер и неорганизованно прошедшей при участіи незначительнаго количества нѣкоторых промышленныхъ предриятій. В Петербургѣ забастовал 2 сентября Путиловскій завод; забастовка распространилась и на другіе заводы и к 4-му число бастующихъ офіціально опредѣлялось циф-

*) Яхонтов отмѣчает, что Поливанов держал себя в отношеніи предсѣдателя «совершенно неприлично». На исключительную рѣзкость военнаго министра, почти переходившую «границы приличія», Яхонтов указывает и в предыдущих записках: «Старик едва сдерживался при всей своей корректности». Автору записей, явно сочувствующему Геремыкину, непонятно было «куда гнет» Поливанов. «Заворожен общественностью через гучковскіе очки»? Но зачѣм же тогда перед ночным засѣданіем (26 авг.) он иронически рассказывал о безконечном словоговореніи независимыхъ представителей в Особом Совѣщаніи по оборонѣ? Вот характеристика Поливанова, данная в воспоминаніях Сазонова: «будучи слишкомъ умен, чтобы увлекаться мыслью о введеніи в Россіи республиканскаго строя или парламентаризма, он, благодаря прирожденной ему иронической оцѣнкѣ людей и событій, нажил себѣ много врагов, которые в отместку за пренебрежительное отношеніе к себѣ создали ему репутацію беззащитнаго карьериста и республиканца».

**) Вопрос о респускѣ столь длительно обсуждался в Совѣтѣ министров, что Дума не могла не быть подготовлена к этому факту.

рой 65 тысяч; хотя в требованиях бастующих значилось “ответственное министерство”, забастовка эта была связана в большей степени с протестом против разстрѣла рабочей демонстраціи экономического характера в Иваново-Вознесенскѣ, чѣм с роспуском Думы. Повышенная атмосфера, царившая на московских съѣздах, при всей своей оппозиционности была очень далека от методов, диктуемых “революционной тактикой” и отдѣльные и даже групповые голоса о несвоевременности пути “челобитных” в момент, когда страна находится “над страшной бездной” (слова из обращения к монарху), потонули в традиціонных возгласах: “ура Царю”. Посланная к Царю депутация, чтобы сказать “живую правду” и не принятая носителем атрибутов верховности власти (Щербаков сообщил Львову и Челнокову, что Царь не может принять депутацию съѣздов по вопросам, не входящим в прямые задачи их дѣятельности), повторяя лозунги ддя о незамедлительном возобновленіи работ законодательных учреждений и о призывѣ к власти людей, пользующихся довѣріем страны, ходатайствовала в сущности лишь о весьма туманном возобновленіи “нарушеннаго правительством величаваго образа душевной чѣстности и согласія жизни государственной” — пути единенія Царя и народа*).

Чѣм же объясняется это “вышнее спокойствіе”, с которым отнеслись оппозиціонные круги к роспуску Думы и на которое “трудно было разсчитывать”, как признает сводка московскаго Охр. Отд., сдѣланная в началѣ слѣдующаго года (29 февраля) и подводщая итоги “настроеній общества”. “Зная настроеніе руководителей революціоннаго движенія, начиная с крайних лѣвых и кончая кадетами, можно с увѣренностью сказать, — констатирована с нѣкоторой исторической непредусмотрительностью упоминаемая сводка, — что в настоящій момент и вплоть до окончанія войны правительству паче всего опасаться особых осложненій во внутренней жизни”. В либеральных кругах. — утверждала она, — слишком большая ненависть к Германіи, представляющей им оплотом реакціи в Россіи; отсюда “молчаливый лозунг” — не дѣлать ничего такого, что могло бы вредно отразиться на положеніи театра военных дѣйствій. “В этом и только в этом, а не в сознаніи фактическаго своего безсилія, как это склонны думать нѣкоторые”, объясненіе отношенія оппозиціи к послѣдним шагам правительства. “Совершенно опредѣленные факты свидѣтельствуют, что никѣм иным, как именно кадетами, напряжены были всѣ усилія, чтобы сдержать и ослабить готовившіяся всынски остраго раздраженія и дѣлалось все это во имя идеи расплаты с правительством послѣ войны”.

“Брошен опредѣленный лозунг... — утверждала записка, — расплаты не только с данным правительством..., а именно с верховной властью”. Ярко и опредѣленно бросил этот лозунг — вѣрнѣе формулировал прочно сложившееся настроеніе член Гос. Думы В. А. Маклаков, пустившій в общественный оборот крылатое слово о расплатѣ послѣ войны с “шофером”**), — убрать “безумнаго шофера”, толкаю-

*) В этой туманности А. Ф. не без основанія, конечно, усматривала нѣкоторое официальное лицемѣріе: они не смѣют употреблять слово конституція, но подразумевают ее.

**) Имѣлась в виду его статья в «Русск. Вѣд.», произведшая по словам записки, «страшную сенсацію». Охранное Отдѣленіе давало нѣсколько

этого страну в пропасть, вырвать из его рук руль. “Было бы большой ошибкой игнорировать, не придавать самого серьезного значения этим наглым угрозам... Эти наглые угрозы не простое бахвальство революционно настроенных кругов, а результат твердой их увѣренности, основанной на знакомствѣ с настроеніями широких масс, в средѣ которых в послѣднее время престиж верховной власти, дѣйствительно, пал. Приходится говорить даже болѣе, чѣм о паденіи престижа верховной власти — на лицо признаки начавшагося и неуклонно развивающагося антидинастическаго движенія... не столько движенія с опредѣленно выражаемым республиканским характером, сколько движенія остраго и глубокаго раздраженія против особы Государя Императора, нынѣ царствующаго... Если бы реагировать на всѣ случаи... откровеннаго оскорбленія Величества, то число процессов по 103 ст. достигло бы небывалой цифры”.

Особенное вниманіе Охранное Отдѣленіе удѣляло позиціи лидера думскаго прогрессивнаго блока и отмѣчало не только соображенія, связанныя с войной. “Величайшій буржуй”, как охарактеризовал Милюкова в Совѣтѣ министров Сазонов, в изображеніи Охр. Отдѣл., сдѣланном на основаніи показаній освѣдомителей, которые подчас непосредственно пропикали под разными обликами на довольно интимныя фракціонныя засѣданія, боялся революціи, ибо она в его представленіи должна была неизбежно вылиться в жизни в “вакханалію черни” — в тот “ужасный русскій бунт, безмысленный и безпощадный”, который приводил в трепет еще Пушкина (Эти слова, произнесенныя на конференціи партіи к. д. в іюнь 15 г. Милюковым накануне обновленія правительственнаго кабинета, воспроизводятся в запискѣ “почти дословно”). Боязнь эта опредѣляла, по мнѣнію освѣдомителей, компромиссную тактику, вдохновителем которой был “маг и волшебник П. Н. Милюков”: достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы зажечь страшный пожар, форсировать событія в таких условіях значит шутить с огнем и выявлять свою “политическую цезурность”. поднявшійся бурный вихрь может снести самое народное представительство. Правительственная тактика “золотой середины”, которая может быть так названа, конечно, весьма относительно, породила и тактику “выжидательную” со стороны оппозиціи или значительной ея части.

Всѣ подобныя соображенія, формулировавшія “общественное мнѣніе” и опредѣлявшія психологію “либеральных кругов”. могут быть учтены и признаны соответствующими в той или иной мѣрѣ тому, что было. Но кажущееся “спокойствіе” в той же мѣрѣ можно объяснять и ощущеніем безспія, т. е. опасеніем сдѣлать “холостой выстрѣл” и сыграть “глупый фарс”. Представители политической полиціи, как было указано, склонны были отрицать подобный мотив, сознательно или “бессознательно” толкавшій либеральные круги къ опредѣленному образу дѣйствія. “Страшныя слова” могли претворяться в реальность только при обращеніи “къ улицѣ”, которая психологически не была еще подготовлена къ организованному (массовому) выступленію, т. е. в странѣ не было еще “клокочущаго настроенія”. “Страшныя слова” в устах многих и многих представителей прогрес-

присволенное толкованіе смыслу статьи. (См. «На путях к дворцовому перевороту»).

сивного блока были своего рода общественным новсенсом. Тѣ же наблюдения агентов деп. полиціи в думских кулуарах отмѣчали распространенное мнѣніе, что роспуск Думы спас положеніе — академическая “программа” блока осталась неприкосновенным знаменем оппозиціи, в то время как при ея конкретизаціи блок раскололся бы.

**

Всѣ эти наблюденія и выводы в значительной степени подтверждают (одновременно и исправляют) записи, сдѣланныя Милюковым о блоковых совѣщаніях с представителями “общественных организацій”, которыя происходили с конца октября в теченіе всего ноября мѣсяца*). К программным разногласіям присоединилось и различное психологическое воспріятіе итогов, к которым привел августовскій кризис. Блок в еще меньшей степени мог явиться тараном для пробитія брешы в “гаухой стѣнѣ”, которую, по выраженію Вл. Львова, можно было взять “только фронтальной атакой”. Послѣ роспуска в сентябрѣ мы имѣем одну лишь записку. За два послѣдующих мѣсяца, как засвидѣтельствовал Ефремов, “блок себя не проявил”. Одна только записку повѣствует о том, как блок — “единственное соединеніе”, которое могло бы “обмозговать все положеніе” — реагировал непосредственно на правительственный акт, являвшійся в глазах оппозиціи прямым отвѣтом на начавшіеся “переговоры”. К сожалѣнію, в этих записках нѣтъ основнаго — отмѣтки содержанія рѣчи представителя “прогрессистов”: он был в данном случаѣ застрѣльщиком. Позиція Ефремова выясняется лишь из кратких и других и его повторных реплик: “если примириться с роспуском, значит, говорили на вѣтер”. Первым средством борьбы, — в представленіи фракціи прогрессистов, — явился бы выход из Совѣщанія по оборонѣ всѣх членов блока — “тогда ушел бы Горемыкин”. Метод бойкота вызвал единодушный отпор. “Зрѣлость народнаго представительства” должна проявиться в том, что оно не поддастся на провокацію правительства, которое стремится расколоть блок. “Реальные результаты” должны быть предпочтены “прекрасному жесту”. (Оболенскій). “С уходом ничего не измѣнится, но явится возможность новаго поклона на патриотизм: для счета со стариком готовы жертвовать обороной” (Ковалевскій). Для логичности надо было бы настаивать, чтобы “прекратилась работа союзов и погибла Россія”. “Это было бы страшно, — говорил Маклаков: — если бы забастовала Россія, власть, может быть, уступила, но этой побѣды я не хотѣл бы. *Лучшее реагированіе в том, что мы промотали.* Горемыкин уже в эту Думу не пойдет. Мы его побѣдили тѣм, что сказали, что мы служим странѣ”. “Первый шаг — свалить Горемыкина, а это возможно политической сдержанностью”.

*) Стѣдует оговориться, что неизбежно приходится иногда по собственному разумѣнію раскрывать скобки в бѣглых карандашных записках вдохновителя «прогрессивнаго блока». Однако, противорѣчія, которыя можно отмѣтить в выступленіях представителей отдѣльных думских фракцій, являются в большинствѣ случаев не результатом произвольных интерпретацій текста записей — противорѣчивы были самыя оцѣнки и заявленія этих лиц.

— намѣчал Милоков абрис ближайшей тактики. Ее приходится назвать выжидательной.

В действительности творцы блоковой тактики ждали, как будет реагировать страна — это так ясно из всего, что говорилось на совѣщаніях представителей блока через полтора мѣсяца, когда встал вопрос о “новой ориентации” — о возможных дѣйствіях “внѣ парламента”. Предварительно вопрос этот подвергся обсужденію 25 октября в боѣе узком кругѣ блокового объединенія при участіи членов земскаго и городского союзов (кн. Львовъ, Челноков, Астров, Гучков, Щепкин и Федоров), по инициативѣ которых, очевидно, и возобновились блоковые совѣщанія. 28-го дебаты были перенесены в расширенный состав — в нашем изложеніи мы объединим в одно всѣ совѣщанія*).

Говорили о намѣчавшемся съѣздѣ земскаго и городского союза, подкрѣпленнаго съѣздом торг.-промышленным, которым хотѣли придать “политическій” характер: “русское общество должно отвѣтить рѣзким опредѣленным протестом”, — заявил Гучков. Законодательныя учрежденія (предполагалось, что Дума вновь будет созвана в концѣ ноября), должны “оказать поддержку” общественной инициативѣ — напр., “отверженіем бюджета”. Милоков поставил вопрос: “готовы ли? есть ли настроеніе”. По мнѣнію идеолога блока — “общество вло реагирует”. Представители московских “общественныхъ организацій” подтвердили “паденіе настроенія”, которое принимает “грозовые размѣры” (Щепкин), но дали разныя объясненія. “Мы... остаемся при том же, но... измѣнилось настроеніе в самой толщѣ общественнаго масс. Всѣ признаки реакціи на лицо... Мы остались наверху, а почва уходит... Слои внизу испытывают к нам ненависть и раздраженіе... Прием дискредитированія имѣет успѣх... Мы не знаем, представляем ли что-нибудь. Мы должны быть готовы, что встрѣтим матеріал шой” (Астров). “Рѣзкое паденіе настроенія в гущѣ населенія” приводит всегдашняго pessimиста Шингарева в “состояніе тяжелаго политическаго раздумья”. Горемыкин “не растерялся” — “произвел учет и оказался побѣдителем”. Теперь “разговоры кончены, должны начаться дѣйствія. Но на них мы неспособны или они не назрѣли. Люди остановились в нерѣшительности перед крупными событіями. Радикальные городскіе головы в растерянных чувствах... Хвостов (нов. мин. вн. д.) учет историческую минуту и ловко подбъзается**). Послѣ всего преды-

*) В расширенном совѣщаніи принимали участіе: прогрес. націон. — Бобринскій, Савенко, Шаховской, Шульгин; земцы-октябристы Варун-Секрет, Годнев, Дмитрюков, Каинист, Ростовцев, Стемковскій, Шидловскій; прогресисты: Ефремов; кадеты — Милоков, Шингарев, Маклаков. От Гос. Совѣта: правые — Гурко; центр — Ермолов, Меллер-Закомельскій, Оболенскій. Акад. Гр. — Гимм, Ковалевскій; виѣпартійные — Стахович.

**) Для середины октября, мы имѣем письмо московскаго градоначальника министру вн. д., излагающее на основаніи агентурныхъ свѣдѣній обмѣи мнѣній, который происходил на бывшем за два дня перед тѣм к.-д. совѣщаніи. Оно очень показательно для намѣчавшагося разслоенія в общественной средѣ. Ниже в записях Милокова о совѣщаніях прогрессивнаго блока, читатель найдет необходимыя поправки и дополненія к полученному донесенію. Цѣль совѣщанія — передавал градоначальник — «выработать новые тактические приемы, которые должны быть примѣнены, как в предстоящихъ засѣданіяхъ Гос. Думы, так и в особенности (если оправдаются слухи о кратковременности сессіи), послѣ роспуска ея». Агентурныя свѣ-

дущаго падо дѣлать революцію или дворцовый переворот, а они невозможны или дѣлаются другими". Маклаков согласен с Шингаревым: "...у нас больше бурлят верхушки, чѣм низы, которые оказались обывателями. Демагогическіе приемы на них дѣйствуют". В виду "новаго настроенія" Маклаков предостерегает "противъ возвращенія къ воспоминаніямъ прошлаго". Меллер-Закомельскій пошелъ еще дальше: "Это настроеніе не упадка, а политическаго маразма, потеря всякой надежды. Лучшіе элементы сказали: для побѣды нужно то и то, монарх сдѣлалъ обратное. Всѣ заключаютъ: значитъ, теперь не сѣна Горемыкина, а революція. Неужели теперь, когда 15 губерній заняты непріятелем... Допустить, что Горемыкин заключитъ миръ пельзя. Какъ выступать? Всѣ общественные элементы сдѣлали послѣдній выстрѣлъ". На этомъ пути "наша артиллерія разстрѣлана"... "Новое слово" можетъ явиться в Думѣ — до этого времени вопросъ о дальнѣйшей тактикѣ надо оставить "открытымъ". Гучков, настроенный "боевымъ образомъ" не согласенъ с такою опфикою: "В каждой борьбѣ рискъ есть. Но его преувеличиваютъ. Прострація есть, но есть и выигрыши. Всѣ плюэин исчезли, и всѣ разногласія огнали. Разногласія в діанозѣ нѣтъ. Почему кажется, что общественное мнѣніе апатично. Оно достигло предѣловъ отчаянія. Пациентъ признанъ moribundus. Тутъ замерли, потому что предстоитъ актъ величайшей важности. Я выставилъ бы боевой лозунгъ и

дѣнія такъ излагали рѣчь лидера партіи: «сейчасъ говорить о новыхъ приемахъ борьбы еще преждевременно. Сейчасъ возможна только выжидательная тактика, такъ какъ и само правительство пока находится в состояніи полной неизвѣстности относительно дальнѣйшихъ своихъ шаговъ: правительство идетъ ощупью и само не знаетъ, в какую сторону заставить его повернуть событія. Эта выжидательная позиція правительства и заставляетъ его возможно оттягивать созывъ Гос. Думы, но такъ или иначе долго такое положеніе продолжаться не можетъ, ибо нужно провести бюджетъ. Дума будетъ созвана». «Если дѣйствительно окажется, что Дума нужна правительству только для утвержденія бюджета и для санкціонированія займовъ и затѣмъ она будетъ распущена на продолжительный срокъ, тогда, дѣйствительно, можно будетъ сказать, что положеніе окончательно опредѣлилось, и тогда с совершеной непреложностью встаетъ вопросъ о ликвидаціи настоящей тактики и разработкѣ новыхъ приемовъ борьбы». Концепція «выжидательной тактики» вызвала рѣзкія возраженія со стороны представителей лѣваго сектора партіи, находившихъ, что подобной тактикой «партія завелена в болото». Только наивные, упорно закрывающіе глаза на истинную природу даннаго правительства — говорили московскій адвокатъ Мандельштамъ — могутъ продолжать мечтать о возможности какого-то соглашенія с правительствомъ. Только слѣпцы могутъ надѣяться, что могутъ привести к какому-нибудь результату переговоры с господами, вродѣ Хвостова. Программу Хвостова можно опредѣлить в двухъ словахъ — демагогія и провокація. Это — шулерская игра крепленными картами. И неужели же можно говорить о цѣлесообразности выжидательной тактики общественныхъ силъ, когда с абсолютной очевидностью выяснилась тактика правительства, сводящаяся къ стремленію выиграть время, мороча общество? Пусть в этой тактикѣ правительство идетъ своей дорогой, общество же тоже должно идти своей. И со стороны кадетской партіи является прямо историческимъ преступленіемъ, если она не откажется от тактики заматчиванія истиннаго положенія вещей и такимъ заматчиваніемъ, отказомъ от борьбы будетъ оказывать поддержку настоящему правительству. Какъ участіе кадетъ в «прогрессивномъ блокѣ» и путь позорнаго компромисса не далъ ни малѣйшаго результата и не могъ предупредить того, что обществу в лицѣ земскаго и городского союзовъ власть нагло плюнула в лицо, такъ та же ложная тактика вовсе не служитъ обезпеченіемъ побѣды надъ Германіей, а наоборотъ парализуетъ и ослабляетъ силы общества в этой борьбѣ...

ыл бы на прямой конфликт с властью. Все равно обстоятельства к этому приведут. Молчаніе было истолковано в смысл примиренія... Я готов бы ждать конца войны, если бы он был обезпечен благоприятный. Но нас ведут к политикѣ вѣшняго пораженія и к внутреннему краху. Правительство "пораженческое". Возымѣют ли слова вліяніе? Может бытъ. Власть дряблая и гнилая. Там нѣтъ желѣзных, сильных, убѣжденных людей". По мнѣнію Федорова "надо созвать съѣзд не для подъема настроеній — вам придется справляться с настроеніем. Если prominently, дискредитируем себя. Населеніе ждет, что мы сдѣлаем". Челноков не вѣрит "в слова". "Что мы будем дѣлать? Настроеніе дѣйствительно упало, но по другим причинам. Нельзя поднимать настроеніе для того, чтобы поднимать... Раз мы объявим, что мы против революціи, все будут звать, что дальше слов не пойдем"... "Нужно вооружиться терпѣніем и ждать", — "серьезный разговор с Горемыкиным только послѣ войны". Неожиданным пессимистом оказался энергичный кн. Львов: "Надо бороться с полной увѣренностью, что будет успѣх. Я сомнѣваюсь относительно земцев — может быть даже провал, если поведем прежній цикл: зафиксировать то, что хочет Гучков, нельзя. Та дорога, которой мы шли, кончена. Мы пойдем назад"... "Не борьба, а самозащита".

Диссонансом прозвучал голос "праваго" Олсуфьева, котораго центр Гос. Совета уполномочил лишь "ходить и рассказывать" и который считал, что "нужно измѣнить тактику", потому что в "коренном вопросѣ мы потерпѣли поражение". "Мы защищали Россію от возможнаго вторженія — общее сочувствіе: все для войны. Мы относились трагически к перемѣнѣ командованія. Катастрофа. Все мы ошиблись: Государь видѣл дальше. Перемѣны повели к лучшему. Идол оказался пустым идиолом. Блок — и общество — в самом коренном вопросѣ ошибся и потерпѣл поражение. Затѣм мы предлагали для войны смѣнить министров. Самый нежелательный остался, и война пошла лучше. Прекратился поток бѣжнцев, не будет взята Москва — это важнѣе безконечно, чѣм — кто будет министром, и когда будет создана Дума... Войскенность блока не будет отвѣчать полуженію, а нѣкоторая сдержанность. "вооруженный нейтралитет", а если будем махать руками, уроним авторитет... Важна потенциальная сила в запасѣ... "Фронтальной атаки" не совѣтую; ничего не останется, весь автомобиль полетит в пропасть". Мысли Олсуфьева повергли в "полное изумленіе" кн. Львова: "Картина Олсуфьева может быть гдѣ-нибудь в Царевкокишайскѣ... Я смотрю на происходящее крайне мрачно... Полное пораженіе, крушеніе монархіи, апархія в Россіи — вот что нас ждет... То, что случилось, это сумасшедшій дом... Правительство раздражило все общественныя силы в Россіи... Никто не может сказать, что будет через мѣсяц... Блок хотѣл принести жертву, раздѣлить тяжелюю отвѣтственность, а не сидѣть спокойно, критикуя... Это было проявленіе гражданскаго чувства... Тупые люди, которые ничего не понимают, все объяснили стремленіем к какому-то захвату власти... Непосредственное вѣдѣтельство народа поставит всю Россію в конфликт с короной".

Конфликт с короной... С объективизмом ученаго Ковалевскій получал, что "оппозиція коронѣ — не дѣло Думы", что "не раз в других

странах депутаты при конфликть с короной сознательно лгали — фикция ответственности за Совѣтъ министров”. “Надо сдѣлать козлом отпущенія Горемыкина”. The King can do no wrong — “король не может дѣлать зла”. На что не специалист по конституціонному праву Вл. Львов отвѣчал: “перед страной говорить: правительство во всем виновато, никто не повѣрит”. Если Меллер-Закомельскій боялся “скользнуть с почвы борьбы с правительством на конфликт с короной”, Маклаков говорил, что “единственный лозунг — выявленіе конфликта с короной”. “Мы не сможем выдержать прежней фикціи... Нельзя удержаться на позиціи лояльности”. Это “выявленіе” обязательно должна сдѣлать Дума — преждевременное выступленіе създов (они должны будут реагировать на вопрос высшей политики) испортит музыку Гос. Думы. Маклаков предлагал “додумать до конца”. Но здѣсь получалась неразрѣшимая квадратура круга. Надо было “выдумать” путь, “не теряя физиономіи, не мѣняя отношенія к правительству, не ослабить единенія для борьбы с внѣшним врагом” (Шидловскій). Нужно было найти “слова”, которыя не были бы “призывом к революціи” (Щепкин). Надо было занять позицію “внушителей” общественной раскачки, но не “квовать толпы”, сохраняя “удивительное спокойствіе и достоинство” (Шидловскій). “У кого революція в столицѣ, тот первый скажет мир” (Шульгин). Впрочем, Гурко готов допустить обращеніе “к улицѣ в крайнем случаѣ”: “лучше сейчас с патриотическим настроеніем, чѣм потом, когда всѣх потопит”. Основная цѣль не достигнута: “при современном правительствѣ побѣда немислима... Улучшеніе военнаго положенія — хронологическій инцидент. Ни побѣды, ни внутренняго мира. Цѣль остается та же — смѣнить правительство”. Блок должен “проявить жизнь”. Что может оказать воздѣйствіе? “Только страх. Надо его (т. е. Николая II) наугать до бѣлой горячки”.

Гурко нашел тактическій выход для Думы — дѣло блока “инсценировать”: “Ни в Думѣ, ни в Совѣтѣ никаких дѣйствій, которыя дали бы право закрытія Думы”, а в комиссіях заниматься “попугиваніем”. Бобринскій не находил отвѣта, и потому созыв Думы его страшил... В концѣ концов послѣ довольно безплодных дебатов баласт “общей тактики” был скинут. Молчаливо, как бы принимая девиз, формулированный Шульгиным и мало соответствовавшій тому, что было сказано на совѣщаніи: “по отношенію к правительству дѣловая оппозиція”. “Подводный камень” для блока отсутствіе “дѣловаго единства”. “Требуется рецепты”; “мало сказать, что дурно, надо сказать, что дѣлать”. Послѣдующія совѣщанія блоковаго единенія и были в предвидѣніи грядущей сессіи законодательныхъ учрежденій, посвящены выработкѣ “резолуціи”, т. е. того “фундамента”, на котором должны соиздаться “практическія мѣры”. — резолюція, которая должна была сочетать общественныя настроенія с принципом сохраненія Думы от “подводныхъ камней”, и которая еще раз вопреки тому, что было говорено, должна отмѣтить, что общественное спокойствіе вызвано “патриотизмом, а не мѣрами правительства” (Меллер). Дума должна сказать какое-то новое слово. Этим словом и может быть “ответственное министерство”. Формула “довѣрія” была “оплѣшкой”, “она ни к чему не привела и дважды повторять нельзя” и особенно в момент, когда “почти повсемѣстно ясно, что конфликт с короной”.

Возражения, представленные против ускоренного темпа “основных требований” (“ответственное министерство” такой резкий шаг, — это уже не эволюция — возражение Гримма), учитывали не только верховную власть, но и сплоченность самого блока... “Изменение программы может разбить блок”. Тогда “блока не будет”, между тем блок “слишком дорогая и ценная вещь”. Львов поражен сочувствием справа. Члены совещания друг друга уверяли, что из “испытания” блоковое соглашение вышло “более прочным”, что “мы занимаем сильную политическую позицию”, “мы страшны... поскольку мы не уступаем” и т. д.

Созыв Думы был отложен. Ефремов вновь поднял вопрос о том, как блок должен реагировать на эту отсрочку. Ему отвечали, что во имя сохранения блока нельзя “поднимать рогатых вопросов” (Шидловский). Блок пользуется таким “огромным кредитом в стране”, что его существование необходимо поддерживать, даже если он есть только политическая фикция — таково крайне преувеличенное мнение самого Милюкова. “Блуждающими огнями” назвал Шингарев предположения, что население может поддержать Думу в решительной борьбе с правительством, и что власть может испугаться и уступить. В сущности эти слова Шингарева служат лучшим ответом на поставленный выше вопрос о тактике прогрессивного блока.

В записках Милюкова есть еще одна показательная отметка. Она касается автора сенсационной статьи “Безумный шофер”, о конечном выводе которой так много в то время спорили. Маклаков сказал на собрании 25 октября, что сам он надеется только на *deus ex machina* — на 11-ое марта: день убийства Имп. Павла. Надежды на “революционеров справа” означали “недовольные к стране”. Замечание это было сделано позже проф. Гриммом и, очевидно, должно быть отнесено к тем, кто тогда уже начинал готовить “дворцовый переворот” в традиционном стиле XVIII столетия. В том же заседании Федоров попутно осведомлял собрание, что лицо “близкое к жене Мих. Алекс.”, с которым Вел. Князь вел беседу о современном положении и опасности, грозящей династии “из армии”, передавало слова Мих. Алекс.: “Да мицует меня чаша! Конечно, если бы, к несчастью, это совершилось, я сочувствую английским порядкам”.

**
*

“Сводка” московского Охр. Отд. в противоречии с собственными заключениями видела сознательный маневр оппозиции, в целях противопоставить верховную власть стране, в распространении “сплетен” о закулисных переговорах по поводу сепаратного мира с Германией, инициатором которых являлся Царь под руководящим влиянием “пэмки”. “Эта сплетня, находящая втѣру в низах, удар по царскому имени, значение которого трудно учесть”, — говорила сводка. То был, конечно, психоз, а не тактический прием очернения династии. Вѣрили не только низы, и не низы создали легенду, получившую широкое распространение, а впоследствии и “историческую” оправу. В дни августовского правительственного кризиса начала создаваться эта легенда, и по запискам Охр. Отдѣл. мы можем проследить ее источник. Не

в той грубой формѣ, как воспринимала, конечно, стоустая молва, им был едва ли не сам Милюков.

По сообщенію Охр. Отд. 6 сентября в Москвѣ, на квартирѣ городского головы Челнокова, наканунѣ открытія земскаго и городского съѣздов, состоялось предварительное совѣщаніе, на которое прибыли представители политических групп, входивших в состав думскаго прогрессивнаго блока. Собраніе открылось рѣчью Милюкова, резюмировавшаго обстоятельства, которыя привели к роспуску Гос. Думы. Из этой рѣчи и послѣдовавших затѣм преній выяснилась слѣдующая «схема, вскрывающая истинное положеніе вещей». Надо ли вносить оговорку, что всякое специфическое донесеніе мало походит на стенограмму и особенно в деталях. Но сама по себѣ «схема» носит столь опредѣленный характер кабинетнаго измышленія и постолько подчас совпадает с позднѣйшими выступленіями лидера думской оппозиціи и его историческими объясненіями в Чр. Сл. Ком., что нѣтъ основанія ее цѣликом отвергать.

По этой схемѣ в противовѣс «прогрессивному блоку» и всей странѣ, желающей побѣдоноснаго окончанія войны, образовался другой блок — «черный», в состав котораго входят германфильская придворная военная партія, меньшинство Совѣта министров в лицѣ Горемыкина и Хвостова*) и правыя крылья обѣих законодательных палат**). Основная цѣль «чернаго блока» — заключеніе сепаратнаго мира, который наиболѣе отвѣчает личным интересам его членов. Для германфильской партіи, связанной тѣсными кровными и національными узами с германской военной аристократіей, сепаратный мир не только поддержаніе вѣковых связей и сохраненіе своего положенія при Дворѣ, но и укрѣпленіе парствующей династіи, которой в случаѣ побѣды четвертнаго согласія грозит умаленіе прерогатив. Для правых крыльев обѣих палат сепаратный мир помимо объединяющей «черный блок» обманчивой идеи, будто сепаратный мир ведет к укрѣпленію самодержавной власти, имѣет весьма реальные имущественные интересы... Вожди наших правых партій являются крупными владѣльцами в пограничной с Германіей полосѣ... Сепаратный мир, спасая от разоренія юго-западный край и юг Россіи, сохраняет неприкосновенными их богатства. Это переплетеніе весьма иллюзорных идейных интересов с очень крупными личными интересами сковываетъ всѣх членов блока в единое неразрывное цѣлое. Они всецѣло приѣмлют предложеніе имп. Вильгельма заключить сепаратный мир с тѣм, чтобы вмѣсто отторгнутой Польши предоставить Россіи компенсацію путем уступок всѣх мѣстностей Галиціи с преобладающим русским населеніем. Таким образом будет достигнута историческая миссія Россіи — объединить под скипетром русскаго Государя всѣ русскія народности. Сепаратный мир не только выгоден для Россіи в имущественном отношеніи. Он

*) Хвостов, «связанный с Горемыкиным», как мы видѣли, значительно расходился с другими членами Совѣта министров, но в то же время нельзя не обратить вниманіе на показаніе Щербатсва, утверждавшаго в Чр. Сл. Ком., что Хв. «почти во всем... примыкалъ к нашим взглядам».

**) Борьбѣ «чернаго» блока с «прогрессивным» осенью 15 г. Милюков придавал в показаніях первостепенное значеніе. Отмѣтим, что Родзянко в той же Чр. Сл. Ком. в противоположность утвержденіям Милюкова отрицалъ наличность «чернаго» блока, как чего-то организованнаго.

общает и громадные государственные выгоды, так как теперешняя мировая война блестяще и неоспоримо доказала лишь, поскольку гибельно было для России ее уклонение от традиционной дружбы с Германией...

Только желѣзный союз двух императоров может диктовать свою непреклонную волю всему свѣту. Император Вильгельм просит о таком союзѣ; и не согласится на заключеніе этого союза с точки зрѣнія реальных интересов России, значит, идти против России. Правда, в заключеніи сепаратнаго мира содержится, помимо реальных интересов, еще и нравственная сторона. Заключеніе сепаратнаго мира с этической стороны равносильно нарушенію наших союзных договоров. Конечно, ни великодержавная страна, ни великодержавный Государь не могут перед лицом исторіи принять на себя столь безславных обвиненій. Есть однако обстоятельства, которыя сильнѣй личной воли Монарха. Если начнется революція (слово это не употребляется, говорится о всеобщей забастовкѣ и пр.), то в этот момент наступят обстоятельства, при которых заключеніе сепаратнаго мира станет неизбежным во имя спасенія России. Отсюда вытекают все дѣйствія теперешней власти. Она явно стремится вызвать общую смуту, разъединить народ с арміей и создать условія, при которых стало бы возможным, с одной стороны, заключить сепаратный мир, а с другой стороны обращеніе арміи, которая увидит себя предательски покинутой страной перед лицом врага, для усмиренія внутренних безпорядков*).

Для достиженія своих цѣлей «черный блок» прежде всего поставился захватить в свои руки Царя. Для этого необходимо было удаленіе наиболѣе вѣрных ему людей из так называемой придворной партіи (глава «русской» партіи ген. Орлов попал в «ссылку» на Кавказ); созданіе безсильнаго правительства во главѣ с таким старцем, как Горемыкин; удаленіе из состава правительства всех тѣх, которые могут помѣшать основному плану; удаленіе вел. кн. Н. Н. и принятіе на себя верховнаго командованія Царем. Эти обстоятельства при первѣнственности Монарха открывают надежды, что его при извѣстной обстановкѣ легче будет уговорить измѣнить союзникам и согласиться на льстивыя предложенія о заключеніи сепаратнаго мира, чѣм рискнуть на генеральное сраженіе...

«Эти информатіонныя свѣдѣнія, — заключало донесеніе, — выяснившія положеніе в противоположном лагерѣ, опредѣлили весь дальнѣйшій ход событій на земском и городском свѣздах и привели къ установленію слѣдующих трех лозунгов: 1) Полное самообладаніе и никаких внутренних смут, чтобы не дать противнику привести в исполненіе его адскій замысел**); 2) возобновленіе сессіи законодатель-

*) В одной из агентурных записок Охр. Отд., предшествовавшей «сводкѣ», отмѣчалось, что в московских кадетских кругах рѣшимость правительства распустить Гос. Думу разсматривалась, как опредѣленный провокаціонный пріем в цѣлях заключенія сепаратнаго мира.

**) В февральской «сводкѣ» приводятся слова Миллюкова на одном из засѣданій думской фракціи к.д., убѣждавшаго не поддаваться на провокацію правительства, которое, всеми силами души стремясь къ сепаратному миру с Германіей, желает вызвать осложненія в странѣ. Эти осложненія развязали бы ему руки; с одной стороны, ссылаась на рост революціоннаго движенія в России, правительство объяснило бы перед союзниками не-

ных учреждений, чтобы гарантировать гласность и возможность разоблачений, которые являются смертельным ядом для противника, осуществление замыслов которого возможно только без вѣдома страны, при работѣ в глубоком подпольѣ; 3) создание правительства, облеченнаго общественным довѣріем, чтобы вырвать власть из рук тѣх, которые ведут Россію к гибели, рабству и позору”.

Мысль о сепаратном мирѣ укоренялась в общественном сознаниі. В донесеніи Охр. Отд. имѣется еще одна любопытная отмѣтка, передававшая мнѣнія, которыя были высказаны членами объединеннаго совѣщанія представителей союзов и военно-промышленнаго комитета на обѣдѣ у московскаго банкира Рябушинскаго 6 декабря. Донесеніе воспроизводило слова самого Рябушинскаго: “вся исходящая от... Горемыкина реакція есть только провокація — правительство желает вызвать революцію в странѣ, будучи вполне убѣждено, что... ее легко будет разбить..., а так как военная кампанія проиграна, то... такая революція дала бы перед союзниками оправданіе на право заключенія сепаратнаго мира... Горемыкин не понимает, что он ведет политику только в интересах династии, для которой мир необходим немедленно”... Эта мысль из кругов русской либеральной общественности, как мы видѣли, просачивалась и за-границу.

III. «ЧЕХАРДА МИНИСТРОВ».

От теоретических “схем” и “сплетен” перейдем к дѣйствительности. Интимная переписка дает возможность довольно ясно представить себѣ психологію посетителя верховной власти в момент развернушагося правительственнаго кризиса и характер той “артиллерійской подготовки из Царскаго” (так, по словам Наумова, в министерских кругах назывались письма А. Ф.), которая предшествовала принятым рѣшеніям. Эта “артиллерійская подготовка” была очень далека от планомѣрнаго осуществленія нѣкаго “адекватнаго замысла” со стороны “чернаго” блока, как оно рисовалось в общественном представленіи, прошедшем через призму толкованій дѣятелей департамента полиціи. Достаточно указать, что под непосредственным впечатлѣніем от коллективнаго письма министров А. Ф. ставит вопрос о замѣнѣ Горемыкина, но опредѣленнаго кандидата у нея нѣтъ. “Говорят, — писала она 24-го, — что в Думѣ всѣ партіи собираются обратиться к тебѣ с просьбой об удаленіи старика. Я все еще надѣюсь, что когда, наконец, переписка будет официально опубликована, все наладится. В противном случаѣ я боюсь, что старик не сможет оставаться, раз всѣ против него... И кого взять в такое время, чтобы был достаточно энергичен? Военнаго министра (т. е. Поливанова) на короткое время,

возможность продолженія кампаніи, с другой, отвѣтственность за проигрыш кампаніи оно возложило бы на революціонные и оппозиціонные круги. Надо поэтому не обострять, а сдерживать «клокочущее настроеніе», не строить мостов тонущей реакціи. При предстоящей близко расплатѣ положеніе правительства представляется безнадежным и торжество русскаго либерализма — полным и безусловным... Вслѣдствіи с этого момента — «когда Горемыкин одержал побѣду над прогрессивным блоком» — Милюков ведет начало революціи — «дальше уже шла одна агонія» (полемика с Гурко).

чтобы наказать их (я эту мысль не одобряю) — это будет похоже на диктатуру, так как он ничего не понимает во внутренних делах. Каков Харитонов? Я не знаю. Но лучше еще подождать. Они, конечно, всё мѣтят на Родзянко, который погубил бы и испортил все, что ты сдѣлал и которому никогда нельзя довѣряться”. Через нѣсколько дней (28-го) послѣ разговора с Горемыкиным она высказывается болѣе рѣшительно за сохраненіе его на посту предѣдателя: “Он находит, что совершенно невозможно работать с министрами, не желающими с ним сговориться. (“Он находит, что министры хуже Думы”), но он так же, как и мы, находит, что сейчас его не слѣдовало бы удалять, ибо это то им и желательно, и если им сдѣлать эту уступку, то они станут еще хуже. Если ты хочешь это сдѣлать, то твоему собственному желанію и притом нѣсколько позже. Вѣдь ты самодержец, и они не смѣют этого забывать”. На другой день: “Мнѣ хочется отколотить почти всѣх министров и поскорѣе выгнать Щерб. и Сам.”.

Фактически в этих первых письмах идет рѣчь об увольненіи Щербатова, поставленном еще до коллективнаго письма и вызываемом недостаточной твердостью министра от “общественности” на своем отвѣтственном посту. Щербатов свою программу Палеологу опредѣлял так (по крайней мѣрѣ по записи французскаго посла): “Я не потерплю ни безпорядков, ни бездѣйствія, ни упадка духа”. Императрица с самаго начала отосилась к Щербатову с нѣкоторым скепсисом, хотя б. управл. государственным ковозаводством, в обновленном правительствѣ занявшій должность мин. вн. д., и был “лучшим другом” дворцоваго коменданта Воейкова и при первом представленіи А. Ф. произвел на нее “пріятное впечатлѣніе”. Но А. Ф. считала, что Щербатов, полтавскій предводитель дворянства, фатально должен присоединиться к оппозиціонной “московской кликѣ”; называла министра вн. д. “тряпкой”: при нем “всякій может распоряжаться по своему усмотрѣнію”; он не сумѣл “прибрать печать к рукам”, это “флюгер”, идущій на поводу у Думы; “форменное ничтожество, хотя и добрый малый” и т. д.

Еще до отъѣзда Царя в Ставку говорили в царской семьѣ о замѣстителѣ Щербатова и намѣчался член Думы Хвостов — по крайней мѣрѣ, в письмѣ 22 августа в дотонку Царю А. Ф. писала: “Я надѣюсь, что Горем. одобрит назначеніе Хвостова — тебѣ нужен энергичный министр вн. д.; если он окажется не подходящим, можно будет его позднѣе смѣнить, бѣды в этом нѣтъ. Но, если он энергичен, он может очень помочь и тогда со стариком нечего считаться... Если его берешь, то телеграфируй мнѣ: “хвост годится”... В этот момент Хвостов отнюдь не являлся еще кандидатом А. Ф. Поэтому первоначально она отнеслась спокойно к отрицательному отношенію к назначенію Хвостова со стороны Горемыкина: “Относительно Хвостова. — писала она 23 сентября, — он думает, что лучше не надо его. Он в Думѣ выступал против правительства и германцев (он племянник министра юстиціи), находит его слишком легкомысленным и не совсѣм вѣрным в нѣкоторых отношеніях. Находит, что, конечно, Щербатов не может оставаться — уже одно то, что он не прибрал печать к рукам, доказывает, насколько он не подходящ для своего мѣста”. Послѣ размышленія Горемыкин пришел к выводу, что “нѣтъ подходя-

щаго кандидата за исключеніем развѣ Нейдгарта”*). Сообщая об этом 28 августа, А. Ф. добавляла: “и я также полагаю, он был бы не плох”. “Мнѣ кажется, что Нейдгарту можно было бы довѣрять — не думаю, что его нѣмецкая фамилія могла бы послужить препятствіем, так как его всюду превозносят за дѣятельность в Татьянинном Комитетѣ”. На слѣдующій день А. Ф. вновь обращается к Нейдгарту: “В случаѣ (я совсѣм не знаю, одобряешь ли ты Нейдгарта), если ты его назначишь... поговори с ним рѣшительно и откровенно. Смотри, чтобы он не пошел по стопам Джунк. Ты с самаго начала объясни ему положеніе нашего Друга, чтобы он не смѣл поступать, как Щерб., Сам. Дай ему понять, что, преслѣдуя нашего Друга или позволяя клеветать на него, он этим дѣйствует прямо против нас”. О Хвостовѣ А. Ф. не может высказаться, так как не знает этого человѣка: “...А. (Вырубова) только что видѣла Андр(онникова) и Хвостова — послѣдній произвел на нее прекрасное впечатлѣніе... Он очень тебѣ предан, говорил с ней спокойно и хорошо о нашем Другѣ, рассказал, что на завтра готовился запрос в Думѣ о Гр., просили подписи Хвостова, но он отказался и замѣтил, что, если этот вопрос будет поднят, то амнистія не будет дарована. Они подумали и — опять отказались от запроса. Он рассказал такіе ужасы про Гучкова. Был сегодня у Горем. — говорил про тебя, что ты спас себя, приняв на себя командованіе. Хвостов поднял вопрос о германском засиліи и дороговизнѣ мяса, чтобы лѣвые их не поднимали. Теперь, когда это обсуждается правыми, это безопасно... Я его статьи, т. е. рѣчи в Думѣ, не читала, так что мнѣ трудно давать совѣт. Всѣ другіе против него или один только старик, который ненавидит всѣх думских”**).

Нельзя не признать достаточно показательной кандидатуру Нейдгарта и Хвостова с точки зрѣнія подготовки осуществленія замыслов “чернаго блока” — один свойственник Сазонова (был женат, как и Столыпин, на сестрѣ Нейдгарта), другой — заядлый фанатик борьбы с нѣмецким засиліем и нѣмецким шпионажем. В сущности остро беспокоил в эти дни А. Ф. один вопрос — будет ли распущена Дума “немедленно”, т. е. раньше, чѣм может быть сдѣлан запрос о “Тригоріи” (“Дума не смѣет касаться этого вопроса”) — запрос, который так беспокоил и нѣкоторых членов Совѣта министров***).

*) А. Ф. писала, что Горемыкин хотѣл предложить Крыжановскаго, но «я отвѣтила, что ты никогда не согласишься». Имя Крыжановскаго называлось в цитированной запискѣ Охр. Отд. в качествѣ проводника закулисных планов «чернаго блока».

**) В слѣдующем письмѣ 30-го А. Ф. высказывала пожеланіе, чтобы Царь повидал Хвостова и «обстоятельно» с ним побесѣдовал: «произведет ли он на тебя то же благоприятное, честное, лойальное, энергичное впечатлѣнію, как на Аню».

***) В засѣданіи 24-го министр юстиціи предупредил Совѣт, что, по словам Родзянко, зрѣет проект предъявленія министру в случаѣ преждевременнаго роспуска Думы демонстративнаго запроса о Распутинѣ. «Замазать ротъ ибѣ возможности и «скандалъ получится небывалый». Единственный путь предотвратить скандалъ, как утверждал Родзянко, это возбудить против Распутина судебное дѣло и заточеніе. Хвостов обслѣдовал вопрос и убѣдился, что «никакаго матеріала для вмѣшательства судебных властей не имѣется». Горемыкин считал, что все это «сочинилъ» Родзянко, чтобы «запугать» Совѣт, и что правительству нечего считаться с подобными «угрозами». К этому заключенію присоединился и Кривошеин.

сообщал жемъ: “вчера мы хорошо и до конца договорились со старым Гор.”. Договоренность заключалась в том, что Думу “закроют” немедленно, а разрѣшеніе всѣх остальных вопросов о смѣнѣ правительства оставят до возвращенія Монарха в Царское.

Мы видѣли, как обострились отношенія в Совѣтѣ министров послѣ возвращенія Горемыкина из Ставки, и 6 сентября в письмѣ А. Ф. упоминается имя Сазонова, как министра, подлежащаго удаленію: “Старик был у меня — ему очень трудно, министры скверно к нему относятся. Кажется, они намѣрены просить отставки — и хорошо дѣлают. Сазонов больше всѣх кричит, волнует всѣх... не ходит на засѣданія Совѣта министров... Я это называю забастовкой министров. Затѣм он распространяет и рассказывает все, что говорилось и обсуждалось в Совѣтѣ, а они не имѣют права этого дѣлать, это очень сердит старика... Если он в чем-либо тебѣ мѣшает... то уволь его (он сам все это говорит), но если ты его удержишь, то он исполнит всѣ твои приказанія... Он просит тебя обдумать это к твоему возвращенію и рѣшить окончательно, а также найти преемников Сазонову и Щербатову”.

7 сентября к числу опальных министров присоединился “истинный антагонист” Горемыкина Кривошеин: “Я все-таки поскорѣе убрала бы Самарина и Кривошеина; послѣдній сильно не нравится старику, он виляет — и лѣвый и правый, и возбужден невѣроятно. Вѣднѣй старик искал у меня поддержки, говоря, что я “сама энергія”. На мой взгляд лучше смѣнить бастующих министров, а не председателя, который еще великолѣпно будет служить, если ему в сотрудики дадут приличных, честных, благонамѣренных людей. Он только и живет для службы тебѣ и твоей странѣ, знает, что дни его сочтены и не боится смерти от старости или насильственной смерти от кинжала или выстрѣла”. А. Ф. допускает возможность отставки Горемыкина — не надо только министра, “ответственнаго перед Думой, как они добиваются. Мы для этого не созрѣли, и это было бы тибелью Россіи (и “измѣной конституціонной присягѣ”, — добавляла А. Ф. 12 сентября). Мы не конституціонная страна и не смѣем ею быть. Наш народ для этого необразован и не готов”. Но в послѣдующіе дни А. Ф. окончательно укрѣпляется в мысли сохранить Горемыкина: “великолѣпно было бы выгнать нѣкоторых из них (министров — “он не может больше с ними работать”) и оставить старика”. На другой день она еще болѣе радикальна: “разгони всѣх, назначь Горемыкину новых министров”... 10-го агрессивная позиція Царицы еще повышается: послѣ ухода старика “выгони остальных и назначь рѣшительных людей”. В одном А. Ф. тверда, настаивая на скорѣйшем возвращеніи Царя хоть “на три дня”: нужно положить конец перѣберицѣ и “все привести в порядок”. “Я уже устала думать и видѣть, как всѣ дѣла плохи, и как это начинает распространяться по странѣ (12 сент.). “Нужно рѣшить: уходит ли он (Горемыкин) или он остается, а мѣняются министры”. “Только не теряй времени... вспомни, что ты немного медлительна, а тянуть время никогда не хорошо. До созыва Думы (через мѣсяц, — писала А. Ф. 12-го), должен быть сформирован сильный кабинет и при том поскорѣе, чтобы дать им время заранѣе начать работу и подготовиться совмѣстно”. “Я так жажду, чтобы, наконец, дѣла приняли благопріятный оборот, и чтобы

ты мог *цѣликом отдаться* войнѣ и интересам, с нею связанным” (16-го).

Как реагировал Царь на “артиллерійскую подготовку” из Царскаго? Свое отношеніе он развил в письмѣ 9 сентября: “Поведеніе нѣкоторых министров продолжает изумлять меня. Послѣ всего, что я им говорил в знаменитом вечернем засѣданіи, я полагаю, что они поняли меня и то, что я серьезно сказал именно то, что думал. Что же, тѣм хуже для них. Они боялись закрыть Думу — это было сдѣлано. Я уѣхал сюда и смѣнил Н. вопреки их совѣтам. Люди приняли этот шаг, как нѣчто естественнѣе и поняли, как мы. Доказательство — куча телеграмм, которыя я получаю со всѣх сторон — в самых трогательных выраженіях. Все это ясно показывает мнѣ одно, что министры, постоянно живя в городѣ, ужасно мало знают о том, что происходит во всей странѣ*). Здѣсь я могу судить правильно об истинном настроеніи среди разных классов народа; *все должно быть сдѣлано, чтобы довести войну до побѣднаго конца* и никаких сомнѣній на этот счет не высказывается. Это мнѣ официально говорили всѣ депутаты, которыя я принимал на днях, и так это повсюду в Россіи. Единственное исключеніе составляют Петербург и Москва — двѣ крошечныя точки на картѣ нашего отечества”.

Не склонный к рѣшительным мѣрам — поставить вопрос ребром: или устранить предсѣдателя или “бастующих министров” — Николай II попытался сохранить еще раз “золотую середину” и примирить оппозиціонных министров с престарѣлым премьером, ограничившись самым “строгим выговором”, на котором настаивала А. Ф. (12 сентября). Держаться Горемыкина уговаривал его и “старый Фредерик”. В этих пѣслях весь Совѣтъ министров был вызван в Ставку на 16 сентября. А. Ф. чрезвычайно была обезпокоена результатом этого засѣданія: “меня с ума сводит быть в неизвѣстности относительно того, что ты думаешь и рѣшаешь — это такой крест переживать все издали”. Однако, она вовсе не проявляет той нетерпимости, которую можно было ожидать в послѣднюю минуту к тѣм “гнусным министрам”, оппозиція которых приводила ее в “бѣшенство” — “это трусы”, которые ей “больше, чѣм опротивѣли”**): “Дай тебѣ Бог мудрости и силы *повлѣять* на них, дать им понять, как плохо они исполняли твои приказанія в теченіе этих трех педѣль” (16-го). Все дѣло в том, чтобы Царь проявил “железную волю”... “Покажи им кулак... яви себя Государем! Ты самодержец и они не смѣют этого забывать”***). “Я лично думаю, — писала А. Ф. на другой день, не зная принятых рѣшеній — что ты будешь принужден удалить Щ(ербатова) и С(амарина), а также, вѣроятно, длинноносаго С(азонова) и Кривошеина: “они не могут измѣниться, а ты не можешь оставить этих типов бороться с *новой Думой*”...

*) Царь говорил Щербатову: «вы совершенно пропитаны петербургскими болотными язвами».

**) По письмам А. Ф. можно прослѣдить, как желаніе «щелкнуть» министров за отношеніе к «старикѣ» постепенно превращается в «карательную экспедицію», в которую должен вылиться пріѣзд Царя в столицу.

***) А. Ф. послала специальную телеграмму: «Не забудь про гребенку» — напоминает она свою просьбу 15-го: «не забудь перед засѣданіем минуту подержать в рукѣ образок и нѣсколько раз расчесать волосы Его гребнем».

Деталей того, что было в Ставкѣ, к сожалѣнію, мы не знаем. В записках Яхонтова со слов Горемыкина значится: “все получили нахлобучку от Государя Императора за августовское письмо и за поведение во время августовскаго кризиса”. Сам Царь в письмѣ жешѣ 17-го так подытожил вывод: “Вчерашнее засѣданіе ясно показало мнѣ, что нѣкоторые из министров не желают работать со старым Горемыкиным, несмотря на мое строгое слово, обращенное к ним: поэтому по моем возвращеніи должны произойти перемѣны”. В дѣйствительности обстановка была в Ставкѣ довольно драматична. Перед Монархом стояла проблема, которую он не понимал или не умѣл разрѣшить; правительство обновленное в іюнѣ в цѣлях созданія “твердой” власти, оказалось в своем новом составѣ неработоспособным — в этом сомнѣній быть не могло*). Насколько остро было положеніе, показываетъ рассказ Щербатова в Чр. Сл. Ком. о внѣшней обстановкѣ засѣданія 16-го: “Государь вставал из-за стола и уходил. Мы выходили в другую комнату, а Горемыкин оставался. А когда Горемыкин уходил, мы приходили”. Непониманіе Монарха может быть объяснено не только присупцим, по мнѣнію Щербатова, его характеру свойством: острые вопросы всегда “смазывались”, но такой же неопредѣленностью оппозиціи бюрократіи, облекавшей критику в столь “вѣрноподданническія” формы, что остріе вопроса как бы притуплялось во внѣшней мишурѣ. Мы это видѣли в коллективном письмѣ, мы это видим в засѣданіи 16-го по тѣм кратким, отрывчатым свѣдѣніям, которыя до нас докатились. Тот же Щербатов показывал: ... “Государь послѣ того, как выразил нам неодобреніе, говорит: “Отчего вы не можете работать с председателем Совѣта?” Говорит в его присутствіи. Я ему сказал: “Во первых, есть разныя точки зрѣнія — бюрократа, земца, военнаго, юриста. Это, говорю, все различныя точки зрѣнія и иногда каждый остается при своей. Есть и другое, болѣе серьезное. Гораздо болѣе простое, но и болѣе неустранимое. Это разность взглядов двух поколѣній (мнѣ тогда было 47 лѣтъ, а Горемыкину 75). Я говорю, что я очень люблю моего отца, я очень почтительный сын, но хозяйничать в одном имѣніи с моим отцом не могу”... Так было в Могилевѣ, а в Царском А. Ф. нѣсколько раньше принимала министра Игнатъева и долго с ним бесѣдовала, высказав ему “свое мнѣніе относительно всего”. “Я говорила о старикѣ”, — писала жена мужу 3 сентября, — “об их безобразном отношеніи к нему”. В концѣ концов Игнатъев с ней “согласился”. “Так как он хорошій человекъ, я это знаю, то я распространилась еще о многом другом и он, думается мнѣ, послѣ этого на многое стал смотрѣть болѣе правильно”. Так, вѣроятно, больше казалось собесѣдницѣ, являвшейся по характеру своему слишком субъективной интерпретаторшей, но, очевидно, в репликах Игнатъева не было должной опредѣленности.

**

Послѣдовательное обзорѣніе писем А. Ф. приводит к опредѣленному выводу, что “карательная экспедиція”, в которую должно было

*) По словам Миллюкова, в обновленном кабинетѣ «общественность» удовлетворяя только Поливанов.

вылиться возвращеніе Царя из Ставки, в представленіи Императрицы ни в какой непосредственной связи с августовским коллективным письмом министров не стояла, а тѣм болѣе с возраженіями, направленными против принятія Царем верховнаго командованія. Трудно предположить, что это (“мотив личный”, по характеристикѣ Милюкова в Чр. Сл. Ком.), при нагурѣ А. Ф. не отразилось бы в письмах хотя бы в косвенных намеках. Красной нитью в этих письмах проходит мотив разложенія правительственной власти в силу дошедших до крайности обостреній между членами Совѣта министров и его престарѣлым предѣдателем. Отсюда вытекает существенная поправка, которую надлежит сдѣлать къ свидѣтельствам или субъективным воспріятіям современников, принимавших участіе в тогдашней политической жизни. Так Милюков перед Чр. Сл. Ком. показывал, что восемь подписавшихся под августовским коллективным письмом считались “с этих пор обреченными на ликвидацію”*). Почти такую же версію дал и Сазонов в воспоминаніях: “письмо рѣшило судьбу подписавших его министров, которые были смѣщены с извѣстной послѣдовательностью в теченіе слѣдующаго года”. Ставит в связь с письмом “10 министров” послѣдующее увольненіе и расширяющій рамки Поливановъ. “Нам было ясно, — показывал Поливанов, — что мы выѣзжаем (в Ставку) для того, чтобы имѣть сужденіе по поводу этого письма” (Поливанов утверждал, что министрам не объяснили, зачѣм их вызывают в Ставку — утвержденіе нѣсколько странное послѣ всего того, что происходило в засѣданіи Совѣта 2 сентября). Так как в Могилевѣ ни до чего “договориться” не могли, то Царь заявил, что он этот вопрос “разрубит” по приѣздѣ в Царское. “Дѣйствительно, через нѣсколько дней он вернулся в Ц. С., тогда началось послѣдовательное увольненіе министров, прогрессивно взирающих на событія в государствѣ. Сначала увольняли по два в недѣлю (точностью показанія б. военнаго министра в слѣдственной комиссіи не отличались, но это уже гипербола), потом по одному, а положеніе Горемыкина все болѣе и болѣе крѣпко в реакціонном направленіи”...

Говоря о послѣдовательном увольненіи министров, подписавших письмо, Сазонов дѣлает оговорку: “за исключеніем двух из них, не питавших къ Распутину непримиримых чувств”. Эта оговорка центр тяжести с августовскаго письма переносит на отношеніе къ “Другу”. Сам Сазонов рассказывает, что, стараясь убѣдить Царя в разговорах “с глаза на глаз” о той опасности, которую представлял в тогдашних обстоятельствах отѣзд Царя, он указывал, что это “даст повод ко многим злоупотребленіям, совершаемым под прикрытіем его имени”. “Я ставил точки над і и не назвал ничьих имен”, — вспоминает Сазонов: “Да с Государем этого и не было нужно. Он легко схватывал смысл недоговоренной рѣчи, п я увидѣл, насколько неприятны были ему мои слова. Мнѣ самому было тяжело касаться опасной роли, которую Императрица начала играть с тѣх пор, что Распутин овладѣл ея ра-

*) «Считались»... Такое «предсказаніе», по словам Белецкаго, тотчас же сдѣлал небезизвѣстный кн. Андронников. (С этой своеобразной личностью нам придется познакомиться ближе). Он и распространил молву, легко привившуюся в общественных кулуарах, в которых вращался этот интриган по призванію и профессіи.

зумом и волею. Государь ничего не возразил мнѣ. Я понял в этот день, что я утратил его расположение, коснувшись... запретной области его внутренней жизни”...

Оговорка, сдѣланная мемуаристом, должна быть значительно расширена. Двое из подписавших коллективное письмо — Барк и Шаховской — сохранили свои посты до революціи, хотя были моменты, когда против них предпринималась извѣтъ довольно настойчивая кампанія*). То, что Шаховской подписал августовское письмо и был одним из наиболее определенных противников принятія Царем верховнаго командованія, ничѣм не отразилось на отношеніи к нему А. Ф.: “Он дѣйствительно хороший честный человек”, — писала она позже, — “благородный человек, всецѣло наш”, хотя правый Шаховской, как свидѣтельствуя раннія записи Яхонтова, по многим вопросам всегда голосовал с прогрессивным крылом Совѣта министров. К этим двум слѣдует добавить морского министра Григоровича, не подписавшаго коллективнаго письма, равно как и Поливанов, не рѣшительнаго противника принятія Царем верховнаго командованія — он также до революціи сохранил свой пост, и А. Ф. находила его на этом посту “великодушным”. Четвертый, “самый либеральный” из министров, Харитонов, сам подал в отставку в январѣ 16 г. вслѣдствіе “ухудшенія здоровья”. Это не было виѣшним предлогом, так как в том же году Харитонов скончался (замѣстителем был назначен им же рекомендованный кандидат либеральнаго образа мыслей Покровскій). Игнатьева, несмотря на его прочную репутацію, как сторонника “общественности” (“очень лѣвый”, “либерал” — по характеристикѣ А. Ф.) с величайшей неохотой отпустили — и это было уже в концѣ декабря слѣдующаго года. По словам Игнатьева Царь три раза лично просил его не покидать министерство во имя любви к “Россіи”: “из окопов не бѣгут”, — сказал Государь министру, настаивавшему на своей отставкѣ. Остается, таким образом, четверо из восьми или пятеро из десяти, если считать и тѣх, кто только формально не подписался**). Двое из них, Сазонов и Поливанов, получили отставку в слѣдующем году — один через 11 мѣсяцев, другой через 7. Было бы слишком искусственно поставить их отход от власти в непосредственную связь с августовским письмом. Событія текли своим чередом и ставили новые вопросы, создавали новыя затрудненія и осложненія.

На причинах ухода Сазонова нам придется остановиться особо — к августовским дѣлам этот уход отношенія не имѣл. Также было и с Поливановым, хотя тогдашнее “общественное мнѣніе”, как видно хотя бы из воспоминаній Родзянко, отставку военнаго министра приписало тому, что “враг забирается все глубже и глубже и бьет по тѣм людям, которые вредны имѣцам и полезны Россіи”; незадолго перед своей отставкой Поливанов, по словам Родзянко, говорил: “те-

*) О Баркѣ единственный раз упоминает А. Ф. 19 декабря, говоря, что он «не чувствует себя очень твердо» (в связи с подписаніем августовскаго письма).

**) Современные историки предреволюціоннаго періода так мало подчас считаются с фактами, что Чернов безападляціонно говорит об увольненіи всѣх 8 министров, подписавших коллективное письмо. Еще болѣе удивительно, что это «спомнит» (полемика с Гурко) Милюков, вращавшійся тогда в самой гущѣ думской общественности.

перь мнѣ совершенно ясно, как можно упорядочить военныя дѣла послѣ сухомлиновской разрухи и привести къ побѣдѣ". Назначеніе Поливанова в обновленный кабинет А. Ф. с самого начала не одобрила, считая, что он связан с Гучковым, который "работает против нашей династии". При своем представленіи Царицѣ новый военный министр не понравился: "что в нем неприятно, не могу объяснить", — писала А. Ф. мужу. В своих показаніях Поливанов подчеркнул, что в августѣ он пользовался довѣріем Царя. Щарбатов высказал другое мнѣніе: "к Поливанову он (Царь) несомнѣнно отнесся недоброжелательно; это был дѣйствительно навязанный". Вел. кн. Ник. Мих. в своих "записках" приводит отзыв А. Ф. в "бесѣдѣ с одним из приближенных": "это назначеніе ненадолго, так как Ники его ненавидит". Автор "записок" передает свою четырехчасовую бесѣду в ресторанѣ Донопа с Поливановым послѣ его отставки. Поливанов рассказывал, что первый прием у Царя был "корректный, но далеко не ласковый, и я чувствовал, что он меня назначил против воли, а в силу обстоятельств... Я подозревал, что почти всѣ министры поддержали мою кандидатуру, не исключая и Горемыкина". В дальнѣйшем, всегда преобладала нота недоувѣрія и какой-то необычайной тревоги, что он его может "подвести". В Ставкѣ, гдѣ Поливанов "откровенно высказывал свое мнѣніе", он встрѣчал "исподлобья пеловѣрчивый взгляд Государя". Ник. Мих. называл "иллюзіей" увѣренность Поливанова, что ему, назначенному министром "против воли" и разыгрывавшему роль "парламентскаго военнаго министра", удалось внушить Царю к себѣ довѣріе.

Заслуживает вниманія фактъ, что в дни "артиллерійской подготовки" из Царскаго, предшествовавшей "историческому" засѣданію 16 сентября в Ставкѣ, имя Поливанова ни разу не фигурирует в качествѣ имени кандидата на увольненіе. Наоборот, А. Ф. на другой день послѣ врученія коллективнаго письма передавала Царю мнѣніе Горемыкина — думает, что "Поливанов будет хорошо работать". Недовѣріе к кандидату старой Ставки у А. Ф. осталось и даже обострилось под влияніем бесѣд с Хвостовым-племянником с момента, когда Гучков попал в Государственный Совѣтъ: "прошу тебя, — писала она 17-го, — постоянно слѣдить за Поливановым". Прямого наскока на министра нѣтъ даже в письмѣ 8 октября, в котором впервые ставится вопрос о возможности отставки Поливанова: "Может быть, ты доволен работой Поливанова по военному вѣдомству? На всякій случай, если тебѣ придется его смѣнять, помни про его помощника Бѣляева, котораго всѣ хвалят, как умнаго, дѣльнаго работника и настоящаго джентельмена, вполне преданнаго тебѣ". Подозрительность А. Ф. ("надо длительно слѣдить за Поливановым", — повторяет она), была возбуждена сообщенными Вырубовой Белецким свѣдѣніями, что со стороны военнаго министра по линіи контр-шпіонажа установлено филерское наблюденіе за Распутным и прослѣживаются его телефонныя разговоры с Царским Селом*). Может быть, этим объясняется холодность, на которую со стороны А. Ф. натолкнулся Поливанов, встѣпившій ее в Могилевѣ при очередном докладѣ 17 октября — об этом он рассказывал в Чрез.

*) Белецкій в свою очередь установил слѣжку за Поливановым — за его телефонными разговорами, поѣздками и знакомствами, и полученныя свѣдѣнія сообщал Вырубовой.

Сл. Ком.: “Я сразу замѣтил по обращенію со мной окружающих, что я в немилости”. Однако Царь не проявляя, по свидѣтельству Белецкаго, намѣренія “отказаться” от услуг Поливанова и брал на себя даже “роль примирителя” между вѣдомством вн. д. и военным. Не останавливаясь на ближайших поводах, вызвавших в марѣ отставку Поливанова, можно сказать, что взаимоотношенія военного министра с преемником Горемыкина были таковы, что они, по собственным словам Поливанова, “исключали возможность совмѣстной работы”. (Поливанов в Чр. Сл. Ком. имѣл в виду “тон”, с которым он обращался к Штюмеру). В личном письмѣ къ Поливанову по поводу отставки Царь подчеркнул его недостаточную взыскательность к общественным учрежденіям, работающим в пользу арміи... Вел. кн. Ник. Мих. утверждает, что главными застрѣльщиками в дѣлѣ отставки Поливанова явились “братья Треповы” (Федор и Александр — будущій предсѣдатель Совѣта министров), изощрявшіеся в Ставкѣ “на всѣ лады порочить доброе имя Пеливанова, выставляя его, как вреднаго политика**). Но назначенъ былъ министром не кандидат А. Ф. “герой Галича” Иванов, а Шухаев. Повидимому, это былъ личный выбор Царя, которому нравилась “грубоватая простота” этого представителя военного міра. (О Шухаевѣ см. ниже). Связать безхитростнаго, прямолинейнаго Шухаева хотя бы отдаленно с планами сепаратнаго мира никак нельзя.

В итогѣ лишь три министра получили в 15 г. отставку — Самарин и Щербатов, уволенные одновременно 6 сентября, и Кривошеин — через мѣсяц. Послѣ заявленій, сдѣланных ими в августовскіе дни в засѣданіях Совѣта министров, уход всѣх трех сам по себѣ былъ бы логичен. Полностью воспроизвести закулисную сторону событій за отсутствіемъ опубликованныхъ данныхъ мы не имѣемъ возможности. Такъ мы не знаемъ, каковы были личныя обращенія этихъ министровъ к верховной власти. Мы имѣемъ указаніе только в отношеніи Щербатова, выдержки изъ письма котораго были прочитаны в Чр. Сл. Ком. Надо думать, что письмо это было написано послѣ августовскаго засѣданія в Царскомъ, но возможно и послѣ засѣданія в Могилевѣ. Выдержки, оглашенныя в Комиссіи, гласили: “на томъ же засѣданіи воочію оказалось коренное разномысліе между предсѣдателемъ Совѣта и нами в оцѣнкѣ происходящихъ внутри страны событій и установленія образа дѣйствій правительства. Такое положеніе, во всякое время недопустимое, в настоящее время гибельно”... Просилъ ли Щербатовъ отставки, как о томъ онъ говорилъ раньше?**. Родзянко утверждаетъ, что ушелъ Щербатовъ “по своему желанію”: “онъ откровенно говорилъ, что ему опротивѣли интриги, что при создавшейся обстановкѣ ничего полезнаго сдѣлать нельзя”.

Яхонтов, давшій в своихъ очеркахъ “Первый годъ войны” образныя характеристики министровъ, указываетъ, что б. кавалерійскій офицеръ

*) Среди причинъ, непосредственно вызвавшихъ отставку, былъ отказ Поливанова подписать протоколъ Совѣта министровъ о предоставленіи 5 мил. в распоряженіе предсѣдателя и освѣдомленіе объ этомъ фактѣ думскихъ круговъ. Поливановъ вообще не сдержанъ на языкъ. Яхонтовъ отмѣчаетъ, напримѣръ, его громогласныя заявленія в кулуарахъ Маріинскаго дворца о причинахъ отсрочки ноябрьской сессіи Гос. Думы (15 г.): «сейчасъ Россіей управляетъ старецъ Распутинъ, да князь Андронниковъ».

***) По словамъ Щербатова онъ уже черезъ 6 недѣль послѣ своего назначенія, видя царившій сумбуръ, просилъ объ увольненіи.

Щербаков был, действительно, не подходящій министр вн. д. уже потому, что “по дворянско-помѣстным традиціям” с брезгливостью относился к полиціи, шефом которой фактически был. Очевидно, настойчивость А. Ф. шла навстрѣчу желанію самого министра, тяготившагося своим постом (вѣдь его рѣши в Совѣтъ министров, действительно, сплошная lamentaція). В мотивах, побуждавших А. Ф. с таким напором вытѣснить Щербакова из состава правительства, фигурировало и его отношеніе к “Другу” — вѣрнѣе дошедшія до нея свѣдѣнія (через интриговашаго Хвостова, который пробирался в министры), что Щербаков “показывал всѣм, кому понало, всѣ телеграммы (будто перехваченныя им и Самариным), твои и нашего Друга”. Этим затрагивалось самое чувствительное мѣсто в сердцѣ А. Ф. “Какое он имѣет право копаться в частных дѣлах своего Государя и читать телеграммы? Как я могу быть увѣренной, что он и за нашими потом не будет слѣдить? Послѣ этого я не могу назвать его честным или порядочным человѣком”. Щербаков “должен уйти”, — заключала А. Ф.: “такіе люди недостойны быть министрами”. Это заключеніе 17 сентября лишь послѣднее звено в доказательствах, что Щербаков, как мин. вн. д. “никуда не годится”, было вызвано отчасти замѣчаніем в одном из писем Царя из Могилева, что Щербаков при докладѣ 9 сентября произвел на него “лучшее впечатлѣніе”.

Если Распутин только рикошетом отразился на отношеніи А. Ф. к Щербакову, то это имя дѣликом опредѣляло отношеніе ея к Самарину. Пред этим совершенно ступшеывалась “сумасбродная идея о спасеніи Россіи”, которой, по мнѣнію Императрицы, был одержим Самарин, и его индивидуальная позиція в правительственном конфликтѣ*). Борьба с Самариным, начавшаяся с перваго дня назначенія его на пост синодскаго обер-прокурора, для А. Ф. протекала как бы вѣтъ вопросов, поставленных в августовскіе дни. При назначеніи Самарина Царь писал жемѣ 15 іюня, что всѣ рѣшительно настаивают на замѣнѣ Саблера Самариным — и “старый Горемыкин, и Кривошеин, и Щербаков”. О необходимости смѣнить Саблера говорил и протопр. Шавельскій: “Замѣчательно, как всѣ это понимают и хотят видѣть на его мѣстѣ чистаго, благочестиваго и благонамѣреннаго человѣка”**). “Я увѣрен, — писал Царь, — что тебѣ это не понравится, потому что он москвич; но эта переимѣна должна состояться, и нужно выбирать человѣка, имя котораго извѣстно всей странѣ. С такими людьми в правительствѣ можно работать, и всѣ они будут держаться сплоченно — это совершенно несомнѣнно”. “Да... относительно Самарина, — отвѣчала А. Ф., — я болѣе, чѣм огорчена, я прямо в отчаяніи — он из недоброй ханжеской клики Ээлы” (Ел. Фед.).... “Он такой ярый и узкій москвич” и “без сомнѣнія пойдет против нашего Друга”. В дни, когда был поставлен вопрос об отставкѣ Самарина, А. Ф. вспоминала: “Я так ужасно... плакала, когда узнала, что тебя заставили в Ставкѣ его назначить”... Помимо недовольства Самариним за его поведеніе в церковных дѣлах (привлеченіе к от-

*) Яхонтов в своих «характеристиках» отмѣчает «упоеніе» рѣзко отдѣляющаго себя от «бюрократіи» Самарина своей ролью представляющаго в правительствѣ «сердце» Россіи.

**) Царь вспоминал, что и Столыпин хотѣл имѣть Самарина в своем кабинетѣ, но послѣдній отказался.

вѣтственности близкаго Распутину еп. Варнавы за самовольное, до официальнаго синодальнаго опредѣленія, “величаніе” тобольскаго “святителя Іоанна Максимовича” *). А. Ф. до крайности нервировали доходящія до нея сплетни о том, что Самарин “продолжает говорить” против нея**). В сообщеніи о таких сплетнях было зерно истины — недаром записка московскаго Охр. Отд. 29 февраля 16 г. с соответствующим преувеличеніем отмѣчала: “быть может, никто — даже самые невоздержанные революціонеры в своих прокламаціях — не причинил столько зла, не содѣйствовал в такой ужасной степени паденію престижа верховной власти, очерненію особы Монарха, как все то, что рассказывал чуть ли не на всѣх улицах и перекрестках о причинах своего ухода б. обер-прокурор Св. Синода Самарин... Подробности о той роли, какую играет в государственной жизни переживаемаго момента пресловутый “старец” Распутин, были тяжелым ударом и оскорбленіем не только Государя Императора, но в особенности Государыни Императрицы А. Ф. Злой или, быть может, глупый язык “предавніѣшаго монархиста” Самарина был великолѣпно использован руководителями революціоннаго движенія... сейчас грязныя сплетни о царской семьѣ стали достояніем широкой улицы”. Эта сторона дѣла особенно возмущала А. Ф. — от жены в. кн. Павла она узнала, что Джунковскій, котораго она отождествляла с “москвичем” Самариным, “снял копиі со всѣх бумаг”, касающихся “Друга” и хранящихся в мин. вн. д., и “показывал их направо и налево среди московскаго дворянства”. Отсюда и исключительная настойчивость А. Ф. в отношеніи Самарина: “... Скорѣе уберн Самарина. Каждый день, что он остается, он приносит вред. Старик того же мнѣнія. Это не женская глупость” — писала А. Ф. 9 сентября. Относительно “старика” А. Ф. явно ошибалась. Насколько упорен был Горемыкин в отношеніи Сазонова и Щербатова (так, по крайней мѣрѣ, выходит в передачѣ А. Ф.) — в отношеніи Самарина он пытался не раз смягчить враждебную атмосферу. Сама А. Ф. общала мужу 12 сентября: Горемыкин “предложил мнѣ повидать С(амарина), но что толку? Этот человекъ никогда меня не послушается и будет дѣлать из противорѣчія и злобы все наоборот”. “Я его теперь слишком хорошо знаю по его поведенію, которое, впрочем, меня не удивило, такъ какъ я знала, что он будет такой” ***).

Политическіе мотивы в прямом смыслѣ сыграли рѣшающую роль только в отставкѣ Кривошеина. “Мой пріятель”, как иронически называла его А. Ф., сам по себѣ не возбуждал у нея симпатіи... Царица считала его “тайнымъ врагом”, дѣйствующим “исподтишка” (“некрасиво и неблагородно”), работающим “заодно съ Гучковымъ” (он женат на “москвичкѣ”) и старающимся “съѣсть старика” — он “ви-

*) Англичанин, чуждый, конечно, русскимъ церковнымъ дѣламъ и информированный со стороны, очевидно, этотъ инцидентъ и принялъ за публичный скандал, учиненный Варнавой в Тобольскѣ, который вызвалъ вмѣшательство Самарина и увольнение послѣдняго (Бьюкенен).

***) «Эти вещи меня не трогаютъ нисколько и оставляютъ меня лично холодной, такъ какъ моя совѣсть чиста, Россія не раздѣляетъ его мнѣнія».

****) Еще разъ мы можемъ удостовѣриться, с какой осторожностью надлежитъ относиться къ категорическимъ утвержденіямъ Белецкаго, свидѣтельствовавшего в Муравьевской Комиссіи, что противъ Самарина шелъ Горемыкинъ подъ воздѣйствіемъ Андронникова изъ распутинскаго окруженія.

ляет, и лѣвый и правый"... Пожалуй, такая характеристика до нѣкоторой степени в общем и соотвѣтствовала позиціи Кривошеина. Во всяком случаѣ во вѣѣ он рассматривался, как "совершенно опредѣленный отголосок общественности", как охарактеризовал его позицію в Чр. Сл. Ком. Волконскій. Слова Волконскаго подтверждает запись 11 іюня в дневникѣ Андр. Влад. Характеризуя "направленіе" Кривошеина, как стремленіе "умалить власть Государя", он замѣчает: "Об этом очень открыто говорят почти всѣ". Игнатьев іюньскія перемѣны в правительствѣ приписывал в Чр. Сл. Ком. исключительно вліянію Кривошеина. Роль Кривошеина в іюль 15 г. отмѣчают и воспоминанія Поливанова*). Милуков шел еще дальше и склонен был считать, что даже мысль об образованіи прогрессивнаго блока в Думѣ исходила из министерских кругов: "Кривошеин все время был на чеку ("смѣна министров была побѣдой его над Горемыкиным") и думал, что все же настанет его время, когда он будет премьером и считал необходимым опираться на большинство в палатах". Городскія "сплетни" о премьерствѣ Кривошеина отмѣтила А. Ф. еще в одном из іюльских писем. В августовскіе дни имя Кривошеина на ролах премьера мусировало еще больше: оно было названо, по словам Милукова, даже в первом засѣданіи прогрессивнаго блока тѣми, кто "маклерствовал за него". О Кривошеинѣ много говорили и в московских собраніях земских и городских дѣятелей. В донесеніи московскаго градоначальника 6 сентября упоминались распространявшіеся в кулуарах "петербургскіе слухи", что министры Щербатов, Сазонов и Поливанов, рѣзко настроенные против Горемыкина, "в частных бесѣдах с депутатами из состава прогрессивнаго блока давали понять, что они всѣми силами будут содѣйствовать удаленію настоящаго предѣдателя совѣта министров и проведенію наиболѣе приемлемых пунктов программы блока". Эти слухи — доносил градоначальник — и дали перевѣс тактикѣ болѣе умѣренной группы кадет в смыслѣ продолженія выжидательной позиціи и уклоненія от каких-либо рѣзких выступленій до выясненія... вопроса о том, останется ли у власти статс-секретарь Горемыкин и возможности совмѣстно работать с правительством"... "Единственным преемником" Горемыкина из бюрократической среды считается "ст. секр. Кривошеин; никакая другая кандидатура на этот пост из бюрократіи не приемлема".

И Царь и Царина отмѣтили исключительную нервность и возбужденность Кривошеина в это время. Одним словом Кривошеин —

*) Родзянко, склонный всегда приписать слишком много своему вліянію, как мы уже видѣли, утверждал в той же Комиссіи, что Царь «внялъ» его настояніям и дал обѣщаніе удалить из кабинета министров наиболѣе одіозных лиц. Между тѣм рѣшающее значеніе имѣло вліяніе Горемыкина. Яхонтов в ранних записях подчеркивает «неизмѣнное согласіе», царившее между Горемыкиным и Кривошеиным до лѣта 15 г. 28 мая к предѣдателью Совѣта явились Кривошеин, Барк, Харитонов, Рухлов и Сазонов и коллективно заявили о необходимости отставки Маклакова, Сухомлинова, Саблера и Щегловитова. К этому времени в Совѣтѣ создалась по отношенію к Маклакову столь «враждебная атмосфера», что министр напоминал «затравленнаго волка, которому остается только огрызаться во всѣ стороны». А. Ф. писала мужу: «министры все ссорятся, а должны работать на благо Царя и Отечества». Это и побудило Царя согласиться на измѣненіе кабинета.

“без пяти минут премьер” — стоит как бы в центрѣ ожиданій тѣх дней*) и, естественно, он должен был уйти, когда выяснилось, что все остается на той же “золотой серединѣ”; он “слишком много вѣдается с Гучковым” — писала А. Ф. 18 сентября, ссылаясь на бесѣду все с тѣм же Алексѣем Хвостовым. Кривошеин занимает, однако, очень ограниченное мѣсто в царской перепискѣ и вопрос об его удаленіи прямо ставится только один раз — в письмѣ 11 сент., гдѣ А. Ф. просит Царя записать на “ключкѣ бумаги” то, о чем ему надо переговорить с Горемыкиным: Самарин, Щербатов, Сазонов, Кривошеин. Фактически Кривошеин сам подал в отставку, сдѣлав соответствующее логическое заключеніе из сложившейся обстановки.

**
*

Переписка со стороны А. Ф. полна поисков кандидатов для замѣщенія двух министров — Щербатова и Самарина. “У меня голова болит от охоты за людьми” — признает она 12 сентября. В результатѣ всей этой “охоты” на сцену появилась красочная фигура министра, причинившаго трагикомическими перипетчіями своей дѣятельности много неприятных переживаній царственной четѣ — то был министр вн. д. Алексѣй Николаевич Хвостов**). Исторія прохожденія Хвостова в министры по методам воздѣйствія на верховную власть и в частности на А. Ф. чрезвычайно характерна — использованы были все закулисныя вліянія через Вырубову и Распутина. Нас в этой игрѣ, не слишком тонкой по своей наивности и грубой элементарности, могли бы заинтересовать черты, которые должны были бы свидѣтельствовать о подготовкѣ осуществленія плана “чернаго блока”, выдвинувшаго на отвѣтственный пост своего человѣка в цѣлях приведенія Россіи к сепаратному миру с Германіей.

Найдем ли мы, однако, такія черты? Для нас ускользает момент, когда и кѣм было названо впервые имя Хвостова в качествѣ замѣстителя Щербатова... Как мы видѣли, в письмѣ А. Ф. 22 авг., в день отъѣзда Царя в Ставку, Хвостов фигурирует уже в качествѣ такого кан-

*) В воспоминаніях Поливанова рассказывается, что Кривошеин в присутствіи Щербатова, Харитонова и Барка уговаривал автора занять пост министра-предсѣдателя, включив в свой кабинет представителя “общественности” Гучкова. Это было послѣ доклада Кривошеина Царю о политическом положеніи и непригодности Горемыкина, когда по его словам, он назвал Поливанова в качествѣ кандидата. Поливанов, выдвигая в свою очередь Кривошеина (последній указывал, что ему уже дважды предлагали этот пост, и что он отказался), косвенно давал согласіе. Производит впечатлѣніе, что все подобныя разговоры со стороны Кривошеина о кандидатурѣ Поливанова, не имѣвшей шансов получить санкцію в царских чертогах, надо отнести к зондированію почвы по поводу своей собственной кандидатуры.

**) «Проклятая вся эта исторія» — вспоминал впоследствии Царь шумную хвостовскую эпопею, связанную не то с попыткой пріобрѣсти обличительную рукопись іеромонаха Иліодора «Святой Чорт», не то с авантюристической организацией при содѣйствіи того же Иліодора покушенія на Распутина и комическаго эпизода с пробным (или фиктивным) отравленіем кошек, произведенным по наущенію министра охранявшим «Друга» жандармским генералом Комиссаровым. В нашу задачу не входит разсмотрѣніе этой исторіи и связанных с нею интриг прежде солдларнаго тріумвирата: Хвостова, Белецкаго, Андронникова.

дидата, при чем сама корреспондентка не дѣлает новаго кандидата своим особым протежѣ. В первых обличительных показаніях перед Чр. Сл. Ком. Хвостов, с относительной откровенностью передававшій факты, которыми интересовалась Комиссія, утверждал, что о нем, как он “слышал” от “нѣскольких иностранцев” и, как ему передавала “одна старая дама великосвѣтскаго кружка”, “говорили у англійскаго посла”. И тогда Царь в дни недовольства вспомнил, что Хвостов был давній кандидат на пост министра вн. д. — еще при жизни Столыпина. Тогда к нему относился “в высшей степени благосклонно” сам Император — близкіе люди и причастные к иностранным посольствам говорили Хвостову, что о нем “постоянно ведется разговор на охотѣ”. За недѣлю до убійства Столыпина в Ниж.-Новгород, гдѣ губернаторствовал Хвостов, пріѣзжал “от... Государя” Распутин, чтобы “посмотрѣть... душу” Хвостова и предложивъ ему новый отвѣтственный пост. Хвостов, не придавая серьезнаго значенія этому разговору, поговорил с ним привычным “шутковским образом”. Когда через мѣсяц Хвостов попал в Петербург, то был принят Царем “в высшей степени непріязненно”, что послѣ предшествовавших пріемов Хвостову показалось “не особенно пріятно”. Это послужило основаніем для его ухода “из губерніи” — он попал в Государственную Думу от Орловской губ. Темна исторія, но, несомнѣнно, мысль о назначеніи Хв. министром вн. д. послѣ Столыпина была. Об этом фактѣ, правда, с чужих слов, говорит и Витте в воспоминаніях, при чем, по его словам, уговорил не вводить в правительствѣ “одного из самых больших безобразников” Коковцев, считавшій, что назначить Хвостова министром равносильно “броситься... в обрыв”. Хвостов имѣлъ придворную связи — между прочим, его связкою был близкій одно время Царю флигель-адъютант ф. Дрептельн, с кѣмъ послѣдствіем Хвостов разошелся на почвѣ прохожденія своего министерскаго стажа через Распутина.

Имя Хвостова, шумѣвшаго в Думѣ своими выступленіями против пѣмепкаго шпіонажа и пѣмепкаго засилья, могло быть впервые подсказано и не из распутинских сфер. Напомним, что в поисках путей проникновенія к власти предприимчивый Хвостов нѣсколько неожиданно стал в августовскіе дни появляться даже на завтраках Кривошеина и был введен тогда либеральным Григоровичем в число желательных кандидатов на занятіе министерскаго поста в “дѣловом” кабинетѣ. Итак, дѣло было на мази — Хвостов был вызван к Царю поговорить о “текущих дѣлах”, но Императрица не давала “своего согласія” в виду того, что он в свое время “проштрафился” против Распутина. Царь отправил Хвостова к Царицѣ. И послѣ бесѣды с ней, во время которой А. Ф. подчеркнула, что Хв. “очень хвалит Государь”, было получено ея согласіе при условіи, что Хв. в товарищи себѣ по завѣдыванію полиціей, в пѣлях охраны царской семьи и Распутина, возьмет оплтаннаго Беденкаго. Как улажусь впоследствии Хвостову выяснить, “нѣкоторое участіе” принимал извѣстный в петербургских салонах своим политическими интригами кн. Андронников, проникшій в интимную обстановку к Вырубовой. Цѣль Андронникова — показывал Хвостов — была та, “чтобы меня взять в среду правительства с тѣм, чтобы не было моих выступленій о нѣмецких капиталах и главным образом об электрических предпріятіях”.

Версія, даная Хвостовым в Чр. Сл. Ком., опровергается опубликованными письмами А. Ф. Позже, когда наступило разочарование от деятельности “одного из величайших безобразников” на министерском посту и пришлось пережить “тяжелыя времена” А. Ф. писала (2 марта 16 г.) ... “Я в отчаяніи, что мы через Гр. рекомендовали тебѣ Хв. Мысль об этом не дает мнѣ покоя, ты был против этого, а я сдѣлала по их настоянію, хотя с самаго начала сказала А., что мнѣ правится его сильная энергія, но он слишком самоуверен, и что это мнѣ в нем антипатично. Им овладѣл сам дьявол, нельзя это иначе назвать”... Впрочем, и сам Хвостов, припертый к стѣнѣ в Комиссіи, должен был признать, что он сам стал “предпринимать мѣры к тому, чтобы обезвредить А. Ф., так как вдовствующая Имп. М. Ф., называвшая его “своим” и передававшая ему, что Царь хочет его имѣть в качествѣ министра вн. д., говорила, что “нужно только принять мѣры, чтобы А. Ф. не препятствовала” этому назначенію. Мѣры эти Хвостов стал предпринимать через Андронникова, имѣвшаго “туда ход”. Как слышал Хвостов, Распутин, отсутствовавшій в горячіе дни обработки А. Ф., отнесся “неблагожелательно” к его назначенію, но “потом его уговорили”. Письма А. Ф., передающія непосредственныя впечатлѣнія того времени, вносят соотвѣтствующій корректив и к первым и вторым показаніям Хвостова. Последній должен был побороть не столько противодѣйствіе А. Ф., сколько колебанія Императора дать окончательное согласіе на назначеніе Хвостова — очевидно, послѣ протеста Горемыкина, отвергавшаго назначеніе в силу “личных свойств” кандидата и “всего прошлаго”. Горемыкин, по его словам в Чр. Сл. Ком., рекомендовал запросить авторитетное мнѣніе дяди кандидата — Царь запросил и получил отрицательную характеристику*).

Началась закулисная обработка Императрицы и атака через нее Императора. Письма А. Ф. достаточно ярко воспроизводят картину того, как Хвостов пробирался в министры. Хвостов познакомился с Андронниковым, Андронников познакомил Хвостова с Белецким. Так образовался триумвират, в котором дирижерская палочка едва ли фактически не принадлежала испытанному полицейскому ищѣйкѣ, превратившемуся вскорѣ в своеобразную “няньку при Распутинѣ”. При посредствѣ Андронникова члены триумвирата проникли в “маленькій домикъ” Вырубовой для того, чтобы при ея содѣйствіи провести “человѣка с рѣшительным характером, не труса” в правительство, которое не достаточно активно под дряхлѣющей рукой Горемыкина: Хвостов должен быть опорой “старика”, чтобы сформировать “сильный кабинет”. Хвостов в глазах А. Ф. имѣл то “преимущество, что являлся членом Думы” — он “всѣх знает и сумѣет с ними разговаривать, а также охранять и защищать... правительство”.

В началѣ дѣйствовала Вырубова, на которую Хвостов произвел “прекрасное впечатлѣніе”: “тѣло его огромное, но душа чистая и высокая”. Но “Аня” способна “иногда увлекаться людьми”, но когда

*) Авторитет Хвостова-старшаго уже потому был силен у Царя, что министр юстиціи негодовал на поведение министров 16-го и на другой день «вошел весь дрожащій от негодованія на остальных» — писал Ник. Ал. женѣ 18 сентября.

16-го “Григорій телеграфировал... и дал нам понять, что Хвостов подойдет”, у А. Ф. уже не было колебаний*). “Хвостов был у А(ни) и умолял, чтобы я приняла его” — писала А. Ф. 18-го. “Теперь, когда и Гр. совѣтуетъ взять Хвостова, я чувствую, что это правильно и поэтому приму его”. А. Ф. прельстили слова “Ани”, что Хвостов почему-то вѣрит в ея (А. Ф.) “мудрость и помощь”. “Нѣкоторые боятся моего вмѣшательства в государственныя дѣла, а другіе влият во мнѣ помощника во время твоего отсутствія (Андр., Хвос., Варнава). Это доказывает, кто тебѣ предан в настоящем значеніи этого слова — одни меня ищут, другіе избѣгают”. “Ну, вот я больше часу с “Хвостом” и полна наилучших впечатлѣній... Я пришла къ заключенію, что работа с таким человѣком будет удовольствіем. Такая ясная голова, так отлично понимает всю тяжесть положенія и *как можно справиться с этим*”. “Это важно, так как здѣсь критикуют, но рѣдко предлагают что-либо взамѣн”. (А Хвостов говорил “Анѣ”, что надѣется, что с умом и рѣшимостью удастся все наладить через 2-3 мѣсяца)... Поговоривъ с ним, я могу откровенно тебѣ посовѣтовать взять его без всяких колебаний. Он хорошо говорит и не скрываетъ этого, что большое преимущество, так как нужны люди, которые имѣют дар слова и всегда готовы отвѣтить во-время и мѣтко. Он смог бы бороться в этом поединкѣ с Гучковым”... “Хвостов одобряет смѣну министров, в особенности Ш. и С(амарина), так как старик не может с ними сопротивляться Думѣ. Он понимает, что “все дѣло в Москвѣ и Петроградѣ, гдѣ съверно, но правительство должно предвидѣть и готовиться къ тому, что будет послѣ войны — и этот вопрос он находит одним из самых важных. А если он будет в Думѣ, то ради блага страны он должен будет сказать все это и невольно указать на слабость и непредусмотрительность правительства. Послѣ войны всѣ эти тысячи рабочих, работающих на фабриках для нужд арміи, останутся без работы и, разувѣтая, составят недовольный элемент... Потом будет столько недовольных элементов!... Люди разойдутся по своим деревням, многіе больные, увѣчные, многіе, которые теперь поддерживаются патріотическим духом, окажутся недовольными... Нужно об них подумать. И видно, что Хвостов это устроит. Он удивительно умен — не бѣда, что немного самоувѣрен, это не бросается в глаза — он энергичный, преданный человѣкъ, который жаждет помочь тебѣ и своему отечеству... Затѣм предстоит приготовиться заранее къ выборам в Думу... дурные готовятся, хорошіе также должны “*canvass*” (агитировать), как говорят в Англии”... “Он говорит, что старик его боится**), потому что стар и не может примѣняться къ новым требованіям (как он сам мнѣ это говорил) — он не сознает, что невозможно не считаться с новыми вѣяніями и их нельзя игнорировать. Дума существует — с этим ничего не подѣлаешь, а с таким хорошим работником старик отлично справится”... “Он знает способ, как поступить с печатью, и не будет заигрывать с ней, как Ш.”... “Он также пони-

*) Царь, очевидно, относился с неодобреніем къ вмѣшательству Вырубовой в политику и желал избѣгать рождавшихся сплетен. А. Ф. писала мужу: «Андронников дал А. честное слово, что никто не будет знать, что Хв. и Бел. бывають у нея, так что ея имя и мое не будут в этом замѣшаны».

**) А он очень «уважает старика и против него не пойдет».

мает, что надо остерегаться Поливанова — с тѣх пор, как Гучков попал в Госуд. Совѣтъ — он не очень ему довѣряет. Он видит и думает, как мы — все время почти он вел разговор сам”. “Я всегда осторожна в своем выборѣ, но здѣсь у меня не было такого чувства, как когда Ш. мнѣ представлялся?... “Дай Бог, чтобы я не ошиблась, и я искренне вѣрю, что нѣтъ. Я помолилась прежде, чѣм принять его, так как немного боялась этого*). Он смотрит прямо в глаза”... “Хвостов меня ослѣдил, я не падала духом, но жаждала, наконец, увидѣть “человѣка”, а тут я его видѣла и слышала! Вы оба вмѣстѣ поддерживали бы друг друга”...

Можно ли найти другой документ, столь образно показывающій экзальтированную наивность одной стороны и исключительное бахвальство другой... Царь не отвѣтил сразу на четыре телеграммы о “Хвостѣ”. В письмѣ на другой день А. Ф. перечисляет еще раз всѣ добродѣтели своего кандидата — вплоть до того, что это он просил “ремонттировать раку преп. Павла Обнорскаго”... “Это человѣкъ, а не баба, и такой, который не позволит никому нас затрагивать и сдѣлает все, что в его силах, чтобы остановить нападки на нашего Друга — как он тогда их остановил. А теперь они намѣреваются снова их пачагъ”... “Я надѣлаю тебѣ этим, но хотѣлось бы тебя убѣдить, будучи честно и сознательно сама в этом увѣренной, что этот очень толстый, опытный и молодой человѣкъ — тот, котораго бы ты одобрил... Он хорошо и близко знает русских крестьян, так как много жил среди них — и тѣх типов также (т. е. думцев) и не боится их”. Наконец, и нѣмецкобоя Хвостова, к чему А. Ф. относилась болѣзненно, по своему объясняется: “Хвостов никогда не нападал на нѣмецкія имена баронов и преданных людей, когда говорил о нѣмецком запліи, но все вниманіе обратил на бапки, что совершенно вѣрно — чего никто еще до сих пор не дѣлал”... “Дай Бог, чтобы ты был хорошаго мнѣнія о нем” — заключала А. Ф. одно из своих писем с усиленными рекомендаціями Хвостова и пожеланіями, чтобы Царь его брызгал к себѣ. Убѣждать Николая II особенно не приходилось — он писал в отвѣтъ женѣ по поводу хорошаго впечатлѣнія, которое произвело на нее свиданіе с “молодым Хвостовым”: “Я увѣрен был в этом, зная его по прошлому, когда он был губернатором в Вологдѣ, а позднѣе в Нижнем. И чтобы не терять времени, я немедленно повидаю его в тот день, как приѣду, в 6 часов”...

Так был назначен Хвостов, бывшій предсѣдатель фракціи правых в Гос. Думѣ, не раз демонстрировавшій свои симпатіи к союзу русскаго народа**). Оказали ли какое-нибудь закулисное вліяніе дѣтели монархическаго союза на пазпаченіе Хвостова? Милоков перед Чр. Сл. Ком. в этом не сомнѣвался, но он значительно форсировал

*) «Моя икона с колокольчиками (эту икону подарил А. Ф. француз маг Филиппс...) дѣйствительно научила меня распознавать людей. Сначала я не обращала вниманія, не довѣряя своему собственному мнѣнію, но теперь убѣдилась, что эта икона и наш Друг помогли мнѣ лучше распознавать людей. Колокольчик зазвенѣл бы, если бы он подошел ко мнѣ с другими намѣреніями... Слушайся моих слов — это не моя мудрость, а особый инстинкт, данный мнѣ Богом, помимо меня, чтобы помогать».

**) По словам Белецкаго, Хвостов, будучи уже министром, и на официальные приемы в Царском Селѣ являлся со значком этого союза.

дѣйствительность. В противовѣс прогрессивному блоку — указывал он — “раздались вопли, что правые должны соединиться, сорганизоваться и повторить исторію 1905 года”. Из центра монархических организацій шли приказы, требовавшіе, чтобы съѣзды реагировали бы телеграммами. Полуразвалившіяся союзническія ячейки “как-то сразу” расцвѣли. “Назначен был съѣзд в Саратовѣ на один из осенних мѣсяцев — сентябрь или октябрь — и затѣм начались оттуда телеграммы с требованіем сильнаго правительства и назначенія “настоящаго” министра вн. д., при чем в этих телеграммах уже намѣчался А. Н. Хвостов”. Совѣщаніе уполномоченных монархических организацій, дѣйствительно, состоялось 27-29 августа. Это совѣщаніе протестовало против прогрессивнаго блока, “осуществленія программы котораго всѣ нѣмцы ждут с затаенным, радостным трепетом, как вѣрную побѣду свою”; оно требовало (выражало официально “пожеланіе”) роспуска Думы*) и диктатуры — “врученіе власти лицу, облеченному неограниченными полномочіями”. В опубликованных матеріалах о Союзѣ русскаго народа, прошедших через Чр. Сл. Ком. и довольно полно воспроизводящих различныя телеграммы, которыя посылались мѣстными организаціями, нѣтъ ни одной, которая хоть косвенно касалась бы Хвостова. Но, если бы и было оказано в дѣйствительности давленіе, это ни в коем случаѣ не могло бы служить доказательством в пользу подготовки сепаратнаго мира. Германофильство Союза русскаго народа — и в особенности его провинціальных отвѣтственных, повинных в устройствѣ антинѣмецких погромов — одна из созданных легенд (нам придется еще о ней сказать).

Впрочем, никто из писавших на интересующую нас тему и не пытался связать имя Хвостова с сепаратным миром — так несуразно должно было бы показать такое сопоставленіе для министра, весьма склоннаго усматривать “нѣмецкое вліяніе” в самом правительствѣ**). А если это так, то сама по себѣ отпадает вся концепція о сепаратном мирѣ в 15 году, поскольку она связана с происшедшим измѣненіем в верховном командованіи и в правительствѣ. В духѣ, соответствующем такой подготовкѣ, не было вообще ни одного министерскаго назначенія. Сазонов остался на мѣстѣ. Вмѣсто Самарина был назначен директор деп. общих дѣл мин. вн. д. Волжин, скорѣе сочувствовавшій “направленію” Щербатова и тѣм не менѣе произведшій “великолѣпное впечатлѣніе” на Императрицу***). На мѣсто Кривошеина попал “общественник” Наумов, отказавшійся вначалѣ от предложеннаго поста. По этому поводу А. Ф. писала 3 ноября: “Оказывается старик пред-

*) «Госуд. Дума — говорилось в «пожеланіях» — за эти 1½ мѣсяца не только не внесла в страну успокоенія, но растревожила ее до послѣдней степени. Гос. Дума была пособницей нашему врагу, лучшей, чѣм вся его артиллерія».

***) По собственному признанію в думских рѣчах Хвостов «всячески поносил Барка, считая его ставленником банкира Мануса, проводника нѣмецких тенденцій». (См. ниже).

***) Появленіе кандидатуры Волжина не совсѣм ясно. Посылая Царю список кандидатов, намѣченных Андронниковым, А. Ф. со своей стороны предпочитала бы видѣть «преданнаго старика» ген.-лейт. Шведова, предсѣдателя Общества Востоковѣднѣя, если только возможно, чтобы быв. военный занимал мѣсто обер-прокурора Синода. Хвостов Алексѣй проводил своего дядю, занимавшаго пост министра юстиціи. Волжин, находившійся

ложил министерство Наумову в такой нелюбезной формѣ, что тот отказался. Хвостов видѣлся послѣ этого с Наумовым и увѣрен, что тот согласится. Он очень порядочный человек — он нам обоим нравится (хотя он и “сторонник Думы”)... Так как он очень богат, то не будет брать взятки”. Вместо заболѣвшаго Рухлова 30 октября министром путей сообщения был назначен Трепов. Этим назначеніем А. Ф. осталась недовольна (человек “несимпатичный” — “слаб и не энергичен”) — очевидно, главным образом, под влияніем “Друга”, который считал, что Трепов настроен против него.

Таков был скромный финал министерских назначеній, предшествовавших крупному повороту в политикѣ, который должен был наступить с момента назначенія премьером Штюрмера. Только “навыи чары” революціоннаго времени могли побудить Родзянко признать в Чр. Сл. Ком., что “планомѣрная смѣна министров” происходила “по указкѣ из Берлина”.

IV. НОВЫЙ ПРЕМЬЕР.

1. “Выжидательная тактика”.

В представленіи Милокова (показанія Чр. Сл. Ком.) осень 15-го года ознаменовалась полным крахом попытки примиренія с Думой, сдѣланной в открытію лѣтней сессіи. Показателем времени был ноябрьскій (20-23) съѣзд в Петербургѣ “Союза Русскаго Народа” под предѣвательством отставленнаго в іюнь под общественным напором министра Щегловитова, который произнес “знаменитую” рѣчь о том, что сейчас акт 17 октября (1905 г.) есть “потерянная грамота, а вмѣсто нея надо вспомнить грамоту об избраніи на царство Михаила Федоровича, другими словами — здѣсь превозглашалась откровенная реакція с откровенным выставленіем лозунга законосовѣтательной Думы”. Милоков не мог объяснить Комиссіи, почему из двух теченій — “теченія черносотеннаго, которое направлено было... к ликвидаціи Гос. Думы, и теченія большинства самой Думы, которое стояло на позиціи блока” — побѣдило второе, а не первое. Очевидно, потому, что практическими лозунгами правительственной политики не были лозунги, превозглашаемые на ноябрьском “монархическом” съѣздѣ. Эти лозунги, характеризующа настроенія и чаянія нѣкоторых правых общественных кругов, опредѣляли борьбу, которая велась в их средѣ, но не были принятыми директивами, даже в средѣ монархистов*). Милоков в своих показаніях сильно преувеличивал “черносотенно-погромную опасность начпнаній монархистов”, поскольку она выразилась на ноябрьском съѣздѣ. Соответствующая записка петербургскаго Охр. Отд. показывает нам недовольство этим совѣщаніем крайне-правых групп во главѣ с “дубровинцами”, находившими, что оно

в свойствѣ с Хвостовым, мог быть указан послѣдним, как отмѣчает Белецкій. Говорили, что Волжину покровительствовала пользовавшаяся влияніем при Дворѣ гофм. Нарышкина, которая его считала противником Распутина (Жевахов).

*) Так, очевидно, думал и сам Милоков в 15-м году. (См. ниже).

не носило “истинно-монархическаго характера” и поддерживало “либеральных министров”. Правильность оцѣнки Охр. Отд. подтверждает дошедшее до нас частное письмо виднаго “дубровинца” Пасхалова, в котором автор говорил Дубровину о “безполезной и безнадежной” борьбѣ, так как “жертва отдается сама, отстраняясь от своих защитников”.

Поэтому лидер думских правых, пробираясь к власти и подкапываясь под авторитет престарѣлаго премьера, строит свою политическую игру в предварительных закулисных интригах на признаніи Думы и на необходимости выработать извѣстный *modus vivendi* для сожительства правительства и народнаго представительства, к чему не был способен упрямый и недостаточно гибкій Горемыкин. В засѣданіи Чр. Сл. Ком. Хвостов пытался внушить Комиссіи убѣжденіе, что он старался занять пост премьера для проведенія в противоположность Горемыкину*) политики, которая опиралась бы на Думу — одним словом вести дѣло “по методу европейскому не палками вгонять людей в то или иное настроеніе и в поддержку правительства, а привлекать их извѣстными культурными способами”. Трудно предугадать, в какія формы вылились бы попытки перейти от “канцелярских разглагольствованій” на “путь дѣйствія” у человѣка “без задерживающих пентров”, которому была свойственна политика своего рода авантюра, если бы он реально принял на себя бразды правленія. Но тактика прохожденія им пути, открывавшаго доступ к иѣли, была иная, чѣм у тѣх, кто говорил о “пропавшей грамотѣ”. Этим объясняются его относительно либеральныя “разглагольствованія” приведшія к тому, что часть даже прогрессивной или считавшейся таковой печати (напр. “Бярж. Вѣд.”) привѣтствовала его назначеніе управляющим министерством вн. д. — впервые из состава Думы**).

Хвостовскіе авансы несомнѣнно оказывали извѣстное вліяніе на “выжидательную тактику” в кругах, которые группировались вокруг думскаго прогрессивнаго блока.

**

В своих показаніях Белецкій весьма подробно повѣствовал о том, как они (т. е. триумвират) приступили к осуществленію “нашего плана дѣйствій”: как Хвостов, которому принадлежала “центральная роль”, старался вслѣчески заручиться “расположеніем” Родзянко (вплоть до выхлопатыванія ему “внѣ права” ордена Станислава I-ой степени) и смягчить к себѣ “недовѣрчивое отношеніе в думских кругах”, используя в этих цѣлях отчасти вліяніе и связи оставшагося тов. министра Волконскаго и пытаясь сблизиться с нѣкоторыми из вліятельных “націоналистов и октябристов”; как Белецкій заручился

*) «Я видѣл, как отражается его политика, как она отталкивает даже всѣх тѣх, кто был прежде с правительством, и боялся, что всѣ мы «полетим в пропасть»...

**) Насколько это мнѣніе было распространено показывает запись вел. кн. Ан. Вл., отмѣчающая разговоры, что назначеніе Хвостова — первый предвозвѣстник отвѣтственнаго перед палатами министерства. Очевидно, не всѣ тогда смотрѣли на Хвостова с «презрительным равнодушіем», как в качествѣ мемуаристки впоследствии утверждала писательница Гиппіус.

“благожелательным” отношеніем и общаніем “помогать” со стороны своего “хорошаго знакомаго” тов. председателя Думы Протопопова, с другой стороны обеспечивая Хвостову хорошее отношеніе к нему со стороны вліятельных монархических кругов. Хвостов вошел в “кружок Штюрмера, находивнагося в полном сгласіи с Горемыкиным и придворными кругами”. Белецкій обрабатывал одновременно “старца” и “Аню”, через них подготавливая “почву для осуществленія нашей программы о Гос. Думѣ”. Тріумвират попытался сблизить Распутина с нѣкоторыми членами Думы из оппозиціи — для этого было устроено нѣсколько свиданій Распутина с депутатом Карауловым в интимной обстановкѣ уютнаго объѣда и т. д. Тогда же состоялось “тайное совѣщаніе” у тов. пред. Думы Варун-Секрета, на которое были позваны Милюков, Хвостов, Волконскій и на котором обсуждался вопрос о созывѣ Думы, поставленный в зависимость: будет ли запрос о “Григоріи” или нѣт. Милюков отвѣтил, что он не интересуется придворными сплетнями и будет говорить о том, что нужно дѣлать для пользы Россіи и что “вмѣсто таких переговоров, которые ничего гарантировать не могут, нужно прежде всего опредѣлить свое отношеніе к прогрессивному блоку и его программѣ*).

Царская переписка не дает нам, конечно, достаточно матеріала для распутыванія этого сложнаго узла закулисных вліяній, но она довольно отчетливо представляет, как в сознаніи верховной власти зрѣет мысль о необходимости разстаться с Горемыкиным: “милый старик слишком дряхл” постепенно начинала признавать А. Ф.**). Хвостов в своей интригѣ не предусмотрѣлъ возможных вліяній, шедших помимо тріумвирата, недовѣрія, которое он возбуждал у многих знавших его, а главное, что в представленіи “Царскаго” он считался еще слишком молодым, чтобы занимать такой отвѣтственный пост, как пост председателя Совѣта министров. Назначен был замѣстителем Горемыкина Штюрмер, а не Хвостов, как он ожидал. Мнѣ кажется, что не исключается возможность, что полученный “шах” заставил Хвостова измѣнить тактику, и в его скоропалительном умѣ могло созрѣть быстрое рѣшеніе насильственным путем устранить Распутина и тѣм самым скомпрометировать Штюрмера. Этот “куръезный человек”, как охарактеризовал своего шефа Комиссаров, не способен был к конспираціи и слишком много предварительно болтал о том, что намѣревается сдѣлать. Болѣе тонкій сыскных дѣл мастер Белецкій должен был испугаться авантюру своего соратника (он стал называть его “дегенератом”) и легко его предал. Очень сомнительно, чтобы у Хвостова, как он показывал в Чр. Ст. Ком., с самаго начала была цѣль — подойти к Распутину, выяснить его слабыя стороны и с ним скорѣе “покончить”. С большой стносительностью можно было бы повторить слова Родзянко, что Хвостов “слобил себѣ шею на борьбѣ с распутинским кружком”.

*) Несмотря на всѣ эти «авансы» до думских кругов удивительным образом доходили — всегда через каких-то «тайнственных вельмож» — слухи противоположные: Хвостов и Белецкій докладывали «очень высоко», что надо вызвать конфликт с Думой, распустить ее и устроить выборы на новых началах.

**) По словам Коковцова, Горемыкин сам сравнивал себя со старой енотовой шубой, уложенной в сундук и посыпанной камфарой.

2. Назначеніе Штюрмера.

Назрѣвало рѣшеніе о замѣнѣ Горемыкина Штюрмером медленно. Еще за 2^й мѣсяца до назначенія Штюрмера в перепискѣ поднимается вопрос о замѣнѣ “милаго старика”, неспособнаго держать в руках распозакующійся во всѣ стороны Совѣтъ министров и палатить отношенія с Думой. Первым кандидатом в замѣстители Горемыкина явился старшій Хвостов. (Знаменательно, что имя Хвостова наряду с именем Кривошеина называлось в качествѣ премьера в примирительном кабинетѣ и в прогрессивном блокѣ тѣми же “маклерами”). “Наш Друг — писала А. Ф. 10 ноября — велѣлъ мнѣ ждать со стариком, пока он не увидит дяди Хвостова во вторник — какое впечатлѣніе тот на него произведет. Ему очень жалко милого старика — говорит, что он такой праведник, по Он боится, что Дума его ошибает, и тогда ты будешь в ужасном положеніи” *). На другой день: “В городѣ опять ужасно ворчат на милого стараго Горемыкина. Прямо отчаяніе. Завтра Гр. повидает стараго Хвостова, а затѣм вечером я Его увижу. Он хочет рассказать мнѣ о своем впечатлѣніи — будет ли он достойным преемником Горемыкина... Он будет у стараго Хвостова в министерствѣ в качествѣ просителя”. Судя по показаніям самого Хвостова, Распутин был принят им формально на обычном приѣмѣ просителей. Когда “старецъ” попытался начать говорить на тему об общем положеніи дѣл, министр сказал, что он “не призван разсуждать с ним на такія высокія темы” и не обратил никакого вниманія на намеки Распутина, что он “ѣдет в Царское”. Очевидно Хвостов “Другу” не понравился, и А. Ф. пишет 13 ноября: “Он (т. е. Распутин) не допускает и мысли, чтобы старика уволили... Он говорит, что старик так премудр. Когда другіе ссорятся и говорят, он сидит расслабленно, с опущенной головой. Но это потому, что он понимает, что сегодня толпа воет, а завтра радуется, и что не надо дать себя унести мѣняющимся волнам. Он находит, что лучше обождать. По божьему не слѣдовало бы его увольнять. Конечно, если бы ты мог появиться и сказать нѣсколько слов, совершенно неожиданно, в Думѣ (как ты это полагає), то это могло бы все переменить, и было бы блестящим выходом из положенія. Послѣ этого старику стало бы легче или лучше, чтобы он заболѣлъ за нѣсколько дней до открытія Думы и не открывал бы ее лично, чтобы не быть ошканным”? **). Через день А. Ф. имѣла бесѣду с самим Горемыкиным: “Он вполне увѣрен во внутреннем спокойствіи — говорит, что ничего не может быть. Он находит, что молодые министры Хвостов и Шаховской без нужды слишком волнуются. На это я возразила, что лучше предугадывать событія, чѣм просыпать их, как это обыкновенно здѣсь бывает. Ну, дѣло идет о том — созывать ли теперь Думу, он против этого. Им сейчас нечего дѣлать” (бюджет министром финансов внесен был с опозданіем). “Если же они будут засѣдать без дѣла, то начнут разговоры про Варнаву и

*) «Вѣдь нельзя же по этой причинѣ ее распустить» — замѣчала А. Ф. в болѣе раннем письмѣ (6-го), касаясь той же темы.

**) О впечатлѣніи, вынесенном Распутиным на приѣмѣ у Хвостова, в письмѣ нѣтъ ни слова. Но в тот же день сама А. Ф. видѣла Хвостова: «Очень молчаливый и сухой, но честный. Однако, конечно, нельзя его сравнивать с Горемыкиным. Одно хорошо, что он предан старику — но упрям».

нашего Друга, будут вмѣшиваться в правительственныя дѣла, на что не имѣют права. (Хвостов и Белецкій) говорили А., что тот член Думы, который намѣревался говорить противъ Гр., взял обратно свое заявленіе, и что эта тема не будет затронута. Одним словом, таковъ совѣтъ старика, плодъ долгаго размышленія и вчерашнихъ разговоровъ с однимъ членомъ Думы, имя котораго он просилъ не называть... Я хочу попросить А(ню) поговорить объ этомъ совершенно конфиденціально с нашимъ Другомъ, который видит, и слышит, и знаетъ многое и спросить, благословитъ ли Онъ, такъ какъ передъ тѣмъ Онъ стоялъ на совѣтѣ другой точкѣ зрѣнія... Нашъ Другъ сказалъ послѣдній разъ, что только въ случаѣ побѣды Дума можетъ не созываться, иначе же *непременно надо*, что ничего особенно дурнаго тамъ не будутъ говорить — что старикъ долженъ заболѣть на нѣсколько дней, чтобы здѣсь не появляться и что ты долженъ неожиданно вернуться и сказать нѣсколько словъ при открытіи Думы"... "Аня" успѣла уже поговорить с "Другомъ", и в письмѣ дѣлается приписка, что Другъ нашелъ, что "все", сказанное старикомъ, "совершенно неправильно" — "надо созвать Думу хотя бы на короткое время". "Я была увѣрена, что онъ отвѣтитъ именно такъ, и мнѣ кажется, что онъ вполне прав... нельзя безъ пужды опять оскорблять ихъ". 29 ноября (т. е. черезъ двѣ недѣли, в теченіе которыхъ Николай II пріѣзжалъ в Царское): "Ну, нашъ Другъ видѣлся со старикомъ, который очень внимательно Его выслушалъ, но стоялъ на своемъ. Онъ намѣрен просить тебя совѣтѣмъ не созывать Думы (она ему ненавистна), но Гр. сказалъ ему, что нехорошо просить объ этомъ тебя, такъ какъ теперь всѣ желаютъ работать.... надо оказать имъ немного довѣрія"...

Приведенныя выписки, какъ будто бы, устанавливаютъ с достаточной опредѣленностью, что осложненіе с премьерствомъ Горемыкина было вызвано непримиримостью послѣдняго къ Думѣ, и что Распутинъ по какимъ-то тактическимъ соображеніямъ в данномъ случаѣ высказывался за "довѣріе" Думѣ; Хвостовъ младшій и Белецкій — утверждалъ послѣдній — соответственно вліяли на Распутина. Такая установка устраняетъ толкованіе нѣкоторыхъ выраженій в послѣдующихъ письмахъ А. Ф., высказывавшей якобы желаніе *не созывать* Думу для того, чтобы тѣмъ самымъ облегчить шаги къ заключенію сепаратнаго мира, такъ какъ "со стороны возглавляемой Думой воинствующей буржуазіи Романовы ожидали революціи" в случаѣ совершенія такого шага.

Очевидно, в дни пребыванія Николая II в Царскомъ, между 7-12 декабря, было названо впервые имя Штюрмера, какъ возможнаго кандидата в замѣстители Горемыкину. "Подумалъ ли ты серьезно о Штюрмерѣ? — спрашивала А. Ф. 4 января. "Я полагаю, что стоитъ рискнуть нѣмецкой фамиліей, такъ какъ извѣстно, какой онъ вѣрный человекъ (кажется, твоя старая корреспондентка упоминала о нем*) — и онъ хорошо будетъ работать с новыми энергичными министрами". "Не перестаю думать о преемникѣ старикѣ" — отвѣчалъ Царь: в поѣздѣ я спросилъ у толстаго Хвостова его мнѣніе о Штюрмерѣ. Онъ его хвалитъ, но думаетъ, что онъ тоже слишкомъ стар, и голова его уже не такъ свѣжа, какъ раньше. Между прочимъ этотъ старый Штюрмеръ прислалъ мнѣ про-

*) Очевидно, ст. дама А. И. Нарышкина, сестра проф. Чичерина, имѣвшая на Царя вліяніе — онъ ее называлъ «tante Sacha».

шеніе о разрѣшеніи переимѣнить фамилію и принять имя Панина. Я отвѣтил, что не могу дать разрѣшенія без предварительнаго согласія имѣющихся еще живых Паниных”. А. Ф. 7 января: ...“Не знаю, но я все-таки подумала бы о Штюмерѣ. У него голова вполне свѣжа. Видишь ли, у Х. есть нѣкоторыя надежды получить это мѣсто, но он слишком молод. Штюмер годился бы на время, а потом, если тебѣ понадобится Х. или, если найдется другой, то можно будет смѣнить его. Только не разрѣшай ему мѣнять фамилію: это принесет ему болѣе вреда, чѣм если он останется при своей почтенной старой — как, помнишь? сказал Гр. А он высоко ставит Гр., что очень важно”. Царь 7 января: ...“Я продолжаю ломать себѣ голову над вопросом о преміи старика, если Штюмер, дѣйствительно, недостаточно молод или современен”. А. Ф. 8 января: “Развѣ ты не мог бы секретно вызвать Штюмера в Ставку? — вѣдь у тебя бывает столько народа, чтобы спокойно переговорить с ним, прежде чѣм ты примешь какое-нибудь рѣшеніе?” А. Ф. 9 января: ...“Наш Друг сказал про Штюмера: не мѣнять его фамилію и взять его на время, так как он, несомнѣнно, очень вѣрный человек и будет держать в руках остальных. Пусть возмущаются, кому угодно, это неизбежно при каждом назначеніи”. Царь 9 января: ...“Я тебѣ дам знать, как только что-нибудь окончательно рѣшу. Что же касается пріѣзда Шт. сюда, то я считаю это неудобным. Здѣсь я принимаю исключительно людей, имѣющих то или иное отношеніе к войнѣ. Поэтому его пріѣзд послужил бы только поводом для разных толков и предположеній. Я хочу, чтобы его назначеніе, если оно состоится, грянуло, как гром. Поэтому приму его, как только вернусь. Повѣрь мнѣ, что так лучше”. “Ты прав относительно Штюмера и удара грома” — лаконически отвѣчала А. Ф.*).

**

Из переписки как будто вытекает, что имя Штюмера было сказано со стороны. О закулисной интригѣ, приведшей Штюмера к власти, подробно показывал в Чр. Сл. Ком. один из членов “распутинскаго кружка” Манасевич-Мануйлов, хваставшійся, что он в суцности провел Штюмера на пост премьера. Хвостов “толстый” так и говорил в Комиссіи: “Штюмер был назначен по требованію Манасевича-Мануйлова”. Было бы нѣсколько смѣхотворно велѣд за опальным министром преувеличивать вліяніе этого авантюриста из птенцов “Новаго Времени” (о нем нам придется еще сказать), выступившаго в роли политическаго мажера. Посѣтив новаго митрополита**) и заведя разговор на “общія политическія темы”, Манасевич узнал, что “идут поиски новаго председателя Совѣта министров”. Питирим был в “курсѣ” событій в силу близости к “Другу” и “сношеній с Царским Селом”. Митрополит имѣлъ большой “авторитет” у Императрицы, как “настоящій молитвенник” — показывал Манасевич — по главное

*) В этом «ударѣ грома» также находят намек на «сепаратный мир».

**) Бывшій экзарх Грузіи, Питирим, был переведен по настоянію Распутина в Петербург на мѣсто митр. Владимира, получившаго «высшее» назначеніе в Кіев, гдѣ митрополичья кафедра освободилась за смертью арх. Флавіана.

“Григорій” был у него на “почетном мѣстѣ”, пользовался “замѣчательным уваженіем”. Пителирм “крайне отрицательно” относился к антидумской позиціи Горемыкина, считая, что такая политика “приведет к печальному концу и может стоить трона”. На вопрос: кто же намѣчается в замѣстители Горемыкина, присутствовавшій при бесѣдѣ митрополией секретарь Осипенко, державшій себя, “как самый близкій человек”, назвал фамилію Штюрмера, сославшись на “достоверные источники”. Тогда митрополит заинтересовался узнать “какого направленія Штюрмер”. Манасевич, б. чиновник департамента полиціи, знавшій его еще в бытность директором означеннаго департамента, отвѣтил, что это “человек — очень практическій” и умѣющій “лавирировать”, несмотря на свои “похожденія реакціоннаго характера”. И вот митрополит поручил журналисту-охраннику выяснить современную фигуру кандидата на премьерскій пост, указывая своему собесѣднику, что известная группа воздѣйствует в Царском Селѣ в смыслѣ того, что надо, “во что бы то ни стало... закрыть Гос. Думу, считая, что время такое, что... правильнѣе бы даже создать военную диктатуру”...

Побывал у Пителирима и Штюрмер, произведшій на митрополита “впечатлѣніе хорошее”, только “его смущала очень его нѣмецкая фамилія”. Послѣ этого Пителирм ѣздил в Ставку и представил докладную записку о необходимости существованія Гос. Думы (слѣдов этой записки в опубликованных матеріалах нѣтъ) и о назначеніи “практическаго” предсѣдателя Совѣта министров... Митрополит был в Ставкѣ 12 января, т. е. через 3 дня послѣ того, как Царь писал, что он желал бы, чтобы назначеніе Штюрмера, если оно состоится, “грянуло, как гром”. В письмѣ к женѣ Ник. Ал. отмѣтил, что Пителирм говорил “особенно о созывѣ Гос. Думы”: “Это меня удивляет, и я хотѣл бы знать, кто на него повліял в этом отношеніи”. О Штюрмерѣ в письмѣ ничего не сказано. Через нѣсколько дней Пителирм посѣтил и предсѣдателя Думы. Это было 14 января — говорит Родзянко. Митрополит пріѣхал в сопровожденіи члена Думы свящ. Немерцалова, а Родзянко, как “болѣе опытный политик”, спрягал у себя правителя канцеляріи Глинку, чтобы имѣть своего свидѣтеля. В воспоминаніях Родзянко и его показаніях имѣется существенное разнорѣчіе по поводу свиданія. В показаніях Пителирм говорит, что ѣздил в Ставку для того, чтобы “смягчить впечатлѣніе” от письма, которое Родзянко 11 декабря написал Горемыкину, настоятельно “требуя” от него покинуть пост. (“Письмо это — показывал Родзянко — не предназначалось для печати”, но оно “исчезло” со стола в его кабинетѣ и “появилось во всей печати”. Копію письма Родзянко передал Царю при докладѣ 27 декабря). В воспоминаніях митрополит пріѣзжает “выразить свой восторг” по поводу этого письма и “успокоительно” замѣчает, что дни Горемыкина сочтены: он “не долго останется, он слишком стар, вѣроятно, вмѣсто него будет назначен Штюрмер”. “Да, я слышал — отвѣтил Родзянко — но вряд ли это измѣнит положеніе, к тому же нѣмецкая фамилія в такіе дни оскорбляет слух”. — “Он перемѣнит фамилію на Панипа”... — “Обман этот никого не удовлетворит. Вы знаете, владыко, есть хорошая пословица: жид крещеный, конь лѣченый”... В показаніях Родзянко говорит, что он не знал о проектѣ

отставки Горемыкина. Когда Питирим назвал имя Штюмера, Немерцалов вскочил с кресла: “Как можно нѣмца назначать...? Невозможно! Штюмер! Что же такое!”. Питирим посмотрѣл на батюшку и сказал: “Священник Немерцалов, Штюмер такой же русскій человекъ, как и мы с вами”... И митрополит категорически заявил, что Штюмер будет назначен. “Очень жаль — замѣтил Родзянко: предстоит еще болѣе упорная война со Штюмером, чѣм с Горемыкиным. Штюмер довольно рѣшительный человекъ”. Бесѣда перешла на злободневную тему о “старцѣ”, и предсѣдатель Думы требовал от митрополита, чтобы тот очистил свое имя от слухов, что он “ставленник Распутина” и очистил церковь от “хлыстовских влїяній”... Так попытка перекинуть мост между Думой и правительством не увѣнчалась успѣхом.

20-го января, в період пребывания Николая II в Царском, Штюмер был назначен премьером. Возвращаясь в Ставку, Царь с дороги писал 28-го: “Я на этот раз увѣжаю гораздо спокойнѣе, потому что имѣю безграничное довѣріе к Штюмеру”, а А. Ф. ему отвѣчала: “как я рада, что теперь у тебя есть Штюмер, на котораго можно положиться и о котором ты знаешь, что он постарается не допустить разброда среди министров” *). “Наш Друг... спокоен за все, только озабочен назначеніем Иванова, находит, что его присутствие в Думѣ могло бы быть очень полезно”. Рѣчь шла об одном из кандидатов в военные министры на мѣсто Поливанова — это была бы “превосходная замѣна и доброе начало для 1916 г.” — А. Ф. не сомнѣвалась, что “сердце всей Думы устремилось бы к “Дѣдушкѣ” **).

Назначеніе Штюмера, — вспоминает Родзянко, — “привело всѣх в негодованіе: тѣ, которые его знали по прежней дѣятельности, не уважали его, а в широких кругах, в связи со слухами о сепаратном мирѣ, его фамилія произвела непрїятное впечатлѣніе: поняли, что это снова влїяніе Императрицы и Распутина и что это сдѣлано *умышленно и наперекор общественному мнѣнію*”. Бывшій мин. нар. проев. гр. Игнатъев, который всегда пользовался довѣріем Царя, в показаніях Чр. Сл. Ком. заявлял, что Штюмер представлялся верховной власти именно лицом, удовлетворявшим требованіям сожителства с общественностью. Игнатъев вспоминал, что при докладѣ 2 декабря он говорил Николаю II “о необходимости такого предсѣдателя, который бы что-нибудь сдѣлал для связи с законодательными палатами; без этого выхода нѣтъ, Гос. Дума есть минимум общественности и послѣдняя зацѣпка для бюрократической власти — “мнѣ сказали, что это совершенно вѣрно, что такія заданія даны, и вы скоро увидите”. Назначеніе Штюмера для Игнатъева явилось “совершенно неожиданным”. Он отправился к новому премьеру и объявил ему, что не видит “возможности” совмѣстной работы: “мотивы такіе: мои ста-

*) Сопоставим это заключеніе А. Ф. с итогами, которые подвел Сазонов в воспоминаніях — он утверждает, что удаленіе Горемыкина состоялось при энергичных протестах А. Ф. и вопреки ея «волѣ», и объясняет этим раздраженіе ея против тѣх министров, которых она считала виновниками в интригах против «милаго старика».

***) Слишком часто современники, касающіеся предреволюціонной эпохи, проявляют в своих литературных изысканіях поспѣшность в заключеніях. В данном случаѣ в этом повинна Гиппѹс, заявляющая в очерках, напечатанных в «Соврем. Зап.», что Иванов «конечно» был назначен согласно волѣ «Нашего Друга».

рые копытки — общественность” и т. д. Штюмер отвѣтил: “это — моя задача”.

Столь же “ошеломляющее” впечатлѣніе назначеніе Штюмера произвело и на другого либеральнаго министра, стараго земскаго дѣятеля, члена Гос. Совѣта по выборам, занявшаго пост министра земледѣлія в горемыкинском кабинетѣ по личному настоянію Царя. При назначеніи между Царем и будущим министром в ноябрѣ произошел такой разговор. Наумов заявил о своем “категорическом отказѣ”, ссылаясь на то, что он “искренній сторонник” ушедших министров — Самарина и кн. Щербатова: “болѣе вѣроподобными, чѣм они были, я быть не могу”. “Вы человекъ земли, — возразил ему Царь, не желая принимать отказ своего или А. Ф. кандидата: — вы человекъ правды”. Наумов на министерском посту держал себя независимо: рвал “публично” рекомендательныя записки митр. Питирима, отказывал в пріемѣ Распутину, являвшемуся к нему с какой-то “титулованной дамой”. В глухой борьбѣ между министрами относительно Гос. Думы настаивал в Совѣтѣ на ея созывѣ без каких-либо “условій” и указывал “неоднократно” и “настойчиво” Царю, что “ежели он сойдется с Гос. Думой (состоявшей “на половину из добрыхъ земцев”) на началахъ полного довѣрія, полной искренности, то дѣло и войны и государственнаго строительства может наладиться болѣе или менѣе хорошо”. И Император ему столь же “неоднократно” общался, что так, как он докладывал, так “и будет”...

И эту общественную линію должен был проводить Штюмер, который имѣл исключительно плохую в этом отношеніи славу и мог разсматриваться только, как ставленникъ реакціи! Непонятная операція! И все-таки фактъ остается фактомъ: Штюмер (“святочный дѣд”, как прозвали его, по словамъ Шульгина, в Петербургѣ) вовсе не былъ назначенъ “умышленно наперекоръ общественному мнѣнію”. Член Гос. Думы Мансырев, принадлежавшій к фракціи к.-д., даже говорит в воспоминаніяхъ, что в думскихъ кругахъ в то время многіе назначеніе Штюмера склонны были разсматривать, как побѣду “блока”, и только позже назначеніе Штюмера связали с закулисною игрою сепаратнаго мира. Так в октябрѣ член Гос. Совѣта Шебеко в собраніи прогрессивнаго блока вспоминалъ слова “одного изъ близкихъ к правительству лицъ”, сказанныя “послѣ успѣшной” борьбы Думы с Горемыкинымъ: “Конечно, Горемыкинъ старикъ, но при Горемыкинѣ не будетъ толковъ о преждевременномъ мирѣ, а этотъ на все пойдет. Теперь слухи, что мирныя теченія поддерживаются, обоснованы”. (Запись Милюкова). Сам же Штюмер говорил Белецкому (такъ показывал послѣдній), что он сумѣетъ при “либеральномъ отношеніи своей политики сжать в лучшихъ случаяхъ в бархатныхъ перчаткахъ не отвѣчающіе его задачамъ порывы общественности”.

Первые шаги “новаго премьера” не встрѣтили одобренія в лагерѣ тѣхъ, кто держался за “призракъ самодержавія”. Упомянувшійся уже Пасхаловъ писалъ 23 января лидеру “дубровинцевъ”: “Новый премьеръ поспѣшилъ отречься от солидарности партійной и расшаркаться передъ “общественностью”, этимъ новымъ фетишемъ либеральнаго словоблудія. Признакъ далеко не утѣшительный, а если предшественникъ его устранился по разногласію о томъ, в какихъ предѣлахъ допустить безобразничать в предстоящую сессію Гос. Думы, то и вовсе плохой”.

С назначеніем Штюмерера связано одно необычайное в лѣтописи занятій Гос. Думы событіе — неожиданное посѣщеніе Императором засѣданія Думы. По мнѣнію сторонников тезы подготовки сепаратнаго мира, то былъ лишь “придуманый Распутиным маневр” для того, чтобы нѣсколько парализовать враждебную встрѣчу Думы с Штюмерером. Между тѣм, совершенно очевидно, что “историческое событіе”, происшедшее 9 февраля, явилось осуществленіем проекта, о котором говорилось еще в ноябрьских письмах Н. А. к А. Ф., т. е. тогда, когда о Штюмерерѣ и разговора не было. Напомним, что в письмах А. Ф. нѣсколько раз подчеркивалось, что эта мысль принадлежала как бы самому Царю. Может быть, здѣсь слѣдует увидѣть лишь своего рода педагогическій приѣм, но столь же допустимо и предположеніе, что Распутин, как это бывало, ухватился за услышанное и преподносил потом (или преподносила А. Ф.), как нѣчто свое боговдохновенное. Во всяком случаѣ, дѣло было не так просто, как изобразил Хвостов “толстый” в показаніях: сказал Распутин “папашѣ” поѣхать в Думу, тот и поѣхал. Не соответствовало оно и версїи, в значительной степени измышленной хвастливым Манасевичем-Мануйловым. По его словам, мысль о посѣщенїи Царем Думы явилась у Мануйлова при бесѣдѣ с Бурцевым (с нѣкоторым санфанасонством он называл послѣдняго своим “прїателем”), который беспокоился пройсками реакціонной партїи и говорил, что “нужно что-нибудь такое сильное, чтобы разбить эту волну”. Мысль Манасевича встрѣтила одобреніе Бурцева, хотя он и отнесся скептически к возможности ея осуществленія. “Я поѣхал к Распутину. — показывает Манасевич, — и говорю: “Вот, слушай, так и так, говорят против Думы”. — “Да, да, это все клопы, которые ворочаются против Думы, но и клопы кусаются и могут надѣлать бѣд”. Я говорю ему: “Ты имѣешь вліяніе, устрой так, чтобы папаша прїѣхал в Думу”. Он стал бѣгать по комнатѣ, а потом говорит: “Ну, ладно, папаша прїѣдет в Думу, ты скажи этому старикашкѣ (Штюмереру), что папаша будет в Думѣ и, если его спросят, чтобы не артачился”. Я тогда сказал Штюмереру, что есть такое предположеніе, что, вѣроятно, будет Царь. Он отнесся очень сочувственно. И представьте себѣ, через 4—5 дней Царь был в Думѣ”.

Полицейскій начальник бывшаго охранника не желает пальмы первенства отдавать подчиненному: это он, Белецкїй, и Хвостов “рекомендовали посѣщеніе Государем Государственной Думы”. Предсѣдатель Гос. Думы приписывает инициативу себѣ и вспоминает: “Открытие Думы было назначено на 9 февраля. 4 февраля было получено радостное извѣстіе о взятїи нашими войсками Эрзерума... Этот военный успѣх облегчил примиреніе с членами Думы и как-то сгладил послѣдніе вызовы власти... Послы союзных держав... обрацались ко мнѣ, желая провѣрить слухи об окончательном роспускѣ Думы... Надо было придумать что-нибудь, чтобы разсѣять эти слухи, поднять настроеніе в странѣ и успокоить общество; необходимо было, как я считал, убѣдить Государя посѣтить Думу... Не кто мог уговорить на такой шаг Царя. Первым дѣлом надо было обратиться к Штюмереру и заручиться обѣщаніем не мѣшать и не отговаривать Царя. Бюрократ в душѣ, Штюмерер испугался возможности подобнаго шага, но все-таки обѣщал

не вмѣшиваться, особенно послѣ того, как ему объяснил всю выигрышную сторону этого для него лично: в обществѣ могли предположить, что это он, новый премьер, внушил такую благоую мысль Государю. Послѣ этого я рѣшил прибѣгнуть к помощи нѣкоего Клопова, стараго идеалиста, патриота, котораго Царь давно знал и любил, и допускал к себѣ. Клопов этот бывал и у меня. Он согласился и написал Царю письмо, изложив доводы касательно посѣщенія Думы. Скоро он получил отвѣтъ слѣдующаго содержания: "Господь благослови. Николай".

Спутал ли хронологически Родзянко, или вокруг фантастическаго, но реальнаго Клопова сплелся клубок противорѣчивых легенд*) в данном случаѣ довольно безразлично, ибо, очевидно, не Клопов побудил Царя принять рѣшеніе выступить в Думѣ. Уже 4 февраля Царь, без предварительных переговоров, написал женѣ: "...я хочу вернуться, чтобы присутствовать при открытіи Гос. Думы и Гос. Совѣта. Пожалуйста, об этом пока не рассказывай... Приѣзжаю в Царское в понедѣльник, 8-го. Остаюсь там два дня и спѣшно возвращаюсь сюда". И никаких послѣдующих замѣчаній до приѣзда Николая II в письмах нѣтъ**). Пребывавшій в Ставкѣ ген. Псков говорит, что мысль о посѣщеніи Думы подсказал Царю Алексѣев.

"Ловкій маневр" 9 февраля довольно кисло вполнѣдствіи оцѣнивал лидер думской оппозиціи в показаніях Чр. Слѣдственной Комиссіи: "Царь сказал рѣчь довольно безцвѣтную и довольно благожелательную***) и имѣл нѣкогорый вѣншній успѣх". Другіе свидѣтели неред той же комиссіей давали нѣсколько иную характеристику: Поливанов, напримѣр, говорил о "восторженном приѣмѣ", который был оказан Царю в Думѣ— приѣмѣ, произведем на Царя, по словам Род-

*) В книгѣ «На путях к дворцовому перевороту» мы приводили иную версію миссіи, которую предстояло яко бы выполнить Клопову — правда, в концѣ 16-го года.

**) Не исключена, конечно, возможность какой нибудь особой телеграммы «Друга» непосредственно Царю, как то случилось, и тогда А. Ф. принимала вид молчаливаго согласія. Палеолог, со слов Сазонова, говорит, что неожиданный шаг Царя был сдѣлан по настоянію Фредерикса без вѣдома (!) жены. Англійскій посол косвенно себѣ приписывает «попытку» повліять на Николая II в либеральном духѣ. Бьюкенен рассказывает, что в концѣ января (по ст. стилю) он имѣл у Царя аудіенцію и совѣтовал для противодѣйствія растущему недовольству воспользоваться «единственно удобным случаем» закрѣпить узы, которыя связали Царя и народ и «даровать народу в награду» за принесенныя жертвы то, что было бы «оскорбительным» уступить революціонным угрозам. «Если В. В. не может согласиться на коренныя реформы (Царь указал Бьюкенену, что всѣ усилія должны быть сосредоточены на войнѣ, и вопрос о внутренних реформах должен быть отложен до заключенія мира) — сказал Бьюкенен — не можете ли Вы хотя бы подать кое какія надежды на улучшеніе в ближайшем будущем». Царь улыбнулся, но ничего не отвѣтил. «Хотя я не могу утверждать — заключает посол, — что мнѣ удалось внушить свою мысль Государю, но двѣ недѣли спустя он, дѣйствительно, подал подобную надежду, присутствуя на открытіи засѣданій Думы».

***) Короткая рѣчь сводилась к общим мѣстам «с пожеланіем успѣшной работы народным представителям». Секретарь Родзянко увѣряет, что Николай II сказал не то, что официально потом было напечатано. Родзянко будто бы хотѣл запечатлѣть золотыми буквами на мраморной доскѣ царскія слова, но отказался от этой мысли послѣ того, как ознакомился с текстом, присланным Министерством Двора. Едва ли в таком случаѣ смог бы Милюков назвать рѣчь «довольно безцвѣтной».

зянко, “чарующее впечатлѣніе”: “этот день я никогда не забуду”, — сказал Царь Родзянко. Член Думы Каменскій на всероссійском съѣздѣ городов 12 марта говорил также о “высоком воодушевленіи”, которое вызвало в Думѣ посѣщеніе ея Царем. Это уже прямое, непосредственное свидѣтельство. Присутствовавшій на засѣданіи Палеолог со своей стороны отмѣчает “восторг” (“une allégresse radieuse et frémissante”) в “лѣвых” партіях (очевидно, надо имѣть в виду прогрессивный блок) и негодованіе, растерянность “правых” и чрезвычайную взволнованность Императора (о волненіи говорит и Родзянко).

Милоков вспоминает в своих показаніях, что перед этим посѣщеніем “состоялся цѣлый ряд попыток Штюрмера и близких к нему людей к болѣе или менѣе мирной встрѣчѣ”. С этой цѣлью “обращались к разным членам в Думѣ” и, между прочим, к самому лидеру блока, приглашенному на совѣщаніе к товарищу Предсѣдателя Думы Варун-Секрету, на котором присутствовал и член Думы, министр внутренних дѣл Хвостов. Послѣдній пробовал, — показывал Милоков — “уговорить меня, что Штюрмер — лицо не опредѣлившееся... и что, может быть, от приѣма дружественнаго зависит его отношеніе к Думѣ и блоку”. Так что, “не предрѣшая этого отношенія, лучше было бы не обливать его холодной водой и дать ему нѣкоторый аванс”. Лидер блока высказался против каких-либо предварительных “тайнственных переговоров” и требовал безоговорочной капитуляціи правительства перед программой блока, на почвѣ которой была пресѣчена предшествовавшая сессія Думы. Несмотря на детальность и опредѣленность показаній Милокова, свидѣтель спугал два момента, ибо его свиданіе с Хвостовым, как мы знаем, было гораздо раньше*) и никакого отношенія к Штюрмеру не имѣло. Да и по существу категорическія, уже мемуарныя, утвержденія Милокова, как всегда, требуют поправки. В данном случаѣ это легко сдѣлать, пользуясь тѣми же записями Милокова о засѣданіи бюро прогрессивнаго блока. На засѣданіи 28 января (послѣднем, отмѣченном Милоковым за этот період по сохранившимся записям) был поставлен вопрос об отношеніи блока к Правительству. Милоков выставлял три возможных “гипотезы”, которыя опредѣляют отношеніе к новому премьеру: “признает, не признает блок, поищет средней дороги”. *Меллер-Закомельскій*: “...Буде будет протянута рука — будем совмѣстно работать. Насколько возможна совмѣстная работа, будет зависѣть, как он пойдет на встрѣчу”. *Шидловскій*: “Надо реагировать не на слова, а на поступки... Декларація будет набором слов, заключенія будут гадательны. Только на поступках увидим, насколько наши дороги сходятся”. Годнев рассказывает, что у него выпытывали, как отнесется Дума к тому, если правительство проявит желаніе быть ближе с лицами, могущими оказать влияние... “Если к болѣе или менѣе видным членам придут и будут просить указаній”. “Я отвѣтил, что сейчас вѣры нѣтъ. Если ко мнѣ придут, я ничего не скажу: все выпытают, а затѣм обманут”. Лица, которыя бесѣдовали с депутатом, указали, что Дума будет созвана не ранѣе

*) Это свиданіе сохранилось в «секретѣ» — и Милоков только позже рассказал о нем на совѣщаніи с Протопоповым в октябрѣ 16 г. (о нем сказано будет ниже).

22 февраля, потому что раньше “нельзя узнать настроений”. Ознакомившись с мнѣніем Годнева, что “за исключеніем крайних лѣвых”, депутаты “будут вести себя корректно”, означенныя “лица” сказали: “тогда можно созвать и раньше”. Ковалевскій (Евграф) получил еще болѣе важную информацію: “Произошло измѣненіе отношенія верхов — под влияніем агитации среди солдат, антидинастических лозунгов*). Доложено было, куда слѣдует, и рѣшено переложить тяжесть на другія плечи. Учрежденіе, стремившееся взять власть, может служить громоотводом. Из нежелательнаго учрежденія становится помощницей. Правительство станет очень уступчиво”, — заключил оратор: “надо учитывать — положеніе благоприятно”. “Если в самих верхах произошло измѣненіе, то надо быть увѣреннѣе. Надо сказать об отвѣтственности правительства”, — возвращается Ефремов к своей всегдашней позиціи. “Выжидательной позиціи занять нельзя, ибо существующее положеніе внутри стало хуже”. “Мы ближе к возможности катастрофы”. “Выжидательная позиція будет выгодна правительству и произведет впечатлѣніе, что мы готовы повѣрить”. В Гос. Думѣ “мы не можем отвѣтить неопредѣленными фразами на декларацію. Мы должны высказаться опредѣленно. Это Правительство не есть правительство общественнаго довѣрія”. Годнев поддержал послѣднее предложеніе Ефремова: “...коренное требованіе, неприемлемое в блокѣ, вовсе не в программѣ. Противодѣйствія программѣ не будет**). Если не повторяют о довѣрїи, примут любую программу, но ровно ничего не сдѣлают”. Маклаков не представляет себѣ декларацію, в которой было бы довѣріе... Приходится быть почти холодным, сдержанным обязательно. Но в недоумѣніе приводит предложеніе Ефремова, что в первый день надо сказать, что мы правительству не вѣрим... Раз Горемыкина нѣтъ, нельзя сказать эту фразу на вѣтер... непослѣдовательно”. Шульгин: “Становиться в позу невозможно. Что мы знаем о Штюмерѣ? Или краснорѣчивая характеристика (сказать не можем), или что он “правый”. Но давно ли, отвѣтят, вы сами ссорились? Теоретически закрывать двери невозможно. И невыгодно — особенно с тѣм лицом, который мягко стал. Мы должны быть еще мягче Штюмера, ни в чем не уступая... Подавать вид ершей, которые колются и имѣют вид самовнѣнія неприступных богов — нельзя”. “Краснорѣчивая характеристика”, о которой говорил Шульгин, была дана выступавшим ранѣе Гурко. Компетентное сужденіе человѣка, причастнаго к высшей бюрократіи до извѣстной лидвалевской эпопеи (злоупотребленія при поставкѣ хлѣба), сводилось к титулованію новаго премьера “мелким шуллером”, обладающим житейским тактом и умѣнїем разговаривать с людьми”. “По существу может уступить все, поскольку не испортит репутацію на верхах”. “Положительных убѣжденій нѣтъ никаких: готов хоть на демократическую республику”. Вѣдь Штюмер губернаторствовал в Твери, “на словах дружил с правыми”, “никаких дѣл не дѣлал и оставил все третьему элементу”. —

*) Годнев этими полицейскими свѣдѣніями о тревожном состояніи на фронтѣ объяснял смѣну премьеров: «Иначе Горемыкин сидѣл бы до сих пор».

**) Ковалевскій (М. М.) в ноябрьском совѣщаніи блока называл программу «очень робкой», передавая сужденія, слышанныя им среди членов центра Гос. Совѣта — даже бывший министр говорил: «мы радикальнѣе».

Дѣвые говорили: “пусть сидит”. “Премьер фактически будет опираться на верхнюю палату и дѣлать розовое лицо блоку”. Гурко рекомендовал “Придерживаться прежняго — скандала не дѣлать” и проявлять “холодную сдержанность”. “Уживется или не уживется Штюрмер с Думой?” — “От этого зависит, — полагал Милоков, — при положеніи, описываемом Ковалевским, сохранить или не сохранить власть. Мы укрѣпим его или ослабим, смотря по нашему поведенію. Не договор, а параллелизм, но без всяких обязательств. Сейчас на очереди не политика провокаціи, а политика умолчанія. Зависит от содержания деклараціи”. Отсюда вытекалъ вывод: “итти на переговоры, но ничего не уступать” (Шульгин). “Если можно, заставить пойти на прецедент — разговор с представителями блока” (Гурко). По мнѣнію Шидловскаго, “большая ошибка не пойти на приглашеніе до начала Думы. Однако, большинство склонялось, что на устраиваемый премьером “раут” итти преждевременно.. “Мы должны отвѣтить, что с наслажденіем пойдём на раут, но не можем до заявленія, потому что не знаем, к кому ѣдем” (Шульгин). “На раут не итти: предсезивим”, — формулировал Милоков. — Нужна еще “обоюдная развѣдка”.

В итогѣ “встрѣча” со Штюрмером произошла в Думѣ без всяких “таинственных переговоров” *). “Но тут мы патолкнулись на сторприз совершенно неожиданный”, — показывал Милоков, имѣя в виду посѣщеніе Царем Думы. Это было понято оппозиціей, как “аванс и до нѣкоторой степени покаяніе за роспуск Думы на блокѣ”. В дѣйствительности великое “историческое событіе”, как назвал председатель Думы посѣщеніе представительнаго Собранія Царем, превратилось только в “осложняющее обстоятельство”, как выражался Милоков. Сам председатель Думы должен был признать, что “вышло как-то кучо”. Провожая Царя, Родзянко будто бы ему сказал (беру выдержку из стенограммы показаній): “Вы изволили пожаловать. А дальше что?” — “Вы говорите на счет чего?”. Я говорю: “Ну, а отвѣтственное министерство?”. Он говорит: “Ну, об этом я еще подумаю **).

Составленная в “либеральных” тонах рѣчь новаго премьера не удовлетворила, конечно, оппозицію... “В заявленіи его, — вспоминал Милоков, — категорически упоминалась фраза об исторических условиях, которые остаются незабываемыми, на которых росло и укрѣпилось русское государство — фраза сакраментальная — про конституционализм, и про самодержавіе... Послѣ этого было уже не трудно кончить это засѣданіе так, как предполагалось раньше — выступленіем от имени всего блока... Когда мнѣ пришлось выступить на слѣдующій день, я говорил, что это не министерство довѣрія, а что это министерство недовѣрія к русскому народу... и указал, что страна считает петроградскія событія пятым фронтом”...

В нашу задачу сейчас не входит политическая оцѣнка по суще-

*) Если не считать неудачной попытки «соединить общественность с правительством» на специальном общѣдѣ, устроенном Штюрмером в министерствѣ на Фонтанкѣ, гдѣ председатель Думы оказался в компаніи Маркова П, Пуришкевича, Крупенскаго, т. е., с представителями той половины Думы, с которой Родзянко «ничего общаго не имѣлъ». (Крупенскій в то время входил в прогрессивный блок). Дѣло свелось к тому, что Родзянко наговорил министрам «много неприятностей» — «даже Сазонов обидѣлся».

**) Конечно, об «отвѣтственном министерствѣ» Родзянко говорить не мог, так как в такой формулировкѣ вопрос в то время не ставился.

ству государственных событий того времени, для нас важно в данном случае установить лишь то, что “они” то считали посещение Гос. Думы 9 февраля “авансом” общественности. Мемуаристы, писавшие до ознакомления с опубликованными письмами Императрицы и передававшие, таким образом, отзвуки современности, довольно упорно утверждают, что поступок Императора вызвал большое неудовольствие и даже негодование А. Ф... “Говорили, он сдѣлал это за свой страх, — показывал Родзянко, — и когда прѣхал к Императрицѣ, ему тогда попало” *).

Позже в эмигрантских воспоминаніях Родзянко повторил: “она рѣзко говорила против по наущенію своего злого генія”. Со слов Сазонова, Палеолог записал, что Царь боялся истерической сцены со стороны жены, и что Царица в дѣйствительности осудила сдѣланный шаг для соглашения с думскою общественностью (то же самое сказала французскому послу и кн. Палей).

Как фактически созрѣвала мысль о посѣщеніи Думы и насколько правдоподобен рассказ Хвостова, на который в своем изслѣдованіи опирается Семенников (Хвостов “очень хорошо” рассказал) мы видѣли.

— “Довольны ли вы вчерашним днем”, — спросил Царь Штюрмера. Как истый царедворец, Штюрмер в “письменном докладѣ” охарактеризовал “событіе” 9 февраля: “Замедлил своим по сему представленіем, почитая необходимым выразить не только пережитое счастье первых впечатлѣній, но и наблюденіе над тѣм, при каких настроеніях протекают первые дни работы законодательных учреждений. Не говоря уже о сих послѣдних, все общество и вся печать с исключительным единодушіем признала день 9 февраля днем огромнаго внутренняго значенія, днем историческим. Под непосредственным влияніем этого дня рѣчи наиболѣе несдержанных ораторов Гос. Думы были замѣтно смягчены в тѣх своих частях, которыя по заранѣе намѣченному плану должны были способствовать возбужденію общества и печати. Трехдневныя общія пренія по вопросу об обращеніи правительства... протекли без всякаго подъема и пренія закончились простым переходом Гос. Думы к очередным дѣлам, без внесенія на обсужденіе Гос. Думы какой-либо формулы... Все это дает мнѣ возможность представить, что тѣ пары, которыя в теченіе ряда мѣсяцев бережно накапливались водителями оппозиціи, в значительной мѣрѣ уже выпущены и, как показывают всѣ наблюденія, без тѣх послѣдствій, на которыя были рассчитаны”.

Насколько официальный оптимизм премьера соответствовал дѣйствительности, видно хотя бы из донесенія в департамент полиціи начальника московскаго Охр. Отдѣленія Мартынова 25 февраля, воспроизводившаго по обычаю, на основаніи агентурных свѣдѣній, настроеніе на закончившемся VI съѣздѣ партіи Народной Свободы, т. е. той политической группы, которой фактически принадлежало идейное руководство в думском прогрессивном блокѣ. Ударным выступленіем агентаура считала рѣчь Шингарева, приводя его якобы “подлинныя слова”. Шингарев считал величайшей ошибкой идти на встрѣчу “ли-

*) «Я бы попросил только гг. стенографисток не записывать этого вырженія» — прибавил Родзянко.

сьей политикѣ” Штюрмера: “для нас он в сто раз хуже Горемыкина...”), “там была безумная ставка реакціи”, но в лицѣ Горемыкина “мы имѣли... прямолинейную и честную власть, Штюрмер же воплощенная провокація... Его задача — обмануть и выиграть время... Отвѣтъ может быть... только один: требованіе немедленнаго ухода... Власть сама себя завлекла в пучину... Такой власти мы не можем бросить и обрывка веревки... и колебанія... нам не простили бы ни современность, ни исторія...” Агентура считала, что рѣчь Шингарева “в сущности была направлена против Милюкова, который во фракціонных совѣщаніях не один раз колебался и не прочь был вести переговоры с Правительством”. Агенты отмѣчали столь же рѣшительное настроеніе и у Маклакова: он “прямо сказал, что настроеніе Москвы сверху до низу таково, что малѣйшее “заигрываніе” со Штюрмером способно безвозвратно похоронить в глазах Москвы престиж кадетской партіи”**). “Либеральный уклон деклараціи Штюрмера настолько, с другой стороны, не удовлетворил “правых”, что в концѣ февраля происходило “при весьма конспиративной обстановкѣ”, какое-то совѣщаніе правых фракцій Гос. Думы и Гос. Совѣта, гдѣ рѣшено было проводить в кандидаты на пост премьера Танѣева. Правда, это были только слухи в думских кулуарах и на “фракціонных собраніях прогрессивнаго блока”.

Как же реагировала верховная власть? Царица писала тотчас же уѣхавшему послѣ думскаго засѣданія мужу: “Могу представить себѣ глубинну впечатлѣнія, произведеннаго на всѣх твоим присутствіем в Думѣ и Гос. Совѣтѣ. Дай Бог, чтобы оно побудило всѣх к усердной и единомысленной работѣ на благо и величіе нашего возлюбленнаго отечества. Увидѣть тебя значит так много. И ты нашел как раз подходящія слова...” Самообман, конечно, не мог длиться, но наличіе его с ясностью опровергает басню, связывавшую назначеніе Штюрмера с особой подготовкой сепаратнаго мира.

4. — П р и з р а к и м и р а .

Из февральскаго (16 г.) донесенія департамента полиціи совершенно отчетливо видно, что в общественном сознаніи того времени прочно укоренилась вздорная мысль, что Правительство ищет путей к заключенію сепаратнаго мира с Германіей, и что вдохновительницей и руководительницей этого дѣла является “нѣмка” на престолѣ. Исслѣдовательскія перья всегда стараются нащупать данныя, которыя могли бы подтвердить легенду, рожденную психологіей современников.

Не принадлежащій к школѣ “марксистов” специалист в области исторіи международнаго права Шацкій склонен увидать признак колебанія Николая II в его отношеніи к запискѣ о мирѣ, которая была

*) Читатель легко усмотрит противорѣчія в оцѣнках, которыя происходят в разных цитируемых матеріалах. Но эти противорѣчія были в самой жизни, а не только в субъективных воспріятіях наблюдателей того времени.

**) Позицію этого политическаго дѣятеля, стоящаго на правом флангѣ оппозиціи и мало склоннаго к революціонизированію масс, вѣроятно, слѣдует объяснить германофильской репутаціей, которая сопровождала новаго премьера.

ему представлена в мартѣ членом Гос. Совѣта, бывшим послом в Вашингтонѣ, бар. Розеном. Исторія записки, по словам самого Розена, такова. Ему пришлось как-то в клубѣ говорить с Фредериксом на тему о необходимости искать выхода из войны во избѣжаніе катастрофы. Человѣкъ консервативный, считавшій вообще союз Россіи с Англійей и Франціей фатальной ошибкой, относившійся весьма скептически к увлеченіям національной политики константинопольским миграном и преувеличивавшій, возможно, мощь Германіи, Розен приходил къ заключенію, что “безсмысленная бойня” ни къ чему, кромѣ крушенія Европы, привести не может*). Министр Двора просил его написать на эту тему краткую записку для передачи Императору. Заданіе было выполнено и Фредерикс телеграфировал Розену, что Царь выразил одобреніе идеям, изложенным в запискѣ и просил Розена переговорить с Сазоновым. Концепція Розена по существу была далека от идеи сепаратнаго мира — она ставила вопрос шире и глубже. Как много раз мы уже видѣли, позиція Розена была чужда Николаю II, и поэтому нѣтъ основаній утверждать, как это дѣлает Шацкій, что лишь “нерѣшительность характера Государя заставила его отослать бар. Розена къ Сазанову”. Одобреніе само по себѣ ничего не доказывает — с одной стороны, это было в характерѣ Николая II, с другой “одобреніе”, переданное через вторыя руки, могло имѣть вид формальной отговорки. Сазонов не согласился, конечно, с запиской Розена. Тѣм дѣло и кончилось, и у Штурмера не было никаких фактических данных для утвержденія, что Сазонову в “тот момент” удалось переубѣдить Царя.

Если “записка” Розена в тот момент не вышла за предѣлы очень узкаго круга людей, то еще раньше в мартѣ с кафедры Гос. Думы деп. Савенко была оглашена резолюція группы “правых”, выработанная на совѣщаніи в редакціи газеты “Голос Руси”, которая издавалась фракціей націоналистов, говорившая о желательности приблизиться къ окончанію войны: “Мы долго обсуждали... вопрос о разумности продолженія войны и не можем со спокойной совѣстью сказать, что народ хочет дальнѣйшей борьбы. Страна далека от мысли покорнаго согласія къ выполненію нѣмецких требованій, но она не отвергает возможности полюбовно придти къ соглашенію, если таковое необходимо... Мы знаем..., что враг утомлен, ослаблен, как манна небесной, хочет примиренія с сильнѣйшим противником своим. Нам извѣстны также и предложенія, сдѣланныя им; они свидѣтельствуют об истощеніи нѣмецкой имперіи. Когда судьба родины зависит от силы меча, то только разумом, а не сердцем можно рѣшать вопросы государствен-

*) Не имѣя под рукой воспоминаній Розена, я передаю сконцентрированно его «затаенныя мысли», как он излагал их в Лондонѣ Набокову в откровенных бесѣдах. Розен входил в состав парламентской делегаціи, побѣдившей в маѣ в Европу. В Лондонѣ произошел инцидент, остро воспринятый старым, заслуженным русским дипломатом. Как «старѣйшій», он должен был отвѣчать на банкетѣ англійскому премьеру, но один из делегатов — «человѣкъ громкій, рѣшительный и рѣзкій», по характеристикѣ Набокова — заявил протест, сдѣлав оскорбительный намек на «германофильскія симпатіи» Розена. Тот «немедленно и безповоротнo» рѣшил отстраниться от делегаціи. Набоков с большой теплотой в воспоминаніях отзывался о «свѣтлом обликѣ» этого, по его мнѣнію искреннаго и убѣжденнаго человѣка.

ной важности, каким является вопрос о заключеніи мира. Если нѣтъ неоспоримыхъ доказательствъ в близкой исчерпывающей побѣдѣ, то долгъ государственныхъ людей не подвергать дальнѣйшему испытанію народное терпѣніе, ибо оно слишкомъ напряжено”.

У насъ опять нѣтъ данныхъ, которыя указывали бы на то, что подобныя резолюціи “правыхъ” (разумныя в основѣ), паходили какіе-либо конкретныя отклики в правительственныхъ сферахъ, а тѣмъ болѣе у самихъ носителей верховной власти. Мы увидимъ ниже, что А. Ф. скорѣе “раздражали”, по ея собственнымъ словамъ, преждевременныя и “самоувѣренныя” заявленія о скоромъ окончаніи войны, какія ей приходилось слышать отъ окружающихъ. Но нѣмцамъ могло казаться, что “русское правительство настроено в пользу мира” — вѣдь это было убѣжденіе многихъ русскихъ, и не только в безответственныхъ обывательскихъ кругахъ: в одномъ изъ докладовъ Охр. Отдѣленія конца февраля на основаніи все тѣхъ же агентурныхъ свѣдѣній сообщалось, напримѣр, что лидеръ думской оппозиціи еще разъ в своей фракціи убѣждалъ партійныхъ единомышленниковъ “не поддаваться провокаціи правительства, которое, стремясь къ сепаратному миру с Германіей, желаетъ вызвать осложненія в странѣ”.

Въроятно, подъ вліяніемъ этихъ русскихъ настроеній и была сдѣлана новая попытка прощупать почву в томъ же Стокгольмѣ. В воспоминаніяхъ извѣстнаго депутата рейхстага Эрпбергера имѣется указаніе на то, что в Стокгольмѣ, в присутствіи германскаго посла фонъ Луцуса, состоялась бесѣда знаменитаго “короля металлургіи” Стинеса с японскимъ посломъ. Стинесъ старался убѣдить своего собесѣдника в необходимости для Японіи, Россіи и Германіи обмѣняться в “конфиденціально” порядкѣ мнѣніями об условіяхъ мира, для чего в Стокгольмѣ должны были бы встрѣтиться вліятельные представители упомянутыхъ державъ. Японскій посолъ согласился довести до свѣдѣнія токійскаго правительства о предположеніяхъ Стинеса. Упомянутая бесѣда нашла откликъ и в “дневникѣ” русскаго министерства ин. д. — безъ упоминанія, однако, имени Стинеса. Дѣло шло уже не о частной бесѣдѣ, а объ официальномъ предложеніи, сдѣланномъ в дипломатическомъ порядкѣ. Подъ 23 февраля в “дневникѣ” значится: “Японскій посолъ посѣтилъ С. Д. Сазонова и сообщилъ ему о состоявшемся обращеніи германскаго посла в Стокгольмѣ къ японскому посланнику г. Ушиды с просьбой о содѣйствіи японскаго правительства къ заключенію мира между Германіей, Россіей и Японіей. При этомъ бар. Мотоно передалъ памятную записку с подробнымъ описаніемъ двухъ свиданій г. Луцуса и г. Ушиды. Министръ ин. д. уже раньше былъ освѣдомленъ изъ весьма секретнаго источника объ обращеніи г. Луцуса къ японскому посланнику в Стокгольмѣ. Тѣ же свѣдѣнія передъ тѣмъ были сообщены ему и англійскимъ посломъ, который былъ весьма довѣрительно увѣдомленъ объ этомъ сэромъ Э. Греемъ. Выслушавъ японскаго посла, министръ отвѣтилъ ему, что былъ бы готовъ обсудить германскія мирныя предложенія подъ условіемъ, чтобы таковыя были одновременно сдѣланы Россіи, Франціи, Англій и Японіи. Обращеніе германскаго правительства къ Италіи не представляется необходимымъ, такъ какъ она не объявляла войны Германіи, но, разумѣется, союзники не скроютъ отъ нея германскихъ предложеній. 5 мая в министерствѣ ин. д. вновь появился японскій посолъ, сообщившій, что Японія, уклоняясь отъ передачи предложенія, касающагося отдѣль-

наго мира, готова взять на себя роль передатчика всѣм союзникам предложенія Германіи. Не возражая на такое посредничество в “начальном фазисѣ переговоров”, представитель мин. ин. д. бар. Шиллинг “ограничился замѣчаніем, что, если бы даже нѣмцы и откликнулись на сдѣланное японским посланником г-пу фон Луціусу заявленіе, то едва ли в настоящее время их мирныя предложенія оказались бы для нас приемлемы. Поэтому слѣдует скорѣе предположить, что, если нѣмцы и выступят с подобными мирными предложеніями, то лишь для того, чтобы потом постараться возложить на союзников перед нейтральными, и в особенности перед Америкой, отвѣтственность за продолженіе войны. Японскій посолъ сказал, что и он придерживается этого мнѣнія”.

Никаких явных послѣдствій указанные шаги не имѣли. Запись мин. ин. д. опредѣленно устанавливает, что миссія Стинеса носила офиціозный характер и не может быть отнесена к той закулисной интригѣ, которая связывалась с подготовкой к заключенію сепаратнаго мира между Германіей и Россіей.

Разсѣдовавшій так скрупулезно связь, которая могла существовать между “Романовыми” и сепаратным миром, не нашел никакого матеріала для обрисовки взаимоотношеній между “пацифистскими” русскими кругами и нѣмцами в ближайшіе мѣсяцы послѣ только что описаннаго стокгольмскаго мирнаго предложенія. Так было вплоть до прославленнаго іюньскаго свиданія Протопопова с представителем нѣмецкаго посольства в Стокгольмѣ, которое сдѣлалось, наряду с миссіей Васильчиковой, главным козырем у обвинителей представителей династіи. Между тѣм нѣмецкая пропаганда в пользу сепаратнаго мира отнюдь не ослабѣла за это время, связавшись непосредственно с русскими “пацифистами”, которые проживали за границей. Это не написанная еще потайная страница в исторіи мировой войны, расписывать которую полностью за отсутствіем матеріала еще трудно. Какое мѣрило можно примѣнить для отдѣленія прелева от пшеницы — простой агентуры от идейнаго пацифизма? Центрами такой пропагандистской работы сдѣлались нейтральныя столицы — Копенгаген и Стокгольм с их германскими дипломатическими представителями гр. Брансдорф-Ранцау и бар. ф. Луціусом, между ног которых путалась так называемая фордовская “миссія мира”, прямо или косвенно помогавшая отыскивать среди русских соответствующих “эмиссаров мира”.

Неясной остается для нас фигура пацифистски настроеннаго полуэмигранта кн. Бебутова, переѣхавшаго в 16-м году из Берлина в Стокгольм и здѣсь окруженнаго всякаго рола пацифистами и агентами враждующей стороны — среди них будет и “посредник” между русскими эмигрантами и германским послом в Копенгагенѣ, и представитель германскаго генеральнаго штаба, и сотрудник Фордовской экспедиціи мира, и интернаціоналисты во главѣ с пресловутым Парвусом и т. д.*). Всѣ они были озабочены миром. Всѣ информировали о возможных условіях окончанія войны, предполагая, что “эмигрант” кн. Бебутов должен направиться в Петербург для переговоров с руководящими группами Гос. Думы и правительством. Бебутов, дѣйствительно, в концѣ года или в началѣ слѣдующаго, переѣхал в Россію...

*) См. «Золотой нѣмецкій ключ» к большевицкой революціи.

Может быть, менѣ таинственной является другая фигура, выдвинувшаяся на авансцену в роли “эmissара мира” — публицист Кольшкo, бывший сотрудник “Гражданина” и “интимный друг” кн. Мещерскаго, одновременно и “клевет” Вите, чиновник особых порученій при министерствѣ финансов, банковскій дѣлец, довольно свободно путешествовавшій во время войны из Петербурга в Копенгаген и Стокгольм. Пелена таинственности с него спала, ибо он был разоблачен в дни революціи. Тогда ему припиlena была этикетка — “германскій агент.”

Хотячая терминологія того времени не возбуждала к себѣ большого довѣрія, но Кольшкo не счел нужным и впоследствии, в эмиграціи, выступить с реабилитирующими его разъясненіями. Этой красочной фигуры русскаго безвременья нам еще придется коснуться... Перед нами лежит в сущности еще не написанная страница, которую обошел молчаніе Семенников, упомянувшій в нѣскольких словах о Кольшкo, как о представителѣ той промышленной группы, которая по его мнѣнію заинтересована была в заключеніи сепаратнаго мира. Между тѣм в распоряженіи автора могло быть все дѣло Кольшкo по обвиненію послѣдняго в “шпіонажѣ”, которое, вѣроятно, могло бы пріоткрыть завѣсу таинственнаго, отдѣляющую нас от проникновенія в закулисныя интимности. Исслѣдователю, возможно, в данном случаѣ помѣшала нѣкоторая его добросовѣстность в подборѣ матеріала, ибо там, гдѣ за кулисами дѣйствовал интернаціоналист Парвус, очевидно отступали на задній план и “Романовы”, и металлургическая промышленность и феодалные помѣщики. Тема должна была измѣниться: лѣвые циммервальдцы и сепаратный мир — тема для совѣтскаго исслѣдователя, естественно, запретная.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОТСТАВКА САЗОНОВА

1. — Недовольство министром ин. д.

Прежде чѣм говорить о новом стокгольмском совѣщаніи при участіи русских дѣятелей, надлежит остановиться на происшедших измѣненіях в составѣ правительства — когда министра ин. д. націоналиста, “вѣрнаго друга” союзников, замѣнил “германофил” Штюрмер, что знаменовало собою как бы новый этап в подготовкѣ сепаратнаго мира.

В дѣйствительности отставка Сазонова подготовлялась исподволь. Она была поставлена с момента августовскаго правительственнаго кризиса, когда А. Ф. писала мужу (7 сент.): “Надо найти... также замѣстителя Сазонову, котораго он (Горемыкин) находит совершенно невозможным: потерял голову, волнуется и кричит на Горемыкина”... “Он считает, что Нератов не годится на мѣсто С. (я только так назвала его имя). Он с дѣтства знает его и говорит, что он никогда не служил за границей, а это нельзя для такого мѣста. Но гдѣ же найти людей? Извольскаго — с нас довольно — он не вѣрный челоуѣкъ, — Гирс мало чего стоит. Бенкендорф — одно его имя уже против него. Гдѣ у нас люди, я всегда себя спрашиваю и прямо не могу понять, как в такой огромной странѣ, за небольшим исключеніем совсѣм нѣтъ подходящих людей?”.

Надо имѣть в виду, что помимо тѣх специфических черт, которыми был отмѣчен августовскій кризис, против министра ин. д. говорило и иѣкоторое недовольство в верхах его уступчивостью во вѣншней политикѣ. “Что это Болгарія задумывает и почему Сазонов такой размазня”, — негодовала А. Ф. 11 сентября. “Мнѣ кажется, что народ сочувствует нам, и только министры и дрянной Фердинанд мобилизуют, чтобы присоединиться к непріятелю, окончательно раздѣвить Сербію и жадно накинуться на Грецію”. “Удали нашего посланника в Бухарестѣ, и я увѣрена, что можно убѣдить румын пойти с нами”. Любопытно, что здѣсь А. Ф. как бы поддерживает нелицеподобнаго ей в данный момент вел. кн. Н. Н. против Сазонова, который защищал посла в Румыніи Козел-Поклевскаго — от нападков бывш. верх. главнокомандующаго. Если бы А. Ф. хоть минуту думала о сепаратном мирѣ с Германіей, то должна была бы поддерживать обвиняемаго в “измѣнѣ” посла, который *de facto* был сторонником скорѣйшаго окончанія войны и не вѣрил в побѣду союзников. Горемыкин говорил, — продолжает А. Ф. на другой день, что “на Сазонова жалко

смотреть — настоящая мокрая курица, что с ним случилось”. В этот день рѣшался вопрос о выступлении Болгарии, которая произвела мобилизацию и сконцентрировала войска у сербской границы. Предполагалось вручить Болгарии составленный французским министром ин. д. Делькассэ протест с требованием прекратить мобилизацию, что вызвало, однако, возражения со стороны англійскаго правительства. Из письма Кудашева Сазонову 20 сентября видно, что Николай II остался очень недоволен этим, равно как и Алексѣев, считавшій с военной точки зрѣнія “крупной ошибкой” нерѣшительность дѣйствій дипломатии в отношении Болгарии, которая, по его мнѣнію, “все равно выступит”, а задержка ультиматума лишала сербов возможности использовать свои преимущества нападенія на болгар.

Не будем углубляться в вопрос — повинен ли “англоман” Сазонов в излишней уступчивости и мог ли достигнуть каких-либо результатов запоздалый ультиматум, предьявленный от имени Россіи, с требованіем в “24-часовой срок... порвать с врагом славянства и Россіи”. Очевидно, что в вопросе о смѣнѣ министра ин. д. в это время не играло никакой роли принципиальное расхождение в намѣчавшейся будто бы иной международной ориентации. Нельзя не обратить вниманія на то, что нападки на дипломатию Сазонова сводятся исключительно к тому, что его пассивность мѣшает развитію военных дѣйствій... Замѣнить Сазонова было неким — мысль о Штюермерѣ еще не являлась в окруженіи Царицы, и в слѣдующих же письмах А. Ф. смягчает свои настоянія, чтобы и Сазонов попал под “карательную экспедицію” Императора. Она говорит 18-го, что Царю, “вѣроятно”, придется смѣнить “длинноносаго Сазонова”, если он “постоянно будет в оппозиціи”, а 20-го мы видим, уже полную с ея стороны уступчивость: “Но что ты думаешь относительно Сазонова. Я думаю, что так как он очень хорошій и честный (но упрямый) человек, то, когда увидит новый энергичный состав министерства, он подтянется и опять сдѣлается мужчиной. Атмосфера вокруг него заѣла его и сдѣлала кретином. Есть люди, которые становятся выдающимися в тяжелыя времена и при больших трудностях, а другіе, напротив, тогда проявляют свое ничтожество. Сазонову необходимо сильное возбуждающее средство и, как только он увидит, что работа налаживается, а не распадается, он почувствует себя окрѣпшим... Что с ним случилось? Я горько в нем разочаровалась”. Прочитав эту выписку из письма, не присоединись к записи Палеолога, утверждавшаго, со слов нѣкоего К., “друга Ани”, что Императрица “ненавидѣла” Сазонова. Возможно, что не малую роль в убѣжденіи А. Ф., что Сазонов не будет в оппозиціи, сыграло дошедшее до А. Ф. сообщеніе о том, как отзывался министр ин. д. на обѣдѣ в Царском Селѣ у вел. кн. Маріи Павловны о возглавленіи Императором армій и как критиковал он то, что было в старой Ставкѣ — к этому А. Ф. всегда относилась с обостренным чувством*).

*) Как всѣ люди с повышенной нервностью А. Ф. легко мѣняла свои заключенія и поддавалась внушенію со стороны. Ея письма полны такими противорѣчіями. Ярким примѣром может служить ея отношеніе к Гурко (брату генерала). 8 сент. она отмѣчала выступленіе Гурко на земском съѣздѣ, сказавшаго приобретающую большую популярность фразу: «Мы желаем сильной власти — мы понимаем власть... с хлыстом, но не такую власть, ко-

Недовольство Сазоновым — его пассивностью — однако не прекратилось: “что за позорную комедию разыгрывают там (Италия и Греция) и в Румынии”... Мое личное (курсив А. Ф.) мнение — наших дипломатов слѣдовало бы повѣсить**). “Я нахожу, что Сазонов мог бы запросить греческое правительство, почему оно не выполнило своего договора с Сербіей — греки ужасно фальшивы” (1 ноября). При всем желаніи нельзя сказать, что А. Ф. вела интенсивную кампанію против Сазонова, как это было в иных случаях, и как это должно было бы быть, если бы смѣна Сазонова знаменовала собой подготовку к коренной переимѣнѣ правительственнаго курса в международной политикѣ. Слѣдующая отимѣтка о Сазоновѣ относится к 17 марта, т. е. через 4½ мѣсяца. 17 марта А. Ф. вновь ставит вопрос об отставкѣ Сазонова: “хотѣлось бы, чтобы ты нашел подходящаго преемника Сазонову, не надо непременно дипломата! Необходимо, чтобы он уже теперь познакомился с дѣлами и был на сторожѣ, чтобы на нас не наслѣла позднѣ Англія, и чтобы мы могли быть твердыми при окончательном обсужденіи вопроса о мирѣ. Старик Горемыкин и Штюрмер всегда его не одобряли, так как он трус перед Европой и парламентарист, а это была бы гибель Россіи...” Послѣ этого имя Сазонова в перепискѣ не попадает, вплоть до его совершившейся уже отставки: “Теперь газеты обрушились на Сазонова**, что ему должно быть чрезвычайно неприятно послѣ того, как он воображал о себѣ так много, бѣдный длинный нос”. (17 іюля).

Письмо 17 марта было тѣм самым письмом, во время котораго перо А. Ф., страдавшей головной болью, летало, “как безумное”. Чтобы избѣжать кривотолков этого письма, поскольку оно касается Сазонова, надо обратить вниманіе на то, что оно является как бы откликом разговоров о будущей мирной конференціи, которые велись в окружающей средѣ. Этот вопрос наиболѣе полно развит был в апрѣльском письмѣ Царю в. кн. Николая Михайловича. На этом письмѣ болѣе подробно нам придется еще остановиться. Вели. князь-историк сомнѣвался в том, что на будущем судилищѣ Германіи, гдѣ придется считаться с большими аппетитами союзников, дипломаты сумѣют справиться с нелегкой задачей охраненія интересов Россіи: “Не только я один, но и многіе другіе на Руси извѣрились в прозорливости наших представителей иностранной политики”, — писал Ник. Мих., намекая на то, что дѣлается “в стѣнах у Пѣвческаго моста”, т. е., в министерствѣ ин. д. В воспоминаніях писателя-дипломата бар. Шельнинга также опредѣленно выступает недовѣріе к “недалековидной” уступчивости Сазонова.

теряя сама находится под хлыстом». — «Эта клеветническая бессмыслица направлена против тебя и нашего Друга». «Бог их накажет. Конечно, это не по христіански так писать — пусть Господь их лучше простит и даст им покаяться»... «Докажи им теперь всюду, гдѣ можешь, что ты самодержавный повелитель». Но когда Хвостов, в зенитѣ своего вліянія, через мѣсяц предложил этого самаго Гурко послать в Сибирь для ревизіи товарнаго движенія по жел. дорогѣ, то она сама готова рекомендовать этого «энергичнаго и толковаго человѣка». «Но нравится ли тебѣ этот тип? правда, Столыпин был к нему несправедлив».

*) Выраженіе, показывающее, как надо воспринимать подобныя квалификаціи в отношеніи Гучкова, Керенскаго и др.

**) А. Ф. читала только «Новое Время», поэтому так неправильно обобщала мнѣнія печати. (См. ниже отзыв в. к. Ник. Мих.).

Нѣкоторое недовѣріе къ Сазонову, то увеличивавшееся, то ослабѣвавшее в зависимости от колебаній переменчивых и не всегда послѣдовательных настроеній самой А. Ф., должно быть объяснено личными свойствами министра ин. д. Сазонову присуща была черта, которая, казалось бы, должна была отсутствовать у дипломата. Как очень многіе дѣятели того времени, министр ин. д. любил пускаться в откровенности съ иностранными послами — это постоянно выступает в воспоминаніях Бюкенена и Палеолога (и особенно, конечно, в записках второго). Мы видѣли в свое время, как это было безтактно с письмом, переданным Васильчиковой, и как это задѣло А. Ф. Откровенныя бесѣды с послами не могли не доходить до ушей Императрицы — слишком много было передатчиков — и не возбуждать подозрительности нервной женщины, болѣзненно чуткой ко всяким сплетням. Палеолог рассказывает, напримѣр, (за полтора мѣсяца до письма 17 марта о Сазоновѣ) об интимном обѣдѣ, который он давал в посольствѣ в. к. Маріи Павловнѣ (старшей) и на котором присутствовали Сазонов и Бюкенен. Во время обѣда Марія Павловна много говорила о своей любви къ Франціи, а потом долго бесѣдовала уединенно с Сазоновым. Вел. Княгиня с горечью заглѣм передавала Палеологу, что она была очень разстроена бесѣдой с министром ин. д., говорившим ей о безотрадном положеніи дѣла: Императрица — сумасшедшая, а Император слѣп и не видит, куда ведет страну. Палеолог добавляет, что Сазонов проникнут большою симпатіей къ Вел. Княгинѣ, и что он даже однажды пошел так далеко, что сказал: *“c'est elle qu'il nous aurait fallu comme impératrice”*. Такой любитель интимных салонных разговоров, каким был Палеолог, едва ли удержался от передачи инкантих слов Сазопова о той, которую во французском посольствѣ, по словам ген. Жанена, имѣли обыкновеніе величать: *la troisième femme de l'Empire*.

Представим себѣ, какое впечатлѣніе должны были произвести на А. Ф. подобныя рѣчи, если онѣ до нея дошли? Обѣ женщины испытывали взаимную антипатію и чувство соперничанія. “Двор” М. П. как бы первенствовал. М. П. лучше знала “свое ремесло”, умѣло подхватывала то, что упустила Императрица, и обращала в пользу своей популярности. Роль “опекуниши”, которую издавна пыталась разыгрывать “тетя Мнхень”, прозванная в семейном кругу “столомъ семейства” (в. кн. Ник. Мих. шуточно предлагал даровать ей титул “вдовствующей императрицы”) раздражала А. Ф. тѣм болѣе, что она видѣла в М. П. не только сознательную конкурентку в общественном вліяніи*), но и лицо, ведущее болѣе сложную политическую интригу. Может быть, эти подозрѣнія были и не так необоснованы в отношеніи родственницы, то пытавшейся еще ближе породниться с царской семьей (см. письма А. Ф. о проектѣ брака в. кн. Бориса Влад.), то наводившей справки у министра юстиціи Щегловитова о правах

*) Это сказывалось во всѣх мелочах. А. Ф. любезна была мысль о «кустарных комитетах» — создать их во всей странѣ и таким образом, «ближе узнать страну, крестьян... и быть в дѣйствительном единеніи со всѣми» («обслуживать народ, в котором наша сила и который душой предан Россіи»). М. П. эту мысль лансирует, как свою, и с Палеологом строит уже план открыть в Парижѣ выставку русскаго народнаго искусства.

“Владиміровичей” на престол*), то участвовавшей в тайственных переговорах, связанных с замыслом совершенія дворцоваго переворота (См. “На путях къ дворцовому перевороту”). Не будем углубляться в честолюбивыя мечтанія Великой Княгини, думавшей, по словам довольно близко наблюдавшаго ее Палеолога, о возведеніи на російскій престол сдного из своих сыновей. Может быть, она на всю жизнь осталась под гипнозом тѣх слов, которыя распространились послѣ смерти Александра III, и которыя отмѣтил в дневникѣ Ламсдорфъ — усиленно говорили о движеніи в войсках (в частности в Кронштадтѣ среди моряков), о кандидатурѣ на російскій престол в. кн. Владимира. Во всяком случаѣ на Палеолога и его секретаря, гр. Шамбрен, приглашенных на завтрак к матери “вѣроятных наслѣдников на бармы Мономаха” 29 декабря 16 г., производило впечатлѣніе, что они присутствуют на каком-то декоративном собраніи, и что пригласили их с пѣвлю сдѣлать союзниками, на подобіе тому, как в свое время имп. Елизавета оперлась на Шетарди...

Примѣр, взятый из салонныхъ разговоров во дворцѣ французскаго посольства, может служить иллюстраціей к тому, как подчас на верхах зарождалось недовѣріе к министру — жизнь в царскихъ чертогах течет, конечно, в согласіи с психологическимъ закономъ рядового обществитія. Но дѣло было не только в салонныхъ сплетняхъ. Передъ надвигающеюся катастрофой — так рисовалось положеніе в руководящихъ кругахъ общественности — иностранные послы, вопреки международной традиціи, считали своимъ долгомъ подавать благожелательные совѣты верховной власти. Не избѣгъ этого соблазна и сэр Дж. Бьюкенен в момент, когда пошла усиленная молва о готовящейся отставкѣ Сазонова и возможности сепаратнаго соглашенія с Германіей. Припомним, что Царь всѣ эти слухи в разговорѣ с Сазоновымъ 20 октября рѣшительно назвал “вздоромъ”. Черезъ день сэр Джорджъ был на пріемѣ у Императрицы. Осторожная офиціозная записка мин. ин. д. на основаніи разсказа англійскаго посла министру, сообщает: “Усилившіяся за послѣднее время в Россіи тренія на почвѣ внутренней политики и внесенный ими разлад, как между правительствомъ и обще-

*) О наведеніи этихъ справокъ со словъ Щегловитова, разсказывает в своемъ «дневникѣ» («Убійство Распутина») Пуришкевичъ. Щегловитовъ разъяснил, что «прав, нѣтъ», так как М. П. и послѣ брака осталась лютеранкой. Щегловитову будто бы представленъ был документ о том, что М. П. «обратилась в православную». Вѣроятно, затрудненія были не только формально вѣроисповѣднаго характера. Куропаткинъ в 1903 г. записал в дневникъ бесѣду на ту же тему с другимъ министромъ юстиціи — Муравьевым. Послѣдній сказал, что «пока жива М. П., Владиміровичи не могутъ разсчитывать попасть на русскій престол, и что у него есть «документы». Не шла ли рѣчь о тѣхъ «невѣстныхъ толкахъ», о которыхъ упоминает в дневникѣ за 1882 г. участникъ «Священной Дружины» ген. Смѣльскій? (Дневникъ был опубликован в «Голосѣ Минувшаго») и которыя изобличали М. П. в «зловредномъ сочувствіи нѣмцамъ» в связи со вскрытой перепиской ея с Бисмаркомъ. С голоми М. П. стѣлалась горячей русской патриоткой. Эта запоздалая метаморфоза не убѣдила Пуришкевича, продолжавшаго считать, что М. П. осталась «закоренѣлой нѣмкой и германофилой». Свидѣтельство челоука с навязчивой идеей нельзя признать убѣдительнымъ. Но слова Пуришкевича как бы подчеркиваютъ личную драму, которую переживала А. Ф.: Мар. Павл. на всѣхъ патриотическихъ торжествахъ фигурировала на первомъ планѣ, а она, искренне преданная интересамъ своей новой родины, всегда сходила за «нѣмку».

ством, так и в среду самого правительства, вызвали во Франціи и особенно в Англии извѣстныя опасенія, как бы означенныя обстоятельства не отразились на вѣдшей мощи Россіи. Не желая вмѣшиваться во внутреннія дѣла союзнаго государства, великобританское правительство тѣм не менѣе поручило своему послу в Петроградѣ весьма оговорочно и дружественно довести до свѣдѣнія Государя Императора об этих опасеніях. Сознывая всю щекотливость возложеннаго на него порученія, сэр Джордж Бьюкенен долго не рѣшался его исполнить*). Но когда распространился слух о предстоящем уходѣ Сазонова и в связи с этим о возможном поворотѣ русской политики в сторону Германіи, англійское правительство, сильно этим обезпокоенное, вновь подтвердило своему послу преподанныя ему указанія. Не имѣя болѣе возможности уклониться от выполнения такихъ, сэр Дж. Бьюкенен испросил приема у Государя и, будучи принятъ весьма милостиво, рѣшился послѣ продолжительной бесѣды по вопросам вѣдшей политики, изложить Е. В. надежды Великобританіи видѣть у нас в переживаемыя крайне серьезныя минуты “сильную правительственную власть”. По словам Бьюкенена “Государь выслушал его весьма внимательно и в сдержанных, но милостивыхъ выраженіяхъ согласился с его доводами”**).

Как бы ни были почтительны по формѣ подобныя представленія, как бы ни доброжелательно по вѣдшности они не встрѣчались наверху, в них не могли не усмотрѣть непрощеннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла. Царь не прозрочно намекнул об этом англійскому послу, выразив еще в февралѣ того же года при выслушаніи очереднаго благожелательнаго совѣта в любезной формѣ недоумѣніе: почему англичане и французы интересуются внутренними дѣлами Россіи в гораздо большей степени, нежели русскіе интересуются такими дѣлами в Англии. Министр, слишкомъ дружественно связанный с посторонними совѣтчиками, встрѣчал холодное недовѣріе и зачислялся в среду той ненавистной общественной оппозиціи, которая многократно пыталась не только информировать (“раскрыть глаза”), но и воздѣйствовать в опредѣленномъ направленіи на иностранныя посольства. Безотвѣстная молва к этимъ иностраннымъ посольствамъ (преимущественно к англійскому) вела и всѣ заговорщицкія нити. Сазоновъ — “закадычный другъ Милюкова”, не могъ быть причисленъ безъ оговорокъ къ “вѣрнымъ” людям***). Эта сторона играла гораздо большую роль, чѣмъ мелкая месть Царицы, добивавшейся отставки министра ин. д. только потому, что не могла простить проявленную имъ инициативу в августовскіе дни. О ней, — утверждаетъ англійскій посолъ, — А. Ф. узнала по написанному рукой Сазонова конверту с злосчастнымъ коллективнымъ письмомъ министровъ.

*) В августовскіе дни Бьюкененъ дѣлалъ представленіе Царицѣ о рискованности шага, совершеннаго Царемъ принятіемъ на себя верховнаго командованія.

**) В воспоминаніяхъ Бьюкененъ умолчалъ объ этой бесѣдѣ съ Царемъ.

***) А. Ф. не представляла себѣ, что Милюковъ не такъ уже одобрялъ довоенную вѣдшую политику Сазонова — особенно на Балканахъ. Можетъ быть, то, что Кривошеинъ былъ «личнымъ другомъ» сэра Джорджа (такъ характеризуетъ взаимныя отношенія самъ посолъ) содѣйствовало охлажденію Императрицы къ министру.

Апельсиновой коркой, на которой поскользнулся Сазонов, суждено было сдѣлаться польскому вопросу и, быть может, именно потому, что вопрос приобрѣлъ формы международныя. Для нас это имѣет особый интерес потому, что, как мы увидим, в затыжкѣ разрѣшенія польскаго вопроса хотят усмотрѣть доказательство того, что причиной затыжки явились мифическіе переговоры с Германіей о сепаратном мирѣ — этим устраняли возможныя осложненія, которыя становились на пути, и в этих дѣлах на пост министра ин. дѣл был призван Штюмер. Устранить это иллюзорное построеніе путем разсмотрѣнія фактов не так уже трудно.

Мы могли бы миновать первую стадію польскаго вопроса, поставленнаго войной, если бы в этой первой стадіи не заключался ключ к разгадкѣ послѣдующаго. В воззваніи 1 августа 14 г., выпущенном от имени верховнаго главнокомандующаго в отвѣт на аналогичныя выступленія нѣмцев*) торжественно говорилось о “часѣ воскресенія польскаго народа” и воссоединенія “под скипетром русскаго Царя” растерзанной полтора вѣка назад Польши — Польши самоуправляющейся, свободной в своей вѣрѣ и языкѣ**). Патетическое воззваніе не отличалось опредѣленностью своих политических лозунгов. Тогда же вел. кн. Ник. Мих. записал в дневник: “Прочел удивительный манифест к полякам, скорѣе воззваніе, за подписью в. к. Н. Н., а не Государя, что меня озадачило, потому вряд ли все обѣщанное — чисто сердечное, а вѣроятно исторгнуто у Царя насильно, иначе он сам бы подписал такого рода документ. Поляки пока в диком восторгѣ. Удивляюсь их наивности”.

Среди “наивных” оказался извѣстный московскій общественный дѣятель Ледницкій. “Воззваніе, показывал он в Чр. Стѣд. Ком., — произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣх поляков, гдѣ бы они ни находились. Я не могу сейчас достаточно ярко выразить тот подъем, который в тот момент проявился в самых широких польских кругах, тѣм болѣе, что воззваніе было составлено в выраженіях, свидѣтельствующих о глубоком и тонком пониманіи польской психологіи. Это был тот язык, на котором со времен Наполеона никто еще не говорил***)... “Настроеніе самых широких масс (рѣчь идет о Варшавѣ. — С. М.), было настолько ярко, что было бы достаточно только немного политической честности для того, чтобы из этого настроенія создать прочный фундамент для будущих отношеній русскаго и польскаго народов”. Впрочем, сам Ледницкій тут же дѣлал очень существенную оговорку, впадая в противоположное преувеличеніе. Он исключал из “энтузіастической атмосферы” радикальные элементы, “эти радикальные и социалистическіе элементы объединились в Галиціи и стали на

*) В обращеніи австро-германскаго командованія 31 іюля «королевство Польское» призывалось соединиться с наступающими войсками для того, чтобы освободиться от столѣтняго кроваваго владычества москалей.

***) Верх. главнокомандующим, было опубликовано еще воззваніе ко всѣм «народам Австро-Венгріи, призывающее населеніе всѣми силами содѣйствовать русским войскам, которые несут «свободу» и осуществленіе «народных вождѣлнй».

****) Воззваніе составлено было, повидимому, Струве и кн. Гр. Трубецким.

сторону образования польских легионов для борьбы с Россией за независимость Польши*). Вел. кн. Ник. Мих., отрицательно относившийся к традициям “славянофильской политики” и не вѣривший в тяготящие галичан к Россіи, находился в дни опубликованія “дресловутаго воззванія” на юго-западном фронтѣ у ген. Иванова. В дневникъ он отмѣчал, что польское население в своемъ большинствѣ “настроено враждебно” к Россіи: “воззваніе Н. Н. остается большимъ пухомъ и, кромѣ нѣкоторыхъ помѣщиковъ изъ польской знати, всерьезъ не принимается. Ляхи чутки и догадываются о фальши этого воззванія”.

Такимъ образомъ, двойственность позиціи польской общественности опредѣлилась с самаго начала, независимо даже от отрицательнаго вліянія “русофикаторскихъ” дѣйствій власти в Галиціи, которыя превратили побѣдоносное продвиженіе русскихъ армій в “страшную страшныхъ событій мировой войны”, и которыя Ледницкій охарактеризовал в сильныхъ выраженіяхъ, — “по существу это было издѣвательство над польскимъ народомъ”, и “топаніемъ в грязь русскаго имени”... Дѣйствительность должна была быть прозой, разъ фактическій руководитель политики в Ставкѣ ген. Янушкевичъ былъ рѣшительнымъ противникомъ польскихъ притязаній (это особо отмѣтилъ Кудашевъ в донесеніяхъ своему шефу), и не безъ вліянія такихъ настроеній тогдашній ген. губернаторъ Польши Любимовъ открыто заявлялъ, что разговоры об автономіи “вадор и все преждевременно” (свидѣтельство Родзянко).

Намъ нѣтъ необходимости прослѣживать всѣ канцелярскія перипетіи в польскомъ вопросѣ, которыя объясняютъ, почему “неуклонное рѣшеніе” о введеніи в Польшѣ “автономіи” (даже в ограниченныхъ предѣлахъ, намѣченныхъ в запискѣ члена Гос. Совѣта, представителя “Польскаго кола”. гр. Сиг. Велепольскаго, близкаго ко Двору человѣка) оказалось мертворожденнымъ, несмотря на то, что предсѣдатель Совѣта министровъ Горемыкинъ, по утвержденію Родзянко, “энергично стоялъ за проведеніе во всей силѣ воззванія”. Можно ограничиться однимъ лишь свидѣтельствомъ предсѣдателя Думы. Энтузіазмъ польскихъ организацій по поводу манифеста 1-го августа, оставившаго массу “недосказаннаго и непонятнаго”, Родзянко передаетъ в менѣе повышенныхъ тонахъ, нежели московскій общественный дѣятель. Поляки просили его выяснить при докладѣ Императору, что “все это значитъ”: “Будетъ ли это борьба за самостоятельную Польшу, объединенную, или это будетъ автономія, но относительно россійской Польши, или это будетъ скомбинированный союз на началахъ уніи”. И когда “наконецъ” Родзянко получилъ возможность выяснить получившуюся “разнотычку”, то неожиданно онъ встрѣтилъ уже “чрезвычайно рѣзкое отношеніе къ воззванію 1 августа. Царь прямо сказалъ: “мы поторопились”...

Не приходится здѣсь искать скрытаго смысла и даже вліянія злой воли министровъ-реакціонеровъ (Н. Маклаковъ и Щегловитовъ) —

*) 11 сентября от имени верховнаго командованія издано было объявленіе къ городскому польскому населенію по поводу участія галицко-польскихъ сокольскихъ организацій во враждебныхъ к Россіи дѣйствіяхъ. Населеніе предвараюсь, что подобныя организаціи не будутъ признаваться «воюющей стороной» и с ними будутъ поступать «со всей строгостью законовъ военнаго времени». Упоминаніе о томъ, что при нелояльныхъ отношеніяхъ поляки не могутъ рассчитывать на «великодушіе великой Россіи», породило слухи, что объявленія, данныя в воззваніи 1 авг., взяты назадъ.

польскій вопрос в тогдашней правительственной и отчасти общественной конъюнктурѣ дѣйствительно был поставлен преждевременно. Из созданнаго на паритетном началѣ двѣнадцатичленнаго Совѣщанія польскихъ и русскихъ членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы для предварительнаго обсуждения вопроса в порядкѣ осуществленія “манifestа” “ничего конкретнаго не вышло”. “Вода с огнемъ не соединяется никогда”, — охарактеризовал дѣятельность Совѣщанія, которое протекало под формальнымъ предсѣдательствомъ Горемыкина, а фактически Крыжановскаго, его участникъ Велепольскій. Совѣщаніе ни к какому заключенію придти не могло, обѣ группы (польская и русская) “совершенно обоимъ были в своихъ мнѣніяхъ” и представили каждая особую записку: поляки склонялись к формѣ “реальной уніи”, русскіе — “к необходимости сохранить полное государственное единство” (показанія Крыжановскаго).

Конкретное осуществленіе общаній “манifestа” 1 августа было отложено на время окончанія войны, о чем и объявлено было в правительственной деклараціи при открытіи лѣтней сессіи Гос. Думы. В деклараціи обновленнаго правительства (текст былъ выработанъ “при участіи главнымъ образомъ Кривошеина”, — отмѣчаетъ запись Яхонтова) говорилось, что в момент, когда Польша ждет “освобожденія ея земель отъ тяжелаго нѣмецкаго ига”, польскому народу важно знать и вѣрить, что будущее его устройство окончательно и безповоротно предопредѣлено воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, объявленнымъ с Высочайшаго соизволенія (“Рыцарски благородный, братски вѣрный польскій народ, стойко переживающій в эту войну безчисленныя испытанія, вызываетъ к себѣ в нашихъ сердцахъ глубочайшее сочувствіе и ничѣмъ не омраченную дань уваженія”). Горемыкинъ объявил, что Совѣту министровъ “повелѣно... разработать законопроектъ о предоставленіи Польшѣ *по завершеніи войны* права свободнаго строенія своей національной, культурной и хозяйственной жизни, на началахъ мѣстной автономіи*) подъ Державнымъ Скипетромъ Государя Россійскаго и при сохраненіи единой государственности”.

Какъ видно изъ записки Яхонтова, Сазоновъ в засѣданіи Совѣта министровъ 16 іюля выступилъ с предложеніемъ в виду событій на фронтѣ “разрѣшить вопросъ о дарованіи Польшѣ автономіи высочайшимъ манifestомъ, не ожидая Думы”. “Такой актъ, — говорилъ Сазоновъ, — произведетъ отличное впечатлѣніе на нашихъ союзниковъ, которыхъ огорчаетъ неувѣренность и колебанія нашей политики в отношеніи поляков... Польша устала ждать, начала нѣвѣриваться в порожденныхъ воззваніемъ Вел. Князя надеждахъ. Императорскій манifestъ поддержитъ эти надежды и не дастъ обратиться симпатіямъ к нѣмцамъ, которые с своей стороны готовы на все, чтобы подкупить поляковъ”. Предложеніе Сазонова вызвало “единодушный отпоръ” в средѣ Совѣта министровъ. “Общій шумъ, — записано у Яхонтова, — всѣ говорятъ сразу. Можно разозлеть только отдѣльные возгласы. Актъ недопустимой трусости (Кривошеинъ). Ни к чему не приведетъ и никого не привлечетъ — нѣмцы отвѣтятъ превозглашеніемъ Царства Польскаго (Харитоновъ). Недостойно

*) Слово «мѣстной» было исключено Совѣтомъ министровъ, дабы не породить подозрѣній, что это слово поставлено «не безъ умысла и является лазейкой для позднѣйшаго толкованія».

великодержавія Россіи (Рухлов). Поляки мечтают о независимости и автономіи их не удовлетворишь (Хвостов). Вопрос исчерпан заявленіем Горемыкина: “Я не считаю себя в правѣ подносить к подписанію Государю и скрѣпить акт, касающійся единства и будущаго строя Россіи. Это не есть вопрос военной необходимости и должен быть разрѣшен в порядкѣ *нормальнаго законодательства*”...

Выход из пассивнаго отношенія к польскому вопросу связан был все же с “военной необходимостью” и с извѣстіями, что Германія и Австрія послѣ захвата русских польских губерній готовятся выступить с превозглашеніем будущаго “самобытнаго устройства Польши” — дать “ляхам”, по выраженію в. кн. Ник. Мих., “что-либо повкуснѣе набора витіеватых слов”... “пресловутаго воззванія” 1-го августа. Инициатором была новая Ставка и едва-ли не представитель мин. ин. д. Базили, который нашел полную поддержку со стороны начальнаго штаба, считавшаго, что в “польском вопросѣ не может быть возврата: “пропасть отдѣляет то, что было до войны от будущаго” — необходимо “самим дать то, что мы все равно вынуждены будем уступить”. Алексѣев, как сообщал Базили в докладной запискѣ, поданной министру 4 апрѣля, для противодѣйствія австро-германскому плану рекрутскаго набора в Польшѣ, считает необходимым пойти навстрѣчу польским пожеланіям и подготовить сочувственное отношеніе поляков к моменту наступленія. По мнѣнію Алексѣева, самый объем автономіи должен быть широкій и независим от вопроса об объединеніи Польши. Алексѣев просил министра выработать план новаго устройства Польши и общал сдѣлать “все возможное, чтобы его провести”. 17 апрѣля Сазонов представил составленный Польде письменный доклад Царю.

“За послѣднее время до меня с разных сторон доходят свѣдѣнія, побуждающія меня признать, что настало время окончательно установить основанія русской политики по польскому вопросу... Свѣдѣнія эти двояки. С одной стороны они указывают, что в Германіи и Австро-Венгріи вырабатываются какія-то рѣшенія относительно будущихъ судеб Польши. В недавней рѣчи фон Бетман-Гольвега в германскомъ рейхстагѣ им было сказано: “не в нашихъ намѣреніяхъ и не в намѣреніяхъ Австро-Венгріи было подымать польскій вопрос. Он поднят исходомъ боев. Теперь этотъ вопросъ поставленъ на очередь и требуетъ своего разрѣшенія, и Германія и Австро-Венгрія его разрѣшаютъ. Исторія послѣ такихъ грандіозныхъ событій не знаетъ возвращенія къ статусу квоанте”. Какъ категорическій тонъ заявленія германскаго канцлера, такъ и рядъ другихъ признаковъ доказываютъ, что Германія ищетъ новыхъ путейъ в своей политикѣ по польскому вопросу, повидимому, до извѣстной степени отличныхъ отъ старыхъ прусскихъ традицій. С другой стороны представители тѣхъ польскихъ теченій, которыя с начала войны искали точекъ опоры с Россіей и ея союзниками, в настоящее время усиленно работаютъ, чтобы побудить французскихъ и англійскихъ политическихъ дѣятелей и общественное мнѣніе Франціи и Англій занять опредѣленное положеніе в польскомъ дѣлѣ. Пока правительства союзныхъ странъ могли бороться с такими попытками и в частности воздѣйствовать на печать. Но на этомъ пути союзныя правительства встрѣчаются с серьезными затрудненіями: у западныхъ союзниковъ Россіи, особенно

вкоренилась мысль, что война ведется ради “освобождения народов”, и имя Польши неизменно становится рядом с именем Бельгии и Сербии. На последней союзнической конференции в Парижѣ императорскому послу не без труда удалось отклонить внесеніе входящим в состав кабинета престарѣлым вождем радикалов Леоном Буржуа резолюціи об освободительных задачах войны, в которой прямо о Польшѣ не говорилось, но которая могла послужить поощреніем стремленій поставить польскій вопрос на международную почву”.

Сазонов признавал, что “отрицать международное значеніе польскаго вопроса значило бы лишь закрывать глаза на дѣйствительность. Но из признанія такого его значенія отнюдь не слѣдует, что его рѣшеніе может быть передано Европѣ и перенесено на международный конгресс. Я полагаю, что Россія не должна допустить формально-международной постановки польскаго вопроса и обязана перед своим прошлым и ради своего будущаго, сама его разрѣшить...” “В настоящее время серьезно можно обсуждать лишь три рѣшенія польскаго вопроса”, — продолжал министр ин. д.: — “независимость Царства Польскаго, самобытное существованіе Царства в единеніи с Россіей и болѣе или менѣе широкое провинціальное самоуправленіе края. Другія рѣшенія представляются запоздалыми и политически крайне для нас невыгодными. Мысль отказаться от Польши, признать ея независимость и тѣм, как будто, раз навсегда покончить со всеми трудностями руководства судьбами польскаго народа, может показаться на первый взгляд не лишеной нѣкоторых выгод. Ее рѣшительно высказал в эпоху перваго возстанія имп. Николай Павлович, а теперь она находит себѣ довольно много приверженцев в русском обществѣ*). Я считаю эту мысль ошибочной... Столь же неудовлетворительным я считал бы, с точки зрѣнія государственных интересов Россіи, предоставленіе Царству лишь провинціальнаго самоуправленія, хотя бы в расширенной сравнительно с нашими земскими и городскими самоуправлениями формѣ... Только средній путь ведет к цѣли. Надо создать в Польшѣ такую политическую организацію, которая сохранила бы за Россіей и ея Монархом руководство судьбами польскаго народа и в то же время давала бы его національному движенію широкій выход, притом не на путь продолженія исторической тяжбы с Россіей, а на путь правильнаго устроенія внутренней политической жизни края... Это среднее рѣшеніе было бы возстановленіем традиціи политики имп. Александра I”... Вмѣстѣ с тѣм Сазонов представил проект “основных постановленій устава о государственном устройствѣ Царства Польска-

*) В Чрезв. Слѣдств. Ком. Ледницкій передал бесѣду свою и члена Гос. Совѣта Шебеко с Крыжновским, который охарактеризовал им позицію «правых» словами: «Ну, чорт с Польшей. Пусть нѣмцы дѣлают, что хотят». Записка Моск. Охр. Отд. 6 сентября 15 г. мысли «чернаго блока» относительно Польши излагала так: «В государственном отношеніи утрата Польши с ея вѣчным стремленіем к сепаратизму... может быть лишь привѣтствуема. У нас слишком много внутренних дѣл, чтобы растрчивать русскія силы на борьбу с окраинами и открыто отстаивающим свою политическую независимость культурным польским народом». Такую концепцію раздѣляли не только реакціонеры из мифическаго «чернаго блока», как о том свидѣтельствует записка, поданная предводителем московскаго дворянства Самариним от имени группы монархистов и доказывавшая, что интерес Россіи требует независимости Польши.

го", составленный в его министерствѣ на основаніи принципа признанія за Польшей "прав самобытной политической жизни с одновременным сохраненіем за Россіей и ея Государем суверенной власти в краѣ": общегосударственные и мѣстные дѣла раздѣлялись и для разсмотрѣнія послѣднихъ возстановлялся сейм, состоящій изъ двухъ палат.

Почти одновременно с представленіем своего всеподданнѣйшаго доклада, министр ин. д. получил отъ парижскаго посла Извольскаго предупрежденіе о возможности конкретных попытокъ подъ влияніемъ событий послѣдняго времени перенести польскій вопросъ на международную почву — попытокъ, исходящихъ не столько изъ отвлеченныхъ идеологическихъ предпосылокъ, сколько изъ опасеній того, что поляки могутъ перекинуться на сторону Германіи и Австріи, что будетъ чрезвычайно опаснымъ не только для Россіи, но и для всѣхъ союзниковъ. Дѣйствительно тенденція вмѣшательства проявилась уже в апрѣлѣ, когда в Россію прибыли 22-го представители французскаго правительства Вивіани и Тома в цѣляхъ выяснить военные ресурсы Россіи, настаивать на посылкѣ экспедиціоннаго корпуса во Францію*), воздействовать на усиленіе румынской акціи и побудить правительство принять на себя обязательство в отношеніи Польши (такъ по словамъ Палеолога Вивіани изложилъ ему цѣль миссіи). Сазоновъ, какъ утверждаетъ тотъ же Палеологъ, предупредилъ посланцевъ французскаго правительства о рискованности для союзниковъ открытаго вмѣшательства в польскія дѣла, и они воздержались отъ официальнаго выступленія по этому поводу.

Вопросъ о вмѣшательствѣ косвенно былъ поставленъ, и имъ воспользовался Штюрмеръ в своей аргументаціи противъ Сазоновскаго проекта (ему, в качествѣ предсѣдателя Совѣта министровъ, проектъ былъ переданъ на заключеніе, вмѣстѣ с указанной телеграммой Извольскаго). "Гофмейстеръ Сазоновъ, — писалъ Штюрмеръ в докладѣ 25 мая, — какъ явствуетъ изъ составленной им... записки, не только раздѣляетъ опасенія императорскаго посла в Парижѣ о возможности нѣкоторыхъ треній между союзниками изъ-за вопроса о будущемъ Польши, но и по существу

*) Однимъ изъ поводовъ недовольства явилась затяжка с посылкой экспедиціоннаго корпуса во Францію — и здѣсь усматривали закулисное влияніе германофильствующей руки. В мемуарной литературѣ подчасъ дается совершенно превратное представленіе объ этомъ вопросѣ. Такъ, напримѣр, Масарикъ говоритъ, — «что русскіе давали огромныя обѣщанія (40.000 человекъ в мѣсяцъ)». А вотъ что значитъ в письмѣ Кудашева Сазонову 1 декабря 15 г., в связи с прибытіемъ Думера в Петербургъ, когда впервые былъ поднятъ вопросъ о посылкѣ русскихъ солдатъ во Францію для пополненія недостающаго людскаго матеріала в цѣляхъ предотвратить возможность прорыва нѣмцами французской линіи фронта. «Излагая свою просьбу, — писалъ представитель мин. ин. д. в Ставкѣ своему шефу, — Думеръ имѣлъ неосторожность слишкомъ выукло сопоставить взаимныя услуги, оказываемыя другъ другу союзниками: французы намъ даютъ ружья... мы же будемъ давать имъ людей. Это предложеніе торга бездушныхъ предметовъ на живыхъ людяхъ особенно покоробило ген. Алексѣева, и безъ того мало сочувствующаго посылкѣ нашихъ солдатъ отдѣльными партіями в далекія загадочныя экспедиціи... Повидимому оба собесѣдника разстались не слишкомъ довольные результатомъ своей бесѣды». «Довѣрительно» Алексѣевъ сказалъ Кудашеву, что, вѣроятно, придется «все-таки что-нибудь для нашихъ союзниковъ сдѣлать» — по всей вѣроятности, придется послать одну нашу дивизію во Францію, но что этимъ и ограничится наша помощь имъ людьми. (Думеръ дѣйствительно прислалъ ежемѣсячно 40.000 человекъ).

является убежденным сторонником необходимости для России теперь же высказаться по польскому вопросу, а именно в том смысле, в каком, по видимому, того хотѣли, сколько можно судить по вышеизложенному письму Извольскаго, общественные и политическіе круги Франціи*)... Не считая себя в правѣ сомнѣваться в точности показаній императорскаго посла в Парижѣ, я тѣм не менѣе, спрашиваю себя, *дѣйствительно ли удѣльный вѣс Россіи*, как государства, отдавшаго всѣ свои силы на борьбу с общим врагом, *так уменьшился* за послѣднее время ереди союзников, что уже настала, или в болѣе или менѣе близком будущем может настать минута, когда, забыв взаимныя права и обязанности, один из союзников возьмет на себя *прямое вмешательство* в дѣло, по всему его прошлому и настоящему и по самой сущности его всецѣло принадлежащее Россіи и только ей одной. Мнѣ казалось бы, что, если еще возможен извѣстный обмен мнѣній, когда милостію Господа и доблестью арміи В. В. сокрушит границы, раздѣляющія одну от другой различныя земли бывшаго польскаго государства, то никоим образом не может быть допущена никакая попытка в этом смыслѣ теперь, пока судьба всѣх этих земель должна быть разрѣшена силой оружія”.

По существу вопроса Штурмер высказывался в другом докладѣ (того же числа) по поводу переданной на его заключеніе записки кн. Сиг. Любомирскаго, которая была представлена Царю 17 мая. “Князь Любомирскій удостоверяет, — писал Штурмер, — что “Германія и Австрія, эксплуатируя занятыя земли и разоряя их экономически, наряду с этим поощряют свободное развитіе народной жизни”, и что оба эти государства, убѣдившись в “рискованности присоединенія большой объединенной Польши”, внушают нынѣ полякам “идею созданія отдѣльнаго польскаго государства”, которое, будучи введено в состав нѣмецкой имперіи или же, наподобіе Венгріи, присоединено к Австріи, намѣчается для роли “буфера между Россіей и центральными державами”. Удостоверяя за сим, что всѣ поляки воодушевлены в настоящее время стремленіем видѣть объединенным возможно большее пространство “этнографических польских земель” в одно государство с самостоятельным внутренним строем, кн. Л. полагает, что было бы в интересах Россіи нынѣ же оповѣстить государственным актом, “что в будущем Польша под скипетром русскаго царя будет имѣть свой самостоятельный свободный внутренний строй”, и что в том же актѣ будут опредѣлены “отношенія Польши к пѣлости російской Имперіи”. Кн. Любомирскій полагает в заключеніе, что “превозглашеніе прав Польши” должно послѣдовать независимо от того, останутся ли за Россіей всѣ части Польши или же только нѣкоторыя...

Таким образом кн. Л. с достаточной откровенностью излагает свое убѣжденіе, что посулы нѣмецких государств оказали уже свое дѣйствіе на русских поляков, и что эти послѣдніе готовы отозваться на призывы из-за рубежа, столь совпадающіе с их давнишней мечтой об особой польской государственности на территоріи весьма обширной, опредѣ-

*) Извольскій передавал, что во Франціи противоборствовать колебаніям поляков считают возможным лишь при условіи, что Россія возьмет на себя разработку проекта широкой автономіи возсоединенной Польши, и что союзники в той или другой формѣ присоединятся к этому проекту.

ляемой даже не историческими, а болѣе широкими? — этнографическими признаками. Он полагает лишь, что поляки все же могли бы воздержаться от принятія австро-германской программы, если бы с русской стороны была немедленно превозглашена такая программа, которая была бы для поляков соблазнительнѣе, чѣм программа австро-германцев. Как явствует из данных, поступающих в министерство вн. д., русскіе поляки, подразумѣвая под этими наиболѣе замѣтных польских общегосударственных дѣятелей, не только... склонны интересоваться предложеніями австро-германцев, но уже приступили к опредѣленным практическим шагам в духѣ этих предложеній.

С означенной цѣлью послѣ ряда секретных переговоров в январѣ текущаго года с согласія австрійскаго и германскаго правительства в Краковѣ состоялась общая конференція представителей всѣх трех частей Польши. С русской стороны в конференціи приняли участіе среди других члены Гос. Думы Парчевскій и Лемницкій, адвокат Патеки и еврей Кемпѣр. На конференціи было принято рѣшеніе объединить Польшу под скипетром Габсбургов, сохранив за Германіей Познань, но получив взамен русскія области с выходом к морю. Для ускоренія дѣла конференція постановила образовать в нейтральных странах особыя бюро, на которыя возложено создать соответствующую пропаганду среди русских поляков. Немедленно послѣ Краковской конференціи, начались усиленныя совѣщанія и закрытыя собранія в "Польском Домѣ" в Москвѣ, куда от имени конференціи прибыли представители стокальмскаго польскаго комитета. На собраніях этих австро-германскія обѣщанія были признаны вполнѣ приемлемыми, послѣ чего обсуждались способы, какимъ можно было бы наиболѣе выгодным для поляков образом превратить эти обѣщанія в дѣйствительность*). С того же времени издающаяся в Петроградѣ польская газета "Дневникъ Петроградскій", с началом войны заявлявшая о ненависти поляков к германцам и о внутренней связи с Россіей, быстро начала принимать дух австро-германских настроеній и в этом отношеніи дошла до таких предѣлов, что я увидѣлъ себя вынужденным принять мѣры к прекращенію этого изданія... Понимая, что полная независимость будущей Польши едва ли вообще возможна, русскіе поляки готовы примкнуть к той совокупности условий, которая в послѣднее мгновеніе окажется болѣе властной и при этом совершенно независимо от соображеній об интересах Державы Россійской. Исторически ненавидя германцев, русскіе поляки в то же время не намѣрены ждать будущаго устроенія своего от доброй воли В. В., полагая, что обстоятельства вполнѣ позволяют им нынѣ же ставить Россіи опредѣленныя условія... Если нынѣ... поляки уже готовы преклонить слух

*) Ледницкій в показаніях назвал «сухим вымыслом» информацію деп. полиціи: «никаких докладов никто не читал и читать не мог». Думаю, что Ледницкій был не совсѣм искренен. Информачія деп. полиціи до известной степени была правильна, только выводы были, как всегда, чрезмѣрно обобщены, и в силу этого не соответствовали истинѣ — конечно, в Москвѣ австро-германскія обѣщанія не были признаны «вполнѣ приемлемыми» и не могли быть признаны при раздѣленіи польскаго общественнаго мнѣнія на два довольно враждебных лагеря... Записка деп. полиціи о нелояльности поляков была разослана по арміям. Против нея была составлена контр-записка Велепольским, подписанная всѣми поляками — членами законодательных собраній. Алексѣев обѣщал разослать и эту записку по фронту.

е живым и к гарным общинам злыхших врагов наших и всего славянства (обратим внимание, что это писал “германофил” Штюрмер!), то едва ли должно сомневаться в том, что именно теперь особой осторожности требовал бы каждый шаг в пользу польских стремлений”...

Мы сдѣлали такія большія цитаты из доклада Штюрмера для того, чтобы не было двусмысленности при толкованіи текста. Штюрмер с большой опредѣленностью высказал свой взгляд на польскія дѣла. Это была — старая, традиціонная официальная позиція: часть Польши, вошедшая в состав Россійской имперіи, является неотдѣлимую органической частью государства; всѣ общественныя мечтанія поляков бессмысленны и свидѣтельству ютъ лишь о том, что польскіе дѣятели несмотря на “царскія милости и довѣріе монархов” в “стремленіи к обособленію от Россіи... неисправимы” *). Вопросы, поставленные войной — даже самая военная “фразеологія” — отступали на задній план в этой позиціи узкаго официальнаго націонализма. “Историческій акт” 1-го августа превращался в простой “политическій маневр” (выраженіе Любомирскаго). Націоналистическая политика Сазонова была облечена в западно-европейское одѣяніе (недаром Яхонтов назвал Сазонова неудачным “Вольтером XX вѣка”), націоналистическая политика Штюрмера отзывалась катковским духом “Московских Вѣдомостей” (посол в Швеціи Неклюдов назвал Штюрмера Ордын-Нащокинным).

В прямолинейной и косной аргументаціи Штюрмера**) было одно преимущество перед тактическим компромиссом Сазонова***). Она была реалистичнѣе в то время, как схема Сазонова была довольно абстрактна. Трудно представить себѣ, что фактическое объединеніе Польши в результатѣ войны не поставило бы в международном масштабѣ вопрос о возрожденіи Польши, как самостоятельнаго государства. Это было подлинной мечтой всѣх польских дѣятелей: “всѣ хотѣли независимости, но не всѣ о ней говорили”, — вспоминает тогдашнія настроенія поляков в Россіи извѣстный русско-польскій публицист Леон Козловскій. Не говорили по соображеніям тактиче-

*) Велепольскій в Чр. Сл. Ком. засвидѣтельствовал, что новый премьер при первом свиданіи произвел впечатлѣніе человека, который составил опредѣленный взгляд на Польшу. Отвергнувъ предложеніе Велепольскаго и члена Гос. Думы Гарусевича, настаивавших на изданіи соответствующаго акта в отношеніи Польши, Штюрмер ограничился при выступленіи в Гос. Думѣ заявленіем, которое Ледницкій назвал «пустым мѣстом». Очевидно, это было результатом не отсутствія взгляда по существу, а тактикой.

**) По утвержденію Пуришкевича нимфомой Эгеріей Штюрмера был извѣстный издатель «Кремля» историк Иловайскій.

***) Аргументація Сазонова или вѣрнѣе проф. Нольде, виднаго члена партіи к.-д., имѣла свои историческіе корни и воспроизводила постановку польскаго вопроса послѣ возстанія 1863 г. В статьѣ «Что нам дѣлать с Польшей?» появившейся тогда в «Русском Вѣстникѣ», давалось также тройное разрѣшеніе польскаго вопроса. Катковскій орган отвергал «полное отторженіе Польши («добровольный отказ Россіи»), которое обострило бы сепаратистскія стремленія других окраин, признавая испробованный опыт alexandrovskaго времени непригодным, останавливался на третьем пути — слияніи Польши и Россіи в политическом отношеніи. Любопытно, что и в 1863 г. было авторитетное теченіе за полный отказ от Польши. В кн. Конст. Ник. записал в дневникѣ, что эту идею у него развивал, напримѣр, кн. Н. А. Орлов, будущій посол в Берлинѣ.

ским, считая это преждевременным, так как тогдашняя официальная Россия на такое разрешение вопроса согласиться не могла. — выдвигать проблему независимости при таких условиях, значило содействовать отрыву России от Антанты, и тѣм подрывать успѣшность для союзников войны, в результатѣ которой только и мог быть поставлен вопрос о независимости. На этом базировалась вся приспособляющаяся тактика польской “народной демократіи”, вовсе не склонной по существу ограничиваться “автономіей” под скипетром русскаго царя. Независимость Польши, даже при проблематической возможности персональной унии в лицѣ монарха, означала отход ея от Россіи, т. е. выход из Имперіи части ея.

Французскій посол, находившійся в самых дружественных отношеніях с посѣщавшими его салон представителями польской аристократіи и ведшій с ними самыя интимныя бесѣды о будущем Польши (по его запискам эти представители польской аристократіи Замойскій, Велепольскій и др., не вѣрили в побѣду Россіи и потому реальныя свои надежды возлагали на Англію и Францію), должен был отмѣтить, что большинство общественнаго мнѣнія в Россіи настроено враждебно к мысли отторженія Польши от единой имперіи. Это мнѣніе господствует не только в средѣ правительственной бюрократіи и націоналистов, но и в Думѣ, и во всѣх партіях, почему превозглашеніе “автономіи” законодательнымъ путемъ представилось невозможным. В общей оцѣнкѣ общественныхъ настроеній Палеолог оказался не так ужъ далек от дѣйствительности. Надо признать, что не только “официальная Россія”, но и политическая общественность демократическаго стѣпка до революціи к разрешенію вопроса в сторону безоговорочнаго признанія польской независимости не была подготовлена. Козловскій напоминал, что Ледницкій, выдвинувшій в запискѣ 16 г. тезу, что независимость Польши должна быть признана одной из цѣлей войны, должен был выйти из партіи к.-д., которая отвергла предложеніе Ледницкаго высказаться за независимость Польши. Во время бесѣды на квартирѣ Харитоновъ Милоковъ подчеркивал, что он настаивал на немедленномъ внесеніи законопроекта об автономіи Польши с той именно цѣлью, чтобы “изъять этотъ вопрос из сферы международныхъ соглашеній”. Козловскій отмѣчал и централистическія тенденціи русскихъ социалистическихъ партій — в особенности соц.-дем.*).

*) Автор дѣлает оговорку, что наименѣ централистической была многочисленная партія народныхъ социалистов, которая в своей программѣ строительства Россіи по федеральному (областному) началу, и до войны дѣлала для Польши исключеніе, признавая ея права на независимость. Правда, представители лѣвыхъ фракцій и в том числѣ соц.-дем. уже в декабрѣ 16 г. с кафедры Гос. Думы безоговорочно признали «абсолютное право» Польши на независимость, но надо имѣть в виду, что это декларативное выступленіе Чхендзе, Керенскаго и др. носило демонстративный характер в связи с разсматривавшимся Думой дѣлом петраковскаго депутата, члена польскаго коло, горнаго инженера, автора многихъ научныхъ трудовъ, Лемницкаго, котораго обвиняли в «измѣнѣ» и зачислили в «нѣмецкіе агенты». Дѣйств. ст. сов. Лемницкій подписал в Стокгольмѣ, сохранивъ свое званіе члена Гос. Думы, обращеніе к президенту Соед. Штатовъ Вильсоу с осужденіемъ русскаго режима в Польшѣ. Нѣмецкія газеты воспроизвели это обращеніе. Комиссія личнаго состава Думы под предѣлательствомъ деп. Маклакова предложила исключить по формальнымъ основаніямъ Лемницкаго из своей среды. (Докладчикъ избѣгалъ употребленія термина «измѣнникъ», и называлъ

Если в вихрь революционной эпохи 17 г., когда мысль двигалась больше эмоциями, всё декорации мгновенно смѣнились в отношеніи Польши, то, быть может, извѣстную роль сыграло под влияніем жизненных фактов и польской пропаганды постепенное освоение во время войны широкими общественными кругами мысли, что Польша не “окраина”, а “инородное тѣло” в русском государственном организмѣ. “С Польшей Россія разсталась не с таким горьким чувством, которое вызвала в ней утрата другой окраины” — общество как бы осознало трагедію “мученической Польши” (Козловскій).

Такая нравственная эмоція, конечно, была совершенно чужда концепціи официальнаго довоеннаго панруссизма, и поэтому аргументація штюрмеровской записки легко оказала воздѣйствіе на рѣшеніе носителя верховной власти. Дальнѣйшая исторія “польскаго вопроса” представляет собой разительную картину противорѣчій, которую едва ли однако можно объяснить какой-то сознательной “двуличной политикой”, внушенной извнѣ.

**

27 мая в Ставку прибыл Сазонов. Поденная запись мин. ин. д. отмѣчает солидарность взглядов Сазонова и Алексѣева: начальник штаба уже докладывал Государю о необходимости “по военным соображеніям привлечь на свою сторону всѣх поляков”. Точку зрѣнія Алексѣева поддержал новый военный министр Шуваев, который в свою очередь “настойчиво совѣтовал Государю быть щедрым в отношеніи поляков, воплѣвъ того заслуживших своим отношеніем к Россіи в эту войну, и, не останавливаясь на полумѣрах, великодушно осуществить завѣтные чаянія польскаго народа”. Затѣм послѣдовал личный доклад министра ин. д. в присутствіи начальника штаба, при чем Сазонов и Алексѣев вынесли впечатлѣніе, что “Государь, долго обдумывавшій за послѣднее время польскій вопрос, нынѣ склоняется в пользу разрѣшенія его согласно предложенію Сазонова”. Очевидно, Царь не успѣлъ еще познакомиться с контр-докладом Штюрмера — вѣроятно, не был знаком и с запиской Сазонова, которая была доложена ему во время вечерней бесѣды с министром 27 мая.

Прошел мѣсяц, прежде чѣм в Ставкѣ собрался совѣтъ министров. 28 іюня до засѣданія Алексѣев информировал Сазонова, что на утреннем докладѣ по поводу польскаго вопроса он услышал от Царя слова: “Я начинаю думать, что разрѣшеніе этого вопроса является, дѣйствительно, своевременным”. В позднѣйшей бесѣдѣ, послѣ завтрака, с прибывшим из заграничной поѣздки гр. Сиг. Велепольским, Царь уполномочил послѣдняго “объявить своим соплеменникам, что в ближайшее время появится манифест, дарующій новое положеніе Поль-

Лемницкаго «пораженцем»). Представители лѣвых фракцій отстаивали моральное право польских общественных дѣятелей выступать на международной аренѣ в пользу признанія независимости своей родины. В запискѣ деп. полиціи, которую цитировал Штюрмер во всеподданнѣйшем докладѣ, как мы видѣли, дѣло представлялось болѣе серьезным. Дума согласилась с докладом комиссіи личнаго состава, «Болѣе постыднаго зрѣлища я не видѣлъ в Гос. Думѣ» — воскликнул трудовик. Янушкевич, передавая настроеніе лѣваго сектора Думы.

ствъ". В 6 час. веч. собрался, под личным председательством Царя, Совѣтъ министров. — Это было то самое засѣданіе, о котором Государь предварительно писал жёнѣ: "Завтра днем состоится совѣщаніе с министрами. Я намѣрен быть с ними очень нелюбезным и дать им почувствовать, как я цѣню Штюмерера, и что он председатель их". Наканунѣ засѣданія Царь принял особо председателя Совѣта: "Мы обо всем побесѣдовали". Монарх "успокоил" премьера по поводу распространившихся слухов, которые дошли в Петербург через лиц, побывавших в Могилевѣ, и о которых Императрица писала 23 июня: "...будто бы предполагается военная диктатура с Сергѣем М. во главѣ, что министров тоже смѣняют и т. д., и дурак Родз.(янко) налетѣл на него (т. е. Штюмерера)... Он отвѣтил, что он ничего по этому дѣлу не знает... Я его утѣшила, сказав, что ты мнѣ ничего об этом не писал, что я увѣрена, что ты никогда не назначишь на такое мѣсто великаго князя... Мы говорили о том, что возможно, что генералы находят цѣлесообразным поставить во главѣ подобной комиссіи (прод.) военнаго, чтобы объединить в однѣх руках все, касающееся арміи... хотя, конечно, этим министры были бы поставлены в ложное положеніе"...

Засѣданіе Совѣта 28-го было посвящено вопросам снабженія арміи, устройства тыла и обезпеченія продовольствія. "Было рѣшено, — гласит запись в "дневникѣ" мин. ин. д., — объединить дѣятельность существующих комитетов (существовавших при отдѣльных министрах четырех "особых совѣщаній"), подчинив их председателю Совѣта министров". Это и была та "диктатура" Штюмерера, которая в Могилевѣ была подсказана мин. путей сообщенія Треповым, о которой так много говорили в Чр. Слѣд. Комиссіи, и которой старались придать совѣм иной смысл. "Дневник" мин. ин. д. указывает, что Царь "призывал к прекращенію внутренних совѣтских неладов". Это означало большую однородность объединеннаго под руководством Штюмерера правительства, и понятно, почему мятежіе министра земледѣлія, высказанное в Ставкѣ, о невозможности одновременнаго пребывания его и Штюмерера в составѣ правительства, привело к отставкѣ Наумова*). Такая же участь должна была постигнуть и Сазонова, расхворившагося с большинством Совѣта "по весьма существенным вопросам", как это он сам признавал в письмѣ, отправленном Царю послѣ отставки.

В официальном совѣщаніи 28-го вопрос о Польшѣ не поднимался. Это уже было знаменательно. На другой день на "всеподданнѣйшем докладѣ" Сазонов по собственной инициативѣ поднял вопрос, сослав-

*) В цитированном письмѣ 25 июня А. Ф. говорила о Наумовѣ, который выражал Штюмеру желаніе выйти в отставку: «Держась совѣм иных взглядов, он не раздѣляет политики правительства. Хотя он честный и очаровательный человек, все же он упряма и приверженец идеи Думы, земств и т. д., и болѣе надѣется на их дѣятельность, нежели на правительство — это не особенно хорошо в министрѣ и затрудняет работу с ним...» В личной аудіенціи у Царя Наумов в отвѣтъ на свое заявленіе о необходимости измѣнить обстановку работы для того, чтобы эта работа шла производительно, услышал: «Пока я этой обстановки мѣнять не буду». Наумов показывал в Чр. Сл. Ком., что, получив при прошальной аудіенціи разрѣшеніе говорить откровенно и желая дать иѣсколько «искренних совѣтов», он высказал все то, что у него «накипѣло». «Тогда Государь подошел и... поцѣловал. Был в слезах...»

шись на “высокомилостивыя слова” о манифестѣ, сказанныя Царем Велепольскому. Государь подтвердил эти слова и спросил министра: “как, по его мнѣнію, лучше всего осуществить намѣченное дѣло...” Министр откровенно отвѣтил, что если это дѣло будет поручено людям, не сочувствующим ему, то “мудрое и великодушное рѣшеніе Е. В. может быть искажено, и все дѣло испорчено”... Сазонов предложил поручить означенную работу гос. секретарю Крыжановскому. Государь “вполнѣ одобрил эту мысль” и уполномочил министра передать названному кандидату “высочайшее повелѣніе изготовить проект Манифеста со включеніем в него главных основ будущей автономіи Польши, заключающихся в составленной мин. ин. дѣл запискѣ, дабы поляки увидали в этом актѣ не только выраженіе доброжелательности, но и положительныя общанія”.

Палеолог и Бюкенен изображают Сазонова ликующим по возвращеніи из Ставки 1-го іюля. Под строжайшим секретом он тут же сообщил французскому и англійскому послам о принятом рѣшеніи, как о блестящей своей побѣдѣ над Штюрмером. Как будто бы обстановка в Могилевѣ должна была довольно ясно показать министру ин. дѣл, что в сущности восторжествовала по всей линіи позиція председателя Совѣта. Если по польскому вопросу и принято было рѣшеніе, то приводить его в исполненіе должен был во всяком случаѣ не министр, дѣлавшій ставку на международное положеніе вопроса, и слѣдовательно “высочайшая милость” должна была осуществиться в каких-то ограниченных размѣрах... “Голова у меня еще идет кругом от вѣхъ дѣл, о которых я думал или слышал, когда здѣсь были министры и очень трудно привести опять мысли в порядок”, — откровенно признавался Царь в письмѣ 30 іюня... Надо было подыскать замѣстителя Сазонову, а он не находился. И рѣшено было поручить все дѣло временно тому же “вѣрному человѣку” — “старіку Штюрмеру”, — так же было, когда неожиданно пришлось отставить министра вн. д. Хвостова.

Если и были колебанія, то они были разсѣяны поспѣшным вмѣшательством слишком энергичных иностранных послов. В изображеніи Бюкенена это вмѣшательство было сдѣлано по инициативѣ тов. мин. Нератова, явившагося вечером 6-го в посольство с сообщеніем о предстоящей отставкѣ Сазонова*). Нератов сказал, что вмѣшательство англійскаго посла в выбор министра ин. дѣл может скомпрометировать положеніе Бюкенена, но “если ничего не будет сдѣлано, назначеніе Штюрмера будет совершившимся фактом в теченіе ближайших двадцати четырехъ часов”. Выслушав это, Бюкенен телеграфировал Царю, подчеркнувъ, что его посланіе носит строго “личный характер” и основано на разрѣшеніи откровенно высказываться по вопросам, касающимся успѣшнаго исхода войны. Бюкенен сообщал, о своих опасеніях и просил Николая II, прежде чѣм будет принято окончательное рѣшеніе, взвѣсить серьезныя послѣдствія, которыя может имѣть отставка Сазонова. В изображеніи подневныхъ записей Палеолога, эта инициатива обращенія к Царю исходила от обоихъ послов, посѣтивших 7-го министерство ин. дѣл**).

*) По записи в «дневникѣ» Мин. ин. д. фельдъегер 6-го привез личное письмо Императора Сазонову.

***) Судя по показаніям Нератова в Чр. Сл. Ком., инициатива обращенія послов при отставкѣ Сазонова не могла принадлежать ему.

Бюкенена Царю, упоминая лишь о коллективной телеграммѣ военнымъ представителямъ в Ставкѣ Жанену и Вильямсу с просьбой воздѣйствовать на Царя черезъ министра Двора Фредерикса. Согласно разсказу Палеолога военные представители отвѣтили, что Фредерикс обѣщалъ доложить Царю телеграмму пословъ, хотя рѣшеніе Государя уже принято. По воспоминаніямъ Бюкенена, Вильямс отвѣтилъ, что надѣется на “хорошій исход” *).

“Къ несчастію, — добавляетъ Бюкененъ, — Государыня тѣмъ временемъ прибыла в Ставку, и судьба Сазонова была рѣшена...” А. Ф. прибыла в Ставку 7-го утромъ, слѣдовательно вопросъ о Сазоновѣ былъ рѣшенъ до ея пріѣзда.

Бюкененъ изображаетъ отставку Сазонова, какъ очень сложную интригу Штюрмера, который, прекрасно рассчитавъ “свой прыжокъ”, воспользовался отъѣздомъ Сазонова в Финляндію на отдыхъ и вернулся в Ставку, заручившись поддержкой Императрицы, чтобы переговорить с Царемъ “наединѣ”. Штюрмеръ, дѣйствительно, былъ в Ставкѣ 3-го іюля и привозилъ “схему главнѣйшихъ вопросовъ” на послѣднемъ засѣданіи Совѣта министровъ в Могилевѣ. Возможно, что тогда Царь и пришелъ къ окончательному рѣшенію отставить Сазонова — переписка за эти дни проходитъ молчаніемъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что вопросъ об отставкѣ Сазонова и замѣнѣ его именно Штюрмеромъ былъ для Царя “давно рѣшенъ” **) — всѣ данныя скорѣе говорятъ за противоположное. Надо имѣть в виду, что в отсутствіи Сазонова Совѣтъ министровъ призналъ несвоевременнымъ постановку польскаго вопроса, о чемъ Царь и былъ освѣдомленъ.

Штюрмеръ былъ назначенъ 7-го. Во всей “интригѣ”, свергнувшей нежелательнаго руководителя иностранной политики, который придерживался союзнической ориентации, и привелшей къ назначенію “германофильствующаго” министра, нигдѣ не выступаетъ “Другъ” на роляхъ закулиснаго совѣтника. Не слишкомъ достоверный свидѣтель, состоявшій одновременно при Штюрмерѣ и Распутинѣ, Манасевич-Мануйловъ в Чр. Сл. Ком. утверждалъ, что назначеніе Штюрмера министромъ ин. дѣлъ вызвало величайшее негодованіе Распутина и “переполохъ” в окруженіи послѣдняго. Манасевичъ разсказывалъ фантастическую версію о секретной повѣздкѣ Штюрмера в Ставку, обставленную такъ таинственно, что Распутинъ ничего об этомъ не зналъ (не знала и Царица, которой, однако, о томъ написалъ Царь наканунѣ пріѣзда Штюрмера). Распутинъ, будто, “рвал и металъ”, узнавъ, что Штюрмеръ вернулся во главѣ вѣломства иностранной политики. Распутинъ послѣ посѣщенія Царскаго “кричалъ, кулакомъ ударилъ по столу. Этотъ старикашка совѣмъ с ума шелъ. Итти в министры ин. дѣлъ, когда ни черта в нихъ не понимаешь, и мамаша кричала. Какъ онъ можетъ браться за это дѣло и, кромѣ того, еще с нѣмецкой фамиліей”. Можно было бы не повѣрять человѣку, имѣвшему всегда заднюю пѣль, если бы в позднѣйшихъ письмахъ А. Ф. в связи с

*) Согласно воспоминаніямъ Сом. Хора, занимавшего в это время должность начальника англійской развѣдки в Россіи, на него легла деликатная миссія воздѣйствовать на Императора в отношеніи Сазонова.

**) Такое утвержденіе можно найти у Чернова. При небрежности пользованія фактами, присущей этому автору, онъ условія назначенія Штюрмера председателемъ Совѣта (колебанія относительно нѣмецкой фамиліи) перенесъ на то, что было черезъ полгода.

намѣчавшейся уже отставкой самого Штюмерера, нельзя было бы найти прямого подтвержденія, что «Друг», дѣйствительно, неодобрительно отнесся к назначенію Штюмерера министром ин. д. «Он говорил Штюмеру, — писала А. Ф. 10 ноября, — чтобы тот не принимал поста ин. д., что это будет его погибелью: нѣмецкая фамилія, и въѣдут говорить, что это дѣло моих рук». А. Ф. добавляла: «Шт. трусил и мѣсяцами не видѣлся с Ним, — он был неправ, — и вот потерял почву под ногами»^{*)}). Курьезно, что опытный в сыском розыскѣ Белецкій, показаніям котораго исключительно довѣряла Чр. Сл. Комиссія, утверждал, что в назначеніи Штюмерера на пост министра ин. дѣл, он, как и ген. Климович, видѣли «первое предостереженіе: Штюмерер был «наказан» в силу измѣнившагося к нему отношенія Распутина^{**}).

**

Из сопоставленія приведенныхъ данныхъ приходится вывести заключение, что в Штюмерерѣ на роляхъ министра ин. дѣл нельзя видѣть ставленника «распутинской группы», являвшейся, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не то простой нѣмецкой агентурой, не то представительствомъ всемірнаго феодально-металлургическаго блока, который вел «подготовку сепаратнаго мира с Германіей». Если принять толкованіе А. Ф. недовольства Распутина фактомъ появленія Штюмерера на посту руководителя высшей политики («нѣмецкая фамилія» и пр.), то совершенно очевидно будетъ, что «распутинская группа», готовящая почву для замѣщенія Сазонова, черезъ свой рупор должна была заранѣе подсказать подходящее имя для соответственнаго направленія польскаго вопроса. Этого она не сдѣлала. Политика Штюмерера, намѣчавшаяся в польскомъ вопросѣ в критической части докладной записки 25 мая, могла содѣйствовать нѣмецкимъ планамъ, отбрасывая польскіе общественные круги во вражескій стан, но совершенно ясно, что со стороны Штюмерера это было не ловкимъ ходомъ для примиренія с Германіей, а проявленіемъ того особаго «русофильства», которое, быть можетъ, искусственно и нарочито прививалось охранительной психологіей. Черты этой психологіи органически должны были быть близки Имп. Николаю II и его женѣ при ихъ религіозной концепціи — православія и самодержавія.

^{*)} Мануйловъ расхожденіе Штюмерера с Распутинымъ относилъ еще к болѣе раннему времени (до назначенія министромъ ин. д.). — Распутин былъ недоволенъ, что Штюмерер «совсѣмъ почти не откликнулся на его просьбы», сдѣлавшись премьеромъ; называлъ его «вторымъ царемъ». Вмѣстѣ с Распутинымъ противъ Штюмерера шла и «дамская половина». Подтверждалъ это (впрочемъ, вѣроятно, со словъ того же Манасевича) и Белецкій, говорившій, что послѣ скандала, учиненнаго ему Распутинымъ Штюмереръ сталъ чаще встрѣчаться с «Другомъ» на квартирѣ ген. Никитина в Петропавловской крѣпости (дочь Никитина была поклонницей «старца»).

^{**}) Белецкій считалъ, что особое недовольство Распутина и «дамскаго персонала» вызвало назначеніе министромъ юстиціи Макарове, кандидатуру котораго провелъ Штюмерер секретно отъ Распутина и «дамскаго персонала». Назначеніемъ Макарова А. Ф., относившаяся к нему с большимъ предубѣжденіемъ за передачу Царю писемъ к ней Распутина, была дѣйствительно «сильно» взволнована: это человекъ, враждебный к «бѣдной, старой женушкѣ». Вотъ точность воспоминаній! — Родзянко утверждаетъ, что именно А. Ф. проводила Макарова, полагая, что онъ будетъ болѣе податливъ, нежели Хвостовъ (старшій), в дѣлѣ Сухомлинова.

Назначение Штюрмера не устранило польского вопроса, выдвинутого в это время стратегическими соображениями. В министерствѣ занялись сплошной переработкой сазоновскаго проекта об автономной Польшѣ. 18 іюля новый проект был закончен обсужденіем в Совѣтѣ министров, и председатель его докладывал верховной власти, что “в основу манифеста положены не начала союзнаго государства, на которых был построен проект министерства, выработанный б. министром ин. дѣл, а также государственным секретарем*), а начала областной автономіи. Во избѣжаніе хатайствъ иных національностей, также пострадавших от войны, о предоставлении и им каких-либо милостей в области самоуправленія, в проект манифеста включено упоминаніе о принадлежности поляков к общей славянской семьѣ**). Но и дарованіе ограничительной автономіи, имѣвшей авторитетных защитников в лицѣ представителей польской аристократіи, которая имѣла доступ ко Двору, в послѣдній момент вызвало колебанія. Основное опасеніе с большой опредѣленностью выступает в письмѣ А. Ф. 22 іюля: “Сейчас у меня будет Велепольскій***). Я с нѣкоторым страхом думаю об этом, ибо я увѣрена, что не смогу вполне согласиться с ним — думаю, что было бы разумнѣе нѣсколько обождать, и ни в коем случаѣ не слѣдует идти на слишком большія уступки, иначе, когда настанет время нашего Бѣби, ему трудно тогда придется”. В результатѣ этих колебаній и бесѣд со Штюрмером в Могилев 22-го была послана телеграмма с просьбой “задержать разрѣшеніе польскаго вопроса” до пріѣзда А. Ф. в Ставку... Оно было тогда отложено****).

“Глупое дѣло” продолжало, однако, волновать и польскіе круги, и военное командованіе, и союзников. Еще в августѣ, при посѣщеніи мин. ин. дѣл (в связи с уходом Сазонова), англійскій посол, освѣдомившись о предположеніях правительства относительно польскаго вопроса, указал, что по свѣдѣніям, дошедшим до англійскаго правительства, Австрія и Германія намѣрены превозгласить автономію Польшы, что дает нѣмцам возможность поднять до 600.000 рекрутов (запись мин. ин. д.). Аналогичное представленіе сдѣлал и председатель національнаго польскаго комитета Сиг. Велепольскій, имѣвшій в августѣ со Штюрмером “до четырех бесѣд”. Послѣднее свиданіе было 18 августа, когда Велепольскій получил соответствующую телеграмму от “политических единомышленников” из Парижа (показанія Велепольскаго). Исходным пунктом этого разговора было признаніе необходимости изданія Россіей акта болѣе широкаго, чѣм проектировали нѣмцы (что готовили нѣмцы, никто тогда в сущности не знал — “какой то акт о независимости”).

*) Проект Крыжановскаго всѣми в Совѣтѣ признавался «неудачным и невразумительным» (показанія антагониста Штюрмера Хвостова-старшаго).

**) Этим аргументом как бы устранялось возраженіе А. Ф.: нельзя дать автономію Польшѣ, не дав ее Балтійскому краю... Так Замоискій передавал Родзянко сомнѣнія Царицы.

***) Позже (письмо 7 сентября) А. Ф. ссылалась на авторитет «Друга», который высказался за «отложненіе» дѣла.

****) Дѣло идет о Вл. Велепольском — «наш Велепольскій», как выразился Царь в письмѣ 18 іюля: «Я долго с ним бесѣдовал, он очень хотѣл бы повидать тебя и в нѣскольких словах разъяснить все это глупое дѣло. Ты знаешь все и потому это не затянется долго».

На “категорическое требованіе” Велепольскій получил отвѣтъ, что председатель Совѣта министров поѣдет в Ставку, представит Царю “памятную записку” Велепольскаго и возвратится с точным указаніем, как надо поступить. В сводкѣ личных докладов Царю, сдѣланной самим Штюрмером, весьма своеобразная аргументація его доклада 21 августа излагается так: “Е. В. изволил мнѣ указать, что он еще не ознакомился с проектами, выработанными членами Совѣта министров. Коснувшись вопроса о времени обнародованія манифеста, т. е. немедленно или при вступленіи побѣдоносныхъ русскихъ войскъ в предѣлы русской Польши, я оемѣлился высказать Е. В. слѣдующія соображенія. Обнародованіе в настоящее время манифеста о дарованіи Царству Польскому автономіи встрѣтит недоумѣніе в народѣ, который не поймет, чѣмъ вызванъ такой манифест, относящійся только к одной народности Имперіи. Если причину искать в разореніи Польши германскими войсками, то такому же разоренію подверглись и другія національности: латыши, эсты и проч., которые никакихъ льгот за это не получают. Весь русскій народ принес одинаковыя жертвы своимъ достояніемъ и сынами на защиту родины. Мнѣ лично представлялось бы желательнымъ, чтобы Высочайшій манифестъ об автономіи Польши совпалъ с вступленіемъ русскихъ войскъ в ея предѣлы или же, чтобы этому манифесту предшествовалъ другой государственный акт, относящійся ко всей Державѣ Россійской. Мнѣ казалось бы возможнымъ нынѣ же объявить Россіи и Европѣ о состоявшемся договорѣ с нашими союзниками, Франціей и Англіей, об уступкѣ Россіи Константинополя, проливовъ и береговыхъ полос. Впечатлѣніе, которое произведетъ в Россіи осуществленіе историческихъ завѣтовъ, будетъ огромное. Извѣстіе это можетъ быть изложено в видѣ правительственнаго сообщенія. На другой же день... можетъ появиться манифестъ о дарованіи автономіи полякамъ, т. е. наиболѣе многочисленной національности, обитающей в Россіи и притомъ славянскаго происхожденія. Е. В. оствѣдомился относительно способовъ возможнаго выполненія проектированнаго оглашенія уступки намъ Константинополя и проливовъ. Я имѣлъ случай обмѣняться мнѣніями с послами великобританскимъ и французскимъ, которые не встрѣчаютъ къ сему препятствій. Нынѣ в виду окончательнаго вступленія Италіи в союз с нами, предстоитъ выслушать заключеніе итальянскаго посла. По полученіи согласія правительствъ всѣхъ трехъ державъ, мною будетъ представленъ Е. В. проектъ правительственнаго сообщенія” *).

Вернувшись из Ставки, Штюрмер далъ гр. Велепольскому “ясный отвѣтъ”, что все будетъ сдѣлано, только он не можетъ опредѣлить точно “время, когда это будетъ...”. По словамъ Велепольскаго, свой телеграфный отвѣтъ “политическимъ единомышленникамъ” в Парижѣ он из осторожности представилъ для “провѣрки” в министерство — Штюрмеръ внесъ такія поправки, что Велепольскій предпочелъ не посылать телеграммы...

10 сентября Штюрмеромъ былъ врученъ Императору проектъ манифеста с исправленіями, сдѣланными собственной рукой Николая II, — о “за-

*) Резюме личных докладов Штюрмера напечатаны в сборникѣ «Монархія передъ крушеніемъ».

крѣпленіи даруемой народу польскому широкой свободы в строеніи внутреннего быта во всѣх дѣлах мѣстнаго значенія". "Манифест, — добавлял Штюрмер в своем резюмѣ, — Е. В. оставил у себя, высказав при этом, что он предполагает его обнародовать только по вступленіи русских войск в занятые непріателем предѣлы Польши...

Здѣсь надлежит временно прервать исторію "польскаго вопроса", так как на авансцену выдвигается новый персонаж в лицѣ Протопопова, назначеннаго министром вн. дѣл, будто бы, в тѣх же дѣлах, что раньше привели Штюрмера в вѣдомство иностранной политики. Слѣдует лишь сдѣлать нѣкоторыя пояснительныя добавленія к соображеніям, выставленным Штюрмером в докладѣ 21 августа о желательности отложить опубликованіе манифеста о польской автономіи. Свои мотивы Штюрмер изложил и в показаніях Чр. Ст. Комиссіи. Предсѣдателю комиссіи подобная точка зрѣнія казалась весьма "странной". Дѣло шло о том, что "милостям" по отношенію к Польшѣ должен предшествовать какой-нибудь акт "для русских", чтобы "не обидно было русскому національному чувству объявленіе благовольнія по отношенію к Польшѣ". Ледницкій должен был засвидѣтельствовать, что при "всѣх" его "бесѣдах" с разными сановниками это "постоянно" указывалось. Комиссія пыталась отыскать "корень такой странной точки зрѣнія", но упомянутый свидѣтель не мог ничего объяснить Комиссіи. Пожалуй, объясненіе можно найти в исторической традиціи, на которую ссылался в своей докладной запискѣ еще Сазонов — традиціи политики имп. Александра I. Тогда "милости", дарованныя Царству Польскому и игнорированіе Россіи вызвало негодованіе на императора по разным причинам и в кругах консервативных, и в кругах либеральных: молодой Якушкин, будущій декабрист, готов был идти даже на царевубійство. Прошлое, конечно, не повторяется механически в иных условіях политическаго и общественнаго быта, но бюрократическій ум все же мог бояться, что "автономія" Польши способна вызвать, "очень враждебное отношеніе среди русских".

"Константинополь", выдвинутый в видѣ приманки для націоналистических чувствованій, не был, однако, измышленіем русофильствующаго министра, но все же нѣмца по своему отдаленному происхожденію. Эту связанность польскаго вопроса с константинопольской проблемой подсказал, в сущности, быть может, никто другой, как сам лидер думской оппозиціи. Как видно из опубликованных замѣток Милюкова в "записной книжкѣ", он всецѣло раздѣлял такой взгляд по возвращеніи в іюнь из заграничной поѣздки в качествѣ члена парламентской делегаціи. Воспринял ли Милюков западно-европейскую точку зрѣнія или внушил ее сам иностранным послам, но только мы видим, что позднѣе в октябрѣ, при свиданіи со Штюрмером, обсуждая вопрос о республикованіи "приза", получаемаго в войнѣ Россіей, Палеслог в присутствіи Бюккена весьма краснорѣчиво развивал соответствующую аргументацію. "По моему мнѣнію, — говорил Палеслог по собственной записи 10 ноября нов. ст., — что ваше объявленіе о дѣлах войны, преслѣдуемых Россіей, будет неполным и рискует даже быть непонятым союзниками, если вы будете говорить о Константинополѣ, умалчивая о Польшѣ. Я не думаю, что вы могли бы убѣдительно обосновать претензіи на Константинополь, не объявив одновременно,

что Польша будет восстановлена во всем своем цѣлом, под скипетром Романовых в согласіи с манифестом 1 августа 1914 года.

К этому вопросу еще придется вернуться. Слѣдует, однако, замѣтить, что самая мысль распубликованія тайнаго договора с союзниками о Константинополѣ принадлежала “гермаофильствующему” русскому министру ин. дѣл.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ПАРТНЕР ШТЮРМЕРА

I. СТОКГОЛЬМСКОЕ СВИДАНИЕ.

Дѣятельность послѣдняго министра вн. дѣл царскаго времени должна быть нами рассмотрѣна преимущественно с той специфической точки зрѣнія, с которой подходят к ней творцы литературной *mise en scène* сепаратнаго мира. В царской перепискѣ имя Протопопова, как “знатока промышленности”, впервые упомянуто 25 июня (16 г.) в связи с посѣщеніем Родзянко Ставки и происшедшим разговором о реорганизаціи штюрмеровскаго кабинета. “Из всѣх сказанных им глупостей, — писал Ник. Ал. женѣ, — самой большой было предложеніе замѣнить Штюрмера Григоровичем (во время войны!), а также смѣнить Шаховскаго. На должность первого он предложил инж. Воскресенскаго (я его не знаю), а на должность второго (т. е. министра торговли. С. М.), — своего товарища Протопопова. Наш Друг упоминал, кажется, как то о нем. Я улыбнулся и поблагодарил его за со-вѣтъ” *). На письмо А. Ф. никак не реагировала, слѣдовательно, кандидатура Протопопова серьезно не выдвигалась в этот момент.

Сам Протопопов в Чр. Сл. Ком. говорил, что у него задолго до заграничной поѣздки была уже честолюбивая “фантазія” занять административный пост. Об этом шла рѣчь при встрѣчах с Распутиным у знаменитаго Бадмаева, с которым у Протопопова издавна установились близкія отношенія — еще с 1903 г.**). Однажды Бадмаев сказал, что по словам Распутина, его, Распутина, “осѣнило”, что Протопопов будет полезен, как предсѣдатель министров... Но дѣло ограничилось

*) Родзянко говорит, что он вел борьбу за устраненіе Шаховскаго, котораго он считал главным вдохновителем всѣх правых направлений и сопротивленія общественности. При каждом докладѣ по принципу: «толците и отверзится вам», Родзянко говорил о Шаховском. Наконец Царь «потерял терпѣніе» и спросил: «кого вы думаете намѣтить?» Родзянко рекомендовал Протопопова, который «теперь европейски извѣстен» (имѣл в виду его поѣздки за границу в парламентской делегаціи). Бывшій «камер-юнкер» Протопопов был извѣстен Царю с хорошей стороны — еще перед войной он был награжден, по представленію Сухомлинова, золотым портсигаром с бриллиантом и царским вензелем за заслуги по работѣ для арміи.

**) Протопопов вѣрил в чудодѣйственную силу «тибетской медицины» — рассказывал Родзянко — послѣ того, как Бадмаев излѣчил его туберкулезную язву на ногѣ. Среди бадмаевских пациентов был и сам Родзянко, ѣздившій к тибетскому кудеснику в цѣлях получить свѣдѣнія о Распутинѣ, данныя против котораго через іером. Иллудора собирал в то время Бадмаев.

лишь “вѣчным хихиканьем и смѣшком”, что назначеніе состоится*). Трудно сказать, насколько искренно говорил Протопопов в Комиссіи о своем честолюбивом намѣреніи вступить в правительство — подчас он принимал при допросѣ, словно нарочно, облик кающагося грѣшника. По словам Белецкаго, названнаго в Гос. Думѣ Пуришкевичем “нимфой Эгеріей” Протопопова, послѣдній с весны 14 г. уже “всецѣло” перешел на сторону правительства — и мечтал сдѣлать административную карьеру, претендуя, однако, на занятіе болѣе скромнаго поста, чѣм тот, на который намѣчал его у Бадмаева “наш Друг”. Опираясь на свои дружественныя связи с кн. Волконским, который прочился нѣкоторыми придворными группами на мѣсто Маклакова, Протопопов тогда “по секрету” говорил Белецкому, что он хотѣлъ бы занять должность директора канцеляріи министра. Когда эта комбинація не удалась, Протопопов задумал сдѣлаться тов. министра у Шаховскаго. В изображеніи Белецкаго тов. предсѣдателя Гос. Думы Протопопов все время играет двойственную роль. Он состоит каким то соглядатаем при Родзянко и информатором о думских настроеніях министерства вн. дѣл. Взамѣн за такія услуги Белецкій предстательствует за него у Распутина, знакомит его с обстаповкой и вліяніем в Царском, проводит к Вырубовой и т. д. В період обостренной борьбы Белецкаго с Хвостовым, Протопопов посѣщает тов. министра “почти что ежедневно” и находится “в курсѣ всеѣх перипетій”. Не будем вдаваться и разсмотрѣніе тѣх задних цѣлей, которыми могли руководствоваться, как Протопопов в дни кризиса, оборвавшаго административную карьеру виднаго дѣятеля политическаго сыска, так и Белецкій в дни дачи своих “откровенных” показаній перед революціонной слѣдственной комиссіей. Можно сказать одно, что честолюбивая “фантазія”, обуревавшая тов. пред. Гос. Думы, который был в то время близок позиціи “прогрессивнаго блока”, не вышла из области секретной... И поэтому бывшій министр опредѣленно фантазировал, когда утверждал в Чр. Сл. Ком., что его заграничную поѣздку, завершившуюся пресловутым “стокгольмским свиданіем” сопровождала “газетная молва” о том, что он будет министром.

**

Внѣшняя обстановка стокгольмскаго свиданія как будто бы исключает мысль, что это свиданіе было исподволь подготовлено, т. е. что стокгольмскій акт являлся организованным дѣйствіем нѣкой группы, подготовлявшей заключеніе сепаратнаго мира с Германіей. Никто из писавших по этому поводу как-то странно не обращал должнаго вниманія на тот, достаточно показательный сам по себѣ факт, что инкриминируемое свиданіе произошло в самый послѣдній момент — за 2 или 3 часа до отъѣзда Протопопова из Стокгольма — и было прервано как бы на полусловѣ, так как участники бесѣды из состава русской парламентарской делегаціи должны были ѣхать на вокзал.

*) С Распутиным Протопопов видѣлся и у своей большой пріятельницы кн. Тараховой, носившей званіе придворной акушерки. Она имѣла сношенія с думскими кругами в силу родственных отношеній с членом Думы кн. Геловани (за ним была замужем ея дочь) и в то же время была в дружбѣ, как со «старцем», так и с митр. Питиримом.

По прошествіи болѣ четверти вѣка мы в сущности знаем о том, что происходило в Стокгольмѣ, ровно столько, сколько знали об этом современники, положившие немало труда на то, чтобы запутать дѣло. На публичный суд это дѣло было вынесено только через пять мѣсяцев по связи с выступленіем 19 ноября в Гос. Думѣ Пуришкевича по поводу продолжавшагося в жизни "нѣмецкаго засилья". Ударным центром рѣчи должно неистово думскаго депутата было заявленіе, что газета, об организаціи которой, при участіи Протопопова, говорили в то время, создается для обслуживания "германских интересов". Тут Пуришкевич упомянул и о Стокгольмском свиданіи: "участіе Протопопова в Стокгольмских переговорах с нѣмецкими дипломатами — игрушка по сравненію с той ролью, которую играл, да кажется, и сейчас играет на всякій случай А. Д. Протопопов в этой газетѣ"... Свое заключеніе Пуришкевич основал на том, что газету субсидируют главным образом Международный, Азовско-Донской и Русскій для вѣдшей торговли банки, которые работают на "нѣмецкіе капиталы" (см. главу XIII).

На заявленіе Пуришкевича Протопопов счел нужным откликнуться в газетах открытым письмом. О стокгольмском свиданіи Протопопов писал: "О бесѣдѣ моей в Швеціи, как мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, давно уже все сказано. Бесѣда тогда же, т. е. в Швеціи, мною была записана, и запись эта извѣстна многим. Своевременно я текстуально изложил эту бесѣду, как б. министру ин. д. С. Д. Сазонову*), вопли ея одобрившему, так и многочленному частному собранію членов Гос. Думы, послѣ котораго М. В. Родзянко письмом в газетах подтвердил всю лояльность стокгольмской бесѣды. В архивѣ Московскаго Дворянскаго собранія хранится стенограмма моего доклада о той же бесѣдѣ, сдѣланнаго мною в августѣ**) текущаго года в Собраніи губернских предводителей дворянства". Бесѣда в Стокгольмѣ, — утверждал далѣе Протопопов, — происходила "с вѣдома и по просьбѣ русскаго посланника при шведском Дворѣ в присутствіи одного из спутников моих в этом путешествіи и других лиц. При этом, конечно, мною не было сказано ни одного слова, которое свидѣтельствовало бы, хотя бы в отдаленнѣйшей мѣрѣ о моем "германофильствѣ"; обвинять меня в симпатіях к государству и народу, которые с исключительной жестокостью ведут войну, ими же созданную, с моей родиной, ежедневно оскорбляют честь и право, это — полемическій пріем, достойный осужденія даже тогда, когда в пылу политической борьбы желают бросить тѣнь на негоднаго и неудобнаго человѣка".

Милюков в "Рѣчи" попытался тотчас же уличить министра во лжи — в попыткѣ прикрыться авторитетом официалаго русскаго представителя в Швеціи. Милюков писал: "...вскорѣ по возвращеніи Протопопова из-за границы, я узнал, что он рассказывает своим знакомым о происходившей в Стокгольмѣ бесѣдѣ. Я просил г. Протопопова пріѣхать ко мнѣ, чтобы поговорить о возможных послѣдствіях его

*) Сазонов не мог не знать о стокгольмском свиданіи, так как помимо осведомленія со стороны официальных правительственных агентов, получал специальную информацию от особаго уполномоченнаго министерства (от нѣкогого М. Х.), который, по словам Неклюдова, вел негласно наблюденіе за посольством в Стокгольмѣ.

**) 9 августа.

поступка. Ознакомившись с содержанием бесѣды *по отрывкам*, записанным г. Протопоповым в его записной книжкѣ, я в присутствіи А. И. Шингарева спросил его: “как могли вы рѣшиться на подобный шаг, не осведомив о нем нашего посланника?” А. Д. Протопопов отвѣчал, — как он отвѣтил уже и раньше А. И. Шингареву*) на подобный же вопрос, — что он не предупредил посланника, так как опасался, что иначе он ему помѣшает”. “Через нѣсколько недѣль, — продолжал Милюков, — мнѣ пришлось вторично ѣхать через Стокгольм за границу. Я счел своим долгом сообщить А. В. Неклюдову о содержаніи бесѣды г. Протопопова с Варбургом. А. В. Неклюдов, как я и предполагал, пришел в полное негодованіе при мысли, что подобный поступок можно было сдѣлать *без его вѣдома*. Когда я спросил его, является ли для него мой рассказ полной новостью, А. В. Н. сказал, что слухи о свиданіи до него доходили, но содержаніе бесѣды он слышал от меня *впервые*. На обратном пути через Стокгольм в Россію я узнал также, что слухи о бесѣдѣ А. Д. П. с Варбургом доходили не до одного посланника. Ѣхавшій со мной в одном купѣ коммерсантъ, квартировавшій в “Гранд Отелѣ”, рассказал мнѣ, что чуть ли не в тот же день, когда разговор состоялся, Варбург хвастался им перед обитателями “Гранд Отеля”.

Как в дѣйствительности рассказывал Протопопов? Давал ли он “новую версію”, как печатно утверждал Милюков?.. Через 1½ мѣсяца в газетах была опубликована “стенограмма” московскаго доклада Протопопова 9 августа в средѣ предводителей дворянства. Там говорилось, что Протопопов согласился на свиданіе, посовѣтовавшись... с посланником Неклюдовым, который *просил не отказывать*, т. е. версія болѣе или менѣе соответствовала “открытому письму” Пуришкевичу 28 ноября... Послѣ изобличенія со стороны Милюкова Протопопов телеграфно запросил посланника: “Будьте любезны телеграфировать, что вы были осведомлены о моей бесѣдѣ с Варбургом мною лично в момент моего отъѣзда на вокзал, и что бесѣда эта не встрѣ-

*) Шингарев (в Чр. Сл. Ком.), не упоминая о Неклюдовѣ, нѣсколько иначе рассказал впоследствии об этом свиданіи с Протопоповым на квартирѣ Милюкова, приписывая себѣ инициативу бесѣды: “...дней через десять послѣ нашего прѣзда, я был у него (Протопопова), и он рассказал мнѣ о своем свиданіи в Стокгольмѣ, причем вынул записную книжку и стал говорить, что он в Стокгольмѣ видѣлся с этим господином (я теперь забыл его фамилію, какой то чиновник германскаго посольства, кажется — фон Луціус). Когда он кончил, я ему говорю: «вы с ума сошли, кто вас уполномочил, вѣдь вы глава делегаціи, только что ѣздившей к союзникам, и говорили с германцами... Кто вам дал право?» — «Что же такое? Я дѣлал развѣдку, мнѣ интересно было, что они скажут». — «Но вѣдь вы подводили всю делегацію, как союзники будут на это смотрѣть, это, чорт знает, что такое. Ступайте к Сазонову и расскажите, ступайте к посламу, вѣдь там будут болтать». Затѣм я сказал об этом Милюкову и заставил Протопопова повторить ему рассказ, который был набросан в его записной книжкѣ, при этом, когда я стал журичь Протопопова..., то я увидѣл, что он меня не понимает сколько я ни объяснял, что нельзя было этого дѣлать, что это безобразіе, он все говорил: «ничего тут такого нѣтъ». Упомянутое Шингаревым фон Луціуса (посла) показывает, что память депутата не стечетливо уже воспроизводила в момент показанія старые разговоры. В показаніях Слѣд. Ком. Милюков говорил, что Протопопов в кулуарах Думы «довольно откровенно» рассказывал о германских предположеніях о мирѣ, потому Милюков вызвал его к себѣ. В новой интерпретаціи разговор велся в присутствіи Шульгина.

тила никаких возражений и с вашей стороны, и со стороны присутствующих” (беру текст, как он был напечатан тогда в газетах). Посланник формально отрекся и в официальной телеграммѣ управл. мин. ин. д. Нератову сообщил: “если послѣ вышеупомянутого ложнаго утвержденія г. Протопопов сохранит какое-либо официальное положеніе, я обязан представить и представляю в отставку”. Протест Неклюдова относился, очевидно, только к завѣренію Протопопова (не в телеграммѣ Неклюдову, а в открытом письмѣ в газетах), что свиданіе было устроено “по просьбѣ” посла. Неклюдов, как увидим, и не думал отрицать того, что он знал о свиданіи из первоисточника, и даже готов был подтвердить это в отвѣтной телеграммѣ Протопопову, от чего воздержался лишь в силу запроса, полученнаго от министерства.

Прежде чѣм говорить о том, что было за кулисами, отмѣтим то, что появилось на поверхности взбаламученнаго моря общественнаго мнѣнія. 20 декабря в газетах напечатано было сообщеніе члена Гос. Думы Ичаса (к.-д.), которому пришлось быть в Стокгольмѣ и бесѣдовать с Неклюдовым в момент, когда в Стокгольмѣ была получена газета с письмом Протопопова. Тот же Неклюдов рассказал Ичасу, получившему *carte blanche* на опубликованіе бесѣды: “По просьбѣ находившихся тогда в Стокгольмѣ А. Д. Протопопова и членов Гос. Совѣта гр. Олсуфьева и А. А. Васильева, — говорил Неклюдов, — я согласился устроить им свиданіе со шведским министром ин. д. Валенбергом. В день приѣма Валенберга*) А. Д. Протопопов заявил, что в тот же день в 4 часа ему предстоит свиданіе с Варбургом у нѣкоего Поляка, с которым А. Д. Протопопов познакомился, возвращаясь из Англии”. “Посланник Неклюдов, — писал уже Ичас, — *осведомившись* об этом, заявил, что он не считает возможным дѣлать какія-либо указанія тов. пред. Гос. Думы и предсѣдателю парламентской делегации. При этом Неклюдов добавил, что, вѣроятно, ничего интереснаго А. Д. Протопопов от Варбурга не услышит, что содержаніе бесѣды можно предсказать заранѣе, что Варбург предложит Россіи сепаратный мир и будет убѣждать Протопопова, что интересы Германіи и Россіи солидарны, и т. д.... А. Д. Протопопов, который в тот же день уѣзжал из Стокгольма в Россію, обѣщал ознакомить перед отъѣздом с содержаніем своей бесѣды с Варбургом. С этими словами А. Д. Протопопов поѣхал к Варбургу и лишь на вокзалѣ, провожая членов делегации, наш посланник Неклюдов *услышал* содержаніе бесѣды Протопопова с совѣтником германскаго посольства”.

Рѣзкое противорѣчіе между категорическим заявленіем Милюкова и рассказом Ичаса бросается в глаза. В официальных объясненіях, данных Неклюдовым министерству, подтверждается рассказ Ичаса. В телеграммѣ 30 ноября Неклюдов подтверждает и то, что Протопопов сказал ему о предстоящей, “случайной” для него, бесѣдѣ с Варбургом, которую устраивает супружеская чета Поляк, и то, что на вокзалѣ Протопопов передал ему содержаніе происходившей бесѣды. Неклюдов сообщал в министерство, что присутствовать на бесѣдѣ выразил желаніе гр. Олсуфьев, и что ни тот, ни другой не спрашивали его совѣта. Во второй из опубликованных нынѣ телеграмм (8 декабря) Неклюдов пояснял, что он не отрицал тогда интереса, который может

*) Протопопов пробыл в Стокгольмѣ полтора суток.

представить бесѣда, и заранѣе предупреждал относительно вѣроятнаго ея содержанія. “Мнѣ не пришло в голову отговаривать от этого свиданія с нѣмцем, который не имѣл в Стокгольмѣ никакого officialнаго положенія”, — объяснял Неклюдов новому министру Покровскому. “Я тогда не придавал этой бесѣдѣ никакого значенія”.

Не лежит ли причина нѣкоторой уклончивости и даже неопредѣленности, замѣчаемых в объясненіях посланника (мы увидим отчасти и противорѣчія в них с позднѣйшими воспоминаніями), в той остротѣ, какую приобрѣл протопоповскій эпизод в момент, когда давались объясненія? В дни, когда произошло стокгольмское “свиданіе”, у Неклюдова не было основанія протестовать, так как его шеф, как мы видѣли, вовсе принципиально не возражал против методов такого освѣдомленія о планах противника, и в Ставкѣ еще при вел. князѣ Н. Н. считали необходимым регистрировать всѣ подобныя попытки завязать закулисныя сношенія со стороны нѣмцев. (Так высказался Н. Н. — “il faut enregistrer” — при сообщеніи Кудашевым, по порученію Сазонова, о письмах Васильчиковой). Для полноты учета всѣх обстоятельств, сопровождавших инцидент, порожденный информацией Милюкова, нельзя упускать из вида того, что в августѣ (т. е. послѣ бесѣды с Милюковым) Неклюдов был в Петербургѣ и видѣлся не только с Сазоновым, но посѣтил и Протопопова, при чем они совместно — как засвидѣтельствовал сам Неклюдов, — возстановили содержаніе стокгольмской бесѣды.

Вѣроятно, и в глазах Милюкова и Шингарева только впоследствии при установившихся рѣзко враждебных политических отношеніях с Протопоповым, стокгольмская бесѣда получила порочный характер. В этом убѣждает запись, собственноручно сдѣланная Милюковым (это он засвидѣтельствовал в Чр. Слѣд. Ком.), того “частнаго совѣщанія на квартирѣ Родзянко представителей прогрессивнаго блока”, на котором Протопопов, уже министр вн. д., пытался объяснить со своими прежними думскими единомышленниками и оправдаться в том, что он пошел в кабинет Штюрмера — человѣка с “опредѣленной репутаціей предателя” (выраженіе Шингарева). Это было 19 октября. В этой записи косвенно о стокгольмской бесѣдѣ (непосредственно о ней не говорилось), запротоколирована такая фраза самого Милюкова по поводу вопроса Протопопова: уронил ли он достоинство парламентской делегаціи за границей — “нѣтъ (отвѣчал Милюков), там не уронили, а уронили *здѣсь* (курсив подлинника), так как *из всѣх* ваших выступленій там *вовсе не вытекало* то, что вы сдѣлали здѣсь”.

Ни Милюков, ни Шингарев никогда и нигдѣ не обмолвились, что они также имѣли за границей до нѣкоторой степени аналогичное “случайное” свиданіе. Протопопов свидѣлся с “Варбургом” при своем возвращеніи в Россію (Протопопов не отдавал себѣ яснаго отчета! “с кѣм он должен встрѣтиться”). Милюков и Шингарев встрѣтились в том же стокгольмском “Гранд-отелѣ” с представителями нейтральной фордовской “экспедиціи мира”, довольно тѣсно связанной с тѣми, кто орудовал, как со стороны нѣмецкой, так и с русской, над подготовкой сепаратнаго мира. Парламентскіе делегаты не могли этого не знать или во всяком случаѣ могли об этом освѣдомиться, если относились

с особой щепетильностью к своему делегатскому званию*). Свиданию придавалось организаторами какое-то исключительное значение; раз за занавѣской была помѣщена стенографистка — конечно, тайно от участников бесѣды из состава парламентской делегации (рассказ Сукенникова). Конечно, свиданіе, хотя бы случайное, с полуофициальным даже представителем посольства враждующей державы может быть инкриминируемо в большей степени, но, как показывает запись 19 октября, этот факт сам по себѣ не возбуждал сомнѣнія, вопреки столь определенным, позднѣйшим показаніям Шингарева в Чр. Сл. Ком.

Разбор противорѣчій, получавшихся при толкованіи “открытаго письма” Протопопова и говоривших скорѣе в пользу известной точности автора его, позволяет с большим довѣріем отнестись к той версіи, которую по существу дала стенограмма московскаго августовскаго доклада, и которая вызвала в свое время возраженіе с стороны другого участника стокгольмской бесѣды гр. Олсуфьева, в результатѣ чего, по мнѣнію “Утиса” (псевдоним историка Кизеветтера) в “Русск. Вѣдомостях” получилась “безнадежная путаница”. Путаница, дѣйствительно, получилась. Она усилилась нервной неуравновѣшенностью, принимавшей у самого Протопопова**) подчас почти болѣзненную форму и заставлявшей его, дѣйствительно, фантазировать в деталях. Все же “путаница” не столь уж безнадежна в *основном*.

Остановимся прежде всего на внѣшней сторонѣ встрѣчи с нѣмецким представителем при вторичном пребываніи Протопопова в Стокгольмѣ. О ней в собраніи губернских предводителей дворянства Протопопов рассказывал так: “В Стокгольмѣ проживал крупный банкир и биржевой дѣлец еврей Ашберг. Вот этот Ашберг явился ко мнѣ и сообщил, что со мной очень желал бы видѣться германскій посланник в Швеціи. Посовѣтовавшись по этому поводу с нашим посланником Неклюдовым, который просил не отказываться, я изъявил согласіе на свиданіе, но при непремѣнном соблюденіи трех условій: 1) Чтобы мнѣ было прислано письменное выраженіе желанія со мной видѣться, 2) чтобы свиданіе это состоялось не у германскаго посланника и не у меня, а гдѣ-либо на нейтральной почвѣ. 3) чтобы при свиданіи присутствовали хозяева того дома, гдѣ оно произойдет, и кто-либо из моих товарищей по делегации. Всѣ перечисленныя условія были приняты, и свиданіе состоялось на другой день в номерѣ гостиницы, снятом для этой цѣли г. Ашбергом, в 4 часа, в присутствіи г. Ашберга с женой, как хозяев дома, г. Поляка с женой, крупнаго московскаго финансиста и домовладѣльца, также еврея и члена делегации Гос. Думы гр. Д. А. Олсуфьева. Для свиданія со мной пріѣхал не сам посланник, а старшій совѣтник германскаго посольства Варбург”***).

Послушаем теперь Олсуфьева.. “В вестибюль “Гранд-отеля” мы

*) Посѣщеніе фордовскаго комитета отмѣчено в записной книжкѣ Милюкова.

**) Вѣроятно, таким состояніем отчасти объясняется «хлестаковская черта» Протопопова, отмѣченная в показаніях Милюкова: «Вообще Протопопов — это человекъ, про котораго нельзя сказать, чтобы он сознательно намѣренно говорил неправду, но у него эта хлестаковская черта имѣется. Он органически говорит не так, как было».

***) С фон Луціусом будто бы произошла «непредвиденная печальная случайность» — он вытянул себѣ жилу на ногѣ и должен был слечь в постель.

случайно разговаривали на чисто русском языкѣ с одним нѣмцем, проживавшим до войны лѣтъ двадцать в Москвѣ в качествѣ директора банковской конторы... Меня соблазнила мысль побесѣдовать с настоящим "живым" нѣмцем, только что прибывшим из Германіи, чтобы ознакомиться с их тогдашним настроеніем... Я понимал нѣкоторую щепетильность подобной попытки. Тѣм не менѣе я высказал свое желаніе в *первый день* нашего приѣзда за завтраком, в компаніи из нѣкоторых наших спутников и еще нѣкоторых русских, живущих в Стокгольмѣ, с которыми мы познакомились... Моя нерѣшительность исчезла, когда я встрѣтил со стороны этих стокгольмских соотечественников живѣйшую готовность удовлетворить наше любопытство. И так первоначальная мысль о бесѣдѣ с нѣмцем исходила от меня. Но тут же вскорѣ к нашей затѣѣ присоединился А. Д. Протопопов. Спустя нѣсколько часов нам было сообщено, что в Стокгольмѣ находится нѣкій г. Варбург, банкир из Гамбурга, который часто ѣздит в Швецію, и что он с полной готовностью отозвался на мое желаніе... В концѣ концов свиданіе было назначено на слѣдующій за этим день *часа за два* до нашего отъѣзда на поѣзд, в нашей гостиницѣ, в салонѣ-номерѣ, занимаемом г. Поляком. Г. Поляк, москвич и нефтепромышленник, богатый человекъ, весьма извѣстный в Москвѣ. Муж и жена Поляки совершали вмѣстѣ с нами переѣзд из Лондона, и мы за нѣсколько дней нашего путешествія дружески сошлись... На другой день, около 5 час., А. Д. Протопопов и я, в обществѣ г-на и г-жи Поляк, за чайным столом ожидали приѣзда Варбурга. Вскорѣ он явился со-путствуемый г. Гуревичем. Он и был тѣм русским, живущим по торговым дѣлам в Стокгольмѣ, который познакомил нас с Варбургом... Он был представлен, как гамбургскій банкир, не имѣющій никакого отношенія ни к нѣмецкой дипломатіи, ни к каким-либо официальным кругам..." "Бесѣда, — утверждал дальше Олеуфьев, — происходила в номерѣ г. Поляк, а не в "номерѣ, снятом для этой цѣли г. Ашбергом", котораго имени я не слышал в то время. Ни Ашберг, ни жена его при бесѣдѣ не присутствовали... Был ли русскій посланник Неклюдов освѣдомлен о нашей бесѣдѣ с Варбургом, я не знаю... для меня было совершенной новостью узнать из сообщеній А. Д. Протопопова губернским предводителям, будто иниціатива исходила от германскаго посланника Луціуса, и что об условіях встрѣчи между г. Протопоповым и Луціусом велись какіе-то переговоры, что слѣдствіем этих переговоров было письмо Луціуса к Протопопову (я очень сожалею, что это письмо мнѣ никогда не было показано, и что я при этой бесѣдѣ являлся каким-то официальным делегатом). Если все это, дѣйствительно, происходило так, то могу сказать только одно: что я, "официальный делегат", был жестоко мистифицирован, ибо ни тогда в Стокгольмѣ, ни послѣ нашего трехдневнаго путешествія в одном поѣздѣ до Петрограда, ни при послѣдующих встрѣчах г. Протопопов мнѣ об этом не говорил ни одного слова. Я настаиваю на этом обстоятельствѣ потому, что, как мнѣ думается, все то преувеличенное вниманіе, которое вызвала в наших официальных кругах и в обществѣ встрѣча А. Д. Протопопова с Варбургом, объясняется не столько содержаніем самой бесѣды... сколько ея внѣшней официальной стороной... Дѣйствительно, бесѣда с гамбургским банкиром за чайным столом в

небольшом кружкѣ русскихъ людей с формальной стороны имѣет не больше значенія, чѣмъ какая-нибудь случайная встрѣча с нѣмцемъ в вагонѣ или бесѣда с военнопльннымъ... Если бы бесѣда наша происходила со старшимъ совѣтникомъ германскаго посольства по инициативѣ или по порученію германскаго посланника и по просьбѣ русскаго посланника, она имѣла бы, несомнѣнно, характер формальнаго выступленія германскаго правительства с предложеніемъ чуть-ли не сепаратнаго мира”.

Надо имѣть в виду, что письмо Олсуфьева составлено было через 6 мѣсяцевъ послѣ стокгольмской бесѣды, когда политики стали придавать ей злостное значеніе, и когда опорачиваніе стокгольмскаго инцидента становилось однимъ изъ средствъ борьбы с министромъ, имя котораго сдѣлалось ненавистнымъ во мнѣніи руководящихъ общественныхъ слоевъ. Членъ парламентской делегации пытался снять с себя всякое подозрѣніе в возможной его причастности к разговорамъ о сепаратномъ мирѣ и к поддержкѣ нѣмецко-распутинской партіи. “По возвращеніи моемъ в Россію, — писалъ Олсуфьевъ, — я рассказывалъ многимъ моимъ знакомымъ о встрѣчѣ с Варбургомъ, не дѣлая изъ этого эпизода ни малѣйшаго секрета и в то же время не придавая ему никакого преувеличеннаго значенія”. Не дѣлалъ секрета и Протопоповъ*), между тѣмъ Олсуфьевъ почти полгода не возражалъ противъ версіи, данной Протопоповымъ с самаго начала. До доклада губернскимъ предводителямъ вѣкорѣ послѣ своего возвращенія изъ Стокгольма, Протопоповъ в довольно похожихъ чертахъ рассказалъ дѣло англійскому послу, который на основаніи непосредственно полученной информации послалъ оффиціальное сообщеніе в Лондонъ (Греху, 28-го іюля нов. ст.). По этому сообщенію, очевидно, нѣсколько сгущенному и не совсемъ точному, германскій посланникъ в Стокгольмѣ попросилъ Протопопова зайти в Шведскій банкъ для бесѣды. Протопоповъ отвѣтилъ, что онъ встрѣтится с посланникомъ при условіи, что послѣдній попроситъ его объ этомъ в письменной формѣ. Германскій посолъ заболѣлъ, но банкъ устроилъ Протопопову свиданіе с Варбургомъ, назначеннымъ совѣтникомъ при германской миссіи. Протопоповъ и Олсуфьевъ были у Варбурга. Любопытно, что в телеграммѣ отгвѣчались слова Протопопова, что “окончательныя условія мира не были упомянуты, но что гр. Олсуфьевъ заявлялъ противоположное” **). Можно ли при такихъ условіяхъ сказать, что Протопоповъ “мистифицировалъ” своего довѣрчиваго коллегу? Неясность могла возникнуть отчасти в силу нѣкоторой наивности, присущей этому члену Гос. Совѣта,

*) Протопоповъ освѣдомилъ с самаго начала Сазонова (объ этомъ ниже), дѣлалъ сообщеніе в думскихъ кругахъ, о чемъ мы данныхъ не имѣемъ за исключеніемъ упомянутаго протоколомъ краткаго письма Родзянко в газетахъ. Откуда взялъ Заславскій, авторъ позднѣйшаго памфлета-характеристики, напечатаннаго в журналѣ «Былое», данныя, что Протопоповъ «беззащитничиво лгалъ и дурачилъ почтенныхъ мужей Гос. Думы, какъ маленькихъ дѣтей», мы не знаемъ. В объясненіяхъ министру Неклюдову упоминалъ, что в дни своего прѣзда в Петербургъ в августѣ совмѣстно с Протопоповымъ имъ была установлена сущность стокгольмской бесѣды.

**) Бесѣда с Протопоповымъ в изложеніи Бьюкенена происходила по инициативѣ посольства: членъ посольской миссіи Лидней «косвеннымъ путемъ» узналъ о стокгольмскомъ разговорѣ и попросилъ Протопопова «сегодня» (т. е. 15 іюля) передать о немъ непосредственно послу.

который не пытался тогда углубляться в бесѣды, ведущіяся с разными лицами в вестибюль «Гранд-отеля». К сожалѣнію, Олсуфьевъ полностью не назвал этих лиц — может быть, поименно и не знал их.

Кто были эти услужливые посредники? Олсуфьевъ назвал одного лишь Гуревича, жившаго в Стокгольмѣ «по торговымъ дѣламъ» и сопровождавшаго Варбурга на свиданіе. Не был ли этот Гуревич тѣм самым лицом, которое в свое время являлось передатчикомъ предположеній директора Deutsche Bank Монкевича и дѣйствовал с вѣдомая одобренія русскаго посланника? (О нем, напомним, упоминал в своей официальной телеграммѣ в министерство Неклюдов). Мнѣ представляется это несомнѣнным. При такихъ условіяхъ Гуревич мог сказать Протопопову, что свиданіе с Варбургомъ устраивается с согласія и чуть ли не по инициативѣ посланника... В дни революціи, в связи с арестомъ журналиста Колышко в петербургской газетѣ «День» говорилось, что этот «пацифистъ» сыгралъ извѣстную роль в подготовкѣ стокгольмскаго свиданія. Насколько это соответствовало дѣйствительности на основаніи опубликованнаго матерьяла, установить пока невозможно. Протопоповъ никогда имени Колышко не упоминалъ*). В Чр. Сл. Ком. на вопросъ члена, представлявшаго в Комиссіи «общественность», делегата Совѣта Р. Д. прис. пов. Соколова — не встрѣчался ли Протопоповъ в Стокгольмѣ с кн. Бебутовым, тот отвѣтил: «Да». Встрѣча произошла в том же «холлѣ» гостиницы; принимал ли Бебутовъ участіе в устройствѣ собесѣдованія с Варбургомъ, Протопоповъ не помнилъ.

Какую роль сыгралъ нефтепромышленникъ Поляк, как бы случайно попавшійся на пути представителей парламентской делегаціи? Очевидно, он не изображал собою только любезнаго хозяина, уступившаго свой отельный «салонъ» для бесѣды и принимавшаго в ней участіе в качествѣ пассивнаго статиста. Из показаній Протопопова в Чр. Слѣд. Ком. вытекает, как будто, указаніе на болѣе активную роль Поляка. В дополнительномъ письменномъ показаніи 27 іюля Протопоповъ сообщалъ: «послѣ моего возвращенія из путешествія за границу в Петроград, дня через два-три ко мнѣ пріѣхалъ Л. М. Поляк и привезъ мнѣ для исправленія нашъ разговоръ с Варбургомъ (по-нѣмецки). Я плохо знаю этотъ языкъ и прочесть его не могъ. Полякъ предложилъ мнѣ сдѣлать переводъ и принесъ его на слѣдующій день. Я, отказавшись исправлять переводъ, обратилъ вниманіе Поляка на то, что ему имѣть какія-либо сношенія с Варбургомъ не годится, что я категорически отказываюсь отъ этого; переводъ остался у него. Про этотъ случай я не говорил до сих пор, не желая бросать тѣнь на названное лицо за легкомысленный его поступокъ, тѣмъ болѣе опасный для него, что онъ еврей, и считая

*) В тѣ же революціонные дни в «Русской Волѣ» приведенъ былъ разсказъ корреспондента Петерб.-тел. аг. Маркова о томъ, что Колышко долженъ былъ принять участіе в организаціи стокгольм. бесѣды. Марковъ познакомился с Колышко в стокгольмской русскаго миссіи, Колышко, будто бы, бывалъ и у Неклюдова и в силу этого пользовался влияніемъ в дѣловыхъ кругахъ. Колышко, постоянный посѣтитель «холла» в «Гранд-отелѣ», былъ знакомъ с некимъ М..., также бывавшимъ в посольствѣ и одновременно афишировавшимъ свои отношенія къ Луцѣусу. На Колышко, как на посредника, указываетъ русскій дипломатъ Шелькиндъ, свѣдѣнія котораго, очевидно, повторяютъ лишь чужую информацію.

его хорошим человеком”*)). К сожалѣнію, Поляк, который мог бы кое-что здѣсь разъяснить, не счел нужным выступить в печати ни тогда, ни позже...**). В бесѣдѣ в частном порядкѣ. (Мнѣ пришлось эту бесѣду имѣть, спустя много лѣтъ послѣ описываемых фактов — в 40 году). Поляк рассказывал, что он, состоя “финансовым агентом” правительства, поѣхал за границу с секретной дипломатической командировкой от министра ин. дѣл, т. е. Сазонова***). Поляка сопровождала его жена. С. Протопоповым чета Поляк****) встрѣтилась на пароходѣ при переѣздѣ из Лондона в Стокгольм. Поляк подтверждал, что предложеніе бесѣдовать с Варбургом было сдѣлано ему и Олсуфьеву, к чему присоединился оказавшійся “тут” Протопопов. Кѣм было сдѣлано? Можно с нѣкоторой опредѣленностью предположить, что Гуревичем, давним знакомым Поляка: Гуревич, до переѣзда в Стокгольм послѣ эвакуаціи Варшавы, состоял завѣдующим варшавским отдѣленіем общества “Мазут” (Поляк завѣдывал московским). Был ли этот “купец” из Варшавы женат на “нѣмкѣ”, как утверждает Поляков-Литовцев, мы не знаем. Ко всѣм этим многочисленным свидѣтельствам прибавим еще одно — позднѣйшія воспоминанія самого Неклюдова, которые нѣсколько расходятся с объясненіями, данными им в 16-м году официальным порядком — воспоминанія Неклюдова не отличаются вообще точностью в изложеніи фактов...*****). В воспоминаніях Неклюдов говорит, что Протопопов в день бесѣды с Варбургом передал ему в присутствіи гр. Олсуфьева и проф. Васильева, что послѣ свиданія с Веленбергом у него назначена встрѣча у Поляк с “торговцем из Гамбурга”, с которым Поляк имѣл дѣло, и котораго хорошо знал до войны. Олсуфьев пожелал присоединиться к Протопопову, Васильев же предпочел отсутствовать. Протопопов общал по-

*) Возможно, что из-за нежеланія бросить какую-либо тѣнь на Поляка, Протопопов говорил о номерѣ, снятом Ашбергом. Не этим ли объясняются противорѣчія между свидѣтельствами Протопопова и Олсуфьева?

***) В личных бесѣдах Поляк рѣшительно отрицает самый факт представленія им Протопопову записи стокгольмскаго разговора. Он говорит, что в концѣ ноября Протопопов звонил ему по телефону и просил подтвердить правильность протопоповской передачи стокгольмскаго эпизода, общая за это ему дать чин дѣйств. ст. совѣтника.

****) Дѣло касалось каких то денежных расчетов в Болгаріи. Собесѣдник прикрывал сую командировку и через двадцать с лишним лѣтъ пеленой таинственности и не говорил, в чем дѣло.

*****) Дружба с будущим министром возникла на почвѣ нѣкоторой заботливости, проявленной г-жей Поляк в отношеніи Протопопова, который находился в момент переѣзда в болѣзненное состояніи («барин закидывался» в это время по выраженію протопоповскаго лакея). Всегда немного легкомысленный и внѣшне обходительный. Пр. всецѣло подпал под обаяніе «шарма» г-жи Поляк, как замѣтил сразу Неклюдов во время обѣда в посольствѣ в день пріѣзда путешественников (это отмѣчено в его воспоминаніях). Интимное довѣріе членов парламентской делегаціи, вѣроятно, было возбуждено и внѣшними отличіями, красовавшимися на груди г-жи Поляк: Неклюдов увидѣл двѣ георгіевскія розетки. Может быть, это только мемуарное воспріятіе, т. к. Поляк на фронтѣ не работала и была лишь нѣсколько причастна к международному Кр. Кресту по организаціи помощи военнопленным.

*****) Напр., по Неклюдову Николай II принял верховное командованіе 15 окт. Протопопов был назначен министром через 2 недѣли послѣ стокгольмскаго совѣщанія. Он и Олсуфьев первыми из числа парламентской делегаціи возвращались из Лондона через Стокгольм и т. д.

сланяку все рассказать и тогда Неклюдов как бы санкционировал свидание: "dans ce cas là je retire mes objections"... Из сопоставления всех данных одно вытекает несомненно: посланник был достаточно осведомлен о предстоящем свидании и осведомлен был не только формально*).

Из персонажа, упоминаемого в стокгольмской полемикѣ, остается банкир Ашберг, раньше известный Протопопову, он был одним из посредников по устройству русского займа в Америкѣ для покрытия расходов по военным заказам. В отношении Ашберга противорѣчіе в свидетельствах Протопопова и Олсуфьева разительны и, как будто, непримиримы — один говорит о присутствии Ашберга с женой, другой рѣшительно это отрицает. В показаниях Чр. Сл. Ком. Протопопов внес оговорку, которую всерьез нельзя принять. Он говорил, что ошибся — думая, что Ашберг, а оказался Варбург. В концѣ концов не столь уж важно — присутствовал ли лично Ашберг на самом свидании или участвовал лишь в роли посредника, что возможно, если принять указанія Бьюкенена (с ссылкой на информацию, полученную от Протопопова), что свидание первоначально намѣчалось в Шведском банкѣ. Может ли разъяснить противорѣчіе утверждение Поляка, что Варбург был представлен присутствующим Гуревичем и варшавским банкиром Шампютером?**)...

Из сдѣланнаго обозрѣнія одно, думается, выступает с достаточной опредѣленностью. Стокгольмское свиданіе было организовано довольно случайно или вѣрнѣе в очень спѣшном порядкѣ, когда уже послѣдніе представители парламентской делегации попали на возвратном пути в Стокгольм. Оно не было подготовлено заранее и слѣдовательно не являлось обдуманым шагом опредѣленно ведомой кампаніи***). Утвержденіе это несколько не противорѣчит словам Эрцбергера, по воспоминаніям котораго Стиннес еще в мартѣ выдвинул проект

*) Это ясно было уже в период, когда формировалось общественное мнѣніе вокруг Стокгольмскаго эпизода. И поэтому не совсѣм понятно упорство, с которым подтврждал свою необоснованную версию, на основаніи «разговора с Неклюдовым», Милюков и в позднѣйшее время. В Чр. Сл. Ком. он показывал: «Неклюдов узнал *post factum* об этом событіи в общих чертах и не поощрял Протопопова». — Протопопов искусственно де пытался втянуть в дѣло официалаго представителя русскаго дипломатическаго корпуса.

**) Относительно Ашберга в литературѣ имѣется еще одна легенда. Керенскій в книгѣ «*La Vérité*», послѣшил сдѣлать необоснованное утвержденіе, что Ашберг, фигурировавший в Стокгольмском свиданіи, и Ашберг, являвшійся по так наз. «американским документам» (см. «Золотой нѣмецкій ключ»), посредником в передачѣ большевикам нѣмецкой субсидіи в 17 г., одно и то же лицо. Отсылаю читателей к своей книгѣ. Из изложеннаго там ясно, с какой осторожностью и критикой надо относиться к этим фальсифицированным документам: возможно, что Ашберг вставлен нарочно творцами большинства «документов».

***) Сужденія Полякова-Литовцева, (прибывшаго в Стокгольм в качествѣ газетнаго иностраннаго корреспондента) должны быть отнесены к числу лишь предположеній журналиста, ничѣм в воспоминаніях не обоснованных. По его словам, идея свести Протопопова с Варбургом родилась в Петербургѣ в «влиятельном кружкѣ лиц», смотрѣвших с раздраженіем на поѣздку парламентской делегации. Это были не промышленники, а аграріи, которые боялись послѣвоенных солдатских мечтаній о землѣ. Им улыбался мир и союз с Германіей: нити этой группы через Стокгольм тянулись в Берлин.

свиданія в Стокгольмѣ для обмѣна мнѣніями о возможныхъ условіяхъ мира. Связь стокгольмской бесѣды с аналогичными пробными шарами, которые пускала нѣмецкая агентура, можетъ быть установлена постольку, поскольку частные и офиціозные третички, выступавшіе раньше, были связаны одной опредѣленной цѣлью или директивой. Что каждый изъ нихъ выдвигалъ в закулисныхъ разговорахъ с отдѣльными лицами, мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ. Отсюда родились разнорѣчія, привести которыхъ къ единству нѣтъ возможности — вплоть до того, что нельзя установить в точности, какой Варбургъ присутствовалъ в салонѣ четы Поляк. Противорѣчитъ самъ себѣ Неклюдовъ, фантазируетъ Протопоповъ, путаетъ Олсуфьевъ, неясно излагаетъ Поляк и т. д. Повидимому, это былъ в дѣйствительности только брат знаменитаго гамбургскаго банкира. Состоялъ ли онъ в какихъ-либо официальныхъ отношеніяхъ с Германской миссіей в Стокгольмѣ, хотя бы в качествѣ ея финансоваго агента, такъ и остается неяснымъ.

**

Что же было сказано в салонѣ “Гранд-отеля”? Неклюдовъ довольно точно предупредилъ характеръ возможнаго обмѣна мнѣній. Вотъ какъ бесѣда была изложена на докладѣ Протопопова в Москвѣ: “Наша бесѣда с Варбургомъ, — разсказывалъ Протопоповъ, — началась его заявленіемъ, что моя статья, помѣщенная в англійскихъ газетахъ о томъ, что державы Согласія приобрѣли новаго и мощнаго союзника в лицѣ недостатка провіанта в Германіи, не соответствуетъ истинѣ... Далѣе Варбургъ доказывалъ, что дальнѣйшее продолженіе и развитіе войны безцѣльно... такъ какъ общія очертанія пограничныхъ линій останутся... в томъ видѣ, в какомъ они находятся в данное время. Эту мировую войну сдѣлала Англія... Дружба с Англіей невыгодна Россіи. Англія вела лживую политику и обманывала своихъ союзниковъ. Дружба с Германіей дала бы Россіи больше, чѣмъ союзъ с Англіей”. На замѣчаніе Протопопова, что Россія имѣетъ “полное основаніе надѣяться, что Англія... свято выполнитъ все то, что она должна сдѣлать по отношенію къ своимъ союзникамъ”, что “миръ с Германіей” до сихъ поръ обходился Россіи “слишкомъ дорого”, Варбургъ “продолжалъ настаивать на безцѣльности дальнѣйшей войны и указывалъ, что обвиненія Германіи в завоевательскихъ стремленіяхъ ошибочны... Нѣмцы совѣтъ не желаютъ новыхъ приобретеній. Они хотятъ только справедливаго исправленія границъ. Курляндія должна принадлежать Германіи, да она и не нужна Россіи, она ей чужда по національности, языку и вѣрѣ, и всѣ стремленія ея обитателей склоняются в сторону Германіи... На мой вопросъ: “а какъ же латыши?” Варбургъ замѣтилъ, что... это мелочь. Польша... должна составлять особое государство, и починъ вашего Государя в этомъ отношеніи, какъ нельзя больше, соответствуетъ и гуманнымъ началамъ и пожеланіямъ польскаго народа... На мой вопросъ: “какая же должна быть граница Польши, географическая или этнографическая?” Варбургъ отвѣтилъ: “конечно, этнографическая”. Мнѣ пришлось напомнить Варбургу про раздѣлъ Польши... в составъ этого будущаго государства должна войти и часть Польши, отпавшая по раздѣлу Германіи. На это Варбургъ возразилъ, что в Германіи нѣтъ поляковъ. Поляки только в Россіи и Австріи, а в Германіи каждый полякъ по національности

и по убѣжденіямъ — такой же нѣмец, какъ онъ — если не больше. Что касается нашихъ французскихъ владѣній — Эльзаса и Лотарингіи, то Германія сознаетъ допущенную ею послѣ франко-прусской войны крупнѣйшую политическую ошибку. Лотарингія могла бы быть возвращена Франціи... Бельгію намъ очень жаль... На анексію Бельгіи Германія не покушается, и Бельгію она согласна возстановить при условіи обезпеченія границъ Германіи... Противъ посягательствъ Россіи на захватъ Галиціи, Буковины и проливовъ, если союзникамъ удастся ими завладѣть, Германія ничего не имѣетъ, лишь твердо стоитъ на неизблемости (?) границъ на западѣ Россіи и в такомъ видѣ, какъ онѣ опредѣлились в данное время...

В разговоръ вмѣшался Ашберг*), который замѣтилъ, что наша бесѣда производитъ на него странное впечатлѣніе. Говорятъ подданные двухъ враждебныхъ державъ и представитель державы, считающей себя побѣдительницей и, дѣйствительно, занявшей у противника значительную территорію, все время говоритъ о необходимости немедленнаго мира, тогда какъ представитель другой державы за все время разговора о мирѣ ни однимъ словомъ не обмолвился". На замѣчаніе Ашберга Варбургъ отвѣтилъ сравненіемъ с двумя игроками, играющими в карты, причемъ проигравшій проситъ продолжать игру. Я отвѣтилъ на это сравненіе Варбурга слѣдующими словами: "Ваша исторія очень назидательна, но мы, русскіе, не имѣемъ ни мужества, ни желанія сравнивать поле чести, обогрѣнное человѣческой кровью, с зеленымъ столомъ", а затѣмъ всталъ и началъ прощаться. Варбургъ былъ, видимо, очень смущенъ моимъ намѣреніемъ уходить и просилъ меня остаться, доказывая, что наша бесѣда далеко еще не окончена. На это я сказалъ, что наша бесѣда не имѣла и не могла имѣть никакой опредѣленной программы; слѣдовательно ея окончаніе зависитъ отъ насъ самихъ. Мы нужко собираться и уѣзжать изъ Стокгольма и поэтому окончимъ бесѣду и простимся".

В общемъ Олсуфьевъ подтвердилъ разсказъ Протопопова, спровергая лишь детали. Онъ утверждалъ, что Варбургъ успѣлъ коснуться лишь "слегка условій мира, приемлемыхъ для Германіи". Онъ не могъ припомнить, чтобы Варбургъ конкретно говорилъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи, Курляндіи, Галиціи и Буковинѣ. Олсуфьевъ не допускалъ мысли, что все это могло улетучиться изъ его памяти**). Протопоповскій оппонентъ подтверждалъ, что "пришлось прервать бесѣду такъ сказать на полусловѣ", такъ какъ "часъ отхода поѣзда приближался, и мы стали поглядывать на часы".

Итакъ, Варбургъ ничего в сущности новаго по сравненію с тѣмъ, что говорили прежніе информаторы, не сказалъ, и стокгольмская бесѣда, названная Олсуфьевымъ впоследствии в Гос. Совѣтѣ "водевилемъ", ни на іоту конкретно не приблизила разсмотрѣніе условій мира. Протопоповъ имѣлъ полное право сказать в муравьевской Комиссіи про сток-

*) Кто здѣсь фигурируетъ? По смыслу рѣчи должно было выступать «нейтральное» лицо.

***) Какъ было указано, Олсуфьевъ писалъ черезъ полгода, оговоривъ, правда, что онъ имѣлъ «счастливую возможность свѣрить свои воспоминанія с тѣмъ, что помнитъ о нашей бесѣдѣ свидѣтели». Этими свидѣтелями, очевидно, были супруги Поляк. Самъ Полякъ свидѣтельствуетъ, что онъ принималъ непосредственное участіе в составленіи письма, которое должно было быть опубликовано и за его подписью. В своемъ отрицаніи Полякъ шелъ еще дальше — онъ говорилъ, что при свиданіи в Стокгольмѣ, вообще ничего не говорилось о мирѣ...

гольмскій эпизод: “серьезнаго тут нѣтъ и большого тут нѣтъ”. Есть интересное событіе*) У современников мемуаристов осталось впечатлѣніе, что стокгольмскую исторію “замазали”, как выразилась Гиппиус**). В историческом аспектѣ можно сказать, употребляя аналогичную терминологию, скорѣе противоположное: стокгольмскій эпизод был размазан. Во всяком случаѣ Протопопов из свиданія своего с Варбургом не пытался дѣлать “секрета”, который был разоблачен помимо его воли, как это утверждаетъ совѣтскій историк Покровскій.

II. НАЗНАЧЕНІЕ ПРОТОПОПОВА.

В показаніях Чр. Сл. Ком. Милюков должен был признаться, что первоначально и он смотрѣлъ на стокгольмское свиданіе, как на “случайный эпизод” — Протопопов пошел на него просто для того, чтобы “получить интересное впечатлѣніе туриста”. Потом Протопопов сдѣлал из этой бесѣды “ступень къ своему восхожденію”. К этому утвержденію слѣдует внести существенный корректив для того, чтобы получить болѣе или менѣе объективную картину.

Нѣтъ основаній не вѣрить разсказу Протопопова в Чр. Сл. Ком. о тѣх обстоятельствах, которые сопровождали его представленіе Царю послѣ заграничной поѣздки: “когда я вернулся из-за границы, то тогда я видѣлъ тогдашняго министра ин. дѣл Сазонова, которому я разсказал всѣ тѣ замѣчательныя происшествія, которыя были с нами за границей, затѣм я был оставлен, по просьбѣ Барка, в Лондонѣ, что заставило меня отстать от моихъ товарищей, по поводу русскаго займа. Затѣм я там же разсказал по поводу моей встрѣчи в Стокгольмѣ с г. Варбургом. Весь мой разсказ показался интереснымъ Сазонову и он сказал, что было бы важно все это подробно разсказать Государю, и затѣм, когда он поѣхал в Ставку, Сазоновъ написалъ мнѣ письмо о том, что Государь желаетъ меня видѣть. Числа он мнѣ не назначил и рекомендовалъ мнѣ обратиться къ Нератову, къ своему товарищу, котораго он оставилъ вмѣсто себя. В это время он уѣхал в Финляндію, оказалось, вмѣсто него назначенъ Штурмер. Черезъ нѣкоторое время Штурмеръ мнѣ сказал, что Государь меня вызываетъ в Ставку...” Когда Неклюдовъ былъ в августѣ в Петербургѣ, он обмѣнялся мнѣніемъ по поводу стокгольмскаго свиданія с Сазоновым, и тот засвидѣтельствовал, что Протопоповъ все ему разсказал, и что этот эпизод не встрѣтилъ с его стороны абсолютно никакихъ возраженій. По словамъ Сазонова, он, со своей стороны, очень совѣтовалъ Царю выслушать туристическія впечатлѣнія Протопопова***).

Очевидно, указаніе Белецкаго, что пріемъ у Царя Протопопова устроенъ исключительно Штурмеромъ подъ вліяніемъ Манасевича-Мануйлова, къ которому обратился Протопоповъ, что придавало пріему специфическій смысл, должно быть отброшено. Равнымъ образомъ надлежитъ от-

*) Штурмеръ высказался еще категоричнѣе, упомянувъ, что Протопоповъ самъ разсказывалъ «чувшъ эту про исторію шведскую».

**) Белецкій даже утверждалъ, что глава политическаго розыска за границей, Красильниковъ стремился затушевать стокгольмское свиданіе раскрытіемъ шпионской организаціи в Швейцаріи.

***) Родзянко говоритъ, что Протопоповъ вообще былъ с Сазоновымъ в «особо хорошихъ отношеніяхъ».

вергнуть и запротоколированный Чр. Сл. Ком. рассказ Шингарева о том, что на позднѣйшій его вопрос Протопопову, что ему сказал Сазонов, Протопопов отвѣтил “будто бы Сазонов сказал, чтобы он сам передал, так как не рѣшается передать этого (т. е. содержанія стокгольмской бесѣды) Государю”. Шингарев в свое время или не повял Протопопова, или забыл под влияніем послѣдующаго. Сам Протопопов в комиссіи добавлял: “Я был вызван в Ставку для того, чтобы рассказать, как я был за границей, что там было замѣчательнаго. Я думаю, что о нашей поѣздкѣ постѣ писали. Вѣроятно, это и послужило поводом — по крайней мѣрѣ, это было сказано в письмѣ Сазонова”... Слѣдовательно, Протопопов подчеркивал, что он попал к Царю для доклада о всѣх своих впечатлѣніях, а не только о стокгольмском эпизодѣ. Аудіенція была довольно естественна в виду впечатлѣнія, которое произвела на западно-европейское общественное мнѣніе русская делегация*).

В період обостренной вражды к Протопопову его политическіе противники теряли, как почти всегда бывает в жизни, критерій справедливости в отношеніи к прошлому. Милоков в показаніях Чр. Сл. Ком. говорил, что Протопопов был “навязан” в качествѣ предсѣдателя заграничной экспедиціи, так как Родзянко не поѣхал (этому противился Царь, по словам Родзянко), а нужен был официальный представитель Думы, а руководителем делегации таким образом сдѣлался человек — “случайно попавшій в тов. предсѣдателя Думы — просто за отсутствіем других кандидатов”**). “Это слишком бытовой тип обанкротившагося дворянина”, — показывает Милоков. — “к европейской средѣ он не подходил. Приходилось примѣнять чрезвычайныя мѣры, чтобы удержать его на высотѣ положенія. Надо сказать, что он был довольно послушен, в этом отношеніи на него жаловаться было нельзя”. “В общем”, — снисходительно пояснял свидѣтель, — “все-таки он вел линию болѣе или менѣе приличную”. Родзянко, пытавшійся по отношенію к Протопопову, котораго он рекомендовал в качествѣ своего захѣтителя, сохранить безпристрастіе и в показаніях и в воспоминаніях, ссылаясь на отзыв самого Милокова по возвращеніи его в Россію, говорил, что Протопопов “как глава делегации держал себя умно и тактично” и очаровал “общественных и политических дѣяте-

*) Белецкій говорил, что в этой поѣздкѣ имя Протопопова было искусственно лансировано благодаря стараніям Гурлянда, директора распорядителя офнц. телеграфным агентством, с которым Протопопов имѣл «непрерывныя сношенія». В газетных сообщеніях того времени такого спеціальнаго выдвигенія имени Протопопова не видно. Правда, лансировал Протопопова итальянскій корреспондент «Русскаго Слова» Амфитеатров, в довольно повышенных тонах изображавшій, напримѣр, 28 іюня встрѣчу, которая оказана была итальянским обществом предсѣдателю парламентской делегации. Протопопов «буквально очаровал римское общество всѣх его классов» — «рѣдко я видѣл человека, котораго в Римѣ полюбили так быстро и так серьезно». Преувеличенная восторженность Амфитеатрова может быть и объяснялась приглашеніем его к руководящему участию в проектированной Протопоповым газетѣ... Это характеризует, однако, гораздо больше писательское кредо одного из «королей» русскаго фельетона, нежели потаенныя мысли будущаго министра.

**) Родзянко объяснял, это удивительной «ловкостью», с которой Протопопов умѣл скрывать свою «фальшь».

лей за границей” *). Может быть, это нѣсколько и преувеличено. Во всяком случаѣ Шингарев, не слишком восторгался личностью Протопопова (“человѣкъ, какъ человѣкъ”) и считавшій, какъ врачъ, впоследствии, что у Протопопова “въ головѣ не ладно” было, засвидѣтельствовавъ, что поѣздка до известной степени сблизила членовъ миссіи, и что отношеніе с Протопоповымъ за границей было “чрезвычайно дружжелюбное”. Самъ Милюковъ въ засѣданіи 19 октября въ квартирѣ Родзянко говорилъ, что “долженъ признать, что у насъ с А. Д. Протопоповымъ установились, дѣйствительно, дружескія отношенія во время нашей общей поѣздки”. Этому не мѣшали ни выступленія Протопопова въ защиту Сухомлинова, ни статья его о монархіи, появившаяся въ Morning Post и впоследствии ему инкриминируемая**). Отношеніе, надо считать, было не только “дружелюбное”, но и полное довѣрія къ политическому такту “навязаннаго” предсѣдателя, ибо делегація уѣхала, оставивъ Протопопова въ Лондонѣ для содѣйствія министру финансовъ по переговорамъ о займѣ (думали, что онъ сумѣетъ устроить намъ “хорошія отношенія”).

Императоръ принялъ Протопопова въ присутствіи Алексѣева не 3-го іюля, какъ “хорошо” помнилъ придворный исторіографъ ген. Дубенскій (т. е. тогчас, какъ только нога Протопопова вступила на почву сѣверной столицы), а 19 іюля. Женѣ Царя очень кратко передалъ свое впечатлѣніе: “Вчера я видѣлъ человѣка, который мнѣ очень понравился — Протопопова, тов. пред. Гос. Думы; онъ ѣздитъ за границу съ другими членами Думы и рассказывалъ мнѣ много интереснаго. Онъ — бывшій офицеръ конно-гвардейскаго полка, и Максимовичъ хорошо его знает...” А. Ф. опять никакъ не реагировала на сообщеніе мужа.

В Чр. Сл. Ком. Протопопову не удалось подробно рассказать о свиданіи с Царемъ, такъ какъ его предсѣдатель прервалъ, найдя, что онъ говоритъ о “мелкихъ моментахъ”, “скользитъ по поверхности” въ то время, какъ комиссію интересуютъ “вліянія”, которыя привели Протопопова къ власти, — и Протопоповъ, къ сожалѣнію, перешелъ поэтому къ разказу

*) Это утвержденіе (его можно найти и у Маклакова) мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности и заимствовано скорѣе изъ побасенокъ Пуришкевича, опредѣлявшаго значеніе избранія Протопопова словами: «на безрыбѣ и ракъ голова». Родзянко въ показаніяхъ подчеркнул, что Протопоповъ въ тов. пред. Думы былъ избранъ «с привѣтствіемъ и съ лѣвой стороны Гос. Думы». В газетѣ «День» можно было найти и объясненіе, почему «лѣвые» привѣтствовали Пр-ва — человѣка корректнаго, «умѣреннаго либеральныхъ взглядовъ», онъ не боялся открыто быть конституціоналистомъ и въ 3-й Думѣ пользовался «симпатіей оппозиціи и ненавистью правыхъ». Антисемитизмъ всегда былъ въ Россіи лакмусовой бумажкой для испытанія прогрессивности образа мыслей — въ 3-й Гос. Думѣ Протопоповъ высказывался за отмену черты осѣдлости. Передъ избраніемъ на постъ тов. предс. Думы Протопоповъ былъ избранъ предсѣдателемъ военно-морской комиссіи.

***) В собраніи 19 окт., желая разъяснить «двусмысленность» позиціи Протопопова, Милюковъ говорилъ: «вы за границей... говорили, что вы «монархистъ», но тамъ я не обратилъ вниманія на это заявленіе; мы всѣ здѣсь монархисты и слѣдовательно казалось, что нѣтъ надобности это подчеркивать. Но когда здѣсь выскочило это мѣсто изъ вашихъ заграничныхъ рѣчей и стали восхвалять васъ, какъ «монархиста» въ такихъ газетахъ, какъ «Русское Знамя» и «Земщина», тогда я задаюсь вопросом... въ какомъ смыслѣ вы «монархистъ»... въ смыслѣ «неограниченной монархіи» или же вы остались сторонникомъ конституціонной монархіи?.. Но тогда зачѣмъ было подчеркивать свой монархизмъ?».

о Бадмаевѣ, Распутинѣ и т. д. Протопопов начал рассказывать, что Государь был очень ласков с ним, что у него был "долгий разговор" "в теченіе дня три раза, и затѣм вечером послѣ обѣда он мнѣ сказал: "А теперь мы поговорим". Я ему подробно говорил о еврейском вопросѣ". Тут и прерван был Протопопов. Между тѣм одно уже упоминаніе о том, что в Ставкѣ Протопопов заговорил об "еврейском вопросѣ", имѣет большое значеніе. Оно прежде всего показывает, что разговор выходил далеко за предѣлы темы, дебатировавшейся в стокгольмском "Гранд-отелѣ"...

Этот "еврейскій вопрос" нѣсколько неожиданно как бы всплывшій при первой бесѣдѣ с Царем, оказывается непосредственно связанным с выступленіем парламентской делегаціи за границей. Родзянко показывал в Чр. Сл. Ком., что Протопопов перед поѣздкой в Ставку совѣтовался с ним*), и председатель Думы поставил ему условіем, что он в докладѣ должен "напирать на значеніе, которое имѣет поѣздка для Гос. Думы" и должен постараться "укрѣпить Императора на той почвѣ, что без Думы нельзя ничего дѣлать". Протопопов это "условіе" принял. Рассказывая о заграничной поѣздкѣ Протопопов и должен был упомянуть об "еврейском вопросѣ", который безпокоит западно-европейское общественное мнѣніе, так как отсутствіе элементарнаго равноправія в Россіи вліяло на отношеніе к войнѣ Америки, ставившей себѣ официально как бы освободительныя задачи**). Протопопов говорил, что ему приходилось в Лондонѣ бесѣдовать с послем Бенкендорфом, который являлся горячим поборником равноправія народностей. Милюков сообщил в показаніях такую деталь, отмѣчая "неожиданный радикализм", проявленный депутатом-"октябристом", правда, бывшим тогда в таком настроеніи, что "День" называл его одним из "столпов прогрессивнаго блока"... Протопопов за границей "давал гораздо больше обѣщаній, чѣм мог дать в качествѣ октябриста, так как давал их не только от своего имени, и выходило, что мы гораздо болѣе могущественны, чѣм были в дѣйствительности, и это могло вызвать у иностранцев напрасныя иллюзіи. Я помню, напримѣр, как на обѣдѣ у Ротшильда он обѣщал равноправіе евреям. Он тогда все-таки понялъ, что поставил себя в довольно отвѣтственное положеніе и на другой день придумал соотвѣтственно выход и говорил, что надо предварительно убѣдить Царя, и тогда Дума даст равноправіе"***). 19 іюля в Ставкѣ Протопопов, повидимому, и дѣлал попытку "убѣдить Царя" в соотвѣтствіи с позиціей, занятой им за границей. Такое объясненіе будет логичнѣй попытки свести исключительно все к "по-

*) Этот разговор в стенограммѣ изложен не совсѣм вразумительно. Выходит, что Протопопов сам хотѣлъ попытаться «туда попасть» закусительным пріемом. Родзянко: «Я вам не позволю», если «легальным путем», «тогда пожалуйте».

**) Припомним пренія в Совѣтѣ министров, происходившія за год перед тѣм; даже Хвостов Алексѣй и его нимфа Эгерія Белецкій позже должны были задумываться над этим вопросом с точки зрѣнія связанности его с заграничным кредитом.

***) Шингарев утверждал, что на обѣдѣ у Ротшильда, к которому для бесѣды по еврейскому вопросу должны были поѣхать Милюков, он и Протопопов, послѣдній не был... Протопопов заболѣлъ — у него произошел какой-то нервный шок. «Я иногда соскакиваю» — выразился Пр. в разговорѣ с Шингаревым.

литической безпринципности”, как это сдѣлал, напр., в показаніях Белецкій, назвавшій неврастеническаго политика Протопопова “двуликим Янусом” и подчеркивавшій, что Протопопов, в качествѣ уже министра вн. д. сдѣлался сторонником “еврейскаго равноправія” лишь в силу “обостренія к нему со стороны общественных теченій, предполагага... этим путем возстановить подорванное к себѣ до-вѣріе” *).

Бесѣда с Царем не имѣла никаких непосредственных результатов на измѣненіе общественнаго положенія Протопопова. Родзянко, неволью подчинившись ходившей молвѣ, спутал хронологію, показывая в Чр. Сл. Ком., что тогда же в Ставкѣ Протопопову был предложен пост министра вн. д. Та же позднѣйшая молва побудила Милюкова утверждать, что именно из Стокгольмскаго свиданія Протопопов сдѣлал ступень для своего административнаго восхожденія. Никаких реальных данных у свидѣтеля не было. Милюков говорил, что Протопопов и с ним совѣтовался перед поѣздкой в Ставку. Тогда он “испугался”, как бы варбургское “предложеніе не было принято серьезно”, и убѣждал Протопопова “не приписывать особаго значенія и смотрѣть на него, как на случайный эпизод туриста и в этой формѣ изложить. *Потом я убедился*, что он сдѣлал как раз обратное, придал этому очень большое значеніе и этим выиграл во мнѣніи Государя”. Другой министр Временнаго Правительства, в своем историческом обзорѣни русской революціи, столь же категорически подтверждал: “Свиданіе с Варбургом расчистило для Протопопова карьеру и сдѣлало его министрабельным, но главное оно обезпечило Протопопову благоволеніе Распутина и Императрицы”. Если первый революціонный министр повторял ходячую молву, то второй (Чернов), как мы могли видѣть, без критики присоединялся лишь к совершенно необослованным позднѣйшим выводам совѣтскаго историка. Семенников свои выводы, впрочем, всегда сопровождает нѣкоторыми оговорками: “хронологическая близость стокгольмскаго свиданія с назначеніем Штюрмера (министром ин. дѣл), позволяет думать, что оба эти мо-

*) В Чр. Сл. Ком. Протопопов показывал: «С еврейским вопросом он (Царь) согласился очень легко, как только я стал на точку зрѣнія Гос. Думы». Это означает, что Николай II, не желая брать на себя «инициативу», не возражал против еврейскаго вопроса через Гос. Думу (еще в декабрѣ 1906 г. в письмѣ к Столыпину Царь высказывался отрицательно к такой монаршей инициативѣ — «денно и ночью я мыслил и раздумывал о нем»). Получился своего рода заколдованный круг. Мы видѣли, как ставился в этом отношеніи вопрос в 15 г. в Совѣтъ министров. Так же ставился он фактически и в 16 г. Вернувшись из заграничной поѣздки с парламентской делегацией, Милюков настаивал на необходимости измѣнить еврейскую политику не только во имя «справедливости», но и для того, чтобы «с приличным лицом явиться перед глазами... союзников» (Милюков приводил заявленіе «руководителя» нью-іорскаго финансоваго мира Шиффа, что «если, что-нибудь будет сдѣлано для русских евреев, то сейчас же американскій капитал пойдет в Россію для займа»). Но рѣчь шла все же об устраниеніи «правительственнаго антисемитизма», т. е., об измѣненіи текущей правительственной политики, а не о законодательном рѣшеніи еврейскаго вопроса. Представители общественности (равно и еврейской) боялись поставить вопрос во всей его полнотѣ в Гос. Думѣ — марки равноправія явно не выдержал бы объединенный «прогрессивный» блок. Найти достойный выход из тупика при таких условіях было трудно. Вопрос психологически был

мента стоят в логической связи”; надо думать, что Распутин и А. Ф. “сразу” же были осведомлены “о разговорѣ с Варбургом” (автор видит в поѣздкѣ А. Ф. в Ставку и в настояніях ея на “пріостановкѣ брусиловскаго наступленія” совершенно “особый смысл”. Несостоятельность послѣдняго заключенія на основаніи фактов была уже показана).

Всѣ подобныя выводы диктовала лишь изслѣдовательская тенденціозность — желаніе доказать *ad hoc* установленную тезу. Трудно, конечно, отыскать первоисточник стоустой молвы. Не был ли ея творцом преданный престолу монархист Шульгин? Поистинѣ “загадочный” намек сдѣлал он в своем “Кіевянинѣ” 19 сентября, т. е. уже послѣ назначенія Протопопова министром. Шульгин писал, что у Протопопова “было достаточно причин согласиться на бесѣду в Стокгольмѣ, в особенности потому, что лица, с которыми Протопопову нельзя было не считаться, совѣтовали ему, осведомленія ради, выслушать таинственнаго дипломата”. Кто же “внушил Варбургу увѣренность в том, что его выслушают”, и кто посоветовал Протопопову “тайно вступить в переговоры”? У Заславскаго, приведшаго слова Шульгина в характеристикѣ Протопопова, нашлось немедленное объясненіе: в кружкѣ Бадмаева Протопопов “был, вѣроятно, откровеннѣе”. Там о свиданіи в Стокгольмѣ “знали больше, чѣм в Гос. Думѣ”. Послѣ доклада в Ставкѣ Протопопов узнал, что “им довольны в Царском Селѣ, что он оправдал довѣріе и надежды”^{*}). Юсупов, женатый на племянницѣ Царя, в своих выступленіях во французской печати (*Deutsche* 7 августа 36 г.), пошел еще дальше и осведомил иностраннаго читателя, что Протопопов был послан в Стокгольм под вліяніем Распутина самой А. Ф.!!

**

Между свиданіем в Ставкѣ и назначеніем Протопопова управляющим министерством вн. д. прошло почти два мѣсяца. За это время Распутин и Императрица, — утверждает Чернов, — ведут в пользу Протопопова “долгую” и настойчивую кампанію, настолько таинственную, что в перепискѣ всѣх трех(?) Протопопову дается конспиративная кличка “Калинин”. Такая словесная формулировка не соответствует ни существу, ни хронологіи фактов. В письмах Царя “Калинин” встрѣчается один или два раза в видѣ прямого отклика на письма

значительно сложнѣе, нежели это представляется иностранному изслѣдователю, проф. Персу, который поставил в заслугу Распутину то, что он сумѣлъ добыться от монарха уничтоженія ограниченій для евреев.

^{*} У Заславскаго, одного из составителей очень хорошей работы «хроника февральской революціи» (1918 г.), с измѣненіем политической позиціи исчезла способность критическаго анализа, проявленнаго в этой работѣ. Статья, напечатанная в «Былом» (1924 г.), поскольку рѣчь идет о конкретных эпизодах, представляет сплошную хронологическую путаницу — вплоть до того, что автор спутал Неклюдова с Олсуфьевым, причем приписал им слова, «произнесенныя почти публично», которых они не произносили. Легкій анализ не оставил бы камня на камнѣ в произвольном и фантастическом построеніи памфлетиста.

жены. А. Ф. прибѣгаетъ къ этому псевдониму едва ли не впервые в письмѣ 6 декабря, т. е. в моментъ происшедшаго кризиса, когда Императоръ готовъ былъ отказаться отъ министерскихъ услугъ Протопопова. Къ этому времени относится и единственное, дошедшее до насъ письмо “Нашеѣ Друга” Царю съ упоминаніемъ о “Калининѣ”. О причинахъ, вызвавшихъ такую конспирацію, мы скажемъ ниже, — она была наивна и непослѣдовательна, ибо в одномъ и томъ же письмѣ А. Ф. перемежаетъ “Калинина” съ Протопоповымъ.

В письмахъ А. Ф. Протопоповъ впервые появляется 7 сентября. Это не значитъ, конечно, что распутинско-бадмаевскій кружокъ, еще ранѣе пропагандировавшій кандидатуру Протопопова, бездѣйствовалъ. Самъ Протопоповъ задавая въ Чр. Сл. Ком. вопросъ: хлопоталъ ли за него при Дворѣ Распутинъ, отвѣчалъ: “Вѣроятно, да, потому что онъ всегда в лицо хвалил, а во-вторыхъ, я къ нему относился такъ — вся та мерзость, что была тамъ, весь тотъ вредъ, который этотъ человекъ сдѣлалъ, я не могъ приписывать лично ему. Это — паршивый кружокъ, который его окружалъ, безобразныхъ, безнравственныхъ людей, которые искали личныхъ выгодъ, которые проводили черезъ него грязныя дѣла”. Протопоповъ, конечно, нѣсколько “лукавил” в Комиссіи*), онъ самъ толкалъ “влиятельнаго челядинца” при Дворѣ для осуществленія своихъ “честолубивыхъ замысловъ”. В этомъ отношеніи онъ оказался человѣкомъ эластичнымъ. По собственному признанію в другомъ мѣстѣ своего показанія, онъ использовалъ “челядинца”, состоявшаго одновременно при Штурмерѣ и Распутинѣ — Манасевича-Мануйлова: этому онъ послалъ по совѣту Гакебуша (Горѣлова эпохи войны) аванс в 3.000 руб., какъ будущему сотруднику газеты, а потомъ и лично побѣдилъ, желая узнать о предстоящихъ перемѣнахъ в кабинетѣ министров**).

Эта закулисная кухня отъ насъ сокрыта до того момента, какъ А. Ф. 7 сентября написала мужу по поводу намѣчавшагося ухода с поста

*) Лично в отношеніи къ Распутину, можетъ быть, онъ былъ вполне искрененъ. Для мистическаго настроенія довольно неуравновѣшеннаго человѣка, повидимому, искренне вѣровавшаго в силу всякаго рода хиромантовъ, гипнотизеровъ, маговъ и гадалщиковъ (яркую иллюстрацію представляютъ его сношенія с докторомъ. Пирреномъ — см. ниже), не такъ далекъ былъ шагъ къ вѣрѣ в таинственную силу «старца» с «проницательными глазами», хотя и «не в полномъ разсудкѣ». Эта мистика могла быть связана с вѣрой в чудодѣйственность Бадмаева, который привелъ Распутина къ прикованному къ постели Протопопову — «шесть мѣсяцевъ лежалъ».

**) По словамъ Белецкаго, в августѣ, пользуясь служебнымъ выѣздомъ, кн. Шаховскаго для обзора кавказскихъ минеральныхъ водъ, Протопоповъ выставилъ свою кандидатуру на постъ министра торговли и пром. и безспорно получилъ бы это назначеніе, если бы предупреденный объ этомъ кн. Шаховскою не прервалъ свою служебную командировку и не послѣдилъ вернуться в Петроградъ, гдѣ сумѣлъ разрушить планъ Протопопова, какъ при посредствѣ «Новаго Времени», выступившаго на его защиту, такъ и использовавъ свои связи не только с Распутинимъ, но и съ противоположнымъ... лагеремъ, гдѣ имѣлъ сильную поддержку в лицѣ флаг-адмирала Нилова (противника Распутина). Къ утвержденіямъ Белецкаго о борьбѣ двухъ протѣжѣ Распутина приходится относиться съ осторожностью. Закулисные августовскіе планы Протопопова смѣнить собой Шаховскаго до верховъ не дошли, что опредѣленно выступаетъ в царской перепискѣ. Отмѣчаемъ показанія Белецкаго, какъ противоположное утвержденіе, что Протопоповъ сразу былъ намѣченъ министромъ вн. дѣлъ, послѣ своего представленія в Ставкѣ (см., напр., воспоминанія директора департамента полиціи Васильева).

министра в. д. Хвостова-дяди*). "...Штюрмер хочет предложить на пост министра вн. д. кн. Оболенскаго из Курска-Харькова (перед тѣм он был в старой Ставкѣ у Николаши)... Но Гр. убѣдительно просит назначить на этот пост Протопопова. Ты знаешь его, и он произвел на тебя хорошее впечатлѣніе — он член Думы (пе лѣвый), а потому

*) Отставку Хвостова связывали с попытками освобожденія Штюрмером «измѣнника» Сухомлинова (что было в дѣйствительности, см. главу о муравьевской коммисіи в III части нашей работы). На засѣданіи 19 октября в кв. Родзянко Милюков прямо бросил упрек Протопопову: «В ваше назначеніе освобожден (?) другой предатель Сухомлинов, и вы заняли мѣсто человѣка, который удален за то, что не захотѣл этого сдѣлать. (Белецкій в показаніях не столько утверждал, сколько предполагал — «я думаю» — что на назначеніе Протопопова повліяло его отношеніе к Сухомлинову: «не вѣря виновности Сухомлинова», он пытался разсвѣтъ «предубѣжденія» правительственных кругов Франціи и Англии против б. военнаго министра во время заграничной поѣздки и «не мог не коснуться в докладѣ Государю этого обстоятельства, выгодно отгнѣявшаго в глазах Государя его позицію»). Если представляется вѣроятным переход Хвостова старшаго с поста министра юстиціи на пост министра вн. д. под вліяніем извѣстной интриги («упорство» его по нѣкоторым дѣлам, по выраженію самого Хвостова, порождало желаніе «выкинуть» его из министерства юстиціи — здѣсь было дѣло не только Сухомлинова, но и быв. петербургскаго градоправителя Драчевскаго, котораго отстанвала вдовствующая Императрица), то представляется уже трудным связать эту версію с оставленіем Хвостова на должности мин. вн. д. Причина лежит в данном случаѣ в другой плоскости — в прямой настоячивости с упорой Хвостов отстанвал сохраненіе обязанностей директора деп. полиціи за ген. Климовичем, который вызывал возраженіе со стороны предсѣдателя Совѣта министров.

В свое время в період хвостовско-ржевской эпопеи, волновавшей царскую семью, Штюрмер был назначен министром вн. дѣл до тѣх пор «пока все не войдет в свою колею» (показанія Белецкаго). В обстановкѣ растерянности другого кандидата не было — Распутин будто бы отозвался: Шегловитов — «разбойник», Крыжановскій — «плут»; Белецкій — «навѣрное убил бы» (слова Манасевича-Мануйлова). При назначеніи Штюрмера министром ин. д. открылась вакансія для руководителя внутренней политикой (идея «диктатуръ», т. е., сосредоточія внѣшней политики и внутренней в одних руках, как мы видѣли, была чужда верхам) — им был назначен неожиданно для себя Хвостов и столь же неожиданно для самого премьера. Последнее утверждал в Чр. Сл. Ком. всевѣдущій Белецкій, бывший в то время не у дѣл и всѣ свѣдѣнія свои о закулисных ходах черпавшій из посторонней информаций. В данном случаѣ Хвостов в Чр. Сл. Ком. опроверг освѣдомленность Белецкаго. Перемѣненіе произошло по инициативѣ Штюрмера, как послѣдній сам сообщил Хвостову. Неподготовленный к таким обязанностям, Хвостов вознегодовал: «Как же вы смѣли поднести мнѣ такую пакость, не сказавши ни одного слова». «Я сказал ему — продолжал Хвостов — что хорошо понимаю, что он хочет выжить меня из состава кабинета, чего он и достиг, потому что я не приму это мѣсто... В тот же вечер я написал Е. В., что ...я умоляю... сжалиться надо мной... и не налагать бремени выше моих сил и способностей». Хвостову все же пришлось уступить. Царь ему сказал, что не может его «оставить на прежнем посту». Как homo novus в вѣдомствѣ вн. дѣл, Хвостов ухватился за авторитет спеца в дѣлах департамента полиціи Климовича, считая его «человѣком порядочным и знающим». Между тѣм Штюрмер требовал «субрать Климовича» (путем назначенія в Сенат) еще в бытность Хвостова дяди министром юстиціи. Вслѣдствіе тогдашняго доклада Хвостова «выгнать Климовича» Штюрмеру «не удалось». Враждебное отношеніе к Климовичу, (довольно прославленному дѣятелю политическаго сьска с очень «плохой репутацией» — по отзыву в Чр. Сл. Ком. московскаго городского головы Челнокова — Климовича, б. моск. градоначальник Рейнбот обвинял в соучастіи в убійствѣ депутата первой Думы Юлоса, и это обвиненіе настойчиво поддерживал Бурцев) объясняется тѣм, что Штюрмер знал, конечно, подкадку, почему его предшественник

будет знать, как с кѣм себя держать. Эти мерзкіе люди собрались и настаивали, чтобы Родзянко отправился к тебѣ и просил смѣнить всѣх министров и назначить их кандидатов — дерзкіе скоты. Мнѣ кажется, что ты не мог бы ничего сдѣлать лучше, как назначив его. Бѣдный Орлов*) был его большим другом — я думаю, что Максимович должен хорошо его знать. Уже по крайній мѣрѣ 4 года, как он знает и любит нашего Друга, а это многое говорит в пользу человѣка. Оболенскій же, навѣрное, опять из той же клики. Я не знаю его, но вѣрю в мудрость и руководство нашего Друга". "Пожалуйста, — добавляла А. Ф. к письму 9 сентября, — назначь Протопопова министром вн. дѣл, так как он член Думы, то это произведет на них большое впечатлѣніе и закроет им рты". "Мнѣ кажется, — отвѣчал Царь, — что этот Протопопов — хорошій человѣкъ... Родзянко уже давно предлагал его на должность министра торговли вмѣсто Шаховского. Я должен обдумать этот вопрос, так как он застывает меня совершенно врасплох. Мнѣнія нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь, — поэтому нужно быть осторожным, особенно при назначеніях на высокія должности... От всѣх этих перемѣн голова идет кругом. По моему онъ происходит слишком

Хвостов-племянник выдвинул Климовича. С откровенностью в Чр. Сл. Ком. «толстый» Хвостов показывал: «Мнѣ нужен был человѣкъ, который бы был враждебен Штюрмеру... Мнѣ нужно было подобрать такую компанію... Таким путем мнѣ удалось и со Штюрмером кончить» («он останется один, без департамента полиціи, без помощи»). При назначеніи Хвостова, уже старшаго, министром вн. дѣл, Штюрмер болѣе рѣшительно потребовал перевода Климовича в Сенат, на что Хвостов отвѣчал: «Я ни за что на это не соглашусь» — «с этого все и началось». «У вас есть вѣрнѣйшій способ убрать Климовича... перемѣнить министра вн. д... пока я министр вн. д., до тѣх пор Климович останется директором департамента. В августѣ Климович произвел арест официально числящагося при предсѣдателѣ Совѣта Манасевича-Мануйлова, обвиненнаго в шантажѣ (об этом двуликом шантажѣ будет рассказано ниже при характеристикѣ самого героя). Между Хвостовым и Штюрмером произошла такая сцена. Ея описывал в Чр. Сл. Ком. Хвостов: «Штюрмер ничего не знал об арестѣ Ман.-Мануйлова, когда я ему сказал, что хочу сообщить интересную вещь, которая сначала его напугает, потом, вѣроятно, обрадует: «Сейчас арестован М.-Мануйлов и арестован мертвой хваткой. Он, дѣйствительно, поблѣднѣл, потом бросился ко мнѣ на шею и начал меня благодарить и говорить, что он так доволен, что это негодяй и шантажист... Я сказал: «Я раньше вам не говорил об этом, зная, что вы робѣете перед этим именем». Может быть, Штюрмер в душѣ и рад был освободиться от опеки и наблюдения тогдашняго «ангела-хранителя» Распутина, но не мог не видѣть в дѣйствіях Климовича выступленія против него самого (припомним утверждение Белецкого, что Климович будто бы рассматривал назначеніе Штюрмера министром ин. дѣл, как начало паденія вліянія царскаго фаворита). Чтобы уволить Климовича, надлежало смѣнить министра вн. дѣл. Между Штюрмером и Хвостовым происходит такой діалог. Штюрмер спрашивает: «Мнѣ очень совѣстно, что я с вами об этом говорю, но вы ничего не будете имѣть против того, чтобы я доложил?» Хвостов: «Вы только меня обрадуете». Они оба даже вмѣстѣ обсуждали вопрос о преемникѣ, и «даже остановились на одном лицѣ»... Штюрмер возил Гесударю одного предполагаемаго преемника... «Это не был Протопопов, а другой «военный человѣкъ»... Трудно назвать закулисной интригой то, что сопровождается процитированным только что разговором. Устраненію Климовича сочувствовала Императрица. Она писала 7-го: «скверный человѣкъ, который ненавидит нашего Друга и все же ходит к нему, притворяясь и подлизываясь к нему».

*) Генерал-майор, умершій в 1898 г., — человѣкъ близкій царской семьѣ.

часто... Во всяком случае, это не очень хорошо для внутреннего состояния страны..." "Шаховского жаль увольнять, — писала А. Ф. на другой день, 10 сент., — а так как Хвостов хочет подать в отставку, Протопопов, как говорит Гр., подходящий человек, то я должна была тебе это сказать, а также и то, что кн. Оболенский опять человек враждебной клики, а не "друг". Выбор Николая II все-таки остановился на Протопопове. "Да благословит Господь Бог выбор твоею Протопопова", — писала А. Ф. 14-го, — "Наш Друг говорит, что ты этим избранием совершил акт величайшей мудрости..."

Мы видим, что А. Ф. несколько раз подчеркивала связь Протопопова с Думой. Мало разбиравшемуся в тогдашней сумятице тов. мин. вн. д-л Волконскому (он не мог, напр., понять, почему послѣ Штурмера был назначен Хвостов — "диаметральная его противоположность") казалось, что "тут" было "возвращение к тем принципам, которые существовали при кн. Щербатовѣ: общественный дѣятель, предводитель дворянства, член Гос. Думы и тов. предс. Гос. Думы". Сказать о возвращении к принципам "общественности", значит, сдѣлать слишком большое ударение на мотивах, которые, вѣроятно, были движущей пружиной. Суть в том, что человек, который "общал бытъ вѣрным" (письмо 22 сент.), в силу своего положенія сумѣет установить *modus vivendi* с ненавистной, критикующей и оппозиціонной Думой. "Наш Друг" в таком образном видѣ представил назначеніе Протопопова, посѣтившему его по выходѣ из предварительнаго заключенія Ман.-Мануйлову: "Вот пока ты там сидѣл на замкѣ, Протопопов назначен, теперь вся Россія здѣсь держится (показывает на руку)... Это я сдѣлал, вѣдь надо же и для Гос. Думы что-нибудь, надо из Гос. Думы брать. Мы ошиблись на толстопузом... потому что он также из этих дураков правых... Вот теперь мы взяли между правыми и лѣвыми".

Одно несомнѣнно: здѣсь не найдет себѣ мѣста версія, распространявшаяся в думских кругах в ряду других объясненій, что назначение Протопопова явилось результатом хитроумной "махинаціи" Штурмера содѣйствовать разложенію Думы (Капнист на засѣданіи протр. блока 3 октября).

**

Не имѣем ли мы права сдѣлать заключеніе, что новая политическая карьера Протопопова базировалась не на стокгольмской бесѣдѣ, а на той роли, которую ему пришлось играть в парламентской делегаціи? И "честолюбивые" замыслы Протопопова окончательно оформились в связи с поѣздкой за границу, но не в Стокгольмѣ, а в Лондонѣ, Парижѣ и Римѣ. Со слов Протопопова Штурмер рассказывал в Чр. Сл. Ком., что, оставшись для содѣйствія Барку в Лондонѣ, Протопопов имѣл откровенную бесѣду с лордом Греем, Протопопов жаловался, что англичане "дают плохой кредит". Грей отвѣтил: "Что же дѣлать, мы больше не можем". — "Неужели Россія лишилась кредита?" — "Россія и русскій народ имѣют безграничный кредит, кредита лишилось русское правительство". В честолюбивой, но и достаточно сумбурной головѣ русскаго дворянина-текстильщика, котораго

посол в Англии Бенкедорф назвал *imbécile*, укрѣпилась мысль о какой то провиденціальной миссиі, павшей на него*). В уноминавшемся октябрьском засѣданіи на кв. Родзянко Протопопов в каком-то истерическом припадкѣ (имѣя “вид пьянаго”) кричал: “Я чувствую, что я призван вытащить Россію из бѣд, спасти”**). Родзянко сравнивал Протопопова с “глухарем”, который “ничего не видит, не слышит”. Спасти Россію могли в представленіи Протопопова промышленники, которые должны были “руководить всей жизнью страны”. В изображеніи Родзянко это была *idée fixe*, касаясь которой, Протопопов начинал говорить “несуразныя вещи”.

Отсюда родился проект организаціи “банковской” газеты — пресловутой “Русской Воли” (начало ея было положено на съѣздѣ металлургистов в апрѣлѣ). Она должна была оказать влияніе на послѣдующих выборах в Гос. Думу, на измѣненіе в самом составѣ народнаго представительства... Во время войны газета должна была поддерживать дѣло союзников, и, как засвидѣтельствовал проф. Пере, он по связи с этой позиціей сводил Протопопова с Бьюкененом. “Русская Воля”, переименованная тотчас же нововременцами в “Прусскую Волю” (“каламбур” этот вызвал тогда протест на столбах “Русских Вѣдомостей”), доставила много неприятностей своему злостному инициатору. “Весь ужас, корень моих бѣдствій я вижу в этой газетѣ”, — сказал Протопопов в Чр. Сл. Ком. “Для меня это казалось хорошим начинаніем, а вышло, Бог знает что. На меня начали лить помой без конца”. Протопопов имѣл право сказать о “травлѣ”, которая поднялась против него. Его “заплевали”. Конечно, он был виноват сам, но, может быть, больше всего нѣкоторыя черты его характера, странная непоследовательность и неуравновѣшенность, заставлявшія говорить о его невмѣняемости: в концѣ концов он был “душевно-больной”, — подводил итог в своих показаніях Родзянко***). Если игнорировать эту сторону протопоповской психики, легко составить себѣ невѣрное представленіе о “природном актерствѣ” этого, дѣйствительно, рокового для Россіи челоуѣка, обуреваемого своего рода “маніей величія”****).

В показаніях Протопопов вспомнил слова, сказанныя ему Дорошевичем: “Вас гонят в правый угол”. “Я сказал: идет, меня не за-

*) «Несчастная мысль насчет министерства — говорил Протопопов в Чр. Сл. Ком., сам себѣ противорѣча — мнѣ приходит послѣ моей поѣздки за-границу». По предположеніям протопоповскаго шурина Носовича толчком к развитію честолюбивых замыслов неудачнаго спасителя Россіи послужило предсказаніе (в 13-14 г.), выдающейся политической карьеры, сдѣланное ему «хиромантом» Пирреном, кліентом котораго он был.

**) В показаніях эту сцену Родзянко относил к болѣе раннему моменту — однажды, когда у него «играли в карты», т. е., до назначенія Протопопова министром. Едва ли это было так. В воспоминаніях он рассказал, как будто бы, болѣе правдоподобно.

***) Грей, по словам Набокова, отыскал в своем собесѣдникѣ «что то персидское».

****) На вопрос предсѣдателя Чр. Сл. Ком., почему он так волнуется, — Протопопов отвѣтил, что он болен неврастеніей «продолбленіе черепа, это даром не проходит. На него находят «полосами», почему он лѣчился внушеніем у психіатра Бехтерева. Неврастеніей, очевидно, слѣдует объяснить исключительную говорливость Протопопова. Неклюдов вспоминает, что при свиданіи в Стокгольмѣ со шведским министром ин. д. Протопопов никому не давал говорить, А. Ф. писала 29 сент.: «он сыплет словами, как заведенная машина».

гонят, я даю честное слово". — "Вас гонят и загонят. Всегда так в России у нас дѣлается" *). "Я тогда был ужасно самоувѣренный и сказал: "Нѣтъ, не загонят". При выполнении своей миссии Протопопов пошел не по тому пути, который намѣчало большинство думской общественности, сгруппировавшейся около прогрессивнаго блока. Вот плоскость, на которой произошел конфликт. Стокгольмское свиданіе здѣсь не играло никакой роли, поэтому на засѣданіи 19 октября никто и не говорил о том, что послужило будто главной причиной привлеченія Протопопова в состав правительственнаго кабинета, говорили об "освобожденіи" "предателя" Сухомлинова, о вхожденіи в министерство Штюрмера с "опредѣленной репутацией предателя", о "слухах" об участіи Распутина в назначеніи и т. д. **).

В нашу задачу не может входить детальная характеристика политической эволюціи Протопопова, поскольку приходится выходить за предѣлы темы о подготовкѣ сепаратнаго мира. При обострившемся конфликтѣ власти и общества в силу логической неизбежности Протопопов должен был фактически оказаться на правом фронтѣ общественности — эту неизбежность Шульгин, участник бесѣды 19 октября, охарактеризовал словами, обращенными к Протопопову... "или вы мученик, если шли туда с цѣлью, чтобы что-нибудь сдѣлать при явной невозможности сдѣлать, что бы то ни было, в этой средѣ***), или вы честолюбец, если вы просто увлеклись блестящим положеніем, не скрывая от себя, что сдѣлать ничего не можете". Желая работать с Думой и встрѣчая рѣшительную оппозицію, он, в концѣ концов, пошел против Думы. Едва ли к этому толкали Протопопова эгоистическія карьерныя соображенія. В бюрократическом кабинетѣ он так или иначе оставался своеобразным представителем "общественности" — его миссія была примиряющая, и официальное телеграфное агентство успѣшило сообщить за границу, что в думских кругах назначеніе Протопопова принято сочувственно, и что послѣ этого назначенія Дума примирительно отнесется к Штюрмеру. Царь "мигъ буквально сказал: "Вы мой личный выбор", — показывал Протопопов: "даже на указѣ... было написано: "Дай Бог в добрый час". Назначеніе Протопопова, отмѣченное Штюрмером устройством у себя молебна, было столь неожиданно, что растерявшаяся общественность частично на первых по-

*) Знаменитый фельетонист, пожалуй, не так уже был неправ в опредѣленіи общественной психологій. Травля умѣреннаго Кутлера правыми загнала его в лагерь «лѣвых» — отмѣчает Витте в воспоминаніях.

***) Умолчаніе о Стокгольмѣ, конечно, нельзя объяснить тѣм, что Протопопов вступил там в бесѣду с одобренія всей парламентской делегаціи, как утверждал Троцкій в «исторіи» русской революціи: ...«либералы преслѣдовали этой развѣлкой немаловажную внутреннюю цѣль: положились на нас — намекали они Царю, и мы тебѣ устроим сепаратный мир лучше и надежнѣе Штюрмера». Не трудно установить, как попала эта фантазія на страницы повѣствованія Троцкаго. Он заимствовал это из предсмертной записки Протопопова, опубликованной в заграничном «Голосѣ Минувшаго» (№ 2) — только не из самой записки, а из предисловія Рысса к ней. Через много лѣтъ Рысс вспоминалъ, что Протопопов ему рассказывал, что бесѣда с Варбургом велась в присутствіи русскаго посла (и это повторил Троцкій) и о ней были освѣдомлены члены делегаціи. Путаница, конечно, создана автором предисловія — к сожалѣнію, редакція в свое время этого специально не оговорила.

***) По словам Протопопова, Пуришкевич, узнавъ об его назначеніи, сказал: «Зачѣм идете? Все равно вылетите через мѣсяц».

рах готова была, действительно, приветствовать такое назначение, видя в нем, с своей стороны, уступку в направлении к созданию "министерства доверия" — лозунга прогрессивного блока; покрывил душою Маклаков, когда показывал впоследствии следователю Соколову, что назначение Протопопова вызвало "неудержимый смѣх" у людей, которые его знали*). Соответствующие отклики получились и за границей. (На собраніи у Родзянко Протопопов отмѣтил, что ему присланы приветствія Греем, Дешаелем и др.).

Иллюзии быстро исчезли — лозунги были даны. Негодование руководителей блока основывалось на том, что Протопопов вступил в штюрмеровскій кабинет, как "член опредѣленных политических сочетаній", "на него падает отблеск политическаго значенія... того большинства, к которому его причисляли", (т. е. прогрессивнаго блока) — и тѣм самым разрушалась послѣдовательная тактика блока. Записка Охр. Отд., хронологически болѣе ранняя, опредѣляла, как мы уже видѣли, эту тактику словами, будто бы произнесенными Шингаревым во фракціонном совѣщаніи Думы: "правительство само завело себя в тулик, и мы бѣем теперь навѣрняка". "Увѣренность в быстрой капитуляціи правительства. — комментировала записка приведенныя слова, — базируется... на том, что поддержка требованіям... либеральной буржуазіи будет оказана и со стороны наших союзников". Миротворительная политика в отношеніи кабинета Штюрмера вовсе не входила в кругозор прогрессивнаго блока. "Вы вѣдете на гибель Россію. Не мѣшайте", — *заклинал* Милюков на собраніи у Родзянко. "Я сам земец и земства пойдут со мной", — возражал Протопопов. "Я сдѣлал опыт соглашенія и, к сожалѣнію, неудачно. Это моя послѣдняя попытка. Что же дѣлать!.." "Я пойду дальше один! — самоувѣренно или истерически заявлял новый претендент на власть. "Я исполню желаніе моего Государя... Вы хотите потрясеній, перемены режима, но этого не добьетесь, тогда как я понемногу кое-что могу сдѣлать".

До драматическаго засѣданія 19 октября**) Протопоповым была сдѣлана попытка стовориться с предѣвателем Думы. Рассказывает это сам Родзянко в вариантѣ воспоминаній, напечатанном в гессенском "Архивѣ Русск. Революціи". "Послѣ назначенія Протопопова прошел слух, — пишет Родзянко, — что предѣватель Думы будет назначен

*) См. «На путях к дворцовому перевороту». Напр., статья в радикальном петербургском «Днѣ» и в других органах печати. В «Рѣчи», правда, «бѣлое мѣсто» было откликном на назначеніе Протопопова: «У Протопопова — хорошее общественное и политическое прошлое. Он — цѣлая программа, которая обязывает — заявил Гучков в интервью с журналистами. На московск. конспиративном собраніи у Коновалова говорилось еще болѣе опредѣленно — о «капитуляціи» правительства перед обществом, «почти равносильной 17 октября». Послѣ министра-октябриста не так уже страшен будет министр-кадет. Можно допустить, конечно, что сужденія эти, полученныя от секретных информаторов, сгущены.

**) Драма, в силу особых свойств Протопопова, явившагося на объясненіе с бывшими думскими «товарищами» в формѣ шефа жандармов, и специфичности краткой протокольной записи, отмѣтившей всѣ несуразныя реплики героя засѣданія, превратилась в фарс. «Прочитай официальную стенограмму (т. е. запись Милюкова) — вспоминает Гиппус — мы всѣ чуть не впади в истерическій неудержимый хохот». «Стенограмма» получила широкое распространеніе. Послѣдній министр ин. д. стараго режима Покровскій в Чр. Ст. Кем. указывал, что эта «стенограмма» повлияла на измѣненіе мнѣнія о Протопоповѣ.

министром ин. дѣл и премьером". Слух косвенно нашел себѣ подтвержденіе в том, что "неожиданно" к председателю Думы пріѣхал Протопопов и сдѣлал соответствующее предложеніе. "Послушайте, — отвѣтил Родзянко, — вы исполняете чье-то порученіе: вас послали узнать мое мнѣніе на этот счет. В таком случаѣ передайте Государю слѣдующее: мои условія таковы. Мнѣ одному принадлежит власть выбирать министров. Я должен быть назначен не менѣе, как на три года. Императрица должна удалиться от всякаго вмѣшательства в государственныя дѣла и до окончанія войны жить безвыѣздно в Ливадіи. Всѣ великіе князья должны быть отстранены от активной дѣятельности, и ни один из них не должен находиться на фронтѣ (это не рассказывают о Родзянко, а сам Родзянко рассказывает о себѣ). Каждую недѣлю в Ставкѣ должны происходить совѣщанія по военным дѣлам, и я должен на них присутствовать с правом голоса по вопросам не стратегическаго характера.... Протопопов был в ужасѣ от моих слов и не представлял себѣ, как он может их передать... Я попросил его записать мои условія, и он записал их в карманной книжкѣ... И еще прибавьте: я приму этот пост с тѣм, чтобы всѣ эти условія были обнародованы в Думѣ... Через нѣсколько дней Протопопов обѣдал у меня (все это было послѣ назначенія Протопопова министром) и за обѣдом заговорил об Императрицѣ, страшно ее расхваливая... "Вы, Мих. Вл., должны непременно к ней поѣхать". Ничего ему не говоря, я взял его пульс... Вы предлагаете мнѣ ѣхать говорить с Императрицей, я к ней ни за что не поѣду. Вы хотите, чтобы и про меня говорили, что я ищу ея покровительства, а может быть, покровительства Вырубовой и Распутина. Я таким путем идти не могу".

Весьма вѣроятно, что рассказ нѣсколько прикрашен мемуаристом, но, очевидно, Родзянко в то время не казалось, что "двуликій Янус" с ним зачѣм то хитрит... Если и разговор с Родзянко надо отнести к числу разыгранных Протопоповым "комедій", то придется признать, что большую роль вновь сыграла неуравновѣшенность "природнаго актера", дѣлавшая его подчас наивным до безконечности*).

**

Какой же вывод? Идя путем негативным, можно с убѣжденіем сказать, что викакими фактами не удалось пока обосновать утвержденіе, что начало административной карьеры Протопопова хоть косвенно было связано с реальной подготовкой сепаратнаго мира. По терминологіи Семенникова "германцы в лицѣ Варбурга высказали такіе принципы, заключить на основѣ которых мир Романовы не могли. Это не исключало, конечно, возможности возобновленія переговоров, и тогда Протопопов, как уже показавшій свою к ним готовность, мог быть снова полезен". Исслѣдовательская добросовѣстность (в смыслѣ установленія фактов) заставила автора сказать, что он принужден "за отсутствіем документальных данных оставить открытым" вопрос — "предпринимали ли Романовы послѣ стокгольмскаго свиданія Протопопова—Варбурга

*) Шингарев передавал о своем крайнем удивленіи, когда Протопопов в ночной бесѣдѣ в Парижѣ, излагая свой план созданія газеты промышленников, серьезным образом намѣревался привлечь к участию в этом органѣ Милюкова.

какіе-либо шаги к примиренію с Германіей". Но, по его мнѣнію, "в сущности вопрос о том, были или нѣтъ переговоры между агентами царской Россіи и Германіи, не так уже важен — важно, что Романовы *готовились* к этим переговорам". Так как и в этом отношеніи "документальных" намеков нельзя найти, — то приходится ограничиться лишь косвенными указаніями, которыя можно найти — и их находят в том фактѣ, что "именно к октябрю-ноябрю 16 г.", т. е. к тому времени, когда у власти находились Штюмер и Протопопов, относятся самыя упорныя сообщенія (т. е. сплетни) о том, что русское правительство ведет сепаратные переговоры с Германіей. "Нам остается, — заключает Семенников, только указать на самую вѣроятность (?!) этих сообщеній". "По всей вѣроятности, — утверждал дипломатическій глава совѣтских историков Покровский, — с лѣта 16 г. царское правительство подготавливало сепаратный мир". (Предисловіе к письмам Кудашева в "Кр. Архивъ").

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПОБѢДА «ТЕМНЫХ СИЛ»

I. МИНИСТР — ГЕРМАНОФИЛ.

Гдѣ же разводился тот бульон, на котором выращивались бациллы легендарных “сообщений”, легко воспринимавшихся на вѣру в нервозной военной атмосферѣ? — даже отвѣтственными политиками и дипломатами, как в Россіи, так и за границей? Источником “сообщений” в значительной степени были сами нѣмцы. Недаром германскій кронпринц признал, что он видѣл в назначеніи Штюрмера “неоспоримый признак желанія начать переговоры... о мирѣ”. Убѣжденный тогда, что “военное положеніе Россіи было очень плохо”, кронпринц “всячески доказывал правительству”, что “необходимо, как можно скорѣе, схватиться за протянутую руку”... “Лѣтом и в началѣ осени наша дипломатія, — рассказывает высокопоставленный мемуарист, — вела об этом частные переговоры между собой и главной квартирой. Но к практическому осуществленію так и не пришли”. Безрезультатность этих мечтаній подтвердил и сам германскій канцлер Бетман-Гольвег, лично скептически относившійся к разговорам о возможности сепаратнаго мира, о котором нѣкоторые говорили, как о чем то “само собой разумѣющемся”, что может упустить только “самая бездарная дипломатія” *).

В прославленной рѣчи в Гос. Думѣ 1 ноября Милюков процитировал ряд выдержек из откликов германских и австрійских газет на назначеніе Штюрмера: “личность Сазонова давала союзникам гарантію прочности иностранной политики послѣдних пяти лѣтъ. Штюрмер во внѣшней политикѣ есть бѣлый лист. Несомнѣнно он принадлежит к кругам, которые смотрят на войну с Германіей без особаго воодушевленія”. (“Берл. Тагеблат”). “Мы, нѣмцы, не имѣем никакого права и основанія жалѣть об этой новѣйшей перемѣнѣ в русском правительствѣ. Штюрмер не будет препятствовать возникающему в Россіи желанію мира”. (“Кельнская Газ.”). “Особенно интересна, — подчеркнул думскій оратор, — статья в “Нейе-Фрейе-Прессѣ” от 25 іюля. Вот что говорится в этой статьѣ: “Как бы не обрусѣл старій Штюрмер (смѣх), все же довольно странно, что иностранной полити-

*) Такой и оказалась германская дипломатія — спѣшил заключить Чернов, не смогшій привести конкретных данных в доказательство того, что со стороны русскаго правительства, дѣйствительно, была протянута рука, хотя бы из-за кулис.

кой в войнѣ, которая вышла из панславянской идеи, будет руководить нѣмец (смѣх). Министр-президент Штюрмер свободен от заблужденій, приведших к войнѣ. Он не обѣщал... что без Константинополя и проливов он никогда не заключит мира. В лицѣ Штюрмера приобретено орудіе, которое можно употреблять по желанію. Благодаря политикѣ ослабления Думы, Штюрмер стал человѣком, который удовлетворяет тайныя желанія правых, вовсе не желающих союза с Англійей. Он не будет утверждать, как Сазонов, что нужно обезвредить прусскую военную кассу”...

Отлики нѣмецкой печати воздѣйствовали и на союзное общественное мнѣніе — на дипломатов. В той же рѣчи в Думѣ Милюков, как очевидец, побывавшій в это время снова в Лондонѣ, говорил, что впечатлѣніе от отставки Сазонова было удручающим — “полнаго вандальскаго погрома”. Лидер оппозиціи не остановился перед тѣм, чтобы разсказать с кафедры Гос. Думы, что он натолкнулся в Лондонѣ на “прямое заявленіе”, ему сдѣланное, что с “нѣкоторых пор враг узнает наши сокровенныя секреты и что этого не было во время Сазонова” (стенограмма отмѣчает возгласы слѣва: “Ага”). Сообщая о “столь важном фактѣ”, Милюков отказывался назвать “его источник”, прибавляя, что “если мое сообщеніе вѣрно, то Штюрмер, быть может, найдет слѣды его в своих архивах”. (Родичев с мѣста: “он уничтожил их”). В показаніях Чр. Сл. Ком. Милюков разяснил, что подобное предупрежденіе ему сдѣлал посол в Англии Бенкендорф, в откровенной бесѣдѣ разсказывавшій, что “появленіе Штюрмера испортило все его отношенія, что он привык пользоваться довѣріем иностранцев, что всегда ему предупредительно сообщали всякія секретныя свѣдѣнія, а теперь он оказался в таком положеніи, что, когда он приходит, то от него припрятывают в стол бумаги, никогда не показывают и что, когда он, шокированный этой пере мѣной, спросил о причинѣ, то ему сказали: “Знаете ли, мы не увѣрены теперь, что самые большіе секреты не проникнут к нашим врагам. Напротив, мы имѣем признаки, что каким-то способом эти секреты становятся извѣстными непріятелю со времени назначенія Штюрмера”. На вопрос предсѣдателя, не было ли у Милюкова возможности “опредѣлить тот способ, которым... эти тайны, сообщаемыя русскому правительству, могли проникать в руки наших противников”, свидѣтель мог только сказать, что он “дальнѣйших развѣдок не дѣлал”. “Это был слишком деликатный вопрос, чтобы к нему прикасаться”. В бесѣдах с англійским послом Милюков “намѣренно избѣгал дальнѣйших разговоров” *).

Комиссія, вѣроятно, была разочарована такой отговоркой Милюкова, ибо, допрашивая перед тѣм Штюрмера, она, в лицѣ Родичева, на основаніи сообщеннаго в рѣчи Милюкова 1 ноября, старалась уличить бывш. министра ин. дѣл. Родичев выразил удивленіе, что министр не попытался узнать, каким образом профессиональныя тайны проникали к врагам — его обязанностью было “прежде всего провѣрять, а не опровергать”. “Если бы это было, — отвѣчал Штюрмер, — Бенкендорф сообщил бы министру ин. д., но подобнаго сообщенія не бы-

* Странно, однако, что сам посол, познакомившись с рѣчью Милюкова в Гос. Думѣ, не задал ему естественнаго вопроса. Причина в том, что в дѣйствительности он сам был одним из информаторов думскаго трибуна.

ло"... "Почему же вы думаете, что гр. Бенкендорф вѣрил министру ин. д., послѣ того, как это случилось?" — продолжал Родичев: — "Почему вы думаете, что гр. Бенкендорф не опасался, зная, что свѣдѣнія, отправляемые в мин. ин. д., попадают в руки врагов. Еще бы вы захотѣли, чтобы он вам посылал это свое заявленіе. Он его и сообщил другому лицу, которое могло его *протворить* и которое могло вам предъязвить официальное обвиненіе"... Родичев ошибался: в дѣйствительности Штюрмер получил от Бенкендорфа двѣ секретныя телеграммы, показывающія, несмотря на их официальный характер*), что Милюков, увлеченный политической борьбой, чрезвычайно усилил то, что ему мог в конфиденціальном порядкѣ сообщить посол в Англии (яркій примѣръ точности, с которой Милюков передавал свои бесѣды, мы видѣли на изложеніи слов Неклюдова). В телеграммѣ от 13 іюля, сообщая о сожалѣніи, которое вызвала в Англии отставка Сазонова, Бенкендорф писал: "Ни одна газета не выразила сомнѣнія в ослабленіи уз, связывающих нынѣ обѣ имперіи, и не выражала опасеній насчет какого-либо измѣненія в этом отношеніи — тѣм не менѣе, чтобы избѣжать всяких колебаній на этот счет в общественном мнѣніи, я полагаю, что какое-то официальное и гласное обязательство в этом отношеніи, будь то через прессу или другим путем, необходимо в самом скором времени". В телеграммѣ 1 сентября Бенкендорф подробно изъяснял возможную позицію в будущем Англии (его сообщеніе само по себѣ чрезвычайно характерно): "Дымка, которой подернулось довѣріе к Россіи — довѣріе, до сих пор неоспоримое и непоколебимое, — легка, но она существует, и я измѣнил бы всѣм своим обязанностям, если бы не предупредил вас о ней, так как она служит постоянным оружіем нашим врагам... Для того, чтобы разорвать эту дымку, *надо очень немного*, и я могу только возвратиться к тому способу, о котором позволил себѣ намекнуть, в предыдущей телеграммѣ — к опредѣленной и категорической деклараціи, вполне естественной при настоящих обстоятельствах... Само собой разумѣется, что здѣсь дѣло не идет о нашей вѣрности союзному договору. Вопрос об этом никогда не поднимался ни в какой области. Но дѣло идет о будущем, о нашем твердом намѣреніи поддерживать *послѣ войны* принцип англо-русскаго соглашенія" **).

Нѣтъ дыма без огня. Что же все-таки мог сказать в частной бесѣдѣ Бенкендорф Милюкову? Смѣшно думать, что новый министр ин. д., как бы он ни был германофильски настроен и даже просто національно преступен, сразу стал выдавать сокровеннѣйшія тайны врагам через посредство "своих тайных агентов". На это довольно грубо намекал Родичев в Чр. Сл. Ком. Никаких измѣненій в составѣ министерства Штюрмер не произвел, поэтому вполне искренне он мог ссылаться — в

*) Бенкендорф считал назначеніе Штюрмера «безуміем» (К. Набоков).

***) «Всецѣло раздѣляю взгляд о необходимости разъяснять всякія сомнѣнія англичан в неизмѣнности и послѣ окончанія нынѣшней войны дружественной Англии ориентировки внѣшней политики императорскаго правительства» — отвѣчал Штюрмер 9 сентября. «Поэтому, не ограничиваясь заявленіем, уже ранѣе сдѣланным мною в печати послѣ вступленія в должность министра ин. д. ...я предполагаю воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы от имени императорскаго правительства состоялось заявленіе в указанном выше смыслѣ, дабы положить предѣл тайным пронскам наших противников и питаемой ими тревогѣ англійскаго общественнаго мнѣнія».

своей увѣренности, что фактов, рассказанных Милоковым, не могло быть — на то, что министерство организовано было Сазоновым, “так долго” состоявшим министром. Но был факт, когда секретный англійскій документ, связанный с назначеніем Штюрмера министром, попал в нѣмцкую прессу. Так случилось с письмом ст. секретаря лорда Гардинга 8 іюня по поводу “тяжелого впечатлѣнія”, которое в момент переговоров с Румыніей произвела отставка Сазонова; “поразительно, какую скверную роль играют всегда русскіе реакціонеры”, — добавлял министр, одобряя телеграмму Бьюкенена Царю по этому поводу. Англійскій посол позднѣе в воспоминаніях довольно просто объяснял в данном случаѣ факт освѣдомленія нѣмцев: “Я старался сохранить в строжайшей тайнѣ мою телеграмму к Государю, но один из наших почтовых мѣшков... был перехвачен германцами”. Не отсюда ли или из факта аналогичнаго пошла сплетня, переданная Бенкендорфом и в гиперболической формѣ изображенная Милоковым?*)

В Россіи в національных консервативно-либеральных кругах, сгруппировавшихся около прогрессивнаго блока, отставка Сазонова естественно вызвала еще болѣе сильную реакцію, совершенно независимо от той реальной международной политики, которую должен был вести новый министр ин. д. Вел. кн. Ник. Мих., счел необходимым предупредить Царя о весьма “опасном симптомѣ”, который представляет собой забудораженное общественное мнѣніе в связи с отставкой Сазонова: “почти вся пресса (кромѣ “Нов. Времени” и “Земщины”) сдѣлала из Сазонова великаго человѣка и своего рода сверхпатріота; всѣ земства, общественныя учрежденія, союз городов, промышленныя комитеты и т. д., послали ему соболѣзнованіе... и создали для него особую популярность”. В. Кн. представлялся чрезвычайно опасным подобный разрыв между правительством и обществом послѣ войны. “*С'е n'est pas pour blaguer*” (т. е. это не “болтовня”), — заключал Ник. Мих. Это “общественное мнѣніе” давило в свою очередь на союзных дипломатов. Получался заколдованный круг самовнушенія.

*) Эти сплетни вызывают всегда скептическое к себѣ отношеніе, ибо союзническая военная контр-развѣдка с неменьшей легкостью, чѣм русская, создавала всякаго рода шпионскія дѣла. Вот эпизод, относящійся до которой степени непосредственно к вопросу, который нами затронут. В одном из своих очерков, посвященных исторіи тайных военно-морских антибольшевицких организаций и получивших извѣстную популярность, Лукин рассказывает на основаніи «документа», полученнаго им из «весьма авторитетнаго и освѣдомленнаго источника» о предательствѣ в кругу ближайших сотрудников Бенкендорфа («Ил. Рос.» 27 ноября 37 г.). К анонимным документам, которыми часто пользуется автор романсированных исторических повѣствованій, приходится относиться сугубо осторожно, ибо часто под документом фигурирует у него записанная бесѣда, как бы за чашкой чая. Так из «авторитетнаго и освѣдомленнаго источника», автор почерпнул свѣдѣнія о «предательствѣ» во время войны «второга секретаря» русскаго посольства в Лондонѣ ф. Зоберга, который, будучи по происхожденію нѣмец, передавал неизвѣстным «тайным агентам» нѣмцев «секретнѣйшіе дипломатическіе документы». Возник даже вопрос, не был ли «Зоберт причастен к гибели лорда Китченера». Если все это было (что весьма маловѣроятно), то это было в період сазоновскаго министерства. Имя Зоберг, очевидно, выплыло в связи с тѣм, что секретарь русскаго посольства в Лондонѣ, по происхожденію балтійскій нѣмец, впоследствии опубликовал в Германіи ряд дипломатических документов, прошедших через его руки и на министерском языкѣ, обычно называвшихся «дипломатическим салатом». В этом текущем дипломатическом вермишлѣ не было особо секретных документов.

В такой атмосферѣ и рождались слухи, связывавшіе имя Штюрмера с реальными шагами, по подготовкѣ сепаратнаго мира. Англійскій посланник, хоть и отмѣчал в воспоминаніяхъ, что с уходомъ Сазонова в министерствѣ ин. дѣл стало преобладать “нѣмецкое вліяніе”, все же в своихъ донесеніяхъ в Лондонъ былъ остороженъ в фактическихъ выводахъ относительно “реакціонера и германофила” Штюрмера, который “слишкомъ хитеръ, чтобы защищать мысль о сепаратномъ мирѣ с Германіей”. В августовскомъ донесеніи въ министерство, которое Бьюкененъ цитируетъ в воспоминаніяхъ, онъ ограничивался лишь указаніемъ на то, что не можетъ “разсчитывать на надежныя отношенія с человѣкомъ, на слова котораго нельзя положиться, и чьи мысли направлены исключительно къ осуществленію собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ, хотя личный интересъ и заставляетъ его продолжать иностранную политику своего предшественника, но судя по всему, онъ в душѣ германофилъ”.

У французскаго коллеги англійскаго посла было больше экспансивности. В концѣ сентября онъ записывалъ в дневникъ интимную бесѣду с нѣкимъ Е. (*haut fonctionnaire de la Cour*), вкладывая в его уста, возможно, многое от самого себя, — изъ того, что Палеологъ получалъ от своихъ платныхъ осведомителей (о нихъ онъ откровенно говоритъ). Такъ этотъ Е. во время завтрака въ посольствѣ открыто ставилъ вопросъ, почему французскій и англійскій послы не положатъ конецъ “измѣнѣ” Штюрмера. “Мы ждемъ возможности формулировать противъ него точныя обвиненія” (“un grief précis”), — отвѣчаетъ Палеологъ. Формально послы ничего не могутъ поставить въ вину министру ин. д. Онъ исключительно корректенъ и всегда заявляетъ о “войнѣ до конца” (*la guerre à outrance*)... “никакаго послабленія для Германіи”. Что касается до его потайныхъ дѣйствій, то у пословъ только интуитивныя впечатлѣнія, подозрѣнія... Каковы же положительныя факты, убѣдившіе имѣвшаго при дворѣ высокое званіе Е. в очевидной “измѣнѣ” министра? Весь консорціумъ, состоящій изъ Распутина, Добровольскаго, Протопопова и др. имѣетъ второстепенное и подчиненное значеніе — они простой инструментъ в рукахъ анонимнаго синдиката, малочисленнаго, но чрезвычайно могущественнаго, который, вслѣдствіе утомленія войной, болзни революціи, требуетъ мира. Во главѣ этого синдиката, конечно, находятся представители прибалтійской знати и придворнаго міра. С ними крайніе реакціонеры изъ Гос. Совѣта и Думы и господа изъ Синода, финансовыя тузы и крупныя промышленники. Черезъ Штюрмера и Распутина они держатъ в своихъ рукахъ Императрицу, а черезъ послѣднюю и Императора. На замѣчаніе Палеолога, что Царь никогда не пойдетъ на разрывъ с союзниками, предтеча всѣхъ послѣдующихъ научныхъ “марксистскихъ” концепцій говоритъ послу, что всѣ упомянутыя злоумышленники организуютъ убійство Царя или принудятъ его къ отреченію въ пользу сына подъ регентствомъ Царицы. “Будьте увѣрены, — утверждалъ Е., — что это планъ Штюрмера или скорѣе тѣхъ, кто имъ руководитъ. Для достиженія своихъ цѣлей они не останутся ни передъ чѣмъ: они спровоцируютъ забастовки, волненія, погромы, продовольственныя кризисы; они создадутъ повсюду такія затрудненія, что продолженіе войны сдѣлается невозможнымъ” (какъ это удивительно напоминаетъ записки деп. полиціи!). Палеологъ подвелъ в

бесѣдѣ итог и резюмировал: самое главное сломить Штюрмера, я буду работать над этим.

Можно ли сомнѣваться, что рассказ Палеолога о Штюрмерѣ, как о переворотчикѣ, как об участникѣ дворцоваго переворота справа, сплошная фантазія посла или его платных и неплатных освѣдомителей. Слишком мало новый премьер подходил к такой активной роли. Характеристика его в этом отношеніи товарищами по кабинету (Хвостовым, Наумовым, Покровским) довольно единодушна. Пассивный исполнитель велѣній свыше, без малѣйшей инициативы, человекъ ограниченный, которому нечего было сказать своего (по словам Крыжановскаго, в былыя времена Плеве зло говорил о своем ближайшем сотрудникѣ: “Гурлянд — это мыслительный аппарат Штюрмера”), человекъ, от котораго “отскакивает” вся сущность вопросов, “ходячій церемоніал”, “какой то футляр”, по выраженію Наумова, — держался в Совѣтѣ министров во всѣх важнѣйших вопросах, “как истукан” и даже не потому, что был очень хитер, фальшив и двуличен (Хвостов), а потому что, по мнѣнію Покровскаго, замѣстившаго Штюрмера на посту руководителя внѣшней политики, находился уже в состояніи “старческаго склероза”. “Рамольный человекъ”, но человекъ “большой выдержки”, умѣвшій “очень глубокомысленно молчать”, — добавляет характеристику не то подручный премьер-министра, не то приставленный къ нему для наблюденія Манасевич-Мануйлов.

Сугубо отрицательная характеристика, свидѣтельствующая о духовной пустотѣ преданнаго верховной власти царедворца, значительно преувеличена. Преувеличен даже старческій маразм Штюрмера в дни его премьерства. Сдѣланныя лично Штюрмером резюмэ его всеподданнѣйших докладов, не подтверждают такого мнѣнія. Штюрмер вовсе не был таким полным ничтожеством, таким безличным, как изображали его преимущественно послѣ крушенія стараго режима во время революціи. Он издавна довольно “неуклонно” вел свою линію, — отмѣтила еще в 1904 г. генеральша Богданович непремѣннаго посѣтителя ея “политическаго салона”, каким был находившійся тогда в оппозиціи сотрудник Плеве, сам собиравшій у себя “благомыслящих людей”. Был ли он “без лести предан” Монарху? Богданович записала в свое время отзыв Штюрмера о Царѣ, котораго он находил фальшивым, и о Царицѣ которую считал находящейся на грани сумасшествія. (Надо отмѣтить, что Штюрмер принадлежал к числу тѣх немногих царедворцев, которые не позволяли себѣ во время допросов в Чр. Сл. Ком. никаких отрицательных экивоков в сторону представителей павшей монархіи). Карьеризм не сбивал Штюрмера с позиціи, им занятой. В 1908 г. он был общепризнанным кандидатом правых в председатели Совѣта министров. Будучи членом Гос. Совѣта, влослѣдствіи он сумѣлъ организовать у себя один из наиболѣе видных центров политическаго сосредоточенія правой общественной мысли, остро и широко реагировавшей на всѣ злободневные вопросы текущаго момента. Руководил преніями и дѣлал заключенія, по словам Белецкаго, давашаго в своих показаніях подробную характеристику “политическаго салона” Штюрмера, всегда сам хозяин...

Тенденціозность свидѣтелей, изображавших в Чр. Сл. Ком. замѣстителя Горемыкина, таким образом очевидна, и все же их отзывы

Говорят о том, что Штюрмер в дни премьерства уже не был тѣм человеком, который мог бы “своими крѣпкими руками в бархатных перчатках сжать общественныя настроенія” (таковы были намѣренія Штюрмера по утверженію, как мы видѣли, Белецкаго). Не болѣе был он способен повернуть руль внѣшней политики — он и здѣсь шел по проторенному пути; поэтому ему казалось, по его собственным словам, дѣло иностранной политики сравнительно легким. Добросовѣстный человекъ, ближайшій помощник и единомышленник Сазонова, фактически выполнявшій функціи министра ин. дѣл между отставкой Штюрмера и назначеніем Покровскаго, — Нератов, в показаніях Чр. Сл. Ком. засвидѣтельствовал, что между ним и Штюрмером фактически не было “разногласія”. Въмѣстѣ с тѣм на вопрос предсѣдателя, не испытывало ли министерство “противодѣйствія со стороны каких-либо безответственных лиц или, как их тогда называли: “темных сил”, Нератов опредѣленно заявил: “в области внѣшней политики ничего подобнаго за это время сказать не могу”. “Слухи, которые ходили около имени Штюрмера, дѣйствительно, создавали в посольствах атмосферу нѣкотораго недоверія, но я не думаю, — осторожно заключал свидѣтель, — чтобы они могли найти потом фактическое тому подтвержденіе”.

II. GERMANOFILSTVO KRAYNE-PRAVYX.

“Германофилом” в общественном сознаніи Штюрмер был постолько, поскольку им был всякій реакціонер. Для Милюкова, напримѣр, оба термина были синонимом (см. его показанія). Между тѣм подобное обобщеніе нельзя не считать ошибочным — и особенно тогда, когда оно дѣлалось в період обостренных націоналистических настроеній. Показательно в этом отношеніи настроеніе организаций, примыкавших к различным развѣтвленіям так называемаго “Союза русскаго народа”, который с теченіем времени раскололся на враждебныя друг к другу фракціи. В малокультурной средѣ отпечатки, даваемые психозом войны, неизбѣжно приобрѣтали болѣе примитивныя и грубыя формы, чѣм в интеллигентских кругах. Только полное игнорированіе фактов и привычка дѣлать заключенія из предвзятых предположек может привести к утверженію, что Союз русскаго народа во время войны принял германскую оріентацію. (Чернов).

Не знаю, посылали ли в дѣйствительности в 1904 г. “истинно русскіе” телеграмму Вильгельму, как то живописует Витте, но их германофильство исчезло, как дым, во время войны. Показательна отгѣтка Палеолога со слов Мих. Стаховича, что доктрина правых о союзѣ с Германіей — в интересах внутренней російской политики — совершенно разрушена была агрессіей в отношеніи Сербіи. Принадлежавшій к этой средѣ Винберг, автор книги “В плѣну у обезьян”, вспоминает о том “страстном патріотическом воодушевленіи”, которое вызвало в нем, горячем защитникѣ союза с Германіей, разразившаяся война.

Маркову 2-му не раз напоминали сказанныя им перед войной слова: “Маленькій союз с Германіей лучше, чѣм дружба с Англійей и Франціей”, — напомнили и в Чр. Сл. Ком., на что Марков логи-

чески отвѣчал, что он говорил только “не войте”, это “совѣм не то, что говорят во время войны большевики”. Во время войны Марков с присущим ему пафосом призывал в Думѣ вести войну “до разгрома ненавистнаго тевтона” (рѣчь в годовщину войны). В этом отношеніи фанатик-прозелит Пуришкевич, отколовшійся в декабрь 15 г. от Маркова 2-го и Замысловскаго, совѣм не был одинок. Его прозелитизм связался лишь в том, что он в своей двухчленной формулѣ “жидовства” во время войны смѣнил “жида” на “нѣмца”, за что и пришлось ему уйти из предсѣдателей московской палаты Союза Михаила Архангела*). Другіе единомышленники в своем націонализмѣ своеобразно сочетали и то и другое. Всероссийское совѣщаніе монархических организацій и правых дѣятелей в Н. Новгородѣ в ноябрь 15 г., при участіи Дубровина и Маркова 2-го, вырабатывает систему мѣр, необходимых для того, чтобы “достояніе православной Россіи”, т. е. земля русская, “ни одной пядью своей не могла принадлежать нѣмцам и жидам...” Так как “жиды и нѣмцы задали се цѣлью сокрушить православную Россію”, то в резолюціи “секціи по борьбѣ с жидовским засиліем” нижегородскаго сѣзда доводилось до свѣдѣнія правительства, что “жидовская тайная система “государства в государствѣ” зиждется на одних и тѣх же вѣроучительных и моральных основаніях, какія лежат в основѣ современнаго германизма”, а также и о том, что “мировое жидовство на свою “мировую копейку” (милліоны) содержит при правительствѣ особую агентуру, подкупом добывающую через слуг и мелких чиновников преждевременно всѣ государственные замыслы и тайны, и что существующая неестественная дороговизна есть слѣдствіе системы объединеннаго дѣйствія “жидов с нѣмцами”)**. Тема о “нѣмцах и жидках”, дѣйствующих кушно “с внутренним врагом нашей родины” (конституціоналистами, парламентаріями, революціонерами), развивается и в болѣе раннем (августовском) “окружном посланіи” главнаго Совѣта Союза Р. Н. к русским людям: “Злодѣи понимают, что уже близок день, когда доблестныя русскія войска дружным натиском погонят злобнаго германца назад в Германію”... “спѣшат пробраться к власти..., чтобы потом сказать народу: “смотрите, стояло нам поручить управление Россіей — и мы дали войскам побѣду”. О, гнусные лицемеры”!

В этой демагогической пропагандѣ особенно ярка позиція главы астраханских монархистов Тихановича-Савицкаго. Его позиція инте-

*) По существу Пуришкевич и «жида» не забыл. Белецкій рассказывает, как Пуришкевич, получив от Хвостова «толстаго» соответствующую правительственную субсидію, прежде всего у Замысловскаго купил для солдатских библиотек в своих санитарных поѣздах 400 книг по дѣлу Бейлиса.

**) Вот как легко открывался потайной ларчик шпіонажа! Участіе «непримираго», Дубровина на нижегородском сѣздѣ показывает, что выходка, за которую пострадал Дубровинскій орган у Замысловскаго купил для солдатских библиотек в своих санитарных поѣздах 400 книг по дѣлу Бейлиса.

**) Вот как легко открывался потайной ларчик шпіонажа! Участіе «непримираго», Дубровина на нижегородском сѣздѣ показывает, что выходка, за которую пострадал Дубровинскій орган у Замысловскаго купил для солдатских библиотек в своих санитарных поѣздах 400 книг по дѣлу Бейлиса.

**) Вот как легко открывался потайной ларчик шпіонажа! Участіе «непримираго», Дубровина на нижегородском сѣздѣ показывает, что выходка, за которую пострадал Дубровинскій орган у Замысловскаго купил для солдатских библиотек в своих санитарных поѣздах 400 книг по дѣлу Бейлиса.

**) Вот как легко открывался потайной ларчик шпіонажа! Участіе «непримираго», Дубровина на нижегородском сѣздѣ показывает, что выходка, за которую пострадал Дубровинскій орган у Замысловскаго купил для солдатских библиотек в своих санитарных поѣздах 400 книг по дѣлу Бейлиса.

ресна потому, что его настойчивыя телеграммы доходили до царской четы, и подчас, кажется, что А. Ф. повторяла только слова этого человека — человека “нервнобольного и крайне экзальтированного”, по характеристикѣ мѣстнаго губернатора в донесеніи департаменту полиціи (Крыжановскій просто называл его “сумасшедшим”). Провѣдь Тихановича подлинно проникнута неудержимой “страстью” отстаиванію “Святой Руси” от “кровожаднаго нѣмца”, которому помогают всѣ “лѣвые: интеллигенты, богатые промышленные классы, синдикаты, банки и евреи”. “Нѣмцы сыпят деньгами — десятками милліонов, чтобы только поднять у нас смугу”. “Всѣ помыслы и дѣйствія населенія должны быть направлены к одному — неизмѣнной и скорѣйшей побѣдѣ над свирѣпым врагом”... “всякое преобразование внутренней жизни, вызывающее раздоры, а также забастовки и разныя народныя волненія (даже из-за дороговизны) в теперешнее время равносильны помощи нѣмцам, а точнѣе “правительству измѣны” (“Листок” саратовскаго совѣщанія — только для руководителей монархических организацій). Крамола “в помощь внѣшнему врагу готовится схватить за горло исполнительную власть”... Нѣмцы “с заганенным радостным трепетом, как вѣрную побѣду свою”, ждут осуществленія программы “прогрессивнаго блока”. “Вѣра твоя в милость Божію и конечную побѣду есть вѣра всего русскаго народа, пока он видит, что власть в единых руках царских”, — гласила заключительная телеграмма Царю саратовскаго совѣщанія, собраннаго по инициативѣ Тихановича-Савидкаго.

Идеологія шла рука об руку с практикой. Демагогія руководителей Союза Р. Н., принявших “германскую ориентацію” во время войны, разжигла низменныя націоналистическія страсти в низах того городского мѣщанства, гдѣ вербовались кадры Союза “истинно русских”*) — и она весьма склонна была свой патриотизм проявлять в организаціи антинѣмецких погромов в городах. Эти “здоровые, благомыслящіе подданные”, как называла их в своих письмах А. Ф., склонны были проявлять “чувство озлобленія” и к особѣ Государыни-Императрицы, как к “нѣмкѣ”. “Яркое свидѣтельство”, соответствующее сводкѣ московскаго Охраннаго Отдѣленія, находим в майском (15 г.) погромѣ в Москвѣ, когда только усиліями полиціи “был предупрежден разгром на Ордынкѣ, т. е. обители в. кн. Елиз. Федор.: “Феликс (т. е. Юсупов) сказал, — писала сама А. Ф., — что в карету Эллы бросали камни и в нее плевали”... Обыватель был убѣжден, что в Марфо-Мариинской общинѣ на Ордынкѣ скрывается никто иной, как принц Гессенскій.

III. ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА ШТЮРМЕРА.

Церемоніймейстер высочайшаго Двора, б. тверской и ярославскій губернатор не был, конечно, столь элементарно первобытен, как астраханскій торговец, владѣлец нотнаго магазина, направлявшій монар-

*) Националистическое настроеніе в первое время захватывало и рабочую среду. Большевицкіе историки объясняют это вліяніем рабочих групп «Союза русскаго народа». Так было, напр., в старой «цитадели революціоннаго движенія» на паровозостроительном заводѣ в Харьковѣ.

хическія организаціи “против нѣмецких шпионов”, “против нѣмецкой пропаганды”, в “борьбу за русское” за “національно-православное”. Гиппиус, познакомившаяся со Штюмером в 1902 г., когда Мережковскіе ѣздили на Волгу “во град Китеж и Святое озеро”, отмѣтила сугубое “руссофильство” и подчеркнутое “православное благочестіе” щеголявшаго своей европейской культурностью губернатора, выставлявшаго в Ярославль церковныя древности. Нѣмецкая тѣнь, по мнѣнію писательницы, уже тогда преслѣдовала потомка австрійскаго комиссара на св. Еленѣ*) и, может быть, поэтому в присутствіи писателей он так гордился царским автографом и масонскими регалиями дѣдов. У нас однако нѣтъ основанія заподозривать искренность того “официальнаго націонализма” и даже славянолюбія старо-московскаго закала, носителем котораго он себя считал. “Он был болѣе русскій, чѣм всякій русскій”, — сказал про Штюмера Протопопов в Чр. Сл. Ком. — “Он, если можно так выразиться, на дыбах ходил”... Манасевич увѣрял, что Штюмер намѣревался и в министерствѣ ин. д. дать “чисто русское направленіе”.

Мечты честолюбиваго царедворца шли далеко, если вѣрять разсказам Палеолога и Бьюкенена. Послѣдній с мало скрытой ироніей передает, что Штюмер в одном из разговоров с ним “совершенно серьезно” высказал мысль, что будущая мирная конференція будет происходить в Москвѣ, и что он будет назначен предсѣдателем. Болѣе образно передает аналогичную бесѣду Палеолог. Он увидал в кабинетѣ Штюмера три гравюры, которых не было прежде, и которыя воспроизводили сцены Вѣнскаго, Парижскаго и Берлинскаго конгрессов. Четвертое мѣсто было пусто. Оно, по словам Штюмера, предназначалось для ближайшаго конгресса, который, “если Бог благословит”, будет в Москвѣ. Как это будет прекрасно, — в экстазѣ говорил русский премьер... Как то невѣроятно, чтобы министр, как бы специально выбранный для подготовки все же унижительнаго сепаратнаго мира, мечтал о пышном всемирном конгрессѣ в Москвѣ для умиротворенія всего міра!

**

Французскому послу “русскій мир” вовсе не казался столь прекрасным**). Его ухо гораздо больше ласкало призывъ к “миру французскому”, который он услышал в рѣчи члена Думы Маклакова на объединенном думском и городском банкетѣ в Петербургѣ в честь

*) Это происхожденіе счел нужным подчеркнуть Бьюкенен. Штюмер — сын военнаго, мать его — урожденная Панина, женат он был на Струковой. Из воспоминаній Симановича, человѣка близкаго к Распутину, можно узнать, что он поддерживал Штюмера, как еврея по происхожденію.

**) Достаточно яркой иллюстраціей к этому «русскому миру» может служить разсказ Пуришкевича, если бы достовѣрность его в деталях не приходилось заподозривать. Дѣло касалось утвержденія задуманнаго Пуришкевичем общества «Русская Государ. Карта», имѣвшаго цѣлью начертать русскому народу будущую карту Россіи и обосновать исторически, географически и этнографически ея возможные границы на мирном конгрессѣ. Штюмер на это «многозначительно» сказал, что, как министр ин. дѣл, он вызвал к себѣ престарѣлаго Иловайскаго и просил набросать схему наших территориальных приобрѣтеній на западѣ, дабы явиться во всеоружіи в дни мирных

французских делегатов Вивіани и Тома... С либеральными кругами, конечно, у послов было больше контакта, что объясняется не только большей идеологической близостью, но и тѣм преувеличенно идеалистическим отношеніем к союзникам, которое было присуще русской общественности в эпоху великой войны и которое подверглось большому испытанію в дни революціонной бури и послѣдующей гражданской войны, когда с отчетливостью перед сознаніем, быть может, нѣсколько упрощенно, встала формула, данная в Чр. Сл. Ком. царским министром Хвостовым старшим: "нас платонически не могут любить ни англичане, ни французы. Они любят нас... постольку, поскольку им выгодно. И когда были различные переговоры... они своих выгод не забывали и довольно сильно на нас нажимали". Эту эгоистическую позицію Хвостов находил "вполнѣ естественной". В идеализмъ русскаго либерализма, конечно, была и доля патриотическаго эгоизма — через союзников пытались провести свою внутреннюю политику и оказать давленіе на правительство*). Здѣсь нерѣдко устанавливалась излишняя интимность (насколько она выходила за предѣлы ознакомленія с ходом "развитія борьбы в Россіи между правительством и либеральными общественными силами") и, быть может, даже во вред реальным интересам Россіи во время войны, так как пессимистическое освѣдомленіе (попытка "раскрыть глаза союзникам на то, что дѣлается в Россіи" — и в какой пропасти правительство ведет и Россію и все дѣло союзников) ограничивало возможность расширенія содѣйствія союзников**).

переговоров. Пуришкевичу показалось «диким», уготовить мѣсто нимфы Эгеріи на мирном конгрессѣ «выпавшему уже в дѣтство» издателю «Кремля», неспособному ориентироваться в современной европейской конъюнктурѣ. Как истинный мемуарист, Пуришкевич утверждает, что только нѣсколько мѣсяцев спустя (!) ему удалось добиться, утвержденія устава Общества, благодаря «содѣйствію моего пріятеля мин. вн. д. А. И. Хвостова», вынужденнаго уйти в отставку за 4 мѣсяца до назначенія Штурмера мин. ин. д.

*) Мы отбрасываем, конечно, «марксистскую концепцію, которая подобныя явленія пытается объяснить только грубой «зависимостью от иностраннаго капитала».

**) Матеріалы, собранные в записках Охр. Отд. указывают, что тенденція привлечь союзныя правительства к «моральному воздѣйствію и давленію» на правительство русское вызвало подчас живую оппозицію в болѣе консервативных элементах общественности. Так, напр., «записки» от 5 мая 16 г. отмѣчает предложеніе к-д. Бахрушина на совѣщаніи представителей общегородскаго и общеземскаго союзов в Москвѣ «освѣдомить... правительства, парламенты и общество союзных держав» о положеніи Россіи и показать «общественному мнѣнію на Западѣ, что русское правительство это — одно, а русское общество — другое», (Бахрушин ссылался на прогрессиста Коновалова, имѣвшаго соотвѣтственную бесѣду в Петербургѣ с французским министром Тома и освѣтившаго послѣднюю картину борьбы правительства с общественными организаціями) и возраженіе городскаго головы Челнокова, протестовавшаго против «вынесенія сора из избы» за границу и считавшаго, что такое обращеніе в «чрезвычайно тактичной и осторожной формѣ» — «скорѣе частным путем» могло бы имѣть мѣсто в видѣ «крайней исключительной мѣры». Аналогичное происходило и в военно-пром. комитетѣ при обсужденіи составленнаго Поплавским проекта освѣдомительнаго письма к Тома.

Любопытно, что французскій посол в своих записках, выдѣляя Миллюкова, Маклакова и Шингарева, жалуется на холодное отношеніе к союзникам (в частности, к французам) большинства членов партіи народной свободы.

Интимность, как было уже указано, распространялась и на круги, причастные к самому министерству ин. д. Она должна была исчезнуть с появлением Штюмерера с ходячей репутацией “герmanoфила”. “Отношенія стали болѣе сдержанными, чѣм мы привыкли видѣть в министерствѣ”, — свидѣтельствовал Нератов: — “прежней откровенности нельзя было отмѣтить”. Послѣ считали, что Штюмерер, “ тща- тельно скрывая свои герmanoфильскія симпатіи, повсюду через “своих” вставляя палки в колеса, как выразился Бьюкенен в мемуарах*). И поэтому “нѣмецкое вліяніе” старались отыскать в каждом шагѣ новаго руководителя внѣшней политикой.

Оцѣнка отношенія Штюмерера к вступленію Румыніи в войну дает в этом отношеніи очень яркую иллюстрацію. При каких условіях произошло присоединеніе Румыніи к Антантѣ, и как отнеслось к нему русское высшее военное командованіе, было уже сказано. По словам Белецкаго, Штюмерер в присоединеніи Румыніи видѣл “исключительно личную заслугу”, — так он ему сказал при свиданіи. Если бы таково было мнѣніе Штюмерера, то слѣдовало бы сказать, что Штюмерер сильно преувеличивал, ибо к моменту занятія им должности министра ин. д. вопрос был уже рѣшен, и оставалось опредѣлить лишь срок самого выступленія. И вот с его стороны “было сдѣлано очень много усилій”, — утверждал Нератов, — “чтобы заставить Румынію выступить поскорѣе”. Сам Штюмерер в Чр. Сл. Ком. был болѣе скромн, и говорил: “Я хотѣл, чтобы у нас был лишній союзник, но ни в какой мѣрѣ для этого ничего не сдѣлал. Всѣ военные переговоры шли все время между Ставкой и Румыніей”. Штюмерер пояснял, что не хотѣл влетаться в переговоры начальника штаба, потому что “гдѣ военные вмѣшиваются, мы не судим”.

Для Палолога выступленіе Румыніи — триумф французской политики, который должен был сказаться в послѣдующем вліяніи Франціи в восточной Европѣ. В его изображеніи Штюмерер только противодѣйствовал, прикрываясь авторитетом Алексѣева. Военныя неудачи Румыніи общественное мнѣніе Франціи легко объяснило сейчас же предательством. Бывшій в это время во Франціи с русскими войсками Лисовскій рассказывает, что “французы прозрачно обвиняли в предательствѣ никого другаго, как Россію и русских. Говорилось, правда, не о Россіи, а об ея министрах, работающих на пользу Германіи, в особенности о Штюмерерѣ, будто бы, умышленно направлявшем цѣлыя транспорты французских снарядов, предназначенных румынам, куда то в Сибирь... Но слухи о преступленіи Штюмерера, гулявшіе по Франціи, сразу же замѣтно измѣняли отношеніе французов к Россіи вообще — и в особенности к тѣм, ни в чем неповинным нижегородским и тульским мужичкам, которые сидѣли в мокрых траншеях Шампани”.

*) Англійскій посол увидал даже интригу в том, что его во время завтрака при октябрьском посѣщеніи Ставки посадили между двух великих княжен — специально для того, будто бы, чтобы помѣшать его разговору с Царем, так как Штюмерер и его «могущественные друзья» боялись вліянія, которое посол мог оказать.... Вѣроятно, интимную любовь — царская семья была в Ставкѣ — он с мелочной подозрительностью принял за интригу, так как посол не мог не знать, что в царском обиходѣ не было принято поднимать политическія бесѣды в обѣденное время, и что всѣ аудіенціи происходят послѣ. Такую аудіенцію сэр Дж. Бьюкенен и получил.

Эту ходячую бытовую молву Милоков в рѣчи 1 ноября в Гос. Думѣ, совершенно не считаясь с фактами, сдѣлал одним из крайних камней для постановки вопроса: глупость или измѣна? Он говорил: “Когда вы цѣлый год ждете выступления Румыніи, настаиваете на этом выступленіи*), а в рѣшительную минуту у вас не оказывается ни войск, ни возможности быстро подвезить их по единственной узкоколейной**) дорогѣ, и таким образом, вы еще раз упускаете благоприятный момент нанести рѣшительный удар по Балканам, — как вы назовете это: глупость или измѣна?” По существу Милоков механически, в нѣсколько грубой формѣ, повторял сужденія иностранных дипломатов, которые считали себя компетентными вмѣшиваться в русскую стратегию, в ней не разбираясь, по мнѣнію Алексѣева. Этот удар с палата шел мимо Штюрмера и незаслуженно бил в гораздо большей степени по Алексѣеву и отчасти Сазонову***), но, конечно, вся общественность из прогрессивнаго блока относила его к Штюрмеру и его высоким покровителям. Недаром потом в Чр. Сл. Ком. Родичев иронически говорил о “платоническом” сочувствіи Штюрмера выступленію Румыніи.

Неудачи на новом “южном” фронтѣ, как было отмѣчено, дѣйствительно обезпокоили французскіе правительственные круги, о чем специально телеграфировал Извольскій из Парижа. Французскій и англійскій послы в Петербургѣ в свою очередь сдѣлали Штюрмеру представленіе и требованіе от русских войск самостоятельных операцій на Балканах. Министр передал начальнику штаба эти настоячивыя пожеланія. Против них Алексѣев рѣшительно возразил, находя совершенно несообразным “еще на 500 верст растягивать наш фронт, отправить 150—200.000 войск на Балканы и взвалить на свои плечи

*) Трудно допустить, что Милоков не знал подноготной. Если у такого добросовѣстнаго свидѣтеля, как Нератов, сохранилось почему-то представленіе, что военная задача настаивала на немедленном выступленіи Румыніи (считая, «весьма нужным» — быть может, здѣсь неясность от стенограммы или краткости показаній Нератова), и что министерство в этом вопросѣ, не принимая «самостоятельнаго рѣшенія», всецѣло дѣйствовало по настоянію военных властей и союзников, то даже такой далекий от своих занятіям от внѣшней политики человек, как член Комиссіи Ольденбург, зналъ, что существует «противоположный взгляд», что вопрос в дѣйствительности прошел «под извѣстным давленіем союзников, против намѣренія наших военных властей».

**) Вспомним соответствующіе «стратегическіе совѣты» А. Ф., которая весьма озабочивалась выступленіем Румыніи и была по характеристикѣ Штюрмера в Чр. Сл. Ком. «болѣе довольна..., чѣм заслуживает».

***) Не безинтересен позднѣйшій отклик самого Сазонова в воспоминаніях. Приводя отзыв французскаго военнаго историка ген. Бюа, что выступленіе Румыніи являлось «уже запоздалым», он говорит, что этот взгляд «раздѣлялся вполне и русскими военными кругами и мною лично... Смѣнившій меня в этой должности Штюрмер держался в этом вопросѣ, как во всѣх остальных, противоположнаго со мной взгляда. Это облегчало ему обязанность имѣть собственное мнѣніе в вопросах военной политики. По настоянію наших союзников, дѣйствовавших в свою очередь под давленіем нервно настроеннаго общественнаго мнѣнія, начальник русскаго штаба ген. Алексѣев был вынужден потребовать в концѣ августа 16 г. немедленнаго выступленія Румыніи против Австріи под угрозой лишенія ея общанныхъ выгод В глазах Штюрмера это было болѣе дипломатическим успѣхом, на самом дѣлѣ это было ошибкою, размѣр которой Алексѣев вѣрно оцѣнивал».

тяжесть новой операціи”. “Чуждое часто военных соображеній предложіе союзников, — телеграфировал Алексѣев 28 августа министру, — прикрывается их стремленіем к нашему благу: мы откроем путь, по которому повезут нам тяжелую артиллерію... Жаль, что союзники упустили лѣтніе мѣсяцы для доставки нам артиллеріи, а, дождавшись зимы, предлагают нам же заводить себѣ путь хотя бы цѣной катастрофы на австро-германском фронтѣ... Единственным отвѣтом союзникам признал бы предложіе усилить их салоникскую армію... что обезпечит серьезно Румынію с юга и даст возможность нам завершить с общою пользою для всего союза нашу операцію против австро-германцев*).

Роль Штюрмера в данном случаѣ была пассивной — от того ли, что он еще недостаточно был в курсѣ (вся переписка со Ставкой шла формально через Нератова) или от того, что он, дѣйствительно, считал (и как будто законно) своим правилом не вмѣшиваться в стратегію. Для того, чтобы говорить здѣсь о проявленіи германофильской тенденціи, надо сдѣлать насиліе над фактами.

Такая операція необходима и в других случаях, которые могут характеризовать дѣятельность Штюрмера в качествѣ министра ин. д.— его “самостоятельную” политику. В Чр. Сл. Ком. ему было предьявлено обвиненіе в запрещеніи русской печати помѣщать статьи против личности греческаго короля Константина. В связи с “германофильскими симпатіями” Константина газеты, “стоявшія на точкѣ зрѣнія союзников, — замѣчал предсѣдатель, — требовали мѣр против короля”... Штюрмер отвѣтил, что он сдѣлал это “по повеленію Государя”, который сказал, что он имѣет данныя, свидѣтельствующія о том, что это совершенно невѣрно. Это было еще до занятія Штюрмером поста по дипломатическому вѣдомству**) и произошло в связи с пріѣздом в Россію принца греческаго Николая, который имѣл заданіе разъяснить создавшуюся в Греціи сложную конъюнктуру соперничества заподозриваемаго в германофильствѣ короля и открыто дѣлавшаго ставку на Антанту премьера Венизелоса. (Обуреваемый подозрѣніями предсѣдатель Гос. Думы в воспоминаніях намекает, что эта миссія была организована не без задних шпионских цѣлей). Король утверждал, что свѣдѣнія, полученные дипломатами Антанты о том, что нѣмцы собираются оккупировать Афины, относятся к “фантастическим разсказам”. Союзныя державы (в том числѣ Россія) предьявили в іюль Греціи ультиматум, сопроводив его угрозою десанта в цѣлях обезпеченія своей салоникской операціи. Ультиматум с требованіем смѣщенія кабинета и переизбранія палаты являлся безспорно нарушеніем суверенных прав маленькаго государства, попавшаго между германской наковальней и союзническим молотом. Может быть, наибольше объективную картину происходившаго дал Нератов в показаніях

*) «Если я пошлю значительныя силы в Добруджу — говорил Алексѣев в бесѣдѣ с представителем министерства ин. д. Базили, — я должен буду отказаться от наступательной операціи в Галиціи, а вѣдь война будет рѣшаться на нашем западном фронтѣ; если я ослаблю на нем наше положеніе, нѣмцы могут сдѣлаться на нем хозяевами».

**) 15 іюля Штюрмер из Царскаго Села получил телеграмму: «прикажи-те запретить «Нов. Врем.» и другим печатным органам рѣзкія и неприязненныя статьи против личности короля Константина греческаго».

Чр. Сл. Ком.: просто было “желаніе не быть ввязанным в войну”. “Это было теченіе, можно сказать, прямо національное и только извѣстные круги... возглавляемые Венизелосом, стремились использовать политическое положеніе в Европѣ для того, чтобы возможно болѣе сдѣлать пріобрѣтеній в пользу Греціи”, — мечтали об осуществленіи “велико-греческой программы” *).

Так возникла в Греціи проблема, противопологавшая “національные” интересы, представленныя революціонером Венизелосом, интересам династическим в лицѣ короля. Только этот вопрос и стоял в сознаніи А. Ф., когда она 24 сентября, послѣ бесѣды с принцем Николаем, писала мужу, протестуя и возмущаясь дѣйствіями союзнической дипломатіи: “Должна сказать, что наши дипломаты ведут себя позорно, и если Тино будет изгнан, то это произойдет по нашей винѣ — ужасно и несправедливо — как мы смѣем вмѣшиваться во внутреннюю политику страны, принуждать к роспуску одного правительства и интриговать в пользу возвращенія революціонера на прежній пост. Я увѣрена, что, если бы тебѣ удалось убѣдить французское правительство отозвать Серайля (это мое личное мнѣніе), там сразу все успокоилось бы. Это — ужасная интрига франкмасонов, к числу которых принадлежит французскій генерал (т. е. Серайль, начальник войск на салоницком фронтѣ) и Венизелос, а также много египтян, богатых греков и т. д., собравших деньги и подкупивших даже “Новое Время” и другія газеты, чтобы онѣ писали одно плохое и не помѣщали хороших статей о Тино и о Греціи. Ужасный позор”. “Мы приведем их к республікѣ, мы православные — это прямо позор”. — добавляла Императрица 27-го, прося Императора вызвать Штюмерера и дать ему “твердую инструкцію”. Из резюмѣ доклада Штюмерера и письма Николая II женѣ 15 октября можно уяснить себѣ, в чем заключалась “твердая инструкція”, полученная министром. “Штюмерер составил, — писал Царь, — официальную откровенно дружественную телеграмму к Тино, конечно, шифрованную от моего имени, которая, надѣюсь, улучшит положеніе и поможет ему объявить державам, что он по собственной инициативѣ предпринимает тѣ мѣры, которыя державы грубо насильственно хотят ему навязать”. В этой политикѣ страуса невозможно усмотрѣть проявленіе специфическаго германофильства**).

*) Напомним, что временное революціонное правительство в Россіи (во всяком случаѣ послѣ выхода из состава его перваго министра ин. д. Миллюкова) было «безусловно против насильственнаго втягиванія» Греціи в войну (июльская телеграмма Терещенко в Париж).

**) Не безинтересен отклик, который мы можем найти в «дневникѣ» Палеолога. В серединѣ сентября в рѣшительную фазу «дуэли» короля и Венизелоса во французскомъ посольствѣ появился «журналист», находившійся в контактѣ со Штюмерером и передававшій послу, что нѣкоторые авторитетныя лица при Дворѣ не без удовольствія предвидят возможность династическаго кризиса в Греціи и выражают даже надежду, что Франція окажет содѣйствіе скорѣйшему разрѣшенію вопроса в сторону благоприятную для союзников. Палеолог осторожно отвѣтил, что политика Бріана в отношеніи к Греціи отнюдь не связана со смѣной династіи. Палеолог увидѣлъ здѣсь «игру» Штюмерера и желаніе провести под французскимъ флагом иа греческій престол кандидата из императорской русской семьи. Не стоит анализировать миссію анонимнаго журналиста. Если и допустить, что нѣчто подобное было, никак нельзя признать, что в подобной «игрѣ» Штюмерер дѣйствовал на пользу Германіи.

Нератов отмѣтил, что в період министерства Штюрмера в сущности династической вопрос в греческой проблемѣ не выдвигался и союзниками, и политика Штюрмера фактически “совершенно сходилась с точкой зрѣнія наших союзников”. Только впоследствии они под давлением Франціи перемѣнили свою позицію*).

И еще один эпизод, относящійся к балканской политикѣ, слѣдует отмѣтить, так как он характерен для все той же “германофильской” позиціи Штюрмера. В связи с выступленіем Румыніи ген. Алексѣев с военной точки зрѣнія считал необходимым “исчерпать всѣ средства для привлеченія Болгаріи на нашу сторону”. Мысли Алексѣева встрѣтили “несочувственное” отношеніе у французов. Для того, чтобы “предупредить возможность дальнѣйших толков по этому предмету”, Алексѣев сообщил ген. Жанену (военному представителю в Ставкѣ), что “просит оставить его предположенія без послѣдствій”**) Документы, опубликованные в “Красном Архивѣ” не говорят о мотивах, которые выдвигал ген. Жанен, но за то мы знаем о мотивах, формулированных русским министерством ин. д. и сообщенных в запискѣ Базили, которая была передана Алексѣеву: соглашеніе с Фердинандом умаляет русской престиж среди балканских народов и будет принято, как доказательство слабости. Выдвигался в запискѣ Базили и другой мотив: надо стремиться предотвратить образованіе на Балканах “слишком сильных государств”, стремящихся к гегемоніи — в особенности это относится к Болгаріи, лежащей вблизи проливов. Примиреніе с Болгаріей, — формулирует Базили в личной бесѣдѣ с Алексѣевым, — возможно “лишь при условіи удаленія из этой страны Кюбургов”.

Так, приблизительно, ставил вопрос и Штюрмер в всеподданнѣйшем докладѣ в Ставкѣ 21 августа: “Е. В. одобрил мое предложеніе о том, что никакіе переговоры с Болгаріей невозможны, пока на престолѣ остается король Фердинанд. Инициатива переговоров ни в каком случаѣ не должна принадлежать Россіи. Обращеніе к переговорам возможно только послѣ нанесенія Болгаріи пораженія на полѣ сраженія. Предпочтительнѣе, чтобы переговоры велись не через посредство союзных держав, а через отдѣльных болгарских подданных из числа оппозиціи, преданность каковой Россіи удостовѣрена. Е. В. допускает возможность вести переговоры в том случаѣ, если Фердинанд откажется от престола в пользу своего сына Бориса, крестника Государя-Императора”. Таким образом, “германофильствующій” министр ин. д., назначенный в пѣлях подготовки сепаратнаго мира, и здѣсь шел только по союзнической тропѣ, хотя логика могла бы скорѣе заставить

*) Греческая проблема в новой конфигураціи обсуждалась на международной конференціи в Петербургѣ уже в январѣ 17 г. Впервые вопрос о низложеніи Константина и признаніи Венизелоса в дневникѣ французскаго посла поставлен 5 декабря (н. ст.), когда он записывает соответствующее предложеніе Бриана, послѣ того, как французскія войска должны были покинуть Афины, гдѣ восторжествовала «германофильская» партія. Нератов высказался тогда против этой «авантюры»: его заключеніе казалось Палеолоту «самою мудростью».

**) Сам же он продолжал считать желательным «изыскать способ», завязать «непосредственные сношенія с болгарскими политическими дѣятелями», «без какого бы то ни было чужого вліянія, хотя бы союзников» (письмо Базили 9 августа).

его присоединиться к “военной точкѣ зрѣнія”, ибо гораздо легче было бы при такой уставовкѣ получить третичка в переговорах о предполагаемом мирѣ в лицѣ Фердинанда Кобургскаго, нежели искать случайных встрѣч с неофициальными коммисіонерами и посредниками мира гдѣ-то на сторонѣ*).

IV. АНТИБРИТАНСКАЯ КАМПАНИЯ.

С полным правом можно сказать, что появленіе Штюмерера в качествѣ шефа в зданіи у Пѣвческаго моста не оказало никакого измѣненія в принципах внѣшней политики Россіи — даже в сферѣ того излишняго подчиненія директивам союзной дипломатіи, за которое А. Ф. упрекала Сазонова. Лишь в теоріи Штюмерер должен был проявить самостоятельность и независимость**).

В свое время, в нѣкоторых кругах Гос. Думы вызвало негодование заявленіе Цуришкевича 19 ноября, что Штюмерер ему в *частной бесѣдѣ****) как-то сказал, что “они слишком много от нас требуют”. Среди депутатов раздался “слѣва” возглас: “нѣмецкіе лакеи”. Претенціозность союзных дипломатов на дѣлѣ никакого афронта со стороны министра за всѣ четыре мѣсяца, в теченіе которых он руководил вѣдомством иностранной политики, не встрѣчала. Вот два примѣра.

До англійскаго посольства дошел слух, что тов. мин. ин. д. вмѣсто Арцимовича будет назначен посол в Португаліи Боткинъ (брат лейб-медика), имѣвшій репутацію дипломата “недружелюбно настроеннаго к Англій” (слова Нератова). Против назначенія “пзвѣстнаго германофила” Бьюкенен тотчас же заявил протест. Штюмерер успѣшил завѣрить англійскаго посла, что о назначеніи Боткина “не было и рѣчи”, как он формулировал свой отвѣт в докладѣ Царю 21 августа****).

*) Международная оріентація Штюмерера отчасти может быть охарактеризована нѣкоторой активностью правительственной политики в славянском вопросѣ, проявившейся как раз в августѣ 16 г. Министерство ин. д. при предшественникѣ Штюмерера считало своим долгом придерживаться традицій международнаго права и отвергать поэтому попытки создать на территории Россіи чехо-словацкія войска из военноплѣнных (соотвѣтствующая записка бар. Нольде), хотя чешскіе націоналистическіе круги дѣлали большіе авансы русской Имперіи и выражали желаніе, чтобы «свободная и независимая корона св. Вацлава заблестала в лучах короны Романовых». При новом министрѣ ин. д., столь считавшемся яко бы с нѣмецкими авансами в связи с подготовкой сепаратнаго мира, эта формальная скрупулезность исчезла... В августѣ Николай II принял делегацію союза чехо-словацких обществ в Россіи во главѣ с депутатом Дюрингом, возбудившую ходатайство о созданіи самостоятельнаго чехо-словацкаго войска, и отнесся к этой идѣ сочувственно. (Еще раньше — в апрѣлѣ — военноплѣнные славяне были освобождены по инициативѣ ген. Алексѣева). К этому времени относится и реальное созданіе первых таких военных частей.

**) Лишь обостренная обида могла побудить Сазонова написать в воспоминаніях, что вся дѣятельность Штюмерера у Пѣвческаго моста носила анекдотическій характер и оцѣнена была по достоинству иностранными представителями.

***) У этого неистоваго депутата не только не было «свинца» в ногах, по замѣчанію стараго редактора «Русск. Архива» Баргенева, но не хватало в головѣ, как и у его «пріятеля» Алексѣя Хвостова, каких-то «задерживающих центров».

****) Отрекся Штюмерер и перед Нератовым.

Между тѣм то, что назначеніе Боткина предполагалось, совершенно очевидно слѣдует из докладов того же Штюмера, когда намѣчался и преемник ему на посольском посту. Въмѣсто Арцимовича был назначен чиновник особых порученій при Сазоновѣ Половцев поддерживавшій “очень дружественныя отношенія с англійским посольством и часто бывавшій там” (Нератов). Это был “друг” Бьюкенена по выраженію Штюмера*).

Другой дипломатическій инцидент — по существу своему совершенно пустяковый — болѣе красочен. В субсидируемой из рептильнаго фонда газеткѣ небызвѣстнаго Булацеля (прежняго редактора “Русскаго Знамени”), не имѣвшей никакого авторитета и мало кѣм читаемой (один из представителей прогр. блока, член Гос. Совѣта Ермолов так охарактеризовал эту печать: “гадость, но вліянія не имѣет”) — в “Россійском Гражданинѣ”, в августѣ появилась статейка, которая была признана англійским послом “весьма оскорбительной” для англійской арміи. Затронула Бьюкенена фраза, что “с начала войны британская армія успѣла продвинуться всего на нѣсколько сот метров”. Бьюкенен не только выступил с большим опроверженіем в печати (“Нов. Вр.” 11 авг.), не только выразил министру ин. дѣл “свое возмущеніе по поводу того, что подобная статья могла быть пропущена цензурою”, но и “потребовал печатнаго опроверженія со стороны автора” **). “Штюмер, — вспоминает посол, — колебался, говоря, что он безсилен в этом дѣлѣ***). Я настаивал и, наконец, он заявил, что пришлет ко мнѣ Булацеля. Я сказал послѣднему, когда

* Курьезно, что Штюмер в отвѣт на предложеніе Родичева в Чр. Сл. Ком. разъяснить «дурныя предположенія», связывающіяся с изытіем из министерства Арцимовича, сказал, что послѣдній «служил в Берлинѣ и... существовало опасеніе, что он, может быть, болѣе расположен к Германіи, чѣм желательно». Мечтой Арцимовича было сенаторское кресло, что и реализировалось его отставкой с должности тов. министра. При Штюмерѣ уволен был и «измѣнник» Козел-Поклевскій. Антагонист Штюмера в кабинетѣ старшій Хвостов, слова котораго в Чр. Сл. Ком. о «платонической» любви в международных отношеніях мы цитировали, показывал: «Я довольно низко ставил способности Штюмера и думал, что он с этим дѣлом не справится, слѣдует какіе нибудь опрометчивые шаги и нарушит добрыя отношенія с союзниками, но до меня не доходило чего-либо подозрительнаго в смыслѣ его измѣннических поступков или предположеній. При мнѣ он всегда выражал самыя патриотическія чувства, ярую ненависть к нѣмцам и Германіи и полную симпатію к союзникам. Если он иногда и говорил, то я не видѣл ничего позорнаго (дальѣ шли слова, которыя уже привоились).

** Хотя Бьюкенен в интервью в «Нов. Вр.» и говорил, что он в первый раз в жизни чувствовал необходимость потребовать извиненія, *de facto* дипломатическіе представители демократических держав много раз обращались к правительству «самодержавному» для обузданія неугодной им печати. Напр. Палеолог записывает в февралѣ 11 г.: «много раз я должен был указывать Сазонову, Горемыкину, ген. Сухомлинову на несправедливыя и неучтивыя (*désobligeantes*) оцѣнки нѣкоторых газет. По утвержденію одесскаго издателя и журналиста Ксидіаса «Одесскія Новости» были запрещены по требованію Бьюкенена, как орган англофобскій. Иностранная печать высказывалась подчас очень рѣзко о Россіи. Пытались ли воздѣйствовать соотвѣтствующим образом через правительственные органы, русскіе дипломаты за границей?

*** Штюмер, по словам Нератова, узнал об инцидентѣ от самого Бьюкенена.

он явился, то, что думал о нем и о его статьѣ, но потребовалось больше часа времени, чтобы заставить его согласиться напечатать приготовленное мною опроверженіе. Позднѣе, в теченіе дня, Штурмер телефонировал мнѣ с просьбой смягчить это опроверженіе, но я согласился выкинуть только одну фразу, боясь, что она оскорбит чувства наших друзей в русской арміи". Штурмер нѣсколько по иному рассказал в Чр. Сл. Ком., как он реагировал на инцидент, столь остро затронувшій посла Великобританіи. По его словам, он сразу "взял быка за рога", заставив Булацеля извиниться, а на злосчастный орган послѣдняго была наложена предварительная цензура. (Военно-цензурный комитет предлагал Булацеля посадить в тюрьму, без замѣны штрафом, на 6 мѣсяцев — очевидно, тут и оказал смягчающее вліяніе предсѣдатель Совѣта министров).

Сам по себѣ инцидент ничего не стоил. "Новое Время" правильно писало, что выходка Булацеля производила впечатлѣніе "неприличности, сдѣланной в публичном мѣстѣ". В газетѣ Булацель с присущей дубровинской кликѣ общественной развязностью написал то, над чѣм нерѣдко иронизировала обывательская болтовня, то, что говорили между собою военные, недовольные медлительностью союзников и, быть может, их кажущимся эгоизмом... Подобныя реплики подавались в самой Ставкѣ — на одной из телеграмм Жоффра можно было даже прочесть надпись ген. Данилова: "Опять на полметра продвинулись". Недовольство было взаимное: русскіе недовольны были "бездѣйствіем" союзников — "всю тяжесть войны выдерживают русскіе". Головин говорит, что ему самому приходилось слышать среди солдат фразы: "Союзники рѣшили вести войну до послѣдней капли крови русскаго солдата". В противоположность этим утвержденіям Жоффр говорил: "одни французы воют" (сообщеніе ген. Жилинскаго из Парижа)... Муравьев, один из представителей мин. ин. д. в Ставкѣ писал Сазонову, что в военных кругах "накапает неприязненное отношеніе" к союзникам — "в особенности к англичанам за их бездѣйствіе"; Палеолог записывал в дневник: "французы все дѣлают, а Россія и 1/3 того, что может". Недовольство было глубже — недаром Алексѣев писал ген. Жилинскому (в январѣ 16 г.), что необходима "отповѣдь" за то, что союзники "снимают с нас послѣднюю рубашку". Выказывались "мало обоснованныя" опасенія (в Ставкѣ), что союзники могут примириться с Германіей за счет Россіи — и, конечно, не представляли себѣ, что тогда между Пуанкаре и бельгійским королем Леопольдом, как видно из воспоминаній перваго, дѣйствительно, велась бесѣда на тему о возможности исхода войны, при котором "Россія понесет на себѣ всѣ послѣдствія войны" (Воспоминанія Пуанкаре).

Эти разговоры находили отклики и в печати (напр. статья в "Бирж. Вѣд." 13 іюля 15 г.) — их, вѣроятно, имѣл в виду в продитированной выше записи в дневникѣ Палеолог. Все дѣло было в формѣ. "Истинно русскій" прис. пов. Булацель нарушил правила традицій приличнаго обихода. И только. Но то же "Новое Время" в угоду британскому послу поспѣшило назвать газету Булацеля рупором "кучки германофилов", облекшихся в-одежду англофилов. Между тѣм "германофилы" дубровинцы, к числу ярких представителей которых принадлежал Булацель, в дѣйствительности негодовали на "бездѣйст-

віе” на европейских фронтах (см. упомянутыя письма Пасхалова к Дубровину). Булацелевскому инциденту было придано неподобающее общественное значеніе. Бьюкенен назвал в воспоминаніях инцидент “серьезным столкновеніем” со Штюрмером и в свое время считал долгом довести об инцидентѣ до свѣдѣнія англійскаго правительства. Дипломатическая переписка завершилась благодарностью лондонскаго правительства русскому министру ин. д. за “дружескую и лояльную позицію”. Передавая эту благодарность, что “в душѣ чувствовал” англійскій посол, “я не знаю”, — отвѣтил в Чр. Сл. Ком. Штюрмер. Отвѣт дают воспоминанія Бьюкенена. Впрочем, не только воспоминанія, но и послѣдующія дѣйствія посла.

Через два мѣсяца на приѣмѣ в Царском Селѣ Бьюкенен считал нужным объяснить Царю, что принятыя им “строгія мѣры” по отношенію к “нападкам” Булацеля, объясняются тѣм, что его “газета субсидируется очень могущественной анти-британской кликой”. (Не Царю, а своим читателям мемуарист поясняет, что он имѣлъ основаніе “подозрѣвать”, что “газета инспирируется” нѣкоторыми из приближенных к Штюрмеру). Бьюкенен во время аудіенціи хотѣлъ говорить о Штюрмерѣ по просьбѣ “двух членов императорской семьи” — убѣдить Царя разстаться со своим министром на том основаніи, что послѣдній “не внушает довѣрія союзным правительствам” и просить о возвращеніи Сазонова. Он этого не сдѣлал в силу предостереженія со стороны Нератова о преждевременности возбужденія этого вопроса, и ограничился лишь указаніем на растущую антибританскую кампанію. “Эта кампанія, — говорил посол, — ведется не только в Петроградѣ, но и в Москвѣ, и в других городах, и у меня имѣются данныя вѣрить, что люди, симпатизирующие Германіи, стараются обезпечить благоприятный для нея мир, убѣждая публику в том, что Россія ничего не выиграет от продолженія войны”. “Государь, — передает посол в воспоминаніях, — возразил на это, что люди, которые держатся таких взглядов в то время, когда нѣсколько русских губерній занято неприятелем — предатели. Напомнив мнѣ о том, что он с самаго начала войны объявил, что никогда не заключит мир, покуда хоть один вражескій солдат будет находиться на русской землѣ, он сказал, что ничто не заставит его пощадить Германію, когда наступит время для мирных переговоров”.

Антибританская кампанія стала коньком англійскаго посла. В концѣ октября он выступил на засѣданіи преобразованнаго Англо-Русскаго Общества в городской Думѣ под предсѣдательством Родзянко с рѣчью, основною темой которой была германофильская партія в Россіи, пытающаяся подорвать союз с Англійей и подготовить почву для “преждевременнаго мира”. Откуда черпал сэр Джордж свои данныя? Их доставляло послу інформаціонное бюро при посольствѣ во главѣ с Гюго Вальполем. Бюро подбирало слухи, которые посол старательно сообщал в Англію. Происхожденіе их посол приписывал интригѣ Германіи, желавшей доказать, что Россія ничего не может выиграть от дальнѣйшаго веденія войны: с “этой гнусной кампаніей гораздо труднѣе было бороться”, — замѣчает Бьюкенен, — чѣм “со старой клеветой о нашем прежнем бездѣйствіи”.

Бьюкенен преувеличивал то, что можно было реально отмѣтить*). Союзническія дипломатіи сами лишь муссировали молву о каком-то мифическом сепаратном мирѣ, который кто-то подготавливает за кулисами. Не приходится удивляться, что, по утверждению Палеолога, в началѣ еще октября к нему явились болѣе 20 человекъ с вопросом о распространившихся в Петербургѣ со всѣхъ сторонъ слухахъ, что Штюрмер склоняетъ Императора на рѣшеніе кончить войну и пойти на сепаратный мир. Эта легенда, — утверждал в своихъ записяхъ французскій посол, — не могла бы найти себѣ кредита безъ содѣйствія со стороны Штюрмера и его банды. Поистинѣ вина сваливалась на чужую голову.

*) По обобщающимъ даннымъ Московск. Охр. Отд. на состоявшейся в концѣ ноября конференціи к.-дем. партіи «многіе делегаты отмѣчали все растущее в обществѣ, отрицательное отношеніе к Англии. Изъ записей Милокова видно, что Шингаревъ в засѣданіи блока 27 ноября говорилъ, что «приходится бороться в нашей собственной средѣ с опасеніемъ Англии».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

« ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМѢНА »

I. — « ИСТОРИЧЕСКАЯ » РѢЧЬ МИЛЮКОВА.

1. — “ Глупость или измѣна ” ?

В обрисованной в предшествующей главѣ атмосферѣ и была произнесена в Гос. Думѣ “ историческая ”, по характеристикѣ сэра Дж. Бьюкенена, рѣчь Милюкова 1 ноября. О ней уже не раз приходилось упоминать. Схема рѣчи не представляла новизны, ибо почти дословно повторяла коицещю, прочно укрѣпившуюся в сознаниі руководителей прогрессивнаго блока и перед тѣм формулированную со слов участников оппозиціонных Совѣщаній агентурой департамента полиціи — германская придворная партія исподволь подготавливает заключеніе Россіей сепаратнаго мира. Новизна варіанта заключалась в том матеріалѣ, которым воспользовался лидер думской оппозиціи, и в попыткѣ зафиксировать, пользуясь цитатой из вѣнской “*Neue freie Presse*”, окончательную “ побѣду придворной партіи, которая группируется вокруг молодой царицы ”.

“ Пропастъ между думским большинством и властью стала непродолимой ”, — заявил думскій трибун: — “ Мы потеряли вѣру в то, что эта власть может нас привести к побѣдѣ ”. Своим систематически повторяемым риторическим вопросом: глупость или измѣна?, — формально предоставляя слушателям сдѣлать удареніе в ту или иную сторону (“ выбирайте любое, послѣдствія тѣ же ”), но подсказывая вывод словами: “ как будто трудно объяснить все только глупостью ”*), Милюков подводил как бы фундамент под тѣ анонимные слухи, которыми жило тогдашнее общество. Вѣдь их открыто с кафедры Гос. Думы подтверждал отвѣтственный вождь думской оппозиціи и что, может быть, в общественном сознаниі было еще важнѣе — общепризнанный историк, как будто, привыкшій в своей критической научной работѣ к анализу фактов. Недаром извѣстный московскій писатель-юрист Трайнин в связи с “ исторической ” рѣчью, произнесенной в Гос. Думѣ, напоминал в “ Русских Вѣд. ”, что “ парламентская трибуна священна для депутата ”, и что каждое слово, произнесенное с цѣлью низменной, является “ кощунством ”. Трудно было не повѣрить авто-

*) В своей «Исторіи революціи» Милюков говорит, что сам оратор склонялся скорѣе к первой альтернативѣ, но аудиторія поддерживала вторую.

ритетному слову — отсюда и его резонанс в странѣ. К тому же думскій трибун не только намекал. По отношенію к предсѣдателю Совѣта и министру ин. д., как мы уже видѣли, весьма недвусмысленно было брошено обвиненіе в сознательном и даже довольно грубом предательствѣ. Трудно было по иному понять заявленіе о выдачѣ воюющим врагам “сокровеннѣйших секретов”. Запрещеніе печатанія думских рѣчей 1—3 ноября (онѣ с пропусками были допущены военной цензурой в газетах лишь 29-го), значительно увеличило их резонанс в странѣ, так как в запрещеніи увидали прямое подтвержденіе той непріятной для правительства “правды”, которая была сказана с думской трибуны — рѣчь 1 ноября, получившая квалификацію “знаменитой”, стала усиленно распространяться нелегально.

В началѣ рѣчи Милоков вспоминал, что с той же кафедры 19 іюля он предупреждал, что “ядовитая сила подозрѣнія уже дает обильные плоды”, что “из края в край земли русской расползаются темные слухи о предательствѣ и измѣнѣ”, и что “слухи эти забираются высоко и никого не щадят”. “Увы, господа, эти предупрежденія, как и всѣ другія, не были приняты во вниманіе. В результатѣ в заявленіи 28 предсѣдателей губ. управ, собравшихся в Москвѣ 25 октября этого года, вы имѣете слѣдующія указанія: “мучительное, страшное подозрѣніе, зловѣщіе слухи о предательствѣ и измѣнѣ, о темных силах, борющихся в пользу Германіи и стремящихся путем разрушенія народнаго единства и сильной розни подготовить почву для позорнаго мира, перешли нынѣ в ясное сознаніе, что враждебная рука тайно влияет на направленіе хода наших государственных дѣл. Естественно, что на этой почвѣ возникают слухи о признаніи в правительственных кругах безцѣльности дальнѣйшей борьбы, своевременности окончанія войны и необходимости заключенія сепаратнаго мира”. Передавая эти “темные слухи”, оратор как будто дѣлал нѣкоторую оговорку: “Я не хотѣл бы итти навстрѣчу излишней, быть может, болѣзненной подозрительности, с которой реагирует на все происходящее взволнованное чувство русскаго патріота”... “но как вы будете опровергать возможность подобных подозрѣній, — говорил вмѣстѣ с тѣм Милоков, — когда кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнѣйшими государственными дѣлами”. На основаніи сообщенія “Berl. Tageblatt” в рѣчи далѣе назывались имена, принадлежавшія к этой всемогущей “кучкѣ темных личностей”: Манасевич, Распутин, Штюрмер. В “статьѣ, — прибавлял оратор, — называют еще два имени — кн. Андронникова и митр. Питирима, как участников назначенія Штюрмера вмѣстѣ с Распутным”. И вся слѣдующая рѣчь Милокова в сущности стремилась доказать, что “темные” и “зловѣщіе” слухи имѣют опредѣленную достовѣрность. Эта сторона рѣчи должна представлять для нас особый интерес.

Приведя упомянутыя выше цитаты из нѣмецких газет с характеристикой Штюрмера, Милоков спрашивал: “откуда же берут германскія и австрійскія газеты эту увѣренность, что Штюрмер, исполняя желанія правых, будет дѣйствовать против Англіи и против продолженія войны”. “Из свѣдѣній русской печати”, — отвѣчал политик и историк: “В московских газетах была напечатана замѣтка по поводу записки крайне правых, доставленной в Ставку в іюль перед второй

побѣдкой Штюмера. В этой запискѣ заявляется, что, хотя и нужно бороться до окончательной побѣды, но нужно кончить войну своевременно, а иначе плоды побѣды будут потеряны вслѣдствіе революціи. Это — старая для наших германофилов тема, но она на этот раз развивается с новыми подробностями... Кто дѣлает революцію? Вот кто: оказывается ее дѣлают городскіе и земскіе союзы, военно-промышленные комитеты, сѣзды либеральных организаций... лѣвыя партіи, — утверждает записка, — хотят продолжать войну, чтобы в промежуткѣ организовать и подготовить революцію. Господа, вы знаете, что кромѣ подобной записки существует дѣльный ряд отдѣльных залисок, которыя развивают ту же мысль... Так вот, господа, та *idée fixe* революціи, грядущей со стороны лѣвых, та *idée fixe* помѣшательства, но которая обязательна для каждаго вступившаго члена кабинета, и этой *idée fixe* приносится в жертву все: и высокій національный порыв на помощь войнѣ, и зачатки русской свободы, и даже прочность отношеній к союзникам”.

Переходя к характеристикѣ впечатлѣнія за границей от отставки Сазонова, Милюков нащупывал тѣх агентов, которые по “рецепту” Штюмера производили разрушеніе “деликатнѣйших фибр между-союзной ткани”. Все это были “тѣ же темныя тѣни” из “прежняго вѣдомства Штюмера — министерства вн. д. и департамента полиціи”. Милюков нащупал их в дни пребыванія в Швейцаріи, гдѣ в узлѣ скрещиванія всевозможных махинацій нѣмецкой пропаганды могли найти себѣ наибольшее примѣненіе “особыя порученія”, и гдѣ Милюков узнал, что департаментскіе чиновники являлись постоянными “посѣтителями салонов русских дам, извѣстных своим германофильством”: “оказывается, что Васильчикова имѣет преемниц и продолжательниц. Я не буду называть вам имя той дамы, перешедшей от симпатіи к австрійскому князю к симпатіи к германскому барону, салон которой на Віа-Курва во Флоренціи, а затѣм в Монтрѣ в Швейцаріи был извѣстен открытым германофильством хозяйки... Теперь эта дама приблизительно в это самое время переселилась из Монтре в Петроград. Газеты в особо торжественных случаях упоминают ея имя. Пробѣдом через Париж обратно, я застал еще свѣжіе слѣды ея пребыванія. Парижане были скандализированы германскими симпатіями этой дамы, и должен прибавить, ея отношеніями к русскому посольству, в которых, впрочем, наш посол не виноват. Кстати сказать, это та самая дама, которая начала дѣлать и политическую карьеру г. Штюмера”... “Я не утверждаю, что я непремѣнно попал на один из каналов общенія. Но это одно из звеньев той однородной ткани, которая очень плотно облегает извѣстные общественные круги. Чтобы открыть пути и способы той пропаганды, о которой еще недавно откровенно говорил нам сэр Дж. Бьюкенен, нам нужно судебное слѣдствіе, вродѣ того, какое было произведено над Сухомлиновым. Когда мы обвиняли Сухомлинова, мы вѣдь тоже не имѣли тѣх данных, которыя слѣдствіе открыло. Мы имѣли то, что имѣем теперь: *инстинктивный голос всей страны и ея субъективную увѣренность*”.

Обращаться к современному правительству со словами убѣжденія, по мнѣнію лидера оппозиціи бесполезно, “когда страх перед народом, перед всей страной слѣпит глаза и когда основной задачей является поскорѣ окончить войну, хотя бы в ничью, чтобы только отдѣлаться

поскорѣе от необходимости искать народной поддержки*)). “Говорят, что член Совѣта министров, услышав, что на этот раз Гос. Дума собирается говорить об *измѣнѣ*, взволнованно воскликнул: “Я, может быть, дурак, но не измѣнник”... “Развѣ же не все равно для практическаго результата, имѣем ли мы в данном случаѣ дѣло с глупостью или с измѣной”**). В подтвержденіе оратор дал нѣсколько иллюстрацій: выступленіе Румыніи (о чем уже говорилось), польскій вопрос — его тормозят и помогают тѣм самым осуществленію надежд Вильгельма, “получить полумилліонную армію”, дезорганизациа продовольствія — власть “сознательно предпочитает хаос”, провокаціа безпорядков — это может служить мотивом для прекращенія войны. В заключеніе нѣсколько неожиданно Милоков свел все дѣло к “неспособности и злонамѣренности *даннаго* состава правительства”, побѣда над которым “будет равносильна выигрышу всей кампаніи” и заявлял, что Дума будет бороться, пока не добьется отвѣтственнаго правительства, готоваго “выполнить программу большинства”.

Этой утопической — при половинчатой парламентской тактикѣ прогрессивнаго блока — мечтой и была закончена рѣчь об “измѣнѣ” той придворной партіи, которая готовилась захватить власть и реализовать проект сепаратнаго мира. В изображеніи оратора эта могущественная партія свелась к “кучкѣ авантюристов”, засѣдавших в “Царской прихожей”, через которую должны были проходить кандидаты на министерскіе посты. Тѣм самым было засвидѣтельствовано, что трагическій вопрос об “измѣнѣ” лишь демагогическій постамент, которому сам обличитель фактически серьезнаго значенія не придавал. Не даром рѣчи об “измѣнѣ” предшествовало шумное традиціонное “ура” императорской власти послѣ рѣчи предсѣдателя Думы.

Для настроенія момента, конечно, показательно, что “грубоватая, но сильная”, по выраженію Шульгина, рѣчь Милокова, “совершенно соответствовавшая настроенію Россіи, была встрѣчена почти без критики (за исключеніем “крайне правых”) — даже в таких кругах, гдѣ этого ожидать нельзя было. Своеобразную теорію развил в показаніях Чр. Сл. Ком. входившій в состав тогдашняго правительственнаго кабинета гр. Игнатьев, если только он был в это уже революціонное время вполне искренен в своих словах. Игнатьев сообщал, что еще до засѣданія Думы в Совѣтѣ министров обсуждался предлагаемый блоком проект резолюціи (правительство имѣло своего информатора в лицѣ примыкавшаго к блоку депутата Крупенскаго). Резолюціа “всѣх возмутила”; “меня она не возмутила, а смутило по отношенію к Гос. Думѣ то, что выдвинуто в резолюціи выраженіе “измѣна”, “нельзя слово “измѣна” формулировать на всю Европу. Гос. Дума может это дѣлать в рѣчах в пылу краснорѣчія, но в резолюціи, заготовленной заранее, должны быть выраженія отвѣтственныя, которыя могут имѣть доказательства, если же доказательств нѣтъ, то таких выраженій нѣ должно быть... думается мнѣ, что формула “измѣна” доказана не

*) У носителей верховной власти во всяком случаѣ этого страха «перед народом, перед всей страной» не было. Существовала как раз противоположная иллюзія, что уже много раз было отмѣчено в нашем изложеніи.

***) На этой молвѣ, приписывавшей указанную фразу военному министру ген. Шуваеву, Милоков и построил свою антитезу: глупость или измѣна.

могла быть. Могли быть предположения, но данных не было, и мнѣ казалось, что Думѣ рискованно выступать для ея авторитета". "Бываютъ выраженія, — пояснялъ свидѣтель, — *умѣстныя* в рѣчах (чему слѣдовалъ Миллюков), но в резолюціяхъ негодныя". Слѣдовательно, по мнѣнію быв. царскаго министра, в Думѣ были допустимы безответственныя выступленія, если только была внутренняя убѣжденность у тѣх, кто такіа выступленія совершалъ.

В своихъ, чрезвычайно стилизованныхъ воспоминаніяхъ*) Шульгинъ рассказываетъ, что в бюро прогрессивнаго блока под предсѣдательствомъ весьма умѣреннаго депутата Шидловскаго подверглась предвѣстительному обсужденію резолюція Думы к "переходу къ очереднымъ дѣламъ". В проектѣ имѣлось "ужасное" "роковое слово" — "измѣна". При обсужденіи "рѣзко обозначились два мнѣнія", столкновение которыхъ привело къ тому, что "едва не треснулъ блок". "Мнѣніе № 1", очевидно, сформулированное правымъ крыломъ, считало, что примѣненіе такого "страшнаго оружія" нанесетъ "смертельный удар правительству"... "Конечно, если измѣна дѣйствительно есть, нѣтъ такой рѣзкой резолюціи, которая могла бы достаточно выразить наше къ такому факту отношеніе. Но для этого нужно быть убѣжденнымъ в наличности измѣны**). "Мнѣніе № 2" полагало, что власть назначеніемъ Штурмера бросила "новый вызовъ Россіи"... "Если нѣтъ "предательства", то во всякомъ случаѣ цѣль такихъ дѣйствій такова, что истинные предатели не выдумали бы ничего лучше, чтобы помочь нѣмцамъ. Слово "измѣна" "повторяетъ вся страна". Если этого слова не скажетъ Гос. Дума и "хотя бы в смѣгченномъ видѣ" не выскажетъ того, чѣмъ "кипитъ вся Россія" — "тогда это настроеніе найдетъ себѣ другой выходъ". "Тогда оно выйдетъ на улицу". "Толпа насъ толкаетъ в спину" и "мы должны понимать, что мы сейчасъ в положеніи человѣческой цѣпочки, которая сдерживаетъ толпу", но "все имѣетъ свой предѣлъ"... "Играть в эту игру мы согласны только при одномъ условіи — карты на столъ. Сообщите намъ факты измѣны". Блокъ "зловѣще скрипнулъ". "В концѣ концовъ побѣдило компромиссное рѣшеніе". Слово "измѣна" было включено в резолюцію, но "безъ приписыванія измѣны правительству". Говорилось лишь, что дѣйствія правительства привели къ тому, что "роковое слово измѣна ходитъ из устъ в уста". Представившіе мнѣніе № 1, удовлетворились обѣщаніемъ адептовъ "мнѣнія № 2", что "доказательства" они представятъ в своихъ рѣчахъ с кафедры Думы***).

*) Стилизація ихъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, при которыхъ стираются всѣ грани между словомъ мемуариста, вымысломъ романиста и позднѣйшей оцѣнкой политика.

**) В рѣчи Миллюковъ говорилъ, ссылаясь на опубликованный во французской «желтой книгѣ» германскій документъ о приемахъ дезорганизации непріятельской страны (см. «Золотой нѣмецкій ключъ къ большевицкой революціи»), что германцы «ничего лучшаго... не могли сдѣлать, какъ поступить такъ, какъ поступило русское правительство»: в данномъ случаѣ Миллюковъ повторялъ лишь болѣе раннія слова Гучкова: «Если бы жизнью руководилъ нѣмецкій штабъ, онъ не создалъ бы того, что создала правительственная власть». Слова Гучкова и Миллюкова в воспоминаніяхъ повторены Родзянко.

***) В воспоминаніяхъ, поддѣланныхъ подъ «дневникъ», Шульгинъ пытается реабилитировать себя: «разумѣется, шпиономанія — это отвратительная неизменно глупая зараза. Я лично не вѣрю ни въ какія «измѣны», а борьбу с нѣмецкимъ засиліемъ» считаю дурацко-опаснымъ занятіемъ. Я пробовалъ бороться с этимъ и даже в печати указывалъ, что «поджигая бикфордовъ шнуръ,

Взгляды карандашныя замѣтки Милюкова вновь помогают вставить в надлежащія рамки мемуаров воспроизведеніе прошлаго, нѣсколько конкретизируя то, что происходило на засѣданіях бюро блока, — контуры изложенія не всегда совпадут. Пренія о тактикѣ в связи с выработкой резолюціи к предстоящей сессіи Гос. Думы заняли цѣлый мѣсяц. Начал Милюков, поставившій в категорической формѣ 1 октября вопрос: “Мы должны перестать длить обман, т. е. снять тѣ “декораціи” в видѣ Гос. Думы, которыми прикрывалась в той или иной степени власть”. Милюкова очень рѣшительно и образно поддержал Шульгин, высказавшійся “за ломку шеи правительства”. И по мнѣнію Шингарева пришло время поставить вопрос “ребром — или правительство или Дума”. Должен начаться общій “штурм власти”, как тогда же охарактеризовал подобныя предложенія націоналист Крупенскій. Он не сочувствовал столь рѣшительно постановкѣ проблемы: “если все задѣнем, ничего не достигнем (“главное уничтожить Штурмера”). Маклаков заявлял, что вообще “блок провалился”, т. е. оказалась мертворожденной идея возможнаго соглашенія думскаго большинства с правительством — и на программѣ и в тактикѣ; дискредитирована самая концепція “министерства довѣрія”, — признавал Шингарев. Единичные голоса, предлагавшіе испробовать путь непосредственнаго обращенія к коронѣ (Стемпковскій), поддержки не встрѣчали. Только Родзянко продолжал настаивать на необходимости воздѣйствовать непосредственно на Императора, у котораго “большое чутье и никакой воли”. В воспоминаніях Родзянко говорит, что он предлагал коллективное выступленіе в частном порядкѣ отвѣтственных думских кругов в цѣлях выяснить монарху серьезность положенія в странѣ, но Милюков протестовал против такого неконституціоннаго дѣйствія. Мы видим, что игра в “парламент”, мало соответствовавшая существовавшим взаимоотношеніям верховной власти и народнаго представительства, была свойственна не одному только Милюкову*). Но не конституціонныя соображенія, не воспоминанія о неудачных обращеніях к монарху, набивших “оскомину”, сыграли рѣшающую роль в признаніи в данном случаѣ метода обращенія к коронѣ “в основѣ порочным”, как выразился Шингарев. Сама “корона” уже ставилась под подозрѣніе с момента, когда, — говорил Капнист, — “нас готовят к сепаратному миру, показывая разными путями, что дальше так

надо помнить, что у тебя на другом концѣ». Я хотѣлъ этим сказать, что нельзя всякаго нѣмца в Россіи считать за шпіона потому, что он нѣмец, памятуя о принцессѣ Алисѣ Гессенской... Меня прекрасно поняли и тѣм не менѣе изругали с «Нов. Вр.» во главѣ... Но «все же нельзя не считаться, когда всѣ помѣшались на этом... Это нестерпимо глупо, но вѣдь всѣ революціи во всѣ вѣка двигались какими нибудь кругло идіотскими соображеніями». Ссылка на «революціи» уже потому совсѣм не уместна под пером Шульгина, что тѣ «добровольныя ишейки», которыя по его словам, рыскали «даже вокруг Двора», отнюдь не принадлежали к революціонной средѣ.

*) Человѣкъ искренній, но политически нѣсколько примитивный, предсѣдатель Думы, может быть, реалистичнѣе оцѣнивал возможность воздѣйствія на монарха, который органически не понимал парламентской конституціи, отрицая наличность ея для Россіи и по своей психологіи был болѣе склонен к приватным бесѣдам. Думская делегація, не выходявшая в таком представительствѣ из сферы своего вѣдѣнія, могла быть принята монархом и оказать соответствующее вліяніе в «трагической» момент переживаемаго времени.

нельзя". "Если есть злая воля, в которую вѣрит страна, которая с дьявольской ловкостью, с гениальной прозорливостью готовит обстановку сепаратного мира, надо в это и ударить". "Надо сказать это страшно, назвав это дѣйствие измѣной" — брал "быка за рога" Шингарев. Непосредственное обращение к коронѣ становилось психологически невозможным.

Но что слѣдовало дальше? Тут мысль лидеров блока упиралась в обычный тупик, из котораго выхода она не могла найти. Логически вытекал "путь революціонный". "Наше положеніе трагично", — признавал стоявшій по тактикѣ на лѣвом флангѣ Ефремов, — "потому что наш долг произвести переворот, чтобы добиться побѣды". Представитель прогрессистов боялся, однако, сдѣлать революціонный "вывод" и сказать: "братцы, свергайте правительство". Боялся, очевидно, не только потому, что знал неспособность к такому шагу блоковского объединения: "на революціонное дѣйствие не пойду" — ультимативно заявил Родзянко, не вѣровавшій в "сверженіе" и не представлявшій себя "будущаго царя, нѣтъ другого человѣка". Не только в этой плоскости лежало сомнѣніе, что отчетливо подчеркнул Шингарев — большой "скептик на счет революціи" — полагавшій, что "революціонный взрыв даст возможность свалить на нас отвѣтственность" — это будет "услугой врагу и режиму". Капнист считает, что "революціонным путем" можно пойти только "в случаѣ сепаратного мира". Шингарев не вѣрил, что "сепаратный мир вызовет революцію". "Массы усталых людей в деревнѣ и арміи пожелают воспользоваться возможностью отдохнуть". Он "увѣрен, что удар по національному самолюбію безслѣдно не пройдет" и предвидѣлъ полосу "террора", революціи в будущем, но не "непосредственно послѣ войны".

Реальный страх был не в том, что "в случаѣ роспуска волна нас захлестнет", а в том, что активный призыв думской оппозиціи может натолкнуться прежде всего на апатію в странѣ — надо еще "готовность бороться до конца". Слово об "измѣнѣ" было самым агитаціонным средством — гораздо болѣе дѣйственным, нежели "булавочные уколы" обычных нападков на своекорыстную и неумѣлую политику власти. Неизбѣжная при таких условіях коллизія между "правдой" и тактикой весьма опредѣленно сказалась в послѣдніе дни обсуждения блоком своей послѣдующей ориентаціи. То, что держалось в "тайнѣ", стало явным. В Совѣт министров была доставлена одна из шести копій, размноженнаго по числу блоковых фракцій, проекта деклараціи — она была передана націоналистом Крупенским. Со стороны Совѣта министров была сдѣлана попытка воздѣйствовать на лидеров блока (об этом ниже) и побудить устранить из резолюціи слово "измѣна", в котором видѣли выпад против короны: Шидловскій докладывал в блокѣ, что правительство считает, что подобное слово, произнесенное с кафедры, будет имѣть характер "удостоверенія для народа". С этим вполне солидаризировались нѣкоторые ораторы блоковаго совѣщанія. Напримѣр, Гурко. Он считал "представленіе об измѣнѣ правительства ложным" — "я первый буду протестовать против обвиненія в измѣнѣ", "пускать мысль об измѣнѣ есть увеличеніе смуты в странѣ... Масса схватывает общій тон. Впечатлѣніе получится: во главѣ Россіи предатели и поэтому будем их изгонять". Гурко предлагал усилить в де-

кларациі положеніе, что “правительство столь глупо, что приводит к ложным слухам об измѣнѣ”. Если Дума вычеркнет об измѣнѣ, “правительство одержит побѣду”, — доказывал другой член Гос. Совѣта Шебеко. Отсюда и родился компромисс закомфлированного удара: “предупрежденіе есть умѣлая попытка погугать”, — опредѣлил смысл этого компромисса Стахович. В проектѣ Милюкова утверждалось, что “увѣренность в измѣнѣ родинѣ... становится всеобщей”; что “подбор министров” как бы указывал на “направляющую руку”, которая “представлялась прямым продолженіем работы наших врагов”. Но общая резолюція является “блюдом”, а не “соусом”, — обосновал в одном из засѣданій бюро блока Шидловскій свободу творчества депутатакаго слова: фракціонные ораторы вольны подносить приготовленное блоком “блюдо” под соответствующим индивидуальным “соусом”. Это и сдѣлал Милюков, по его собственным словам, получившій от своей фракціи *carte blanche*. Самая форма “предупрежденія”, сдѣланнаго лидером оппозиціи с трибуны Гос. Думы была подсказана одним из выступавших в блокѣ представителей Гос. Совѣта (кн. Голицыным), предложившим такую формулировку: “факты приводят к убѣжденію: либо круглые идіоты, либо, измѣнники — выбирайте”. Блок, дѣйствительно, дал трещину — в обѣ стороны: на правом флангѣ и на лѣвом. Значительная часть “націоналистов” не пожелала присоединиться к “штурмованію” власти “во время войны”, отказались присоединиться к деклараціи и прогрессисты, усомнившіеся в готовности думскаго большинства к дальнѣйшей реальной борьбѣ с правительством. Но не только земцы-октябристы, о которых говорил Ефремов в своем объяснительном словѣ в бюро по поводу воздержанія прогрессистов, склонны были, переходя от слов к дѣйствіям, до времени не сходить с пути, который Капнист назвал, “булавочными уколами”. Для того, чтобы уничтожить фикцію хотя бы нѣкоей согласованности правительства и народнаго представительства, на собраніи, гдѣ говоривались горячія рѣчи о подготовкѣ сепаратнаго мира и пр., Шингарев предлагал: “давайте ахнем законопроект по ст. 87 — по предметам, безразличным странѣ*). Гора рождала мышь.

2. — “ Ф а к т ы и з м ѣ н ы ”

1-го ноября Милюков предъявил “факты измѣны”. *Post factum* Шульгину они не казались “очень убѣдительными” — “чувствовалось чт. Штурмер окружен какими-то подозрительными личностями, но не болѣе”. В дѣйствительности “историческая” рѣчь со стороны конкретнаго матеріала, легшаго в ея основу, в значительной своей части, особенно в той, что касается “измѣны”, абсолютно не выдерживает критики. Милюков считал себя в правѣ бросать тяжелыя обвиненія на основаніи, болѣе чѣм. зыбком, что и побуждало эти обвиненія на крайне

*) В введеніи к французскому изданію матеріалов, вошедших в сборник «Паденіи царскаго режима», т. е., вопросов в Чр. Сл. Ком. Временнаго Правительства, Маклаков высказывал недоумѣніе по поводу систематической оппозиціи со стороны Думы «созданію особаго министерства гигиены» (должен был его воззвать проф. Рейн), предпочитавшей оставить врачевное дѣло в веденіи одного из департаментов мин. вн. д. Послѣ предложенія Шингарева эта думская тактика становится понятной.

правом флангѣ Думы разсматривать, как инсинуацію и клевету. Когда, напр., оратор, цитируя издававшійся в Бернѣ германофильскій орган “Der Bund”, который ссылался на сообщеніе русских газет, говорил о засѣданіи в Ставкѣ в серединѣ іюля, гдѣ обсуждалась возможность заключенія мира в связи с запиской “крайне правых”, Замысловскій, Марков 2-й и др. съ мѣста требовали оглашенія подписей и называли оглашеніе “завѣдомой неправдой”. Милюков, заявив, что он “не чувствителен к выраженіям Замысловскаго (“клеветник”!), указал, что его источник — “это московскія газеты, из которых есть перепечатки в иностранных газетах. Я передаю тѣ впечатлѣнія, которыя за границей опредѣляли мнѣніе печати о назначеніи Штурмера”. По существу в формулировкѣ, сдѣланной в рѣчи с чужих слов, ничего криминальнаго не было; криминальное являлось лишь по связи с общим контекстом рѣчи. Но дѣло в том, что, конечно, ни в каких московских газетах не могло появиться сообщеніе о секретном засѣданіи в Ставкѣ по поводу сепаратнаго мира. Никакого засѣданія в Ставкѣ с обсужденіем условій возможнаго мира не было, и никакой записки в Ставку от имени крайне правых в то время не представлялось. Ни в одной из дошедших до нас записок правых, доведенных до свѣдѣнія монарха, такой формулировки, какую придавала нѣмецкая печать на основаніи сообщенія “русских газет”, не встрѣчается. Нѣтъ ее и в запискѣ, приписываемой правому кружку Римскаго-Корсакова, и, по утверженію Белецкаго, в свое время не представленной Штурмером Царю*) в виду того, что она не отвѣчала либеральному курсу, котораго послѣ февральскаго посѣщенія Царем Думы собиралось держаться правительство. Быть может, нѣчто похожее можно найти лишь в анонимной запискѣ, процитированной в мартѣ в Гос. Думѣ одним из тогдашних политических “перелетов” Савенко (см. выше). Однако, это мифическое засѣданіе в Ставкѣ о сепаратном мирѣ со слов Милюкова 1-го ноября настолько прочно утвердилось в общественном мнѣніи, что и ему не раз возвращалась Чр. Сл. Ком. Временнаго Правительства.

Стараясь выявить штурмеровскую агентуру за границей, Милюков нашел в германофильствующей болтовнѣ в дамском салонѣ один из “каналов” преступнаго общенія с врагом во время войны. Не называя имени “преемницы и продолжательницы” Васильчиковой, он болѣе чѣм прозрачно намекал на родственницу жены русскаго посла в Парижѣ Извольскаго. Смысл этого намека заключался в заявленіи, что упомянутая дама переселилась в Петербург, и что “газеты в особю торжественных случаях упоминают ея имя”. Непосвященные поняли, что рѣчь идет о близкой царской семьѣ гофмейстеринѣ Ел. Ал. Нарышкиной — в царском семейном кругу именовавшейся “М-м Зизи”. “Бѣдная старушка”, как выражалась в письмѣ А. Ф., вполосилась. Дѣло в том, что оратор слухал разных Нарышкиных — за границей проживала Е. Н. Нарышкина (Лили Нарышкина), имѣвшая связь с б. австрійским послом в Россіи кн. Лихтенштейном. “Она (т. е. М-м Зизи), — писала А. Ф., — послала за Сазоновым (закадычным другом Милюкова) и велѣла ему все объяснить и настоять на том, чтобы тот написал в газетах, что был введен в заблужденіе. Это появится в “Рѣчи”, и теперь она опять успокоилась. Они задѣвают всѣх окру-

*) Путаница в исторіи этих записок разсмотрѣна ниже в главѣ XIV.

жающих меня. Лили Н. находится в Австрии под наблюдением полиции". Появилось ли опровержение в "Рѣчи", я не наводил справок, но в Чр. Сл. Ком., ни слова не сказав о своей ошибкѣ, Милюков признал, что и в отношеніи "Лили Нарышкиной" "в дальнѣйшем выяснилась невинность этого" *). Но тогда, когда Милюков был за границей, свѣдѣнія о ней казались подозрительными. Получил эти свѣдѣнія Милюков от эмигрантов в Швейцаріи, которые были убѣждены, что "русское правительство через своих агентов ведет переговоры с Германіей. Это считалось общепризнанным" **). Когда дѣло коснулось Штюрмера, Милюков без колебанія повѣрил. Нѣсколько по иному политик сумѣл отнестись к свѣдѣніям, позорившим Извольскаго. Ему в Парижѣ была передана записка нѣкоего Рея, натурализованнаго француза, о том, что русскій посол в Парижѣ принимает участіе в переговорах с нѣмцами через банки. Милюков передал заявленіе Рея Извольскому, тот снесся с Бріаном, при чем выяснилось, что архитектор Рей — человек подозрительный, "наблюдавшій интересы Германіи" и числившійся на полицейской фишкѣ, как "агент особаго типа, квалифицированный, не платный"...

Было уже говорено, как использовал Милюков лично против Штюрмера свою частную бесѣду с Бенкендорфом... Невозможность подтвердить никакими конкретными данными и слѣдовательно риск быть вновь квалифицированным "клеветником" не остановили настойчиваго дуэлянта от публичнаго нанесенія тяжелаго удара противнику. Гораздо важнѣ этого блефа было заявленіе Милюкова, что он имѣет "нѣкоторыя основанія думать", что стокгольмское предложеніе Варбурга "было повторено больше прямым путем и из больше высокаго источника". 1 ноября оратор не счел своей обязанностью или не имѣлъ объективной возможности хоть нѣсколько разсѣять наброшенную им пелену тумана и предпочел укрыться за авторитетом британскаго посла ***). До нѣкоторой степени этот туман Милюков разсѣял в показаніях перед Чр. Сл. Ком., указав источник своего тогдашняго освѣдомленія: "Еще до моего свѣдѣнія дошло одно загадочное обстоятельство... которое мнѣ так и не удалось выяснитъ, а стоило бы. Мнѣ как-то прислали американскій журнал, в котором была статья: мирныя предложенія, которыя были сдѣланы Россіи. С одной стороны портрет фон Ягова, с другой Штюрмера, а в текстѣ излагаются мирныя предложенія, которыя были предложены Штюрмеру. При внимательном чтеніи статьи, дѣло представляется нѣсколько иначе, чѣм говорится в заголовкѣ. Статья излагает содержаніе статьи швейцарскаго журнала "Bern. Tagewacht". Этот журнал очень руссофобскій, который,

*) Это не мѣшало Родичеву усиленно допрашивать Климовича «в связи с разоблаченіем Милюкова, о швейцарском «салаонѣ Нарышкиной».

***) Милюков не указал от какой именно группы эмигрантов он получил свѣдѣнія. Как раз, в ленинском окруженіи — среди «лѣвых циммервальдійцев» — особенно настаивали на германофильских тенденціях правительства.

***) А. Ф. только на эту сторону в рѣчи лидера думской оппозиціи и обратила, главным образом вниманіе. Она писала 4-го: «Бѣдный старик — как подло с ним и о нем говорят в Думѣ. Во вчерашней рѣчи Милюков привел слова Бьюкенена о том, что Штюрмер измѣнник, а Бьюкенен в лѣжѣ, к которому он обратился, промолчал, какая подлость... Пусть они кричат, мы должны показать, что мы не боимся, и что тверды».. Повидимому Бьюкенена не было в залѣ, когда говорил Милюков.

дѣйствительно, излагает пункты, яко-бы, предложенные Россіи, который излагает мирные переговоры, предложенные Штюрмеру и довольно правдоподобные. Как они попали в "Bern. Tagewacht", какія свѣдѣнія у нихъ есть, я такъ и не добрался и официальныхъ слѣдовъ в мин. ин. д. не нашел, однако намеки были постоянные, такъ что, можетъ быть, тут кое-что и было". Добавим, что "Bern. Tagewacht" былъ органомъ швейцарскихъ интернаціоналистовъ циммервальд-кинталъскаго направленія, которымъ руководилъ извѣстный Р. Гримм, стоявшій близко къ Ленину. Самъ Милоковъ послѣдствіемъ назвалъ это сообщеніе, "загадочнымъ обстоятельствомъ" — в рѣчи 1 ноября, на основаніи "намековъ", допуская "кое-что", онъ говорилъ о предложеніяхъ сепаратнаго мира, повторенныхъ Штюрмеру "болѣе прямымъ путемъ", "из болѣе высокаго источника" нежели то было в дни стокгольмской бесѣды Протопопова с Вабургомъ*).

С какой легкостью один изъ наиболѣе видныхъ думскихъ политиковъ предъявлялъ обвиненія, с большой отчетливостью можно усмотрѣть изъ эпизода с освобожденіемъ арестованнаго Манасевича-Мануйлова, одного изъ участниковъ "квинтета", обдѣлывавшаго свои дѣла в царской "приходжей", и исполнителя "особо секретныхъ" порученій министра предсѣдателя**). Вотъ какъ изобразилъ это освобожденіе ораторъ: Манасевичъ былъ арестованъ за то, что взялъ взятку. А почему онъ былъ отпущенъ? Это, господа, также не секрет. Онъ заявилъ, слѣдователю, что подѣлился взяткой с предсѣдателемъ Совѣта министровъ". (Родичевъ с мѣста: "это всѣ знаютъ"). Милоковъ даже не постарался увязать какъ-нибудь бросающееся въ глаза противорѣчіе съ тѣмъ, что передъ тѣмъ говорилось о Манасевичѣ. Цитируя сообщеніе "Berl. Tag." и опровергая невѣрное свѣдѣніе нѣмецкой газеты, имѣвшей наивность думать", что Штюрмеръ арестовалъ Мануйлова, ораторъ говорилъ: "вы всѣ знаете, что это не такъ, и что люди, арестовавшіе Ман.-Мануйлова и не спросившіе Штюрмера, были за это уволены изъ кабинета***). Нѣтъ, господа, Ман.-Мануйловъ слишкомъ много знаетъ, чтобы его можно было арестовать"****).

Если это было такъ, то при чемъ же взятка, которой "русскій Ракомболь" подѣлился со своимъ покровителемъ? Но сейчасъ насъ интересуютъ не взаимныя отношенія Штюрмера и Ман.-Мануйлова, а исторія со взяткой, послужившая предметомъ разсмотрѣнія Чр. Сл. Ком. при допросѣ Милокова. Надо привести цѣликомъ это мѣсто изъ стенографической записи для того, чтобы получить представленіе о полной запу-

*) «Стокгольмскую исторію, предшествующую назначенію Протопопова и произведшую «тяжелое впечатлѣніе на... союзниковъ» (Милоковъ говоритъ объ этомъ впечатлѣніи, какъ непосредственный «свидѣтель») ораторъ обошелъ, такъ какъ ему хотѣлось еще думать, что «тутъ было проявленіе того качества... которое хорошо извѣстно старымъ знакомымъ А. Д. Протопопова — его неумѣнье считаться съ послѣдствіями своихъ собственныхъ поступковъ».

**) В чемъ они выражались, мы скажемъ ниже при характеристикѣ «русскаго Ракомболя», какъ назвали «Русск. Вѣдомости» этого авантюриста.

***). Намекъ на Климовича и Хвостова (А. А.). Какъ произошло увольненіе Хвостова, было выше рассказано. Дѣло было значительно сложнее.

****) 1 ноября Милоковъ лишь косвенно намекнулъ на связь Ман.-Мануйлова с нѣмцами, рассказавъ, какъ онъ выступилъ непосредственно по порученію нѣмецкаго посла гр. Пурталеса в попыткѣ за нѣсколько лѣтъ до войны за солидную цифру в 800.000 руб. подкупить сотрудника «Нов. Вр.» проф. Пилленко. Имени тогда Милоковъ не назвалъ, раскрывъ его в показаніяхъ Чр. Сл. Ком.

тажности показаний выступавшего с обличением 1 ноября и свидетелем в революционное время: “Когда Штюрмер хотѣл начать против меня дѣло, то я занялся подбором этого матеріала и выяснил, что хотя юридически трудно формулировать это обвиненіе, но в порядкѣ бытовом оно *очень вѣроятно*. Об этом, вѣроятно, знает Завадскій, который может точно сказать, каково было то показаніе Манасевича о взяткѣ, на которое я ссылаюсь. Показаніе, повидимому, было не прямое и без свидетелей”... *Предсѣдатель*: Т. е. о попыткѣ получить через Манасевича Штюрмером 1.000.000 рублей? *Милюков*: Я не знаю цифры. *Предсѣдатель*: Вы говорите о взяткѣ от Рубинштейна? *Милюков*: Это показаніе, которое Манасевич давал уже послѣ ареста. Я не помню подробностей, но дѣло шло о деньгах, им фактически полученных. *Предсѣдатель* Для чего? *Милюков*: Как он намекал на слѣдствія, предназначенных для передачи по начальству; это Завадскій может точно сказать. *Предсѣдатель*: Вы говорите об исторіи с Татищевым? *Милюков*: Совершенно вѣрно. Говорят, было два показанія: одно, которое он дал сначала, затѣм с ним случился припадок, показаніе было прервано; потом давалось другое показаніе, в болѣе осторожных выраженіях”.

Что же взятка была от Рубинштейна, арестованнаго пресловутой комиссіей ген. Батюшина не без участія Манасевича-Мануйлова или от гр. Татищева, предсѣдателя Соединеннаго банка в Москвѣ, котораго пытался шантажировать “русскій Ракомболъ” — правда в обстановкѣ, не исключавшей в свою очередь нѣкоторой провокаціи в отношеніи “личнаго секретаря” предсѣдателя Совѣта министров со стороны директора деп. полиціи Климовича? Свидѣтель, как будто, опредѣленно подтвердил, что свѣдѣнія, полученные им, имѣли в виду дѣло Соединеннаго банка. Тут далеко было до “милліона”. Манасевич получил от татищевского зятя — тоже Хвостова, из рук в руки 25 тыс. кредитными билетами с отмѣткой номеров по предварительному сговору послѣдняго с Климовичем; деньги были отобраны при выходѣ Манасевича из своей квартиры явившимися с ордером на обыск и арест, и слѣдовательно Манасевич ни с кѣм еще не мог деньгами подѣлиться*).

Гов. пред. Чр. Сл. Ком. Завадскій, на котораго пытался сослаться Милюков, не счит нужным вмѣшаться и разъяснить дѣло — по крайней мѣрѣ стенограмма этого не отмѣчает. Завадскій был прокурором судебной палаты в період слѣдствія над Ман.-Мануйловым. Он написал, как мы знаем, воспоминанія и в них ни одним словом не подтвердил завѣреній обличителя с думской кафедры**). Завадскій,

*) Этот мифическій «милліон» в другой конъюнктурѣ превратился в «милліон», который должен был получить Штюрмер за проведеніе в министры финансов очень богатаго человѣка, члена Гос. Совѣта Охотникова. Данныя слѣдствія не дали матеріала для конкретной характеристики тѣх «темных и скандальныхъ способовъ стяжанія» Штюрмера, о которых говорил Милюков в свей исторіи революціи. Все это так и осталось длинным хвостомъ пикантныхъ анекдотовъ.

**) Можетъ быть, намекъ можно найти в такомъ замѣчаніи: «Я пользовался арестомъ обвиняемаго для расширенія рамокъ дѣла... рисовались очертанія другихъ шантажей. Мало того: появились улики, которыя указывали, что Ман.-Мануйловымъ было много натворено такого, передъ чѣмъ блѣднѣлъ этотъ жалкій шантажъ.

между прочим, рассказал, как произошло “освобождение”, вѣрнѣе измѣненіе мѣры пресѣченія, принятой против обвиняемаго — версія прокурора, непосредственнаго участника этого “освобожденія”, рѣшительно разоидется с тѣм, что говорил думскій политик, и что “всѣ знали”, как утверждал Родичев в Гос. Думѣ. Обвиняемый в такой мѣрѣ чувствовал за собой “сильную руку”, что, находясь в предварительном заключеніи, на допросах грозил слѣдователю и прокурору палаты. “Кто то пытался обойти и министра юстиціи, поднявшаго вопрос о смягченіи мѣры пресѣченія. Но прокурор протестовал, и Макаров больше не заводил рѣчи об освобожденіи Манасевича. Но судьба распорядилась по иному. В період слѣдствія Ман.-Мануйлова хватил паралич. По заключенію экспертов обвиняемый мог оправиться от удара только при условіи заботливаго ухода. В виду неудовлетворительности больницы в домѣ предварительнаго заключенія Завадскій пошел навстрѣчу предложенію судебного слѣдователя Середы освободить Ман.-Мануйлова под залог.

Так было. Повѣсть о “милліонѣ”, который хотѣли получить с Рубинштейна, обвиняемаго в государственной измѣнѣ (по иной версіи этот “милліон” превратился в уплату 100 тыс. за то, чтобы Рубинштейн не был арестован), всплыла в Чр. Сл. Ком. в связи с допросом Милокова. Она далеко выходит за предѣлы темы, поставленной рѣчью 1 ноября. Нам придется в коротких словах ея коснуться ниже при характеристикѣ сплетен вокруг имени банкира Рубинштейна, как одного из проводников сепаратнаго мира. Совершенно очевидно одно, что эта повѣсть не может быть спаяна со Штюмером и в гораздо большей степени находилась в связи с тѣм, что дѣлалось в нѣдрах самой батюшинской комиссіи, состоявшей в вѣдѣніи начальника штаба верховнаго главнокомандующаго*).

3. — Провокація правительства и пр од о в о л ь с т в е н н а я п о л и т и к а .

Переходя вновь непосредственно к рѣчи Милокова, приходится отмѣтить, что и другіе конкретные вопросы, при которых он ставил свой риторическій вопрос: глупость или измѣна? — с фактической стороны были не болѣе обоснованы. Развѣ не политическим выпадом надо считать голословное утвержденіе, что власть “сознательно” предпочитала “хаос и дезорганизацию” в тылу, зная, что это “может служить мотивом для прекращенія войны”? Милоков говорил, между прочим, что “на почвѣ общаго недовольства и раздраженія власть намѣренно занимается вызываніем народных вспышек”, — дѣлается это путем провокаціи: “участіе департамента полиціи в послѣдних волненіях на заводах доказано”. Если бы мы занялись характеристической дѣятельности департамента полиціи стараго режима, мы неизбѣжно натолкнулись бы на раскинутую им сѣть провокаціи. Это была

*) Молва о взяткѣ, повидимому, пошла от того, что в батюшинской комиссіи обвиняли ближайшаго сотрудника Штюмера Гурлянда в том, что он через члена Гос. Сов. Озерова и сотрудника «Русск. Слова» Руманова предупредил Рубинштейна, что ему грозит обыск. Вопрос этот был поставлен еще в іюлѣ, и Штюмер сдѣлал соответствующій доклад Царю, выразив увѣренность, что Гурлянд, отстранившійся от дѣл, легко оправдается от возводимых на него обвиненій.

исконная черта охранной политики, рожденная отнюдь не во времена специфического исканія пути к сепаратному миру*). Столь же изначальна была как бы органическая связь провокаціи с крайними революціонными теченіями. Элементарен был бы однако тот, кто поставил бы здѣсь знак идентичности. Лидер думской оппозиціи был плохо освѣдомлен о теченіях в рабочем движеніи и как он не разобрался в февральских днях, предшествовавших революціи**), так невѣрно оцѣнил он и то, что происходило на петербургских заводах в дни “последних волнепій”, предшествовавших его выступленію в Думѣ. Если Милюков считал “доказанным” участие в них департамента полиціи, то столь же несомнѣнным было и вліяніе “ленинскаго подполья” на октябрьскія стачки политическаго характера с протестом против военно-полевого суда над матросамъ и т. д. Эти волненія ознаменовались зловѣщим явленіем присоединенія к бастующим солдат 181 пѣхотнаго полка и послѣдовавшей затѣм “крупной свалкой с полиціей”***). Французскій посол, освѣдомленный директором автомобильнаго завода “Рено”, узнал об этом раньше предсѣдателя Совѣта министров и с волненіем информировал Штюмерера, что войска стрѣляли в полиційских. Штюмерер на это отвѣтил, что “репрессія будет беспощадная”. Министр торговли и промышленности Шаховской довольно точно и опредѣленно охарактеризовал движеніе во всеподданнѣйшем докладѣ, в полном согласіи с формулировкой, данной и в “Бюллетенѣ” так называемой “рабочей группы” при военно-промышленных комитетах. Конечно, можно было идти дальше и считать с нѣкоторым даже правдоподобіем, что политическая забастовка октябрьских дней прошла при содѣйствіи не только полиціи, но и нѣмецкой агентуры в соотвѣтствіи с тѣми директивами, о которых говорил документ из “Желтой книги” и на который ссылался думскій обличитель правительства. Едва ли отсюда будет вытекать однако неизбѣжным логическій вывод, что октябрьская волна стачек протекала при сознательном попустительствѣ правительства в лицѣ Штюмерера и Протопопова.

Кто заглянет в переписку Царя и Царицы, тот увидит, какое огромное мѣсто занимает в этой перепискѣ вопрос об организаціи тыла и в частности продовольствія. С чувством какого-то отчаянія Николай II писал женѣ 20 сентября 16 г., т. е. за полтора мѣсяца до рѣчи Милюкова: “На ряду с военными дѣлами меня больше всего волнует вѣчный вопрос о продовольствіи. Сегодня Алексѣев дал мнѣ

*) Можно привести одну иллюстрацію для характеристики, напр., «демагогин» министра вн. д. Алексѣя Хвостова. При открытіи под предсѣдательством министра «Общества борьбы с дороговизной», которое имѣло цѣлью создать в Петербургѣ сѣть продовольственных лавок для рабочих, извѣстная дѣятельница Союза русск. народа Степанова-Дзебори, прежній член его «боевой дружины», учредительница общества активной борьбы с революціей, получавшая денежныя субсидіи из секретных сумм деп. полиціи для «противодѣйствія забастовкам», говорила, что «война нужна богачам Гучкову, Коновалову, а рабочим не нужна» и т. д. — так эта рѣчь во всяком случаѣ, воспроизводилась в Чр. Сл. Ком.

**) См. «На путях к дворцовому перевороту» и «Золотой ключ к большевицкой революціи».

***) В нѣкоторых показаніях перед Чр. Сл. Ком. (в частности у Протопопова) этот эпизод ошибочно отнесен на январь 17 г.

письмо, полученное от милѣйшаго кн. Оболенскаго, предсѣдателя по продовольствію (б. харьковскій губернатор был назначен руководителем Особаго Совѣщанія для борьбы с дороговизной). Он открыто признается, что они ничѣм не могут облегчить положеніе, что работают они впустую, что министерство земледѣлія не обращает вниманія на их представленія, цѣны все растут, и народ начинает голодать. Ясно, к чему может привести страну такое положеніе дѣл. Старый Шт. не может преодолѣть всѣх этих трудностей. Я не вижу иного выхода, как передать дѣло военному вѣдомству, но это также имѣет свои неудобства. Самый проклятый вопрос, с которым я когда-либо сталкивался. Я никогда не был купцом и просто ничего не понимаю в этих вопросах о продовольствіи и снабженіи. По словам Протопопова, при первом же его докладѣ в качествѣ министра, Царь просил его познакомиться с продовольственным вопросом и с продовольствіем начинать каждый из послѣдующих докладов.

С перваго дня, как Царь принял бразды верховнаго командованія, А. Ф. становится, как она выразилась, его “памятной книжкой” по внутренним дѣлам, среди которых продовольственные заботы выдвигаются на первый план. Ею же 29 августа измышлен проект послышки “свитских” на заводы и фабрики для того, чтобы узнать нужды рабочих: пусть знают, что “не одна Дума сует свой нос во все”^{*)}. “Надо предвидѣть вещи, а не ждать, пока онѣ случаются”, — негодует А. Ф. А в сентябрѣ по поводу “позора”, что в Петербургѣ нельзя достать муки... “Вопіющій позор — стыдно перед иностранцами, что у нас такой беспорядок”, — возмущается она 8 октября, узнав от Хвостова о недостаткѣ муки и пр. “вмѣсто всѣх этих необходимых предметов привозятся вагоны с цѣнтами и фруктами”. “Слава Богу, по прошествіи 15 мѣсяцев они, наконец, выработали план”, — пишет А. Ф. 22 декабря, приписывая инициативу новой метлѣ, которая хорошо метет. На Хвостова возлагаются особыя надежды (показанія Белецкаго), — он обѣщал открытъ продовольственные лавки для рабочих в фабричных районах. 1 февраля А. Ф. находит выход из критическаго положенія: “Многіе думают, что было бы хорошо, если бы ты хоть на время передал продовольственный вопрос Алеку (т. е. принцу Ольденбургскому, прозванному за свое хаотическое самовластіе “сумбур-пашой”), так как в городѣ настоящій скандал, и цѣны стали невозможными. Он бы сунул нос повсюду, накинулся бы на купцов, которые плутуют и запрашивают невозможныя цѣны... Наш Друг встревожен мыслью, что, если так протянется мѣсяца два, то у нас будет непріятныя столкновенія и исторія в городѣ. Я это понимаю, потому что стыдно так мучить бѣдный народ, да и унизительно перед нашими союзниками. У нас всего очень много, только не желают привозить, а когда привозят, то назначают цѣны, не доступныя ни для кого. Почѣму не попросить его взять все это в руки мѣсяца на два или хоть на мѣсяц? Он бы не допустил, чтобы продолжалось мошенничество. Он превосходно умѣет приводить все в порядок, расшевелить людей, но не надолго”.

^{*)} Она намѣчает даже персонально лиц, не носящих «нѣмецких фамилій» и включает в список даже столь нелюбимаго ею в. кн. Ник. Мих., «так как он в хорошем настроеніи духа».

Мы видим, что и “наш Друг встревожен” и подает совѣтъ через “видѣнія”, ему представившіяся. “Григорій” разстроен был и тѣм “мясным” вопросом, который Поливанов, по крайней мѣрѣ по словам Родзянко, считал “планомѣрным выполненіем нѣмецкой пропаганды”; “Друг” совѣтовал призвать “главных купцов” и “стыдить их”. Происходило, по словам А. Ф., “нѣчто в родѣ мясной забастовки” *). 10 октября “Друг” “в теченіе двухъ часовъ почти ни о чемъ другомъ не говорил”, какъ о продовольствіи: “насчетъ войны” онъ “въ общемъ спокоен”, но “другой вопросъ Его сильно мучитъ”... “Ты долженъ приказывать, чтобы непремѣнно пропускали вагоны съ мукой, масломъ и сахаромъ. Ему ночью было вродѣ видѣнія — всѣ города, желѣзныя дороги и т. д. — трудно передать Его рассказъ, но Онъ говоритъ, что это все очень серьезно... Недовольство будетъ расти, если положеніе не измѣнится. В сущности все можно сдѣлать... Только не надо комиссіи, которая затянетъ все дѣло на недѣли, надо, чтобы это было немедленно приведено въ исполненіе”. Въ отвѣтъ на письмо мужа о томъ отчаяніи, въ которое его повергаетъ продовольственная разруха, А. Ф. спѣшитъ успокоить: “Я понимаю, что ты пзмучен, сегодня поговорю съ Протопоповымъ и съ нашими Другомъ... Такъ часто у Него бывають здравыя сужденія, которыя не приходятъ другимъ на умъ — Богъ вдохновляетъ Его, и завтра я тебѣ напишу, что Онъ сказал**). Онъ говоритъ, что дѣла теперь пойдутъ лучше, потому что Его меньше преслѣдуютъ — какъ только усиливается нападкѣ на Него, такъ все идетъ хуже”. А. Ф. узнаетъ отъ Шаховскаго элементарную прозаическую истину, что крестьяне не продаютъ хлѣба, выжидая роста цѣн — по ея мнѣнію, надо “послать людей изъ заинтересованныхъ министерствъ въ самыя хлѣбныя центры, чтобы разъяснить крестьянамъ въ бесѣдахъ положеніе дѣла съ продовольствіемъ. Когда злонамѣренные люди хотѣтъ чего-нибудь добыть, они постоянно обращаются съ рѣчами, и ихъ слушаютъ, и теперь, если благонамѣренные потрудятся сдѣлать то же самое, безъ сомнѣнія крестьяне станутъ ихъ слушать. Губернаторы, вице-губернаторы и всѣ ихъ чиновники должны принять въ этомъ участіе — поговори съ Протопомъ, и посмотри, что онъ на это скажетъ”.

Подъ вліяніемъ совѣтовъ со стороны рождались, быть можетъ, несуразные проекты въ наивномъ представленіи А. Ф.; на авансцену выступали экономическіе прожектеры типа тибетскаго полушарлатана, полукомедіанта Бадмаева, который въ сумбурной книжкѣ “Мудрый русскій народъ”, преподнесенной “помазаннику небеснаго Царя” и каждому въ отдѣльности члену его семьи, развивалъ грандіозный планъ борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ и организаціи снабженія пред-

*) В изображеніи Родзянко все объяснялось нераспорядительностью и несогласованностью министерствъ: интендантство заказывало, жел. дороги привозили, а сохранять было негдѣ; на рынокъ выпускать мясо, предназначенное для отправки въ армію, не разрѣшалось; кругомъ холодильниковъ въ Петербургѣ были навалены горы гниющихъ труповъ... Сотни тысячъ пудовъ гнили отъ неорганизованности транспорта изъ Сибири.

***) Немудренныя совѣты Распутина, свидѣтельствующіе о его «понятливости» въ продовольственномъ вопросѣ (мнѣніе историка Покровскаго), въ дѣйствительности лишь повторяли въ прикрытой пророческой формѣ ходячую уже мысль объ организаціи «товарной недѣли», которая была осуществлена Особымъ Совѣщаніемъ по транспорту, по инициативѣ нач. моск. каз. ж. д. инженера Воскресенскаго.

метами первой необходимости не только России, но и всего мира. Бадмаев писал, что он мог бы “руководить” этим дѣлом, “если бы имѣл время”....

“Этот продовольственный вопрос может свести с ума”, — писала А. Ф. в дни начавшейся уже революции, 25 февраля. Как можно было в таких условиях обвинять правительство, поскольку рѣчь идет о представителях верховной власти, в провокации “голодного бунта” в дѣлах прекращения войны?*)). В массовом сознании это обвинение отливало в форму легендарных слухов, что “нѣмцы дали министрам миллиард за обещание умирить возможно большее число простых людей”. Департамент полиции отплачивал оппозиции той же монетой и в свою очередь накануне революции обвинял дѣятелей прогрессивнаго блока в провокации “голодного бунта” в дѣлах заставить правительство уступить. По утверждению Жильяра, А. Ф. была убѣждена, что именно революционеры, преслѣдуя свои задания, мѣшают подвозу хлѣба.

В глазах той среды, на которую опирался проблематическій “черный блок”, вопросы об организации продовольственнаго дѣла являлись также краеугольным камнем правительственной экономики. Ими заняты были всѣ совѣщанія “монархических организаций”; “сытый и обеспеченный рабочий не пойдет на баррикады” — это лейтмотив всѣх “пожеланій” 15 г., настаивавших на “безотлагательном” обеспеченіи продовольствіем крупных центров и на спѣшном проведеніи в порядкѣ 87 ст. закона об “обеспеченіи рабочих”. “Никакія средства не в силах спасти от погрома голодной толпы”, — настаивает одна из записок, поданных в Совѣт министров в ноябрѣ 15 г. В “настойчивых просьбах”, обращенных к правительству со стороны саратовскаго совѣщанія, значится: “о принятіи спѣшных мѣр для борьбы с дороговизной, вызывающей народныя волненія, столь желательныя нашим врагам”. Саратовское совѣщаніе шло дальше в своих “пожеланіях” — вплоть до секвестра казной и милитаризаціи частных заводов, могущих изготовлять необходимый для снабженія войск боевой матеріал “в виду слабой дѣятельности и выяснившейся... неспособности к этому дѣлу военно-промышленных комитетов”. В запискѣ “православных кругов Кіева”, доложенной Николаю II предсѣдателем Гос. Совѣта Щегловитовым 14 января 17 г., изложен план, как “очень просто и несложно” можно организовать продовольствіе — все дѣло в упрощенном представленіи “правых” г. Кіева в разграниченіи функций исполнительных от руководящих и в созданіи плановой сѣти продовольственных совѣтов, которая урегулировала бы транзит, произвела бы учет наличных запасов продуктов, правильно распредѣлила бы их и координировала бы дѣятельность городских и земских управ.

Трудно в немногих словах охарактеризовать государственную экономику в тѣ годы, когда на лицо был, по выраженію Ленина, “величайшей силы историческій двигатель, который порождал неви-

*) Из записей Яхонтова мы могли усмотрѣть, какой больной пятой для правительства являлись продовольственные вопросы; ниже мы увидим, как остро ставил их б. министр реакціонер Маклаков, которому суждено было выступить в роли «мужа совѣта» накануне революции.

данный кризис, голод, неисчислимыя бѣдствія” — война. Марксистскіе историки совѣтской формациі будут доказывать, что выход из кризиса лежал не в “компромиссной политикѣ”, не в “заплатах”, а в “уничтоженіи до основанія” существовавшей экономической системы и введеніи “госкапитализма”. Дѣло было не столько в организационных ошибках стараго правительства, сколько в “неизбѣжном истощеніи хозяйства” — в крахѣ во время войны всей “капиталистической системы”. Историки эти вмѣстѣ с тѣм признают, что мѣропріятія правительства для изживанія кризиса, правда, крайне неслѣдовательно, шли всѣ по пути государственнаго регулированія хозяйственной жизни страны, встрѣчая противодѣйствіе со стороны “буржуазіи”, которая отстаивала невмѣшательство государства в экономическія отношенія: важнѣйшія мѣропріятія правительства, направленные на усиленіе государственнаго контроля, срывались оппозиціей Совѣщанія по оборонѣ, представлявшей интересы командовавших классов. Без существенных оговорок такое положеніе, конечно, признать нельзя (достаточно указать хотя бы на “памятную записку”, представленную Штюрмером при всеподданнѣйшем докладѣ 14 марта 16 г. по поводу попытки Особаго Совѣщанія “подойти к осуществленію задачи, которая не получила еще разрѣшенія ни в одной странѣ” — введенія государственной нормировки заработной платы). Но в общем тенденція стараго режима идти во время войны по пути регулированія хозяйственной жизни отмѣчена вѣрно — мы увидим (см. вторую часть), что ее позже отмѣтил в докладной запискѣ Временному Правительству видный дѣятель партіи к.-д. тов. мин. торг. и пром. Степанов. Оппозиція возникала не только из классоваго своекорыстія, давашаго “подозрительную трещину” в фундаментѣ прогрессивнаго блока, не только из разной оцѣнки дѣлсообразности той или иной экономической политики (“друзья” Шульгина считали “твердыя дѣны источником разстройства” и довольно настойчиво боролись с этими “соціалистическими замашками”, всемѣрно стремясь “удержать правительство от рискованных шагов государственнаго социализма”), но и из отвратнаго чувства значительных кругов прогрессивной общественности к осуществленію во время войны того нѣмецкаго Zuchthaus, который “Русскія Вѣдомости” называли “возрожденіем крѣпостнаго права в Германіи” — своего рода тюрьмы с принудительной работой. Отсюда понятно, что на совѣт, данный французским соціалистом Тома (на завтракѣ у Сазонова в концѣ апрѣля 16 г.) предсѣдателю Совѣта министров — милитаризовать рабочих, что повлечет удешевленіе производительности — Штюрмер, как повѣствует Палеолог, энергично возразил, указывая, что подобная мѣра поднимет всю Думу против правительства, ту Думу, с которой, по мнѣнію Штюрмера, правительству удалось установить нормальныя отношенія. (По словам Наумова, эти отношенія Штюрмер называл даже “настоящей симфоніей”, с чѣм, впрочем, министр земледѣлія, как музыкант, не согласился, отказываясь участвовать в такой “симфоніи”).

На рѣшительных мѣрах настаивало главным образом военное командованіе, мотивируя их чрезвычайными обстоятельствами. В запискѣ “об учрежденіи верховнаго министра обороны”, представленной Царю Александромъ 15 іюля, в 4 п. значилось: “разработать и безотлагательно провести в жизнь милитаризацію наших заводов, ра-

ботающих на оборону". Эта мѣра считалась "надежным средством против забастовок" при условіи устраненія основной причины недовольства рабочих — "обеспечить их дешевым пропитаніем". По проекту Алексѣева у "верховнаго министра государственной обороны" должна была сосредоточиться "полнота чрезвычайной власти" "во всѣх внутренних областях Имперіи, составляющих в цѣломъ глубокой тыл, работающей на дѣйствующую армію" — "объединять, руководить и направлять единою волею дѣятельность всѣхъ министерств, государственныхъ и общественныхъ учреждений, находящихся внѣ предѣловъ театра военныхъ дѣйствій". "Верховный министр" подчинялся "исключительно и непосредственно только монарху" — "никто не может давать ему предписаній и не может требовать от него отчетов"... Алексѣев ничего не говорил о "военной диктатурѣ", но так поняли его проект, встрѣтившій оппозицію с разныхъ сторон. Не сочувствовала военной диктатурѣ А. Ф. Наумовъ рассказывал, что Царь ему показал Алексѣевскую записку, и что он высказался против "новаго наслоенія", считая "единство необходимым, во что бы то ни стало", министр земледѣлія совѣтовал "верховное управление фронта слить с Совѣтомъ министров". От имени "общественности" ополчился на "нелѣпое положеніе" председатель Думы: по его словам он запугал Царя опасностью создать себѣ "конкурента" — "так умалять себя на вашемъ мѣстѣ я не позволилъ бы". Колебанія Николая II выразились в компромиссномъ рѣшеніи о передачѣ функций верховнаго управленія по государственной оборонѣ высшему существующему учрежденію — Совѣту министров. Это скорѣе платоническое рѣшеніе было подсказано Царю самими министрами на засѣданіи в Ставкѣ 28 іюля: "У насъ есть председатель Совѣта министров, пускай онъ возьметъ в свои руки все управленіе, пускай объединяет", — предложилъ министр путей сообщенія Треповъ; по существу это ничего не разрѣшало...

Такъ возникла "неограниченная, полномочная" диктатура Штюрмера, которую Чр. Сл. Ком. склонна была разсматривать, какъ превышеніе власти, а в историческихъ разслѣдованіяхъ, какъ искусственное сосредоточіе власти в однихъ рукахъ в цѣляхъ политически криминальных, т. е. для подготовки сепаратнаго мира. Мы видим, что монархъ не былъ удовлетворен (получилось, по выраженію Родзянко, "совсѣмъ безвыходное положеніе"), и в письмѣ 20 сентября онъ какъ бы возвращается къ мысли о желательности реализовать іюньскій проектъ Алексѣева*). Вспомним, что А. Ф. хотѣла перетворить е Протопоповымъ и "Другомъ", какъ выйти изъ того продовольственнаго кризиса, который

*) Отзвукомъ Алексѣевской записки надо считать неосуществившійся проектъ военнаго министра Шуваева, подвергшійся в засѣданіи Особаго Совѣщанія по продовольствію 26 сентября жестокой критикѣ со стороны представителей промышленности и, какъ ни странно, «общественности». В соответствии с рѣшеніемъ совѣщанія, бывшаго в Ставкѣ, в іюль, военное министерство разработало «правила» снабженія рабочихъ главнѣйшихъ заводовъ, работавшихъ на оборону, продовольствіемъ изъ запасовъ военнаго вѣдомства в размѣрѣ солдатскаго пайка, в цѣляхъ борьбы с «забастовочнымъ движеніемъ» путемъ обезпеченія заводскихъ рабочихъ и ихъ семей. Проектируемая мѣра вызывала необходимость соответствующаго оборудованія на фабрикахъ и заводахъ. В этомъ увидали вмѣшательство военнаго вѣдомства во «внутренній распорядокъ» промышленныхъ предпріятій, которое должно привести к тому, что рабочіе будутъ предъявлять фабрикантамъ «совершенно невозможныя требованія».

так мучил Царя. Совѣтъ был дан. Это было время, когда восходила звезда Протопопова, и А. Ф. спѣшил доказать, что он своей инициативой и энергіей мог бы благополучно разрѣшить самый больной и основной вопрос государственной жизни — надлежит завѣдываніе продовольствіем передать в министерство вн. дѣл, как о том думал еще “Хвостов-молодой”, и как это было “сотни лѣтъ” (!!) (“Хитрец” Кривошеин из “корыстолюбія” передал это в вѣдѣніе своего министерства).

В своих письменных показаніях Протопопов подробно изложил, как всегда нѣсколько нелѣпо и противорѣчиво, намѣченный им план реорганизации продовольственного дѣла — главным образом хлѣбных заготовок, и послѣдовавшей затѣм “комедіи борьбы” (по выраженію совѣтских историков) в Совѣтѣ министров за осуществленіе его проекта. Он предполагал основныя операциі возложить на земство, создав под контролем послѣдняго особыя торговыя товарищества и привлекиши к этому дѣлу банки и крупныя торговыя фирмы. Таким путем предполагалось выявить и выпустить на рынок имѣвшіеся запасы*). Существовавшія на мѣстах организациі мин. земледѣлія должны были перейти в вѣдѣніе земства. Средства давало бы мин. вн. д., причѣм общій надзор за ходом операциі возлагался на губернаторов. Далѣе Протопопов намѣревался ввести обязательную хлѣбную повинность, установив временно до сбора, назначеннаго по раскладкѣ, твердыя цѣны.

В организациі продовольственного дѣла Протопопов преслѣдовал и политическія цѣли, желая не только вернуть мин. вн. д. его “почти утраченное вліяніе на земства” (министерство превратилось, по его словам, исключительно в министерство полиціи), но и противодействовать возрастающему вліянію на мѣстную жизнь земскаго союза, который оставил правительству “второстепенную роль” и вел противоправительственную агитацію. Широкое участіе земских дѣятелей в закупочных операциях, по мнѣнію министра, отвлекло бы их вниманіе от политики. Надзирающіе губернаторы поручали закупку земствам только в том случаѣ, если они не входили в союз, в случаѣ, если бы земство отказывалось выйти из союза, операциі производились бы губернским присутствіем.

По словам Протопопова, Совѣтъ министров за исключеніем гр. Игнатьева и не голосовавшаго Бобринскаго, первоначально призналъ принципиально желательной передачу продовольственного дѣла в мин. вн. д.**), но послѣ отрицательнаго отношенія к проекту, выразившагося в резолюціи бюджетной комиссіи Гос. Думы, измѣнил свое рѣшеніе и при окончательном голосованіи за передачу высказалось лишь 6 человекъ против 8. Штюрмер, голосовавшій за положительное рѣше-

*) Для того, чтобы узнать настроеніе банков, Протопопов собрал совѣщаніе их представителей, которое не высказалось опредѣленно: «надо подумать».

**) Протопопов показывал, что его предположеніе о централизациі дѣла в руках высшей администраціи вызвало возраженіе со стороны его ближайших сотрудников по разработкѣ проекта, поэтому он доложил свой проект в совѣтъ министров, не упомянув о роли, предназначенной губернаторам, на что обратил вниманіе Трепов.

ніе, высказал увѣренность, что Царь согласится с меньшевистством, и что вопрос будет проведен до открытия Думы в порядкѣ ст. 87*).

Очевидно, под влияніем такого голосованія Протопопов внес измѣненіе в свой проект и остановился на организаціи “для надзора за продовольственным дѣлом” Совѣщанія трех министров (путей сообщ., торговли и вн. дѣл) под предѣдательством Трепова, что и было доложено Царю. “Царь нѣсколько удивился такой просьбѣ”, — показывал Протопопов, — но “послѣ краткаго совѣщанія сдѣлал надпись — на проект: “согласен”. А. Ф. была недовольна колебаніями Протопопова. В протопоповском проекте ее больше всего привлекала заманчивая мысль “борьбы” с оппозиціонными земским и городским союзами: “Я была не согласна, — писала она позже, — с этой бумагой (т. е. с проектом “совѣщанія трех министров”) и знала, что наш Друг тоже будет против, а потому послала Пр(отопопова) к нему, чтобы они вмѣстѣ обсудили это дѣло”. Совѣщаніе в обычном квартетѣ (Бадмаев, Распутин, Протопопов и Курлов) состоялось — о нем упомянул Протопопов, приписывая себѣ инициативу просить Распутина “ускорить передачу” продовольствія в вѣдѣніе министерства вн. д. “Я написал под его диктовку телеграмму Царю”, — показывал Протопопов: — “Она начиналась: “всѣ вмѣстѣ ласково бесѣдуем” и конец был: “Дай скорѣе Калинину власть, ему мѣшают, он накормит народ, все будет хорошо”... Царь был в Кіевѣ. Телеграмму получил и недоумѣвал. И только, получив разъяснительное письмо А. Ф., понял “смысл телеграммы Гр.” (письмо 1 ноября). Смысл разъясненія А. Ф. заключался в том, что Царю с курьером послана “для подписи новая бумага”, передающая все продовольственное дѣло *немедленно* министру вн. д. Это был единственный раз, когда за все время своего неофициальнаго “регентства” А. Ф. вышла нѣсколько из роли посредницы. “Прости меня за то, что я сдѣлала, но я должна была так поступить. Наш Друг сказал, что это было абсолютно необходимо. Протопопов в отчаяніи, что вручил тебѣ тогда ту бумагу, он был увѣрен в своей правотѣ, пока Гр. ему не разъяснил, что он совершенно неправ. А потому я вчера говорила со Штюрмером, они оба вѣрят в удивительную Богом ниспосланную мудрость нашего Друга... Мнѣ пришлось рѣшиться на

* Григорович в воспоминаніях, которыя, к сожалѣнію, нам извѣстны лишь в отрывках из статьи Лукина, напечатанной в «Посл. Нов.» (№ 30 апр. 31 г.), нѣсколько по иному излагает дѣло, относя (очевидно, ошибочно) обсужденіе вопроса к болѣе позднему времени — за день до открытия Думы. Григорович рѣшительно высказался протв нежизненнаго проекта, который должен был привести к ухудшенію положенія, так как все в концѣ концов окажется в руках полиціи. Морской министр полагал, что вопрос нельзя рѣшать без Думы и видѣл в попытках Протопопова захватить в свои руки продовольствіе — ступень к занятію поста «верховнаго министра обороны», т. е., к диктатурѣ. (Впрочем, это мнѣніе Григоровича вытекает не из текста приведенных отрывков, а из дополнительных комментарий второго статьи). Григорович утверждал, что к Протопопову присоединился только Трепов, позиція Штюрмера оставалась неясной, и на вопрос Григоровича: на чьей он сторонѣ, Штюрмер «рѣзко» отвѣтил: на обѣих. По словам Протопопова, именно Трепов был против, считая его «неспособным» вести продовольственное дѣло. Из показаній в Чр. Сл. Ком. послѣдняго министра ин. д. Покровскаго, мы знаем, что он поддерживал продовольственную политику Пр-ва, рѣзким политическим антагонистом котораго он был. По словам Григоровича, Царь согласился с его доводом.

этот шаг, так как Гр. говорит, что Протоп. будет имѣть все в своих руках, покончит с. союзами и таким образом спасет Россію”.

Может быть, не так уж важно раскрыть во всей полнотѣ подноготную этой исторіи — насколько здѣсь проявилась сознательная игра честолюбца и насколько неуравновѣшенный политик шел на поводу у других. Царя. уговаривать долго не приходилось. Он отвѣтил жеиѣ на другой день: ...“От всего сердца благодарю за твой добрый совѣт. Я всегда думал, что продовольственный вопрос лучше рѣшить сразу, только я должен был дождаться этой бумаги. Теперь это сдѣлано: помоги нам Бог. Я чувствую, что это правильно”. Но в самом Царском забили отбой. Этот отбой, в противорѣчїи с самим собой Протопопов в Чр. Сл. Ком. объяснил так: “30-го октября я узнал, что Царь согласился с меньшинством... Принять продовольственное дѣло по закону, проведенному по 87 ст., несмотря на голосованіе бюджетной комиссїи и перед самым началом занятїй Думы, я считал невозможным, поэтому я составил телеграмму Царю, прося разрѣшенїя отсрочить исполненїе утвержденного им постановленїя Совѣта министров. Телеграмму я передал Царицѣ с просьбой отослать ее Царю. Царица мнѣ сказала: “Было трудно заставить Государя рѣшиться, не слѣдует его сбивать, раз он принял рѣшенїе”. Она была недовольна. Все же мою просьбу исполнила. Штюрмер обѣщал передать продовольственное дѣло министерству вн. д. в ближайшїй перерыв занятїй Гос. Думы”. В поясненїе телеграммы сама А. Ф. писала 1 ноября: “Я очень огорчена тѣм, что пришлось послать тебѣ эту телеграмму, зашифрованную Протопоповым, но всѣ министры так нервничали из-за Думы и тревожились*), что в случаѣ, если бы сегодня было опубликовано его назначенїе, то поднялся бы страшный скандал в Думѣ, его не приняли бы и тогда Шт. пришлось бы распустить Думу”.

Все осталось по старому. Плохо, конечно, должна была управляться страна, раз авторитету существовавшего народнаго представительства приходилось конкурировать с руководством закулисных бадмаевских совѣтчиков. Но неумѣнїе разрѣшить сложныя экономическія проблемы, шатанїе власти лежат совсѣм в другой плоскости, нежели тѣ “предательскїя мысли”, на которыя с своей стороны смел возможным намекнуть ранѣе в Гос. Думѣ Шингарев в рѣчи о продовольственной политикѣ правительства, рѣчи, которая легла в основу милюковскаго слова 1 ноября.

4. — Молчаніе Штюрмера.

В отвѣт на реплику Маркова 2-го: “А ваша рѣчь глупость или измѣна”? Милюков с нѣкоторым самомиѣнїем заявил: “Моя рѣчь — есть заслуга перед родиной, которой вы не сдѣлаете”. Если бы лидер думской оппозиціи послѣдовательно стоял в тѣ дни на революціонной

*) Тревога эта отпечатлѣлась в воспоминанїях Григоровича, рассказывающаго, как кн. Волконскїй, тов. мин. вн. д., сообщив ему, что Государь одобрил «проект Протопопова» («не может быть» — воскликнул Григорович — не вѣря своим ушам), уговаривал его повлїять на Штюрмера в послѣднїй момент. Григорович пытался переговорить со Штюрмером по телефону, но «повидимому» разговор носил слишком рѣзкій характер, так как Шт. «борвал разговор и повѣсил трубку».

позиции, его до известной степени мужественное и смѣлое слово*), несомнѣнно, явилось бы “заслугой перед родиной” — во всяком случаѣ в глазах тѣх, кто благом родины считал скорѣйшую ликвидацію государственнаго для страны “средневѣковаго представления о государствѣ” (слова Керенскаго в засѣданіи Думы 15 февраля 17 г.). В историческом обозрѣніи рѣчь 1 ноября могла бы, однако, быть признанной “заслугой” лишь в том случаѣ, если бы опиралась на проверенные факты. — Обличительная демагогія — иначе назвать рѣчь Милюкова нельзя**) — всегда имѣет и свои отрицательныя стороны. При политической концепціи, которую отстаивал руководитель думскаго прогрессивнаго блока, обвинительное слово, облеченное в форму: глупость или измѣна, было лишено политической логики и звучало грубѣйшим диссонансом с тѣм вступительным словом, которым предсѣдатель Думы открыл новую сессію законодательнаго учрежденія — он говорил о сѣромъ войскѣ, идущем “безстрашно в смертный бой за Вѣру, Царя и Отечество”. Под этим исконным лозунгом монархической официальной народности русское воинство призывалось бороться за ту власть, которую с думской трибуны заподозривали в прямом предательствѣ, “не революціонеры”, а люди, объявлявшие себя монархистами. В грозное время войны они наносили непоправимый удар той самой монархіи, от которой ждали добровольной уступки общественному мнѣнію во имя національнаго объединенія, являвшагося в их глазах залогом побѣды... Гнусное слово “измѣна”, брошенное без учета отзвука в Россіи и за границей, могло способствовать лишь тому, что ров между верховной властью и общественной оппозиціей, дѣйствительно, стал непроходимым.

Милюков сам признал в показаніях Чр. Сл. Ком., что центром его рѣчи — “самое сильное мѣсто” — была Императрица. Почему осторожный политик-реалист мог рѣшиться на такой чреватый для компромиссной политики шаг? Оказал ли в данном случаѣ свое вліяніе общественный психоз — вѣра в легенду, или то была тактическая ошибка? “Всеѣ они на расправу были жадны”, — характеризовал в Чр.

*) Члену Гос. Думы Милюкову, конечно, никакой опасности со стороны власти не грозило. Он сознательно «воспользовался» нѣмецкими газетами, как «способом» выразить свое обвиненіе в «наиболѣе удобной формѣ в Гос. Думѣ». Но расправа за то, что он «смѣло разоблачил козны врага» могла придти со стороны. Представляются, однако, значительно раздутыми разоблаченія, с которыми в концѣ ноября выступил журналист Гуцулло, сотрудник дубровинскаго «Русскаго Знамени», заявившій, что Дубровин предлагал ему убить Милюкова; разоблаченія «Сергѣя Прохожаго» в «Журналѣ Журналов» Василевскаго, который не пользовался в общественном мнѣніи серьезной репутаціей. «Сергѣй Прохожий» должен быть отнесен к категоріи людей, психически не совсѣм нормальных. Но памятная расправа дубровинскихъ молодцов с депутатом Герценштейном и Юлосом представляла недвусмысленную угрозу.

**) Желая произвести впечатлѣніе, Милюков не очень считался и точностью своей терминологіи. Так он говорил об «освобожденіи» Сухомлинова, огданнаго год назад под слѣдствіе, так как страна его «считала измѣнником». В дѣйствительности, как мы знаем, Сухомлинову была измѣнена лишь мѣра пресѣченія, при чем руководились тѣм, что он — как выразился Протопопов в показаніях — «все равно не убѣжит». Милюков предупреждал событія, так как А. Ф. еще только «искала» «способовъ освобожденія» б. военнаго министра, как она о том писала мужу наканунѣ произнесенія Милюковымъ своей рѣчи.

Сл. Ком. Родзянко правительство старого порядка: “И малѣйшій отпор встрѣчал уступки. Когда они видѣли зубы, они отступали”. На окончательную позицію прогрессивнаго блока, несомнѣнно оказало вліяніе давленіе со стороны — именно то заявленіе предсѣдателя земских управ, на которое ссылался Милюков в рѣчи. Московское постановленіе 25 октября было доведено до свѣдѣнія Думы особым письмом кн. Львова на имя Родзянко. Это письмо побуждало Думу к “рѣшительной борьбѣ... за созданіе правительства, способнаго... вести... родину к побѣдѣ” и говорило, что “земская Россія будет стоять заодно с народным представительством”. “Бить только по Штурмеру представлялось уже совершенно недостаточным”, — объяснял впоследствии первый автор “Исторіи второй русской революціи”: “Штурмер был лишь жалкой фигурой, приспособлявшейся, как и остальные субъекты “министерской чехарды”, к тому, что дѣлалось и диктовалось за кулисами. Туда, за эти кулисы и должен был быть направлен *очередной удар*” *). Удар был рассчитан плохо. Впереди логически могла быть только революція, а не та странная, болѣе самоутѣшительная теорія, которую развил Шульгин в своем литературном произведеніи “Дни”: Гос. Дума должна была говорить “до конца для того, чтобы страна “молчала” — “потому что, если мы замолчим, заговорит улица”...

Почему Штурмер не отвѣтил на клевету, возведенную на него в Гос. Думѣ? По пословицѣ: на ворѣ и шапка горит. Так поняли тогда молчаніе предсѣдателя Совѣта министров. Когда пришла очередь Шульгину ити “на Голгофу”, — по его выраженію в воспоминаніях, — это было 3 ноября, он всю силу краснорѣчія обратил на то, чтобы бить по “жалкому фигуранту” и бороться с “зловѣщей тѣнью, которая налегла на Россію” **). “Отношеніе к власти с нашей стороны должно быть в высшей степени осторожно, — говорил депутат націоналист... — Я терпѣл до послѣдняго предѣла, и если мы сейчас... поднимаем трюны нея знамя борьбы, то потому, что, дѣйствительно, дошло до предѣла...” Безвыходность положенія оратор видѣл в том, что “страна смертельно испугалась своего собственнаго правительства”. Молчаніе при таких условіях “самый опасный из всѣх исходов”. “У нас есть одно средство — бороться с этим правительством до тѣх пор, пока оно не уйдет” — “бороться только одним — тѣм, что будем говорить *правду*, как она есть. (Голос слѣва: “в 4-х стѣнах”!). Здѣсь в прошлом засѣданіи... произнесены были очень тяжкія обвиненія, но ужас был не в них... ужас был в том, как, господа, их встрѣтили...

*) Современник, очевидно, все же думал нѣсколько иначе, нежели историк. Характеризуя «неполную побѣду блока» над темными силами в думской рѣчи 22 ноября, Милюков приводил из архива ХУП ст. афоризм кн. Юрія Долгорукова: «щучу съѣли, а зубы остались». В октябрѣ, когда был поднят вопрос о «штурмѣ власти», Милюков, как видно из собственной его записи, «предлагал сосредоточить нападки именно на Штурмера, т. е., его позиція цѣлком совпадала с точкой зрѣнія націоналиста Крупенскаго.

**) В «Исторіи революціи» Милюков так охарактеризовал своего тогдашняго политическаго единомышленника: «в яркой и ядовитой рѣчи Шульгин поддерживал П. Н. Милюкова и сдѣлал практическій вывод из его обвиненія». Того, что Милюков считал «основным», Шульгин, однако, не касался. Сам Шульгин очень, конечно, стилизовал свою рѣчь, излагая ее в «Днях», поэтому предпочтительнѣе ея изложеніе по сокращенному газетному отчету, появившемуся со значительным опозданіем 27 ноября. Думскими стенограммами я пользоваться не имѣл возможности.

Ужас большой тогда, когда, обращаясь к людям, которые раньше знали Штюрмера... просили сказать... что все, что говорится, неправда, что этого не может быть. Я никогда не слышал этого слова: не может быть. Наоборот, я видел пожимание плечами — весьма возможно... Ужас в том, что даже члены Гос. Совѣта, даже товарищи его по собственной фракціи, на вопрос, кто же такой Штюрмер, нам говорят: “человѣкъ без убѣжденій, с сомнительным прошлым, человѣкъ, готовый на все, человѣкъ, который способен обходительными манерами обходить людей, человѣкъ, который, кромѣ того, в государственных дѣлах ничего не смыслит... Ужас состоит в том, что рядом с креслом, которое занимает предсѣдатель Совѣта министров, сидят люди, которые думают о нем также, и непонятным становится то, как они могут оставаться вмѣстѣ с ним*). Непонятно, как они не скажут ему... вам было сказано обвиненіе, которое нужно опровергнуть или нужно уходить, ибо мы не можем сидѣть рядом с вами (раньше Шульгин говорил о “взятках”). И ужас в том, что предсѣдатель Совѣта министров сюда не придет, объясненій не даст, обвиненій не опровергнет, а устраивает судебную кляузу с членом Гос. Думы Милюковым... Нѣмецкія газеты писали про назначеніе Б. В. Штюрмера, что это “бѣлый лист бумаги”... Но это теперь не бѣлый лист (цензурный пропуск). На нем написано нѣсколько слов, но знаменательных слов. На нем написано: “продовольственная разруха”, на нем написано: “Англія” (раньше Шульгин останавливался на “булацеладѣ”), на нем написано: “Польша” “безнаказанность Сухомлипова”, а внизу в видѣ примѣчанія написано: “Манасевич-Мануйлов”. Но это не все. Вѣдь это только начало. Вот гдѣ самый ужас — мы боимся, что это... только заглавіе к той сатанинской грамѣтѣ, в которой будет изложеніе программы. И вот, чтобы этого не случилось, Гос. Дума должна стоять на своем мѣстѣ и бороться за безопасность Россіи”.

Сам Штюрмер дал в Чр. Сл. Ком. такое правдоподобное, но не полное объясненіе своему молчанію: ...“в день открытія Гос. Думы я уѣхал в Гос. Совѣт послѣ рѣчи Родзянко и не слышал рѣчи Милюкова... Если бы я был там, я бы сказал, что никаких взяток не брал, никаких взяток ни с кѣм не дѣлил... Я, к сожалѣнію, этого не мог сдѣлать. Озлобленіе, повидному, было настолько сильное, что я не мог и думать выходить на кафедру, не подвергая правительству в лицѣ своего предсѣдателя, каким-нибудь нежелательным выходкам...” В дальнѣйшем Штюрмер употребил слово “скандал” и, несомнѣнно, этот скандал мог бы затронуть непосредственно высочайших особ еще в большей степени, чѣм все-таки туманные намеки Милюкова. В молчаніи Штюрмера могли сыграть свою роль и личные качества премьера — его ненаходчивость и неумѣніе говорить. По характеристикѣ Покровскаго, как мы могли убѣдиться, довольно пристрастной, это был человѣкъ, который “в сущности связанной мысли в разговорѣ высказать не мог”. “Это я положительно вам говорю”, — утверждал штюрмеровскій замѣститель по министерству ин. д.: “он заранѣе записывал то, что ему нужно было сказать, иначе даже в маленьком кругу какой-

*) Каковы были взаимоотношенія между членами «объединенія» Совѣта министров, видно из записи Куропаткина, занесшаго в дневник 3 августа отзыв Шуваева о Штюрмерѣ: «пѣшка в руках шайки с Распутиным во главѣ».

нибудь рѣчи он не мог произнести*). Стало быть, голова не удерживала этих вещей". Штюрмер знал, что ожидается скандал и не без умысла сейчас же послѣ рѣчи предсѣдателя Думы поѣхал на засѣданіе Гос. Совѣта, думая, вѣроятно, что тѣм самым избѣжит скандала или смягчит его рѣзкія формы**).

По словам членов штюрмеровскаго кабинета гр. Игнатѣва и ген. Шузаева в Совѣтѣ министров перед засѣданіем обсуждался вопрос, как воздѣйствовать на членов Думы в смыслѣ смягченія памфлетных выступленій и просить резолюціи большинства. Штюрмеру было предложено переговорить с Родзянко. "Предсѣдатель со мной не будет говорить", — отвѣтил будто бы премьер (перед этим у Штюрмера, как он показывал в Чр. Сл. Ком., был Родзянко, предупреждавшій предсѣдателя Совѣта, что Дума не будет с ним работать), и по его предложенію Совѣт просил Игнатѣва взять на себя миссію переговоров. Послѣдній вначалѣ отказался — "я такому Совѣту министров помогать не могу", но потом согласился при условіи, чтобы "никто из членов Совѣта, кромѣ Покровскаго, не имѣл с членами Гос. Думы разговора полемическаго характера в смыслѣ застращиванія, указывая на возможность роспуска". Но, как впоследствии узнал он от "своих друзей", Протопопов нарушил соглашеніе, и "тот самый член Думы, который, повидимому, передал резолюцію, оказался передаточной инстанціей для застращиванія тѣм, что Думу распустят, лишат жалованія и будетъ призывъ на военную службу". Подтверждал эту версію (в другомъ вариантѣ) и Шузаев, указывавшій, что главным образом хлопотал Покровскій — ему было поручено "войти в соглашеніе", чтобы рѣчь Милюкова была "или измѣнена или совсѣм не произнесена"... "В совѣтѣ министров не было выяснено, — показывал Шузаев, — но говорили, что он (Протопопов) сказал, что разгонят Думу, и это будто бы испортило всякое отношеніе". Как видно, и члены Совѣта министров жили тогда больше слухами.

Картина совершенно ясна из всеподданнѣйшаго доклада Штюрмера 31 октября. "Сессіи Гос. Думы, имѣющей возобновиться 1-го ноября, — докладывал предсѣдатель Совѣта, — суждено, повидимому, быть свидѣтельницами не только рѣзкихъ выпадовъ противъ отдѣльныхъ представителей власти, но также и открытаго выступленія противъ всего существующаго порядка образованія правительственной власти и необходимости кореннаго измѣненія всей системы управленія страной. В день открытія предполагается произнесеніе рѣчи, в которой от имени большинства Гос. Думы будетъ заявлено, что "в рядахъ русскаго правительства гнѣздится предательство и роковое слово "измѣна" ходит по странѣ, и что вслѣдствіе сего Гос. Дума категорически отказывается работать по законопроектамъ, представленнымъ правительствомъ. Большинство Гос. Думы настаиваетъ на немедленномъ удаленіи

*) Думскій остроусловецъ Пуришкевичъ далъ премьеру кличку — «Кивачъ краснорѣчія» (маленькій водопадъ на Сѣверѣ).

**) Очевидно, это было заранѣе договорено, такъ какъ покинули Таврической дворецъ и всѣ министры (остались ихъ товарищи) отпавшіеся вмѣстѣ съ предсѣдателемъ на засѣданіе Гос. Совѣта, Палеологъ говоритъ, что Штюрмер просилъ пословъ поступить также. Газетные отчеты присутствіе пословъ на засѣданіи Думы 1 ноября вообще не отмѣтили, но отмѣтили ихъ присутствіе в Гос. Совѣтѣ.

от власти лиц, дальнѣйшее пребываніе которыхъ во главѣ управленія грозитъ опасностью успѣшному ходу нашей національной борьбы... Ознакомившись с текстомъ предполагаемаго заявленія, члены правительствѣ нынѣ принимаютъ мѣры къ тому, чтобы разъяснить отдѣльнымъ представителямъ Гос. Думы всѣ послѣдствія такого рода выступленія... Неминуемымъ послѣдствиемъ такого выступленія долженъ явиться не только немедленный перерывъ занятій Гос. Думы, но даже полное ея закрытіе впредь до новыхъ выборовъ и до созыва новой Гос. Думы. Возможно, что благоразуміе большинства членовъ Г. Д. одержитъ верхъ, а упомянутое выше заявленіе не будетъ оглашено в день открытія Думы. Удерживающимъ в семъ случаѣ стимуломъ могутъ служить также и нижеслѣдующія соображенія. Я обратилъ вниманіе членовъ Гос. Думы на то, что ближайшимъ послѣдствиемъ роспуска Думы явится немедленное отправленіе на службу, на фронтъ, всѣхъ членовъ законодательныхъ учреждений, подлежащихъ по возрасту своему призыву къ военной службѣ. Независимо отъ сего членамъ Гос. Думы, в случаѣ ея роспуска, а не только перерыва, угрожаетъ лишеніе получаемаго ими содержанія впредь до новаго избранія в Гос. Думу; оба послѣднія соображенія, по всей вѣроятности, получатъ рѣшающее значеніе и образумятъ большинство Гос. Думы*). В. И. В. нынѣ вручены указы о перерывѣ занятій законодательныхъ учреждений... В сихъ указахъ начертано, что срокъ возобновленія этихъ занятій назначается в зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Одинъ только перерывъ занятій Гос. Думы не возлагаетъ на ея членовъ обязанности отбыванія воинской повинности и не лишаетъ ихъ содержанія. Этихъ цѣлей можно достигнуть только Высочайшимъ указомъ о совершенномъ закрытіи Гос. Думы на весь періодъ, оставшійся до времени новаго созыва Гос. Думы. В виду изложеннаго, если бы В. И. В. благоугодно было остановиться на сей послѣдней мѣрѣ, пріемлю смѣлость представить къ подписанію В. В. два проекта указовъ: о роспускѣ... Гос. Думы и о срокѣ назначенія новыхъ выборовъ... и о перерывѣ... занятій Гос. Совѣта... долгомъ поставлю всеподданнѣйше доложить В. В., что къ проведенію в дѣйствіе означенныхъ указовъ мною будетъ приступлено лишь в томъ случаѣ, когда всѣ прочіе способы къ устраненію ожидающихся думскихъ противоправительственныхъ выступленій окажутся совершенно исчерпанными и не достигающими цѣли”.

Наряду с официальнымъ докладомъ предсѣдателя Совѣта Министровъ Царь получилъ и очередное письмо жены, в которомъ А. Ф. писала: “Шт. очень беспокоитъ Дума, ихъ бумага отвратительна, революціоннаго характера — они (министры) надѣются повлѣять на голосованіе. Нѣкоторыя заявленія, которыя они (депутаты) хотятъ сдѣлать, просто чудовищны. Напримѣр, что они не могутъ работать с подобными министрами — какое безстыдство**). Это будетъ отвратительная Дума, но не надо бояться: если она окажется слишкомъ уже плохой, ее можно

*) Рассчитывали на крестьянскихъ депутатовъ и священниковъ (показаніе Протопопова): Об этихъ угрозахъ много говорилось в думскихъ кулуарахъ наканунѣ открытія сессіи, что и отмѣтилъ газетный репортажъ.

**) Повидимому «роковое слово измѣна» на привычное уже ухо Императрицы не произвело впечатлѣнія.

будет закрыть, а мы должны быть тверды"...*). На докладѣ Штюрмера Государь написал: "Надѣюсь, что *только крайность заставит при-
блнуть к роспуску Гос. Думы*".

II. — МИРАЖ СЕПАРАТНАГО МИРА.

С трибуны Гос. Думы председатель Совѣта министров был обвинен в "государственной измѣнѣ", — так он сам во всеподданнѣйшем докладѣ 3 ноября формулировал обвиненіе, ему предъявленное. Штюрмер докладывал Царю, что им против Милокова возбуждено преслѣдованіе по суду за клевету. Современники не требовали доказательств**), но исторія — нашла ли она хоть какія нибудь конкретныя подтвержденія криминалу? Главный систематизатор этих доказательств — Семенников должен был ограничиться на основаніи косвенных данных, им изысканных, гипотезой: "если Романовыми велись переговоры с Германіей", то они должны были относиться к промежутку времени между 16 сентября (назначеніе Протопопова) и "вѣроятно" 22 октября. Последняя дата совпадает с опубликованіем германским правительством акта об организаціи польскаго королевства под протекторатом Германіи, т. е. с моментом, когда из рук Россіи вырывался упущенный ею приоритет.

Литературная аргументація к тому "авансу", который раньше дѣлали нѣмцы для заключенія мира, еще раз в значительной степени почерпнута из позднѣйших предположеній нѣмецких мемуаристов. Так известный депутат рейхстага Эрцбергер считал, что издавіе акта 22 октября знаменовало собой "политическую катастрофу" для центральных держав, ибо в Россіи "влиятельные круги" в то время готовы были заключить "всеобщій мир или в случаѣ его отклоненія мир сепаратный". Для достиженія именно такой цѣли "руководство" дѣлом было специально поручено Штюрмеру. Акт 22 октября подѣлал "единственную возможность мира". "Бездарная" дипломатія германских имперіалистов не оцѣнила созданную стараніями Распутина и Императрицы, непосредственно руководившей мужем, благопріятную для нѣм-

*) На другой день А. Ф. сообщила: «им (т. е., Шт. и Прот.) удалось удержать Думу от опубликованія их дурацкой деклараціи». Удивительным образом Милоков при своей богатой памяти: не помнил, что на него со стороны оказано было какое-либо давленіе: только Родзянко, узнавъ об «ударных пунктах» — сообщал Милоков в Чр. Сл. Ком. — «хотѣл меня склонить быть осторожным и не называть извѣстных имен». Для Милокова было «новостью», что подобное воздѣйствіе было вслѣдствіе обращенія к Родзянко со стороны Штюрмера. В дѣлах, между прочим, сохранилось не отправленное Штюрмером письмо Родзянко, помѣченное 31 октября, в котором председатель Совѣта просил председателя Думы, чтобы было сдѣлано распоряженіе об объявленіи засѣданія закрытым, если он сочтет оглашеніе предположеннаго **въ**очереднаго заявленія допустимым.

**) В свое время Милоков уклонился от дачи по существу объясненій 1 Деп. Сената по дѣлу Штюрмера, указав, что готов представить всѣ доказательства в слѣдственную комиссію, если она будет наряжена над дѣйствіями министра. «Русск. Вѣдом.» — орган либерально-демократическій, — одобрили отвѣтъ депутата, хотя и считали естественным требованіе доказать, что он не клеветал, одобрили потому, что своим объясненіем Милоков мог бы создать прецедент, ограничивающій свободу депутатскаго слова.

цев в цѣлях заключенія сепаратнаго мира позицію в польскомъ вопросѣ*).

С большой натяжкой, пожалуй, можно усмотрѣть намеки на нѣ-которую переменѣну во взглядахъ Николая II в мнѣннн, высказанномъ имъ в октябрьской бесѣдѣ с англійскимъ посломъ в Царскомъ Селѣ (об этой бесѣдѣ было уже упомянуто) и косвенно соответствующимъ той сознательной выжидательной позиціи в польскомъ вопросѣ, которую хотятъ называть верховной власти, и которая была вызвана якобы закулисными переговорами о заключеніи сепаратнаго мира с Германіей. На вопросъ Бюкенена, думалъ ли Царь “об исправленіи русской границы со стороны Германіи”, Императоръ отвѣтилъ, что “боится, что ему придется удовлетвориться теперешней границей, даже если она не хороша. Придется вытѣснить нѣмцевъ изъ Польши, но вторженіе Россіи в Германію потребовало бы слишкомъ большихъ жертвъ. Онъ всегда желалъ создать единую Польшу подъ протекторатомъ Россіи в качествѣ государства-буфера между Россіей и Германіей, но в настоящее время не видитъ возможности включить в нее Познань”. Такъ воспринялъ Бюкененъ слова монарха, который надлежитъ все-таки взять в общемъ контекстѣ бесѣды: в ней Царь такъ опредѣленно, по словамъ посла, высказался, что “ничто не заставитъ его пощадить Германію, когда настанетъ время для мирныхъ переговоров” **). Осторожность Царя могла быть внушена сдержанностью его начальника штаба, всегда противившагося широкими обѣщаніямъ до возможности ихъ реального осуществленія.

Императрица къ акту 22 октября отнеслась сравнительно спокойно. Она писала мужу 25-го: “И опять эта исторія с Польшей. Но Богъ все дѣлаетъ къ лучшему, а потому я хочу вѣрить, что и это такъ или иначе будетъ къ лучшему. Ихъ войска не захотятъ сражаться противъ насъ, начнутся бунты, революція, что угодно — это мое личное мнѣніе — спрошу нашего Друга, что онъ думаетъ по этому поводу”. На другой день: “Вчера вечеромъ видѣла нашего Друга... Проситъ тебя отвѣчать всѣмъ, кто говоритъ и надѣлаетъ тебѣ по поводу Польши: “Я для сына все дѣлаю, передъ сыномъ буду чистъ” — это сразу заставитъ ихъ держать языкъ”. В письмѣ 28-го дается общая оцѣнка: “Я прочла в нѣмецкихъ газетахъ статьи о польскомъ вопросѣ, о томъ, какъ тамъ недовольны дѣйствіями Вильгельма, предпринятыми безъ предварительнаго обсужденія с народомъ, газеты пишутъ, что это вѣчно будетъ спорнымъ вопросомъ между нашими двумя народами и т. д.; другіе же не придаютъ

*) В дни превозглашенія «польскаго королевства» русское мин. ин. д. получило отъ швейцарскаго аташе Бибикова иное объясненіе шага, сдѣланнаго Германіей, на основаннн информации, добытой агентомъ мин. ин. д. Сватковскимъ изъ круговъ германской миссіи» Бибиковъ сообщалъ, что за Польшей должна послѣдовать Литва, и что такое разрѣшеніе польско-литовскаго вопроса, по мнѣнію командованія во главѣ с Гинденбургомъ, усиливающимъ Германію, должно приблизить «миръ с Россіей».

**) На провокаціонный вопросъ Бюкенена, правда ли, что Протопопову в бесѣдѣ с германскимъ агентомъ в Стокгольмѣ было сдѣлано заявленіе, что, если Россія заключитъ миръ, Германія эвакуируетъ Польшу и не будетъ имѣть препятствій къ занятію Россіей Константинополя, Царь сказалъ, что не помнитъ, было ли это сказано Протопопову, но онъ об этомъ читалъ в донесеннн одного изъ агентовъ и успокоилъ посла, что подобныя предложенія никакого вліянія не будутъ имѣть.

этому такого серьезнаго значенія и высказываются весьма неопредѣленно — я полагаю, что это большой промах со стороны Вильгельма, и что он за это тяжело полатится. Поляки не преклонят колѣна перед нѣмецким принцем и перед желѣзным режимом, подносимым под видом свободы. Как много благоразумных людей — между ними Шаховской — благословляют тебя за то, что не внял мольбам просящих тебя дать Польшѣ свободу в момент, когда она уже перестала быть нашей, так как это было бы только смѣшно! И они совершенно правы”.

**

Слѣдствіем другого “аванса”, который давали нѣмцы “пацифистам” и “придворной партіи”, группировавшейся около “молодой Императрицы”, являлось задержаніе республикованія во всеобщее свѣдѣніе согласія союзников на уступку Россіи в видѣ главнаго “приза” войны — Константинополя и проливов. Царь на телеграммѣ русскаго посла в Лондонѣ сдѣлал отмѣтку 12 октября: “Не нужно торопиться”. Отсюда вывод — “старались затормозить”, в виду переговоров с Германіей и в цѣлях обезпечить “болѣе легкую возможность сепаратнаго мира”. Насколько произволен такой вывод, ясно из самой исторіи этого вопроса, поднятаго, как было упомянуто, по инициативѣ Штурмера во всеподданнѣйшем докладѣ 21 августа. Можно, конечно, предположить, что вопрос был поднят как бы провокаціонно, дабы побудить нѣмцев на большія уступки. Но не будет ли такое, ни на чем не обоснованное заключеніе проявленіем лишь исторической фантазіи?

В августѣ “Константинополь” был выдвинут правительством Великобританіи, как противоядіе къ тѣм проявленіям “англофобіи”, которая нервность англійскаго посла в Петербургѣ превратила в событіе первѣйшаго значенія для поддержки дружественных отношеній между Россіей и Англійей. Не даром Шульгин на этом вопросѣ останавливался в рѣчи 3 ноября, вспоминая в Думѣ “булацеляду”, не мог же, “в самом дѣлѣ, англійскій посол рѣшиться на такое необычное в исторіи дипломатіи выступленіе только ради одного Булацеля”... В личной телеграммѣ Николаю II Георг V говорил: “До меня дошли свѣдѣнія из многих источников, включая один нейтральный... что германскіе агенты в Россіи производят большія усилія, чтобы посѣять рознь между моею страной и твоей, вызывая недовѣріе и распространяя ложныя свѣдѣнія о намѣреніях моего правительства. В частности я слышал, что распространяется и находит себѣ в нѣкоторых слоях вѣру слух, что Англія собирается воспрепятствовать властнью Россіей Константинополем или сохраненію его за нею. Подозрѣніе такого рода не может поддерживаться твоим правительством, которое знает, что соглашеніе от марта 1915 г. было выработано моим правительством, при участіи лидеров оппозиціи, которые тогда были специально приглашены в Совѣт и которые теперь являются членами правительства... Я и мое правительство считаем обладаніе Константинополем и прочими территоріями, опредѣленными в договорѣ, заключенном нами с Россіей и Франціей в теченіе этой войны, одной из кардинальных и непремѣнных гарантій мира, когда война будет доведена до успѣш-

наго конца.... Мы рѣшили не отступать от обѣщаній, которыя мы сдѣлали, как твои союзники. Так не допускай же, чтобы твой народ был вводим в заблужденіе злостными махинаціями твоихъ врагов”.

“Я писалъ тебѣ нѣсколько разъ, — отвѣчалъ Николай II 29 августа*), — какъ я счастливъ, что чувства глубокой дружбы къ Англіи все больше и больше укрѣпляются среди моего народа, моей арміи и флота. Конечно, имѣются отдѣльныя лица, не раздѣляющія этого взгляда, но я постараюсь справиться съ ними”... “Я убѣжденъ, — заключалъ Царь письмо, — что краткое официальное сообщеніе моего правительства, устанавливающее, что Англія и Франція разсматриваютъ обладаніе Россіей Константинополемъ и проливами, какъ неизмѣнное условіе мира, успокоило бы всѣ умы и разсѣяло всякое недовѣріе”. Къ этому мнѣнію присоединился и “нашъ Другъ”. 7 сентября А. Ф. писала: “Я сообщила Ему то, что Шт. говорилъ мнѣ по поводу официального заявленія относительно Константинополя, — знаешь то, о чемъ ты говорилъ Джорджи. Онъ тоже думаетъ, что это слѣдовало бы сдѣлать, такъ какъ это обязало бы Францію и Англію передъ всею Россіей, и онѣ послѣ должны были бы сдержать свое слово”.

“Дневникъ” министерства ин. д. отмѣтилъ намъ дальнѣйшіе этапы вопроса о “константинопольскомъ соглашеніи”. 4 сентября Штюрмеръ пригласилъ англійскаго посла для заслушанія содержанія проектируемаго имъ официального правительственнаго сообщенія. Бюкененъ передалъ, что предположеніе обнародованія текста соглашенія вызываетъ возраженіе со стороны лорда Грея: “великобританское правительство было бы готово дать свое согласіе на опубликованіе документовъ касательно перехода подъ власть Россіи Константинополя и проливовъ, но считаетъ, что для этого *надо выбрать подходящий моментъ* съ точки зрѣнія военнаго положенія и политической обстановки..., лордъ Грей полагалъ бы необходимымъ предварительно внести этотъ вопросъ на разсмотрѣніе военнаго совѣта въ Лондонѣ, который долженъ будетъ высказаться относительно своевременности преданія гласности документовъ, рѣшающихъ судьбу Константинополя, опубликованіе коихъ, конечно, произведетъ огромное впечатлѣніе во всемъ мусульманскомъ мірѣ... съ этимъ обстоятельствомъ не можетъ не считаться великобританское правительство, имѣя миллионы подданныхъ мусульман”.

Такимъ образомъ первая задержка въ распубликованіи тайнаго договора не можетъ быть отнесена за счетъ заднихъ мыслей у русскаго министра ин. д. Тотъ же “дневникъ” зарегистрировалъ “большую тревогу и смущеніе” въ Италіи по поводу неосвѣдомленія ея относительно вопросовъ, связанныхъ съ Турціей. Недовольство свое выразилъ въ министерствѣ на другой день итальянскій посолъ маркизъ Карлоти, но главно “затрудненіе”, какъ “выяснилось” черезъ нѣсколько дней, ожидалось со стороны Франціи, хотя Палеологъ, присутствовавшій на утренней, бесѣдѣ 4-го и выразилъ желаніе немедленно телеграфировать въ Парижъ. Приходилось учитывать всѣ тонкости дипломатической игры. Поэтому ничего зловнамѣннаго не приходится отыскивать въ томъ, что 30 сентября Штюрмеръ телеграфировалъ послу въ Лондонѣ Бенкендорфу, что

*) Письмо написано въ сотрудничествѣ съ женой, какъ о томъ свидѣлствуютъ поправки, сдѣланныя лично А. Ф., въ черновикѣ, собственноручно написанномъ Ник. Ал.

при “чрезвычайном желаніи дать русскому общественному мнѣнію удовлетвореніе, он отнюдь не настаивает на немедленном назначеніи срока опубликованія” *). Если и былъ здѣсь нѣкоторый “отбой” (Бенкендорфу рекомендовалось не поднимать вопроса по собственной инициативѣ), то он в большей степени может быть объяснен (как и в рѣшилкѣ Царя Бюкенену о Польшѣ) умѣряющимъ вліяніемъ Алексаѣва, который не сочувствовал форсированію константинопольской проблемы. Припомним, что начальник штаба исходил из соображенія, что “осуществленіе вѣковой задачи на Бл. Востокѣ представляет совершенно особую стратегическую задачу, которую нельзя ставить в непосредственную связь с происходящей войной”. Значительно позже наканунѣ революціи (26 февраля) представитель мин. ин. д. в Ставкѣ Базили писалъ новому министру: “В разговорѣ с С. Д. Сазоновым, так и особенно с Б. В. Штюрмером, генерал высказывал опредѣленное мнѣніе, что объявлять *urbi et orbi* о предоставленіи нам Константинополя и проливов *не слѣдует*. По твердому его убѣжденію, надо сначала подойти к выполненію столь крупной военной задачи, обезпечить ее успѣхом, а потом уже говорить о ней. На это Б. В. Штюрмер *возражал*, указывая, будто оглашеніе признанія нашими союзниками нашихъ прав на проливы необходимо для успокоенія общественнаго мнѣнія в Россіи, и, к сожалѣнію, эта точка зрѣнія возобладала”.

Вопрос, поднятый Штюрмером 21 августа, медленно продвигался вперед, встрѣчая главнымъ образомъ противодѣйствіе “общественнаго мнѣнія” в Зап. Европѣ. Черезъ два мѣсяца в телеграммѣ 30 октября изъ Парижа Извольскій все еще говорил о той оппозиціи, которую оказываютъ правительству “крайнія парламентскія фракціи палаты депутатов в вопросѣ о распубликованіи “константинопольскаго соглашенія”. Это “общественное мнѣніе” во всякомъ случаѣ связывало возможность полученія Россіей “приза” одновременнымъ компенсирующимъ манифестомъ о Польшѣ, что, в свою очередь, должно было тормозить дѣло, так как в представленіи верховной власти твердо укоренилось желаніе издать тот или иной акт, касающійся Польши, только в момент, когда русскія войска вновь перейдутъ границу: “Друг”, которому Богъ далъ “больше предвидѣнія, мудрости и проницательности, нежели всѣмъ военнымъ вмѣстѣ”, настаивал на этомъ (письмо А. Ф. 7 сентября). Опубликованная дипломатическая переписка показывает, какое большое значеніе придавали “аргументу о Польшѣ” русскіе заграничныя представители — Бенкендорфъ не разъ настаивалъ изъ Лондона на опубликованіи манифеста о Польшѣ, в цѣляхъ облегчить разрѣшеніе кон-

*) Переписка была вызвана напоминаніемъ Бенкендорфа о необходимости «разяснить извѣстныя опасенія англійскаго общественнаго мнѣнія относительно прочности англо-русскаго согласія на будущее время. 9 сентября, по этому поводу происходило особое совѣщаніе в министерствѣ. Штюрмеръ выражалъ полное свое согласіе дать при случаѣ успокоительныя завѣренія англійскому общественному мнѣнію», пріурочивая такое «официальное завѣреніе» къ выступленію своему в Гос. Думѣ или опубликованію сообщенія о рѣшеніи Англии и Франціи предоставить Россіи Константинополь. Опубликованіе одного лишь сообщенія о прочности англо-русскаго сближенія, по мнѣнію мин. ин. д., могло бы произвести «нежелательное впечатлѣніе». Едва ли Штюрмеръ в этомъ отношеніи былъ неправ, особое правительственное сообщеніе придавало бы мыльнымъ пузырямъ типа «булацеліады» непомѣрное значеніе.

стантинопольскаго вопроса, указывая, что это могло бы имѣть особенно “большой вѣс” в Парижѣ. Поворотным пунктом надо считать германскій акт 22 октября... Союзническіе послы в Петербургѣ, довольно тѣсно связанные с либерально-націоналистическими кругами в Россіи и усвоившіе себѣ их политическія настроенія, оказывали соотвѣтствующее вліяніе на свои правительства. Так Бьюкенен в телеграммѣ 28 октября указывал Греку, что Константинополь был бы прекрасным отвѣтом на германскую декларацію о независимости русской Польши. В итогѣ этого давленія Извольскій телеграфировал Штюмеру, что Палеологу предписано сговориться со своим британским коллегой о формѣ опубликованія соглашения о Константинополѣ и что Бриан объяснял “недоразумѣніем” происшедшую затяжку. Таким образом лично Штюмер не только не тормозил декларативной реализаціи “константинопольской проблемы” (по утверженію Белецкаго, он ставил ее себѣ в заслугу), но скорѣе пытался муштровывать вопрос, желая тѣм самым до нѣкоторой степени подладиться под націоналистическія и, если угодно, “империалистическія” тенденціи оппозиціонной к нему общественности (точнѣе, думских кругов, примыкавших к прогрессивному блоку) и смягчить инсинуацію и клевету вокруг своего имени.

Как раз в это время, еще до рѣчи Милюкова, усиленно распространялась копія августовскаго письма Гучкова к Алексѣеву, в котором так опредѣленно говорилось о “прочной репутаціи” Штюмера, “если не готоваго уже предателя, то готоваго предать”. Нѣтъ ничего удивительнаго в том, что подлинные “германофилы”, т. е. нѣмецкіе агенты, пытались подкапываться под переговоры, которые шли между министерством ин. д. и дипломатами союзных государств, и развивали противоположную тезу запоздалой аргументаціи эпохи “миссіи Васильчиковой”. Так в октябрѣ Палеолог записывает, как всегда со слов многочисленных информаторов, являющихся во французское посольство, распространенныя сужденія на тему: Константинополь не может быть взят силою русскаго оружія; союзники, несмотря на обѣщанія, никогда не предоставят Россіи проливы; только Германія может обезпечить их за Россіей и готова на это, если Россія заключит мир; будет прекрасен тот день, когда славянство и германизм примирятся под высью купола св. Софіи. Вѣда была, конечно, не в том, что Палеолог записывал для исторіи в дневник, преувеличивая этот не столько обязательскій, сколько пропагандистскій фольклор — плохое было то, что он одновременно сообщал е соотвѣтствующим преувеличеніем о всей этой подчас фантастической “информаціи” дипломатическими депешами в Париж.

Тот же Палеолог записал, что тов. мин. ин. д. Нератов утром критическаго 1-го ноября официально ему сообщил, что Штюмер намѣревается в правительственной деклараціи огласить в Думѣ, что **русскій** народ должен напречь всѣ усилія, чтобы получить Константинополь, и что Царь тверд в своей волѣ объединить польскія территоріи в автономное государство. Это выполнил уже преемник Штюмера на предсѣдательском посту — Тренев 19 ноября.

“Константинопольскій аванс” нѣмцам со стороны “партіи сепаратнаго мира” по всей справедливости должен быть отнесен к числу общественных и еще болѣе дипломатических уток.

Среди всего того, что сплеталось вокруг имени Штюрмера в связи с разговором о подготовкѣ заключенія сепаратнаго мира, может быть, одно заслуживало бо вниманія, но это единственное было совершенно внѣ поля зрѣнія тогдашних обвинителей, ускользнуло оно и из вниманія исторических обличителей. В Чр. Сл. Ком. имѣлись свѣдѣнія, что Штюрмер вел продолжительную “в теченіе нѣскольких часов” бесѣду с Колышко перед его отъѣздом за границу. Откуда получила эти свѣдѣнія Комиссія — мы не знаем: может быть, непосредственно из допросов самого Колышко, арестованнаго тогда контр-развѣдкой. При допросѣ Штюрмера 14 іюля этот вопрос ему был поставлен. Стенографическая запись довольно сумарно запротоколировала происходившее. Штюрмер не отрицал, что Колышко был у него “вечером, сказал, что побѣдет в Швецію и рассказывает.. свои планы”. Штюрмер отрицал, что у него могла быть бесѣда “о дѣлах государственной важности в связи с вопросом о мирѣ”. “Я его так мало знал. Как же я мог говорить с человѣком, котораго мало знал? Я познакомился у кн. Мещерскаго, но там Колышко давно не бывал”.

Не имѣя перед собою “дѣла” Колышко, трудно сказать, насколько он фактически был изобличен контр-развѣдкой, и насколько мы в правѣ этому будущему дѣятелю эмигрантскаго монархическаго Кобурга приклеить безапелляціонную этикетку нѣмецкаго агента, но в обстановкѣ 17-го года интимная бесѣда с таким человѣком могла казаться подозрительной. До революціи Колышко оставался популярным в извѣстных кругах журналистом, нашумѣвшим, особенно в провинціи, в качествѣ драматурга, который прославляя “великаго человѣка”, новатора гр. Вигте. Непосвященная публика не разбиралась, конечно, в превращеніях малоизвѣстнаго “Сѣренькаго” из реакціоннаго “Гражданина”, которыя заставляли относиться к популярному журналисту Колышко с нѣкоторым предубѣжденіем: “Сѣренькій” из “Гражданина” Мещерскаго дѣйствовал в трех лицах, довольно отличных друг от друга — “Баян” из “Русскаго Слова”, был “Рославлем” в “С. Пет. Вѣдомостях” и “Рогдаем” в “Новом Времени”...

Сам по себѣ прием честолюбивым министром-предсѣдателем, не очень освѣдомленным в дѣлах дипломатіи, Колышко-Баяна не может быть поставлен в вину. “Баян” мог быть для Штюрмера хорошим информатором закулисных махинацій за границей. К сожалѣнію, для нас нѣтъ возможности выяснитъ точно дату посѣщенія Колышкой Штюрмера. Послѣдній не рассказав в Комиссіи, какіе “планы” развивал перед ним предприимчивый журналист, соединявшій со своей литературной профессіей и прибыльныя финансовыя операціи. Сам Колышко одному из своих друзей из рядов русских “пацифистов”, работавших за границей во время войны, — Сукенникову передавал, что он был вызван по инициативѣ Штюрмера из Стокгольма для ознакомленія с положеніем дѣл, причем, он, Колышко, откровенно сказал, что по тогдашнему положенію на войнѣ Россія может спастись лишь сепаратным миром. На что Штюрмер возразил: “миѣ извѣстно, что в связи с моим назначеніем создалась легенда, что я избран для того, чтобы заключить сепаратный мир. Люди только забывают, что, если бы я преслѣдовал

эту цѣль, у меня был бы могучій противник — Царь, который никогда не измѣнил бы союзникам и не нарушил бы своего слова”.

Связь Колышко с нѣмецкими дѣятелями, как будто, внѣ сомнѣнія, равно как и его “пацифистскія” наклонности. Не мог ли он быть одним из тѣх русских, “дружески расположенных к Германіи”, с которыми видный германскій политик Тирпиц имѣлъ случай бесѣдовать осенью 16 г., и из бесѣд с которыми он вынес заключение, что тогда “существовала возможность заключить мир с Россіей”? В воспоминаніях германскій морской министр набросал и примѣрный проект возможнаго мира — с уступкой Россіи нѣкоторой территоріи, граничащей с Восточной Пруссіей, за счет приобрѣтеній в Галиціи с предоставленіем Россіи права прохода для военных судов через Дарданеллы, с уплатой Германіей русских долгов Франціи и т. д. При посредничествѣ Петербурга, — полагал Тирпиц, — можно добиться мира на всем континентѣ, т. е. с Франціей. Так создалась бы основа “великаго союза” против англо-саксов... Передавал ли Тирпиц своим русским собесѣдникам какіе-либо конкретные планы, выходившіе за предѣлы “предположеній”, мы не знаем.

Безответственные посредники любят набавлять себѣ цѣну и превеличенно изображать своей удѣльный вѣс и вліяніе. Можно предположить, что информация о мирѣ, появившаяся в бернском органѣ социалиста Гримма, имѣла источником одну из таких безответственных бесѣд. Было бы однако слишком смѣло сдѣлать вывод, что Штюрмер был хотя бы только освѣдомлен (в интерпретации одного из русских “пацифистов”) о предположеніях Тирпица или какого-либо другого авторитетнаго германскаго дѣятеля. Хотя лорд Грей, на основаніи свѣдѣній, полученных из “ответственнаго источника”, увѣдомил британскаго посла в Петербургѣ, что в Стокгольмѣ пріѣзжал один крупный германскій дипломат, и что в Швеции еще недавно велись переговоры об условіях сепаратнаго мира (ликвидация европейской Турціи, нейтрализация Дарданелл, уступка Россіи Галиціи и предоставленіе ей займа в 1.500 т. марок) между государственным дѣятелем и русским, возвратившимся из Лондона, — надо думать, что англійскій министр ин. д., в свое время освѣдомленный представителем министра в Россіи, повторяя в нѣсколько модернизированном видѣ старыя свѣдѣнія о стокгольмской бесѣдѣ, скорѣе всего с братом знаменитаго банкира Варбурга*). Так очевидно и понял Бьюкенен, затронувшій в октябрьской аудіенці, послѣ полученія сообщеній Грея, у Царя вопрос о “стокгольмском свиданіи”.

Мы видѣли уже, с какой категоричностью отвѣтил Николай II. Неприемлемыя для нѣмецких империалистов тирпицовскія “предположенія” еще болѣе были чужды русскому Императору, с болѣзненной чувствительностью относившемуся к мысли о потери какой-нибудь территоріи, которая входила в состав Россійской Имперіи. Очень показательна в этом отношеніи бесѣда энергичнаго англійскаго посла с Ца-

*) Не имѣл ли в виду Милоков именно эту, полученную из «ответственнаго источника» информацию Грея (он мог быть освѣдомлен англійским послом), когда говорил в Гос. Думѣ, что у него есть «нѣкоторые основанія думать», что предложеііе Варбурга было «повторено болѣе прямым путем и из болѣе высокаго источника»?

рем при посѣщеніи Могилева в началѣ октября. Бьюкенен хлопотал о присылкѣ японскихъ войскъ на русскій фронтъ, к чему совершенно отрицательно относилось русское высшее военное командованіе. Воспользовавшись аудіенціей, посолъ попытался непосредственно убѣдить самого верховнаго вождя в возможности такого акта со стороны Японіи, “если ей за это будетъ предложена существенная компенсація”. “Соглашаясь в принципѣ с этой мыслью, — рассказываетъ сэръ Джорджъ, — Государь спросилъ, имѣю ли я представленіе относительно характера подобной компенсаціи. Я отвѣтилъ, что на этотъ счетъ у меня нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, но что по нѣкоторымъ замѣчаніямъ виконта Мотано (японскаго посла в Петербургѣ, назначеннаго в это время министромъ ин. д. в Токио), во время одного изъ нашихъ послѣднихъ разговоровъ, я могъ заключить, что уступка русской или сѣверной части Сахалина будетъ весьма пріемлема для его правительства, Государь сразу возразилъ, что об этомъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ онъ не уступитъ ни единой пяди русской земли. Я позволилъ себѣ напомнить Е. В. знаменитую фразу Генриха IV: “Paris vaut bien une messe”, — это оказалось бесполезнымъ, такъ какъ я замѣтилъ, что Государь чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, я не старался продолжить разговоръ”.

III. — «МАРКСИСТСКАЯ» КОНЦЕПЦІЯ.

Почти одновременно съ Милюковымъ в эмигрантской печати выступилъ Ленин, в сущности опиравшійся на ту же бернскую информацію. В статьѣ “О сепаратномъ мирѣ” (“Соц. Дем.” 6 ноября) и болѣе поздней “Поворотъ в міровой политикѣ” (31 января) лидеръ лѣвыхъ циммервальдцевъ не искалъ корней измѣны “придворной шайки” и самого “царизма” — онъ стремился раскрыть тѣ объективныя причины, которыя намѣчали во “всемирной политикѣ” поворотъ отъ “имперіалистическаго союза Россіи съ Англіей противъ Германіи къ не менѣе имперіалистическому союзу Россіи съ Германіей противъ Англіи”. Основная причина лежала, по его мнѣнію, в экономикѣ — в отсталости ресурсовъ страны, “чѣмъ больше вырисовывались для царизма фактическая военная невозможность вернуть Польшу, завоевать Константинополь, сломить желѣзныи германскій фронтъ, — тѣмъ болѣе вынуждался царизмъ къ заключенію сепаратнаго мира съ Германіей”. Впослѣдствіи историки марксисты из большевикской фракціи еще сильнѣе нажали педаль. Для Покровскаго уже было несомнѣнно, что “хозяйство страны валялось в пропасть”, и для того, “чтобы остановить паденіе, нужно было заключить миръ”. (Изъ предисловія къ печатанію записки Родзянко, представленной Царю наканунѣ революціи). Выученики же самого Покровскаго изъ “историческаго семинарія Института красной профессуры” готовы признать, что “царизмъ” даже объективнѣе оцѣнивалъ обстановку, чѣмъ “буржуазія” — онъ “разсчитывалъ точнѣе”, чѣмъ Милюковъ и Гучковъ. Понявъ, что русскій имперіализмъ исчерпалъ свои ресурсы, самодержавіе “рѣзко повернуло свою политику в сторону заключенія сепаратнаго мира съ Германіей”.

Оставимъ в сторонѣ слишкомъ сложный вопросъ о намѣчавшемся, будто бы, в концѣ 16-го года поворотѣ во “всемирной политикѣ”, и о готовности “царской Россіи” заключить союзъ съ “юнкерскою Германі-

ей”, т. е. разрѣшеніе Николаем II в силу неудачной войны десятилѣтними стоявшей перед властью проблемы — и разрѣшеніе при том не в духъ “завѣта”, полученнаго от Александра III. Кто реалистичнѣе оцѣнивал положеніе, либеральные ли экономисты, составлявшіе для предсѣдателя Думы его всеподданнѣйшую записку и видѣвшіе “катастрофичность и трагичность положенія Россіи”, не столько в истощеніи экономических ресурсов страны сколько в дезорганизациі духа и отсутствіи довѣрія между властью и обществом*), — или их антагонисты из лѣваго социалистическаго лагеря? Одно можно сказать с опредѣленностью: экономисты из ленинской фаланги приписывали свои собственныя мысли “царизму”, и поскольку послѣдній сливался с верховной властью, у его представителей не могла создаться та психологія, которая как бы неизбѣжно толкала на путь заключенія сепаратнаго мира. Родоначальник большевицкой исторіографіи слишком часто свои отвлеченныя схемы склонен был признавать за схемы историческія, т. е. вытекающими из анализа конкретных фактов. Раз существовали “объективныя” условія, то “не может подлежать сомнѣнію, что переговоры о сепаратном мирѣ между Германіей и Россіей дѣйствительно велись”. На дѣлѣ Ленин, подобно Милюкову, без критики увѣровал в сообщеніе “*Berner Tagewacht*”, подтвержденное, как послѣдшил заявить гриммовскій орган в отвѣтъ на официальное опроверженіе мѣстнаго русскаго посольства, “положительными свѣдѣніями”, которыя имѣются по этому поводу в “торговых кругах Швейцаріи и Россіи”...

Схема Ленина получила дальнѣйшее развитіе и обоснованіе в совѣтской литературѣ, попытавшейся современную легенду превратить в историческую дѣйствительность. Молодых марксистских историков, прошедших большевицкую “школу Покровскаго”, естественно не могла удовлетворить слишком упрощенная схема, порожденная настроеніем военнаго времени и связанная с представленіем о германофильских симпатіях “нѣмки” на русском престолѣ, которая возглавляла нѣмецкую партію при Дворѣ. Не удовлетворяла их вполнѣ и рожденная той же элементарной психологіей легенда об “измѣнѣ” придворной клики, испуганной призраком грядущей революціи — легенда, легко подхваченная в свое время западно-европейскими дипломатическими кругами. Историки, раздѣляющіе вульгаризованныя теоріи “экономическаго материализма”, и в силу этого распродѣляющіе довольно упрощенно общественно-политическіе взгляды только по экономическим категориям, пытались подвести под пропаганду сепаратнаго мира болѣе широкую социальную базу, нежели та, которую представляет узкій круг придворной знати, примыкавшій ко взглядам петербургскаго “*Comité de Potsdam*”. Однако зерно истины, лежащее в признаніи объективнаго факта возможной зависимости отношеній нѣкоторых общественных групп к войнѣ от существовавших экономических отношеній, тонет у этих историков в грудѣ догматических построеній, слишком часто совершенно не считающихся с реально существующей дѣйстви-

*) «Гдѣ причина всей этой разлуки? — ставила вопрос записка: «Есть ли это результат каких-либо непреодолимых сил, бороться с которыми невозможно, или мы имѣем перед собой твореніе рук человѣческих?» И отвѣтъ давался опредѣленный: «К счастью, но вмѣстѣ с тѣм и к несчастью Россіи, налицо есть именно второе. Страна имѣет все необходимое, но использовать в достаточной степени не может».

тельностью, не говоря уже о невозможности конкретную людскую психологию со всеми ея сложными перипетиями уложить на прокрустово ложе экономических выкладок.

В результатъ они сами запутываются в противорѣчїях своих логических построений. Теза о “дуэли двух капиталов”, — так называемого промышленнаго, который втягивается в войну, и торгово-финансоваго, обнаруживающаго пацифистскїя тенденціи, не выдерживает прикосновенїя критики. При современной структурѣ экономическаго міра финансовый капитал оказывается неразрывно связанным с промышленным, и приходится дѣлать оговорку о пацифистских тенденціях международных банковских сфер постолько, поскольку онѣ не связаны с металлургической промышленностью. Русская дѣйствительность открывала иную тенденцію — идею міра совѣтскіе историки прощупывали как раз среди представителей синдицированной металлургїи. Дѣйствительность надлежало подогнать под догму и сдѣлать вторую оговорку, что наступил момент, когда металлургическим синдикатчикам война перестала приносить колоссальныя экономическія выгоды, и надо было думать, как пушки вновь перелить на орало. Отсюда их пацифизм. С другой стороны, нельзя было скинуть с исторических счетов тот факт, что помѣстный класс — дворянская опора монархіи — шел во время войны, в значительной, по крайней мѣрѣ, пропорціи, за либерально-империалистической буржуазіей, представленной в Думѣ “прогрессивным блоком”; не даром А. Ф., желая роспуска оппозиціонной в своем большинствѣ Гос. Думы, писала мужу: “вели им развѣзжаться по деревням и слѣдить за ходом полевых работ” (9 іюля 16 г.). Попытка примирить явно и выпукло выступающїя противорѣчїя приводит к новой ограничительной оговоркѣ: пацифистски-реакціонныя группы, приближавшіяся в Россїи к власти в теченіе войны и подготовлявшїя сепаратный мир, который знаменовал собой политическую перестраховку на Германію, представляли собой объединеніе банковскаго синдиката, опирающагося на металлургическую промышленность, с аграрїями, т. е. помѣщиками-феодалами. Правда, владѣльцам земельных латифундїй выгодны были свободные проливы, т. е. главный “приз” войны, но затыжка военных операций, связанных с закрытіем свободнаго вывоза хлѣба, была по карману “торговый капитал, воплощаемый высшим дворянством”, и т. д....

Не наша задача быть зодчим при этой нестройной политико-экономической архитектурѣ, выравнивать фундамент и распутывать клубок противорѣчїй. И всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія о предположенїях, мнимых или дѣйствительных, касавшихся подготовки сепаратнаго мира, мы будем разсматривать в прежнем ограничительном порядкѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

НА РАСПУТИИ

1. «ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ».

1. — О т с т а в к а Ш т ю р м е р а .

Никаким официальным опровержениям современники, заигнотизированные слухами, сомнениями и “информациями”, не вѣрили. С достаточной определенностью высказал это с кафедры Гос. Думы неуравновѣшенный монархист Пуришкевич, так долго юродствовавший в Думѣ, а во время войны, по собственному выражению, взобравшийся на колокольню Ивана Великаго и на всю Русь святую вдруг закричавший: караул! “Когда много кричат о том, что мира не будет, — говорил бессарабскій депутат 19 ноября по поводу циркулярной депеши Штюрмера 3 ноября за границу с опровержением “недѣльных слухов” о сепаратных переговорах между Россіей и Германіей о заключеніи сепаратнаго мира. — значит, есть кто-то, кто стремится, чтобы мир был заключен”. “Вѣрно”, — раздалось с мѣст лѣвых в Думѣ. Конечно, сторонники мира были, но вѣдь дѣло было не в этом, а в том — был ли “сепаратный мир” активным стимулом правительственной политики. Надо признать, что о сепаратном мирѣ больше всѣх и громче всѣх кричали как раз тѣ, кто боролись с подобной тенденціей и тѣм самым популяризировали лозунг: “мир во что бы то ни стало”, к которому “так внимательно” прислушивались в Германіи (из жандармских донесеній в октябрѣ 16 г.). Насколько чужда была верховной власти концепція, ей приписываемая, видно из того, как протекал кризис правительственной власти послѣ “скандала”, разыгравшагося в Гос. Думѣ 1-го ноября.

У нас нѣтъ толковаго разсказа о том, что было в Совѣтѣ министров. Согласно показаніям Милокова в Чр. Сл. Ком. на основаніи того, что он узнал “позже”. “Штюрмер рѣшительно выступил с требованіем отсрочки Гос. Думы, т. е. перерыва ея занятій. Поддержки он не встрѣтил, большинство министров высказалось против этого, и единственное удовлетвореніе, которое ему дали, это по поводу вопроса о моем преслѣдованіи... Было отклонено преслѣдовать меня от правительства, и они предоставили это дѣлать ему лично в формѣ обвиненія меня в клеветѣ”. Информаторы Палеолога донесли ему, что Штюрмер требовал роспуска Думы и ареста Милокова, но его поддержал только Протопопов.

Единственным надежным источником для нас может быть черновой текст всеподданнѣйшаго доклада Штюрмера, который во всяком

случаѣ опредѣлял позицію самого премьера. 3 ноября он докладывал Царю: “Высочайшим словом, начертанным на моем докладѣ (рѣчь идет о докладѣ 31 октября и о резолюціи Царя по вопросу о роспускѣ Думы, полученной в Петербургѣ лишь 2 ноября), опредѣляются дальнѣйшія мѣропріятія правительства в отношеніи к Гос. Думѣ. Правительством приняты все зависящія от него мѣры для установленія совместной с Думой работы. Итоги первых трех дней оставляют однако мало надежды на возможность достиженія такой цѣли. Гос. Дума до сих пор еще не приступила к разсмотрѣнію внесенных законопроектов. Ея занятія протекают исключительно в обсужденіи необходимости добиться отстраненія нынѣ существующаго правительства, неспособнаго и злославленнаго, способов борьбы с ним впредь до его ухода и до замѣщенія кабинета таким составом, который будет опираться на большинство Гос. Думы и будет перед нею отвѣтственным. Дума не критикует отдѣльных мѣропріятіи правительства, а только огульно и ожесточенно нападает на наличный состав Совѣта министров и в особенности на его предсѣдателя. Его обвиняют в государственной измѣнѣ, в освобожденіи от заключенія ген. Сухомлинова, во взяточничествѣ полицейскаго агента Мануйлова и т. д. Возведенныя на меня обвиненія, первоначально изложенныя в рѣчи депутата Милюкова, вынудили меня заявить предсѣдателю Думы о возбужденіи мною против Милюкова преслѣдованія по суду за клевету*).

В рѣчи того же депутата Милюкова было допущено и иного рода заявленій, по поводу котораго я потребовал в тот же день от Родзянко объясненій о том, какія им были приняты мѣры воздѣйствія на оратора. Правительство в предѣлах, допускаемых его достоинством, спокойно будет выдерживать все разнузданные натиски Думы и будет избѣгать поводов к дальнѣйшим с ней недоразумѣніям. На успешное разрѣшеніе предстоящей ему задачи представляется мало данных, так как на правительство возводятся не конкретныя обвиненія, а ставится принципиальный вопрос: “Мы или они”, и рѣчь идет о рѣшеніи Гос. Думы провести в жизнь страны новый правительственный строй. Затѣм правительством будет сдѣлана попытка к возврату Гос. Думы на путь исполненія ею ея прямых обязанностей. Совѣт министров возложил на министров военнаго и морскаго порученія выступить в Думѣ с напоминаніем о том, что чрезвычайныя обстоятельства военнаго времени настоятельно требуют принятія неотложных мѣр к содѣйствію арміи и флоту в их борьбѣ с вѣншим врагом, и что к разрѣшенію этой первостепенной важности задачи долг патріотизма повелѣвает немедленно обратить все силы законодательных учрежденій”.

Судя по довольно безтолковой стенографической записи показаній б. военнаго министра Шуваева в Чр. Сл. Ком.**)

*) Непонятно, почему члены Думы оказывались так мало освѣдомленными; националист Бобринскій сдѣлал новый выпад против Штюрмера 19 ноября, отмѣчая «знаменательное молчаніе» предсѣдателя Совѣта, не привлекаяго Милюкова за клевету — «до сих пор об этом что-то не слышно».

**) Почему то Милюков в своей «Исторіи» назвал Шуваева «рамоликом» (ему было 62 года). В показаніях он давал другую характеристику преемнику Попова, считая его, правда, стоящим «ниже уровня и ниже элементарнаго требованія», но человѣком «очень почтенным» «его дѣятельность по интенданству всегда вызывала наше сочувствіе; он простой человѣкъ,

стров царя растерянность послѣ того, как Штюмер "отчитали" в Думѣ. "Говорят, что все-таки нужно дать поясненіе, нужно в Думѣ кому-нибудь выступить". "Ну, один, другой, третій.. Да военному министру", — показывал Шуваев примѣнительно к своей своеобразной, отрывочной манерѣ говорить. "С этим обращается Штюмер: вам". Шуваев, как "солдат", принял приказаніе, но отказался выступать по "шпаргалкѣ", предложенной мин. юст. Макаровым.

Засѣданіе Думы 4-го, гдѣ выступили военный и морской министры, по замѣчанію Палеолога, произвело "сенсацию" — особенно показательным явилось как бы демонстративное публичное пожатіе военным министром руки лидера думской оппозиціи, выступавшаго с изоблаченіем 1-го ноября. Всеподданнѣйшій доклад Штюмера и показанія самого Шуваева опровергают свидѣтельство Родзянко, что военный и морской министры явились в Думу "на свой риск и страх", и что правительство оставалось совершенно "равнодушным" к этому выступленію. Штюмер во всеподданнѣйшем докладѣ изобразил так: "Вчера, 4-го ноября, министры военный и морской выступили в Гос. Думѣ и заявили о полном обезпеченіи русской арміи и флота всѣм необходимым для дальнѣйшей обороны государства и о твердой их увѣренности в том, что враг уже надломлен, и что окончательное его пораженіе с каждым днем приближается. Морской министр добавил, что государственная оборона требует совмѣстной работы правительства с Гос. Думой. Означенныя заявленія были встрѣчены Гос. Думой с единодушным сочувствіем и были приняты, как свидѣтельство о том, что война будет продолжаться, и что слухи о сепаратном мирѣ должны разсѣяться. При дальнѣйшей оцѣнкѣ рѣчей министров часть Гос. Думы высказалась, что слова об единеніи правительства с народными представителями должны быть приняты, как рѣшеніе со стороны правительства переимѣнить нынѣшній состав министерства". "5 и 6 ноября, — заключил Штюмер, — общих собраній в Гос. Думѣ не будет. В понедѣльник, быть может, установится тот желательный в настроеніях Гос. Думы перелом, и она перейдет к работѣ законодательной".

В слѣдующем докладѣ, 7 ноября, оптимизм премьера исчезал: "Долгом пріемлю представить В. И. В., что до сих пор не произошло переменъ в настроеніях Гос. Думы в смыслѣ возможности для нея обратиться в ближайшіе дни к своим законодательным обязанностям. Встрѣченныя сочувственныя выступленія министров военного и морского истолковываются только, как доказательство того, что эти два министра не солидарны с остальным составом Совѣта. Работать с сим послѣдним

прямолинейный... но человек слишком элементарныхъ понятій и психологій и с слишком мелкимъ знаніем. Его предсѣдательствованіе в Особомъ Совѣщаніи производило жалкое, смѣхотворное впечатлѣніе... Родзянко утверждал, что Шуваев нарочно вызывал «рѣзкости» в Особомъ Совѣщаніи для того, чтобы имѣть повод «ликвидировать» Совѣщаніе. Между тѣмъ Шуваев был довольно послѣдовательнымъ защитникомъ участія «общественныхъ организацій» в дѣлѣ работы на войну. Наумовъ вспомнилъ в своихъ показаніяхъ, как Шуваев в «отрывистой, довольно своеобразной» рѣчи в іюнѣ горячо отстаивал в Совѣтѣ министровъ значеніе военно-промышленныхъ комитетов. Штюмер в специальномъ докладѣ 24 августа отмѣчалъ настойчивость, с которой военный министръ проводилъ свою политику, вопреки «высочайше одобренному журналу Совѣта министровъ о сокращеніи дѣятельности военно-промышленныхъ комитетовъ». Очевидно, «своеобразную» отрывочность рѣчи военнаго министра стенографистки Чр. Сл. Ком. не сумѣли воспринять.

Дума по прежнему отказывается и настаивает на составлении кабинета из лиц, облеченных доверием и перед нею ответственных. Убежденность в том, что такое желание ее будет исполнено, настолько укрепились в сознании большинства Думы, что обычная система ее борьбы с правительством совершенно изменилась”.

Перед правительством стояла дилемма — или сдать или распустить Думу. Соц.-дем. фракция в Думѣ, — показывал в Чр. Сл. Ком. ее лидер Чхеидзе, — считала, что правительство Думу распустил. Родзянко, по его словам, еще до открытия сессии был уверен, что “по первому абцугу отправят гулять”. Позиция председателя Совета министров была какая-то двойственная. При дилемме: “мы или они” нѣтъ другого выхода, как распустить Думу, — как будто бы хочет сказать Штюрмер. — Но с другой стороны, он, как будто бы, внушает верховной власти: распустить — значит спровоцировать “безпорядок”, “даже в войсках”. Таков план руководителей Думы (доклад 7-го). “Царь, как сообщали Палеологу конфиденцы из окружения Трепова, тайно работающаго над свержением Штюрмера, ни в коем случаѣ не желает конфликта с Думой, и Трепов уже готовится принять наслѣдіе”. (Запись 4 ноября — Палеолог подчас задним числом записывал факты в свой “дневник”, отсюда его освѣдомленность и вѣрные “учет грядущаго”). По разсказу Шуваева инцидент в Думѣ произвел в Ставкѣ “впечатлѣніе сильное, как разорвавшейся бомбы”. “Кто ругал, кто одобрял”, — очевидно это надо понимать в отношеніи выступления военнаго министра. “Всѣ не знали, как отнесется Государь”. При своем докладѣ Шуваев указал Царю, что происшедшій случай свидѣтельствует, что “министры должны работать рука об руку с Гос. Думой” и что надо выбрать такого, “который пользуется доверіем Думы”. Царь “поблагодарил” военнаго министра. Николаю II должно было стать ясно, что при сохраненіи Думы немисливо премьерство Штюрмера и оставленіе за ним поста министра ин. дѣл. “Но можно думать, — добавлял в своих отрывчатых показаніях Шуваев, — что *здесь* не то произвело впечатлѣніе. И, может быть, тогда же был рѣшен вопрос о том, чтобы, может быть”... Так и не удалось Шуваеву закончить свою мысль. Его прервал председатель: “Это вы имѣете в виду Царское Село”. “Да, Царское Село”, — отвѣтил военный министр.

**

Французскій посол поспѣшил занести в дневник, что отстраненіе Штюрмера было рѣшено, “без вѣдома” А. Ф. И послѣдняя в негодованіи, захватив с собой Протопопова, отправилась в Могилев, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, этого своего протежѣ: Штюрмеру пришлось уйти лишь потому, что Царица опоздала на “четверть часа”, — утверждал впоследствии молодой Юсупов, убійца Распутина, в интимной бесѣдѣ с депутатом Маклаковым. И вновь личная переписка Ник. Ал. и Ал. Фед. нѣсколько по иному освѣщает вопрос. Инициатива устранения Штюрмера, хотя бы временно, если не принадлежала Царицѣ*),

*) Протопопов в показаніях разсказывал о своем свиданіи с Распутиным перед открытіем столь чреватой послѣдствіями сессіи Думы, во время которой он развивал свой план дѣйствія: распустить Думу нельзя, надо постараться ее успокоить... удаленіе Шт. могло бы внести нѣкоторое успо-

то она ее поддерживала. Она писала 7 ноября: «Я имѣла длительную бесѣду с Протопоповым и вечером хорошую — с нашим Другом, и оба находят, что для умиротворенія Думы Шт. слѣдовало бы заболѣть и отправиться в 3-недѣльный отпуск. И дѣйствительно... он очень нездоров и очень подавлен этими подлыми нападками. И так как он играет роль краснаго флага в этом домѣ умалишенных, то лучше было бы ему на время исчезнуть, а потом в декабрѣ, когда их распустят, он может вернуться опять. Трепов (*нерасположеніе к которому не могу осилить*) в данный момент является тѣм лицом, которое по закону замѣняет его... Если ты мнѣ протелеграфируешь, что ты согласен, я могу тебѣ сдѣлать за тебя, конечно, мягко, не прогоняя старика, а ради его же блага и спокойствія, так как я знаю, что тебѣ было непріятно писать».... И на другой день: «Шт. увѣдомил меня, что он собирается в Ставку и хотѣл бы предварительно повидать меня, я постараюсь дать ему понять то, о чем я тебѣ писала (наш Друг просит меня об этом) и, если возможно, пусть еще до пятницы станет извѣстно, что он уходит в отпуск из-за разстроеннаго здоровья, так как в этот день засѣданіе Думы, и ему там собираются устроить скандал, а его уход успокоит разгоряченныя головы»...*). «Всѣ эти дни

коеніе», но «давать ему отставку, которая была бы истолкована, как уступка ея требованіям», опасно. Протопопов совѣтовал Штюрмеру «заболѣть и уѣхать на юг мѣсяца на три», «эта болѣзнь будет истолкована Думой, как шаг к его отставкѣ, наступит успокоеніе, достигнутое без уступок Гос. Думѣ» («Я сообщил бы членам Думы, что способствовал удаленію Штюрмера; тогда они еще не настойчиво требовали моей отставки; я надѣялся, что со мной примирятся»). Распутин посовѣтовал рассказать Царицѣ, и на другой день Протопопов был принят А. Ф., которая «не отклоняла... совѣта, но жалѣла Штюрмера», называя его «добрым стариком». Во время бесѣды пришел Царь. Протопопов повторил свой доклад, рекомендація, как временнаго замѣстителя Штюрмера на посту председателя Трепова и Нератова на посту мин. ин. д. ...«Это даст возможность Царю спокойно обдумать положеніе». «Царь смотрѣл на Царицу немного смущенно. Она молчала и казалась не совсемъ довольной. Рѣшенія принято не было, все же я чувствовал, что слова мои будут приняты в соображеніе». Бесѣда эта могла происходить не позже 24 окт. (если только Пр-в не перелутал разныхъ бесѣд, слив их в одну), так как на слѣдующій день Царь отбыл в Ставку.

*) Коснулась в письмѣ А. Ф. и выступления в Думѣ Григоровича и Шуваева, которые «не взяли надлежащаго тона в своихъ рѣчах (в другомъ письмѣ) А. Ф. говорила, что («самыя рѣчи их были правильно задуманы»), а Шуваев поступил хуже всѣх — он пожал руку Милюкову, который только что распускал слухи против нас. Как мнѣ хотѣлось, чтобы на его мѣсто был назначен Бѣляев (настоящій джентельмен)!». В январѣ Бѣляев и был назначен военнымъ министром. Молва сдѣлала бив. пом. Поливанова ставленником «темныхъ сил», и Чр. Сл. Ком. строго допрашивала генерала о его отношеніяхъ к Распутину, Вырубовой и т. д.. Императрица знала Бѣляева в качествѣ нач. ген. шт. по сношеніямъ комитета о русскихъ военноплѣнныхъ и еще до Шуваевскаго выступления в Думѣ выдвигала на министерскій пост, но Царь находил его человѣкомъ чрезвычайно слабымъ, всегда уступающимъ во всемъ (письмо 14 авг.). В военныхъ кругахъ Бѣляевъ получил нелестный эпитетъ «мертвая голова» за свой добросовѣстный формализмъ в работѣ, но в положительной оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ новаго министра сходились всѣ, знавшіе его (даже такіе антиподы, какъ Алекс. Фед. и в. кн. Ник. Мих., рекомендовавшій Царицѣ Бѣляева в члены проектированной имъ комиссіи по выработкѣ вопросовъ, которые подлежали обсужденію на будущемъ конгрессѣ мира. Честный и очень порядочный человѣкъ — таковъ отзывъ и Ник. Мих.), — и Родзянко, и Палеолог, и Щидловскій. Преемникъ Шуваева не могъ имѣть никакихъ отношеній к «нѣмецкой интригѣ».

я думал о старикѣ Шт.", — отвѣчал Царь 8-го; — "он, как ты вѣроятно замѣтила, является красным флагом для Думы, но и для всей страны, увы. Об этом я слышу со всѣх сторон, никто ему не вѣрит, и всѣ сердятся, что мы за него стоим. Гораздо хуже, чѣм с Горемыкиным в прошлом году. Я его *упрекаю в излишней осторожности* и неспособности взять на себя ответственность и заставить всѣх работать, как слѣдует. Трепов или Григорович были бы лучше на его мѣстѣ. Он уже завтра сюда прѣзжает, и я дам ему теперь отпуск. Насчет будущаго посмотрим, мы поговорим об этом, когда ты сюда прѣдешь. Я боюсь, что с ним дѣла не пойдут гладко, а во время войны это нужно болѣе, чѣм когда-либо. Я не понимаю, в чем дѣло, никто не имѣет довѣрія к нему!". "Наш Друг, — писала на слѣдующій день А. Ф., — говорит, что Шт. мог бы еще оставаться нѣкоторое время *председателем Совѣта мин.* (курсив А. Ф.), так как ему не столь вѣмбняется в вину, но весь шум поднялся с того момента, когда он стал министром ин. д. Это Гр. было ясно еще лѣтом, и уже тогда он ему говорил: "с этим тебѣ конец будет". Вот почему он просит, чтобы ему дали мѣсячный отпуск или *немедленно* назначили кого-нибудь другого вмѣсто него министром ин. д. — напр. Щегловитаго, как очень умнаго человѣка (хотя он рѣзок), притом у него русская фамилія или же Гирса (из Константинополя). В этом кабинетѣ он всѣх раздражает, и все сразу успокоится, как только его смѣнят. Но оставь его Пред. Сов. М. (в его отсутствіе Трепов по закону замѣщает его). Всѣ хотят занять этот пост, и никто не годен для него. Григорович великолѣпен на своем мѣстѣ, другіе и Игнатъев подстрекают его занять этот пост, для котораго он непригоден".... "Я приму Шт. через час, — сообщал Царь 9-го, — и буду настаивать на том, чтобы он взял отпуск. Увы! я думаю, что ему придется совсѣм уйти — никто не имѣет довѣрія к нему. Я помню, что даже Бюкенен говорил мнѣ в послѣднее наше свиданіе, что англійскіе консула в Россіи в своих донесеніях предсказывают серьезныя волненія в случаѣ, если он останется. И каждый день я слышу об этом все больше и больше. *Надо с этим считаться*" *).

Итак, 9-го Царь принял Штюрмера и 9-го же был назначен председателем Совѣта Министров (т. е. до прѣзда А. Ф. в Могилев) Трепов. А. Ф. с нѣкоторой горечью и сомнѣніем, но все же довольно спокойно отнеслась к этому извѣстію: "Принимала старика Шт. Он сообщил мнѣ о твоём рѣшеніи — дай Бог, чтобы все было к добру, хотя меня больно поразило, что ты его уволил и из Совѣта мин. У меня стало очень тяжело на душѣ, — такой преданный, честный, вѣрный человѣк**..."). Мнѣ его жаль, потому что он любит нашего Друга...

*) В ноябрьскіе дни, в. кн. Георгій Мих. писал с фронта (10 ноября): «прямо говорят, что, если внутри Россіи далѣе будет идти так, как теперь, то нам никогда не удастся окончить войну побѣдносно, а если это дѣйствительно не удастся, то тогда конец всему... Тогда я старался выяснитъ, а какія же мѣры могли бы излѣчить это состояніе? На это могу отвѣтить, что общій голос — удаленіе Штюрмера и установленіе отвѣтственного министерства... Эта мѣра считается единственной, которая может предотвратить общую катастрофу... Признаюсь, что я не ожидал, что я услышу здѣсь, в арміи, то же, что я слышал всюду в тылу... Значит, это желаніе всеобщее — глас народа, глас Божій»...

**) Сопоставленіе дает возможность оцѣнить объективность того, что писал молодой Юсупов матери в одном из ноябрьских писем (письмо без

Трепов, мнѣ лично не нравится, и я никогда не буду питать к нему таких чувств, как к старикам Горем. и Шт. То были люди добраго стараго закала. Этот же, надѣюсь, будет тверд (боюсь, что душевно — он черствый человек), но с ним гораздо труднѣе будет говорить. Тѣ двое любили меня и с каждым волновавшим их вопросом приходили ко мнѣ, чтоб не беспокоить тебя, а этот — увы! — меня не долибливает, и если он не будет довѣрять мнѣ или нашему Другу, то, думается, возникнут большія затрудненія. Я велѣла Шт. сказать ему, как он должен себя вести по отношенію Гр., а также, что он постоянно должен Его охранять. О, хоть бы этот выбор был удачным, и ты в его лицѣ нашел бы честнаго человѣка, могущаго быть тебѣ полезным. Ты... скажи ему, чтобы он иногда приходил ко мнѣ — я едва знаю его и хотѣла бы его “понять”.

Такой человек, как А. Ф., высказывавшая в письмах скорѣе истерическую экспансивность, в данном случаѣ должна была бы проявить совершенно исключительную скрытность и выдержанность: вѣдь предыдущій предсѣдатель Совѣта министров, весь смысл назначенія котораго на отвѣтственный пост был будто бы в подготовкѣ почвы для заключенія сепаратнаго мира, смѣнялся лицом, имя котораго гарантировало конец нѣмецкой интриги: Трепов, — утверждает Палеолог, — “ненавидѣлъ Германію”, хотя в свое время и состоялъ лидером фракціи правых в Гос. Совѣтѣ. 10-го вечером носилъ свиданія с “Другом” А. Ф. подвела итог: “Он огорчен тѣм, что Шт. не понялъ, что ему надо уйти на покой. Не зная Трепова, он, конечно, беспокоится за тебя” *).

2. — К а н д и д а т у р а Г р и г о р о в и ч а .

Конкурентом Трепова на занятіе премьерскаго поста явился морской министр Григорович — человек также достаточно опредѣленный в смыслѣ своих политических симпатій и анти-нѣмецкой позиціи. Об этой кандидатурѣ, припомним, упомянул Царь в своем письмѣ. Адмирал был вызван в Ставку, о чем Григорович сам рассказал в воспоминаніях, которыя нам извѣстны только в выдержках и в весьма неточной интерпретаціи Лукина. Автор статьи “Несостоявшееся назначеніе” отнес, на основаніи слов самого Григоровича, посѣщеніе Ставки к 14 ноября, т. е. к тому времени, когда вопрос о назначеніи Трепова был уже разрѣшен. Это явная ошибка. Воспоминанія Григоровича Лукин дополнилъ рассказом бывшаго в Ставкѣ пом. морск. министра ад. Русина. В частном порядкѣ Русин узналъ от члена Гос. Совѣта фон

даты); «Тетя перешла границу всего, что только можно себѣ вообразить, ни за что не хочет выселить дядю Борю» (т. е., Штюрмера).

*) Разсказанная исторія увольненія Штюрмера еще раз показывает, с какой осмотрительностью надлежит относиться к показаніям Белецкаго, которыя пользовались почти непреложным авторитетом в Чр. Сл. Ком. Блещкій утверждал, что в отставкѣ Штюрмера не малую роль сыграл по выходе из тюрьмы тот же Манасевич-Мануйлов, что принимал участіе и при назначеніи Штюрмера, только с той разницей, что в данном случаѣ против Штюрмера были всѣ тѣ лица, которыя раньше были благожелательно к нему настроены. Вопрос об уходѣ Штюрмера, чего послѣдній не знал, был рѣшен одновременно, с назначеніем Протопопова. Тогда намѣчался Щегловитов, «устроить» свиданіе с которым Распутин просил Белецкаго — свиданіе не состоялось за отъѣздом Щегловитова.

Кауфмана (Туркестанскаго), главноуполномоченнаго Кр. Креста при верховном главнокомандующем, что рѣшено Штюрмера “убрать”, и что в числѣ кандидатов в его замѣстители морской министр, а сам Русин намѣчается в морскіе министры. По разсказу Русина, — в изложеніи, конечно, Лукина — это Кауфман убѣдил Царя пойти на уступку общественности (“два часа докладывал”) — кандидатура Григоровича “желаніе Думы и Москвы”. Предположенія Кауфмана шли еще дальше и министром ви. дѣл вмѣсто Протопопова он намѣчал будто бы кн. Львова. Григорович, узнав от посланнаго к нему на встрѣчу флаг-кап. Бубнса о предполагаемом назначеніи его на пост премьера, отнесся к этому извѣстію с “большим подъемом”. В Могилевѣ встрѣчавшіе адмирала на дебаркадерѣ поздравляли его и говорили, что “Государь громко об этом говорит” (слова уже Григоровича). Однако при личном свиданіи Царь, отнесясь к Григоровичу очень “доброжелательно”, ничего ему не сказал о назначеніи и, выслушав вѣдомственный доклад министра, неожиданно спросил его, когда он предполагает вернуться в Петербург? “Я вышел немного ошеломленный”, — вспоминает Григорович: — “Повидимому, произошло какое-то совершенно непостижимое недоразумѣніе”. Лица свиты были также “изумлены”.

На другой день утром Григорович получил “поток” телеграмм: “члены парламента, министры, общественныя организаціи — всѣ поздравляли меня”. “Особенно поразило поздравленіе Штюрмера”. “Наконец, приносят двѣ телеграммы: поздравительную от Щегловитова и информаціонную Гаваса с сообщеніем, что предѣвателем Совѣта министров назначен Трепов”... За завтраком Григорович “по прежнему” сидит рядом с Царем, и Царь “как всегда внимателен и любезен”. Послѣ завтрака, в тот момент, когда Григорович с Русиным продолжали обсуждать “непонятную исторію”, разыгравшуюся в Ставкѣ, “подошел петербургскій поѣзд с Штюрмером и Треповым” — “только тут стало официально извѣстно о назначеніи послѣдняго”.

По возвращеніи в Петербург Григорович встрѣтился с “полнѣйшей растерянностью” в Гос. Совѣтѣ — ждали его назначенія, увѣрены были в этом, желали его, а назначили другого! “Позже все объяснилось”, — этими словами заканчивается напечатанный стрывок из воспоминаній Григоровича: “оказалось дѣло рук Протопопова и присных, которых я собирался убрать, и которые чувствовали это” *).

*) В воспоминаніях Григоровича имѣется описаніе инцидента, которому и сам автор воспоминаній и их комментатор придал особый таинственный смысл и сопроводили загадочными намеками — впрочем, довольно прозрачными. Дѣло идет о таинственном, оставшемся никому неизвѣстным покушеніи на адмирала, случившемся «по странному совпаденію», как раз тогда, когда имя Григоровича «стало особенно популярным, и когда вліятельные общественные круги выдвигали его кандидатуру на пост главы так называемаго «министерства довѣрія». Это из комментарія. А вот, что имѣется в воспоминаніях: Морской министр имѣл обыкновеніе совершать пѣшком ночныя прогулки по опредѣленному маршруту в сопровожденіи двух собак — автомобиль слѣдовал в нѣкотором отдаленіи. «Однажды» (когда именно остается неизвѣстным) адмиралу показалось, что трое субъектов, скрывавшихся в тѣни, собираются на него произвести нападеніе. Его «не мало удивило, что улица была совершенно пуста: не было не только агентов, но даже городского». Адмирал вынул револьвер, свистнул в свисток, собаки бросились за убѣгавшими, подъѣхал с зажженными фарами автомобиль.

Как ни характерен эпизод, связанный с кандидатурой Григоровича в премьеры и под его пером, действительно принявший форму “непонятной истории”, окончательное заключение о нем можно было бы сделать только после ознакомления в целом виде с мемуарами последнего морского министра. Это ознакомление, может быть, устранило бы, по крайней мере имѣющееся хронологическое несообразіе. Трепов и Штурмер, как устанавливает письмо Царя, *были в Ставке въѣсть, 9 ноября*. Вызывает недоумѣніе утверждение Григоровича, что свѣдѣнія о почти состоявшемся его назначеніи так широко распространились, что он отовсюду получал привѣтствія уже в день своего пріѣзда в Могилев. Между тѣм этот эпизод совершенно не отразился в мемуарном сознаніи современников — он прошел вне освѣдованія и Чр. Сл. Ком., останавливавшейся на деталях почти *всѣх конституціонных перипетій* дореволюціоннаго времени. Не разъясняют дѣла ни воспоминанія, ни показанія председателя Гос. Думы, кандидатом котораго до известной степени был морской министр — он первый назвал в свое время Царю это имя среди пріемлемых Думѣ бюрократических дѣятелей*). По словам мемуариста, Царь вообще поддавался его “уговорам” и “увѣщаніям”. На основаніи писем Царя к женѣ можно сделать вывод скорѣе другой — в серьез эти “уговоры” не принимались. Если в это время Родзянко косвенно пытался проводить кандидатуру Григоровича, то эта “общественная” кандидатура могла вызвать скорѣе сомнѣнія и колебанія, приведшія в окончательном итогѣ к выбору Трепова. Одно несомнѣнно, не пріѣзд А. Ф., как это утверждает в воспоминаніях Родзянко, непосредственно повліял на то, что проект Кауфмана был отвергнут в Ставкѣ. Рѣшеніе было принято, как мы знаем, до пріѣзда А. Ф.

Пока трудно разобраться в скрещивавшихся “интригах” — о закулисной работѣ в пользу треповской кандидатуры намекает в своих записках Палеолог, а председатель Думы в показаніях так опредѣляет позицію самого Трепова: “он сразу (послѣ назначенія министром пут. сообщ.) как то вознесся и считал себя едва ли не спасителем отечества”. Попал ли Трепов на руководящій пост в качествѣ такого “спасителя отечества” в критическій момент, или Царь, налуганный агрессивностью председателя Думы, послѣ напоминанія жены вспомнил, как сам он называл іюньское предложеніе Родзянко назначить в военное время премье-

«Приключеніе» обошлось благополучно. О нем Григорович никому не рассказывал, только послал протест министру вн. д., с указаніем, что путь его «обычных прогулок почему-то не охраняется». Слуста нѣкоторое время он был очень удивлен вопросом Царя: «при каких обстоятельствах произошло покушеніе». Оказалось, что Царь узнал об этом из «нѣмецких газет». Таким образом в версіи имѣются намеки на провокацію Протопопова и на нѣмецкую интригу. Нѣтъ только одного — самаго вѣроятнаго, если попытка покушенія действительно была. Какой бы либеральной репутацией ни пользовался морской министр, в глазах дѣятелей крайне лѣвых политических партій на него ложилась отвѣтственность за суровыя репрессіи, которым подверглись в это время участники раскрытых военно-морских революціонных организаций.

*) Своего кандидата Родзянко в Чр. Сл. Ком. охарактеризовал репутацией, «очень дѣльного, умнаго, хорошаго администратора; говорили про какіе-то его грѣшки, но я утверждать этого не могу, и думаю, что это неправда. Он производил впечатлѣніе энергичнаго работника и человека твердой воли».

ром морского министра “невырожденной глупостью” — во всяком случае назначение Трепова явилось компромиссом между “министерством доброты”, которого требовала Дума и реакционным, который отвергал весь кабинет... В представлении Григоровича он оказался жертвой “интриги” пресловутых “темных сил”. Другие по иному оценили назначение Трепова. Националист Бобринский в Гос. Думе, собравшейся после короткого перерыва, говорил 19 ноября: “Царь внял голосу страны”. Позже в Чр. Сл. Ком. Милюков говорил, что “первым” впечатлением “было впечатлением полной победы Думы после удара по Штюрмеру”. “Трепов считался кандидатом либеральным, и давно шло к тому, чтобы выдвинуть его в такой момент, когда можно сговориться с Думой, чтобы представить в качестве приемлемого для Думы”. В свою очередь и Маклаков впоследствии вспоминал, что думские деятели были настроены оптимистически, так как отставка двух непопулярных министров (тогда Маклаков не сомневался и в уходе Протопопова), считалась началом “большой думской победы”. Для Милюкова это было только “первым впечатлением”, ибо оказалось, что “Трепов не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы круто повернуть”. Родзянко выражался сильнее: “Это один из наиболее удачных министров — из всей этой плеяды, человек большой воли, большого ума, человек, способный на компромисс. У нас уже были отношения налажены и через него, может быть, мы получили бы ответственное министерство, но так как об этом слышали, то его сейчас же изгнали” *).

3. — Борьба за Протопопова.

С уходом Штюрмера освобождался пост руководителя иностранной политикой. Казалось бы здесь то и надо было при планомерном осуществлении заданй, связанных с подготовкой сепаратного мира, найти подходящего, соответствующего заданиям, преемника. “Давай выберем министра ин. д. вместе”, — писала А. Ф., намекая, как мы видим в предшествовавшем письме Щегловитова**) или Гирса***).

В Чр. Сл. Ком. Протопопов утверждал, что именно он рекомендовал на пост министра иностранных дел Покровского (в качестве такового Покровский фигурирует в кауфманском проекте реорганизации кабинета), который и был назначен в дни пребывания А. Ф. в Ставке. Таким образом руководитель иностранной политикой был из-

*) Любопытно сопоставить эту позднейшую характеристику с суждениями о Трепове, имевшими место в конце месяца в заседании бюро блока непосредственно после отставки Штюрмера и сообщения о беседе Трепова с Родзянко, в которой новый премьер обнаружил готовность сблизиться с прогрессивным блоком. Эти суждения почти совпадают с оценкой, которую давала А. Ф.: «человек безцеремонный. У него есть большое самолюбие, но и неискренность, неправдивость». «Человек злой по природе» (Шингарев), «способный, чрезвычайно рьятельный, с большим характером, но оппортунист, может пойти, куда угодно» (Савенко).

**) К Щегловитову А. Ф. относилась с малой симпатией. Она не отставала его в июньскую (15 г.) смьну министров, считая его «не на место» в качестве министра юстиции — «в разговорах он приятен, но «не слушает твоих приказаний и каждый раз, когда думает, что прошение исходит от нашего Друга, не желает его исполнять».

***) Гирс в некоторых националистических кругах «по симпатиям» считался «нмцем» (дневник Богданович).

бран совместно, как того хотѣла Императрица. Покровский был во всѣх отношеніях антиподом Штюрмера и явно не проходил через "прихожую". Еще 17 марта А. Ф. отмѣчала в письмѣ: "Я совсѣм не знала, что славный Покровский (назначенный гос. контролером) извѣстный лѣвый (самый симпатичный к счастью), послѣдователь Коковцева и блока".

С горячностью только А. Ф. выступила в защиту Протопопова, положеніе котораго поколебалось, так как Трепов считал необходимым произвести измѣненія в составѣ кабинета, дабы сдѣлать его болѣе приемлемым Думѣ — наиболѣе одиозной фигурой и был Протопопов в роли министра вн. д. В письмѣ 10 ноября Царь писал: "Когда ты получишь мое, ты навѣрное уже будешь знать от Шт. про перемѣны, которыя крайне необходимо теперь произвести. Мнѣ жаль Прот. — хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может рѣшиться держаться опредѣленнаго мнѣнія. Я это с самаго начала замѣтил. Говорят, что нѣсколько лѣтъ тому назад он был не вполнѣ нормален послѣ известной болѣзни (когда он обращался къ Бадмаеву). Рискованно оставлять в руках такого человека Мин. внутр. дѣл в такія времена! Старога Бобринскаго также надо смѣнить. Если мы найдем на его мѣсто умнаго и энергичнаго человека, тогда, надѣюсь, продовольственный вопрос наладится и без измѣненія в существующей системѣ. Пока будут происходить эти перемѣны, Думу закроют дней на 8. Иначе они стали бы говорить, что это дѣлается под их давлением. Трепов, во всяком случаѣ, постарается сдѣлать, что может... Он... привезет список лиц, которых мы намѣчали с ним и с Шт. *Только прошу тебя, не вливай нашего Друзя.* Отвѣтственность несу я, и поэтому я желаю быть свободным в своем выборѣ. Вѣдныи старик был спокоен и трогателен!"

Протопопов показывал в Чр. Сл. Ком., что вечером в день его отъѣзда в Ставку (это было 8-го) Трепов пригласил его и сказал, что находит его "не на мѣстѣ, как управляющаго мин. вн. д." и желал бы устроить его в министерство торговли и что "с Думою ему будет легче справиться", если Протопопова не будет. "Я отвѣтил, — писал Протопопов, — что раз ему мѣшаю, и Царь меня отпустит, то я согласен уйти. Он сказал, что переговорит с Царем — это его дѣло, и меня он только предупреждает о том, что случится". В "прихожей", насколько она сосредотачивалась на квартирѣ тибетскаго лекаря и в "маленьком домикѣ" Вырубовой, забили тревогу. Протопопов рассказывал, что послѣ бесѣды с Треповым ("уходить мнѣ было жаль — вины я за собой не чувствовал, надѣялся доказать, что я хочу и сдѣлаю добро") он отправился к Бадмаеву, гдѣ был уже Курлов, и куда по телефону был вызван Распутин, сказавшій: "хорошо, что это узналось сегодня, а то завтра уже было поздно". Распутин "поговорил из другой комнаты с Царским Селом по телефону" и, вернувшись, посоветовал Протопопову "не беспокоиться заранѣе: Бог милостив — все еще, может, обойдется..." Позже Протопопову сказали, что Трепову день приѣма отложен на сутки, и что в Ставку уѣзжает Царица. В своих дополнительных показаніях Протопопов свидѣтельствовал, что он сам 8-го отправил депешу Распутину Царю, "рѣзко составленную про-

тив Трепова и его предположений перемѣнить состав Совѣта Министров” *).

Роль бадмаевского окруженія, поскольку во всей этой исторіи фигурирует А. Ф., явно преувеличена. В письмѣ А. Ф. 10 ноября (оно писалось в первом часу ночи) нѣтъ и намека на ту трагичность воспріятія, каким отмѣчено письмо 11-го, когда А. Ф. получила сообщеніе из Ставки о готовящейся отставкѣ Протопопова. По письму выходит, что А. Ф. только от мужа впервые узнала о совершающихся перемѣнах — Протопопов утверждал, что отставка его уже была подписана. Письма 11-го и 12-го, наканунѣ отъѣзда в Ставку, написаны с выразительной экспрессіей. “Старик напрасно не сообщил мнѣ о другом твоём намѣреніи, оно страшно поразило меня”, — начинает А. Ф. письмо 11-го, отправленное одновременно с письмом, написанным наканунѣ поздно вечером. “Не смѣняй никого до нашего свиданія, умоляю тебя, давай спокойно вмѣстѣ обсудим все... Настали тяжелья времена, не ломай все сразу; с Штюрмером это был уже большой шаг... Еще раз вспомни, что для тебя, для твоего царствованія и Вѣби и для нас необходимы прозорливость, молитвы и совѣты нашего Друга. Вспомни, как в прошлом году всѣ были против тебя и за Н. (Ник. Ник.), а наш Друг оказал тебѣ помощь и придад тебѣ рѣшимости, ты взял в свои руки и спас Россію. Я так горячо молю Бога, чтобы он просвѣтил тебя, что в Нем (т. е. Распутій) наше спасеніе; не будь Его здѣсь, не знаю, что было бы с нами. Он спасет нас... Он — наша опора и помощь... Прошу тебя, ради меня, не смѣняй никого до моего пріѣзда. Скажи Треп., что ты оставляешь себѣ еще один или два дня на размышленіе”... На слѣдующій день А. Ф. возвращается к “главному”: “Не смѣняй Прот. Вчера я имѣла продолжительную бесѣду с ним — он совершенно здоров, конечно; Треп. (как я знала) сказал мнѣ то же самое, это — совершеннѣйшая неправда, он тих и спокоен и безусловно предан**). Не смѣняй сейчас никого, иначе Дума вообразит, что это произошло благодаря ей, что ей удалось всѣх выставить. Нехорошо начинать с разгона всѣх... Тебѣ извѣстно, что я не слишком хорошаго мнѣнія о Треп., а его желаніе разогнать преданных мнѣ людей, уясняет мнѣ его игру. Это болѣе серьезно, чѣм ты думаешь...” “Помни, — приписывает А. Ф. в дополнительном абзацѣ, — что дѣло не в Прот. или X, Y, Z. Это вопрос о монархіи и твоём престижѣ, которые не должны быть поколеблены во время сессіи Думы. Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят

*) Очевидно, это та длиннѣйшая телеграмма, копія которой сохранилась в «бадмаевском архивѣ». По туманно-сумбурной безтолочи — это своего рода шедевр, не всегда возможный для расшифровки. Но суть телеграммы опредѣленно ясна по заключенію: ...«Люблю вас, удержите моего. Он сейчас со мной даже на Гороховой. Простяков Бог прославит, а вы знаете, что на Гороховой нѣтъ трепья. Мой Калинин лица даже нѣтъ, вѣрно надѣюсь, что вы хоть маленько его поддержите. Калинин то Калинин, а сегодня он что то (— — — — —), даже будто как Трепов над ним власть бы имѣл. Вы сказали, что моих никто не обидит, а для чего это все. Еще раз скажу: он будет не у дѣл, тогда он с вами пойдет на дуэль... Что скажет Калинин, то пусть будет, а вы еще раз кашей покормите. Моя порука это самый Калинин, а ваш разум понимает, ваше солнце, а моя радость».

***) «Трепов будет рекомендовать его на мѣсто Шаховского, но это нелѣпо, раз он говорит, что он не нормален».

всѣхъ тѣхъ, кто тебѣ предан, а затѣм и *нас самихъ*. Вспомни, какъ в прошлом году... ты тогда тоже былъ одинъ с нами двумя противъ всѣхъ, которые предсказывали революцію... Ты пошелъ противъ всѣхъ, и Богъ благословилъ твое рѣшеніе. Снова повторяю, что тутъ дѣло не в Прот., а в томъ, чтобъ ты былъ твердъ и не уступалъ — “Царитъ правит., а не Дума”... Я борюсь за твое царствованіе и за будущее Бѣбл”.

За письмомъ летитъ телеграмма: “Надѣюсь, до встрѣчи не рѣшишь ничего”, на что Государь отвѣтилъ: “Подожду с назначеніями до свиданія с тобою”. 13 ноября А. Ф. пріѣхала в Могилевъ — Протопоповъ остался. Протопоповъ показывалъ в Чр. Сл. Ком., что наканунѣ его выѣзда в Ставку Треповъ собралъ частное совѣщаніе министровъ, итогъ котораго мин. юст. Макаровъ резюмировалъ выводомъ, что “исходя изъ настроенія... Думы” нужна “уступка” — “жертва собой” со стороны Протопопова. Послѣдній выразилъ согласіе послѣ словъ Трепова, что онъ одинъ сможетъ “уговорить Царя”. В вагонѣ императорскаго поѣзда в Ставкѣ трое собравшихся тамъ совмѣстно рѣшили пойти на тотъ компромиссъ, который Протопоповъ будто бы предложилъ наканунѣ открытія сессіи Гос. Думы в отношеніи Штюрмера: “отпускъ временно по бо-лѣзни”.

Широко процитированныя нами письма А. Ф. за періодъ тѣхъ “тяжелыхъ дней”, когда происходила по позднѣйшему выраженію автора писемъ, “борьба”, не оставляетъ сомнѣнія в томъ, что соображенія лишь внутренней политики диктовали А. Ф. ея поведеніе — страстная защита Протопопова ни с какими задними мыслями о сепаратномъ мирѣ не была связана. Потайные методы должны были бы проявиться хоть в какихъ-либо намекахъ.

II. — НОВЫЙ ПРЕМЬЕР.

1. — О б с т р у к ц і я в Д у м ѣ .

При обзорѣннн тогдашнихъ событій в опредѣленномъ ракурсѣ мы можемъ оставить в сторонѣ общественную борьбу за установленіе “министерства довѣрія”, которая шла в эти дни в стѣнахъ Таврическаго Дворца и достигла кульминаціоннаго пункта при прочтеніи новымъ предсѣдателемъ Совѣта министровъ Треповымъ правительственной деклараціи. Эта страница болѣе или менѣе освѣщена в моей книгѣ “На путяхъ к дворцовому перевороту”.

На сторонѣ представителей лѣвыхъ фракцій, шумно демонстрировавшихъ в засѣданіи 19 ноября и не дававшихъ Трепову возможности огласить правительственную декларацію, была, по крайней мѣрѣ, хоть внѣшняя логика. С правительствомъ “измѣны” страна, дѣйствительно, не могла имѣть ничего общаго. Было бы слишкомъ наивно “измѣну” соединять только с личностью ушедшаго руководителя внѣшней политикой, и направлять удары исключительно в сторону “жалкаго фигуранта”. Не слишкомъ радикальныя “Русскія Вѣдомости”, но не загнипнотизированныя тактикой прогрессивнаго блока, писали в день возобновленія сессіи Гос. Думы: “передъ Думой выступаетъ сегодня не новый кабинетъ, а тотъ же кабинетъ Штюрмера. Правда, в немъ нѣтъ самого Штюрмера, но это не мѣняетъ основной сущности дѣла. Вѣдь в Штюрмерѣ лишь нашелъ себѣ наиболѣе наглядное и выразительное воплощеніе тотъ духъ и та система управленія, которые с его удаленіемъ не

только не исчезли, но, напротив, не заслоняемые болѣе его личными красочными свойствами, противостоят жизненным интересам государства с еще *большей принципиальной ясностью и определенностью*".

Прогрессивный блок, единодушно вмѣстѣ с правыми голосовавшій за исключеніе обструкціонистов, тѣм самым подчеркнул несерьезность аргументаціи, которой был обставлен боевой лозунг в "сенсационной" рѣчи его лидера. Это была лишь политическая демагогія — обоюдоострый тактический приѣм "бить" по врагу всѣми средствами. Недаром представитель "націоналистов" гр. Бобринскій, выступавшій 19-го послѣ Пуришкевича, охарактеризовал отставленнаго Штурмера, лишь как "бездарнаго председателя Совѣта министров, без программы, без воли, без способностей" *).

Милюков вполне удовлетворился одушиной, которую он сдѣлал "для накопившихся газов" 1 ноября, совершенно не считаясь с тѣм, что настроеніе в странѣ "ораторами блока" было поднято, по замѣчанію тѣх же "Рус. Вѣд." на "огромную высоту" и далеко не в том направленіи, которое сам руководитель блока счел возможным охарактеризовать 19-го словами: "страна встрепенулась; от ваших рѣчей пролетѣла электрическая искра по странѣ. Зарѣзанные цензурой рѣчи расходятся, на подобіе былых прокламацій, тайно по всей странѣ. Самая тема прокламацій измѣнилась послѣ ваших рѣчей и вмѣсто борьбы с лозунгом "долей войну" раздался лозунг "за войну" и вмѣсто созванія разных Учредительных Собраній, раздалось требованіе министерства спасенія" **).

За три дня до возобновленія Думы, 16 ноября, происходило совѣщаніе бюро блока с представителями общественных организацій (городского и земскаго союзов и военно-промыш. комитетов), на котором выработывались тактическія директивы на ближайшее будущее в тѣ "будни", которыя должны наступить послѣ "блестящей побѣды". Настроеніе собравшихся можно охарактеризовать тогдашним письмом, отправленным большевиком Шляпниковым заграничным товарищам в Швейцарію (т. е. Ленину). Шляпников узнал, конечно, стороною о том, что говорилось 16 ноября, и препарировал нѣсколько тенденціозно свою информацію (слова "будни" и "блестящая побѣда" заимствованы из этого письма), но его информація в общем совпадает и с отчетом полицейско-жандармской агентуры и отчасти с записями самого Милюкова.

Докладчиком, как всегда, был Милюков. Большинство ораторов настаивало на том, что "агрессивная политика Думы дальше невоз-

*) Член Гос. Совѣта кн. Евг. Трубецкой в рѣчи 22 ноября высказывал убѣжденіе, что слухи об "измѣнѣ", которым вѣрят «сбыватели», в огромном большинствѣ «плод разстроенаго воображенія».

**) Милюков имѣл в виду, очевидно, телеграммы, приходившія на имя председателя Думы послѣ 1 ноября. В своей работѣ, «Канун семнадцатаго года» Шляпников приводит, между прочим, заявленіе в Гос. Думу, подписанное коллективно московскими биржевыми организаціями «...русская земля выстрадала право властно заявить, что позорной и губительной дѣятельности безответственных совѣтников и безчестных предателей должен быть положен без промедленія и безповоротно рѣшительный конец» — говорилось в заявленіи. «Первое ноября оправдало всеобщія чаянія. Гос. Дума высказала всю ту правду, которой болѣет сердце cadaго русскаго гражданина. Этот голос... услышан»...

можно” и рекомендовало даже воздержаться от созыва в ближайшее время съездов общественных организаций, которые могут предъявить неисполнимые требования к Думѣ. В действительности никакого единства в блокѣ не было: если умѣренный Стахович в заседании 16 ноября доказывал, что “тактически сдѣлано ужасно много”, что “Дума одержала блестящую побѣду”, что теперь “Дума должна благодарить за удаление Штурмера и показать свою способность работать”, то столь же умѣренный Годнев доказывал, что Думу ни в чем не удвѣтворили, и что Трепов — тот же Штурмер, “только болѣе ласковый”. Основная причина “зигзагообразной” тактики блока лежала, конечно, не в каком-то особом “лицемѣрии” его руководителей, не в “ливной природѣ кадетскаго либерализма”, а в нежеланіи послѣдовательно вступить во время войны на революціонный путь, хотя бы для достиженія только политических цѣлей и в сознаніи рискованности такого пути. В дни революціи, уже в період захвата власти большевиками, в газетѣ “День” (ноябрь) виднѣвшій марксистскій идеолог в Россіи Потресов, умѣвший всегда государственные интересы противопоставить партійной фантастикѣ, бросил либералам упрек, что они не сумѣли во время войны направить національное движеніе на правильный путь — борьба должна была направляться “против Гогенцоллернов и Романовых”. “Наш Вѣк” (т. е. перелицованная “Рѣчь”) отвѣтил, что тогда “Россія была бы разбита еще в 14 г.”. Отсюда непослѣдовательность тактики либерально-демократических элементов, входивших в блок и идеологически доминировавших в нем — увлеченіе парламентской иллюзіей “министерских комбинацій”, боязнь нарушить фиктивное “единство общественаго фронта”, перемешавшіяся с революціонными дѣйствіями, к каким в теоріи надлежало отнести думское “зрѣлище” 1—3 ноября. (Впослѣдствіи в “исторіи революціи” Милуков с чрезвычайным преувеличеніем для эпохи, им описываемой, назвал свое “парламентское слово” “штурмовым сигналом к революціи”: “общественное мнѣніе единодушно признало 1 ноября 1916 г. началом русской революціи”). Противорѣчіе дѣлало тактику нежизненною.

Прогрессивный блок, независимо даже от господствовавших в нем настроеній, зависѣвших отчасти от среды, из которой он вербовался, не был склонен вступить на болѣе активный путь и повести иные “разговоры” уже в силу того, что надѣялся “в концѣ концов” оказать вліяніе на верховную власть и так или иначе наладить совмѣстную работу правительства и общественности. Хотя Коновалов и доказывал в заседании 16 ноября, что “в перерожденіе власти никто не вѣрит”, иллюзію возможности соглашенія поддержал Родзянко, рассказавшій 18-го в блокѣ о своей аудіенціи у Царя. Предсѣдатель Думы испрашивал аудіенцію до открытія сессіи Гос. Думы, но получил отвѣтъ через предсѣдателя Совѣта министров, что пріем может состояться только послѣ возобновленія занятій палаты. По записи Милукова доклад был выслушан с большим вниманіем: “Царь курил и бросил курить”, когда предсѣдатель Думы докладывал “правду” о настроеніи в странѣ. Родзянко указывал на опасность не обращать вниманія на это настроеніе (он прочел обращеніе общ. орг.) и оставлять в правительствѣ лиц, которыя возбуждают повальную ненависть. Родзянко коснулся “окруже-

ня престола”: “не выбьете из головы, что Распутин, купленный человек, имеет большое влияние, — императрица...” “Что же я первый изменник”, — разсердился Николай II. Родзянко протестовал: “Развѣ может помазанник?”. На указаніе Родзянко о слухах по поводу роспуска Думы, Царь замѣтил: “Я первый раз слышу от вас”. — “Тогда ваши министры — предатели, потому что они нас пугают, что В. В. хотите распустить. А роспуск угрожает Вам и династїи”. — “Я это отлично понимаю и намѣренія распустить не имѣю. Я преподал указанія Трепову, он мнѣ читал и я одобрил”. — “В. В., я не вправѣ просить разрѣшить мнѣ сказать с кафедры, но можно ли передать друзьям?”. — “Можете передать, что я очень желаю, чтобы Дума работала вмѣстѣ с правительством”.

Предупрежденію Родзянко предшествовало предупрежденіе со стороны в. кн. Ник. Мих. Послѣдній, в письмѣ 1 ноября (извѣстном нам только по тексту, сообщенному самим автором в дни революціи сотруднику “Русскаго Слова”), пытался открыть “всю истину” послѣ того, — писал он, — “как твоя матушка и твои обѣ сестры меня убѣдили это сдѣлать”. Историк лишь попутно упоминал о “конституціи”; “когда время настанет — а оно уже не за горами — ты сам с высоты престола можешь даровать желанную отвѣтственность министров перед тобой и законодательными учрежденіями. Это сдѣлается просто, само собой, без напора извнѣ и не так, как совершился достопамятный акт 17 октября 1905 года”. Центром письма, написаннаго “наканунѣ эры новых волненій, скажу больше — наканунѣ эры покушеній” была А. Ф. — “твое собственное освобожденіе от создавшихся оков”. “Корень зла” в “заблуждающейся, благодаря злостному, сплошному обману окружающей ее среды” Ал. Фед. То, “что исходит из ея уст, — есть результат ловкой подтасовки, а не дѣйствительной правды”^{*}).

Для оцѣнки позиціи блока нам, конечно, важнѣе то, что записал Милюков. Оно опредѣляет полученное впечатленіе. Для характеристики измененія позиціи блока может служить инцидент, происшедшій с Треповым еще до назначенія его премьером. 6-го ноября он был, в качествѣ министра путей сообщенія, допущен для объясненій в засѣданіе военно-морской комиссіи. В засѣданіи бюро блока 8-го, когда еще не остыл боевой дух оппозиціи, этот казус, противорѣчащій заявленію блока об отказѣ работать с правительством (Трепов влѣз без вазелина), создавшій прецедент и свидѣтельствующій, что “это поле битвы проиграно блоком”), подвергся спеціальному обсужденію, и предсѣдатель комиссіи Шингарев должен был объяснить, что он не предполагал, что оппозиція Думы означала полный “саботаж” правительства. На почвѣ оппортунизма блока и разыгрался междуфракціонный конфликт в самой Думѣ 19 ноября. Среди оппозиціи так мало было договорено, что, по признанію Милюкова в Чр. Сл. Ком., засѣданіе 19 ноября в силу обструкціи вышло “болѣе бурное, тѣм мы ожидали”^{**}). Блок предполагал ограничиться повтореніем

^{*}) Естественно, что письмо это А. Ф. прочла «с полным отвращеніем» (Царю Н. М. передал содержаніе письма при личном свиданіи) и нашла, что «это выходит почти государственная измена, за которую Н. М. достоин «ссылки в Сибирь».

^{**}) Между тѣм Палеолог 13-го записал о готовящейся кадетами шумной демонстраціи, чтобы запугать Царя.

общаго выраженія “недовѣрія”, так как выяснилось, что Трепов за 9 дней, которые протекли между перерывом и возобновленіем сессіи Думы, “ни в какіе переговоры о соглашеніи, ни в какія обязательства по отношенію к большинству Думы” не вошел. Таким образом “никакой перемѣны в... установившейся между правительством и Думой линіи не произошло”, — “положеніе осталось... тѣм же, как было раньше”. Отсюда и “рѣшеніе блока оставить прежним свое поведеніе и сдѣлать соответствующее заявленіе сейчас же, как только Трепов выступит со своим заявленіем... Мы... для обструкціи не видѣли оснований. Можно было бы отнести ее к Штюрмеру, но устраивать обструкціи человеку, который впервые явился, не открыл еще рта, нам казалось нецѣлесообразным”. “Назначен не предатель, не распутинец, не взяточник”, опредѣлил в засѣданіи 16 ноября Шульгин значеніе “побѣды Думы”.

“Бурное засѣданіе” приобрѣло особо демонстративный характер в силу рѣзкаго примѣненія дискреціонной власти предсѣдателя в отношеніи исключаемых ораторов, которым по наказу было предоставлено слово для объясненія: “Нам затыкают глотки”, — образно выразился лидер думских трудовиков Керенскій, встрѣченный на правых скамьях такими же криками, как встрѣчали обструкціонисты Трепова (“Долой, вон!”). Обращаясь к прогрессивному блоку, Керенскій страстно говорил: “И вы, которые вмѣстѣ с нами здѣсь говорили: “или мы, или они”, теперь нас исключаете. Скажите же странѣ, что между народом и вами нѣтъ ничего общаго. Мы останемся на посту вѣрными служителями народа, и говорим: “страна гибнет и в Думѣ нѣтъ спасенія. Они выгоняют нас, но поддерживают тѣх”... Мотивъ объяснительных “слов” повторяется и в других аналогичных рѣчах, частью оборванных Родзянко и частью напечатанных с неимовѣрными купюрами (рѣчь трудовика Дзюбинскаго совѣм была исключена цензурою). Наиболее сносно была передана рѣчь с.-д. Чхенкели: “Я обращаюсь не к вам, а к тому народу, от котораго я сюда послан... Народ, котораго здѣсь не видно, имѣет свое мнѣніе о происходящих событіях, и я предостерегаю вас, что это мнѣніе будет не только против власти, но и против вас... Вы объявили борьбу против власти, вы произнесли это слово послѣ года молчанія... Вы выразили мысль, что в нѣдрах правительства имѣются господа, которые (цензурный пропуск) всецѣло подчиняются темным силам (ценз. пропуск). Что же произошло с тѣх пор, как вы сказали это? Система осталась та же самая... Идет борьба с режимом, и поскольку вы поддерживаете власть, вы не ведете этой борьбы, вы фарисействуете”... Чхенкели, как бы пророчески, предсказывал, что разрыв в думской оппозиціи отразится в будущем, и, дѣйствительно, ноябрьскіе эпизоды, явившіеся предвозвѣстником грядущей революціи, наложили свой отпечаток на ход мартовских событій...

Три раза Трепов 19-го вынужден был покидать кафедру и только при 4-ом своем выступленіи мог огласить правительственную декларацию. Декларация новаго премьера, конечно, не удовлетворила прогрессивный блок, так как Трепов не мог поставить своей подписи под “опредѣленным планом”, предложенным думским большинством и слѣдовательно не имѣл “плана государственной и законодательной работы”. Выступившій с критикой деклараціи (22 ноября) Милуков при-

знал даже, что прежние премьеры говорили об “уступках правительства” общественности и о “производительной работѣ с законодательными учреждениями” “гораздо лучше” — особенно Штюрмер, потому что в его руках было “опытное перо старого журналиста Гурлянда”. Останавливаясь на тѣх положениях, которыми новый премьер желал, по выраженію оратора блока, заслужить “нашу благосклонность” (признание “законодательных прав” Думы, “услуг”, оказанных печатью и общественностью), Милюков отыскивал в жизни факты, которые вводили в ту же “сферу безответственных темных влияній”. Из этого вытекало заключеніе, что “положеніе дѣла не измѣнилось настолько, чтобы мы могли считать задачу Думы выполненной”: “мы будем продолжать начатую борьбу, пока не достигнем цѣли, поставленной декларацией большинства Думы”. “Если бы... наша цѣль была достигнута, — утверждал увлеченный политическим краснорѣчіем оратор, — мы совершили бы чудеса”. В соответствии с подобным заключеніем предложенная блоком резолюція общѣ говорила об устраненіи “темных сил” и о том, что Дума “будет стремиться доступным ей законным способом к тому, чтобы образовалось правительство, объединенное одинаковым пониманіем задач переживаемаго времени, готовое опираться на Гос. Думу и провести в жизнь программу ея большинства”... Тѣм самым блок, дѣйствительно, рѣзко отдѣлял себя в дальнѣйшем от революціонной тактики лѣваго сектора Думы. Можно сказать, что блок удовлетворился моральной побѣдой, вынесенной из ноябрьских ораторских схваток: “от ваших рѣчей здѣсь, в этой бѣлой залѣ, пролетѣли электрическія искры в страсть... Гос. Дума дала страсть луч свѣта”. Этот апофеоз тактики 1 ноября, запоздал в реальной обстановкѣ обсуждения треповской деклараціи, которая сводила ее на нѣтъ, как не имѣвшую уже под собой почвы*).

*) Боевые дни в Думѣ завершились скандалом, учиненным 22 ноября Марковым 2 и явившимся откликом на обвиненія, которыя раздавались в Думѣ 1 ноября и были фактически еще поддержаны «лѣвыми» 19 ноября. Не имѣя возможности пользоваться стенограммой думских отчетов, не ясно по газетному отчету представляешь себѣ возраженія, которыя по существу сдѣлал Марков Милюкову и своему бывшему единомышленнику Пуришкевичу — оратор «Союза Русск. Народа», конечно, не пользовался фавором у либеральной печати. Поэтому послѣдовавшая выходка курскаго депутата производит впечатлѣніе нѣкоторой неожиданности. Он противопоставля обвиненіям правительства обвиненіе в бездѣйствіи Думы, в портфель которой находится 2000 незамосмотрѣнных законопроектов; он приглашал пригвоздить к позорному столбу тѣх писателей, которые будут участвовать в газетѣ, «нанятой на германскія деньги» по словам Пуришкевича (о рѣчи Пуришкевича 19 ноября о Протопоповѣ и «Русской Волѣ» будет сказано ниже)... и на замѣчанія предсѣдателя по поводу обмѣна репликами с депутатами на мѣстах вдруг показал Родзянко кулак и кричал: «не кричите». Лишенный слова он бросил по адресу предсѣдателя: «Болван, мерзавец». Выходка депутата, «небывавая в аналах» Гос. Думы, вызвала «величайшее негодованіе», и Марков был исключен на 15 засѣданій. В объяснительном словѣ депутат заявил: «Я сдѣлал это сознательно. С этой кафедрой осмѣлились безнаказанно оскорблять высоких лиц» (крики: ложь, неправда, вон, долой!). «В лицѣ вашего предсѣдателя я оскорбил вас». (Надо имѣть в виду, что во время рѣчи Милюкова 1 ноября в Думѣ предсѣдательствовал Варун-Секрет). В кулуарах, как отмѣчает отчет «Рус. Вѣд.» — Пуришкевич высказывал увѣренность, что Марков 2-й выступил «не от себя и не на свой счет, а получил особыя директивы от темных сил». Объясненіе Пуришкевича было подхвачено, и молодой Юсупов

2. — Декларация Трепова.

В декларации Трепова нас могут интересовать, главным образом, определенные заявления о Константинополе и Польше — ими публично аннулировались те оверы, которые немцы давали России в предверии заключения сепаратного мира. Не менее однако характерна та оболочка “борьбы с немецким засильем”, которой была покрыта основная тема. “С этой кафедры, — говорил новый премьер, — не раз заявлялось от имени правительства, что война будет доведена до конца, до совершенной победы, не раз заявлялось также, что преждевременного мира, а тем более мира, заключенного отдельно от наших союзников не будет никогда... Этой рвимости правительства ничто не может изменить. Она исходит из непрелюбной воли Государственного Вождя земли русской, единомыслящего со всем верным Его народом. Россия не положит оружия, пока не будет полной победы... война будет доведена до решительного конца, до сокрушения новых германских засилья и насилия... Мощь врага подорвана, и час желанного возмездия все близится... Мы не остановимся на полпути и должны вести войну до сокрушения германского империализма и невозможности его скорого возрождения...”

Нынешняя война должна кончиться не только победой над внешним врагом, но и над внутренним врагом”. Под последним Трепов подразумевал “германизм”, врывшийся “в кровь и плоть Российской государственности и самого русского народа”. “Война открыла нам глаза, и мы впервые ясно сознали весь тот гнет, который душит и губит русскую жизнь во всех ее направлениях. Русская промышленность, русская школа, русская наука, русское искусство — все оказалось в значительной мере захваченным германскими выходцами, и одна из непрелюбнейших задач, лежащих перед Россией ко времени возникновения нормальных условий мирного времени, это — твердо, решительно стать на путь самобытности и самосознания”...

“Враг продолжает занимать часть нашей территории. Нам предстоит ее отвоевать и тем самым вернуть Царство Польское, силою оружия временно отвергнутое... Это мало, мы должны вырвать от врагов *исконныя зарубежныя польскія земли и хотим возсоздать свободную Польшу в этнографических ея границах* и в неразрывном единении с Россией”. Затем Трепов коснулся вопроса, “близкого сердцу каждого русского человека”. “Ключ от Босфора и Дарданелл, Олегов щит на-

поспшил сообщить матери, что выступление Маркова было совершено «по наущению друзей Валиде» (т. е., А. Ф.), а жена Родзянко уже знала, что «мерзкая выходка» курского депутата была «оплачена Протопоповым в 10 т. рублей» — «они рассчитывали на свалку, драку и скандал, а следствием всего роспуск Думы». Юсуповой-матери «возмутительная» выходка Маркова оставалась «совершенно непонятной» — «какой же смысл возбудить как раз противоположный результат, так как, очевидно, вся Дума должна была на это реагировать». Спрошенный в Чр. Сл. Ком., Марков ответил: «очевидно, что расчета (политического) не могло быть. Под такое логическое построение нельзя подвести фундамент. Это был взрыв негодования на неправильное отношение... Кроме вреда нашим политическим делам, это ничего не могло принести». Таким образом, поступок курского депутата не может быть отнесен по элементарной терминологии к числу «гносных выходов холопа министерской передней», как окрестила его телеграмма екатеринославской Городской Думы.

вратах Царьграда — вот исконная завѣтная мечта русскаго народа во всё время его бытія. И это стремленіе теперь уже близко к осуществленію... Жизненные интересы Россіи так же понятны нашим вѣрным союзникам, как и нам, и в соотвѣтствіи сему заключенное нами в 1915 г. с Великобританіей и Франціей соглашеніе, к которому присоединилась и Италія, окончательно устанавливает права Россіи на проливы и Константинополь. Русскій народ должен знать, за что он льет свою кровь, и по состоявшемуся нынѣ взаимному уговору соглашеніе наше с союзниками сегодня оглашается с этой кафедрой”.

Декларация не произвела “особаго впечатлѣнія”, — отмѣчали тогда газетные корреспонденты. То же впечатлѣніе вынесли и иностранные послы. Бюкенен говорит, что декларированіе о Константинополѣ прошло незамѣченным; по выраженію Палеолога фраза Трепова, относящаяся въ Константинополю, попала в пустоту — в Думѣ отнеслись с полным индифферентизмом к тому, что возвышено было долгожданное осуществленіе “византійской мечты”, словно Трепов вытатил на Божій свѣтъ старую утопію, о которой давно уже забыли. “Вот уже нѣсколько мѣсяцев, как я наблюдаю, как постепенно исчезает из національной души византійская мечта. Как это по-русски!”, добавил французскій посол. Круг наблюденія Палеолога не слишком был велик — к тому же он склонен был свои собственные представленія выдавать за мнѣнія собесѣдников, иначе он увидал бы, что “византійская мечта” никогда не затрагивала струн народной души*). Она искусственно муссировалась и всегда была лишь чаемъ ограниченной группы политическихъ націоналистов (Палеолог ссылается на заявленія депутатов Думы, говорившихъ ему, что народ возмущается противъ мира безъ Константинополя). Дума была слишкомъ занята текущей злободневной политической борьбой, чтобы думать об отдаленной утопіи**). Да и по существу реальныя политики в дѣйствительности не придавали большого значенія формальнымъ декларациямъ союзниковъ и опубликованіе константинопольскаго соглашенія рассматривали лишь, какъ подтвержденіе англо-русской дружбы”.

Укрѣпившаяся мысль, что только непосредственное овладеніе Россіей проливами и Константинополемъ можетъ гарантировать реализацію “вѣковой задачи”, с весьма большой опредѣленностью была высказана в позднѣйшемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ новаго министра ин. д. Покровскаго (21 февраля). Указывая на необходимость спе-

*) Впрочем, и самъ Палеологъ отмѣчает, что русская деревня была к этому равнодушна, и что Константинополь нисколько не интересовал рабоче круги.

**) Какимъ рикошетомъ отозвалась декларация о Константинополѣ в сознаніи современныхъ политическихъ дѣятелей показываютъ воспоминанія Керенскаго, который декларацию приписалъ Штюмеру и холодно к ней относился объясняя враждебнымъ чувствомъ к премьеру (Мемуаристы не считаютъ нужнымъ наводить справки передъ высказываніемъ своихъ категорическихъ сужденій. Родзянко, не в воспоминаніяхъ, правда, а в показаніяхъ Чр. Сл. Ком. отнес и самую декларацию к февральской (17 г.) сессіи Думы). Миллюковъ пытался, едва ли удачно, тогда же объяснить видимое равнодушіе тѣмъ, что прогрессивный блокъ не хотѣлъ заслуги Сазонова приписать другому. За подписью предсѣдательствъ всѣхъ думскихъ фракцій, входившихъ в блокъ, Сазонову была послана привѣтственная телеграмма с благодарностью “за великое національное дѣло, осуществленное благодаря вашему таланту и патриотизму”.

ціальной русской военно-морской экспедиціи для захвата Босфора со стороны малоазіатскаго побережья, Покровскій писал: “Нѣсколько не преуменьшая политическаго значенія этих документов (т. е. “векселей”, выданных союзниками), тѣм не менѣе было бы ошибочно думать, что мы могли бы только ими осуществить наши главные стремленія... Состояніе географической карты войны к моменту открытія мирных переговоров будет имѣть рѣшающее значеніе для проведенія в жизнь политических проектов. Отсюда для нас вытекает необходимость ко времени заключенія мира овладѣть проливами... Без этого мы едва ли когда-нибудь получим Константинополь и проливы, и самое соглашеніе о них превратится в простой клочок бумаги” *).

**

Константинополь в рѣчи Трепова оказался связанным с Польшей согласно ранним предположеніям Штюрмера. На слова о Польшѣ тогда обратили вниманіе еще меньше — по крайней мѣрѣ в послѣдствіи даже в польских кругах никто не ссылался на это мѣсто правительственной деклараціи**). Может быть, здѣсь сказывалось невольное недовѣріе к деклараціям быстро смѣнявшихся министров. Может быть, ощущалось слишком разительное противорѣчіе, которое получалось от правительственнаго сообщенія по поводу нѣмецкаго акта с превозглашеніем тріединой Польши. “Германское и австро-венгерское правительствва, — говорилось в сообщеніи, опубликованном в газетах 2 ноября, — пользуясь временным занятіем их войсками *части русской государственной территории*, превозгласили отдѣленіе польских областей от Россійской Имперіи и образовали из них самостоятельное государство. При этом наши враги имѣют, очевидно, цѣлью произвести в русской Польшѣ рекрутскій набор для пополненія своих армій. Императорское правительствво усматривает в этом актѣ Германіи и Австро-Венгрии новое грубое нарушеніе нашим врагом основных начал междунарднаго права, воспрепятствующаго принуждать населеніе временно занятых военной силой областей к поднятію оружія против собственнаго отечества. По существу польскаго вопрсса Россія с самаго начала войны уже дважды сказала свое слово. В ея намѣреніе входит образованіе *цѣлокупной* Польши из *всѣх* польских областей с предоставленіем ей по завершеніи войны прав свободнаго строенія своей національной, культурной и хозяйственной жизни на началах *автономіи* под Державным скинетром Государей Россійских и при сохраненіи единой госу-

*) Дневник Палеолога, поскольку он может претендовать на передачу французской точки зрѣнія, как бы подтверждает тезис Покровскаго. Характерныя добавленія дѣлает он к царскому приказу по арміи 12 декабря, гдѣ так опредѣленно было сказано о Константинополѣ: зачѣм такое торжественное заявленіе о проектѣ, тщетность котораго он знает лучше других? — разгром на румынском фронтѣ лишает Россію всѣх шансов приобрести Константинополь. Любопытно сопоставленіе: как раз на этом утвержденіи была построена одна из большевннских прокламацій — вмѣсто завоеванія Константинополя потеря Польши и т. д.

**) В Чр. Сл. Ком. предсѣдатель, резюмируя бесѣду с гр. Велепольским, сказал: «И значит только послѣ акта 6 ноября (22 октября ст. ст.), германцами изданнаго, был 12 декабря 16 г. этот приказ по арміи и флоту. — «Да» — подтвердил Велепольскій.

дарственности. Это рѣшеніе нашего Августѣйшаго Государя остается непреклонным”.

Одновременно с правительственным сообщеніем польскій вопрос подвергся обсужденію в Гос. Совѣтѣ в засѣданіи 1 ноября. Старыя разногласія остались, конечно, непримиренными, и русско-польскіе круги постановка вопроса — об “автономіи”, послѣ германскаго акта о независимости Польши, не могла удовлетворить. Представитель Польскаго Кола Шебеко, упрекая правительство за то, что оно ничего не сдѣлало по польскому вопросу, и указывая на необходимость “попы- таться исправить ошибку”, говорил о неприемлемости для поляков полу- ченія из рук “исконныхъ враговъ” “фальшивой” независимости фѣвною отказомъ отъ колыбели польскаго народа — Познани, отъ всѣхъ польскіихъ земель, “подлымъ насиліемъ и коварствомъ захваченныхъ Пруссіей”, “безъ Кракова, безъ Галиціи, безъ доступа къ морю”. “Долгъ Россіи и союзныхъ державъ — парализовать в зародышѣ гнусный планъ центральныхъ державъ. Россія съ союзниками должны заявить, что для Австро-Германіи часъ расплаты, часъ разгрома близокъ, что истекающая кровью Польша имъ дорога, не менѣе самоотверженной Бельгіи и героической Сербіи”.

Отвѣчалъ представителю польскаго кола лидеръ правыхъ Щегловитовъ. По его мнѣнію, обѣщанная нѣмцами самостоятельность Польши “есть путь къ могилѣ”. “Поляки — суть наши братья, которыхъ спасеніе въ рукахъ Самодержца Россійскаго, и польскій король есть Императоръ Всероссійскій. Исключительно отъ великодушнаго соизволенія русскаго Царя можетъ исходить разрѣшеніе этого славянскаго вопроса, который именуется польскимъ — стариннаго спора между славянами, которымъ нашъ великій поэтъ предугадалъ слияніе въ “русское море”. Мы возлагаемъ наши упованія не на деклараціи, а на разгромъ Австро-Германіи. Все спасеніе *русской Польши* — въ благоразуміи русскихъ поляковъ и въ силѣ русскихъ штыковъ”. Выступившій вторично Шебеко специально возразилъ на развитую Щегловитовымъ точку зрѣнія: “Если есть лица, полагающія, что можно подбодрить польскій народъ, что онъ, какъ ручей сольется въ русское море, то я думаю, что такія лица толкаютъ польскій народъ не на славянскій путь. Польскій народъ считаетъ, что онъ, какъ національ- ность, представляетъ самодовлѣющую цѣльность, и ему нѣтъ пужды сли- ваться съ какимъ бы то ни было моремъ”. Гурко отъ имени “непартійнаго объединенія”, привѣтствуя заявленіе представителя польскаго кола, ограничился лишь общимъ заявленіемъ (не слишкомъ конкретнымъ и обя- зывающимъ по содержанію), что Россія совместно со своими союзни- ками, *поскольку это касается Галиціи, Польши и Силезіи*, должна громко и ясно превозгласить то, что неминуемымъ послѣдствіемъ пора- женія центральныхъ державъ явится возможность единства всѣхъ трехъ на- селенныхъ польскою національностью частей бывшаго государства польскаго съ обезпеченіемъ этой возрожденной Польшѣ свободнаго національ- наго развитія”.

Въ Гос. Думѣ не было обсужденія польскаго вопроса, но съ вѣ- очереднымъ заявленіемъ выступилъ представитель польскаго кола Гарусе- вичъ, говорившій о германскомъ имперіализмѣ и опасности “безопасной германизаціи” польскаго народа. Центральное мѣсто его заявленія, встрѣченнаго рукоплесканіями “слѣва”, гласило: “Польскій народъ не согласится на нѣмецкое рѣшеніе, ярко противорѣчащее его завѣтнымъ

стремлениям, отвѣчающим требованиям великаго историческаго момента. Польскій народ в теченіе полутора вѣков жил непоколебимой вѣрой, что наступит час исторической справедливости, час воскрешенія свободной и объединенной Польши... Нынѣшняя война преобразовала эту вѣру в увѣренность. Стало ясно, что не может быть прочнаго мира в Европѣ, если нѣтъ предѣла нѣмецким посягательствам, пока не будут устранены попытки к растерзанію живаго тѣла Польши"... Рѣчь Гарусевича сопровождала даже "шумная овація", но в дѣйствительности в Гос. Думѣ в то время не было искренних защитников независимости Польши даже в лѣвом секторѣ, кромѣ отдѣльных членов Трудовой группы. Прогрессивный блок не высказывался по поводу этого яблока раздора. Мы не знаем, измѣнилась ли уже под влияніем событій, как это было в дни революціи, тактическая позиція тогдашняго лидера блока, который, как видно из отиѣток в собственной записной книжкѣ, в бытность в Лондонѣ лѣтом того же года доказывал лорду Грею невозможность польской независимости и ея международнаго признанія, что было неизбѣжно в постановкѣ Гарусевича.

III. — ПРИКАЗ 12 ДЕКАБРЯ.

1. — "С в о б о д н а я П о л ь ш а".

Если выступленіе Трепова не вызвало непосредственных откликов и, быть может, не возбудило еще больших надежд в русско-польских кругах, то другое впечатлѣніе произвел царскій приказ по арміи 12 декабря, в котором наряду с пріобрѣтеніем Константинополя задачей войны было поставлено восстановление свободной Польши в составѣ всѣх трех ея частей. Вот основное в текстѣ этого знаменательнаго приказа, который должен был положить конец слухам о возможности для Россіи сепаратнаго мира.

...“Германія чувствует, что близок час ея окончательнаго пораженія, близок час возмездія за всѣ содѣянные ею правонарушенія и жестокости. И вот, подобно тому, как во время превосходства своих боевых сил над силами своих сосѣдей Германія внезапно объявила им войну, так теперь, чувствуя свое ослабленіе, она внезапно предлагает объединившимся против нея в одно неразрывное цѣлое союзным державам вступить в переговоры о мирѣ (см. ниже). Естественно, желает она начать эти переговоры до полнаго выясненія ея слабости, до окончательной потери ея боеспособности. При этом она стремится, для созданія ложнаго представленія о крѣпости ея арміи, использовать свой временный успѣх над Румыніей, не успѣвшей еще пріобрѣсти боевого опыта в современном веденіи войны. Но если Германія имѣла возможность объявить войну и напасть на Россію и ея союзницу Францію в неблагоприятное для них время, то нынѣ окрѣпшія за время войны союзницы... в свою очередь имѣют возможность приступить к мирным переговорам в то время, которое они сочтут для себя благоприятным. Время еще не наступило. Враг еще не изгнан из захваченных им областей. *Достиженіе Россіей созданных войной задач, обладаніе Царьградом и проливами, равно как и созданіе свободной Польши из всѣх трех ея нынѣ разрозненных областей, еще не обезпечено.* Заклю-

чить нынѣ мир значило бы не использовать плоды несказанных трудов ваших, геройскія русскія войска и флот, труды эти, а тѣм болѣе священная память погибших на полях доблестных сынов Россіи, ...не допускают мысли о мирѣ до окончательной побѣды над врагом, дерзнувшем мыслить, что если от него зависѣло начать войну, то от него же зависит в любое время ее кончить”.

Мы видѣли, как А. Ф. отнеслась к приказу 12 декабря. В письмѣ своем она добавляет: “всѣ бѣснуются по поводу твоего приказа, особенно, конечно, поляки”. Монархическіе польскіе круги — так называемые “реалисты”, близкіе придворным сферам, увидали в высочайших словах залог осуществленія своих desiderata возрожденія Польши на основѣ персональной унии с Россіей в лицѣ монарха. Гр. Велепольскій показывал в Чр. Сл. Ком.: “...Я обратился к Государю Императору с просьбой указать, как слѣдует нам понимать слова “свобода Польши”, потому что я должен был дать комментарий. Я спросил Государя и получил отвѣт, выяснившійся из разговора (о чем мнѣ было разрѣшено Государем Императором опубликовать, и это было исполнено), что Польшѣ будет дарован собственный государственный строй со своими законодательными палатами и собственная армія. И это рѣшеніе, это послѣднее отношеніе к польскому вопросу, ... всегда благожелательное, благосклонное у Государя Императора, могло только глубоко произвести на меня впечатлѣніе”.

Если внѣшне нѣкоторая часть русско-польскаго общества, принадлежавшая и к пародовой демократіи, с “энтузіазмом” встрѣтила созданное в январѣ новое бюрократическое совѣщаніе под формальным предсѣдательством новаго премьера кн. Голицына для разработки основ будущей “свободной” Польши, то среди этого энтузіазма звучала и пессимистическая нота. Отмѣчая “великій подъем національнаго чувства” в Польшѣ, кн. Радзивил говорил в интервью, которое было им дано московским газетам: “Мы... не можем не испытывать опасеній — окажутся ли лица, призванные в совѣщаніе, на высотѣ историческаго момента... личный состав конференціи не дает нам достаточной гарантіи и укрѣпляет наши опасенія — сможет ли совѣщаніе проникнуться волей и духом монарших предубаженій”. “Если совѣщаніе было бы создано в 1914 и 1915 гг., наше отношеніе к нему было бы, разумѣется, болѣе горячим”, — говорил тов. предс. Польскаго Комитета Эверт: “теперь же мы можем только надѣяться, что Особое Совѣщаніе окажется на высотѣ задачи и выработает достаточно широкій и свободный проект устройства будущей Польши. Если проект Особого Совѣщанія окажется болѣе узким, чѣм тѣ настроенія, которыя господствуют в Варшавѣ, то проект этот вряд ли окажется особенно полезным. Нѣмцы не преминут использовать его, как указаніе на то, что можно ждать Польшѣ от Россіи”. С польской точки зрѣнія трудно ожидать от Совѣщанія “опредѣленной и благожелательной разработки вопроса об отношеніи Россіи к независимости Польши”, — говорил представитель демократических кругов Даровскій.

И русско-польская общественность надежды свои перенесла на рѣшеніе польскаго вопроса в международную плоскость. “Для нас, поляков, — продолжал Радзивил, — настал момент, когда мы, как можно настойчивѣе, должны звать к политической мудрости Россіи, чтобы добиться ея поддержки при будущем послѣднем рѣшеніи польскаго

вопроса в международной плоскости". В силу этого польская общественность даже демократического отъѣнка высказывалась против обсуждения работ Особаго Совѣщанія в законодательных палатах, так как дѣло шло о рѣшеніи польскаго вопроса во всем объемѣ, что "никак не может считаться внутренним вопросом" (Даровскій). Здѣсь вождѣнія поляков входили в рѣшительную коллизію с думскими группами, составлявшими прогрессивный блок и требовавшими, чтобы основные законы будущей организаціи Польши были внесены на разсмотрѣніе россійскаго парламента.

Расхваленіе было не в формѣ прохожденія в законодательном порядкѣ вопроса, а по существу. "Русскія Вѣдомости" так опредѣлили разницу взглядов. Сторонники перваго положенія настаивали на необходимости предоставленія Польшѣ совершенно самостоятельнаго государственнаго строя, и ея отношеніе к Имперіи установить на началах реальной уніи. Рѣшеніе это было бы или самостоятельным актом русской верховной власти или постановленіем ареопага представителей всѣх европейских держав на будущей мирной конференціи. По мнѣнію петербургскаго польскаго органа "Dzienn Polski", Гос. Дума должна была заняться "послѣдствіями выдѣленія территорій, признанных по международному акту принадлежащими Царству Польскому" — в ожиданіи международнаго рѣшенія Дума может выносить лишь "демонстративныя резолюціи".

Как судьба разрѣшила бы вопрос в случаѣ побѣды Entente Cordiale без русской революціи? Едва ли здѣсь может быть мѣсто для сомнѣній. Припомним, что в. кн. Ник. Мих. в своем дневникѣ певѣрил "чистосердечію" первоначальных польских манифестацій по поводу того "пуфа", который представлял собой, по его мнѣнію, манифест 14 г.: "ляхи чутки и догадываются о фальши этого воззванія". Чистосердечія в "политическом маневрѣ", когда нѣмцы занимали территорію русской Польши и производили свои эксперименты, могло быть еще меньше, тѣм болѣе, что русское правительство послѣ секретных переговоров с Думергом в дни январской междусоюзнической конференціи в Петербургѣ, согласившись на предоставленіе свободы дѣйствій Франціи в зарейвских областях, получило обмѣнное согласіе Франціи на "полную свободу в установленіи ея западных границ". В сущности тѣм самым торжествовала національная эгонистическая политика и международное рѣшеніе польскаго вопроса сходило со сцены, превращаясь в значительной степени лишь в какую-то вывѣску. Не могло имѣть значенія и то обстоятельство, что январское секретное согласіе было произведено как бы за спиной официальной Англіи, которая, как видно хотя бы из бесѣды признаннаго вождя русскаго либерализма в Лондонѣ лѣтом 16 г. с тогдашним руководителем великобританской виѣшней политикой, не считала польскій вопрос — вопросом международным... "Что вы думаете о польском вопросѣ?" — спросил Милюков. — "Это — дѣло Россіи". — отвѣчал Грей: — "Мы, конечно, желали бы, чтобы она сама дала полякам автономію, но вмѣшиваться не можем". Милюков: "Польскій вопрос и по нашему есть внутренній русскій вопрос... Мы против упоминанія о внутренней конституціи Польши в международном актѣ. Самое большее — указаніе границ территоріи". Грей: "В международном актѣ должно быть упомянуто только то, что интересуется всѣх нас". Милюков: "Они теперь

настаивают на независимости и на международном признании. Но мы так далеко идти не можем"... Конечно, точки зрѣнія мѣнялись, но тогда Грей опредѣленно подчеркнул, что англичане "в польскомъ вопросѣ послѣдуютъ за Россіей".

Нельзя ли, однако, изъ краткаго обзорѣнія перипетій польскаго вопроса вывести совершенно опредѣленное заключеніе, что всѣ эти перипетіи мало были связаны с постановкой вопроса о заключеніи сепаратнаго мира? Затрудненія и замедленія, которыя встрѣчалъ польскій вопросъ, вытекали изъ совсѣмъ иныхъ политическихъ и психологическихъ соображеній.

2. — Война до побѣды.

Приказу 12 декабря предшествовало событіе в международной жизни, отношеніе къ которому еще в большей степени показывало, что верховная власть ни в какой степени не была замѣшена в разговорахъ о сепаратномъ мирѣ, — допустимъ даже — имѣвшимъ мѣсто в той или иной формѣ в частномъ порядкѣ личной или групповой инициативы.

Через посредство Соед. Штатовъ Германія 29 ноября выразила готовность вступить в переговоры о заключеніи общаго мира, не намѣчая однако условій этого мира. Предложеніе было отвергнуто, так как союзническая дипломатія и парламентское общественное мнѣніе увидало в шагѣ Германіи лишь "западню" (по выраженію Палеолога), разставленную в цѣляхъ спровоцировать в лагерѣ противниковъ пацифистское движеніе и разстроить коалицію державъ Антанты. Напомнимъ, что велѣдъ за нѣмецкой нотой о мирѣ послѣдовало выступленіе 9 декабря президента Вильсона, зондировавшее почву. Оно вызвало "недоумѣніе" в стѣнахъ Таврическаго дворца и враждебное къ себѣ отношеніе в большинствѣ нѣмецкой печати. Къ Вильсону приосединилась Швейцарія и скандинавскія страны. Для насъ важно то, что русское правительство первымъ откликнулось на нѣмецкую ноту, переданную американцами, и откликнулось категорическимъ отрицаніемъ. Новый министр ин. д. Покровскій в засѣданіи Гос. Думы 2 декабря с "негодованиемъ" отвергъ всякую мысль о возможности прекратить борьбу.

В Думѣ только воинствующіе элементы изъ состава прогрессивнаго блока считали необходимымъ безоговорочно велѣдъ за министромъ ин. д. отвергнуть самую мысль о возможности мирныхъ переговоровъ. Это блефъ, который надо игнорировать, заявилъ в печати Милюковъ. Никакихъ разговоровъ до тѣхъ пор, пока Германія не будетъ побѣждена и не будетъ сокрушенъ германскій милитаризмъ, — вторилъ ему крайне воинственно настроенный Родичевъ: война должна продолжаться до тѣхъ пор, "пока вѣбрь не будетъ укрощенъ", — "нужно сокрушить главу змія". На лѣвой периферіи думской оппозиціи не было такой непримиримости*).

*) По существу ея не было и у многихъ политическихъ единомышленниковъ Милюкова. Набоковъ вспоминаетъ, что сообщеніе телеграфа о германскихъ мирныхъ предложеніяхъ «было фактомъ потрясающаго значенія, прежде всего потому, что в немъ блеснулъ лучъ слабой надежды на возможность мира... Милюковъ сразу и рѣшительно облилъ насъ холодной водой. Спокойно онъ заявилъ, что... единственное возможное реактивное реактивное на нихъ — это категорическое и возможно рѣзкое отклоненіе». «Очевидно только глубочайшая вѣра в побѣднй конецъ и возможность для Россіи вести войну... диктовала Милюкову такое отношеніе».

Представитель “прогрессистов”, вышедших из блока, Коновалов считал желательным выяснить условия мира, чтобы парализовать распространение фантастических слухов. За то же высказывались трудянки. Представитель думской фракции с.-д. Чхейдзе назвал пѣмский акт даже “мудрым шагом”. По мнѣнію Маклакова выяснять “условія” безцѣльно, так как условія, которыя могут быть предложены тѣмъ, кто считает себя “побѣдителями”, все равно будут непріемлемы. В правых кругах выражали опасеніе, что рѣшительное отклоненіе вильсоновскаго посредничества, которое “сознательно или бессознательно идет навстрѣчу Германіи”, как выразился націоналист Саенко, произведет неблагоприятное впечатлѣніе в Америкѣ и повлечет за собой отказ в выполненіи впредь военных заказов — высказывалось даже опасеніе, что Америка может вступить в войну на сторонѣ Германіи*).

Могли ли переговоры о мирѣ найти сочувственный отклик в странѣ? Конечно, “народ” всегда до нѣкоторой степени трудно разгадываемый “сфинкс”. В то время, о котором идет рѣчь не изобрѣтены были еще усовершенствованные методы психоаналитическаго изслѣдованія “общественнаго мнѣнія” путемъ статистическихъ опросовъ всякаго рода модными институтами заатлантическаго изобрѣтенія. Политики, так часто говорившіе уже тогда от имени отвлеченнаго народа, принимали на свою личную отвѣтственность слишкомъ много, выдавая собственные отвлеченныя схемы и теоретическія выкладки за народное мнѣніе. Такъ Маклаков в проникновенномъ словѣ, произнесенномъ в Гос. Думѣ 3 ноября, утверждал, что русскій народъ никогда не проститъ мира “в ничью” (тогда оратор видѣл в этомъ негодованіи національно-оскорбленнаго народа большую опасность для страны, нежели в грядущей соціальной революціи). Мы хорошо теперь знаем, какъ жизнь легко превращаетъ политическія мечтанія в идеологическія химеры, и какъ рискованы поэтому предуказанныя аксіомы и пророчества. Народная толща всегда остается реалистичной в своихъ настроеніяхъ. Не ошибка ли временный психоз толпы принимать за выраженіе подлиннаго народнаго мнѣнія? Миръ былъ в Россіи, конечно, вождедѣльнымъ словомъ на третій годъ войны. Націоналистическій порывъ долженъ былъ потускнѣть с момента, когда война пошла на истощеніе. Формула “замиренія в ничью”, популярная, по наблюденію, напр., анархиста интеллигента Максимова, в низахъ еще в началѣ войны**), в такой обстановкѣ, казалось бы, легко могла быть усвоена в массахъ.

Сомнительно, чтобы завоевательныя тенденціи вообще когда-либо

*) В интервью, данномъ Шингаревымъ, успокоительно подчеркивалось отсутствіе у американцевъ идеологическихъ мотивовъ — торгаша по преимуществу не вступятъ в войну, которая коммерчески выгодна для нейтральныхъ.

**) Силу націоналистическаго порыва каждый изъ наблюдавшихъ народныя переживанія под своимъ собственнымъ субъективнымъ воспріятіемъ будетъ опредѣлять по разному: Максимовъ не увидитъ в народѣ «патріотическаго пыла Невскаго проспекта»; кн. Волконскій отмѣтитъ «восторгъ, граничащій с опьяненіемъ» в своемъ родномъ Борисоглѣбскомъ у. Тамбовской губ. Поэтому мало соответствовали реальности такія обобщающія характеристики, к которымъ склонны были думскіе ораторы: напр., в годовщину войны депутатъ Савичъ вспоминалъ неописуемый энтузіазмъ населенія (не исключая рабочихъ) в первую пору войны. О настроеніяхъ этихъ см. в «На путяхъ к дворцовому перевороту».

поднимали цѣлину народнаго сознанія. Между тѣм нельзя отрицать, что освободительныя задачи мировой войны, къ которым так скептически отнесся представитель трудовой группы Янушкевич в засѣданіи Гос. Думы 15 декабря, довольно тѣсно переплетались с явно “империалистическими тенденціями” или осуществленіем “вѣковых національных задач” по другой терминологіи. Через два мѣсяца послѣ ноты Вильсона, поставившей вопрос о мирѣ перед общественным мнѣніем, в Гос. Думѣ 14 февраля, т. е. наканунѣ уже революціи, произошла такая показательная дискуссія, вѣрнѣе обмѣн репликами. Керенскій упрекал дѣятелей прогрессивнаго блока за то, что они не считаются с реальным положеніем страны и объединяются с властью в империалистических захватах. Оратор говорил, что завоевательныя тенденціи не могут встрѣтить поддержки в народѣ. На это Шингарев с мѣста горячо возразил: “Невѣрно!” Когда лидер трудовиков стал говорить, что наступил момент, когда нужно подготовить общественное сознаніе къ ликвидаціи европейскаго конфликта, именно из рядов правых депутатов раздалось: “ты защитник Вильгельма”...

Общественное мнѣніе не было и не могло быть едино. Можно признать, что наблюденія тогдашняго подпольнаго большевицкаго дѣятеля Шляпникова, утверждающаго, что отношеніе правительства и Думы къ нѣмецким предложеніям “возмутило” широкіе круги, сильно преувеличено, и в то же время нельзя отрицать того факта, что серьезные шаги къ “замиренію в ничью” могли бы встрѣтить в населеніи значительный сочувственный отклик. Это было отмѣчено в самом прогрессивном блокѣ в дни октябрьских совѣщаній. Каппист 13 октября утверждал, что “в деревнѣ будут рады миру, даже не разбирая какой”. “Всѣ спрашивают, когда кончится война” (Крупенскій), и в квалифицированных слоях интеллигенціи можно отмѣтить сильное ослабленіе “империалистическаго” пыла — твердо было только мнѣніе не “итти на мировую” до тѣх пор, пока нѣмцы не будут вытѣснены из Россіи.

Если бы дѣйствительно с поущенія верховной власти велись какіе-либо закулисные переговоры о сепаратном мирѣ, трудно допустить, чтобы создававшаяся атмосфера в связи с посредничеством Вильсона в той или иной мѣрѣ не пыталась использовать пацифистская среда. Не даром тогдашняя прокламація петербургскаго комитета соц.-дем. партіи, примыкавшаго къ большевицкой фракціи, рѣзко осуждала рѣшеніе Гос. Думы не обсуждать мирных предложеній Германіи, а болѣе ранняя записка “крайняго теченія соц.-рев.”, отмѣченная петерб. жандарм. правленіем, пропагандировала мысль, что в Германіи внимательно прислушиваются къ лозунгу: “мир, во что бы то ни стало”, так как “от сепаратнаго мира зависит само существованіе народа”.

Настроенія Императора были вполне опредѣлены — никаких колебаній. Палеолог передает слова, сказанныя ему Покровским послѣ выступленія в Думѣ 2 декабря: “Я строго согласовался с приказаніями Его Величества... Е. В. рѣшил положить конец всѣм сомнѣніям относительно его воли... дал мнѣ на этот счет самыя категорическія указанія, поручив представить ему проект объявленія по арміи по поводу мирных предложеній Германіи”. Приказ 12 декабря, написанный ген. Гурко в соответствии с черновиком, доставленным из канце-

лярій мин. ин. д., и служил отвѣтом. Характерно, что в интимной царской перепискѣ всё перипетій, связанныхъ с пѣмецкой нотой и посредническими выступлениями Вильсона, не нашли себѣ никакого отраженія. Очевидно, на экспансивную Императрицу эти предложенія не произвели впечатлѣнія — мысли ея в это время были всецѣло поглощены внутренними дѣлами. Отношеніе ея къ войнѣ опредѣлялось тѣми строками в цигрированном вышѣ письмѣ къ мужу, которыя она посвятила приказу 12 декабря: Этого не могло быть, если бы А. Ф. хотя бы под влияніем “Друга” была душою заговора, долженствовавшего повести Россію къ сепаратному миру.

Между тѣмъ тѣ, которые пытаются бытовую легенду военнаго времени превратить в историческую концепцію, основным стимулом в помыслах А. Ф. дѣлают идею достиженія мира. Они пытаются путем совершенно произвольнаго (я сказал бы фантастическаго) толкованія писем А. Ф. установить дату, к которой пріурочивали сепаратный мир — именно осень 16 г. Так поступает Семенников. Он нашел в письмѣ А. Ф. от 17 марта слова: “Не прикажешь ли ты Штурмеру послать за Родзянко (мерзавцем) и очень твердо сказать ему, что ты требуешь, чтобы бюджет был окончен к Пасхѣ, так как в таком случаѣ не придется их всѣх созывать до тѣх пор, пока с Божьей помощью, все станет лучше: осенью — *послѣ войны*”. Отсюда вывод: “Романовы имѣли какія-то основанія для увѣренности, что война окончится осенью этого года”. Отсутствие Думы в этот момент было необходимо потому, что от воинствующей буржуазіи “Романовы ожидали революціи в случаѣ заключенія сепаратнаго мира”. “Есть нѣкоторое основаніе думать, — продолжает комментатор, — что существовавшія надежды были связаны у них с рѣшеніем пойти на предлагавшіеся германцами переговоры; попытки к этому могли осуществляться “стокгольмской бесѣдой”.

Приведенная аргументація построена на столь шатких основаніях, на столь тенденціозных и притирчивых толкованіях текста, что, пожалуй, на ней не стоило бы и останавливаться. Ожиданіе окончанія войны осенью 16 г. можно отмѣтить в разных общественных кругах, начиная с военных спеціалистов в Ставкѣ. Никто вообще не предполагал, что война может затянуться, как это было в дѣйствительности. Вѣдь мог же Царь в дни главных неудач на фронтѣ, 16 июня 15 г., писать: “если война протянется еще год...” Кудашев в это же время сообщил Сазонову, что в Ставкѣ убѣждены, что война окончится к осени. “Всѣ были убѣждены, что война скоро кончится”, — говорил о 15-м г. в своих показаніях член правительства гр. Игнатьев. Война тѣм не менѣе шла своим чередом, в силу чего мѣнялись произвольные сроки, но она все же исчислялась мѣсяцами, а не годами. В декабрѣ в “Пром. Газетѣ” можно было найти уже разсужденіе о новых заданіях для промышленности при будущем мирном строителствѣ. При свиданіи с Бюкененом 30 декабря (16 г.) Царь высказал предположеніе, что петербургская междусоюзническая конференція будет уже послѣдней перед миром. В всеподданнѣйшем докладѣ 10 февраля перед революціей Родзянко, “чувствуя возможность приближенія окончанія войны”, высказывал тревогу, что без “правительства довѣрія” голос Россіи на мирной конференціи будет звучать слабо. Ген. Брусилов в

официальном докладѣ послѣ революціи высказывал непоколебимую увѣренность, что кампанія 17 г. будетъ послѣдней и т. д.

А. Ф. в своихъ письмахъ, конечно, передавала всѣ предсказанія в этомъ отношеніи “Друга”, которыя воспроизводили в сущности только общія ходячія и противорѣчивыя сужденія 15-16 г.г. “Онъ думаетъ, — сообщила А. Ф. по поводу смерти австрійскаго имп. Франца-Иосифа 10 ноября 16 г., — что это несомнѣнно во всѣхъ отношеніяхъ благопріятно для насъ (я того же мнѣнія)”. “Онъ надѣется, что теперь скорѣе наступитъ конецъ войны, такъ какъ могутъ возникнуть тренія между Германіей и Австріей” *). Но, какъ видно изъ писемъ А. Ф., ее скорѣе раздражало, когда она слышала среди окружавшихъ безпочвенныя сужденія по поводу окончанія войны. “Сегодня ровно два года, когда эта ужасная война была объявлена. Одинъ Богъ знаетъ, сколько времени она еще продолжится”, — замѣчаетъ А. Ф. в письмѣ 19 іюля 16 г. И на другой день: “Видѣла Воейкова... Самоувѣренъ, какъ всегда — война совершенно опредѣленно кончится къ ноябрю, а теперь, в августѣ, будетъ начало конца; онъ меня раздражаетъ, я сказала ему, что одному Богу извѣстно, когда будетъ конецъ войнѣ, что многіе предрекаютъ этотъ конецъ къ ноябрю, но я в этомъ сомнѣваюсь — во всякомъ случаѣ глупо быть постоянно такимъ самоувѣреннымъ”. “Я тоже ему посоветовала — не быть самоувѣреннымъ, особенно в такихъ серьезныхъ вопросахъ, какъ окончаніе войны”, — е своей стороны писалъ Царь 21-го іюля. Семенчиковъ не могъ, конечно, игнорировать эти письма, и едва ли удачно пытается объяснить колебанія в “первоначальной увѣренности” тѣмъ, что нѣмцы, в лицѣ Варбургъ, предложили такія условія мира, которыхъ “Романовы” не могли принять...

“Миръ близится” (запись Нарышкиной 21 января 17 г.), но близится не в силу возможности заключенія для Россіи сепаратнаго мира, а в силу убѣжденія, что Германія, побѣдительница на поляхъ битвы, истощается, а союзныя силы безостановочно растутъ. В этомъ убѣжденіи была сила и причина неуступчивости воинствующихъ патріотовъ, но в этомъ была и сила А. Ф., когда она убѣжденно писала: “твоя война и твой миръ, но ни в коемъ случаѣ не Думы. Они не имѣютъ права сказать хотя бы одно слово в этихъ вопросахъ (17 марта 16 г.). Побѣдоносная война должна увѣичать славу царствованія императора Николая II”, — в такой концепціи мысль о сепаратномъ мирѣ (повторимъ еще разъ), не могла найти себѣ благопріятную почву.

3. — Военное положеніе Россіи.

Нѣсколько разъ приходилось отмѣчать, что у посетителей верховной власти не было и объективно не могло быть представленія, что Россія, будто бы, находилась на грани военнаго разгрома... Ген. Людендорфъ призналъ в воспоминаніяхъ, что для Германіи “прогнозы на новый годъ вопреки удачному заключенію 1916 года были крайне безпокойны... В особенноти Россія подготавливала новые сильныя кадры... Наше по-

*) Распутинъ повторялъ здѣсь опять-таки чужія слова и в данномъ случаѣ это была аргументація Палеолога убѣждавшаго совмѣстно с Бьюкеномъ еще в концѣ 14 г. Сазонова отказаться отъ идеи расчлененія Австріи и постараться вывести Австро-Венгрію изъ германской коалиціи.

ложеиіе было исключительно трудно и почти невозможно было найти выхода. Мы не могли думать больше о собственной наступательной операциі, надо было сохранять резервы для собственной защиты. Если война продолжится, наше поражение представлялось неизбежным". Людендорф сравнивает даже чувства немцев перед лицом растущей мощи неприятельской армии с ощущением кролика перед удавом. В концѣ концов всѣ военные авторитеты в мировой литературѣ подтверждают итог, объективно подведенный Людендорфом*). Никто иной, как Черчилль в воспоминаніях, напечатанных в Times в 27 г. засвидѣтельствовал, что Россія в кампанію 17 г. вступала не только не побѣжденной, но и сильнѣйшей, чѣм когда либо. Лишь мемуаристу, не всегда обосновывавшему свои выводы, могло казаться, что накануне революціи "Россія была окончательно побѣждена" (воспоминанія Масарика). Так говорили до революціи.

Россія готовилась к новому наступленію, и военный министр Шуваев, выступая в Гос. Думѣ 4 ноября, с полной отвѣтственностью за свои слова, не повторяя извѣстной сухомлиновской бравады: "Мы готовы", мог говорить о подготовленности страны с успѣхом продолжать войну. "27 мѣсяцев тянется война и сколько она продолжится — один Бог знает. По моему глубокому убѣжденію, как стараго солдата... из того, что приходится наблюдать каждый день, — утверждал Шуваев, — мы приближаемся к побѣдѣ. Каждый день приближает нашего коварнаго, дерзкаго врага к пораженію". Далѣе Шуваев сравнивал в грубых цифрах техническое состояніе армии осенью 16 г. с тѣм, что было в 15 г. Производство 3-х дюйм. орудій увеличилось в 8 раз, а 48 лин. гаубиц — орудіе трудно подготовляемое — учетверилось; производство винтовок увеличилось в 4 раза, снаряды 42 лин. в 7½ раз, 48 лин. — в 9 раз; 3 дюйм. снаряды в 11,7 раз. Взрывчатые средства в нѣкоторых случаях в 40 раз; удушающія средства в 69 раз и т. д. "Нѣтъ такой силы, которая могла бы одолѣть русское царство", — заканчивал военный министр под "продолжительные и шумные аллодаменты".

Положенія, которыя развивал военный министр с думской трибуны, свидѣлствуют о ростѣ военной мощи Россіи — это было не то, что убѣжденно утверждал в бесѣдѣ с в. кн. Андреем Вл. в началѣ войны пользовавшійся большим авторитетом ген. Палицын (был до войны нач. ген. штаба): немцы забыли одно — "можно армию скорѣе разбить, чѣм раздавить Россію". Вел. кн. Георгій Мих. писал Царю 11 января из Кіева о своих впечатлѣніях "во время объѣзда пяти армій". Он говорил о "блестящем видѣ", в каком представлялись всѣ части: "прямо трудно сказать, который корпус лучше: бодрые, веселые солдаты — молодец к молодцу, несмотря на различныя лишения и трудныя стоянки в горах в зимнюю пору... Если бы тыл... работал так, как работают в армии на фронтѣ, то думаю, что час полной побѣды немного приблизился бы". Добавим, что на французскаго ген. Кастельно, прибывшаго на конференцію в Петербург в

*) Таково заключеніе, между прочим, акад. Тарле («Вопрос о Константинополѣ» «Борьба классов» 1924, № 1), возражавшаго редактору сборника «Константинополь и проливъ» Адамову, который утверждал, что к этому времени Людендорф считал как бы скинутой со счетов истощенную войной Россію.

концѣ января, по словам Палеолога, русскія войска произвели прекрасное впечатлѣніе. Правда, в изображеніи Палеолога французскій эксперт нашел плохую организацію высшего военнаго командованія, крайнюю недостаточность снаряженія арміи, тактическую отсталость по крайней мѣрѣ на год по сравненію с французскою арміей. Кастель по поэтому нѣсколько пессимистически смотрѣлъ на возможность для Россіи предпринять наступательныя дѣйствія в широком размахѣ*).

Допустим, что прогнозы французскаго военнаго эксперта были объективны, и что позднѣйшіе расчеты военнаго историка Головина, опровергающаго “распространенное мифіе”, что в 17 г. русская армія была “вполнѣ” снабжена матеріальной частью, всецѣло соотвѣтствуют дѣйствительности... Однако сами нѣмцы считали, что наибольшая опасность при новом наступленіи им грозила на восточном фронтѣ, гдѣ уже в 16 г. пришлось сосредоточить 3/5 австрійских и 2/5 нѣмецких войск, систематически увеличивая эту пропорцію. Едва ли в наше время приходится сомнѣваться в том, что в дѣйствительности и на Западѣ возлагали тогда большія надежды на предстоящее весной именно русское наступленіе и в связи с ним ждали конца войны в том же году. Еще в концѣ 16 г. вернувшійся из Парижа ген. Бѣляев сообщал, что там ждут “главнаго удара” от нас (Куропаткин). Не только в думских кулуарах, но и в служебном кабинетѣ главы секретной англійской миссіи Хора Пуришкевич сообщал, что на днях собирается “ликвидировать дѣло Распутина”. Только этим вопросом и интересовались в январѣ прибывшіе в Петербург на конференцію делегаты — они были недовольны осторожностью ген. Гурко, который рассчитывал, что Россія будет готова к наступленію в серединѣ мая.

Упорныя ожиданія не чужды были и русским общественным кругам. Отбросим обызвельскіе страхи, занесенные Палеологом в дневник для иллюстраціи склонности русских к паникѣ (тридцать персон, собравшихся 15 ноября на изысканный обѣд во французском посольствѣ, предвидят уже захват непріателем Одессы и Кіева) — гораздо знаменательнѣе будет то, что предсѣдатель Гос. Думы в декабрѣ темой своей рѣчи на банкетѣ англійской колоніи в Петербургѣ сдѣлает грядущій мир. Как мог бы говорить Родзянко об этом грядущем мирѣ наканунѣ 17 г., если бы он, дѣйствительно, ощущал в то время, как это представляется в его воспоминаніях, чувство безнадёжности в отношеніи войны, которая была бы неизбежно проиграна при старом режимѣ и закончена “еще болѣе позорным” сепаратным миром, чѣм это произошло в Брест-Литовскѣ? Не имѣем ли мы права сдѣлать заключеніе, что трагическія ноты, раздававшіяся подчас в рѣчах парламентаріев и других представителей общественности, слѣ-

*) Из воспоминаній Пуанкаре явствует, что французскій генерал при 20 бальной системѣ оцѣнивал балом 8-9 русскую армію по сравненію с французскою. Вѣроятно, на выводы французскаго эксперта в большей степени, чѣм собственные, неизбѣжно поверхностныя наблюденія за короткое пребываніе в Россіи, оказала влияніе русская информация, шедшая из общественных кругов, и в частности, записки предсѣдателя Думы, в которых он с присущей ему авторитарностью критиковал дѣйствія высшего военнаго начальства и сомнѣвался в возможности успѣхов лѣтней кампаніи 17 г.

дует отнести в гораздо большей степени к средствам политического воздействия, чѣм к сознанию подлинной возможности военной катастрофы на русском фронтѣ? К таким средствам политического воздействия и надлежит отнести знаменитыя декабрьскія резолюціи распущенных правительством съѣздов земскаго и городского союзов в Москвѣ. Резолюціи эти с призывом "отечество в опасности", были сильны и ярки по своему содержанию, отвѣчали настроенію страны, но изображали дѣятельность, поскольку рѣчь идет о готовности Россіи к борьбѣ на вѣнских фронтах, в несоответственных, мрачных тонах. Знаменательно, что в интимных засѣданіях блока осенью 16 г. признавалось другое — и говорилось, что на фронтѣ мы сильнѣе, чѣм при началѣ войны*).

Насколько сам Николай II, и слѣдовательно, несомнѣнно, и его жена, был чужд сознанию возможности военной катастрофы, нам показала уже бесѣда его с англійским послом по поводу привлеченія на русскій фронт японских войск. Этот вопрос еще раз обсуждался на январской междусоюзнической конференціи в Петербургѣ. Во всеподданнѣйшем отчетѣ о ней министра ин. д. указывалось, что "конференція затруднилась поддержать мысль о необходимости домогаться со стороны Японіи отпращиванія живой силы на театр военных дѣйствій". "Осуществленіе этой мысли представлялось многим членам конференціи (т. е. ея русским представителям) трудно достижимым (при Сазоновѣ была сдѣлана соответствующая попытка, — отмѣчал доклад), и не воплѣтѣ, быть может, желательным... если бы Японія и согласилась на подобное предложеніе, она потребовала бы, очевидно, столь существенных себѣ компенсацій в будущем, что послѣднія не искупились бы, вѣроятно, той пользой, которую возможно ждать от сотрудничества японских войск".

4. — Г р я д у щ и й м и р .

Только в атмосферѣ большей или меньшей увѣренности в побѣдѣ мысль могла обращаться к условиям будущаго мира и к дѣлежу наслѣдства, которое могло получиться от поверженнаго врага. Между тѣм мысль о грядущей мирной конференціи в тѣ критическіе дни занимала немало людей — и не только Штурмера, Пуришкевича и Родзянко. Превзудомительный лидер думской оппозиціи из прогрессивнаго блока, кандидат на пост руководителя вѣншей политикой в отвѣтственном министерствѣ или в "министерствѣ довѣрія", пытался осторожно прощупать почву уже при заграничной поѣздкѣ парламентской деле-

*) В сущности официальный общественный пессимизм всегда до нѣкоторой степени муссировал в одностороннем тонѣ отрицательныя явленія. То была в точном смыслѣ слова педагогія. Астров на одном из совѣщаній блока (2 февраля 16 г.) сдѣлал знаменательную оговорку «объективное изложеніе не наше дѣло». На этом засѣданіи обсуждалась записка, которая была составлена в Москвѣ послѣ совѣщанія представителей земских организацій, работавших на фронтах... Выводы были обычные: «при теперешнем отношеніи к правительству довести до побѣды нельзя». Подводя под «клирику» записки болѣе «прочный фундамент», Шингарев указывал, что записка «нѣсколько переоцѣнивает силы Германіи и недооцѣнивает наши»... Тогда Шингарев увѣрен был, что в «1917 г. мы достигнем апогея. Это — год крушенія Германіи».

гаці. В свою “записную книжку”, как мы знаем, Милуков кратко занес содержание “частной” бесѣды, которую вел с Греем, пообѣщавъ английскому министру, что сущность бесѣды передаст только Сазонову. “Я оговорился, — записал Милуков, — что, конечно, окончательныя условія мира зависят от степени военнаго успѣха, но что все же надо имѣть представленіе о возможном будущем па случай постановки того или другого вопроса”. Грей сказал, что в отношеніи “европейскаго континента” у англичан “нѣтъ желанія”, англичане хотятъ лишь “имѣть дорогу изъ Египта в Индію”. Вопросы же колониальныя дѣло английскихъ доминионовъ. “Можетъ быть, вы возьмете Гельголандъ?” — спрашивалъ Милуков. “Не нужно поднимать этихъ вопросовъ, пока не выяснится окончательная побѣда”, — отвѣчалъ Грей: “Для Франціи первое необходимое условіе — Эльзасъ и Лотарингія, для васъ — Константинополь и проливы. Что *сверхъ этого*, зависитъ от степени успѣха войны”. “Но непосредственно дальше стоитъ вопросъ о раздѣлѣ Австріи и Венгріи”, — замѣтилъ русскій собесѣдникъ, — “безъ котораго нельзя рѣшить польскаго, сербскаго и румынскаго вопросовъ”. Отвѣтъ Грея былъ не слишкомъ опредѣлененъ... Онъ находилъ, что “говорить о раздѣлѣ Австріи теперь неудобно. Это придетъ е рѣшительной побѣдой...” Английскій государственный дѣятель полагаалъ, что разрѣшеніе славянскихъ вопросовъ больше в “компетенціи” Россіи. По мнѣнію Грея в настроеніяхъ Германіи “признакъ перелома на лицо” и “нѣмцы хотятъ лучше кончать, чѣмъ продолжать бесплодную войну два года”.

В нашемъ распоряженіи имѣется другой документъ, ставящій вопросы гораздо рѣзче, чѣмъ они были поставлены в осторожной бесѣдѣ дѣйствовавшаго дипломата с дипломатомъ в потенціи. Это, — переписка в. кн. Ник. Мих. с Царемъ, — к сожалѣнію односторонняя, такъ какъ опубликованы лишь письма Ник. Мих. Частныя сужденія великаго князя-историка, при родственныхъ связяхъ с царскою семьей, не могутъ не представлять особаго интереса тѣмъ болѣе, что его сужденія основывались на разговорахъ с министромъ ин. д. и, что наиболѣе важно, опирались на переписку и бесѣды с английскимъ посломъ, какъ о томъ говоритъ самъ авторъ писемъ. В письмахъ 22 и 28 апрѣля Н. Мих. поднимаетъ вопросъ о необходимости “уже теперь подготовиться къ выбору тѣхъ людей”, которымъ будетъ вручено в предстоящей международной конференціи “поддержать честь и величіе Россіи”. Эти избранники “не должны быть ни бюрократами, ни бумагомарателями”. Нужны люди “самостоятельныя”, не боящіеся “мнѣнія ни газетъ, ни различныхъ сферъ нашей болотной столицы”. Среди такихъ избранниковъ хотѣлось бы быть самому великому князю*). Ник. Мих. былъ горячимъ приверженцемъ Антанты и не грѣшилъ по части германофильства. Намѣчая в составъ предварительной коммисіи по разработкѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію мирной конференціи, всѣхъ “коренныхъ русскихъ”, онъ, напр., замѣчалъ: “только у меня одного течетъ нѣмецкая кровь, но ея охлажденіе и полнѣйшее притупленіе шло с самой моею

*) Онъ высказываетъ большое неудовольствіе тѣмъ, что Сазоновъ отнесся недоброжелательно къ его мысли об участіи в конгрессѣ, такъ какъ «второстепенная роль не подобаетъ для великаго князя», а «несеніе отвѣтственности» в нынѣшнее время невозможно, ибо «великіе князья не пользуются любовью и уваженіемъ русскаго общества, кромѣ все возрастающей популярности Николаши».

колыбели". Эту русскость Н. М. усиленно подчеркивал потому, что у него сложилось "глубокое убѣжденіе", что "чѣмъ хуже пойдутъ дѣла нѣмцевъ на поляхъ брани и у нихъ дома, тѣмъ сильнѣе будутъ натиски ихъ здѣсь, при чемъ будетъ пущено въ ходъ все, начиная съ родственныхъ связей, до самыхъ подлыхъ обмановъ" *).

Для насъ при оцѣнкѣ сужденій, которыя инкриминируются А. Ф., не могутъ не быть интересными аналогичныя опасенія, высказанныя "германофобомъ" Ник. Мих. по поводу "аппетитовъ, съ которыми придется встрѣтиться на международной конференціи"... "предстоитъ задача нелегкая держать все время высоко знамя своей родины, не уступая ни врагамъ, ни союзникамъ, по тѣмъ вопросамъ, которые могутъ затронуть величіе Царя и интересы Россіи". Когда "дѣло дойдетъ до выработки условій мира" — "аппетиты будутъ большіе". "Надо будетъ считаться не только съ европейскими союзниками, но и съ японцами, а, можетъ быть, и американцами, о которыхъ часто забываютъ въ стѣнахъ у Пѣвческаго моста". И хотя А. Ф. очень не любила Ник. Мих. (не-любовь была взаимная: А. Ф. в письмахъ называла Н. М. "внукомъ еврей", имѣя, очевидно, в виду ходившія в обществѣ сплетни о внѣбрачномъ сожителствѣ матери Н. М. съ однимъ нѣмецкимъ барономъ (см. записки ген. Жанена). Ник. Мих. в дневникахъ сопровождалъ имя А. Ф. такими сильными эпитетами, что лучше ихъ не воспроизводить), в своихъ сужденіяхъ иногда, быть можетъ, повторяла то, что внушалъ Ник. Мих. Стоитъ сравнить, напр., приведенныя в свое время сужденія А. Ф. съ мнѣніемъ Ник. Мих. о русскихъ дипломатахъ: "не только я одинъ, но и многіе другіе на Руси извѣрвались въ прозорливости нашихъ представителей иностранной политики. У нихъ отсутствуетъ божественная искра, а преобладаетъ рутинна, ослѣпляющая всякій проблескъ вдохновенія... Смѣю думать, что самъ милѣйшій Сазоновъ не особенно обладаетъ даромъ предвидѣть *prévoir et puis décider*".

В послѣдующихъ письмахъ Ник. Мих. высказывалъ и свои *desiderata* о перекройкѣ европейской карты, препровождая Царю письмо Бьюкенена, в которомъ англійскій посолъ "вполнѣ солидаренъ" съ великокняжескимъ взглядомъ на "дальнѣйшую судьбу Австріи и Германіи" **). В первомъ письмѣ Н. М. высказывался осторожно: "мнѣ мнится, — писалъ онъ, — что побѣда будетъ на нашей сторонѣ и союзниковъ, а в худшемъ случаѣ ни побѣдителей, ни побѣжденных не будетъ, и война прекратится отъ финансоваго истощенія народовъ. Другого исхода войны я не допускаю". Но во второмъ письмѣ онъ уже опредѣленно гово-

*) Проводникомъ германофильскихъ тенденцій в Петербургѣ Н. М. в письмѣ 13 августа считаетъ (правда со словъ итальянскаго посла Карлоти — «самаго умнаго изъ пословъ» «послѣ Мотано», т. е., японскаго посла) испанскаго посла маркиза *Willasinda*, черезъ котораго «великіе клеветы нѣмцевъ старались провести в правительственныхъ кружкахъ предложеніе о мирныхъ условіяхъ». «Они стараются всячески проникнуть къ тебѣ и до Е. В., чтобы васъ уже теперь разжалобить, думая, что при нѣмецкой фамилии Штурмера этого легче достигнуть, чѣмъ до него».

**) Любопытна характеристика, которую тутъ же даетъ Н. М. своимъ «другамъ» — англійскому и французскому послу. Бьюкененъ — человѣкъ неумный, но убѣжденный врагъ нѣмцевъ, говорившій иногда «очень умно» подъ вліяніемъ своего новаго совѣтника посольства Линдля. Палеологъ «только путаетъ, гдѣ можетъ, болтаетъ ерунду в разныхъ салонахъ, только думаетъ съ своей собственной карьерѣй и шкурѣй, а потому ему довѣрять нельзя».

рит о конференціи, как о “будущем судилищѣ Германіи, составленном из ея нынѣшнихъ враговъ”. “Вопросъ сводится къ слѣдующему”, — пишетъ онъ 26 іюля: — “кого слѣдуетъ унижить и расчлениить — Австрію или Германію и какимъ образомъ ихъ обезвредить для будущаго... У насъ склонны расчлениить только Австрію, и все вниманіе обращено на эту злосчастную имперію. Газеты полны апетитовъ на расчлененіе Австріи въ пользу Россіи и славянскихъ государствъ, а про уничтоженіе Германіи говорится что то мало — до того духъ нѣмцевъ и жидовъ силенъ въ нашей прессѣ (вспомнимъ аргументацію лидеровъ “Союза русскаго народа”!). Мнѣ кажется, что, говоря о центральныхъ союзныхъ монархіяхъ, надо всё взоры и всё усилія сосредоточить на Германіи. Если сотворить полный раздѣлъ Австріи, то получится такая картина: Венгрія станетъ самостоятельной, возможно, что и Богемія тоже, Галиція и часть Буковины попадутъ Россіи, Трансильванія, вѣроятно, Румыніи, а все остальное заберутъ сербы, черногорцы и особенно итальянцы. Что же останется отъ Австріи? Крайна, Коринтія, Тироль и собственное эрцгерцогство Австрийское. Очевидно, на эти провинціи наложитъ руки Германія, за неизмѣнимъ лучшимъ, и увеличитъ свои владѣнія на счетъ своей союзницы. Одинъ изъ дипломатовъ XIX столѣтія сказалъ: “Si l’Autriche n’existait pas, il faudrait la créer”.

Мнѣ кажется, онъ былъ правъ, такъ какъ въ центрѣ Европы выгоднѣе имѣть разноплеменную и слабую Австрію, чѣмъ сильную Германію*). Вотъ и надо обратиться въ случаѣ полной побѣды къ *уничтоженію и расчлененію Германіи*. Шлезвиг-Гольштейнъ отдать Англіи, Эльзасъ и Лотарингію — Франціи, Люксембургъ — Бельгіи, часть устьевъ Рейна — Голландіи, Познань — Польшѣ, часть Силезіи (Саксонскую) и часть Баваріи отдать Австріи, заставить уменьшить флотъ до минимума, такъ какъ всё эти принцы и князья переругаются сами между собой, равно какъ всё бюргеры, и социалисты, и ученые, и пивовары — словомъ всё представители “Deutschland über alles”.

“Апетиты”, какъ видимъ, еще до мирной конференціи широко разыгрались у русскаго націоналиста, принадлежавшаго къ императорской фамилии и намѣчавшаго себя на “ответственный постъ” въ будущей международной конференціи. Очевидно, имп. Николай II нѣсколько скептически отнесся къ вождѣльнѣмъ историка. Это слѣдуетъ изъ письма Н. М. 27 августа: “вполнѣ согласенъ съ тобою, что Австрія была зачинщицей войны, что всё послѣдніе годы ея политика была коварна и подла, и что она шла на буксирѣ Германіи. Слѣдовательно, она вполнѣ заслужила должное возмездіе, и ея расчлененіе было бы обосновано, какъ логическое послѣдствіе ея двойственной политики”. “Если Австрія и заслужила быть расчлененной, противъ чего я вовсе не возражаю” (Н. М. называлъ Австрію “разлагающимся трупомъ”) то рядомъ съ этимъ нельзя дѣлать “поблажку нѣмцамъ и дать имъ опять возможность что-нибудь заработать въ мутной водѣ”...

Предлагая себя на роль руководителя занятіями комиссіи по предварительной разработкѣ вопросовъ, которые встанутъ въ періодъ будущихъ мирныхъ переговоровъ, Н. М. въ письмѣ 21 сентября говорилъ: “я ручаюсь закончить дѣло съ успѣхомъ и съ такимъ расчетомъ, чтобы не

*) Сазоновъ былъ противъ расчлененія Австріи — утверждалъ Милюковъ въ бесѣдѣ съ Греемъ въ противоположность тому, что записывалъ Палеологъ.

попасть в расплох ко дню окончанія военных дѣйствій”. — Н. М. допускал, что война “еще продолжится, скажем, год времени”.

5. — В а р и а н т л е г е н д ы .

Итак влияніе нѣмцев и давленіе “жидов” на прессу косвенно приводило к защитѣ в Россіи интересов Германіи. Таково мнѣніе просвѣщеннаго историка. Аргументація Ник. Мих. подводит нас к другой легендѣ, обосновать которую в литературѣ пытался выдающійся польскій историк и впоследствии дипломат Ашкенази, и которая в сущности тѣсно связана с разбираемой легендой о сепаратном мирѣ, представляя собой лишь расширенный вариант той же темы. Польскій историк, извѣстный своей антирусской позиціей, в книгѣ “Uwagi” (сборник статей), появившейся в 1924 г. в увлеченіи своего руссофобства желал доказать, что Россія не выполнила своих обязательств согласно военной конвенціи с Франціей и не сосредоточила во время войны, как то предусматривалось, своих сил против Германіи — и произошло это потому, что цѣлью войны для Россіи был разгром Австро-Венгрии. В случаѣ разгрома Франціи Россія готова была заключить с Германіей сепаратный мир за счет Австро-Венгрии.

Я не буду отвѣтсать в сторону и разбирать подробно новую версию легенды. Эти “тяжкія обвиненія”, предъявленные Россіи и в свое время подхваченныя частью французской печати, представляются довольно произвольными. Совершенно необъдительно авторитетное свидѣтельство германскаго канцлера Бетман-Гольвега, что ему нѣкій видный финансист почти наканунѣ войны, будто бы, сдѣлал по порученію русскаго министра ин. д. предложеніе бросить Австрію, взамен чего Россія откажется от союза с Франціей. Много раз мы видѣли, с какой недовѣрчивостью приходится относиться к дипломатическим сплетням, и каким препарированіям подвергаются вольно или невольно в мемуарах самых отвѣтственных лиц случайные разговоры. Сазонов, высказывавшійся против раздѣла Австріи, никогда не был сторонником союза с Германіей — в этом отношеніи он шел гораздо дальше того, что требовали реальные интересы страны. Так в докладѣ Царю по польскому вопросу в апрѣлѣ 16 г. Сазонов говорил: “на многія десятилѣтія мы должны быть готовы видѣть в Германіи постояннаго нашего политическаго противника”.

Чуть ли не всѣ русскіе военные авторитеты признают, что с точки зрѣнія стратегической, т. е. точки зрѣнія цѣлесообразности общаго плана войны “поход на Берлин” в 1914 г. являлся величайшей ошибкой и неизбѣжно влек за собой катастрофу. Между тѣм против этого ошибочнаго плана, имѣвшаго цѣлью смягчить германскій удар по Франціи, в то время, по утвержденію Палеолога, в Ставкѣ не раздалось ни одного голоса. Мало того, французскій посол много раз подчеркивает в началѣ войны слова, говоренныя ему Царем (напр. 1 января 15 г.), что цѣль русских военных дѣйствій нанести рѣшительный удар по нѣмецкой арміи. Показательно авторитетное свидѣтельство Лукомскаго о том, что война с Германіей была принята с “энтузіазмом” — всѣ считали, что виноваты “нѣмцы”, об Австро-Венгрии говорили мало и озлобленія в эту сторону не чувствовались. Если позднѣйшая русская стратегія — дѣйствительно была “стратегіей гев.

Алексѣева”, то мы видѣли, что основным ея положеніем было убѣжденіе, что судьбы войны окончателно рѣшатся именно на германском фронтѣ, и что всѣ отходящія в сторону диверсій являются в большей степени уступками требованію союзников, нежели проявленіем сознательной воли и директив творца русскаго стратегическаго плана. В сущности этим все сказано, поскольку рѣчь идет о каком то “коварствѣ” со стороны правящей Россіи и чуть ли даже не о молчаливом сговорѣ с Германіей” *).

В заключеніе, быть может, небезполезно привести еще раз свидѣтельство Палеолога, характеризующее до нѣкоторой степени личное отношеніе к вопросу царствовавшей четы во второй період войны. При январском свиданіи с Николаем II спеціальный французскій посланец Думерг развил мысль, что союзники должны лишить (*dénié*) Гогенцоллернов права говорить от имени Германіи, когда наступит час мирных переговоров. “Такое предположеніе, — поясняет мемуарист, — давно уже раздѣляется Императором, и он много раз бесѣдовал со мною на эту тему”. На торжественном обѣдѣ в Александровском дворцѣ Царица свой разговор с Думергом закончила словами: “Пруссія должна быть наказана”. Подобное заключеніе о Пруссіи и Вильгельмѣ находится в полном соотвѣтствіи с основным тоном писем А. Ф. к мужу.

*) Отсылаю читателя к очень тенденціозному совѣтскому изданію (тенденціозны всѣ работы, ставящія себѣ спеціальныя цѣли), которое вышло в 1926 г. Цѣль изданія опредѣлялась достаточно заголовком предисловія, написаннаго Виктором Маргеритом: «*Les Alliés contre la Russie*». Но тенденціозность книги естественно сосредоточилась на моментѣ, когда в русской жизни выступила новая временная власть большевицкой партіи, т. е., на годах гражданской войны. Облгать царское время вдохновителям изданія не было большого смысла, и тѣм не менѣ здѣсь дана (на основаніи опубликованных совѣтской властью документов и обзора иностранной военно-исторической литературы) в сконцентрированном видѣ довольно убѣдительная картина взаимоотношеній союзников во время войны. Она очень опредѣленно опровергает тенденціозныя стратегическія сужденія польскаго дипломата и историка.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

В АТМОСФЕРѢ ДВОРЦОВЫХ ЗАГОВОРОВ

I. — УКОРЕНИВШАЯСЯ КЛЕВЕТА.

Если допустить, что Палеолог вѣрно передал свою бесѣду с Треповым наканунѣ перваго выступленія новаго премьера в Гос. Думѣ 19 ноября, то надо сказать, что опасенія Трепова относительно того, что “нѣмецкая партія” скоро может оказаться хозяйкой положенія, и что наступит катастрофа, оказались чрезмѣрными. Не только правительство заявило о продолженіи войны до разгрома Германіи и “сжигало всѣ мосты”, но еще большее моральное обязательство принимал на себя носитель верховной власти.

Казалось бы, приказ 12 декабря должен был положить конец искусственному муссированію толков с сепаратном мирѣ. Казалось бы, он должен был развеять существовавшія в нѣкоторых кругах “послѣ офиціальнаго сообщенія о предложеніи Германіи и Австріи начать мирныя переговоры” опасенія “распутинскаго согласія на заключеніе мира помимо союзников” (их высказывала, между прочим, жена Родзянко в письмѣ 1 декабря Юсуповой, добавляя: “все вѣроятно”). Казалось бы, в резолюціях общественных организацій должны были исчезнуть по крайней мѣрѣ мотивы, прошедшіе в резолюціях 9 декабря земскаго и городского союзов и намекавшіе на подготовку поворота мира*). В дѣйствительности в этом отношеніи ничего не

*) Этих слов не было в резолюціи уполномоченных земскаго съѣзда, которая ограничивалась общей характеристикой власти, ставшей «орудіем в руках темных сил», сдѣлавшейся «преградой на пути побѣды» и ведущей «Россію по пути гибели». О «позорном мирѣ» говорил лишь главноуполномоченный союза земств кн. Львов во вступительном словѣ. Определеніе в этом отношеніи была резолюція болѣе радикальнаго по своему составу съѣзда уполномоченных городских союзов, упоминая о тайных и безответственных преступниках, кощунственно произносящих слова любви к Россіи и готовящих ей «пораженіе, позор и рабство». Упоминаемая резолюція, запоздало подводящая итоги боевой позиціи, которую заняла Гос. Дума в ноябрьскіе дни, столь ярко характеризуют раскаленную общественную атмосферу, что не мѣшает вспомнить их полный текст. Приведем их лишь с небольшими сокращеніями. Резолюція земскаго съѣзда гласила: «С небывалым одушевленіем произнесла Россія свой приговор над тѣми людьми, которые плотным кольцом сомкнули верховную власть, внесли яд растлѣнія в нѣдра народной совѣсти и неустанно продолжают своей работой подтачивать корни нашей государственной крѣпости и мощи: Весь народ окончательно осудил всю систему управления, которая остается неизмѣнной, несмотря на постоянную смѣну лиц, при которой возможно лишь правительство безсильное и бездарное, лишенное всякаго единства, поглощенное заботами о своем сохраненіи и окру-

измѣнилось. 16 декабря в Гос. Думѣ Милоков привѣтствовал ясность и опредѣленность приказа 12 декабря, но с той же кафедры тут же вносил оговорки, формулированные в терминах, которые были заимствованы из лексикона 1 ноября. “Распутин и К° выступают с такой наглостью, с которой не выступали раньше”, — скажет лидер блока в доказательство того, что на дѣлѣ мало что переизмѣнилось в правительственной политикѣ. Как на наиболѣе яркій примѣръ оратор укажет на освобождение банкира Рубинштейна, т. е. челоуѣка, обвиняшагося в государственной измѣнѣ*). В том же засѣданіи выступил и Керенскій, сравнившій тактику прогрессивнаго блока с подвигами Дон-Кихота, боровашагося с мельницами. Оратору не удалось развить своей мысли в противовѣс “либеральной философіи бездѣйствія”, как позже в демократических кругах с легкой руки Потресова именовалась эта тактика. Представитель трудовиков пытался сказать, что дѣло не в отдѣльных министрах, а в самой системѣ государственной власти, которую надо измѣнить. Предсѣдатель лишил его слова. Если Керенскій отвергал легковѣрные поиски “измѣны” вездѣ и всюду, то с упорной послѣдовательностью депутат с.-д. фракціи Чхенгели повторял в адрес

женное всеобщим полным недоуверіем... Гос. Дума и Гос. Совѣт, земства, города, сословія объединились в чувствѣ великой тревоги за Россію, историческая власть которой стала у края бездны. Наша внутренняя разруха растет с каждым днем, с каждым днем становится труднѣе организовать страну в уровень с великими требованіями, которыя к ней предъявляет война... Рѣшаются судьбы Россіи на многія поколѣнія, но не должно быть среди нас слабодушнаго унынія... Когда власть становится преградой на пути побѣды, отвѣтственность за судьбу родины должна принять на себя вся страна... Продолвольствіе, ставшее орудіем в руках темных сил, ведет Россію на край гибели и колеблет царскій трон. Должно быть создано правительство, достойное великаго народа в одну из величайших минут его исторіи... Пусть Гос. Дума в начатой ею рѣшительной борьбѣ, памятуя о своей великой отвѣтственности, оправдает тѣ ожиданія, с которыми к ней обращается вся страна, и пусть вся страна живет одной волей — спасти Россію. Время не терпит, истекают всѣ сроки и отсрочки, данные нам исторіей».

А вот резолюція городского съѣзда: «Гос. Дума раздвинула завѣсу, скрывающую от глаз страны постыдныя тайны, которыя охраняются режимом, губящим и позорящим Россію. Верхняя палата, оберегавшая старый порядок, в сознаніи своего долга перед страной, в тревогѣ за будущее Россіи присоединила свой голос к негодующему зову Гос. Думы: «Опомнитесь! Отечество в опасности!» В Россіи всѣм сословіям, всѣм классам, всякому единенію честных людей вполне ясно, что безотвѣтственные преступники, гонимые суевѣрным страхом, изувѣры, кощунственно произносящіе слова любви к Россіи — готовят ей пораженіе, позор и рабство... Жизнь государства потрясена в ея основах мѣропріятіями правительства, страна приведена к хозяйственной разрухѣ, питаніе арміи и населенія находится в критическом положеніи, а новыя мѣры правительства довершают разстройство и грозят соціальной анархіей. Вывод из настоящаго положенія, ведущаго Россію к несомнѣнной катастрофѣ, один — реорганизация власти, созданіе отвѣтственнаго министерства... Гос. Дума должна с неослабвующей энергіей и силой довести до конца свою борьбу с постыдным режимом. В этой борьбѣ вся Россія с нею... Союз городов призывает Гос. Думу выполнить свой долг и не расколоться до тѣх пор, пока основная задача — созданіе отвѣтственнаго министерства — не будет достигнута. Организованная страна должна поддержать Гос. Думу в ея борьбѣ за спасеніе Россіи».

*) Об этом пуфѣ будет сказано ниже. Ясно будет, как плохо были освѣдомлены и как мало разбирались в фактах парламентскіе трибуны.

прогрессивнаго блока: “если вы знаете, что власть — измѣнница, то с нею нельзя работать” и т. д.

Когда центр вниманія обращен на лица, в политической борьбѣ почти естественно начинают выдвигаться методы персональнаго дискредитированія обличаемаго лица. И здѣсь упрощенный аргумент “измѣна” становится самым мощным бичем для нанесенія удара противнику и наиболее доступным для воспріятія элементарной психологіей обывательской толщи, которая не будет разбираться в происхожденіи распространявшихся легенд, как в них, очевидно, не всегда разбирались и болѣе квалифицированные представители общественнаго мнѣнія*). Поэтому не приходится удивляться тому, что легенда о сепаратном мирѣ и о непосредственной измѣнѣ продолжала пожинать обильные плоды.

С прежней добросовѣстностью своего рода бытового политическаго фольклора французскій посол занесет в дневник рассказ друзей, пріѣхавших из Москвы и утверждавших, что в первопрестольной открыто говорят в салонах, магазинах и кофейнях о том, что “пѣмка” губит Россію, но с меньшей уже добросовѣстностью в качествѣ отвѣтственнаго дипломата не преминет еще раз повторить в депешѣ Бриану о нѣмецких интригах во дворцѣ. Столь же добросовѣстный лѣтописец придворный историограф ген. Дубенскій отмѣтит “драматичность” положенія, заключающуюся в том, что “Императрицу опредѣленно внять в глубочайшем потворствѣ нѣмцам и нѣмецким интересам”. К этому именно времени департамент полиціи относит усиленное распространеніе устных и рукописных “новостей”, подчас фантастических, воспроизводящих разныя бесѣды, бывшія и не бывшія, отвѣтственных общественных дѣятелей с представителями иностранных посольств, рѣчи депутатов и т. д. На этот своего рода фольклор, гдѣ домысел переплетался с нѣкоторой истиной, ссылаться, конечно, не приходится**), но он характерен, как показатель настроеній, как отмѣтка тѣх тем, которыя являлись общественной злобой дня. Всѣ подобныя слухи, как отмѣчает записка петербургскаго охраннаго отдѣленія, неизмѣнно пользуются “огромным успѣхом”, им больше вѣрят, чѣм подцензурным газетам, которыя не могут “сообщать правды”, тѣм болѣе, что эти слухи ползли из кулуаров Гос. Думы, являвшейся, по словам ея предсѣдателя, “корзинкой общественных новостей и отчасти сплетен”: “многое приходилось в одно ухо впускать, а в другое выпускать”. Так по одной хотящей версіи представители прогрессивнаго блока имѣли интимный разговор с пріѣхавшими на петербургскую конференцію членами союзнической делегаціи — в частности с ген. Ка-

*) В рѣчи, произнесенной в Думѣ 16 декабря, Милюков дѣлал крайне рискованный выпад против «правых», тѣх людей, которые «мыслятъ легендами и иначе мыслить не могут. Таков уровень их государственнаго пониманія». Оратор разумѣлъ тѣ «легенды о революціонности общественных организаціи, которыя вытѣснили прежнія легенды о революціонности евреевъ». Послѣднія двѣ легенды в значительной степени соответствовали дѣйствительности, что стало общепризнанным послѣ революціи, в то время как легенды, под влияніем которых находились погрессивно думавшіе, мало соответствовали реальности.

**) Чхеидзе пришлось специально опровергать в газетах текст своей непроизнесенной рѣчи, получившей широкое распространеніе в рукописных списках.

стельно. Депутат Некрасов заявил французскому генералу, что вся прогрессивная Россія не пойдет ни на какие компромиссы с Германіей, но что народные представители, от имени которых он выступает, не могут быть увѣрены в правительствѣ, которое еще не разсталось с германскими симпатіями и не склонно довести Германію до полного истощенія, боясь скорѣе побѣды союзников, нежели Германіи. Ка- стельно в отвѣтъ будто бы сказал, что французов не меньше волнует двусмысленное поведеніе правительства — слухи о борьбѣ придворных партій и темных вліяній, свѣдѣніями о которых переполнены столбцы заграничных газет, заставляють все время быть на сторожѣ, так как трудно допустить мысль, что эти слухи ни на чем не основаны... Французскій генерал сказал, что одновременно с Россіей Германія сдѣлала предложеніе сепаратнаго мира и Франціи, не скрывая, что в случаѣ заключенія такого мира рассчитывает получить компенсацію за счет Россіи. “Если ваше правительство, ослѣвленное германскими обѣщаніями или проникшееся жалостью родственников к Гогенцолер- нам, — заключил генерал, — захочет разрушить наш союз, то будьте увѣрены, что... мы не допустим ни у себя, ни у вас германской про- паганды и с вашей помощью, как делегатов націи, устраним все то, что может угрожать союзу”. Возможность подобной бесѣды имѣет ха- рактер нѣкотораго правдоподобія (не в деталях, конечно). Разговоры и встрѣчи в Петербургѣ произвели соответствующее впечатлѣніе на французскаго делегата: Пуанкаре послѣ бесѣды с ним в Парижѣ за- писал со слов генерала — в Россіи “революція в воздухѣ”.

Другая “версія” запоздало передавала бесѣду Бьюкена с Царем на тему о свѣдѣніях, проникших в нейтральную печать (вспомним “информацию” Грея), что в Россіи “главное направленіе политики перешло к партіи, являющейся сторонницей немедленнаго сепаратнаго мира с Германіей”. Бьюкенен требовал яснаго правительственнаго за- явленія о намѣреніи продолжать войну и доказательств, что декларация будет не только словом. Доказательство англійскій посол видѣл в по- сѣщеніи Англій Царицей с одной из дочерей*). До аудіенціи у Царя Бьюкенен бесѣдовал с Родзянко, который сказал ему, что фактов ни- каких нѣтъ, но в обществѣ не прекращают говорить о существованіи в придворных кругах партіи, стоящей за сепаратный мир и за сбли- женіе с Германіей, так как иначе Россію ждет англійское иго...

**
*

Параллельно росту оппозиціоннаго настроенія в обществѣ и рас- ползающимся слухам (они доходили до Царскаго даже в видѣ тѣх

*) В этом видѣли попытку осуществить проект «обезвредить и укротить» Валиде — под этим псевдонимом А. Ф. фигурировала в ин- тимной перепискѣ семьи Юсуповых (так называли А. Ф. крымскіе татары, что значило «мать народов»). Слух о возможности поѣздки А. Ф. в Англію из «высокаго источника» запротоколировал ген. Дубенскій, сын котораго был в дружественных отношеніях с в. кн. Дим. Павл. Подтвер- жденіе слуха можно найти и в дневникѣ Нарыцкиной, — правда, в той его части, которая подверглась своеобразной обработкѣ нѣмецкаго писа- теля: слѣдовательно неизвѣстно — не внес ли это подтвержденіе в «чу- жую тетрадь» уже от себя Ф. Мюллер.

апокрифов, о которых говорила записка деп. полиціи) выростало и раздраженіе А. Ф., и ея письма, как выразилась нѣсколько сильно Гиппиус, ставились “все бѣшеннѣ”.

4 декабря в состояніи сравнительнаго спокойствія (поскольку об этом спокойствіи можно говорить при перманентом возбужденіи в силу болѣзненной чувствительности нервной системы) А. Ф. писала: “Еще немного терпѣнія и глубочайшей вѣры в молитвы и помощь нашего Друга, и все пойдет хорошо. Я глубоко убѣждена, что близятся великіе и прекрасные дни твоего царствованія и существованія Россіи... только не поддавайся влияніям сплетен и писем*) — проходи мимо них, как мимо чего-то нечистаго, о чем лучше немедленно забыть. Мировало время великой снисходительности и мягкости — теперь наступило твое Царство воли и мощи. Они будут принуждены склониться перед тобой”. “Дѣла начинают налаживаться — сон нашего Друга так знаменателен”... “Я постоянно с тобой, принимаю во всем участіе — наступают хорошіе дни**), наступил поворот к свѣту” (5 дек.).

Постепенно это сознаніе смѣняется безпокойством за будущее — “Друг” сказал, что “пришла смута, которая должна была быть в Россіи во время войны или послѣ войны, и если наш (ты) не взял бы мѣсто Ник. Ник., то летѣл бы с престола теперь”. Отсюда истерически боевой тон послѣдующих писем. Царь должен проявить твердость воли для того, чтобы удержать, если не ускользающую власть, то власть, которую у него хотят вырвать. Если в 15 г. (6 сент.) А. Ф. скорѣе насмѣхается над “истерикой” “тети Ольги” (в. кн. Ольги Конст. — греческой), которая под влияніем атмосферы в “болотной столицѣ” “примчалась в отчаяніи к Павлу со словами, что революція уже началась, будет кровопролитіе, нас всѣх прогонят”, то в 16 г. (12 ноября) она сама уже подвержена этой истерикѣ и убѣждает мужа ни в каком случаѣ не уступать, ибо уступки означают то, что “нас самих” удалят***)... Это лейт-мотив всей декабрьской переписки, пренеполненной, как никогда, со сторуны А. Ф. самыми рѣзкими эпитетами в отношеніи тѣх, кого она считала своими врагами. В них нѣтъ и намека на то внѣшнее, по крайней мѣрѣ, христіанское смиреніе, с которым А. Ф. встрѣтила в 15 г. выступленіе Гурко, произнесшаго на земском съѣздѣ свой прославившійся двусмысленный афоризм о “хлыстѣ”; ея негодующее перо дышит скорѣе местию и угрозой. Она готова “спокойно и с чистой совѣстью” перед всей Россіей сослать Львова, Милукова, Гучкова и др. в Сибирь: “теперь война и в такое время внутренняя война есть высшая измѣна”. “Отчего ты не смотришь на это дѣло так, я, право, не могу понять. Я только женщина, но душа и мозг говорят мнѣ, что это было бы спасеніем Россіи...****). Глупец тот, кто хочет отвѣтственнаго министер-

*) «Если дорогая матушка станет тебѣ писать, помни, что за ея спиной стоят the Michels. Слава Богу, ея здѣсь нѣтъ, но добрые люди находят способы писать и пакостить».

**) «Было бы счастьем — отвѣчал Царь — если бы могли всегда быть вмѣстѣ в это трудное время. Но теперь я твердо вѣрю, что самое тяжелое позади, и что не будет уже так трудно, как раньше».

***) Б. директор департамента полиціи Васильев в своих воспоминаніях говорит, что о «революціи» А. Ф. говорила с ним на приемѣ 26 октября.

****) Впрочем к устрашеніям А. Ф., которыя подчас сопровождались сильными фигуральными выраженіями, нельзя относиться слишком серьез-

ства... Вспомни, даже М. Филипп сказал, что нельзя давать конституцію, так как это будет гибелью Россіи и твоей, и всё истинно-русскіе говорят то же... Знаю, что мучаю тебя... Но мой долг — долг жены, матери и матери Россіи обязывает меня говорить тебѣ — с благословенія нашего Друга... если бы ты встрѣтилъ врага в битвѣ, ты бы никогда не дрогнул и шел бы вперед, как лев! Будь же им и теперь в битвѣ против маленькой кучки негодяев и республиканцев! Будь властелином, и все преклонится перед тобой...*). Мы Богом поставлены на трон и должны сохранить его крѣпким и передать непоколебимымъ нашему сыну"... "Не страшись", — вспоминает в заключеніе своего пространнаго письма 14 декабря (и центрального в декабрьской перепискѣ, — сам Ник. Ал. назвал его "строгим письменнымъ выговоромъ") А. Ф. совѣтъ 107-лѣтней старицы Маріи Михайловны в Десятинскомъ новгородскомъ монастырѣ, который она перед тѣмъ посетила.

Хотя А. Ф. и писала 16 декабря, что личные нападки ее нисколько не беспокоят ("когда я была молода, я ужасно страдала от неправды, которую так часто говорили обо мнѣ (о, как часто!), но теперь мірскія дѣла не затрагивают меня глубоко — я говорю о гнусностях — все это когда-нибудь разъяснится"), в дѣйствительности эти нападки накладывали рѣзкій отпечаток на ея возбужденное состояніе. В основном ея помыслы и заботы сосредоточены на том общественномъ напорѣ, который она опредѣляла словами — "только не отвѣтственное министерство, на которомъ всё помѣшалось". Она настойчиво требует от мужа скорѣйшаго перерыва занятій Думы: "Поступи умно, вели распустить Думу" (8 дек.), "крикуны уговорятся — только распусти Думу поскорѣй на возможно болѣе долгій срок — вѣрь мнѣ — ты знаешь, что Треповъ флиртуетъ с Родзянкой. Это всѣмъ извѣстно, а от тебя онъ лукаво скрываетъ это из политики" (9 дек.). До А. Ф. дошло извѣстіе ("А. вчера видѣла Калинина. Онъ ей сказал"), что "Треповъ сговорился с Родзянкою распустить на рождественскіе каникулы Думу с 17 декабря по 8 января, чтобы депутаты не успѣли на праздники покинуть Петроград и чтобы можно было здѣсь держать ихъ в рукахъ". "Нашъ Другъ и Калинин, — продолжаетъ она, — умоляютъ тебя распустить Думу не позже 14-го по 1-е или даже 14 февраля, иначе тебѣ не будетъ покоя... В Думѣ они боятся только одного — продолжительнаго перерыва, а Треповъ намѣревается тебя поддѣть, говоря, что будетъ хуже, если эти люди разѣдутся по домамъ

но — это больше выпады в силу повышеннаго настроенія автора писемъ. В том же письмѣ она готова «повѣсить» Трепова за его «дурные совѣты» относительно Думы, а раньше Гучкову находила мѣсто только на «высокомъ деревѣ».

*) Перед тѣмъ в том же письмѣ А. Ф. высказывалась еще образнѣе: «Будь Петромъ Великимъ, Иваномъ Грознымъ, Императоромъ Павломъ — сокруши ихъ всѣх... не смѣйся... я страстно желала бы видѣть тебя такимъ в отношеніи къ этимъ людямъ, которые пытаются управлять тобой, тогда какъ должно быть наоборотъ». Исключеніе А. Ф. дѣлала только для себя и для «Друга», который живетъ для Царя и Россіи. «Богъ все ему открываетъ». «По чему меня ненавидишь?» — спрашивала она в одномъ изъ предыдущихъ писемъ — «потому что имъ извѣстно, что у меня сильная воля, и что, когда я убѣждена в правотѣ чего-нибудь (и если меня благословилъ Гр.), то я не мѣняю мнѣнія, и это невыносимо для них. Но это дурные люди».

и разнесут свои настроенія. Но наш Друг говорит, что никто не вѣрит депутатам, когда они поодиночкѣ у себя дома, они сильны лишь, когда собираются вмѣстѣ... Не слушай ни Гурко, ни Григ(оровича), если они станут тебя просить о коротком перерывѣ — они не вѣдают, что творят. Я бы не стала всего этого писать, если бы не боялась твоей мягкости и снисходительности, благодаря которым ты всегда готов уступить, если только тебя не поддерживают старая женушка, А(ня) и наш Друг; потому то лживые и дурные люди ненавидят наше влияніе (которое только к добру)... не прѣхать ли мнѣ к тебѣ на денек, чтобы придать тебѣ мужество и стойкость?.. Отправься к любимой иконѣ, наберись там рѣшимости и силы (перед свиданіем с Треповым). Постоянно помни о свидѣніи нашего Друга. Оно весьма знаменательно для тебя и всѣх наших" (мы не знаем о "свидѣніи", которое, очевидно, было в дни пребыванія Н. А. в Парском).

Свиданіе с Треповым в Ставкѣ состоялось 10 декабря... "Я с таким нетерпѣніем жду извѣстія (а у тебя нѣтъ времени писать) о твоём разговорѣ с этим ужасным Треповым", — писала А. Ф. 13 декабря: "Я читала в газетах, что он теперь сказал Родзянко, что Дума будет распущена 17-го до первой половины января... А я так просила сдѣлать это поскорѣе и на болѣе долгій срок! Слава Богу, что ты, по крайней мѣрѣ, не назначил числа в январѣ и можешь созвать их в февралѣ или совсѣм не созвать. Они не работают, а Трепов зангрявает с Родзянко. Всѣм извѣстно, что они по два раза в день встрѣчаются — это недостойно". В письмѣ от того же числа Царь объяснял, почему он принял такое рѣшеніе. "Ну, теперь о Треповѣ. Он был смирен и покорен и не затрагивал имени Прот.*). Вѣроятно, мое лицо было нелюбезно и жестоко**), так как он ерзал на своем стулѣ, — говорил об американской нотѣ, о Думѣ, о ближайшем будущем. Относительно Думы он изложил свой план — распустить ее 17 декабря и созвать 19 января, чтобы показать им и всей странѣ, что, несмотря на все сказанное ими, правительство желает работать вмѣстѣ. Если в январѣ они начнут путать и мутить, он собирается обрушить на них громы (он вкратцѣ рассказал мнѣ свою рѣчь) и окончательно закрыть Думу. Это может произойти на второй или третій день их новогодней сессіи! Послѣ этого он спросил меня, что думаю я. Я не отрицал логичности его плана, а также одного преимущества, бросившагося мнѣ в глаза, а именно, что, если бы все случилось, как он думает, мы избавились бы от Думы недѣли на двѣ или на три раньше, чѣм я сначала думал... Итак я одобрил этот план, но взял с него торжественное обещаніе держаться его и довести до конца. Я на-

*) А. Ф. сообщила мужу, что Трепов передал двоюор. брату Протопопова — Ламсдорфу, что будет настаивать на отставкѣ Протопопова. «Оставь, оставь его» — убѣждала жена. — «Держись своего рѣшенія — не поддавайся... Прикажи Трепову с ним работать. Он не смѣет противиться приказу, прикрики на него... Посмотри на их лица... Трепов и Протопопов, развѣ не очевидно, что лицо этого послѣдняго чище, честнѣе и правдивѣе... Как можно колебаться между этим простым, честным человѣком, который горячо нас любит, и Треповым, которому мы не можем довѣрять, ни уважать, ни любить, а наоборот. Будь тверд с Треповым, как кремень, и держись Калинина, вѣрнаго друга». (8 дек.).

**) «Я намѣрен быть твердым, рѣзким и нелюбезным» (даже «ядовитым») — писал Н. А. перед аудіенціей.

рочно пошел помолиться перед иконой Божьей Матери до этого разговора”.

А. Ф. не удовлетворило полученное объяснение: “Тр. поступил очень неправильно, отсрочив Думу с тѣм, чтобы созвать ее в началѣ января, в результатѣ чего никто (Родз. и всѣ, на кого они рассчитывают) не поѣдет домой, и всѣ останутся, и в Петроградѣ все будет бродить и кипѣть. Он пришел к тебѣ со смиреніем, надѣясь этим добиться успѣха. Если бы он кричал, по обыкновенію, ты бы разсердился и не согласился... у них теперь есть время дѣлать гадости... Как хочешь, Трепов ведет себя теперь, как измѣнник, и лукав, как кошка, — не вѣрь ему, он сговаривается во всем с Родз., это слишком хорошо извѣстно”. Как “контраст” голосу “общества или Думы” А. Ф. противопоставляет телеграммы от “Союза Русскаго Народа”: “одни — гнилое, слабое, безнравственное общество, другіе — здоровые, благомыслящіе, преданные подданные — их то и надо слушать, их голос — голос Россіи. Так ясно видно, гдѣ правда; они знают, что Думу слѣдует закрыть, а Тр. не хочет слушать... Если бы мнѣ только заполучить тебя сюда, все сразу же стало бы тише, а если бы ты вернулся, как просил Гр., через 5 дней, ты бы привел все в порядок”...

Из переписки легко усматривается, как дискредитирует А. Ф. в глазах мужа авторитет “живаго” Трепова. Симпатіей ея он не пользовался с самаго назначенія своего на пост премьера. Враждебность усилилась в силу ложнаго шага, который сдѣлал Трепов, пытавшійся обезвредить Распутина путем подкуна, — по его собственным словам, он “поставил “на банк” на одну карту”... “От Вадмаева я узнал, — показывал Протопопов в Чр. Сл. Ком., — что Трепов предлагал Распутину 150 тыс. руб., чтобы очернить меня перед Царем и убрать. Я спросил Распутина... правда ли это? Он отвѣтил: “Ну, что об этом говорить”. Я понял, что это была дѣйствительно правда”... Версію Протопопова почти цѣликом подтвердил в воспоминаніях б. нач. канцеляріи министра Двора Мосолов, пытавшійся выполнить деликатное порученіе Трепова, с которым находился в родственных отношеніях. С Распутиным Мосолов еще раньше вошел в сношенія через посредство жены своего друга фл.-ад. кн. Мдивани*). К нему и обратился поэтому Трепов: “Как мнѣ это ну противно, и какія бы это ни могло имѣть послѣдствія для меня лично и для дѣла, я на это иду; так мнѣ важно, чтобы отставка Протопопова была у меня на руках”**). Трепов просил передать Распутину, что обезпечивает его “житье в Петербургѣ с уплатой его расходов на квартиру и содержаніе домашняго хозяйства, с той охраной, которая ему нужна для его личной безопасности, и 200 тыс. руб. одновременно. если Протопопов будет уволен”. За это Трепов требовал, чтобы Распутин “не вмѣшивался в назначеніе министров”... Относительно духовенства, если Распутин “будет настаивать”, Трепов общался “в это не вмѣшиваться”... Трепов не желал, чтобы Распутин к нему являлся, а “если что нужно”, “мелкія пре-

*) Мосолов рассказывает, что он доложил об этом своему шефу Фредериксу: «тот не только не принял это плохо, но напротив обрадовался, рассчитывая, что мнѣ удобнѣе будет быть в курсѣ вліянія старца на Их Величества».

**) Этот указ — рассказывал впоследствии ген. Гурко Мосолову — был уже подписан, но в послѣднюю минуту Царь оставил его у себя.

тензи́н”, то это будет дѣлаться через Мосолова. Все сказанное посредник за очередной бутылкой мадеры на Гороховой передал “старцу”. Не успѣл он договорить, как тот “поблѣднѣл. Глаза его стали злющими, почти совсѣм бѣлыми и сказал: “здѣсь я значит не нужен... Ты думаешь, что мама и папа это позволят? Мнѣ денег не нужно”. Посредник в первую минуту “ошѣшил” и предпочел обратиться к спасительной влагѣ. “Выпили двѣ бутылки”, но Распутин “не хмелѣл”. “Я все же довел его до того, — вспоминает Мосолов, — что он сказал, что пошлет телеграмму папѣ, попросив выслать Трепову подписанный указ. Но Распутин не захотѣл при мнѣ ее написать. Я понялъ, что он напишет обратное”.

Миссія Мосолова потерпѣла фіаско, и с этих пор “старец” сдѣлался рыаным противником Трепова. Царская переписка не отразила рассказаннаго эпизода, но едва ли приходится сомнѣваться, что он через “Аню” был доведен до свѣдѣнія высших сфер. По словам Манасевича-Мануйлова, Распутин сам сказал об этом Царю. Безкорыстіе, проявленное “Другом”, лишь усилило его и так уже непререкаемый авторитет, подчеркнуло “лживость” Трепова и рикошетом окончательно реабилитировало Протопопова. При таких условіях не трудно было убѣдить Царя разстаться с премьером, выбранным им послѣ ноябрьскаго думскаго “скандала”, объектом котораго был Штюрмер. 14 декабря, в тот же день, как получен был из Царскаго “строгий письменный выговор”, который муж читал “с улыбкой”, потому что с ним жена говорила, “как с ребенком”, Ник. Ал. писал: “Противно имѣть дѣло с человѣком, котораго не любишь и которому не доврѣяешь, как Треп. Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом вытолкать его — послѣ того, как он сдѣлает грязную работу. Я подразумеваю — дать ему отставку, когда он закроет Думу. Пусть вся отвѣтственность и всѣ затрудненія падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его мѣсто”.

Уход Трепова с правительственнаго небосклона был предрѣшен — одновременно вновь восходила и звѣзда Протопопова. 15 декабря А. Ф. писала: “Наш Друг говорит, что Калинин теперь должен выздоровѣть. Почему ты сдѣлал его не М. В. Д., а Исп. Д. (моя мысль?” *). Царь отвѣчал: “На-днях приказал Воейк. телеграфировать Кал(инину) мое желаніе ему выздоровѣть. Да, я тоже нахожу, что хорошо его утвердить и сдѣлать министром”. Отставка Трепова психологически болѣе сложна, чѣм она представлялась Родзянко в показаніях перед Чр. Сл. Ком. Припомним, он говорил: “у нас (т. е. у Думы) уже были отношенія налажены и через него, может быть, мы получили бы отвѣтственное министерство, но так как об этом прослышали, то его сейчас же изгнали, и сѣл Протопопов”. Эту налаженность до чрезвычайности, по обыкновенію, увеличивала А. Ф. в перепискѣ, но в той же степени преувеличил и Родзянко в показаніях. Не вникая в двойную политическую игру, которую вел Трепов, и которая была довольно далека по существу от путей, ведущих к “отвѣтственному министерству” (проект, изложенный Царю, разгона оппозиціонной Думы в новогодней сессіи, проект назначенія на мѣсто Протопопова мин. вн. д. Шаховскаго, котораго Родзянко считал оплотом всѣх реакціонных начинаній пра-

*) Не министром, а исполняющим должность.

вительства), можно сказать, что своим копромиссом (двойственность его чутко угадывала А. Ф.), не сумѣл заполнить рва, отдѣлявшаго верховную власть от общества. Въ воли премьера было уже то, что разрыв лишь углублялся и начинал захватывать даже слон, совершенно чуждые оппозиціонной Думѣ.

**
*

Центром общественнаго вниманія дѣлалось не только зловерное вліяніе Императрицы — “сумасшедшей нѣмки”, по выраженію жены Родзянко, но и непригодность слабовольнаго Императора. “Неужели бабушка (т. е. Имп. М. Ф.) не пріѣдет постараться чего-нибудь добиться”, — пишет Родзянко своей сестрѣ Юсуповой: “Он совсѣм забитый, ни на что не реагирует, а она и ея агент — тоже сумасшедшій Пр. губят всѣх нас” (письмо написано уже послѣ убійства Распутина*). Как ни велико было вліяніе А. Ф. на мужа, все же далеко нельзя присоединиться к выводу англійскаго посла, что “фактически” Россіей управляла Алек. Фед. Опроверженіе этого утвержденія можно легко найти в разсѣянных выше данных. Вот еще одна характерная мелочь, свидѣтельствующая, что А. Ф. самостоятельно не выступала даже тогда, когда совѣт и согласіе Царя могли имѣть второстепенное значеніе: 15 декабря она, напр., запрашивает мужа — “Дубровин просит меня принять его — можно ли нѣтъ?” Тезу Бюкенена в литературѣ поддержал Керенскій, при чем с теченіем времени в его воспоминаніях усиливается квалифікація роли, которую играла А. Ф. Если в своей “Révolution” Керенскій, повторяя только слова Бюкенена, говорит, что Императрица фактически управляла Россіей в послѣдніе мѣсяцы монархіи (для него это несомнѣнно — “il est certain dans ce cas”), то в “Vérité” эта гиперболла**) доходит до утвержденія, что А. Ф. в дѣйствительности была уже “Екатериной II”, так как в силу секретнаго указа Царя была назначена скрытой (virtuellement) регентшей. Откуда почерпнул автор такіа свѣдѣнія? — в опубликованных до настоящаго времени документальных данных нѣтъ и намека на нѣчто подобное, если не считать предположеній, рождающихся в “тайниках души” (о них см. ниже главу “зеленые”). Политическія взаимоотношенія императорской четы опредѣлялись не только сильной и слабой волей, но еще в большей степени дружеской связью супругов и почти полной их идеологической солидарностью***). Мы видѣли, как сочувственно отнесся Царь

*) Сама «бабушка», как это можно усмотрѣть из записи, сдѣланной ген. Дубенским со слов состоящаго при М. Ф. Шервашидзе, обезпokoенная уготованной сыну судьбой Павла, выражала надежду, что А. Ф., может быть, сойдет окончательно с ума, пойдет в монастырь или вообще пропадет».

**) В сущности источником ея, как видно из записи Палеолога, был отставленный мин. ин. д. Сазонов.

***) Еще будучи невѣстой Аліса Гессенская записала в дневник своего жениха: «Есть нѣчто чудесное в любви двух душ, которыя воедино сливаются и которыя ни единую мысль друг от друга не таят... «В наших сердцах будет всегда пѣть любовь» — писала «вѣрный спицбуб» своему возлюбленному лаусбубу». И надо сказать, что это завѣтное «счастье» они сумѣли пронести через всю свою жизнь.

послѣ принятія поста верховнаго главнокомандующаго, вызвавшаго его отъѣзды из Царскаго в Ставку, к вмѣшательству А. Ф. в государственныя дѣла. Через год ничего не измѣнилось. И когда А. Ф. писала 14 августа, что “наш Друг постоянно совѣтует Шт. говорить со мной обо всем, так как тебя здѣсь нѣтъ, для совмѣстныхъ обсужденій с нимъ всѣхъ вопросов. Меня трогает, что старик довѣряетъ твоей старухѣ”, Царь ей отвѣчал 23-24 сент.: “На твоей обязанности лежитъ поддерживать согласіе среди министров. Я такъ счастливъ, что ты нашла себѣ подходящее дѣло... Ты дѣйствительно мнѣ сильно можешь, если будешь говорить съ министрами и слѣдить за ними”... Вѣроятно, в этотъ моментъ Николай II не допускалъ и мысли, что онъ совершаетъ неконституціонный актъ. Онъ отнюдь не былъ “манекеномъ”, который подписывалъ то, что ему давали. Онъ даже раздражался иногда на свое “Солнышко”, когда та при свойственной ей измѣчивости склонялась къ иному рѣшенію, чѣмъ то, которое было принято “по взаимному обсужденію” и соглашенію. “Невыносимо”, — писалъ мужъ женѣ 14 іюля 16 г. по поводу предложенія А. Ф. отложить назначеніе проф. Рейна министромъ здравоохраненія до окончанія войны*), — “не могу мѣнять своихъ точекъ зрѣнія каждыя два мѣсяца”.

Совершенно естественно, что мысль о необходимости обезвредить и укротить “Валиде”, о чемъ такъ опредѣленно твердила в своихъ ноябрьскихъ письмахъ жена московскаго Юсупова, расширяется в общественномъ сознаніи в проблему о необходимости “ликвидировать” такъ или иначе “пагубное вліяніе” обоихъ носителей верховной власти: “Никогда Россія не видѣла такихъ черныхъ дней и такихъ недостойныхъ представителей монархизма, — писала жена Родзянко 19 декабря своей постоянной корреспонденткѣ Юсуповой. “Теперь ясно, — писала она уже конкретнѣе черезъ два мѣсяца (12 февраля), — что не одна А. Ф. виновата во всемъ, онъ, какъ русскій царь, еще болѣе преступен”. Юсупова-мать и в ноябрьскихъ письмахъ къ сыну наряду съ укрощеніемъ “Валиде” ставитъ вопросъ о необходимости “сократить” и “управляющаго”, т. е. Николая II. Такъ 25 ноября по поводу думскихъ рѣчей и “всего, что произошло”, она пишетъ: “... все, что я говорила вотъ уже два года, встрѣчается слово в слово в этихъ рѣчахъ и общее теченіе событій идетъ, какъ я предсказывала, точь в точь, когда мнѣ говорили, что я преувеличиваю, и что все это разберется послѣ войны! Они тогда понять не хотѣли, что война задерживается и мѣняетъ свой курсъ благодаря этимъ событіямъ. Этого тоже не хотѣлъ понять Мелѣвѣдъ (т. е. Родзянко) и смотрѣлъ на мои слова, какъ на бабья сказки! Теперь поздно, безъ скандала не обойтись, а тогда (т. е. в дни верховнаго командованія в. кн. Н. Н.) можно было все спасти, *требуя удаленія “управляющаго” на все время войны* и невмѣшательства Валиде в государственныя вопросы. И теперь я повторяю, что, пока эти два вопроса не будутъ ликвидированы, *ничего не выйдетъ мирнымъ путемъ*. скажи это дядѣ Мишѣ (т. е. Родзянко) отъ меня”.

Эти настроенія, захватывая великокняжескую семью, великосвѣтское общество, думскіе и общественные круги, переносятся в военную

*) Созданію министерства здравоохраненія во главѣ с Рейномъ противилась Гос. Дума. Маклаковъ пишетъ, что онъ никогда не могъ понять причины этой рѣзкой оппозиціи.

среду и находят отклик на фронтѣ. Та же Родзянко передает своей сестрѣ (в февральском письмѣ) со слов бывшаго у нея “офицера с фронта”, что настроеніе в войсках теперь возбужденное против их обоих, как никогда”. “Глушые”, по мнѣнію А. Ф., разговоры об отвѣтственном министерствѣ отступают на второй план, ибо бесполезно предаваться “иллюзіям” о возможности дальнѣйших попыток “наладить совмѣстную работу с настоящей властью” (из декабрьской рѣчи кн. Львова). От “призраков” надо отвернуться. Как характерно, что и стоящій как бы виѣ политики кн. Сер. Волконскій, творец науки о “законах рѣчи”, пишет из деревни своему брату, бывшему члену думскаго президіума, все еще остававшемуся тов. мин. вн. д.: “Тебѣ пора переѣзжать: в квартирѣ воняет и ремонтировать нельзя” *).

Простотатый, по прямой и искренней человекъ, ген. Шуваев, покидая пост военнаго министра, пріѣхал к Протопопову, и между ними произошел такой діалог. “Он сказал рѣзко, — показывал Протопопов в Чр. Сл. Ком.: “А. Д., уходите, вот что”. “Я отвѣтил, обиженный его тоном: “Что такое? Уйду, когда Царь мнѣ это скажет; почему уйти?” — “Вы погибнете” — “Всѣ мы погибнем! Д. С., это Божья воля”. Он заплакал” **).

Надвигалась полоса других разговоров — о “дворцовом переворотѣ”, когда в Петербургѣ, по свидѣтельству Маклакова, стал ходячим афоризм: “есть только одно средство спасти монархію, это устранить монарха”, когда даже Тиханович из далекой Астрахани писал самому носителю верховной власти: “раздаются голоса об удаленіи Царя”, “громко упоминается имя Павла”. Как нельзя ярче эту заговорщическую словесность можно передать воспоминаніем Бьюкенена о том, что происходило в январѣ на одном из обѣдов в англійском посольствѣ: “один мой пріятель, занимавшій высокій пост в правительствѣ, заявил, что вопрос заключается лишь в том, убьют ли и Государя и Государыню или только послѣднюю”. Секретарь французскаго посла гр. Шамбрэн, описывая знаменательный завтрак у вел. кн. Мар. Пав. 29 декабря (о нем приходилось уже упоминать), рисует совершенно исключительную обстановку: хозяева неожиданно оставляют гостей, удаляются в сосѣднюю комнату, и впечатлительному французу мерещится прячущійся там в. кн. Ник. Мих., который дѣлает столь выразительные жесты, что автор “писем к невѣстѣ” картинно воображает себѣ драму, разыгравшуюся в давно прошедшія времена в спальнѣ имп. Павла I... Разговоры приняли и нѣкоторое реальное очертаніе в проектах “доморопченных юань-шикаев”, по выраженію записки деп. полиціи, которая довольно вѣрно в сущности опредѣлила психологическую цѣль заговорщических дѣйствій — “спасти Россію от революціи и по-

*) А. Ф. в письмѣ 16 дек. отмѣтила перемѣну в отношеніи кн. В. М. Волконскаго к царской семьѣ: «Вчера вечером у Ольги был комитет... Володя Волк., у котораго всегда бывает для нея в запасѣ улыбка, избѣгал ея взгляда и ни разу ей не улынулся — видишь, как наша дѣвочка научилась наблюдать людей и их лица».

**) В Комиссіи Протопопов соединил посѣщеніе Шуваева с дѣлом «нѣмецкаго агента» Пиррена, находившагося в сношеніях с министром (об этом скорѣе комическом дѣлѣ см. ниже), и пояснил: «так понимаю, что он хотѣл меня предупредить — избавить от бѣды, которую творю, не видя».

зорнаго мира". Эти планы, рождавшіеся не только в раскаленной атмосферѣ тыла (вспомним появленіе в салонѣ предсѣдателя Думы пріѣхавшаго с фронта боевого ген. Крымова, закончившаго, по словам Родзянко, при общем сочувствіи свой доклад приблизительно так: "переворот неизбежен и на фронтѣ это чувствуют. Если вы рѣшитесь на эту крайнюю мѣру, то мы вас поддержим"), изложены мною с возможной фактической полнотой в книгѣ "На путяхъ къ дворцовому перевороту" *).

II. — УБИЙСТВО РАСПУТИНА.

Первымъ предвозвѣстникомъ назрѣвавшихъ событій явилось устраненіе знаменитаго "старца". Тотъ, кто прочтетъ "Записки" вел. князя Николая Михайловича и познакомится с его наблюденіями надъ "эстетиками", инсценировавшими 16 декабря "средневѣковое убійство" в особнякѣ на Мойкѣ, с нѣкоторымъ скепсисомъ отнесется к ходульному пафосу в воспоминаніяхъ Юсупова, озаглавленныхъ "Конецъ Распутина", к воспоминаніямъ, на которыхъ слишкомъ явно сказалось непосредственное вліяніе существовавшей уже к моменту ихъ опубликованія литературы**). Нельзя не признать, что к субъективнымъ заключеніямъ Ник. Мих. приходится относиться с осторожностью: ему было свойственно "зло болтать", какъ выразился в дневникѣ вел. князь Константинъ Константиновичъ (поэт). Самъ про себя Ник. Мих. написалъ однажды Царю: "языкъ мой безъ костей", — перо историка в интимномъ дневникѣ подчасъ грѣшитъ тѣми же свойствами. Оставимъ поэтому в сторонѣ явленія "плотской страсти", которыя авторъ дневника относитъ в область "садизма", и которыя, по его мнѣнію, объясняютъ "изступленіе" убійцы передъ трупомъ своей жертвы. Едва ли можно послѣдовать и за нѣмецкимъ писателемъ Ф. Мюллеромъ и основной мотивъ преступленія увидѣть только в извращенной преступности "эстета". Несомнѣнно: убійство, задуманное с призывомъ "благословенія Божьяго" (Ник. Мих. отмѣчаетъ, со словъ главнаго убійцы, что тотъ долго молился в одиночествѣ в Казанскомъ соборѣ), протекло в обстановкѣ чрезвычайно поверхностнаго отношенія к грѣховности совершеннаго акта. Письма, которыя пишутся современниками, нерѣдко нарушаютъ цѣлостность позднѣйшей концепціи мемуаристовъ. Такъ случилось и в данномъ случаѣ, и эта внѣшняя аморальность убійцъ такъ поразила в свое время Ник. Мих., что онъ записалъ: "Мнѣ кажется, что онъ (Феликсъ) кандидатъ на сумасшествіе в будущемъ"***). И при всемъ томъ, нельзя конечно, устранить ту принципиальную сторону, о которой говорилъ

*) Новый историческій матеріалъ, подтверждающій то, что тамъ было описано, давалъ бы возможность нѣсколько расширить конкретныя рамки изложенія.

***) 2 янв. 17 г. Юсуповъ изъ имѣнія «Ракитино», куда былъ высланъ, писалъ своей тещѣ, в. кн. Ксеніи Алек.: «Я пишу свои записки и теперь ими совершенно поглощенъ». Совершенно очевидно, что опубликованное литературное произведеніе, которое должно обосновать творимую «легенду» (такъ назвалъ Маклаковъ), не идентично с записями 17 г.

****) Не противорѣчатъ ли этимъ сужденіямъ в дневникѣ Ник. Мих. дошедшія до насъ телеграммы, адресованныя имъ черезъ день послѣ убійства Юсупову-отцу: здѣсь онъ отмѣчалъ, что убійца «спокоен, выдержанъ» и производитъ «отличное впечатлѣніе».

Юсупов в декабрьском письмѣ к матери: “Все, что тут происходит, это такой сплошной ужас, и долго длиться не может”. Так же определенно объяснял свое “сознательное и продуманное участие в убійствѣ” другой участник акта, вел. кн. Дмитрій Павлович, в письмѣ к отцу, 14 января: “Во время такого страшнаго испытанія, каким является война для Россіи, она, наша родина, не могла быть управляема ставленниками по безграмотным запискам какого-то конокрада, грязнаго и распутнаго мужика. Пора было очнуться от этого кошмара, пора было увидѣть луч чистаго свѣта”. Тѣ, кто сдѣлали “это дѣло”, были людьми, которые “искренно, горячо, страстно любят Россію, свою родину”.

В нѣсколько повышенных тонах в письмѣ к вел. княгинѣ Ксеніи Александровнѣ Юсупов так характеризовал содѣянное, упоминая о себѣ в третьем лицѣ: “Я могу определенно сказать, что он не убійца, а был орудіем Провидѣнія, которое дало ему ту непонятную нечеловѣческую силу и спокойствіе духа, которыя помогли ему исполнить свой долг перед родиной и Царем, уничтожив ту злую дьявольскую силу, бывшую позором Россіи и всего міра, и перед которой до сих пор всѣ были бессильны”. Депутат Думы Маклаков, косвенно оказавшійся замѣшанным в подготовительную стадію средневѣковой сцены, которая разыгралась в ночь на 17-ое декабря в Юсуповском особнякѣ, и выступившій с критикой “легенды”, сотворенной воспоминаніями Юсупова и Пуришкевича, поскольку она касалась активной роли Думскаго депутата, подробно рассказал о первом своем свиданіи с Юсуповым. Маклаков подчеркивает, что оно было “двумя недѣлями раньше” “знаменитой” рѣчи Пуришкевича в Гос. Думѣ 19 ноября, послужившей поводом обращенія к Пуришкевичу Юсупова*). Бесѣда эта, в изложеніи мемуариста, заявляющаго, что он “лучше” за-

*) Обличительную рѣчь Пуришкевича, на три четверти посвященную «нѣмецкому засилью», отсутствію должной борьбы с ним и мерещившимся депутату повсюду нѣмецким агентам, мы можем воспроизвести только по газетным отчетам. Рѣчь, по словам Юсуповой-матери, произвела «потрясающее впечатлѣніе» — именно тѣм, что произнес ее монархист Пуришкевич... «Вопрос о Распутинѣ был поставлен этой рѣчью так остро, — вспоминает Маклаков, — как его до тѣх пор не ставил никто». В цензурированном отчетѣ вообще нѣтъ упоминанія о Распутинѣ. В заключеніи своего оборваннаго в отчетѣ слова, дважды прерваннаго председателем, Пуришкевич, обращаясь к Совѣту министров, сказал: «если у министров долг выше карьеры... то идите и скорѣе заявите, что дальше так жить нельзя... Это — не бойкот власти, это — долг ваш перед Государем. Если вы вѣрношоданные — если слава Россіи и ея мощь, будущая неприкосновенность, связанная с величіем царскаго имени, вам дороги, ступайте туда, в царскую Ставку, киньтесь в ноги Государю и просите Царя позволить раскрыть глаза на ужасную дѣйствительность... Да не будут вершителями исторических судеб Россіи люди, выпѣтованные на нѣмецкія деньги... Да исчезнут с нашего государственнаго горизонта и Андронниковы, и Варнавы, и Мардарѣи и Манусевичи, всѣ тѣ господа, которые составляют позор русской жизни. Я знаю и чувствую, что мои слова говорят сейчас вся Россія без различія партій и направленій, Россія, желающая счастья Царю, Церкви и всему народу, Россія безкорыстная, не способная говорить холопским языком, но честно несущая к подножію трона слова горькой и неприкрашенной правды во имя блага страны и народа, Россія, етоящая на стражѣ своих великодержавныхъ задач, не способная мириться с картиной государственной разрухи, учиняемой взлетѣвшими к верхамъ власти продажными элементами из среды правящихъ классов».

помнил ее сущность, сводилась ж оцѣнкѣ роли, которую играл Распутин при Дворѣ в силу того, что обладал “сверхестественной силой” вліянія. Как спец по “окультизму”, Юсупов увѣрял, что такое исключительное “магнетическое” вліяніе встрѣчается “раз в сотни лѣтъ”. Свой вывод Юсупов формулировал словами, которыя “очень запомнились” Маклакову: “Если убить сегодня Распутина, через двѣ недѣли Императрицу придется помѣстить в больницу для душевно-больных. Ея душевное равновѣсіе исключительно держится на Распутинѣ; оно развалится тотчас, как только его не станет. А когда Император освободится от вліянія Распутина и своей жены, все переменится: он сдѣлается хорошим конституціонным монархом” *). Юсупов, принадлежавшій “почти к царской фамилии”, не предлагал себя на роль убійцы, ибо его участіе было бы равносильно “почти революціи”. На Маклакова произвело впечатлѣніе, что “странный приход” к нему Юсупова означал попытку найти ход к “революціонерам”, которые должны схватиться за эту мысль. Разочарованный депутатом, по мнѣнію котораго “революціонеры” не только не будут содѣйствовать уничтоженію своего “лучшаго союзника”, но, скорѣе, помѣшают замыслу**), Юсупов “тотчас предложил другой план: можно найти человѣка, который сдѣлает это просто за деньги”. Подобныя слова “оттолкнули” Маклакова от “нанимателя убійц”. Однако, ему все-таки стало “жалко... неопытности” юноши, который подвергался большой опасности, “носясь по Петербургу с подобным планом”***). Отвращая Юсупова от возможнаго шантажа со стороны какого-нибудь негодая, Маклаков согласился “предостеречь” его и в будущем от “ненужных ошибок”, в случаѣ, если организатор убійства возьмет весь риск совершенія акта устраненія Распутина лично на себя. Такими функціями совѣтника и ограничился знаме-

*) Юсупов, как «очевидец», говорил своему собесѣднику, что порой Император «буквально прятался от Распутина» — «зная, что отказать ему... он будет не в состояніи». В дѣйствительности Юсупов повторял лишь то, что говорили старшіе. Развитая им перед Маклаковым аргументація цѣлком совпадает с тѣм, что говорили в своих письмах мать и тетка.

**) Распутин вредил монархіи «больше, чѣм сто революціонных прокламацій» — утверждал в Ч. Сл. Ком. 6. мин. вн. д. Хвостов. В подтвержденіе правильности своего тогдашняго заключенія Маклаков приводит реплику Керенскаго, поданную послѣдним в разговорѣ с ним (послѣ выступленія лидера трудовиков с думской трибуны с осужденіем убійства «частных лиц»: «Когда я удивился, — пишет мемуарист, — что он, социалист-революціонер, показывал себя таким противником насильственных мѣр, Керенскій сказал: «развѣ вы не понимаете, что это убійство укрѣпляет монархію».

***) План этот, несомнѣнно, был навѣян письмом матери, которая весьма настойчиво внушала сыну, что «ничего сдѣлать нельзя», пока «книга не будет уничтожена». Под «книгой» в письмах, отправляемых лутем, который «цензуры не боится», подразумевался Распутин. Мысль о насильственном устраненіи вообще была популярна в нѣкоторых правых кругах: Белецкій утверждал в показаніях, что на эту тему с ним говорили — Марков 2-ой, Замысловскій, Ширинскій-Шахматов, и даже дворцовый комендант Воейков. С августовскаго кризиса Распутин получил не мало анонимных писем с угрозою расправиться с разных сторон. До нас дошло, напр., одно из таких предупрежденій, помѣченное 19 сентября 15 г.: в нем говорилось о 10 человѣках, на которых пал жребій убить старца, если не будет отвѣтственнаго министерства.

нитый адвокат в последующих (“еще не один раз”) свиданиях с Юсуповым*). Он “всецѣло раздѣлял” желаніе Юсупова сдѣлать так, чтобы убійцы обнаружены не были.. Подобный процесс “да еще во время войны, так всколыхнул бы страсти, что ради спокойствія Россіи того было необходимо избѣжать; иначе убійство дѣйствительно могло стать прологом к революціи. Не менѣе невозможной казалась и явная безнаказанность убійц; это явилось бы новым соблазном, и, пожалуй, не лучшим. Единственным выходом было сдѣлать так, чтобы убійцы не были найдены... Надо было для этого отказаться от искушенія разыграть роль героев, и, во имя интересов Россіи, замести слѣды своего участія в дѣлѣ, хотя бы для этого пришлось пуститься на симуляцію и обман. Без этого — убійство теряло бы смысл, а, слѣдовательно, и всякое оправданіе”**).

Под влияніем ли слов Маклакова или под впечатлѣніем думских рѣчей 19 ноября, у Юсупова создалось то настроеніе, которое вылилось у него в письмѣ къ женѣ. Содержанія этого письма мы не знаем, но вот непосредственный отклик на него со стороны жены 25 ноября: “Благодарю тебя за твое сумасшедшее письмо. Я половину не поняла. Вижу, что ты собираешься сдѣлать что-то дикое. Пожалуйста, будь осторожен и не суйся в разныя грязныя исторіи. Главное — гадость, что ты рѣшил все без меня, это дикое свинство... Одним словом будь осторожен. Вижу по твоему письму, что ты в *диком энтузіазмѣ* и готов лѣзть на стѣну... Чтобы без меня ничего не смѣл дѣлать...” “Примитивный” план убійства, несмотря на “разумные совѣты” Маклакова, ужасавшагося “непрактичностью кн. Юсупова” и пытавшагося парализовать “безпомощность” организаторов в разработкѣ вариантов сокрытія преступленія, заравѣ памѣтив продуманную систему объясненія и придав ей вид “правдоподобія” — остался до крайности наивным, поскольку имѣлось в виду “загадочной” смерти старца “поразить народное воображеніе” и приписать ее “тайнственному мстителю”. Помимо всего, слишком много людей уже знало о том, что должно было произойти в особнякѣ на Мойкѣ. Знали об этом не только

*) Позиція «думскаго златоуста» остается непонятной, ибо он подчеркивает, что не принадлежал к числу тѣх, кто «придавал распутинскому влиянію так много значенія» — видѣл в Распутинѣ «симптом, а не причину болѣзни» и никогда ни одним намеком не коснулся в Думѣ Распутина.

**) «Разумные совѣты» Маклакова, облеченные подчас в форму юридической софистики, шли очень далеко. Маклаков опровергает в своих критических поясненіях разсказ Юсупова о «каучуковой палкѣ», которую он дал по собственной инициативѣ «на всякій случай», но подтверждает, что дал, по просьбѣ Юсупова, лежавшій у него «всегда на письменном столѣ свинцовый кистень» — орудіе, которым можно было бы покончить с челоувѣком без шума и без улик (поясненія Маклакова Юсупову). В день покушенія Маклаков согласился, хотя это и было ему «глубоко неприятно», но отказать ему казалось «нелогичным», быть «под рукою» убійц и даже прѣхать в случаѣ надобности на Мойку в «военной формѣ, чтобы обратить на себя меньше вниманія». Это не понадобилось, так как организаторы убійства сочли, что прикосновеніе к заговору «кадета» даст всему предпріятію «превратное освѣщеніе»: «пусть убійство Распутина останется дѣлом истинных и преданных монархистов». Аргумент Маклакову показался «основательным», и совѣтник поѣхал в Москву читать в Юрид. Обществѣ доклад о крестьянских правах, согласившись с Пуришкевичем, который передал ему рѣшеніе заговорщиков, что они уведомят его условной телеграммой — «когда возвращаетесь» — в случаѣ удачи.

непосредственные участники организации акта возмездия “Исторической Немезиды” — хозяин дома, друг его в. кн. Дм. Павл., депутат Пуришкевич, поручик Сухотин и доктор Лазоверг; знал не только депутат Маклаков, выступавший в своеобразной роли юрисконсульта убійц. По воспоминаниям Юсупова можно установить, что осведомлены были болѣе или менѣе в деталях принадлежавший к “царской фамилии” кн. Федор Ал., англійскій офицер Рейнер, тетка Юсупова, Родзянко и ея муж, сам председатель Гос. Думы*). “Пуришкевич и тайна казались вещами несомнѣтельными”, — констатирует Маклаков, рассказывая характерный эпизод, происшедшій за нѣсколько дней до убійства: к нему явилась думская журналистка Бенер, сообщившая, что Пуришкевич в комнатѣ журналистов в Думѣ открыто объявил (вѣрнѣе, разгоряченный спором “выпалил”), что Распутин “будет скоро убит”, что сообщаемое им “не болтовня”, так как он сам участвует наряду с Юсуповым и в. кн. Дмитрием “в заговорѣ”. Было указано даже мѣсто, гдѣ произойдет расправа. Журналистка приняла слова Пуришкевича скорѣе за “шутку”, но тѣм не менѣе пришла к Маклакову разузнать об этом “вздорѣ”. Довольно показательно, что проверяли “тайну” у оппозиціоннаго депутата. Не только в думских кулуарах, но и в служебном кабинетѣ главы секретной англійской миссии Хора Пуришкевич сообщил, что на днях собирается “ликвидировать дѣло Распутина**). “Тайна” 16 декабря была открыта тѣм же Пуришкевичем и уѣзжавшему в Кіев депутату Шульгину, скептически, по его словам, отнесшмуся к запоздалой возможности спасти монархію старым русским способом — “таким насиліем” и считавшему, что послѣ убійства Распутина “ничего не измѣнится”, и останется та же “чехарда министров”. Произошел спор двух монархистов, из которых один настоячиво доказывал, что губит монархію именно “Гришка”, дискредитируя царскую семью: не зря запретили в кинематографах показывать фильм, гдѣ Государь возлагает на себя Георгіевскій крест, потому что, как только начнут показывать — из темноты голос: “Царь-Ватюшка с Егоріем, а Царица-Матушка с Григоріем” — подозрѣніе не должно касаться жены Цезаря. Можно усомниться, что тогдашнее настроеніе Шульгина вполне соответствовало тому, что он рассказал о себѣ в воспоминаніях: по крайней мѣрѣ в. кн. Ник. Мих., встрѣтившись с Терещенко и Шульгиным в Кіевѣ, записал 4 января в свой дневник: ...“какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности царевубійства”.

Акт 16 декабря в изображеніи Юсупова в книгѣ “Конец Распутина” был принят обществом во всѣх его слоях “восторженно”: “гран-

*) Последнее очень сомнительно, так как напечатанные письма Юсупова к его матери в момент, который предшествовал рѣшенію расправиться с Распутинным, совершенно опредѣленно показывают, что Родзянко не мог придавать устраненію Распутина такое большое значеніе: “Медвѣдев не хочет понять, что Г. могущественен, в гипноз не вѣрит... Он очень узок в своих сужденіях, упрям, как стало ослон, и его положеніе его очень испортило и сдѣлало его увѣренным в себѣ”...

**) Хор уже будучи министром, на одном официальном обѣдѣ в Лондонѣ рассказал, что Бьюкенену будто бы пришлось даже поѣхать к Царю, чтобы доказать непричастность Хора к убійству. («Возрожденіе» 23 іюня 33 г.).

діозный патріотическій подъем захватил Россію», — пишет он; «особенно ярко проявился он в обѣих столицах. Всѣ газеты были переполнены восторженными статьями; совершившееся событіе разсматривалось, как сокрушеніе злой силы, губившей Россію, высказывались самыя радостныя надежды на будущее, и чувствовалось, что в данном случаѣ голос печати был искренним отраженіем мыслей и переживаній всей страны. Но такая свобода слова оказалась непродолжительной; на третій день особым распоряженіем всей прессы было запрещено хотя бы единым словом упоминать о Распутіѣ. Однако, это не помѣшало общественному мнѣнію высказываться иными путями. Улицы Петербурга имѣли праздничный вид; прохожіе останавливали друг друга, и счастливые поздравляли и привѣтствовали не только знакомых, но иногда и чужих. Нѣкоторые, проходя мимо дворца в. кн. Дм. Пав. и нашего дома на Мойкѣ, становились на колѣни и крестились. По всему городу в церквях служили благодарственные молебны, во всѣх театрах публика требовала гимна и с энтузіазмом просила его повторенія. В частных домах, в офицерских собраніях, в ресторанах пили за наше здоровье; на заводах рабочіе кричали нам «ура» *). Несмотря на строгія мѣры, принятыя властями для нашей политической изоляціи от внѣшняго міра, мы тѣм не менѣе получали множество писем и обращеній самаго трогательнаго содержанія. Нам писали с фронта, из разных городов и деревень, с фабрик и заводов; писали и разные общественныя организациі, а также частныя лица».

Откуда могло появиться такое «мемуарное» воспріятіе, переходящее всякія границы достовѣрности? В литературном произведеніи, каким является «Конец Распутина», это еще объяснимо, но откуда эта неудержимая фантастика родилась в книгѣ аристократическаго представителя французскаго посольства в Петербургѣ гр. Шамбрена, которая воспроизводит якобы современныя эпохѣ его письма к невѣстѣ? Помощник Палеолога, секретарь посольства, писал в Париж также об энтузіазмѣ, который был вызван убіиством знаменитаго «старца»: на улицах цѣловались незнакомцы, извозчики кидали шапки в воздух и отказывались даже от чаевых! Не служит ли это доказательством, что и «письма к невѣстѣ» слѣдует отнести к категоріи «литературных» произведеній. Впрочем, «общее ликованіе» в вагонѣ замѣтил и возвращавшійся из Москвы в Петербург Маклаков, расширившій это вагонное ликованіе перваго класса в демонстративный восторг русскаго общества.

Сенсаціонное убіиство, конечно, вызвало исключительный интерес — особенно, когда стали извѣстны имена убіиц и подробности дѣла. «Русскія Вѣдомости» писали о «пресмыкающихся», которые так громко кричали о революціи, а удар в дѣйствительности «грянул не с той стороны» **). Имена убіиц в дѣйствительности отнюдь не были окру-

*) На своих собраніях они постановили «устроить нам негласную охрану» — говорит Юсупов в другом мѣстѣ книги, поясняя, что об этом сообщили ему по телефону нѣкіе «директора разных предпріятій и заводов» (!).

**) Термин «пресмыкающіяся» всецѣло должен быть отнесен на долю до-революціонной тактики, ибо послѣ того, как разыгралась реальная, а не воображаемая революція, оппозиція старому режиму стала уже гордиться своей исторической предусмотрительностью и не приписывала ее воображенію «пресмыкающихся».

жены героическим нимбом, ибо в актѣ 16 декабря видѣли в значительной степени лишь защиту “династических” интересов — протест против “семейнаго позора”, как выразилась Гиппиус: тогда легко и охотно вѣрили самым невѣроятным сметням. Вѣтшій “энтузіазм”, может быть, проявился в узком великосвѣтском кругу, гдѣ даже фетирировали убійц: жена Родзянко писала, напримѣр, матери Юсупова, что в гвардейском батальонѣ, к которому был приписан ея сын, офицеры пили за его здоровье шампанское, а в Москвѣ были поклонники, которые собирали фонд для учреждения стипендіи его имени... Явленіе это было отмѣчено в газетных иносказательных сообщениях — напр., в петербургском “Днѣ” говорилось, что на одном из “раутов” исключительный успѣх имѣл извѣстный исполнитель цыганских романсов Сумароков-Эльстон — его качали и засыпали цвѣтами. Допустим, что московская “діаконесса” в. кн. Елиз. Фед., дѣйствительно, прислала будто бы перехваченную Протопоповым и посланную царицѣ в копіи телеграмму, в которой она благословляла совершенный “патріотическій подвиг” и молилась за его исполнителей; допустим, что жена Юсупова и ея мать, дѣйствительно, были “обѣ в диком восторгѣ, что Феликс — убійца Гришки”, как помѣтил в дневникѣ во время вынужденнаго пребыванія в своем имѣніи “Грушевка” в. кн. Ник. Мих.; допустим даже, что сам Родзянко выражал увѣренность, как утверждает Юсупов, что “убійство Распутина будет понято, как патріотическій акт, и что всѣ, как один человек, объединятся и спасут погибающую Родину”. Общее впечатлѣніе от “второго предупрежденія”, которое получили носители верховной власти, отчетливѣе представил Милуков, выступавшій и в своей “Исторіи революціи” больше, как мемуарист: “Это убійство, — писал он, — несомнѣнно скорѣе смутило, чѣм удовлетворило общество. Публика не знала тогда во всѣх подробностях кошмарной сцены в особнякѣ в. кн. Юсупова... но она как бы предчувствовала, что здѣсь случилось нѣчто принижающее, а не возвышающее, нѣчто такое, что стояло внѣ всякой пропорціи с величіем задач текущаго момента”. Вынесенное автором впечатлѣніе можно было бы выразить гораздо рѣзче. Едва ли оно было далеко от того органическаго чувства, которое получил Ник. Мих., сочувствовавшій акту 16 декабря, сожалѣвшій, что “они не докончили начатаго истребленія”*) и в то же время испытывавшій отвращеніе к безобразной формѣ “отвратительнаго по

*) Настроеніе Ник. Мих. столь показательно для декабрьскаго безвременья, что стоит привести выдержку из его записей 25 декабря послѣ отъѣзда в. кн. Дм. Пав. и Феликса Юсупова: ...«кошмар этих шести дней кончился! А то и сам на старости лѣтъ попал бы в убійцы, имѣя всегда глубочайшее отвращеніе к убіенію ближняго и ко всякой смертной казни. Не могу еще разобраться в психикѣ молодых людей. Безусловно, они невропаты, какіе то эстеты, и все, что они совершили, хоть очистило воздух, но полумѣра, так как обязательно надо покончить и с А. Ф. и с Протопоповым. Вот видите, снова у меня мелькают замыслы убійств, не вполнѣ еще опредѣленные, но логически необходимые, иначе может быть еще хуже, чѣм было. Голова идет кругом... Меня пугают, возбуждают, умоляют дѣйствовать, но как, с кѣм — вѣдь одному немислимо. С Протопоповым еще возможно поладить, но каким образом обезвредить А. Ф. Задача — почти невыполнимая. Между тѣм время идет, а с их стѣздом и Пуришкевича и других исполнителей не вижу и не знаю. Но... я не из породы эстетов и еще меньше убійц, надо выбраться на чистый воздух... Здѣсь, живя в этом возбужденіи, я натворю и наговорю глупостей».

своему реализму уничтоженія Гришки". Попав в Кіев по дорогѣ в "Грушевку", куда он был выслан за тѣ "ужасныя" вещи, о которых говорил в Яхт-Клубѣ*), он записал: "Какое облегченіе дышать в другой атмосферѣ! Здѣсь другіе люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты, а люди".

Очерченная обстановка не могла превратить расправу на Мойкѣ в "патріотическій" акт, непосредственно за которым могло бы послѣдовать нѣчто "болѣе сильное". Считать велѣд за Родзянко (воспоминанія) акт 16 декабря "началом второй революціи" не приходится. Поэтому так фальшиво звучат в позднѣйших воспоминаніях патетическія слова уже зрѣлаго Юсупова о том, что тѣ, кто исполнили в ночь на 17 декабря свой "тягостный долг перед Царем и Родиной", кто сдѣлал "первый шаг" и должен был "временно отойти в сторону", не могли тогда предполагать, что "жажда почета, власти, исканіе личных выгод, наконец, просто трусость, подлое угодничество у большинства возьмут перевѣс над чувством долга и любви к Родинѣ. Послѣ смерти Распутина сколько возможностей открывалось для всѣх вліятельных и власть имущих... Я не буду называть имена этих людей; когда-нибудь исторія даст должную оцѣнку их отношенія к Россіи"...

Вот как оцѣнил итоги, в нѣкотором противорѣчій с самим собой, тот, кто был за кулисами совѣтчиком неудачливых заговорщиков: "убійцы не сумѣли ни себя скрыть, ни сдѣлать себя симпатичными" в отталкивающей обстановкѣ убійства. "И когда послѣ убійства, совершеннаго у всѣх на глазах, они тѣм не менѣе стали отрицать свое участіе в дѣлѣ, стали завѣдомо лгать, то их поведеніе сдѣлалось непонятным и соблазнительным. Безнаказанность, которой они воспользовались, давала печальное представленіе о силѣ закона в Россіи, заставляла всѣх понимать, что власть не посмѣла тронуть виновных. Убійство, которое должно было казаться патріотическим дѣлом, ...такой характер теряло. Оно не вызвало на сторону убійц и народнаго сочувствія" **).

Юсупов "соблазнительное" поведеніе лиц, причастных к убійству, объясняет "клятвенным обѣщаніем не выдавать тайны". В силу этой клятвы сам Юсупов писал Царицѣ на другой день убійства: "Слѣшу исполнить Ваше приказаніе и сообщить Вам все то, что произошло у меня вчера вечером, дабы пролить свѣтъ на то ужасное обвиненіе, ко-

*) Причины высылки Ник. Мих., возможно, были и болѣе серьезныя, чѣм клубная болтовня. См. мою книгу: «На путях к дворцовому перевороту».

**) Маклаков имѣет в виду сочувствіе масс и в видѣ иллюстраціи приводит свидѣтельство одной из великосвѣтских дам, которая «под радостным впечатлѣніем» сообщила солдатам в госпиталѣ о смерти Распутина и встрѣтила угрюмое молчаніе. При попыткѣ с ея стороны разъяснить «смысл событія» один из солдат сказал: «да, только один мужик и дошел до Царя и того господя убили». «И другіе сразу с ним согласились». Найти данныя, подтверждающія такую версію нам, по крайней мѣрѣ, не удалось, если не считать таковыми соответственныя записи Палеолога о том, как «во всей Россіи» зажигали свѣчи перед иконой св. Димитрія и называли в. кн. Дм. Пав. «освободителем Россіи» или послѣдующія сужденія Фюл. Мюллера. К числу таких немногих конкретных иллюстрацій надо отнести рассказ молодого монархическаго энтузіаста корнета Крымскаго Ея Вел. полка Маркова, попавшаго в Сибирь спасать царскую семью, — крестьяне в Сибири говорили ему, что Распутин был убит за поддержку народа.

торое на меня возложено"... Называя "сущей ложью" сообщеніе, что у него ночью видѣли "Григорія Ефимовича" и т. д., Юсупов заканчивал: "Я не нахожу слов, В. В., чтобы сказать Вам, как я потрясенъ всѣм случившимся, и до какой степени мнѣ кажутся дикими тѣ обвиненія, которыя на меня возводятся". А в. кн. Дмитрій, по утверженію Андр. Вл., своему отцу довольно ипокритски торжественно поклялся, что в эту знаменитую ночь он Распутина "не видѣл и рук своих в его крови не марал". В дѣйствительности "убійцы не умѣли молчать", и тогдашній прокурор судебной палаты Завадскій утверждает, что их излишняя болтовня дала возможность полиціи с самого начала пойти по правильному пути отысканія спущеннаго под лед в прорубь на Невѣ тѣла Распутина. В. кн. Ник. Мих., посѣтившій Юсупова по его вызову 18-го*) и слушавшій три часа его "откровенія", не повѣрил дѣланной "невинности" и сказал, что "весь его роман не выдерживает критики, и что, по мнѣнію М-г Лесоqu'a, убійца — он". На другой день, войдя в комнату, гдѣ был Дм. Пав., Ник. Мих. "брякнул": "Messieurs les assassins je vous salue". — "Видя, что упираться не стоитъ больше, Юсупов мнѣ выложилъ всю правду" — записывал в дневник Ник. Мих., передавая довольно точно, что произошло на Мойкѣ: "сознаюсь, что даже писать все это тяжело, так как напоминает роман Ponson de Terrail или средневѣковое убійство в Италіи". Юсупов, естественно, рассказывает по другому: "Выискивая разные способы узнать всю правду, он (Ник. Мих.) притворился нашим сообщником в надеждѣ, что мы по разсѣянности как-нибудь проговоримся". Не довѣряя Ник. Мих., склонному к "излишней разговорчивости" и могущему "проболтаться о том, что слѣдовало молчать", Юсупов разсказал ему лишь измышленную исторію о вечерѣ и застрѣленной собацѣ. Запись в дневникѣ Ник. Мих. 19-го не подтверждаетъ версіи мемуариста...

Оставим в сторонѣ сложную проблему, которая встала передъ верховной властью, и которую Маклаков формулируетъ словами: "власть не посылала (курсивъ автора) тронуть виновных". Причина коллизіи между законом и психологіей момента в большей степени должна быть отнесена за счетъ настроеній правящей бюрократіи. Никто так ясно этого не подчеркнул, как прокурор судебной палаты Завадскій, по распоряженію котораго должно было начаться производство предварительнаго по дѣлу слѣдствія. Он рассказывает, какъ было отмѣнено по настоянію министра юстиціи Макарова, отданное им "только" по "профессіональному наущку" распоряженіе о принятіи немедленныхъ мѣръ къ раскрытію преступленія — самъ Завадскій впервые в жизни почувствовал, что его "не корбит отъ убійства"... Изъ разговора с министромъ онъ понялъ, что и послѣдній, несмотря на "строгій свой формализмъ", былъ "тоже доволенъ убійствомъ Распутина". И тогда "холодная рука страха за ближайшее уже будущее" коснулась сердца судебного дѣятеля: существовавшій государственный укладъ лишился "всякой опоры", раз и великіе князья, и сановники несомнѣнно праваго устрем-

*) Небезинтересно, что Н. М., освѣдомленный наканунѣ о происшедшемъ изъ англійскаго посольства, спросилъ Трепова на обычномъ обѣдѣ в Яхт-клубѣ о правильности полученныхъ свѣдѣній и получилъ в отвѣтъ "все это ерунда — новая провокація Протопопова, и спокойно сталъ играть в quinzé, а присутствовавшій Дм. Пав. уѣхалъ во французскій театр.

лении “фактически или мысленно были участниками преступления, смысл которого сводился к протесту против линии царского поведения”. В параллель разсужденіям прокурора судебной палаты можно привести и разсказ Юсупова о посѣщеніи им председателя совѣта министров, учитывая всю “литературность” мемуарнаго текста. Трепов вызвал к себѣ Юсупова по приказанію Царя, просил “видѣть в нем не официальное лицо, а стараго друга” семьи Юсуповых. Юсупов, конечно, произнес соответствующую моменту патетическую рѣчь на тему о спасеніи Царя и Родины от “неминуемой гибели” и от “ужаснѣйшей революціи”, в которой “всѣ будут сметены народной волной”, призывал “объединиться и дѣйствовать, пока не поздно”: революцію может предотвратить только “рѣзкая перемена политики сверху”. Министр ничего не сказал, выразив лишь удивленіе, откуда у Юсупова “такое присутствіе духа”. “Разговор мой с председателем Совѣта Министров, — заключает Юсупов, — был послѣдней попыткой нашей обращенія к вышшим правительственным сферам” *).

Судебныя власти не только в первый момент бездѣйствовали, но и косвенно противодействовали параллельному самостоятельному административному разслѣдованію, которое было предпринято по инициативѣ министра ви. д. При таких условіях мало понятна попытка в Чр. Ст. Ком. предъявить Протопопову обвиненіе в превышеніи власти, выразившемся в стремленіи устранить производство судебного разслѣдованія “вопіющаго преступленія”. Обвиненіе это сформулировал никто иной, как Завадскій. Протопопов отрицал наличность подобной инструкции и утверждал, что послѣ того, как дѣло фактически поступило в вѣдѣніе судебной власти, он пріостановил жандармское разслѣдованіе.

Страх, о котором говорит Завадскій, еще болѣе усилился тогда, когда Николай II на коллективном ходатайствѣ великих князей о прекращеніи слѣдственнаго дѣла положил рѣзко отрицательную резолюцію — это был момент, когда в. кн. Ан. Вл. вносил в свой дневник, говоря о великокняжеской семьѣ: “общее негодованіе растет каждый день, все семейство крайне возбуждено, в особенности молодежь, их надо сдерживать, чтобы не сорвались... Нехорошія назрѣвают событія” **). Мерещился неизбежный государственный переворот, о котором и “помыслить было жутко” в условіях военнаго времени. Вот почему слѣдствие, по выраженію Завадскаго в бесѣдѣ с в. кн. Ник. Мих. и Алек. Мих., двигалось “черепашьим шагом” — может быть, бездѣйствіе судебной власти в дни 17-19 декабря и послужило основной причиной окончательнаго устраненія Макарова от поста министра юстиціи (управляющим министерством 20-го был назначен Добровольскій). Формально дѣло об убійствѣ Распутина было ликвидировано только революціей, но двигалось оно в судебном вѣдомствѣ в условіях

*) Вслѣдствіи, выступая во французской печати, Юсупов пытался изобразить убійство Распутина, как попытку осуществленія заговора группы гвардейских офицеров, чтобы спасти династію: предполагалось убить «старца», арестовать А. Ф. и ея окруженіе и заставить Царя отречься в пользу одного из великих князей. (Статья Индропова в «Двуглавом Орлѣ» 1930, № 41).

**) «Странная» резолюція — «никому не позволено заниматься убійствами» — ставила, по выраженію Дм. Пав. «семейство в положеніе шайки преступников, занимающихся разбоем и грабежом на большой дорогѣ».

своего рода итальянской забастовки. Директор угол. департ. мин. юстиці Лядов с откровенностью говорил Маклакову, что в “данном дѣлѣ вся задача слѣдователя ничего не разыскать”, так как “процесс над убійцами совершенно немыслим” и по соображеніям государственным и по причинам формальным: закон не предвидѣлъ случая “такого сообщничества великих князей и обыкновенных смертных”. На замѣчаніе Маклакова, что трудно будет не найти виновных послѣ показанія Пуришкевича (очевидно, имѣется в виду откровенное заявленіе Пуришкевича об убійствѣ Распутина постовому городовому Власюку, привлеченному выстрѣлами в ночь на 17 декабря), директор департамента с циничной шутливостью сказал: “городовому предъявят такой портрет Пуришкевича, что он его ни за что не признает”. В Чр. Сл. Ком. и Протопопов утверждал, что он, зная, как относится общество к Распутину, находил невозможным “судебное преслѣдованіе” людей, участвовавших в убійствѣ Распутина, в числѣ которых были члены Гос. Думы, и в этом смыслѣ оказывал воздѣйствіе на Царя и Царицу.

Свою печаль А. Ф. в значительной степени скрыла от посторонняго взора, ибо за время, послѣдовавшее за исчезновеніем “незабвеннаго Григорія”, изеяк источник нашего познания личных переживаній Царицы: Николай II вплоть до дней предреволюціонных в точном смыслѣ этого слова безвыгъдно находился в Царском Селѣ. Сущей болтовней являлись слухи, доходившіе в особняк на Мойкѣ и отмѣченные в воспоминаніях Юсупова с ссылкой на информацію в. кн. Ник. Мих. (и “со всѣх сторон”), что А. Ф. в неистовствѣ требовала “немедленнаго разстрѣла” его и Дм. Павл. В “отчаянной тревогѣ” она телеграфировала мужу лишь 18-го, что “есть опасеніе, что эти два мальчика затѣвают еще нѣчто ужасное” и просила немедленно прислать дворцоваго коменданта Воейковска: “Мы, женщины, здѣсь одиѣ с нашими слабыми головами”. Под вліяніем ли Протопопова (он показывал в Чр. Сл. Ком., что “опасался покушенія на Вырубову, находя опасным и положеніе Царицы”), или по собственному заключенію А. Ф., дѣйствительно, боялась за Вырубобу и писала мужу: “оставляю ее жить здѣсь, так как они теперь сейчас же примутся за нее”. А. Ф. отказывалась принимать ходатаев за судьбу заподозрѣнных в устройствѣ “западни” на Мойкѣ и, по словам Протопопова, настаивала на преданіи суду участников убійства, была недовольна противодѣйствіем, какое встрѣчала со стороны Протопопова, убѣдившаго, однако, ее согласиться на высылку Дм. Пав. и Юсупова. На показаніе Протопопова можно в данном случаѣ положиться, ибо оно совпадает с сохранившимся документом — карандашной запиской А. Ф. 30 декабря, может быть и не отправленной, на имя Юсупова-отца: “Никому не дано право заниматься убійством. Знаю, совѣсть многим не дает покоя, т. к. не один Д. П. в этом замѣнан. Удивляюсь Вашему обращенію ко мнѣ”...

Как же отнесся сам Царь к драмѣ, которую переживала А. Ф.? Юсупов утверждает со слов членов императорской свиты, что, узнав о смерти “старца”, Николай II возвратился из Ставки в “таком радужном настроеніи, в каком его не видали с самаго начала войны”. Скупой на записи императорскій дневник не отмѣтил впечатлѣнія от перваго телеграфнаго извѣстія от А. Ф. об исчезновеніи “нашего Друга” — может быть, потому, что этому извѣстію не придавал существен-

ного значения. Больше остро реагировал Царь на другой день, получив подробное письмо жены: "Возмущен и потрясен", — телеграфировал он: "В молитвах и мыслях вместе с вами". 21-го в дневник значится: "В 9 час. поехали всей семьей... к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 дек. *извергами* в домъ Ф. Юсупова, кот(орый) стоял уже опущенным в могилу"...

Наивные мистики типа Жевахова остались в убеждении, что "святого человека" убили еврей-революционеры. "Мертвый Распутин оказывался еще сильнее живого", — подвел итог Маклаков в своих воспоминаниях: "политический поворот направо стал резок и агрессивен". "Результаты только отрицательные уже налицо", — записал, в свою очередь, Ник. Мих. 31 января. А Завадский тогда в связи с утверждением Протопопова в должности министра вн. д. и назначением Добровольского министром юстиции так перефразировал пушкинский стих: "Тель Гришкина двух нас усыновила, министрами из гроба нарекла". Гофмейстерина Нарышкина отметила в дневникъ 15 января вѣднй сон, который видѣла Императрица: разверстыя небеса, а в небесах Григорій с воздѣтыми руками благословляет Россію. Эта мистика вылилась в слова увѣренности, которой было проникнуто письмо А. Ф. накануне дня, когда совершился революционный переворот: "Солнце свѣтит так ярко, и я ощущаю такое спокойствіе и мир на Его дорогой могилѣ! *Он умер, чтобы спасти нас*". Основная проблема, будоражившая общественность, осталась как бы неприкосновенной. Ее старик Врангель в воспоминаниях выразил в словах: "Распутія внушал, Царица приказывала, Царь слушался"...

«МОГУЩЕСТВЕННЫЙ СИНДИКАТ»

I. — «ЗЕЛЕНЫЕ».

В статьѣ, напечатанной в эмигрантской варшавской газетѣ “За Свободу” по поводу книги проф. Апкенази “Uwagi” Философов, на котораго “тяжкія обвиненія” польскаго историка произвели удручающее впечатлѣніе, вспоминая до-революционное время, писал: “Кто же сомнѣвался *тогда* в том, что достаточно Распутину приказать, и сепаратный мир с Германіей будет заключен” *). Инициаторы убійства Распутина и пытались объяснить свой “патріотическій” акт тѣм, что они спасли Россію от неизбежнаго позора заключенія сепаратнаго мира. Эта версія в мотивах расправы со “старцем” была дана уже через день послѣ убійства. Ник. Мих. со слов Юсупова записал 19 декабря, как Распутин в интимных бесѣдах высказывал “свои невѣроятные планы на будущее”: “к концу декабря было рѣшено написать сепаратный мир с Германіей!!” (воскл. знаки автора дневника). Это вызвало у Юсупова... “твердое рѣшеніе покончить с ним, во что бы то ни стало”. Тот же мотив выдвинут и в болѣе поздней (29 декабря) записи Палеолога: от Распутина Юсупов узнал, что сторонники А. Ф. готовились низложить Царя, возвести на престол Наслѣдника под регентством его матери, и что первым актом новаго царствования будет предложеніе мира германским имперіям**). Сам Юсупов

*) Едва ли требуется оговорка о крайней преувеличенности сужденія о роли, которую играл «старец» в направленніи государственных дѣл. Подобное преувеличеніе приводит к абсурду, когда нѣмецкій писатель Ф. Мюллер называет Распутина «истинным императором» Россіи. Англійскій ученый, даже специалист по русской исторіи, проф. Перс, слѣвавшій в 1945 г. неожиданное открытіе, что русскій патріотизм родился лишь при совѣтской власти в дни второй европейской войны («La Naissance du patriotisme russe» — цитирую по сборнику «Choix»), в свою очередь безнадежно повторяя легенду, пытается доказать, что правительственная власть в Россіи перешла в 16 г. к Распутину, в силу чего война перестала тогда быть «национальной».

**) Запись Палеолога в первой своей части, которую мы не цитируем, явно воспроизводит рассказ Маклакова о бесѣдах его с Юсуповым — она совпадает с тѣм, что написал впоследствии Маклаков. И надлежит отмѣтить, что в этих первых бесѣдах никакого намека о готовящемся сепаратном мирѣ нѣт. В рассказѣ Маклакова нѣмцы фигурируют только между прочим. На заявленіе Юсупова, что Распутина надо купить или убить, Маклаков замѣтил, повторяя, как он сам говорит, «ходившіе слухи», что состязаться с Германіей «в наймѣ Распутіи нам не по средствам, даже если бы мы этим не погнушались».

так рассказывает в своих литературных произведениях*) о том “дьявольском планѣ”, который за бутылкой крѣпкой мадеры развил ему “Григорій Вѣфимович”, и который почти совпадает с записью Палеолога: “будет, довольно возвать, довольно кровь проливать, пора всю эту канитель кончить... Сам то все артачится, да и сама тоже уперлась; должно опять там кто-нибудь их худому научает, а они слушают... Ну, да что говорить. Как прикажу хорошенько — по моему сдѣлают, да только у нас не все еще готово. Когда с этим дѣлом покончим, на радостях объявим Александру с малолѣтним сыном, а Самого на отдых в Ливадію отпустим”.

Ходячая молва, претворенная в реальный разговор, так и выцарапает в изложеніи “мемуариста”. Вспомним запись Палеолога о разговорѣ его в концѣ сентября в посольствѣ с высоким придворным чиновом, который излагал аналогичный план крайних реакціонеров (плотъ до убійства Царя). Орудіем этих мечтаній являлся в устах информатора Штюрмер, дѣйствовавшій на Императрицу через Распутина**). На ходячей молвѣ, занесенной и в современную фольклорную запись русскаго англичанина Каррика, и не стоило бы останавливать вниманіе, если бы она не находила извѣстнаго довѣрія не только в безответственных воспоминаніях, но и в исторических работах. Совѣтскіе историки Вецкій и Павлов (псевдоним Щеголева) в одной из своих работ, посвященной “приключеніям Манусевича-Мануйлова”, явно опираясь на показанія этого авантюриста в Чр. Сл. Ком., считали, что имѣются “нѣкоторыя основанія предполагать”, что А. Ф. “готова была на дворцовый переворот, который дал бы ей в руки всю полноту самодержавной власти”, и что “далеко не послѣдним вдохновителем в этом направленіи был и Распутин, ни в грош не ставившій Царя и с большим уваженіем относившійся к уму царицы” ***). В стенограммѣ показаній Манусевича, отчасти как бы подсказанных предѣвателем Комиссія, имѣется такое поясненіе... “Он (т. е. Распутин) все упирал на то, что Царь не годъ”... Предсд.: “т. е. это в связи с той мыслью, что А. Ф. должна быть Екатериной II”. Манус.: “Несомнѣнно в тайниках души вопрос шел о регентствѣ”. Пр.: “О низверженіи Николая II и о регентствѣ А. Ф.?” Ман.: “Это чувствовалось. Он был очень ловкій человек и не договаривал”... Довольно шаткія основанія для заключенія Щеголева!

Милюков опирается на инныя свидѣтельства, придавъ этому факту

*) В писательских эмигрантских кругах Парижа не является секретом имя подлиннаго автора этого литературнаго произведенія, в основѣ котораго лежат воспоминанія Юсупова.

**) На другой день Палеолог сдѣлал добавленіе о той честолюбивой интриганкѣ, которая вдохновляет Штюрмера. Она через Распутина провела Штюрмера на премьерскій пост и в описываемое время с загадочной значительностью передавала одной из своих подруг, что в скором времени ожидаются большія событія — «Борис Владимірович сдѣлается первым министром Ея Величества Императрицы». Этой штюрмеровской «Эгеріей» была госпожа Г., супруг которой занимал большой пост в министерствѣ вн. д. — шонимай, г-жа Гурлянд. Все это записывается с полной вѣрой в серьезность сообщаемаго...

***) «Трезвый он ничего не рассказывал — показывал Хвостов-племянник, — но за бутылкой мадеры высказывался откровеннѣе. «Он относился в высшей степени презрительно к личности б. императора и очень одобрял б. императрицу, говоря, что она умница, что она — Екатерина II».

характер большей или меньшей “исторической достоверности”. Перед ним лежали воспоминанія Нарышкиной, препарированныя Фюллером. В той же части “воспоминаній”, гдѣ излагаются позднѣйшіе рассказы б. гофмейстерины в дни пребыванія нѣмецкаго писателя в Москвѣ, при чем мы не знаем предѣлов домысла самого редактора текста, заключен разсказ о негодованіи в Царском, когда там узнали, что англійскій посол “категорически заявил Государю, что из вѣрных источников он узнал о заговорѣ, цѣль котораго заключеніе сепаратнаго мира, и нити котораго доходили до Императрицы”. (Бьюкенен в таком контекстѣ представленія, конечно, не дѣлал). “Но вполнѣдствіи я узнала, — передавала Нарышкина, — что в основѣ вмѣшательства посла лежало донесеніе англійской полиціи, и что в этом донесеніи заключалась и крупица истины. Дѣйствительно, существовал комплот, чтобы через Распутина заключить сепаратный русско-германскій мир... Так как было извѣстно, что Царя никогда невозможно побудить к подобной измѣнѣ, то заговорщики работали в том направленіи, чтобы побудить Царя к отреченію и устроить регентство Императрицы”. Миллюков дѣлал заключеніе: ...“Мы должны сказать, что та граница, на которой останавливается Нарышкина, говоря о “крупницѣ истины” в донесеніях развѣдки и сводя эту крупицу к фактам, болѣе или менѣе извѣстным и подтвержденным из других болѣе надежных источников (Каких? С. М.) — эта граница, осторожно намѣченная автором дневника, *воплнѣ* совпадает и с границей исторической достоверности”. Единственный намек (не о сепаратном мирѣ), а о чем то, коевенно напоминающем своего рода “дворцовый переворот”, мы, дѣйствительно, можем найти в письмѣ, посланном А. Ф. мужу в день убійства Распутина. 16 декабря, упоминая про телеграммы “Союза Русскаго Народа” о необходимости “закрыть” Думу, А. Ф. писала: “Если их не слушать, они возьмут дѣло в свои руки, чтобы спасти тебя, и может невольно выйти больше вреда, чѣм лишь твое простое слово, закрыть Думу, но до февраля: если раньше, они всѣ застрянут здѣсь”.

Нѣкоторую разгадку этих намеков мы найдем в дальнѣйшем изложеніи. Вернемся к разсказу Юсупова, которому влюбленный “развратник”, испытывавшій “плотскую страсть” к своему юному собесѣднику (миѣніе Ник. Мих.) договорил (допустим) то, что не договаривал другим за бутылкой мадеры. Кто же эти таинственные “мы”, от имени которых будто бы говорил “старец”? Упоминая намеками о своих таинственныхъ руководителях, он их называл “зелеными” — вспоминает Юсупов свой другой, предшествовавшій разговор. Эти “зеленые” живут в Швеціи: “пойдешь туда, познакомишься”. “А в Россіи есть зеленые?” — спросил Юсупов. — “Нѣтъ, только “зелененькіе”, друзья ихніе, да еще наши есть, умные все люди”, отвѣчал Распутин. Удивительный случай дал возможность Юсупову в тот же сеанс, когда Распутин разводил свой “дьявольскій план”, увидѣть “зеленых” или “зелененьких”. Обратим вниманіе, что свиданія на квартирѣ “старца”, сопровождавшіяся гипнотическим трансом, объектом котораго был Феликс, носили довольно потайной характер. В самый разгар бесѣды неожиданно “рѣзко прозвучал звонок и оборвал рѣчь Распутина”. “Он засуетился, повидимому, он кого-то *ожидал*, но, увлекшись разговором со мной, забыл о назначенном свиданіи и теперь, вспомнив о нем, заволновался, опасаясь, чтобы вновь пришедшіе не застади

меня у него. Быстро выскочив из-за стола, он провел меня через переднюю в свой кабинет и поспѣшно вышел оттуда... Из передней до меня донеслись голоса вошедших... Я приблизился к дверям кабинета... и начал прислушиваться. Разговор велся в полголоса... Тогда я осторожно пріоткрыл дверь и в образовавшуюся... щель, через переднюю и открытую дверь в столовую, увидѣл Распутина, сидящаго за столом... Совсѣм близко к нему сидѣли пять человек, двое других стояли за его стулом... Нѣкоторые из них что-то *быстро* заносили в свои записныя книжки. Я мог рассмотреть *тайных* гостей Распутина: лица у всѣх были непріятныя. У четырех был, несомнѣнно, ярко выраженный еврейскій тип; трое других, до странности похожіе между собой, были блѣбрысые с красными лицами и маленькими глазами. Одного из них, как мнѣ показало, я гдѣ-то видѣл... Распутин среди них совсѣм преобразился. Небрежно развалившись, он сидѣл с важным видом и что-то им рассказывал. Вся группа эта производила впечатлѣніе собранія каких-то заговорщиков, которые что-то записывали, потом совѣщались, читали какія-то бумаги. Иногда они смѣялись. У меня мелькнула мысль: не “зелененькіе” ли это, о которых мнѣ рассказывал Распутин? Послѣ всего того, что я от него слышал, у меня не было сомнѣній, что передо мною было *сборище шпіонов*. В этой скромно обставленной комнатѣ, с иконой Спасителя в углу и царскими портретами по стѣнам, видимо, рѣшалась судьба многомилліоннаго народа... Послѣ нѣкотораго времени... появился, наконец, Распутин с веселым и самодовольным лицом. Мнѣ трудно было бороться с тѣм чувством отвращенія, которое я испытывал к этому негодю, и потому я быстро простился с ним и вышел”.

Надо обладать совершенно исключительной наивностью для того, чтобы повѣрить приведенному разсказу, как четверо евреев и трое нѣмцев в присутствіи Юсупова, наблюдавшаго из щели в открытую дверь, совѣщались с Распутиным, читали бумаги, дѣлали ремарки в записных книжках и т. д. Правда, Распутин “едва держался на ногах”, — утверждает автор. — но “не терял при этом соображенія” и появился перед Юсуповым по окончаніи “сборища шпіонов” с “самодовольным лицом”. В болѣе раннем показаніи слѣдователю Соколову Юсупов расширял рамки и говорил, что он *часто* встрѣчал в кабинетѣ Распутина незнакомых лиц, которыя появлялись на квартирѣ послѣ возвращенія “старца” из дворца, спивала его, выспрашивала и заносили в свои записныя книжки то, что узнавали. “Я понялъ, — показывал свидѣтель, — откуда нѣмцы черпают свою информацию о секретах. Распутин был шпіон”. Не принимал ли Юсупов газетных корреспондентов за нѣмецких шпіонов? Неужели эти шпіоны были столь простодушны, что открыто записывали в присутствіи Юсупова в свои тетрадки секретную информацию, да еще в квартирѣ, находившейся под непосредственным наблюденіем агентов Охраннаго Отдѣленія и особаго летучаго отряда ген. Комиссарова?

Наблюденія, выводы и показанія большинства современников до крайности противорѣчивы. Мало кто из мемуаристов считает нужным обосновать свои подчас слишком категорическія сужденія и сгладить разногласія, которыя выступают в их собственном изложеніи. Рекорд иногда побивает Керенскій, в разные годы дающій существенно различающіяся оцѣнки. В показаніях Соколову он говорил: “Пробывая у вла-

сти, я имѣл возможность читать многіе документы Деп. Полиціи в связи с личностью Распутина. Читая эти документы, поражаешься их внутренним духом, их чисто шпионским стилем. Что чувствовалось, например, в словах Распутина, когда он настойчиво до самого конца своего в неоднократных документах писал Царю про Протопопова: "Калинина не гони, он наш, его поддержи" (гиперболы не буду исправлять!) ...в результатѣ знакомства моего с указанными документами у меня сложилось полное убѣжденіе о личности Распутина, как нѣмецкаго агента, и, будь я присяжным засѣдателем, я обвинил бы его с полным убѣжденіем". Не советѣм ясно, какіе "документы Деп. Полиціи" читал свидѣтель, но зато опредѣленна его ссылка на Пуришкевича, нисколько не скрывавшаго, что он убил "прежде всего измѣнника", на Хвостова, открыто боровашагося с Распутиным, как с "центральной фигурой нѣмецкой агентуры". В книгѣ "La Vérité" он добавлял, что сам Хвостов ему объяснил (очевидно, при частных допросах во времена Чр. Сл. Ком.), что он из "вѣрнаго" источника знал, что нѣмцы, благодаря Распутину, получают самую секретную информацію, которая приходит из Ставки во Дворец. Все это было вздором, равно, как измышленіе Хвостова, представленное Маклакову в ином порядкѣ, чѣм Керепскому. За нѣсколько дней до отставки, — рассказывает Маклаков (то же он показал и Соколову), — Хвостов встрѣтился с ним в квартирѣ графини Витте. Хвостов хотѣл освѣдомить либеральнаго депутата заблаговременно о причинах, почему он должен уйти: слухи о Белецком и Ржевском "простая сплетня" — причина в том, что Хвостов, получив "ужасающія данныя, устанавливавшія несомнѣнный факт, что Распутин окружен нѣмецкими шпионами, доложил об этом Государю и только за это он отставляется".

В показаніях Соколову Керенскій дѣлал нѣкоторую оговорку: "Что Распутин лично был нѣмецкій шпион или, правильнѣе сказать, что был тѣм лицом, около котораго работали не только германофилы, но и нѣмецкіе агенты, это для меня не подлежит сомнѣнію". В книгѣ, посвященной русской революціи, Керенскій расширил и углубил эту оговорку. Распутин — противник войны, потому что инстинктивно чувствовал ея фатальныя послѣдствія для династіи Романовых*), сдѣлался гибким и коварным (*souple et rusé*) орудіем в руках тѣх, кто заинтересован был в политикѣ сепаратнаго мира... Кто же был дирижером? — Керенскій говорит даже не о липах, а о людѣ. Он не знает, кто был этим дирижером (*j'ignore qui était cette personne*), но

*) Керенскій вспоминал отвѣтную телеграмму Распутина в 14 г. на запрос Царя по поводу объявленія войны (копія ея попала в руки тобольскаго депутата трудовика Суханова — дочь Распутина показывала уже слѣдователю, что таких взаимных телеграмм было множество, и что ея отец энергично протестовал против войны), смысл которой был в советѣ войны не объявлять, так как она вызовет народное возмущеніе и никакого блага Царю не принесет. Интерпретации «копій» по памяти, да еще с чужих слов, все-же источник не слишком солидный, а вот, что гласили собственноручно снятыя А. Ф. копія июльских телеграмм из Тюмени: ...«Не шибко безпокойтесь о войнѣ, время придет, надо ей накласть, а сейчас еще время не вышло, страданья увѣнчаются» (16 июля). «Милыя, дорогія, не отчаивайтесь» (19 июля). «Вѣрю, надѣюсь на мирный покой, большое злодѣяніе затѣвают, не мы участники, знаю всѣ ваши страданія, очень трудно друг друга не видѣть, окружающіе в сердцѣ тайно воспользовались, могли ли помочь» (19 июля).

тѣм не менѣ недвусмысленно намекает, что им должна была быть Императрица, которая в послѣдніе мѣсяцы монархіи реально управляла страной. Она отдавала себѣ отчет, что состояніе страны не давало возможности продолжать войну и сохранить старые приемы власти. Не важно, — говорит Керенскій, — сама ли она рѣшила заключить мир с Германіей и выбрала для этого соотвѣтствующее правительство Протопопова, Штурмера и К° или кто-нибудь другой направлял ея дѣйствія; важно то, что А. Ф. de facto стояла во главѣ правительства, которое вело страну прямо к сепаратному миру. Распутин таким образом превращается из нѣмецкаго шпіона в орудіе едва-ли не самой Императрицы. Нельзя во всяком случаѣ отказать в своеобразіи подобной точкѣ зрѣнія. В нѣкотором проговорѣчій стоит заключеніе. Не было доказано, — говорит автор, — чтобы кто-либо из членов Распутино-Вырубовской клики был, дѣйствительно, нѣмецким агентом, но нѣтъ сомнѣній в том, что цѣлая нѣмецкая организація крылась за ней, и что члены клики во всяком случаѣ *готовы(?) были принимать деньги* и всякаго рода дары...

Не выступает Распутин в роли специфическаго “германофила” или платнаго нѣмецкаго шпіона и в послѣдней книгѣ Керенскаго, “La Vérité”. Когда фактически началась война, Распутин стоял уже за “побѣду” (вспомним бесѣду его с Палеологом весной 15 г.). Это не был, по мнѣнію Керенскаго, маневр, чтобы скрыть возможные подозрѣнія и позже с большей легкостью увлечь А. Ф. на путь, избранный в Берлинѣ. Сепаратный мир усвоен был примитивным мужицким умом Распутина по связи с затрудненіями и лишениями, которыя испытывала страна. Для Керенскаго, как и для совѣтских историков, нѣтъ сомнѣній в том, что Распутин был противником войны и проводником мысли о сепаратном мирѣ*). Одно мы можем сказать определенно: у нас нѣтъ конкретных данных, свидѣтельствующих о подталкиваніи в этом отношеніи со стороны “нашего Друга” обитателей Царскаго Села. Слѣдователю Соколову пришлось допрашивать лицо, “наблюдавшее за Распутиным по приказу высшей военной власти с “фронта” (кто этот таинственный незнакомец, не уясняешь себѣ). Он вспоминал, что ему пришлось лично слышать от Распутина в серединѣ 16 г.: “Кабы тогда меня эта стерва не шпырнула (Хіонія Гусева), не было бы никакой войны, не допустил бы”. Старец откровенно говорил, что войну надо кончить: “Довольно уже проливать кровь то. Теперь уже нѣмец не опасен, он уже ослаб”. “Для меня в результатѣ моей работы и моего личнаго знакомства с Распутиным было тогда уже ясно, что квартира — это и есть то мѣсто, гдѣ нѣмцы через свою агентуру получали нужныя им свѣдѣнія. Но я должен сказать по совѣсти, что не имѣю основаній считать его нѣмецким агентом. Он был безусловный германофил. Ни одной минуты не сомнѣваюсь, что говорил Распутин не свои мысли, т. е. он, по всей вѣроятности, сочувствовал им, но онѣ ему были наказаны, а он искренне повторял их”.

Никаких “фактов” не было и в распоряженіи предсѣдателя Гос.

*) Пацифистскія наклонности тобольскаго крестьянина проявились еще в дни предшествовавшей балканской войны, когда в газетах появились соотвѣтствующія интerviю. По увѣренію Вырубовой, Распутин «на колѣнях» уговаривал Царя не ввязываться в балканскія дѣла, ибо война принесет Россіи только «неминуемое несчастье».

Думы, когда он выступал свидѣтелем в Чр. Сл. Ком. “Конечно, никто этих фактов не получит, потому что, так исправно прятали концы в воду, что фактов получить невозможно” — утверждал Родзянко. “Но опредѣленно ходили *слухи*, и ко мнѣ прѣзжали даже *какія-то* частныя лица с заявленіем о том, что они знают, что через шведское посольство Распутину передаются большія деньги из заграницы”. Всѣ эти данныя доводились до свѣдѣнія ген. Бѣляева, стоявшего во главѣ контр-развѣдки. “Я знаю, — продолжал Родзянко, — что Распутина окружали люди, которые, несомнѣнно, имѣли связь с заграницей. *Потом это подтвердилось(?)* ...Тут его работа. Я не могу иначе себѣ объяснить, откуда появилось планомерное и правильное изгнаніе всего того, что могло принести пользу в смыслѣ побѣды над Германіей”. В силу отсутствія доказательств, необѣдителен был и вывод Родзянко. “Императрица дѣйствовала безсознательно, а Распутин дѣйствовал сознательно из Берлина, иначе я себѣ объяснить не могу”.

Среди многочисленных современных высказываній*) заслуживает вниманія одно, принадлежащее англійскому послу. Он был загнипоти- зирован идеей существованія в Россіи могущественной анти-британской тайной организаціи; в его распоряженіи были данныя самостоятельной англійской развѣдки — и тѣм не менѣе в воспоминаніях он признает обвиненіе в подкупленности Распутина нѣмцами мало основательным. Правда, оговорки, сдѣланныя Бьюкененом и, в свою очередь, совершенно необоснованныя и повторявшія лишь ходившія сплетни, сводят на нѣтъ его заключеніе: Распутин “не состоял в непосредственной связи с Германіей и не получал денег непосредственно от нѣмцев, но его широко финансировали нѣкоторые еврейскіе банкиры, которые, по всей видимости, были нѣмецкими агентами (об этих “еврейских банкирах” придется сказать особо). Так как он имѣл привычку повторять перед этими еврейскими друзьями все то, что он слышал в Царском, и так как Государыня совѣтовалась с ним по всѣм военным и политическим вопросам, многія полезныя свѣдѣнія доходили до нѣмцев таким косвенным путем”.

Логическія умозаключенія, опирающіяся на субъективныя воспріятія, не всегда совпадают с фактами. Может ли что-либо доказать разсмотрѣніе богатств, сосредоточившихся в руках “старца” из села Покровскаго захолустной Тобольской губ. в момент зенита его славы и вліянія? Бышій конокрад должен был превратиться в миллионера — современная молва и приписывала ему скунку доходных домов в столицах и пр. Широкое финансированіе “еврейскими друзьями”, “большія деньги” через шведское посольство, спекулятивныя коммерческія операціи — все это не покрывало возможной доходности случайно выплывшаго на поверхность темнаго дѣльца. Его квартира на Гороховой превратилась в “контору”, гдѣ орудовали четыре секретаря (Волынскій, Добровольскій, Симанович, Манасевич-Мануйлов) при содѣйствіи многочисленных посредников разнаго ранга и состоянія — все это наблюдал состоявшій в качествѣ охранителя при “старцѣ” жандармскій генерал Комиссаров. Операціи были широки и многообразны:

*) Отмѣтим, что Гиппиус, посвятившая не мало страниц в своих дневниках окруженію Распутина, опредѣленно считает «вздором» рассказы о «нѣмецких симпатіях» Распутина.

еврейскіе процессы так называемых “дантистов” дали конторѣ 100 т. руб. (показанія Хвостова); промышленный дѣятель Гордон заплатил 15 т. за полученіе званія комерц-совѣтника (Протополов), кандидат в министры финансов, директор Соед. Банка в Москвѣ гр. Татищев преподнес самому патрону 100 тыс. (Белецкій), черновик договора, найденнаго при одном обыскѣ, опредѣлял куртаж Распутина в случаѣ проведенія большого подряда на армію в один миллион (нач. Охр. Отд. в Спб. ген. Глобачев — Белецкому), и т. д. и т. д. Распутин “даром ничего не дѣлал” — и можно было бы привести длиннѣйшій список даяній, притекавших в “контору на Гороховой”. Эти деньги возможно прилипали в значительной своей массѣ к рукам посредников — сам “старец” подчас ограничивался “собольей шапкой” или ящиком мадеры (Хвостов). Но тѣм не менѣе денежные ресурсы были обильны, не говоря уже о добровольных даяніях драгоцѣнными бездѣлушками и широкаго финансированія на ежемѣсячное житіе из секретных фондов департамента полиціи. Предсѣдатель Чр. Сл. Ком. Муравьев при допросѣ Родзянко задал ему вопросъ: “А до Гос. Думы доходило, что министры платили Распутину небольшія, но все же вступныя деньги?” Родз.: “Об этом говорили, но я боюсь быть привлеченным за клевету”. Предс.: “Нѣкоторые из них это признали” *). Родз.: “У нас было такое мнѣніе, что внѣ собольей шубы или шапки это не идет”... Чр. Сл. Ком., очевидно, не обнаружила богатства царскосельскаго фаворита, иначе трудно себѣ представить возможность голословнаго отрицанія такого факта со стороны слѣдователя, ведшаго в комиссіи дѣло Распутина — при всей его послѣдующей тенденціозности, Руднев считал Распутина “бѣдняком, безсребренником”. Слѣдователь Соколов установил, что “только в Тюменском отдѣленіи Гос. Банка послѣ его смерти оказалось 150.000 рублей”...

**
*

То, что могло твориться вокруг пьянаго “старца” в смыслѣ шпионских достиженій, в данном случаѣ для нас не представляет значенія, интересен может быть лишь сознательный “шпионаж”, т. е. личность организациі, имѣвшейя в придворной “прихожей”, будь то на квартирѣ “старца”, в приемной “китайскаго божка” или в “маленьком домикѣ” в Царском. “Les hommes verts” — им Керенскій посвятил цѣлую главу в книгѣ “La Vérité” — вымысел ли это или в какой-то мѣрѣ дѣйствительность? Как будто можно считать, что псевдоним “зеленый” фигурировал в нѣкоторых “аллегорических” по содержанію телеграммах, полученных в Царском — я лично в этом все же не внолѣ увѣрен. Еще Хвостов показывал в Чр. Сл. Ком., что это “поразило, что нѣкоторыя телеграммы в Ц. С., которыя мнѣ иногда попадали в руки (я говорю “иногда”, потому что перлюстрація почтовой станціи была в руках Белецкаго, так что мнѣ удавалось только урывками от кого-либо получать — если кто хотѣл выслужиться, напримѣр), были за подписью “зеленый”... Телеграммы эти шли на имя Вырубовой, которая передавала их во Дворец. Хвостов сопоставлял

*) Очевидно, Муравьев имѣл в виду слова Протополова, что он уплатил на содержаніе Распутина 3.500 рублей из своих денег.

эту подпись с псевдонимом, под которым появлялись в “Гражданинѣ” Мещерскаго статьи извѣстнаго биржевого дѣльца Мануса. Подозрительность специалиста по изысканію пѣмцевой интриги не шла, однако, тогда дальше предположенія, что таким путем проводились нѣкоторыя коммерческія дѣла.

Изысканія Соколова подтверждали и позднѣйшую наличность телеграмм за подписью “зеленые”. Один член Гос. Сов., котораго слѣдователь допрашивал, как и других, в Парижѣ в 1921 г., но имя котораго назвать он снова воздержался, сообщил, что в концѣ ноября 16 г. ему было поручено от имени “центра” Гос. Совѣта передать Протопопову, что тому необходимо для спасенія отечества добровольно отказаться от власти. Бесѣда происходила в полночь 2 декабря в кв. Протопопова. Последній согласился. На другой день этот член Гос. Совѣта от нѣкоего лица, которое оказалось осведомленным о почном визитѣ к Протопопову, узнал, что в ту же ночь Протопопов отправился к Распутину, гдѣ его ждали, и тотчас же в Царское была адресована телеграмма: “Не соглашайтесь на увольненіе директора-распорядителя. Послѣ этой уступки потребуют увольненія всего правленія. Тогда погибнет акціонерное общество и его главный акціонер”. Подпись на телеграммѣ была: “Зеленый”. Таков новый вариант уже извѣстной нам телеграммы о Калининѣ. Анонимное свидѣтельство с ссылкой на другой аноним не может служить авторитетной базой. Но не будем скептиками. Директор главнаго почтамта в Петербургѣ Похвиснев подтвердил Соколову, что по его воспоминаніям в концѣ 16 г. была телеграмма Царю за подписью “зеленый” с аналогичным содержанием.

Вот все, что мы знаем о “зеленых”! Не так много, чтобы дѣлать скороспѣлыя рискованныя заключенія. Псевдоним “зеленые” не стоит одиноко. Не мало псевдонимов мы встрѣчаем в царской перепискѣ; термина “зеленые” нѣтъ, но на лицо “желтые”, под которыми подразумеваются близкіе люди, находившіеся в Ставкѣ во времена “Николаши” и сопровождавшіе Царя при его пріѣздах туда. Чрезмѣрная подозрительность может привести к прямому курьезу. Так предсѣдатель Чр. Сл. Ком. счел особым символом “распутинцев” постановку креста в началѣ письма, и его не убѣдили увѣренія Протопопова, что так дѣлают вообще многіе религіозные православные люди, перенявъ этот обычай от духовных лиц*). Никакого политическаго смысла первоначально не вкладывалось в прозвища, которыя употребляла подчас А. Ф., называя “Аню” в письмах к мужу “коровой”, мит. Макарія — “премудростью”, Питирима — “сусликом”, Горемыкина — “стариком”, Протопопова — “Калининым”. Попадаются наименованія “мотылек”, “красная шапка”, “дрѣтущій”, и т. д. Явленіе довольно обычное в семейном обиходѣ и издавна распространенное в семьѣ Романовых в широком смыслѣ (см. дневник Мар. Фед.) — министр Двора Фредерикс назывался, напр., “павлином” или “нускнакером” (щелкунчик), дворцовый комендант Воейков за свою лысину “голым”, не говоря уже о ласкательных интимных прозвищах членов семьи: А. Ф. — “солнышко”, наследник — “солнечный луч” и т. д. Под влияніем “Друга” символика, быть может, усилилась — “Друг” всегда прибѣгал к алле-

*) Как бы удивился Муравьев, если бы знал, что декабрист Лунин (католик) во всѣх своих революціонных сибирских письмах ставил крест!

горяим: “Суслика” (Питирима) на Кавказ, а к нам “благословеніе” (Варнаву) — гласили какія-то телеграммы, ходившія, по крайней мѣрѣ, по рукам в Гос Думѣ (показаніе Хвостова). Постепенно эти прозвища стали употребляться и из желанія скрыть лицо, о котором идет рѣчь, даже в интимной перепискѣ, отправляемой с фельдъегерем. Подобная тенденція родилась на почвѣ недоувѣрія, выросшаго послѣ разоблаченія хвостовской эпопеи. Еще задолго до этой исторіи, глубоко взволновавшей А. Ф., послѣдняя писала: “как трудно, когда есть что-нибудь, что необходимо тебѣ немедленно сообщить, и я не знаю, не читает ли кто-нибудь наших телеграмм” (8 сен. 15 г.). И равьше 30 августа: ...“У меня к тебѣ столько вопросов, так много надо рассказать тебѣ, но — увы! мы с тобой не условились насчет шифра. Я не могу ничего передать через Дрентельна, а по телеграфу тоже не рѣшаюсь — за телеграммами слѣдят. Я увѣрена, что министры, враждебно настроенные ко мнѣ, слѣдят за мной, а это меня нервирует при писаніи” *). Отсюда “конспирація” довольно наивная. Эта конспирація шла crescendo в связи с осложненіями во внутренней политикѣ, боевой позиціей Думы, убійством “Друга” и фамильной оппозиціей...

Послѣ гибели царской семьи, в Екатеринбургѣ, в уборной дома Ипатьева, нашли запрятанную записную книжку с императорским шифром — в ней собственноручно А. Ф. английским кодом были зашифрованы вопросы управленія, имена государственных и общественных дѣятелей, слова: мятеж, беспорядки, роспуск Думы и т. д. Соколов, так подробно останавливавшійся в своем разслѣдованіи на второстепенных деталях, говорит об этом мимоходом, не стараясь выяснить время, к которому может быть отнесена данная “конспирація”. Придавать ей какой-нибудь особый специфическій характер, очевидно, не приходится, ибо среди имен фигурируют генералы Алексѣев, Рузскій, Гурко и др. Наличие псевдонимов и шифра приводит Соколова к выводу, что какая-то организациія вокруг Императрицы существовала. Возможно — в послѣдніе два мѣсяца существованія режима; вѣрнѣе, подобіе негласнаго соглашенія кружка политических единомышленников, толкавших верховную власть на своего рода “государственный” переворот. Могла ли быть связана эта инициатива с вопросом о сепаратном мирѣ — мы рассмотрим особо. Игра в конспирацію могла привлечь к себѣ двух истеричных женщин, мечтавших вершить судьбы Россіи. Достаточнаго матеріала для сужденія в нашем распоряженіи нѣтъ — допустим, что компрометирующіе документы были уничтожены в революціонные дни. Однако, какія бы цѣли не ставили себѣ сторонники *coup d'état*, но из совокупности всего изложеннаго уже представляется как бы несомнѣнным, что верховная власть — и прежде всего А. Ф. — видѣла в новом направленіи государственной жизни прежде всего залог успѣха побѣдоноснаго окончанія войны, чему в ея представленіи мѣшала притязательная оппозиція Гос. Думы. В такой комбинаціи “зеленые” из Швеции, если они даже существовали не в воображеніи, а в реальности, должны быть скинуты с исторических счетов, поскольку рѣчь идет об участіи верховной власти в нѣмецкой интригѣ...

*) 22 августа: ...«Теперь Н. П. (Саблин) телеграфирует Анѣ, пока я не буду увѣрена, что никто за нами не наблюдает».

Политическій фольклор дает нам подчас представление о своеобразном преломленіи слухов в массовом сознаниі. Наш общественный фольклорист Каррик записал слышанную им версію в низах: убит Распутин для того, чтобы посадить в. кн. Ник. Ник. на престол и заключить мир. А б. тов. обер-прокурора Св. Синода, кн. Жевахов, помимо евреев-революціонеров, нашел другое объясненіе: Распутин был “предательски убит англійскими агентами Интернаціонала, избравшими палачем... германофила Пурншевича”.

II. — ПРИЗНАНІЯ ПРОТОПОПОВА.

Послѣ убійства Распутина молва перенесла на Протопопова былой ореол “мученически погибшаго” старца. К Протопопову, по выраженію Бьюкенена, перешла “мантія Распутина”. Молву эту отмѣтила и записка петербургскаго охраннаго отдѣленія. “Распутин второго изданія” пытался в Чр. Сл. Ком. опровергнуть “чудовищные” слухи, которые о нем “распускали в Думѣ”: будто бы он в Царском “старался сбѣять мысли”, что в него “переселился дух Распутина”. Протопопов называл такіе слухи “форменной ложью”. Объективно, возможно, были ложны, но субъективно правдоподобны свѣдѣнія, занесенныя Палеологом в одну из январских записей: французскому послу сообщили, что в салонѣ стараго в. кн. Б., извѣстнаго “окультиста” и “некроманта” мин. вн. д. Протопопов и мин. юстиціи Добровольскій часами высидивают по вечерам, вызывая дух усопшаго “старца”. В частности Палеолог ссылается на свидѣтельство мин. ин. д. Покровскаго. Дочь Распутина в дневникѣ (отрывки были опубликованы слѣдователем Соколовым) говорит о спиритических сеансах с вызовом духа Распутина на квартирѣ Вырубовой. Это вполне соответствовало суевѣрно-мистическим представленіям Протопопова. Недаром московскій монархическій дѣятель Кельцев, быть может, в данном случаѣ только подлаживаясь под настроенія шефа министерства вн. д., испрашивая 2 января аудіенцію у директора деп. полиціи Васильева, чтобы узнать “предназначенія” министра, в официальном письмѣ занимался такой кабалистикой: “астрономическое значеніе сложности цифр 1917 года (равняется 18 : 2 равняется 9 : 3 равняется 3) пророчит побѣду чистаго (ангельскаго) над нечистым (атгельским), правды над клеветой и злом; бѣсовское над человѣческим, будем вѣрить, что не восторжествует, а посрамятся лиходѣи трона и государственности. Таких годов немного, а особо значительно, что в этом столѣтїи сложность 18 не была превзойдена ни одним годом с 1899 — 27”. По существу, однако, апокалипсическія “предуказанія” цифровых сочетаній мало чѣм отличаются от какой-нибудь масонской символистики, распространенной в нѣкоторых общественных кругах, о значеніи цифр, равно как и предсказанія старцев Оптиной пустыни ничѣм не выдѣляются по сравненію с пророчеством “старіцы” новгородскаго монастыря, к которому довѣрчиво прислушивалась А. Ф. Вѣра в “духовидцев” и в мистика “спиритов” далеко еще не изсякла в наше столѣтіе — даже в Царское она проникла через салон в. кн. Ник. Ник. Бѣдный Хвостов совершенно запутался в своих изысканіях, в качествѣ мин. вн. д., в области “потусторонняго міра”, когда пытался выяснитъ взаимоотно-

шенія существовавших будто бы кружком “черных” и “бѣлых” оккультистов (“черные” вселяли в Распутина “коллективную силу гипноза”, “бѣлые” эту силу “снимали”). Поэтому и не приходится видѣть со стороны Протопопова только сознательную “игру” (см. ниже главу “Хиромант Перрен”). Неврастеническій мистицизм Императрицы мог находить искренній отклик в “неврастении” Протопопова. А. Ф. непоколебимо вѣрила в святость “Божьяго человѣка”, Протопопов также непоколебимо мог вѣрить в его чудодѣйственную магнетическую силу, хотя, естественно, в Чр. Сл. Кѳм. рѣшительно от этого отказывался, клеймил себя, говорил о претупленіи в нем “нравственной брезгливости”, вызванном тѣм, что он залутался в “лабиринтъ”, оставаясь во время болѣзни в течение девяти мѣсяцев в бадмаевском кружкѣ*).

Замѣнить “незабвеннаго Григорія” Протопопов не мог, но передать услышанный призыв “духа” на спиритическом сеансѣ он мог. Его авторитет должен был возрасти**). Вокруг него отнынѣ сосредотачивает молва всю закулисную работу по подготовкѣ сепаратнаго мира, его выставляет вдохновителем и через посредство его вліянія в Царском Селѣ связывает верховную власть, несмотря на всѣ видѣнія, столь опредѣленныя с ея стороны заявленія, с нѣким актом, носящим измѣнническій характер.

Молва эта родилась, конечно, на почвѣ муссированія стокгольмскаго свиданія в дни ноябрьскаго и декабрьскаго кризиса власти — общество не отдавало себя отчета в том, что запоздалое воскрешеніе стокгольмскаго эпизода являлось только средством политической борьбы. Англійскій посол в свое время довольно спокойно, как мы видѣли, отнесшійся к сообщенію о туристском походе Протопопова (стокгольмское свиданіе), не только говорил о нем с Царем во время октябрьской аудіенціи послѣ информации, полученной из Лондона от Грея, но и вернулся к этой темѣ уже по собственной инициативѣ наканунѣ новаго года, когда на замѣчаніе Царя, что он и народ “объединены рѣшимостью выиграть войну”, пытался показать, что не таково настроеніе людей, которым поручено веденіе дѣла войны. Бюккенен говорил о шведских агентах, которые дергают веревочки и поль-

*) Для позитивистов мистика — область непознаваемая. Глава временнаго революціоннаго правительства второго состава в книгѣ, посвященной трагедіи царской семьи раскажет о вѣщем предзнаменованіи, услышанном в декабрѣ 14 г. на фронтѣ членом Гос. Думы Демидовым от «ясновидящей». Она увидела Царя убитым на полу в комнатѣ. Рядом с ним Императрицу. «А дѣти?» — воскликнул вопрошавшій. «Я не могу их разглядѣть» послѣдовалъ отвѣтъ. Ясновидящая предвидѣла побѣду союзников, среди которыхъ не было Россіи; вмѣсто Россіи ей представлялась равнина, покрытая снѣгом и на ней покинутая хижина с сорванной вѣтром соломенной крышей... Керенскій сопровождал свой рассказъ комментариемъ, сущность котораго сводится к тому, что люди, ищущіе в жизни разума и не понимающіе движущей міра погусторонняго, никогда не поймутъ движущихъ факторовъ исторіи.

**) Об этихъ спиритическихъ сеансахъ упоминаетъ и Родзянко в воспоминаніяхъ (онъ передаетъ то, что «разсказывали»). Между прочимъ, со словъ гр. Граббе онъ сообщаетъ, что послѣдній, приглашенный къ завтраку небезвѣстнымъ кн. Андронниковымъ, встрѣтилъ тамъ человѣка, похожаго, «какъ двѣ капли, на Распутина: борода, волосы, костюмъ — все было подъ Распутина». Разсказъ довѣря к себѣ не вызываетъ, если принять во вниманіе положеніе Андронникова послѣ убійства Распутина: онъ подвергся высылкѣ (см. главу «В царской прихожей»).

вуются, как бессознательным орудіем, тѣми, кто руководит Царем при выборѣ его министров... "Они косвенным образом вліяют на Государыню через ея приближенных и в результатѣ... Е. В. потеряла всякое довѣріе, и ее обвиняют в гермаофильствѣ". Это и была та аудіенція, о которой говорила Нарышкина. В частности о Протопоповѣ Бьюкинсн сказал, что "до тѣх пор, пока он будет министром вн. д., не может быть совмѣстной работы между правительством и Думой, а это является первым условіем побѣды". "Я выбрал Протопопова, — прервал его Царь, — из среды Думы, чтобы сдѣлать ей пріятное, и вот моя награда". "Но, В. В., — сказал посол, — Дума не может довѣрять человѣку, который... имѣлъ интервью с нѣмецким агентом в Стокгольмѣ, и котораго подозревают в сношеніях с Германіей в цѣлях примиренія с ней"... "Протопопов, — возразил Царь, — вовсе не гермаофил, и слухи, циркулирующіе по поводу его интервью в Стокгольмѣ, сильно преувеличены" *).

"Гермаофильская" репутація настолько прочно укоренилась за Протопоповым, что в февралѣ сибирское дворянство, котораго он был "предводителем" до назначенія министром, все еще судило его за "бесѣду с Варбургом", а петербургское "Общество 14 г. по борьбѣ с нѣмецким засиліем", занесло его имя на "черную доску". Впослѣдствіи сам Протопопов косвенно как бы подтвердил правило, что нѣтъ дыма без огня. В предсмертной запискѣ своей, составленной в августѣ 18 г. и напечатанной в заграничном "Голосѣ Минувшаго", он говорил, что "экономическія причины" заставили его с іюля 16 г. "неоднократно говорить о желательности прекращенія войны". Но, — оговаривался Протопопов, — у него не было данных "для конкретнаго выступленія с единственным средством, которое предотвратило бы разруху — это заключеніе всеобщаго мира": экономическія причины он считал "серьезными, но не рѣшающими". "Я не был так увѣрен в правильности своего мнѣнія, чтобы непоколебимо и немедленно проводить его в жизнь". Толкнуло Протопопова на составленіе записки, — как он говорит, — появившееся в газетах сообщеніе, что гетм. Скоропадскій, увольняя в Кіевѣ министра вн. д. Лизогуба, который доложил ему, что на Украинѣ все спокойно и благополучно, сказал: "мнѣ Протопоповых не нужно". Признавая, что "реальной пользы" от его писанія не будет, Протопопов, свободный от давленія условій, при которых протекала работа Чр. Ст. Ком., желал объективно показать, что он, в качествѣ министра вн. д. был достаточно предусмотрителен и предостерегал Николая II. Мысль дѣлать переворот во время войны казалась ему "чудовищной", и он тщетно надбѣялся, что это будет усвоено лидерами оппозиціонных партій. Но "им казалось, что власть, попав в их руки, будет тверда и популярна. Они не замѣчали всю теоретичность, скажу сентиментализм, своих программ; они не предвидѣли, что управленіе страшною потребует либо отказа от многих утопій и приведет их к повторенію осужденных или пріемов старой власти, либо жизнь вырвет силу из их рук, выдвинет крайніе элементы, и многочисленныя, великомощныя собранія низкаго уровня будут творить свое безумное дѣло разрушенія на ужас цивилизованному міру и на гибель своей злосчаст-

*) Мы еще вернемся к этой аудіенціи, в которой англійскій дипломат (по его словам) предупреждал об опасности грядущей революціи.

ной родины. Их жажда власти была так велика, что они не допускали старое правительство исправлять экономическую разруху, желая сами пожать плоды успѣха в этом дѣлѣ; сроком переворота они выбрали мировую войну, безумно рискуя ужасами военного бунта и неизбежнаго поражения, лишь бы не имѣть риска потерять крушеніе своих надежд, отложив их осуществленіе до всеобщаго мира”.

В тѣ дни, когда составлялась записка Протопопова, мысль о том, что своевременный выход Россіи из войны был ея единственным спасеніем, пользовалась извѣстной популярностью — ее и использовал Протопопов. Поэтому к его показаніям, в качествѣ историческаго документа для характеристики 16-го года, надо относиться с осторожностью. В бесѣдѣ с четой Рысс*), Протопопов подробно изложил свиданіе в Стокгольмѣ, свой план окончанія войны, доложенный Царю в декабрѣ 16 г. и якобы одобренный Николаем II. Позднѣйшія наслоенія оказывали довольно опредѣленное вліяніе на рассказ Протопопова, когда он представлял стокгольмское свиданіе сознательным актом опредѣленной политики: “Всѣ разумные люди в Россіи, в числѣ их едва ли не всѣ лидеры партіи народной свободы” (к. д.), были убѣждены, что Россія не в состояніи продолжать войну. Материально истощенная, без значительной, тяжелой индустріи, с невѣжественным населеніем, склонным к анархіи — Россія находилась на порогѣ революціи. Но эта революція не могла не принять формы дикаго бунта, губительной для Россіи анархіи. Поэтому представлялось необходимым нацунать почву, при каких условіях нѣмцы согласны заключить мир со всѣми союзниками: о сепаратном (между Россіей и Германіей) не думал ни он, Протопопов, ни кто-либо из его единомышленников. Вот почему Протопопов не считал возможным “уклониться от свиданія с Варбургом”. Другими словами то, о чем всѣ говорили, Протопопов сдѣлал. “Только в этом и была вина моя”, — заключил свой рассказ бывшій министр.

Рысс, сообщившій и комментировавшій “записку” Протопопова, сдѣлал здѣсь примѣчаніе: “По мысли Протопопова, Россія должна была извѣстить союзников за нѣсколько мѣсяцев вперед, что, будучи не в силах вести войну, в назначенное время прекращает эту войну. В теченіе этих мѣсяцев союзники и Россія должны вести с Германіей переговоры, которые не могли не дать положительнаго результата. В случаѣ, если бы союзники отказались от веденія переговоров, Россія все же в указанный срок выходила из войны, заключив мир с Германіей. В этом случаѣ Россія превращалась в нейтральную страну”...

Приходилось уже в связи с недоразумѣніем, вышедшим с текстом Троцкаго, высказывать сожалѣніе, что редакція “Голоса Минувшаго” особо не подчеркнула, что рассказ автора предисловія к “запискѣ”, воспроизводившей бесѣду через десятилѣтній промежуток, не может быть отнесен цѣликом на отвѣтственность Протопопова. Между тѣм Керенскій в своей работѣ “La Vérité” без всяких оговорок приводит этот рассказ, как изложеніе плана, намѣченнаго в началѣ 17 г.

*) Протопопов, помѣщенный в лѣчебницу для нервно-больных и пользовавшійся относительной свободой, имѣл возможность посѣщать с карательным солдатом квартиру Рысс — жена Рысса была представительницей еще существовавшаго тогда политическаго Краснаго Креста.

Никаких доказательств реального существованія подобнаго плана, одобреннаго Николаем II (это вдвойнѣ невѣроятно), пока не найдено. Если Рысс даже вполне правильно и точно изложил то, что говорил Протопопов в августѣ 18 г., это далеко еще не значит, что так в дѣйствительности думал Протопопов на исходѣ 16 года.

Кто же должен был проводить такой “план”, если признать за ним признаки наличности? Для современников, вращавшихся в кругорѣ прогрессивнаго блока, не было сомнѣній в том, что существует — по мнѣнію одних, какой то могущественный германофильствующій синдикат*), по мнѣнію других — “ничтожная кучка безпринципных и себялюбивых авантюристов”, пользовавшихся Императрицей для достиженія своих “выростных цѣлей”.

III. — ЦАРСКАЯ «ПРИХОЖАЯ».

Лидер прогрессивнаго блока так и остался в убѣжденіи, как это слѣдует из текста написанной им “Исторіи революціи”, что он раскрыл с думской трибуны 1 ноября поименно членов “придворнаго кружка” с Императрицей во главѣ. Если это так, то “очень серьезная нѣмецкая организація, из русских состоящая” просто превращается в опереточный пуф. Черты ея дѣятельности могут, пожалуй, украшать страницы бульварнаго романа, но едва ли служат какой-нибудь характеристикой политическаго дѣйствія по выработанному “плану”.

Попробуем конкретизировать то, что получается. “Зеленькіе” в Россіи осуществляют заданія, полученныя от “зеленых” из Швеціи, другими словами из Берлина, и активно ведут подготовку сепаратнаго мира: назначают подходящих министров, ускоряют роспуск палаты народных представителей, которая может противодѣйствовать заговору и т. д. Их центром становится связывающій царскосельскій дворец с внѣшним міром “маленькій домик” играющей в политику Вырубовой, гдѣ сортируются люди по признаку: “свои” и враги, и гдѣ формируются директивы “темнаго застѣнка в Царском” (выраженіе министра Наумова), распутинское логовище на Гороховой, гдѣ чуть ли не открыто происходят сборища шпионов и агентов сепаратнаго мира, и квартира тибетскаго знахаря и коммерческаго дѣльца, гдѣ царит сомнительный ген. Курлов, старый товарищ Протопопова в юношескіе дни, и истинный вдохновитель политических чайній бадмаевских кліентов**).

*) Петербургская писательница Гиппіус, враждебная позиціи прогрессивнаго блока, впоследствии увѣряла читателей «Современных Записок», что в Петербургѣ, дѣйствительно, «имѣлась очень серьезная нѣмецкая организація»; «факт не всѣм, может быть, извѣстный, но **достоверный**» — утверждала Гиппіус. Редактору журнала, Вишняку, свидѣтельство это представлялось очень авторитетным. Между тѣм далеко не представляется очевидным, что писательница могла имѣть какія-либо серьезныя данныя для своего категорическаго сужденія.

***) Сомнительность относится к политическому прошлому этого жандармскаго генерала и строителя желѣзных дорог в Монголіи. Кіевскія событія 11 г. — убійство Столыпина, оборвали его полицейскую карьеру. Ушел он в отставку с плохой репутацией. Ставка в. кн. Н. Н. в началѣ войны ее реабилитировала при большом негодованіи Совѣта министров (записи Яхонтова). Курлов был привлечен к активной дѣятельности и распорядился на правах ген. губернатора в Прибалтійском краѣ; волею той же Ставки он

1. — “Другия” Распутина.

Наде познакомиться хотя бы с частью этого персонажа и сказать нѣсколько слов о самой хозяйкѣ главной “прихожей”. Нѣтъ надобности рисовать во весь рост портрет “другини” Распутина и проникать глубоко в психологію отношеній Царицы к своей бывшей фрейлинѣ, издавна порождавших в обществѣ гору всяких вздорных сплетен (см. дн. Богданович). Переписка А. Ф. с мужем достаточно опредѣленно устанавливает, что до поздней осени 15 г. Вырубова не могла играть никакой самостоятельной роли при Дворѣ, а тѣм болѣе оказывать какое-нибудь вліяніе и быть проводницей каких-нибудь опредѣленных идей. “Простота ума” экзальтированной поклонницы “старца” скорее раздражала А. Ф., которая считала ее “истеричкой”, и подчас сердила Царя: “тебѣ хорошо извѣстно, как она может раздражать” (октябрь 14 г.). А. Ф. нерѣдко радуется, что “надолго избавилась” от своей фаворитки: “почти не о чем говорить с Аней” (фев. 15 г.). Отсутствіе Вырубовой — “настоящій отдых”, ея “навязчивость” тяготит. Была и особая сторона этой раздражающей навязчивости — столь же истерическая влюбленность в Царя неудачливой в замужествѣ русской “красной дѣвицы” (Гиппиус). У А. Ф. не было, конечно, основанія ревновать ее к мужу — только незнакомство с письмами А. Ф. давало возможность слѣдователю Соколову объяснять болѣзненную неврастеничность Царицы ея личными женскими переживаниями*) — и тѣм не менѣе она всегда старается подчеркнуть ту или иную непривлекательную, по ея мнѣнію, физическую черту “влюбленного существа”, которое должно излить свою любовь — “иначе лопнуло бы”. Недаром в семейном кругу “влюбленное существо” прозвали “коровой”. С этой влюбленностью А. Ф. примирилась под вліяніем “Григорія” и просила мужа только сжигать письма с изліяніями своей соперницы: “ничего из ея писем не сохранится для потомства” — отвѣчал муж.

Когда на горизонтѣ Вырубовой появились политическіе дѣльцы в видѣ Хвостова и Белецкаго, А. Ф. неодобрительно сначала отнеслась

была отставлен в августѣ 15 г. за «потворство нѣмцам». Это вздорное, ложное тогда обвиненіе было поддержано членами Думы (в частности Маклаковым), усмотрѣвшими наличность «измѣны» в противодѣйствіи, которое яко-бы оказывал Курлов в дѣлѣ эвакуаціи Риги, кстати сказать совершенно «безумной», по мнѣнію извѣстнаго кн. Ливена (на это требовалось 80.000 (!) вагонов — при полном транспортном кризисѣ). Дѣло было поднято националистической печатью типа «Нов. Времени» и его отпрысков и затронуло не только Курлова, но и мѣстнаго губернатора Набокова (брата думскаго дѣятеля). «Потворство нѣмцам», как установило специальное разслѣдованіе ген. Баранова, выражалось в «нѣкоторой снисходительности в отношеніи к мѣстному дворянству исключительно нѣмецкому по происхожденію», но в то же время и представители дворянства жаловались, что высшая мѣстная власть поощряла «анонимные клеветническіе доносы», высылала заподозрѣнных в нелояльности помѣщиков и т. д. Латышской демократіи генерал Курлов, конечно, не сочувствовал.

*) Повліял ли слѣдователь Соколов на англійскаго журналиста Вильтона, бывшаго в Сибири, или обратно, только и Вильтон склонен давать такое же приблизительно объясненіе мистици А. Ф. — оккультными «науками» Императрица стремилась привлечь Царя, т. е. между ними не было физической близости. Это мог утверждать только человек, не читавшій интимной переписки мужа и жены.

к их визитам: “Это, по моему, напрасно — похоже, что она хочет играть роль в политикѣ” (3 ноября). Но и с этим приходилось мириться, ибо “наш Друг” желал, чтобы Аня “жила исключительно для нас и для таких вещей” (т. е. была бы посредствующей инстанціей). Так “умственно ограниченная” Аня (характеристика слѣдователя Чр. Сл. Ком.) входит в политику, являясь, по выраженію Протопопова, простым “фонографом” Распутина. Была ли она “упряма и хитра” и бѣжала ли по “окольным тропинкам”, как думает Гиппиус, или была она натурой “безкорыстной”, как изобразил ее слѣдователь Руднев? Вѣроятно ни то, ни другое — ни злостная “интриганка”, ни наивное, безхарактерное, общительное существо — святоша, крестившаяся перед “каждой дверью”. Передавая всѣ “глупыя сплетни”, которыя стекались в “маленькій домик”, (“не позволяй Анѣ надѣлать тебѣ глупыми сплетнями — это не принесет никакой пользы ни тебѣ самой, ни другим”, — писал Царь 8 сент. 16 г.) и не очень в них разбираясь, Вырубова выполняла как бы свое высшее назначеніе: и “она от Бога”, — сказал “Друг”. (сент. 16 г.).

“Политика” увлекла и связала обѣих женщин, столь разных по уму (словами “духовная нищета” опредѣлил Жильяр Соколову интеллект бывшей фрейлины) и характеру, но в одинаковой степени экзальтированных и истеричных, неразрывными узами: А. Ф. в политикѣ начинает как бы отождествлять себя с Вырубовой и в письмах, начиная уже с января 1916 г., говорит всегда “мы”. Впослѣдствіи облик “страдалицы”, в котором представлялась Вырубова, обвѣял особым мистическим нѣбом эти житейскія отношенія.

2. — “Русскій Ракомболь”.

Среди агентов “придворнаго кружка” на первом планѣ должен быть поставлен матерой шантажист и специалист по политическому сыску, выдвинувшійся еще во время либеральнаго премьерства Витте, Манасевич-Мануйлов*), на чиновничьем формулярѣ котораго, в концѣ концов, красовалась лаконическая, но сильная резолюція Столыпина: “пора этого мерзавца сократить”. Пришлось русскіи Ракомболу измѣнить карьеру и правительственную службу промѣнять на вольную литературу. Он выплыл на политической сценѣ во время войны, когда был командирован “Новым Временем” за-границу, обвѣздил “всѣ страны” и имѣл возможность в силу прежних связей вести контрабандную борьбу с военным шпионажем. Вершиной его вліянія был момент, когда он при Штурмерѣ занял довольно двусмысленный пост. Манасевич никогда не был “секретарем” при новом премьерѣ — он сам себя так называл для большаго авторитета: он выполнял лишь особыя “секретныя обязанности” при предсѣдателѣ Совѣта Министров. В Чр. Сл. Ком. вызывал большое негодованіе тот факт, что на обязанности премьера лежало охраненіе неприкосновенности частной личности “нашего Друга”. Министры, конечно, созна-

*) Витте кривил душою в воспоминаніях, когда изображал функціи Манасевича совершенно ничтожными, — он был просто приписан (правда, с жалованьем в 7.000 р.) к “канцелярїи” премьера по просьбѣ редактора «Гражданина».

вали всю ненормальность такого положенія: “Вы не были министром, — говорил Макаров Завадскому, — и потому не могли испытывать такую ненависть, как я и все тѣ министры, которые не хотѣли ему кланяться”. Но “миф” был реальностью, с которой приходилось считаться и изменить которую было не в силах министров. Штюрмер не без основанія указывал в Комиссии, что подобныя функція охраненія могли быть поручены только особым, “подходящим для такихъ занятій” людям, к числу которых принадлежал натеренный в сыскѣ “русскій Ракомболъ”. Манасевич был не столько креатурой Штюрмера, сколько агентомъ Белецкаго: “Мнѣ его назначили, не я его избрал”, — говорил Штюрмер, не раз пытавшійся даже избавиться от своего секретаря (так он говорил Волконскому). Нѣтъ потому ничего удивительнаго, что инспирируемый из салона ген. Богдановича ктитора Исакиевскаго собора, прежній обличитель “старца” на столбцах “Нов. Вр.” легко “втерся” в багдаевскій кружок, превратившійся из центра собиранія свѣдѣній против “распутнаго Гришки” и поддержки изобличеній “святого чорта” неистовымъ іеромонахомъ Иллѣодоромъ и его покровителемъ еп. Гермогеномъ, в центр поклоненія “Григорію Ефимовичу”.

Приставленный к “Другу”, Манасевич сразу приобрѣлъ большое значеніе, в силу чего и попал на почетное мѣсто члена “придворной партіи” в думской рѣчи Милокова. “Что меня еще укрѣпило в мыслях, что есть что-то таинственное в способѣ сношеній с германцами, — показывал Милоков в Чр. Сл. Ком., — это прошлое Манасевича-Мануйлова, о котором мнѣ сообщил Извольскій” (бывшій мин. ин. д.). Дѣло, припомним, шло о попыткѣ германскаго посла в Петербургѣ гр. Пурталеса подкупить до войны одного изъ сотрудниковъ “Нов. Времени”. “При этомъ указывалась довольно солидная цифра, кажется 800.000, которая была дана в распоряженіе Пурталеса для этого подкупа. Посредникомъ при этой операціи взялся быть Манасевич, который и сдѣлалъ это предложеніе. Мнѣ говорили, что он сдѣлалъ это предложеніе Пиленко, который рѣзко отказался и прогналъ его. Онъ об этомъ фактѣ высказался уклончиво, но такъ какъ я имѣлъ свѣдѣнія от Извольскаго, а Извольскій сослался на Пурталеса, то это для меня было несомнѣннымъ фактомъ, который давалъ мнѣ возможность на это сослаться, характеризуя Манасевича”. Неясный инцидентъ, о которомъ “уклончиво” высказывался видный сотрудникъ “Нов. Времени” проф. Пиленко, можетъ быть, приобрѣтаетъ и нѣсколько иное освѣщеніе, если принять во вниманіе, что это было тогда, когда “Нов. Вр.” занимало германофильскую позицію и перомъ Меньшикова ожидало от Германіи услуги в видѣ освобожденія міра от морской гегемоніи Англіи.

Много утекло воды за время войны — флюгеръ “Нов. Вр.” повернулся в противоположную сторону. Это было бы естественно, если бы газеты (за родительницей шли и ея дѣти — всякаго рода “Маленькія Газеты”) в своемъ германофильствѣ и “патріотической” подозрительности не доходили до геркулесовыхъ столбовъ. Только в силу этой “тенденціи” статьи суворинскаго органа такъ раздражали А. Ф. и в письмѣ 19 декабря 15 г. она высказывала сожалѣніе, что из-за Барка, не давшаго своевременно денегъ, не осуществился хвостовскій проектъ “частичнаго подкупа Нов. Вр.” и что “в результатѣ газету подкупаютъ

Гучков с евреями, Рубинштейном и т. д.". Проект правительственного "подкупа" не был оставлен — точнее предполагалось "скупить большинство акций", и Белецким были поведены соответствующие переговоры с дочерью Суворина, "акции которой были на невыгодных для нея условиях проданы Русско-Французскому банку". Рубинштейн, представлявший Русско-Французский банк, пошел на уступку акций "даже с некоторым для себя уроном", но сделка не была закончена в силу ухода Белецкого. Дело "в свои руки взял" Штурмер в связи с планом подготовки правительства к выборам в Думу*).

Для шантажных наклонностей "Маски" (псевдоним Манасевича в "Нов. Вр."), состоявшего в закулисных сношениях с Рубинштейном и получавшего от него ежемесячное "жалованье" в 500 руб. за осведомление по внутренним делам газеты, при исключительной "предприимчивости в смысле добывания денежных средств"**, открывалось широкое поле для деятельности вне какого-либо отношения к вопросу о международной ориентации. "Русский Ракомбол" был также прожигателем жизни и всегда нуждался в деньгах. Чрезв. Сл. Ком., следуя по стопам Миллюкова, заподозривала Манасевича в связях с немецкой агентурой***). Между тем естественно было связать Манасевича, имевшего прошлое в борьбе с международным шпионажем, близко сотрудничавшего в свое время с известным Рачковским, с парижской Sureté Générale, состоявшего в приятельских отношениях с французским журналистом Ровельсоном, зав. политическим отделом правительственного офицоза "Temps", не с немецкой агентурой, а с русской контр-разведкой****). В показаниях Чр. Сл. Ком.

*) Впоследствии (1927 г.) Рубинштейн-эмигрант в интервью варшавским польским газетам не постеснялся изобразить эту историю, как предложение со стороны Штурмера продать нам «Нов. Вр.» за 10 милл. (сам Р. за них хотел 3 милл.) и подделиться «барышами». Отказ и послужил де поводом для ареста.

**) Характеристика Климовича. В прошлом Манасевича значилось немало шантажных дел от покупки «любовных писем» великих князей с пользой для себя до ловкого обмена своих кредиторов по методу, который впоследствии применил в государственном масштабе парижский Ставиский.

***) Комиссия очень настойчиво интересовалась, напр., сношениями Манасевича, в качестве зав. ин. отделом «Нов. Вр.», с копенгагенским корреспондентом газеты Карро, уволенным сотрудником парижского «Matin». В чем дело — трудно сказать; это было отголоском еще сентябрьского следствия 16 г. по делу Манасевича. Карро писал Манасевичу о берлинском журналисте Карле Ренз, бывшим «русским агентом в Берлине по печати» — о чем писал, из протокола допроса Манасевича не видно. Может быть, эту переписку следует сопоставить с показанием Протопопова, что мин. вн. д. вскоре после его назначения получило из Ген. Штаба записку с сообщением, что Манасевича «какой-то фронт вызывает в Копенгаген на съезд директоров будто-бы, но что это надо понимать иначе, что это какое-то совещание. Тов. мин. вн. д. Степанов после разъяснил Протопопову, что это письмо к Манасевичу не относится, и что все это «вздор». Показания Протопопова очень неясны — виноват ли в этом допрашивавший или стенограмма, судить не беремся, но в повторной передаче председателя выходило, что перехваченная письма принадлежали самому Манасевичу из Копенгагена, и что назначал он кому то свидание в Карлсбаде. Это свидетельство о конспиративной переписке Манасевича через Копенгаген с Германией. Была-ли какая-нибудь реальная подкладка в этом «вздор» — кто скажет?

****) За труды свои по охране эскадры адм. Рождественского в период прохождения ее Суэцким каналом во время русско-японской войны Мана-

Манасевич отрицал, что являлся кандидатом на мѣсто бездѣйствованшаго в Парижѣ начальника русской заграничной политической агентуры Красильникова, равно и то, что при Штурмерѣ реально создавалось какое-то особое бюро заграничной агентуры, во главѣ котораго он должен был стать. Но Манасевич не отрицал, что разговоры о реорганизаци заграничнаго контр-шпіонажа шли, и что он незадолго до своего ареста получил от ген. Спиридовича письмо, в котором тот сообщал, что его запросили о кандидатах для важнаго порученія за границей, и что он указал на Манасевича и Базили. Очевидно, дѣло касалось, во всяком случаѣ, не тѣх секретныхъ агентов Штурмера по дѣлу сепаратнаго мира, о которых намекал Милуков в рѣчи 1 ноября: слишком не подходяща была для такихъ дѣлей кандидатура Базили...

В батюшинской комиссіи.

(Дѣло Рубинштейна)

В предвидѣніи перспективы большого и отвѣтственнаго назначенія Манасевич принялъ участіе в работахъ Комиссіи ген. Батюшина, созданной по инициативѣ Верховнаго Штаба в дѣлахъ спеціального разслѣдованія дѣл, связанныхъ с обвиненіемъ в содѣйствіи непріятелю. При непосредственномъ участіи Манасевича в качествѣ неофициальнаго члена батюшинской комиссіи — скорѣе ея информатора*) — было возбуждено дѣло противъ того самаго Рубинштейна, который платилъ сотруднику "Нов. Вр." за информацію. Крупный биржевой дѣлецъ, руководитель ряда промышленныхъ предпріятій, в обществѣ именованійся довольно презрительно "Митька Рубинштейн", не пользовался хорошею репутаціей и считался в то время, несмотря на директорство в Русско-Французскомъ банкѣ, однимъ изъ главныхъ проводниковъ черезъ Распутина плана сепаратнаго мира. 10 іюля Рубинштейнъ былъ арестованъ по формальному обвиненію в том, что онъ "способствовалъ непріятелю" своими финансовыми операціями. Разоблаченія, какъ и предполагалось, предварительно появились в органѣ Суворина-сына "Маленькой Газетѣ". Одновременно с Рубинштейномъ былъ арестованъ журналистъ Стембо, помогавшій Протопопову в организаціи будущаго конкурента нововременскаго органа — "Русской Воли".

севич получилъ даже орденъ Владиміра 4-й ст. Самъ будущій посолъ в Россіи Палеологъ, в качествѣ завѣдывающаго русскимъ отдѣломъ министерства ин. д., имѣлъ дѣла с заподозрѣннымъ имъ потомъ в шпіонажѣ русскимъ полиційскимъ агентомъ. Онъ пояснялъ въ послѣдствіи Бьюкенену, что не могъ тогда игнорировать шефа информаціоннаго отдѣла вліятельной газеты. Принималъ Палеологъ Манасевича и в Петербургѣ, какъ видно изъ его дневника. Бурцевъ, вошедшій на почвѣ любви своей къ изысканіямъ в области политическаго сыска в столь близкій контактъ с «русскимъ Ракомболомъ», что послѣдній сдѣлался сотрудникомъ возобновленнаго «Общаго Дѣла» (беззащитный авантюристъ в показаніяхъ именовалъ Бурцева своимъ «пріятелемъ», за сотрудничество съ которымъ получалъ, по словамъ Белецкаго, соответствующую мзду изъ департ. полиціи), рѣшительно отрицалъ возможность прикосновенія Манасевича къ нѣмецкой агентурѣ.

*) Впрочем, при обыскахъ появлялся и самолично Манасевичъ в видѣ нѣкоего «господина в штатскомъ». Такъ было в шантажномъ дѣлѣ с банкиромъ Утеманомъ, котораго предварительно Манасевичъ соотвѣтственно «мазалъ» в «Вечернемъ Времени». Такъ было даже в дѣлѣ Рубинштейна.

Итак, один из видных людей, при посредствѣ которыхъ “нѣмецкая организация” в Россіи сносилась с зарубежными нѣмцами, содѣйствовалъ аресту одного изъ главныхъ вдохновителей кампаніи по подготовкѣ сепаратнаго мира. Дѣлалось это при содѣйствіи и чуть-ли не по наущенію того самаго министра вн. д., который былъ назначенъ на этотъ постъ в дѣлахъ осуществленія разработаннаго в антуражѣ “Друга” плана. При этомъ с арестованнаго нѣмецкаго агента по ходячей версии, подхваченной Милоковымъ, за освобожденіе остальные представители нѣмецкой агентуры предполагали получить крупную денежную сумму для общаго дѣлежа — этимъ они такъ были озабочены и такъ боялись, что в послѣднюю минуту захваченная добыча събѣжитъ за границу, что “секретарь” Штюрмера получилъ специальное распоряженіе присутствовать при обыскѣ. Грубая неувязка здѣсь слишкомъ выпираетъ. Фанатикъ “нѣмецкой интриги” Хвостовъ все же былъ болѣе послѣдователемъ в показаніяхъ Чр. Сл. Ком., когда утверждалъ, что дѣло о шпионажѣ Рубинштейна потому и не было доведено до конца, что Манасевичъ, какъ “старая лиса”, умѣлъ “отъ норы отводить всякое дѣло”. Другая распространенная версия, противоположная “взяткѣ”, говорила о преступномъ покровительствѣ Штюрмера, который старался замѣть дѣло. Нѣтъ невѣроятнаго в томъ, что слухъ этотъ под сурдинку былъ, дѣйствительно, пущенъ директоромъ деп. полиціи Климовичемъ.

Что представляло собой в сущности “прееловутое” дѣло о госуд. измѣнѣ банкира Рубинштейна, какъ нельзя лучше показываютъ воспоминанія прокурора судебной палаты Завадскаго, къ которому обратился ген. Батюшинъ за “консультацией”: “Ген. Батюшинъ оставилъ мнѣ все дознаніе... и я до сихъ поръ не могу забыть того чувства подавленности, которое овладѣло мной по прочтеніи этого дѣтскаго лепета: все слухи, сплетни, все обрывки безъ начала и конца. Разказы генерала были только смѣлою попыткой реконструкціи цѣлаго зданія изъ жалкихъ обломковъ и отдѣльныхъ кирпичей. Если Рубинштейнъ былъ виновенъ, то Батюшинъ, Рѣзановъ и Ко послужили лучшей ему защитой, потративъ даромъ такъ много драгоценнаго для умѣлаго слѣдствія времени; если же Рубинштейнъ былъ невиновенъ, то вѣдь это ужасъ: сидѣть подъ замкомъ полгода, пока о тебѣ собираютъ не улики, а какіе-то анекдоты. Я далъ себѣ трудъ и написалъ для ген. Батюшина “шпаргалку” того, что по меньшей мѣрѣ должно быть установлено дознаніемъ, если онъ не желаетъ освобожденія Рубинштейна в самый моментъ приступа къ предварительному слѣдствію. Батюшинъ на меня вознегодовалъ ужасно: противъ освобожденія Рубинштейна онъ возставалъ съ жаромъ, говоря, что военное командованіе этого не потерпитъ, а дознаніе, в которомъ запутался, хотѣлъ отпихнуть отъ себя, во что бы то ни стало”. “Ген. Батюшинъ ушелъ отъ меня врагомъ”, — добавляетъ Завадскій. Ушелъ не только “врагомъ”, но и заподозрилъ самого прокурора в силу его “польскаго происхожденія”.

Комиссія ген. Батюшина, находившаяся в вѣдѣніи военныхъ властей, крѣпко держала Рубинштейна подъ запоромъ. Руководитель Комиссіи, какъ засвидѣтельствовалъ опытный судебный дѣятель, не очень разбирался в юридическихъ тонкостяхъ*) и еще менѣе в своихъ соб-

*) Самъ Батюшинъ, проявившій впоследствии на процессѣ своего сотрудника Манасевича-Мануйлова совершенно исключительную наивность, под-

ственных подчиненных, среди которых был ученый специалист по нѣмецкому шпіонажу, пом. воен. прокурора, сотрудник все того же "Нов. Времени", покровительствовавшій своему коллегѣ Манасевичу, полк. Рѣзанов, котораго выдвигали на пост директора деп. полиціи, и прапорщик военного времени, прис. пов. Логвинскій, избличаемый всѣми во взяточничествѣ при исполненіи своих слѣдовательскихъ обязанностей (попал, в концѣ концов, под суд). Можно допустить, что вокруг дѣла банкира Рубинштейна происходила какая-то пляска шакалов, в которую вмѣшался самый разнообразный персонаж: не зря оно было в заключеніе изъято из вѣдѣнія петербургской юстиціи и передано на разсмотрѣніе эвакуированной варшавской судебной палаты. Когда-нибудь историкъ предреволюціоннаго времени придется заняться "батьюшкинской комиссіей", и он сумѣет отдѣлать ходячія версіи от того, что было в дѣйствительности. При теперешнемъ состояніи матеріала это сдѣлать почти невозможно. Протопоповъ показывал, что в февралѣ он счел необходимымъ вмѣшаться в дѣятельность Комиссіи, которая своими необоснованными обысками и арестами запугивала лицъ торгово-промышленнаго міра, и рекомендовалъ Царю замѣнить попавшаго "под сильное воздѣйствіе" Логвинскаго Батьюшина "способнымъ к сыску человѣкомъ" — Белецкимъ. Протопоповъ знал, что Белецкій "нечистъ в денежныхъ дѣлахъ, но надѣялся, что он исправится и будетъ честно исполнять свой служебный долгъ" — министръ "взялъ с него клятву передъ иконой". Царь знал о "дурной репутаціи" Белецкаго и общался подумать об его кандидатурѣ*).

Рубинштейновская эпопея, т. е. исторія освобожденія ея невольнаго виновника, столь возмутившая лидера думской оппозиціи, можно сказать, никакого отношенія к области "измѣнческихъ" дѣяній не имѣла**). Верховная власть была втянута в эту эпопею, как и в исторію процесса самого Манасевича-Мануйлова, арест котораго послѣдовалъ черезъ мѣсяцъ. Но какіе мотивы руководили такимъ вмѣшательствомъ? Письма А. Ф. даютъ отвѣтъ, не допускающій двусмысленнаго толкованія. Хвостовъ и Белецкій в показаніяхъ утверждали, что между Распутинымъ и Рубинштейномъ издавна существовали дружескія отношенія, которыя банкиръ использовалъ в дѣлахъ своихъ финансовыхъ опе-

черкивал, что 12 лѣтъ занимался «контр-развѣдкой» и провел такіа дѣла, какъ, напр., в полномъ смыслѣ слова убійство по суду заподозрѣннаго в шпіонажѣ и в этомъ отношеніи невиннаго жанд. полк. Мясоѣдова. Довѣрчивость кавалерійскаго генерала шла такъ далеко, что он давалъ своимъ сотрудникамъ ордера на обыски, написанные *in blanco*, т. е., пустые, за своей подписью. Курьезнѣе всего, что самого ген. Батьюшина сотрудники петербургской контр-развѣдки склонны были обвинять в службѣ во вражескомъ лагерѣ. В доноскахъ, поступавшихъ в контр-развѣдку, заподозрѣвались и бр. Суворины в принадлежности к преступной «шайкѣ германо-анархистов».

*) В литературѣ на защиту батьюшкинской комиссіи еще в 1917 г., когда членамъ комиссіи грозила скамья подсудимыхъ, выступилъ Бурцевъ — можетъ быть, и нѣсколько преждевременно.

**) Белецкій передавалъ со словъ Рѣзанова, что послѣдній все же не счелъ возможнымъ в итогѣ данныхъ произведеннаго имъ дознанія предъявить обвиненіе по ст. 108 и не подписалъ журнала комиссіи о преданіи Рубинштейна суду, за что и былъ отчисленъ в распоряженіе штаба главкомандующаго сѣв. фронтомъ Русскаго. По свѣдѣніямъ газетъ того времени Рубинштейнъ обвинялся в продажѣ биржевыхъ цѣнностей за границей, дискредитированіи рубля, спекуляціи хлѣбомъ на Волгѣ, покупкѣ домовъ, высокихъ комиссіонныхъ в банкѣ и т. д. Слѣдователь Соколовъ при отсутствіи данныхъ в моментъ про-

рацій. По словам Белецкого, Хвостов, затѣвая расправу с Распутиным, принялъ совѣтъ (данный Белецким “для затягиванія дѣла”) “ввести яд в мадеру” и предполагал послать ящик отравленнаго вина от имени еврея Рубинштейна для того, чтобы потом связать как-нибудь Рубинштейна с дѣлом отравленія Распутина. Эти дружественныя отношенія банкира и “старца” не были, однако, столь близкими, чтобы свѣдѣнія о них дошли до Императрицы, хотя Рубинштейн был и в добрых отношеніях с женой предсѣдателя Совѣта Министров Горемыкина и “хорош” с министром финансов Барком*). Мы видѣли уже, как реагировала А. Ф. на сообщеніе о покупкѣ Рубинштейном паев “Нов. Вр.”. За три мѣсяца перед тѣм реплика в письмѣ А. Ф. еще болѣе показательна. 10 сентября (15 г.) она писала — ясно на основаніи слов “Друга”: “Какой то Рубинштейн дал уже 1.000 р. и согласен дать еще 500 тыс. на изготовленіе аппарата (рѣчь шла о аэропланѣ), если он получит то же самое, что Манус (т. е. чин дѣйст. ст. сов.). Как некрасивы эти просьбы в такое время — благотворительность должна покупаться — это гадко!”. Но “Друг” убѣдил, что в военное время нельзя не принимать подобной благотворительности.

Совершенно естественно, что жена Рубинштейна, понавашиго в такую передѣлку, обратилась за помощью “Друга” для освобожденія мужа из узилища — другого средства разрубить гордиев узел в батюшинской комиссіи не было**). Уплатил ли при этом Рубинштейн 100 тыс. “старцу”, как то утверждал никто иной, как Манасевич, мы, конечно, не знаем. Может быть, дѣло и ограничилось тѣми букетами цвѣтов в 500 руб. женѣ Распутина, а потом Вырубовой, о которых говорил в Чр. Сл. Ком. Протопопов. Воздѣйствіе “Друга” возымѣло вліяніе, но как скромны выраженные Императрицей пожеланія в письмѣ 26 сентября, когда она просила мужа поговорить с Протопоповым относительно Рубинштейна “чтобы его без шума отправили в Сибирь”***). Для комментаторов писем остался непонятным мотив, который выдвигала А. Ф.: “его не слѣдует оставлять здѣсь, чтобы не раздражать евреев”. Между тѣм совершенно ясно, что рѣчь идет о псковской тюрьмѣ, об оставленіи зацапаннаго банкира в руках слѣдственной власти из батюшинской комиссіи. “Протопопов, — продолжала А. Ф., — совершенно сходится во взглядах с нашим Другом на этот вопрос. Прот. думает, что это, вѣроятно, Гучков подстрекнул военные власти арестовать этого человѣка в надеждѣ найти улики против нашего Друга. Конечно, за ним водятся грязныя денежныя дѣла — но не за ним же одним. Пусть он совершенно откровенно сознается

изводства своего разслѣдованія, не разобрался в дѣлѣ Рубинштейна и пошел по стезѣ ходячей молвы, которая соотвѣтствовала его общей тенденціи.

*) В упомянутом интервью сотруднику еврейскаго варшавскаго органа Рубинштейн заявил, что он всегда был «заклятым врагом» Распутина и пользовался его вліяніем, как «еврейскій патриот» лишь в общественных дѣлах.

***) По свидѣтельству Протопопова, Рубинштейну пришлось в дни ареста продать даже свои акціи в банкѣ Юнкеру, русскому Второву, с убытком в 2-4 мил. руб.

***) По словам Протопопова, А. Ф. и Вырубова просили его переговорить с Батюшиным, но он, мало зная генерала, «стѣснялся обращаться к нему с ходатайством».

тебѣ: я сказала, что ты всегда этого желаешь, так же, как и я”*)). Ходатаи напирали на болѣзненное состояніе Рубинштейна. Нѣтъ основанія заподозрѣвать искренность А. Ф., когда она писала 31 октября: “этотъ человекъ при смерти” и просила перевести Рубинштейна из Пскова в Петербургъ в вѣдомство мин. вн. д. Послѣднее упоминаніе о Рубинштейнѣ в письмахъ А. Ф. попадаетъ 3 ноября, т. е. за мѣсяцъ до фактическаго освобожденія Рубинштейна — она напоминаетъ о необходимости его перевода, “иначе онъ умретъ в Псковѣ”.

В исторіи царствованія имп. Николая II, написанной проф. русской исторіи в Лондонѣ Персомъ, защита А. Ф. банкира Рубинштейна объясняется не содѣйствіемъ нѣмецкому агенту, какимъ Рубинштейна считалъ англійскій посолъ в Петербургѣ, а тѣмъ, что Рубинштейнъ выполнялъ денежныя порученія Императрицы — черезъ него она помогала своимъ родственникамъ. В этомъ фактѣ ничего зазорнаго нѣтъ, но откуда Персъ заимствовалъ эти, конечно, пустяковыя свѣдѣнія? Источникъ легко открыть — это свидѣтельство Симоновича, о которомъ приходилось упоминать и о которомъ скажемъ ниже нѣсколько словъ для характеристики “секретаря” Распутина. Только иностранецъ, не очень критически разбирающійся в русскихъ источникахъ, можетъ серьезно сослаться на фантастическія, в полномъ смыслѣ этого слова, воспоминанія Симоновича, какъ на источникъ, которому можно довѣрять — Симоновичъ утверждалъ, что Рубинштейнъ, по рекомендаціи Распутина, сдѣлался “банкиромъ Императрицы”.

Хуже, когда русскіе изслѣдователи довѣрчиво относятся къ показаніямъ, болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Ясно, что Манасевичъ не можетъ быть ни при какихъ условіяхъ свидѣтелемъ по дѣлу Рубинштейна. В Чр. Сл. Ком. онъ говорилъ, что для ликвидаціи дѣла Рубинштейна на Гороховой было рѣшено найти “своего министра юстиціи”. Симоновичъ подсказалъ на это “амплуа” Добровольскаго — такого челонѣка, который пойдетъ “на что угодно, лишь бы быть у власти, такъ какъ его денежныя дѣла очень запутаны”: “это та самая юстиція, которая нужна”. Распутинъ будто бы упирался и не хотѣлъ в юстицію проводить “зауряднаго мошенника”, который при личномъ свиданіи произвелъ на него отрицательное впечатлѣніе, но настаивалъ Рубинштейнъ, поманывая “большимъ матеріальнымъ вознагражденіемъ”. Такъ и случилось при поддержкѣ вел. кн. Михаила Ал., и Семенниковъ безъ критики повторяетъ в значительной степени сочиненную Манасевичемъ басню, снабдивъ ее комментаріемъ, что смѣна министра нужна была для ликвидаціи “компрометирующихъ Романовыхъ судебныхъ дѣл”. Самъ Добровольскій, давая отчетъ передъ Чр. Сл. Ком., не отрицалъ, что передъ аудіенціей у Императрицы, у которой онъ и раньше бывалъ съ дѣтьми, посѣтилъ Распутинъ по настоянію Голвиной, — это уже была почти обязательная предварительная стадія прохожденія министерскаго искусства; разсказывалъ Добровольскій и то, что Симоновичъ его посѣтилъ в качествѣ ходатая по дѣлу Рубинштейна и в разговорѣ ссылаясь на высокопоставленныхъ лицъ, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ (сказалъ даже, что министръ рискуетъ тѣмъ, что Импе-

*) Что таково, дѣйствительно, было настроеніе показываетъ позднѣйшая резолюція Николая II о прекращеніи дѣла сахарозаводчиковъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности батюшинской комиссіей: «пусть... усердной работой на пользу родины они искупятъ свою вину, если таковая за ними была».

ратрица им будет недовольна). Говорил Симонович и то, что Рубинштейн “объясал чуть ли не полмиллиона за свое освобождение”. Министр “выгнал” посредника. Может быть, это было и не совсем так. Но Добровольский категорически заявлял, что при двух свиданиях, которые он имел с Императрицей на протяжении своего министерства, “ни единого слова” не было сказано по делу Рубинштейна.

В конце концов дело о Рубинштейне не было прекращено — скажут: из-за боязни Гос. Думы — это все равно. По существу дело о Рубинштейне по всей справедливости надлежало прекратить, оно и было прекращено судебной палатой в революционные уже дни. Если бы современники не были загниотизированы предвзятой идеей, вероятно, запрос об освобождении Рубинштейна, намеченный в заседании бюджетной комиссии Думы 20 января, превратился бы тогда же в запрос о деятельности комиссии ген. Батюшина.

Процесс шантажиста.

С большей экспрессией отнеслась А. Ф. к делу самого Манасевича-Мануйлова, которое назначено было к слушанию в Окружном суде с участием присяжных заседателей на 12-ое декабря. Несмотря на “суженные рамки” предварительного следствия, процесс колл. асс. Ивана Манасевича-Мануйлова, преданного суду за вымогательство, “волею судеб” значительно расширился и непосредственно затрагивал особую комиссию ген. Батюшина. Министр юстиции Макаров, — вспоминает председатель суда Рейнбот, — не нашел возможным своей властью закрыть двери заседания, хотя и был “предупрежден”, что обвиняемый может разгласить “тайны, неприятны для некоторых лиц высшей власти”. Двери были закрыты распоряжением командующего войсками. Процесс Манасевича прежде всего обезпокоил деятелей батюшинской комиссии. Батюшин пытался добиться “прекращения дела” через военные власти и уже достиг того, что Бонч-Бруевичу, введшему контр-разведкой в штаб с.в. фронта, было поручено произвести расследование о действиях тех, кто производил дознание по этому чисто “провокационному” делу. Однако, “контр-атака” прокуратуры, посланной в Ставку подробное изложение существа обвинения, увенчалась успехом, и домогательства Батюшина о прекращении дела приказано было оставить без последствий... Тогда Батюшин обратился в “приворонья” сферы. “Два раза” ген.-прокурор Макаров, — пишет Рейнбот — своими “специальными докладами” парализовал в Ставке влияние дворцового коменданта Воейкова.

На сцену выступила, наконец, сама Царица, писавшая, не очень разбираясь по существу, мужу 10 декабря: “На деле Мануйлова прошу тебя написать “прекратить дело” и переслать его министру юстиции... М. Батюшин, в руках которого находилось все это дело, теперь сам явился к А. и просил о прекращении этого дела, так как он, наконец, убедился, что это грязная история, поднятая с целью повредить нашему Другу, Питириму и др. и во всем этом виноват толстый Хвостов... Иначе через несколько дней начинается следствие — могут снова подняться весьма неприятные разговоры и снова повторится этот ужасный прошлогодний скандал. Хвостов на днях при по-

сторонних сказал, что он сожалеет о том, что “чиком”*) не удалось прикончить нашего Друга”. Прошлогодний скандал (“проклятая история”, по выражению Царя, — вовсе не какое-то “личное... расположение к Манасевичу” (показание Белецкого) — вот что стоит перед глазами А. Ф.: “из этого, — писала она позже, — хотѣли сдѣлать цѣлую историю, примѣшав туда разныя имена (просто из грязных побуждений), и многіе собрались присутствовать на судѣ”. “Правые”, — показывал Белецкій, — “запугали нѣсколько Распутина, Государыню и Анну Александровну тѣм, что Манасевич много знал из интимной жизни”. Штурмер имѣл неосторожность свести этого “ловкаго человѣка” с Вырубовой. Благодаря тому, что “владыка (т. е. Питирим) постоянно был к нему милостив, Манасевич многое знал из политической кухни того времени... его обвиненіе могло повлечь за собой обнаруженіе эпизодов, которых так жадно искало общественное мнѣніе”. Совершенно очевидно, что запугивал никто иной, как Белецкій, который в это время “сошелся с Распутиным и был близок Ан. Ал.” и на запугиваніи строил возрожденіе своей административной карьеры (это ясно из послѣдующих объясненій Белецкого). Сам Манасевич дал в Чр. Сл. Ком. правдоподобное объясненіе, почему на его защиту выступила Императрица: “Когда это дѣло шло, я был освобожден**), и Распутин мнѣ сказал: “Дѣло твое нельзя разматривать, потому что начнется страшный шум в печати, я сказал Царицѣ, и она написала сама министру юстиціи письмо или ея секретарь”... Затѣм, когда было уже назначено, то Распутин мнѣ сказал, что Императрица послала телеграмму Царю о том, что дѣла не будет... Он боялся того, чтобы его имя как-нибудь не всплыло в этом дѣлѣ... Я бывал у него очень часто... Главным образом они боялись, что на судѣ откроются все подробности дѣла Ржевскаго. Вот что их пугало, Вы не думайте, что они защищали только меня. Тут вопрос шел об исторіи Хвостова... Я помню, даже Распутин просил, чтобы Аронзон (защитник Манасевича), пріѣхал к нему и дал ему слово, что о нем не будут говорить... Они боялись, как бы я не раскрыл. Тут все было сдѣлано не столько из-за меня, сколько из-за самоохраны”... Мы можем повѣрить искренности Николая II, сказавшаго как-то Коковцеву еще в 12-м году: “Я просто задыхаюсь в этой атмосферѣ сплетен, выдумок и злобы”.

Царь выполнил просьбу жены. 12 декабря за час до открытія судебного засѣданія Рейнбот был вызван к министру, встрѣтившему его взволнованными словами: “Я только что получил высочайшее повелѣніе прекратить дѣло Манасевича-Мануйлова, считаю, что прекращеніе (не только) подрывает авторитет судебной власти, но и колеблет уваженіе к власти самого Государя, должно измыслить способ не осуществить высочайшее повелѣніе”. “Способ” измыслили — дѣло было отложено за неявкой ряда свидѣтелей. Макаров представил Царю свои

*) Письма А. Ф. я цитирую по совѣтскому изданію. В нем напечатано «чик» и поставлен от редакціи вопросительный знак. В эмигрантском изданіи, воспроизводившем копию писем, было болѣе естественно переведено «чиком», что дѣлает смысл фразы вполне ясной. Напомним, что слово «чик» употреблено Чеховым в «Чайкѣ».

**) При каких условіях произошло это освобожденіе, было рассказано выше со слов Завадскаго.

соображенія по поводу встрѣтившихся затрудненій в осуществленіи высочайшаго повелѣнія. “Доклад остался у Государя без резолюціи”... Макаров подал в отставку, и такъ была принята. Таковъ коррективъ къ “баснѣ” Манасевича о смѣнѣ “юстиціи”, который вводитъ повѣствованіе Рейнбота. В дальнѣйшемъ мемуаристъ рассказываетъ о поведеніи замѣстителя того министра, благодаря “стойкому характеру” котораго дѣло было доведено до судебного разбирательства. “Зная новаго министра (управляющаго министерствомъ), какъ человѣка не особенно стойкаго в принципахъ, большинство... было увѣрено, что прекращеніе судебного производства теперь неминуемо”... 9 января Рейнботъ былъ приглашенъ Добровольскимъ и ознакомилъ послѣдняго съ существомъ дѣла Манасевича и съ распоряженіями, сдѣланными в связи съ высочайшимъ повелѣніемъ о его прекращеніи. Вечеромъ того же дня министръ былъ съ докладомъ у Царя и испросилъ отмѣну высочайшаго повелѣнія. “Можно предположить, добавляетъ Рейнботъ, — что задача Добровольскаго была облегчена... разочарованіемъ штаба Ставки и Государя в отношеніи ген. Батюшина”.

На 8 февраля было назначено новое слушаніе дѣла Манасевича, при чемъ министръ юстиціи, согласившись съ доводами предсѣдателя Суда, сказалъ, что “военныя власти возьмутъ обратно свое распоряженіе, пусть двери будутъ открыты, отвѣтственность ваша”. В назначенный часъ и день предсѣдатель открылъ судебное засѣданіе в залѣ, переполненной публикой. Какъ ярко выступаетъ здѣсь легкость, съ которой подчасъ историческіе повѣствователи оперируютъ съ фактами! — У Чернова можно прочесть: “подъ фиктивнымъ предлогомъ “неявки свидѣтелей” дѣло было снято съ очереди и больше не ставилось”.

В промежутокъ между отложеніемъ дѣла Манасевича и новымъ назначеніемъ его разсмотрѣнія со стороны батюшинской комиссіи была сдѣлана еще разъ “конвульсивная” попытка дискредитировать обличителей “непорочнаго” обвиняемаго. 5 января (на другой день, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что дѣло вновь назначено) членами Комиссіи была произведена выемка бумагъ в татищевскомъ кабинетѣ в Соединенномъ банкѣ в цѣляхъ найти компрометирующую переписку главнаго свидѣтеля по дѣлу и возбудить противъ него самого дѣло о “государственной измѣнѣ”^{*)}. Со стороны же членовъ “придворной партіи” были проявлены усиленныя заботы в смыслѣ воздѣйствія на Манасевича, чтобы удержать его “отъ оглашенія чего бы то ни было”. “Единственнымъ человѣкомъ”, который могъ вліять на него извѣстнымъ образомъ, они считали Белецкаго, потому что Манасевичъ “долгое время, — показывалъ Белецкій — работалъ при мнѣ и какъ бы слушался меня.. Ан. Ал. и Протопоповъ начали меня убѣждать, чтобы Манасевичъ измѣнилъ свою позицію, когда будетъ на судѣ давать свои показанія, обѣщая ему в будущемъ то или другое”. Протопоповъ “открылъ мнѣ всѣ карты и сказалъ, что онъ будетъ мнѣ всецѣло помогать. Дѣйствительно, какъ по щучьему велѣнію ко мнѣ перемѣнилось отношеніе Государя, и сразу зашелъ разговоръ о привлеченіи меня къ работѣ переходной... имѣлось в виду дать мнѣ завѣдываніе контр-спіонажемъ в Ставкѣ или наблюденіе за ходомъ

^{*)} Рѣзановъ, «довольно откровенно говорившій» съ Белецкимъ, сказалъ, что обыскъ былъ де сдѣланъ съ цѣлью «найти ящикъ хвостовскихъ документовъ» (о Распутинѣ), которые Татищевъ могъ держать в тайникахъ банка.

слѣдственных дѣйствій комиссіи ген. Батюшина". Протопопов, какъ видѣли мы, далъ нѣсколько иное объясненіе постановки кандидатуры Белецкаго на мѣсто Батюшина. Протопопову в данномъ случаѣ повѣрить можно больше уже потому, что Белецкій разговор о своей кандидатурѣ относитъ къ моменту перваго воздѣйствія на министра юстиціи Макарова в смыслѣ отложенія непріятнаго дѣла, между тѣмъ отношеніе къ батюшинской комиссіи рѣзко измѣнилось на верхахъ послѣ февральскаго судового рѣшенія, которое, по мнѣнію Рейнбота, явилось подлиннымъ обвинительнымъ приговоромъ дѣятельности этой Комиссіи, — ея приѣмовъ, "произвола и застѣлка". Уже "в ночь окончанія процесса" у наиболѣе скомпрометированныхъ членовъ Комиссіи былъ произведенъ обыскъ, давшій неоспоримыя доказательства наличности "преступленій корыстнаго характера": прап. Логвинскій былъ арестован...*). 25 февраля А. Ф. писала, повторяя аргументацію Протопопова: "уволь Батюшина... Странно! Батюшин запугиваетъ людей, заставляетъ платить ему большія суммы, чтобы не быть высланными (безъ всякой вины). Отдѣлайся отъ него... поскорѣе".

Комъ струдившихся противорѣчій и произвольныхъ сопоставленій современниковъ можетъ быть разбитъ только при детальномъ разслѣдованіи фактовъ предреволюціоннаго времени. В нашу задачу, конечно, это не входитъ. Но все-таки конецъ вѣнчаетъ дѣло. Хотя Манасевичъ патетично говорилъ на судѣ: "я служилъ моему Государю и служилъ честно", хотя члены батюшинской комиссіи (в особенности ея руководитель) с большимъ рвеніемъ защищали своего "честнаго, безкорыстнаго" сотрудника, высоко ставили его "правственныя качества" и доказывали, что "обвиненіе противъ Манасевича создано на средства банкировъ для укрытія отъ власти своихъ преступленій", тѣмъ не менѣе обвиняемый былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и отдачѣ в исправительныя арестантскія отдѣленія на полтора года...

С полнымъ правомъ изъ среды "придворнаго кружка" или "партіи", готовившихъ сепаратный миръ с Германіей, мы можемъ исключить "русскаго Ракомболя". Страхъ передъ "ужаснымъ прошлогоднимъ скандаломъ", который обуревалъ А. Ф., при всемъ желаніи нельзя связать с "нѣмецкой интригой".

3. — "Адъютантъ Господа Бога".

Изобличитель "неправды".

Намъ надлежитъ изъ области откровеннаго и пиничнаго шантажа вступить въ область шантажа психопатологическаго и коснуться другаго авантюриста, уже великосвѣтскаго, враждавагося в антуражѣ Распутина и соприсчисленнаго къ "придворной партіи" — князя Андронникова.

Красочна фигура этого титулованнаго афериста и интригана, 18

*) По свидѣтельству Рейнбота, этотъ членъ батюшинской Комиссіи былъ по приговору суда разстрѣленъ в 1920 г. на югѣ за вооруженный грабежъ и вымогательство.

лѣтъ состоявшаго в званіи причисленнаго к министерству вн. д. с правом, по собственным словам, министерства не посѣщать, а чины получать. Наигранный святоша, устроившій показательную молеблю у себя в спальнѣ, состоявшій долгіе годы как бы “служкой” у митрополита, читавшій псалтырь у гроба Витте, одним из “покойных іерархов” прозванный “Апостолом Господа Бога”, чистотою морали не отличался — и в неофициальном его формулярѣ значилось, что начальник кавалерійскаго училища запретил юнкерам посѣщать квартиру кн. Андронникова. Себѣ он ничего не искал (любил говорить, что “щи и каша у него есть”), цѣлю его жизни было изобличеніе “неправды”, защита завѣтов “справедливости”, — утверждал он Мосолову, именуя себя, впрочем, болѣе скромно лишь “адъютантом Господа Бога”^{*)}. Он был “человѣком в настоящем смыслѣ” — так сам о себѣ заявил в Чр. Сл. Ком. и гордился своим “независимым и правдивым языком”. Впрочем, все это не мѣшало ему быть ходатаем по чужим дѣлам (коммерческим и иным) и отнюдь не безвозмездно. Жил князь в общем широко — каждый день кто-нибудь у него обѣдал, на свой кошт три недѣли “поил, кормил и лѣчил” еп. Варнаву и всю его свиту, временами был при деньгах, и тогда платил большія чаевыя; бывало и безденежье и помогали “знакомые” (Белецкій).

“Безкорыстный радѣтель культуры Россіи”, участвовавшій в земельных спекуляціях в царствѣ хивинском, был другом писателя-проектиера Шарапова, вмѣстѣ с ним ѣздил пропагандировать шарановскія мысли в Париж, представлялся мин. ин. д. Ганато, а у себя на родинѣ в Царском Селѣ давал урок нагляднаго обученія самому Императору и, одѣвшись в красную рубашку, рыхлил землю шарановским плужком... Исполнял за границей какія-то правительственныя порученія и имѣл даже портрет имп. Вильгельма с личной надписью.

Многообразна и весьма оригинальна была дѣятельность этого “примѣчательнаго” человѣка. На вопрос в Чр. Сл. Ком. об его основных занятіях, он отвѣтил совершенно неподражаемо: “посѣщеніе министров”. Он “поразительно” умѣл проникать к каждому министру, — свидѣтельствовал Белецкій, — и никто другой таким талантом не обладал. Был знаком с большинством министров в разныя эпохи и многіе считали его “умным и пріятным собесѣдником”. Исключеніе представлял едва ли ни один только министр Маклаков, который “апостола Господа Бога” не принимал и на назойливыя обращенія его не отвѣчал. В дневникѣ Поливанова за 1907 г. (14-15 мая) упоминается визит кн. Андронникова (Поливанов был пом. воен. мин. Редигера). Послѣдній ему рассказал забавный случай, как в Лондонѣ он “втерся” на собраніе анархистов и обвинялся с ними “рукопожатіями, заявив заранѣе, что просит убійц руки ему не протягивать!” Все это была присказка для разговора о “министрах”. На другой день в засѣданіи Совѣта Министров Поливанов спросил Коковцева, Философова, Шванебаха и Кауфмана, что “из себя представляет кн. Андронников” — “вполнѣ неблагоприятно отозвался только Шванебах”. Даже как-то странно читать в показаніях Андронникова слова о Распутинѣ, имѣвшем обыкновеніе “лазить вообще к министрам”. Коковцев ему опре-

^{*)} В этом званіи он предстал и перед военным министром Поливановым.

дѣленно покровительствовал, и на квартирѣ своего титулованнаго протежѣ опальный премьер имѣл свиданіе с входящим в силу временщиком — “Григоріем Ефимовичем” *). Женам министров любезный князь подносил цвѣты и конфеты, министру икону или яйца на Пасху, а иному вліятельному лицу “рыбу с Волги”, которая подчас возвращалась дарителю — иногда же получал он в обмѣн обычный портрет с автографом**).

С туго набитым дѣловыми бумагами портфелем в руках, со значительным видом посланца свыше появлялась ежедневно закругленная фигура князя в различных министерствах. Белецкій рассказывал анекдотическій инцидент, однажды случившійся: “Плеве интересовался этим портфелем и наблюдал за ним. В концѣ концов, этот портфель схватили, но там ничего не оказалось, кромѣ газет”. Может быть, так было в дни молодости Андронникова — его начинавшейся карьеры изобличителя, ходатая и информатора. Впослѣдствіи, вѣроятно, портфель всегда был переполнен соответствующим матеріалом для “записок”, которыя в обильном количествѣ поступали от имени князя в надлежащія инстанціи — говорили, что на его квартирѣ, в спальнѣ, гдѣ находилась молельня, имѣлся завѣтный шкапчик, в котором тщательно были расклассифицированы данныя о дѣлах и людях эпохи. По собственному признанію, он внимательно слѣдил “за всѣм, что происходило в петербургских верхах”, имѣя возможность при своих связях и знакомствах проникать в сокровенную жизнь этих верхов: свѣдѣнія эти были столь детальны, что при первом знакомствѣ Андронников поразил Мосолова своей освѣдомленностью в его вѣдомствѣ о

*) «Подумай, как странно — писала А. Ф. впоследствии (13 июля 15 г.). — Щербатов написал очень любезное письмо Андронникову послѣ того, как говорил тебѣ против него».

**) Как настойчиво искатель «правды» нзыскивал пути проникновенія к власти имущим видно из разсказа Мосолова, пригоднаго для юмористическаго журнала. Андр. долго и тщетно пытался познакомиться с министром Двора. Мосолов, помощник Фредерикса, не допускал (это он возвратил рыбу; послана была одновременно такая же рыба и министру — только «повар подал ее к столу, ничего не сказав своему барину, выяснилось же это недѣли двѣ спустя»). Стал тогда Андр. посылать мин. Двора записки с хвалебными гимнами по его адресу. «Четыре или пять раз» приносил записки князь и министр Двора читал их даже «с интересом», но тѣм дѣло и ограничивалось. Прошел «год или два». Двор находился за границей, вся свита во Франкфуртѣ, куда прибыл и Андрон., в качествѣ представителя печати, и досаждал просьбами о знакомствѣ с министром. Случилось, что Фредерикс должен был до Кельна сопровождать уѣзжавшую в Петербург жену. Вернувшись, он долго смѣялся над способом, примѣненным Андронниковым, для знакомства. «На вокзалѣ по пріѣздѣ, он увидѣл перед своим вагоном человѣка, стоявшаго с цилиндром в руках. Фредерикс подумал, что это кто-либо из желѣзнодорожной инспекціи и подошел къ нему со словами благодарности за удобный проѣзд, конечно, по-нѣмецки. Господин же отвѣтил ему по-русски: «Я не желѣзнодорожный служащій, а русской князь, который пришел сюда, господин министр, выразить свое восхищеніе перед вами, только что исполнившим рыцарскій поступок». Граф в недоумѣннй спросил: «какой?» Андронников отвѣтил: «да проводив в Кельн вашу супругу, глубокоуважаемую графиню». Затѣм он сопутствовал министру до гостиницы и донес ему туда его дорожный несессер, наговорив много приторно-сладких слов... На слѣдующій день князь явился к нему в гостиницу, и послѣ визита этого граф мнѣ уже хвалил ум и пріятный разговор этого господина. А по возвращеніи в Петербург графиня получала цвѣты и конфеты от Андронникова. Свои записки он уже носил сам к графу».

всѣхъ “придворныхъ пожалованій”. “Его записки были очень интересны”, — утверждалъ полицейскій дока Белецкій: “в своихъ записках... для высокихъ сфер Андронниковъ давалъ очеркъ дѣятельности министров... давалъ обрисовку событій, волновавшихъ Петроградъ и т. д. Записки эти были стильно написаны — отличнымъ французскимъ языкомъ, зло иногда обрисовывали какіе-либо факты изъ дѣятельности или жизни тѣхъ высшихъ сановниковъ, противъ коихъ что-либо имѣлъ князь, и прочитывались имъ тѣмъ, кто былъ противникомъ этихъ мѣр”. В “запискахъ”, какъ видно изъ отчетовъ Чр. Сл. Ком., обсуждались и вопросы о смѣнѣ и назначеніи министровъ. Для завѣдующаго политической полиціей собиратель общественныхъ сплетенъ былъ золотымъ человѣкомъ. Белецкій часто бывалъ у Андронникова, а тотъ “также вечеромъ заѣзжалъ” къ Белецкому: “отъ него я слышалъ всегда много интересныхъ изъ придворныхъ и министерскихъ сферъ новостей, такъ какъ онъ имѣлъ широкій кругъ вліятельныхъ знакомцевъ и бывалъ у гр. Фредерикса, Воейкова, у большинства министровъ, у предѣдателя Совѣта Горемыкина, зналъ многихъ директоровъ департаментовъ почти всѣхъ министерствъ и другихъ чиновъ изъ министерствъ, которые, считаясь съ его вліяніемъ у министровъ, боялись вооружить его чѣмъ-либо, поддерживали съ нимъ лучшія отношенія и старались исполнять его просьбы, предпочитая его имѣть своимъ хорошимъ знакомымъ, чѣмъ сильнымъ и опаснымъ врагомъ”. Немудрено, что Белецкому казалось, что Андронниковъ “безусловно... имѣлъ громадное значеніе”. Последній во время умѣлъ козырнуть авторитетнымъ “покровительствомъ” близкой царской семьѣ гофм. Нарышкиной (до какихъ предѣловъ простиралось это больше воображаемое покровительство, мы увидимъ), сослаться на дружескія отношенія съ Макаровымъ (“шантажировалъ”, по выраженію Маклакова, на своихъ близкихъ отношеніяхъ съ его предшественникомъ), принять таинственный видъ посланца изъ “Мраморнаго дворца” (т. е. Константиновичей) или еще выше — всегда облекаясь въ той или иной мѣрѣ въ тогу самозванца. Съ весны 16 г. Андронниковъ при субсидіи изъ рептильнаго фонда сталъ издавать свой собственный печатный листокъ — выходившій еженедѣльно “Голосъ Русскаго”. Газета должна была популяризировать имена “Ихъ Величествъ и августѣйшихъ дѣтей”. Редакторъ органа “поразилъ” директора деп. полиціи Климовича “своей беззащитностью”, откровенно разсказывая о изобрѣтенномъ имъ способѣ “вліять на Его Величество”: онъ говорилъ, что “если онъ желаетъ сдѣлать кому-нибудь гадость, то пишетъ въ этой газетѣ передовую статью, беретъ корректурный оттискъ и посылаетъ въ Ставку съ запросомъ, можно ли ему печатать”...

Трудно причислить “всюду проникающаго” Андронникова къ “придворной партіи” только “молодой Императрицы”. Белецкій называлъ его “общественной агентурой” при дворцовомъ комендантѣ Воейков*) — в дѣйствительности онъ выполнялъ эти функціи не въ большей степени, чѣмъ выполнялъ ихъ въ отношеніи деп. полиціи. Съ такимъ же правомъ его можно назвать “общественной агентурой” при вдовствующей

*) Воейковъ пояснилъ в Чр. Сл. Ком., что в первый разъ онъ Андронникова не принялъ, но Коковцевъ сказалъ, что «его непременно нужно принять, что я обидѣлъ человѣка, что онъ (Коковцевъ) является лицомъ, отвѣтственнымъ за то, что Андронниковъ у меня былъ, и тогда я его принялъ». «Если онъ десять разъ прислалъ по телефону, чтобы я его принялъ, я его принималъ раза два-три в мѣсяцъ... Затѣмъ онъ писалъ массу писемъ, ...разсказывалъ всякія сплетни».

Императрицѣ Мар. Фед., специализировавшейся на сообщениях о настроениях “молодого Двора”, — здѣсь Андронников играл “двойную роль”: доставлял состоящему при М. Ф. кн. Шервашидзе фотографические снимки дамскаго кружка Распутина, а когда Вырубова об этом узнала, старался убѣдить ее, что сдѣлал это “движимый самыми лучшими побужденіями своего уваженія и преданности к ней и к Распутину, чтобы вдовствующей Императрицѣ, никогда не видѣвшей Распутина и имѣвшей о нем превратное мнѣніе... показать ему изображеніе, его одухотворенные неземные глаза и отношеніе к нему со стороны скружавших, близких к нему людей, свидѣтельствующее о их вѣрѣ в него, как в исключительнаго, не от міра сего человѣка”. Был знаком Андронников с в. кн. Александром Мих., у Констан. Констан. был почти “своим” человѣком: в дневникѣ в. кн. Констан. Констан. за 1916 г. под 20 іюля можно, между прочим, прочесть: “С женой и Олей (т. е. греческой королевой) приняли кн. Андронникова: он видит все в черном свѣтѣ, полагая, что революція идет быстрыми шагами, и что в августѣ династію выгонят вон, если не хуже. Настаивает, что кому-нибудь из нас надо извѣстить Государя о грозящей опасности. Но развѣ это поможет?”

Умѣл Андронников оказывать и непосредственныя услуги министрам. Горемыкина совершенно не удовлетворяли конфеты, которых он не ѣл — с нѣкоторым негодованіем подчеркнул это старик при допросѣ в Чр. Сл. Ком. При содѣйствіи все того же Белецкаго к юбилею председателя Совѣта министров Андронников выпустил брошюру с диферамбами премьеру, состоя в то же время негласным “докладчиком” при политическом противникѣ Горемыкина — Кокорцевѣ. Услуги не всегда были удачны. Андронников сам в этом признавался. В своем журналѣ “по простотѣ душевной” он помѣстил продиктованныя ему Штюрмером свѣдѣнія о происхожденіи послѣдняго “от женской линіи” св. Анны Кашинской и был “жестoko высмѣян при Дворѣ за эту Анну Кашинскую”.

Не всегда было ладно с министрами — блюститель “правды” и “справедливости” шел вѣдь против “карьеристов”. Он “лютую ненависть” питал к Столыпину и Кривошеину и не только к ним. Князь не был обидчив, но был мстителен. Обидчивым нельзя было быть при ремеслѣ, которым занимался закулисный освѣдомитель. Облекаясь перед революціонной слѣдственной комиссіей, быть может, не без хитрости, в одѣяніе наивнаго простачка, Андронников рассказывал, как он познакомился с кн. Мещерским: “Я узнал его только в 1912 году, когда он меня прохватил в своем “Гражданинѣ”, написав, что есть “титулованные молодчики, которые подносят министрам конфеты, провожают на вокзалы”... Злую статью написал! Я себя в ней узнал! И узнал, что это было дѣло рук г. Палеолога*) и Бурдукова. Я этого так не оставил!.. Палеолог очень испугался. Тогда Мещерскій написал мнѣ: ... “Vous vous sentez piqué? Ce n'est pas vous!” Это письмо давало мнѣ возможность поѣхать к Мещерскому... Послѣ этого я пачал у него бывать”. Не только “Гражданин”, но и “Новое

*) Вице-директор деп. общих дѣл мин. вн. д.; «теперь он... конечно, говорит, что он всегда был республиканцем, но этому вѣрить нельзя» — добавляя допрашиваемый, оставаясь вѣрным своим «завѣтам».

Время” и “Вечернее Время” не раз описывали в “замаскированной формѣ” примѣчательный “тип” на бюрократическом небосклонѣ дореволюціоннаго безвременья. Обижался ли Андронников — мы не знаем. Но он не прощал обидчикам.

Военный министр Сухомлинов настаивал в свое время на высылкѣ опаснаго типа из Петербурга. “Друг и пріятель” Мещерскаго, министр вн. д. считал, что у него не было к тому “основанія”. “Подобные документы, — показывал Маклаков, ссылаясь на упомянутый приказ начальника кавалерійскаго училища — в прежнее время были поводом к высылкѣ”. Произведенное “негласное разслѣдованіе” дало результаты “в высокой степени” для него неблагоприятные: оказалось, что “этот человек, денежно способный на все, очень мало честный”. Высылка не состоялась, но министр вычеркнул Андронникова из состава причисленных к министерству, “придравшись к статьѣ о том, что лица, не посѣщавшія службы в теченіе четырех мѣсяцев, считаются выбывшими...” Тогда Саблер подобрал его в министерство православнаго исповѣданія. Андронников обиду свою затаил и пытался, гдѣ только мог, дискредитировать Маклакова и подорвать к нему “довѣріе”. Это он собирал улики против Маклакова, выставившаго министра в “смѣшном видѣ” перед общественным мнѣніем. Вѣроятно, от него пошла и слава о знаменитом “прыжкѣ пантеры”, который воспроизводил в Царском Селѣ веселый министр — Андронников был знаком с царскосельским “камердинером”.

Травля Сухомлиновых.

Особой злобностью воспыал “патріот” Андронников во время войны к супружеской четѣ Сухомлиновых — на судѣ над бывш. воен. министром прокурор сенатор Носович назвал этого патріота “зловѣщим растеніем, от котораго исходит смрад и разложеніе”. В показаніях Чр. Сл. Ком. Андронников рассказал довольно подробно о своих отношеніях к Сухомлиновым и в сущности показывал, как в дѣйствительности создалось “дѣло” Сухомлинова.

За нѣсколько лѣтъ до того, как Сухомлинов сдѣлался министром, Андронников ему написал с просьбой принять и был принят. Поводом для знакомства послужила статья Меншикова в “Нов. Времени”, в которой “очень мѣтко” Сухомлинов назывался “еврейским батькой”, так как в бытность свою ген. губерн. в Кіевѣ “очень покровительствовал евреям”³⁰⁾). Любопытный князь интересовался “чистосердечным” отвѣтом на это обвиненіе Сухомлинова. Тот показал ему в папкѣ с безчисленными адресами, поднесенными в Кіевѣ, “два-три адреса, очень теплых и ласковых”: “вот что заставило Меншикова разразиться против меня”. С этого момента открылась эра “добрых отношеній” между двумя собесѣдниками. Сухомлинов посвятил извѣстнаго “ходатая” в свои частныя семейныя дѣла, в “свое несчастье” — его волновала “травля” в печати по поводу бракоразводнаго процесса бу-

³⁰⁾ Для разслѣдованія вопроса о «пристрастности к евреям» Сухомлинова в Кіевском военном округѣ в 1907 г. был даже послан со специальной миссіей ген. Бородин. Все это создавало Сухомлинову репутацию либерала и, по словам Поливанова, «кадеты» считали его «своим».

дущей его жены с ея первым мужем Бутовичем. Андронников “сердечно” отнесся к “гору” Сухомлинова и пробовал говорить с одним архіереем, рязанским Дмитрием, который вылетѣл к нему “чуть ли не с посохом”, закричал про Сухомлинова: “Он негодяй — какая то нечистая сила” и отказался слушать даже об этом “грязном” дѣлѣ. Андронников прощупал почву у своего духовника, протопресвитера Янышева. Этот оказался болѣе податливым и принял Сухомлинова. Послѣдній оцѣнил “услугу” всеильнаго князя, связаннаго к тому же с “очень большим тогда человѣком”, ген. Газенкампом (помощ. в. кн. Ник. Ник., котораго он знал с дѣтства в качествѣ преподавателя в Пажеском корпусѣ, гдѣ обучался князь, впрочем не окончив курса в этом привилегированном заведеніи). Сухомлинов воспользовался связью, и Андронникову “неоднократно” приходилось быть *trait d'union* в традиціонных расприх между военным министерством и главнокомандующим, состоявшим предсѣдателем Совѣта Государственной обороны. Со своей стороны, Андронникова “заваливала” массою просьб Сухомлинова, выхлопатывая, между прочим, “звѣзды нѣкоторым генералам”. Бывал Сухомлинов на обѣдах Андронникова, приглашал его послѣ женитьбы и к себѣ, впрочем никому не показывая. “Они меня очень, так сказать, оберегали”, — показывал Андронников, объясняя это тѣм, что Сухомлиновы знали, что их “провинціальныя родственники и родственницы” для князя “не представляют интереса”: “с перваго раза они произвели на меня самое отталкивающее впечатлѣніе... я сказал: *j'en ai assez*, если все такіе родственники, они даром мнѣ не нужны”.

Вслѣдствіи на горизонтѣ “появился вдруг Мясоѣдов... Вот я этого никак не мог переварить. Тут я сразу заявил Сухомлинову, что я считаю, что этот жандарм не может бывать у него в домѣ. На меня... набросилась его жена и заявила, что это все вздор, что это милѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ, самый лучшій из всѣх, кто у них бывал. Но я пошел дальше, пошел к министру вн. д. Макарову и просил его... написать подробное письмо Сухомлинову, что такое Мясоѣдов”. Знал Андронников о Мясоѣдовѣ и питал к нему “антипатію” потому, что часто ѣздил за границу и слышал “массу не совѣм красивых разсказов об этом подозрительном человѣкѣ” — “большом гешефтмахерѣ”. Встрѣтил Андронников у Сухомлинова и подозрительнаго австрійскаго консула Альтшулера, сыгравшаго “не малую роль в дѣлѣ развода”, взявъ “на себя грязную роль смотрѣть в щель, скважину”. “Это мнѣ не нравилось... Тут я тоже высказал свое мнѣніе” *). На почвѣ личных нападок на “близких к мадам Сухомлиновой людей” разстроились дружественныя отношенія: “это чрезвычайно настроивало и возбуждало мадам Сухомлинову против меня, и она находила, что я совершенно лишній и ненужный человѣкъ в их домѣ”. Окончательный разрыв произошел весной 14 г. Столь же всезнающій Манасевич, кон-

*) Молва, о которой упоминал Поливанов в показаніях Чр. Сл. Ком., «опредѣленно» говорила, что Альтшулер — «австрійскій шпион» и кн. Андронников принимали совмѣстное участіе в разнаго рода дѣлах коммерческаго характера и могли вліять «на тѣ или иные заказы и предпріятія». Как видно из записей в. кн. Ник. Мих. распространявшим этот слух был сам Поливанов, увѣрявшій вел. кн., что Альтшулер и Ко «регулярно» пересылают информации в Берлин.

курент князя по влиянію и по способностям на задворках собирать нужныя свѣдѣнія, говорил в Комиссіи, что ссора произошла на почвѣ пошты князя, разыгрывавшаго в домѣ министра роль “домашняго друга”, раскрыть Сухомлинову “истинную подкладку отношеній Мятешева к мадам Сухомлиновой”. “Тогда Сухомлинов стал разспрашивать, бросился к нему на шею, благодарил (все это, впрочем, видѣлъ Манасевич), но потом, как всегда бывало, мужъ рассказал женѣ, и Андронникова выгнали”.

Андронников сдѣлался заклятым врагом военнаго министра и особенно “мадам Сухомлиновой”. Момент этот совпал с началом дружбы князя с Распутиным, который “уже был 10 лѣтъ на небосклонѣ”, но с которым князь “никогда не имѣлъ желанія... познакомиться”. Помог случай. За мѣсяц до войны Андронников возвращался домой на Фонтанку на таксомоторѣ, как видит, что какой-то господин с извозчика ему машет. Господин бросился в объятія: “Николай Петрович... что же ты меня забыл?” Андронников “удивленно” отвѣтил: “Винovat, ошибаетесь”. — “А ты кто же будешь?” — “Я — князь Андронников”. — “Я — Распутин. Я про тебя много слышал... Сам Бог тебя мнѣ послал”. Доѣхали на Гороховую уже вмѣстѣ. Недѣли через двѣ Андронникову докладывают: “пришел мужик в поддевки...” “Я принимал вѣх: у меня двери были открыты... Входит Распутин”, — “Ну, я к тебѣ... Гдѣ твоя молеельня?” — “Я говорю: “пожалуйте”, вошли и помолились там... Потом он сказал: “Дай бумагу”. Я подал листочек. Он написал своими каракулями “сила твоя в духѣ”... Я, конечно, эти, как написанныя его рукою строки, сохранил у себя. Затѣм он говорит: А вот что, давай, расскажи мнѣ, что здѣсь дѣлается... и вдруг заговорил о Сухомлиновѣ, котораго он очень не любил; он сказал, что Сухомлинов назвал его “скотиной”, говорил, что его “сокрушит” *). “Тут у меня появилась добрая надежда, и я рѣшил, что, очевидно, сам Бог мнѣ помогает... Когда я увидѣлъ, что Распутин против Сухомлинова, я рѣшил, что, быть может, мнѣ придется воспользоваться Распутиным для того, чтобы в Царском Селѣ раскрыть нѣкоторыя дѣйствія Сухомлинова”.

Распутин был позван на “уху” к кн. Андронникову. “Уха была приготовлена. Он пріѣхал. Тут мы говорили о Сухомлиновѣ”. Заговорщики были “вдвоем”, и “подробно переговорили”. Кампанія была открыта, при чем в роли внутренняго шпіона выступила “дальняя родственница” Сухомлиновых, вѣрнѣе “родная кузина” Бутовича — Червинская, с которой сдружился Андронников (“очень умный и хороший человек, Наталья Илларионовна” — ея социальное положеніе Андронников опредѣлялъ словом “рантье”); Нат. Ил. была одновременно

*) Андронников добавлял, что Сухомлинов постоянно ругал Распутина, Воейкова и Вырубозу. «Раз была сказана такая фраза: «Смотри Володяша, топи Распутина и Воейкова, иначе они тебя затопчут». Если Сухомлинов был против «самых близких лиц к бывшей Императрицѣ, на кого же собственно он спирался — спросил предсѣдатель Комиссіи. «Сухомлинов сам был сильный человек, потому что он сумѣлъ влѣзть в душу бывшаго императора, как ни один министр. Он был вкрадчив, ласков; император скажет только слово, выскажет пожеланіе... к слѣдующему докладу министр успѣет избѣгать тридевять земель и принести ему, как вылупленное яичко, то, о чем мечтал император... Его называли «генералом Отлетаевым», потому что он вѣчно развѣзжал и катался».

и “другом” Хвостова и Белецкаго”). Она “много помогала Андронникову в дѣлѣ его борьбы с Сухомлиновым”, — свидѣтельствовал Белецкій.

Освѣдомленность Андронникова выростала в “теченіе всей зимы”, ею он дѣлился со “старцем”, посѣщавшим его. “Главный удар” был нанесен на Пасхѣ в апрѣлѣ 15 г., когда Сухомлинову пришлось уйти. “Для меня было ясно, что Сухомлинов ведет нечестно и нечисто свои дѣла”, — показывал Андронников, становясь в позу и ссылаясь на свое свидѣтельство в Верховной Слѣд. Комиссіи, разслѣдовавшей дѣйствія оставленнаго военнаго министра. “Для меня было совершенно ясно, что он не на высотѣ своего положенія, что его окружает цѣлый ряд бандитов, которые на несчастіи, на крови и на слезах всей Россіи... (предсѣдатель прерывает: “т. е. попросту шпионы”). Я не хотѣлъ вѣрить, чтобы Сухомлинов, русскій генерал, мог до такой степени опуститься, чтобы он шпионил — мнѣ это казалось неправдоподобным! Хотя эта идея у меня была... (предсѣдатель вновь прерывает: “а идея о г-жѣ Сухомлиновой, как о шпионкѣ, у вас была?”). Относительно нея у меня были всѣ скверныя идеи, потому что это был человѣкъ чрезвычайно непорядочный, нехорошій и относительно нея нѣтъ того сквернаго, чего я бы не мог сказать: и шпионство, и все, что хотите, — все было!.. Но это было “божество”!.. Достаточно было сказать Сухомлинову полслова против нея, этого ангела-хранителя, чтобы раз навсегда вылетѣть из дому — как бывшей Царицѣ достаточно было сказать против Распутина, чтобы вылетѣть из Петербурга... Что я и испытал на себѣ”...

Андронников не только повсюду сѣял сенсаціонные слухи по дѣлу “измѣнника” Мясоѣдова (об этом военный министр писал в Ставку начальнику штаба Янушкевичу уже 12 марта 15 г.), но и разсылал в нужныя мѣста памфлеты, записки и доносы на Сухомлинова*). Писал и самой Императрицѣ — на основаніи “разрѣшенія”, как утверждал он в Чр. Сл. Ком. Письмо заключало такія подробности о женѣ Сухомлинова, что на процессѣ послѣдняго суд при чтеніи пропускалъ слишком “сильныя выраженія”. На вопрос адвокатов, откуда автор письма почерпнул свои свѣдѣнія, Андронников отвѣтил: “только на основаніи слухов”... Он постарался возобновить отношенія с ген. Поливановым, который не то сам стал уклоняться от приѣмов докучливаго посѣтителя, не то впал в немилость у самого князя, перекинувшагося на сторону Сухомлинова и недовольнаго “генеральским бюрократизмом” человѣка, который ему в данный момент не представлялъ интереса. Андронников успѣшил привѣтствовать Поливанова по поводу назначенія министром: “никогда еще справедливость так не торжествовала, как в данном случаѣ”. В письмѣ 15 іюня он желал “силы и здравія” для “искорененія государственных преступленій, надѣланных вашим безславным предшественником, с которым я в теченіе цѣлаго послѣдняго года вел самую упорную борьбу на жизнь и смерть, разоблачая даже перед самим престолом его гнусныя продѣлки. Правду можно разсѣять, но не уничтожить, ибо она всегда воскреснет”. У князя был сильный стиль.

*) Известно, что первым обличителем Мясоѣдова был Гучков. Теперь можно считать вполне доказанным, что Мясоѣдов пал искупительной

В концѣ концов, довольно острую и злую характеристику Андронникова дал в воспоминаніяхъ Витте, не раз пользовавшійся его услугами и сохранившій связь с ним послѣ отставки, что давало возможность князю говорить в Чр. Сл. Ком. о своих “добрыхъ отношеніяхъ” к мемуаристу. “Личность, которую я до сих пор не понимаю”, — писал Витте: “одно понятно, что это дрянная личность. Он не занимаетъ никакого положенія, имѣетъ маленькія средства, не глупый, сыщикъ не сыщикъ, плутъ не плутъ, а к порядочнымъ личностямъ, несмотря на свое княжеское достоинство, причисленъ быть не можетъ. Он не окончилъ курса в Пажескомъ корпусѣ, хорошо знаетъ языки, но мало образованъ. Онъ вѣчно занимается мелкими политическими дѣлами, влѣзаетъ ко всемъ министрамъ, великимъ князьямъ, к различнымъ общественнымъ дѣятелямъ, постоянно о чем-то хлопочетъ, интригуетъ, ссоритъ между собой людей, что доставляетъ ему истинное удовольствіе, оказываетъ нужнымъ ему людямъ мелкія услуги, конечно, онъ ухаживаетъ лишь за тѣми, кто в силѣ или в модѣ, и которые ему иногда открываютъ у себя двери. Это какой-то политическій интриганъ из любви к искусству”. В другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній (во второмъ томѣ) послѣднее заключеніе Витте ставитъ под сомнѣніе, называя Андронникова “большимъ сыщикомъ и провокаторомъ”: “дѣлаетъ ли онъ из любви к искусству или из-за денегъ, сказать не могу”.

Таланты кн. Андронникова должны были расцвѣсти в обстановкѣ всеобщей предреволюціонной “распутииады”: “Цвѣтокъ распада” — назвалъ его Носовичъ. Черезъ Распутина Андронниковъ проникъ в “особое добріе” к Вырубовой — ей онъ сталъ подносить свои цвѣты и конфеты, а черезъ нее поднесъ и Императрицѣ в день ангела образъ и поздравленіе на новый годъ. Самому Андронникову Царицы не удалось увидѣть. А. Ф., конечно, его знала и не только потому, что братъ его состоялъ офицеромъ уланскаго д-тв. полка ея имени и былъ прикомандированъ к вел. кн. Георгію Мих., но в письмахъ ея, за исключеніемъ эпизода с Щербатовымъ, его имя начинаетъ упоминаться лишь с момента его августовскихъ визитовъ к Вырубовой и представленія списка возможныхъ кандидатовъ на постъ синодальнаго обер-прокурора на мѣсто Самарина. Андронниковъ привлекъ Белецкаго при условіи дѣйствовать солидарно в проведеніи хвостовской кандидатуры. Такъ начались взаимные *déjeuners dinatoires* славнаго тріо: “вышло такъ, что Хвостовъ долженъ былъ знать, что дѣлаетъ Белецкій, но Белецкій зналъ, что дѣлаетъ Хвостовъ”. Тріо, не очень дружное, потому что каждый преслѣдовалъ свои дѣла, создалось при посредствѣ той же Червинской, “друга” Хвостова по лѣченію в Маріенбадѣ, сдѣлавшейся близкимъ человѣ-

жертвой Верховной Ставки, возглавляемой вел. кн. Ник. Ник., за неудачи на войнѣ. Гучковъ, однако, продолжалъ упорствовать в своихъ обвиненіяхъ, какъ видно из того, что, напримѣр, в послѣдней своей книгѣ англійскій историкъ Персъ ссылается на слова Гучкова, говорившаго ему, что Мясоѣдову удалось организовать регулярныя сообщенія нѣмецкому штабу (в частности его шпионажъ погубилъ армію Сиверса в Восточной Пруссіи). Гучковъ никогда не раскрывалъ источниковъ своей информации — не сдѣлалъ онъ этого даже во время суда надъ Сухомятинымъ. Трудно отрѣшиться отъ предположенія, что источникомъ освѣдомленія Гучкова была «информация» кн. Андронникова.

ком “старца”. На “ухъ” у Андронникова продолжал бывать Распутин, Хвостов почтительно подходил под “благословеніе” старца, дѣловал ему руку, но велись с ним только “разсужденія о высоких матеріях” — показывал Андронников, хотя в дѣйствительности состоял и передаточной инстанціей для уплаты полагающагося “старцу” содержанія.

В обликѣ Андронникова нас, конечно, должна заинтересовать одна черта, подчеркиваемая Белецким. Он “тяготѣл к Германіи” (куда неоднократно посылался при Витте) “по складу свой структуры” — “преклонялся” перед нѣмецкой культурой, его излюбленным монархом был имп. Вильгельм, а любимым языком — нѣмецкій; Андронников имѣл “во вліятельных придворных кругах (Германіи) широкія знакомства” и переписывался “со многими герцогинями” нѣмецких великих княжеств; были у него и “какія то сношенія с лицами, которые под видом комммерсантов пріѣзжали к нему”. Несмотря на статьи в “патріотических тонах” против Германіи его заподозривали в агентурѣ в пользу Германіи, и он подвергся наблюденію со стороны военного контр-шпіонажа. “Поймать” его хотѣл никто другой, как Сухомлинов, поручившій полк. Ерандакову, состоявшему при петербургском жанд. управленіи, наблюдать за князем. Янушкевич из Ставки неоднократно писал своему другу, что Андронников мог бы быть “отличным компаньоном” Мясоѣдова. Замѣтителъ Сухомлинова продолжал слѣжку за дѣятельностью “поклонника Германіи”, хотя “ничего серьезнаго”, по утвержденію Белецкаго, жандармским полковником не было обнаружено. Причина была та, что Андронников, не пріятный Поливановым послѣ поздравленія, повел кампанію и против новаго министра. Коковцев пытался их примирить — это же предлагала и Червилская, но Андронников, — по крайней мѣрѣ так говорит Белецкій, — отказался. Заговорил аристократическій тонор: “я барин”, — сказал он про себя в Чр. Сл. Ком. Вѣроятно, не столько этот тонор, котораго в других случаях Андронников не обваруживал, сколько недоброжелательное отношеніе А. Ф. к Поливанову, сыграло рѣшительную роль.

Возникает вопрос, почему же поклонник нѣмцев так усиленно “расхваливал” такого проженнаго нѣмцеѣда, каким был Хвостов? Послѣдній, как мы знаем, дал в послѣдствіи такое объясненіе: “дѣль была та, чтобы меня взять в среду правительства с тѣм, чтобы не было моих выступленій о нѣмецком капиталѣ и главным образом об электрических предпріятіях”: Хвостов вел кампанію против “Общества 1886 г.” Андронников усиленно хлопотал (оказывал “небезкорыстные коммиссіонныя услуги”) у Горемыкина за это “швейцарскѣе” общество. Никаких данных, говорящих, хотя бы и косвенно, о причастности германофильствующаго Андронникова к нѣмецкой интригѣ сепаратнаго мира, нѣт. Как бы ни “конспиративен в этом отношеніи” был Андронников, он не укрылся бы от бдительнаго ока. Он попал под хорошій надзор. Непосредственно за спиной его находился не только опытный по сыскному дѣлу Белецкій, за ним слѣдила не только официальная контр-развѣдка, но и добровольцы из конкурентов в той же “пріливной партіи”. И первый среди них состоящій при министерствѣ вл. д. шталмейстер Бурдуков — “фаворит”, почти “пріемный сын и наследник Мещерскаго”. С “кружком” Бурдукова мы встрѣтимся нѣсколько позже — именно с ним непосредственно связывают

будто бы существовавшую попытку заключить сепаратный мир накануне революции. “Бурдуков ненавидѣл Андронникова, а Андронников ненавидѣл Бурдукова”, — показывал Хвостов “У одного можно было почерпнуть свѣдѣнія об Андронниковѣ и наоборот Андронников рассказывал о Бурдуковѣ...”). Бурдуков рассказывал “Это ужасный человек... И вы его пускаете к себѣ?”. Все это виждилось на том, что каждому хотѣлось заработать и один у другого отнимал кусок хлѣба”...

Очевидно, и по натурѣ своей “барин” мало способен был проводить какую-нибудь опредѣленную политику. Чувство мести заводило “апостола Господа Бога” слишком далеко. Он срывался — по собственному признанію “слишком много свободы личному чувству”. Так было в дѣлѣ Сухомлинова, за реабилитацию котораго взялся Распутин, находившій, что с арестом быв. военного министра поступили “маленько неладно” (письмо А. Ф.). “Мадам Сухомлинова” украла сердце похотливаго “старца”, а “барин”, обуреваемый неостывшей ненавистью, усиленно в это время распространял по городу “шаржи насквильнаго свойства” на ея счет. К тому же в острый момент политики “сепаратнаго мира”, который творцы легенды относят к мѣсяцам, послѣдовавшим за стокгольмским свиданіем, фонды Андронникова пали и у Распутина, и у Вырубовой, и у Императрицы. Шумная исторія Хвостова-Белецкаго, связанная с подготовкой покушенія на “старца”, не могла не отразиться на положеніи третьяго члена трио. Только опальному Белецкому могло казаться, что его спасет “весельный” Андронников. По словам Манасевича, сам Распутин стал просто “ненавидѣть” Андронникова и, может быть, Вырубова искренне на допросѣ воскликнула “ужасный” кн. Андронников — “отвратительный тип”. Ему приписывали показательную попытку отравить кошек ядом, предназначенным для “старца” — князь неговодовал: он этим никогда не занимался.

Царица предупреждала мужа 27 сентября: “Скажи Протопопову, чтобы он остерегался Андронникова и держал его подальше”. Предостереженіе нѣсколько запоздало, Андронников уже успѣшил познакомиться с новым фаворитом еще до назначенія его министром. “Ко мнѣ прѣхал Белецкій, — показывал в Чр. Сл. Ком. Протопопов, — чтобы поздравить с ожидаемым назначеніем. Он просил позволенія прислать ко мнѣ Андронникова, который желает со мной познакомиться; совѣтовал принять его, говорил, что, если я его обижу отказом, Андронников непременно сдѣлает мнѣ вред: “наклеветет в Царском”; если же немного приласкать его, он может быть очень полезен. Я просил Белецкаго передать Андронникову, что я буду ожидать его посѣщенія. Он был у меня на слѣдующій день. Говорил о своих добрых отношеніях к Макарову и другим министрам, о том, что пишет Царю письма, доводя до его свѣдѣнія то, что ему другіе не скажут; посылает ему свою газету..., в которой пишет правду про министров и сильных міра сего, ничуть не стѣсняясь, что он ничего не ищет и ни от кого не

*) Бурдуков «приживальщик» кн. Мещерскаго — презрительно показывал Андронников — был чрезвычайно жадный на всѣ должности, которыя дают, как можно, больше денег, всякія комиссіи и т. д. Так что он изрядно получал благодаря вліянію кн. Мещерскаго. По утверженію Хвостова, сам Андронников успѣшно занимался выхлопатываніем евреям права жительства.

зависит. Просил позволенія, послѣ моего назначенія, поднести мнѣ икону, как он дѣлает обыкновенно при назначеніи министров... Андронников производил впечатлѣніе человѣка умнаго, очень пріятнаго собесѣдника, но чувствовалось его желаніе ослѣпить, запугать, забрать в руки. Он пробыл у меня часа два. Уѣхал очень довольный**). Послѣ назначенія Андронников послал образ Спасителя с надписью из рѣчи новаго министра о законности и справедливости. “Какое же было мое удивленіе, — показывал Андронников, — когда через двѣ недѣли прошу разрѣшенія быть принятым, и мнѣ отвѣчают, что.... “никакой возможности нѣтъ”. Из боязни “отказать Андронникову” все-таки Протопопов послал ему свою фотографію с автографом, помѣтив задним числом “15 сентября”, “не желая показывать свое знакомство с ним, которое я вел послѣ своего назначенія”.

Андронников попал на положеніе “зачумленнаго”, по его собственному выраженію. Даже дворцовый комендант перестал его принимать. Но “апостол Господа Бога” не покладал рук. Он продолжал исправно выполнять свою своеобразную функцію “посѣщенія министров”. Его можно было встрѣтить и в кабинетѣ новаго предсѣдателя Совѣта министров Тренова; негласно видался он и с министром вн. дѣл — только на частной квартирѣ кузины Протопопова, кн. Мышецкой. Пытался он проникнуть к “маленькому адмиралу”, т. е. к Нилу — “злѣйшему врагу Распутина”. Андронников уже в лагерѣ антираспутинцев спасает монархію, которая роет себѣ “яму”, изобличает в своем органѣ “ядовито” Штюрмера, который дѣйствовал в унисон с Милюковым (князь имѣл связи с “Союзом русскаго народа”). Свѣдѣнія о новейших домоганіях Андронникова доходят до А. Ф. и она пишет 8 ноября: “Андронников тоже дождется, что его сложат в Сибирь”, а 12-го: “теперь вокруг Трен. сгруппировалась скверная клика. Воейков также играет в этом дѣлѣ некрасивую роль вмѣстѣ с Андронниковым, он дѣбляется за этого дурнаго человѣка”. И дѣйствительно, Андронников дождался высылки — только не в Сибирь, а в Рязань, при чем сердобольный министр вн. д. послал ему вспоможеніе из своих средств в 1.000 рублей.

Причину высылки Андронников объяснял своими рѣзкими сужденіями на “злобу дня” в деп. общ. дѣл, о чем было сообщено Курлову: он “очень рѣзко отзывался о Распутинѣ, рѣзко говорил о том, что в Царском Селѣ терпится это безобразіе, и что все это может кончиться тѣм, что Царя за ноги стащат с престола”. Интрига велась на двѣ стороны. По словам Белецкаго, послѣ смерти Распутина Андронников поспѣшил через “благоволившую к нему” ст. даму Нарышкину отправить А. Ф. письмо, гдѣ писал, что “единственным утѣшеніем для Е. В. осталась могила Распутина, расположенная против окон покоев Е. В., смотря на которую она будет черпать силы для жизни на благо родины”. (Андронников предполагал, как “думали многие”, что Распутин был похоронен в саду против дворца). А. Ф. была только “задѣта”

*) Андронников говорил, что бесѣда продолжалась с 9½ час. веч. до 2½ час. ночи. Протопопов «наговорил мнѣ с три короба, принял все, что я сказал (Андронников не преминул упомянуть об одном из своих «больных пунктов» — устраненіе Палеолога из министерства) и просил меня у него непремѣнно бывать». Особенно привлекло Протопопова «амплуа» Андронникова на положеніи «апостола Господа Бога».

этим письмом, ибо в искренность Андронникова она “не могла повѣрить”; со слов Вырубовой, она знала, что кн. Андронников был дружен с молодым кн. Юсуповым и в первый день смерти, пока не было найдено тѣло Распутина, сильно нервничал, много разбѣжал по общим с Вырубовой знакомым домам и вездѣ старался отвести подозрѣнія от кн. Юсупова, увѣряя, что Распутин по обыкновенію гдѣ-то закутил, а затѣм заѣхал к какой-нибудь из близких к нему дам. Послѣ убійства Распутина, при Дворѣ “не могли и слышать” о кн. Андронниковѣ — еще раньше Государь отказался принять его икону по случаю 6 декабря. Белецкій со слов чинов администраціи, наблюдавших за Андронниковым, добавлял: отправляясь на мѣсто высылки, прощаясь со швейцаром, он заявил, что должен оставить Петроград “по примѣру вел. кн. Дм. Павл. и кн. Юсупова”...

“Чудодѣй” стараго режима — так называл Андронникова в рѣчи 15-го февраля 16 г. в Гос. Думѣ представитель “прогрессистов” Ефремов — конечно, был примѣчательным явленіем в бытовом отношеніи, но все же будет преувеличеніем повторить прокурорскія слова на сухомлиновском процессѣ: “жуть берет всякаго русскаго человѣка при мысли, что князья Андронниковы управляют судьбами русскаго государства”. Совершенно очевидно, что Андронников, причисленный лидером думской оппозиціи в рѣчи 1 ноября, на основаніи нѣмецкой информации, к средѣ руководителей “придворной партіи”, был во всяком случаѣ уже призракoм прошлаго и не мог имѣть никакого вліянія на рѣшенія верховной власти. Не в большей степени, чѣм Манасевич, он мог быть штурмеровским агентом по осуществленію замыслов, будто бы имѣвших прямою цѣлью привести Россію к заключенію сепаратнаго мира. Любопытно, что репутація нѣмецкаго агента настолько твердо укоренилась за Андронниковым в общественном сознаніи, что ст.-дама Нарышкина, столь “благоволящая”, в представленіи Белецкаго, к “апостолу Господа Бога”, в своем дневникѣ, посвященном апрѣльским дням революціонной эпохи, которые привели к отставкѣ перваго министра ин. д. Временнаго Правительства, ставит вопрос: не принадлежал ли Андронников к числу “нѣмецких эмиссаров”, организовавших большевицкое выступленіе? И уже совсѣм странно вопрос, который задавали Андронникову в Чр. Сл. Ком.: не видал ли он “слѣдов соприкосновенія со шпіонством, с нѣмецкой организаціей со стороны нѣкоторых лиц”, с которыми он встрѣчался. “Никогда не было подозрѣнія” — только и мог, конечно, отвѣтить Андронников.

4. — “Лучшій из евреев”.

Можно было бы расширить круг лиц, входивших в “придворный кружок” молодой Императрицы и включить в него не только митр. Питирима, который, по словам Хвостова, “как манекен” дѣлал то, что надо было распутинскому окруженію, но и сомнительной морали секретаря митрополита Остапенко, державшагося при Питиримѣ, по утвержденію Манасевича, как самый “близкій человѣкъ”, “как сын”, или “секретаря” самого Распутина, комиссіонера по драгоценным кам-

ням Симоновича — “лучшаго ис евреев”, как значилось на портретѣ, подаренном ему “старцем”, клубнаго игрока и ростовщика, по характеристикѣ Белецкаго. Об этом Симоновичѣ можно было бы написать веселый фельетон. Не он, конечно, сочинил свои примѣчательныя воспоминанія — шедевр сочетанія двух классических типов русской литературы: гоголевскаго “Хлестакова” и “Вральмана” фон-Визина. Может быть, “лучшій из евреев”, дѣйствительно, был прекрасным семьянином и большим націоналистом (что не мѣшало ему спекулировать на еврейском вопросѣ) — черты, привлекшія къ нему чувствительное сердце образцоваго супруга и добродѣтельнаго отца, мага и волшебника политическаго сына — “Стенана Петровича” (Белецкаго); но, кажется, никто из мемуаристов не доходил еще до такого наивно-грубого по своей смѣхотворности самохвальства. “Симочка” — так интимно звали его в распутинском семейном кругѣ — был чуть ли не первым лицом в государствѣ. Его вызывали в Царское Село для обсуждения государственных дѣл. Он, конечно, повлиял на Царя в смыслѣ благожелательнаго отношенія к поднятому Протопоповым еврейскому вопросу. Он там, в Царскосельском дворцѣ, и запросто бывал — по ночам играл в карты со свитскими офицерами, и даже Царь нерѣдко в халатѣ спускался, услужливо одалживая любящему ставить “наперекор судьбѣ” игроку. А правда была только в том, что Симонович иногда допускался в царскіе апартаменты в качествѣ эксперта по драгоценным камням, и в том, что он совмѣстно с царским метрдотелем, французом Пуазэ, открыл в Петербургѣ игорный дом. Послѣ исчезновенія “старца” это он, Симонович, руководил Царем. Так естественно, что революціонеры его заточили в Петропавловскую крѣпость, откуда он вышел, внося выкупныя самым видным дѣятелям революціи. Не русскіе монархисты, а он, Симонович, по порученію вел. кн. Маріи Павловны старшей, собрал огромный бриллиантовый фонд на освобожденіе царской семьи из тобольскаго заключенія... Впрочем, здѣсь прерывается наше освѣдомленіе о фантастических полетах памяти “секретаря” Распутина, так как из третьей книги его мемуаров появились лишь отрывочныя газетныя выдержки.

Творцы легенд могут у Симоновича найти яркое и опредѣленное свидѣтельство о подготовкѣ сепаратнаго мира: “мы” искали этих путей — скажет мало стѣсняющійся “мемуарист” или столь же мало стѣснявшіеся исполнители его литературных заданий. Сам Симонович вел соответствующіе переговоры с Протопоповым...

IV. — ЗАКУЛИСНЫЕ ДИРИЖЕРЫ.

Квартет Палеолога.

Вѣроятно, многіе усомнятся в том, что клика, изображенная на предшествующих страницах, могла олицетворять собой “могущественный синдикат”, который в осенніе мѣсяцы 16 г. в представленіи англійскаго и французскаго послов возглавлял анти-союзническую акцію в Россіи. На вопрос Штюрмера (послѣ рѣчи Милюкова, сославшагося на свидѣтельство Бьюкенена), кто же эти руководители анти-британской кампаніи, желающіе подготовить путь к сепаратному миру, англійскій посол отвѣтил, что “именно это” он и старается узнать —

естественно, Штюмеру оставалось только попросить его освѣдомить, когда у посла будут “достоверныя свѣдѣнія”. Пытался выяснитъ и французскій посол, към направляется “царскосельская камарилья”. В послѣднихъ числахъ ноября онъ записываетъ: “Я напрасно разспрашивалъ тѣхъ, кто, казалось, могли бы удовлетворить мое любопытство; я получалъ лишь отвѣты расплывчатые и противорѣчивые, гипотезы, подозрѣнія”. Для Палеолога Распутин, Вырубовъ, Штюмер, Андронниковъ и т. д. лишь нѣмые статисты и низкопоклонные интриганы. Протопоповъ — кандидат в дом умалишенных. Не сама Царица руководит, конечно, “камарильей”. Подлинными вдохновителями, по заключенію посла, являются четыре человѣка: Щегловитовъ, мит. Питирим, Белецкій и банкир Манус. Каждый в эту эпоху строилъ заключенія на свой лад.

Квартетъ, изображенный Палеологомъ, не былъ в тѣ дни реальною звѣздой Щегловитова, къ которому А. Ф. относилась отрицательно*), правда, стала снова восходить. А. Ф. писала 15 декабря в отвѣтъ на сообщеніе мужа о проектѣ Трепова назначить предсѣдателемъ Гос. Совѣта Макарова: “Видишь, как он держится за Макарова, котораго я продолжала считать лживымъ по отношенію къ нам... Это уже слишкомъ! Назначь рѣшительнаго (суроваго) Щегл. Онъ подходящий человѣкъ для этого мѣста, онъ не допуститъ безпорядковъ и гнусности”.

Щегловитовъ говорилъ в Чр. Сл. Ком., что у него, дѣйствительно, было свиданіе с Распутинымъ на квартирѣ сотрудника “Нов. Вр.” Сазонова — одного изъ тѣхъ, кто в свое время лансировалъ “старца”. Это свиданіе по инициативѣ Сазонова Щегловитовъ относилъ ко времени ноябрьскаго кризиса власти, до назначенія еще Трепова премьеромъ. Появился Распутин “точно помѣшанный” и закричалъ: “Ну что же? — предсѣдателемъ, предсѣдателемъ!” Несмотря на уговоры Сазонова, Щегловитовъ заявилъ, что онъ “ни при какихъ условіяхъ предсѣдателемъ” не будетъ. Послѣ — дней за десять до убійства — Распутинъ звонилъ Щегловитову по телефону, спрашивалъ его о назначеніи Добровольскаго министромъ юстиціи и затянулъ “старую пѣсню” о премьерствѣ. “Никогда, ни при какихъ условіяхъ”, — отвѣтилъ еще разъ Щегловитовъ. Об этомъ телефонномъ разговорѣ упомянуто и в письмѣ А. Ф. в видѣ одобренія Щегловитовымъ кандидатуры Добровольскаго; Щегловитовъ говорилъ, что его мнѣніе было, что Добровольскій “не годится”. О привлеченіи Щегловитова на постъ премьера в царской перепискѣ нѣтъ и намека.

Белецкій в моментъ, о которомъ говоритъ Палеологъ, былъ также не в слишкомъ большомъ фаворѣ. В сущности онъ всегда игралъ роль только сводни и не пользовался симпатіей А. Ф. (“Я не люблю Белецкаго”) — писала она 14 марта 16 г.) Ловкій полицейскій в самомъ началѣ своей вынужденной отставки сумѣлъ ослабить къ себѣ подозрѣніе в “прихожей” у Вырубовой и побудить Распутина даже послать телеграмму о несправедливости, совершенной в отношеніи его и Хвостова: “одинъ, бу-

*) Мы знаемъ, что А. Ф. была недовольна категорическимъ игнорированіемъ со стороны Щегловитова, в бытность министромъ юстиціи, просьбъ Распутина. Симпатіями послѣдняго «правый» Щегловитовъ не пользовался вопреки утвержденіямъ Сазонова в воспоминаніяхъ. Поэтому, вѣроятно, в образной передачѣ Манасевича «старцу» такъ не нравилась разбойническая «морда» этого министра.

дучи почти невинным, сильно пострадал, а другой, гораздо больше провинившийся, так легко отблался" (из письма А. Ф.). После хвостовской истории страх оставался — не даром Распутин, по словам все того же Манасевича, отзывался о Белецком так: "если этот не убивал, то навѣрное убил бы". Белецкій на званіе члена палеологскаго квартета потому уже не мог претендовать, что в это время он больше представлял Комитет вел. кн. Маріи Павловны — "соперницы" Императрицы.

Итак представляется сомнительной популяризованная Пуришкевичем телеграмма Распутина: "Назначь Ивана первым, а Степана вторым, все будет ладно". В квартетѣ Палеолога особую роль играл Манус: это он обезпечивает сношенія с Берлином, через него Германіи плетет свои интриги в Россіи — Манус распредѣлитель "нѣмецких субсидій". Еще за полтора мѣсяца до своего окончательнаго звывода о дирижерствующем квартетѣ Палеолог записал о Манусѣ: "среди всѣх такихъ агентов, которыхъ Германія насадила в русском обществѣ, самымъ активнымъ и ловкимъ является финансистъ Манус... С начала войны ведет он кампанію за скорѣйшее примиреніе Россіи с центральными державами; он имѣет большой авторитет в финансовых кругахъ и установил связи с большинствомъ газет; он находится в постоянныхъ сношеніяхъ со Стокгольмом, другими словами с Берлином; я сильно подозреваю, что он главный распредѣлитель нѣмецкихъ субсидій"... Каждую среду Манус устраиваетъ обѣдъ Распутину, на который приглашается адм. Нилов и "грозный" Белецкій, сохранившій все свое вліяніе в "Охранѣ" и поддерживающій через Вырубову постоянныя отношенія с Императрицей. Понятно, приглашается и нѣкоторое количество пріятныхъ сирен для увеселенія пирующихъ... Пьютъ всю ночь. Распутин напивается и неистово болтает. "Я не сомнѣваюсь, — заключал свою записку Палеолог, — что подробный отчетъ об этихъ оргіяхъ посылается на другой день в Берлин" с соответствующими комментаріями. "Очень достовѣрные" информаторы во всякомъ случаѣ нафантазировали достаточно, поскольку рѣчь идет, на примѣр, о Белецкомъ.

Имя Мануса вводитъ нас в новый кругъ вліяній — тѣхъ самых, о которыхъ говорятъ большевицкіе изслѣдователи, и которые выходятъ далеко за предѣлы узкаго круга "придворной партіи" и банды, прилѣпившейся къ "святому чорту". Такимъ образомъ не только углубляющіе историческія проблемы идеологи "экономическаго матеріализма", но и неистовый патриотъ Пуришкевич, продолжавшій в Думѣ хвостовскія традиціи и не прекращавшій связи с опальнымъ министромъ, и французскій посол, а за ним и англійскій, дирижерскую палочку в интригѣ сепаратнаго мира вручаютъ представителю финансоваго міра — руководителю баяковской политики. Палеологъ почти такъ же упрощенно, как и нѣкоторые изслѣдователи легенды, изображаетъ дѣло: Царица исполняла велѣнія Распутина, не подозревая, что она работаетъ на Мануса и Рубинштейна, которые опредѣленно работали на Берлин. Странно одно, что французскій посолъ безоговорочно занесъ в число нѣмецкихъ агентовъ и директора Русско-Французскаго банка, соперника Мануса в финансовой работѣ.

Если сопоставить записки французскаго посла с соответствующими записками придворнаго историографа ген. Дубенскаго, то станетъ достаточно очевиднымъ, что Палеологъ записывалъ тогда лишь "городскіе слу-

хи”, быть может, ему переданные теми информаторами, которые, по собственному его признанию, часто являлись к нему, когда им были нужны деньги. Записи Дубенского мы знаем пока только из отрывков, оглашенных в Чр. Сл. Ком. “Многие начинают говорить о значении нѣмецко-распутинской организаціи” — читает предсѣдатель запись от 6 января уже 17 г.: “Манус — душа всѣх друзей пѣмцев”. “Мнѣ это довольно значительный человек говорил, член правленія банка кажется”.... “Вы нецѣпавильно смотрите на дѣло. Не Распутин, а Манус ведет всю эту нѣмецкую затѣю, через него идут деньги”.... “Вот что я слышал и записал”, — пояснял Дубенскій во время допроса и в противорѣчіе со сказанным добавлял: “Не то, что не хочу, но, дѣйствительно, не могу сказать, кто это мнѣ сказал, это *городской слух*, когда пишешь дневник, то всѣ слухи записываешь”.

Источник происхожденія этих “городских слухов” опредѣлить нетрудно, если учесть публичныя выступления с кафедры Гос. Думы Хвостова, а потом Пуришкевича, организацію Комиссіи ген. Батюшина для разслѣдованія, между прочим, дѣятельности банков, шум вокруг ареста Рубинштейна и т. д. Повторял ли только подобные слухи или сам их пустил под сурдинку всегда интриговавшій по своему званію Велецкій, но и он намекал перед Чр. Сл. Ком., говоря об Андронниковѣ, на двусмысленность дѣятельности Рус.-Аз. банка: “когда он проникал в Рус.-Аз. банк, тут что-нибудь могло оказаться” — в смыслѣ шпіонажа.

Позднѣйшіе изыскатели упустили из вида еще банкира и сахарозаводчика Ярошинскаго. Лица, дававшія показанія слѣдователю Соколову, относили и его к числу “нѣмецких агентов”: во время войны он работал по “директивам” нѣмцев, получал от них “огромныя суммы” и находился в “связи с кружком Распутина”. Сам Соколов “как судья... по совѣсти” должен был сказать, что роль Ярошинскаго для него осталась “темной”. “Строгіе факты”, установленные слѣдователем, говорили только о том, что Ярошинскій был извѣстен Императорицѣ (финансировал лазарет имени великих княжен), был “близок” с Вырубовой и давал послѣдней деньги для помощи царской семьѣ, “когда она была в Тобольскѣ”....

Оставляя совершенно в сторонѣ попытку подвести научный фундамент под “городскія слухи”, коснемся лишь нѣскольких фактов, выдвигаемых обличительной историографіей. Нас может интересовать не то общее явленіе международной экономической жизни, которому в свое время Ленин, слѣдуя за нѣмецкими указаціями, посвятил свой очерк “Имперіализм, как новѣйшій этап капитализма”, и которое сводится къ установленію факта роста вліянія банков на промышленность и торговлю путем, как выражался Ленин, “личной уніи” банков — их сліянія с промышленными предпріятіями. Вытекающая отсюда политическая проблема в отношеніи к русской дѣйствительности может быть формулирована словами Шингарева, запротоколированнымъ в журналѣ Особаго Совѣщанія по оборонѣ еще 18 ноября 15 г. в связи с вопросом о секвестрированіи Путиловскаго завода. Шингарев сказал: “из обстоятельств даннаго дѣла обнаружилось вліяніе на дѣла государства безответственной, но чрезвычайно могущественной власти банков.

Правительство начинает терять государственную дорогу, стѣсняемое властью плутократіи” *).

Не этот общій вопрос внутренней политики может подлежать нашему разсмотрѣнію, а тѣ специфическія условія, которыя создались вокруг русской монархіи и которыя могли служить преддверіем к демаршам в области политики внѣшней, т. е. к рѣшенію вопросов о войнѣ и мирѣ. Этими специфическими условіями был тот “передаточный рычаг”, который представлял собой Распутин, сообщавшій верховной власти “директивы” биржевых дѣльцов — “так новѣйшій этап капитализма уживался в Россіи со средневѣковьем” (Семенников).

Банкир Манус и фл.-ад. Саблин.

Легко себѣ представить, что квартира “божьяго человѣка” могла, дѣйствительно, превратиться в какую-то “контору по обдѣльванію дѣл”, как выразился “в высшей степени талантливый... комик”, по выраженію Хвостова, жанд. ген. Комиссаров, вѣдавшій охраной Распутина, но не допускавшійся, впрочем, в “святая святых”. Дѣла были самаго “грязнаго свойства”, — утверждал Хвостов, производившій в бытность министром “спеціальное” изысканіе. Среди обдѣльвавших свси коммерческія дѣла был и дѣйств. ст. сов. Манус, вылетѣвшій до известной степени из гнѣзда питомцев кн. Мещерскаго. Манус имѣл много козырей по сравненію со своим соперником в финансовом мірѣ. По словам Хвостова, он дѣла обдѣльвал через “кружок” штала. Бурдукова — штенца того же гнѣзда, свитаго в “Гражданнѣ”. Бурдуков де попросту состоял “на большом жалованьѣ” у Мануса. С Бурдуковым были близки авторитетные для Царскаго Села адм. Нюлов и фл.-ад. Саблин — Нюлов вліял на Императора, а Саблин на Императрицу: “таково было с разных сторон обложение: если какое-нибудь дѣло нужно провести — с одной стороны скажет Распутин пророчески, что так надо, а с другой, А. Ф. скажет один, другой — Николаю II... И дѣло может быть проведено”. Но по существу значеніе своего показанія

*) Не будем подробно разсматривать многоэтажное дѣло о реквизиціи Путиловскаго завода, длившееся с іюля 15 г. по апрѣль 16 г. и окончившееся секвестрированіем завода военным вѣдомством при довольно дружном протестѣ рабочих. Предсѣдатель Гос. Думы не совсѣм точно и нѣсколько упрощенно в воспоминаніях изложил этот эпизод, приписав себѣ идею реквизиціи, чтобы парализовать «закулисную сторону всей махинаціи акціонеров Путиловскаго завода, желавших получить 36 милл. государственной субсидіи». Совѣщаніе рѣшило вступить на путь реквизиціи, но получилось высочайшее приказаніе пересмотрѣть вопрос: «Это было сдѣлано с помощью того же Распутина, с которым Путилов на всякій случай поддерживал хорошія отношенія». Чернов повторил версію Родзянко с нашимъ соответствующихъ педалей. В дѣйствительности Совѣщаніе нѣсколько раз пересматривало вопрос и раскальвалось в мнѣніи, но отнюдь не по линіи столкновенія «общественности» с правительством. Вопрос о реквизиціи находился в непосредственной связи с принципом милитаризаціи промышленности и труда, опыт примѣненія котораго в жизни, как было уже отмѣчено, нерѣшительно проводило Правительство. Императрица сочувственно относилась к этим «опытам». «Наш Друг» также одобрял, что военное вѣдомство взяло в свои руки Путиловскій завод (письмо 5 марта 16 г.). В «блукѣ» с Путиловым были представители французской индустріи — отмѣчает дневник проф. Легра. Слова Шингарва должны быть отнесены к «англо-французскому» капиталу...

Хвостов совершенно аннулировал, указав на вопрос Родичева: “какія дѣла проводились?” — что через Бурдукова проводились “маленькія дѣла”: “права на жительство”, постройка какой-нибудь “сухарной фабрики”, льготы “Русскому Обществу Пароходства и Торговли” и т.д.

Имя Бурдукова в царской перепискѣ упоминается лишь один раз в концѣ фѣвраля в обстоятельствах, о которых будет рассказано ниже. Привлекать ко всѣм этим махинаціям “маленькаго адмирала” — так звали в царской семьѣ Нилова — совсѣм абсурдно. Этот преданный и пріятель семьи челоѣкъ, — и его за это любили, — пользовался широкою репутациею большого поклонника Бахуса — и только. Может быть, такое свойство и привлекало адмирала на обѣды “по средам”^{*)}. Близких отношеній с банкиром Манусом у него не было. Даже А. Ф. в одном из своих писем отмѣтила глубокое возмущеніе манусовскаго сотрапезника, когда до него дошли невѣрные слухи, что Манус мѣняет свою фамилію и хочет получить “имя Нилова”. “Как тебѣ это нравится”, — в свою очередь негодовала А. Ф. Нилов к тому же был всегдашним горячим противником “старца”, в силу чего придворному историографу казалось даже, что А. Ф. не могла и “слышать имени Нилова”. Этот отзыв совершенно не подтверждается перепискою^{**}).

Саблин — челоѣкъ, дѣйствительно, очень близкій семье: “он как бы частичка всѣх нас”, — писала А. Ф. 20 октября 14 г. Переписка устанавливает и непосредственныя отношенія между Саблиным и Манусом. Связь и на этот раз Хвостов опредѣлял своего рода наймитством. Саблин челоѣкъ “бѣдный”, а при Дворѣ жить без средств трудно — “несчастнѣйшій фл.-ад. живет на двѣ с половиною тысячи: вѣдь этого на чай не хватает”.

По памяти Хвостов воспроизводил попавшее ему, в качествѣ министра ви. д., перлюстрированное письмо Саблина Манусу. Записка была якобы такого содержанія: “Вы, Игнатій Порфиревич, мнѣ не приказывайте ругать Барка, вы три дня тому назад приказывали хвалить его — я его хвалил... Как же возможно сразу его ругать?” Эфемерная, может быть, записка, конечно, цитируется всѣми, кто ставит своей задачей изобличеніе. Между тѣм она возбуждает сомнѣніе, и не только в силу особых свойств Хвостова, не только в силу ея происхожденія, но и по содержанію. Хвостов, враждебный Барку, челоѣкку “нѣмецкаго склада”, котораго он “всячески поносил” в своей думской рѣчи о нѣмецком засиліи, изображает Барка каким-то ставленником Мануса. Допустим, что это так, и не будем разбираться во всѣх хитросплетеніях, которыя связаны с разбором закулисных вліяній в ходѣ правительственной машины^{***}). Во всяком случаѣ этот челоѣкъ “нѣ-

*) Ген. Жанен, близко сошедшійся с Ниловым в дни своего пребыванія в Ставкѣ, отрицает правильность репутациі, укоренившейся за «маленьким адмиралом».

***) В записях дневника Жанена Нилов выступает, как пессимистическій провидец грядущей политической катастрофы. Адмирал говорил французскому генералу еще в ноябрѣ о неизбежной революціи и высказывал опасеніе, что, если революція произойдет раньше заключенія мира, это приведет к выходу Россіи из войны.

****) Знавшій всегда всю подноготную Белецкій изображал так сложную интригу, которая провела Барка на пост замѣстителя Коковцева в завѣдываніи русскими финансами. Барк выступил с запиской о «націонализациі

медкой складки” и ставленник прямого “нѣмецкаго агента” (в представленіи французскаго посла) проводилъ столь опредѣленную линію, что Николай II в цитированномъ письмѣ к англійскому королю, считая “серьезнымъ явленіемъ, требующимъ борьбы” “сильно, но невидимо” чувствующееся “вліяніе нѣкоторыхъ нашихъ банковъ, которые были до войны в германскихъ рукахъ”, выражалъ твердую увѣренность, что “Баркъ справится съ этой трудностью”. Замѣститель Коковцева опредѣленно держался тактики оппозиціонныхъ Горемыкину министровъ: в “нашей группѣ”, собиравшейся “обособленно”, Игнатъев перечислялъ Кривошеина, Поливанова, Харитонову и Барка. Онъ былъ, припомнимъ, и в числѣ министровъ, подписавшихъ августовское коллективное письмо.

Сдѣлавшись министромъ вн. д., Хвостовъ съ самаго начала сталъ “валить” Барка и проводить на постъ министра финансовъ своего свойственника гр. Татищева*). Данныя противъ финансовой политики Барка Хвостовъ получилъ, — такъ онъ заявилъ в Чр. Сл. Ком., отъ Коковцева. На А. Ф. было оказано надлежащее воздѣйствіе и 13 ноября (15 г.) она писала о Татищевѣ: “...Онъ очень преданъ тебѣ... очень любитъ Гр., не одобряетъ московское дворянство... уже далеко не молодъ. Онъ приходилъ къ А. поговорить — видитъ ясно ошибки, сдѣланныя Баркомъ — вѣроятно, относительно займа и его фатальныхъ послѣдствій. Нашъ Другъ говоритъ, что Татищеву можно довѣрять — онъ богатъ и хорошо знакомъ съ банковскимъ міромъ. Было бы хорошо, если бы ты повидалъ его... Я могу съ нимъ познакомиться. Но только моя голова, я увѣрена, никогда не разберется в денежныхъ дѣлахъ — я такъ ихъ не люблю. Но онъ могъ бы ясно изложить свой взглядъ на дѣла и помочь тебѣ совѣтомъ”. И черезъ мѣсяцъ: “Хвостовъ и многіе другіе благонамѣренные люди находятъ Барка не на высотѣ положенія... Онъ самъ не чувствуетъ себя очень твердо на своемъ посту съ тѣхъ поръ, какъ подписалъ это письмо съ другими министрами, которые съ тѣхъ поръ почти все вышли в отставку — и поэтому старается болѣе или менѣе поладить съ партіей Гучкова. Говорятъ, что умный министръ финансовъ могъ бы легко поймать Гучкова в ловушку и обезвредить его, лишивъ его денегъ отъ евреевъ. Гр. Татищевъ, котораго я принимала... знающій человѣкъ, знаетъ и глубоко уважаетъ нашего Друга и в отличныхъ отношеніяхъ съ Хвостовымъ — даже в родствѣ съ нимъ — человѣкъ очень преданный и желающій только добра тебѣ и Россіи”.

кредита» и былъ поддержанъ Столыпинымъ. Возсталъ Коковцевъ, доказывавшій, что «кредитъ по существу космополитенъ». Личный противникъ Столыпина, кн. Мещерскій узнавъ, что в лицѣ Барка готовится замѣститель Коковцеву, обрушился на него статьёй в «Гражданинѣ», которая причинила «многаго неприяностей» Барку. Тогда послѣдній «воспользовался услугами Мануса», который былъ близокъ Мещерскому и велъ в «Гражданинѣ» финансовый отдѣлъ. И при поддержкѣ «придворнаго кружка», на который опирался редактор «Гражданина», получилъ финансовый портфель. Черезъ посредство Рубинштейна Баркъ затѣмъ вошелъ в довѣріе къ Горемыкину и составилъ себѣ партію в средѣ «влиятельныхъ петроградскихъ финансистовъ».

*) Только полнѣйшее нежеланіе разобраться в фактической сторонѣ дѣла могло привести къ несуразному утвержденію Чернова, что Хвостовъ, сдѣлавшись из борца противъ «нѣмецкаго засилья» плѣнникомъ послѣдняго, провелъ (это былъ лишь проектъ) в министры финансовъ Татищева, который въслѣдствіи былъ привлеченъ за «пособничество неприятели». Уплативъ распутинскому ставленнику Протопопову 100 тыс., Татищевъ добился назначенія (?!) наблюдающимъ за ходомъ слѣдствія «ангела-хранителя» в лицѣ Белецкаго.

Из проекта назначенія Татищева ничего не вышло, хотя Хвостов будто бы заручился согласіем новаго предсѣдателя Совѣта министров, т. е. Штурмера. Вышел только шантаж, приведшій Манасевича на скамью подсудимых. “Барк оказался сильнѣе, он дѣйствовал через Мануса”, — пояснял Хвостов*). Манус дѣйствовал через Распутина, но и Хвостов до своего паденія, т. е. в период, къ которому относится подготовленіе почвы для своего свойственника, дѣйствовал через того же “Григорія”. Возможно, что “божій человекъ” мог совершенно безсознательно работать на два фронта — то рекомендуя Татищева, то отстаивая Барка. Не свидѣтельствует ли это, что он не был “только агентом опредѣленной промышленно-банковской группы?” Но какой же смысл был при описанных самим Хвостовым условіях Манусу поручать Саблину “ругать” Барка? Надо отмѣтить, что в осенніе мѣсяцы 15 г. Саблин был почти все время в Ставкѣ или на фронтѣ. “Мнѣ уже цѣлые мѣсяцы не приходилось говорить с ним наединѣ”, — писала А. Ф. 7 янв. 16 г.

Вообще роль Саблина представляется вовсе не такой грубо житейской, как изображал ее Хвостов. А. Ф. сама признает, что она “его направляла” во всѣ годы близости Саблина къ царской семьѣ (20 сент. 15 г.) и сумѣла сдѣлать его одним из “близких” и “Григорію”. Но осенью Саблин, как видно из писем, поколебался в своей мистической вѣрѣ в Распутина. “Поговори с Н. П., — писала А. Ф. 20 сентября, — и дай ему понять, что ты рад пользоваться моим содѣйствіем. Он мнѣ раз написал очень тревожное письмо о том, что мое имя слишком часто упоминается, что Горемыкин выдается со мной и проч. Он не понимает, что моя обязанность, хотя и женщина, помогать тебѣ, гдѣ и когда могу, тѣм болѣе во время твоего отсутствія. Не говори ему, что я об этом упоминаю. Но сведи разговор на эту тему с глаза на глаз. Муж его кузины в Думѣ и, может быть, он иногда пыгается сообщить ему вещи в невѣроятном освѣщеніи или вліять на него. Он сказал Акселею Пистолькорсу, что я даю офицерам молитвенные пояски Григ. — какая чепуха!.. Я так рѣдко выдаю Н. П., что не приходится имѣть длинных разговоров. А он так молод! Всѣ эти годы я его направляла, а теперь он неожиданно вошел в совсѣм иную новую жизнь, видит, какія тяжелыя времена мы переживаем и дрожит за нас. Он стремится помочь, но, конечно, не знает, как за это приняться. Боюсь, что Петроград наполнил его уши всякими ужасами. Прошу тебя, посоветуй ему не обращать вниманія на то, что будут говорить. Это может хоть кого взбѣсить! Мое имя и без того слишком греплется гадкими людьми”.

Своеобразно, что перемѣну Саблина в отношеніи Распутина А. Ф. приписывает вліянію никого другаго, как Мануса. 7 января (16 г.) она сообщает мужу, что ей удалось послѣ долгих разговоров убѣдить Саблина побывать у “Друга” ... “Я много с ним говорила и рассказала ему все о большой перемѣнѣ нынѣшним лѣтом; он ее знал, что именно Он убѣдил тебя и нас в безусловной необходимости этой перемѣны ради тебя, нас и Россіи. Мнѣ уже цѣлые мѣсяцы не приходилось говорить с ним наединѣ, и я боялась заговорить с ним о Гр., так как знала, что он сомнѣвается в Нем. Боюсь, что это еще не прошло, —

*) В триумвиратѣ ин. Андрониковъ был также против Татищева.

но, если он увидит Его, то успокоится. Он очень вѣрит Манусу (я не вѣрю), и я думаю, это он возстановил его против нашего Друга. И теперь он зовет Его Распут., что мнѣ не нравится, и я постараюсь отучить его от этой привычки". В концѣ концов, А. Ф. достигла своего и через нѣсколько мѣсяцев 7 сентября отмѣчала: "Н. П. был у нашего Друга. Он остался доволен им и тѣм, что через страдаія совершенно вернулся к Нему и к Богу".

Изумительным образом примиреніе Саблина с Распутиным Семенников сопоставил с благополучным завершеніем как раз в сентябрѣ вопроса о выпускѣ 350 милл. гарантированного правительством желѣзнодорожнаго займа, который "распутиновцы" проводили, минуя Гос. Думу, в порядкѣ верховнаго управленія. Прочитыванныя слова из письма А. Ф., относящіяся к Саблину, автор комментирует так: Распутин был "доволен" Саблиным, потому что Саблин удачно выступил передатчиком пожеланій банковскаго міра. Приходится остановиться и на этой закулисной сторонѣ проведенія желѣзнодорожнаго займа. Она, быть может, сама по себѣ очень характерна для тогдашняго государственнаго режима, когда Дума с начала войны, по выраженію Шингарева, утратила "какую-нибудь возможность правильно знать бюджет и распоряжаться расходуемыми суммами" (показанія Чр. Сл. Ком.), ибо Дума при расколотости бюджета на двѣ половины формально провѣряла 3 1/2 миллиарда в государственном бюджетѣ и не касалась 25 миллиардов расходов военнаго фонда. Исторія "закулисной стороны" займа служит как бы иллюстраціей "техники" проведенія через верховную власть желательных для извѣстных кругов рѣшеній, но если ее изложить болѣе или менѣе по фактам объективно, то исчезнет та особая специфичность, которую хотят ей придать. Исторія эта такова.

26 апрѣля А. Ф. писала про свиданіе с прибывшим с фронта Саблиным, который уѣзжал в этот же день: "Н. П. сказал мнѣ в разговорѣ о предложеніи (вѣроятно, какого-нибудь банкира, но, по моему, оно превосходно) сдѣлать немного попозже внутренній заем на миллиард на постройку желѣзных дорог, в которых мы сильно нуждаемся. Он будет покрыт почти сразу, так как банкиры и купцы, страшно разбогатѣвшіе теперь, сразу же дадут крупныя суммы — вѣдь они понимают выгоду. Таким образом, найдется работа для наших запасных, когда они вернутся, и это задержит их возвращеніе в свои деревни, гдѣ скоро начнется недовольство — надо предупредить исторію и волненія, заранѣе придумав им занятія, а за деньги они будут рады работать. Плѣнные могут всѣ начать. В связи с этим найдется масса мѣст для раненых офицеров по линіи, на станціях и т. д. Согласен ли ты с этим? Мы с тобой уже думали об этом, помнишь? Могу я переговорить об этом со Штюмером, когда увижу его в слѣдующій раз, чтобы разработать план, как бы это можно было сдѣлать, а он может поговорить об этом с Барком?"

В указанной бесѣдѣ, судя по письмам, и состоялось посредничество Саблина. Фраза А. Ф.: "мы с тобой уже думали об этом", вѣроятно, относится к тому еще времени, когда Царю была представлена в августѣ извѣстная нам записка военно-морской комиссіи Гос. Думы. В запискѣ, между прочим, отмѣчалось, что "народ не понимает, почему не строят желѣзных дорог, необходимых для обороны". Об этой за-

пискѣ предпочитаютъ умалчивать при обследованіи “закулисной стороны” рожденія желѣзно-дорожнаго займа 16 г., а центр тяжести переносят на инициативу банкиров, в своихъ цѣляхъ дѣйствовавшихъ черезъ “распутинцевъ”^{*)}). Психологически почва была подготовлена. Царь немедленно реагировалъ (27-го): “Твою мысль снова произвести большой внутренней заем... я считаю удачной — поговори, пожалуйста, об этомъ с Штюмеромъ и даже с Баркомъ... Передъ отъѣздомъ я приказалъ министрамъ выработать на много лѣтъ впередъ обширный планъ постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ что этотъ новый денежный заемъ какъ разъ помогъ бы его осуществить”. Об этомъ отвѣтъ Николая II также умалчиваютъ, а между тѣмъ онъ показываетъ, что энергія, проявленная министерствомъ пут. сообщ., разработавшимъ проектъ строительства желѣзныхъ дорогъ, объясняется во всякомъ случаѣ не только “нажимомъ распутинцевъ”. “Ну, Штюмеръ нашелъ мысль о желѣзно-дорожномъ займѣ удачной и чрезвычайно своевременной, такъ какъ всѣ рошутъ по поводу желѣзныхъ дорогъ и охотно дадутъ деньги. Онъ придетъ ко мнѣ Барка къ 5 час.”, — сообщила А. Ф. 2 мая. 8 июня Треповъ докладывалъ Царю выработанный особымъ междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ планъ постройки в ближайшее пятилѣтіе 30 тыс. верстъ рельсовыхъ путей и соответствующій законопроектъ былъ внесенъ в Гос. Думу. Заемъ былъ покрытъ в нѣсколько дней.

Проектируемое желѣзно-дорожное строительство требовало созданія новыхъ металлургическихъ предпріятій. Здѣсь мечты сталкивались съ реальной дѣйствительностью. По мнѣнію междувѣдомственнаго совѣщанія, — докладывалъ Треповъ Царю 25 іюля, — производство металла в соответствии съ потребностями желѣзныхъ дорогъ должно быть доведено до 500 милл. пудовъ (вмѣсто 300). Алексѣевъ в своей докладной запискѣ 15 іюля о созданіи должности верховнаго министра государственной обороны весьма пессимистически оцѣнивалъ расчѣты на проблематическое увеличеніе добычи металла при “угрожающемъ, почти трагическомъ положеніи” этого вопроса. Отмѣчая продолжающійся на фронтѣ значительный недостатокъ огнестрѣльныхъ снарядовъ, необходимыхъ для полнаго развитія наступательныхъ операцій, нач. штаба указывалъ, что “при теперешнемъ своемъ развитіи промышленность, работая на оборону, по заявленію министра торг. и пром., получаетъ всего 50% потребнаго ей матеріала”. Прогнозы Алексѣева были правильны. Предсѣдатель Совѣта министровъ 9-го октября всеподданнѣйше докладывалъ о положеніи металлургическаго дѣла (дальше цитируется, какъ и раньше, резюме, сдѣланное самимъ Штюмеромъ): “Разверстка металловъ между артиллерійскимъ вѣдомствомъ и министерствомъ путей сообщенія на октябрь выполнена согласно плану артиллерійскаго управленія; на ноябрь же мѣсяцъ для нуждъ артиллерійскаго вѣдомства обнаружился недохватокъ в

*) Семеновъ цитируетъ изданную в январѣ 16 г. книжку предсѣдателя правленія Международнаго банка Хрулева, в которой рекомендуется усиленное желѣзнодорожное строительство и высказывается скептическое отношеніе ко всякаго рода «междувѣдомственнымъ коммиссіямъ», выдуманнѣмъ «только по зависти къ похороннымъ бюро». Металлургистамъ и Международному банку *de facto* оставалось только обратиться къ авторитету Распутина, что и было сдѣлано при посредствѣ Мануса и Путилова. Черезъ три мѣсяца вопросъ сталъ в полѣ зрѣнія А. Ф., а еще черезъ два мѣсяца министерствомъ былъ разработанъ соответствующій планъ.

1.200.000 пудов металла, необходимого для выработки тяжелых снарядов, что может быть устранено только путем уменьшения количества заготавливаемых для ведомства путей сообщения рельсов. Военный министр, препровождая мне копию письма своего на имя Нач. Шт. Верх. Главнокомандующаго обращается к сему послѣднему с просьбой дать указаніе о том, возможно ли, сохраняя норму выпуска металла для мин-ва путей сообщения, сознательно итти на уменьшеніе выдѣлки снарядов для дѣйствующей арміи. Е. И. В. соизволил указать, что он на другой день переговорит о сем с ген. Алексѣевым". Отвѣтъ Алексѣева при сопоставленіи с докладом его 15 іюля легко предугадать.

Трудно себѣ представить, каким образом изложенная выше эпопея, вполне укладывающаяся, если можно так выразиться, в рамки "обороны" или войны "до побѣднаго конца"*) , может служить одной из наглядных иллюстрацій к абсурдному тезису "марксистской" историографіи, формулированной Семеновым в работѣ, претендующей на научное изложеніе в таких изумительных словах: "Настоящее правительство Россіи составляли таким образом такія лица, как Манус, Рубинштейн, Путилов и другіе крупнѣйшіе банковскіе дѣльцы. Агентами этих лиц по воздѣйствію на правительственную политику были Распутин и А. Ф. Романова. Что касается самого Николая и официальнаго правительства..., то они являлись простыми исполнителями воли того верховнаго банковскаго правительства, которое опредѣляло общую правительственную политику". Специфичность тезиса заключается в презумціи, что металлургия, которым экономически стало выгоднѣе производить "рельсы", вступили на путь "пацифизма", и А. Ф. (для одних сознательно, для других безсознательно) сдѣлалась как бы "агентом" миролюбивой политики того банковскаго центра который руководил металлургической русской промышленностью. вмѣсто того, чтобы просто сказать, что представители металлургической промышленности могли использовать свои вліянія в дѣлах воздѣйствія на правительственную политику в своих экономических интересах (для промышленников "рельсы", дѣйствительно, могли быть выгоднѣе "пушек" при тенденціи реквизированія заводов, работающих на оборону**) — из мухи сдѣлали карикатурнаго слона. Впрочем, в данном случаѣ, в перипетіях желѣзнодорожнаго займа и пр. нельзя найти даже и "мухи" для обоснованія необходимости заключенія сепаратнаго мира с Германіей и соответствующей тенденціи верховной власти.

Банковскій центр.

Базой для политических гипотез творцов "легенды" служит утвержденіе, что банковскій центр, который руководил русской метал-

*) В засѣданіях прогрессивнаго блока правительство обвиняли в злостном бездѣйствіи в области желѣзнодорожнаго строительства (послѣ объявленія войны построили только двѣ однопутныя вѣтки), а фактически недостаток рельс был столь острый, что в іюль 16 г. Трепов хотѣл прибѣгнуть к «такой крайней мѣрѣ, как снятіе их на части нѣкоторых имѣвших болѣе или менѣе второстепенное значеніе желѣзно-дорожных линий».

**) Секвестрирован был не только Путиловскій завод — эту правительственную тенденцію и опротестовал февральскій (16 г.) съезд металлургов.

лургіей, был искони связан с таким же центром в Германіи. Семенников продѣлал кропотливую работу, основываясь на данных, опубликованных за время существованія совѣтской власти, для того, чтобы доказать зависимость русской тяжелой индустріи от банков и в частности Международнаго, директора котораго состояли одновременно руководителями крупных предпріятій. Определенное вліяніе послѣдняго сказалось на составѣ “совѣта”, избраннаго съѣздом представителей металлообрабатывающей промышленности в Петербургѣ 26 февраля 16 г.: он возглавлялся Протопоповым, проведенным в министры, трое должностных лиц принадлежали к составу правленія Международнаго банка (Вышнеградскій, Мещерскій, Панафилинов), пятым был председателем правленія Путиловскаго завода и правленія Русско-Азіатскаго банка Путилов. Крупным пайщиком Международнаго банка, которому в 17-м году принадлежала 1/3 акцій, состоял извѣстный нам Манус...

В свое время Ленин по данным, приведенным в книгѣ, выпущенной в Германіи под псевдонимом “Agahd” (“Grossbanken und Weltmarkt” 1914 г.), и характеризовавшим “интимную сторону” дѣятельности русских банков, утверждал, что Международный банк, как и “Русскій банк для внѣшней торговли”, работал на 3/4 “нѣмецким капиталом”. Дальнѣйшее обследованіе не подтвердило, однако, утверженія Ленина. Фактический матеріал, приведенный в работѣ Оля (“Иностранный капитал в Россіи”) изданной в 1922 г. “Институтом экономических изслѣдованій” при Нар. Ком. Фин., опредѣляя участіе “нѣмецкаго капитала” в операціях Международнаго банка лишь в 1/3, а в Русском немного больше — 24 милл. на 60*). На русско-германскій характер Международнаго банка, по мнѣнію Семенникова, указывает то обстоятельство, что четыре директора, как германскіе подданные, должны были выбыть во время войны из состава правленія. Изслѣдователь устанавливает и связь Международнаго банка с тѣми предпріятіями электрической промышленности, которыми при своих антинѣмецких изысканіях так интересовался фанатик “націонализаціи русскаго кредита” Хвостов: “Русскіе электрическіе заводы Сименс и Гальске”, “Общество электрическаго освѣщенія 1886 г.”, “Русское Общество Всеобщей Компаніи Электричества”, являвшіеся лишь филиалами соответствующих германских трестов.

“Капитал”, конечно, “интернаціонален” и вложеніе нѣмецких денег в русскія банковскія предпріятія до войны само по себѣ ничего не доказывает или очень мало. Весь сыск о том или ином количествѣ паев в отношеніи нѣмецкаго вліянія и сепаратнаго мира при перепутанности акціонеров**) довольно пустое дѣло — в особенности, когда оно касается отдѣльных лиц. Легко представить себѣ, какіе узоры можно было бы вырисовать на фонѣ дѣйствительности, напр., австрійских, французских и англійских Ротшильдов, связанных между собой

*) Оговорка сдѣланная Семенниковым, едва ли может опорочить это «дальнѣйшее обследованіе» — Олем не было принято во вниманіе, «повидимому» замаскированное под разными формами участіе нѣмецкаго капитала, извѣстное лицам, прикосновенным к этим банкам, в том числѣ Агаду.

**) «Пайщиком» Международнаго банка был, напр., «Сибирскій частный коммерческій банк», участіе нѣмецкаго капитала в котором опредѣлялось круглой цифрой — 0.

самыми близкими родственными узам! При желаніи почти каждый банк можно было бы поставить под нѣмецкое вліяніе. Примером служит Русско-Азіатскій банк, директором котораго был финансист Путилов. Казалось бы, формально этот банк нельзя отнести к числу работавших на нѣмецкія деньги, ибо на 60 милліонов капитала 36 в нем приходилось на капитал французскій, 4 на англійскій и только 2 на нѣмецкій, но во втором сокращенном изданіи своей книги Семенников, как то походя, считает тѣм не менѣе нужным установить связь его с банкирской конторой Варбурга (отчего не прибавить сюда и контору Мендельсона, гдѣ лежали царскія деньги?), а Чернов, не только, как всегда, без критики слѣдуя за своим источником, говорит уже о “*глубоко идущих связях Русско-Азіатскаго банка и знаменитой фирмы “Берты” Крушпа...”*).

Член Думы Пуришкевич в рѣчи 19 ноября, по существу весьма поверхностной, изобличал попытки Протопопова “отравить Россію нѣмецкой пропагандой” и сообщал о совѣщаніи, которое было организовано Протопоповым для субсидированія его газеты, и которое ассигновало на эти цѣли 5 милл. К числу “нѣмецких” банков оратор относил и Азовско-Донской банк. Разоблаченіе это было построено на том основаніи, что семь из десяти приглашенных банков отказались, когда “поняли, в чем дѣло, и разобрались”. “*Всѣ русскіе банки, — утверждал думскій депутат, — тѣ банки, гдѣ было больше всего русских денег, ушли, и остались Международный, Азовско-Донской и Русскій для внѣшней торговли...*” “*Это три главных банка, которые работают в Россіи на нѣмецкій капитал...*” Приводил Пуришкевич и цифры, неизвѣстно откуда заимствованныя, для характеристики первенствующей роли нѣмецких денег: 25 милл. в Аз.-Дон. банкѣ, 40 в Международном, 45 в Русском для внѣшней торговли. В появившемся тогда же опроверженіи предсѣдателя правленія “Русскаго для внѣшней торговли банка” Давыдова указывалось, что у Пуришкевича не было данных для установленія факта участія иностраннаго капитала в дѣятельности банка, не принимавшаго к тому же участія в финансированіи проектировавшейся газеты**); роль нѣмецкаго капитала в Аз.-Дон. банкѣ позднѣйшія изслѣдованія установили в пропорціи 8 к 60... Ленин считал, на основаніи “*явнтимных*” данных Агада, находившимся в “первой степени зависимости” от “*Deutsche Bank*” “Сибирскій” банк, членом совѣта котораго состоял россійскій канитферштан Манус, и в котором формально не зарегистрирована была наличность нѣмецких денег. У нѣкоторых совѣтских изслѣдователей филиалом *Deutsche Bank* стал “Объединенный банк”, гдѣ лидерствовал нам извѣстный уже по манасевичевскому шантажу свойственник Хвостова возможный кандидат в министры финансов и замѣстители Барка — гр. Татищев***); у других таким филиалом германскаго концорціума

*) Семенников упоминает лишь об инцидентѣ, вызвавшем тревогу во Франціи в связи с попыткой в февралѣ 14 г. англо-германскаго синдиката овладѣть акціями Путиловскаго завода.

***) Это не помѣшало говорить о связи давыдовскаго банка с *Deutsche Bank*.

****) Этот банк — в нем принимал видное участіе Ледницкій — усиленно всегда подчеркивал свою связь с концорціумом *Banque de l'Union Parisienne*, что легко прослѣдить хотя бы по газетным публикаціям.

“Disconto Gesellschaft” станет СПб. Учетный банк, в котором участие “нѣмецкаго” капитала исчисляют в пропорціи 4 на 30, при отсутствіи других паев иностраннаго происхожденія и т. д. В концѣ концов позднѣйшіе совѣтскіе изслѣдователи (в данном случаѣ Ронин “Иностранный капитал и русскіе банки”, на котораго ссылаются цитируемый нами Сидоров, произведшіи с своей стороны большую детализацію в подсчетѣ), получили такіе результаты: 5 банков “нѣмецкой” ориентаціи с основным капиталом в 138 милл. имѣли нѣмецких капиталов 54 милл. или 39%.

Я совершенно не чувствую себя компетентным разбираться в вопросах сложной банковской политики и могу указать лишь абрисъ тѣх возраженій, которыя напрашиваются и которыя заставляют быть осторожным в отношеніи слишком категорических и скороспѣлых заключеній. При теперешнем состояніи матеріалов (сами большевицкіе изслѣдователи, перед взором которых только и раскрыты тайники архивов, должны признать, что публикаціи из исторіи дореволюціоннаго прошлаго до послѣдняго времени носили характер “партизанских прорывов”) нѣтъ еще возможности конкретно прослѣдить возможно двойственную политику банков с “нѣмецким” уклоном даже в тѣх предѣлах, которые устанавливали письмо русскаго Императора англійскому королю и сам министр финансов Барк, признавая, что до осени 16 г. дѣятельность этих банков была “непроницаема” для государства. Нельзя опоры найти в бѣглых показаніях, данных Хвостовым в Чр. Сл. Ком. о разслѣдованіи, которое им производилось в качествѣ члена Думы и министра вн. д., и которое должно было показать, как нѣмецкій капитал вел завоеваніе Россіи, одновременно политическое и экономическое, т. е. “нѣмецкое засилье”. Хвостов отнюдь не был оригинален и отражал исконныя опасенія націоналистических кругов, враждебных политикѣ Витте — привлеченія иностранных капиталов для развитія русской промышленности — и видѣвших в нарождавшихся коммерческих трестах лишь замаскированную форму внутреннейской “государственной организаціи” враждебных Россіи иностранных держав; при таком предвзятом взглядѣ на политическія заданія синдицированной псевдо-русской промышленности изученіе “пружин” нѣмецкаго капитала в Россіи дѣликом солидаризировалось с элементарно-грубыми приѣмами контр-развѣдки и сводилось к изысканію корней шпіонажа в “нѣмецком засильи” во время войны*). Не болѣе проч-

*) С легкой руки Хвостова, у котораго в головѣ «зайчики прыгали», тезис защиты «Общества 86 г.», «нѣмецкой» партией стал почти общим мѣстом. Его естественно поддерживает Чернов, любящій гиперболы: «Им (т. е. Обществом 86 г.) сообще с позднѣе проникшим в Россію Allgem. Elektr. Gesellschaft. (Ратенау) учрежден был «русскій электрическій синдикат», покрывшій по опредѣленному плану электрическим снаряженіем всю страну. Такова была мощная позиція и мощные интересы германизма и зависимость от него капитала в тогдашней Россіи. Отсюда и протягивались его шупальцы к разным политическим группам, правительственным и общественным группам; сюда приводили нити многочисленных интриг, подкапывавшихся под правительственное и общественное антантофильства и обслуживавших интересы Германіи и сепаратнаго мира». Получается курьезное положеніе, при котором «измѣнник» Сухомлинов упорно боролся с нѣмецким электрическим синдикатом в Россіи (еще в мартѣ 15 г. в перепискѣ с Янушкевичем он негодовал на мимикрію «московских нѣмцев» — пайщиков «Общества 86 г.», сдѣлавшихся «швейцарцами»), а Временное

ную базу дает, конечно, и кавалерійскій наскокъ Комиссiи ген. Батюпина, возникшей по инициативѣ Ставки: Алексѣевъ в письмѣ предсѣдателю Совѣта министровъ 30 августа (16 г.) настаивалъ на "неумолимой" борьбѣ со спекуляціей банков, направляемой "чей-то злою рукою" и угрожающей принять размѣры "государственнаго бѣдствiя" (докладъ Штюрмера 10 сент.). В связи с настояніемъ нач. штаба Совѣта министровъ в порядкѣ 87 ст. экстренно провелъ законъ о предоставленіи министру финансовъ права банковскихъ ревизій. В докладѣ 10 сентября Штюрмеръ разъяснял, что вопросъ о контролѣ банковскихъ учрежденій поднимался в правительствѣ еще весной, но тогда признано было необходимымъ провести законъ в нормальномъ порядкѣ, такъ какъ подобное мѣропріятіе, совершавшее переворотъ в финансахъ страны, могло бы вызвать возраженіе со стороны Гос. Думы.

Оставимъ в сторонѣ вопросы о шпионажѣ и содѣйствіи врагу в контр-развѣдочномъ смыслѣ, съ чѣмъ неразрывно сплетался в глазахъ современниковъ спекулятивный характеръ нѣкоторыхъ банковскихъ операцій. Будемъ говорить лишь о томъ пафизмѣ, который породила экономика. Можно усмотрѣть нѣкоторую логичность в лапидарной формулировкѣ выводовъ большевицкой исторіографіи, сдѣланной Семенниковымъ: "Черезъ Протопопова... правительственная власть непосредственно соединилась съ руководящей группой промышленниковъ металлургистовъ. Металлургическая промышленность стояла в тѣсной зависимости отъ банков, среди которыхъ руководящую роль игралъ Международный коммерческій банкъ. Этотъ послѣдній... являлся в сущности обществомъ — дочерью берлинскаго "Учетнаго Общества". Но пока выводы в смыслѣ доказательства висятъ в воздухѣ — уже прежде всего потому, что основное положеніе недоказуемо: совѣтскіе же экономисты убѣдительно доказываютъ, что в русской металлургіи, основнымъ производствомъ капиталистическаго міра, почти "монополистами" были французскій и бельгійскій финансовыя капиталы. Ничто не даетъ возможности установить дѣйствительную наличность такого банковско-промышленнаго центра, который, какъ бы персонализируя "русскую партію міра", занимался подготовкой сепаратнаго міра. Формальный методъ доказательства, къ которому здѣсь прибѣгаютъ, приводитъ къ установленію своего рода коллективной отвѣтственности, напоминающей сказочку о дѣдкѣ и рѣлкѣ.

Приведемъ одну иллюстрацію рискованности такого метода историческихъ изысканій. Существовало Русское Транспортное Общество — особенно заподозрѣнное націоналистомъ Хвостовымъ, какъ центр шпионажа. Предсѣдателемъ в немъ былъ Манусъ, главнымъ пайщикомъ Международный банкъ, членами правленія состояли Путиловъ и Бурдуковъ. Другой "духовный сынъ" Мещерскаго, многоликій писатель финансистъ Колыш-

Правительство, вышедшее изъ нѣдръ революціи, которая пришла на смѣну германофильствующаго правительства, продолжало горемыкинскую политику и не хотѣло принудительно ликвидировать «нѣмецкое» общество, считаясь съ тѣмъ, что «технически» организация его была «безупречна», и съ тѣмъ, что противъ ликвидаціи протестовалъ швейцарскій посланникъ. Городской голова Москвы, Челноковъ, недоумѣвалъ при допросѣ в Чр. Сл. Ком., почему отношеніе революціоннаго правительства къ «безусловно вредному» нѣмецкому обществу носитъ такой странный «мистическій характеръ» («швейцарскихъ акціонеровъ онъ считалъ фикціей»), а «Русское Слово» такъ попросило именовать француза Гужона «предателемъ» за поддержку «Общества 86 г.»

ко состоял участником многих предприятий Мануса, как “Общества Брянских заводов”, “Петербургского вагонного завода” (одним из директоров послѣднато числился и Путилов). Колышко нѣсколько раз весной 16 г. ѣздил за-границу по порученію металлургическаго треста, — так утверждали газеты революціоннаго времени. Заманчиво, по своей упрощенности, связать их всѣх в нѣчто единое, сплетя экономическіе вопросы непосредственно с нѣмецкой интригой, ведомой заправилами Deutsche Bank или Disconto Gesellschaft; за возможную “тѣсную смычку” одного сдѣлать ответственными всѣх и заставить Вышнеградскаго (Международный банк), Путилова и др., приглашаемых в Особое Совѣщаніе по оборонѣ и т. д., играть по меньшей мѣрѣ двойственную роль*). Это и былъ путь контр-развѣдки, пытавшейся в свое время обвинять Путилова в германфильствѣ. Как будто, французскій посол не заподозрѣвал соратника Мануса по коммерческимъ дѣлам, бывшаго директора кредитной канцеляріи и тов. мин. фин., в этомъ грѣхѣ, ибо, какъ видно изъ дневника Палеолога, директор Русско-Азіатскаго банка находился в числѣ довѣренныхъ людей во французскомъ посольствѣ — это было тѣмъ болѣе естественно, что Путиловъ былъ тѣсно связанъ с представителями французской промышленности в Россіи. Если взять раннія записки Палеолога, то логическимъ путемъ можно придти къ заключенію, что Путиловъ при своемъ крайнемъ пессимизмѣ долженъ былъ скорѣе сочувствовать миру. В ноябрѣ 15 г. онъ высказалъ Палеологу увѣренность, что русскіе долгое время не выдержатъ войны, которая ихъ изнуряетъ. А раньше, 20-го мая, в дневникѣ записано такое его отчасти пророческое предвидѣніе: дни царизма — единственной связи національнаго единства Россіи, сочтены. Революція неизбежна. В Россіи революція можетъ быть только разрушительной, такъ какъ образованный классъ представляетъ в странѣ ничтожное меньшинство и не имѣетъ вліянія на массы. Буржуазія и интеллигенція дадутъ сигналъ къ революціи, думая спасти Россію. Революція буржуазная перейдетъ в революцію рабочую, а потомъ крестьянскую... Начнется невѣроятная анархія — десять лѣтъ анархіи. Судя по дальнѣйшимъ записямъ дневника, пессимизмъ Путилова велъ его однако отнюдь не на путь содѣйствія замысламъ “придворной партіи”, къ заключенію мира с Германіей, а сочувствія, по крайней мѣрѣ в бесѣдахъ в буржуазныхъ и великосвѣтскихъ салонахъ, дворцовому перевороту, который преслѣдовалъ цѣли противоположныя. Во всякомъ случаѣ пацифизмъ этого “крупнаго металлурга и финансиста” долженъ былъ вести не в объятія с заправилами Deutsche Bank.

Конецъ вѣнчаетъ дѣло. И нѣсколько словъ о послѣдующей эволюціи

*) Родзянко, вызванный вел. кн. Н. Н. в Ставку для обсужденія в присутствіи Царя проекта созданія Особаго Совѣщанія по оборонѣ, повезъ съ собой в качествѣ особо полезныхъ спеціалистовъ Вышнеградскаго и Путилова (третьимъ былъ Литвинов-Фалинскій). Надо имѣть в виду, что предсѣдатель Думы былъ заигноризированъ мыслью о царившей кругомъ «измѣнѣ» не меньше другихъ — онъ усиленно подчеркивалъ в воспоминаніяхъ и показаніяхъ планомѣрность дѣйствій «распутинскаго кружка»: «Измѣна чувствовалась во всемъ, и ничѣмъ инымъ нельзя было объяснить невѣроятныя событія, происходившія у всѣхъ на глазахъ — пишетъ онъ в воспоминаніяхъ: «во главѣ многихъ казенныхъ заводовъ все еще сидѣли германскіе подданные, которыхъ, благодаря покровительству министра Маклакова, нѣкоторыхъ великихъ князей и клики придворныхъ, нельзя было выслать».

того русскаго банковскаго органа печати, который по заявленію Пуришкевича, сдѣланному с трибуны Гос. Думы, должен был обслуживать интересы враждебных держав, как нельзя лучше показывает эфемерность стройной по внѣшности схемы. “Конечно, открыто защищать в этой газетѣ интересы Германіи невозможно, — говорил Пуришкевич, — но газета будет охлаждать русскій патриотизм”. А газета на практикѣ оказалась не только на “крайне имперіалистической позиціи”, но и рѣзко враждебной Протопопову, б. председателю Совѣта металлургических сѣздов и министру вн. д., с именем котораго связывалась возможность осуществленія пацифистских надежд. Странные пацифисты, дававшіе деньги на изданіе ярко шовинистической газеты, подрывавшей то дѣло, которому призвана была служить! В революціонные дни как раз “Русская Воля” с исключительной настойчивостью развивала положеніе, что “придворная партія” опиралась на банки, организованные при содѣйствіи нѣмецких капиталов — вѣроятно, основаніем для этого был только тот факт, что во главѣ Международнаго Банка стояло лицо с высоким придворным званіем. Гораздо болѣе логично поступали банки “нѣмецкой ориентаціи” в тѣх случаях, когда субсидировали во время войны литературные органы Максима Горькаго, которые довольно опредѣленно проводили тенденціи, получившія по нѣсколько топорной терминологіи того времени, не покрывавшей существовавших политических отгѣнков, общее названіе “пораженческих”.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«C O U R D'ÉTAT»

I. — ПОСЛѢДНІЯ РѢШЕНІЯ.

1. — Т р е т ч и к и м и р а .

Если исторія реальная, а не воображаемая, т. е. историческое повѣствованіе, опирающееся при всей своей субъективной тенденціозности на факты, не может пока еще в конкретных формах вырисовать “причудливый узор придворной интриги в пользу сепаратнаго мира” на “аренѣ финансов, биржи, спекуляціи”, то еще в меньшей степени она может зарегистрировать тѣ “маневры исключительно дерзкаго шпионажа”, о которых столь безапелляціонно говорит в своем обследованіи происхожденія русской революціи Чернов. Всѣ эти “мотивы” надлежит отнести в значительной степени за счет воображенія взвинченной психологіи современников.

Император на телеграммѣ управлявшаго посольством в Лондонѣ Набокова, в которой он просил своего министра, учитывая настроенія в Лондонѣ*), завѣрить англійскій кабинет о “непоколебимой рѣшимости... продолжать войну до конца, несмотря ни на какія колебанія внутренней политики”, не только подчеркнул эти слова, но и сдѣлал помѣтку: “конечно”, а оппозиціонная общественность упорно твердила свое: “они” готовят “позорный мир”... Мы видѣли, как записка деп. полиціи этими слухами характеризовала настроеніе общества. Здѣсь не было искаженія дѣйствительности, раз сам предсѣдатель Гос. Думы в воспоминаніях почти дословно повторил тѣ высказыванія, которыя в свое время приписывались представителям общественности в циркулировавших бесѣдах с иностранцами; Родзянко говорит о “планомѣрном... изгнаніи всего того, что могло принести пользу в смыслѣ побѣды над Германіей”. Дошедшее до нас, правда, через третьи руки, дипломатическое сообщеніе косвенно подтверждает стоустую молву о продолжавшихся будто бы демаршах к заключенію мира с Германіей. Эта дипломатическая информация весьма неопредѣленна и своей неопредѣленностью (текст искажен и с большими пропусками — так

*) Набоков рассказывает, что послал свою телеграмму послѣ аудіенціи у короля, во время которой Георг «недвусмысленно отозвался о Государынѣ, выражая сожалѣніе по поводу оказываемаго ею пагубнаго вліянія на ход событій в Россіи», и бесѣды с Бальфурумом, который, со своей стороны, высказывал «опасенія», ссылаясь на донесенія посла в Петербургѣ. Эти «опасенія» рисовали положеніе «в самых мрачных красках» и сопровождалось рѣзким «осужденіем» и серьезным «предупрежденіем» со стороны печати — не исключая и консервативной.

он опубликован в сб. "Константинополь и проливы") не вызывает к себѣ довѣрія — она должна быть отнесена к одной из многочисленных тогдашних дипломатических уток.

27 января англійскій посол в Копенгагенѣ в секретной телеграммѣ в Лондон сообщал: "Андерсен конфиденціально увѣдомил, что по свѣдѣніям, полученным из одного шведскаго банка, между членами русскаго и германскаго мин. ин. д. *начаты переговоры* о сепаратном мирѣ. Посредниками являются шведско-нѣмецкіе банкиры и русскіе финансисты германскаго происхожденія". Далѣе идет неясная передача намѣчавшихся условій мира и сообщенія датскаго посла в Петербургѣ о готовящемся переворотѣ, изложенныя в совершенно уже неслучайной формѣ. Андерсен, очевидно, тот посланец датскаго короля, который в 15 г. посѣтил Николая II и Вильгельма. Англійскій посланник в Копенгагенѣ явно получил переданное им в Лондон сообщеніе из вторых рук. Что это? Новый запоздалый отклик (в первой части сообщенія) на все то же пресловутое стокгольмское свиданіе или нѣчто новое, сплетенное в связи с циркулировавшими слухами? Едва ли можно усомниться в том, что при преемникѣ Штурмера никакіе чины министерства ин. д. не могли начать официальных переговоров о мирѣ при посредствѣ каких-то шведско-нѣмецких и русско-нѣмецких банкиров. Слухи, якобы переданные (своему, т. е. датскому правительству) Андерсеном, рикошетом дошедшіе до англійскаго посланника и облеченные в форму традиціонных уже переговоров банковских представителей, скорѣе всего стояли в связи с демаршами, которые сдѣлал именно в это время в Стокгольмѣ и Христианіи болгарскій посланник в Берлинѣ Ризов — не без непосредственнаго внушенія со стороны Берлина.

В серединѣ января Ризов посѣтил русскаго посла в Стокгольмѣ Неклюдова. Послѣдній с согласія своих дипломатических коллег принял болгарскаго посланника, который в бесѣдѣ подчеркнул, что принятый им шаг сдѣлан по личной инициативѣ, хотя его взгляды совершенно согласуются с точкой зрѣнія болгарскаго правительства, что прибыл он из Копенгагена инкогнито, ничего не сообщив германскому правительству. Ризов не сказал "абсолютно ничего опредѣленнаго" и говорил лишь о том, что война между Болгаріей и Россіей совершенно ненормальна и должна быть прекращена, что, может быть, настоящій момент является подходящим, чтобы начать "совершенно конфиденціальныя бесѣды", которыя могут привести к дѣйствительным переговорам. Ризов просил Неклюдова довести их бесѣду до свѣдѣнія русскаго правительства, при чем в предвидѣніи грядущих революціонных событій знаменательно произнес загадочную фразу: "Я вижу, что вы мало обращаете вниманія на то, что я вам сказал, и не хотите говорить со мной откровенно. Но через мѣсяц или самое познее через полтора. произойдут событія, послѣ которых, я увѣрен, что с русской стороны будут болѣе склонны к разговорам с нами. Быть может, вы меня тогда вновь увидите".

Через нѣсколько дней Ризов направился в Христианію, гдѣ имѣл бесѣду с русским послом Гулькевичем, с которым был в добрых отношеніях еще во время пребыванія в Римѣ. 22 января Гулькевич передал телеграммой министру содержаніе разговора, носившаго на

этот раз больше конкретный характер. Афишируя “свою безграничную преданность”, Ризов подчеркивал, что нарочно приехал для переговоров, так как ему известно, что Германия согласна заключить с Россией отдельный мир “на чрезвычайно выгодных условиях”. “Я не полюбопытствовал” узнать эти условия, — свидетельствовал перед министром посол, — но посредник сам поспешил выдвинуть решение, обезпечивавшее выход для России в Черное море... Уязвая из Христиани, Ризов предупредил посла по телефону, что он “действовал за свой страх”, и что он отречется от факта своего посещения посла, если это сдѣлается известным кому-либо третьему. У Гулькевича однако не было сомнѣній, что болгарскій посланник дѣйствовал “по порученію нѣмцев”. Таким образом в этом эпизодѣ, дѣйствительно, фигурировали представители иностранных министерств, о которых упоминалось в сообщеніи Андерсена.

И Неклюдов и Гулькевич получили от министерства инструкцію — в случаѣ второго посещения Ризова “выслушать его внимательно и добиться от него больше точной формулировки условий”. Отвѣт Покровскаго — отвѣт, имѣвшій уже традицію бывших прецедентов — Семеновиков толкует, как косвенное согласіе “правлящей русской группы” приступить къ сепаратным переговорам с Германией о мирѣ. Догадки могут идти и дальше. Не только не было отказа на предложеніе сепаратнаго мира, но русское правительство, со своей стороны, сдѣлало соответствующій ход в отношеніи Австріи. Об этом рассказывает австрійскій министр ин. д. Чернин. 26 февраля (конечно, нов. ст.) его посетил полномочный представитель одной нейтральной державы и сообщил, что одна из воюющих с Австро-Венгріей держав готова заключить мир на благоприятных для Австріи условиях (исключался вопрос об отпадении Венгрии или Чехии). Чернина просили, в случаѣ готовности пойти на встрѣчу этому предложенію, сообщить свои условия. Австрійскому министру ясно было, что другія державы союзницы не были освѣдомлены о порученіи, которое было возложено на представителя нейтральной державы, и Чернин “ни минуты” не сомнѣвался, что предложеніе идет от России (это косвенно, по словам мемуариста, подтвердил и собеседник), Чернин по телефону, через посредство той же нейтральной державы отвѣтил, что Австрія, которая ведет лишь оборонительную войну, всегда готова прекратить дальѣйшее кровопролитіе. Отмѣчая пераздѣльность интересов союзников Австріи, Чернин предлагал свои посредническія услуги в случаѣ, если мирное предложеніе будет обращено ко всем, и гарантировал сохраненіе тайны до разрѣшенія этого вопроса. 9 марта, т. е. 24 февр. ст. стилия, послѣдовал отвѣт от инициаторов переговоров, не вносившій однако ясности в формулировку основного вопроса, который был поставлен руководителем внѣшней политики Австріи. Чернин вторично телеграфировал, предлагая командировать довѣренное лицо в нейтральную страну, куда будет послан и делегат Австріи. Отвѣта уже не было получено. “Семь дней спустя, — добавляет мемуарист, — Царь был свергнут с престола. Очевидно, это была послѣдняя попытка спастись”...

Разгадать нельзя полностью того, что говорится полусловами, намеками и окружается дипломатической тайной даже в воспоминанях. Только раскрыв инкогнито представителя нейтральной державы, можно

было бы путем сопоставления сдѣлать болѣе опредѣленный вывод о возможной здѣсь мистификаціи или закулисных самочинных дѣйствіях частных лиц из среды "пацифистов". И, конечно, совершенно не исключена возможность, что чей то конфиденціальный разговор с австрійским министром имѣл совершенно иную подкладку и стоял в непосредственной связи с аналогичными разговорами, которые велись в это время, с вѣдома французскаго и австрійскаго правительств в Швейцаріи принцем Сикстом Бурбонским и гр. фон Эрдели (они начались раньше). Эти предварительные переговоры, повидимому, велись в тайнѣ от Россіи, хотя рѣчь шла и о перемиріи на восточном фронтѣ.... Эпизод, в туманных чертах изложенный Черниным и, может быть, соответственно приправленный тенденціей политика, гораздо в большей степени должен был относиться к сепаратному миру Австріи, к которому стремилось правительство новаго императора Карла, чѣм к тому сепаратному миру с Германіей, который собиралось заключить будто бы русское правительство в цѣлях своего самосохраненія. Мир с Австріей логически ставил вопрос и о русско-германском мирѣ — возможно, но ставил его в совѣм другой плоскости — именно так, как думал "наш Друг" в изображеніи А. Ф. — выход Австріи из міровой войны, изоляція Германіи означали побѣду Антанты.

Предѣлы догадок неограничены, если эти догадки не вытекают из конкретных фактов. У совѣтскаго изслѣдователя легенды все же его произвольныя догадки сопровождаются указаніем на отсутствіе "документальных данных", у продолжателя традиціи в эмигрантской литературѣ эти оговорки или отсутствуют или получают такой формальный характер, что изложеніе приобретает еще большую категоричность. Перед революціей дѣло о "сепаратном мирѣ", "как будто, было поставлено уже на рельсы", заключает Чернов; не даром Гульевич получил из Петербурга предписаніе добиться болѣе точных формулировок условий, предложенных, если не от имени, то по инициативѣ Германіи. "Старым революціонером" — из закулисной интриги банковскоя группы или иных "правящих" кругов дѣло о сепаратном мирѣ переносится в плоскость полуофициальных переговоров с согласія правительства*); слѣдующим этапом является посылка делегата "нейтральной державы" уже по инициативѣ русской власти к австрійскому министру. "Оглушить страну" заключеніем сепаратнаго мира и объявить "боевую реакціонную диктатуру внутри страны" — "такова была послѣдняя попытка спасти династію от краха". Так формулировал Чернов предположенія Семеникова. "Узер" этот в данном случаѣ вырисован не столько хитросплетеніями "мастеров дипломатической кухни", сколько безоглядным творчеством историческаго повѣствователя.

2. — У шталмейстера Бурдукова.

Можно признать, что перед революціей был поставлен в порядок дня своего рода правительственный *coup d'état* — "государственный переворот", который деп. Маклаков-мемуарист противопоставляет

*) В это время Покровскій выступил с упомянутым выше проектом захвата Константинополя!

дворцовым заговорам в общественной средѣ. Легко намѣчаются и кружки, инспирирующие эту мысль. О них мы скажем ниже, но сепаратный мир пристегнут здѣсь лишь по логикѣ субъективнаго толкованія фактов: “не подлежит сомнѣнію”, что “необходимым завершеніем” той политики, которую рекомендовали “правые”, был бы “сепаратный мир” (Семеновиков). Допустим на момент, что эта логика вѣрно опредѣляет ход событій, и что именно в этих “кружках” надо отыскивать исходный пункт “рѣшающих шагов к сепаратному миру”. Что же конкретное может пока установить современная историографія?

Семеновикову представляется знаменательным хронологическое совпаденіе порученія Николаем II бывш. министру вн. д. Маклакову составить проект манифеста о долженствовавших произойти измѣненіях во внутренней государственной политикѣ с предложеніем о сепаратном мирѣ, которое поступило Чернину. 8 февраля 17 г. Маклакову было дано это порученіе, и 9-го он писал Царю, что необходимо покончить, “чего бы то ни стоило”, с внутренним врагом, который “давно становится и опаснѣе, и ожесточеннѣе, и наглѣе врага внѣшняго”. Довольно произвольно толкованіе приведенной фразы не только, как указанія на необходимость “примириться” с врагом внѣшним, но и как начала первых “рѣшительных шагов” к сепаратному миру. Ничего еще не рѣшено (Маклаков докладывал проект манифеста 11—12 февраля), а идеологи переворота с быстротою поѣзда-экспресса спѣшат послать через “нейтральную” державу посредников к представителям враждебных держав почти с опредѣленным предложеніем: письмо Маклакова относится к 22 февраля по нов. ст., а разговор с Черниным помѣчен мемуаристом 26 февраля — в согласіи верховной власти сомнѣній не было. Получив, очевидно, первый отвѣт австрійскаго министра, разговорщики собираются для послѣдняго рѣшенія 24 февраля (ст. ст.) на обѣд у штала. Бурдукова, “подручнаго” банкира Мануса. Как раз 24 февраля ст. ст., по словам Чернина, он получил обратный отвѣт. Это уже не экстренный поѣзд, а телеграф и даже телефон! Царица сообщала мужу, уѣхавшему в Ставку, про Саблина: “Он обѣдает сегодня с Маклаковым, Калининим, Римским-Корсаковым у Бурдукова”. На совѣщаніи при участіи министра вн. д., бывшаго предсѣдателя Совѣта металлургических сѣвздов, “германофила” Маклакова, которому поручено спасти Россію от “внутренняго врага” и одного из главарей Союза Русскаго Народа, б. сенатора Римскаго-Корсакова были приняты какія то серьезныя рѣшенія, ибо А. Ф. 26-го сообщала Императору: “Бурдуков настаивает на том, чтобы повидать меня сегодня, а я так надѣялась никого не видѣть”.

Вот та, болѣе, чѣм шаткая, фактическая канва, на которой вышивает свои причудливые узоры историческая фантастика. И творцам исторической легенды нѣтъ никакого дѣла до того, что самым большим политическим фантастам в день 26 февраля в Петербургѣ в создавшейся обстановкѣ не могла явиться даже мысль говорить о мѣрах к осуществленію сепаратнаго мира, который своей неожиданностью должен был “оглушить страну”. Можно ли себѣ представить, что порывистая и страстная А. Ф. так спокойно и неохотно отнеслась бы к желанію Бурдукова получить аудіенцію, если бы знала, что дѣло касается послѣдняго рѣшенія, от котораго зависят судьба трона? Несуразица бьет в глаза... К “обѣду” у Бурдукова мы еще вернемся.

“Послѣднія рѣшенія” о сепаратном мирѣ пріобрѣтают почти водевильный характер, когда на ролях посредников выступают не представители банковских групп или “старые революціонеры” типа болгарина Ризова, а никому неизвѣстный в политических сферах, хотя, быть может, и своего рода знаменитость, графолог и хиромант “доктор философіи” Перрен, находившійся в регулярных сношеніях с мистически настроенным послѣдним министром вн. д. стараго порядка. Этот эпизод особенно заинтересовал муравьевскую комиссію, на него обратил вниманіе в своих показаніях первый министр ин. д. революціоннаго правительства, а историки “легенды” приводят его в доказательство того, что Протопопов “не прервал тайственных сношеній шифрованными телеграммами со Стокгольмом”, и что правящія группы имѣли “июльную возможность сдѣлать неофіціальное предложеніе о мирѣ непосредственно германцам”. Но больше всего расширила дѣло иностранная контр-развѣдка в справкѣ, представленной в Петербургѣ военным агентом в Швеціи 22 марта 17 г., т. е. тогда уже, когда в Россіи произошла революція. Эта поздняя хронологическая дата углубляет сомнѣнія, которыя сама по себѣ вызывает справка, основанная исключительно на подборѣ ходивших сплетен*).

Справка французской контр-развѣдки без обвиняков говорила, что Карл Перрен — австрійскій еврей, натурализованный в Америкѣ — состоял в Стокгольмѣ “корреспондентом русскаго министра Протопопова и его посредником при переговорах относительно сепаратнаго мира”. Дѣйствует Перрен так открыто, что даже не скрывает, что состоит на жалованіи у нѣмцев. Между ним и министром до послѣдняго времени велась переписка “при посредствѣ офіціальной вализы россійской миссіи в Стокгольмѣ”. В концѣ января Перрен, по просьбѣ Протопопова, собирався ѣхать в Россію, и ему должны были предоставить “отдѣльный вагон” из Торнео, но вслѣдствіе противоудѣйствія русскаго ген. штаба в выдачѣ паспорта, он отказался от поѣздки, но ѣздил с нѣмцем, котораго считают “германским дипломатом” и “представителем принца Генриха Прусскаго. Бьерсон Шахом в Ханаранду будто бы на свиданіе с каким то пріѣхавшим из Россіи русским”. Из лиц. “дѣйствующих, повидимому, под его руководством”, можно считать германскаго банкира Варбурга из Гамбурга, в обществѣ котораго Перрена видѣли “очень часто”. Справка заключалась сообщеніем, что Перрен, потерявъ крупную сумму (50 т. долл.) на спекуляціях в Америкѣ, для поправленія своих дѣл занялся экспортом спичек в Германію. Англійская контр-развѣдка, со своей стороны, добавляла черты для характеристики “опаснаго примѣра”, какой являет подозрительный гадалщик, ведущій “дѣятельную кампанію в пользу сепаратнаго мира”, и отмѣчала, между прочим, что из Стокгольма “исчезла” бельгійская подданная Алиса Гетгебюр, состоявшая “невѣстой или любовницей” Перрена и проживающая “нынѣ” в Петроградѣ.

*) Эту «справку» мы знаем лишь в изложеніи Тоболина, заимствовавшего ее, в свою очередь, из производства слѣдователя Чр. Сл. Ком., ведшаго дѣло о злоупотребленіях по должности б. министра вн. д. Протопопова.

Контр-развѣдочная буффонада большого вниманія не заслуживает, но подчас разсмотрѣнїе пустяков может вставить вопрос, опутанный стараніями изыскателей целеной подозрительнаго тумана, в правильныя историческія рамки, поэтому остановимся на нѣкоторых деталях. Одіозный характер сношеній Протопопова с Перреном у Милюкова в показаніи 7 августа не вызывал сомнѣній — он говорил о “регулярных сношеніях” со Стокгольмом путем “шифрованной переписки” и это повторил в своей “исторіи революціи”. В видѣ доказательства Милюков сообщал Комиссіи, что он в первые же дни “передал Керенскому двѣ зашифрованныя телеграммы: одна из них большая, другая маленькая, которыя, повидимому, имѣли не послѣднее значеніе”. Откуда мог вывести министр ин. д. такое заключеніе, неясно, ибо он тут же добавлял: “Я не знаю, разобрали ли шифр, потому что у нас онѣ не могли быть разобраны и поэтому я их так и передал. Я спрашивал нѣскольکو раз А. Ф. Керенскаго и он говорил, что, кажется, тоже не разобрали”. На вопрос предсѣдателя: “когда вы позволили получить телеграммы?”, Милюков довольно неопредѣленно отвѣтил: “в министерствѣ ин. д. мнѣ передали в числѣ бумаг”. Передавая найденныя телеграммы в качествѣ изболчительнаго матеріала в слѣдственном порядкѣ министру юстиціи, Милюков не сохранил в дѣлопроизводствѣ своего министерства даже копій. Ко времени допроса свидѣтель уже забыл детали этого “слѣдственнаго и важнаго” тогда дѣла и ничего не мог разъяснить Комиссіи. Он помнил только, что телеграммы были “написаны особым шифром, который специально не употреблялся, онѣ прошли через Неклюдова, хотя Неклюдов не знал их содержанія”, — так свидѣтелю сказали в министерствѣ. Из слов Милюкова вытекало, что телеграммы пришли в первые дни его министерства или в дни предшествующей революціонной неразберихи.

Мы не знаем дальнѣйших этапов выясненія в Комиссіи происхожденія и сути одіозных телеграмм, но знакомы с первой стадіей разсмотрѣнія всей этой исторіи, из которой явствует, что никакого разслѣдованія и не производилось, так как к моменту допроса Милюкова эпизод был уже достаточно разъяснен; когда Протопопов при четвертом своем допросѣ в президіумѣ еще 21 апрѣля захотѣл вернуться к пройденному вопросу, предсѣдатель попросту отмахнулся — “не будем на этом останавливаться” *). При втором допросѣ 8 апрѣля Протопопову был поставлен вопрос об одном из его “стокгольмских знакомых” Карлѣ Перинѣ (под такой транскрипціей Перрен фигурировал иногда в имѣвшемся о нем дѣлѣ в департаментѣ полиціи). Протопопов отрекся — может быть, потому, что предпочитал молчать перед слѣдственной комиссіей в тѣх случаях, когда это возможно, или дѣйствительно не поняв, о ком идет рѣчь. Во всяком случаѣ на возобновившемся послѣ перерыва засѣданіи он сам спросил: “может быть, ошибка: Charles Perrin?” (Скажут: конечно, он “вспомнил”, потому что придумал, какое дать освѣщеніе своим отношеніям к подозрительному хироманту). “Да, да”, — отвѣтил предсѣдатель. — “Это

*) Судебныя авгуры из Комиссіи, соблюдая, очевидно, правовыя традиціи сохраненія тайны слѣдствія, лишь не показывали вида 7 августа, что перрено-протопоповская эпопея им извѣстна — деталь странная и своеобразная в условіях допроса столь авторитетнаго тогда по положенію общественного дѣятеля.

не стокгольмскій мой знакомый. Он был здѣсь в Петроградѣ, жил в Гранд-Отель... Это гадатель, предсказатель будущаго... Он читает мысли, ловидимому, очень удачно. Я был у него, заплатил довольно дорого, и мы разошлись, так сказать, знакомыми... Но я только один раз и был у него в Петербургѣ. А затѣм он часто про меня вспоминалъ". Попал к Перрену Протопопов, узнав о гадальщикѣ через газеты ("Новое Время"). В дополнительном показаніи 20 апрѣля Протопопов указал, что это было "в концѣ 1915 г." На другой день он поправлялся и утверждал, что свиданіе было "до войны" — весной 14 г. Искренность показаній Протопопова возбуждает сомнѣніе у комментатора слѣдственного матеріала, склоняющагося к мнѣнію, что с Перреном Протопопов видѣлся и за-границей (о чем его усиленно допрашивали и в Комиссіи); оспариваніе основывается на данном 19 апрѣля слѣдователю директором канцеляріи министра вн. д. Писаренко показаніи, что Протопопов говорил ему, что встрѣтился с этим "замѣчательным человѣком", читающим по рукѣ всѣ мысли, "гдѣ-то за-границей" — ясно, что в Стокгольмѣ. Между тѣм слова Протопопова были подтверждены не только в показаніях его зятя Носовича (брата прокурора, дѣятеля мин. торг. и пром.), но и данными собранными русской контр-развѣдкой о Перренѣ. Носович свидѣтельствовал, что это он познакомил Протопопова, интересовавшагося "всегда міром психических явленій"*), с графологом, с которым сам Носович встрѣтился в Петербургѣ в Палас-театрѣ зимой 1913-14 г., гдѣ "его ученики давали сеанс телепатіи". Подчеркивая "крайнее корыстолюбіе" телепата, Носович говорил, что ему "никогда не приходилось слышать, от кого бы то ни было, что во время своих сеансов он испытывал от кліентов какія-либо свѣдѣнія относительно политическаго и военнаго положенія Россіи". "Мы всей семьей, — продолжал Носович, — поѣхали в Гранд-Отель**), гдѣ жил Перрен"... Послѣдній предсказал Протопопову блестящую карьеру. "Предсказаніе это произвело на моего зятя сильное впечатлѣніе, тѣм болѣе, что оно вскорѣ начало сбываться ("неожиданно" Прот. был избран тов. пред. Гос. Думы). "За сеанс Протопопов заплатил Перрену нѣсколько сот рублей (200, по словам Пр.). Перрен, видя произведенное им впечатлѣніе, нѣсколько раз пытался возобновить сеансы. Но, сколько мнѣ извѣстно, они больше не видѣлись"***).

*) Протопопов был знаком и с другим «отгадывателем почерков» — Моргенштерном. Через эту знаменитость, если вѣрить показаніям Белецкаго, Царица, в свою очередь, провѣряла умственные способности министра, которому покровительствовала, и котораго общественное мнѣніе зачисляло в сонм умалишенных.

**) Протопопов дополнительно показывал, что был с женой и младшей дочерью, которая даже лечилась «короткое время» от нервнаго насморка у «доктора». «Мы всѣ в семьѣ запомнили его гаданіе, я часто вспоминалъ его мѣткое слово: «вы сами себя создали» и совѣтъ: «слѣдовать своему первому импульсу, который обыкновенно вѣрен».

***) Комментар слѣдственного матеріала совершенно ошибочно приписал Протопопову утверженіе (он пишет: Протопопов «не отрицал»), что Носович видѣлся с Перреном за-границей. Протопопов слѣдователю говорил лишь, что «Носович встрѣчал его (Перрена) гдѣ-то и передавал мнѣ от него подтверженіе его предсказанія. Недоразумѣніе Тоболина, ловидимому, возникло из слов, имѣвшихъ в позднѣйшем письмѣ Перрена Протопопову: «в прошлом іюнѣ я собирался ѣхать в Петроград на недѣлю, когда

По данным Охр. Отд., сообщенным контр-развѣдкѣ, Перрен в мартѣ 14 г. проживал в гостиницѣ “Гранд-Отель”, публиковал в газетах рекламныя извѣщенія о поразительныхъ предсказаніяхъ, сдѣланныхъ имъ королю англійскому и королеви бельгійской, и былъ посѣщаемъ для гаданія “многими лицами”. Разговаривалъ онъ всегда на “нѣмецкомъ языкѣ” (Протопоповъ говорилъ — на англійскомъ), получалъ корреспонденцію изъ Дани и Гельсингфорса и тѣмъ возбуждалъ сомнѣніе, не германскій ли онъ подданный, занимающійся шпионажемъ; “самъ” гадальщикъ показывалъ “одно письмо изъ Германіи”, отъ бывшаго капельмейстера оркестра гостиницы “Асторія”, венгерскаго подданныя, содержавшее в себѣ угрозы по адресу Россіи. Но съ “американскимъ гражданиномъ” считались, и онъ не только спокойно выѣхалъ за границу наканунѣ войны, но и вернулся обратно в Россію в январѣ 15 г. Онъ вновь прибылъ в Петербургъ, поселился в гостиницѣ “Асторія” и попалъ подъ непосредственное наблюденіе контр-развѣдки. По наблюденію “агентовъ” его попрежнему посѣщало “много лицъ изъ разныхъ слоевъ общества” (за сеансъ Перренъ бралъ отъ 10 до 200 руб.). Одинъ изъ представителей американскаго посольства повторно высказывалъ сомнѣніе в томъ, что Перренъ американецъ, и думалъ, что онъ нѣмецкій шпионъ: Перренъ “показывалъ знакомымъ полученное изъ Берлина письмо, в которомъ говорилось о расчетахъ нѣмцевъ в скоромъ времени взять Варшаву и Петроградъ. Установленное за Перреномъ наблюденіе однако не дало результатовъ”. Гадальщикъ разѣзжалъ по Россіи — былъ в Москвѣ, Ялтѣ, Ригѣ, и в августѣ выѣхалъ за-границу. Жилъ вначалѣ в Бергенѣ, лечилъ “тайными средствами” и “обдиралъ до вѣрчивую лубку”; потомъ вернулся в Ставангеръ, вращался в кругу подозрительныхъ лицъ, преимущественно нѣмцевъ, откуда поѣхалъ в Стокгольмъ, намѣреваясь перебраться в Россію. Обо всемъ этомъ сообщилъ б. секретарь русскаго консульства в Бергенѣ “владѣтель экспортной конторы” в Норвегіи Библиетовъ жандармскому офицеру на ст. Торнео. 15 іюля, т. е. 16 г., “американскій гражданинъ” прослѣдовалъ черезъ ст. Бѣлоостровъ. Здѣсь онъ былъ “подвергнутъ самому тщательному досмотру и подъ наблюденіемъ агентовъ Охр. Отд. отправленъ в Петроградъ”. Почему предполагаемый нѣмецкій агентъ выбралъ время для посѣщенія сѣверной столицы, совпадающее болѣе или менѣе съ датой стокгольмскаго свиданія, не совсемъ понятно. 4 іюля “американскій подданный” выѣхалъ изъ Россіи в Стокгольмъ, т. е. фактически былъ высланъ. Нач. штаба петерб. округа, считая личность Перрена подозрительной в смыслѣ военнаго шпионажа (“хотя достаточныхъ данныхъ, уличающихъ его в этомъ... не имѣется”) предложилъ воспретить ему въѣздъ в предѣлы Россіи, что и было выполнено департаментомъ полиціи и сообщено на всѣ пограничныя пункты: Перренъ былъ помѣщенъ в “7-ой контрольный списокъ подозрительныхъ лицъ”.

Представляется сомнительнымъ, чтобы человекъ съ подобной политической репутаціей могъ быть полезнымъ агентомъ тайной политики закулисныхъ переговоровъ о сепаратномъ мирѣ! Прочитавъ в газетахъ, что

встрѣтился съ вашимъ зятемъ, какъ разъ за день до моего ... при свиданіи в 1913 г. сбилось». Совершенно ясно, что «прошлый іюнь» относится къ 15 году, когда Перренъ былъ в Россіи. В 16 г. Протопоповъ, какъ то склоненъ утверждать комментаторъ, съ Перреномъ в Петербургѣ не встрѣчался, ибо в іюнь былъ за-границей съ парламентскою делегаціей.

Протопопов назначен “министром ин. д.” (очевидно, специалист по “окультурным знаниям” не очень разбирался в текущей политике), Перрен из Стокгольма поспѣшил привѣтствовать новаго министра, а потом написал “поразительное”, по характеристикѣ Протопопова, письмо. Письмо, дѣйствительно, забавно. Назначеніе Протопопова министром “не поразило” графолога и хироманта, ибо он был “удовлетворен, как врач, сдѣлавшій удачную операцію”: “но я повторяю опять, — писал Перрен, — совершится больше и значительно больше. Я имѣю удовольствіе встрѣтиться с вами только один раз, но в это получасовое свиданіе, сказав вам, что вы находитесь под Юнитером, я сдѣлал... нѣкоторыя отмѣтки в своих книгах. Я человекъ науки, ваше высокопревосходительство, и мои труды основаны на окултнхъ знаніях: главнымъ образомъ я преданъ изученію “науки объ умѣ”, “алхиміи” и “магнетической концентраціи”, которую нельзя смѣшивать с гипнотизмом, какъ дѣлаютъ невѣжды... В короткое время нашего свиданія я проникъ в вашу душу и нашел, что элементами вашими являются честность, сила и стремленіе къ движенію вперед, что вы человекъ большого упорства и большой силы убѣжденія... С этого времени я заинтересовался вами, дѣлалъ разные опыты, чтобы узнать будущее... Я смѣшу заявить, что не ищу никакихъ ни благодарностей, ни денежныхъ наградъ... Есть разница в том, чтобы прочесть руку и взять плату для того, чтобы существовать; но было бы протитуированіемъ также брать деньги за мою силу концентраціи... Я избралъ вас, потому что... повѣрилъ в вас и ваше будущее... Под вашимъ управленіемъ возникнемъ сильная, новая, счастливая Россія; правда, путь ваш не всегда будетъ усыпанъ розами..., но вы преодолеете всѣ препятствія... Я боюсь, что вы подвергнетесь болѣзни между ноябремъ текущаго года и сентябремъ 1917 г.*). Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого основанія ожидать смертнаго исхода. Если бы я былъ свободен, то сѣлъ бы в ближайшій поѣздъ и поѣхалъ бы в Петроградъ съ цѣлью повидать вас, но общалъ уже на будущей недѣлѣ (15 октября) прибыть в Ставангеръ для продолженія лѣченія мистера Беллонда, лучшаго из жителей Норвегіи... Безъ вашего разрѣшенія я буду в продолженіе ближайшихъ 2 или (?) мѣсяцевъ стараться при помощи сильной астральной магнетической концентраціи предупредить возможность опасности от болѣзни... Я, дѣйствительно, имѣю силу, но необходимо, чтобы вы ощущали во мнѣ нужду, и только при этихъ условіяхъ я прибуду... Само собой разумѣется, что... все это останется между нами, какъ и все, находящееся в связи съ моимъ дѣлом... Я вручу это письмо для передачи вамъ или посланнику или консулу в Стокгольмѣ”.

Что это? Аллегорическій камуфляжъ шпиона? Тонкая игра ловкаго шантажиста, выступающаго въ тогѣ астролога временъ романовъ Вальтеръ Скотта? Изліянія шарлатана, но и чулака, захваченнаго маніей “сильной астральной магнетической концентраціи”? В свое время мы видѣли, что Протопоповъ в состояніи неврастеническаго припадка или притворства, подлаживаясь подъ тонъ Комиссіи, “договорился” до признанія Перрена “шпиономъ”, какъ и многихъ другихъ, съ кѣмъ у него были

*) Перренъ перечислялъ симптомы болѣзни, и Протопоповъ в Комиссіи утверждалъ, что онъ заглазно вѣрно опредѣлилъ его недомоганія.

сношенія*). Меньше всего эта ходячая версия могла бы соответствовать действительности. Все-таки необычен тот "шпион" или посредствующий "агент", который открыто пересылает свои письма через посольство с замаскированными намеками на то, что "дѣло" должно остаться "между нами", в то время, как он не мог не знать, что самого высокого адресата никакая "вализа" не гарантирует от перлюстрации. Да и зачѣм нужно было ему это напоминать. То, что других заставляет "насторожиться", скорѣе служит доказательством отсутствия сокровеннаго, тайнаго смысла в письмѣ. Поддѣть Протопопова таким "поразительным письмом", предрекавшим ему "великое будущее", ничего не стоило: "предсказаниями его я очень интересовался", — признавал сам Протопопов; правилом ему упоминание об Юпитерѣ, Сатурнѣ и пр. Протопопов поспѣшил отвѣтить "через секретаря или канцелярію" телеграммой с приглашеніем прїѣхать. "Прїѣду", — отвѣчал 3 декабря Перрен: "пишу через посольство в Стокгольмѣ". В письмѣ, номѣченном 15 декабря "Ставангер, Норуэль" — городок, гдѣ маг лѣчил от болѣзни рака почек и нервов почтеннаго "джентельмена", которому не могли помочь "лучшіе доктора Европы". — Перрен сообщал, что принимает "всѣ мѣры к тому, чтобы имѣть возможность прибыть в Петроград не позднѣе 3 февраля", но у него паспорт не в порядкѣ — послан для обмѣна в Вашингтон, и надо имѣть специальное разрѣшеніе для того, чтобы русскій консул визировал его временное удостовѣреніе. Он просил Протопопова сдѣлать распоряженіе "о пропускѣ через границу в Торнео" и вспоминал, как "очень сурово" в прошлом іюнѣ с ним обошлась военная власть "на Знаменской": "я был обыскан, а мой багаж пересмотрѣн, как картофель. Они желали конфисковать даже акредитив, контракт и немногія дѣловыя бумаги". "В концѣ разслѣдованія мнѣ было объявлено, — утверждал Перрен, — что я свободен покинуть Россію и вновь прїѣхать, так как против меня ничего не имѣется... Когда я вновь переѣзжал через Торнео, чтобы вернуться в Стокгольм... они были сама вѣжливость... Я, конечно, учитываю обстоятельства переживаемаго времени и понимаю, что они не могли поступить иначе, но когда кто-нибудь сознает, что он тѣлом и душою стоит за святое дѣло, как я, обращеніе, подобное указанному, очень тяжело". Перрен обременял своего будущаго кліента "маленькими просьбами": приготовить для него комнату в каком-нибудь отелѣ (в предшествующій раз телеграмма с заказом получена была послѣ прїѣзда) и "быть встрѣченным кѣм-нибудь на станціи, напр., вашим зятем, котораго я так люблю".

Прикладывая вырѣзку из газет, издающихся в Христианіи, о том,

*) В письменном заявленіи на имя предсѣдателя Комиссіи он говорил: «Теперь в крѣпости, узнав о существованіи измѣны сверху и об обращеніи фальшивых денег, мнѣ думается — не возил ли Распутин б. Царицѣ фальшивых денег, получая их через Мануйлова или кого другого. Нѣтъ ли связи между Перреном, о котором меня допрашивали, и привозом в Россію этих денег? На мысль о связи Мануйлова с Перреном меня наводит общность названій: «доктор» Перрен и съѣзд «докторов» в Копенгагенѣ, на который должен был, будто бы, ѣхать Мануйлов по письму, прочтенному мнѣ Степановым. А. В. сказал послѣ, что оно Мануйлова не касается, посему в то время это сопоставленіе в голову мнѣ не приходило». Нужно ли разбираться в этой галиматїѣ?

что Протопопов собирается “драться на дуэли”*), Перрен пишет, что он “остался совершенно покоен, хотя бы в ней говорилось о десяти и болѣе дуэлях”, но позволяет себѣ дать совѣтъ “относиться хладнокровно и философски к нападкам врагов. Помните, что вы в нынѣшніе дни являетесь человѣком не только національной, но и международной репутаціи... и если находятся “дурные глаза”, то мы будем знать, как с кѣм бороться. Я в этом отношеніи однако не о всем осведомлен; моя главная забота — ваше здоровье... Я буду вѣрным всегда и готов служить вам по мѣрѣ своих способностей. Я сознаю свою отвѣтственность и принимаю ее со спокойствіем и увѣренностью, что я буду имѣть успѣх”. И вновь комментатор должен “насторожиться” и послать упрек слѣдователю Гирчичу, который совершенно игнорировал “тайну”, заключенную в этих строках.

Письмо Перрена пришло одновременно с телеграфным запросом 7 января посланника в Стокгольмѣ по поводу просьбы “американца доктора К. Перрен”, заявившаго в посольствѣ, что “получил личное приглашеніе министра вн. д. спѣшно прибыть в Россію”. “Миссія, — заключала телеграмма, — не имѣет никаких свѣдѣній о личности Перрена. Вообще он производит впечатлѣніе скорѣе странное**). Пришла и телеграмма от самого Перрена. На подлинниках Протопопов поставил резолюціи: “желательно помочь”, “просить мин. ин. д. о выдачѣ паспорта”, “нѣтъ ли справок в Департаментѣ” (полиціи)? Справка полицейская была неблагопріятна***), в силу чего Протопопов через миссію отвѣтил Перрену: “Нынѣ, в виду особых обстоятельств военного времени, я лишен. к сожалѣнію, возможности оказать вам содѣйствіе к прибытію в Петроград. О дальнѣйшем не замедлю поставить вас в извѣстность и надѣюсь, что в скором времени осуществлю свое желаніе лично повидаться с вами”. Проект отвѣтной телеграммы был составлен в канцеляріи и первоначально лаконически гласил: “Votre arrivée impossible”. Протопопов нашел ее “рѣзкой” и измѣнил, приписав “по военным обстоятельствам” и “послѣ войны сообщу”. Перевод был сдѣлан в канцеляріи, при чем слово “сообщу”

*) Имѣется в виду инцидент, происшедшій на новогоднем приѣмѣ в Зимнем дворцѣ и приведшій Родзянко к заключенію, что Протопопов «сумасшедшій человѣкъ». По словам предсѣдателя Думы, он предупредил церемоніймейстера, что не подает руки Протопопову и просил «принять мѣры», чтобы тот к нему «близко не подходил». Но министр стал «лавирировать», и оба противника «столкнулись». «Здравствуйте, М. В.» — сказал Протопопов. «Нѣтъ, ни за что, никогда и ни при каких условиях», — отвѣтил Родзянко. «Он меня обнял за галю — рассказывал Родзянко в Чр. Сл. Ком. — и вкрадчиво говорит: «Дорогой мой, вѣдь во всем можно сговориться». Я ему сказал: «Пожалуйста, отойдите от меня, вы мнѣ противны». Он мнѣ на это: «Если так, я вас вызываю». Я говорю: «Пожалуйста, только чтобы секунданты ваши не были из жандармов». Позднѣ Родзянко, которому грозили, что он будет лишен придворнаго званія, доложил Царю об инцидентѣ и сообщил, что «благополучно шесть недѣль прошло, и никаких секундантов я не видѣл». «Странно, как он не дрался» — только и замѣтил Царь. Эпизод этот уронил Протопопова в глазах Царя. По словам жены Родзянко, Царь смѣялся, когда ея муж сказал, что он «теперь считает себя в правѣ бить Протопопова палкой».

***) В воспоминаніях Неклюдов «спирита» просто называет сумасшедшим.

***) По словам Протопопова, директор департамента Васильев сообщал ему лишь то, что против приѣзда Перрена возражает Штаб.

переведено “donnerai nouvelles”, а “послѣ войны — “ultérieurement”. “Двоякая возможность пониманія этой редакціи мнѣ в голову не пришла”, — показывал в Комиссіи Протопопов.

Послѣ отказа со стороны Протопопова на его имя через миссію пришло еще одно письмо Перрена. Оно до нас пока еще не дошло — оно “пропало, нѣтъ подлинника, нѣтъ перевода”. Вот поле для подозрѣній и предположеній: “нѣтъ третьяго письма, потому что оно говорило слишком много”. О содержаніи его извѣстно из показаній, как самого Протопопова, так и тов. мин. ви. д. Куколь-Яснопольскаго и директора канцеляріи Писаренкова. По словам Протопопова, Перрен увѣдомлял, что, несмотря на “предупрежденіе”, он “все же сдѣлал попытку прѣхзть, но это ему не удалось”, и что он будет “на разстояніи” стараться принести пользу здоровью министра, дѣйствуя “телепатическими пассами”: каждый раз, когда Протопопову грозит неприятности или опасность, Перрен “чувствует нервность”. Спирит предупреждал, что в момент “его пассаов” министр будет чувствовать “сонливость”, и составлял для своего заглазнаго паціента “гороскоп”: нѣсколько раз находил он “почти столкновение планет Сатурна и Юпитера, но в послѣднюю минуту столкновение не происходило; в январѣ Протопопову грозит опасность 18-го, в февральскіе дни Протопопов должен быть “осторожен” 5, 8, 14, 15, 16, 18, 24, когда “лучше не выходить и принимать людей только близких”. “Это письмо, — свидѣтельствовал Протопопов, — я показывал многим (помню Куколю, Васильеву), оно лежало у меня на столѣ, и Куколь сдѣлал себѣ выписку опасных дней, чтобы мнѣ о них напомнить”. Писаренков помнил, что в одном из писем (третьем) Перрен выражал соболѣзнованіе по поводу смерти Распутина и говорил, что он “напрягал всѣ свои силы, чтобы помѣшать этой смерти, но не смог этого сдѣлать”. Какой особый, по сравненію с другими письмами, скрытый смысл, побудившій уничтожить письмо, можно найти в процитированном изложеніи?

Протопопов указывал, что копія двух писем Перрена у него со стола исчезла в январѣ, но дважды подчеркивал, что копія третьяго письма, которую он показывал “многим”, перед обыском в революціонные дни лежала у него на лѣвой сторонѣ письменнаго стола, вмѣстѣ с тѣм Протопопов утверждал, что третьяго письма он в оригиналѣ не видѣл — ему был дан лишь русскій перевод. Не проще ли предположеніе, имѣющее характер полного правдоподобія, что оригинал третьяго письма и был тѣм самым подозрительным документом, который смутил мин. ин. д. Временнаго Правительства и который он передал на разсмотрѣніе своему коллегѣ министру юстиціи? То, что говорили Милокову в министерствѣ относительно особаго шифра, которым было замаскировано письмо, относится скорѣе всего к досузей игрѣ уже мемуарнаго воображенія. Послѣ письма, помѣченнаго 31 января, в министерство ин. д. и департамент полиціи поступили лишь двѣ короткія телеграммы, касающіяся дѣла Перрена — телеграмма Перрена, запрашивавшая о полученіи Протопоповым телеграммы 31 января и “собственноручно написанный его высокопревосходительством отвѣтъ”: “письмо получил. Сердечно благодарю; очень опечален, что война и военныя обстоятельства препятствуют нашей встрѣчѣ. Лучшія пожеланія”. Письмо это в “секретном журналѣ Особаго Отдѣла” помѣчено датой 24 февраля.

Такова, в общем, довольно ясная картина сношений министра Протопопова с хиромантом Карлом Перреном. В Чр. Сл. Ком. по первоначально пытались найти в них уличающий криминал и прежде всего в том, что послѣдняя телеграмма по свѣдѣніям, имѣвшимся в Комиссіи, была отправлена Протопоповым 27 февраля, когда в Петербургъ началось уже возстаніе. “Господи Иисусе! Как это может быть? Русскаго стиля”? — возопил допрашиваемый. “Вот это то и любопытно”, — замѣтил тов. пред. Комиссіи Завадскій. “Нѣтъ этого не может быть... Положительно невозможно”, — категорически заявил Протопопов. У Комиссіи были и другія “свѣдѣнія”: “этот человекъ (т. е. Перрен) ѣздил к русской границѣ для секретных свиданій с нѣкоторыми русскими”. “Это фактъ”, — утверждал предсѣдатель Комиссіи, очевидно, узнавшій о таком фактѣ из “справки” французской контр-развѣдки, присланной русским военным агентом в Швеціи. “Мнѣ это не было сообщено”, — только и мог замѣтить Протопопов*). Превеличенное негодованіе, быть может, нѣсколько искусственное, вызывал в Комиссіи фактъ послышки “русским министром” “в высшей степени любезной телеграммы” человекѣ, заподозрѣнному военными властями в шпионажѣ. “Я прямо вам скажу, г. предсѣдатель, — отвѣтил Протопопов, — я это сдѣлал, конечно, ничего не думая”... “Этому я не повѣрил..., потому что у нас в послѣднее время чрезвычайно легко говорят: шпион, шпион”...

“Разрѣшите мнѣ опредѣленно сказать, что тут никаких политических отношеній нѣтъ и не было, рѣшительно никаких”, — как бы подводил итог своих утвержденій Протопопов. Вдумчивый слѣдователь Чр. Сл. Ком. Гирчикъ, ведшій предварительное слѣдствіе по дѣлу о привлеченіи Протопопова к ответственности по 108 ст. угол. улож. (сношенія его с Варбургом, Перреном и Манасевича-Мануйлова с Каро) 20 сентября направил дѣло “для прекращенія за отсутствіем указаній на признаки какого-либо преступленія”, и не слѣдовало бы изслѣдователям прошлаго возрождать эти старыя сказки... Быль в исторіи должна, конечно, остаться, как матеріал для характеристики общественных настроеній, но не как источник эфемерных- доказательств не существовавшей политической тезы.

II. — РЕАКЦИОННАЯ ДИКТАТУРА.

1. — “Записки” Говорухи-Отрока и др.

Трудно без произвольных “логических” умозаключеній на основаніи намеков, которые при желаніи можно отыскать, придти к заключенію, что в дни, предшествовавшіе февральской революціи, какими-

*) Из сообщенія Перрена (переданнаго в показаніях Протопопова), что он «сдѣлал попытку пріѣхать», несмотря на «депешу», конечно, вовсе не слѣдует еще, что он для этого ѣздил в Хапаранду, желая нелегально проникнуть в Россію. «Попытка пріѣхать» могла означать новыя домоганія в русской миссіи. Возможно, что «астральный» человекъ, писавшій Протопопову в первом письмѣ 6 октября, что он любит «свое дѣло с такой силой, как человекъ, преданный запоем «опіумом», что «готов умереть за него» и мог пойти на какую-нибудь экстравагантность, превратившуюся в представленіи контр-развѣдочной агентуры в поѣздку для встрѣчи прибывшаго из Россіи эмиссара по заключенію сепаратнаго мира.

либо ответственными кругами были сдѣланы, дѣйствительно, конкретные шаги к ускоренію заключенія того сепаратнаго мира с Германіей, который давно уже “исподтишка” готовился. Но и сама проблема “реакціонной диктатуры”, которая в представленіи одних являлась неизбѣжным слѣдствіем сепаратнаго мира, а в представленіи других также неизбѣжно порождала сепаратный мир, вовсе не может считаться какой-то аксіомой, характеризующей предреволюціонный государственный обиход, как то рисуется в соотвѣтствующей исторической литературѣ. Эта проблема в нѣсколько ином видѣ, чѣм это обычно изображается, несомнѣнно была поставлена перед верховной властью под напором окружавших ее политических вліяній, но это отнюдь не значит, что окончательный путь был избран. Дѣло все-таки в рѣшеніи, а не в тѣх мнѣніях отдѣльных кружков “правых”, как бы вліятельны и авторитетны они ни были в Царском, которые доводились в видѣ “памятных записок” и писем до свѣдѣнія верховной власти.

Таких записок было немало, и всѣ онѣ проникнуты были одним духом и одним конкретным содержаніем. По своему удѣльному вѣсу центральной должна быть признана, конечно, записка, не совсѣм закононо фигурирующая в литературѣ, на основаніи компетентных указаній Белецкаго, как записка, составленная в кружкѣ члена Гос. Совѣта штабл. Римскаго-Корсакова, который считался чуть-ли не “дубровинцем” по своим крайним взглядам*). В показаніях Чр. Сл. Ком. Маклаков совершенно опредѣленно говорил, что эту записку, составленную лично от себя членом Гос. Сов. Говорухой-Отроком, он (Маклаков), представил Царю в первых числах января 17 г. Дѣло, конечно, не в индивидуальном творчествѣ того или иного лица, а в тѣх условіях, при которых Царю была передана записка. Говоруха-Отрок, активный член объединеннаго дворянства, числился среди посьтителей “собесѣдованій” у Римскаго-Корсакова, как и сам Маклаков, но по характеристикѣ послѣдняго, “был один из тѣх, которые считали, что надо поставить крест над старой политической вѣрой; его точка зрѣнія была такой, что послѣ 17 октября (1905), уже само самодержавіе поставило крест” (читая записку Говорухи-Отрока не совсѣм можно с этим согласиться). “Маленькій” кружок Римскаго-Корсакова Маклаков охарактеризовал, как своего рода “нансеновскую экспедицію” на Сѣверный полюс. “Это были просто послѣдніе могикане, которые отводили душу. Серьезнаго ничего не было и не могло быть”... Такой отзыв подтвердил и Протопопов в показаніях. В кружкѣ Римскаго-Корсакова обсуждался в “общих чертах” план политических реформ и был, в концѣ концов, зафиксирован в запискѣ, судьба которой осталась Маклакову неизвѣстной: “документа я никогда не видѣл в глаза, не читал и не знаю его судьбы” — “кажется... записка была подана”. Теперь мы знаем, что она была препровождена в серединѣ января министру вн. д. при письмѣ Римскаго-Корсакова, как “сводка общих положеній и пожеланій”, выработанных на про-

*) Записка впервые цѣликом была опубликована в приложеніи к очерку Блока «Послѣдніе дни императорской власти». По словам Белецкаго, как мы знаем, она будто бы была представлена Голицыным Царю в ноябрѣ 16 г. Маклаков (б. министр) высказывал болѣе основательное предположеніе, что в то время могла быть передана другая записка, составленная Ширинским-Шахматовым.

исходивших у него “собесѣдованіяхъ”; была признана министром “утопіей” и тѣм не менѣ препровождена Вырубовой: “я препровождал туда рѣшительно все, что мнѣ казалось любопытным. Не только справа, но и слѣва. Напримѣр, всѣ резолюціи стѣздов”.

О запискѣ Говорухи-Отрока Маклаков разсказал, что послѣ одного “совѣщанія” у Римскаго-Корсакова (в первых числах января 7—8-го), Говоруха-Отрок ему сообщил, что у него есть “записка”, только он не знает, как ее “доставить Государю”. Маклаков, который должен был по возвращеніи из деревни представляться Царю, взял на себя это порученіе. По словам Маклакова, он сам лишь “поверхностно” познакомился с запиской по дорогѣ в Царское; он помнил даже такую подробность, как подобрал на вокзалѣ выпавшіе листы, так как записка не была сшита вмѣстѣ. “Когда я был у Государя и сказал: “Если Вы мнѣ позволите, меня очень просили (Гов.-Отрок желал передать записку “анонимно”) передать, я бѣгло просмотрѣлъ, с моей точки зрѣнія здѣсь есть много дѣльнаго и серьезнаго”, Государь сказал: “Пожалуйста, оставьте, я поемтру”. Так я оставил и дальнѣйшаго не знаю”. “Я должен откровенно сказать, — добавляет Маклаков, — что Государь ее навѣрно не прочитал”.

Таким образом мы в правѣ разсматривать “записку” Гов.-Отрока, как один из отзвуков тѣх мнѣній, которыя высказывали на “собесѣдованіяхъ” в кружкѣ Римскаго-Корсакова, но у нас нѣтъ основаній считать это мнѣніе официальным как бы выраженіем какого-то опредѣленно выработаннаго плана, а тѣм болѣе принятаго верховной властью. Маклаков высказывал увѣренность, что с запиской не были знакомы ни предсѣдатель Совѣта министров Голицын, ни министр вн. дѣл Протопопов (в этом отношеніи Маклаков ошибался). Но показательно, что о ней не слышал предсѣдатель Думы, кабинет котораго, по собственным словам Родзянко, был “фокусом всѣх новостей”. А такой всезнающій свидѣтель, как Белецкій, вращавшійся в разных кружках, собиравшій, будучи не у дѣла, отовсюду слухи, которые опредѣляли направленіе политики, знакомый “болѣе или менѣе” со всѣми начинаніями в этой области, утверждал, что подобной записки от “влиятельных правых кружков” в преддверіи поваго года не могло быть; по его словам, это было “время раздробленія сил правых организацій, онѣ разбились на маленькіе кружки, их дѣятельность совершенно не получала отраженія” — онѣ “прозябали”, по выраженію Маркова 2-го.

Напомним *desiderata* о текущем моментѣ, высказанные в запискѣ Говорухи-Отрока: “Так как в настоящее время не представляется сомнѣній в том, что Гос. Дума при поддержкѣ так называемых общественных организацій вступает на явно революціонный путь, ближайшим послѣдствіем чего по возобновленіи ея сессіи явится исکانіе ею содѣйствія мятежно настроенных масс, а затѣм ряд активных выступленій в сторону государственнаго, а весьма вѣроятно, и династическаго переворота, надлежит теперь же *подготовить*, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд совершенно опредѣленных и рѣшительных мѣропріятій, клонящихся к подавленію мятежа, а именно: 1. Назначить на высшіе государственные посты... и на высшія командныя тыловыя должности по военному вѣдомству... лиц, не только извѣстных своєю... преданностью Единой Царской

Самодержавной власти, но и способных... на борьбу с наступающим мятежом. В сем отношеніи они должны быть... твердо убѣждены в том, что никакая иная примирительная политика невозможна. Они должны клятвенно засвидѣтельствовать перед лицом Монарха свою готовность пасть в предстоящей борьбѣ... 2. Гос. Дума должна быть немедленно... распущена без указанія срока новаго ея созыва, но с опредѣленным упоминаніем о предстоящем коренном измѣненіи нѣкоторых статей Основных законов и Положенія о выборах в Гос. Сов. и Думу. 3. В обѣих столицах, а равно в больших городах... должно быть тотчас фактически введено военное положеніе... 4. Имѣющаяся в Петроградѣ военная сила... представляется вполне достаточной для подавленія мятежа, однако батальоны эти должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соотвѣтствующей артиллеріей. 5. Тотчас же должны быть закрыты всѣ органы лѣвой и революціонной печати и приняты всѣ мѣры к усилению правых газет, к немедленному привлеченію на сторону правительства хотя бы одного из крупных умѣренных газетных предпріятій. 6. Всѣ заводы..., работающіе на оборону, должны быть милитаризованы. 7. Во всѣх... комитеты Союза земств и городов..., а равно во всѣх военно-промышленные комитеты должны быть назначены... правительственные комиссары. 8. Всѣм... представителям высшей администраціи в провинціи... должно быть предоставлено право удаленія от должности тѣх чинов всѣх рангов, кои оказались бы участниками антиправительственных выступленій. 9. Гос. Совѣтъ остается впредь до общаго пересмотра основных и выборных законов и окончанія войны, но всѣх... законопроекты... представляются на Высочайшее благоусмотрѣніе с мнѣніем большинства и меньшинства”...

“Записку” сопровождало характерное поясненіе, доказывавшее необходимость измѣненія “новелл 1906 г.”, приводящих к “величайшему государственному соблазну”: “Монарх в порядкѣ утвержденія разсмотрѣнных палатами законопроектов остается неограниченным и никаких в сем отношеніи обязанностей на него законом не возложено”; формула: “народу мнѣніе, а Царю рѣшеніе” является единственно пріемлемой для Россіи. “Поясненіе”, признавая, что правыя партіи находятся в “летаргіи”, с большой язвительностью старается опровергнуть значеніе в жизни либеральной общественности, удѣльный вѣс которой опредѣляется лишь “сочувствіем слѣва” — козырями из чужой колоды карт... “Будет ли собрана Гос. Дума в январѣ, будет ли она вновь распущена, будут ли продлены ея полномочія или назначены новые выборы, положеніе остается столь же не терпимым..., как и в настоящее время!.. Оно, несомнѣнно, будет даже ухудшаться с каждым днем и перед Монархом... и правительством будет стоять все та же трудно разрѣшимая задача: остановить ли поступательное движеніе Россіи в сторону демократической республики, либо положить на волю Божию и спокойно ожидать государственной катастрофы.

В обществѣ и даже в средѣ самого правительства послѣдних лѣтъ в этом отношеніи существует довольно прочно установившееся убѣжденіе, что стоит Монарху даровать дѣйствительныя, настоящія конституціонныя права и гарантіи, пойти навстрѣчу заявленным требованіям об отвѣтственном министерствѣ... тотчас же настанут для

Россіи свѣтлые дни... Такого рода мнѣніе совершенно ошибочно и вовсе не потому, как думают нѣкоторые из представителей противоположнаго теченія мыслей, что цѣли... умѣренно либеральныхъ партій... идутъ гораздо дальше фактическаго захвата ими власти... Дѣло в томъ, что сами эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество ихъ было бы столь кратковременно, сколь и непрочно... Совершенно иное положеніе партій лѣвыхъ... Несмотря на совершенную нецѣлность ихъ настоящихъ представителей в Думѣ, несмотря даже на то, что нѣтъ такого с.-д. или с.-р., из котораго за нѣсколько сотъ рублей нельзя было бы сдѣлать агента Охраннаго отдѣленія, опасность и силу этихъ партій составляетъ то, что у нихъ есть идея, есть деньги, есть толпа, гоговая и хорошо организованная. Эта толпа часто мѣняетъ свои политическія убѣжденія, съ тѣмъ же увлеченіемъ поетъ "Боже, Царя храни", как и оретъ "Долой Самодержавіе", но в ненависти къ имущимъ классамъ... в такъ называемой классовой борьбѣ — толпа эта крѣпка и постоянна; она в правѣ потомъ разсчитывать на сочувствіе... крестьянства, которое пойдетъ за пролетаріатомъ тотчасъ же, какъ революціонные вожди укажутъ имъ на чужую землю"...

"Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что обнародованіе такого акта (т. е. отвѣтственнаго министерства) сопровождалось бы прежде всего, конечно, полнымъ и окончательнымъ разгромомъ партій правыхъ и постепеннымъ поглощеніемъ партій промежуточныхъ..., партій кадетовъ, которая по началу и получила бы рѣшающее значеніе. Но и кадетамъ грозила бы та же участь. При выборахъ в пятую Думу эти послѣдніе, безсильные в борьбѣ съ лѣвыми и тотчасъ утратившіе все свое вліяніе, если бы вздумали итти противъ нихъ, оказались бы выгнанными и разбитыми своими же друзьями слѣва... А затѣмъ... Затѣмъ выступила бы революціонная толпа, коммуна, гибель династіи, погромъ имущественныхъ классовъ и, наконецъ, мужик-разбойникъ. Можно бы итти в этихъ предсказаніяхъ и дальше, и послѣ совершенной анархіи, и поголовной рѣзни увидѣть на горизонтѣ будущей Россіи возстановленіе самодержавной царской, но уже мужичьей власти в лицѣ новаго царя, будь то Пугачевъ или Стенька Разинъ, но повѣрно, что такія перспективы уже *заслоняются предвидѣніемъ вражескаго нашествія* и раздѣла между сосѣдями самого Государства Россійскаго, коему уготована была бы судьба Галиціи и Хорватской Руси"...

Маклаковъ не совѣмъ удачно назвалъ боевую (и отчасти пророческую в смыслѣ предвидѣнія этаповъ революціи) записку Говорухи-Отрока «академической»*), утверждая одновременно, что тогда «даже самому смѣлому челоуѣку» мысли о превращеніи Думы в органъ совѣщательный не могло «прийти»: «видя клокочущій Везувій, который разыгрывался», всѣ спрашивали (на фракціонныхъ совѣщаніяхъ правыхъ), что «можно сдѣлать?» и все сводилось къ тому: одни говорятъ — роспускъ и новые выборы, другіе... дотянуть до конца, такъ какъ

*) «Сводка» положеній, выработанныхъ на собесѣдованіяхъ у Римскаго-Корсакова и посланныхъ Протопопову, носила болѣе «академическій» характеръ, вовсе не касаясь грядущаго «мятежа». «Положенія», какъ и записка Говорухи-Отрока, ставили вопросъ о пересмотрѣ законовъ в части, относящейся до установленія Гос. Думы, борьбу съ «преступнымъ попустительствомъ» общественности, стройный подборъ правительственнаго аппарата и т. д.

полномочія естественным порядком истекают, не созывать Думу до того времени, и когда пройдет срок, еще полгода пройдет и въ которое время будет передышка". Маклаков был прав в том смыслѣ, что в вопросѣ о "капитальном ремонтѣ" государственнаго зданія у правых кругов не было объединеннаго лозунга. Откроем, напримѣр, другую записку, представленную одновременно Николаю II через Щегловитова — записку о положеніи в странѣ "православных кругов г. Кіева и Кіевской губ.". Это не анонимная записка, — записка Царем просмотрѣнная и, очевидно, не так уже поверхностно, ибо ряд мѣст в пей отмѣчен читавшим ее. Мало того, записка носит собственноручную по-мѣтку: "записка достойная вниманія" и препровождена предѣдателю Совѣта министров Голицыну, который докладывал 10 января, что вопросы, поднятые в запискѣ, "будут подвергнуты подробному обсужденію в одном из ближайших засѣданій Совѣта министров". Запискѣ был дан ход — слѣдовательно ей придавалось большее практическое значеніе, нежели "академическому" творчеству Говорухи-Отрока... "Православные кіевляне", завѣрив Монарха, что "подавляющее большинство трудового населенія" юго-западнаго края "по-прежнему твердо придерживается традиціонных воззрѣній на самодержавіе русских царей, как на единственный источник предрержащей власти в русском государствѣ", тѣм не менѣе и не думали поднимать вопрос о "капитальном ремонтѣ" государственнаго зданія — наоборот, обращая "мысленные взоры к державному хозяину русской земли", они просили "министров, окружающих его трон, поставить Гос. Думу на указанное ей Основными законами мѣсто и заставить ея президіум не допускать, по крайней мѣрѣ, до окончанія войны, никаких эксцессов, разрушающих мир в странѣ и подрывающих авторитет существующей власти". "Не допуская и мысли о продленіи полномочій нынѣшней Гос. Думы по причинѣ ея абсолютнаго нежеланія работать в условиях существующаго государственнаго строя", кіевскіе націоналисты были "крайне обезпечены отсутствіем подготовительных мѣр к выборам в V Гос. Думу, от состава и національнаго блока этой Думы будет зависеть многое в грядущих судьбах Россіи". В предвидѣніи этих выборов записка указывала на необходимость созданія на мѣстах русских націоналистических газет для противодѣйствія той прессѣ, которая ненавидит "все національно-православное, уходящее корнями в глубину вѣков" и упорно внушает читателям "свою завѣтную мечту добиться отвѣтственнаго министерства, как перваго этапа по пути осуществленія республиканскаго трафарета".

2. — Отношеніе к войнѣ.

Важно отмѣтить, что основной тон записки кіевских "націоналистов" проникнут опасеніем, что подстрекательство к активному неповиновенію существующей власти, в чем записка обвиняет Гос. Думу, отразится тяжело на войнѣ. "Вмѣсто того, чтобы всѣми силами подержать и защитить то кормило правленія, какое оказалось в дѣйствіи с самаго начала военной бури, большинство Гос. Думы открыто выражает вслух всей Россіи дерзкое требованіе смѣны не только лиц, но и всей системы нашего государственнаго строя". "Никто не смѣет, — говорит записка, — разстраивать дѣйствующій государствен-

ный аппарат в момент величайшей опасности для страны, когда враг посягает на ея цѣлость и даже на ея независимое существованіе”. Во имя интересов войны записка настаивает на измененіи системы отношеній правительства к общеземским и городским учреждениям в том направленіи, что работа открытых ими учреждений должна быть признанной государственною необходимой, обязательно производящейся только за государственный счет, но непременно от имени правительства и под тщательным контролем его довѣренных лиц — всѣ военнoобязанные в общественных организациях (“земскіе офицеры”) должны быть призваны на дѣйствительную службу и замѣнены женщинами, ветеранами и неспособными к дѣйствительной службѣ на фронтах. “Народная совѣсть” не может “мириться” с тѣм, что общественныя организациі оказались “какими то нейтральными учреждениями, освобождающими русских граждан от воинской повинности в столь критическій для Россіи момент” *).

Тот тон, каким написана записка кіевских націоналистов, характерен, как мы видѣли, для всѣх выступленій Союза Русскаго Народа в провинціи. Всѣ рекорды побил неистовый Тиханович из Астрахани, умилившій в декабрѣ 16 г. А. Ф. своими телеграммами от имени “народной монархической партіи”. “Государь! Если сейчас же не будут приняты самыя рѣшительныя мѣры, мы войну проиграем”, — телеграфировал Тиханович 2 декабря. И это лейтмотив всѣх его выступленій. Еще за год перед тѣм он предлагал Горемыкину издать закон, обязывающій газеты помѣщать опроверженія: “положеніе ужасное: правые, вѣрнѣйшіе слуги Царя и отечества, забрасываемые грязью лѣвых газет, не имѣют возможности оправдаться перед их читателями. Населеніе и армія систематически направляются на правых, которых изображают сторонниками Вильгельма, работающими для побѣды нѣмцев. Положеніе правых очень опасно... Пока немедленно телеграфом прикажите губернаторам еженедѣльно разъяснять от себя населенію во всѣх мѣстных газетах несправедливость подобных обвиненій, а также во всѣх воинских частях”. Для Тихановича как раз представители общественности — “разжигатели подготовляемаго внѣшними врагами Россіи государственнаго переворота” “Государь! План интриги ясен: пороча Царицу и указывая, что все дурное идет от нея, внушают этим населенію, что ты слаб, а значит — надо управленіе страны взять от тебя и передать Думѣ”. Распространеніе этих “ложных, преступных слухов” угнетает страну и армію “до потери всякой энергіи”. “Надо, чтобы с высоты трона раздался голос, строго осуждающій преступную дѣятельность эту с указаніем, что ради достижения скорѣйшей побѣды подобная дѣятельность будет нещадно преслѣдоваться до разстрѣла включительно. Надо именем Царя заявить странѣ, что она должна встать на дружную работу с правительством без всяких условій, а кто не подчинится этому добровольно, с тѣм будет поступлено, как с измѣнником. Государь! полустительство, уступки и полумѣры — не по времени, не по людям этим, которые при такой системѣ не успокоятся, пока ты не превратишься в без-

*) «Вождей и вдохновителей революціонной прессы» записка кіевских націоналистов приравнивала к «германцам, попирающим всѣ божескіе и человѣческіе законы».

правнаго, послушнаго им царя. Благодаря уступкам крамоль, дѣло дошло до того, что у нас уже нѣтъ правительства, оно само не знает, кого слушать и кому угождать; министры мѣняются чуть ли не ежемѣсячно, и на мѣстах власть запугана и парализована. Государь! Возроди правительство, сосредоточь всю полноту и отвѣтственность власти в руках одного лица сильнаго, энергичнаго, с широким государственным размахом, инициативой, лица безусловно праваго... Торопись, Государь, торопись или война будет проиграна" ...*).

**

Мы видѣли, что "записка" Говорухи-Отрока, посвященная главным образом "династическому перевороту" и рисовавшая положеніе довольно трагически, не касается войны и лишь в итогѣ введенія "конституціи" рисует перспективы "вражескаго нашествія" и "раздѣла Государства Россійскаго". Трудно допустить, что эта записка, хотя бы в завуалированном видѣ, не коснулась необходимости мира, если бы потайной цѣлью ея воздѣйствія на власть был этот мир. В "сводкѣ", представленной Римским-Корсаковым, говорится, что водвореніе порядка и спокойствія необходимы для успѣха войны: "только при таком условіи возможно, когда придет время, заключеніе выгоднаго и славнаго мира. При другой обстановкѣ побѣда над врагом приведет к той же революціи". Направление, господствовавшее в "кружкѣ" Римскаго-Корсакова, отчасти опредѣлялось той "очень видной ролью", которую в нем играл небезызвѣстный "дворянин Павлов" — влияніем этого довольно сумбурнаго человѣка Маклаков объяснял отчасти бесплодность, по его мнѣнію, всѣх политических совѣщаній кружка ("кажется, главным образом, из-за его участія дѣло не пошло"). Основное настроеніе "дворянина Павлова" вполне опредѣляется концепціей, изложенной им в появившейся в 27-м году книгѣ-апофеозѣ: "Его Величество Государь Император". Павлов был убѣжден, что Германія начала войну "с цѣлью захватить власть на континентѣ и колонизаціи земель Россіи". Подобный взгляд раздѣляли и руководители Союза Русскаго Народа — припомним "окружное посланіе" в октябрѣ 15 г., подписанное депутатом Марковым 2-м, который за нѣсколько мѣсяцев перед тѣм требовал во имя "національных интересов" Россіи не только полного завладѣнія Константинополем и провинціями, но и инкорпораціи Галиціи, Буковины, Венгріи и пр. С такой концепціей идея "сепаратнаго мира" была несомнѣстима...

Маклаков, пытавшійся, по собственным словам, с кафедры Гос. Совѣта (в связи с ноябрьской деклараціей Трепова) развить "чистое

*) Свое обращеніе Тиханович снабдил таким поясненіем: «опасаясь по теперешнему времени несвоевременнаго доставленія телеграммы, непосредственно тебѣ адресованной, посылаем ее тебѣ через министра Имп. Двора, через Трепова и через Протопопова, а копию письма через вѣрных людей, так как министр Имп. Двора болен, Трепова мы не знаем, а Протопопову не довѣряем, как члену прогрессивнаго блока и министру, при котором безпрепятственно допускается, к великому соблазну, открытая работа для ниспроверженія государственнаго строя и династіи, несмотря на то, что в его распоряженіи находятся и губернаторы и тайная полиція».

исповѣданіе” правой политической мысли въ “погромныхъ перспективъ”, которыя рисовались “кабацкими черносотенцами”, быть “дон-Кихотомъ монархической догматики” очень горячо в Чр. Сл. Ком. протестовалъ противъ “клеветы” на правую группу, которая якобы “стремилась къ скорѣйшему заключенію сепаратнаго мира, чтобы помириться съ державой, гдѣ монархическій принципъ стоитъ особенно крѣпко, съ Германіей”. “Въ частности, — говорилъ онъ, — такіе упреки, я скажу — клеветническіе, обращались и ко мнѣ лично, и одинъ изъ нихъ больно меня заѣлъ, потому что былъ брошенъ мнѣ съ кафедры Гос. Думы и будто бы опирался на документальныя данныя — когда членъ Думы Савенко, сказалъ, что я, Щегловитовъ и еще Таубе, тов. мин. ин. дѣл., подавали такого рода записку Государю. Это было сказано такимъ убѣжденнымъ тономъ, какъ будто документъ былъ въ рукахъ, неоспоримый фактъ — на лицо”. В дальнѣйшемъ при допросѣ предѣдатель задалъ вопросъ: “Вамъ не приходилось высказываться в Совѣтѣ министровъ по вопросу о войнѣ, в смыслѣ вашего непониманія смысла этой войны?” *Маклаковъ*: “Никогда в жизни”. *Предсѣд.*: “Такъ что вы не помните случая, когда бы вы обнаружили такъ называемые германофильскіе взгляды?” *Маклаковъ*: “Это тоже злостная клевета по отношенію ко мнѣ. Утверждаю, никогда этого не было. Одинъ сынъ мой пошелъ уже вольноопредѣляющимся, другой уходитъ, третій на войнѣ”. Надо сказать, что показанія Маклакова-министра, котораго молва такъ легко обрядила в “шутовское” одѣяніе — отличаются большимъ собственнымъ достоинствомъ: онъ никогда не скрывалъ своихъ политическихъ взглядовъ, преданности Царю. К такимъ показаніямъ невольно приходится относиться съ довѣріемъ, и мы можемъ считать, что Маклаковъ в письмѣ къ Царю по поводу своей отставки в 15 г., в “годину славной и побѣдоносной войны”, в которую онъ “вѣрилъ всей душой”, искренне опредѣлялъ свое индивидуальное отношеніе къ войнѣ*).

Не знаю, насколько убѣдительно были для рабочихъ обращенныя къ нимъ прокламаціи, в которыхъ в цѣляхъ борьбы съ “пораженчествомъ” в концѣ 16 г. писалось, что противъ войны только “холопящіеся мракобѣсы самодержавнаго режима” и что рабочіе, выставяющіе требованіе “долой войну”, безсознательно играютъ в руку самодержавнаго

*) «Злостную клевету», по выраженію Маклакова, относительно представленія Николаю II докладной записки объ окончаніи войны поддержалъ в показаніяхъ Чр. Сл. Ком. Милоковъ. Онъ говорилъ: «Я припоминаю, что тогда уже (т. е., в іюль-августъ 15 г. С. М.) намъ стало извѣстно, что Маклаковъ.. составили записку Государю, в которой выражали опредѣленный взглядъ на необходимость скорѣйшаго окончанія войны и примиренія съ Германіей, указывая на политическое значеніе дружбы съ ней и на политическую опасность сближенія съ нашими союзниками послѣ войны. Такія свѣдѣнія у насъ были относительно записки Маклакова и говорили, что она подписана и Щегловитовымъ... Потомъ я встрѣчалъ опроверженіе этому: говорили, что записка принадлежит не Маклакову.. Я в засѣданіи бюджетной коммисіи.. поставилъ Сазонову об этомъ прямой вопросъ в присутствіи Щегловитова и Маклакова и встрѣтилъ затрудненный отвѣтъ Сазонова, что онъ по этому поводу ничего не знаетъ, а со стороны Маклакова и Щегловитова только смущенныя (?) улыбки»... Милоковъ тогда забылъ, что стало извѣстно о запискѣ изъ рѣчи Савенко, сославшагося на французскія газеты. Редакція изданія «Паденіе Царскаго Режима» основательно предположила, что до думцевъ, вѣрѣнне до французской печати, дошли запоздалыя свѣдѣнія о запискѣ Дурново, написанной, какъ извѣстно, до войны, в февралѣ 1914 г.

стройка*), но как будто бы совсѣм невмѣстно в исторических изслѣдованіях утверждать, как нѣчто несомнѣнное, что среди руководителей правых группы господствовали настроенія, которыя можно назвать не “пацифистскими”, а просто германофильскими. Тезис о “германофильских организаціях”, обслуживавших интересы крупных аграріев, которые в союзѣ с металлургистами и финансирующими послѣдних банками, создавали сепаратный мир между Россіей и Германіей, не получил пока каких-либо основательных подтвержденій. Разсмотрѣніе фактов приводит к выводам, в значительной степени противоположным — приблизительно в духѣ той формулы, которую дал Протопопов в своих показаніях — “ради военной мощи” можно “запретить все”... “Так понимался девиз: все для войны. Правые понимали это в одну сторону, а лѣвые в другую”. Если девиз “все для войны”, допустим, раздѣляли не всѣ “правые”, то в еще меньшей степени эта обобщающая формула может быть примѣнима к “лѣвым”, поскольку этот лѣвый сектор общественности (если исключить даже тѣх, кого называли “пораженцами” в прямом смыслѣ слова) не вмѣщался в довольно разнокалиберный конгломерат, объединенный в той или иной степени программой и тактикой думскаго прогрессивнаго блока.

III. — ТРИ ПУТИ.

1. — Политика компромисса.

Кто был болѣе прав в предвидѣннн событій наканунѣ перевернувшей всѣ социальныя отношенія революціи, лидер ли думской оппозиціи, закончившій свою рѣчь в Думѣ 1 ноября оптимистической увѣренностью, что дѣло только в “неспособности и злонамѣренности даннаго состава правительства”, и что для достиженія “національных интересов” достаточно добиться отвѣтственности правительства согласно положеніям деклараціи прогрессивнаго блока, т. е. “готовности выполнить программу большинства Гос. Думы” — или представитель крайне правых, утверждавшій в своей запискѣ, переданной верховной власти, что всѣ конституціонные режимы пустой звук и не устраняют революціи, в которой дирижерами неизбѣжно будут социалистическіе вожди и которая, по его заключенію, должна дать итоги ужасающіе? Примѣняя ленинское словоупотребленіе, можно было бы сказать, что объективно перед властью и обществом стояла дилемма: возможно ли каким-либо “компромиссом прусскаго образца” предотвратить уже надвигавшуюся “французскую передрагу”.

Своих социологических оцѣнок нам нѣтъ надобности давать, мы можем лишь констатировать, что такой проблемы не стояло ни в сознаніи верховной власти, ни в сознаніи либеральных слоев общества, если отбросить политическую фразеологию — иначе, дѣйствительно, не мог бы такой авторитетный орган печати, как “Русскія Вѣдомости”, по поводу убійства Распутина написать, что только “пресмыкающіеся” говорят о грядущей революціи. К этой фразеологіи слѣдует отнести обращенія тѣх “напуганных обывателей, начиная с великих

*) Такую прокламацію от имени «группы объединенных граждан Петрограда» приводит Шляпников.

князей”, которые видѣли “спасеніе только в Думѣ” и обращались к ея предсѣдателю “за совѣтом или с вопросом: когда будет революція” (из письма жены Родзянко, 7 января). Но ощущение тулика, из котораго надо найти выход — прежде всего в интересах войны — очевидно, было у всѣх. “Нельзя одновременно вести борьбу на два фронта”, — говорил от имени “лѣвых” в Гос. Совѣтѣ проф. Гримм одновременно с выступленіем Милюкова в Думѣ 1 ноября. В этой борьбѣ на два фронта — “величайшая національная опасность”. Между тѣм приходится признать, что “русское общество рѣшительно не доверяет своему правительству, а правительство столь же рѣшительно не доверяет русскому обществу”. Так дальше, по мнѣнію оратора, — продолжаться не может. Одних подобная увѣренность толкала на путь измѣненія “дворцовым переворотом” персонального состава колеблющейся верховной власти; других на путь попытки аннулированія дѣйственной силы оппозиціонной Думы на время войны, когда, по выраженію б. министра Маклакова, “начиная с ноября правительство били, не давая встать, и опять били”.

Правительство должно занять опредѣленную позицію и отбросить колебанія, которыя наблюдались в его дѣятельности — таково общее убѣжденіе. В Чр. Сл. Ком. Маклаков так охарактеризовал эти колебанія: “в послѣднее время было полное отсутствіе политики, потому что не было никакого плана, не было представленія, куда мы идем: шли, закрыв глаза, по инерціи”. Свою точку зрѣнія Маклаков еще раньше ярко развил в письмѣ, посланном Царю по личной инициативѣ 19-20 декабря послѣ убійства Распутина. Маклаков передал в письмѣ то, что видѣл, и то, что предчувствовал. Письмо в подлинникѣ до нас не дошло. В Чр. Сл. Ком. автор письма воспроизводил его по памяти — “думаю, что передаю его содержаніе очень близко к подлиннику”: “...волна недовольства рѣзко поднимается и широко разливается по Россіи, а продовольственная неурядица, очень волнующая жизнь городов и деревни, подготавливает для общаго недовольства исключительно благоприятную почву, которой не преминут воспользоваться враги существующаго строя. Здѣсь, в столицѣ, уже начался штурм власти и несомнѣнно признаки анархіи уже показались. Они угрожают всему строю нашему, угрожают и самой династии. А без монархіи, которой наша родина на протяженіи вѣков неизмѣнно росла, крѣпла... ширилась, Россія останется, как купол, без креста. Наступили, я убѣжден в этом глубоко, рѣшающіе дни. Трудно остановить близкую бѣду, но, думается мнѣ, еще возможно. Для этого надо вѣрить в себя, в непреклонную законность своих прав. Надо перестать правительству разслаблять себя внутренними раздорами... Оно должно быть однородно и единодушно, оно должно знать, куда оно идет и идти неуклонно..., возстановившая разваливающейся порядок. Для успѣха этого дѣла, мнѣ кажется, необходимо было бы отложить возобновленіе занятій Думы... на болѣе отдаленный срок: необходимо было бы тѣм временем направить всѣ силы власти... на быстрое упорядоченіе продовольственных дѣл... и... оказать дѣйствительное вліяніе на дѣятельность всѣх общественных организаций, которыя, составляя живую связь между тылом и фронтом и работая в области, вызывающей по самому существу своих задач общее сочувствіе, планомерно преслѣдуют в то же время

ярко проявленныя цѣли борьбы с властью и едва сдерживаемыя на-мѣренія измѣненія государственнаго строя” *).

Письмо Маклакова, очевидно, произвело соответствующее впечатлѣніе (слѣдует имѣть в виду, что автор его пользовался исключительным расположеніем Царя — едва ли был другой какой-нибудь министр, которому Николай II писал в тонах, в каких было составлено письмо 21-го марта 15 г. по поводу намѣчавшейся отставки Маклакова: “Друг мой, Николай Алексѣевич. Вы поступили честно и благородно... Оставайтесь на занимаемом вами мѣстѣ, на котором вы мнѣ нужны и любы?”).

Маклаков рассказал в Чр. Сл. Ком., что к нему в Тамбов в дни

*) Одновременно с Маклаковым пытался воздѣйствовать на Царя и Тиханович, ставя вопрос болѣе рѣзко, чѣм то дѣлал Маклаков, и конкретизируя мысль Маклакова о необходимости противодействования тому «штурму власти», который идет со стороны общественных организацій Дю Тихановича докатились свѣдѣнія о конспиративных «совѣщаніях» в Москвѣ, связанных с разговорами о «дворцовом переворотѣ», и он поспѣшил пріѣхать в Петербург предупредить Царя. Аудиенціи он не получил, и тогда 30 декабря обратился с «конфиденціальным письмом», в котором излагал «главное, что побудило меня искать видѣть Вас — подготовка временнаго правительства, разговоры о династіи» («уже раздаются голоса об удаленіи Царя; громко упоминается имя Павла»)... «С этим надо покончить, как можно, скорѣе. Полумѣры только раздражают. Надо прежде всего разогнать московскую шайку... Если шайка не будет разогнана, она слѣдует свое дѣло... Помните, Государь, что положеніе опасно необычайно, не только в смыслѣ проигрыша войны, но опасно и для Вас и для династіи. Но в то же время помните и крѣпко помните, что все от вашей власти: допустите — все может быть; не допустите — ничего не будет. Совѣтующіе не прибѣгать к крутым мѣрам, дабы не раздражать «общественности» не правы, полумѣры только раздражают и восстанавливают. Рѣшительная мѣра ударит сильно, но с ней прямо примиряются. Рѣшительныя мѣры, рекомендуемыя Тихановичем, сводятся к возглавленію союзов лицами по назначенію от правительства. Это — «мѣра первѣйшая и необходимѣйшая». Если подобная мѣра вызовет «забастовку», о чем «поговаривают», и «главари шайки» не останутся пред тѣм, чтобы «заморить армію» — возстанутъ ее против правительства («оружіе обоюдоострое, которое может «обернуться против них же»), надлежит объявить союзы на военном положеніи — «и это сразу отобьет охоту бастовать, так как у нас языком болтать не прочь, но под разстрѣл или петлю идти не согласятся». «Если в Думѣ нельзя какими-либо чрезмѣрными мѣрами прекратить возбуждающія рѣчи, то лучше Думу не собирать или собрать, но послѣ первых же революціонных рѣчей закрыть ее с указаніем в манифестѣ, что такая дѣятельность Думы служит лишь поддержкой внѣшнему врагу».

Тиханович не ограничился обращеніем к Царю, но и подал 9 января «домладную записку» Протопопову, посвященную планам «лѣвых» повести «рѣшительный, окончательный штурм правительства, послѣ котораго... капитуляція верховной власти неизбѣжна». «План этот надо разрушить рѣшительными мѣрами», к числу которых Тиханович не относит разосланный министерством циркуляр о недопущеніи «земским и городским самоуправленіям заниматься не предоставленной им законом политической дѣятельностью»: «невозможно с революціонерами, увѣренными, что через два-четыре мѣсяца они станут господами положенія, бороться путем эволюціонным» («лѣвые уже посмѣиваются и говорят: пѣсенка власти сбѣта»)... «Сейчас нужны радикальныя устрашающія мѣры: военная цензура, роспуск Думы и т. д. К «этому «народ» отнесется совершенно спокойно... Фрондирующая часть общества... поругается, но не возбуждаемая печатью, успокоится не далѣе, как через двѣ-три недѣли». Тиханович просил обратить на изложенное «самое серьезное вниманіе»: «мы находимся в народѣ и нам лучше видны его настроенія и тѣ мѣры, которыя окажутся дѣйствительными».

праздничных кавикул было послано письмо с фельдъегерем, однако ему за отъездом в деревню не доставленное. Возвращаясь в Петербург, в поезде он прочитал в "Русском Словѣ" извѣстіе о посылкѣ к нему фельдъегеря и о возможности привлеченія его и Щегловитова к власти; при свиданіи с Царем Маклаков хотѣл объяснить происшедшее с фельдъегерем недоразумѣніе, но собесѣдник его "перебил": "Да, да, теперь в этом нужда прошла, я хотѣл просто вас повидать"... Так Маклаков и не узнал о содержаніи посланнаго ему письма. Была ли то реальная попытка привлечь Маклакова к власти для борьбы с начавшейся "анархіей", попытка, от которой Государь отказался (Маклаков был слишком ярким знаменем) — мы так и не знаем. Дѣло свелось к назначенію Щегловитова председателем Гос. Совѣта и к усиленію "праваго крыла" Совѣта назначеніем новых членов. Председателем Совѣта министров неожиданно для всѣх и, кажется, болѣе всего для себя самого был назначен кн. Голицын, председателем Комитета помощи военнопленным, состоящаго под покровительством Имп. Ал. Фед. и участник политических совѣщаній Римскаго-Корсакова.

Формально Протопопов был прав, показывая в Чр. Сл. Ком., что с этого момента "руководство политикой фактически перешло в еще болѣе правый круг", по этот "маленькій coup d'état, как выразился председатель, нельзя еще разсматривать, как введеніе к "капитальной перестройкѣ", которая должна была устранить, хотя бы временно, Гос. Думу. К роли "диктатора" Голицын ("человѣкъ большой") был совершенно непригоден, и все его поведеніе в преддверіи мартовских дней, как нельзя болѣе отчетливо, показало это. О своем назначеніи Голицын дал в Комиссіи почти эпическое повѣствованіе: "Для меня это совершеннѣйшая загадка до настоящаго времени... Было так: 25 декабря, в день Рождества, в час дня мнѣ говорят, что меня вызывают по телефону из Царскаго и говорят, что Императрица просит меня прійхать в Царское в 8 час. вечера... Меня там встрѣтил швейцар и говорит: "Вас приглашала Императрица, а примет Государь, пожалуйста"... Государь меня сейчас же принял и говорит, что Императрица занята, а я свободен и вот побесѣдуем. И начал бесѣдовать о посторонних предметах, о военно-плѣнных... Затѣм говорит, что теперь Трепов уходит и я очень озабочен, кого назначить... Называет нѣсколько лиц, между прочим, Рухлова...*). Очень, говорит, хорошо было бы, но он не знает французскаго языка, а на днях конференція собирается... Весь разговор в этом родѣ. Потом нѣсколько минут молчанія и его фраза: "Я с вами хитрю. Я вас вызвал, не Императрица, а я. Я долго думал, кого назначить председателем Совѣта министров, и мой выбор пал на вас". Я поник головой, так был ошеломлен... Никогда я не домогался, напротив, прослужив 47 лѣтъ, я мечтал об отпущѣ. Я стал возражать. Указывал на свое болѣзненное состояніе. Политикой я занимался всегда очень мало... Я прямо умолял его, чтобы чаша сія меня миновала, говоря, что это назначеніе будет неудачно. Совершенно искренно и убѣжденно говорил я, что уже устарѣлъ, что в такой трудный момент признаю себя совершенно неспособным... Переговорив об этом, я думал, что я убѣдил его и что он измѣнит свое

*) По словам Протопопова, Рухлова рекомендовал он; рекомендовал и Нейдгарта, предлагал назначить Покровскаго, но «сочувствія не встрѣтил».

рѣшеніе. Я уходил совершенно успокоенный, думал, что чаша сія миновала меня. Поведѣльник и вторник прошли спокойно. В среду вернулся поздно вечером... нахожу у себя этот указ”.

В Комисіи Голицына еще раз откровенно признавался, что он “был совершенно неподготовлен к политической дѣятельности, и что никакой политической программы у него не было”. Назначеніе Голицына можно объяснить только тѣм, что верховная власть искала не “диктатора”, а все же компромисса с Гос. Думой, стремясь по своему разумѣнію сдѣлать совместную работу “возможной”. Так и понимал свои заданія Голицын. Так попал назначеніе Голицына и Маклаков. “Я его разубѣждал, — показывал Маклаков, — предупреждал, ручался, что он скоро увидит, до какой степени фантастично то, на что он рассчитывал, но он говорил, что худой мир лучше доброй ссоры. Поэтому он пойдет, на что можно... Я говорю: “Вам сейчас ни за что не дадут. Если полгода тому назад мог быть мир, теперь никакого мира не будет до полной побѣды”. Предсѣдатель попросил пояснить: “что значит — до полной побѣды”. “До того, что случилось, как я себя представлял”, — отвѣчал Маклаков: “Я говорил ему: “Вы будете — в чужом пиру похмелье”. Он мнѣ сказал: “я не откажусь от своего мнѣнія”.

2. — Психологія Царя.

Компромиссная политика вытекала, очевидно, не только из отсутствія воли у Императора — той воли, которую хотѣла внушить мужку властная А. Ф., и которую пытались вызвать запугивавшія “записки” правых. Отсутствие этой воли Лев Тихомиров в своем декабрьском дневникѣ 1905 г. опредѣлил так: “Царь одинаково не может ни уступать, ни сопротивляться, а это, конечно, способно из ничего создать гибель”. Николай II по своим представленіям сам склонен был к автократіи и к измѣненію существовавших “основных законов”.

Еще 14 октября 1913 г. тогдашній министр вн. д. Маклаков обратился к Царю с письмом, в котором говорил о необходимости противодѣйствовать выработанному оппозиціей “плану ожесточенной борьбы Думы с правительством”. Он писал: ...“С первых же дней Дума рѣзко поднимает общественную температуру и, если не встрѣтит на первых же шагах сильнаго отпора от Вашего правительства, полное разстройство нашей мирной жизни неминуемо... Мнѣ казалось бы необходимым сперва попробовать ввести Думу в ея законное русло крѣпкой рукой... С этой цѣлью я предполагал бы... сдѣлать... рѣшительное предупрежденіе... Жалуюсь на нарушеніе правительством дарованных населенію гражданских свобод, Дума на самом дѣлѣ лишь вѣтует на борьбу со всякой властью и прокладывает пути к достиженію послѣдней свободы — свободы революціи. Этой свободы ей правительство Самодержца всероссійскаго не даст...” Дальше Маклаков писал, что Дума должна быть распущена, если характер ея работы не измѣнится. Если послѣдует “взрыв негодованія”, то это “лишь приблизит развязку, которая, повидимому, едва ли отвратима”. “Если поднимется буря и боевое настроеніе перенесется далеко за стѣны Таврическаго дворца... администрація сумѣет подавить всѣ волненія и со смутой при быстрых и рѣшительных дѣйствіях справиться”.

Николай II был в Ливадии, откуда он ответил министру на письмо его, содержанием которого был «приятно поражен». «С теми мыслями, которые вы желаете высказать в Думу, я вполне согласен. Это именно то, что им давно следовало услышать от имени моего правительства. Лично думаю, что такая речь министра в. д. своей неожиданностью разрядит атмосферу и заставит г. Родзянко и его присных закусить языки». Царь соглашался с мбрами, которые предлагал Маклаков в слухача, если «поднимется буря» и добавлял: «Также считаю необходимым... немедленно обсудить в Совете министров мою *давнишнюю* мысль об изменении статьи учреждения Гос. Думы, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями Гос. Совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это — при *отсутствии у нас конституции* — есть полная бессмыслица*). Представление на выбор Государя мнѣния и большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности и притом в русском духѣ».

Так как Совет министров высказался против решительных шагов, намѣчаемых Маклаковым, послѣдній «дерзнул» не сообщить в Советѣ и предположения Монарха о изменении положения о Гос. Думе, что и объяснил Царю в письмѣ 22 октября. Таким образом тогда «ни одна душа в Советѣ» не узнала о том, что думал Царь. Однако, перед самой войной вопрос выплыл на поверхность. Щегловитов объяснил это влиянием «Дневника» издателя «Гражданина». Неожиданно 18 июля 14 г. Совет министров был приглашен на экстренное совѣщание в Петергоф, о цѣли котораго никто не знал. Обсуждался вопрос о возвращении к «булыгинской конституции», т. е. к неосуществленному проекту 6 августа 1905 г. о совѣщательных функциях Гос. Думы. Предположения Царя не встрѣтили сочувствия в средѣ министров. Нѣсколько особое положение занял Маклаков, считавшій положение ненормальным, когда «у Государя в области законодательной были отняты все права»; он не шел так далеко, чтобы говорить о поворотѣ назад, о видоизменениях в сторону «самодержавия» до октября 1905 г., но говорил о необходимости «видоизменить». Щегловитову риск представлялся «до такой степени опасным», что у него невольно вырвались слова: «Я бы лично считал себя изменником своего Государя, если бы сказал: В. В. осуществите эту мѣру, на которой ваше внимание в настоящее время остановилось». «Послѣ этих моих слова Монарх сказал: «Этого совершенно достаточно. Очевидно, вопрос надо оставить».

Во время войны психологія Царя нѣсколько изменилась и особенно с момента, когда он принял на себя функции верховнаго командующаго. Мнѣ кажется, что Маклаков был прав, утверждая, что «Государь всецѣло был на театръ военных дѣйствій» и что «сердце» его не лежало в то время к «капитальному ремонту», к которому раньше не раз возвращалась его мысль. Поэтому он и не реагировал с доста-

*) По словам Витте, Николай II и послѣ 1905 г. считал себя «неограниченным самодержцем». Дума создана для совета — говорил он в 1908 г. Сухомлинову. Но и министры его, руководившіе внутренней политикой, начиная со Столыпина, склонны были разсматривать Думу, как «вѣдомство». «У нас парламента, слава Богу нѣтъ, — сказал никто иной, как Коковцев (1908 г.).

точной опредѣленностью на призывъ правых — “править без Думы” *). Идея “конституціи” вмѣстѣ с тѣмъ была органически чужда Николаю II — отсюда почти неизбежно вытекала правительственная политика, образно опредѣленная Маклаковым “походкой пьянаго от стѣны к стѣнѣ”. Ненормальныя условія военного времени требовали “диктатуры”, в форму которой выливалось управление в Западной Европѣ даже искони демократическихъ стран. Но там диктатура появилась как бы с согласія общественности, в Россіи таковая могла быть только диктатурой наперекоръ общественности. Такъ создался парадокс, при которомъ условія военного времени, наперекоръ всѣмъ жизненнымъ требованіямъ создали “обстановку полного безсилія” власти. Это “безсиліе власти” и было “причиной того, что умѣренные элементы... пошли на революціонный переворот”, — признает историкъ, пытавшійся в свое время в качествѣ активнаго политика создавшійся порядокъ объяснить “глупостью” или “измѣной”.

3. — С о вѣ т ы с о с т о р о н ы .

Дилемма, поставленная еще в 15-мъ году в Совѣтъ министров — или “военная диктатура” или примиреніе с “общественностью” оставалась такимъ образомъ висѣть в воздухѣ и на рубежѣ новаго, семнадцатаго года. Немало совѣтовъ со стороны приходило в Царское — совѣтовъ, убѣждавшихъ монарха вступить на путь “конституціи”. Ихъ давали не только союзныя послы, не только предсѣдатель Думы, не только великіе князья, но и сами министры, отмѣченные печатью “либеральной”. Вотъ показанія Игнатьева. В дни ноябрьскаго кризиса онъ рѣшилъ уйти и доложилъ Царю 19 ноября “все”, сказавъ, что “соучастникомъ преступленія быть не могу” — “мыѣ тогда формулировали: “для родины оставайтесь на вашемъ мѣстѣ”. При назначеніи Трепова у Игнатьева “воскресла надежда”, которая исчезла, когда онъ узналъ об

*) Когда Родзянко допрашивали в Чр. Сл. Ком. и онъ «в теченіе пяти часовъ подрядъ» доказывалъ, что «криминала в дѣйствіяхъ Царя не было», а была только «неправильная и путанная политика, пагубная для страны», ему показали «бумагу», помѣченную маемъ 15 г. То былъ докладъ мин. вн. д. Маклакова по поводу посѣщенія предсѣдателемъ Думы Львова, во время котораго Родзянко держалъ «себя, какъ бы главою россійскаго государства». Обращая на это вниманіе, Маклаковъ напоминалъ, что онъ «неоднократно указывал... на необходимость уменьшенія правъ Гос. Думы и на сведеніе ея на степень законосовѣщательнаго учрежденія». На обратной сторонѣ рукою Императора было написано: «дѣйствительно, время настало сократить Гос. Думу. Интересно, какъ будутъ при этомъ себя чувствовать г.г. Родзянко и К^о». Помѣтка совпадала с тѣмъ какъ разъ временемъ, когда «Государь шел на встрѣчу работѣ Думы и общественныхъ организацій» и совмѣстно с предсѣдателемъ Думы обсуждалъ проектъ созданія Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Воспроизводилъ Родзянко бумагу и резолюцію в воспоминаніяхъ не «текстуально», а по «памяти». Стенограмма показаній Родзянко не отмѣтила такого момента, выигрышнаго в смыслѣ доказательства ипокритства или слабоболія Монарха, ведшаго двойственную политику. Дѣло касалось апрѣльскаго письма Маклакова, нынѣ напечатаннаго по подлиннику — тамъ нѣтъ ни слова о превращеніи Думы в «законосовѣщательное учрежденіе». Поэтому и царская резолюція, показанная Родзянко сенаторомъ Таганцевымъ (онъ не былъ в числѣ членовъ Чр. Сл. Ком.) представляется болѣе, чѣмъ сомнительной. Вѣроятно, в памяти Родзянко такъ отразилась молва объ отвѣтномъ письмѣ Царя Маклакову в 13 году, о которомъ, по словамъ Маклакова «ни одна душа» не узнала.

утверждения Протопопова в должности министра вв. д. 21 декабря Игнатъев вновь был на приемъ с прошеніем об отставкѣ, “при чем была длинная мотивировка относительно средостѣнія бюрократическаго, о необходимости войти в соглашеніе с общественными элементами, что Дума дастъ всѣ данныя для этого (?) и надо такимъ случаемъ воспользоваться, что только тогда можно спасти страну, что, конечно, есть другой способ — диктатура, но чтобы осуществить диктатуру, нужно имѣть опору; опорой можетъ быть только армія, по арміи нѣтъ — есть вооруженный народъ”. “Долженъ сказать, меня поразило, — показывалъ Игнатъев, — что *credo*, имъ изложенное в “широкомъ и взволнованномъ” докладѣ “встрѣчало полное сочувствіе и пониманіе: “такъ для чего же я Думу далъ? Для уничтоженія средостѣнія бюрократіи и для контакта”. Я говорю: “совершенно вѣрно, но Дума не использована в полномъ объемѣ. Она рвется спасти Россію, а вамъ докладываютъ, что она является источникомъ гибели Россіи”... Послѣ отставки Игнатъевъ еще разъ былъ у Царя. Когда Царь прощался, онъ сказалъ: “Спасибо вамъ за правду, какъ вы ее понимаете”... Предупреждалъ Царя и министр ин. д. Покровскій, настаивалъ на увольненіи Протопопова и доказывалъ, что осуществляемая внутренняя политика приведетъ къ “необходимости заключить в концѣ концовъ сепаратный миръ”. “Знаю, — говорилъ в Чр. Сл. Ком. Покровскій, — что и Треповъ такимъ образомъ говорилъ не разъ. Знаю, что и Голицынъ говорилъ об этомъ неоднократно”... говорили “очень опредѣленно, очень серьезно и очень рѣшительно”. “Объясненія и отвѣта я не получилъ”, но и послѣ доклада Покровскій не потерялъ “благоволенія верховной власти”, — “совершенно наоборотъ, какъ разъ обратно”.

Среди родственныхъ совѣтовъ особое мѣсто занимаетъ письмо в. кн. Александра Михайловича, зятя Царя и тестя Юсупова. Письмо было начато 25 декабря, т. е. в моментъ, когда, казалось, принималось окончательное рѣшеніе в выборѣ путей, по которымъ надлежало пойти. Ал-др. Мих. говоритъ, “какъ на духу” и излагаетъ то, “что бы я сдѣлалъ на твоёмъ мѣстѣ”. “Мы переживаемъ самый опасный моментъ в исторіи Россіи: вопросъ стоитъ, быть ли Россіи великимъ государствомъ... или подчиниться германскому безбожному кулаку?” “Что хочетъ народъ и общество? — очень немного: власть твердую, ... разумную, идущую на встрѣчу нуждамъ народнымъ, и возможность жить свободно и давать жить свободно другимъ. Разумная власть должна состоять изъ лицъ первымъ дѣломъ чистыхъ, либеральныхъ и преданныхъ монархическому принципу, отнюдь не правыхъ... такъ какъ для этой категоріи лицъ понятіе власти заключается “править при помощи правительства, не давать свободнаго развитія общественнымъ силамъ”... “Я принципиально противъ такъ называемаго отвѣтственнаго министерства, т. е. отвѣтственности передъ Думой... Какъ предсѣдатель, такъ и всѣ министры должны быть выбраны изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и дѣятельность которыхъ общеизвѣстна” (...“предсѣдателемъ... должно быть лицо, которому ты вполнѣ довѣряешь”...) “...Такое министерство встрѣтитъ общее сочувствіе всѣхъ благомыслящихъ круговъ... Оно должно представить программу тѣхъ мѣр, которыя должны проводиться в связи съ главной задачей момента, т. е. побѣдой надъ германцами, и включить тѣ реформы, которыя могутъ проводиться попутно безъ вреда для главной пѣли и которыхъ ждетъ страна... Затѣмъ, опираясь на одобреніе палат... и чув-

ствуя за собой поддержку страны, всякія попытки со стороны *лѣвых элементов Думы* (едва ли автор в число этих лѣвых заносил только социалистов) должны *быть подавлены*, с чѣм, я не сомнѣваюсь, справится сама Дума; если же нѣтъ, то *Дума должна быть распущена*, и такой роспуск Думы будет страной привѣтствоваться... Правительство должно быть увѣрено, что никакія побочныя вліянія на тебя повліять не могут, и что ты своей *неограниченной властью* будешь свое правительство поддерживать” (это “главное условіе”).

Такова программа, изложенная в первом письмѣ. Во втором письмѣ, Ал-др Мих. констатирует, что “состоявшіяся с тѣх пор назначенія (очевидно, имѣются в виду Голицын и Щегловитов), показывают, что ты окончательно рѣшил вести внутреннюю политику, идущую в полный разрѣз с желаніем всѣх твоих вѣрноподданных. Эта политика только на руку лѣвым элементам, для которых положеніе: “чѣм хуже, тѣм лучше”, составляет главную задачу; так как недовольство растет, начинает пошатываться даже монархическій принцип, и отстаивающіе идею, что Россія без Царя существовать не может, не имѣют почвы под ногами”... “Я имѣл два продолжительных разговора с Протопоповым — он все время говорил о кризисѣ власти, о недопустимости уступок общественному мнѣнію, о том, что земскій и городской союзы и тоже военно-промышленные комитеты суть организаціи революціонныя; если бы его слова отвѣчали истинѣ, то спасенія нѣтъ, но, к счастью, это не так... Тот же Протопопов мнѣ говорил, что можно опереться на промышленные круги, на капитал — какая ошибка!... он забывает, что капитал находится в руках иностранцев и евреев, для которых крушеніе монархіи желательно..., а затѣм наше купечество вѣдь не то, что было прежде... Когда подумаешь, что ты нѣсколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить в странѣ, дать странѣ то, чего она жаждет, т. е. правительство довѣрія и широкую свободу общественным силам *при строгом контролѣ*, конечно, что Дума, как один человек, пошла бы за таким правительством... становится невыносимо больно”.

В третьем письмѣ 25 января Ал-др Мих. настаивает: “твои со-вѣтники продолжают вести Россію и тебя к вѣрной гибели... Чѣм дальше, тѣм шире становится пропасть между тобой и твоим народом” и заканчивает: “правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцію — народ ея не хочет” — “мы присутствуем при небывалом зрѣлищѣ революціи сверху, а не снизу”.

Письмо, несмотря на сильный, почти грозный конец, не могло произвести впечатлѣнія и оказать вліянія. И не только потому, что Царь, как много раз мы могли усмотрѣть, не видѣл “пропасти” между собой и народом — было как раз наоборот. Родственный совѣтъ в сущности рекомендовал ту самую “золотую середину”, выход из которой беспомощно искал Совѣтъ министров в дни августовскаго кризиса 15-го года. Реформы переносились в субъективную область “довѣрія” при невозможности сочетать личное “довѣріе” монарха с “довѣріем” общественным. Наввно было принимать думскій тактическій лозунг “министерства довѣрія”, маскировавшій формулу отвѣтственнаго парламентскаго правительства, за панацею, которая могла развязать гордіев узел. Этой иллюзіи у верховной власти не было, и

она понимала, что дѣло идет об органическом измѣненіи “конституціи”, к чему не лежало “царево сердце”...

В наиболѣе острой фѳормѣ предупрежденіе сдѣлано было Царю на аудіенціи 30 декабря англійским послом, выступившим от своего лично имени, но с разрѣшенія лондонскаго правительства. Рѣшился на такой шаг Бьюкенен в угрожающей, по его мнѣнію, обстановкѣ: “Революція была в воздухѣ, и единственным спорным вопросом было — произойдет ли она сверху или снизу”, т. е. путем “дворцоваго переворота” или взрывом “народнаго негодованія”... Посол был принят во дворцѣ не “запросто”, как всегда, в кабинетѣ, а официально в пріемной: Царь ждал Бьюкенена, “стоя посреди комнаты”. Тѣм не менѣе, посол мужественно переступил порог своих официальных полномочій. Ничего новаго сэр Джордж не сказал — новой была только форма, которая, по его словам, взволновала Царя: “...Я ему сказал, что теперь между ним и его народом образовалась непреодолима преграда и, если Россія еще объединена, как народ, то лишь в оппозиціи против его теперешней политики... Вы имѣете перед собою только один вѣрный путь — уничтожить преграду, отдѣляющую Вас от Вашего народа и снова заслужить его довѣріе...”). Отдаете ли Вы себѣ отчет... об опасности положенія и извѣстно ли Вам, что не только в Петербургѣ, но по всей Россіи раздаются революціонныя рѣчи”.

“В отвѣтъ на возраженіе Государя, что ему хорошо извѣстно, что люди позволяют себѣ вести подобные разговоры, но я сильно ошибаюсь, придавая этому слишком серьезное значеніе, я сказал ему, что за недѣлю до убійства Распутина я слышал, что готовилось покушеніе на его жизнь. Я принимал эти рассказы за глупую болтовню, но они оказались вѣрными. Поэтому я не могу затыкать уши, чтобы не слышать того, что доходит до меня относительно предполагаемых убійств, замышляемых нѣкоторыми экзальтированными лицами. Раз подобныя убійства начнутся, нельзя сказать вперед, гдѣ они останутся. Конечно, будут приняты репрессивныя мѣры, и Дума будет распущена. Если это случится, я потеряю всякую вѣру в Россію. В. В., — сказал я в заключеніе, — Вы должны помнить, что народ и армія представляют одно цѣлое, и что в случаѣ революціи можно рассчитывать только на незначительную горсточку солдат для защиты династіи... Развѣ не мой долг предостеречь В. В. о той пропасти, которая лежит перед Вами? Государь, Вы находитесь на перепутьѣ и должны выбрать одну из дорог. Одна поведет Вас к побѣдѣ и славному миру — другая к революціи и гибели. Позвольте мнѣ с мольбой обратиться к В. В. выбрать первую. Слѣдуя по ней, Вы обезнечите Вашей странѣ осуществленіе ея вѣковых задач, а себѣ положеніе самаго могущественнаго правителя в Европѣ. И что важнѣе всего, Вы обезнечите безопасность тѣх, кто Вам так дорог и Вам не придется беспокоиться за их судьбу”.

Николай II был “видимо, тронут геллотой”, которую вложил посол в свои слова и, пожав руку, на прощанье сказал: “Благодарю

*) В противорѣчій с этим Бьюкенен в дальнѣйшем сказал: ...«Вам достаточно поднять мизинец, и они снова упадут перед Вами на колѣни, как я видѣл это в Москвѣ, послѣ объявленія войны». Бьюкенен повторял обычную аргументацію А. Ф.

Вас, сэр Джордж”*). Бьюкенен в воспоминаніях отмѣтил, что на новогоднем приѣмѣ Царь был к нему “милостиво расположен”, как всегда и проявил “особое дружелюбіе” на официальном обѣдѣ в честь членов делегации на конференціи. Палеолог, надо думать, со слов самого Бьюкенена в других топах записал на другой день послѣ аудиенціи. По его словам Царь был сдержан, холоден и молчалив, сдѣлал лишь нѣсколько замѣчаній и прервал приѣм короткими словами: “до свиданія г. посол”**).

**

Надо думать, что Бьюкенен в воспоминаніях о послѣднем свиданіи с Царем и о своих тогдашних предвидѣніях внес кое-что из послѣдующих впечатлѣній, так как рассказ его находится в нѣкотором противорѣчій с тѣм, что через мѣсяц он официально сообщал лондонскому министерству о положеніи Россіи. В этом сообщеніи, имѣющем цѣлью дать “информацию” для имперской конференціи в Лондонѣ, Бьюкенен оцѣнивал шансы участія Россіи в войнѣ. Политическое положеніе его не очень беспокоит. Правда, германскіе агенты “дѣлают все возможное, чтобы навязать Царю реакціонную политику” и “подстрекают— население к “революціи” в надеждѣ, что Россія, охваченная внутренним раздором, будет вынуждена заключить мир. “Взрыв, несомнѣнно, произошел бы уже давно, если бы не Дума, прекрасно сознающая серьезность положенія”... “Государь невѣроятно слаб, но единственный пункт, в котором, мы можем рассчитывать, он останется твердым, это вопрос о войнѣ”. Царица, “фактически управляющая” страной, того не сознавая, является игрушкой в руках лиц — “в дѣйствительности нѣмецких агентов”; но “сама неколебима в рѣшеніи продолжать борьбу, во что бы то ни стало”. Таким образом, если бы вопрос сводился только к политическому положенію, то “окончательное его рѣшеніе могло бы быть отложено до конца войны”. Посла гораздо больше беспокоит экономическое положеніе: Россія “не будет в состояніи выдержать четвертую зиму войны, если не измѣнится конъюнктура”... Поэтому “будущее представляет запечатанную книгу”.

Бьюкенен желал предостеречь англійское общественное мнѣніе от излишняго оптимизма, с которым вернулись делегаты с петербургской конференціи***). Ллойд-Джордж “категорически сказал” Набо-

*) О силѣ впечатлѣнія посол судил на основаніи слов Барка, который на слѣдующій день сказал, что ему «никогда не приходилось Царя видѣть таким нервным и взволнованным».

**) Освѣдомленность англійскаго посла всегда казалась подозрительной политическому сыску. Записки департа. полиціи неоднократно отмѣчают «непосредственное общеніе» представителей оппозиціи с посольством, откуда черпаются «указанія и совѣты». Как говорит Протопопов в запискѣ, напечатанной в «Голосѣ Минувшаго», он хотѣл даже установить особое негласное полицейское наблюденіе за посольством, но на это Царь не дал согласія.

***) Этот «оптимизм» был обрисован в «конфиденціальной» запискѣ, переданной Мильнером Императору и посвященной военной помощи, которую союзники могут оказать Россіи. В осторожной формѣ предсѣдатель англійской делегации ставил вопрос о контролѣ со стороны союзников в соотвѣстствіи с господствовавшей в Англии, по характеристикѣ Набокова, психологіей: «мы — кредиторы, благодѣтели, Россія — должники, просите-

кову, что председатель делегации лорд Мильнер “завѣрил кабинет, что до окончанія войны революція в Россіи не будет”, хотя Мильнер и получил в Россіи со стороны оппозиціонных общественных слоевъ ин-формацію противоположную: “нѣкоторые утверждали”, — вспоминает Набоков, — что Мильнеру в Петербургѣ и Москвѣ “совершенно опреде-ленно было заявлено отвѣтственными лидерами, что революція не-минуема, что авторитет власти достиг послѣдней степени паденія” и что продолженіе замѣпившей “распутинство” “протопоповщины” не может быть болѣе терпимо, ибо грозит распадом арміи и тыла” *).

ли. «Моя точка зрѣнія такова» — писал Мильнер. «Мы всѣ сидим в одной лодкѣ и мы или вмѣстѣ выплывем или вмѣстѣ потонем. Мысли об от-дѣльных интересах какой-либо из союзных націй и быть не может. Здѣсь нѣтъ мѣста для дипломатических тонкостей, ухищреній или умолчаній... При координированіи всѣх усилій для побѣды русское выступленіе имѣет «огромное значеніе для союзников» — признает Мильнер... «Россія обладает таким же, может быть, даже большим количеством человѣческаго мате-ріала, каким располагают остальные союзники, взятые вмѣстѣ, и русскіе солдаты сражаются с поразительной храбростью и выносливостью... Но ея колоссальная армія не так хорошо снабжена военным матеріалом, в осо-бенности наиболѣе важными современными усовершенствованіями... (...тя-желыя орудія и аэропланы) и Россіи приходится, кромѣ того, преодолевать спеціальныя затрудненія в области транспорта и снабженія... «Увеличеніе и улучшеніе военного матеріала» позволило бы Россіи использовать «с наибольшей пользой весь свой колоссальный людской запас». Но «ресурсы западных союзников не неисчерпаемы» и Мильнер указывал, что «русскія власти сильно не дооцѣнивают того, что Россія в состояніи произвести да-же в настоящее время... «Великобританія готова сдѣлать для поддержки Россіи все, что только она в состояніи... Единственно, на что мы взамѣн этого рассчитываем... это — чтобы Россія не требовала от нас того, что она может получить сама развитіем своей промышленности или лучшим управленіем своими богатствами, и чтобы она, получив от нас матеріал... обогатилась бы также и нашим опытом» («все, что мы просим, это — чтобы нам было дозволено **убѣдиться самим**, что матеріалы... будут ей, действитель-но, полезны, иначе перенесеніе их в Россію будет чистой потерей для военной мощи союза, разматриваемаго, как одно цѣлое»). Если эти условія будут осуществлены, нѣтъ границ — кромѣ непреодолимых физических препятствій или окончательнаго истощенія наших ресурсов — помощи, которую мы готовы и желаем оказать союзнику, пользующемуся нашим абсолютным довѣріем и принесшему такія огромныя жертвы на пользу общаго дѣла»...

Родзянко в очень неслестных тонах изобразил петербургскую конферен-цію — «полнѣйшее невѣжество» военнаго министра Бѣляева (Палеолог относит его к числу наиболѣе образованных русских офицеров; «освѣ-домленность», его подчеркивал и вел. кн. Ник. Мих.) и беспомощность рус-ских министров. Союзные делегаты нервничали и возмущались: «хладно-кровный лорд Мильнер, еле сдерживавшій свои чувства, откидывался на спинку стула и громко вздыхал. Каждый раз при этом стул трещал и ему подавали другой».

Вводитъ поправки к этому пристрастному мемуарному изложенію нѣтъ надобности: русскіе представители проявили достаточно самостоятельности — мы видѣли это, напримѣр, в вопросѣ о привлеченіи японских войск, на чем настаивали союзники. Вѣроятно, не впечатлѣнія от конференцій, а выше упомянутая психологія приводила к тѣм оговоркам, которыя вводил Мильнер в свой меморандум. Если вѣрить сообщенію Ривза, то лорд Миль-нер по возвращеніи в Англію сказал одному журналисту, что можно было сойти с ума, если повѣрить четверти того, что рассказывают в Россіи.

*) Надо имѣть в виду, что союзническіе делегаты ѣхали в Россію с предвзятым уже мнѣніем, так как петербургскіе послы (французскій, ан-глійскій, итальянскій) рекомендовали своим правительствам, как рассказы-вает Палеолог, задержать отъѣзд делегатов на конференцію, считая, что

Оптимизм вернувшихся делегатов английскій посол в Петербургъ объяснял “временнымъ улучшеніемъ внутренняго положенія”, когда “внѣшніе, видимые признаки политическихъ волненій въ некоторое время не были замѣтны”.

4. — Проектъ манифеста.

То “временное улучшение” во внутреннихъ дѣлахъ, которое отмѣчалъ английскій посолъ в донесеніи лондонскому правительству, совпало с назначеніемъ кн. Голицына. Новый премьеръ, по собственнымъ словамъ, испросилъ отсрочку созыва Думы на 14 февраля (должна была собраться 12 января), предпологая, что ему “удастся обновить совѣтъ министровъ”, и что явятся такія лица, которыя “могли бы выступить в Думѣ” *). В сущности рѣчь шла о томъ же Протопоповѣ, который “по мнѣнію совѣта министровъ в полномъ составѣ”, выраженномъ “открыто”, долженъ былъ уйти (показанія Покровскаго). Подготавливая свой шагъ, Голицынъ дипломатически началъ с Императрицы и просилъ ея “содѣйствія” в устраненіи Протопопова, который “вреденъ и не сознаетъ того положенія, которое онъ создалъ”. А. Ф. “выслушала оченьъ внимательно, но, повидимому, ей не понравилось. Ничего не выразила по этому поводу и не общалась содѣйствія передъ Государемъ. Черезъ два дня я былъ с очереднымъ докладомъ у Государя и с этого началъ... Выслушала меня очень спокойно. Я ему очень долго говорилъ, приводилъ массу причинъ о необходимости увольненія Протопопова, и мнѣ казалось, что я до нѣкоторой степени на него повліялъ” — “Я вамъ теперь ничего по этому поводу не скажу, а скажу в слѣдующій разъ... Черезъ нѣсколько дней я былъ с докладомъ... Онъ самъ вспомнилъ и сказалъ: “Я вамъ хотѣлъ сказать по поводу Протопопова. Я долго думалъ и рѣшилъ, что пока я его увольнять не буду” **).

Такимъ образомъ, хотя Протопоповъ и остался, самую отсрочку Думы на основаніи приведеннаго контекста не приходится разсматривать, какъ отзвукъ колебаній Николая II в выборѣ одной изъ трехъ намѣчавшихся версій разрѣшенія государственнаго конфликта. Но слухи о “радикальной мысли” Думу распустить и внести конституціонныя измѣненія, уже распространились. Во время январской аудіенціи предсѣдатель Думы поставилъ этотъ вопросъ Царю “в упор”. Царь отвѣтилъ, что “Думѣ ничего не угрожаетъ”. “Это я опредѣленно готовъ показать, гдѣ угодно”, свидѣтельствовалъ Родзянко.

Какъ же согласовать с такимъ категорическимъ утвержденіемъ тотъ фактъ, что за недѣлю до фактическаго начала текущей сессіи Гос. Думы— Н. Маклаковъ получилъ повелѣніе написать проектъ манифеста в связи

не стоитъ ихъ подвергать риску опасности переѣзда, разъ они встрѣтятся в Петербургѣ с правительствомъ, совершенно изолированнымъ отъ страны, что ставило под сомнѣніе цѣлесообразность совѣщанія.

*) Слѣдовательно отпадаетъ утвержденіе Покровскаго в Чр. Сл. Ком., что «одержалъ верхъ» в этомъ дѣлѣ Протопоповъ, который, по характеристикѣ Родзянко, «за спиной Голицына добивался отсрочки Думы».

**) Протопоповъ увѣрялъ в Чр. Сл. Ком., что онъ предупреждалъ: «Государь, я чувствую, что я не могу быть полезнымъ, потому что я заплываю — это буквальное выраженіе, которое я сказалъ».

с роспуском Думы? Прежде всего надо опредѣлить, какое содержаніе было вложено в проект манифеста. Самый документ отсутствует. Его содержаніе мы знаем только из весьма краткаго и общаго изложенія Н. Маклакова в двух показаніях при допросѣ в Чр. Сл. Ком. “Канвой” манифеста служило обвиненіе по отношенію к личному составу Думы, ведущему борьбу с властью в то время, когда “всѣмъ надо быть воедино”, и призывъ ко всей “вѣрной Россіи” в “такую страшную военную годину” объединиться около Престола и помочь Царю “послужить” странѣ. В нашем распоряженіи имѣется упомянутое письмо Н. Маклакова 9 февраля, которое является само по себѣ комментариемъ к проекту манифеста. “Да поможетъ мнѣ Господь найти надлежащія слова для выраженія этого благословляемаго мною взмаха царской воли, — писал Н. Маклаков, — который, как удар соборнаго колокола, заставитъ перекреститься всю вѣрную Россію и собраться на молитву службы Родины со страхомъ Божиимъ, с вѣрою в нее и с благоговѣніемъ передъ царскимъ призывомъ. Мы обсудимъ внимательно со всѣхъ сторонъ проект манифеста с Протопоповымъ, и тогда позвольте мнѣ испросить у В. В. счастье лично представить его на Ваше милостивое благовоззрѣніе. Но я теперь же дерзая высказать свое глубокое убѣжденіе в томъ, что надо, не теряя ни минуты, крѣпко обдумать весь планъ дальнѣйшихъ дѣйствій правительственной власти для того, чтобы встрѣтить всѣ временныя осложненія, на которыя Дума и Союзы несомнѣнно толкнутъ часть населенія в связи с роспускомъ Гос. Думы, подготовленнымъ, увѣреннымъ в себѣ, спокойнымъ и непоколебляющимся. Это должно быть дѣломъ всего Совѣта министровъ, и министра вн. д. нельзя оставить одного, в одиночествѣ со всей той Россіей, которая сбита с толку. Власть болѣе чѣмъ когда-либо должна быть сосредоточена, убѣждена, скована единой цѣлью возстановить государственный порядокъ, чего бы то ни стоило, и быть увѣренной в побѣдѣ надъ внутреннимъ врагомъ, который давно становится и опаснѣе, и жесточе, и наглѣе врага внѣшняго*). Смѣлымъ Богъ владѣетъ, Государь. Да благословитъ Господь Вашу рѣшимость и да направитъ Онъ Ваши шаги къ счастью Россіи и Вашей славы”. Маклаковъ настаивалъ в показаніяхъ, что “даже разговора не было о какомъ-нибудь измѣненіи положенія Думы”. Дума просто распускалась с назначеніемъ новыхъ выборовъ на 15 ноября.

11 февраля Маклаковъ лично отвезъ проектъ манифеста в Царское. Царь “куда-то очень спѣшилъ, ему было не по себѣ, онъ былъ очень замкнутъ в этотъ день”**). Маклаковъ прочелъ проектъ манифеста, Николай II сказалъ: “Оставьте, я посмотрю”, и прибавилъ, что “это на всякій случай, что онъ еще не знаетъ, какъ поступить, и что вообще вопросъ требуетъ обсужденія со всѣхъ сторонъ”.

“На всякій случай”... Царь опредѣленно вскрылъ содержаніе, заключавшееся в этой формулировкѣ, при послѣднемъ піеи предсѣда-

*) В инкриминируемой Маклакову фразѣ, конечно, не было того смысла, который в нее вкладываютъ, равно как и в словахъ Керенскаго на другой день революціи, буквально повторившихъ выраженіе Маклакова: 28 февраля тогдашній вождь демократіи, повернувъ макаловскую пирамиду на остріе, говорилъ: «весь народъ сейчасъ заключилъ одинъ прочный союзъ противъ самодержавнаго строя, нашего врага, болѣе страшнаго, чѣмъ врагъ внѣшній».

**) Принималъ канцунѣ вел. кн. Мих. Ал., Ал. Мих. и Родзянко.

теля Думы 10 февраля, т. е. наканунѣ полученія проекта будущаго манифеста. Доклад Родзянко был представлен в письменной формѣ, — прочитав его, Предсѣдатель Думы свою аргументацію развил в “большей степени” на словах. Этот “сильно, горячо составленный”, по характеристикѣ Муравьева, документ напечатан.

...“Мы подходим к послѣднему акту мировой трагедіи в сознаніи, что счастливый конец для нас может быть достигнут лишь при условіи самаго тѣснаго единенія власти с народом во всѣх областях государственной жизни. К сожалѣнію, в настоящее время этого нѣтъ. Это убѣжденіе не только нас, членов Гос. Думы, но в настоящее время это убѣжденіе и всей мыслящей Россіи. Россія обята тревогой... Она вылилась в многочисленныя резолюціи, извѣстных уже В. В... В то время, как вся Россія сумѣла сплотиться воедино, отбросив в сторону всѣ свои разногласія (как это далеко было от дѣйствительности!), правительство в своей средѣ не сумѣло даже сплотиться, а единеніе страны вселило даже в него страх. Оно... вспомнило свою старую, уже давно отжившую систему. С прежней силой возобновились аресты, высылки, притѣсненія печати. Под подозрѣніем находятся даже тѣ элементы, на которые раньше всегда опиралось правительство, под подозрѣніем вся Россія. Чувствуя возможность приближенія окончанія войны, тревога наша усиливается, так как мы сознаем, что в момент мирных переговоров страна может быть сильна в своих требованіях только при условіи, когда у нея будет правительство, опирающееся на народное довѣріе...

“Министры всячески устраняют возможность узпать Государю истинную правду... Гос. Думѣ грозят роспуском, а вѣдь она в настоящее время по своей увѣренности и настроеніям далеко отстает от страши. При таких условіях роспуск Думы не может успокоить страну”. Настаивая на необходимости продлить полномочія нынѣшняго состава Гос. Думы “внѣ зависимости от ея дѣйствій”, Родзянко заканчивал указаніем на то, что “отсрочка принятія этой мѣры порождает убѣжденіе, что именно в момент мирных переговоров правительство не желает быть связанным с народным представительством”. Заключительныя строки звучали уже угрозой, что “страна, изнемогая от тягот жизни, в виду созданных неурядиц в управленіи, сама могла бы стать на защиту своих законных прав. Этого допустить нельзя, это надо всячески предотвратить, и это составляет нашу основную задачу” *).

То, что Родзянко развил на словах, мы знаем из его показаній Чр. Сл. Ком. и его воспоминаній, обработанных для печати журналистом Ксюниним. Показанія изобилуют болѣе яркими подробностями, слова предсѣдателя Думы на аудіенціи зафиксированы болѣе рѣзкими чертами — возможно, перед революціонной Комиссіей Родзянко нѣсколько рисовался. Доклад был “самый тяжелый и бурный относительно настроенія Императора ко мнѣ и Думѣ” — показывал Родзянко. Царь был “заранѣе агрессивно настроен”. Предсѣдатель Думы говорил об угрожающем настроеніи страны и о возможности революціи. При этом упоминаніи Николай II прервал докладчика: “Мои свѣдѣнія совер-

*) «Взрыв бы произошел давно, если бы не Дума» — вторил англійскій посол в своем февральском донесеніи в Лондон.

шенно противоположны*), а что касается настроенія Думы, то если Дума позволит себѣ такія же рѣзкія выступленія, какъ прошлый разъ, то она будетъ распущена". По словамъ жены Родзянко, Царь сказалъ: "если не будетъ неприличныхъ, рѣзкихъ выступленій противъ правительства, Дума не будетъ распущена", на что предѣдатель Думы замѣтилъ: "рѣзкія выступленія будутъ — я не в состояніи буду сдержатъ 400 человекъ, у которыхъ накопилось столько справедливой горечи противъ правительства, в которомъ сидятъ лица, какъ Протопопов". На просьбу удалитъ послѣдняго, Царь отвѣтилъ уклончиво, но вспомнилъ Н. Маклакова со словами: "Я очень жалѣю его, онъ былъ мнѣ полезен" ("во всякомъ случаѣ не былъ сумасшедшим" — замѣтилъ Царь в изложеніи самого Родзянко: "Ему не с чего было сходить, В. В., — не могъ удержатся я отъ отвѣта"). По разсказу корреспондентки Юсуповой Царь в теченіе доклада нѣсколько разъ "отвѣчалъ рѣзко, с досадою и, наконецъ, прервалъ чтеніе... словами: "Кончайте скорѣе, мнѣ времени нѣтъ", на что Родзянко сказалъ: "Государь, Вы должны выслушать до конца" — и продолжалъ доклад. "Я считаю своимъ долгомъ, Государь, высказать Вамъ мое личное предчувствіе и убѣжденіе, что этотъ доклад мой у Васъ послѣдній" — заключилъ Родзянко. "Почему?" — спросилъ Царь. "Потому, что Дума будетъ распущена, а направленіе, по которому идетъ правительство, не предвѣщаетъ ничего добраго. Еще есть время и возможность все повернуть и дать отвѣтственное передъ палатами правительство**). Но этого, новидимому, не будетъ... Вы, В. В., со мною не согласны и все останется по старому. Результатомъ этого, по моему, будетъ революція и такая анархія, которую никто не удержитъ. Государь ничего не отвѣтилъ и очень сухо простился". Согласно "показаніямъ", Родзянко предупредилъ Царя, что "не пройдетъ и трехъ недѣль... какъ вспыхнетъ революція, которая смететъ династію, и Царь не будетъ царствовать"... "Вы пожнете..., то, что Вы посеяли". "Ну — возразилъ Царь — Богъ дастъ"... По словамъ Белецкаго, Николай II не хотѣлъ вѣрить, что войска могутъ оказатся по ту сторону барикадъ, хотя Протопоповъ об этомъ его предупредилъ. Предупреждали и другіе — напримѣр, Бьюкененъ, Игнатьевъ, говорившіе, что армія в этотъ моментъ была "вооруженнымъ народомъ".

Чѣмъ слѣдуетъ объяснить перемѣну настроенія, происшедшую в Николаѣ II в промежутокъ времени, который протекъ между двумя послѣдними приѣмами предѣдателя Гос. Думы? Об условіяхъ аудіенціи в январѣ Родзянко подробно разсказалъ в воспоминаніяхъ. 5 января онъ обратился къ Царю с просьбой о приѣмѣ и писалъ: "...В этотъ страшный

*) В письмахъ жены Родзянко эти слова относятся къ свѣдѣніямъ о настроеніи на фронтѣ, которыя сообщилъ предѣдатель Думы.

***) Подобнаго требованія не было даже в рядахъ прогрессивнаго блока, изъ чего ясно, какой невольной обработкѣ все это подвергалось в мемуарномъ воспріятіи. Самъ Родзянко в воспоминаніяхъ передаетъ свой разговоръ об отвѣтственномъ министерствѣ с в. кн. Мих. Ал., посѣтившимъ по собственной инициативѣ («тѣмъ самымъ», по выраженію жены Родзянко, но по ея мнѣнію, «подосланный негласно братомъ») предѣдателя Думы 8 января и говорившимъ с нимъ о смутѣ и положеніи страны. Тогда на вопросъ Мих. Ал. Родзянко сказалъ: «всѣ просятъ только твердой власти и ни в одной резолюціи не упоминается об отвѣтственномъ министерствѣ. Хотятъ имѣть во главѣ министерства лицо, облеченное довѣріемъ страны. Такое лицо составитъ кабинетъ, который будетъ отвѣтствененъ передъ Царемъ». В письменномъ докладѣ Родзянко 10 февраля нѣтъ ни слова об отвѣтственномъ в той или иной формѣ правительствѣ.

час, который переживает родина, я считаю своим вѣрноподданнѣйшим долгом, какъ предсѣдатель Думы, доложить Вам, во всей полнотѣ об угрожающей россійскому государству опасности"... Черезъ день Родзянко былъ принятъ*).

"Миша... говорилъ такъ сильно и убѣжденно, — писала Родзянко своей сестрѣ, — что взволновал и напугал Царя. Онъ изобразилъ всю картину разрухи правительства, преступнаго назначенія недостойныхъ лицъ, ежечасное оскорбленіе всего народа сверху до низу, полный произволъ и безнаказанность темныхъ силъ, которыя продолжаютъ черезъ Императрицу вліять на судьбу Россіи и ведутъ ее опредѣленно на сепаратный и позорный мир.... Слухи чудовищные и волнующіе передаются всюду, и причины... всеобщей неурядицы... приписываютъ Императрицѣ, и ненависть къ ней достигла такихъ размѣровъ, что жизнь ея в опасности**). Возбужденіе растетъ с каждымъ днемъ и, если не будутъ приняты скорыя мѣры, государству грозитъ неминуемая опасность. Все было сказано, не жалѣя красокъ, и онъ, какъ в 15-мъ году, казалось, повѣрилъ и волновался"... В изображеніи самого Родзянко онъ говорилъ: "Не заставляйте, В. В., чтобы народъ выбиралъ между Вами и благомъ родины. До сихъ поръ понятія Царь и Родина были неразрывны, а в послѣднее время ихъ начинаютъ раздѣлять... Государь сжалъ обѣими руками голову, потомъ сказалъ: "Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два ошибался"... Минута была оченьъ трудная. Преодоливъ себя, я отвѣтилъ: "Да, В. В., двадцать два года Вы стояли на неправильномъ пути".

... "Неужели все это фальшь и притворство? — задавала себѣ вопросъ корреспондентка Юсуповой: "Вѣдь голосъ Миши звучалъ искренне и убѣжденно. Онъ такъ горячо молился передъ ноѣздкой и такъ свято смотрѣлъ на исполненіе своего долга передъ родиной, что его слова были вдохновенны и не могли не убѣдить. Я надѣюсь и вѣрю, что Господь вразумитъ этого несчастнаго человѣка. Самаринъ тоже долженъ говорить отъ имени дворянства в такомъ же направленіи, указывая на весь вредъ А. Ф. и ея ставленников"***).

Родзянко вспоминаетъ, что Царь "не высказалъ ни гнѣва, ни даже неудовольствія по поводу "откровенныхъ слов", которыя ему пришлось выслушать и "простился ласково" с предсѣдателемъ Думы. Мало того,

*) Родзянко возбудилъ ходатайство о приѣмѣ еще 23 декабря, но не получилъ отвѣта. 8 января его «неожиданно» посѣтилъ в. кн. Мих. Ал., пожелавшій «посовѣтоваться», какъ надо поступить в создавшемся критическомъ положеніи, когда Россіи можетъ грозить «революція». Мих. Ал. будто бы сказалъ предсѣдателю Думы, что Царя и Царицу «окружаютъ только измѣнники» и обѣщалъ оказать содѣйствіе, какъ в полученіи аудіенціи, во время которой Родзянко могъ бы высказать всю «правду», такъ и в проведеніи министерства довѣрія, во главѣ котораго могъ быть только Родзянко «вамъ все довѣряютъ». Послѣ этого Родзянко отправилъ свой повторный «рапортъ» о приѣмѣ.

***) Когда Родзянко сказалъ, что Императрицу считаютъ «сторонницей Германіи». Царь, по его словамъ, сказалъ: «Дайте факты — нѣтъ фактовъ, подтверждающихъ ваши слова».

***) Родзянко рассказываетъ, что вызвалъ Самарина в виду упорныхъ слуховъ, что онъ будетъ арестованъ и высланъ изъ Петербурга. «Мнѣ это подтвердилъ и одинъ изъ членовъ правительства. Я счелъ нужнымъ освѣдомить объ этомъ тѣхъ изъ моихъ единомышленниковъ, которые могли взять на себя в мое отсутствіе борьбу за интересы и достоинство Россіи.

послѣ аудіенціи пошли “слухи”, что Трепову будет предложено составить “кабинет довѣрія из членов законодательных палат”. Когда в февралѣ был назначен новый пріем “на другой день послѣ прошенія” председателя Думы, в кругах, близких Родзянко, “радовались” считая это “хорошим знаком”, но “вышло совсѣм не то, что ожидали”, — признавала 12 февраля освѣдомительница Юсуповой: “Рѣзкій, вызывающій тон, вид рѣшительный, бодрый и злые, блестящіе глаза”, — таков Царь в изображеніи жены Родзянко: “Миша вынес впечатлѣніе, что никакія слова, ни убѣжденія не могут больше дѣйствовать. Они всѣ слишком увѣрены, что сила за ними, и надо всю страну сжать в кулак”.

Итак, чѣм же можно объяснить перемѣну? Было ли то усилившеяся “боковым входом” вліяніе правых кругов, в фарватерѣ которых, как будто бы, пѣликом уже шел запутавшійся в своих комбинаціях и “шарахнувшійся” в сторону министр вн. д.? Как всякій ренегат, Протопопов был “болѣе правым, чѣм самые правые”, — такое впечатлѣніе производил он на Покровскаго. Он сдѣлался “сильнѣе, чѣм когда либо”, так как на его плечи “перешла мантия Распутина” (Бьюкенен). Однако, представленіе о Протопоповѣ, как выразителѣ крайне правых теченій, едва ли будет правильно. Протопопов органически не был связан с “правыми”, поэтому он и не был посѣтителем салона Римскаго-Корсакова: “ему не вѣрили, — утверждал Н. Маклаков, — и никакого значенія в общем сдѣлеліи игры с правыми группами он не имѣл” *). Не вѣрили не потому только, что считали Протопопова больным, челоуѣком с “прогрессивным параличем” и все время ждали его ухода с министерскаго поста, но и потому, что считали при видимой “непримиримости” отношенія его к оппозиціи недостаточно рѣшительным в борьбѣ с послѣдней. Припомним, что этот именно мотив был выдвинут в декабрьском письмѣ астраханскаго Тихановича в отношеніи к Протопопову. И по мнѣнію Белецкаго, главная “политическая ошибка” Протопопова, вытекавшая из свойств его “характера и воспитанія” (очевидно, политическаго) заключалась в том, что он не наносил рѣшительнаго удара, а шел полумѣрами, которыя “вызывали обратное соотношеніе сил и привели к неизбѣжному кризису”... **). Белецкій, утверждая, что Протопопов “совершенно перешел на правую сторону и курс своей политики вел в этом направленіи”, тѣм не менѣе дѣлал оговорку, что Протопопов воспринимал пожеланія правых групп постолько, поскольку они “соотвѣтствовали его видам” и в частности не шел “навстрѣчу пожеланіям... правых организацій об измѣненіи выборнаго закона”. Очень отрицательно относившійся к министру вн. д. его коллега по кабинету Покровскій, охарактеризовал в показаніях Протопопова, как челоуѣка ненормальнаго с гипертрофическим воображеніем о своих силах и могуществѣ, граничащим с “маніей величія”,

*) Самому Н. Маклакову, нравилось подчеркиваніе Протопоповым своей любви к Царю — даже тогда, когда это было во вред ему.

**) В представленіи рѣшительнаго Белецкаго, как раз в это время пытавшася проникнуть в кружок Римскаго-Корсакова, надлежало накануне революціи заниматься не производством незначительных арестов, как то было с «рабочей группой» петербургскаго военно-промышленнаго комитета, а изыять из обращенія видных общественных дѣятелей, не исключая и членов Гос. Думы. Революція была бы остановлена.

однако, определенно заявил, что он “ни разу не слышал” от Протопопова, чтобы тот в отношении к Гос. Думѣ пытался занять крайнюю позицію в смыслѣ “поворота назад”.

По словам Покровскаго, Протопопов дважды в Совѣтѣ министров развивал свои “необыкновенныя теоріи политических теченій в Россіи”. Впервые тогда, когда обсуждался вопрос о созывѣ Думы 12 января. Опираясь на эти теоріи, он высказывался за отложение созыва Думы на “возможно больше”. Тѣ же теоріи Протопопов повторил 25 февраля. Это не было “ново для нас”, — показывал Покровскій: “и тѣм не менѣе нѣсколько лиц, сидѣвших тут, слушаая его, переглянулись и спросили друг друга: “Вы что-нибудь поняли?” И мы здѣсь же сказали друг другу, что ничего не поняли”. На просьбу Комиссіи изложить мяѣнія Протопопова свидѣтель пояснил: “изложить вам точно то, чего нельзя было хорошо понять, довольно трудно. Это очень сложная теорія, сочиненная, вѣроятно, кѣм-нибудь другим — может быть, каким-нибудь мудрецом или каким-нибудь государственным.. Насколько могу припомнить, у него выдвигалась идея каких-то теченій, если не ошибаюсь — революціоннаго теченія и оппозиціоннаго теченія, причем революціонное теченіе изображается рабочими учреждениями и вот этими разными совѣтами рабочих депутатов, анархистов, социалистов и пр., а оппозиціонное — общественными элементами, с Гос. Думой во главѣ. И вот революціонное теченіе втекает постепенно, по его мяѣнію, в оппозиціонное, так что в результатѣ нельзя уже опираться и на эту оппозиціонную часть, потому что она, так сказать, совпадает постепенно с революціонной частью и стремится к власти. Оппозиціонная часть самой Думы постепенно сливается с революціонным теченіем; идея о захватѣ власти является и у нея, и она будет пользоваться всякими случаями, чтобы захватить эту власть, а потому слѣдует бороться с этим самыми рѣшительными средствами, надо распустить Думу”. При этом фигурировало “графическое изображеніе, схема” — “вот тут... у меня возникло сомнѣніе в состояніи его умственных способностей”.

Такія же сомнѣнія возникли и у историка Покровскаго при ознакомленіи его со схемой Протопопова о взаимоотношеніях Думы и революціоннаго движенія. Возможно, что при неуравновѣшенности, даже нѣкоторой “маніакальности” министра вн. д. (не забудем, что Протопопов, по собственным словам, в декабрѣ усиленно пользовался совѣтами психіатра Бехтерева) “схема” была изложена весьма туманно. Но в “околесицѣ”, которую нес Протопопов в Совѣтѣ министров, не только был смысл, который в сущности прекрасно уловил Покровскій и достаточно отчетливо изобразил по памяти через полгода, но эта “околесица” совершенно соотвѣтствовала дѣйствительности. Конечно, и “графическое изображеніе” и самую “схему” министр вн. д. заимствовал в значительной степени из записок департамента полиціи, в которых “необыкновенная идея” проходила красной нитью*).

Нетрудно и в показаніях самого Протопопова найти противорѣчія,

* Излагал ли Протопопов в Царском свои социологическія настроенія, мы не знаем. До нас дошли лишь отзвуки одной записки, поданной министром и притом составленной не им, а Гурляндом. Она служила отвѣтом на письмо, отправленное Царю небызвѣстным Клоповым и посвященное вопросу об отвѣтственном министерствѣ. В контр-запискѣ, по словам Про-

объясняемая не только тѣм, что допрос в Чр. Сл. Ком. был преддверіем к революціонному трибуналу, и что допрашиваемый нарочито напускал туман, но и тѣм, что мысли и дѣятельность этого болѣе, чѣм своеобразнаго, министра, дѣйствительно, не всегда отличалась логическою послѣдовательностью. Его “мысль” писать слово “революція” без “р”, сохранить монархическую власть эволюціонным путем, завоевать массы “либеральными реформами”, остановить народное движеніе, которое текло “слишком быстро” и котораго он “очень боялся”, при практическом осуществленіи на фонѣ брезжившаго “государственнаго переворота”, знаменовавшаго собой “движеніе назад” — должна была безнадежно запутываться в лабиринтѣ перманентнаго роспуска оппозиціонной, недѣеспособной Гос. Думы. В оголенном видѣ “мысль” его сводилась к тому, чтобы “жить без Думы” — так формулировал план министра вн. д. никто иной, как послѣдній предсѣдатель Совѣта министров: “когда я на это возражал, — показывал Голицын, — и говорил, что “если бы был теперь роспуск, что же вы думаете, что новый состав будет лучший, чѣм бывший? Нѣтъ, он в десять раз будет хуже. Затѣм выборы были бы даже незаконными, так как большинство выборщиков не находится на мѣстѣ и не могло бы принять участіе”. Он говорит: “Да, я увѣрен, что состав Думы был бы еще хуже этого. Японія одиннадцать раз распускала парламент, и мы распустим”. Вот был его взгляд на Гос. Думу.. Но я думаю, что он сам вам повторит то же самое”.

Протопопов рѣшительно протестовал против приписыванія ему такого плана и утверждал, что Голицын его “не понял” — он был “за перерыв, но не роспуск”, а “дальнѣйшее” показала бы “сама жизнь”. “Я опредѣленно скажу, что против существованія Гос. Думы, законодательной и даже с нѣкоторым расширеніем ея прав, я не был. Я никогда не говорил об уничтоженіи Думы. Это была бы невозможная вещь”. “Давайте логически разсуждать”, — замѣтил предсѣдатель. — “Можно достигнуть отсутствія Думы не путем ея уничтоженія, а путем цѣлаго ряда перерывов ея занятій, а в промежуток — путем давленія на выборы. Вот вы и хотѣли давить на выборы и добиться таким путем отсутствія Думы в странѣ”. Протопопов: “Разрѣшите мнѣ сказать, что это чужія мысли мнѣ приписывают, при чем уклоняются от истины и приписывают чуть ли не мнѣ практическіе шаги, предпринятые до меня, а, может быть, и не возобновленные.. Относительно выборов.. У меня пустая папка выборов была на столѣ; никаких шагов предпринято не было”. Вмѣстѣ с тѣм Протопопов заявлял, что он никогда не раздѣлял извѣстной формулы Столыпина: “сначала успокоеніе, а потом реформы”, и считал, что реформы и успокоеніе должны идти параллельно. Противники министра на его “золотія грамоты” (отчужденіе земли, равноправіе евреев и пр.) смотрѣли, как на демагогію чистой воды (Милюков). Совѣтскіе историки в лицѣ Покровскаго в этой демагогіи, имѣвшей цѣлью возбудить симпатіи населенія к правительству, усмотрѣли, конечно, прямой подход к заключенію сепаратнаго мира.

топопова, доказывалось, что недовольство в странѣ «зиджится на экономическом принципѣ», и что измѣненіе «политическаго принципа» приведет к «началам республиканскаго строя».

5. — Заколдованный круг.

Реально перед властью стояла проблема о той сессии IV Гос. Думы, которая должна была собраться через несколько дней, и которая могла оказаться еще больше оппозиционной, нежели сессия предшествовавшая, ибо, действительно, “революционная” волна, казалось, начала проникать в “оппозиционное” течение. Еще в декабрь собрание представителей общественных организаций “всех классов населения”, съехавшихся на продовольственное совещание, выразило свое “возмущению” предшествовавшим разгоном съездов земского и городского союзов и призывало Гос. Думу “неуклонно и мужественно довести начатое великое дело борьбы с нынѣшним политическим режимом до конца. Ни компромиссов, ни уступок”. “Наше послѣднее слово к арміи”, — заканчивала резолюція: — “Пусть знает армія, что вся страна готова сплотиться для того, чтобы вывести Россію из переживаемого ею гибельнаго кризиса” *).

Начавшееся в Петербургѣ рабочее движение являлось симптомом угрожающим. Давно пера отказались от попыток уложить предреволюционное движение (в смыслѣ уличнаго выступления) на прокустово ложе нѣмецкой агентуры**) или измышленнаго министром вн. д. плана “спровоцировать беспорядки в столицѣ на почвѣ недостатка продовольствія, чтобы затѣм эти беспорядки подавить и имѣть основаніе для переговоров о заключеніи сепаратнаго мира. (Как раз в том же — в устройствѣ “голодных бунтов”, охранная агентура обвиняла представителей “крайних групп”). “Слухи эти, — рассказывает Родзянко, — были настолько упорны, что вызвали смущеніе не только среди членов Думы, но и среди представителей союзных держав”. Отраженіе современной молвы нашло отклик даже в послѣдних мемуарно-исторических изысканіях черваго по времени историка революціи 17-го года***).

В такой обстановкѣ и родился проект “манифеста”, написанный Н. Маклаковым “на всякій случай”. Протопопов и Маклаков не были тактическими единомышленниками в полном смыслѣ слова — Белецкий утверждал даже, что “Протопопов вел войну и против Маклакова... так что, если Н. Маклаков не получал назначенія в послѣднее время, то только благодаря Протопопову”. Протопопов был за продолженіе “экспериментов” (мнѣ кажется, такое свидѣтельство Протопопова слѣдует признать соответствующим дѣйствительности); Н. Маклаков был болѣе ригористичен и считал подобную попытку, заранѣе обреченную на неудачу, ненужной. Сходились однако на необходимости давнюю оппозиціонную Думу распустить. В теоріи, как мы в свое время видѣли, у Протопопова был, может быть, весьма эфемерный, план путем

*) Шляпников приводит выпущенную от «группы объединившихся граждан Петрограда» показательную прокламацію, которая призывала идти «за Москвой»: «в смертный час, когда рѣшается судьба режима... будем готовы исполнить наш крайній долг».

**) См. «На путях к дворцовому перевороту».

***) Версія об организаціи Протопоповым «бунта» для того, чтобы его подавить «кровавым путем», проникла даже в воспоминанія Пуанкаре, записавшаго со слов каких-то «русских друзей» петербургскаго посла Франціи мифическія слова Императора: «лучше я перевишаю половину Россіи, но не уйду».

организации торгово-промышленного класса и привлеченія к дѣятельному участию в выборной кампаніи банков добиться состава Думы, благопріятнаго в своем большинствѣ правительству. Повидимому, в этом отношеніи Н. Маклаков был настроен пессимистически — такой вывод приходится сдѣлать на основаніи его показаній. По его словам, он рѣшительно отказался от неоднократныхъ предложеній, которыя ему дѣлали, попытаться объединить разрозненныя монархическія группы — отказался потому, что не вѣрил в “успѣхъ дѣла”: “не на что” было опереться. Н. Маклаков считал в созданшейся политической и общественной конъюнктурѣ революцію неизбежной.

На что же можно было тогда рассчитывать? — письмо Н. Маклакова Царю 9 февраля отнюдь не проникнуто чувством безнадёжности. Степнограмма показаній Н. Маклакова в данномъ случаѣ крайне невразумительна. Но смысл, вкладываемый Маклаковым в свои слова, все-таки в общихъ чертахъ ясен: распустив оппозиціонную Думу и получив отсрочку на полгода, объединенное, однородное правительство с успѣхомъ могло бы закончить войну; он рассчитывал, что “в случаѣ побѣдоноснаго окончанія такой будетъ общій подъемъ и радость, что они выльются в очень хорошую форму в концѣ концовъ и с одной и с другой стороны, в массахъ народныхъ и сверху, т. е. революція “выльется в другую сторону”. Такъ полагал лидеръ правыхъ, идеологъ консервативныхъ началъ монархизма, защитникъ теоріи совмѣстности самодержавной формы правленія с “конституціоннымъ” режимомъ.

По игрѣ судьбы из той же предпосылки побѣдоносной войны брат Маклакова, один из вождей либеральныхъ конституціоналистов, с кафедры Гос. Думы 15 декабря с обычнымъ краснорѣчіемъ доказывал, что день подписанія побѣдоноснаго мира будетъ для Россіи днемъ провозглашенія политической свободы: “Россія борется с Вильгельмомъ и с германскимъ засиліемъ не за тѣмъ, чтобы, добившись побѣды, пойти в холопы к тѣмъ, кто не умѣетъ ею управлять. И день подписанія побѣднаго мира для насъ будетъ днемъ подписанія внутренней свободы”. И это был лозунгъ не только умѣренныхъ, входившихъ в составъ думскаго прогрессивнаго блока*). Это был лозунгъ и нѣкоторыхъ социалистическихъ группъ: “путь, ведущій к побѣдѣ, является и путемъ, ведущимъ к свободѣ”, — такъ, напримѣр, формулировала вопросъ резолюція заграничной конференціи группы “Призывъ” еще в ноябрѣ 15 г.

Чьи предвидѣнія были болѣе прозорливы? И на это нѣтъ безоговорочнаго отвѣта. Надежды того Маклакова, который свои устремленія направлялъ в прошлое (оно для него не было “могилой Россіи” — Россія не пала, а шла впередъ при существовавшемъ режимѣ), были отнюдь не эфемерны. Эти надежды переворачивались в очень серьезныя опасенія в сознаніи многихъ демократовъ того времени, чрезвычайно далекихъ по своимъ настроеніямъ от какихъ-либо “пораженческихъ” концепцій. Побѣдоносный итогъ войны легко могъ пробудить тотъ вредный подлинному духу политической свободы повинистическій задор, которымъ были болѣе или менѣе отмѣчены первые мѣсяцы войны, и который захватилъ не только “вѣропопдачные” элементы страны и городскіе низы, но и квалифицированные интеллигентскіе и пролетарскіе

*) Изъ дневника Куропаткина видно, что и Гучковъ допускалъ возможность «революціи» послѣ побѣдоноснаго окончанія войны.

слоя общества. Этот шовинизм потускнѣлъ за годы изнурительной войны и смѣнился даже возбужденіемъ противоположнаго характера. Но онъ могъ возродиться. Конечно, не оттого, что Царь шевельнулъ бы “мизинцемъ”, какъ образно представлялъ себѣ англійскій посолъ. Наканунѣ революціи едва ли можно было ожидать, чтобы народныя толпы вновь стали бы падать въ патриотическомъ умилени на колѣни. Но въ звонѣ фанфаръ и литавровъ побѣдоноснаго мира фактически могли быть отсрочены всѣ очередныя вопросы, поставленныя историческимъ процессомъ.

Такимъ образомъ собравшіеся въ концѣ 16 г. въ Петербургѣ особое совѣщаніе губернаторовъ вполне реалистично рассуждало, что, несмотря на то, что настроенія въ странѣ не въ пользу “правыхъ”, при “яркомъ побѣдоносномъ исходѣ войны” и быстромъ затѣмъ проведеніи выборовъ въ Гос. Думу можно надѣяться на “благоразумный исходъ”.

Люди того времени склонны были обращаться къ отдаленному уже прошлому и вспоминать 1812 годъ въ исторіи Россіи. “Отечественная война” сулила свободу — она привела въ конечномъ результатѣ къ аракетевщинѣ, “свободу” она облекала въ форму подчасъ изувѣрной мистической реакціи. Примѣры прошлаго, конечно, не всегда убѣдительны, ибо нѣтъ законовъ историческихъ, довѣющихъ своей неизбѣжностью внѣ времени и пространства — всѣ итоги зависятъ отъ обстоятельствъ, ихъ сопровождающихъ, нерѣдко случайныхъ и непредвидѣнныхъ. Небезынтересно, что тотъ же Маклаков-депутатъ, столь категоричный въ своемъ выводѣ на публичномъ засѣданіи Думы, ранѣе въ интимныхъ засѣданіяхъ блока (осенью 15 г.) высказывался по иному — Милюковъ записалъ такія слова депутата: “Если будетъ полная побѣда, не воскресимъ злобу противъ Горемыкина, будетъ безъ резонанса”.

Итакъ, въ переломный въ исторіи Россіи годъ либеральная и отчасти демократическая общественность требовала уничтоженія “постыднаго режима” во имя побѣдоносной войны; она хотѣла развязать гордіевъ узелъ, оставаясь въ предѣлахъ “оппозиціи Его Величества”. Борьба “до конца” приводила однако къ революціи, которая, если и устраняла насильственнымъ путемъ режимъ, то ставила подъ сомнѣніе побѣдоносный конецъ войны... Во имя той же побѣдоносной войны правая общественность требовала устраненія, какъ ей казалось, источника броженія въ странѣ — Гос. Думы, въ увѣренности при своего рода патриотическомъ ослѣпленіи, что “святая Русь” непобѣдима*). Заколдованный кругъ противорѣчій! Изъ него тогда можно было попытаться, пожалуй, выйти лишь сохраненіемъ извѣстнаго status quo: государственная машина какъ то скрипѣла, дѣло побѣды приближалось (въ этомъ были въ дѣйствительности увѣрены и правительство и находившійся къ нему въ оппо-

*) Даже въ тѣхъ правыхъ кругахъ, которые считали, что «проявилась глубокая рознь русскихъ интересовъ съ интересами А. Ф.», и что «надо беречь престижъ царской власти, но едва ли можно сохранить самодержавіе» — нѣсколько неивнымъ отраженіемъ этихъ настроеній являются дневники придворнаго исторіографа — высказывалось опредѣленное мнѣніе, что Думу не слѣдуетъ собирать, ибо «ничего не выйдетъ, кромѣ скандала — засѣданіе будетъ полно протестовъ и всякихъ оскорбленій»... И эти круги были твердо убѣждены, что роспускъ Думы, т. е., неоткрытіе ея пройдетъ безъ большихъ ослѣдствій: «покричатъ рабочіе, напишутъ грозныя статьи газеты, но при условіи, чтобы власть была твердая у правительства и понимающая интересы Россіи» (запись Дубенскаго).

зиці прогрессивный блок) и лишь исторической реминисценціей являлось позднѣйшее утверждение дѣятеля прогрессивнаго блока Шульгина, что колебанія правительства в ту или другую сторону неизбежно влекли к "сепаратному миру". Не так ли думал, в концѣ концов, колеблющійся в своих рѣшеніях монарх?

По словам Протопопова, Царь в бесѣдах с ним не раз высказывал сомнѣніе "на счет крайне правой политики, вмѣстит или не вмѣстит ее страна". Ни у Н. Маклакова, ни у Протопопова, поскольку рѣчь шла о роспускѣ Думы, колебаній, повидимому, не было. Маклаков был увѣрен, что "страна совсѣм не выражается в настроеніях, которые всегда набѣгали в Петроград". Что же касается Протопопова, то, вѣдь, недаром он переслал в Царское Село Вырубовой для передачи "Государю и Государынѣ" полученную им в концѣ января записку от небезызвѣстнаго желѣзнодорожника Орлова, прежняго соратника Пурешкевича, состоявшаго тогда предсѣдателем "Главнаго Совѣта Отечественнаго Патриотическаго Союза" в Москвѣ; в запискѣ доказывалось, что "революці из-за Думы теперь не может быть, ибо она для корней народа звук пустой"*). "Государь, запугиваній не бойся, осуществить их не удастся", — вторил из Астрахани Тиханович (телеграмма 20 фѣвраля): "простой народ и армія останутся с тобою и поплотятся сами запугиватели, лишь окружи себя вѣрными людьми и вѣрными любимыми войсками и военачальниками... и в Ставкѣ, и дома, и в дорогѣ".

Императрица всецѣло раздѣляла подобный взгляд. Петербургское общество в ея представленіи "гнилое болота", а Дума почти "дом умалишенных". За подлинное мнѣніе "народа" А. Ф. принимала телеграммы "Союза Русскаго Народа" (свидѣтельство Волконскаго*). "Я знаю слишком хорошо, как "ревушія толпы" ведут себя, когда ты близко", — писала А. Ф. 22 фѣвраля, убѣждая Царя "скорѣе"

*) Между прочим, позиція Орлова имѣла нѣкоторое своеобразие, как видно из доклада, представленнаго им ранѣе Протопопову. Он доказывал, что «общему настроенію, наблюдаемому в настоящее время, довѣряться нельзя. Сколь бы оно само по себѣ ни было выгодно государству для веденія этой великой войны, оно не должно быть признано залогом будущаго внутренняго спокойствія». Это «общее настроеніе» Орлов характеризовал, как «подъем», являющій «всему міру красоту духовных и физических сил Россіи, устремленных на великую борьбу с нѣмецкой коалиціей». «По заключенію мира в Европѣ, а, может быть, нѣсколько раньше — писал Орлов — нужно ожидать, что с тѣм же подъемом, что и теперь, объединенныя внѣшней войной политическія группы станут реагировать внутренней войной на причины, лежащія в русской жизни, не устраненныя великим единоборством народов... Толчком к этому может явиться нынѣ всѣми понятое нѣмецкое засиліе в торговлѣ, промышленности, землевладѣніи и даже в управленіи государством Россійским... Для великой смуты причин очень много, и их раскроет не только продолжающаяся война, но, может быть, и мир, заключенный Россіей, условия котораго пока невозможно предвидѣть, как невозможно предугадать и внѣшней политической конъюнктуры по окончаніи войны с нѣмецким народом... Грустно говорить и писать, но многіе из крестьян не стѣсняются с искренностью выражать пожеланія, чтобы в русских землях скорѣе водворился нѣмецкій порядок, чтобы и русскій народ мог так же жить, как живет нѣмецкій. Таким образом, для будущаго эта война несет нам возможность, быть может, великой переоцѣнки всѣх цѣнностей, не только в области экономическаго устройства, но и в сферѣ политическаго равновѣсія внутренней жизни Россіи».

вернуться в Царское из Ставки. “Я понимаю, куда призывает долг — как раз теперь ты гораздо нужнее здесь, чем там... Твоя жена — твой оплот — неизменно на страже в тылу. Правда, она немного может сдвлять, но все хорошие люди знают, что она всегда твоя стойкая опора. Глаза мои болят от слез”... А. Ф. вся сказала в этом письме: “Кажется, дела поправляются. Только... будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Ты никогда не упустил случая показать любовь и доброту — дай им почувствовать крепкий твой кулак. Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: “нам нужен кулак”. Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, жестокость даже и — горячая любовь... Ребенок, обожающий своего отца, все же должен бояться разгневить, огорчить и послушаться его! Надо играть поводами: ослабить их, подтянуть, но пусть всегда чувствуется властная рука... Мягкость одну они не понимают”.

К сожалению, для тех февральских дней, когда Н. Маклакову было поручено составить проект манифеста, мы не имеем комментариев в виде интимной переписки царской супружеской четы. Из отрывков гофм. Нарышкиной (дневник 8 февраля) мы знаем, что Царь считал, что нет никакой возможности жить в мире с Думой и что ее надо сжать “в кулак”, и тем не менее нет оснований считать, что инициатива “государственного переворота” — возвращение к “самодержавному строю”, — в данном случае принадлежала самому Монарху и вызвала появление на сцену людей, “с восторгом” схватившихся “за этот самоубийственный план” (воспоминания Маклакова-депутата). Во всяком случае вопрос о роспуске Думы вовсе не был вопросом уже разрешенным, как это представлялось и Керенскому, — и тем более для осуществления воображаемого плана Протопопова о сепаратном мире, Протопопова, который возомнил себя “Бисмарком и грозит всем железным кулаком”. Гораздо вероятнее предположение самого Протопопова, что приказ о роспуске “едва ли последовал” — положение в стране все же требовало “опоры на Думу”. Этого требовала “война и отношения к союзникам”^{*)}. В конце концов “они” — насколько дело касалось самого Царя — не были так уверены, что “сила за ними, и надо всю страну сжать в кулак”, как уверяла жена Родзянко в переписке с Юсуповой. Даже А. Ф. при

^{*)} Так, например, она писала 6 декабря (16 г.) по поводу двух «милых» и «строгательных» телеграмм из Архангельска: «Я ответила с помощью нашего Друга, и Он просит тебя непременно позволить, чтобы телеграммы эти были напечатаны. Это откроет людям глаза... Хорошее наступает и пусть общество и Дума видят, что Россия любит твою «старую женушку» и стоит за нее всем наперекор». Эти телеграммы отнюдь не были составленными в деп. полиции фальшивками, которыми Протопопов будто бы обманывал верховную власть. Так представляет дело Керенский во французской своей книге «La Vérité». Подлинность их несомненна, как и отражение в них настроений некоторых слоев преимущественно городского мещанства. (Столыпин приказал еще в 1911 г. вести особый счет телеграммам Союза Русского Народа). Своего рода обман верховной власти шел значительно дальше — он был и тогда, когда крестьяне-волинцы, объединившиеся в Союз русского народа, подносили Царю в дни второй Гос. Думы по инициативе арх. Виталия адрес «за Самодержавие» за подписью 1 милл. представителей населения Волины. Там был и Шульгин.

^{**)} Припомним соответствующие рассуждения в Совете министров пе-

всей своей ненависти к оппозиционной Думѣ, при всѣх своих напористых требованиях отсрочек созыва Думы и кратковременных ея сессій, фактически ни разу не ставила в письмах ребром вопрос о “ропускѣ” Думы в смыслѣ измѣненія ея “конституціи”.

IV. — КАНУН РЕВОЛЮЦИИ.

1. — В Государственной Думѣ.

Факт, что Дума собралась 14 февраля, сам по себѣ является отчетливым поясненіем к установленному выше положенію. Мы ничѣм не можем подтвердить ходившіе накануне созыва Думы слухи, что “Голицын уходит... и Н. Маклакова назначают премьером”. (“*Se sera le comble*”, писала Родзянко, сообщая своей корреспонденткѣ почти достоверныя свѣдѣнія).

Настроенія в Думѣ не оправдали опасенія одних и надежды других. То, что ожидалось, очень ярко и, как всегда, чрезвычайно преувеличенно изобразили докладныя записки департамента полиціи “наканунѣ” открытія Гос. Думы. “Если и сейчас еще находятся депутаты, предлагающіе повторить второе изданіе “выборгскаго воззванія”*), — говорится в одной из них — “то большинство стоит против подобной “комедіи” и выражает свою задачу в опредѣленной формѣ, ясной для всѣх: “Гос. Дума бессильна бороться с правительством, которое может ее ежедневно распустить до конца войны и тѣм самым лишить страну представительства. В этой слабости скрыта и сила Думы: безсильная измѣнить политическое положеніе и свергнуть “министерство народнаго недоверія” Гос. Дума станет всесильной с момента роспуска — ея разгон вызовет революцію или заставит правительство через нѣсколько недѣль вернуть Думу и согласится на всѣ ея требованія или обреетъ страну на анархію, в которой должен неминуемо погибнуть существующій политическій строй”. Подобная точка зрѣнія усвоена многими депутатами, предлагающими “не шадить Думу”... В отвѣтъ на молчаніе Таврическаго дворца заговорит вся Россія: если Дума будет распущена за то, что она требует уничтоженія злоупотребленій, суда над измѣнниками и сторонниками позорнаго мира, то вся Россія станет на ея защиту”... “Кромѣ слухов о возможности всеобщей забастовки, — продолжает записка, — в обществѣ усиленно циркулируют слухи о возможности проявленія террора... Поэтому слухи о том, что за убійством Распутина — “этой первой ласточки террора” начнутся другіе “акты” — заслуживают самаго глубокаго вниманія. Нѣтъ в Петроградѣ в настоящее время семьи так называемаго “интеллигентнаго обывателя”, гдѣ “шепотком” не говорилось бы

ред августовским кризисом 15 г. Показательно, что на запискѣ Тихановича об измѣненіи статута общественных организаций Николай II сдѣлал отмѣтку о невозможности трогать союзы во время войны.

*) В связи с разговорами, что «объединенное большинство Думы» объявит роспуск «недѣйствительным» в случаѣ такого рѣшенія правительственной власти, в соотвѣтствии с резолюціей декабрьскаго съѣзда городских союзов, предлагавшей Думѣ «не расходиться».

о том, что “скоро, навѣрно” прикончат того или иного из представителей правящей власти”... “В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, открыто и свободно раздаются рѣчи... заставляющія вѣрить утверждениям, что высокій порыв монархическаго чувства, охватившій Россію... исчез, смѣнившись безумно быстрым ростом озлобленія не только против “правительства”, но и против Государя и всей царской семьи: повсемѣстно и усиленно муссируются слухи о “близком дворцовом переворотѣ”, как бы подтверждают это и связываются... в одно цѣлое с вопросом о... дѣятельности Гос. Думы”. “Как общій вывод, — заключает записка, — должно отмѣтить, что, если рабочія массы пришли к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и послѣдующей революціи, а круги интеллигенціи к вѣрѣ в спасительность политических убійств и террора, то это в достаточной мѣрѣ опредѣленно показывает оппозиціонность настроенія общества и жажду его найти тот или иной выход из создавагося политическаго ненормальнаго положенія. А это положеніе с каждым днем становится все ненормальнѣе и напряженнѣе и ни массы населенія, ни руководители политических партій не видят из него никакого естественнаго мирнаго выхода”.

Все произошло не так, как гадали предсказатели. Рабочая демонстрація не состоялась*) и открытіе Думы, — вспоминает ея предсѣдатель, — обошлось совершенно спокойно. (Не состоялась и предполагавшійся “грандіозный скандал Протопопову”, о котором говорил Родзянко в показаніях: “если бы Протопопов явился, то ментально весь зал бы опустѣл. Рѣшили всё уйти, даже правые, и тогда я должен был закрыть засѣданіе... Пустой зал и один Протопопов”). “Настроеніе в Думѣ было вялое, даже Пуришкевич и тот произнес тусклую рѣчь. Чувствовалось безсиліе Думы, утомленность в бесполезной борьбѣ и какая-то обреченность на роль чуть-ли не пассивных зрителей. И все-таки Дума осталась на своей прежней позиціи и не шла на открытый разрыв с правительством. У нея было одно оружіе — слово, и Милоков это подчеркнул, сказав, что Дума будет дѣйствовать словом и только словом**).

Таково было впечатлѣніе почти всѣх современников***) и, как выразился один из них, представители оппозиціи скорѣе по обязанности произносили “академическія” рѣчи в традиціонной формѣ изобличенія режима. К такого рода “академическим” рѣчам правительство достаточно привыкло и не очень беспокоилось ими, раз онѣ не переходили границъ обычной уже парламентской рѣзкости и непосредственно не затрагивали “династическаго” вопроса. В самом дѣлѣ не так страшно было то, что говорилось в Думѣ, вернувшейся к испы-

*) О ней см. «На путях к дворцовому перевороту». «Улица не выступила, несмотря на провокацію Протопопова, благодаря успѣшным мѣрам, принятым Мишей и другими депутатами» — писала Родзянко Юсуповой. Тогдашнюю оцѣнку «лѣвых», см. в нижецитируемой рѣчи Керенскаго.

**) Впослѣдствіи Милоков в «Россіи на переломѣ» скажет, что Дума, собравшись 14 февраля, имѣла самую мирную намѣренія.

***) На засѣданіи присутствовал среди других иностранных представителей и англійскій посол. Засѣданіе прошло так спокойно, что сэр Дж. Бьюкенен рѣшил, что может воспользоваться кратким отпускомъ в Финляндіи: «В теченіе десяти дней, которые я там провел, ко мнѣ не дошло никаких слухов о надвигающейся грозѣ».

тайной тактикѣ 1 ноября, послѣ “слов”, произнесенных в предыдущую сессию.

Вслушаемся в эти рѣчи. Вот Пуришкевич, не сошедшій со своего конька. Он говорил, что “струна общественнаго настроенія... натянута близорукостью, не хочу сказать злонамѣренностью, правительственной власти до возможнаго”. Но волнует Россію не то, что страна переживает “византійскія страницы своей исторіи” (сыск, невиданный со времен Ивана Грознаго и временщика Бирона?!), не эти приемы борьбы с “невидимой крамолой” — тревожат Думу и народную Россію, как бы “воля всей Россіи не была поправа закулисныхъ руками нѣмецкой клики, с растущим дерзновеніем выдвигающей своих людей, идущих потаенными ходами, наперекор надеждам и чаяніям всего русскаго народа, тѣсно объединеннаго с Царем в цѣлях войны и побѣды” (все это направлялось в адрес Протопопова). К чему призывал Пуришкевич? Он клеймил (“нѣтъ слов для выраженія негодованія”) того, кто идет на улицу с политическими требованіями в тяжелые дни переживаемых Россіей событій. Одновременно он сознавал “безцѣльность всяких рѣчей”, “безнадежность в данный момент работы Думы”. “Над Думою — висит дамоклов меч роспуска... Она, вѣроятно, будет распущена, ибо перед ней альтернатива: либо стать лакейскою министра вн. д.... либо сохранить свое лицо, лицо честныхъ вѣроподданныхъ граждан, пѣтриотов, выразителей нужд народнои души... в дни народнои брани”. Вывод: “Россія мечется в муках своего безсилія”. Положеніе безнадежное? Нѣтъ, “солнце правды взойдет над обновленнои родиной в час побѣды”. А пока что оратор призывал “дубинку Петра Великаго” на спину того, кто не оправдал высокаго довѣрія монарха.

От имени прогрессистов говорил Ефремов: “Государственная разруха, оправдавшая, к несчастью, предположенія Думы, достигла катастрофическихъ размѣров”. Выйти из кризиса возможно лишь путем установленія парламентскаго строя. Без этого измѣненія конституціи “всякая законодательная дѣятельность бесплодна и критика правительства безрезультатна”. Парламентское правительство может “совершить чудеса”, — утверждал лидер прогрессистов в то время, когда во всем мѣрѣ на время войны парламентскій строй принимал диктаторскія формы. Ефремов говорил, что страна фанатично вѣрила во всемогущество Гос. Думы и с тревогой начинает терять вѣру, “растет число извѣрившихся, которые ищут путей, идущих мимо Думы”.

За Ефремовымъ была очередь Милюкова. Единственный вопрос текущаго момента — это отношенія между правительством и Гос. Думой. Все осталось по старому и. может быть, сознанием, что по этому вопросу нельзя сказать ничего новаго, слѣдует объяснить, по мнѣнію лидера оппозиціи, “нѣсколько вялый тон рѣчей и не особенно внимательное отношеніе слушателей”. “Я знаю... что чаще из глубины Россіи мысль несетя с надеждой к нам, Госуд. Думѣ, что мы должны, не довольствуясь рѣчами, совершить какое-то дѣло, какое-то необычайное и особенное дѣйствіе. Всѣ слова уже сказаны, всѣ рѣчи прослушаны: дѣйствуйте смѣло, — говорят нам со всѣх сторон. Страна “с вами, она вас поддержит”. Эти призывы смущают Милюкова. “Наше слово уже наше дѣло. Слово и вотум — пока наше единственное орудіе. Но вѣдь и это орудіе не тупо. Есть слова, которыя живут и волнуют, есть слова, которыя организуют, есть слова, которыя сдер-

живают, когда надо, есть мысли, которые, будучи сказаны с этой кафедрой, живут своей собственной жизнью и превращаются в дѣло". Милюков и теперь уже видѣл "послѣдствія здѣсь сказанных слов". "Самое главное из этих послѣдствій то, что Гос. Дума теперь не одна... И это и есть та причина, которая дает мнѣ возможность, рисуя вам самыя мрачныя картины настоящаго, не дѣлать из них безотрадныя выводы, которые напрашиваются и против которых я вас на этот раз настойчиво предостерегаю... Когда плоды великих народных жертв подвергаются риску в руках неумѣлых и эгоистических властей, тогда обыватели становятся гражданами и объявляют, что отечество в опасности и желают взять его судьбу в собственные руки. Мы приближаемся к этой послѣдней точкѣ... И вы узнаете даже в этом уродливом уличном проявленіи, которое я печатно осудил и которое, к счастью, нам удалось вчера предотвратить, вы узнаете отголосок все той же патріотической тревоги, которой полны и ваши собственные сердца... Если в самом дѣлѣ укрѣпится в странѣ мысль, что с этим правительством Россія побѣдить не может, то она побѣдит вопреки своему правительству, но она побѣдит"...

В сущности заключеніем Милюков аннулировал боевые моменты своего выступленія, возвращаясь на путь тактики, которую с.-д. Чхеидзе назвал педагогикой, желающей превратить Савла в Павла и исправить горбатого до могилы. Чхеидзе говорил первым — до рѣчи Пуришкевича, Милюкова и др. Его рѣчь была посвящена разоблаченію либеральной софистики и критикѣ тактики блока, который в ноябрѣ попытался поднять "знамя борьбы". Представитель соц.-дем. фракціи говорил, что блок фактически свернул это знамя: "Мы полагаем, что правительство — и я увѣрен, что оно в душѣ подтвердит это — совершенно не думает, что вы ведете с ним серьезную борьбу (обращаясь к министрам: "не правда ли, господа"?). И оно совершенно право. Вѣдь для того, чтобы это правительство сошло со сцены и явилось правительством, которое нужно странѣ, нужна рѣшительная борьба, нужно движеніе народа. Но такое движеніе может перейти в революцію. А можете ли вы в сочетаніи революціонных перспектив в странѣ осуществить свои империалистическія мечтанія... Правительство понимает, что о борьбѣ с ним с вашей стороны не может быть и рѣчи, и оно черпает свою силу в вашем патріотизмѣ и в ваших империалистических тенденціях. Можно ли себя представить болѣе горкую пропію судьбы".

Послѣ Милюкова выступил Керенскій. Выдѣлим его рѣчь особо, ибо она имѣла нѣкоторыя послѣдствія, которыя должны быть здѣсь отмѣчены и по своему содержанію требуют извѣстнаго поясненія. Политическія выступленія 15-16 февраля завершились рѣчами представителя правых фракцій проф. Левашова и от группы "независимых" казака Караулова. И тот и другой выступили с предложеніем практических рецептов для достиженія побѣды в "великую освободительную войну", как выразился лидер правых; и тот и другой были недовольны рѣчами, посвященными ожесточенной борьбѣ с правительством. Характерен был тон рѣчи Левашова: "судьба возложила на нас тяжелую и вмѣстѣ с тѣм великую задачу — отбить занесенный над Европой бронированный тевтонскій кулак, разорвать и уничтожить приготовленные для нас нѣмцами невольническія цѣпи". Во имя побѣды

Левашов настаивал на самых энергичных мѣрах для урегулированія предводительственнаго дѣла. Всякаго рода совѣщанія “ничего не стоят и ничего не могут сдѣлать”. Во главѣ важнѣйшаго дѣла снабженія населенія должна быть поставлена “твердая, рѣшительная, энергичная и единоличная власть, снабженная самыми широкими полномочіями для пресѣченія всѣх злоупотребленій. Такая власть может быть только *диктатура* (возгласы в центрѣ: сто!). Гос. Дума должна вмѣстѣ с правительством приступить к разработкѣ условій ея дѣятельности”.

Караулов обвинял Гос. Думу в бездѣйствіи: “Страна ожидает от нас не слов, а дѣйствій, распоряженій, соответствующаго выраженія воли. Если законодательное собраніе оперирует только словами, то оно — не законодательное собраніе, а ни к чему не нужный митинг. Если вы хотите, чтобы ваша мысль и рѣшеніе имѣли значеніе, вы должны их облекать не в форму красиваго, яркаго слова, а в форму соответствующаго законодательнаго акта... Пока у власти будет оставаться то же безответственное перед Думой правительство, ничего не измѣнится, сколько бы лиц ни мѣнялось. Я не предлагаю Гос. Думѣ объявить себя Учредительным Собраніем, назначить диктатуру или временное правительство. Я знаю, что всего этого вы не сдѣлаете. Но я предлагаю вам... назначить парламентскую комиссію для дѣйствительнаго контроля на мѣстах того, что происходит”^{*)}). Закачивал Караулов, “будучи всегда сторонником самаго простаго, яснаго и категорическаго рѣшенія” предложеніем введенія “смертной казни в отношеніи лиц, так или иначе способствующих разрухѣ в тылу” даже “путем борьбы с общественными силами”^{**)}).

Рѣчь Керенскаго по духу была близка тому, что сказал Чхендзе. По отношенію к переживаемому моменту она была обвѣяна скорѣе нѣкоторым пессимизмом, который он противопоставлял “оптимизму” Милокова и всѣх тѣх, кто “стал еще слишком рано дѣлать шкуру неубитаго медвѣдя”. Хорошо извѣстно, что Императрица весьма рѣзко реагировала на рѣчь депутата-грудовика. Переходя границу присущей ей экспрессіи, она писала 24 февраля: “Я надѣюсь, что Керенскаго из Думы повѣсят за его *ужасную* рѣчь — это необходимо (военный закон военного времени) и это будет примѣром. Всѣ жаждут и умоляют тебя проявить твердость”. Дѣло в том, что до А. Ф., очевидно, дошел слух, что будто бы Керенскій в своей рѣчи призывал к убійству (!) Николая II. Этот инцидент послужил предметом разсмотрѣнія в Чр. Сл. Ком. Голицын показал: “По поводу этой рѣчи мнѣ кто-то из министров или служащих канцеляріи говорил, что Керенскій сказал рѣчь, чуть ли не призывающую к убійству Государя. Мнѣ это показалось сомнительным. Я прочел стенограмму, пропущенную председателем Гос. Думы — там ничего подобнаго не было. Тогда я обратился к председателю Гос. Думы Родзянко с просьбой прислать мнѣ непроцензурованную стенограмму его рѣчи. Но Родзянко мнѣ в этом отказал. Этим дѣло и кончилось”. В дальнѣйшем Голицын дал такія поясненія: “Я не допускалъ возможности, чтобы была произнесена именно такая

^{*)} Караулов предлагал в сущности то, на чем Ефремов настаивал еще в октябрьских засѣданіях блока.

^{**)} Земерц — октябрист Капнист объяснил, почему его фракція не выступает: «повторять сказанное в ноябрѣ мы не намѣрены. Мы заявляем только, что стоим на прежней точкѣ зрѣнія и с нея не отступаем».

рѣчь и такія слова, какъ мнѣ передавали. Очень многіе хотѣли представить не в том видѣ, какъ на самом дѣлѣ происходило... Если бы Керенскимъ было сказано то, что мнѣ передавали, т. е., что онъ сказалъ слова: “надо убить Государя и царскую фамилію”, я считалъ бы своей обязанностью передать его судебной власти”. Очевидно, поводомъ к такимъ слухамъ послужило какое-нибудь выраженіе, отсутствующее в цензурованной стенограммѣ.

Вся “ужасная” рѣчь Керенскаго отнюдь не носила боевого характера и даже с точки зрѣнія А. Ф., если бы она стремилась къ заключенію мира, должна была в нѣкоторыхъ отношеніяхъ произвести впечатлѣніе положительное. “Военный кризис, — говорил Керенскій, — вступилъ в свою послѣднюю фазу и попытка демократіи Европы, оставшейся трезвой, безсильна остановить этотъ вихрь, в который с безумствомъ бросились всѣ правящіе классы Европы. Но исходъ послѣдняго акта, в который вступаетъ кровавая трагедія, еще не предрѣшен. Силы истощаются, но истощаются у всѣхъ. И прежде, чѣмъ быть увѣреннымъ в исходѣ, и думать, что мы можемъ безъ конца продолжать расточеніе народнаго имущества, вы должны... болѣе глубоко и с болѣшимъ сознаніемъ вашей политической, а бы сказалъ, человѣческой отвѣтственности взглянуть в глубину вашей политической совѣсти. Вы должны задать себѣ вопросъ, что сдѣлала не только власть, но что сдѣлали и вы за эти три года, вы, безпрестанно провозглашающіе с этой кафедры побѣду, во что бы то ни стало?.. Я не хочу вступать в партійную борьбу. Я хочу, чтобы эта сессія прошла в сознаніи величайшей отвѣтственности, которая скоро падетъ на всѣхъ насъ, безъ различія политическихъ убѣжденій. Если намъ говорятъ, что у нашихъ враговъ все больше и больше падаетъ настроеніе, что нашъ врагъ истощается, то намъ долгъ сказать, что и мы истощаемся, что настроеніе нашихъ народныхъ массъ падаетъ с безконечной прогрессіей”...

Дальше ораторъ переходилъ къ характеристикѣ “темныхъ сил” и стремился доказать, что “та работа, которую в послѣдній годъ совершили Треповъ, Шаховской, Риттихъ, своими результатами превосходитъ то, что сдѣлалъ Сухомлиновъ. Сухомлиновъ разрушилъ временно внѣшній оборонительный аппаратъ государства. Эти министры разрушили хозяйственную организацію страны... Г. Протопоповъ разрушаетъ организацію общественной мысли и общественной воли*). Развѣ эта анархія, это разрушеніе правосудія в странѣ укрѣпляетъ наше государственное и національное бытіе? Неужели вы думаете, что это создаетъ новые источники энтузіазма, новые источники порыва идти за думскимъ большинствомъ, провозглашающимъ утопическіе лозунги Константинополя, Чехіи и т. д. Нѣтъ... анархическая работа, производимая властью, даетъ свои результаты. Я думаю, что в значительной степени пропущены тѣ сроки, чтобы сковать из нашей страны организмъ, который былъ бы способенъ совершить героическіе подвиги в Европѣ. Я отнюдь не хочу свести эту дѣятельность кабинета къ злоумышленной волѣ отдѣльныхъ людей. *Величайшая ошибка* — это вездѣ и всюду *искать изменниковъ*,

*) Какъ курьезъ, можно отмѣтить, что ораторъ, касаясь преданія суду рабочей группы военно-промышленнаго комитета, говорилъ: «здѣсь даже грамоту не счумѣли соблюсти и объявили, что эти люди стремились къ какой-то социал-демократической республикѣ. Вѣдь это же невѣжество». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ большевики расписались подъ этимъ «невѣжествомъ».

искать каких-то немецких агентов, отдельных Штурмеров, под влиянием легенды о темных силах, о немецком влиянии. У нас есть гораздо более опасный враг, чем немецкое влияние, чем предательство отдельных лиц, это — система. Эта система средневекового представления о государстве, но не как об европейском современном государстве...” *).

“Если у вас, господа, — продолжал Керенский, обращаясь к представителям прогрессивного блока, — нет воли к действию, тогда не нужно говорить слишком ответственных и слишком тяжелых слов. Вы считаете, что ваше дело исполнено. Но ведь есть наивные массы, которые слова о положении государства воспринимают серьезно, и которые на действия одной стороны хотят ответить солидарным действием другой, которые в своих наивных заблуждениях хотят вам, большинству Гос. Думы, оказать поддержку. И когда эта поддержка должна вылиться в грандиозных движениях этих масс, вы первые вадим благоразумным словом уничтожаете этот порыв, эту твердость настроения. Ваши слова о том, что нужно спокойствие до конца, это или наивные слова людей, не продумавших проблемы до конца, или это только способ уклониться от действительной борьбы, оставляя для себя возможность по мере развития событий прикрепить свой корабль туда или сюда. Вы, господа, не только не хотите, но и не можете разорвать со старой властью до конца, потому что вы не хотите подчинить своих социальных интересов одной группы населения интересам всего народа... Вас... объединяет одна общая идея — идея империалистического захвата, вы объединяемые с властью мегаломаны. Вы строите какие-то утопии, стремитесь к каким-то небывалым делам, не сообразуясь в вашей деятельности, в ваших декларациях с тем реальным положением, в котором находится страна.

Мы признаем, что в настоящий момент, после трехлетней войны, когда истощены запасы людских и материальных богатств страны, настал момент подготовки в общественном сознании ликвидации европейского конфликта, и мы полагаем, что этот конфликт должен быть ликвидирован” (правый депутат Новицкий с места: “ты помощник Вильгельма”!)... “Здесь говорят, что мы говорим не от имени демократической России. Может быть. Но и вы говорите не от имени России; и прежде чем говорить от имени страны, создайте условия, чтобы общественное мнение России могло высказываться хотя бы с той же свободой, как оно высказывается в Германии и Англии. Дайте широким массам народа организовать, обсудить задачи войны, а до этого не выкидывайте раздражающих знамен... не создавайте лозунгов, неприемлемых для широких масс (протест в центр и на скамьях к. д.). Я утверждаю, что провозглашение безграничных завоевательных тен-

*) Вероятно, это место и инкриминировалось Керенскому. «Средневековая система» относилась к верховной власти. Недаром жена Родзянко так отзывалась в письме к Юсуповой о «зажигательной» речи Керенского: «исключая всей социально-демократической души, Керенский сказал много правды, и всё мы думаем о многом, как он». Керенский тогда в своих воспоминаниях не коснулся этого инцидента, но в «хронологической таблице», приложенной к книге «La Vérité», значится под 15 февраля: речь Керенского о неизбежности революции и необходимости развить борьбу против династии.

денцій не может встрѣтить поддержки (Шингарев с мѣста: “невѣрно”).. Вы не хотите слышать никого, кромѣ себя, а вы должны услышать, потому что, если вы не услышите предостерегающихъ голосовъ, то вы встрѣтитесь уже не с предупрежденіемъ, а с фактами... И горе всѣмъ намъ, если мы не съумѣемъ во-время понять, что не на словахъ, а на дѣлѣ надо попытаться войти в контактъ с демократіей или по крайней мѣрѣ не вооружать ее противъ себя”...

**
*

Запоздалый откликъ А. Ф. не можетъ измѣнить общаго характера впечатлѣній отъ засѣданій Думы, перешедшей отъ политики къ организационно-хозяйственной работѣ — къ длительнымъ дебатамъ и критикѣ продовольственной системы министра земледѣлія Риттиха. “Вяло, скучно”, — опредѣляя эти впечатлѣнія 19 февраля фельетонистъ “Русскихъ Вѣдомостей” *). Внимательный читатель не могъ, конечно, в огульных и тенденціозныхъ обвиненіяхъ риттиховской политики, пытавшейся в интересахъ войны выкачать у населенія “заколдованный хлѣбъ”, не увидать прикрытаго отступленія с боевыхъ позицій, занятыхъ руководителями прогрессивнаго блока: Риттихъ по “политическимъ соображеніямъ” дѣлался козломъ отпущенія**) — министръ больше всего боялся краха продовольствія, если вокругъ его вѣдомства будетъ разыгрываться политическая борьба, Миллюковъ усмотрѣлъ в его дѣловыхъ расчетахъ лишь “сухомлиновство” хвастовство, а молва наперекоръ этому поспѣшила приписать “гофмейстеру Риттиху германофильскія тенденціи” и намѣреніе искусственно создать осложненія в продовольственномъ вопросѣ***).

Чѣмъ объяснить тѣ чувства “безнадежности” и “обреченности”, о которыхъ говоритъ предсѣдатель Думы в своихъ воспоминаніяхъ, и которыя совершенно не совпадаютъ с вѣбшимъ оптимизмомъ в заключительномъ аккордѣ рѣчи 15 февраля в Думѣ лидера прогрессивнаго блока? Являлись ли они сознаніемъ безвыходнаго тупика, в который попадала Гос. Дума при иллюзорности единства думскаго большинства и невозможности при такой “иллюзорности” перейти грань, отдѣляющую общественную оппозицію отъ революціоннаго выступленія (“мы были неспособны”, “слишкомъ лояльны”, — отмѣчаетъ в воспоминаніяхъ Шульгин), или то былъ реальный страхъ передъ надвигающимися событіями, которыя заставляли быть, по позднѣйшему выраженію Шульгина, “не раздувальщиками огня, а гасителями пожара”? По мнѣнію февральскихъ докладныхъ записокъ департамента полиціи, “руководящіе лидеры фрондирующей общественности” испугались инициативы “под-

*) В день открытія Думы «Рус. Вѣд.» появились с бѣлымъ мѣстомъ, вмѣсто передовой статьи. Газета писала, что по независимымъ обстоятельствамъ она лишена возможности говорить о Гос. Думѣ и правительствѣ с той свободой, которую за послѣдніе 10 лѣтъ считали допустимой даже в самые острые моменты политической реакціи. Керенскій в рѣчи сказалъ еще рѣзче, крайне преувеличенно обвиняя Протопопова за то, что он привелъ печать в «безгласное состояніе».

**) Родзянко в воспоминаніяхъ характеризуетъ его, какъ «выдающагося, необычайно работоспособнаго, талантливаго человѣка».

***) В другихъ «лѣвыхъ» общественныхъ кругахъ здѣсь увидали сознательную политическую махинацію со стороны правительства: «Блокистамъ былъ данъ для зубовъ одинъ продовольственникъ Риттихъ — записываетъ Гиппиусъ: «он сорвалъ настроніе Думы».

польных социалистических групп", склонных "использовать момент для превращения мирных народных манифестаций" в "бурные революционные выступления". "Блок", по выражению полицейской агентуры, не был "гражданской цитаделью". "Искусственная тишина", наступившая, по мнению авторитетного московского органа печати, во всей стране служила ли она предвозвестником общественной апатии, когда "слово" служит отдушиной, в которую прорывается подъем, необходимый для "действия", или это был необходимый "шаг" перед разбегом, перед решительным натиском?

Впоследствии, много лет спустя государственной катастрофы, постигшей Россию, Милюков отказался от своего предреволюционного оптимизма и признал, что в феврале "поздно" было открывать клапан, ибо не Дума уже руководила событиями. Накануне мартовских дней никто определенно ответа дать не мог: поэтому разыгравшиеся события оказались столь неожиданными*). Но "вдруг... что то оборвалось". "Государственная машина сошла с рельс, совершилось то, о чем предупреждали, грозное и гибельное, чему во дворце не хотѣли вѣрить", — заканчивает свои воспоминания о революции бывший председатель Государственной Думы. И чему в действительности не вѣрили и тѣ предсмотрительные люди, которые предупреждали, что до революции останется "всего лишь нѣсколько мѣсяцев", — история первых дней революции с наглядностью подтверждает такое заключение..

2. — Заговорщики 24 февраля.

Вернемся к основной нашей темѣ. В обстановкѣ, сопровождавшей открытие Думы 15 февраля, очевидно, не было надобности форсировать дѣло с проектом манифеста, составленного "на всякій случай". Мало того, "стороною" до свѣдѣнія Родзянко дошло извѣстие, совершенно невѣроятное. Председатель Думы узнал — он не говорит откуда — что "Государь созывал нѣкоторых министров во главѣ с Голицыным и пожелал обсудить вопрос об отвѣтственном министерствѣ. Совѣщаніе это закончилось рѣшеніем Государя явиться на слѣдующій день в Думу и объявить о своей волѣ — о дарованіи отвѣтственного министерства. Кн. Голицын был очень доволен и радостный вернулся домой. Вечером его вновь потребовали во дворец, и Царь сообщил ему, что он уѣзжает в ставку. — Как же, В. В., — изумился Голицын, — отвѣтственное министерство?.. Вѣдь Вы хотѣли завтра быть в Думѣ. — Да.. но я измѣнил свое рѣшеніе. Я сегодня же вечером ѣду в ставку"...

Сообщеніе, дѣйствительно, невѣроятное — ничего подобнаго Родзянко не рассказывал в своих показаніях. Едва ли мог о таком "рѣшеніи" умолчать в Чр. Сл. Ком. и Голицын. Но слух сам по себѣ

*) Оказавшійся плохим пророком, но достаточно в свое время освѣдомленный о настроеніях в общественных кругах, англичанин Хор в январских донесеніях в Форэн Офис, рассматривая открывшійся перед Россіей возможности, из которых одна была гипотезой, что «Дума и армія могут провозгласить Временное правительство», считал наиболѣе вѣроятным предположеніе, что государственная жизнь в странѣ по старому будет прозябать в рамках нижого не удовлетворяющаго компромисса.

показателен, равно как и факт отъезда Царя в Ставку. Очевидно, страна вовсе еще не была на грани осуществления “государственного переворота”, задуманного реставраторами прошлого. Не слѣдует ли поэтому повѣствованіе о собраніи “заговорщиков” 24 февраля на квартирѣ штаблм. Бурдукова отнести к категоріи фактов, которые характеризуются поговоркой: гора родила мышь. Одному из очередных обѣдов у Бурдукова, носивших скорѣе характер салонных политических бесѣд, — обѣду, по случайной причинѣ отмѣченному в письмѣ А. Ф. (она всегда сообщала мужу пошутно мелочи о близких людях — сообщеніе об обѣдѣ слѣдовало за напоминаніем, чтобы Царь не забыл е крестъ Саблину), придали значеніе, которое он в ходѣ событій не имѣл. “Обѣды” у Бурдукова вообще не носили характера слишком интимнаго. Раз попавшій туда жандармскій ген. Комиссаров, встрѣтил и своего шефа Белецкаго и ген.-лейт. Ушакова, и ген.-лейт. Чеховича, и экономиста проф. Мигулина. Это было мѣсто, гдѣ Протопопов знакомился с интересными для него в данный момент людьми из правых кругов: так, по словам Белецкаго, новый министр вн. д. у Бурдукова познакомился с Римским-Корсаковым и Булацеллем. Сам козырин, состоявшій при Протопоповѣ в роли своего рода письмовника по составленію посланій высочайшим особам, вхожій к Вырубовой, вовсе не принадлежал к числу лиц, близких к “Царскому”. Одно отраженіе блеска былого вліянія редактора “Гражданина” не придавало авторитета посреднику, выбранному для выполнения секретной миссии передачи какого-то “окончательнаго рѣшенія” в связи с конкретными переговорами о сепаратном мирѣ*). Вѣроятно ли, чтобы в такой момент А. Ф. просила Царя: “вернись домой дней через десять”?

Но допустим, что 24 февраля и в послѣдующіе дни, дѣйствительно, происходило важное совѣщаніе между указанными в письмѣ А. Ф. лицами и их другими соратниками. Мы можем дѣлать только предположенія. И не будет ли болѣе правдоподобной, чѣм фантастическая версія о сепаратном мирѣ, нѣсколько иная догадка, связанная с проектом манифеста, составленнаго Н. Маклаковым. Царь уѣхал накануне того дня, как в Петербургѣ начались волненія на улицах. На основаніи “неофициальнаго” сообщенія А. Ф. опредѣлила характер волненій словами: “бѣдняки брали приступом булочныя”. На другой день, прочтя письмо “Калинина”, которое она переслала Царю в Ставку, А. Ф. уже нѣсколько по иному оцѣнивала безпорядки: “Это — хулиганское движеніе, мальчишки и дѣвченки бѣгают и кричат, что у них нѣтъ хлѣба — просто для того, чтобы создать возбужденіе — и рабочіе, которые мѣшают другим работать. Если бы погода была очень холодна, они всѣ, вѣроятно, сидѣли бы по домам. Но это все пройдет

*) Этот «подголосок Витте», по выраженію дневника генеральши Богданович (1905 г.), — сам Витте довольно «пренебрежительно» в воспоминаніях аттестовал человѣком, который «всячески старался влѣзть» к нему — не играл в 16 г. и той роли, которую ему приписал французскій посол со слов своего информатора журналиста Д., имѣвшаго тайныя сношенія с Охранкой и дѣлывшагося с Палеологом в момент денежных затрудненій (en mal d'argent), конфиденціальными свѣдѣніями. По словам информатора посла Протопопов был занят возрожденіем «черной сотни» 1905-6 г.г. и главным его сотрудником в этом дѣлѣ состоял Бурдуков. Связи бывшаго «конституціоналиста» с «Союзом русскаго народа» несомнѣны — онѣ, конечно, опредѣляли характер его политическаго салона.

не успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя” *). Не витимном обѣдѣ у Бурдукова “заговорщики” или просто единомышленники могли констатировать рост уличнаго движенія, достигшаго грозных уже размѣров к 26-му, когда Бурдуков должен был появиться на приѣмѣ у Императрицы. Уличные беспорядки в связи со “словами”, которыя все-таки были произнесены в Думѣ, могли возбудить опасенія. “Гдѣ правительство? Что оно дѣлает? Дѣл нѣтъ — слова одни. Надежд не оправдываете. Почему не просите у Царя увольненія, если чувствуете себя неспособными справиться с развалом и мятежом”, — телеграфировал непосредственно Протопопову от имени “Комитета астраханской народной монархической партіи” неугомонный Тиханович. Во всем объемѣ вставала теза Н. Маклакова: то, что дѣлает правительство — это “походка пьянаго от стѣны к стѣнѣ”. Надо рѣшиться. Надо побудить Царя принять рѣшеніе — Думу распустить и реализовать проект “Манифеста” 10 февраля. Не для воздѣйствія ли в этом направленіи на А. Ф. и отправлялся Бурдуков 26-го февраля? Новое лицо могло бы подтвердить уже извѣстную верховной власти аргументацію Н. Маклакова, отстоявшую на огромную дистанцію от той, как значителен в записи Гиппиус 23 февраля, “кадетской версіи о провокаціи голодных бунтов для оправданія желаннаго правительству сепаратнаго мира”. “Вот глупые и смѣшные выверты”, — занесла тогда писательница в свой дневник.

На этом мы можем закончить. Дальѣйшее вводит нас в революціонные дни, в область той легенды, которая будет нами разсмотрѣна в главѣ “Послѣдніе совѣты Императрицы” (“Мартовскіе дни 17-го года”). Революція смела всѣ эти проекты — существовавшіе или воображаемые. Жизнь по своему разрѣшила проблему, которая была поставлена перед страной роковой политикой власти и которую не смогла разрѣшить в предѣлах своих чаяній оппозиціонная общественность.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Вѣроятно, далеко не всѣ согласятся с толкованіем, данным в нашем описаніи, отдѣльных эпизодов и характеристикой психологических мотивов дѣйствій историческаго персонала. Но одно как бы внѣ сомнѣнія: с легендой о сепаратном мирѣ, порожденной общественной возбужденностью военнаго времени и поддержанной тенденціозной обличительной историографіей, насколько рѣчь идет о верховной власти, раз навсегда должно быть покончено. Оклеветанная тѣнь погибшей Императрицы требует исторической правды. А. Ф. хотѣла быть добрым ангелом-хранителем монархіи и слѣдалась ея злым гением. Это фактъ, который отрицать нельзя, но в тяжелую годину испытаній и она, и сам Царь Николай II, с непреклонной волей шли по пути достиженія достойнаго для страны окончанія войны. В этом отношеніи они были почти фанатично послѣдовательны, и в их кругозорѣ не мелькала даже мысль о возможности условій, при которых нарушеніе чести могло быть оправдано событіями. Не только мерзкое обвиненіе

*) Как раз в Думѣ обсуждался продовольственный вопрос.

в “измѣнѣ”, с негодованіем отвергаемое Родзянко в воспоминаніях, но даже его предположеніе, что “может быть А. Ф. полагала, что сепаратный мир болѣе выгоден Россіи”, должно быть категорически отброшено. “Баццлла мира” их не коснулась*).

Царю и Царицѣ рѣшительно чужды были колебанія, которыя мы могли отмѣтить в экспансивных патріотических переживаніях націоналиста кн. Гр. Трубецкого, готоваго ради осуществленія “византійской мечты” пойти даже на измѣненіе международной оріентаціи; им чужда была реалистическая концепція историка-политика Милюкова, с кафедры Гос. Думы признавашаго, что революція нѣчто худшее, чѣм выѣшнее пораженіе; им — страстным идеологам Богом даннаго самодержавія, была органически чужда граничащая с цинизмом теза Шульгина о “почетном” назначеніи “гвардіи” бороться с революціей во имя сохраненія монархіи (“сражаться с врагом выѣшним можно до послѣдняго солдата арміи до перваго солдата гвардіи”). В самый трагическій момент своей жизни, стоя на краю пропасти и неминуемой гибели, они находили и мужество и силы говорить (и в интимных записях дневника Царя и в замаскированных письмах Царицы, пересылаемых потаенным путем) о “національном позорѣ”, которым ознаменовалось окончаніе войны. Никогда надежды их не обращались к выѣшнему врагу, а только от него — от нѣмцев — в теоріи могло бы придти им тогда спасеніе.

*) В сущности сам главный обоснователь исторической легенды Семенников сводит на нѣт свои выводы, суммируя во втором изданіи своей книги причины, которыя помѣшали «правящим кругам сдѣлать рѣшительный шаг к заключенію мира». Этих причин было три: 1) «романовская власть... боялась пойти на разрыв с англо-французским капиталом, да и не была расположена отказываться от тѣх территоріальных захватов, которые сулило ей продолженіе войны в сѣтласіи с союзниками»; «вторая причина связана с убѣжденіем их (Романовых), что заключеніе сепаратнаго мира вызовет революцію со стороны либерально-имперіалистической буржуазіи»; «третья причина, вѣроятно, зависѣла уже от того, что стоящіе у власти в Германіи милитаристическія группы не хотѣли идти на такія условія мира, которыя могли бы удовлетворить царизм, и в частности, не давали ему желательнаго разрѣшенія вопроса о проливах в Константинополѣ».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА*)

- Александр Михайлович**, вел. кн. Книга воспоминаний. Париж, 1933 г.
Александра Федоровна, императрица. Письма к императору Николаю II. Эмигр. изд. «Слово»; совѣтское Гос. Изд.
- Андрей Владимірович**, вел. кн. Дневник 1915 г. Ред. Семенников. Гос. Изд. 1925 г.
- Алексѣв**, ген. Из дневника. «Рус. Ист. Архив». Сборник первый. Прага, 1929 г.
- Алексѣв**. Подкуп «Нов. Времени» царским правительством (1916). «Красный Архив», XXI.
- Антоній, арх.** Из писем митрополита кievск. Флавіана «Красн. Арх.», XXXI.
- Ашкенази**. Uwagi. Сборник статей. Варшава 1924.
- Берти**. За кулисами Антанты (дневник британскаго посла в Парижѣ 14-19 г.). Гос. Изд. 1927.
- Бетман-Гольвег**. Betrachtungen zum Weltkrieg. Берлин 1922 г.
- Бецкій и Павлов**. Русский Ракомболь. (Приключенія Ман.-Мануйлова). Ленинград, 1925 г.
- Блок**. Послѣдніе дни Императорской власти. Пет. 1926 г.
- Богданович**. Три послѣдних Самодержца. Дневник. Москва, 1924 г.
- Брусилов**. Мои воспоминанія. Рига, 1924 г.
- Буржуазія** наканунѣ февральской революціи. Ред. Граве. Гос. Изд. 1927 г.
- Бьюкенен**. Моя миссія в Россіи. Берлин, 1924 г.
- Валентинов**. Сношенія с союзниками по военным вопросам во время войны 1914-18 г. Гос. Изд. 1920 г.
- Васильев**. Mes souvenirs. «Monde Slave». Париж, 1927 г.
» (Police russe et Révolution, 1936).
- Вильтон**. Послѣдніе дни Романовых. Париж, 1923 г.
- Витте**. Воспоминанія. Берлин, 1922 г.
- Вишняк**. Два пути. Париж, 1931 г.
- Воейков**. С Царем и без Царя. Гельсингфорс, 1936 г.
- Волконскій**. Мои воспоминанія. Берлин.
- Вырубова**. Страница моей жизни. Берлин, 1923 г.
- Гессен I**. Бесѣда с А. Н. Хвостовым. А. Р. Р., XII.
- Гиппюс**. Маленькій Ании Домик. «Сов. Звн.». XVII.
» Синяя книга. Петербургскій дневник. 1914-18 г. Бѣлград, 1929 г.
- Головин**. Военныя усилія Россіи в мировой войнѣ. Париж, 1939 г.
- Граве**. Кадегты в 1905-6 гг. (Матеріалы Ц.К. партіи «Нар. Своб.»). Кр. Арх. XI, VI.
- Гурко**. Царь и Царица. Париж, 1927 г.
- Данилов**. Россія в мировой войнѣ 1914-15 гг. Берлин, 1924.
- Деникин**. Очерки Русской Смуты. Берлин.
- Димитрій Павлович**, вел. кн. Письма к отцу. Кр. Арх. XXX.
- Документы** о преслѣдованіи евреев. Арх. Рус. Р. XIX.
- Дневник**, мин. иностр. дѣл за 1915 и 16 гг. Красн. Арх. XXXI-XXXII.
- Дубенскій**. Как произошел переворот в Россіи. Записки дневники. Русск. Лѣтоп. III. Париж, 1922 г.
- Жанен**. Воспоминанія. «Monde Slave».
- Жевахов**. Воспоминанія. Мюнхен, 1923 г.

*) Привожу только тѣ книги и статьи, из которых фактически взяты тѣ или иныя цитаты. (С. М.).

- За кулисами царизма. (Архив Бадмаева). Ред. Семенников. Гос. Изд. 1925 г.
- Завадский. На великом изломѣ. Арх. Рус. Рев. VIII.
- Записки «германскаго крон-принца». Госуд. Изд. 1923 г.
- Записки составл. в кружкѣ Римскаго-Корсакова. Арх. Рус. Рев. V (перепечатано из книги Блока).
- Заславский. Протопопов. Былое, 23.
- Занер. Константинополь и проливы. Кр. Арх. VI-VII.
- Капнист. Перед крушеніем имперіи «Возрожденіе», 30 г. № 2858.
- Каррик. Война — революція. (Записки 1914-17 гг.). Гол. Мин. 1918 г.
- Керенский. La Révolution russe. (1917). Париж, 1928 г.
- » La Vérité sur le massacre des Romanov. Предисл. Пёрса. Париж, 1936 г.
- Кирсановский. Исторія русской арміи. Бѣлград, 1938 г.
- Козловский. Русская революція и независимость Польши. Париж, 1922 г.
- Коковцев. Из моего прошлаго. Париж, 1933 г.
- Константинополь и проливы. По секретным данным б. мин. ин. дѣл. Под ред. Адамова. Москва, 1926 г.
- Константин Николаевич, вел. кн. Дневники. Кр. Арх. X.
- Константин Константинович, вел. кн. Дневники. Кр. Арх. XLV.
- Конференція союзников в Петроградѣ в 1917 г. Ред. Мартынов. Кр. Арх. XX.
- Ксидіас. L'intervention française en Russie. Paris, 1927.
- Курлов. Гибель Императорской Россіи. Берлин, 1923 г.
- Куропаткин. Дневники. Кр. Арх. XXXIV.
- Легра. Mémoires de Russie. Париж, 1921 г.
- Лемке. 250 дней в Царской Ставкѣ. 1920 г.
- Ленин. Имперіализм, как новѣйшій оплот капитализма. М., 1925 г.
- Les Alliés contre la Russie Préface P. Margueritte. Париж, 1926 г.
- Лисовский. Лагерь Ля Куртин. Арх. Рус. Рев. XVII.
- Лукин. Не состоявшееся назначеніе. «Посл. Нов.» 33 г. №№ 4421 и 4438.
- » Смѣна верховнаго. «Посл. Нов.» 33 г. №№ 4542 и 4549.
- Людендорф. Souvenirs de guerre. Париж, 1924.
- (Meine Kriegserinnerungen).
- Махлаков, В. Нѣкоторыя дополненія к воспоминаніям Пуршкевича и кн. Юсупова об убійствѣ Распутина. «Сов. Зап.» кн. XXXIV.
- Максимов. В годы войны. Лѣт. Рев., кн. I. Берлин, 1923 г.
- Мансурев. Мои воспоминанія о Гос. Думѣ. «Историк и Современник», II. Берлин, 1922 г.
- Марія Федоровна (импер.). Дневник за 1915 г. С предисл. Сукенникова. «Посл. Нов.» 33 г., июнь.
- Масарик. Мировая революція. Прага, 1927 г.
- Международныя отношенія в эпоху имперіализма. Документы из архива царскаго и врем. правит., т. VIII.
- Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1930 г.
- » «Золотой нѣмецкій ключ к большевицкой революціи». Париж, 1940 г.
- Милоков. Исторія второй русской революціи, т. I.
- » Записная книжка. Кр. Арх. т.т. LIV, I VI, I VIII.
- » Е. А. Нарышкина или Фюллон-Мюллер, «Посл. Нов.» 36 г. № 5553.
- Мосолов. Мои воспоминанія. «Посл. Нов.», 1934 г.; отдѣльн. изданіе «При дворѣ императора». Париж.
- Ф. Мюллер. Unter drei Zaren. Die Memoiren des Hofmannes. 1931 г.
- » О Распутинѣ. Narischkin — Kurakin.
- Набоков К. Испытанія дипломата. Стокгольм, 1921 г.
- Наживин. «Наканунѣ». Берлин, 1923 г.
- Нарышкина. Дневник 1917 г. «Посл. Нов.», 31 г. №№ 5526-5533 и 5540-5547.
- Неклюдов. Souvenirs diplomatiques. Париж, 1926 г.
- Николай II (Император). Дневник. (Изд. «Слово» 1923 г.). Кр. Арх. XX.
- Николай Михайлович, вел. кн. Записки 1914-15 гг. Крас. Арх. XLVI-VIII. 16 г. — XLIX.
- Носк. With the Russian Army. (1914-1917). London, 1925.
- Носков, ген. Nicolas II inconnu. Paris, 1920.
- Павлов. Его Величество Государь Николай II. Париж, 1927 г.

- Палеолог.** «Царская Россия во время мировой войны» (я пользовался франц. изд. «La Russie des Tzars pendant la grande Guerre, I-II»). Париж, 1922 г.
- Падение Царского Режима** (стенографич. отчет Чр. Сл. Ком. Вр. Прав.). Ред. Щеголева, т. I-VII. Гос. Изд. 1925-27 гг.
- Переписка Н. А. и А. Ф. Романовых**, т. III-V. М. 1923-27; Изд. «Слово».
- Переписка Юсуповых и др.** К истории послѣдних дней царскаго режима. Ред. Садикова. Кр. Арх. XIV.
- Перс А.** The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939.
- Покровский.** Очерки русскаго революціоннаго движенія. 1924 г.
» Царская Россія и война. Гос. Изд. 1924 г.
- Поливанов.** Из дневников и воспоминаній. М. 1924 г.
- Политическое положеніе Россіи наканунѣ февральской революціи.** (Доклад Пет. Охр. Отд. в октябрѣ 16 г.). Кр. Арх. XVII.
- Половцов.** Дни затменія. Париж.
- Полов (ред.).** Вокруг поѣздки Вивіани и Ал. Тома. Кр. Арх. XV.
- Поляков-Литовцев.** Из воспоминаній журналиста. «Посл. Нов.» 28 г. 1 июня.
- Простопопов.** Предсмертная записка. С предисловіем Рысса. Гол. Мин. № 2. 1927 г.
» Показанія. С предисловіем Тоболина. Кр. Арх. IX.
- Пуришкевич.** Убіиство Распутина. Париж, 1923 г.
- Пуанкаре.** Воспоминанія. IX.
- Распутин** в освѣщеніи охранки. Кр. Арх. V.
- Резанов.** Штурмовой сигнал П. Н. Милюкова. Париж.
- Рейнбот.** Манасевич-Мануйлов. «За Свободу». №№ 230, 234, 235, 239. Варшава.
- Родзянко.** Крушеніе Имперіи. Арх. Рус. Рев. XVII.
» Послѣдній всеподданнѣйшій доклад. Напечатан в приложеніи к книгѣ Блока и перепечатан в Арх. Рус. Рев. VI.
- Розен.** Forty years of diplomacy.
- Романов.** Николай II и его Правительство (по данным Чрез. Сл. Ком.).
- Романовы Н. и А.** Переписка. (Сов. изд.). 123-27 гг.
- Руднев.** Правда о Царской семьѣ и «темных силах». Берлин, 1920 г. «Рус. Лѣт.», кн. 3-я. Париж, 1922 г.
- Русско-германскій договор** в 1905 г. в Бьёркѣ. Кр. Арх. V.
- Русско-польскія отношенія** в періодъ мировой войны. Центрархив. Л. 1926 г.
- Сазонов.** Воспоминанія. Париж, 1927 г.
- Семенников.** Крушеніе монархіи. Гос. Изд. 1926 г.
» Политика Романовых наканунѣ революціи. Гос. Изд. 1926 г.
» Романовы и германскія вліянія 1914-1917 гг. (Сокращенное отчасти дополненное изданіе предыдущей книги). Лен. 1929 г.
» (Ред.) Николай II и великіе князья. Гос. Изд. 1925 г.
» (Ред.) Монархія перед крушеніем (из бумаг Николая II).
- Симанович.** Распутин и евреи. Рига.
- Сидоров А.** Вліяніе имперіалистич. войны на экономику Россіи.
» «Очерки по исторіи октябр. рев.», под редакціей Покровскаго, т. I. Гос. Изд. 1927 г.
- Сидоров К.** Рабочее движеніе в Россіи в годы имперіалистической войны. «Очерки по ист. окт. рев.».
- Соколов.** Убіиство Царской семьи. Берлин, 1925 г.
- Союз Русскаго Народа.** По матерьялам Чр. Сл. Ком. Ред. Викторов. Гос. Изд. 1929 г.
- Сухомлинов.** Дневники «Дѣла и дни», 1920, кн. II.
» Переписка с Янушкевичем. Кр. Арх. III.
» Воспоминанія. Берлин, 1924 г.
- Ставка и Мин. Ин.** Дѣл. (1914-16 г.). Кр. Арх. XXVI-XXVIII.
- Тарле.** Вопрос о Константинополѣ. Борьба классов. Кн. 1-2. Лен. 1929 г.
- Тирлиц.** Из воспоминаній. Л. 1925 г.
- Тихомиров** Дневник. Кр. Арх. кн. XXXIX.

- Тоболін.** Програма Союзу Рус. Народа перед февральскою революціею (письмо Рим.-Корсакова). Кр. Арх. XX.
» (Ред.) Хиромант Перрен и русский министр. Кр. Арх. XIV.
- Троцкий.** История русской революции. Берлин, 1936 г.
- Философов.** Тяжкія обвиненія. «За Свободу». 1924 г. № 131 и др., по поводу сборника статей Ашкенази «Uwagi».
- Хвостов** (ред.). Письмо Моренгейма о французской политикѣ на Ближнем Востоку. Кр. Арх., кн. III.
- Хор Самуил.** The fourth Seal (четвертая печать). 1930 (ст. Поляк.-Литовцева. — «П. Н.», № 5192, 31 г.).
- Чернов.** В дни мировой войны. Гос. Изд. 1923 г.
« Рожденіе революціонной Россіи. Париж, 1934 г.
- Чехословацкій** вопрос в царской дипломатіи. Ред. Попов. Кр. Арх., т. XXXIII и XXXIV.
- Шамбрэн.** Lettres à Marie — Paris.
- Щацкий.** Германскія предложенія сепаратнаго мира Николаю II. «Сов. Зап.». XXXV.
- Шелькинг.** Самоубійство монархіи. Ист. и Сов. 1922, III-IV.
- Шляпников.** Канун 17 года. II. Гос. Изд. 1924 г.
- Шульгин.** «Дни». Бѣлград. 1925 г.
- Шумскій.** Правда о гибели Китченера. «П. Н.» 1939 г., 16 іюня.
- Эрицберггер.** Германія и Антанта. Гос. Изд. 1923 г.
- Юсупов.** Конец Распутина. Париж, 1927 г.
» Письмо имп. А. Ф. Кр. Арх. IV.
- Яхонтов.** Тяжелые дни. Секретныя засѣданія Сов. Министров, 16 іюля — 2 сентября. Арх. Рус. Рев. XVIII.
» Первый год войны. «Возрожденіе». 36 г.

КНИГИ С. П. МЕЛЬГУНОВА

- Старообрядцы и свобода совѣсти 1-ое изд. 1907 г., 2-ое изд. 1917 г.
Студенческія организаціи 80-х и 90-х годов в Москвѣ. 1908 г.
Церковь и Государство в Россіи. I и II кн. 1909 г.
Великій подвижник протопоп Аввакум. 1917 г.
Москва и старая вѣра. 1917 г.
Из исторіи религіозно-общественных движеній в Россіи XIX в. 1919 г.
Религіозно-общественныя движенія XVII-XVIII вв. 1922 г.
Дѣла и люди Александровскаго времени. 1923 г.
Красный Террор. 1924 г.
Гражданская война в освѣщеніи П. Н. Милюкова. 1929 г.
В годы гражданской войны (Н. В. Чайковский). 1929 г.
Трагедія адмирала Колчака 1930-1931 г.г. в 4-х книгах.
На путях к дворцовому перевороту. 1931 г.
Россійская контр-революція (методы и выводы ген. Головина). 1938 г.
Золотой нѣмецкій ключ большевиков. 1940 г.
Судьба имп. Николая II послѣ отреченія. 1951 г.
Как большевики захватили власть. 1953 г.
Легенда о сепаратном мирѣ. 1957 г.

Историческія статьи и работы С. П. Мельгунова печатались в много-
томных юб. изданіях “Великая реформа” и “Отечественная
Война”, в журналѣ “Голос Минувшаго”, в изданіи “Масонство
в его прошлом и настоящем”, в журналах “На Чужой Сторонѣ”,
“Голос Минувшаго на Чужой Сторонѣ”, “Борьба за Россію”,
“Возрожденіе”.

Автор придавал особое значение "Легенда о сепаратном мире" и работал над нею в течение второй мировой войны. В последний раз он исправил, дополнил и тщательно проверил всю рукопись летом 1955 г. в первые месяцы болезни. В этой его собственной редакции "Легенда о сепаратном мире" ныне и выходит в свет.

П. Мельгунова.

Август 1957 г.